

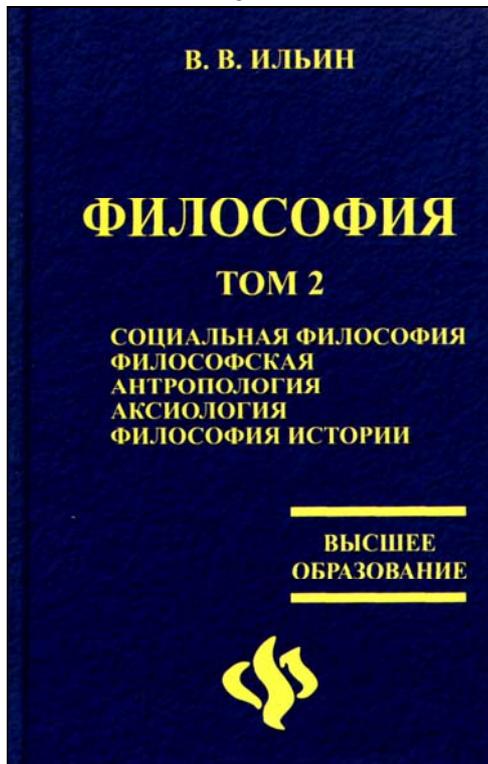
Сканирование и форматирование: [Янко Слава](#) (Библиотека Fort/Da) || slavaaa@yandex.ru || yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Исq# 75088656 || Библиотека: <http://yanko.lib.ru/gum.html> || Номера страниц - вверху
update 23.12.06

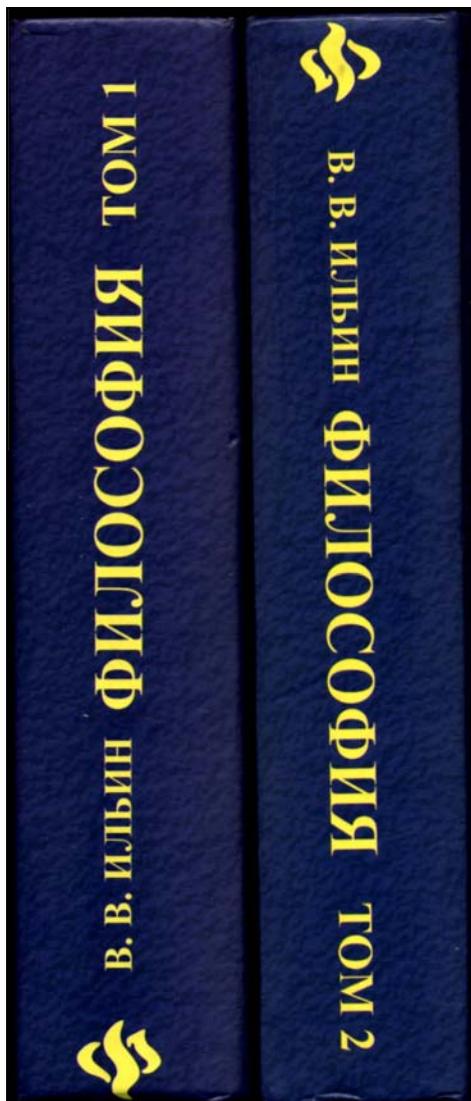

Том 1

Том 2

Электронное оглавление

Электронное оглавление	3
Том 1	8
ОГЛАВЛЕНИЕ	10
ОТ АВТОРА	12
ПРЕДИСЛОВИЕ	14
I. МЕТАФИЛОСОФИЯ	23
1.1 Мир философии	23
1.1.1 Статус философии	23
1.1.2 Характер освоения предметности	26
РЕФЛЕКСИЯ	31
АНАЛИЗ	31
ГОМОГЕНИЗАЦИЯ	31
ГОЛОГРАФИЗАЦИЯ	31
ТОТАЛИЗАЦИЯ	32
УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ	32
ИНТЕНСИВНАЯ ТЕОРЕТИЗАЦИЯ	32
1.2 Материнское лоно философии	34
1.2.1 Особенности древнего (архаичного) интеллекта	34
1.2.2 Мифо-поэтический комплекс	36
1.2.3 Чувственно-образные (практически-духовные) формы	37
1.2.4 Рационально-логические (духовные) формы	39
1.3 Рождение философии	41
1.3.1 Осевое время	42
1.3.2 Философия — «мыслящее рассмотрение предметов»	42
1.4 Философия в контексте духовного опыта	46
1.4.1 Политика	46
1.4.2 Идеология	51
1.4.3 Наука	54
1.4.4 Научная идеология: миф или реальность?	55
1.4.5 Начала идеологии — границы науки	70
1.5 Состав философского знания	72
1.5.1 Структура философии	72
1.5.2 Функции философии	73
1.6 Стратегии философствования	83
1.6.1 Материализм	83
1.6.2 Идеализм	84
1.6.3 Монизм	88
1.6.4 Плюрализм	89
1.7 Трансформация философии	90
1.7.1 Субстанциализм	90
1.7.2 Философия и наука в античности	91
1.7.3 Философия и наука в Средневековье	100
1.7.4 Философия в Новое время	100
1.8 Что может и что не может философия как теория	104
II. ОНТОЛОГИЯ	112
2.1 «Бытие» в философии	112
2.2 Модусы бытия	115
2.3 Философское учение о материи	117
2.3.1. Материя как субстанция	118
2.3.2. Материя как объективная реальность	118
2.4. Атрибуты материи	118
2.4.1. Движение (развитие)	119
2.4.2. Пространство и время	123
Политическое пространственно-временное многообразие	126

2.4.3 Структурность	150
УРОВНИ ОРГАНИЗАЦИИ МАТЕРИИ	150
2.4.4 Отражение	152
III. ГНОСЕОЛОГИЯ	167
3.1. Гносеология как наука	168
3.2. Познавательное отношение	177
3.2.1 Субъект	177
3.2.2 Объект	180
3.3. Начало познания	183
3.4. Феномен знания	186
3.5. Композиция знания	190
РАЦИОНАЛЬНОЕ - ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ	190
СОЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ЗНАНИЕ	191
ФЕНОМЕНАЛИСТСКОЕ - ЭССЕНЦИАЛИСТСКОЕ ЗНАНИЕ	194
ЭМПИРИЧЕСКОЕ - ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ	194
ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ - ПРИКЛАДНОЕ ЗНАНИЕ	194
ВЕРОЯТНОЕ - ДОСТОВЕРНОЕ ЗНАНИЕ	195
АНАЛИТИЧЕСКОЕ - СИНТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ	195
АПРИОРНОЕ - АПОСТЕРИОРНОЕ ЗНАНИЕ	196
ОБЫДЕННОЕ - НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ	203
3.6. Природа истины	205
3.6.1 Модус «on he on»	205
3.6.2 Модус «cogito»	210
ОБЪЕКТИВНОСТЬ	210
ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ	212
ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ	213
КОНКРЕТНОСТЬ	213
3.6.4 Когда и как рождается истина?	225
3.6.5 Критерии истины	234
IV. ЭПИСТЕМОЛОГИЯ	242
4.1. Генезис науки	242
4.1.1 Проблема начала науки	242
4.1.2 Наука на Древнем Востоке	247
4.1.3 Наука в античности	250
4.1.4 Наука в Средневековье	260
4.1.5 У истоков классической науки	269
4.1.6 Современная наука	283
4.1.7 Наука будущего	295
4.2. Статус науки	301
4.2.1 Понятие науки	301
4.2.2 Корпус науки	305
4.2.3 Содержание науки	316
4.2.4 Структура науки	326
4.2.5 Наука как тип рациональности	344
Рациональность — категория полисемантическая	344
4.3. Критерии научности	350
4.3.1 Проекты наукоучения	350
4.3.2 В поисках критериев научности	355
4.3.3 Природа критериев научности	368
4.3.4 Логические критерии научности	371
4.3.6 Экстралогические и неэмпирические критерии научности	403
4.4. Формы научного знания	420
4.4.1 Математика	420
Гносеологические особенности математики	421
4.4.2 Естествознание	434
Гносеологическая специфика естествознания	439
4.4.3 Гуманитарное знание	456
4.5. Ареалы науки	478
4.5.1 Протонаука	478
4.5.2 Архаика	478
4.5.3 Классика	480

4.5.4 Неклассика	483
4.5.5 Неонеклассика	499
4.6 Динамика науки	501
4.6.1 Характер научного прогресса	501
4.6.2 Теория прогресса науки	540
Том 2	549
ОГЛАВЛЕНИЕ	551
V. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ	553
5.1 Социальное бытие	553
5.1.1 Микроареал	554
5.1.2 Макроареал	555
5.1.3 Мегаареал	556
5.2 Социальные общности	559
5.2.1 Микроуровень	560
Статика	563
Динамика	563
5.2.2 Макроуровень	569
5.3 Социогенез	628
5.4 Социализация	632
5.4.1 Человек — индивид — личность	632
5.4.2 Аккультурация	637
5.4.3 Индивидуация	638
5.4.4 Самооценка	639
5.4.5 Отчуждение	640
5.4.6 Социальная ориентация личности	643
5.5 Социальные институты	654
5.5.1 Власть	655
5.5.2 Государство	665
Типы государственности	680
Государство	681
Охарактеризуем комбинации:	681
Динамика государства	685
5.6 Социальное действие	687
Статика	687
Динамика	687
5.6.1 Понятийная сетка проблемы	688
5.6.2 Реформа, инновация, революция	693
5.6.3 Реформы в России	698
5.6.4 Социальный риск	728
5.6.5 Социальные решения	732
VI. СОЦИАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ	736
6.1 Методология	736
6.2 Издержки формационности	746
6.3 Гуманитарная парадигма	752
Довод антропологический	753
Довод онтологический	754
Довод гносеологический	757
VII. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	765
7.1 Человек в мире	765
7.2 Мир человека	784
7.2.1 Антропосфера	784
7.2.2 Экзистенция	786
7.3.1 Непредикативная экзистенция	790
7.3.2 Предикативная экзистенция	792
7.4 Эгология	795
7.4.1 Человек как человек	796
7.4.2 Коммуникация	801
7.4.3 Топография самости	803

VIII. АКСИОЛОГИЯ.....	820
8.1 Аксиология как наука.....	824
8.1.1 Понятие аксиологии.....	824
Схема классификации ценностей.....	824
8.1.2 Предмет аксиологии.....	826
8.1.3 Статус аксиологии.....	826
8.1.4 Метод аксиологии.....	827
8.2 Социальное регулирование.....	827
8.2.1 Общение.....	827
8.2.2 Регуляризация.....	828
8.2.3 Три «г».....	829
8.3 Ценностное сознание.....	833
8.3.1 Генезис регулятивов.....	833
8.3.2 Этос.....	835
8.3.3 Обоснование норм.....	839
8.4 Мир ценностей.....	846
8.4.1 Ценности познания.....	846
8.4.2 Ценности политики.....	846
8.4.3 Ценности цивилизации.....	860
8.4.4 Ценности PR.....	865
8.4.5 Ценности церкви.....	869
8.4.6 Ценности образования.....	871
8.4.7 Ценности социального действия.....	875
8.5 Ценности Жизни.....	880
8.5.1 Созидание Жизненной реальности.....	880
8.5.2 Жизнь и разум.....	880
8.6 Ценностный акт.....	889
8.6.1 Чистый и практический разум.....	889
8.6.2 Полагание бытия.....	890
8.6.3 Ценность и цель.....	891
8.6.4 Ценность и оценка.....	892
8.6.5 Ценность и идеал.....	894
8.6.6 Деонтология: «есть» и «должен».....	895
8.6.7 Деонтология: «должен» и «способен».....	897
8.6.8 Структура ценностного акта.....	897
IX. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ.....	898
Гносеологическое измерение.....	901
Онтологическое измерение.....	903
Антропологическое измерение.....	904
9.1 Человеческий смысл истории.....	906
9.2 Морфология истории.....	915
9.2.1 Пласты истории.....	916
9.2.2 Волны жизни.....	919
9.2.3 Циклы и ритмы.....	922
9.2.4 Пропорции и фазы.....	934
9.2.5 Поступки и лица.....	938
9.3 Созидание исторической реальности.....	942
9.3.1 Конструирование мира.....	943
9.3.2 Стихия самости.....	947
9.3.3 Инкарнация идеала.....	956
9.3.4 Фундаментальность жизни.....	967
9.4 Россия в мировом порядке.....	976
9.4.1 Природа явления.....	976
9.4.2 Столкновение панидей.....	989
9.4.3 Надвигание аллохтонов.....	992
Краткосрочная плоскость.....	1006
Долгосрочная плоскость.....	1006
9.5 Судьба России.....	1008
9.5.1 Ситуация в мире.....	1009

9.5.2 Геостратегические ритмы России	1025
Таблица 1. Прирост территории России с 1300 по 1999 гг.	1025
Годы Рис.1 Отношение суммарной территории России прошлых лет к текущей территории	1026
Таблица 2. Войны с участием России	1028
9.5.3 Логика выживания.....	1038
ПОСЛЕСЛОВИЕ	1049

Том 1

В. В. ИЛЬИН

ФИЛОСОФИЯ

ТОМ 1

**МЕТАФИЛОСОФИЯ
ОНТОЛОГИЯ
ГНОСЕОЛОГИЯ
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ**

**ВЫСШЕЕ
ОБРАЗОВАНИЕ**

Высшее образование
В. В. ИЛЬИН
ФИЛОСОФИЯ

Том 1

**Метафилософия Онтология Гносеология
Эпистемология**

Рекомендовано

*Министерством науки и образования
в качестве учебника для высших учебных заведений*

Ростов-на-Дону 2006

УДК 1(075)8 ББК 87я73 ККТ 000 И 46
И 46

Ильин В. В.

Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д:
«Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

ISBN 5-222-07261-4

Соответствуя новой программе, учебник представляет собой систематический проблемный курс для продвинутой университетской аудитории. С опорой на фундаментальные достижения естество-, обществознания, социально-политической практики автор излагает основные вопросы метафилософии, онтологии, гносеологии, эпистемологии.

УДК 1(075)8 ББК 87я73

ISBN 5-222-07261-4

© Ильин В. В., 2005

© Оформление. ООО «Феникс», 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	11
I. МЕТАФИЛОСОФИЯ	25
1.1 Мир философии.....	25
1.1.1 Статус философии.....	26
1.1.2 Характер освоения предметности.....	30
1.2 Материнское лоно философии.....	43
1.2.1 Особенности древнего (архаичного) интеллекта.....	43
1.2.2 Мифо-поэтический комплекс.....	46
1.2.3 Чувственно-образные (практически-духовные) формы.....	46
1.2.4 Рационально-логические (духовные) формы.....	49
1.3 Рождение философии.....	53
1.3.1 Осевое время.....	54
1.3.2 Философия — «мыслящее рассмотрение предметов».....	55
1.4 Философия в контексте духовного опыта.....	60
1.4.1 Политика.....	61
1.4.2 Идеология.....	68
1.4.3 Наука.....	73
1.4.4 Научная идеология: миф или реальность?.....	75
1.4.5 Начала идеологии — границы науки.....	98
1.5 Состав философского знания.....	99
1.5.1 Структура философии.....	100
1.5.2 Функции философии.....	101
1.6 Стратегии философствования.....	116
1.6.1 Материализм.....	117
1.6.2 Идеализм.....	119
1.6.3 Монизм.....	125
1.6.4 Плюрализм.....	126
4 1.7 Трансформация философии.....	127
1.7.1 Субстанциализм.....	127
1.7.2 Философия и наука в античности.....	129
1.7.3 Философия и наука в Средневековье.....	142
1.7.4 Философия в Новое время.....	143
1.8 Что может и что не может философия как теория.....	148
II. ОНТОЛОГИЯ	159
2.1 «Бытие» в философии.....	159
2.2 Модусы бытия.....	164
2.3 Философское учение о материи.....	167
2.3.1 Материя как субстанция.....	168
2.3.2 Материя как объективная реальность.....	168
2.4 Атрибуты материи.....	169
2.4.1 Движение (развитие).....	169
2.4.2 Пространство и время.....	176
2.4.3 Структурность.....	218
2.4.4 Отражение.....	222
III. ГНОСЕОЛОГИЯ	243
3.1 Гносеология как наука.....	245
3.2 Познавательное отношение.....	258

3.2.1	<i>Субъект</i>	258
3.2.2	<i>Объект</i>	262
3.3	Начало познания.....	267
3.4	Феномен знания.....	271
3.5	Композиция знания.....	277
3.6	Природа истины.....	299
3.6.1	<i>Модус «on he on»</i>	299
3.6.2	<i>Модус «cogito»</i>	306
3.6.3	<i>Модус «existenz»</i>	317
3.6.4	<i>Когда и как рождается истина?</i>	329
3.6.5	<i>Критерии истины</i>	342
5		
	IV. ЭПИСТЕМОЛОГИЯ	355
4.1	Генезис науки.....	355
4.1.1	<i>Проблема начала науки</i>	355
4.1.2	<i>Наука на Древнем Востоке</i>	363
4.1.3	<i>Наука в античности</i>	368
4.1.4	<i>Наука в Средневековье</i>	384
4.1.5	<i>У истоков классической науки</i>	396
4.1.6	<i>Современная наука</i>	419
4.1.7	<i>Наука будущего</i>	438
4.2	Статус науки.....	447
4.2.1	<i>Понятие науки</i>	447
4.2.2	<i>Корпус науки</i>	452
4.2.3	<i>Содержание науки</i>	469
4.2.4	<i>Структура науки</i>	484
4.2.5	<i>Наука как тип рациональности</i>	511
4.3	Критерии научности.....	519
4.3.1	<i>Проекты наукоучения</i>	519
4.3.2	<i>В поисках критериев научности</i>	527
4.3.3	<i>Природа критериев научности</i>	548
4.3.4	<i>Логические критерии научности</i>	552
4.3.5	<i>Эмпирические критерии научности</i>	582
	<i>4.3.6 Экстралогические и неэмпирические критерии научности</i> ..	603
4.4	Формы научного знания.....	628
4.4.1	<i>Математика</i>	628
4.4.2	<i>Естествознание</i>	650
4.4.3	<i>Гуманитарное знание</i>	684
4.5	Ареалы науки.....	718
4.5.1	<i>Протонаука</i>	718
4.5.2	<i>Архаика</i>	719
4.5.3	<i>Классика</i>	721
4.5.4	<i>Неклассика</i>	725
4.5.5	<i>Неонеклассика</i>	750
4.6	Динамика науки.....	754
4.6.1	<i>Характер научного прогресса</i>	754
4.6.2	<i>Теория прогресса науки</i>	813
7		

ОТ АВТОРА

Подготовить учебную книгу по философии, содержащую панораму идей, принципов действия, способов получения результатов, порождающих процессов, о которых должен составить понятие профессионал, к тому же отвечающую высотам требований времени на основе непредвзятого осмысления культурных и жизненных реалий, — дело исключительно сложное, ответственное. Последнее в полной мере представляет автор, убежденный в справедливости мысли Мильтона, уподобляющего книги зубам дракона, посеянным Кадмом: из них вырастают воины. Сказанное применительно к книгам вообще, тем более справедливо в отношении книг по философии. В отличие от книг политических, подчиненных борьбе за упрочение; научных, нацеленных на борьбу за правду; философские книги ориентированы на борьбу за упрочение высокой правды и правды высокого. Ввиду данного обстоятельства они наиболее фундаментальны: из них развиваются самые дерзновенные воины. Оказывать влияние на появление таковых — великий труд и, если угодно, — призвание, данное далеко не всякому. Понимание этого влечет разумение преходящности любых усилий по достижению адекватных масштабу задачи формы и содержания систематических философских курсов, требующих совершенно осознанного периодического переписывания.

Неприступнейшая крепость — человеческий череп, влиять на который подчас столь же безрезультатно, как на неодушевленную стихию. Дидактика тем не менее указывает на такие инструменты воздействия, как созидание и разрушение. Опуская нюансы, акцентируем лишь один принципиальный аспект взаимоотношений этих иницирующих начал: и стройка, и ломка возможны, но важно, строя, не разрушать; стройку нельзя превращать в ломку. Разрушение, ставшее самоцелью, вырождается в мизантропическую идеологию лишних людей, в силу неспособности к созидательной деятельности вытесняемых на обочину жизни. «Строить я никогда ничего не умел», — в

8

данном признании литературного героя суть трагедии нигилизма. Крайне неразумно мнение, подчеркивает В.Гейзенберг, будто достаточно разрушить старые нормы — и новые явятся сами собой. Руководствуясь таким правилом, мы, безусловно, не продвинулись бы в науке ни на шаг вперед, потому что, во-первых, без старых форм невозможно найти новых и, во-вторых, в науке, как и в искусстве, ничего не происходит спонтанно, — новое требует целенаправленного созидания.¹

Существует два стиля творческой работы, выражаемые интенциями на

— безличность: рационалистическая чистота, поглощение индивида демонстративным рассуждением;

— естественную персональность, в рамках которой «ожидая увидеть автора, мы находим человека».²

В настоящем издании принята вторая разновидность подачи идей, не исключая проявления личностного. По этой причине

предлагаемый текст автор расценивает как один из вариантов решения общей задачи с известным приближением.

«Кто думает, что он имеет, всего лишится». Данные пророческие слова тонко и метко характеризуют бывшее с нами в недавнем прошлом. Еще в 50-е годы у нас практиковался неприличный способ обращения с наукой, когда от имени и с благословения «единственной, научно обоснованной» отвергали предметные системы знания. Если бы это было тактикой, ее можно было бы обойти. Но так как это выступало стратегией, с ней не удавалось ни найти общий язык, ни справиться. В качестве итога ситуация из плохой превращалась в скверную. Совсем недавно у нас третировали генетику, кибернетику, разносили социологию, футурологию как буржуазное псевдознание. Следствие? Отставание в биотехнологии, информатике, неразвитость социальных инструментов отлаженного воздей-

¹ См.: Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 267.

² Pascal B. Oeuvres. Paris, 1941. P. 831.

9

ствия на общество, неадекватное истолкование происходящих перемен.

Прошлое, уйдя, оставило после себя пустыню. Но и трезвое понимание той формы и содержания, которые следует привить будущему. Дух знания исключает пристрастие. Наука не может пребывать заложницей директивного всевластия, холопствующей наглости, бюрократического невежества, агрессивного догматизма. Мысль должна опираться на гарантию, что сделанное не будет иметь последствий в виде пресловутых «оргвыводов».

Мораль, какую из не успевшего затянуться песком времени прошлого выносим мы, состоит в положении: свобода умственного творчества «может быть допущена не только без вреда благочестию и спокойствию государства, но что она только со спокойствием государства и самим благочестием и может быть уничтожена» (Спиноза). Используя оборот Тиллиха, можно сказать: мы уже не живем в универсуме неопровержимых утверждений. Не только реальность, но и мысль утратила статус онтологической непогрешимости.

Всезнание — знак хаоса. Нет больше надобности присягать на верность утопии. Душа стала зрячей. Призвание, предназначение «крылатой», а не «ползучей» теории — говорить, что думать, и думать, что хотеть, добиваться взвешенной оценки достигнутого на основе понимания окружающего, действительности, своего положения и положения своего народа.

11

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тонко, точно сказал поэт:

Времена не выбирают, В них живут и умирают. Большой пошлости на свете Нет, чем кланчить и пенять. Будто можно те на эти, Как на рынке, поменять.

Вполне разделяя эту глубокую, изящно выраженную мысль, тем не менее, сетуя на обстоятельства, отметим: недавние гражданские условия вовсе не содействовали продуктивному вершению философии. Причиной тому выступал блок факторов.

Догматизм. На поверхности апатия, леность мысли, ее неспособность и нежелание отталкиваться от твердой почвы реальности. Однако это поверхность. Ибо констатация «догматизм — окостеневшее, живущее прошлым сознание» — феноменологична, она лишена объяснительных функций.

В фундаменте догматизма — авторитаризм, монополия на мировидение и мировосприятие. Поскольку подобные вещи инородны науке — предприятию гибкому, демократическому — их экспликация предполагает выход в околонучную сферу, — фиксация истоков догматизма невозможна без учета множества воздействующих на науку внешних факторов, при известном стечении обстоятельств, догматизм конституирующих.

Чтобы не рассуждать в общем о ситуациях модельных, предполагаемых, выведем анализ в плоскость реальноисторическую. Зададимся вопросом: в чем причины неудовлетворительного состояния нашей науки? Почему уровень теоретической философии, как и обществоведения в целом, весьма далек от желательного?

12

Развитие философии как ядра идеологии опосредствуется социально-политическими институтами. Однако, будучи охвачены стагнацией, последние в недавнее время не стимулировали серьезные исследования.

В ситуации интеллектуального застоя, господства авторитарного мышления, нацеленного на поддержание status quo, из философии вытравливался дух поиска, процветали комментаторство, некритическая апологетика официальных документов, мнений.

В связи со сказанным необходимо акцентировать: прогресс философии невозможен без реального спроса на высокопрофессиональный глубокий анализ. И потому предстоит исследовать конкретные обстоятельства нашей жизни, чтобы полнее раскрыть природу тех негативных явлений, которые имели место в прошлом и которые блокировали развитие философии.

Партийность философии расценивалась залогом научности. Отсюда — вопрос научности философии не может быть решен вне оценки адекватности партийно-идеологических установок: насколько они отражают реальное положение дел, соответствуют существу момента. Надо сказать, что философская теория испытывала пресс далеко не лучшей идеологии, имея в виду наличие в ней элементов консерватизма и тоталитаризма.

В основе последних — отказ от вариантного мышления, что на первых порах объяснялось особенностями строительства социализма в одной стране в условиях враждебного окружения.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Всякого рода вариации — отклонения от «генеральной» линии расценивались как уклон, ибо «кто не с нами (с кем?), тот против нас». Подобный образ мысли и действия если и поддается оправданию (при тщательнейшей оценке обстоятельств), то лишь для ограниченного интервала истории; в любом случае он не может быть нормой. Однако изменение ситуации не повлекло трансформации ни практики, ни идеологии. Формальный характер демократии, отсутствие гласности, критики в сочетании с установкой на монолитность (своеобразно понимаемую, как будто монолитность исключает свободу

13

мнений) обернулись монопольностью — бесконтрольностью, обязательностью отдельных мнений. В итоге — утрата веры в цену собственного взгляда, предрешенность или лучше — опустошенность теории, безоглядное суесловие, которое есть форма творческой беспомощности. Да и могло ли быть иначе, когда одни властно вещали, а другие смиренно внимали, когда не было спроса на выработку собственных мыслей, а был спрос на отстаивание чужих мыслей.

В.Шкловский ввел понятие гамбургского счета, означающее неподвластность конечной оценки произведения веяниям конъюнктуры. На наш взгляд, существует универсальный закон гамбургского счета, выходящий за рамки литературы. Закон ответственной интеллектуальной деятельности, по которому соображения истины не заслоняются никакими иными соображениями. В соответствии с этим, привлекая слог Евангелия, не всякий говорящий «Господи, господи!» войдет в царство небесное.

Чтобы справиться с застоєм в науке, культуре, духовной жизни в целом, необходимо развивать основанную на законе гамбургского счета подлинную интеллигентность, под которой понимается способность проявлять свободу духа, защищающего правое дело в ущерб своему очагу.

Аксиоматизм. Смыкаясь с догматизмом, обладает характерной чертой, для которой типично двойное стремление: избежать проблематизации общих истин и искать ответы на частные вопросы в прямом их (истин) логическом развитии. Перед нами не бережное, охранное отношение к истине, а игнорирование ее конкретно-исторического статуса, неоправданное преувеличение, распространение за пределы действительной применимости. Результат — подмена истины набором банальностей, давно доказанного.

Принадлежность к философии, однако, обеспечивается не повторением общеизвестных формул, а творческим отношением к теории, обобщающей наличный опыт. Если бы философы судили о проблемах не по текстам, а исходя из реальности, это бы застраховало от узких мест не только теорию, но и практику.

14

Салтыков-Щедрин замечал: «Каким образом русский писатель приступит к созданию общественного романа, когда он на каждом шагу должен сдерживаться и фальшивить, когда он ежеминутно должен напоминать себе — туда не заглядывай, о том не моги говорить и т. д.».

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Не сходной ли до недавнего времени была ситуация в философии? У приобщающегося к ней складывалось впечатление, будто любые вопросы теории решаются путем привлечения классического наследия, сосредоточивающего всю полноту истины. Отсюда тезис оригинального развития философии буквально повисал в воздухе.

Исправлению положения дел способствует критицизм, который не допускает догматизации любого наследия и который в силу этого является гарантом нового слова. Критицизм — тот же демократизм, от которого мы отвыкли, привыкая к тому, к чему привыкать нельзя. В науке, как и в жизни, не должно быть свободных от критики заповедных зон. И это должно быть императивом ищущей философской мысли.

Утопизм. Разновидность несогласующегося с действительностью нереалистического сознания. Утопизм, следовательно, проистекает из неорганичной, предвзятой теоретической оценки действительности, искажающей логику бытия.

Особенно опасен действующий на основе утопии революционно-практический романтизм, идущий к жизни от заранее обозначенного идеала. Переходя от последнего к реальности, он частично или полностью взрывает существующий порядок вещей, стремясь приблизить эмпирию (достигнутый уровень общественных отношений, практики) к эмпирию (декларированный идеал). В преждевременных потугах видоизменить действительность — беда и вина утопического революционно-практического романтизма.

Теория, руководствующаяся априорным идеалом, естественно, обречена на провал. В этом отношении идейные судьбы утопии во всех ее видах очевидны. Однако много важнее практическая сторона дела. По мере отрез-

15

вления, избавления от утопической дереализации возникает деморализация — неверие в целесообразность, возможность активных преобразовательных действий в направлении, указываемом теорией. Так преждевременная культивация идеала в близлежащем возвращается бумерангом трудновосполнимых перспективных потерь, связанных с дискредитацией идеала; утопия оскорбляет его неподготовленным действием.

Сказанное проясняет, почему утопия не приближает, а удаляет цель, к которой стремится. Не от идеала к жизни, а от жизни к идеалу, — единственно верный путь движения.

Волюнтаризм. Силовые методы воздействия на знание — серьезное извращение научного строительства — произрастают на соответствующей социальной почве. Речь идет о явной или скрытой диктатуре в период откровенного культа личности либо о завуалированных культоподобных образованиях в эпоху закрытого общества.

Отвлекаясь от внешних сторон диктатуры с ее патологическими гнусностями типа разоблачений-уличений («врагов народа»), процессов (процессы космополитов), дел («дело» Лузина), отречений (детей от отцов, учеников от учителей),

хунвейбинствующих расправ (использование молодежной среды в проведении лозунга «В деле разоблачения вредителей в науке вызовем на соревнование ОГПУ»), оперативных вмешательств (бригады «скорой помощи» по промывке мозгов «заблудшим ученым»), третирований, травль (поборников генетики, кибернетики, теории резонанса и др.) и прочих «свинцовых мерзостей», сосредоточим внимание на ее сущностной стороне. Нас интересует характер теоретической деятельности в условиях диктатуры.

По мере уничтожения свободомыслия, условий объективного, непредвзятого искания правды, истины имеет место расслоение теоретической деятельности, расщепление образа и облика ученого человека *per se*. На авансцену выходят две категории работников науки: многочисленные продажные болтуны-балалайкины и сравнительно малочисленная группа неприспособленцев, борьба кото-

16

рых против происходящего в науке приобретала формы: а) ухода из официальной науки (работавший в домашней лаборатории П.Л.Капица); б) открытого протеста (Н.И.Вавилов); в) имитации компромисса («саморазоблачение» А.Р.Жебрака); г) эмиграции (А.Е.Чичибабин).

Представители последней группы заслуживают уважения, почтения, пиетета безусловного, как и все честные люди, не торгующие совестью. Однако поставленные вне закона, они, к несчастью, не определяли лица науки, которую захлестнула волна пьедестального мышления и идущей рука об руку с ним балалайкинщины.

Ритуалы слова, апологеты, эпигоны, одописцы, балалайкины выполняют функции «подходящих» людей, умеющих зависеть от других, вовремя попадать в масть. Они не имеют своего кредо. Их кредо определяется очередной спущенной сверху линией.

Люди «линии», балалайкины отлично знают свою роль, с подобострастной предупредительностью «чего изволите» лишь ожидают команды к борьбе за ее (линии) проведение. Приснопамятные Президент, Кольман, Колбановский, Митин — раритеты балалайкинской фарисейской борьбы для борьбы, не ради истины, а ради победы линии.

Из исторического опыта конъюнктуры, породившей философию «ран и шрамов», необходимо извлечь принципиальные, предметные уроки.

Первый — урок правды. Серьезный анализ не останавливается на полпути, не боится последовательных революционных выводов из научных предпосылок, — правда сама по себе революционна. Однако во время культа, застоя брала верх психология: как бы сгладить углы, сказать неполную, некритичную, неревolutionную правду.

Но поиск по принципу «два пишем, три в уме» — низкий. Низкими — иначе не назовешь, обставленные оговорками, полные оглядок, недомолвок, умолчаний многие и многие труды по общественности.

Фиксирующая истину научная идея — не партизан. Она должна

быть явной, быть полным хозяином положения.

17

Надо говорить все до конца, а не останавливаться у первой версты, вынося за скобки смысл явления, утрачивая стремление дойти до оснований. Задача науки — знать, понимать, оценивать, изменять, а не симулировать развитие теории цитатничеством и заверениями верноподданничества.

Второй урок касается разведения социально-философской теории и текущей политики. Политика должна быть научной, тогда как наука не может быть политиканствующей. Правда, истина не зависят от того, кому они служат.

Философ имеет дело с поиском; он имеет право на ошибку. Политик имеет дело с человеческими судьбами: в той мере, в какой он контролирует ситуацию, права ошибаться он не имеет. В теории в силу неоднозначности истины допустим веер позиций; в политике веер позиций недопустим: возможности здесь изначально ограничены требованием гуманитарной оправданности. (Вспомним Достоевского: вся истина не стоит слезинки ребенка.)

Нельзя сводить функции обществознания (философии) к выполнению пропагандистских функций. Философия — вневедомственна и должна быть свободной от давлений извне — некомпетентных вмешательств, бюрократических нажимов, влияния. Только в этом случае она будет идти от реальности, а не от текстов, будет опережать практику, видеть то, что временем сокрыто.

Третий урок едва ли не главный. Действенность философии определяется тем, насколько конкретно, внимательно, объективно разобраны условия момента, уточнены цели, приоритеты. Ничем подобным философская теория прошлого не занималась. Отгалкиваясь от голых фраз, она сбивалась на интонации приветственного адреса, присвоения звучных эпитетов, либо занималась раздачей оплеух, навешиванием ярлыков, развенчанием. Горестно и грустно от черно-белой философии прошлого, действующей по формуле «Прасковья мне тетка, а правда мне мать» и ретрогонствующей о золотых горах здесь и армагеддоне там.

Без отказа от двуцветного анализа продвижение вперед невозможно.

18

Вывод, к которому мы подводим, состоит в необходимости учитывать реальность, факты, а не цепляться за теорию вчерашнего дня.

Четвертый урок заключается в следующем. Успешное развитие науки вообще и философии в особенности обеспечивается высокими идейными, гражданскими качествами ученых. К сожалению, данные качества отличают далеко не всех философов. «Если у нас нет сил переделать жизнь, то надо иметь мужество хотя бы передумать ее», — говорил Ф. Абрамов.

Философия переосмысливала мир даже в самые трудные времена. Однако многие наши философы отказались от этого. Философию наводнила отстраненность от жизни, не вдохновляющая на серьезный, нелицеприятный анализ. Все меньше и меньше философов обнаруживало в себе способность думать, как жить, и жить, как думать. Выжидательность, отрешенность не

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

позволяли философии идти в ногу со временем. Осмысление полной причины этого еще ожидает своего часа. Мы же укажем лишь на утрату гражданственности философской деятельности. Если бы философы руководствовались чувством долга, они куда более эффективно выполняли бы свои социальные и научные функции.

Вопрос сильной, творческой философии неотделим от вопроса личной ответственности, гражданской сознательности философа, который должен говорить тогда, когда нужно. Слово — тоже дело. Главное поэтому — выработать у философов иную идейную и гражданскую культуру, чтобы, перефразируя Михаила Чехова, они служили, а не выслуживались, работали, а не зарабатывали, любили живой организм науки, а не мертвую организацию в науке. Нужно работать на историю, а не на конъюнктуру. Именно по этому обо всех судят люди. Ибо если можно ошибиться в прижизненной оценке, то память обмануть нельзя. Каждый философ должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата и его философия. Отсюда гвоздь вопроса — борьба за высокую гражданскую философию.

19

Субъективизм. В данном случае мы имеем дело с чисто бюрократическим путем навязывания сверху определенных исторических возможностей.

Как известно, история альтернативна, поливариантна, она таит в себе неоднозначность, проявляемую в целом ряде объективных линий потенциального развития, множественности средств достижения единых целей. Суть бюрократического подхода — в некритическом вызывании событий общественной жизни без достаточной гарантии того, что объективные обстоятельства для этого вполне созрели.

Участвовать в творении истории, в борьбе за фиксированные тенденции общественного развития необходимо. Однако вмешательство в историю — вещь ответственная. Ответственнейшая. Без всестороннего теоретического обоснования решения в пользу той или иной альтернативы здесь не обойтись. К несчастью, отсутствие научного обеспечения проблемы выбора — факт реальный; с ним мы сталкиваемся в практике «построения» социалистического общества.

Историю, конечно, нельзя пережить заново. И все же нелишне задуматься: могло ли прошедшее сложиться иначе? Была ли неизбежность в осуществлении того, что осуществилось? Разумеется, спустя время рассуждать трудно. Любой отход от свершившегося, которое давит своей объективностью, грозит обвинением в фиктивности. Тем не менее мы решаемся на указание иных возможностей, заложенных в ситуации. На вопрос: был ли порядок событий в ходе строительства социализма predetermined? — мы отвечаем твердо сказанным «нет». Никакой фатальности в построении социализма в СССР именно таким образом не было.

Через народ, как известно, перепрыгнуть нельзя. Но нечто подобное, к сожалению, и было предпринято в нашем прошлом. Метастазы этого охватили все сферы, породив реальность, из которой изъят идеал, и идеал, из которого изъята реальность.

Теория становится реальностью при взаимном, обоюдном стремлении мысли и действительности. Ничего по-
20

добного, однако, не могло сложиться между практикой и теорией эпохи культа и застоя. Так как о «теории» было сказано выше, сосредоточимся на «практике». К характерным чертам последней мы бы отнесли:

— ламинарность — альфа и омега деятельности — «дальнейшее совершенствование» всего во всех направлениях;

— лозунговость — основной рычаг деятельности «Даешь!», рассчитанный на внеэкономические факторы;

— частичность — ставка на отдельные функциональные преобразования подсистем без затрагивания системы в целом;

— парадность — двойная бухгалтерия, очковтирательство, рапортизм с сопутствующим благодушием (чего улучшать, если и так все неплохо);

— автократизм — предельная концентрация власти, обеспечивающая единоличность принятия решений, жесткую централизацию и порождающая иждивенчество, безынициативность, пассивные умонастроения «наверху виднее».

Могла ли подобная практика быть состыкована с теорией? Теория провозглашала: «Все во имя человека, все на благо человека». Практика сталкивалась с политикой «наши задачи грандиозны, и жертвы будут немалые». И они были. Народ готов на подвиг, лишения. Готов всегда. Но ради чего? Если призвание и цель социума — личность, обеспечение условий ее максимальной самореализации, зачем жертвовать личностью? Цель и ее обеспечение должны быть соразмерны. Не все можно принести в жертву на алтарь цели.

Теория разоблачала культ. Практика вела к новым культам. Пускай не кровавым, отмеченным анекдотами, но культам, которые обходились не менее дорого.

Теория учила демократии, требовала исключить случайность из государственного строительства. Практика судьбы страны ставила в зависимость от личных качеств очередных партийно-государственных деятелей.

Теория звала к заре коммунизма. Практика ни одним знаком не отмечала ее приближение.

21

Теория говорила: сила идеала (идеологии) в правде жизни, реалистичности. Практика превращала идеал (идеологию) в религию, отодвигая его из жизни настоящей в будущую и забывая, что человеческая жизнь не пропедевтика будущей жизни, что жизни, отложенной на потом, не бывает.

Постепенно мы погружались в полосу серьезных, значительных трудностей, ибо на деле у нас все меньше и меньше претворяли в жизнь принцип соответствия теории и реальности. В итоге — сильнейшая девальвация теории, неверие в ответственную силу ученого слова.

Для исправления положения дел к лучшему требуется:

1. Восстановить утраченную связь социальной доктрины с жизнью, делая ставку на исследование реальных практических вопросов и отказываясь от игры в дефиниции, замкнутого в себе

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

копшения в понятиях. Магистраль развития философии — упрочение эмпирической базы. Необходимо идти не от теории (сверху), а от материала (снизу); не действительность нужно подверстывать под теорию (нормативный мир должного), а теорию нужно согласовывать с действительностью (брать положение дел в сущем). Философию нельзя строить так, будто ее положения падают с неба.

Восстановление реалистичности, эмпирической обоснованности доктрины покончит с хвостизмом философии, позволит организовать ее не как плоское «исчисление высказываний», основанное на дедуцировании следствий из давно доказанного, а как творческую, обращенную к жизни теорию; это также позволит хоть в какой-то мере компенсировать долг, в котором философия оказалась перед обществом, политической практикой.

2. Создать реально-демократическую обстановку в обществе, обеспечивающую непредвзятый поиск.

Здесь, учитывая опыт истории, мы сталкиваемся с радикальной проблемой гарантий. Вопрос ведь не в том, чтобы принять позицию в некоторой императивной плоскости, а в том, чтобы последовательно ее проводить и отстаивать, осуществлять ее как главное призвание и со-

22

держание жизни, всей своей духовной и практической деятельности и борьбы. Последнее достигается лишь при реально-демократическом устройстве общества, обеспечивающем полнокровное участие всех и каждого во всех сферах социального созидания от исполнения до управления.

3. Перефразируя Л.Выготского, правильно сказать: то, что произошло в социальной теории, может быть лучше всего выражено безнадежным возгласом одного из героев чеховской драмы — дряхлого старика, оставленного в покинутом доме, в котором заколачивают окна: «Человека забыли».

Характерная черта реальности прошлого — расчеловеченность. Сколько делалось для укоренения чудовищных стереотипов безликости от поэтических «мы только гайки единой спайки» до политических «человек — анонимный участник гигантской стройки будущего, среднестатистическая единица общественного процесса».

Между тем пора бы понять: в вопросах личности формула «единица-ноль» не проходит. Она должна отступить перед формулой уникальной неповторимости, незаменимости, невосполнимости индивида. Не было безымянных людей, «были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и потому муки (деяния — *Авт.*) самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю» (Ю.Фучик).

Философию требуется повернуть к человеку — не к абстрактному компоненту целого, поглощающего личность, а к каждому что ни на есть «просточеловеку» с его запросами, возможностями, переживаниями. Ибо не что-нибудь, а реальный просточеловек составляет последний и высший объем философии.

4. Требуется наличие твердой воли, высокой гражданственности, трансформирующей духовность в практически-жизненную позицию, побуждение в реальность. В социальной теории, как и в

высокой литературе, привлекая мысль Достоевского, нужна страсть, идея и непременно указующий перст, страстно поднятый.

23

«Для выхода из тупика, — уточнял М.Бахтин, — философии нужно стать философией поступка. А это требует заинтересованного эмоционально-волевого, нравственного философствования. Философия должна стать авторской, тогда будут философские имена, а не должности. Философы должны не столько рассуждать о нравственности, сколько быть нравственными в выполнении своей социальной роли».

Открытость общества, последовательный, всесторонний демократизм, высокая гражданская культура теоретика позволяют реализовать основное предназначение философии, которое, используя убеждение Блока, заключается в том, чтобы поднять внешние покровы, дабы открыть глубину, облечь поднятый из глубины смысл явлений в теорию; внести гармонию теории в жизнь.

25

I. МЕТАФИЛОСОФИЯ

Метафилософия — раздел философии, специализирующийся на философских рассуждениях о том, что, такое философские рассуждения.

1.1 Мир философии

Введению лексемы «философия», образованной сложением слов «φίλια» (любовь) и «σοφία» (мудрость), мы обязаны скорее всего Пифагору, называвшему «философией» влечение к мудрости (любомудрие).³ До той поры умственно одаренных, выдающихся людей именовали «софосами» (мудрецами).

При архонте Дамасии (Афины) семерым — Фалесу, Солону, Периандру, Клеобулу, Хилону, Бианту, Питтаку — официально присвоен соответствующий высочайший титул. Против подобной практики, собственно, и выступил Пифагор, мотивируя свою позицию тем, что человек по слабости своей природы не способен обрести столь достойного качества ума, как мудрость. Критицизм в отношении реальных возможностей человека выразился у Пифагора в разведении понятий «софос» и «φίλοσοφία». Первое (мудрость) — прерогатива богов, второе (любомудрие) — удел человека.

Соответственно философ — не мудрец, а любомудр — стремящийся к мудрости. Таковую тенденцию души Пифагор исходно связывал с отрешенным созерцательно-теоретическим отношением к жизни: кто ищет славы, кто богатства, кто удовольствий, — философ же, отстраняясь от мирской суеты, удаляется от поверхности вещей, озадачен приобщением к существу дела — нерасхожему глубокому.

Независимо от толкования природы философского творчества различными представителями философии из-

³ См.: Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. М., 1979. С. 66.

26

начально введенные Пифагором непреходящие смыслы оказались инвариантными, составили ядро последующих многочисленных трактовок философии.

1.1.1 Статус философии

Философия — рационально-теоретическая форма мировоззрения, которая, выступая рефлексией предельных оснований всех видов человеческо-исторической практики, а) подытоживает, синтезирует ее достижения, формирует миропонимание; б) обозначает, обосновывает векторы индивидуального и социального творчества, задает мироотношение. Из определения следует, что выполнение традиционных функций философии обеспечивается ее теоретико-практической сущностью.

Теоретический фрагмент философии — осмысление открывающейся человеку познавательной, социальной и природной реальности в ходе ее духовного, практического и практически-духовного освоения, установление рубежей, горизонтов достигнутого в каждую эпоху с целью его преобразования (приумножения, преодоления) — ответствен за выработку (разработку) нормативно-ценностной основы убеждений людей. В

этом рефлексивном плане складывается картина мира: онтологические допущения, гипотезы существования; принципы, пути познания; место человека в границах природного и общественного целого; смыслы, ценности, приоритеты, жизненные установки; идеалы; целеполагание, целесообразность и т. д.

Практический фрагмент философии — деятельность проекция картины мира — определяет настроенность эмоционально-волевой сферы, принадлежность субъекта к заданным видам (само)созидания. В этом праксиологическом плане оформляются типы жизнедеятельности, осуществляется их апробация, вхождение должного (возможного) в сущее (действительное); целеобразование; волевые, веровательные интенции; программы самореализации; гражданские позиции; реальный смысл, предназначение жизни и т. д.

27

Данное толкование философии, разумеется, далеко не исчерпывающе. Оно, к примеру, не дает демаркации философии от теологии, также претендующей на статус рационально-теоретической формы мировоззрения, зиждущейся на рефлексивном синтезе культуры и т. д. Поэтому оно требует уточнения, которое находится на пути спецификации природы философских «рефлексивных синтезов культуры».

Опознание систем в качестве философских производится по признаку фокусируемости их проблематики на оппозицию «субъективное — объективное». Анализ ее многообразных ветвлений действительно составляет *conditio sine qua non* философии; без него философия не может ни сложиться, ни состояться. Но как оттеняет подобный анализ существо проводимых философией синтезов? Казалось бы, пропускание проблематики через призму оппозиции «субъективного — объективного» с целью выяснения их взаимоотношений излишне. Ведь возможные интерпретации, понимания взаимосвязей этих полярностей хорошо известны, ясны. Не оказывается ли философия праздным блужданием в соснах материализма, идеализма, эклектики? Последнее походило бы на правду, если бы философ ограничивался приобщением к традиционным интерпретациям. Однако в его задачу входит обоснование их. Задача обоснования интерпретации отношений, связей субъективного и объективного, как демонстрирует практика, тривиальной, праздной не является. Она возникает вновь и вновь в материале каждой конкретной культуры и требует соответствующего адаптированного к реалиям данной культуры решения.

Сказанного достаточно как для фиксации тождественно-общего в сфере философской деятельности, так и для спецификации философии в противоположность иным формам духовного производства. Оправданное рамками нашего рассмотрения толкование философии как универсального синтеза культуры, фокусируемого на оппозицию «субъективного-объективного», позволяет провести следующие необходимые уточнения.

28

1. Философия — знание историческое, имеет дело с подвижной, постоянно меняющейся реальностью. Эта реальность — мобильное содержание исторических видов практики, порождаемых

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

культурогенезом. Становление новых типов реальностей, отображением которых является философия, требует изменения ее форм. Выступая глобальным синтезом человеческо-исторической практики, локализуемой по отдельным эпохам, философия функционирует как их (эпох) духовная квинтэссенция. Она выступает самосознанием, совестью эпохи, впитывая все приметное и существенное из духовной жизни человечества на данной фазе его эволюции.

2. Философия есть рефлексия второго порядка; она является теоретизацией иных способов духовного производства. Эмпирический базис философии — специфические отражения различных типов сознания; философия тематизирует не в себе и не саму по себе реальность, а обработки и проработки реальности в представленчески-образных и категориально-логических формах.

Философ не ставит экспериментов, они заменяются концептуальным моделированием; имеет место движение не в вещах, а в идеях. Философские утверждения не допускают непосредственного опытного контроля. Они оправдываются опосредованно: путем выявления степени плодотворности деятельности (ученых, политиков, творческой интеллигенции), базирующейся на философских принципах, которые осуществляют методологическую, мировоззренческую, аксиологическую и т. д. регуляцию деятельности.

3. Философия вскрывает последние — предельные, граничные — основания образов, способов фиксации, проявлений природного, общественного, познавательного, собственно человеческого универсумов, задает, высвечивает амплитуды понимания и постижения всего сущего. Эти амплитуды — сти-

29

листика, самобытность духовных формаций, некие горизонты, открываемые рамками известных культур с множеством свойственных им, преходящих убеждений и предубеждений, идолов и идеалов, центробежных и центростремительных тенденций, совокупностью смысловых, ценностных, экзистенциальных, волевых интенций и детерминаций. Оценивания эти последние основания, философ делает себя масштабом мира, рядится в тогу выразителя, апологета гуманитарно значимых воззрений, действий, отношений. Он подбирает прилагательные для определения действительности, осуществляет связь времен, непрерывность духовного опыта. Отвечает на вечные, сакраментальные вопросы: как, куда, откуда, почему, зачем — встраивает современников в ряд общечеловеческих исканий, духовно стимулирует, целеориентирует человечество. 4. Философия — открытая система, не замыкающаяся в себе самой. Во-первых, у философии нет и не может быть единого и единственного исходного начала, на что в разные времена и при разных обстоятельствах уповали адепты эмпиризма, рационализма, интуитивизма. Во-вторых, в философии, как подмечал Кант, нельзя начинать с дефиниций. Сова Минервы вылетает в сумерки. Смысл этой метафоры в подчеркивании того, что прозрение приходит лишь «после», а не «до». Подобно этому философская мудрость (знание) не может быть неким изначальным, но лишь последующим. Дефиниции в философии — нечто завершающее, а

не исходное; они не очевидны вначале и могут быть оправданы в конце. Пафос философии определяется реальными отражениями — переработкой содержания и представления в ходе освоения бытия, творения культуры, обработки людьми друг друга. Поэтому философское знание разворачивается как экспозиция (а не конструирование) понятий, оценивающих конкретные условия, тенденции, характер

30

и т. д. данного весьма подвижного изменения и возделывания мира. 5. Философское знание — «метафизическое». Анализируя предельные основания человеческой практики, философия исходит из некоторых заведомых предпосылок. Беспредпосылочной философии, как показал Тренделенбург, исследуя гегелевский вариант «беспредпосылочной философии», не бывает. Философские предпосылки не самоочевидны и одновременно не могут быть обоснованы методами, принятыми в специальных науках. Отсюда непосредственная не контролируемость предпосылок философии, которые в этом отношении оказываются «метафизическими». Тем не менее важно понять, что предпосылки философии не являются вовсе необоснованными. Они оправдываются косвенно: а) понятием допустимости исследовательских инициатив (характер проблем, способы их постановки, анализа), имеющим ситуационный, конкретно-исторический статус; б) практикой, которая, правда, задним числом демонстрирует плодотворность принципов, выступающих базисом философской деятельности.

1.1.2 Характер освоения предметности

Есть вещи, где каждый чувствует себя знатоком, специалистом в некоторой удаленной инстанции. К подобным вещам наряду с медициной, педагогикой, политикой, пожалуй, относится философия. Способность к философствованию согласно известной линии расценивается чуть ли не естественным видообразующим признаком *homo sapiens*: кто не философ — тот не человек.⁴

Развенчанию мифа о всеобщей распространенности, доступности и даже «врожденности» склонности к философствованию способствовал прогресс рефлексивного ком-

⁴ См.: Потемкин А. В. *О специфике философского знания*. Ростов, 1973.

31

понента в самой философии, стимулировавший метафилософские изыскания. Поучительным итогом последних — в ходе исследования особенностей философии (предмет, строение, обоснование, доказательство, логика, методология, разворачивание проблематики) — явилось уяснение, что подобно любой другой отрасли знания и в философии под каждой точкой «одинакая глубина» (Герцен).

Действительно, здесь можно найти проблемное в любом «несомненном», что кажется очевидным и достоверным. Об этом свидетельствует, к примеру, отсутствие однозначности в толковании изначального — понятий природы, назначения, способов реализации философии. Одни, как Аристотель, считают философию безраздельно господствующей наукой.⁵ Другие, как О. Маркард, признают компетенцией философии фиксацию

собственной некомпетентности⁶ и т. д.

Множество диагнозов состояния здоровья философии необозримо, как необозримо и множество терапевтических рецептов, нацеленных на стабилизацию данных ее состояний. Суть дела, однако, не в указании на разночтения вопроса, не в коллекционировании элегий и мадригалов, эпитафий и панегириков, а в прояснении статуса философии как определенной отрасли духовного производства, типа освоения действительности.

Выяснению своеобразия философского метода препятствует наличие глубинной внутренней связи между методом и комплексом исходных допущений о природе, функциях, назначении философии как отрасли духовного производства: первое определяется вторым. Данное положение дел — следствие той отличительной черты философии, что теория здесь совпадает с метатеорией: имеет место самообоснование логики и метода по ходу развертывания философии из принятых предпосылок относительно-

⁵ Аристотель. *Метафизика*. М-Л., 1934. С. 45.

⁶ Marquerd O. *Inkompetenz kompensation kompetent? «Über kompetent und Inkompetenz der Philosophie»*. *Philos.yahrbuch*. Bd. 81. S. 341.

32

но значимого для нее проблемного поля. Толкование философии как компендиума наук, универсальной теории самосознания, жизненного мира, человека и т. д. влечет и совершенно специфическое конституирование ее метода. В качестве него выступает спекуляция, систематизаторство, логико-теоретическая, аналитико-лингвистическая деятельность, представленчески-образная интроспекция, иррационалистическое «вживание», трансцендентальная редукция и т. д.

Таким образом, характер предмета, оказывающий влияние на исследование, предопределяет стилистику философского творчества: он ответствен за все многообразие инверсий философского метода.

Не подрывает ли зависимость философских исканий от изначальных понятий о природе философии идею единого философского метода? Существует ли он? Обоснованно ли допускать реальность системы предписаний, инструкций, нормативов и т. п., ex officio нацеливающих на генерацию философских результатов?

Не входя в детали имеющихся ответов и способов оценки данных вопросов, подчеркнем, что отрицание собственного метода противоречит представлению о дисциплинарном строении знания (наукообразовании), — ведь условием консолидации исследований является наличие автономного стиля исканий. Последнее делает оправданным суждение о существовании специфического философского метода. Вопрос, следовательно, не в том, есть ли он, а в том, как его эксплицировать. Приступая к этой задаче, мы сталкиваемся с обозначенной выше проблемой релятивности философского метода: в силу зависимости метода от исходных допущений имеется опасность исследовать не метод философии вообще, а метод частной философской системы.

Можно ли считать, к примеру, некогда реализованные трактовки философского метода как преимущественно дефиниторно-индуктивного (Сократ), дедуктивного (рационалистическая

метафизика XVII в.), аналитико-лингвистического (аналитическая философия) и т. п. адекват-

33

но выражающими природу философской деятельности? Передают ли, воплощают ли они элемент сугубо философского в способе порождения результатов? Ответы на вопросы не так просты, как кажется.

Любой метод, взятый обособленно, сам по себе философским не является. Вместе с тем он может интерпретироваться как философский в контексте специфических допущений, принятых в конкретных системах. Все зависит от понимания существа философских занятий, а priori не ограниченного ничем, а потому в известном смысле произвольного. Существуют ли пределы этого произвола или ситуация отмечена печатью безысходности? Варианты анализа данной проблемы канализируются в два русла. Одно русло — ставка на безусловные основоположения, обнаружение которых, по замыслу сторонников этого подхода, кладет конец всеобщему скандалу в философии, придает ей статус точной и строгой науки. В фарватере этих идей разворачивались доктрины универсального сомнения, доводящего до очевидного (*cogito ergo sum* Декарта); геометрически оформленной метафизики, поддерживаемой прозрачными аксиомами, ниспосланными свыше (постулат правдивости бога Спинозы); самообоснованной теоретической системы, последовательное движение от исходного к завершающему в которой через логически обозримый процесс демонстрирует необходимость исходного ввиду его оправдания завершающим (Гегель)⁷; метафизики как опытной науки, контролируемой строгим экспериментом (прагматизм); сильной лингвистической терапии от злоупотреблений терминологией (аналитическая философия) и т. д. Другое русло — линия на разложение философии как рационально-теоретической интересубъективной системы, замену ее несистематичным, идейно и методически недисциплинированным, индивидуально значимым философствованием. Элемент эсхатологии

⁷ *Поэтому Гегель рекомендовал изучать его логику дважды.*

34

рационально универсальных традиций философии пропитывает философию жизни, экзистенциализм, персонализм, философскую антропологию, фрейдизм и т. д. со свойственной им пропагандой субъективистских антиинтеллектуалистских настроений — профетических методов (праинтуиция, эмфатия), паранаучных принципов фиксации результатов (тезис о невозможности философского словаря, обращение к тропному слогу).

Ни одна из указанных версий, естественно, не проходит, что означает необходимость поиска решения проблемы на существенно ином пути. В плане обозначения последнего отметим следующее. Аргумент от факта теоретического скандала в философии (конфессиональные распри) не оказывается решающим против единых приемов и принципов освоения предметности. Даже в наиболее строгой математике имеют место платформы и партии, несогласные между собой уже в отношении «элементарных» положений (континуум-гипотеза, аксиома выбора, закон исключенного третьего и др.) В геологии фиксизм не договорится с **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

мобилюстом; в биологии ламаркисту трудно найти общий язык с дарвинистом. Примеры, конечно, легко множатся. Альтернативный, дополнительный, веероподобный, полилинейный характер науки очевиден. И философия здесь — правило, а не исключение. Дивергентность исследований в философии, как и в других отраслях науки, должна быть взята под защиту и выведена из-под спекуляций. Этим, правда, ни в коей мере не узаконивается равноправность и равноценность различных философских подходов и углов зрения. Третьей судьей в данном случае, как и вообще, служит опыт — показания общечеловеческой практики.

Однако акцент на существенность исходных позиций исследователя в философии уместен: именно они обуславливают способы порождения собственно философских результатов. Разность позиций — разность методов, невозможность универсального решения вопроса. Вместе с тем вопрос не таков, чтобы вообще не иметь никакого решения. Каково оно?

35

Оно связано с анализом отдельных систем путем осмысления историко-философского процесса в целом. Суть дела заключается в том, чтобы, воздерживаясь от случайных «предположений и от особых мнений, которые постоянно стремятся выказать себя» (Гегель), попытаться выделить нечто тождественное в исторической эволюции философии. Это тождественное — не содержательно; ввиду идейной несопоставимости философских систем выделить его содержательно невозможно. Оно оказывается лишь сжатым описанием того, что происходит при осуществлении философских занятий. Оно не факт, а схема, понятие философии, вбирающее признаки, присущие реальным философским формам. В чем же оно, это общее, что пронизывает череду философских систем, обуславливая их встроенность в тот особый процесс духовного производства, который именуется «философией».

Понятие данного «общего» введено выше, проведенными в пунктах (1-5) содержательными детализациями. Последние, ни в коем случае не претендуя ни на строгость, ни на полноту, имеют преимущественно констатирующий характер, позволяют оценить некие существенные параметры метода философии.

В традиционной лексике под методом разумеют совокупность практических или мыслительных приемов, шагов, руководств, следование которым влечет достижение желаемых результатов. Примечательной здесь является идея связи метода с целесообразной деятельностью. Метод как система принципов, имеющих установочный, целеориентирующий характер, есть набор правил, предписывающих, каким образом надлежит исследовать, познавать, преобразовывать предмет, а также изучать, организовывать материал. Метод в силу этого выступает атрибутом целесообразной деятельности в противоположность спорадическому исканию путем проб и ошибок.

К числу неотъемлемых признаков метода науки относятся:

— объективность — опосредованность достоверным знанием;

36

— общезначимость — интерсубъективность действий в отличие от остающихся уделом ненауки персонифицированных уникальных актов;

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

— воспроизводимость — инвариантность действий для любого субъекта в тождественно-подобной ситуации;

— целесообразность — осмысленность, рациональная подконтрольность осуществления как отдельных шагов, так и систем операций в целом;

— детерминистичность — заданность, предусмотренность, генетическая связность принципов, последовательностей, цепочек интеллектуального движения в предметности;

— необходимость — гарантированность результатов при соблюдении норм в противовес ненаучной особенности случайного, непреднамеренного их достижения;

— эффективность — запланированность социальной ассимиляции, внедрения, потребления как самого процесса, так и его результата, что не свойственно ненаучному способу познания, базирующемуся на ситуативных, герметичных рецептах.

Насколько соответствует данному понятию метода представление о методе философии?

Философская деятельность, осуществляемая целенаправленно, целесообразно, в противоположность несистематичным исканиям путей проб и ошибок является методически оснащенной. Однако метод философии — не катехизис. Здесь правильно говорить не о своде жестко фиксированных регулятивов, а своего рода практической интуиции «как действовать».

Способ генерации результатов философии не допускает алгоритмизации, нивелировки. Он — не единообразная последовательность шагов, ведущая к стандартным, матрицируемыми результатам. Структура философских действий не описывается в терминах явно формулируемых, точных программ, схем, кодексов мыслительной активности. Очень трудно обозначить то, что фактически следует

37

делать, чтобы быть философом. Трудно, но не невозможно. В философии, как утверждалось, обнаруживаются определенные черты постоянства и непрерывности, нечто весьма устойчивое, что находит воплощение буквально во всех системах, консолидируя их в философию, как таковую. Было бы ошибкой считать, что данный тезис не распространяется на вопросы метода. С этих позиций оправданно допускать некую унитарную канву творческой самореализации деятелей философии. Речь идет о совокупности достаточно стабильных мыслительных традиций, специфических исследовательских навыков, фигур предметной логики, которые отличают деятельность философов-профессионалов. Конкретизация этого общего соображения о философском методе как деятельностью регулярности некоторой типической формы, схемы, плана обработки, освоения предметности дает такую картину.

Метод философии отличается комплексностью: он представляет амальгаму различных исследовательских процедур, операций, приемов. Переходя к их описанию, сделаем два замечания.

1. Фиксируемая ниже операциональная структура философского метода, разумеется, не претендует на полноту в некоем доскональном смысле. Ее цель значительно более скромная — дать понятие деятельностной канвы, в створе которой происходит

профессиональное самоосуществление философов.

2. Вычленение нижеследующих процедур возможно вследствие сильного аналитического приема; в реальных актах философского творчества они не расчленены, пребывают в целостности и органической связности — переплетаются, сливаются, трансформируются одна в другую.

После этого зафиксируем основные типы приемов и процедур, составляющих неотменяемый фонд философской деятельности.

РЕФЛЕКСИЯ

РЕФЛЕКСИЯ. Работа на углубление, утомительную вдумчивость характеризует любую метадеятельность, ко-

38

торая реализуется, к примеру, в исследованиях по основаниям математики, литературоведении, искусствознании. Сугубо философский смысл рефлексивной деятельности в соответствии с П.3 проявляется в анализе предельных начал, границ, основоположений, имеющих силу для осмысления, понимания всего сущего. Имеется в виду обращение мышления на осознание собственных исходных позиций (предпосылок) для уразумения способов формирования представлений о сущем, принципов его фиксации, освоения в различных типах жизнедеятельности (П.2).

АНАЛИЗ

АНАЛИЗ. Является исходной операцией для нисхождения к основаниям — разложение, разбиение, рассечение целого до фундаментальных составляющих, через призму которых производятся философские демонстрации, реконструкции, экспозиции (П.4).

СИНТЕЗ. Сочленение, интеграция глубинных оснований для восхождения к целостной панораме-экспозиции действительности (ГТГТ.1, 3).

ГОМОГЕНИЗАЦИЯ

ГОМОГЕНИЗАЦИЯ. Характерный прием, состоящий в унификации всего спектра возможных соотношений человека с миром, собой, себе подобными. Задается единство многообразного: выделяется некое ценностное пространство, понимаемое как центр идейного тяготения. Оно обуславливает направленность, напряженность идейных силовых линий, искривляя, стягивая их на себя, не позволяя им выйти за свои пределы. Так устанавливается однородный духовный горизонт, представляющий содержательно непреодолимую границу. Примерами такого рода границ выступают **КОСМОС, БОГ, ЧЕЛОВЕК, ВОЛЯ, ВЛАСТЬ**

ЧЕЛОВЕК, ВОЛЯ, ВЛАСТЬ и т. д.

ГОЛОГРАФИЗАЦИЯ.

ГОЛОГРАФИЗАЦИЯ. Специфическая процедура, заключающаяся в рассмотрении, восприятии, оценке частей действительности через призму действительности как целого. Действительность философии гомогенизирована, есть полнота проявлений, разверток особого принципа, начала, лежащего в ее основании. Философ в силу этого не может не понимать действительность как мир чего-то, особенное всеобщее.

39

ТОТАЛИЗАЦИЯ.

ТОТАЛИЗАЦИЯ. Целостный охват отношений действительности, исходя из осмысления субъект-объектных и субъект-субъектных отношений *in toto*. Последнее вытекает из того, что философия не замкнута на специфическую предметность, не опосредуется каким-то преимущественным типом человеческого опыта, а функционирует как всеобщий синтез культуры, эпоха, схваченная в мысли (ПП. 1-4).

УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ.

УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ. Выявление форм всеобщности бытия посредством категориального членения действительности. Принцип подбора, построения категорий философии — парность, взаимоисключение. Копулятивная оценка альтернатив, фиксирующих предельно абстрактные противоположные определения действительности, позволяет, преодолевая частичный опыт (реализуемый в иных сферах духовного производства и аккумулируемый в понятиях менее высокой общности), наиболее общим образом судить о действительности. Конденсируя опыт толкования предельных самопроявлений бытия, категории философии выступают субъектами культуры. Ретроспектива их содержания представляет точки роста концептуального арсенала человечества. К примеру, в «причинность» укладывается и лапласовский детерминизм и вероятностно-статистическая форма детерминации.

ИНТЕНСИВНАЯ ТЕОРЕТИЗАЦИЯ.

ИНТЕНСИВНАЯ ТЕОРЕТИЗАЦИЯ. Ранее методом философии было идеологизирование — безудержное теоретизирование, переходящее в спекуляцию. Абстрагирование от качеств, признаков, акциденций, вещных свойств имело в последней степени своего завершения категории, которые функционировали как субстанции. Соответственно этому работа философа воспринималась как деятельность по комбинированию категориальных структур, что, однако, в качестве логического финала влекло игнорирование фактов, системосозидание, логомахию. Для философов одной из наиболее трудных задач было спуститься из мира мыслей в действительный мир.

На деле философствование привязано к опыту. Во-первых, оно отталкивается от совершенно определенной кон-

40

кретно-исторической реальности, задающей его содержательный контур; во-вторых, глобальные синтезы культуры, граничащие с выходом за пределы опыта, есть выходы (если они есть) лишь за пределы наличного опыта, а не опыта вообще. Границы философии — границы возможного опыта в данную эпоху, но предмет действительного опыта в эпоху последующую (П.5).

Общий баланс данных приемов в качестве своего интегрального эффекта, однако, не дает философствования как аутентичного действия. Это потому, что в философии в гораздо большей степени, чем где бы то ни было, метод — не канон, а «душа содержания».

Способ проведения глобальных синтезов культуры, фокусируемых на предельные самопроявления бытия, в результате

чего достигалась бы присущая философии идейная масштабность, глубина, не поддается формализации. Последнее представляло предмет озабоченности Канта, который утверждал, что философия, не построенная по образу и подобию строгой науки, функционирует как рассуждательство. Без соответствующей реформы, полагал Кант, философии нельзя обучать. Ибо неясно, где она, кто обладает ею и по какому признаку можно ее узнать? В результате можно лишь упражнять талант разума на некоторых имеющихся примерах.

За кантовскими аргументами — проблема. Позитивному философствованию, а не упражнению таланта разума на сумме примеров без соответствующей эвристической процедуры обучиться нельзя. В то же время философствование, не протекая по схемам познания прочих наук, не описывается в строгих терминах логики и эксперимента. Возможна ли (и если возможна, то как) культивация способности философствования?

Обсуждению вопроса способствует возвращение к ранее выдвинутому тезису о философствовании как практической деятельностной интуиции. Как она складывается? На этот счет имеется масса рецептов. Одни считают — через любовь, другие — через эвтюмию, третьи — через самоограничение. Естественно, существуют и четвертые,

41

и пятые, и десятые... В общем случае, на наш взгляд, «формовка» цеховой творческой активности в философии производится путем встраивания неофитов в единую динамику проблем и решений. Задатки и зачатки философского склада ума могут быть у всякого, но способностью философствовать (а не заниматься рассуждательством) обладает лишь профессионал.

Профессионал в отличие от непосвященного приобщен к историко-философскому процессу, который снабжает его наработанными традициями освоения предметности. Без них отсутствует понятие философского деятельностного инструментария. Но дело не сводится только к этому. Развитие философии — не бессмысленная чехарда систем, а осмысленное преемственное движение от системы к системе, где каждое последующее теоретическое состояние конституируется как коренная переработка, снятие состояний предшествующих. Прошлое в философии не отбрасывается, а включается как момент, ипостась в настоящее. История, таким образом, входит в теорию; она является живым компонентом философского знания. Без представления панорамы становления, эволюции теорий отсутствует капитальное для философии понятие глубины тематизации содержания.

Если верно, что научная истина есть истина, взятая с обоснованием, то верно и то, что философская истина есть истина, выстраданная в лоне историко-философского процесса. Знание последнего образует картину категориальных связей, дает срезы, площади сечений предметности и одновременно форпосты, точки роста, ступени движения человечества по лестнице познания. Вне истории философии нет теории философии, нет возможности генерации философских результатов.

В свете сказанного понятно, почему история философии

выступает школой мысли. Лишь приобщение к творческому наследию классиков философии воспитывает собственные навыки философствования, оно же приводит к оформлению характерной практической интуиции «как действовать».

42

Но и сказанного недостаточно для представления того состояния духа, которое знаменует его внутреннюю готовность к философствованию. Традиция связывает последнее с приобщенностью к мудрости, вытекающей из знания жизни, ее постижения. Типологии стадий кристаллизации мудрости на основе накопления жизненного опыта неизменно отводят философии наиболее почетные, престижные места. Во всех случаях философия олицетворяет способность понимания самой глубины вещей, существенных первооснов, истоков сущего. Для этого и вправду требуется особое призвание. Призвание к абстрактному подходу, реализму, широте взглядов, критичности. Естественно, это дано не всякому. Между характером занятий и характером, занимающегося ими, в философии должно быть соответствие. Его отсутствие губительно: разрушается возможность философского созидания.

Однако и это не все. Философия — мощный индуктор духоподъемности. Конструируя идеально средний тип человека, философ обращается к людям с некоей «правдой жизни»: как жить, для чего жить. Поэтому в философии значителен элемент подвижничества, проповедничества. Демокрит пошел на членовредительство, Диоген — на отказ от мирских благ, отказу от убеждений Сократ предпочел смерть...

Опыт миссионера может не согласовываться с принципами его учения. Он не обязан жить, как думает, и думать, как жить. Не то философ. От иных деятелей духовного производства философов отличает особое отношение к истине, которое органически вписано в структуры его жизненного мира. В случаях, когда это не достигается, нарушается гармония теоретического и практического, слова и дела, знания и убеждения, должного и сущего, закрадывается сомнение в принадлежности философствующего к клану философов. Таким образом, чтобы стать философом, надо искать истину, но для того, чтобы быть им, надо жить в соответствии с истиной.

Хотя, конечно, и это далеко не исчерпывает тему природы философской деятельности, назначения, призвания философа.

43

1.2 Материнское лоно философии

Согласно развитой в 1.1 исходной трактовке философия выступает духовным образованием, причисляемым к рационально-теоретическому типу мировоззрения. Дабы сложиться и состояться в качестве специфической идейной формы, философии надлежало выделиться из некоего анцестрального целого в качестве производной части. Под влиянием чего, как именно это происходит?

1.2.1 Особенности древнего (архаичного) интеллекта

Основная трудность постадийной реконструкции

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

мыследеятельности первобытных гоминид с момента их появления — скудость источников. Поставщиками необходимых данных являются: этнология, дающая сведения об обществах на различных ступенях его развития; зоопсихология, исследующая проблему статуса мышления древних гоминид: принадлежит ли оно к рассудочной деятельности животных или несет в себе человеческое начало; разнообразные реконструкции мыслительных процессов ископаемых гоминид посредством уточнения динамики морфологических структур и их функциональной интерпретации; археология, устанавливающая и восстанавливающая по остаткам культуры связи мышления с человеческой деятельностью.

Из этого эмпирического массива произрастают немногочисленные теоретизации, в кругу которых по масштабности и претенциозности выделяются концепция первобытного мышления Леви-Брюля и концепция бессознательного Фрейда. Анализ содержащихся в них трактовок явлений — самостоятельная тема, поэтому перейдем к контраргументации.

Сомневаться в солидности схемы мистической по содержанию и дологической по типу концептуальной организации первобытной мысли заставляет понимание предпосылок адаптационного совершенствования человечества как рода. В фундаменте естественного человеческого прогресса — рационально-логическая составляющая, без которой человек с его интеллектуальным оснащением не-

44

конкурентоспособен. Правдоподобнее поэтому более гибкая линия: была как элементарная мистика (примитивный алогизм, партиципативность), так и завязанные на практику предметно-ориентированные зачатки рациональности (предметные связи на почве моторно-сенсорного анализа наглядно-действенных опробований феноменов мира, отображений объективных фрагментов окружения, накопления манипуляционного опыта, взаимопроникаемости видотипических и более лабильных индивидуально-изменчивых фигур поведения, серьезно ограничивающих «нерациональный» мыслительный антураж деятельности). Таким образом, было как одно, так и другое, существовавшее в некоем целом нераздельно и неслиянно.

Что это за архаичное целое? Данные истории и этнографии позволяют допустить нерасчлененное синкретическое первобытное сознание, где ложный миф уживался с объективным знанием. Критики концепции партиципативного мышления не учитывают того, что древний человек жил в мифе и мифом: он жизнеутверждался, мыследействовал в нем. Сторонники этой концепции недооценивают того, что человек жил в мире, освоение объективных связей и отношений которого составляло решающее условие его выживания в нем.

Допущение первобытного двойственного сознания-кентавра, в недрах которого кроются элементы сакральных и рациональных когнитивных комплексов, снимает недостаточность леви-брюлевского взгляда, образует остов лишнего односторонности толкования проблемы. Развертывание сакральности и рациональности (в широком смысле) из первобытного сознания

представляется параллельным процессом.

Накопление и обработка результатов предметно-ориентированной активности, венчающиеся оформлением рациональной парадигмы, стимулировались практическими потребностями — необходимостью оптимального отправления жизненно важных функций (охота, строительство, ориентирование на местности, определение направления движения и т. д.). Мифологическая компонента первобытного

45

сознания, ответственная за бессознательно-художественную переработку природы, с обуславливаемым ею буквальным, безусловным толкованием образов как самостоятельных сущностей, дает начало сакральной парадигме — мистико-символическому образу мироздания на основе засилья аналогий, оживотворения (гилозоизм), одухотворения (аниматизм), одушевления (анимизм) действительности, уподобления природных отношений человеческим (антропоморфизм) и общественным (родовой социоморфизм).

По поводу фрейдизма подчеркнем лишь допускаемую им неоправданную гиперболизацию бессознательного. Эффекты слияния отражаемой действительности с безрефлективными субъективными состояниями за счет отождествления себя с элементами среды вполне реальны, более того — в избытке представлены на архаических ступенях, когда значительна роль субсенсорных восприятий и прочих усиливающих приспособительные реакции резервных возможностей психики. Однако они не подменяют и не покрывают всего богатства форм взаимодействий субъекта с миром. На ранних ступенях человеческого общежития радикализуется функция эмпирического опыта, поставляющего достоверные наглядно-действенные и наглядно-образные обобщения. Помимо этого по ходу рационализации и генерализации предметно-практических связей складываются комплексы абстрактного сознания, без которого предки человека не были бы человеческими предками. Сказанное подводит к заключению, что приобретающая общемировоззренческий смысл фрейдовская концепция бессознательного (проявляющегося по большей части на уровне коллективных ритуальных действий под влиянием суггестии) требует серьезной коррекции и никоим образом не может быть принята безоговорочно.

Из изложенного удержим во внимании мысль о двусоставности архаичного интеллекта, где наличествовали пласты мистико-символического и вполне рационального. Первое индуцировало становление чувственно-образных, (практически-духовных), второе — рационально-логических (духовных) форм.

46

1.2.2 Мифо-поэтический комплекс

Предковая питательная среда, выпестовавшая философию, — нерасчлененный мифо-поэтический комплекс, представляющий конгломерат чувств и образов, ассоциаций и понятий и проводящий первично-элементарную тематизацию вопросов мира

(мироустройство), человека (судьба), их взаимосвязи (ценностно-смысловая канва жизни).

Характерной чертой этого комплекса выступала синкретичность, проявляемая как структурно, так и функционально. Структурный «синкресис» — смешение, сочетание практически-духовных и духовных, эмоциональных и рациональных способов освоения действительности. Функциональный «синкресис» — актуальная недифференцированность творческих самопроявлений аэдов — исполнителей героических песнопений, олицетворявших принадлежность к мифо-поэтическому комплексу, т. е. обладавших монополией на производство и воспроизводство продуктов рапсодно-эпической деятельности.

Логика совершенствования искусства аэдов около 700 г. до н. э. стимулировала разделение их музыкально-поэтического самовыражения на рецитацию (художественная декламация эпических произведений) и кифародию (лирическое сольное пение под кифару), что содействовало суверенизации в мировоззренческой рапсодно-эпической системе двух подсистем: эмоционально-образной, представленчески-ассоциативной и понятийно-рассудочной, логико-теоретической. В подсистеме первого типа в виде зачатков консолидировались практически-духовные (мифология, искусство, религия), в подсистеме второго типа — духовные (наука) способы освоения мира.

1.2.3 Чувственно-образные (практически-духовные) формы

Мифология — система сказаний, преданий, легенд, при помощи воображения объясняющая происхождение и протекание природных и социальных процессов. В структуре мифа просматриваются:

47

а) когнитивный (познавательный) компонент — миропонимание: этиология мира, происхождение сущего, вопросы первопричины, явленности из нее вещности, богов, людей;

б) нормативно-императивный (предписательно-побудительный) компонент — принципы жизнедействия: инструкции, ценности, установки, идеалы, директивы, регулятивы;

в) активистско-манипуляторский (практицистский) компонент — миродействие: обмен деятельностью, социальное взаимодействие, межличностное общение, линии поведения, самоутверждение, ритуально-мистические, культовые акты, влияние на среду обитания (фесмофории, жертвоприношения), символические обряды, магические техники, заклинания, имитации.

Миф — образно-представительная вариация художественного эпоса с явно выраженным тяготением к героико-фантастическому воспроизведению явлений действительности, сопровождаемому конкретно чувственной персонификацией психических состояний человека. Потенциальное или реальное ослабление или упразднение этих качеств трансформирует миф в сказку — лишенную отобразительности, собственно назидательную разновидность фольклора.

Религия — иллюзорно-фантастическое воспроизведение

реальности, опирающееся на религиозность, под которой понимается безотчетно исповедуемая уверенность наличия высших, сверхъестественных, потусторонних независимых сил, каким-то образом определяющих порядок мира и человека. Базис живой религиозности — мифологическое миропонимание и миродействие. В гносеологической плоскости — фетишизм: обожествление (персонификация, тотемизация) предметов, явлений природы, стимулировавшее упрочение вероисповедного (суеверного) сознания. В праксиологической плоскости — ритуализм: оргиастичес. кие, мистериальные культы, магические техники, обряды, жертвоприношения, отрабатывающие методики воздействия, влияния на супранатуральную действительность.

48

Переходу от частных (местных, автохтонных) племенных культов к общезначимым способствовала традиционная систематизация пантеона. Действительно. Самоидентификация людей во времени, осуществляемая будирующим воображением преданием, означала выработку многопоколенного средового субъекта, снимающего в себе как сыновьем лице родовую историю в целом. Культивируемое традицией чувство родовой общности примечательно в двух отношениях. В организационном плане оно влекло обособление «создателя» как полнокровного, постоянного и полномочного обитателя родовой среды *in toto* (преодоление предметно-явленческих дифференцировок тотемистского сознания). В познавательном плане оно подкрепляло мистико-символический образ мироздания с дуальностью миров в основе: повсеместные элементарные инкарнации духовного в естественное вытеснялись более зрелым обобщенным понятием сакрального универсума, наводненного знаменами, циклами, демоническими, тайными, роковыми факторами, расцениваемыми как подлежащие расшифровке волеизъявления свыше.

Идейный корень религии, следовательно, двоякий. С одной стороны, противопоставление человеком самому себе продуктов своей духовности, объективируемых, наделяемых независимым, автономным существованием. С другой стороны, традиционализация устоев, норм, канонов жизни, придающая им надличностный, трансубъективный, имперсональный статус и одновременно связывающая их появление с тем или другим священным авторитетом (систематизация в более раннее время мистериальных культов — Аттиса и Кибелы, Деметры и Митры, Адониса, Исиды, Сарапписа; в более позднее время — императорская эпоха (Рим) — официальных культов — Благоденствия, Справедливости, Мира Августа, Предусмотрительности и др.).

Магия — множество верований, срощенных с таинственными обрядовыми, культово-символическими, ритуально-колдовскими действиями, призванными повлиять на реальность. Содержательное ядро магии — отождествление

49

желаемого и действительного, достигаемое либо в имитации конкретных жизнеобеспечивающих усилий, реальных практических актов, либо в чародействе. Объективируясь в обряде, закрепляясь в обычае, практицистски-манипуляторский, деятельностный

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

компонент становится стержнем традиционного поведения.

Искусство — совокупность символических (мусических, изобразительных) форм, воссоздающих действительность при посредстве эстетических законов, выразительных средств, художественных приемов, в опоре на воображение и фантазию. Источник формотворчества в искусстве — художественный идеал, реализующийся многообразно: реалистично и иллюзорно, гармонично и дисгармонично, филантропично и мизантропично и т. д. Фикс-пункт искусства — образное отношение (непосредственная мысль), варьируемое в своих воплощениях глубиной и широтой выразительно-эстетических возможностей, консолидирующих чувства, полет мысли, волю и вдохновляющих их на творческие продуктивные опыты воспроизведения мира в богатой человеческой субъективности (созерцание, представление, переживание).

1.2.4 Рационально-логические (духовные) формы

Обособившийся из рапсодии (песенное слово) эпос (повествовательное слово), ориентированный на системно-логическую организацию, понятийную проработку, фиксацию явлений действительности, стоит у истоков философии. Такова одна сторона дела. Другая заключается в складывании самих механизмов воспроизведения, воссоздания мира как мыслительного целого.

Обретение мировоззренческим комплексом черт рациональной теоретичности усматривается в кристаллизации в культуре элементов научного дискурса. В содержательном отношении данный процесс проходил как подготовленный практикой фронтальный переход от мифа к логосу. Решающими условиями этого перехода — факторами, осуществившими прорыв мифопоэтического сознания и объективно способствовавшими образованию зачатков

50

структур, приведших к последующему расцвету рациональной мысли, были:

— отказ от «оборотнической логики» мифа, препятствующей оформлению столь фундаментальных принципов научной идеологии, как непротиворечивость, универсальность, инвариантность и т. п. Известно, что основу отношений к действительности народов, находящихся на низших стадиях развития интеллекта, образует чувственная наглядность, исключающая возможность оформления картины номологически самодостаточной, внутренне связанной, себестождественной действительности. В частности, представители племени аранта типологизируют мир, используя оппозицию «вижу — не вижу», которая, как нетрудно видеть, обуславливает его самонетождественность. Самонетождественность мира в такого рода сознании предопределена своеобразной дубликацией миров, вытекающей из способности человека мыслить предмет в качестве существующего помимо «видимого» еще и в «невидимом» мире.

Подобна этому и система типологизаций мира, принятая в рамках мифа. Мифологическое сознание отождествляет предмет с образом, данностью предмета человеку, в зависимости от его рецепций заставляя «оборачиваться» предмет, претерпевать чуждые

ему метаморфозы. Поэтому в уме носителя мифологического сознания, которое на ранних стадиях филогенеза также наличествует у ребенка, все сливается в единое целое, все трансформируется во все, в нем не проводится границы между реальным и нереальным, объективным и субъективным, подлинным и мнимым, — все этому уму «представляется разрозненным, случайным и, пожалуй, только возможным и действительным, а никак не необхо-

51

димым».⁸ Отсюда следует, что разложение и объективный отказ от «оборотнической логики» мифа, причины которого мы ввиду обширности вопроса оставляем за пределами работы, явился величайшей революцией в мышлении, утвердивший картину «нераздваивающейся», «инвариантной» и т. п., т. е. в зависимости от свойств человеческой психики не испытывающей произвольные превращения-бифуркации действительности;

— замена духовно-личностного отношения к действительности объектно-субстанциальным. Разрушение мифологического тождества человека и действительности, имевшее итогом эмансипацию последней, привело к становлению «объектной идеологии». Существенным является то, что действительность в ее рамках предстала уже не как духовный, но как вещный объект, самодостаточное вне-субъективное образование, не зависимое от «зигзагов» чувств и сознания и подлежащее в силу этого объективному рассмотрению. Утверждение этой идеологии незамедлительно способствовало возникновению многочисленных максимально приближенных к науке по своему познавательному статусу конструкций. Таковы, к примеру, разветвленные теогонические системы, которые в отличие от мифологических систем не непосредственно чувственны — эстематичны, а опосредованно дискурсивны — ноэматичны. Они содержат в себе уже некий ингредиент научности, сказывающийся хотя бы в предполагаемых ими принципах рационального конструирования мира «из него самого», а не из перцепций индивида;

— формирование естественного истолкования событий. Под этим понимается качественный сдвиг в познавательном процессе, который происхо-

⁸ *Аскольдов С. Основные проблемы теории познания и онтологии. СПб., 1900. С. 7.*

52

дит под давлением требования апеллировать не просто к любым надсубъективным основаниям в ходе категоризации явлений действительности, а исключительно к природным, вещественным, органическим и т. п. основаниям. Существо этого сдвига наглядно иллюстрируется примером трансформации принципов истолкования событий в рамках тео- и космогонии. Анализ факторов «гонии» в одном и другом случае показывает динамику семантических ресурсов, которая подчиняется закону последовательной замены всего сверхприродного, неестественного, реально неудоверяемого и т.п. на противоположное (природное, естественное и т. п.).

В связи с этим нельзя не коснуться такого важного момента, как становление причинно-следственной типологизации явлений
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

действительности. Мифологическое сознание, основанное на непосредственной проекции человеческих чувств, страстей, переживаний на действительность, очевидной анимизации мира, прибегало к типологии «причина-значение». Иного и не могло быть, т. к. всякое событие, будучи одухотворено, представлялось не как естественное, а как символизирующее нечто в отношении к воспринимаемому: оно рассматривалось как знак чего-то им обозначаемого, за ним скрытого, которое каким-то образом взаимосвязано с субъектом восприятия. На этом фоне складывался своеобразный символический параллелизм эмоций и событий с неизменными спутниками — «оборотнической логикой» и отождествлением мысли и действительности. Однако постепенный отход от одного и другого, о чем говорилось выше, одновременно разрушал основу для типологии «причина-значение». В самом деле, если действительность независима от субъективных аффектов, если субъективное и объективное не тождественны, то «основание» явлений действительности следует искать не в субъекте, а в ней самой. Одновременно идея самодостаточности действительности навязывала вопрос

53

о механизме ее внутренней организованности, целостности, связанности, что при учете перехода к истолкованию действительности через естественные факторы привело к оформлению причинно-следственной типологизации явлений, которая выступает краеугольным камнем научного интеллекта.

Резюмируя, отметим: наиболее отдаленными предпосылками становления науки из донаучного сознания являются:

— упразднение мифологической логики абсурда, представляющей обобщение правил категоризации действительности на основе типологии «причина — значение». Поскольку в соответствии с этой типологией некоторое событие А расценивалось не в качестве самождественного ($A=A$), но в качестве символизирующего некое другое событие ($A\epsilon B$, где « ϵ » — знак эквивалентности), устанавливалась своеобразная логика абсурда, утверждающая обязательность многозначности. Совершенно ясно, что разрушение этой логики и переход к традиционной логике с законами тождества, непротиворечия, исключенного третьего являлись минимальным условием возникновения науки;

— оформление таких способов познания, которые, опираясь на дискурсивные рациональные комплексы и основания, конституируют элементы объектного мышления, ориентированного на получение знания об объективном сущем.

1.3 Рождение философии

Тесное взаимодействие в культуре мифо-поэтического (мировоззренческого) и теоретико-дискурсивного (категориально-логического) комплексов с параллельной их структурной и функциональной дифференциацией включали необходимые и достаточные предпосылки оформления философии.

54

1.3.1 Осевое время

Хронологически возникновение философии мы помещаем в осевое время — рубеж VIII—II вв. до н. э., когда в разных частях света — на Ближнем и Дальнем Востоке, античной Греции — набрало силу, окрепло, упрочилось то идейное движение, которое в виде специфического типа духовного производства, формы общественного сознания существует и поныне. Осевое время — знаменательное, породившее массу необычайного, связанного с осознанием бытия как такового, человеческого явления в мир, его назначения. Осевое время есть финиш и старт одновременно. Завершается непосредственное отношение человека к действительности, себе, себе подобным. Начинается рефлексивная стадия существования, когда, осознавая свое содержание и границы, человек осмысливает высшие ценности и цели, — сознание оборачивается на сознание, мышление представляет себя собственным объектом анализа.

Глубокие изменения в человеческой ситуации, означавшие отход от растительного проживания, повлекли всеобщее пробуждение духа, идейное одухотворение: «тем, что свершилось тогда, что было создано и продумано в то время, человечество живет вплоть до сего дня».⁹ Действительно. Осевое время — эпоха, когда жизнедействовали в Китае Лао-цзы, Кун-цзы, в Индии — Шакьямуни, в Персии — Заратустра, в Палестине — пророки Иеремия, Аввакум, Даниил, Иезекииль, в Греции — ионийцы, дорийцы, элеаты, сформулировавшие важнейшие философские понятия и представления.

Главное, что противопоставляет духовные завоевания представителей осевого времени свершениям их предшественников, — рефлексивный подход (различение мысли и предмета мысли), начинающаяся рационализация, неуклонно трансформирующая героическое правдоподобие в гражданское жизнеподобие, обряд в норму, традицию в закон,

⁹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М., 1991. Вып. 1. С. 37.

55

быт в бытие, не подвластное уму чувственно конкретное в абстрактно мыслительное, умопостигаемое. Такое, подчеркиваем, оказалось возможным в результате сращения мифологических и пранаучных порядков, породивших философию, которая заменила духовное освоение мироздания через одно голое, прихваченное огоньком ассоциативности настроение (эмоционально-образно-представленческий уровень) логически системным, рационально-категориальным (теорийный уровень) его освоением.

С мифологией философию единит предметная сфера, тематическая область, проблематика; с наукой философию роднит демонстрация, способ фиксации, удостоверения результатов, аппарат обоснования.

1.3.2 Философия — «мыслящее рассмотрение предметов»

Симбиоз мировоззренческого (мифологического) и дискурсивного (пранаучного) породил не какую-то конкретную систему знания: он стоял у истоков «любви к мудрости»,
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

выполнявшей в рамках духовной жизни того времени всеобщую критико-рефлективную функцию. Исходное назначение, призвание философии — быть средством умственной критической аналитики: посредством дискурсивного преодоления мифологии разрешать вопросы не прежде, чем их успела поставить мысль.¹⁰

В своем первоисточном содержании философия практически совпадает с религиозно-мифологическим мировоззрением. Последнее точно фиксировал Гегель, подчеркивавший: в мифах, «фантастических представлениях и положительных рассказах в собственном смысле этого слова религия обладает всеобщими мыслями как внутренним содержанием, так что мы должны лишь вышелушить это содержание из мифов в форме философов».¹¹

Та же проблема первооснов сущего оказывается стержнем мифологем буквально всех народов мира. Она обсуж-

¹⁰ Вундт М. *Греческое мировоззрение*. Пг., 1916. С. 144—145.

¹¹ Гегель Г. В. Ф. *Соч. М.*, 1932 Т. IX. С. 63.

56

дается в «Теогонии» Гесиода, «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. Ставится она и в Ригведе, где в «Гимне о сотворении мира» спрашивается:

Откуда родилось, откуда это творение?

Даже боги (появились) посредством сотворения этого (мира).

Так кто же знает, откуда он появился?»²

Идейно-тематическое единство философии и мифологии очевидно: содержательная плоть философии вырабатывается в недрах религиозно-мифологической оболочки. Однако, упрочаясь, эта плоть уничтожает предковую форму, придавая ей очертания дискурса. Различие мифологии и философии не в проблематике мира, а в характере ее (проблематики) мыслительного конституирования. В случае философии всегда это — «мыслящее рассмотрение предметов» (Гегель), совпадающее с дискурсивным сознанием, как таковым. «Происхождение сущего в не-сущем, — указывает Ригведа, — открыли мудрецы размышлением, вопрошая...».¹³ Имеющее под собой вопрошание-размышление — отправной пункт философии, предметно не ограниченной ничем, а потому рефлектирующей над всем, потенциально для мысли значимым. Любовь к мудрости, следовательно, тематически совпадает с идейным освоением «мира в целом». Последний вне каких-то детализаций и предстает объектом сугубо философского рассмотрения, становящегося синонимом любого умственного вообще. Философия объем-лет все, исчерпывая мыследеятельность.

Таков взгляд на предмет в плоскости «содержание». Взгляд на предмет в плоскости «форма» предполагает внесение ряда уточнений. «Мыслящее рассмотрение предметов» — будучи универсальным способом проявления ищущего сознания — совершенно естественной стержневой целью имело оценку деятельности по конструированию

¹² *Ригведа. Избранные гимны*. М., 1972. С. 263.

¹³ *Там же*.

57

образов мира. Аналитика способов данности мира сознанию, предполагая обращение мышления на себя, исследование природы понятий, в качестве необходимого результата влекла становление

«мышления о мире через мышление о мышлении». Подобная тактика, сепарируя объективное и субъективное, дискредитировала наивное перенесение черт человеческого на природное, препятствуя мифологической антропоморфизации действительности, дисциплинировала выработку ее (действительности) мыслительного выражения. Обретение рефлексией наряду со специфическим содержанием специфической формы знаменовало появление философии.

Мифологическая — дорефлексивная, дофилософская — стадия не дифференцировала мир и образ мира. Как результат — иллюзорные картины персонифицированной природы, в перипетиях которой человек участвует целиком: описания событий реализуются как действия, по необходимости приобретая форму рассказа.¹⁴ Скажем: мы полагали бы, что некие атмосферные процессы прекратили засуху и вызвали дождь. Вавилоняне же, наблюдая сходные явления, «внутренне переживали их как появление гигантской птицы Имдугуд, явившейся им на помощь. Она покрывала небо черными грозowymi тучами своих крыльев и пожирала Небесного Быка, чье горячее дыхание спалило посеvy». ¹⁵ Аналогично индонезийцы, «придерживаясь верования, что... рис обладает душой... обращаются с ним с таким же почтением и такой же заботой, как и с себе подобными... Чтобы не испугать *душу* риса, которая могла бы сделать выкидыш и не принести урожая, они в полях не стреляют из ружей и не издают громких звуков... Более того, они подкармливают цветущий рис пищей, которая считается полезной будущим матерям. Когда же начинает наливаться зерно, с ним обращаются как с новорожденным, женщины ходят по полям и, как младенцев, кормят растения рисовой похлебкой». ¹⁶

¹⁴ См. Франкфорт Г. и др. *В преддверии философии*. М., 1984. С. 27.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 387.

58

Вопреки этому философские трактовки-экспликации объективированы — отстранение обезличены. Таковы демифологизированные начала мира: «вода» Фалеса, древнекитайское «дао» — «мать всех вещей», «глубочайшие врата рождения».

Мифологическое мировоззрение складывалось и проявлялось как очеловечение бытия, проецирование на внешнюю реальность личностных переживаний, чтобы «воспринимать их вслед за тем как воздействие демонических сил». ¹⁷ Вопреки этому философское мировоззрение неантропоморфично, складывается и проявляется как неперемное рефлексивное различие бытия и мышления, материи и духа, действительности и сознания, реального и идеального. Исходно философия оформляется как модельное комбинирование коренных бытийных начал — оппозиций, как интеллектуальная (неассоциативная) техника опосредования пределов — крайностей. Симптоматичен список из десяти вопросов, вызвавших многозначительное молчание Будды. Вечен ли мир? Или не вечен? Конечен ли мир? Или бесконечен? Тождественна ли душа с телом? Отлична ли душа от тела?

Бессмертен ли познавший истину? Или смертен? Будет ли познавший истину одновременно и бессмертным, и смертным? Будет ли он ни бессмертным, ни смертным?

С позиций своей теоретико-познавательной основы мифология суть грандиозная логика движения в образах, крепящаяся на схеме конкретного исчерпания смысла жизненных реалий (оппозиций). Абстрактность вводимого объемного представления какого-либо явления содержательно преодолевается здесь посредством оценки деталей, акцента на контрастирующие нюансы. Смысл целокупного мифологического образа, указывает Голосовкер, всегда многогранен, потому «принцип контраста проводится в разнообразных планах, создавая как бы систему кривых, по которым двигаются детали единичных конкретных образов того или иного мифа или его варианта...

¹⁷ Вундт М. *Цит. соч. С. 145.*

59

Контраст вызывает последовательную метаморфозу в рамках целокупного образа, раскрывая единичные его обнаружения до полного исчерпания... смысла».¹⁸

Скажем: понятие «видения» дробится на созерцание, прозрение, знание, понимание, всеведение, задаваясь цепочкой односторонних мифопоэтических картин. «Одноглазый циклоп — это лишь простое внешнее ведение, но не знание. Ему противопоставляется Аргус — зрящий во все стороны тысячеглазый страж Ио. Видящий во все стороны — это не всевидящий. Все видит лишь Гелиос, у которого «что ни луч, то глаз». Этот ряд видения, но не ведения завершается Линкеем — героем, взор которого проникал сквозь все препятствия. Далее анализ захватывает пару Эдип — Тересий. Первый зряч, но слеп — действует как слепой, совершая предписанные судьбой преступления. Второй слеп, но зряч, получил от богов дар провидца, и глаза ему не нужны».¹⁹

Вопреки этому философское освоение предметности категориально, предусматривает развертывание не образных, а абстрактно-понятийных форм. Когитальный строй философии, утверждаясь в опоре на мыслительные универсалии, преодолевает мифологическое «разорванное сознание», тормозящее складывание целостно рационального отношения к миру. Протекающие в разных культурных точках осевого времени процессы слишком похожи друг на друга, чтобы быть случайными, они слишком скоординированы, чтобы быть стихийными, они слишком приметны, чтобы быть незамеченными.

Абстрактно-логическая демифологизация интеллекта проявлялась в категориальной реконструкции природы мира, порождаемого развертыванием вездесущих умопостигаемых первоначал, — первооснов — первоэлементов. Ригведа называет «нечто», дающее рождение всем существам. Ионийцы вводят начала, лежащие в основании всего

¹⁸ Голосовкер Я. Э. *Логика мифа. М., 1987. С. 50.* ¹⁹ Донских О. А., Кочергин А. Н. *Античная философия. М., 1993. С. 75.*

60

сущего. Даосы, говоря о разнообразии вещей, уточняют, что все они возвращаются к своему началу. Возникающая схема онтологического «подлежащего» — основы, фундамента

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

реальности — упраздняет возможность образного ее освоения; великие элементы мира даны законам ума, не сакральны, а рациональны.

1.4 Философия в контексте духовного опыта

Как отмечалось, философия возникла из мифо-поэтического комплекса за счет рефлексивного преодоления его душевно-жизненной подвижности, образности. Формы мышления, отмечает Гегель, высвобождаются из того материала, в который они погружены при сознающем себя созерцании, выделяются в нечто самостоятельное, делаются предметом автономного рассмотрения; этим начинается их познание в понятиях, а с ним — философия.²⁰ Такая трактовка генезиса философии обязывает сопоставить ее природу с природой иных продуктов расщепления некогда единого (синкретичного) мифо-поэтического комплекса, к каким относятся вышедшие из него, обретшие независимость идеология, политика, наука. Уяснение отношения философии к данным формам духовной культуры способствует уточнению понятия особенностей философии.

В качестве отправного пункта изложения выскажем мысль, что политика, идеология, наука, философия — разные, качественно отличные друг от друга, не совпадающие виды духовного освоения действительности, что отражает и выражает не на поверхности обнаруживаемые детали развития, а сущностные черты функционирования их в культуре. Вопреки насаждаемым в недавнем прошлом конъюнктурным представлениям, будто появление марксизма-ленинизма знаменовало какой-то принципиальный поворот в соотношении данных отсеков духовности, мы обосновываем, что философия не стала и не

²⁰ См.: Гегель Г. В. Ф. *Наука логики*. М., 1970. Т. I. С. 84.

61

могла стать специфической наукой; идеология не приобрела и не могла приобрести научно-философский характер; придание же «научной философии» марксизма-ленинизма статуса идейного базиса политики повлекло общенациональный кризис.

1.4.1 Политика

Политика — компонент общественного сознания, которое, если брать его синкретически, есть мыслительная сфера, представляющая духовное воссоздание социальных проявлений. Общественное сознание реализуется через формы, оказывающиеся специализированными восстановлениями соответственных пластов групповой жизни, последовательными осознаниями конкретных воплощений «развитого общежитного состояния людей» (Менделеев), концептуально воспроизводимых в специфических терминах. Своя соотнесенность с реальностью (система моделей) у науки, искусства, морали, права, религии, мифологии. Своя — у политики.

Как форма общественного сознания политика не совпадает с государственно-властным истеблишментом налаживания, поддержания «роевых» связей. Государственные институты, власть и политика близки, но не тождественны. Государственные

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

институты — полость для инсталляции политических акций. Власть относительно политики — анцестральный фактор. Она устанавливается разнообразными рычагами, задающими на пространствах совокупного взаимодействия отношения господства и подчинения. Преобладание, доминирование, влияние утверждаются через:

— диктат: навязывание решений, линий в рамках общества как механической солидарности, которое недостаточно органично, чтобы не работать в режиме элементарного инструментария «команда — исполнение»;

— язык: господство речи — господство власти (Л.Вала), единство государственности достигается единством языка, образования. Имеется и иная

62

сторона вопроса, связанная с вовлечением масс в вершение истории за счет фасцинации. «Есть такие слова и выражения, — отмечает Пирс, — которые в определенных исторических условиях оказывают одинаково сильное воздействие на большинство людей, такое же, какое оказывали бы картины действительности, звуки и события, с которыми эти слова и выражения связаны. Так, слова молитвы могут вызвать сильные религиозные чувства, политические или расистские эпитеты — тревогу или презрение, а грязные шуточки — сами понимаете что».²¹ Применительно к обстоятельствам фасцинация варьируется, усиливаясь и достигая апогея при умело организованном подстрекательстве, — искусство политической узурпации собственных, темных колебаний толпы;

— манипуляция: не только любовь и голод правят миром, но и конформизм, уподобление, некритическое единение с подобными себе (замятинская трансформация «Я» в «Мы»); обогащение, подражание, тщеславие — «три кита» обывателя, политически активизируемые при творении адептов, необходимом включении различных частей в плотно неразличимую массу;

— подобострастие: настаивал господь: «Бойся того, кто может убить душу, а не тело». Наиболее сладкая власть — над душами. Ее жаждут мнимые пастыри, принимающие роль божескую: «Я есмь дорога, истина и жизнь». Воплощение этой неполитической власти — Фома Опискин, ему уподобляются современные новоявленные социальные резонеры, ищущие прецеденты публичных вменений. Моральная власть — тяжелейший крест, несоизмеримый с шапкой Мономаха. Можно развертывать версии аксиологии, но

²¹ *Символы, сигналы, шумы. М., 1967. С. 142.*

63

нельзя менторствовать по поводу приобщения к развернутым аксиологическим версиям. Одно дело посильно служить высокому, иное — прямо выступать от его имени. Последнее прекрасно сознавал Толстой, с высоты прожитых лет говоривший на станции Астапово: «Только одно советую помнить, что на свете есть много людей, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва»; Обреченность на правоту — магическое свойство, но те, кто, как лидеры КПСС, присваивают его себе, кончают плохо. Весь мир не погибнет, если некий моралист остановится. Моральная власть сама себя отменяет. «Вы видите, что уже изменяется мировая сцена: надо или снять с себя маску, или каждому играть свою роль», —

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

рекомендовал Эразм. «Моральная маска — персональная роль», — антагонизм между ними глубоко чувствовал Толстой, обостривший дихотомию ценностного идеала и его жизненного наполнения. «Я все готовлюсь к тому кресту, который знаю, к тюрьме, виселице, а тут совсем другой — новый и проклятый. Я не знаю, как его нести. Главная особенность его та, что я поставлен в положение невольного, вынужденного юродства, что я должен этой жизнью губить то, для чего одного я живу, должен этой жизнью отталкивать людей от той истины, уяснение которой дороже мне жизни».²²

Избегать морального менторства позволяет совесть: «я стыжусь, следовательно, существую» (В. Соловьев), которая есть подлинное начало личной и социальной истории; — демагогию: корыстная ориентация на «верность и терпение», нарочито извращающая реалии в угоду эгоистическим целям. В качестве фигуры надлежащей социальной практики укажем на ассистирующую репрессиям, разжигающую самодовольство и нетерпимость завистливую химеру

²² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 90 т.т. Т. 52. С. 108-109.

64

равенства, которая по ходу общественной реформации «гасит высшие человеческие способности» (Достоевский);

— патримониальность: опора на сакрализуемые традиции;

— легальную компетентность: добывающаяся «рентабельности» бюрократическая рациональность;

— харизму: дисциплинаризация общественных связей через героизм, вождизм, профетизм;

— преступление: корпоративность греха, которому страшен не ад, а угрызение, постоянные душевные тревоги, сковывающие несправедностями, точно тугим узлом;

— ритмику жизни: «если знать соблюдает ритуалы, народом легко управлять», — подмечал Конфуций. Совокупность кодифицированных ритуальных регулирований общественного бытия — гарант автономности; не случайно разгоняющие центробежные тенденции в бывшем СССР республиканские националисты начинали с внедрения новых норм, упорядочивающих существование. Характерное побуждение «убить инородца», появившегося в границах племени, — от отсутствия дифференциации и индивидуации внутри племени, способности признать другого без потери своей идентичности как функции локального этоса,²³

— любовь: созидание общности на началах персонального обмена деятельностью не избегает доминирования, которое в сфере интимной близости, индивидуальной приязни, свободно глубоких восторгов, порывов к взаимности, восчувствования идентичных ценностей приобретает вид плотской и метафизической зависимости. Используя нашумевшие образы, возможно фиксировать две ориентации в любви, передаваемые интригами

²³ *Peace and Sciences. Vien, 1979. N 3. P. 48.*

65

«Эммануэль» и «Орхидеи». В одном случае акцентируется сугубо инструментальный момент, оттеняемый в отношениях двух третьим. Последний осязаем и агрессивен. Настолько, что теряешься: зачем нужен второй. В другом случае любовь-техника

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

дополняется тонкой содержательной вязью, интим не создается без духовной близости, оформлению которой третий препятствует. Любовь-инстинкт и любовь-взаимодействие душ — две программы, стратегии, в чреде которых — жизнь, борьба за равенство против рабства. Итак, власть как доминирование конституируется правдой и заблуждением, пороком и пристрастием, достоинством и изъязмом, предательством и любовью, она не совпадает с политикой в функции специализированной семантической и деятельностной обработки действительности. В этой функции политика — раздел синэкологии — дисциплины, погруженной в жизнь сообществ и озабоченной раскрытием разновеликих по интересам, позициям, векторам, типам, способам проявления взаимоотношений внутри сообществ, между сообществами, сообществами и средой обитания. Политика как ресурс воздействия на реальность возникает ввиду учета коллизионных начал, обусловливающих интенсивность обменных процессов в створе глубоко жизненных антиномий: противник — соратник; друг — враг, согласие — несогласие, диссонанс — консонанс. Политика становится в обществе как культура практического разума по увязыванию (через компромисс, консенсус) групповых интересов. Исходя из сказанного, охарактеризуем материю политического.

Материя политического — социальность, межсубъективная ткань общения, стихия обмена деятельностью, человеческое взаимодействие, интеракция, вне и помимо которых применительно к вопросам политики ничего другого не существует. Власть выражает монополию насилия, политика — способ его отправления с опорой на легальные (официальные) и нелегальные (формально-неправо-

66

вые) средства. Результативная человеческая коммуникация как эффективный процесс во всей многогранности перипетий и ветвлений контрапункт политического.

Из данной мысли в качестве значимого удержим «результативность» и «эффективность». Согласно очевидным дистрикциям область возможных субъективных реализаций распадается на практику и духовность. В последней обособливается теоретический и практический разум. Теоретический разум а) «theoreia» — отрешенно умственное созерцание бытия, б) «sophia» — теорийная мудрость. Практический разум а) «phronesis» — практическое нравоучение, телесно-психическая гигиена жизни; б) «eubouleia» — практическая рассудительность в понимании природы вещей, умение действовать целесообразно.

Политику Аристотель сближал с этикой, поставляющей нравственно добродетельных, рассудительно осмотрительных людей — граждан, субъектов общежительности. Такой подход, разумеется, — идеализация: этика занята внутренней, политика — внешней стороной оценки, выбора, проведения и преследования интереса, зачастую удаленного от дианоэтических добродетелей. Независимо от этого, однако, уподобление политики этике в чем-то оправдано. Оправдано в аспекте осознания, что политика — синтетическая сфера, покоящаяся на «theoreia» и «sophia», но примыкающая к «phronesis» и «eubouleia». Если не будет

повиновения властям и закону, не будет политики, надстраиваемой над добродетелью граждан и политиков — носителей нравственно высоких начал, «бесстрастного разума», надзирающего за тем, чтобы властвующие властвовали и защищали от посягателей законные формы государственного быта. Выдворение этики из политики, следовательно, разваливает государство как способ гарантийного общежития граждан, пользующихся известным политическим устройством — порядком, лежащим в основании и распределении общезначимых функций власти.²⁴

²⁴ См.: Аристотель. *Политика*. Спб., 1865. С. 100, 217.

67

Посему политика — не «чистое», а заинтересованное (в идеале этическое) миропредставление и миродействие на базе предвзятых принципов. Прибегая к классическому философскому слогу, можно сказать так: политика — разум в практическом измерении — оформляется на стыке силовых линий «ума», «побуждения», «воли», поставляющих законы созидания сущего, руководства самополагания. В отличие от «theoreia» и «sophia» политика технологична; в отличие от «phronesis» политика прагматична, в отличие от «eubouleia» политика теоретична. Политика, следовательно, — практически-духовная форма, крепящаяся на чистом, но обслуживающая практический разум, она не просто вырабатывает модели реальности, но подводит под них овеществление, согласованный *modus vivendi* — баланс страсти и здравомыслия, порыва и мудрости, импульса и целесообразности.

Представитель семейства идей — ученый, художник, теолог, утопист, критик — идеалист, замкнут на умственные символы, конструкты. Материализующий способность к преобразовательному воздействию политик — реалист, движется в плоскости конкретных фигур действия. Кредо теоретика: основа мира — духовное сообщество людей (Мак-Таггарт), консолидирующихся по причастности к творению образа мира. Кредо политика: основа мира — прагматическое сообщество людей, консолидирующихся по причастности к творению облика мира, не воля к жизни — следствие мира, а мир — следствие воли к жизни (Шопенгауэр).

Теоретическая сфера — теоретизм — характеризует деятельность в алетической модальности. Практическая сфера — практицизм — характеризует деятельность в утилитарной модальности. Практически-духовная сфера — политизм — характеризует деятельность в деонтической модальности. Впитывая черты теоретизма и утилитаризма, политизм означает способность производить перемещение первой сферы во вторую за счет социальных технологий, трансформационных программ, вырабатываемых и разрабатываемых в створе пресуппозиций — исходных

68

допущений (ценности, интенции), принимаемых как жизненная рама толкований и полаганий. Акцент данного обстоятельства влечет трактовку политизма, практически-духовной сферы в целом в терминах самодостаточности. Политика — суверенное образование, поддерживается особой логикой выработки, хранения, **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

закрепления и передачи наследия, не является относительно практической сферы чем-то побочным, производным, обусловливаемым. Исходно-жизненная рама политических акций — изначальные пред-видения, пред-смыслы, пред-понимания — имплицитно социогенетически: не материальное производство, а среда, социальное взаимодействие, сцепленная с ним традиция, воспитывающая, а потому решающая судьбу, — их источник. Последнее отменяет базисный фундаментализм (экономизм) как объяснительную платформу политики.

Проводя линию самостоятельности надстройки (духовные, практически-духовные формы), причины чего усматривая в совершенной капиталности феномена обмена деятельностью, социального взаимодействия, равносильно детерминирующего как материальную, так и духовную формации, резюмируя, уточним: политика — специфическая практически-духовная форма, сосредоточена на балансировании, регуляции, оптимизации, канализации интересов, фундирующих известные виды человеческой активности; развивается на собственной основе — автономных традициях воздействия и влияния; коренится в природе человека как группового существа, исключаящего неполитические формы совместного проживания; овеществляется в упорядочении (координации и субординации) социальных взаимодействий посредством взаимоучета интересов.

1.4.2 Идеология

В обыденной лексике понятие «идеология» употребляется для обозначения свода взглядов на реальность, способы ее освоения, трансформации с позиций целей, ценностей, идеалов, принятых различными субъектами соци-

69

окультурной жизни, начиная с индивида, группы, класса, общества, сообщества и кончая человечеством в целом. В зависимости от принимаемого в расчет уровня субъективности социологическое наполнение «идеологии» поэтому варьируется: с каждым подобным уровнем сопрягается совокупность идей, выражающих специфические человеческие восприятия и отношения к действительности. Последнее справедливо и относительно двух крайних точек: существует идеология индивида, как правило, однако, не представляющая ценности для анализа, существование общечеловеческой планетарной идеологии хотя и оказывается пока нереализованным, на деле вовсе не запрещено и, возможно, принадлежит будущему. Отсюда, резюмируя, правильно утверждать, что фиксирующая, отражающая и выражающая многообразные субъективные интересы «идеология» (во всяком случае до сего дня) аттестует формы партикулярного, кружкового, т. е. всегда частичного сознания. От прочих модификаций последнего и в особенности образований массового, повседневного сознания идеологию отличает устойчивость: модели субъективных ориентаций, самоутверждений, действий и последствий в социуме достигают здесь степень прочности предрассудка, что является следствием всесторонней обработки, стереотипизации обыденного сознания, итогом немалых пропагандистских усилий.

С гносеологической точки зрения идеология выступает типом удостоверения и признания содержания (истины) по недостаточным объективным (сообщающим универсальность) и достаточным субъективным (идушим от особого характера субъекта) основаниям. В этом — внутренняя общность, родственность идеологии вере, также оказывающейся способом признания содержания (истины) с позиции лишь частной убежденности в его (содержания) справедливости.

Воспользуемся данным выводом для углубления в существо темы.

Отсутствие достаточных объективных (опирающихся на доказательство, обоснование, экспертизу, проверку) и на-

70

личие достаточных субъективных (персональных ожиданий, прозрений, антиципаций) оснований для признания чего-то истинным делают идеологию разновидностью тенденциозного, нарочитого, умышленного, «себе на уме», нагруженного сознания. Такому сознанию присущи:

— *спекулятивность* — своеобразный примат идей, воспаряющих над реальностью и производных от нее интересов. Продуктам, фрагментам, компонентам сознания, идеям в пределах идеологии уготавливается автономная, конституирующая функция с полным игнорированием земных источников, условий их (идей) возникновения. Идеи превращаются в руководящий, направляющий, определяющий относительно действительности параметр;

— *иллюзорность* — отсутствие рефлексии и понимания реальных источников идей на фоне демонстрации предметов такими, какими они идеологам кажутся, означает абсурдизацию действительности, изображаемой в превращенном, перевернутом виде, точно в камере обскура. По этой причине идеологический процесс есть творение человеческой головы, в корне своем мистификаторский, ложный;

— *догматичность* — идеологическое сознание — фокусированное; отправляющемуся от исходных (незыблемых, априорных) принципов идеологу главное — остаться им (принципам) верным, проявить преданность, неотступничество. Идеологу хватает стоицизма не менять своих мнений даже о вещах, которые его огорчают. И в этом смысле вопреки Марку Аврелию идеолог в полной безопасности от них. Идеолог невозмутим и неколебим. Душа его безмятежна,²⁵ вращается в

²⁵ *Перефразируя Зоценко, можно сказать: идеолог со смущенной душой — это потеря квалификации.*

71

модальности *de dicto*, предопределяющей: а) подмену позитивных исканий методологией. Идеолог представлен в позиции перстуказующего: не проводя исследований, он поучает, как надлежит проводить их; б) превращение теории в разновидность прожектёрского сознания. Прожектёрство — модификация сектанства. Отгороженное от жизни плотно закрытыми дверьми безоглядного доктринерства, подобно сектанству, оно занято выработкой ответов на никем не поставленные и не заданные вопросы; в) отсутствие радикальности, под которой разумеется

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

способность понимать вещь в ее корне. Мысль идеолога скользит точно по маслу, ибо ищет он не там, где требуется искать, а где светлее. Он не анализирует, а спрягает, согласует, связывает, увязывает, дефилируя по поверхности и останавливаясь у первой неоднозначной версты, дабы самоисчерпаться, утратить интенцию на постижение глубинных смыслов происходящих событий. Он говорит о чем угодно много и преимущественно хорошо, однако далек от сопоставления причин со следствиями, прослеживания сущностных связей наглядно данных частей с природой целого; — *апологетичность* — будучи субъективно ориентированным типом духовного производства, ввиду локальности, идеология мало-помалу утрачивает способность реалистичного рассмотрения, — чем дальше, тем больше отходит от фактической природы вещей, превращается в искаженное отображение, иллюзию. Не способная к изменению, прогрессивной самокоррекции согласно требованию жизненных реалий идеология становится безоглядной защитницей принятой (заданной) линии. Нестыковка с действительностью, контрпримеры, явные и скрытые противоречия, неувязки до мозга костей враждебны идеологии, но ею не принимаются: не реальность

72

порождает на свет идеологию, а идеология реальность. Чем капитальней рассогласования, тем тверже, несокрушимей идеология. По самой сути своей она противостоит критицизму и в данном отношении сближается с мифом, процесс идеологического творчества становится процессом производства идеологом, смыкается с мифотворчеством;

— *авторитарность* — обслуживая частные субъективные интересы, идеология приписывает им всеобщность, выдавая за универсальные. Именно по этой причине идеология не терпит диссидентства, инакомыслия. Беспрекословное, слепое подчинение бытия — данному виду сознания, практики — данному множеству идей, реальности — данной совокупности принципов, — подлинное и окончательное кредо идеологии. Идеология вездесуща, воинствующа, всепроникающа, действует по закону железной трубы, имеющей два конца и не оставляющей выбора: либо с нами, либо против нас;

— *репрессивность* — подведение явлений под искусственные доктринальные схемы не может не сопровождаться профилактической опричной работой: ведь если ложь — принцип, то насилие — метод. Проявляя экспансивную сущность и адресуя установки массам, идеология подталкивает их к соответствующим переделкам (перестройкам) действительности, связанным с насильственным принятием экзистенциальных, поведенческих, мыслительных стандартов, правил общежития, способов жизни. Несогласные как слой искореняются. В практической амбициозности, предвзятости, силовой нетерпимости скорее запустить доктрину в реальность, исходя из логики борьбы и условий, а не требований объективного обстоятельства дел заключается глубинная агрессивность идеологии, берущей на

73

вооружение наиболее прямолинейный и одновременно тривиальный метод развязок каких бы то ни было проблем — метод Александра Македонского. Как видно, идеология, представляя сорт **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

превращенного отображения действительности, оказывается продуктом политипических симбиозов догматизма и начетничества, лицемерия и утопии, застойности мысли и узости интеллекта, рассогласованности слова и дела, тенденциозности и агрессивности и т. д. Индуцируемые идеологией дереализация и дезориентация духовности, разумеется, опасны, однако не в них одних дело. Гораздо опаснее то, что, овладевая массами, идеология реализует себя как мощная материальная сила, — сила, отличающаяся воинственностью и слепотой. Идеология, следовательно, используя оборот Ортеги, не просто объявляет шах истине, не просто деформирует познание и практику. Идеология, в точном смысле слова, обладает натуральной убойной силой, — на деле она разбивает жизни и судьбы общества и опекаемых им людей.

1.4.3 Наука

Мир науки (знания) весьма обширен, разветвлен. Но есть в нем нечто, позволяющее различать общую основу его составляющих. Это нечто — специфический гносеологический этос (множество ценностей, правил, предписаний, стандартов, канонов, императивов), задающий и регулирующий сам ход освоения предметности, генерации результатов, отстаивания убеждений, отношений к коллегам, наследию. Здесь сконцентрирована своеобразная «порождающая грамматика» тех конкретных, крайне различных, переменчивых идей, концепций, теорий, действий, которые в богатстве своем образуют динамический массив реальной науки.

Гносеологический регламент науки, таким образом, — свод жестких, точно фиксируемых требований к формам получения, удостоверения, признания продуктов духовного творчества (истин).

74

В отличие от прочих видов интеллектуальных занятий в деле разыскания истины наука руководствуется началом достаточного основания. Согласно последнему в науку (в идеале) допускаются лишь всесторонне апробированные, выверенные, подвергшиеся экспертизе единицы познания. Отсюда наука как знание есть строгая и точная истина, взятая с обоснованием.

Группа разобщенных знаний не образует науки. Для этого требуется много больше, а именно: «систематическая связь в теоретическом смысле», под которой разумеется обоснование знания и надлежащий порядок и связность в ходе обоснования. Категории «систематически связанное», «логически обоснованное», «структурно упорядоченное» обозначают композицию научного знания, построенного по принципу познания «из основания». Этот принцип в конечном счете и обуславливает тот тип отношения субъекта к истине в условиях науки, какой характеризуется «обязательностью признания».

Факт обязательности признания в форме принудительной реакции «нормально мыслящего» человека на комплексы научного (надлежаще обоснованного, логически эксплицитного, аподиктичного) знания давно зафиксирован в гносеологии. Чувству, с которым мы соглашаемся в научном суждении, писал Г. Риккерт, «мы придаем не только не зависимое от нас значение, но мы

переживаем в нем нечто, от чего мы зависим. Я чувствую себя, когда я хочу рассуждать вместе с тем связанным чувством «очевидности», с которым я согласен, т. е. я не могу произвольно утверждать или отрицать, я чувствую себя определяемым силой, которой я подчиняюсь, с которой я сообразуюсь и которую я признаю для себя обязательной».²⁶

Поэтому отсутствие аподиктичности в рассуждении выступает показателем выхода за пределы науки (последовательной дискурсии), где наблюдается состояние

²⁶ Риккерт Г. *Введение в трансцендентальную философию*. Киев, 1904. С. 124.

75

субъективной неуверенности: исходя из каких оснований, как рассуждать, братья за рассуждение.

Таким образом, условия истинности научного знания, устанавливаемые по закону достаточного основания, — сугубо дискурсивно удостоверяемые. Не случайно, вообще говоря, уже Платон, выявляя гносеологическую специфику знания в отличие от субъективной убежденности типа мнения, объявлял условия первого рациональными, а условия второго — чувственными. Так, пожалуй, впервые возникло понимание различия ощущаемой (ненаучной) — «идеационной» (научной) истины.

Ненаука может включать истину, но эта истина остается «в себе», не являясь должным образом удостоверенной. Специфической чертой ненауки является ее соответствие нерелективной стадии интеллекта, не обремененного контролем и анализом своих собственных ресурсов (процедуры образования и преобразования знания) и стремящегося вывести истину из «чувственной реальности» (Гегель). Наука же содержит теоретически одействованную, рационально обработанную и переработанную истину.

Значит, «научность», характеризующую основополагающие признаки науки, следует связывать со способом освоения субъектом истины. Именно: освоение согласно кодексу рациональности, принятому в такой сфере духовного производства, как наука. (Относительно слагаемых этого кодекса см. 4.2.5.)

1.4.4 Научная идеология: миф или реальность?

Изложение ПОДВОДИТ К выводу о принципиальной несовместимости идеологии и науки. Несовместимости во всем, что ни взять — теоретико-познавательные стандарты, ресурсы, средства освоения предметности, отношение к истине, правила фиксации, генерации результатов и многое другое.

Идеология есть чувственное освоение истины, она эстематична; наука есть рациональное освоение истины, она ноэматична. Идеология апологетична, представляет некритическое проведение, оправдание заранее принятого взгляда-

76

да; наука аргументативна, выступает критическим предприятием развития независимой мысли. Идеология отстаивает интересы, выражает «порядок людей»; наука выявляет объективное обстояние дел, отображает «порядок вещей». Комплексы идеологии

личностны, опосредованы жизненной убежденностью, зиждутся на подвижнической, проповеднической, миссионерской деятельности. Продукты науки безличны, сцеплены с доказательством, их проведение не связано с персональной жертвенностью. Императивы идеологии воздействуют на практический разум, постулаты науки — на разум теоретический, «чистый».

Число подобных сопоставлений без труда множится. Но и сказанного довольно для укрепления понимания, что идеология и наука — нестыкуемые типы духовности, разнокачественные и разновекторные в своей основе. Тогда, спрашивается, откуда взялся кентавр, алогизм, передаваемый сочетанием «научная идеология»?

Упрочению в общественном сознании да и в самом языке понятия «научная идеология» способствовала пропагандистская деятельность Ленина, который со стадии едва ли не первой своей работы — произведения «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — и далее рефреном проводил мысль о реализации марксизмом своеобразного синтеза партийности и научности. Логика обоснования этой мысли приблизительно такова. Марксизм как социально-политическая доктрина вскрывает наличные формы антагонизма и эксплуатации, прослеживает их эволюцию, показывает преходящий характер, чем служит пролетариату, дабы тот как можно легче и скорее покончил со всякой эксплуатацией. Давая рабочему классу «истинный лозунг борьбы», обслуживая рабочее движение, очерчивая необходимость революционного преобразования общественных институтов под водительством трудящихся, марксизм заинтересован в раскрытии законов общественного прогресса: лишь в этом случае пролетарское дело встраивается во всемирно-историческое дело.

Предшествующие формы идеологии научными не были. Потому что, даже отражая действительные тенденции об-

77

щественного развития, не достигали понимания конкретно-исторического классово-экономического содержания тех социальных преобразований, необходимость которых фактически отстаивали. Такова, в частности, революционная идеология французского материализма. Марксизм же, вводя формационный подход, эксплицирует всемирно-историческую миссию пролетариата, непрерываемым образом предуказанную его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией буржуазного общества.

Революционные занятия, следовательно, вытекают из познавательных, идеология естественно сращивается с наукой.

В этой, на первый взгляд, гладкой и ясной схеме — множество подводных камней и крайне облачных мест. Пробегая частности, обозначим главное, состоящее в том, что данная (в недавнем общераспространенная, общепринятая) система рассуждений крепится на весьма зыбкой посылке, будто марксизм в действительности, «на самом деле» поставляет универсально адекватную, незыблемую, непроблематизируемую модель динамики мировой истории — ее движущих сил, тенденций, желательных финальных состояний и т. п.

Откуда вытекает «обреченность» марксизма, а в дальнейшем и

адаптированного к эпохе империализма, марксизма-ленинизма на высказывание истины? Где гарантии того, что те же классовые интересы, тактика и стратегия пролетарской борьбы поняты и раскрыты правильно?

Вопросы редуцируются к проблеме, как воспринимать банкротство и крах, представляющей «весомую, грубую, зримую», плотскую материализацию «научной идеологии», практики «реального» социализма». Попробуем разобраться.

Причина тотального кризиса социализма, наличие которого — свершившийся эмпирический факт, согласно расхожей версии усматривается в политических параметрах — таких, как волюнтаризм, субъективизм, подрыв коллегиальности, гипертрофированная роль далеко не лучших личных качеств власть предержащих, собственно и обусловив-

78

ших уклонение от в принципе верной намеченной классиками генеральной линии вхождения в социализм. В силу той же логики, так как у истоков основных деформаций социализма стоял Сталин, допустивший вульгаризацию исходно добропорядочного плана, не вытекающий из аутентичного наследия сталинизм ответствен за наши беды. Подобные объяснения, трактовки, квалификации не беспочвенны, но отчасти. На более фундаментальном уровне, как представляется, источник пороков и неудач социалистического движения должен связываться не со сталинизмом, а с неадекватными комплексами классического наследия. Следовательно, выносимый на обсуждение более сильный тезис таков: генератор злоключений социализма — не политические ошибки, а доктринальные просчеты, ущербность не тактического исполнения, а стратегического замысла.

Надлежащее обоснование этого тезиса, разумеется, требует тщательной оценки всей марксистско-ленинской идеологии, играющей роль непосредственного источника и основания принятой у нас теории и практики социалистического строительства. Достойными анализа в этой связи оказываются: и утрированное представление о материи и духе, по которому дух вторичен и произволен; и трудовая теория стоимости, в которую невозможно вместить главный вид человеческой активности — творческую деятельность с информационным итогом, ибо ценность его определена чем угодно, но не затратами усилий; и ленинскую теорию мелкого производства, постоянно рождающего капитализм, хотя подобное производство тысячелетиями никакого капитализма не рождало — ни ежедневно, ни в массовом масштабе; и многое, многое другое. Однако в одной книге осуществить такого рода анализ, разумеется, не под силу. Поэтому сосредоточимся на важнейшем, которым, с нашей точки зрения, выступает образующая идейный фундамент движения к социализму классическая философская теория социально-исторического процесса, принимающая поступательную модель трансформации общественных состояний от первобытного варварства до коммунизма.

79

Развитие общества представляется здесь закономерным естественным прогрессом, обусловливаемым сменой общественно-

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

экономических формаций, скрытая пружина которого — диалектика производительных сил и производственных отношений. Переход от одной фазы мировой истории к другой происходит не раньше, чем на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества войдут в противоречие с наличными производственными отношениями, внутри которых они до сих пор развивались. Когда из форм развития производительных сил эти отношения превратятся в их оковы, наступает эпоха социальной революции, снимающая конфликт передовых производительных сил и выработавших ресурс производственных отношений (через упразднение нисходящей и упрочение восходящей общественной основы). История насчитывает четыре всемирно-исторические революционные эпохи разрешения внутриформационных конфликтов — цепочку переходов от первобытного строя до капитализма, делая исключение для коммунизма. Полагается, что из-за несовместимости собственности, непримиримости коренных классовых интересов социализм (первая фаза коммунизма) непосредственно при капитализме не зарождается. Его становление зависит от выполнения предварительного политического условия — захвата власти пролетариатом, который, опираясь на рычаги государства, инициирует введение социалистических отношений.

Данные уточнения, вовсе не претендующие ни на полноту, ни на строгость, носят сугубо констатирующий характер. Воспроизведение их принято с единственной целью: оттенить в традиционной, кажущейся безоблачной, гладкой концептуальной системе не такие уж безусловные пункты, индуцированные ранее принятыми нерелевантными допущениями, которые при ближайшем рассмотрении подрывают высокое реноме широко используемой конструкции. Выделим и проанализируем эти допущения.

Допущение первое: социализм — формационно беспредпосылочное общество.

80

Подобный взгляд на социализм давно подлежит проверке. На фоне признания естественной взаимообусловленности способов производства отличающие каноническую схему агенетизм и изоляционизм в отношении социализма выглядят сомнительными. Сомнительна неравноправность, неравноценность социализма сопоставительно с иными крупными таксонами на пути поступательного движения человечества. Социализм изымается из связи эпох, лишаясь своих истоков. Под последними понимается уровень развития производительных сил, дающий радикальный импульс переходу к новому строю.

Традиционная схема оставляет без прояснения, какой уровень развития производительных сил собственно релевантен переходу к социализму?

Тематизация материально-экономических аспектов вопроса в доктрине отсутствует. Внимание сосредоточивается на проработке политических аспектов вопроса, выстраивающейся в концепцию революционного переворота. И это не случайно.

С высоты нашего времени очевидно (то же вытекает и из

«экзегетической» аргументации), что доктрина жестко ориентирована на реальность слабо развитого капитализма, которая обсуждение общецивилизационных предпосылок социализма не делает актуальным. В дискуссии на этот счет вступали лишь в случаях экстренных, когда, например, для сохранения единства рядов требовалось дезавуировать платформу оппортунизма — отпovedи то лидерам II Интернационала (Каутскому, Бернштейну), то российским социалистам (Плеханову, Чхеидзе, Суханову). Капитальное же не дискутировалось: социализм суть антикапитализм, куда можно войти без достижения определенного «уровня культуры» (кто знает, каков он?), сугубо на созидательном, творческом порыве масс, начинающих с завоевания революционным путем власти, а уже потом на основе советского строядвигающихся догонять другие народы.

Разумеется, история не знает сослагательного наклонения, поэтому беспредметно гадать, как потекла бы жизнь, исповедуя тогдашнее политическое руководство иное ми-

81

ровоззрение. Единственное, что можно, это констатировать: в нашей стране, как и во всех странах, осуществивших переход к социализму, минуя капитализм, воплотилась лишь первая часть намеченного плана — революционным путем устанавливалась пролетарская диктатура, которая, однако, не двигалась вдогонку передовым народам, а занималась форсированной культивацией социализма на неподготовленной материально-экономической почве.

Обширные последствия этого хорошо известны. Когда думаешь об эвристической их подоплеке, приходишь к выводу о несостоятельности вводимой канонической схемой точки зрения на социализм как формационно обособленную институцию. Опыт истории со времен Октября настоятельно требует понять, что социализм — не анти-, а посткапитализм, что в него нельзя войти политически, оставляя экономические мероприятия на потом. Перманентное движение к социализму должна направлять не формула революционного натиска («весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...»), ведущая к авантюре, а формула экономического созидания, основанная на личном интересе («полная материальная подготовка социализма, а затем...»).

Ввиду этого социализм — стандартный формационный таксон, который не может быть изолирован в естественно-исторической динамике, он удовлетворяет типологическим принципам возникновения, развития, смены общественно-экономических формаций (если принимать эту схему социальной динамики) и зарождается не в послереволюционный, а в предреволюционный период гиперкапитализма.

Осуществляющая переход к социализму социалистическая революция, согласно излагаемым позициям, — не однократная радикальная мутация, не перетряхивание «неправедного строя», а протяженная во времени, долгосрочная, упорная трансформация развитого капитализма на принципах роста обобществления, эффективизации и интернационализации общественного производства, перманентного технико-технологического

обновления элемен-

82

тов социальных производительных сил, включая разделение труда, перехода к интенсивному (ресурсосберегающему) типу воспроизводства; достижения гибкости производственных отношений, вызванной изменением в структуре собственности; преобразования хозяйственного механизма, нацеленного на достижение новой меры сочетания рыночного и централизованно-регулируемого начал; перераспределения приоритетов экономической и социальной политики; модификации властных отношений путем совершенствования парламентаризма.

Может показаться, что предлагаемая точка зрения уязвима критикой от вариативности истории: существовали же локальные формации, имелись фазы, не пройденные отдельными народами. Последнее справедливо, но не отменяет вышесказанного. Дело в том, что проблема универсальности формационного подхода не обсуждается. (Хотя на этот счет не может быть иллюзий: будучи теоретической конструкцией, исходящей из предпосылок, формационный подход не в состоянии охватить всего массива фактов. В каких-то своих частях он должен органично дополняться культурологическим, цивилизационным подходом и т. д.). Вопрос, который обсуждается, стоит только так: 1) формационному обособлению социализма активно препятствует идея единства, цельности исторического процесса; 2) материально-экономические предпосылки социализма создаются не в послереволюционный период усилиями пролетарской диктатуры, а в предреволюционный период имманентного капиталистического хозяйственного самопрогресса; 3) поступательное движение человечества к социализму не может уклониться от прохождения такого этапа истории, как капитализм, причем не просто капитализм, а капитализм суперразвитый.

Допущение второе: капитализм достиг своего апогея. Обоснование этого дается в концепции империализма как загнивающего и умирающего капитализма (нарастание противоречий между трудом и капиталом, колониями и метрополиями, пик межимпериалистических противоречий и т. д.), кануна социалистической революции.

83

Однако сегодня несомненно: образ капитализма, который принимали основоположники доктрины, соответствует не вершине формации, а ее начальной, нерепрезентативной стадии. Капитализм, проанализированный в «Капитале», даже по тем временам не характеризовал существа капитализма в целом. Так, Маркс с самого начала абстрагировался от внешнего рынка, что сузило его выводы. Правда, в дальнейшем он намеревался разработать вопрос о роли торговли в появлении вторичных и третичных капиталистических отношений, т. е. вопрос о периферии капиталистической формации, но не сделал этого.²⁷ Аналогично империализм, описанный в «Тетрадах по империализму» и в «Империализме как высшей стадии капитализма», не соотносится с позднейшим и тем более современным государственно-монополитическим капитализмом. Совершенно ясно, что развитый государственно-монополистический капитализм — не рядовая модификация

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

капитализма свободной конкуренции, а качественно иная фаза капиталистического способа производства, обладающая значительными потенциями внутреннего развития производительных сил. В настоящее время капитализм вступил в новый этап исторической эволюции — принципиальных сдвигов качественного порядка, вызванных сращиванием высокой социально-политической организации с научно-технологической революцией. Последнее по своим масштабам и последствиям сопоставимо (если не более важно) с изменениями начала века.

Итак, восходящее движение цивилизации рассматриваемого базового допущения не оправдало.

Старение идей естественно. Последующие аналитики ревизуют, корректируют, выбраковывают компоненты и фрагменты некогда созданных теорий, да и сами теории, просто потому, что они больше и лучше знают. Все это объяснимо и понятно. Трудно объяснить и мало понятно невнимание к перспективным идеям, высказываемым современниками. Как бы там ни было, мы не возьмемся объяс-

²⁷ *Вопросы философии. 1998. № 10. С. 37.*

84

нить факта устойчивого невнимания, которое авторы и адепты практического марксизма XX в. проявили в отношении не только к аргументам еще вчерашних своих единомышленников социал-демократов, много лет назад возражавших против представления, будто капитализм уже достиг своего апогея, но и прямых идейных предшественников. Имеется в виду ценное критическое прозрение Энгельса, в конце XIX столетия утверждавшего буквально следующее: «История показала, что и мы, и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства».²⁸

Допущение третье: переход от капитализма к социализму осуществляется через революционный переворот, диктатуру пролетариата.

Антецедент этого допущения двусоставный. Один аспект связан с идеей формационной обособленности социализма; ему дана оценка выше. Другой состоит в признании неуклонной социально-политической деградации пролетариата в условиях капиталистической реальности.

Тезис «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей, — обретут же они весь мир» навеян узкой недолговременной полосой общественного развития на заре капитализма, когда преобладала индивидуальная капиталистическая собственность, росла непривлекательность труда, существовала угроза абсолютного и относительного обнищания, падал жизненный уровень, ущемлялись гражданские права, свободы трудящихся. В период экономического беспорядка и политической зависимости, поворота от демократии к реакции рабочий класс действительно не имел ничего такого, что требовало бы его опеки и охранения. В этот период призыв к разрушению всего, пролонгирующего господство ответственной за

прозябание и бесправие порочной частной собственности, был оправдан.

²⁸ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 535.*

85

Но положение вскоре изменилось. Капитализм сумел адаптировать разнообразные хозяйственные и социальные формы к своим нуждам, устоям, принципам. В результате — ремиссия основного противоречия, деиндивидуализация собственности, создание заинтересованным лицам (в первую очередь рабочим) приемлемых условий существования.

Видоизменение форм собственности превращает рабочего в держателя акций, пайщика, совладельца, который небезразличен к судьбе фирмы, ему есть что терять. Отсюда поразительный, небывалый подъем, инициатива, творчество, — чего стоит, скажем, тот же «местечковый» патриотизм японских рабочих, развертывающих борьбу за рационализацию, процветание своих «эксплуататорских» предприятий.

Относительно высокий уровень жизни рабочего класса в развитых капиталистических странах имеет разные причины (сверхэксплуатация природных ресурсов, разграбление стран третьего мира и т. д.), но идентичные последствия. Для нас важно, что он направляет революционный процесс в существенно иное русло, нежели уготованное ему классической схемой.

Путь к социализму через революцию и пролетарскую диктатуру реализовался в экономически отсталых странах, в итоге оказавшихся в историческом тупике. Последнее закономерно, так как насильственный переход к социализму, минуя материальную подготовку его в развитом капитализме, заказан. «Путь к социализму» индустриально развитых стран реализуется внутриинформационной эволюцией — через эффективизацию общественного производства, повышение благосостояния, качества индивидуального и социального существования.

Допущение четвертое: между капитализмом и социализмом лежит переходный период.

Лейтмотивом здесь служат популярные соображения автора «Критики Готской программы», в которых нашло свою опору позднейшее социалистическое идеологизирование. Захватив власть, пролетариат не может воспользо-

86

ваться наличными политическими и экономическими механизмами, ибо они не социалистичны, приспособлены к подавлению, угнетению, эксплуатации народных масс. Но в обществе без механизмов, соединяющих субъекты с объектами деятельности, невозможно. Возникает задача их перестройки: приспособление властных, хозяйственных процессов, структур к пролетарской надстройке — мировидению, мироощущению наиболее прогрессивной, передовой социальной силы. Эту задачу, собственно, решает переходный период, революционно превращающий прошлое общество в будущее. В политической сфере осуществляется слом буржуазной военно-бюрократической государственной машины, создается новый государственный аппарат, подавляющий сопротивление «наследия мрачных времен» и обеспечивающий успешное социалистическое строительство. В

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

экономической сфере проводится обобществление, означающее превращение средств производства в государственную собственность, достигается необходимая плановость развития производительных сил. Политическая власть трудящихся в сочетании с общенародной собственностью на средства производства и планомерной регулируемостью социальной жизни — это ли не база социализма?

Идея переходного периода как опосредствующего звена между капитализмом и коммунизмом является логичным следствием фундаментального и эфемерного ингредиента канонической схемы о формационной обособленности социализма: некогда разорванное когда-то должно быть сшито. Наше отношение к этому ингредиенту схемы, как и к схеме в целом, зафиксировано ранее. Поэтому, избегая повторов, выскажемся по поводу столь же фундаментального, сколь и эфемерного, сопряженного с рассмотренным иного ингредиента схемы, — положения о революционном превращении в переходный период прошлого общества в будущее.

Начнем с уточнения исходных понятий. Во-первых, что значит «революционный»? В контексте анализируемых рассуждений «революционный» трактуется как «коренной»

87

— всестороннее, капитальное преобразование общества и как «насильственный» — преобразование под эгидой силовой пролетарской диктатуры, преодолевающей сопротивление классовых антагонистов. Во-вторых, что значит «превращение»? Речь идет о системе социальных действий, нацеленных на фронтальную структурную и функциональную перестройку существующего состояния и достижение ранее не существовавшего желательного состояния. В-третьих, что значит «будущее»? Будущее — категория ответственная; обращение к ней требует осторожности, так как она фиксирует то, что актуальным бытием не обладает, речь идет о проекте возможного общественного состояния, достижение которого рассматривается как преимущественная цель социальных действий.

Произведенные уточнения подводят к такой теоретической реконструкции: пролетариат, захватывая власть, независимо от степени формационной зрелости общества (допущение первое и второе) приступает к его всестороннему насильственному преобразованию (допущение третье), руководствуясь идеологией. *Hic Rhodus, hic salta.*

Что получается, когда идеология, где сущее смешано с должным, действительное с возможным, подлинное с мнимым, становится платформой социальной техники, объяснять не надо. Если логика дела подменяется делом логики, если разум руководствуется не реалиями, а символами, в силу вступает закон обратного отношения жизни и мысли — не первая порождает вторую, а наоборот. В качестве компенсации, правда, можно тешить себя той мыслью, что пролетарская идеология не умышленна, а научна. Однако и здесь необходимо давать себе отчет в том, что эта компенсация — из разряда *ad hoc* уловок, своеобразная «хорошая мина при плохой игре»; она ничего не компенсирует и не нормализует. Это потому,

что прилагательное «научная» не отменяет существительного «идеология», которое употребляется для обозначения системы нарочитых взглядов, способных обрести плоть различных модусов ложного, превращенного, искаженного, утопического, смещенного, нагруженного, дереализован-

88

ного, воспаленного, деформированного и тому подобного сознания.

Наука и идеология малосовместимы. Наука стоит на истине, на знании положения дел в мире. За истину, за « $2 \times 2 = 4$ » на эшафот не идут; продукты науки безличны, рано или поздно они все равно пробивают себе дорогу. Идеология стоит на ценности, на субъективной оценке мира, дающей руководство как жить, во имя чего жить. За ценность, выражающую правду жизни, на эшафот идут. Ценность субъективна, она воплощается на протяжении жизни человека, который живет единожды и ему не безразлично, что делать и как быть. В науку могут проникать фикции, и социальный резонанс этого мизерный. Каково же, если фикции наводнят идеологию? На индивидуальном уровне может произойти трагедия личности, на социальном — трагедия народа. Говорить хладнокровно об этом недопустимо.

По этой причине идеология — особый тип духовности, требующий к себе отношения благоговейного, трепетного и одновременно взвешенного, осмотрительно трезвого. Тем более подобного отношения требует к себе идеология будущего. Ее можно предлагать, но нельзя навязывать, ее можно обсуждать, но нельзя класть в основу социальной практики. В каких-то своих социальных проявлениях идеология должна ограничиваться наукой, представлением реального, закономерно типического. И это должно быть императивом нормальной, полноценной, т. е. не питаемой иллюзиями жизни.

Так — в модусе должного. В модусе сущего же идеология подавила и поглотила науку, произведя сие в силу своей «подлинной, единственной научности». Понимание экспансивности, репрессивности, нетерпимости, непримиримости нашей всепроникающей, знающей все, что ни есть, так, как оно «в действительности» есть, идеологии дает канву разумения налично социалистической до мозга костей идеологичной реальности. Почему социализм деформирован? Потому что идеологичен. Не имея материально-экономических, он имеет «идеологические» основания.

89

Однако существовать *in vivo* без точки опоры нельзя, потому социализм существует *in vitro*, в самопроявлениях идеологов.

Идеологическое давление пролетарских надстроечных институтов в насильственном творении нового строя закономерно. Оно компенсирует отсутствие материально-экономической, естественно-формационной подготовленности социализма и одновременно разрушает прямое предназначение переходного периода, вырождая намечаемое движение к социализму в движение от социализма (итоговая ситуация исторического тупика). Реальной и концептуальной необходимости в переходном периоде нет. Введение его избыточно, так как служит для покрытия

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

искусственного таксономического разлома, вызванного легковесным предположением формационной обособленности социализма.

Допущение пятое: применительно к социализму утверждается примат надстроечных образований относительно базисных.

Поскольку в качестве *conditio sine qua non* конституирования социализма полагается революционная диктатура пролетариата, подобное допущение понятно. Однако требует изъятия из более общего и широкого теоретического контекста, ибо связано с конверсией принципиального тезиса о доминирующем статусе базиса и производности от него надстройки как идейного отображения или организационного оформления господствующих материальных отношений. Опять социализм выпадает из общей схемы. Насколько это оправдано?

На наш взгляд, формационный подход (где в качестве фрагмента фигурирует учение о диалектике базиса и надстройки) соотносится с общемировым глобальным уровнем, фиксируя статистически преимущественную тенденцию. При определенных предпосылках последняя справедлива, так что противопоставлять ей частности, явления бесполезно. Формационный подход не может быть использован для планирования и прогнозирования развития конкретных социальных организмов, на нем нельзя

90

основывать стратегию и тактику политической деятельности и т. д.; надо учитывать также неодноколейность, незапрограммированность исторического процесса, который неидемпотентен, реализуется как вероятностное резюме вариативных усилий человечества. Поэтому сам по себе фактор «возмущающего влияния» (в том числе надстроечного) — феномен вторичных и третичных общественных отношений, прорывы формационного движения, экзотическое развитие с невыраженной или выраженной симптоматикой обратного соотношения надстройки и базиса на локальном уровне — должен найти и находить надлежащее место в общей, глубокой теории истории. С этим мы не спорим.

Мы спорим с трактовкой социализма как какой-то квазикультуры, входящей в историю и идущей по ней «своим» путем, «своим» шагом: не как все — материальной, а идеологической подготовкой, не развитием производительных сил, а насильственной (революционной) диктатурой. Общеизвестно, что заслугой формационной теории является прочная связь прогресса производства с общественными отношениями, отображающая существо исторического развития. Почему же эту связь надо приносить в жертву?

Как быстро поразительная дисгармоничность эскиза сообщается и факту социалистической цивилизации. Иного и не дано: не может не быть социализм деформированным, если его существование вызвано не необходимыми (базисная готовность) и достаточными (надстроечная готовность), а лишь достаточными причинами. За подтверждением ходить далеко не нужно. Довольно задать вопрос: насколько эффективно движение к социализму под железной (диктатура ведь) опекой надстройки? Не апеллируя к данным,

ответим: настолько, что экономический базис социализма так и не был создан. Не действовал основной экономической закон социализма (обеспечение всестороннего развития трудящихся за счет максимального удовлетворения их материальных и духовных потребностей), столь капитальные законы, как планомерность и пропорциональность.

91

Предпочтительнее к социализму иной путь — путь внутреннего самоперерождения капитализма под влиянием, с одной стороны, НТР, обуславливающей достижение принципиально новых технико-технологических и социальных состояний; с другой, — выработкой национальных и наднациональных механизмов регулирования экономических и политических противоречий, макро- и микрохозяйственных тенденций, преодолением на этой основе разрушительных сил анархии и рыночной стихии; с третьей стороны, экономической и политической интеграцией пролетариата в капиталистическую систему — развертывание широких социальных программ для населения, развитие отношений общественной собственности, особенно общественного присвоения результатов труда, участия трудящихся в управлении производством, распределении прибылей и т. п.

Допущение шестое: пролетариат — носитель сущностных отношений будущего, а потому в своей социально-политической преобразовательной деятельности прав.²⁹

Социально-политическая правота рабочего класса, с точки зрения «научной идеологии», представляющая гарант движения в верном направлении, определяется следующим. Отстаивая частный, классовый интерес в борьбе за гуманное, справедливое мироустройство, пролетариат выступает как носитель универсального общественного интереса. Установление диктатуры пролетариата не только воздает должное человеку труда, делая его центром общественной жизни, но и предоставляет возможность всеобщего перехода к органически целостному бесклассовому обществу, члены которого располагают свободой развития и применения своих способностей и сил, не посягая при этом на основные условия самого этого общества. Так, сводя счеты с социальным неравенством, угнетением, подневольностью, порабощением, отчуждением, зави-

²⁹ *Сравни не допускающую сомнений декларацию Каменева: рабочий класс «не может ошибаться». Собственно, почему?*

92

симостью, порывая с борьбой за существование, навеянным свыше природой и историей порядком вещей, пролетариат делает нечто большее, нежели преобразует несправедливое общество. Он преобразует всю несправедливую предысторию, открывая новую эпоху сознательного, свободного творения исторического процесса.

Неадекватность этой теоретической конструкции — в неточной расстановке акцентов.

При всей условности периодизаций уместно различать до- и постнаучно-техническую фазы человеческой цивилизации. Первая насчитывает тысячи лет. Вторая берет начало со второй половины нашего столетия. Характерная примета последней фазы — развертывание НТР, под которой понимается небывалый по своим

масштабам и интенсивности процесс внедрения науки во все сферы социальной практики. Процесс этот обладает статусом переворота, не имеющего аналогов в истории.

Ни формирование производящей экономики в эпоху перехода от палеолита к неолиту, ни революция XVIII в., открывающая возможность утилизации энергии пара — перевороты в жизни человечества капитальные, значительные, — не идут в сравнение с недавним научно-техническим переворотом. Дело здесь в глубине, повсеместности качественных сдвигов, способах, темпах преобразований, силе, степени воздействия на общественное целое.

Недавняя НТР — феномен многомерный, объемный, разноплановый. Это — широкая ассоциация познавательных и социальных образований, движений, тенденций, которые обусловили кардинальную перестройку всей системы производительной деятельности, охватывая труд и потребление, материальную и духовную сферы, общество и личность. Следовательно, объективное содержание НТР как общественного явления — качественное преобразование производительных сил, влекущее за собой изменение принципов, устоев жизни человека с его потребностями и запросами, стремлениями и идеалами.

Что нас здесь интересует преимущественно? То, что воплотившись в практику общественных масштабов, со-

93

провожающие НТР интеллектуализация и рационализация, модернизация и техническое перевооружение, изменение статуса совокупного работника, вытеснение живого труда автоматизированным и многое другое, обновляющее понятие производительных сил, сделали реальной ситуацию, в которой рабочий класс не является ни первой, ни наиболее могучей производительной силой. С устойчивостью, присущей закону, чем дальше, тем больше ею становятся интеллектуалы (среднего ранга — техники, технологи, операторы, программисты, техники-аграрии и высшего — инженерно-технические работники, конструкторы). Резонируют с указанными процессы в социальной сфере. Превращение политики в самостоятельный отсек духовного производства, требующий специальной подготовки, рост сферы обслуживания, непроизводительной прослойки, занятой в инфраструктуре, и т. д. также подорвали главенствующую общественную роль пролетариата.

Таким образом, уже в настоящий момент ясно, что пролетариат не обладает особым футурологическим кредитом ни в количественном (абсолютное снижение численности), ни в качественном (передислокация в требующие наименьшей квалификации, образовательного ценза отрасли) отношении. Следовательно, с позиций социальной перспективы, рабочий класс — аутсайдер; он вызван к жизни сравнительно недолговечной полосой общественного развития относительно несовершенного, слабооснащенного производства, зяждущегося на живой малоподготовленной силе, и вынужден уступить свое место подлинной носительнице отношений будущего — интеллигенции. Тенденция «сдачи» рабочим классом своих позиций налицо в современных высокоразвитых странах (доля пролетариата

составляет там лишь 15-17%), и она нарастает. Seriously выпадает из этой тенденции Россия, где удельный вес рабочего класса в общественной жизни непропорционально значителен. Последнее объясняется абсолютно прозаичными обстоятельствами — цивилизационной отсталостью, экстенсивностью общества.

94

Вывод следует сам собой. С тактической точки зрения пролетариат в силу своего экономического положения в современном производстве не способен быть политическим вождем масс; со стратегической точки зрения пролетариат как класс архаичен, звание путеводителя человечества по реальности он уступает интеллигенции. Понимание этого разрушает догму о состоятельности насильственно-преобразовательных акций пролетариата на пути выполнения им всемирно-социалистической миссии.

Наше итоговое оценочное суждение таково. Каноническая схема естественно-исторического прогресса крепится на ряде далеко не бесспорных допущений, при ближайшем рассмотрении критики не выдерживающих и обуславливающих внутреннюю антиномичность доктрины. Действительно. С одной стороны, в ней прорабатывается формационный мотив, настаивающий на естественно-историчности, объективности развертывания общественно-экономических формаций, через фазы которых нельзя перескочить произвольно, отменяя их декретами. С другой стороны, в ней прорабатывается волонтаристский, силовой мотив революционного импульса, толчка истории, контроль над которым берут коммунисты. Последнее не что иное, как идея насильственного переустройства наличного порядка вещей и насильственного творения нового мира.

Поскольку мотивы эти взаимоисключаемы — естественное развитие истории несовместимо с ускорением ее хода за счет революционного подталкивания — произошло концептуальное, стратегическое и тактическое размежевание, соответствующее социал-демократическому и коммунистическому пути развития. Преимущество первого перед вторым в настоящий момент очевидно. Из сказанного следует:

1) социализм — не обособленный формационный таксон, а закономерное общественное состояние, могущее возникнуть вследствие органичной самоликвидации капитализма. В него нельзя войти политическим путем (захват власти); вхождение в него возможно долговременным, исчисля-

95

ющимся десятилетиями путем объективных материально-экономических и социально-политических цивилизационных преобразований;

2) социализм — не антикапитализм, а посткапитализм, осознание чего вело к снятию противостояния двух блоков, двух фрагментов цивилизации. Основным противоречием современной эпохи не могло быть декларированное, покоившееся на формационном разрыве противоречие между капитализмом и социализмом — двумя внутренне связанными консеквентными фазами непрерывного, целостного исторического прогресса. Требовало редактур также и понятие содержания современной эпохи: переход к социализму возможен не насильственным прерыванием

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

капитализма, а его фронтальным развитием;

3) переход человечества к новому строю — не локальное, а, как минимум, региональное или даже глобальное явление, охватывающее индустриально, социально, политически высокоразвитые страны.

На фоне этого выглядит дезориентирующей заложенная в доктрине силовая тенденция «заставить быть счастливыми» представителей отдельных отсталых народов, искусственно сократить, форсировать объективно длительные муки родов нового строя через «якобинизм», «диктатуру».

Таким образом, фундаментальные причины нашего кризиса скрыты в доктрине, которая должна взять ответственность за практически злостные заключения социалистических представлений, за то, что сопоставительно с развитыми капиталистическими странами в настоящий момент мы дальше, а не ближе от жизненного воплощения идеалов, принципов социализма.

Марксизм, включая элемент науки (система экономических политологических, социологических, философских взглядов в узком смысле), иммунитета к улучшению не имеет, требует уточнения, развития. Наличие проблем,

96

затруднений, несостыковок с действительностью — общая и повсеместная ситуация в науке. Наука в отличие от ненауки ищет истину, а потому ошибается, блуждает, лишь изредка, невзначай, достигая ясного. Наука вследствие отмеченного подвержена корректировкам, согласованиям, фальсификациям. Памятуя об этом, марксизму надлежало оперативно озаботиться причинами несоответствия течения истории предсказаниям теории. Во-первых, революционный процесс не шел по пути, предуказанному доктриной. Во-вторых, имело место не разложение, а упрочение капитализма, подрывающее исходную концептуальную модель его (капитализма) формационного истощения. В-третьих, следовало реагировать на критику доктрины из лагеря «гуманистов», которые, обобщив опыт Сен-Жюста и его подручных, вынесли мораль о невозможности использования насилия как инструмента благодетельствования человечества и которые небеспочвенно сомневались в приемлемости силовых рычагов (пролетарская диктатура) конструирования новой реальности. Никаких шагов в данном направлении, однако, к несчастью, предпринято не было (на большой и острый вопрос «почему» должны еще дать свой ответ историки).

Будучи ученым, Маркс, разумеется, не был гарантирован от концептуальных непоследовательностей, несовершенств, изъянов, разнообразных ошибок. Это нормально. Ненормально то, что в ходе идеологизации взглядов Маркса произошла канонизация: положения марксистской теории возведены в абсолюты, превращены в символ веры, знамя движения. После этого никакие ошибки уже не могли быть локализованы в теории и в последующем из нее выдворены. Дело, таким образом, не в присутствии в марксизме как научной системе неадекватностей (концептуальных лакун, рассогласований), дело в отсутствии в марксизме как идеологии атрибутивных науке способов их выявления, корректировки,

компенсации, изъятия.

Догматизированная идеология с порога отметала самую возможность прогрессивной модификации исходной теории. Корректирующая деятельность строго контролиро-

97

валась в соответствии с хлестким надзирательным идеологическим клише: «ревизионизм». Понятие ревизионизма, как известно, имеет два смысла — ревизионист тот, кто развивает, и тот, кто извращает. В рамках истеричной ждановско-сусловской синодики, блюдущей чистоту рядов, два смысла понятия «ревизионизм» совместились: модифицирующая деятельность подверглась остракизму, прекратив существование; попытки пересматривать отжившее беспощадно пресекались, вытравливались. Творческая мысль в марксизме атрофировалась, исподволь, медленно, но верно вырождалась в защиту, «борьбу с происками», охранение.

Применительно к эпистемологическому случаю все было бы просто. Отсутствие обратной связи с действительностью выбило бы у теории из-под ног почву, обрекло ее на дискредитацию, неминуемую гибель. Не то — применительно к случаю идеологическому. Функционирование продуктов идеологии подчиняется своеобразному правилу обратного отношения реализма к агрессивности: уменьшение одного влечет увеличение другого. Пагубность и социальный масштаб этого увеличения многократно усиливаются, расширяются огосударствлением идеологии. Идеология становится прямым инструментом творения действительности, манипулятором человеческих жизней.

Одно дело отрешенно-непрактические упражнения теоретика, иное дело — практически-жизненные упражнения идеолога.

За насильственную перекройку действительности, сопровождавшие ее неисчислимы беззакония, преступления, повлекшие за собой многочисленные бедствия, страдания народа, за уйму разбитых судеб, человеческих жизней, существований, за создание иллюзорной, не имеющей формационных корней, нежизнеспособной нереалистической рукотворной реальности, — за все это прямая вина марксистской идеологии. Так, просуществовав с начала века вплоть до наших дней, марксизм как идеология, надо полагать, завершил свое существование, при этом

98

рельефнейшим образом показав эпистемологическую бесплодность и социальную опасность комбинации «научная идеология».

1.4.5 Начала идеологии — границы науки

Под стать химерической «научной идеологии» — злокачественное образование «идеологичная наука». Инъекция в объективный поиск субъективных интересов сообщает науке чуждую ей избирательность, тенденциозность, кладет независимо, неангажированному познанию ясный и однозначный предел. Беспощадный, недвусмысленный развал парадигмы науки вследствие внедрения идеологом с точки зрения исторической совпал с мракобесной демагогической борьбой с «буржуазной»

наукой за построение на ее обломках нового (новоязовского) «пролетарского» знания. Квалифицировать сие некогда санкционированное тоталитарным режимом шельмовское действие в терминах парламентских возможным не представляется. Поэтому не удостоим оценочного суждения всяких там рабочекласснокрестьянских (без дефиса) познавательных формирований, пикирующих с «капиталистической лженаукой», — многостаночных прикладных марксизмов-ленинизмов в хирургии, кузнечном деле, рыбном хозяйстве, венерологии и т. п. чертовщину. Аналогичным образом с соответствующим воздержанием от лексики телесного низа поступим с базировавшимися на «единственно верной, марксистско-ленинской» мичуринской биологии, тщаниями критиков теории относительности, квантовой механики, теории резонанса и прочая, и прочая. Все они, воспроизводя мысль Данте, не стоят слов, взглянул — и мимо.

О чем хочется сказать, используя имеющиеся возможности, так это о том, что наука (в том числе обществознание), как таковая, не может быть идеологизированной, позиционной, субъективно ориентированной. В этом смысле тезис о двух типах наук «буржуазной» и «пролетарской» и будто бы имеющемся их противостоянии сам по себе бессодержательный, фиктивный. Нет ни буржуазной, ни пролетарской науки. Есть одна наука — объективное, не

99

зависимое от интересов исследование реальности, опирающееся на универсальную категоризацию явлений.

Геометрические аксиомы отрицались, если противоречили бы интересам людей, — апеллировал к идее Гоббса классик. Неверно. Геометрические и шире — математические аксиомы действительно отрицаются. Но мотивом отрицания выступают не интересы, а приверженность разной семантике.

Существуют евклидова и неевклидовы геометрии. Имеются «традиционный» и «нетрадиционные» (Клиффорда, Грассмана, Буля) варианты алгебр. Известны различные направления в области оснований математики, между которыми затруднен, если возможен, консенсус. Вообще альтернативность, полиморфность науки — стандартное гносеологическое явление, связано с неоднозначностью исканий истины, ибо истина — процесс и как завершённое, доопределённое во всех своих частях состояние субъекту не дана. Плюрализм подходов в науке, следовательно, детерминирован логикой познавательной деятельности, стремлением проиграть всевозможные рациональные ходы, а вовсе не интересами. Верно, в науковедении подчас говорится об интересах, но лишь в контекстах социологических, — при характеристике разъедающей науку групповщины.

Как ясно, союз идеологии с наукой противопоказан последней. Оуществлённый насильственно (идеологический пресс сталинского тоталитаризма) или добровольно (классическая механика и естественный ее мировоззренческий финал в лапласовском детерминизме и механицизме), он слишком дорого обходится устремленной к истине свободно текущей, независимой,

неподвластной внешним давлениям, влияниям конъюнктуры мысли.

1.5 Состав философского знания

Мы не погрешим против истины, если скажем, что первую половину осевого времени, уже выделившись из мифологии, философия развивается синкретически: олицетворяя любовь к мудрости, она совпадает с дискурсив-

100

ной (рационально-логической) мыслительной проработкой человеко-размерных реалий. На этой стадии, не будучи предметно дифференцирована, философия не имеет собственной внутренней структуры. С постепенной содержательно-методической автономизацией конкретных отраслей познания набрал силу процесс обособления, а с ним и организационного расслоения философии. Фикс-пунктом здесь служит переход от физиологизма (космологизма) досократиков к антропологизму Сократа и постсократовской философии. Последнее позволяет Аристотелю в середине IV в. до н. э. выделять в составе философии онтологию (теоретическая сфера — учение о бытии), этику (практическая сфера — учение о человеке) и эстетику (поэтическая сфера — учение о творчестве).

1.5.1 Структура философии

Философия объемна, многогранна. Необходимым условием формирования тех или иных проблемных пластов, сфер философского анализа выступает придание неким феноменам черт всеобщности, универсальности. Достаточным же условием конституирования философских исследований оказывается критико-рефлективное проецирование универсалий на субъект-объектную оппозицию. В этом отношении философия — рефлексия второго порядка — складывается как аналитическое подытоживание реализующимся через понятия категориальным сознанием наличных форм практики, культуры, познания. Сопричастность философии, следовательно, определяют универсальность, рефлексивность, систематичность, субъект-объектная релевантность. С учетом сказанного множество проявлений философии слагается из подмножеств:

а) рефлексивная систематизация общих оснований культурно-исторического процесса: учения о бытии (онтология); познании (гносеология); человеке (антропология), ценностях (аксиология), практической деятельности (праксиология);

б) рефлексивная систематизация специфических оснований культурно-исторического процесса: учения об об-

101

ществе (социология), нравственности (этика), художественном опыте (эстетика), формах и законах мышления (логика), науке (эпистемология); методе (методология), истории (философия истории), политике (философия политики); праве (философия права), языке (лингвистическая философия); технике (философия техники) и т. д.;

в) рефлексивная систематизация частных оснований культурно-

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

исторического процесса: учения об отдельных проявлениях, фрагментах, компонентах миропонимания, миропредставления, мироуяснения, миродействия — философия конкретных наук (философия математики, биологии и т. д.); философия конкретных феноменов (философия власти); философия конкретных обстоятельств (философия в будуаре); философия конкретных состояний (философия мира); философия конкретных мероприятий (философия выживания) и т. д.

1.5.2 Функции философии

Разнообразные функции философии ни в чем другом, кроме как в сообщении культуры мысли, жизненной глубины, далекого видения, внутренней сосредоточенности, не коренятся, что обусловлено самим назначением философского знания быть средством выработки предельных ценностных ориентаций, глобальных целей, сводящих к единству, означивающих все частные, конечные цели и ценности, движущие человеком. Жизнеучительское место, катарсическая миссия философии обеспечивается квалифицированным образом действия на основе знания. Философ работает на восхождение, возвышение: поднимает публику до понятий, тогда как политик, миссионер работает на нисхождение, понижение: опускает понятия до публики (вольно или неосознанно впадая в популизм).

Депозит возможностей философии представителен, широк, как представительна, широка материя опыта, получающая форму узаконения в философии. Низшее в реальности — тайное измерение высшего: бессознательное — сознания, животное — человеческого. Сепарируя высшее, представляя его высоким, философия утверждает абсолют-

102

ное, должное. Должное, абсолютное — подлинная стихия, стезя философии, отмечающая некритический энтузиазм в отношении нападок на нее как на сферу занятости. То, что позволяет философии быть явлением, всегда выдерживающим многочисленные социальные, умственные испытания и нагрузки, — суть причастность к пространству, где абсолютное «как должно быть» оказывается «предпоставленной целью и потому — ценностью в подлинном смысле».³⁰

Пребывая в малом, кратком, человек соприкасается с великим, бесконечным:

Не верь же, ко звездам взлетая, Счастливой избранника доле; Не верь, в глубину ниспадая, Что звезд не увидишь ты боле.

Будущее как в своих глубочайших элементах, так и в разыгрывающихся на поверхности казусах не будет тождественно повторять прошлое и подражать ему, — говорит Джемс. Верно. Только человек, люди, поколения несут имя, вершат историю, передаваемую, завещаемую предками. В опоре на что? Высокое — абсолютное, должное. Эти столпы, скрепы — не абстракции, каких стоит бояться, не нарушения привычной меры. Спинозе от его величества короля Франции предложили пенсию, если он посвятит ему какой-нибудь труд. «Свои сочинения я посвящаю лишь истине», — последовал ответ.

Мир, история, культура имеют смысл благодаря высокому: лежат во зле, но стоят на добре. Нет такого уroda, который не нашел бы поклонников, нет такой глупости, которая не нашла бы приверженцев. Так. Но — непреложность абсолютов — в освобождении от давления расхожего. Понятия меняют смысл в зависимости от ценно-

³⁰ Агацци Э. *Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 31.*

103

стных горизонтов. Подключая к абсолютному, должному, философия вводит ценностно высокие уровни, отсекает нагромождение ненужного, ложного; не сея иллюзий, она разрушает их.

Пафос сказки — притчи о голом короле не в фиксации отсутствия платья, а в развенчании мифа его наличия. Людям не стало бы лучше, если бы сбылись их желания. Неожиданно свежие, духоподъемные проявления философии в опыте идут от способности производить работу, заставляющую жить то, чего нет. Философия не претендует на выработку каких-то конкретных рецептов, инструкций. В отличие от специальных наук, поставляющих в освоении предметности технику «увидеть», философия генерирует нечто, что с полным правом заслуживает названия спасительной возможности «видеть» вообще.

Лишь сон и смерть, ничего не обещая, все исполняют. В реальности не так. Бесконечная тяга к улучшению, понуждая превращать яд в лекарство, сталкивает человека и общество, реформу и власть, природу и культуру, познание и практику, делает их внутренне конфликтными, пикирующимися. Модернизирующая реформа проблематизирует власть; стабилизирующая власть стопорит реформу. Человек идет на общество. Природа противостоит культуре. Разум вызывает кризис разума. Покамест никому в социуме не удалось достичь оптимума изменения и сохранения, инновации и мобилизации, доктрины и жизни, судьбы и деятельности, культуры и цивилизации.

Упоминание обо всем этом в качестве идейного фона позволяет не только детализировать интуитивные представления порядка связи философии и общественно-исторического процесса, но и ввести ясное понятие специфических ролей философии. Принципиально плодотворное, творческое, санационное проявление философии относительно компонентов и комплексов культуры сказывается в выполнении ею следующих эвристических функций.

Аналитическая функция: выявление предельных, граничных основоположений, оснований (которые выступают в виде содержательных предпосылок, семантических уни-

104

версалий), составляющих условие возможности всех видов теоретического и практического опыта.

Рефлексивная функция: превращение скрытых допущений, латентных комплексов в явный предмет специализированного исследования; экспликация всеобщих идей, побуждений, влечений, инициатив, предприятий, обуславливающих уникальные (культурные) или универсальные (цивилизационные) принципы, формы организации и реализации общественно-исторической

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

деятельности.

Онтологическая функция: введение фундаментальных гипотез существования, задание схем, каркасов строения действительности. К примеру, для оформления электромагнитной теории требовалось развить понятие среды — проводника физических взаимодействий в пространстве. Возникло представление об электромагнитном поле как о некоей реальности, ответственной за передачу взаимодействий зарядов на расстоянии. Задача обосновать эту реальность в качестве реальности объективной (не мнимой), дабы замкнуть формализм теории на действительность, и составляет компетенцию оснований онтологических.

Гносеологическая функция: разработка, оценка допущений о характере познавательного процесса. Является ли знание систематизацией субъективного опыта или фиксирует закономерные связи мира? — проблема, анализом которой, по словам Эйнштейна, вынуждают заниматься ученых трудности их собственной науки. Так, на вопрос «что изучает квантовая механика?» (КМ) не удастся получить однозначного ответа. Потенциальный ответ здесь должен быть сопряжен прежде всего с принципиальным анализом роли прибора, средств наблюдения в научном исследовании.

Применительно к трактовке поставленного вопроса выделяются позиции:

1. КМ описывает поведение элементарных объектов «самих по себе», — они ведут себя в наблюдении так же, как и вне его; проблема роли средств наблюдения в исследовательской ситуации лишена радикальности;

105

2. Элементарная частица ведет себя в наблюдении вовсе не так, как вне наблюдения; взаимодействие экспериментальной установки и элементарной частицы порождает подлинный объект науки, за пределами которого нет оснований искать прототипа;

3. КМ — феноменологическая теория; имеются неизвестные «скрытые параметры», определяющие наблюдаемое поведение КМ-систем; во всякое данное время возможно созерцать лишь следствие их действий.

Как видно, обсуждение, казалось бы, внутринаучной темы предполагает построение философской системы, проясняющей статус опытных установок в познании. В настоящий момент доминирует (2) линия, настаивающая, что включение действия измерительных приборов выступает предпосылкой определения КМ-явлений. Дальнейшее упрочение позиции, связанное с устранением парадокса Эйнштейна — Подольского — Розена, обуславливает необходимость углубления уже онтологических понятий природы КМ-реальности, требуя рефлексии «неделимой целостности» (Бом); «несиловых взаимодействий» (Фок, Хааг); «связи на уровне Y-функции» (Фейнман); «особой формы связей в зависимости от условий» (Александров); «детерминации будущим» и «опережающих взаимодействий» (де Борегаар) и т. п.

Методологическая функция: выработка нормативных представлений, позволяющих оценивать продукты поисковой деятельности по принципу предпочтительности. Если брать науку,

спрашивается: является ли несогласие теорий с данными опыта достаточным условием их фальсификации? возможен ли решающий эксперимент? каковы основания сравнения конкурирующих теорий. Эти и однопорядковые им вопросы входят в разряд методологических. Капитальнейшая проблема научного познания — проблема выбора теории, обусловленная постановкой: равноценны ли в эпистемологическом отношении эмпирически эквивалентные описания? Опыт исследований не дает на вопрос положительного ответа. Скажем, в начале

106

века в связи с уточнением перспектив физической мысли А. Пуанкаре утверждал, что последующее развитие физики сохранит евклидовость (ввиду простоты) в хроногеометрической модели реальности с дополнительной экспликацией в ней «гравитации». Эйнштейн рассуждал прямо противоположным образом. Исходя из фиктивности понятия пространства, лишённого какого-то физического содержания, а также из анализа свойств вращающихся систем отсчета, Эйнштейн настаивал на неприемлемости для новой физики евклидовой геометрии: «в негалилеевых системах пространственные и временные интервалы не определяются просто с помощью часов и твердых единичных масштабов. Евклидова геометрия в этих случаях не применима».³¹ По замечанию В. Паули, не, оставалось ничего другого, как допустить рассмотрение всех мыслимых метем координат, где последние толкуются как вполне произвольные параметры, произвольным, однозначным, непрерывным образом поставленные в соответствие мировым точкам (гауссовы координаты). Этому максимально соответствовал аппарат общей римановой геометрии, метрика которой «автоматически» учитывала и гравитационные эффекты.

Содержательная подоплека дилеммы Пуанкаре — Эйнштейн такова. В развитии хроногеометрических представлений Пуанкаре относился к гравитации как к постороннему для теоретического мира физики явлению, следствием чего была искусственность его позиции: сохранение геометрической компоненты вело к непредсказуемому усложнению физической компоненты теории. Руководствуясь тем, что законы природы — геометрические формулировки относительно физических объектов, справедливые для пространств с произвольными геометриями, Эйнштейн включил в теорию и гравитацию, представив ее свойством пространства — времени (криволинейная четырехмерная метрика). Желая того или нет, Пуанкаре подорвал крите-

³¹ Франкфурт У. И. *Специальная и общая теория относительности*. М., 1968. С. 219.

107

рии рациональности теории, крепящиеся на идеях гомогенности, замкнутости системы знания относительно некоторого мира объектов.³² Эйнштейн же предложил программу более совершенного знания, учитывая его большую сбалансированность с данными методологическими регулятивами.

Критическая функция: охват негативного опыта, развенчание многообразных ошибок, привычек, призраков, идолов, догм, суеверий, предрассудков, стереотипов — этих, по выражению Ф. Бэкона, докучливых, тягостных противников, сковывающих,

парализующих, притупляющих ищущую мысль и преобразующее действие. Талант критики, в своих полномочных проявлениях требующий поддержки, а не узды, — структурный реквизит философии. Давая реалиям некие нестандартные прочтения, видоизменяя условия понимания, философия играет роль своеобразного ценностного селектора: отделяя «овец от козлиц», вырабатывает адекватные программы созидания жизни. В нашей мысли подчеркнем «созидания». Срывание масок, выявление *facta concludentia* в случае философии не самоцель. Критика аспектов бытия наличного подчинена более серьезной задаче — обслуживанию деятельности положительной. В противном случае в мысли — критиканство, в действии — обмирщение всего, кроме того, что заслуживает обмирщения.

Интегративная функция: системное обобщение и понятийная реконструкция много- и разнообразия социальной практики, богатства культуры применительно к наличной точке существования. Конституируясь посредством фокусировки конкретных ценностей с последующим разворачиванием из них как из порождающих ядер проектов мира (центрирование «космоса» влечет космизм, «бога» — теизм, «человека» — гуманизм, «воли» — волюнтаризм и т. д.), философия согласует в пределах данных проектов все типы отношений человека к действию-

³² См.: Грязное Б. С. *Логика. Рациональность. Творчество. М., 1982.*

108

тельности: теоретические и практические, познавательные и ценностные, социальные и экзистенциальные. Подобное согласование — не эклектика, а единственное условие создания универсальных сценариев жизни, вариантов миропонимания и миропреобразования, несущих общезначимые значения и возможности.

Социальная функция: сознательное объединение людей в рамках гуманитарных общностей, гармонизация, сбалансирование бытия общественного.

Наблюдение за персональной реализацией и осмысление ее показывает, что индивид, будучи самостийным источником экзистенциальных процессов в различных начальных условиях, приходит в итоге к неким состояниям равновесия, которые не зависят от начальных условий. Описание самоутверждения производится в многомерном пространстве, на осях которого откладывается значение обобщенных параметров — личностных интенций. Состояния индивида изображаются точкой фазового пространства, изменение состояний во времени — движением точки вдоль фазовой траектории. Итоговые равновесные состояния оказываются пунктами в начале координат; они играют роль аттракторов.

С семантической точки зрения аттракторы — гуманитарные инварианты, целерациональные абсолюты, фундаментальные ценности, движущие поведением индивида. Допущение, что человек руководствуется в деятельности ценностными абсолютами, отчасти декларативно. Если принять презумпцию полной и безграничной свободы воли, оно не подтверждаемо. Вместе с тем опыт и здравый смысл подсказывают: человек, не выносящий

казармы (задетерминированный социум), не живет и по одной свободной воле своей (анархия). Социогенетически бытие человека сбалансировано: исходно оно ориентировано на гуманитарно оправданные правила общежития. Те, кто в силу разных причин не сообразуется с ними, ставят себя по ту сторону социума (изоляция умалишенных, манкуртов, отщепенцев, неполноценных культуруоущербных лиц). Признание в нас личностей со стороны сограждан, соплемен-

109

ников сопряжено с удостоверением в нас носителей ценностей. Выделяется 5 их групп: социально-целевые (Святость, Духовность, Знание, Мастерство, Дело, Слава, Власть, Богатство); социально-инструментальные (Право, Свобода, Справедливость, Солидарность, Милосердие); персонально-инструментальные (Жизнь, Здоровье, Сила, Ловкость, Красота, Ум); субъективно-целевые (Вещество, Энергия, Пространство); общечеловеческие (Мыслящий дух, Общество, Человек).³³

Ценности замыкают на себя многообразие траекторий субъективных систем (фазовых точек), определяемых интенциями (начальными условиями). Поведение изолированного индивида для внешнего наблюдателя кажется хаотическим. Вне предположения о странных аттракторах поведенческая хаотичность толкуется либо как следствие значительности степеней свободы системы, либо как результат нерепрезентативности, нарочитости поведения, рассчитанного на наблюдателя. Использование модели странных аттракторов открывает широкие перспективы герменевтической аналитики: за видимым на поверхности хаосом просматриваются элементы регулярности и порядка, обусловленные ориентацией на ценности. Соответственно режим функционирования субъективной системы описывается достаточно малым числом принципиальных характеристик.

Развивая данный сюжет, невозможно уклониться от обсуждения темы инвариантов человеческой жизни. По аналогии с фундаментальными физическими константами (ФФК), к которым относятся постоянная Планка, слабого, сильного взаимодействия, тонкой структуры и т. д., введем понятие фундаментальных социальных констант (ФСК). По аналогии же с тем, что ФФК ответственны за устойчивость связанных состояний от ядер и атомов до звезд и галактик, наделим ФСК ответственностью за фиксированность общественных структур в цивилизационной

³³ См.: Воронове А. О., Смирнов П. И. *Россия и русские. Характер народа и судьбы страны.* СПб., 1992. С. 34.

110

системе отношений. Основные параметры социальности, подразумевая тип производства, общественного и экзистенциального устройства, весьма стандартны. Вычленив крайности, получаем либо дисциплинарный, либо иницирующий социум с соответственными способами поддержания жизни:

— производство: контингентированность — самостимулированность;

— гражданственность: казарменность — гарантированность свободы;

— жизнесфера: отчужденность — самореализованность.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Основная идея, какую мы выносим из опыта вершения истории, заключается в том, что историческое бытие осмысленно, что подлинная цель исторической жизни состоит в наращивании плодов цивилизации, обеспечивающих эффективность производства, конституционность, легальность, достоинство существования. Речь, стало быть, идет о просматриваемой выделенной траектории эволюции человечества по вектору умножения гуманитарности.

Сказанного достаточно для очередной аналогии. Обращаясь к естествознанию, отметим исключительную эвристичность формулируемого в космологии антропного принципа (АП). Устанавливающий корреляцию между эволюцией Вселенной и возникновением человечества АП взрывает утвержденную Коперником антиантропоцентрическую парадигму. Суть в том, что, как бы там ни было, но человек с его социальностью и сознанием занимает привилегированное положение в мире. Возникает задача увязки естественного прогресса Вселенной с необходимостью появления геопланетарной цивилизации (проблема мотивированности, предопределенности развития нашей природной метасистемы). Задача эта решается путем оригинального истолкования АП.

Слабая версия АП. Во Вселенной множество объектов от обычных звезд до галактик, пульсаров, квазаров, черных и белых дыр. Все они осваиваются средствами наличных теорий, в количественной плоскости обусловленных

111

использованием ФФК. Значения ФФК — эмпирические. Поскольку опыт не сообщает необходимости, спрашивается: к чему ведет предположение изменения их номинала? С позиций гносеологии ясно: если значения ФФК будут иными, мы имеем дело с иными формами знания. А в онтологии? Как изменяется реальная картина в случае других значений ФФК? Естествознание отвечает — варьирование ФФК влечет трансформацию реальности вплоть до инореальных форм (невозможность жизни, сложных химических, предбиологических структур). Если это так, то в чем основание одноколейности естественного отбора, обусловившего наблюдаемое состояние. Надлежащего ответа естествознание не дает. Оно лишь не отвергает возможности плюрализма миров с различными значениями ФФК, что исключает, однако, действительность нашей геообстановки. Резюмируя, акцентируем тезис, согласно которому факт наличной геообстановки отрицает реальность иных значений ФФК; другими словами, мы живем постольку, поскольку значения ФФК таковы.

Принципиально сходное, на наш взгляд, обстояние дел в обществознании. Мир не взорван до сих пор изнутри потому, что имеются универсальные постоянные социальности в виде законов эффективной коллективности, производительности, экзистенциальности. Из теории никак не вытекает значений констант для обеспечения жизни. Теория как перебор логических диспозиций, вообще говоря, допускает любые значения. На деле в естествознании и в обществознании не веер, а одновариантность. Само наличие жизни отрицает произвольные значения ФФК, не стимулирующие факт жизни. Также наличие социальности отрицает

любое устройство общества, ставящее под сомнение факт социальности при несоблюдении ФСК. Хотя общество а priori может организовываться по-разному, условия отбора накладывают жесткие ограничения на социальную технику в лице системных требований цивилизованности. Поскольку есть ФСК, есть единство истории, понимаемое как внутреннее тождество, родство, сходность способов, приемов вершения, отправления гарантийной жизни.

112

Сильная версия АП. Ретрополируя ситуацию, скажем: факт наличной социальной организации предопределяет

предыдущие этапы, — чтобы человечество могло существовать, условия антропной цивилизации должны быть жестко ограниченными на протяжении всей эволюции человечества. Иначе говоря: антропная цивилизация должна быть такой, чтобы в ней на некоторой фазе допускалось существование наличных социальных форм. Наша социальность не случайна. Ее комплексы de facto лимитируют многообразие видов устройства жизни. Отследить хитросплетения становления антропной цивилизации входит в задачу социальной эволюционистики (являющейся звеном глобальной эволюционистики), призванной уточнить последовательность цепочек утверждения человеческих форм посредством не механической, а целеполагающей ценностной детерминации.

В физике варьирование значений ФФК влечет идею ансамбля Вселенных. В социологии сходная операция обуславливает идею плюрализма культурных миров. В отличие от физики, где видоизменение ФФК остается абстрактной возможностью, в социологии многообразие типов социумов с атрибутивными им ФСК дано опытно-исторически: на ограниченных геопланетарных просторах воплощается ансамбль способов воспроизводства жизни со всеми мыслимыми (и немыслимыми) комбинациями начальных условий и ФСК. Картина историко-культурного многообразия, однако, по ходу прогресса утрачивает многоцветие: в цивилизационном отношении все народы идут к одному оптимальному укладу. В обществе потенциальный кредит имеют лишь гуманитарно оправданные формы. Перспектива дееспособного общества просматривается для минимума комбинаций параметров, которые обособливают в ансамбле миров особое цивильное подмножество. Остальное — дикость, нецивилизированные стадии человечности.

Будучи общезначимыми предпосылками деятельности, ФСК и сцепленные с ними гуманитарные абсолюты задают актуальный горизонт персональной и групповой реа-

113

лизации. Чем развитей социум, тем массивней линия соприкосновения индивида с общественным целым, тем большими степенями свободы (в рамках легальных инициатив) располагает личность. Напротив, чем более отстало общество, тем худосочней человеческие возможности. Век от века, поэтому, законы общества, истории формируются, как бы впитывая, вбирая в себя совершенные устои жизни, связанные с расширением полномочий, условий, гарантий достойного существования. Речь идет о всем спектре человеческого утверждения, воления, творения,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

сопряженного с идеалами бытия *ad unguem*.

С этих позиций, подкрепляемых диахроническими рассматриваниями, в социальной эволюционистике обнаруживаются такие зависимости. В тенденции, в перспективе, в принципе демократические формы социальной организации предпочтительнее деспотических, легальные формы предпочтительнее нелегальных, индустриальные — доиндустриальных (патриархальных) и т.п. Это не означает, что у названных начал нет теневых сторон общественных воплощений. Там хорошо, где нас нет. Мечты о золотом веке влекут критику техники (Бердяев, Фромм), науки (Годвин, Гельдерлин, Шели, Шопенгауэр), общественного, исторического прогресса (Л. Толстой, Э. Гартман, Лашелье, Зиммель, Рембо, Уайльд, Ибсен, Гауптман), культуры (Буркхардт), цивилизации (Руссо, Хайдеггер, Дэссауэр, Мамфорд, Хаксли, Эллюль).

Не впадая в цивилизационную некрофилию — в эту, выражаясь языком Фромма, страсть ко всему искусственному, механическому, нездоровому, отметим значимость аргументов к издержкам гражданского научно-технического развития. Да, в чем-то прав Бердяев, тревожащийся, что если «ранее человек был органически связан с природой и его общественная жизнь складывалась соответственно с жизнью природы», то теперь в обстановке техногенного существования машина нарушает эту связь — «она не только по-видимости покоряет человеку природные стихии, но она покоряет и самого человека... Какая-то таинственная сила, как бы чуждая человеку и самой при-

114

роде, входит в человеческую жизнь, какой-то третий элемент, не природный и не человеческий, получает страшную власть над человеком и над природой».³⁴ Пусть так. Но никакой разумной альтернативой машинизму на индустриальной стадии своего бытия человечество не располагает. Критику техницизма можно адресовать будущему; применительно к прошлому и отчасти настоящему она выглядит мелодекламаторски. Без техники, интенсивного потребления и переработки планетарного тела возможности жизни и выживания рода минимальны. Оттого и идеализации доиндустриализма в буколическом духе призрачны, по-крупному мизантропичны. Цена прогресса высока, но она оплачена уровнем жизни, относительным благоденствием человечества.

Либерализм, выборное начато, прочная свободная гражданственность, конституционализм, парламентаризм, вольный труд, отсутствие родовых пережитков, гарантированная мобильность, здоровое чувство собственности, — все это непреходящие, неигнорируемые завоевания цивилизации, от которых не отмахнуться.

Аксиологическая функция: конституирование социальных форм взаимодействий людей в групповой, «роевой» жизни, налаживание систем «вовлечения», «участия», ценностно, гуманистически регламентирующих обмен деятельностью индивидуальных общественных существ.

Индивид самостиен, но глубинная настроенность на признание

— социально удостоверенные стандарты, идеалы, поддерживающие Я-концепцию и не ниспровергающие индивида, не низводящие его до ничтожества, предопределяет фигуры персональной мобильности, содержание и форму индивидуальной и межличностной коммуникации, интеракции, циркуляции. Во всех ипостасях самоутверждения социум присутствует как аксиологический фильтр, шкала предпочтений, множество презумпций, стимуляций, что в терминах модели фундаментальных соци-

³⁴ Бердяев Н.А. *Смысл истории*. М., 1990. С. 118.

115

альных констант и странных аттракторов выражается понятием устойчивости ценностного сознания к малым возмущениям — помехам свободы воли. Ценностная стабильность ФСК и странных аттракторов позволяет толковать антропологические многообразия как безусловно рациональные, и следовательно, воспроизводить их на языке теории; расценивать поведенческую стохастичность как имманентное свойство, фиксируемое не в аппарате теории вероятностей, а в аппарате теории ценностей.

Гуманистическая функция: сверхзадача, сверхцель философии — поставить глубокую, солидную трактовку «каким надо быть, чтобы быть человеком».³⁵ Известно хорошо и полно, что добропорядочная философия не разворачивается как произвольный поток сознания в модусе рассуждений *ad marginem*. Конструирование реальности в философии, отличаясь свободой, не терпит произвола. Игра умственных сил, интеллектуальные штудии, изоощрения, нарочитости своим естественным пределом имеют общественный резонанс, социальное звучание, гражданскую роль доктрины. Говорит Марк Аврелий: «Время человеческой жизни — миг; ее сущность — вечное течение; ощущение смутно; строение всего тела брэнно; душа загадочна; слава недостоверна... Жизнь — борьба и странствия по чужбине; посмертная слава — забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии». Жизнелюбивой. Духоподъемной. Дарующей счастье ощущать себя человеком. У Г. Успенского в очерке «Выпрямила» Венера Милосская позволила сельскому учителю Тяпушкину покинуть медвежий угол сонного заскорузлого провинциального прозябания и обнаружить в себе личностное. Высокое.

Некий пилигрим — бродячий философ-одиночка, дабы выработать у людей презрение к смерти и стоическое отношение к несчастью, запалил костер и бросился в него, прервав путь жизненный. Уроки истории обязывают. Оценка свершенного демонстрирует: философия не выполняет своей

³⁵ Кант И. *Соч.* в 6 тт. М., 1964. Т. 2 С. 206

116

очистительной миссии, если не кладет в основание практики добытый лишениями, но человекоутверждающий опыт.

Привлекая мысль В. Розанова можно сказать: есть две вариации деформированной философии — выпоротого (частный случай — самобичевание) и ищущего, кого бы еще посечь. Свобода воли и «воля к неволе» не в праве выдвигать практический вопрос — разрушение жизни. Перефразируя Антония Великого, правильно утверждать: все раны заживают, раны же от философии не имеют врачевания. Превращаясь (точнее, перерождаясь) в дар

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

делать жизнь, человека ничтожными, философия утрачивает сущностное — способность быть философией.

Соответствие понятия объекту есть истина; соответствие объекта понятию есть идеал. Качество творимого в деятельности наличного бытия отвечает определенным понятиям. Неудовлетворенность бытием (безотносительно к физике и физиологии) справедливо адресовать недоброкачественности понятий. Всякая эпоха, всякая человеческая общность, констатирует Хайдеггер, опираются на ту или иную метафизику и через нее встают в сущностные отношения к совокупности сущего и тем самым также и к самим себе. Кризис бытия по этой причине означает кризис метафизики и раскрывается как упадок власти сверхчувственного, порожденных им идеалов.

1.6 Стратегии философствования

Проблема выбора исходного в философии — не закономерный результат борьбы, конфронтации, не акт соперничества школ, течений, направлений. Подобное конъюнктурное, непрофессиональное толкование, вводящее прямолинейную политическую аналогию, расценивает философию если не как аппендикс, то непосредственную аппликацию данной публичной сферы. Никакой почвы, однако, для соответствующих уподоблений на деле нет.

Уточнение системы отсчета, обозначение точки «О» как некоего отправного пункта — радикальная процедура для

117

теоретика в любой сфере, решающего, исходя из чего выступать от имени теории, строить ее, налаживать ток мысли. Плацдарм для варьирования основоположений в философии крайне узок. Простор возможностей покрывается дихотомией «субъективное» (сознание, идеальное, дух) — «объективное» (материя, телесное, природное). Поскольку оппозиции присущи: а) предельная общность, исчерпывающая универсум существующего — потенциального и актуального, возможного и действительного; б) репрезентативность — какую бы проблему ни решали философы (что есть жизнь, вера, истина, благо и т. д.), разворачивая доктрину, они исходят из некоего предпосылочного понимания соотношения материального и духовного, — иных кандидатов (нежели члены оппозиции) на роль первоначал в философии не существует. Сообразно акту свободного выбора, обуславливаемого темпераментом, вкусом, поисковыми предпочтениями теоретика, имеет место реализация либо материализма (примат объективного), либо идеализма (примат субъективного).

1.6.1 Материализм

Материализм как наука, по выражению Цицерона, доступная не всякому, а лишь философу (житейско-бытовое, примитивистское понимание материализма укладывается в контуры идеологии потребления — грязно-торгашеского консьюмеризма), признает объективность, первичность, несотворимость, неуничтожимость материи, существующей вне и независимо от сознания и выступающей первоосновой действительности. Как идейное течение материализм многогранен. Выделяют следующие виды

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

материализма:

— стихийный (Лао-цзы, Ян Чжу, Ван Чун, школа Локаята, ионийцы, атомисты и др.) — архаичная форма материализма, характеризующаяся отсутствием концептуальной проработки основных посылок, принципов позиции; от данного типа материализма недалеко уходит естественнонаучный материализм, оформляющийся как мировоззрен-

118

ческое обобщение учеными опыта работы в конкретном (отраслевом) материале. Содержательная недостаточность, слабость этой модификации материализма — «недодуманность» — нестрогость, несистематичность, нерелективность проведения заявляемой линии (в особенности применительно к проблемам, располагающимся за пределами компетенции естествоиспытателей — этика, социология, история и т. д.);

— метафизический (Бэкон, Гоббс, Гассенди, Спиноза, Локк и др.) имеет множество ветвлений в зависимости от того, какая черта реальности абсолютизируется. В целом для него специфичны установки: а) на рассмотрение природы как непосредственно от века данного, всегда равного себе, стабильного целого, вращающегося в одних и тех же вечных и ограниченных кругах; б) на создание всеобъемлющей системы знания, фиксирующей истину как бы в окончательном и завершенном виде;

— вульгарный (Фогт, Бюхнер, Молешотт) — игнорирует социально-историческую природу сознания, трактуя последнее как непосредственное свойство мозга;

— стыдливый — неоправданно недооценивает естественно-природное измерение человеческого существования, которое реализуется в комплексе социальных (гуманитарных) и биологических (натуралистических) сторон;

— антропологический (Фейербах, Чернышевский) — не достроен «доверху»: проведение материализма в понимании природных явлений не сочетается здесь с материализмом в истолковании общественных реалий;

— диалектический и исторический — философия марксизма-ленинизма, представляющая методичное распространение принципов материализма и диалектики на понимание как природы,

119

так и общества; нацелен на выявление наиболее общих (фиксируемых в языке диалектики) закономерностей бытия, познания, истории, на соединение теории и практики, доктрины и революции. В пределах основных форм материализма в истории философии существовали вариации, определяемые тем, как истолковывается материальное первоначало: как единая субстанция (материалистический монизм), множество материальных первоэлементов (материалистический плюрализм), как данное в ощущениях (материалистический эмпиризм) или в разуме (материалистический рационализм) материальное начало.

1.6.2 Идеализм

Идеализм — направление в философии, исходящее из первичности духовного, мыслительного, психического и

вторичности материального, природного, физического. Идеализм есть «чепуха», пустяковая мистификация лишь с позиций материализма незрелого. С точки зрения реалистического подхода идеализм — весьма тонкое образование, под покровом абсолютизаций, гипертрофий содержащее «справедливое и гениальное».

В общем смысле идеализм представляет теоретически развернутую форму спекуляции на трудностях познавательного и общественно-исторического процесса, которая индуцируется достаточно глубокими предпосылками, называемыми гносеологическими и социальными основаниями (корнями) идеализма. Познавательный исток идеализма — известное фантастическое воспроизведение реальных событий, выдаваемое за адекватное представление их; восприятие явлений по аналогии с обусловленной сознанием и волей человеческой деятельностью.

В дальнейшем, с возрастанием степени абстрактности мышления, питательной почвой идеализма служит отрыв общего от единичного, сущности от явления, условие которого коренится в самой природе мыследеятельности на теоретическом уровне. Оперирование абстрактными объек-

120

тами (понятия, конструкты, идеализации, модели) как самостоятельными предметами содержит возможность неоправданного их противопоставления реальным предметам, отвлечением от которых они получены. Будучи обособлены от материальных вещей, абстракции гипостазируются — выносятся вовне познавательного процесса, наделяются автономным существованием (придание онтологического статуса продуктам духовной (идеальной) деятельности есть реификация единиц психического). В результате фиксируемые ими (абстракциями) универсальные отношения приобретают характер фундаментальных праформ, творящих объективные вещи. Последние, таким образом, становятся полностью зависимыми от первых. Прямолинейность и односторонность, абсолютизация и догматизм, нескритичность и умозрительность — гносеологические корни идеализма. Они закрепляются социальными факторами.

Общественно-политические истоки идеализма — в социальной заинтересованности определенных слоев, страт воспроизводить, поддерживать в наукообороте неадекватные идеалистические конструкции. Подобная заинтересованность обусловлена онтологическими функциями идеализма, нередко дезориентирующего идейный и социальный процесс и обслуживающего корыстно-эгоистические групповые интересы. С точки зрения генезиса и реального статуса идеализм внутренне родствен фидеистическому сознанию. Возникнув как теоретико-логическая проработка, рефлексия последнего, идеализм выступает средством оправдания, обоснования веры в сверхъестественное. Основные формы идеализма — объективный и субъективный. Один за первооснову сущего принимает безличный универсальный дух, имперсональное, надындивидуальное психическое. Другой отрицает какую-либо реальность вне индивида: реальность суть плод его духовного творчества.

Объективный идеализм. Гносеологический источник объективного идеализма — характерная мистификация сущностных отношений между мыслительными структу-

121

рами и действительностью. Разлучая мысль с познавательным процессом, противопоставляя одно другому, объективный идеализм наделяет мысль самостийным онтологическим статусом. Получается, что не субъект, осваивая всеобщее, существенное, необходимое в действительности, формирует о ней понятия, а понятия, изначально концентрируя эти признаки, формируют действительность. Подлинные отношения ставятся с ног на голову. Вспомним у В. Соловьева:

*Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами -
Только отблеск, только тени
От незримого очами?
Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий -
Только отклик искажений
Торжествующих созвучий?*

Наличие единого концептуального ядра не препятствует идейному ветвлению объективного идеализма на многообразные формы. Правомерность их выделения определяется инкарнациями универсального духовного первоначала, которое может быть мировым разумом (панлогизм), мировой волей (волютаризм), вечной женственностью, любовью (соловьевское Das Ewigweibliche), единой субстанцией (монизм), ассоциацией праэлементов (плюрализм), логически постигаемым (рационализм), алогичным (иррационализм) и т. п.

Субъективный идеализм. Непоследователен, в «чистом», логически завершеном виде не реализовался. Во избежание солипсизма, эгоцентризма, крайнего скептицизма, релятивизма субъективный идеализм трансформируется в объективный. Действительно. Последовательный субъективный идеалист, выводя мир, себя, себе подобных из собственной самости, исходно, подобно Клоду Броне, вынужден признать, что «сам в качестве мыслящего существа один только существует

122

в мире; что существование его собственного тела также сомнительно, как существование других тел и как существование других, кроме него самого, людей, что он является творцом всех сотворенных вещей, т. к. все вещи и все люди существуют лишь в его представлении, и, когда он перестает о них думать, они перестают существовать».

Последовательный субъективный идеализм есть солипсизм; будучи логически не критикуем, со всех точек зрения он представляет безумие.

Совершенно ясно, что интенция субъективного идеализма, не позволяющая выйти за пределы частного сознания, вступает в противоречие с задачами философии как теории, призванной дать универсальную картину бытия, общества, мышления. Такая, да и любая теория, существующая как концептуализация объективных законоподобных ситуаций, в конституируемых субъективным идеализмом (солипсизмом) рамках, попросту невозможна.

Для развертывания философии — фундаментальной теории — необходимо пользоваться языком. Это обстоятельство фиксирует противоречие цели и средства ее достижения в рамках субъективного идеализма. Цель его — конструирование универсума из индивида. Средство — апелляция к языку. Чтобы быть последовательным, язык надлежит творить собственный также. Единственный случай, когда произвольно творимый мир выражается на произвольно творимом языке, — случай аменции. Но этот случай — вырожденный.

Безумец — атомарный индивид, носитель капсулированной духовности, выступает монадой, «не имеющей окон», непроницаем для внешнего наблюдателя. Последовательный субъективный идеализм и есть вариант монадообразного, неэксплицируемого, лишённого экспрессии сознания, проходит по части экзотики (патологии), а не теории.

Необходимость при оформлении теории, как минимум, а) обращаться к языку; б) выявлять жизненные, природные, исторические универсалии — общезначимости — свидетельствует а la lettre о сущностном и непреодолимом

123

противоречии субъективного идеализма, который как содержательная возможность не имеет концептуального воплощения. На каком-то витке рассуждений (дабы реализовать теорию, уйти от безумной формулы «нет признаков чужой одушевленности») субъективный идеализм вводит универсалии в виде структурной тождественности элементов индивидуальной организации — «привычка» (Юм), «априорные трансцендентальные формы» (Кант), «принципиальная координация» (Авенариус) и т. д. Допущение однотипности «эго», осваивающих реальность идентичным способом, достигает имперсональности, надличности, транссубъективности, разрушает аутентичный проект субъективного идеализма.

Для полноты и трезвости картины не обойдем вниманием такой нюанс. Тонкость субъективного идеализма, невзирая на отмеченные изъяны, заключена в глубокой идейной установке: «бытие не дано вне личностного к нему отношения». «Бытие вне нас» в каком-то смысле — сильнейшая метафизика. Постулирование бытия как исходный акт оправдано в плане самокритическом: вне нас пребывает нечто сущностное, предостерегающее нас от абсолютизации самости. Лишь внешнее бытие в конечном счете есть инструмент удостоверения состоятельности, адекватности, солидности наших мыслей, поступков, ценностей, целей. В остальном же — за границами данной установки — правильно фиксировать «открытость» вопроса необходимости, абсолютности бытия для субъекта.

Достаточно ввести схему субъективно значимого момента, зачастую призрачного, невыразимого, как у И. Анненского:

Я люблю все, чему в этом мире Ни созвучья, ни отзвука нет.

Что, собственно, любитесь?.. Нелогичная, непонятная, несистемная, неуловимая, но персонально близкая, «теплая», прочувствованная деталь проблематизирует вечное, отстраняет наличное.

124

Заблуждается Б.Вышеславцев, отмечая: «Скелет бесконечно более прочен в своей ужасающей простоте, чем хрупкий... живой организм. Бытие пирамиды крепче и устойчивее, чем жизнь фараона. Это очень грустный закон... Если серьезно вдуматься в него, то нам откроется закон всеобщего трагизма бытия, которому грозит всеобщее снижение, обратный спуск к самым низшим ступеням, к первобытной туманности».³⁶ Никакого подобного сформулированному грустному закону бытия нет. Плоть, прочная в эфемерном, уступает духу в вечном. Скелет долговечнее человека, но дело человека долговечнее скелета. «Дуб Авраама» пережил Авраама, но «наследие Авраама» пережило дуб. Плотское уступает духовному во всем. Ибо одно тленно, другое — нет.

Достоевский в «Дневнике писателя» разбирает эпизод из жизни гётевского Вертера, сетующего на склоне лет, что не увидит вскоре красот неба. Чем же так дороги Вертеру созвездия? — спрашивает Достоевский. И отвечает: «Тем, что он сознавал каждый раз, созерцая их, что он вовсе не атом и не ничто перед ними, что вся эта бездна таинственных чудес божьих вовсе не выше его мысли, не выше его сознания, не выше идеала красоты, заключенного в душе его, а, стало быть, равна ему и роднит его с бесконечностью бытия... и что за все счастье чувствовать эту великую мысль, открывающую ему: кто он? — он обязан лишь своему лику человеческому».³⁷

Где связи исторические совпадают со связями моментными, где человеческое, персональное проявляется как равнодостоинное, равнозначимое космическому, божественному, где экзистенция выступает источником свойств мира (в пустыне нет красоты, красота — в сердце бедуина), там возникает почва для теоретически последовательно нереализуемой, но содержательно крайне тонкой версии субъективного идеализма.

³⁶ Вышеславцев Б. П. *Вечное в русской философии*. Нью-Йорк, 1955. С. 121.

³⁷ Достоевский Ф. М. *Полн. Собр. Соч. М.*, 1981. Т. 22. С. 6.

125

1.6.3 Монизм

У идеала монизма корни гносеологические: при переходе от архаичной многозначной (мифологическая фаза) и в частности двоичной (Гераклит, Пифагор) системы мира, упорядочивающей действительность в оппозициях-дихотомиях, кристаллизуется рациональная платформа непротиворечиво-гомогенного (тождество, простота, красота) толкования мира как единства многого. Акцентируя гносеогенность принципа монизма (преодолевающая бинарность и закладывающая базис европейского рационализма доктрина единого элеатов, индуцированная эпистемологическими аргументами), уместно констатировать произошедшую в дальнейшем его семантическую трансформацию: из теоретико-познавательного суждения о природе знания он превратился в суждение онтологическое, характеризующее существо мироздания, — основанием бытия является унитарное начало. В такой редакции идеал монизма укореняется в классической культуре, инспирируя и античную программу архэ, и средневековое и новоевропейское учение о субстанции, и

отталкивающийся от едино- и однородной реальности широко понятый традиционный естественнонаучный эволюционизм (биология, космология) и т. д.

Отвергая идею изначального разнообразия, выделяя гомогенные первоэлементы, монизм интерпретирует их в терминах константной производящей причины: мир — ветвящаяся древовидная структура, обусловленная первофундаментом. Задача познания трактуется как реконструкция «естественно» становящихся слоев бытия, все более удаляющихся от униполярного основания. Жестко детерминированному онтологически базисной ячейкой бытия ряду вещей соответствует не менее строго дедуцируемый из базовых теоретических конструктов (аксиомы, постулаты) ряд идей... Вопрос, однако, в том, что брать за первоначала.

Обособление каких-то начал из числа равновозможных не безобидный преференциальный шаг. Если точно квалифицировать эту познавательную процедуру, то перед

126

нами — реализующий тактику абсолютов метод привилегированных систем отсчета: некая основа (бытийная, координатная) расценивается как выделенная, относительно чего прослеживаются перипетии наблюдаемого много-и разнообразия. Неудовлетворительность метода привилегированных систем проявляется в двух отношениях: безосновательности (из всех мысленно допустимых систем координат достаточно произвольно обособливается единственная) и узости, одномерности изображаемой картины. Фундаментализация чувственного дает антропологизм; сознательного — логизм; бессознательного — пралогизм; астрала — выпадающие из науки конструкции типа буддизма; социального — социологизм; сексуального — фрейдизм; психического — психологизм и т. д. Развертывание данных и подобных им теоретических линий, разумеется, допустимо, но в качестве крайне абстрактной и малоэффективной игры ума. Как явствует из опыта исследований, метод привилегированных систем отсчета, неоперациональный и спекулятивный сам по себе, усугубляет собственную проблемность необходимостью решения капитальных вопросов. Для материализма — это: как природа, отличная от мысли, становится мыслью, отличной от природы. Для идеализма — это: как мысль, отличная от природы, становится природой, отличной от мысли.

1.6.4 Плюрализм

Противоположная монизму позиция, исходящая из множественности самостоятельных не сводимых одно к другому исходных основоположений, первоначал. Плюрализм подразделяется на онтологический — допущение автономных субстанций и гносеологический — допущение самодостаточных оснований знания. Плюрализм бывает как материалистическим — Эмпедокл (в онтологии), Спиноза (в гносеологии), так и идеалистическим — Лейбниц (в онтологии), персонализм, прагматизм (в гносеологии). Простейший вид плюрализма — дуализм, постулирующий независимое существование материального и идеального (психофизический параллелизм —

Декарт, картезианцы).

127

Эвристическая основа плюрализма — нетривиальный взгляд на мир как нелинейное, нестационарное, неравновесное, поливариантное, самоорганизующееся многообразие, моделируемое через призму установок полиэкранности, ипостасности, холизма, когерентности, дополнительности, релятивности и т. п. Плюрализм как сознательная идейная платформа составляет методологический базис ряда фундаментальных теорий современной науки, где имеется интенция на учет взаимодействия многих начал (физика элементарных частиц, синергетика, глобальная эволюционистика, этнополитология, социология), в зависимости от обстоятельств, проявляющихся разнородно. Последнее стимулирует принятие гетерогенной схемы структурно-функциональных описаний с приматом применительно к условиям различных факторов.

1.7 Трансформация философии

Трансформация философии — естественный процесс обретения и изменения ею тематического облика; опосредованная взаимодействием со всеми нормами культуры внутренняя динамика проблем и решений, венчающаяся упрочением полнокровной предметно-методической структуры философского знания. Выделяемые ниже этапы представляют собой стилистически относительно цельные идейные линии, образующие в тенденции своеобразные ступени исторического восхождения философского творчества к его логически репрезентативной (с позиций наличного момента), но содержательно незавершенной, неокончательной форме.

1.7.1 Субстанциализм

Капитальнейшая проблема ищущего ума — проблема формо- и структурообразования в мире. Ход морфогенеза во многом не прояснен и поныне. Как идут цепные реакции усложнения? Как строится целое из частей? Как работает эволюционная фабрика действительности? Данные и аналогичные им вопросы не дают покоя людям, начи-

128

ная с древности. Античные мудрецы проблему возникновения мирового порядка (космоса) из хаоса толковали как проблему архэ: космос с помощью логики выстраивался в мысли из некоего предельного сущностного, устойчивого, автономного основания, порождающего наблюдаемое вещественное много- и разнообразие. Архэ и есть такого рода исходное предельное основание, первоначало, ответственное за происхождение вещиности.

Принятие за архэ некоторой материально специфицированной стихии — «воды» (Фалес), «воздуха» (Анаксимен), «четырех корней» (Эмпедокл) и т. д. дает начало субстратному подходу, вытесняемому в дальнейшем более абстрактным субстанциальным подходом, не связывающим сущностное первоначало с каким-то конкретным предметным образом. Но это к слову. На данной стадии изложения нам важно подчеркнуть, что безотносительно к конкретной трактовке природы архэ в истоках философии

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

находится проблематика единого сущностного творящего начала, моделирование принципов проявления которого, собственно, влечет развертывание философии. Важность тезиса обуславливает необходимость его более тщательной, четкой формулировки. Последняя сводится к тому, что самодовлеющая реконструкция превращения хаоса в космос посредством введения мыслью сущностно порождающего начала выступила энтелехией философии.

Философ, по Аристотелю, — человек, изучающий сущность вообще, располагающий знанием о существующем как таковом, указывающий наиболее достоверные начала для всего. Откуда в итоге вытекает: философия есть «исследование сущего как такового и того, что ему как таковому присуще».³⁸ Подобное исследование могло сложиться и состояться при достаточно развитых, отработанных логико-теоретических, дискурсивно-рациональных техниках систематизации мыслительного материала. Когда они отдифференцировались, откристаллизовались? Проясне-

³⁸ *Аристотель. Соч. в 4-х т. М., 1976. Т.1. С. 124–125.*

129

ние вопроса, очевидно, предполагает более детальное изучение проблемы происхождения научного дискурса как такового.

1.7.2 Философия и наука в античности

Кристаллизация в древнегреческой культуре теоретической (рациональной системно-логической) формы освоения действительности открывает эпоху синкретического существования философии и науки. Философия и наука ни предметно, ни методически не разделялись, — выявились, обособились концептуальные способы исследования, которые в виде отрешенных умозрительных спекулятивных техник оказывались общими для философии и науки. Начало философии и начало науки в этом отношении совпадают. В определенном смысле здесь правильно говорить не о двух, а о едином и единственном начале — начале теоретической формы мысли вообще, представленной фундаментальным знанием.

Суммируя вышеизложенное, процесс вызревания научно-теоретического сознания связывается нами с серией концептуальных революций, обусловивших последовательность переходов от мифа к логосу, от логоса к преднауке и от преднауки к науке.

1. Гносеологическое существо перехода от мифа к логосу выявлено в 1.2.4.

2. Переход от логоса к преднауке ассоциируется нами с формированием рецептурно-эмпирического, утилитарно-технологического знания, функционировавшего как система индуктивных генерализаций и технических навыков. В историческом времени этот гносеологический процесс совпадает с функционированием древневосточной культуры (См.: 4.1.2).

3. Переход от преднауки к науке толкуется нами как упрочение рационально-теоретической парадигмы мышления, оформившейся в античной Греции в ходе реализации многообразных тенденций, находящихся рефлексивно воплощенные в творчестве Пифагора,

130

Парменида, Платона (программа «трех П»), заложивших эпистемологический базис фундаментального знания.

Пифагор. Фигура этого мыслителя в контексте наших рассуждений примечательна в двух отношениях. Первое — предпринимаемая в рамках пифагоровского союза сакрализация числа. Уяснение гносеологической природы сакрализации как некоей процедуры позволяет уточнить ход наукообразования.

Принципом функционирования науки на стадии развитой теоретизации является трансформация предметной реальности из плана частного, индуктивно заданного, в план общий, конституированный наличием специализированных понятийно-логических, идеальных конструкций, которые складываются как категориальная обработка и проработка предметной реальности и которые репрезентируют ее в пространстве «чистых», универсально-типических случаев и смыслов. Предтечей этого в условиях архаичного сознания оказывается сакрализация, обеспечивавшая пифагорейцам введение представления об абстрактной числовой действительности как особом идейном континууме, располагающемся по ту сторону чувственности. Последнее позволяло наладить идеально-логическую арифметическую деятельность, которая в отличие от бытовавших на Древнем Востоке сцепленных с эмпирическим опытом утилитарно-рецептурных вычислений осуществлялась как теоретическое движение (почти парение) в особом, не зависимом от эмпирии, мире идеализаций.

Второе — активно внедряемая пифагорейцами в общественное сознание доктрина упорядоченного, законосообразного космоса, который принимался ими за гармонию и число. Подчеркнем и оставим до дальнейшего развития то, что постижение космоса, являющегося дериватом «числа», пронизанного цепью математически строгих гармонических отношений, происходит, по Пифагору, лишь в терминах математики. Значение данного обстоя-

131

тельства для перспектив оформления грядущей науки, очевидно, переоценить трудно.

Парменид. У историков философии нет единства в вопросе о взаимовлиянии Гераклита и Парменида. Является ли воззрение элейца ответом на концепцию Эфесского мыслителя, адресуется ли, напротив, теория эфессца в качестве ответа миропониманию элейца, знал ли один о другом что-либо и была ли вообще между ними возможна полемика... Во всем этом, повторяем, должной ясности нет, что и дает простор для известной свободы.

Для наших целей удобней исходить из признания знакомства Парменида с теорией Гераклита, усматривая в развиваемом им взгляде непосредственный ответ оппоненту.

Заслуга Парменида — в соединении метафизической и физической реальности за счет надления последней умопостигаемыми, сверхчувственными свойствами. Парменидовское бытие двойственно. В нем различается неподвижно-неизменная сущность — единое и наслаивающееся на него становящееся — существование.

Поскольку в природе материального не заложено неизменное,
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

единое Парменида — не материальное, а материально-идеальное бытие, отождествляемое со знанием. Мышление и бытие, — утверждает Парменид, — одно и то же. Тожественность мышления и бытия — в общности, проявляющейся в равноприсущности им сущностного, необходимого, неизменного. Идея умопостигаемого бытия, сопрягаемых с ним таких гносеологических императивов, как инвариантность, сущностность, необходимость и т. д., является кардинальной в эпистемологическом отношении. Ее кардинальность, в частности, продемонстрировал Ф.Клейн, принявший понятие инвариантности за базовую структуру в экспликации природы продуктов науки.

Клейн определяет предмет науки (геометрии) через понятие инвариантных свойств, которые остаются неизменными относительно определенных групп преобразований. Описание этого дается в Эрлангенской программе,

132

где группы преобразований истолковываются посредством движения пространства в «самом себе». Клейновская интерпретация справедлива и относительно других разделов науки. Благодатный материал в смысле ее приложения поставляет физика, где в определение теории входит указание присущего ей типа преобразования, относительно которого формулировки теории инвариантны. Инвариантные же свойства и отношения, изучаемые наукой, составляют то, что в гносеологии обычно называют существенными, необходимыми характеристиками объектов. Учет данного обстоятельства дает возможность истолковать природу научной теории через призму понятий инварианта-преобразования.

Если наука на стадии научной теории есть знание всеобщее, аподиктическое, оно может возникнуть лишь как результат воспроизведения существенного, повторяющегося, необходимого, внутренне устойчивого в явлениях. Критерием такого воспроизведения и выступает требование инвариантности положений (утверждения, уравнения, законы и т. д.) научной теории относительно групп преобразований.

Для теоретических систем это требование реализуется в принципах выделения и определения предмета теории посредством понятия свойств, сохраняющих устойчивость относительно заданных преобразований. Для эмпирических систем это требование реализуется через установку на формулировку законов, которые как существенные отношения действительности имеют структуру, отвечающую принципам инвариантности (симметрии законов). К этим принципам относятся сдвиги в пространстве и времени, поворот на фиксированный угол, движение по прямой с постоянной скоростью, перестановка одинаковых атомов или одинаковых частиц, изменения квантово-механической фазы, замена вещества антивеществом.

В общем смысле эти принципы задают стабильность, устойчивость, неизменность законов науки, независимость их сущности от определенности места и времени.

Таким образом, идея инвариантов является ключом к рациональному понятию реальности в каждом аспекте мира.

133

Будучи множеством законов, взятых со следствиями, научные

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

теории выступают знанием об инвариантных связях в системе идеализаций. Последнее позволяет теории отражать мир со стороны сущности, давать объект в его необходимости, всесторонних отношениях, что и отличает теорию как всеобщее, аподиктическое знание от нетеоретичных продуктов познания, схватывающих мир со стороны явления, в рамках *Analisis situs*.

Платон. Философия Платона гармонично тематизирует проблемы, составляющие идейное ядро концепций Пифагора и Парменида. Исходя из дихотомии: понятие, мысль, знание — образ, чувство, мнение, подобно Пармениду, Платон полагает, что мнение принадлежит становлению, тогда как мышление — сущности. На обоснование этого нацелена платоновская онтологическая конструкция, сепарирующая сущность от существования. С гипостазированным царством идей коррелируется ноэсис — сфера инвариантно-умопостигаемого. С чувственно зримым потоком естественного сущего коррелируется докса — сфера преходяще-летучего. Сильная сторона такого подхода в наделении понятийных образований (идей) статусом родовых сущностей вещей, постижение которых является целью познания. Действуя по принципу эпистемологических параллелей, не будет натяжкой утверждать, что платоновская идеальная онтология — некий прообраз теоретизированного мира. В настоящее время является общим местом, что знание имеет дело не с миром самим по себе, а с миром для нас — преобразованным, данным в человеческой практике. Но дело не только или не столько в этом. Знание — продукт концептуальной деятельности, противостоящей различным образованиям как практически-обыденной, так и стихийно-эмпирической деятельности. Фундаментальным основанием такого противопоставления выступает основание опосредствованности отражения действительности.

Свойство опосредствованности отражения заключается в наличии промежуточной области абстрактных, концептуальных моделей, осуществляющих связь знания (теории) с действительностью.

134

Теоретическое знание опосредствованно связано с действительностью, ибо воспроизводит ее не в непосредственных — чувственных, эмоционально-созерцательных, сенситивных формах (практически-обыденное, стихийно-эмпирическое познание), а в формах мыслительных, интеллектуально-преобразующих, рациональных.

Отношения в теоретическом знании никоим образом не могут быть прямолинейно уподоблены локализованным в пространстве и времени действительным отношениям. Теоретические отношения идеальны. Мир знания — мир искусственных, не обнаруживаемых в объективной реальности объектов: это мир идеализаций, мыслительных форм, средств познания, концепций, различных исследовательских программ, условностей, допущений. Генетически знание связано с объективным миром, но опосредствовано. Исследование идеальных, созданных для специальных целей, при строго фиксированных условиях теоретических объектов, образующих в совокупности реальность

теоретического мира, — вот что лежит в основе деятельности теоретика.

Соответственно объект теории — сложное концептуальное образование, замещающее, в идеальной форме воспроизводящее свойства объекта материального. Наличие своего объекта, т. е. в конечном счете совокупности идеальных связей, представляющих модельно-аналоговую схему, закон, способ действия, организации действительного предмета, является показателем развитости, самостоятельности, зрелости теории. Отсутствие объекта исследования равносильно отсутствию теории, означает дотеоретическую — описательно-эмпирическую — форму существования науки.

Призвание теории — идеальное воссоздание предметной реальности, представляющее экспозицию ее сущности. Последняя не лежит на поверхности, будучи скрыта за проявлениями, неспецифическими модусами бытия вещей, видимостью, кажимостью и т. д. Форма проявления и сущность вещей непосредственно, как правило, не совпадают, в противном случае любая наука была бы излишня. И Пла-

135

тон, который, пускай в неадекватной форме, настойчиво подчеркивал это, расценивая умопостигаемые идеи как стабильные праформы изменчивых вещей, глубоко прав.

Мотив сверхчувственного, которое олицетворяет у Платона родовую идеально-инвариантную сущность вещей и которое позволяет ему конституировать знание, можно назвать парменидовским мотивом платоновской философии. Другой ее мотив — пифагорейский. Интеллектуальная способность, по Платону, многопланова. Первый ее раздел — познание, второй — рассуждение, третий — вера, четвертый — уподобление. Поскольку последние два раздела влекут лишь мнение, сосредоточим внимание на первых двух. Цель познания, в понимании Платона, выделение идей как праэлементов сущего. Способ реализации цели — рассуждение. Поскольку предметом рассуждения выступают числа, по ходу проведения рассуждений осуществляется своеобразная математизация — систематическое оформление мыслей в математических терминах. Демонстрацией данных взглядов является «Тимей», представляющий описание диалектики космоса на математической основе.

Во всем этом нельзя не видеть развития пифагорейской доктрины математики как инструмента интеллектуального конструирования действительности.

Резюмируя, подчеркнем, — парменидовский мотив платоновской философии: предмет знания — идеи — оказывается предтечей глубокой концепции знания как теоретизированного, идеализированного, очеловеченного мира; пифагорейский мотив платоновской философии: предмет рассуждения — число — оказывается прообразом исключительно эвристичного толкования математики как средства исследования (логики мышления), языка науки.

Значение учения Платона — в соединении парменидовского и пифагорейского начал эпистемологии. Сепарация сущности и

существования (Парменид) с наделением ее теоретико-идеальным статусом в сочетании с признанием в математике способа интеллектуального моделирования, конструирования связей действительности

136

(Пифагор) содержит все необходимые предпосылки для оформления науки. Продемонстрируем это.

«Материей» складывающейся в античной Греции науки послужило выработанное древневосточной цивилизацией индуктивно-рецептурное, утилитарно-технологическое знание. Поскольку оно связано с практическим опытом, функционирует как некая технология реализации целей, получения непосредственных осязаемых эффектов, оно сцеплено с конкретными ситуациями, раздробленно, частично. Оно не фундаментально, а материально-практично.

Процесс наукообразования в Греции осуществлялся как превращение этого донаучно-практического, индуктивно-эмпирического знания в фундаментальное в результате теоретизации и концептуализации. Данный тезис важен в двух отношениях. Во-первых, он подкрепляет глубокий взгляд, по которому истоки науки — в практической деятельности человечества. Признание в индуктивно-эмпирическом, рецептурном, утилитарно-технологическом знании традиционных восточных обществ фактуры будущей науки в полной мере соответствует этому взгляду. Во-вторых, он фундирует единственно справедливое толкование науки не как индуктивно-эмпирического, раздробленного, частичного, ситуационного, а как рационально проработанного, логически систематизированного, теоретически универсального, упорядоченного знания.

Вначале мыслительные процессы и связанные с ними комплексы знания в античности принципиально ничем не отличались от бытовавших на Древнем Востоке. Они совершались не в вербально-логическом, а в стихийно-эмпирическом, наглядно-действенном плане, в них доминировали не интерсубъективные, общезначимые фигуры доказательства (они еще не сложились), а частные рецепты, технические приемы, навыки, сцепленные с конкретными видами деятельности. Впоследствии первоначально ненаучные, по своему гносеологическому статусу сходные с древневосточными знания трансформируются в науку. Исторически первой формой науки выступила математика.

137

Греческое *μαθημα* означает «наука вообще», а не математика в нашем понимании. Ее исходный пункт — констатации, допущения об идейно-идеальных объектах, отвечающие «очевидности», а также фиксированные правила рассуждений, упорядочивающие операции с данными объектами. По ходу реализации охарактеризованной выше программы «трех П», превратившей «идеализацию» в стержень познавательных процессов, математика с самого начала разрабатывается как единая теоретико-логическая дисциплина, развивающаяся на собственной концептуальной основе (система предпосылок в совокупности с выделяемыми законами правильного мышления, на базе которых производится преобразование предпосылок, вполне достаточна для этого)

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

независимо от практических нужд, эмпирии. Последнее дало простор столь капитальным для процесса наукообразования познавательным комплексам, как систематическое доказательство, рациональное обоснование, логическая дедукция, концептуализация и т. д. Прогрессируя и консолидируясь, эти комплексы в конечном счете обусловили тот тип идеологии, тот тип отношения к реальности, какой именуется наукой.

Сказанное без труда проецируется на материал истории науки. Скажем, в алгебре, несмотря на близость методов решения задач в вавилонских клинописных и греческих текстах, очевидно серьезное различие. Оно состоит в том, что греческая математика ассимилирует достижения восточной, включая их в более глубокий содержательный контекст, изменяя их форму, обогащая новыми результатами. На этом основании, в частности, считается, что алгебра Диофанта — не заимствование с Востока, а плод сугубо греческого развития.

В силу стечения обстоятельств (рабовладение, противопоставление «эпистема» — «технэ», засилье созерцательности, интенции на абстрактно-теоретическое рассмотрение предметов в «чистом» виде и т. п.) деятельность математиков по идеальному моделированию действительности универсализировалась: она органически срасталась со всеми частями познания, выступала не как особая отрасль

138

теоретизирования, а как теоретизирование в целом, «наука вообще».

Все это не могло не наложить отпечаток на познание естественных явлений, которое функционировало как умозрительно-натурфилософское природознание. Подлинно же научного опытного естествознания античность не знала. Не знала во многом потому, что составляющая ядро эпистемологии программа «трех П» противопоставляла идеализированные конструкции чувственной конкретности и никак не способствовала формированию представлений о необходимости идентификации идеализаций с предметной областью.

Понимание того, что «само по себе логико-математическое теоретизирование, каким бы ярким оно ни было, не гарантирует истины и что в естественных науках самая изящная логическая теория ничего не стоит без сравнения ее с экспериментами и наблюдениями»,³⁹ пришло много позже. Заслуга же греков, выявившаяся вследствие реализации программы «трех П» в разработке методов поисковой дедукции, которая используется на стадии развитого теоретизирующего естествознания, где ограничен выход в опыт и индуктивные искания едва невозможны.

Подведем итоги. Анализируя особенности древнего знания, обоснованно констатировать некую дивергенцию человеческого мышления. В результате правильно выделять множество путей развития интеллекта, лишь один из которых дает начало науке. Причины этого, во многом, заключались в специфике всего общественно-политического и материально-практического уклада народов, который, накладывая отпечаток на характер осуществляемого ими духовного производства, предопределял его

возможность выступать «порождающей структурой» науки. Только то стечение (социокультурных) обстоятельств, которое реализовалось в античной Греции, смогло обеспечить условия для возникновения науки. Почему случилось так?

³⁹ Эйнштейн А. Собр. научн. трудов. М., 1967. Т. 4. С. 326.

139

Могло ли все или что-то оказаться по-другому? Подробный анализ этих вопросов еще ждет своего исследования. Мы лишь стремились показать, что главное, почему наука возникла не на Древнем Востоке, а в Древней Греции, состоит в том, что именно здесь получили развитие, оформились такие необходимые для процесса наукообразования отношения, как интерсубъективность, общезначимость, надличностность, субстанциальность, идеальное моделирование действительности и т. п.

Основанием становления и более поздней консолидации этих отношений послужила реализация программы «трех П».

Разделение умственного и физического, управленческого и исполнительского, слова и дела и многого другого, без чего с самых далеких рубежей невозможна наука, было и на Востоке, тем не менее, это не привело к оформлению там науки. Главным образом потому, что древневосточная культура не располагала условиями для выработки перечисленных выше отношений. Можно ли на этом основании гипертрофировать историческую роль античной, европейской культуры, умаляя значение древневосточной? Разумеется, нет. Историю европейской культуры, точно так же, как и историю Европы вообще, невозможно понять без соотнесения их с иными культурами и судьбами иных народов. Ибо история Европы есть история глубокой и тесной взаимосвязи западного мира с другими (в первую очередь, восточным) мирами. Используя мысль Д.Оддриджа, можно сказать: европейская культура не является автаркичной, она функционировала и продолжает функционировать как результат ассимиляции широкого притока идей, не ограниченных линией, которую мы называем континентальной границей. В нашем случае, в случае обсуждения вопроса наукообразования, правильная позиция заключается в признании самостоятельной ценности, значимости обеих культур. Это находит солидное обоснование, в особенности, если учитывать значение миграционных потоков знания с востока на запад для перспектив оформления науки. Ясно, что без тех непреходя-

140

щих достижений, какие выработала восточная мысль и какими она обогатила мысль западную, исторические судьбы последней были бы гораздо более «запутанными». Поэтому речь может идти о взаимопроникновении древневосточной и античной, европейской культур в рамках общечеловеческой культуры.

Вместе с тем не вызывает сомнения факт оформления науки именно в лоне античной культуры. Иначе говоря, древневосточная ветвь науки в ходе развития цивилизации оказалась бесперспективной. Является ли данное заключение окончательным? Для нас — да. Однако это не означает невозможности других мнений. Некоторые, как, например, Д. Прайс, представляют дело таким образом, что оформление науки в культуре античности, и даже шире — в европейской культуре, — вызвано случайным и

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

чуть ли не патологическим отклонением от магистралей древневосточных культур, якобы индуцировавших особое научное сознание. На это можно заметить.

1. «Если признать, что для науки характерны два момента: а) использование идеальных моделей в качестве «ядра» картины мира и б) использование имперсональной (надличностной) системы способов логического построения, развертывания, доказательства научных положений, то ее (науки) возникновение не было неизбежным в эволюции познания».⁴⁰ Действительно: поскольку своему оформлению наука обязана возникновению той социальной системы, которая актуализировала эти моменты, а возникновение данной системы в процессе общественного развития само по себе не фатально, — во всяком случае, большая часть народов мира не прошла через эту стадию, — постольку оформление науки в условиях Древней Греции оказывается результатом «стечения обстоятельств», вовсе не обязательного в истории.

⁴⁰ *Зотов А. Ф. Структура современного научного исследования природы // Природа. 1981. № 4. С. 81.*

141

2. Тезис о возможности иных типов научного сознания, нежели общеизвестный, уходящий корнями в античность, который поддерживается также столь серьезным исследователем древней науки, как Нидам, оставаясь до сих пор строго неподкрепленным ни фактически, ни концептуально, представляется спекулятивным.

Поэтому, с одной стороны, избегая спекуляций, а, с другой, отмечая европоцентризм и вовсе не умаляя достоинств восточной культуры, в особенности в связи с радикальностью процессов миграции знаний с востока на запад в ранней античности для судеб науки, мы, тем не менее, исходя из фактов, констатируем следующее.

То, что с гносеологической точки зрения именуется наукой, т. е., по крайней мере, является теоретическим (теоретическим) познанием, имея в виду логически обоснованное мышление, понятиями и категориями, а также основывается на идее «внеличностного порядка, бесконечной причинной цепи, пронизывающей все бытие, трансцендентной по отношению к человеку, но рационально постижимой»,⁴¹ возникло именно в Европе (античная Греция) в результате реализации программы «трех П».

В контексте сказанного понятно, почему на входе в свою академию Платон вывесил лозунг «Негеометр — да не войдет», а последователь Платона Ксенократ, говоря: «Иди, тебе нечем хватиться за философию», отказывал в посвящении в «академики» человеку, далекому от математики.

Древний этап синкретического сосуществования философии и науки намечает тем не менее предпосылки их дифференциации. Объективная логика сбора, систематизации, концептуализации фактического материала, рефлексия вечных проблем бытия (жизнь, смерть, природа человека, его назначение в мире, индивид перед лицом тайн Вселенной, потенциал познающей мысли и т. д.) сти-

⁴¹ *Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972. С. 38.*

142

мулируют обособление дисциплинарной, жанровой, языковой систем философии и науки.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

В науке автономизируются математика, естествознание, история.

В философии упрочаются онтология, этика, эстетика, логика.

Начиная, пожалуй, с Аристотеля, философский язык отходит от обыденной разговорной и научной речи, обогащается широким спектром технических терминов, становится профессиональным диалектом, кодифицированной лексикой. Далее идут заимствования из эллинистической культуры, ощущается латинское влияние. Сложившаяся к средневековью выразительная база философии составляет основу стилей философских школ, отдельных маститых мыслителей.

1.7.3 Философия и наука в Средневековье

В эпоху Средневековья процесс позитивного и прогрессивного размежевания философии и науки стопорится, причиной чего служит универсальная теизация духовно-культурной жизни. (См.: 4.1.4)

Выход из Средневековья сопровождается углублением предметно-методической дифференцировки философии и науки.

Набирающая силу дивергенция формирует ареалы:

а) конкретно-научное (фактуально-эмпирическое, феноменологическое) исследование;

б) натурфилософия — пограничная сфера, синтезирующая элементы философии и науки и претендующая на роль сущностной (нефеноменологической), фундаментальной теории действительности;

в) жанровая философская система с суверенной онтологией, гносеологией (возникшей лишь в Новое время), логикой, этикой, эстетикой, теориями менее общего уровня (философия истории, философия права, философия религии).

143

1.7.4 Философия в Новое время

Развитие философии в начале этой эпохи определяется максимой: в философии важны выводы, а не поиски. Социально-критический пафос философского творчества свое непосредственное и адекватное воплощение находит в роде гносеологического откровения, нравственной, гражданской проповеди. В жанровом и стилистическом отношении господствующей формой выражения идей становится спекулятивная трактат-система, тематизирующая некие познавательные, моральные, поведенческие абсолюты.

Уязвимые по мысли, художественно неровные метафизики универсума (Бэкон, Гоббс, Локк, Декарт, Спиноза, Юм, Лейбниц) в согласии с началом *nihil fit sine ratione* вскрывали конечные общеобязательные основания действительности. Найти основание — обосновать — значит представить необходимость в мысли. Но представить мыслительную необходимость социологически означает оправдать. Некритический позитивизм классической спекулятивной философии состоял в апологетике реальности, где нет места невсеобщему, ненеобходимому — спонтанному. Случай в жизни и жизнь случайности, подвергаясь остракизму, исключались из рассмотрения как малозначимые, неподлинные. Теория

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

концентрировалась на вопросах универсальных, «принципиальных», аподиктических.

Вершина спекулятивной категориально-логической археологии действительности — философия Гегеля, рациональный порядок мира конституирующая панлогическим кредо: «Все действительное разумно и все разумное действительно». Эта итожащая эволюцию нововременной метафизики формула, узаконивающая схему рациональной необходимости сущего, предстала предметом всесторонней критики. Оппонентов и справа и слева не устраивали отрешенность, догматичность, созерцательность, «чистота» рефлексии мира, ее безразличность, невосприимчивость к «фактам» жизни. Отход и отказ от спекулятивности выразились в смене ориентации творческого процесса: абстрактно-логическое категориальное конструирование действительности вытеснилось положительной ана-

144

литикой реалий. Радикальную субституцию метода спекулятивных абсолютов почти одновременно провели Фейербах, Кьеркегор, Маркс, за личиной «принципиальных» сущностей соответственно обнаружившие чувственную, жизненную, предметно-практическую, т. е. вполне мирскую основу существования. Из самодовлеющего умозрительного теоретизирования вследствие этого философия трансформируется в заземленное интеллектуальное раздумье — искание.

О классическом «системном» философе можно сказать словами Ф. Шлегеля: «Он слишком умен, чтобы быть героем, — это значит, что он слишком много видит, слишком многое носит в себе, чтобы действовать. Его внутренняя полнота, внутреннее богатство... становятся односторонностью ввиду жизни и деятельности». Драма классической философии, следовательно, в наличии знания при отсутствии жизнезнания и жизнедействия. Постклассическая философия приближена к жизни. Такие ее свойства, как текучесть, творимость, изменчивость, хрупкость определяют незавершенность философии, ее открытость по композиции, неокончателюности суждений. Всякая центрированная философией ценность, над которой она надстраивается, относительно жизни неполна, недостаточно фундаментальна, чем и обуславливается невозможность абсолютной философии. (Обращаем внимание в связи со сказанным на симптоматическую неоконченность многих жизненных — «Житие великого грешника», «Кому на Руси жить хорошо», «Евгений Онегин», «Мертвые души», «Былое и думы» — и научных — «Капитал» — эпопей.)

Приходит конец метафизики как отрешенно-мыслительному моделированию абсолютных основоположений, принципов, смыслов. Традиционная спекулятивная философия исчезает, сдавая позиции ведущим конкретный анализ, предметно ориентированным науке, логике, психологии, гносеологии, методологии, социологии, антропологии. Метафизика умирает. Философия живет. Живет в виде самосознания, критики, синтеза действительности,

145

по задачам, способам постановок, разработки проблем смыкаясь с литературной эпопеей.

Значение эпопеи в обострении вопросов, а не ответов. Со
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

сближением философии и эпопеи крепнет убеждение: в философии важнее не выводы, а поиски. В тематизации капитальных, вечных проблем жизни, познания, мироздания не принципиально, кто прав, принципиально оплодотворение мысли и деятельности.

Не сбиваясь на встречающиеся даже в эпопее надорванные, пронзительные и только вследствие того слышные ноты, философия усваивает саму интенцию высокой литературы «быть не врачом, а болью». Боль времен, диагностика, но не терапия задает панорамную композицию философии, раздвигает традиционные жанровые горизонты.

После немецкой философской классики жанровое единство философии как совокупность устойчивых выразительных линий подвергается эрозии. Отнюдь не редки идейные проявления без четкой принадлежности к стандартному трактату. Преобладающая форма строгой спекулятивной системы теснится свободной миниатюрой, эссе, фрагментом, не чурающимися романтическими бросками чувств, однако предметно очерченных.

Малоупотребительные грамматические и лексические фигуры, редкие слова, экзотизмы, отвергаемые классикой содержательные построения, образы непродуктивных парадигм, — таковы шиболеты антиметафизической неспекулятивной философии, зачастую лишенной и внешней завершенности, и внутренней целостности.

«Бог умер» — разрушающий стратегию постижения, конструирования классических абсолютов ницшеанский тезис оказывается камертоном новой нигилистической философии, исключаящей непреложные общеобязательные основания бытия, вводящей презумпцию сущностной безупорности реальности.

В ситуации дисгармонии (период интенсивных гражданских и социальных перемен), томления духа, кризиса, краха устойчивого, надежного, очевидного, в условиях при-

146

*(«Человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастью темной»),*

надлежности к «бытию-в-пропасти», «бытию-для-смерти», когда мир становится многолюднее, а личность более одинокой (ибо больше людей, не знающих друг друга), иное невозможно. Питающая сознание классиков стимулированная извне импрессия сменяется инициированной изнутри экспрессией. Потенциалы одного и другого, несомненно, не сопоставимы. Стилистически и фабуально философия мельчает. Жанровое мышление в ней вытесняется авторским. Течения, направления, школы, учения в философии возникают и исчезают с большей интенсивностью. Идейно наблюдается отчетливое давление экстрафилософских (религия, идеология) факторов. Выразительно легализуется ассоциативность с подчеркнутой ролью детали, вторжение стихийного субъективного начала; падают ограничения классической лексики, утрачивается интенция на свойственное категориальному мышлению точное обозначение понятий, рушится все, образующее основу стиля, практикуется некий намек на стиль. Между тем никакого сращения философии с публицистикой, беллетристикой, погрязающих в обиходных истинах, революциях

по случаям, «дряни, мусоре» каждого дня, не происходит. Это потому, что развернутые знамена философии не позволяют доводам уходить в звуки трубы. В философии, как и в боговдохновенной поэзии, говоря словами Мицкевича, по целям силы напрягают, а не по силам цели выбирают. Проявляя своего рода кенотическую любовь к человечеству, философия выполняет для него высокую просветительно-рефлективную миссию.

В науке прогресс линеен, содержательно, методически выражается расширением предметного, оперативного, интерпретативного фонда. Обогащение знания управляется общей динамикой проблем и решений: от одной проблемы к другой через решение предыдущей. В философии прогресс не линеен. Проблемное поле здесь относительно

147

стабильно. Приращение знания обеспечивается не динамикой предметной сферы (тут нет направленного движения от проблемы к проблеме через нахождение решения), а углублением рефлексии, достижением остроты, высоты понимания традиционных проблем. Изменениям подвержены лишь трактовки способов существования (*modus essendi*), толкования (*modus intelligendi*), обозначения (*modus significandi*) компонентов предметной сферы.

Обилие (стилистическое, риторическое, категориальное) подходов к способам реализации философии как ценностного явления, их несоизмеримость, несопоставимость, сугубая расхлываемость, неоговоренность, неидентичность оценок, расслоенность понятийных линий (светское — религиозное; сциентистское — антисциентистское; дискурсивное — недискурсивное; эссенциальное — экзистенциальное; универсальное — уникальное и т. д.) не разрушает достойно значимого концептуального и социального проявления философии как критики духа, самосознания времени, идейного синтеза завоеваний, приобретений, утрат истории и культуры. «Мир слишком богат, чтобы быть выраженным на одном единственном языке. Мы должны использовать ряд описаний, не сводимых друг к другу, хотя и связанных между собой тем, что технически именуется трансформацией», — говорит Пригожин. В этом суть. Многоликость, плюральность мира постигаются не философиями, а философией. Высота, глубина жизни в высоте, глубине наших понятий о ней. Схватывание жизни не производится философскими суждениями *ex extenso*. Это под силу совокупному философскому суждению, как таковому. Задним числом снимая частичность партикулярных пониманий жизни, оно достигает универсального ее понимания.

«Каждый последующий философ... необходимо включает предшествующие философские системы в свою собственную»⁴²; оценка философских доктрин, исходя из обобщения историко-философского процесса в целом, вхож-

⁴² Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. X. С. 133.

148

дение в теорию через приобщение к завоеваниям мысли предшественников и служит основой прогрессивной эволюции философии. Важно при этом представлять одно. Свобода в вершении философии не безгранична. По содержанию и форме

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

философия может быть любой. Но до известных пределов. Последними служат меры воплощения ума и души. Чем значительнее хочет стать человек, тем дольше он должен взрастать. Чтобы иметь возможность предаваться философии, надо обнаруживать в себе великое чувство отсутствия собственного горизонта.

1.8 Что может и что не может философия как теория

Расположенный к заостренным формулировкам М. А. Бакунин писал: «Ученый уже по своему существу склонен ко всякому умственному и нравственному разврату, и главный порок его — это превозношение своего знания, своего собственного ума и презрение ко всем незнающим. Дайте ему управление, и он сделается самым несносным тираном, потому что ученая гордость отвратительна, оскорбительна и притеснительнее всякой другой».⁴³ Не входя в оценку психологического типажа ученого и его предрасположенности к отправлению властной деятельности, отдадим должное Бакунину в постановке вполне реальной, глубокой проблемы. Проблема Бакунина в нашей редакции — проблема гражданской компетенции ученого как ответственного деятеля своего времени: на что может, на что не может и на что не имеет права притязать философ как деятель науки — социальный теоретик.

Некогда М. Элиаде крайне точно ставил вопрос: можно ли вынести ужас истории, стоя на точке зрения историцизма. Если социальный теоретик утверждает о действительных фактах истории, то, отгалкиваясь просто от того,

⁴³ Бакунин М. А. *Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 435.*

149

что они произошли так, и возводя их в теоретически необходимую форму, он их оправдывает, оказываясь некритическим позитивистом и не освобождая от ужаса, который разные исторические факты могут внушать. Такого рода ужас истории, действительно, невыносим. Все дело в том, однако, что стоять на позициях историцизма и судить о реальных фактах жизни социальный теоретик не должен, так как это не предусмотрено логикой постановки и решений его профессиональных задач.

Подобно теоретику в естествознании социальный теоретик говорит о ситуациях искусственных, модельно-аналоговых, не о конкретных событиях, а о том, что может быть при соответствующих диспозициях. Поступая так, он движется не в пространстве вещиности, а в пространстве идеальных смыслов. (Здесь хороша традукция с механикой, рассматривающей перипетии не конкретных материальных объектов, а их абстрактных коррелятов.) Социальный теоретик не способен предугадывать «тогда-то будет то-то», но, опираясь на законы функционирования элементов предметности, он способен предсказывать: «Это может быть в случае реализации таких-то условий». По этой причине формулировки социальной теории (СТ), как и утверждения других разделов науки, всегда условны.

История (как социальная реальность) — не фатальная цепь

событий, а непрерывный неоднозначный выбор. СТ и описывает ситуации выбора: в идеальном плане проигрывая теоретические возможности, она занимается диагностикой социальных состояний, анализом мега- (цивилизационный уровень), макро- (уровень социума) и микротенденций (уровень индивида).

Вследствие сказанного, установки на проведение цели, обоснование ценности изнутри разрушают знание и как таковые должны быть выдворены из науки. В рамках своих компетенций социальный теоретик не может целенаправленно выполнять, к примеру, те же политические заказы, в соответствующих терминах, программируя, планируя, проектируя реальное течение реальной жизни. Жизнь, как и человеческая судьба, создается сама по себе,

150

непосредственно вне пределов досягаемости социального теоретика, который имеет дело не с действительной жизнью, реальной судьбой, а с их моделями, концепциями, конструкциями. Не говоря о реальной жизни, реальной судьбе, социальный теоретик, не вправе выступать от имени реальной истории каким-то образом понимаемых им ее сверхзадач и сверхцелей. В противном случае он, не ведая, что творит, дереализуется и дереализует, надевает маску демагога, обманщика.

Рефлексивная позиция в отношении несращенности реально-исторического и социально-теоретического ряда и лада позволяет предостеречь от характерной онтологизации абстрактно-теоретических схем в духе наивного реализма. В естественно-математических науках, пожалуй, никто уже не рискнет защищать миф о зеркальной корреспонденции теории и действительности. Данное исследовательское и методологическое благоразумие нелишне перенести и на почву социального познания.

Проблема онтологизации идеализаций суть проблема проекции абстрактных конструкций, интеллектуальных схем на реальность, поиск их аналогов, референтов. Дело в том, что оперирование конструкциями создает впечатление манипуляций с природными отношениями. Но это иллюзия. Эмпирическая генеалогия абстрактных объектов, теоретических схем вполне реальна, — именно она обеспечивает их принципиальную и потенциальную референцию. Непосредственная же идентификация элементов теоретического мира с миром «самим по себе» не реальна: ни при каких обстоятельствах она не осуществима.

Теория соотносится с отображаемым ею фрагментом действительности не поэлементно, а как системное целое. Многочисленные ее слагаемые — компоненты, выполняющие условно значимую, служебную, подчиненную функцию, с миром вообще не соотносятся, аналогов не имеют. Создание теоретического мира — процесс синтетический, оно требует значительных степеней свободы ума, фантазии, продуктивного воображения. Вместе с тем оно не сродни произволу. В математике границы творче-

151

ства задаются «логической допустимостью», в естествознании — требованиями эмпирического базиса. Хорошо бы понять, что в ходе содержательной организации СТ не все дозволено.

Разуму нужны не крылья, а гири, не уставал напоминать Бэкон и **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

был глубоко прав. Теоретический разум в экспансивной натуре своей неумен и беспределен, он нуждается в тщательном руководстве. Роль оперативных наставников разума в науке играют методологические правила, регулятивы, нормирующие, целеориентирующие, направляющие искания. Для дисциплин естественно-математического цикла эти правила давно и развернуто сформулированы. Последнее нельзя утверждать о дисциплинах социально-гуманитарного профиля.

Чтобы восполнить имеющийся пробел, сформулируем несколько подобных правил, максимально ограничивающих стихию поиска и подключающих теоретика социальной сферы к успешным положительно зарекомендовать себя в науке типовым методам, приемам генерации теоретического знания.

Принцип терпимости: этическая толерантность к продуктам научного творчества, легализация здорового плюрализма, восприимчивость к аргументам, отсутствие идиосинкразии к инакомыслию. В классической механике существуют ньютонова и гамильтонова редакции, подходы Лагранжа, Якоби, Герца и т. д. Формационные представления допускают модели общественно-экономической, общественно-политической, общественно-экологической структуризации социальной жизни. В более широком контексте параллельно формационным схемам возможно развитие цивилизационных схем. Весь этот полилог, все это многообразие нормально. Поэтому важно освободиться от некоего теоретического фанатизма, питаемого внутренней убежденностью бесспорности, несокрушимости, всесовершенности авторских точек зрения. Социальная теория, если использовать меткую метафору Гельвеция, подобно любой теории, формируется как «роман фактов». Отдельные страницы этого романа погружаются в Лету еще при жизни его создателя,

152

иные имеют более долгое существование. Однако в любом случае они морально устаревают.

На фоне морального старения знания как вещи общей, обычной всякого рода претензии на познавательную исключительность кажутся эфемерными. Взять теоретическую конструкцию коммунизма. Как таковая, она погружается в более широкую семантическую нишу, которая в картине мира представлена хилиастическим направлением. На его широком фарватере разворачиваются многочисленные научные и ненаучные проекты мироустройства. В границах научных проектов со специфическими понятиями тактики и стратегии их реализации обособливаются эквивалентные описания: марксизм, анархизм, социал-демократизм.

Марксизм, радикализируя факт эксплуатации живого труда через допущение абсолютного обнищания наемной рабочей силы, обосновывает мысль о всемирно-исторической миссии пролетариата как до конца последовательном революционном классе, который посредством диктатуры претворяет хилиастические (коммунистические) чаяния в действительность. С высот настоящего дня все эти (и многие другие) послышки критики не выдерживают. Но не в этом дело. Возвращаясь к вышесказанному, еще раз подчеркнем: деградация научных идей естественна.

Неестественна абсолютизация теоретического подхода, которая на стадии разработки его Марксом выразилась в нетерпимости, непримиримости к позиции оппонентов — в отсутствии надлежащей реакции на контрдоводы анархистов (Бакунин, Прудон) о сомнительности социальных последствий революционно-террористической диктатуры, а на последующих стадиях — в страннорочитом невнимании марксистов к доводам социал-демократов (Бернштейн, Каутский, Фольмар, Мильеран и др.), подвергавших критике марксистские постулаты обнищания масс, формационного истощения капитализма, космополитичности пролетариата и т. д.

Непримиримость, невосприимчивость к аргументам коллег, презумпция непогрешимости оказались решающи-

153

ми в фоссилизации марксизма, развале в его пределах рационально-научного механизма выявления, корректировки, компенсации, изъятия неадекватностей.

Принцип условности: понимание относительности собственных результатов. Суть этого регулятива не в подчеркивании фиктивности, не в размахивании выцветшими флагами философии als ob, релятивизирующей, разлагающей позитивное знание, а в методологически здоровой уверенности, что сопоставительно с наличными, вообще говоря, возможны более адекватные решения. К примеру, как осуществить тот же проект желанного общества с высокой производительностью труда, полнотой самореализации, воплощенной свободой личности, независимостью от «темных» сил природы и т. д. На этот счет имеются марксистские и социал-демократические рецепты. Первые хорошо известны и обсуждались выше. Относительно вторых в самом сжатом виде можно сказать следующее.

В социал-демократии в вопросах стратегии в качестве идеологического базиса вхождения в социализм принимается реформизм — не ведущие к уничтожению наличных основ и устоев, а их улучшающие общественные преобразования.

В вопросах тактики в качестве политического базиса формирования социализма принимается мелиоризм — система последовательных, постепенных, основанных на консенсусе мер, нацеленных на внутреннюю трансформацию капитализма в новый тип общества посредством социального партнерства, нейтрализации внутренних антагонизмов, укоренения идеалов гуманизма, демократии.

В вопросах оперативной экономической техники в качестве релевантного социализму хозяйственного базиса принимается путь частичного, косвенного регулирования деятельности капиталистических предприятий через налоговую политику, участие в прибылях, умеренную социализацию.

Проблема, какой путь вхождения в социализм предпочтительнее, разрешается практикой, на деле воплотившей оба пути (Западная Европа реализовала модель соци-

154

ал-демократии. Восточная Европа — модель марксизма) общественного развития. Между тем на фоне принятия множественности путей к социализму в задачу теоретика входило

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

концептуальное экстраполирование, просчет возможных исходов, всесторонняя оценка логически обозримых импликаций, альтернатив. Маркс же как теоретик предался бессмысленной борьбе за демонстрацию аутентичности, подлинности своего варианта, забывая о том, что лучший удел теоретика — самому указать на границы выполнимости собственного подхода, обозначить пункты, где он поддается фальсифицированию. Игнорирование варибельности теоретической деятельности, недопущение даже абстрактной возможности плодотворного взаимодействия, взаимообогащения концептуальных альтернатив, внутренняя неуступчивость Маркса означали его трагедию как социального теоретика.

Принцип аполитичности: эпистемологическая реалистичность, автономность, самодостаточность, система запретов на использование идеологом, мифологом, ориентаций на предрассудки общественного, массового, утопического, любого нагруженного сознания. На стадии развитого теоретического естествознания концептуальные схемы могут строиться в раскованном абстрактно-гипотетическом плане, затем сверху накладываясь на опытные данные. Подобные построения обеспечиваются формальными операциями со знаками за счет комбинирования элементов математического формализма, а также за счет содержательного движения посредством мысленных экспериментов над корреляциями объектов, ассоциируемых в теоретические схемы. Первый путь в СТ практически не проходит (ввиду недостаточной формализованности социального знания). Второй — в случае подразумевания систем предметных связей, отношений, смыслов, значений протекает по правилам содержательно-исторического вывода, сближаясь с фиоритурами мысли естествознания. Однако нередки случаи, когда место предметных связей замещают идеалы (императивы). Тогда мы оказываемся свидетелями совершенно особой процедуры идеологиза-

155

ции, политизации, мифологизации, утопизации социальной теории.

Теоретические конструкты, индуцированные идеалами, оказываются абстракциями в квадрате. Не замкнутые на материал, соотносясь с воображаемым миром, они полностью раскрепощают разум, освобождая его от поводий здравого смысла, узд объективной логики объективного предмета. Процесс теоретизации поглощается процессом спекуляции (не в смысле Остапа Бендера), протекает исключительно путем плетения словес. Выше отмечалось, что естествознание также знает фазу, на которой одни абстрактные объекты получают из других по установленным лексическим правилам комбинирования единиц языка. Оправдание различных на основе силы воображения получаемых идеализаций осуществляется в этих ситуациях соображениями совместимости, когерентности. Однако рано или поздно возникает необходимость расшифровки смысла наработанных таким способом продуктов теоретизирования, что ставит нетривиальные задачи интерпретации, операционализации, конструктивизации формализмов. Поскольку подобные процедуры в СТ редуцированы, социальный теоретик

имеет значительный шанс время от времени перерождаться в схоласта. Как это бывает на практике, мы знаем. Чтобы этого избежать, чтобы иллюзия не становилась способом мысли, а имитация способом жизни, необходимо неустанно повышать методологическую, профессиональную культуру, руководствоваться требованиями кристаллизованного в истории мысли охранительного, защитного пояса регулятивов, рекомендуемого не допускать политизации, идеологизации научной деятельности, достаточным основанием использования абстрактных объектов, схем, конструкций, идеализаций считать их соответствие опыту, а не идеалу.

Принцип антиактивизма: деятельность, политическая абстиненция, назначение теоретика — объяснить, а не изменять мир. Теоретический фанатизм от зашоренности, будто некая концептуальная схема — единственная в своем роде, а не всего лишь «одна из», плодит нетерпение

156

«заставить быть счастливым», поскорее внедрить, воплотить, реализовать ее в жизнь. Особенно в такие моменты опасен блок содержащей элементы неадекватности СТ с политической «пламенной революционностью». Кентаврообразный продукт чистого и практического разума, парадоксально сочетающий домыслы и доказательства, натиск и силу, представляет грозную гремучую смесь, рождающую социальную бурю. «Бурей», кроме как данным словом и не назвать насильственные вмешательства в историю, которые в ходе попыток кроить и перекраивать ее по каким-то там схемам подтачивают естественно-объективные основы жизни. Будучи трансформировано-деформировано, общество оказывается обреченным. Так вызванная теорией буря рождает трагедию жизни, и чем экспансивней теория, тем разрушительней буря, тем ужасней, нелепей, трагичней жизнь. Не имея заранее установленного масштаба, т. е. не ведая, каков истинный баланс сил, теоретик не способен знать, что можно, а что нельзя делать с обществом, судьбой, историей. Это обязан знать политик, полагающийся на расчет и оценку жизненной, исторической, личностной конъюнктуры. Отсюда раз и навсегда следует разделить амплуа теоретика и политика (социального техника). Богу богово, а кесарю кесарево. Один объясняет, другой изменяет мир.

Принцип гуманизма: общество — средство, человек — цель. Есть что-то глубоко возвышенное, завораживающее в наивной идее общественного договора: делегируя обществу часть своих прав, свобод, обязанностей, люди решают объединиться в общество для совместного оптимального проживания. Здесь акцентируется: исходное — человек, общество — вторичное, производное. Многократно усиливая эту мысль, вместе с Швейцером примем: человек — всегда человек, общество же временно. Сознание этого должно избавить социального теоретика от чрезмерного увлечения приемом идентификации, — имеется предел, за которым его использование недопустимо. Высшим и конечным объемом социальных идеализаций оказывается индивид, покушаться на неповторимость, целостность

157

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

которого никогда не стоит. Индивид не идентифицируем, идеализациями не исчерпаем (лучший тип подобного исчерпания — казарма, кладбище, но там нет пространства действий социального теоретика). Всегда есть гуманитарный остаток, который не препарирован, в модус *in vitro* не переводится. Его и не следует переводить в этот модус. В погоне за идеализацией индивида нельзя терять индивида. Поэтому в констатирующей части СТ должен предусматриваться аппарат антропологических описаний, *in vivo* фиксирующих реальное богатство личностных интенций, побуждений, девиаций, составляющих канву жизненного самоосуществления индивида.

В нормативной части СТ от индивида нельзя требовать героизма. «Несчастлива страна, в которой нет героев» — восклицал оппонент Галилея и получал достойный ответ: «Нет! Несчастлива та страна, которая нуждается в героях». Индивид создан не для подвигов, а для нормальной жизни. Подвиг рождается в моментах экзистенциальных, когда есть самопреодоление. Однако, когда ему быть, решает индивид. Без помощи социального теоретика (философа). Самостоятельно. СТ как теория гносеологически ординарная имеет дело с ситуациями общезначимыми, в известном смысле тривиально-стандартными, уместяющимися в типологию «всегда-везде», подвиг же как явление неординарное, исключительное подпадает под типологию «здесь-теперь». Все это говорится с целью подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, плохи СТ, где непропорционально высок мотив экстремального — идея сверхнапряжения, сверхэнтузиазма. Такого рода СТ, не рассчитанные на концептуализацию будничной жизни, неадекватны. Во-вторых, плохи СТ, в которых непропорционально значителен мотив имперсонального, — идея выхолащивания индивида, профанирования микрокосма. Скажем, гипертрофия абстракций производительных сил, трудовых ресурсов влечет восприятие индивида как среднестатистической, ударной, разменной, обезличенной единицы. Такого рода СТ, не рассчитанные на концептуализацию экзистенциальных пластов индивида, самоутверждающегося со-

158

образно наличным степеням внутренней свободы, непрофессиональны. И те, и другие одинаково должны быть подвергнуты последовательному остракизму.

Резюмируя изложенное, подытожим: методологическая рефлексия социального познания вселяет некие основания для оптимизма. В социальном знании имеется развернутая добротная «графия», на эмпирическом уровне решающая проблему «что», «логия», на теоретическом уровне решающая проблему «как», «софия», на метатеоретическом уровне, соотнося специфические фигуры деятельности человека с глобальным масштабом действий человечества, решающая проблему «почему».

Трезвый анализ, осмысление реализуемых в опыте формирования и использования социальных теорий типов творческих инициатив подводят к понятию кодекса допустимых действий: что может, что не может и что не должен делать социальный теоретик (философ). Таким образом, отталкиваясь от

идей А. Азимова, можно сформулировать три закона интеллектуального и гражданского его поведения.

1. Социальный теоретик не может причинить вред человеку, человечеству (как теоретик) или своим бездействием (как гражданин) допустить, чтобы человеку, человечеству был причинен вред.

2. Из всевозможных действий социальный теоретик исключает те, которые противоречат первому закону.

3. Социальный теоретик заботится о своем реноме, при этом не нарушая ни первого, ни второго закона.

159

II. ОНТОЛОГИЯ

Онтология — философская дисциплина, рефлектирующая универсальные основы, структуру, принципы, организацию, динамику бытия.

2.1 «Бытие» в философии

За введенным в 1613 г. Р. Гоклениусом термином «онтология» скрывается фундаментальная философская доктрина бытия, опирающаяся на спекулятивный (умозрительный) метод постижения сущностей и совпадающая с метафизикой. Истоки таким образом понятой онтологии обнаруживаются в античности, сосредоточенной на поиске первооснов-первоначал мира (программа архэ). Как отмечалось в 1.7.1., программа архэ исторически реализовалась в двух вариантах: субстратном и субстанциальном. Первый сводился к отождествлению первоначала с конкретной природной стихией («вода», «воздух», «огонь» и т. п.); второй в трактовке предельного основания сущего не предполагал какую-либо предметную привязку: оно рассматривалось как фактурно неспецифицированная, отрешенная сущность (апейрон, бог). Концептуальное преимущество второго толкования — универсальность, абстрактность, избегающая искусственных, вычурных схем сведения и выведения реального много- и разнообразия действительности из отдельных ее комплексов, компонентов. Последнее вслед за Анаксимандром, вероятно, уже отчетливо представлял Ксенофан, развивший пантеистическую картину мира.

В послеплатоническую эпоху субстанциальный подход, окончательно вытеснив субстратный, утвердился в философии в качестве всеобщего. Средневековье и Новое время породили многочисленные редакции онтологии, не выходящие за рамки ее прочтения как компендия данных о свойствах бытия, признаках мироздания. Кульминация подобной линии (через Декарта и картезианцев, Лейбница и лейбницеанцев) — натурфилософия Вольфа и его эпигонов

160

(вплоть до Риттера, Эшенмайера, Кильмейера), выявлявших скрытые качества, тайные силы действительности.

Положительная роль философской онтологии (натурфилософии) в истории определялась самим ее назначением: стремлением теоретизировать по поводу фактов на эмпирической стадии науки, когда наука (ввиду неразвитости) не могла справиться с этой задачей.

Подмена натурфилософией теоретической науки (естествознания), однако, к рубежу XIX столетия, выглядела полным анахронизмом, приняла весьма одиозную форму противопоставления опытного и сверхопытного исследования. В четком, императивном виде альтернативу научной эмпирии — натурфилософской теории сформулировал Шеллинг, утвердивший: «Да будет вражда между философией и наукой». Набирающий силу, день ото дня крепнущий положительный опыт, однако, нещадно разоблачал беспредметность, иллюзорность, несообразность,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

предвзятость фантастических натурфилософских конструкций. Общий дух неприятия естественнонаучной интеллигенцией натурфилософских претензий на подмену науки выразил Берцелиус, который, отмечая профессиональную некомпетентность натурфилософов, рекомендовал: «Современным натурфилософам следовало бы в собственных интересах касаться лишь вопросов, стоящих вне контроля естествоиспытателей».

Благотворный позитивный прогресс предметной науки, разрушив натурфилософию как модус исканий, поставил под сомнение значимость спекулятивной онтологии — умозрительной доктрины действительности. При соответствующей развитости научного интеллекта необходимость в какой-то наднаучной теории бытия отпала. Тем не менее онтология в философии сохранилась. Сохранилась не в виде натурфилософии, а в виде специальной теории бытия, вводящей образ реальности, с которой связываются, на которую накладываются философские модели, суждения. Выскажемся пространнее.

Содержание духовной (понятийной) сферы относится к мыслимому, а не натурно существующему. Бытие само

161

по себе не есть предмет реальный; оно не сообщает материального существования. Между тем в рассуждениях на абстрактно- концептуальном уровне «бытие» через набор субстантивных постулатов, постулатов значения вводится, приписывается. Так, говорится о кварках, партонах, фридмонах, тахионах, торсионных полях и т. п. как о неких сущностях, наделяемых существованием. В «чистом», наиболее отрешенном, достаточно произвольном виде существование задается в математике и логике. Излишне доказывать, что изучающие возможные миры и опирающиеся при этом на аксиоматику указанные дисциплины зачастую никак не корреспондируются с вещным натурно-практическим миром (анализ «мнимой двойной точки в бесконечности»).

В духовности, очевидно, оценивается не подлинный реальный мир, а некие его состояния, выражаемые в значимых для опыта понятиях. «Бытие есть понятие, а не существование», — подчеркивает Бердяев, борясь с натуралистической метафизикой, которая объективирует и гипостатирует процессы мысли, «выбрасывая их вовне и принимая их за «объективные» реальности».⁴⁴

Представляющие предмет бердяевской критики «объективация», «гипостазирование» осмысливаются М. Фуко под видом «интерпретации». Интерпретация, отмечает он, никогда не может завершиться. Это потому, что не существует никакого «интерпретируемого». «Не существует ничего абсолютно первичного, что подлежало бы интерпретации, так как все, в сущности, уже есть интерпретация, любой знак по своей природе есть не вещь, предлагающая себя для интерпретации, а интерпретация других знаков. Если угодно, не существует никакого *interpretandum*, которое не было уже *interpretans*. В интерпретации устанавливается скорее не отношение разъяснения, а отношение принуждения. Интерпретация не поясняет некий предмет,

подлежащий интерпретированию и ей якобы пассивно отдающийся, она может лишь насиль-

⁴⁴ Бердяев Н. А. *Самосознание. М., 1990. С. 277.*

162

ственно овладеть уже имеющейся интерпретацией и должна ее ниспровергнуть, перевернуть, сокрушить... Интерпретируется не то, что есть в означаемом, но, по сути дела, следующее: кто именно осуществил интерпретацию. Основное в интерпретации — сам интерпретатор...»⁴⁵

Подытоживая, правильно уточнить: онтология в ее философском прочтении есть совокупность потенциальных (ненатуралистических) «объективаций», «интерпретаций». Она есть множество принципиальных допущений о том, что, возможно, является коррелятом теоретических построений. Доктринальные задачи онтологии поэтому обуславливаются заданием, обоснованием, введением субстантивных постулатов, очерчивающих образ (понятие) составляющей подоплеку мысли предметной сферы. Полагание мира через призму категориального аппарата, сцепленного с ним уморасположения, задач философствования, — в этом и состоит назначение онтологии, формирующей класс референтов утверждаемого. Последний (класс) несет на себе печать масштабной стилистики реальности, зависимой от интенций и потенций культуры, выражает частные и общие особенности тех или иных философий.

Общие особенности. В центре античной культуры — добродетельное сопричастие гражданскому общинно-полисному. В центре средневековой культуры — постижение красоты, смысла божеского. Перестав осознавать себя гражданином замкнутой общины-полиса, призванным обеспечить его жизнедеятельность (в этом состояла добродетель гражданина), направив свой разум на постижение иной, божественной жизни, философ необходимо перестраивает основания философии.

В контексте теологически ориентированной культуры логика оказалась способом созерцания бога, этика обозначала пути его постижения. Они стали моментами единой теологической системы. «В результате античные категории обретают своеобразную этико-теологическую нагруженность. Когнитивные акты суждения нагружаются ак-

⁴⁵ Фуко М. *Ницше, Фрейд, Маркс//Кентавр. 1994. № 2. С. 52-53.*

163

тами нравственного суждения, а механизм когнитивных актов — механизмами нравственных актов спасения, что повлекло... интерпретацию аристотелевских категорий, во-первых, под углом зрения любви или ненависти, во-вторых, как иносказаний (тропов), поскольку любая категория, сколь бы точной она ни казалась для «земного» разума, оказывается лишь примерной относительно разума божественного...»⁴⁶

Разность культур — разность онтологии. По этой причине онтологию можно расценить как семантическое ядро культуры, производящее смыслозначимые каркасы мира. В античности они граждански, в средневековье они религиозно ориентированы, что выражает общую (эпохальную) размерность философии.

Частные особенности. В зависимости от специфики авторского в **Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).**

том или ином философском учении, системе реализуется спектр реифицирующих диспозиций. Здесь фигурируют дробящие бытие на модусы оппозиции: подлинное — мнимое; доступное — недоступное; имманентное — трансцендентное; обладаемое — запредельное; должное — сущее; абстрактное — конкретное; очевидное — таинственное; частичное — целостное; эссенциальное — экзистенциальное; субстанциальное — акцидентальное; идеальное — материальное; чувственное — интеллигибельное; истинное — ложное; творящее — творимое; актуальное — потенциальное; свободное — зависимое и т. д. В этих формах законоположения и смыслопорождения разворачиваются конкретные сценарии бытия как демонстрации авторских вкусов, склонностей, убеждений.

Почему у одного философа такое бытие, а у другого другое, зависит от выбора предметно-содержательных каркасов рассуждений, которые в некотором доскональном смысле — полностью и окончательно — не эксплицируются. Посему прав Марсель, высказывающий: «бы-

⁴⁶ *Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. М., 1994. С. 56.*

164

тие есть таинство». Таинство, проистекающее от непросчитываемости полноты ума и души его (бытия) создателя (философа).

Наш тезис, конечно, невозможно принимать как намерение *se payer des mots*. Онтологические упражнения по конструированию бытия в философии произвольны до известных пределов. Как сказал поэт: хоть

*В истине — и цель и красота,
Но тем сильнее сердце жизни просит.*

Пределом философских (отвлеченных) штудий, равно как интеллектуальных штудий вообще, выступает внутренняя цензура мыслителей, удостоверяющие гражданские, социальные, гуманитарные высоты философских учений императивы жизни (См. 1.5.2).

2.2 Модусы бытия

Используя мысль Д.Бруно, применительно к бытию можно сказать так: бытие есть то, чем оно может быть, но не все то, чем оно может быть. «Бытие» в философии есть систематический свод идей о сущем, распадающемся на модусы:

БЫТИЕ В СЕБЕ. Объективная реальность как таковая, взятая в ракурсе чистой потенциальности — некоей плотной пассивности, отъединенности от субъекта. Этот модус характеризует скрытые, не явленные субъекту состояния и действительные существования, которые при соответствующих условиях могут быть одействованы — включены в контекст предметно-практической и когнитивной деятельности.

БЫТИЕ ДЛЯ СЕБЯ. Совокупный объект, самодостаточный универсум, охватывающий все сущее, которое, подчиняясь естественным связям, развивается по натуральным имманентным законам. Как предельная абстракция категория совокупного объекта (объекта в целом) выступает общим понятием природы (единство

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

микро-, макро-,

165

мегамира), конституирующим принципиальную канву теоретизации (понимание, объяснение, моделирование) реальных вещей, процессов.

Вместе взятые понятия объекта как бытия в себе и бытия для себя вводят образ самодостаточной, законосообразной (каузальной), универсальной внешней предметности, оказывающейся материей субъективной деятельности. В контекстах употребления рассматриваемых понятий речь идет о виртуальной материи, о, так сказать, чистой онтологии, которая *de facto* предметом человеческого вопрошания не является. Отсюда, хотя, задаваясь вопросом: «что это?», мы вступаем на почву онтологии, следует представлять разнородность онтологической реальности. Онтология — это и охарактеризованная выше располагающаяся за пределами субъективных возможностей реальность в себе (потенциальная онтология), и данная в этих пределах реальность для нас. Говоря об этой последней реальности, мы переходим в область актуальной онтологии — бытия для другого.

БЫТИЕ ДЛЯ ДРУГОГО. Введение этого понятия связано с отказом от экстраполяции представлений внешней среды на мир в целом, не являющийся элементом какой бы то ни было частичной деятельности. Онтология здесь поэтому толкуется под углом зрения осуществимых предметных возможностей, — расценивается как нетождественная объективной реальности некая ее часть, выступающая компонентом конкретно-исторического субъективного опыта и совпадающая с объектом. Важнейшим признаком объекта в указанном смысле оказывается «взаимодействие»: существующая независимо от субъекта вещь становится объектом, будучи вовлечена в реальное с ним взаимодействие. Конструктивность подобного понимания хорошо согласуется с физическими и физиологическими соображениями. С позиций физики «объектом» может быть реальный предмет, мировая линия которого укладывается во времениподобный интервал в соответствии с определенными по отношению к временному порядку квадрантами светового конуса. С позиций физиологии «объек-

166

том» также может быть реальный предмет, располагающийся в сфере фиксированных относительно субъекта каузальных взаимосвязей: объект выделяется из среды посредством конкретных психических реакций на материальные агенты — раздражители, влекущие соответствующие физические, химические, физико-химические, биологические изменения состояния организмов.

Различные модусы бытия имеют различное рефлексивное воплощение.

Бытие, взятое с позиций «возможного», осваивает наука, которая не изучает реально данного мира. Мир науки — рационализированный мир, не совпадающий с неразвивающимся *po ratio* миром реальным. Невозможное — невозможно в науке, но возможно в жизни. Недопустимое исключено в знании, но допустимо в опыте. Применяя слог Бакунина, можно сказать: наука беднее действительности, трепещущей нерациональной

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

реальностью и индивидуальностью.

Бытие, взятое с позиций «сущего», осваивает опирающаяся на чувство жизни, здравый смысл, народную волю политика.

Бытие, взятое с позиций «должного», осваивает дидактика, усилиями пророков, пастырей, вероучителей назидая о совершенной жизни.

Объединяющим для данных модусов бытия выступает основание существования: в противоположность «царству теней» многочисленные формы бытия признаются существующими. Существование относится к числу философских концептов сложного состава.

Применительно к философскому конституированию бытия в общем случае разворачиваются платформы трансцендентального (имманентного), экзистенциального, материального существования. О первых двух речь пойдет в разделах III, V. О последнем выскажемся ниже.

Доктрина философского материализма исходит из вполне объективного, не зависящего от людей существования бытия как совокупного универсума вещей, форм, процессов, удовлетворяющих собственной предметной логике

167

развития и осваиваемых в человеческой деятельности. Главное в материализме — разведение *res cogitans* и *res extensa*, бытия предметно-вещного и духовно-мыслительного, выстраивание некоей иерархии существования: дабы символы воспринимались как заместители, а не сами реальности, полагается исходное существование материального, из коего иные виды бытия (в первую очередь идеальное) впоследствии каким-то образом проистекают. В фундаменте материализма, следовательно, — полагание вещиности самой по себе в качестве собственного ее определения. Ассоциированное понятие подобной вещиности безотносительно к ее предметным изображениям, интерпретациям, объективациям и есть «бытие» в философской традиции материализма.

Нельзя не видеть, что рассмотренная под данным углом зрения — в ракурсе сущего как такового — материалистическая категория бытия предельно абстрактна, отвлеченна. Необходимость ее содержательной детализации (спецификация форм, отношений, свойств, признаков бытия) наряду с недопущением скандала для философии принимать на веру существование вещей вне нас⁴⁷ предполагает развитие всестороннего доказательства объективности бытия в многомерности его проявлений. Такого рода доказательство отрабатывается в учении о единстве мира и естественно-исторической материальной его эволюции.

2.3 Философское учение о материи

«Бытие» воплощает идею существования вообще. «Материальное бытие» воплощает идею объективно-вещного, предметно-действительного, реально-природного существования. Общие качества последнего фиксируются концепциями материи как субстанции и как объективной реальности.

⁴⁷ См.: Кант И. Соч. в 6 т. Т. 3. С. 101.

168

2.3.1. Материя как субстанция

На профессиональном языке философии субстанция есть исходная всепорождающая основа-первоначало. Субстанция — причина самой себя (принцип *causa sui*), вместе с тем источник наличной разнокачественности, вещественного многообразия. Введением представления материи как субстанции философский материализм решает доктринальные проблемы: а) единства мира — унитарность существующего определяется общим базисом существования; б) концептуального монизма — многообразие существующего выводится из модификации единой основы; в) богатства форм мира — многоликость действительности обусловлена имманентной эволюцией — естественно-историческим процессом, качественным изменением, трансформацией организации общей основы.

Проясняя генетические *истоки сущего, толкование* материи как субстанции не наделяет ее еще системой каких-либо позитивных свойств. Содержательный вопрос «что такое материя?» снимается трактовкой ее как объективной реальности.

2.3.2. Материя как объективная реальность

При необходимости семантических уточнений нетривиальных понятий традиционно прибегают к аппарату определений через род и видовые отличия. Решение задачи смысловой детализации философских концептов сталкивается с трудностью указания рода: предельная общность категорий исключает (или осложняет) здесь нахождение соответствующего родового. Проблема становится едва разрешимой в случае «материи», являющейся всеобщей универсалией.

Невозможность отсылки «материи» к более общему роду, подрывая дефиницию в терминах *differentia specifica*, актуализирует процедуру соотносительного определения, уточняющего «материю» через сопоставление с пограничной, однопорядковой ей по степени общности категорией «сознания». Исторически такой ход впервые проиграли Гольбах и Руссо, определявшие материю как объектив-

ную реальность, существующую вне, до, помимо, независимо от сознания. Идею первичности материи позже Ленин дополнил идеей ее чувственной данности и познаваемости: материя — существующая независимо от сознания объективная реальность, данная в человеческих ощущениях и познаваемая посредством них.

Интерпретация материи как объективной реальности окончательно преодолевает недостатки субстратного подхода: освобождая трактовку материи от конкретно-вещественных коннотаций (обнаруживаемых в культуре в виде «элементаризма», «корпускуляризма» и т. д. вплоть до XVIII-XIX столетий), она сообщает ей концептуально непреходящую редакцию.

2.4. Атрибуты материи

Учение о материи как объективной реальности получает конкретизацию в теории свойств материи, подразделяемых на атрибуты и модусы. Класс первых составляют изначально

присущие, существенные, необходимые, абсолютно обязательные, не отторгаемые от материи основные свойства. Класс вторых образуют сообщаемые, производные, однажды возникающие материальные свойства. Специфические понятия о совокупности свойств материи формируются в познании и практике. Ввиду неисчерпаемости материи вширь и вглубь, равно как незавершенности, неокончателности освоения ее в опыте класс модусов актуально, тогда как класс атрибутов — потенциально бесконечен. В настоящий момент с позиций наличных представлений к числу атрибутивных свойств материи относят движение (развитие); пространство; время; структурность; отражение. Рассмотрим их.

2.4.1. Движение (развитие)

Движение есть изменение вообще, в то время как развитие — направленное, качественно прогрессивное изменение. Развитие характеризуется векторностью, восходящей качественной преобразовательностью. Спрашивает-

170

ся: какую способность к изменениям приписывать материи в качестве атрибутивной? Ответ на вопрос предполагает оценку следующих диспозиций. Научные, опирающиеся на опыт суждения, связаны с конкретным вселенским локалом; говоря прямо, научное знание антропоморфно. В нашем человеческом локале реализовался вариант направленной, качественно прогрессивной картины. Актуально освоенная материя упорядочена по восходящим организационным уровням — просматривается векторная динамика от простого к сложному, от низшего к высшему.

Если исходить из необходимости привязки положений знания к наличному обстоянию дел, атрибутом материи следует считать развитие. Если же проблематизировать репрезентативность имеющейся ситуации, ее экстраполируемость на материю в целом, в качестве атрибута материи возможно принимать движение. Суть в исходной позиции, с какой онтологией — актуальной или потенциальной — связывать знание. В зависимости от выбора системы отсчета и будут выстраиваться исследовательские, концептуальные линии.

Исторически первично прорабатывался вариант приписывания в качестве атрибута материи движения. Соответствующую формулу об изначальной активности материи в теорию ввел Д. Толанд, развенчавший деистическую платформу мистического первотолчка. Характерный порок позиции, лишаящей материю способности самоизменения, состоит в сугубой искусственности моделирования двух моментов: а) состояния абсолютного покоя материи; б) вмешательства высшей инстанции, выводящей материю из этого состояния. Камнем преткновения оказывалась проблема: в каком месте пространства располагаются часы, показывающие богу, когда сообщать материи движение.

Начиная с XVII в., таким образом, в материализме укоренилась доктрина движения как атрибутивного материального свойства. В дальнейшем она была обогащена концепцией форм движения материи.

171

Формой движения материи именуется качественная общность материальных объектов, удовлетворяющая однотипным законам, правилам организации. Форм движения материи множество. Основными являются: механическая, физическая, химическая, биологическая, социальная. Формы движения материи интегрируются в усеченную пирамиду. В пользу этой геометрической фигуры говорит следующее:

— пирамидальность: в основании с теоретико-множественной точки зрения располагаются более представительные ассоциации объектов, количественно истощающиеся с приближением к вершине;

— усеченность: полагать, будто пирамида реально достроена доверху, означает приписывать антропному типу вселенской организации некоторый «высший» в эсхатологическом измерении статус. Любой эсхатологизм, финализм, однако, в случае неисчерпаемой материи выглядит мистическим, нерациональным;

— транслируемость: свойства форм движения передаются по восходящему вектору от основания к вершине; вышерасположенные формы отвечают законам нижерасположенных форм (естественная преемственность в мировой эволюции);

— отсутствие редукции: свойства форм движения не передаются по нисходящему вектору от вершины к основанию; свойства вышерасположенных форм не определяются свойствами нижерасположенных форм (качественная несводимость уровней организации — социологизм не сводится к биологизму, хотя над ним надстраивается);

— нежесткость последовательности расположения форм одна за другой: в любом месте цепка может быть разъята, дополнена иной конфигурацией уподобляемых объектов (идеи географической, кибернетической, космической форм).

172

Образ, поставляемый пирамидой форм движения материи, актуализирует проблему теоретического выражения, концептуализации феномена развития. В недавнее время монополией на аутентичную версию подобной концептуализации обладала диалектика.

Формированию диалектического мировосприятия предшествует солидная идейная преамбула. Не входя в детали, правильно утверждать: консолидации элементов диалектики, первоначально функционировавших как не связанные между собой неспециализированные ресурсы мысли, в некое целое способствовало вызревание, укоренение в культуре понимания универсальности противоречивой действительности. Данное обстоятельство предопределило необходимость особой теории, непосредственное предназначение которой — постичь, осмыслить, воссоздать мир как процесс, материю, находящуюся в спонтанном самоизменении.

Исходной формой диалектического сознания, представляющего всякую сущность в потоке движения, была стихийная гераклитовская идеология «становления». Она характеризуется непосредственным наивно реалистическим отражением

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

повседневного опыта, который свидетельствует о непрестанной изменчивости, неустойчивости, подвижности сущего. Главная особенность данной формы диалектики — несистематизированность, отсутствие рефлексивности, логико-теоретической проработанности, обоснованности.

Следующая ступень диалектического миропонимания — теоретико-логически развернутая система взглядов, нацеленная на всестороннее рациональное доказательство (аргументацию) универсальности факта «изменения». Она складывается как последовательная систематическая концептуальная проработка массы эмпирических констатаций, прямых аналогий в рамках стихийного неизбежно-визуального диалектического мышления, давая начало трем опорным идеям: идее противоречия как источника внутреннего самодвижения и принципа моделирования взаимодействия противоположностей; идее противоположностей как

173

своеобразного диполя, выступающего объективной основой изменений; идее опосредованности как принципа медиации — многостадийность промежуточных структур во взаимопереходах противоположностей.

На этом фундаменте, собственно, сложилось рациональное диалектическое понимание мира как единства противоположностей.

Нервом, душой этого понимания является идея противоречия, ибо мыслить развивающийся мир, не постигая противоречия, невозможно. Нацеленность на концептуальное освоение противоречия составляет водораздел диалектического и недиалектического (не в уничижительном смысле) стилей мышления. Последний руководствуется законами:

1) тождества $A=A$, выражающего идею стабильности, несоизбыточности сущего;

2) непротиворечия $A \cdot \bar{A}$ по которому невозможно, чтобы одно и то же было и не было одинаково присуще одному и тому же в одном и том же отношении;

3) исключенного третьего $A\bar{A}$: сущему можно приписывать лишь одну из взаимоисключающих характеристик.

Данная эвристика, как видно, отвергает образ становящегося, самопротиворечивого бытия, которое в каком-то вполне ясном смысле нерационально: невозможно мыслить нечто, что есть и чего нет, что является самим собой и одновременно другим. Нейтрализации идеологии «становления» служит и весьма развитый аппарат, образованный законами сохранения (идея качественной стабильности вещей), принципами цикличности и ритмичности развития (идея воспроизводимости, «нетекучести» действительности), требованиями относительности, симметрии (идея инвариантности «содержательных» аспектов мышления относительно его «формальных» аспектов) и т. д.

Диалектика же как особый тип рациональности, способ теоретической реконструкции отношений действитель-

174

ности зиждется на прямо противоположной эвристике. Она задается законами:

1) нарушения тождества $A \neq A$ — развивающееся

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

несамотождественно: исходное трансформируется в иное;

2) противоречия $A \cdot \bar{A}$ — развивающееся есть единство преходящих взаимоисключающих стадий бытия: того и не-того, данного и другого;

3) опосредованности взаимопереходов в развитии $A \dots \bar{A}$ — развивающееся трансформируется в свою противоположность через ряд промежуточных звеньев.

Являясь наукой о противоречии в самой сущности предметов, диалектика представляет концептуальный аппарат, который на теоретическом уровне моделирует природу отношений, связей, присущих самопротиворечивым, самоизменчивым феноменам. Последнему подчинены основные и неосновные (соотношения парных категорий) законы диалектики.

Интерпретируя всякое динамическое целое как комплексное, неоднородное, слагающееся из непосредственно несовместимых компонентов (структур), первый закон диалектики характеризует источник самоизменения (развития), который заключается во взаимоотношении (единство и борьба) его (целого) определяющих внутренних противоположных сторон.

Поскольку самоизменение есть направленный процесс последовательной качественной смены состояний, усложнение уровней организации, второй закон уточняет механизм возникновения новых качеств в объективном развитии. А именно: развитие объектов действительности осуществляется путем постепенных количественных изменений, которые, перекрывая интервал меры, обуславливают переход к новому качеству.

Выражая преемственность отношений последовательных стадий развивающихся объектов, третий закон диалектики задает понятие направленности самоизменения (идея взаимосвязанных переходов исходного в противопо-

175

ложное и противоположного в очередное противоположное). Формулировка третьего закона такова: развитие объектов действительности осуществляется путем отрицания наличных состояний с формированием новых, где сохраняются компоненты предыдущих, которые в свою очередь подвергаются отрицанию, но воспроизводятся (сохраняются) в «снятом» виде на новом уровне.

Естественной подпочвой, генератором диалектического сознания оказывалась ситуация как в духовном производстве, так и социальной практике, узаконивающая биполярность, альтернативность реальности: в борьбе конкурирующих единиц знания, общественных сил, слоев, классов виделся универсальный возбудитель развития. Подобная картина, однако, корреспондирует с доподлинно классическими, доглобальными реалиями. На современном неклассическом, глобальном фазисе положение дел меняется. В познании осязаем переход от жесткого соперничества односторонних исследовательских программ к интертеории. В историческом творчестве воплощается тенденция развала блоково-дипольного мира; цивилизация приобретает очертания регионально-плюралистической организации.

Что означает инициация бескомпромиссности, сшибки, конфликта, борьбы, противопоставления применительно к

неклассической науке, предполагающей толерантность, дополнительную и применительно к глобальной стадии жизни характеризующейся ядерностью, технической продвинутой, интернационалистичностью (вследствие механизмов универсального космополитического рынка)? Она означает одно: бесперспективную регрессию.

По этой причине уместно провести эвристическую ревизию метасознания: не противоречие, а его блокирование; не вражда, а терпимость; не конфликт, а консенсус; не диалог, а полилог; не противодействие, а взаимодействие оказываются магистралью развития. Диалектика, следовательно, выступая в полной мере классическим, доглобальным доктринальным инструментарием, на неклассической (и тем более неонеклассической), глобаль-

176

ной ступени существования целенаправленно, последовательно должна замешаться аналектикой, трактующей развитие не в терминах «противоречия», «отрицания», «борьбы», но гармонии. Предпосылкой прогресса в неклассическую, глобальную эпоху способна быть конструкция, а не деструкция; согласие, а не разногласие.

2.4.2 Пространство и время

Пространство и время — абстракции высочайшего порядка, отвлеченные от универсальных причинно-следственных связей. Пространство и время — упорядочивающие схемы, выражающие порядки сосуществования и последовательного существования явлений мира. Свойства пространства и времени как хроногеометрических универсалий подразделяются на общие и частные. К одним относятся всеобъемлемость, атрибутивность, субстанциальность, изначальность, фундаментальность. Пространство и время — предельные предпосылки объективных процессов в том смысле, что не существует последних вне пространственно-временной определенности, размерности. К другим принадлежат специальные признаки, специфичные для пространства и времени в отдельности. Мнение, будто время — некий тип пространства, ошибочно. Параллелизм в понимании пространства и времени существует, однако по большей части не охватывает факты, выражающие природу времени. Для экзистенциального опыта справедливо, что временной порядок проявляется в духовной сфере, не имеющей пространственного порядка; для обыденного опыта регистрируется перцептуальная дифференцированность пространства и времени; для политического опыта отмечается возникновение чувства перспективного, «бездременного» и т. п. времени. Сказанное и аналогичное, остающееся за рефлексивной рамой, ведет к выводу об отсутствии параллелизма пространства и времени; временное измерение не сводится к пространственному, имеет объективную и субъективную специфику.

Множество частных свойств пространства и времени образуют метрические и топологические свойства.

177

Метрика пространства и времени. Метрические —

количественные показатели описывают пространство и время с точки зрения величины. В космологии действует правило зависимости метрики пространства от средней плотности космической материи (ρ_0).

Варианты изменения ρ_0 исчерпываются возможностями:

А. $\rho_0 = 10^{-29}$ г/см³ — кривизна пространства нулевая; свойства пространства описываются евклидовой геометрией; пространство бесконечно;

Б. $\rho_0 < 10^{-29}$ г/см³ — кривизна пространства отрицательная; свойства пространства описываются гиперболической геометрией Лобачевского; пространство бесконечно;

В. $\rho_0 > 10^{-29}$ г/см³ — кривизна пространства положительная; свойства пространства описываются параболической геометрией (частная риманова геометрия); пространство конечно.

Все три случая обобщаются римановой геометрией, которая вводит универсальное понятие 1) пространства как непрерывного множества однотипных объектов, выступающих его (пространства) точками; 2) метрики, удовлетворяющей формуле

$$ds = f(x^1, \dots, x^n; dx^1, \dots, dx^n)$$

(где $x^1 \dots x^n$ — координаты).

Так как метрическое поле есть проявление силового поля, возникает вопрос о его (метрического поля) причине. Имеющийся ответ на вопрос таков: характер геометрии определяется распределением масс; существуют законы, предписывающие, каким образом метрическое поле соотносится с распределением материи. (Способ определения расстояния между точками в римановом пространстве с изменяющейся метрикой выражается формулой

$$ds^2 = g_{ij} dx^i dx^j,$$

где dx^i и dx^j — дифференциалы координат; коэффициенты g_{ij} , i, j — некоторые функции координат).

Касательно метрики времени ограничимся такой констатацией: выражая длительность существования материальных систем, локальное время всегда конечно; глобальное совпадает с длительностью бытия Вселенной.

178

Топология пространства и времени. Топологические — качественные параметры выражают свойства пространства и времени с позиций однородности, изотропности, размерности, порядка, связности, компактности, устойчивости.

Однородным считается пространство, точки которого равноценны (качественно не выделены). Изотропным считается пространство, направления движения в котором равноправны; не существует привилегированных систем отсчета, обособленных векторов перемещения. Согласно принятой модели Большого взрыва пространство на значительных интервалах однородно и изотропно, хотя применительно к малым интервалам такого рода допущения не проходят. (Трудности согласования двух взглядов фиксируются не снятой поныне картановой проблемой.) Капитальными топологическими свойствами выступают свойства, отображаемые понятиями.

«Безграничность — ограниченность»: пространство безгранично, если в нем возможны беспрепятственные движения во всех

направлениях; в противном случае пространство ограничено. Современная наука допускает лишь первую вариацию.

«Прерывность (дискретность) — непрерывность (континуальность)»: математический подход, для которого релевантна аксиома Архимеда (аксиома плотности множества), настаивает на континуальности пространства. Физический подход, оперирующий предельными величинами (в частности, планковскими масштабами длины порядка 10^{-33} см), настаивает на дискретности пространства. Вопрос, очевидно, не имеет абсолютного решения, зависит от выбора концептуальной системы отсчета.

«Мерность»: опытно данное пространство трехмерно. Вопрос, «почему и как естественный отбор обнаружил преимущественность подобной организации», до сих пор не снят. Некоторые соображения свидетельствуют: в пространстве n -го числа измерений утрачивают устойчивость физические структуры (электрон падает на ядро, невозможны стабильные планетные системы); в пространстве

179

четного числа измерений не выполняются известные регулятивы науки (принцип Гюйгенса).

Если под «временем» понимать не эон (целостная самозамкнутая эйдетическая система, имеющая лишь настоящее, — вечность), а хронос (чувственно данное объективное «становление»), фундаментальным топологическим качеством времени будет способность протекать лишь в одном направлении: из прошлого через настоящее в будущее. Это принципиальное стреловидное свойство времени свидетельствует об анизотропии (необратимости). В чем коренится анизотропия временного ряда, почему невозможна его инверсия? Прямых законов, положений, исключаящих инверсию времени, наука не знает. Косвенно анизотропия времени выводится из трех групп эмпирических свидетельств, к которым относятся:

А. Термодинамическая группа фактов — второе начало термодинамики, закон возрастания энтропии ($ds = dQ/T$), вводящий идею векторизующей процесс величины.

Б. Электродинамическая группа фактов — наличие лишь запаздывающих и отсутствие опережающих волн влечет особый режим изменений состояний (значений напряженности электрического и магнитного полей) в соответствии с правилом сдвига фазы: $\delta(x) = (x/c)(2\pi/T)$.

В. Космологическая группа фактов — феномен красного смещения, который согласно эффекту Доплера указывает на характерное протекание процесса в определенном направлении.

Итак, три группы фактов связывают анизотропию с векторностью термодинамических, электродинамических, космологических явлений. Поскольку опыт не сообщает аргументам необходимости, указанные эмпирические свидетельства так или иначе проблематизируются.

Проблематизация термодинамической группы фактов заключается в следующем:

180

А. Закон возрастания энтропии — статистический, откуда
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

вытекает, что весьма вероятное обстояние дел, утверждаемое законом, не отменяет прямо противоположного обстояния дел, — в силу отсутствия закона запрета обратимость физически не невозможна, а лишь крайне неправдоподобна. Второй закон термодинамики, — отмечает Больцман, — никогда не удастся доказать математически на основе одних уравнений движения.

Б. Имеет место парадокс обратимости (аргумент Лошмидта), базирующийся на флуктуациях.

В целом применительно к термодинамике правильно говорить о направлении большинства термодинамических процессов в изолированных системах, которые именно в них (подобных системах) детерминируют положительное направления времени; утверждать же, исходя из этого о направлении времени как таковом, безосновательно.

Проблематизация электродинамической группы фактов состоит в допущении опережающих потенциалов, связанных с возможностью (пока теоретической) тахионов (гипотетических частиц, скорость движения которых в вакууме превышает «с»).

Проблематизация космологической группы фактов зиждется на реификации моделей осциллирующей Вселенной, космических структур с цикличным временем (подобие такой структуры получил в конце 40-х годов нашего столетия К. Гедель).

Политическое пространственно-временное многообразие

Неодинаковость, неравномерность распределения политического вещества в планетарных масштабах, неравноценность плотности, «размазанность» его в пространстве и времени, различия в давлении на окружение (анизотония), характерная векторность перемещений, наличие изоляционных барьеров обуславливают особенности политического хроногеометрического многообразия. Поскольку политичес-

181

кие структуры качественно обособлены, выделены, в соответствии с основными типами пространственных систем дифференцированы на стержневые (обладающие потенциалом оборонной достаточности); массивные (энергетические центры, индукторы силовых полей — метрополии, процветающие державы — лидеры политической жизни); висячие (зависимые), их свойства, взаимные расположения, отношения не удовлетворяют топологически капитальному свойству гомеоморфии. Последнее сообщает политическому пространству и времени характерные особенности.

Неоднородность — неравноценность точек пространства, приобретающих качественность, автономность. Данное свойство детерминируется дифференцированностью политических ареалов, возникновением в политических организмах (их отдельных участках) морфологических и функциональных различий. В кругу оснований политических дифференциаций упомянем:

а) основание центра. Роль политических центров — средоточия правительств, институтов, бюрократии, интеллигенции — для политической жизни отмечал Мирабо. Вторил ему Ленин,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

подчеркивавший, что Петроград сделал революцию для России. Особая организующая роль столицы проявилась в августовском (1991) и октябрьском (1993) потрясениях. Позиция провинции, в массе иначе реагировавшей на события, вначале была игнорирована, затем скорректирована (эmissары, представители центральной власти на местах, устрашение, манипуляция, кадровая перетряска) в директивном и оперативном порядке;

б) основание силы. Имеются легитимные и нелегитимные политические структуры. На стороне одних закон, на стороне других сила. Скажем: в Турции, Алжире, Таджикистане, Афганистане наряду с официальным правительством действует вооруженная оппозиция. Если в первых двух государствах status quo поддерживается собственными средствами, в третьей стране — с помо-

182

щью российских войск, то в четвертой — открытая гражданская война;

в) историческое основание — претензии от наследия. Аргументы от истории, в большинстве своем скрывая бесконечные комплексы, счеты, облачаются в тогу территориальных требований. Невзирая на официальные документы, закрепляющие итоги II мировой войны, права на российские земли оспаривает Япония. С признанной правительством Чан Кайши потерей Монголии (равно как и Тувы) не соглашается пекинское лобби, недовольное балансом сил на Дальнем Востоке. Вспыхнувший в 1992 г. первый внутрироссийский межнациональный осетино-ингушский конфликт отягчен территориальными домогательствами.

История не упрощает, а усложняет картину «концов и начал». На абхазском побережье проживали убыхи, в местах поселений северных осетин и ингушей жили терские казаки. Иных уж нет, а те далече...

Пренебрежение всеобъемлющим велением воздержанности в обращении к истории ставит под угрозу настоящее; черный передел не может не быть переделом кровавым. Впрочем, это особый вопрос, который, мы надеемся, еще будет затронут. Пока же отметим, что приобретающее устойчивость тенденций повременное обострение территориальных проблем позволяет зафиксировать наличие шлейфов от прошлого (что ни говорить, а некой напряженностью отягчены отношения армян и турок, венгров и румын, сербов и хорватов, французов и немцев, абхазов и грузин, русских и прибалтов и т. д.), усиливающий неоднородность политического пространства;

г) этническое основание — подчеркивание национальной, родоплеменной принадлежности. В США по Конституции президентом страны не может стать человек, не родившийся на ее

183

территории. В Монголии муссируется проблема, может ли быть президентом страны не чистый халк, а полукровок (невзирая, что Чингисхан имел бурятские корни). В Туркмении, Руанде в распределении властных полномочий в качестве весомых фигурируют родоплеменные доводы. Ощутима острота в отношениях западных и восточных бурят, западных и восточных украинцев, пуштунов, таджиков и хазарейцев (Афганистан),

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

англичан и ирландцев и т. д. Отношения между Таджикистаном и Узбекистаном обостряются ввиду участия в контингентах на территории Таджикистана этнических узбеков;

д) территориальное основание. Землячество, региональная клановость рельефно проступают в суверенных Казахстане, Узбекистане, Таджикистане. В последнем в смертной битве схватились северный (Ленинабадский) и южный (Кулябский) кланы. Борьбу осложняют влияния Узбекистана, покровительствующего Ленинабадской группировке;

е) индустриальное основание — неравномерность развития. 26 развитых капиталистических стран, составляющих 15% числа государств и 25% населения планеты, потребляют 75% производимой на земле энергии, 79% ископаемого топлива, 85% деревообработки, 72% стали. На фоне оскудения «третьего мира» — сырьевого придатка Запада — возрастает роль России — держателя сырья, территорий, запасов ископаемых. Это наши козыри в политических играх.

Анизотропность — неравноправность направлений движений, наличие выделенных, привилегированных систем отсчета, векторов перемещений.

1. В геополитике, являющейся фактическим выражением анизотропии политического пространства, прекрасно работает модель контратипов:

184

а) варвары идут с Востока (цивилизационно менее развитые регионы) на Запад (цивилизационно более продвинутые области): с Юга (до-индустриальный, патриархально-архаичный мир) на Север (индустриальный мир). Колонизация, напротив, идет с Запада на Восток, с Севера на Юг. Просматривается, таким образом, меридианная и параллельная формы перемещения политического вещества (под видом экспансии, переселения народов, аннексии территорий);

б) осязаемы позиционные конфронтации, пикировки теллурико- и талласократий; островных и материковых культур (Англия — Испания, Англия — Франция);

в) реальные и обратные геовекторы, управляемые правилом «подобное враждебно подобному» (Франция — Германия). Сошлемся также на своеобразные пульсации хартленда, борьба за который между Германией, Китаем с разных сторон и Россией то обостряется, то притупляется.

2. Теософская определенность. Теософия — система знания, устанавливающая корреляции между пространственными и национально-государственными особенностями: явное и скрытое влияние политических тел в зависимости от пространственных положений, ориентаций; распределение и перераспределение энергии политического излучения; условия когерентности и некогерентности протекания политосферных процессов; интерференция политических волн; страновые конфигурации — роль центральных и периферических тел, государственных ядер, ассоциаций, политических монолитов, мозаичных объектов и т. п. Говоря об этом тонком сюжете, воспользуемся аппаратом остенсивных определений:

185

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

а) в Польше и России страновые обстоятельства реформации, казалось бы, сходные. Тем не менее, польский вариант шоковой терапии для нас непригоден. Непригоден ввиду геоситуационной неидентичности двух стран. Польша, принадлежа к числу центрально-европейских держав, при инспирированной радикальным реформированием экономики массовой безработице способна экспортировать излишек рабочей силы в соседние страны. Такой возможности лишена Россия, сосредоточение рабочей силы в которой на фоне падения уровня жизни создаст взрывоопасную критическую обстановку, способную обеспечить неконтролируемую цепную реакцию стихийного бунта;

б) протекционизм — защита собственных товаропроизводителей, ограждение национального предпринимательства от иностранной конкуренции, стимулирование экспорта, ограничение импорта, поощрение отечественной деловой активности. Прекрасный пример протекционизма — Япония, опыт которой почему-то игнорируется сегодняшними российскими политиками, делающими ставку на непродуманный ущербный демпинг;

в) неэквивалентность товарных, информационных потоков по градиентам Север — Юг, Запад — Восток, влекущая социальную, государственно-политическую зависимость, дискриминированность стран, народов, регионов;

г) множество базовых преференций, вводящее привилегированные системы отсчета, качественные оценки, которые удовлетворяют зачастую не артикулируемым, но интуитивно ясным метафизическим координативным дефинициям. Политические отношения — ценностные, опираются на набор исторических, культурных, этнических допущений, шлейфов. Так, в югославском кон-

186

фликте, во многом объясняемом культурной предысторией, очевидны параллели-связки: хорваты — немцы; сербы — русские; мусульмане — американцы;

д) владение территориями, акваториями и борьба за них. Показательна обстановка вокруг Сибири. Если верить прогнозам, изменение климата на планете в скором времени неблагоприятно отразится на сельскохозяйственном производстве в США и, напротив, будет благоприятствовать агродеятельности в Сибири. Стремительный рост народонаселения в США при подобной перспективе вполне объясняет их намерение овладеть потенциальной мировой житницей (проект приобретения Сибири за 3 трлн дол.). Аналогичное утверждается об Японии, покушающейся на российские акватории (рыбные промыслы) ;

е) подобие биогенетического закона — регулярности, прослеживаемые в страновом развитии и состоящие в том, что индивидуальное развитие политических особей, их онтогенез рекапитулирует этапы развития предковых филогенетических форм, что создает почву для сходства и различия: закономерности в становлении демократии, преимущественная поддержка США стран, вставших на путь рыночной демократии;

ж) содержательно тождественные предыдущему пункту процессы в политических филэмбриогенезах — эволюционных

преобразованиях политических организмов посредством изменения хода эмбрионального развития предков. Основные формы филэмбриогенезов: анаболия — добавление новых стадий в формировании (к демократии через демократию или автократию); архаллаксис — новообразования через ранние отклонения (еврокоммунизм); девиация — изменения в развитии на средних стадиях, влекущие отклонения в морфологии у взрослых осо-

187

бей (образование государств-двойников — Китай, Германия, Корея, Йемен; распад метрополий — Британское Содружество наций; развал империй — выделение из России Финляндии, Польши и т. д.; соединение и разъединение провинций — Нидерланды, Швейцария, Испания, Франция, Россия).

3. Сферы влияния — блоковость, политическая гетерогенность мира. В текущий момент и в обозримой перспективе просматриваются четыре геостратегических центра: американский континент во главе с США; Объединенная Европа (ОЕ); Япония и АТР; Россия во главе СНГ (или иных конфедеративно-государственных образований на просторах бывшего СССР). Тактика России в блоковом геопланетарном политическом взаимодействии обусловлена: игрой на противоречиях между мировыми центрами; евразийской природой, в материковом отношении опосредствующей связи Запада и Востока (коммуникационная артерия выхода ОЕ на АТР); кооперацией со всеми или частью центров против других. Указанная тактика предоставляет России дополнительный шанс национально-государственного укрепления. Квалифицируем противоречия ОЕ — США. Основа независимости ОЕ — собственная валюта. Последнее точно представлял организатор Общего рынка Ж.Монне, говоривший: «Европа будет создана единой валютой либо вообще не будет создана». Опасность упрочения на мировом рынке европейской денежной единицы (евро) отчетливо понимают США, препятствующие налаживанию консолидированной европейской валютной политики (нажимы, игра на понижение курса валют и т. д.). Однако рано или поздно дело будет сделано. Создание ОЕ с собственной валютой покончит с гегемонией США в мировой экономике, финансах; антагонизмы между тремя центрами мирового капитализма обострятся. В преддверии этого

188

необходимо реформировать мировые цены на стратегическое сырье с учетом интересов стран-экспортеров; выправить курс рубля относительно доллара.

4. Геополитические волны. Благодаря специфической кинетике геополитических структур, детерминируемой эффектами целостности, гистерезисности, ценностной транзитивности, дестабилизация одной точки политического пространства влечет дестабилизацию иных его точек. Понимание этого позволяет акцентировать неоднозначность для Запада развала социалистических федераций с образованием национально-государственных анклавов. В результате этатодеструкции Запад лишился стабильности как на юге (Югославия), так и на востоке (продукты распада СССР). Согласно разработанной в этой связи модели концентрической Европы, пространство «цивильной»

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

европейской жизни обеспечивается южным и восточным кордонами. Роль одного отводится дуге Болгария — Македония — Албания, роль другого — Балтийско-Черноморской Федерации.

Дело, однако, на этом, разумеется, не заканчивается. Суть в том, что интенсивность тектонических движений в данном ареале обусловлена взаимопритяжением двух региональных супердержав Германии и Турции. В противовес компенсирующему (ввиду исторических коннотаций) альянсу России и США потенциально также могут формироваться амбивалентные блоки: Германия — Украина; Китай — Казахстан; Центрально-азиатский союз — Турция, что со всех точек зрения представляет угрозу для России и судеб мира.

5. Миграционные потоки, придающие переселению народов политическую размерность. Мы обращаем внимание на возможную особенность грядущего столетия: XXI век будет обостряющим расовые, этнические отношения веком пришельцев. Идея на-

189

ционального государства вредная: распад мира по этно-государственному признаку недопустим, невозможен. Как быть с неустроенными мигрантами, экстремистски настроенными беженцами, число которых исчисляется сотнями тысяч и возрастает? В Европе проживает 600 тыс. курдов, две трети которых обитает в Германии; всеми доступными им способами они борются против турок. В конфликте турок и курдов, следовательно, могут пострадать немцы. Угрожающие масштабы приобретает иммиграция во Франции, которая с вступлением в силу Шенгенского соглашения, отменяющего границы между странами — членами Европейского Сообщества, приступила к созданию специальной полиции, препятствующей просачиванию этнических нелегалов. США намерены ввести налог на политическое убежище, призванный пресечь незаконную и сократить законную иммиграцию. Европе угрожает Турция, Северная Африка; США — Латинская Америка, страны бассейна Тихого океана; России — Китай, переселенцы с Кавказа, Средней Азии... Объективная реальность стимулирует отказаться от а) безусловной поддержки борьбы за национальный суверенитет, которая отныне не может восприниматься как героизм, великомученичество; б) космополитической стратегии прозрачности границ по конъюнктурным (борьба за права человека) или филантропическим (право на мобильность) основаниям. Проблема иммиграции, натурализации становится острейшей политической проблемой, корректирующей практическую политику на уровне как технологий, так и апологий. Пока такая коррекция имеет контуры одностороннего сдерживания, что представляет паллиатив. Нужна глобальная программа недопущения демографического взрыва, способного направить конфронтационный порыв более отсталых Юга и Востока в сторону более развитых Севера и Запада во всеуничтожающее русло. .

190

6. Ценностный идентитет — комплексная категория выражает осознанную или неосознанную интенцию на принадлежность к фиксированной общности, включает:

а) социокультурный аспект. Имеется мощная римская идея,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

вводящая интегральный западноевропейский архетип: у Запада (невзирая на конфронтацию Европы и Америки, внутриевропейскую пикировку немцев — французов, испанцев — англичан и др.) единая вера, условия существования, стандарты жизни, ценности, устои. Не менее представительна по силе воздействия, духоподъемности русская идея, поставляющая консолидационный почвенный образ: у патронируемых Россией ее граждан при множестве вер, экзистенциальных укладов единая судьба на просторах Евразии;

б) патримониальный аспект — симпатические и парасимпатические воздействия, структурирующие потоки политического вещества и энергии. Типичные случаи — процессы в государствах-двойниках. Репрезентативна эпопея германских стран. Положения договора 1972 г. об основах отношений между ГДР и ФРГ, включающего признание равноправия, территориальной целостности, независимости, самостоятельности каждой страны во внутренних и внешних делах, фиксированности государственных границ в Европе и между ними, исподволь постепенно подтачивались стимулируемыми духовностью (духом, самостоятельным народом), консолидационными движениями, увенчавшимися объединением. Поставлена под вопрос отчужденность двух Корей. В Среднем царстве сохраняется позиционная борьба анклавов. В Йемене на почве амбиций — раскол. Однако можно надеяться, что верх одержит взаимоприятие. Суждение имеет значение и для родственных разъединенных стран (Украина, Бе-

191

лоруссия, Россия; Чехия, Словакия), групп стран и ассоциаций (славянское братство, англосаксонское единство); в) конфессиональный аспект — религиозный подход к жизни, дифференцирующий людей, народы, человечество по признаку реальной (активной) или формальной (пассивной) принадлежности к вере. Основные пути осуществления соответствующего влияния:

— весьма эфемерный принцип духовного братства, политически обыгрываемый контекстуально: конфронтация Югославии и СССР в 50-70-е гг. и нынешнее сближение Сербии, Черногории с Россией;

— клерикализм: предвзятая теизация политической жизни в угоду персональным и групповым пристрастиям (формирования демохристианского толка, инициированные бывшими союзными коммунистами);

— фундаментализм: обмирщение религиозной аскезы, направленное на кодификацию жизни. В Индонезии под давлением мулл отменяют лотереи. Салман Рушди за «Сатанинские стихи» приговорен к смерти. Роман Таслимы Насрин «Стыд», проповедующий иное мировидение, нежели санкционированное мусульманством, подвергся запрету. В Малайзии пополняют законодательство в ключе агрессивной дремучей схимы... Подтачивающая экзистенциальные своды религиозная наступательность в политике не жизнеспособна, о чем свидетельствуют гражданские провалы клерикалов в Индии и Пакистане, странах с выраженной мусульманской традиционностью;

— конкордат: форма международно-правового регулирования отношений через закрепление в государственной сфере привилегий римско-католической церкви. Необходимые договоры Вати-

192

кана в настоящий момент имеются с Италией, Португалией, несколькими латиноамериканскими странами; стоит на повестке дня одобрение соглашения католической церкви с Польшей, что на волне ценностной идентификации обеспечит потенциальные политические вмешательства;

г) коммерческий аспект. Произведен экономический раздел, но продолжается экономический передел мира. Ни одна страна (кроме, пожалуй, России) не жертвует экономическими интересами в угоду мифам. Отсюда аксиологическое купирование, развязывающее свободу действий. Характерные приемы из арсенала отстаивания геостратегических позиций:

— саботаж: после политического убийства в Колумбии (1989), подготовленного Медельинским картелем, Запад развернул беспрецедентную антинаркотическую кампанию. В итоге уже к 1993 г. производство «белой смерти» ...удвоилось. Наркобизнес выгоден; он стимулирован политически;

— лоббизм: нет предела корысти, эгоизму, шкурничеству, неблаговидности в проведении национальных эгоистических интересов;

— подкуп: предоставление голосующим целевой экономической помощи в обмен на проведение нужных решений (скупка Японией голосов развивающихся стран для переизбрания соотечественника председателем Всемирной организации здравоохранения);

— нажим: борьба за выгодные поставки, рынки сбыта;

д) военный аспект — оккупация, размещение войск, военных объектов, баз на чужих территориях. За вычетом прозрачных случаев насильственного занятия территорий без приобретения суверенных прав на них (оккупация Израилем Голанских высот), интенция на силовое присутствие двусторонняя. Вводящая контингента сторона

193

стремится реализовать доминирование; размещающая контингента сторона стремится заполучить гарантии. В обмен на издержки, связанные с отчуждением площадей, отвлечением моральных и материальных ресурсов на прием и обслуживание страны-гостя, страна-хозяин обретает ручательства от более сильного партнера;

е) психологический аспект — ценностная иннервация, акцентуация, экспектация. Соответствие поведенческих актов состояниям самооценки; автономное реагирование на систему ожиданий в исполнении социальных ролей; целевые санкции, структурирующие политическую интеракцию. В политике не все равны; или равны, но по-разному; или отношения между равными неравные. В отличие от протокольных установлений экспектации неформальны; в противоположность тривиальной амбициозности, напыщенности, тенденции бесосновательно надувать щеки (влекущим социальную дезадаптацию) они характеризуются лабильностью, переменчивостью тональности по обстоятельствам. Дело, следовательно, в обусловленности позиций особенностями

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

внутренних состояний, надситуативности, чувствительности к неким неартикулируемым, воспринимаемым как травмирующие факторам. Таковы национально-государственное достоинство, чувство державности, высокая гордость за отечество;

ж) геополитический аспект — державные прерогативы. При формальном равенстве членов международной жизни есть «субъекты» и «объекты» истории (пакт Риббентропа-Молотова, поделивший Европу на Западную и Восточную части); монополии на политические действия (право вето); инициативы; решения; давление; применение силы; предоставление экономической помощи; блокада;

194

з) каузальный аспект — специфический тип причинения, индуцирующий своеобразные детерминистские цепи и сети. Репликация — самоусиление через внутренний рост. Редупликация — создание протекторатов, спутников. Трансляция — ценностная транзитивность по правилу: друг моего друга — друг; друг моего врага — враг; враг моего друга — враг; враг моего врага — друг. Траскрипция — матрицирование союзников.

Размерность — характеризует число измерений. Классическая трактовка политики как концентрированного выражения экономики вводит одномерный, плоскостной образ. Обновленное (неклассическое) понимание политики как самоусиливающейся, самонастраивающейся системы, функционирующей, развивающейся на собственной основе, предполагает модель многомерного пространства. Отправляясь от того, что размерность равна числу координат, необходимых для определения положения лежащей на фигуре точки, применительно к политике уточним ее через понятия векторности и фазовости.

Векторность — направленность, ориентированность в соответствии с целями, ценностями, интересами. Различают коллинеарные — вариант оценки базовых устремлений (одинаковых или противоположных) на групповом уровне; компланарные — подобная же оценка более высоких уровней субъективности (начиная со странового уровня); свободные — произвольно меняющие интенциональность; связанные — выражающие заданное направление и положение начальной точки — точки приложения (спутники, антагонисты, партнеры по блокам) — векторы. Векторность позволяет фиксировать преимущественную нацеленность политических линий, действий на некую систему приоритетов.

Фазовость. Фазовое пространство многомерно, на его осях откладываются значения обобщенных координат и импульсов (число измерений фазового пространства равно удвоенному числу степеней свободы системы). Коор-

195

динатами политического пространства являются экономический, демографический, геостратегический потенциалы. Импульсы — дух народа, некая тонкая метафизика, выражающая автономное чувство жизни, пафос, т. е. то, что владеет личностями, связывает их в нечто более или менее целое, задает общую судьбу впереди. Оттеняющие ведущую роль надстройки относительно базиса такие феномены, как коллективный стресс, состояния мобилизации, удельные

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

периоды истории, фазы пассионарности, передают фундаментальный факт духовной ангажированности человеческого существования, сказывающийся в засилье и традиции (активное влияние прошлого — детерминация наследием), и цели (активное влияние будущего — детерминация проектом); последние инициируют свойства, формы социальности.

К особенностям фазового пространства, состояния которого описываются силовым изменением геополитических конфигураций, следует отнести:

— устойчивость: свойства динамических политических систем отклоняются от линий оптимального движения при возмущениях исходного положения и закона движения, но со временем возвращаются в исходное русло;

— сохраняемость черт фазового портрета при возмущениях законов движения;

— реставрируемость: свойство систем в ходе движения сколь угодно поздно возвращаться сколь угодно близко к первоначальным состояниям, обретать исходные конфигурации, направления изменения.

(Хорошая иллюстрация — большая вероятность восстановления конфедеративной политико-государственной структуры на пространстве бывшего СССР.)

Данные признаки вытекают из принципиально качественного статуса политических структур, имеющих ценностную природу, удовлетворяющих аксиогенному типу детерминации. Основа политических структур — ценнос-

196

ти, синтезирующие пространство и идеалы. Политическое пространство идеалологично: протяженностям взаимосоответствен дух, обеспечивающий толкование простора как театра самоосуществления народа. Источается народный дух, возрастает вероятность утраты среды обитания (утилизуемое народом пространство его воплощений). Чем дифференцируются праведные и неправедные войны? В первую очередь состоянием духа. Праведная, оборонительная война духоподъемна, а потому (в силу стабильности фазового портрета политической системы) выигрышна; напротив, неправедная, наступательная война духоущербна, проигрышна.

Порядок. Выражает идею внутренней законосообразности, структурированности, регуляризованности жизненного пространства, его устойчивости к привходящим влияниям, воздействиям. Политическое пространство это — непрерывная (в канонически невозмущенной форме) совокупность национально-государственных сущностей, однотипных по социальным, хозяйственным, культурным, историческим, географическим параметрам. В базисе понятия порядка политического пространства лежат три представления.

Представление реперности: множество линейно независимых, нормированных векторов — с Востока на Запад просматривается отчетливая передислокация политического вещества по правилу от автократии к демократии, от унитаризма к федерализму.

На фоне сказанного бесспорны такие утверждения. Порядок

обуславливает степень свободы движений политических фигур в географических плоскостях: любая фигура без изменения (деформации) перемещается в пространстве так, что любая выбранная ее точка занимает любое произвольное положение. Но в определенных пределах. Скажем, римская идея (с набором обеспечивающих ее политико-государственных институтов) не может выходить за территориальные контуры исходных исторических конфигураций. (Иначе — разрушительное соприкосновение с русской идеей и связанной с ней геомассой.)

197

Таким образом, за пределами некогда конституированных геополитических контуров фигура не может быть перемещена так, чтобы занять любое заранее назначенное положение.

Представление пассионарности. Жизнедействовать без вдохновения на всех политических уровнях невозможно: кто хочет сдвинуть мир, должен сначала сдвинуть себя. Без духоподъемных коллективных представлений нет целостной, целеориентированной практики. Чем объясняется национальный всплеск в восстанавливаемых в послевоенной разрухе Италии, Германии, Японии? Воодушевлением поверженных ниц народов. Отсутствием такового объясняется и растрата российского национально-государственного потенциала в беззубое перестроечное безвременье. Данные случаи в который раз подкрепляют отстаиваемую нами схему приоритета надстроечной целесообразно-ценностной детерминации жизни инспирирующими идеалами.

Обобщение понятия порядка политического пространства наводит на универсальную модель политических структур, развиваемую в теории политических структур (ТПС). Суть этой теории в понимании: имеется связь между взаимными расстояниями, относящимися к достаточно большому числу точек; она (связь) принципиальна для осознания глубокой зависимости политического вещества от гео-идеократической определенности.

Фундаментальная категория ТПС — фазовый портрет политической структуры, обуславливаемый экономической, географической, демографической, культурной, духовной (пассионарность) размерностью. От значений данных пяти параметров зависит природа политики как жизненно важной функции вне и помимо ее конкретного содержания. Использование указанной категории в рамках ТПС позволяет описывать варианты политических взаимодействий с единой точки зрения, не заслоняя смыслы побочными деталями.

Положения ТПС распределяются по двум отсекам согласно двум типам презумпций: (а) отношения одних

198

субъектов политики к другим — реляционная система утверждений; (б) природа политических субъектов как таковых — субстанциальная система утверждений.

Множество (а) включает бинарные отношения, соответствующие тактическим интересам: союзы, блоки, нейтралитеты, конфронтации, конфликты — Россия освободила Болгарию от турок, после чего в Первой и во Второй мировых войнах последняя воевала против России.

Множество (б) ассоциирует унарные отношения,
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

соответствующие укорененным стереотипам, диспозициям восприятия субъектов политической жизни — жупел москалей в Галиции, симпатии болгар к россиянам.

Связность. Понятие, естественно выражающее идею геополитической идентичности: высшей целью сущих для себя национально-государственных образований является процветание с неутратой (в идеале — наращиванием) геополитического актива. Реализуется в двух основных видах — связность множества и отображения. Одна означает поддержание status quo в лице независимости, суверенности, территориальной национально-государственной целостности. Другая характеризует единство вершения истории в конституированных гео-идеографических пределах.

Как интегральный параметр политохорологических единиц, описывающий их существование с позиций прочности экзистенциальных тканей, связность реализуется через отношения принадлежности (инцидентность, соединение, связь, сочетание). Различают три измерения связности.

Державное измерение — упорядочение приоритетов в последовательности «национальные — региональные — глобальные интересы». Геополитическое измерение — целеориентация на сохранение, умножение жизненного пространства. Духовное измерение — генерация архетипов, способствующих солидарным коллективным действиям.

Связность нарушается а) внешней агрессией, оккупацией, б) революционными выбросами, всплесками пассионарности; в) внутренним компрадорством, антипатриотичным коллаборационизмом.

199

В случаях нарушения связности наблюдается «цивилизованное одичание» с деградационной симптоматикой: флуктуационный, катастрофический переход на более низкие дискретные уровни политической организации с утратой черт исходного фазового портрета.

Компактность. Политическое множество компактно, если последовательность его точек (элементов) имеет принадлежащую множеству предельную точку. Иначе говоря, компактность означает замкнутость, континуальность элементов политического множества, связанных отношениями инцидентности. Компактность обеспечивается конституционностью, недопущением борьбы с политическими институтами, патриотизмом в идеологии.

Устойчивость. Ответственна за самосохраняемость политических структур, их способность восстанавливать исходные состояния, ритмы существования (черты фазового портрета). Позволяет: противостоять толчкам, возмущениям, провалам в архаику; располагаться в пределах собственного фазового пространства; не утрачивать политохорологической целостности, специфичности. Поддерживается обеспечением национальной безопасности, которая в свою очередь обуславливается наращиванием интеграции, мобильности, адаптированности населения, его культуры. Потеря устойчивости протекает как утрата организованности, слаженности, сплоченности автономного

совокупного действия элементов политических структур в результате силовых (нападение, применение контингентов против суверенитета, территориальной неприкосновенности, политической независимости) или несиловых (стагнация) воздействий; как переход из более упорядоченных дискретных состояний в менее упорядоченные состояния, описываемый в терминах теории катастроф.

Относительно топологии времени скажем следующее. Подобно политическому пространству политическое время неоднородно и анизотропно. Последнее проявляется в характерных коллективных интуициях бесперспективного (чувство отсутствия будущего ввиду непреодолимости настоящего), безвременного (экзистенциальная разрежен-

200

ность как эпифеномен разобщенности людей), депрессивного (понижительная фаза социальности), мобилизационного (жизненный форс-мажор, повышательная фаза социальности), акселерационного (вдохновительные коллективные действия, ангажированные сильным проектом) времени. В политике также очевидны механизмы воздействия на субъективное упорядочение протекания событий, передаваемые понятиями потребного прошлого (конъюнктурная реинтерпретация — лакировка, очернение истории) и желанного будущего (форсирование событий в овеществлении идеалов).

Пользуясь аристотелевским разделением времени на кинезис (время как движение) и метаболе (время как рождение и гибель), подчеркнем: качественная неравноценность компонентов временного ряда проистекает из различимости индивидуальных событий, встроенных в ритмы неламинарного, неинерциального исторического движения (ввиду наличия критических значений — социальная депрессия, форсаж, мобилизация и т. д.), равно как из особенностей каузальной структуры мира, порождающей разновеликость сопряженных точек существования. Одним словом, политическое время — боль: оно не знает погруженной в блаженство вечности.

Обновление политической среды, в которой мы пребываем, управляется законом акселерации: течение политической истории прогрессивно уплотняется и ускоряется (наполняемость мирового времени новациями). Палеолит длиннее мезолита, который в свою очередь длиннее неолита. Каменный век в целом продолжительнее века железа. Доиндустриальная эра железного века длиннее индустриальной. Античность длиннее Средневековья, Средневековье длиннее Нового времени, Новое время — длиннее новейшего, доисторическое время массивней исторического.⁴⁸

⁴⁸ См.: Поршнев Б. Ф. *Цит.соч. С. 28-36.*

201

Хронологические отрезки мировой истории неравномерны и неравноценны, отделены друг от друга качественными переломами, сдвигами. В черед динамических фигур истории как эшелонированного целого проступают стадии роста: зарождение, зрелость, упадок; восхождение (прогрессивная эволюция) сменяется нисхождением (реставрация, реакция, инволюция). Чем определена нелинейность темпов исторического становления (в частности, **Ильин В. В. Философия:** учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

преобладания ускорения над торможением)? В плане тематизации вопроса оценим три рефлексивных позиции: прогрессизм, финализм, циклизм.

Прогрессизм. Изначальная убежденность в непрерывности общественной эволюции, цивилизационном росте, который толкуется как объективный неотвратимый процесс движения человечества к совершенству: приобщение к истине, счастью (Кондорсе); справедливости, благополучию (Годвин), благосостоянию, добродетели (Гиббон); уничтожение несправедливости, повышение уровня просвещенности, морали, свободы (Дидро, Даламбер); развитие науки, материальных условий, морали (Бертло).

Как видно, в трактовках общественного прогресса от французских материалистов, просветителей, энциклопедистов, немецких философских классиков до корифеев науки существо его связывается с улучшением существования по индустриальным, гражданским, духовным составляющим. По индустриальной составляющей за счет повышения уровня жизни, перераспределения между рабочим и досуговым временем в пользу последнего достигается независимость человечества от слепых, стихийных сил природы, обеспечивается самоосуществление. По гражданской составляющей, трансформируя мысль Гегеля, умножается потенциал свободы в перемещении от деспотизма (свобода одного) к народному демократизму (свобода всех). По духовной составляющей производится самовозвышение человечества до некоторых превосходных идеальных состояний.

Подобная линия понятна, но не неуязвима. Не привлекая соображений многочисленных критиков прогрессиз-

202

ма от Мендельсона, Руссо, романтиков, Жозефа де Местра, философов жизни до Э. Гартмана, Ренувье, Лашелье, Бутру, Буркхардта, акцентируем лишь такие моменты.

1. Базовые ценности — ориентиры, векторы, пружины социального движения. Проблема фундаментальных критериев общественного прогресса, утрированная Юмом, не имеет универсального решения. Причина направления хода истории для Боссюэ — божественное провидение, для Гегеля — сознание свободы. Прогресс и естественный ток жизни для Гюго, Федеричи, Эктон — синонимы, для Руссо — антонимы. Индуктор прогресса для Спенсера — закон сохранения энергии, для Вундта — нарушение этого закона, сопровождающееся возрастанием духовной энергии и т. д.

2. Проблема амбивалентности социального прогресса. Идея прогресса как линейного поступательного восхождения человечества к совершенству, до Вольтера, Тюрго, Кондорсе высказанная янсенистом Николем, уподобившим общественный прогресс возрастной эволюции индивида, критики не выдерживает. Не выдерживает по причине обоюдоострости. Нарращивание индустриализма обернулось тупиками консьюмеризма; достижение независимости от природы привело к фатальной зависимости от нее; наращивание свободы повлекло разгул произвола; прогресс духа столкнулся с серьезными издержками изощрения и

извращения (беспорядочность, алогизм, бессвязность, отсутствие обязательности). Отсюда, дистанцируясь от Руссо, если не смотреть на историю как на всестороннюю деградацию человечества, то, по крайней мере, учась на примерах, важно проявлять сдержанность, представляя, что цивилизационная состоятельность прогрессизма ниоткуда не вытекает. Тем более перед лицом глобальных проблем современности.

3. Модель цивилизационного прогресса как всякая классическая модель страдает нечувствительностью

203

к материалу, абстрактной ригористичностью. Подразумевается в первую очередь допущение единых для всего человечества темпов исторического движения. Допущение это, надо сказать, крайне сильное, эмпирически неverified. История, как подмечал Шпенглер, одновременно есть становление и ставшее. Развитие народов неравномерно. Отставание одних связано с опережением других в том смысле, что консервация развития (ставшее) обеспечивает ускоренный рост (становление). 4. Стандартная классическая модель общественного прогресса не озабочивается переходом от идеализации целостного исторического потока к реальной картине национально-государственной дифференцированности народов, располагающихся на разных фазах развития, отправляет рефлексии идеала совершенного общества в неизменно утопической редакции, строя утопию бегства для аутсайдеров и утопию дерзания для лидеров истории. В чем же оправдание сего некритического утопизма?

Финализм. Схема «конца истории» разворачивается в двух вариантах — пессимистическом и оптимистическом. Первый — эсхатологическая модель светопредставления — получает проработку в социальном, экзистенциальном, религиозном катастрофизме. Второй — хилиастическое направление — представляет качественную спекуляцию конкретных воплощений идеальных состояний общественной жизни (от царства Божия на Земле до коммунизма и либерального капитализма). И то и другое — элемент некритической апокалиптической сектантской культуры, произрастающей на почве нехватки фантазии, излишней драматизации и гиперболизации наличных эпизодов истории. Финалистские мотивы приобретают традиционно мессианское звучание, обслуживая то стандартно мистическую теистическую картину мира (иудейская, христианская, зороастрийская догматика), то нестандартно мистические квазитеистические историософские построения (Платон,

204

Гегель, Фурье, В. Соловьев, Бердяев, Ясперс, Фукуяма). Смысловое завершение исторического движения неизменно видится в некотором идеальном или реально достигнутом состоянии, взятом со знаком «минус», — грехопадение, конец мира, Страшный суд (новозаветные писания от послания Павла к коринфянам до откровения Иоанна Богослова, Августин), или со знаком «плюс», — идеальное государство (Платон), конституционная монархия (Гегель), гармоническое общество (Фурье), либеральная рыночная демократия (Фукуяма). Поборникам финализма вселенской истории уместно адресовать такие

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

аргументы.

1. Неприемлема подпочва эсхатологизма, опирающаяся на две посылки:

а) мысль о прошлом как пережитке («полное, сплошное, тупиковое недоразумение»), требующем радикального преодоления. Прошлое — подвижный и непрменный компонент динамического временного ряда, активно влияющий на настоящее, участвующий в созидании будущего. Отречение от него, нарушая органичную связь эпох, разрушает плодоносный культурный слой, цивилизационные накопления, развязывает руки самым темным силам, склонным к самому худшему социальному произволу;

б) мысль о настоящем как вегетативной среде идеалов. Догматическое конструирование совершенных стадий, претендующее на подытоживание результатов истории, — лучший признак не истинности, а узколобости историософии. Смысл истории не в ее завершении (как полагал Бердяев), а в ее продлении — полнокровном, осмысленном переживании каждого мгновения проживаемого бытия.

2. Сомнительна перспектива рационального социотворчества, сознательно-последовательно преодолевающего предшествующие греховные этапы. Прежде всего неотчетлива идея греха, точно дамоклов меч, неотвратно висящего над человечеством:

205

*Не первородный, а предмирный грех
Мы искупить обречены страданием.
(А. Чижевский)*

Человек — существо самосознающее, рефлексивное. Проявление его бытия обоснованно толкуется им как реализация собственной участи. Существование человека потому, в отличие от иных обитателей животного царства, для него — проблема, инициирующая страхи, тревоги, отчаяния (в том числе от самоугрозы, самонепонимания), но и веру, надежду, любовь, обретение. Никакого фатального проклятья на человеческом роде нет. Проблематизация мира не заслоняет утверждения в мире. Категория греха — персональная. Насколько человек греховен, решается индивидуально. Индивидуально же выбирается стезя, приближающая или удаляющая от грехопадения. Китайская философская традиция ставит здесь на соитие с вечностью: «Забудем о (течении) времени, забудем о разрешении (что такое правда и неправда), достигнем бесконечности, чтобы постоянно в ней пребывать».⁴⁹ Экхарт уповает на любовь к богу: «Только любовь дает нам... обретение; — любовь, которая сильна, как смерть... она убивает в человеке его «я»... разлучает душу с телом... расстанется... вообще... с этим миром... отходит туда, где ее место по заслугам ее. А что же иное заслужила она, как не уйти в тебя, о боже предвечный, если ради этой смерти через любовь ты будешь ее жизнью».⁵⁰ Франциск Ассизский поручает себя плотской аскезе... Низко не падающий высоко не летает. Ключевский пронизательно замечает: «Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих лю-

⁴⁹ Древнекитайская философия: собр. текстов. М., 1972. Т. 1. С. 261.

⁵⁰ Экхарт М. Избранные проповеди. М., 1912. С. 53.

206

дях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу».⁵¹

Наконец, порочно представление рационально-совершенного устройства истории по доктринальным рецептам. «Истинная философия заключается не в том, чтобы творить книги, а в том, чтобы творить людей», — восклицал Фейербах.⁵² Какое заблуждение! Людей творят люди. Философия творит тексты. Внутреннее формирование действительности есть духовное творчество. Внешнее формирование действительности есть политика. Но формирование не по доктринальным, а социотехническим канонам. Политика не создает мир по идеальным рецептам, она не ищет истину, не жизнедействует как социальная сакрестия. В соответствии с балансом интересов она занята выработкой консенсуальной равнодействующей, представляющей ядро, стержень групповых технологий.

3. Умозрительно допущение априорного предназначения неких политохорологических структур, якобы обслуживающих высшие мировые цели. Почему прусская сословная монархия — социальный апофеоз? Почему предел мечтаний — западная либеральная демократия? Почему Россия — почва для начинания нового (?!) мира? Отметая всякого рода «завершенную целостность чистой философии» (Кант), применительно к России выскажемся ясно: русская идея есть идея цветущей культуры и могущественного царства, а не терминальная идея отрешенного царства Божия, как почему-то думал Бердяев.

4. Концептуально не проработано состояние «конца» как предельной полосы развития. Полнокровное историческое бытие всегда богаче его доктринальных финализаций — лишенных источников питания

⁵¹ Русский архив. Вып. 1. М., 1990. С. 77.

⁵² Фейербах Л. Избранные философские произведения. Т. 1 М., 1955. С.

268.

207

«царства Духа» (Бердяев), «сферы сверхжизни» (Тейяр де Шарден), «общечеловеческих государств» (Кожев). Соотношение «цели» и «движения» в жизни — на стороне последнего. Движение препятствует впадению в монотонное однообразие, погрязанию в сладострастии, не позволяет гаснуть всякому живому чувству. Воистину цель — ничто, движение — все. В экзистенциально- и социотворческом смысле.

Циклизм. Наивно жестко связывать циклизм с отрицанием исторически прогрессивного развития. Такая линия представительна, но не глубока в трактовке законов смены социальных состояний. Буквально циклизм означает признание чередуемости, равнодостоинства восходящих и нисходящих ветвей общественной динамики, где в одном случае циклы (круги, иные модельные формы) не коммуницируют — квантование истории, в другом — коммуницируют, не выказывая тем не менее своей прозрачности. Неглубокая историософская монадология такого типа достаточно полно систематизирована Э. Лейкиным, в качестве

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

раритетов схемы ненаправленного потока исторических изменений приводящего: «культурные круги» (Л. Фробениус); «исторические культуры» (О. Шпенглер); «локальные цивилизации» (Ж. Пиренн); «культурные суперсистемы» (П.Сорокин); «культурно-политические единства» (Ф. Нортроп); «социальные структуры» (Э. Брейе); «духовные синтезы» (Б. Ландхерр); «конфигурации культурного роста» (А. Кребер); «циркуляцию элит» (В. Паре-то).⁵³ Если циклизм Вико — оправданная попытка экспериментального отношения к истории в поисках движущих, на поверхности не лежащих инвариантных пружин исторического развития, то циклизм в отмеченной редакции — плод обленившегося схоластического верхогляд-

⁵³ *Концепции науки в буржуазной философии и социологии. М., 1973. С. 195.*

208

ства. Как поисковая платформа он (подобный циклизм) не подлежит *restitutio in integrum*.

Иной содержательный ход — циклизм с позиций реставрационизма. Говоря об этой заслуживающей внимания возможности, оттолкнемся от неких общих свойств временного ряда. Фундаментальный топологический атрибут времени — необратимость — аксиоматически устанавливается отношениями:

а) рефлексивности: $a=a$ (всякое событие самотождественно, несомаизбыточно, совпадает с собственной длительностью);

б) транзитивности: $a < b < c$ (если событие «а» предшествует событию «б», которое предшествует событию «с», то событие «а» предшествует «с»);

в) для двух событий «а», «б» возможны три варианта соотношений: «а» и «б» — одновременны; «а» предшествует «б», «б» предшествует «а»;

г) временной континуум — плотное множество (аксиома Архимеда): если мгновение «а» предшествует мгновению «б», то между «а» и «б» имеется промежуточное мгновение «с»;

д) временной континуум удовлетворяет постулату Дедекинда.

Данная аксиоматика — основа анизотропии, векторности временных процессов, текущих из прошлого через настоящее в будущее. Идея же циклизма (реставрационности), очевидно, допускает инверсию, противоречит тем самым как интуиции, так и аксиомам временного ряда. Для снятия затруднений уточним: циклизм в своем объемном выражении имеет два прочтения: реализуются обстоятельственные и событийные циклы. Первые, опираясь на объективную ритмику явлений, сводятся к восстановлению натуральных рам событий. Вторые описывают феномены воссоздания самих событий. Таковы загадочные совпадения. Только один пример: 28 июля 1900 г. на встрече итальянского короля Умберто с хозяином ресторана в г.Монза король с изумлением «обнаружил, что этот чело-

209

век является его абсолютным двойником и носит имя Умберто. Мало того, скромный хозяин ресторана родился, как и король, в Турине и в один день с монархом. Супругу хозяина, как и королеву, звали Маргарита, а венчались двойники в один день. И еще: в тот день, когда один Умберто был коронован на престол, второй

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

приобрел ресторан. На следующее утро король Умберто пригласил двойника в свой экипаж, чтобы вместе поехать на спортивный праздник. Но оказалось, что на рассвете тот был застрелен неизвестным грабителем. Через пару часов и сам король Италии Умберто I был застрелен анархистом в городской толпе» (С. Лесков).

Поскольку исключительно сложный вопрос исторических (роковых) совпадений в теории практически не эксплицируется — здесь попросту отсутствуют положительные идеи, не считая гипотезы причинно не связанных параллельных жизненных миров, — в дальнейшем он обсуждаться не будет. Сосредоточим внимание на теме обстоятельственных циклов, обуславливающих чередование неких струй реки истории.

Недостатка в фактуре, удостоверяющей реальность циклов, в науке нет.

Пионерские работы Э. Брикнера, А. Дугласа, Ч. Брукса, О. Петтерсона, А. Л. Чижевского, А. В. Шнитникова, Л. С. Берга, В. И. Вернадского, И. В. Максимова позволили установить многочисленные циклы природных явлений разной продолжительности.

Брикнер обнаружил циклы продолжительностью 30-35 лет. Аналогичные циклы около 33 лет выделял А. Шустер. В 1901 г. А. Дуглас, «исследуя годовые кольца деревьев, обнаружил одиннадцатилетний цикл изменения погодных условий, связанный с одиннадцатилетним циклом солнечной активности».⁵⁴ Впоследствии он выделял следующие вегетативные циклы: от 5 до 6 (половина солнечного цикла), 10-13 (однократный солнечный цикл), 21-24 (двой-

⁵⁴ См.: Никитин А. *Восхождение к человеку // Новый мир. 1980. №5. С.*

208

210

ной солнечный цикл), 32-34 (тройной солнечный цикл), 100-103 (трижды тройной), что соответствует данным современной дендрохронологии и дендроклиматологии.

Достоверно установлены циклы колебания климата, равные 33 годам. Существуют циклы с периодом 18,6 лет повторяемости засух. 18,6 — это величина, когда Луна занимает крайние северное и южное положения относительно земного экватора. Имеются циклы усыхания и восстановления обводненности (колебаний уровня) водоемов, соответствующие 20-45 годам, циклы много- и маловодья, температур воздуха, пульсации атмосферных осадков.

Исследования по международному проекту CLIMAP — анализ стратиграфии донных осадков северной части Тихого океана с использованием методов тефраологии, палеомагнетизма и т. д. — привели к выводу о цикличности природных условий, равной 41000 лет — величина, которая характеризует период изменения наклона земной оси. Другими словами, состояние океанической среды зависит от климатических изменений, а эти последние — от количества солнечной энергии, получаемой поверхностью Земли в зависимости от пространственного положения земной оси.⁵⁵

Е. Френкель свидетельствует о циклах в 200 дней. Тернер говорит о цикле в 266 лет. Клаф выявил 300-летний цикл полярных сияний. Предтеченский на базе палеоклиматологических данных

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

пришел к выводу о наличии цикла в 1 млн лет.

А. Л. Чижевский, используя значительный фактический материал (биология, медицина, история, статистика, астрономия, метеорология), показал, что жизнедеятельность организмов от растения до человека, течение жизни на Земле, здоровье каждой отдельно взятой клетки зависит от состояния Солнца, его активности, выброса частиц, колебания напряженности магнитного поля. У Солнца имеются ритмы от 27 дней (период обращения его вок-

⁵⁵ *Institute of Marine Science Notes. 1984. V. 4. № 2.*

211

руг своей оси) до нескольких сотен тысяч лет: «Каждый из них выполняет свою роль в земной биосфере. Они определяют урожайность земных полей, погоду, осадки, от них зависят вспышки эпидемий, сердечно-сосудистых заболеваний, психических расстройств, они управляют размножением животных, микроорганизмов, миграциями животных и многим другим. Каждое из перечисленных событий связано с определенным ритмом».⁵⁶

На состояние земной жизни оказывают воздействие и другие космические ритмы. Здесь, вслед за Е. В. Максимовым, следует указать на ритмы звездной активности, активности кометно-метеорных потоков, активности планет Солнечной системы, колебаний магнитного поля Земли, литосферы, гидросферы, биосферы и т. д.

Существует масса сопоставлений и статистических корреляций различных показателей с числами Вольфа: от ледовитости районов до распространенности инфекций, изменчивости картины крови и состояния здоровья.

В последнее время всесторонне проанализированы, прослежены гелиобиологические связи: выявлена синхронность изменчивости численности популяций, миграции животных, динамики заболеваний, эпидемий, пандемий, эпифизий, эпизоотий с ритмичной солнечной активности.

Специалисты подразделяют известные ритмы на группы:

1) наиболее кратковременные — связаны с неравномерностью облучения Земли космическими частицами, область их действия — атмосфера; 2) зависящие от колебаний солнечной активности — воздействуют на атмосферу, магнитное поле Земли и живые организмы; 3) самые продолжительные — вызваны неравенством сил тяготения, воздействуют на атмосферу, гидросферу, литосферу, биосферу. В них различают ритмы внутривековые (от 2-7 до 30-40 лет) и вековые (от 160 до 1800-1900 лет) (по данным Е. В. Максимова). Т. Карлстром выделяет ритмы в 40800, 20400, около 3400, 1700, 1 133, 567, 283 года; В. Н. Зубаков - в 370000, 185000, 90000, 40000, 21000, 3700 и

⁵⁶ *Там же.*

212

1850 лет. При этом наибольшей фундаментальностью наделяются ритмы в 3,5 (натуральный ритм), 11, 22-23, 100, 1850, 40700, возможно 500000-600000 и 200000000 лет.

Помимо природных циклов, отчасти объясняющих пертурбации социума (переселение народов, изменение численности населения, динамика уровня жизни вследствие климатических трансформаций

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

— засухи, наводнения, похолодания и т. д., — к этим объективным факторам могут быть привязаны состояния духа народа, пассионарность), обнаружена сугубо общественная ритмика.

Н. Кондратьев выделил специфические К-циклы (45— 60 лет) — длинноволновые колебания, свидетельствующие о последовательном вытеснении доминирующих укладов; на смену одному доминирующему технологическому укладу идет другой, становящийся доминирующим. В чередованиях укладов (ядер саморазвития), обуславливающих рост эффективности воспроизводства общественной жизни, заключается существо экономической макроэволюции. С. Кузнец идентифицировал строительные циклы (колебания в 15—20 лет), соответствующие периодам массового обновления фонда недвижимости. О 20—25-летнем цикле соответствия производительных сил производственным отношениям на материале России речь шла в книге «Философия власти».

В общем случае устойчивые тенденции циклических колебаний объясняются ритмикой «технологических инноваций» (И. Шумпетер), «технико-экономических парадигм» (С. Фримен), «технологических укладов» (С. Глазьев), инициирующих обновления отраслевых структур. Ритмика эта целесообразна; в идеале обновление протекает плавно, образование новых отраслей чередуется с максимальной диффузией нового технологического уклада — без скачков, перепрыгиваний через циклы преобразования отраслевых структур. Именно такой вариант избрала Япония, отказавшаяся от фронтальных и избравшая путь локальных (отдельные фирмы, корпорации) прорывов в экономике. Данная тактика позволила сгладить наслаивание технологических циклов, обеспечивая их наибольшую

213

самоотдачу в естественном завершении, угасании. Ставка делалась на структурную перестройку за счет не только развития авангардных производств, но и обновления традиционных. У нас, к несчастью, пока не так: технологические преобразования в отраслях-лидерах не сопровождаются технологическим обновлением традиционного фонда, что усугубляет его деградацию. «В течение уже трех десятилетий в народном хозяйстве продолжается одновременное воспроизводство трех технологических укладов... Воспроизводящаяся (а не трансформирующаяся. — *В. И.*) технологическая многоукладность хозяйства приводит к возникновению серьезных углубляющихся диспропорций, включая перепроизводство устаревших продуктов при остром дефиците новых, ресурсную утяжеленность экономики, сырьевую ориентацию экспорта и др».⁵⁷

Не претендуя на полноту и суммируя то, что кажется справедливым, отметим следующее.

Нет развития без воспроизведения, нет эволюции без реставрации, нет историзма без циклизма. Глубокий циклизм покоится на знании, что в череде исторических форм сохраняется, чту отсекается.

Прогрессизм как схема неограниченного наращивания благосостояния перед опасностью глобального оскудения,

необходимости самоограничения, контрацепции, перехода на нулевой или даже отрицательный рост выглядит утопически. Финализм как формула реального конца истории, из-за нехватки воображения своих адептов лишаящая человечество шанса достойной жизни, выглядит мистически. Циклизм не в элементарной своей редакции (дискретизация истории) — перспективная поисковая программа: посредством выделения инвариантов (экзистенциальных констант), того неизменного, что воспроизводится в порядке вершения жизни, обеспечивает преемственное развитие, поставляет адекватное изображение подлинного тока истории. Реставрируемыми комплексами деятельности выступают фертильные пласты макроисторичес-

⁵⁷ *Длинные волны. Новосибирск, 1991. С. 165.*

214

ких воспроизводственных контуров. В отвлечении от содержания, противоречий эпох, классовой, конфессиональной картины в социуме имеется продуктивная организация, стимулирующая процесс гарантированной, эффективной жизни.

Гарантированность, эффективность. Ориентация на них предопределяет, предусматривает циклообразные инверсии, реставрации. Взять разделение труда. С разложением родового строя оно осуществлялось по семейному принципу. Упрочение индустриального общества утвердило отраслевой принцип. При переходе к информационному обществу с соответствующими мехатронными технологиями имеется возврат к производству в лоне малых семейных форм — «электронных коттеджей».

Модель инвариантов, по ходу течения жизни пульсирующих ее циклов (быть может, фундированных какими-то генетическими кодами) привносит нестандартные мотивы в звучание тем цели истории, темпов ее изменений. В силу отрешенности прогрессизм не поставляет приемлемых резонансов решения проблемы векторизованности истории: любой без достаточных оснований умозрительно введенный критерий искомым трансформаций может быть оспорен (один увязывает направление истории с покорением природы; другой — со смирением цивилизации). Не то циклизм, толкующий историю в терминах накопления гарантированности и эффективности в эволюционных общечеловеческих циклах. Цель в природе конституирует антропный принцип (рациональная антропоморфная телеология). Цель в истории конституирует жизнестойкость, обеспеченная простором ключевых системообразующих типов активности, ответственных за богатство самоосуществления в персональных и коммунальных отсеках групповой деятельности.

Аналогичное утверждается о темпах исторического становления. Жизнь задана естественной рамой жизни (разделение труда, уровень производительных сил, производственных отношений, способ соединения работников со средствами производства, формы собственности, рас-

215

пределения и перераспределения доходов, рекреация и т. д.) плюс организацией. Естественная рама жизни удовлетворяет правилам циклов. Организация проявляется как корректирующий, упорядочивающий, регулирующий фактор, блокирующий

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

стагнацию, дисфункцию, диспропорцию, деградацию. В идеале организация не подрывает, а оптимизирует динамику естественной рамы жизни. Но это в идеале. В действительности многочисленны сбои, способствующие хаотизации. Нарушение естественных циклов, следовательно, вызвано организацией. Такой поворот заставляет обратиться к термодинамической интерпретации социальной организации (регуляции).

С позиций современной термодинамики, структурные изменения в системах происходят в ситуации максимальной неустойчивости: «Если система структурно устойчива относительно вторжения новых единиц, новый режим функционирования не устанавливается... новые единицы («инноваторы») погибают».⁵⁸ Понимание этого реконструирует природу социальных макросдвигов от промышленных до общественных революций (контрреволюций, инволюций). Оказывается, что сильная неустойчивость, обуславливающая сдвиги, как правило, присуща не всей системе, а локализована в части, обеспечивающей саморазвитие. С позиций нелинейной термодинамики устойчивости стационарного состояния системы могут угрожать только стадии, содержащие автокаталитические петли (где продукт реакции участвует в синтезе самого себя). Такие стадии (на языке политологии — структурные сдвиги общесоциального порядка) индуцируются организацией (управление, регуляция), т. к. именно она ввиду автокаталитичности способна периодически обретать неравновесность, неустойчивость. Мир покоится на упорядочивающей организации, нарушаемой, как ни парадоксально это звучит, самой упорядочивающей организацией.

⁵⁸ Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса. М., 1986. С. 251.*

216

Отсюда мораль: перед лицом амбивалентности организации, которая и упорядочивает, и усиливает хаос (волюнтаристские вмешательства, амбициозное прожектерство, деструктивные катастрофы), приступая к ней, следует представлять, какие вмешательства полезны, какие вредны, какие устраняют, какие плодят катаклизмы. Совсем недопустимо, чтобы организация (реформация, модернизация) вела к ослаблению, подрыву национальной мощи. В чем причина несостоятельности национальных реформ? В радикальных революционных вмешательствах, нарушении естественных исторических изменений со встроенными в них жизненными циклами. В результате необдуманных перетрясок волны циклов, не находя завершения, налагаясь друг на друга, взаимно нейтрализуются, усиливая диспропорции, снижая державную витальность, приближая кризис.

Темпы исторического становления связаны с интерференцией волн циклов в производительных, гражданских, экзистенциальных укладах. Из физики известно, что колебания бывают свободными (протекающими без внешнего воздействия) и вынужденными (наличие меняющейся внешней силы, изменяющей собственную частоту колебаний). Если частота вынуждающей силы близка собственной частоте свободных колебаний, возникает явление резонанса (увеличение амплитуды колебаний систем). В противном случае наложение волн образует интенсивности, ослабляющие

протекание процессов. При необходимости интенсифицировать ток процесса следует достигать резонанса — синхронизации волн периодических колебаний.

Применительно к политике сказанное означает целенаправленное поддержание естественных ритмов явлений без допущения возмущений. Отсюда — следствия прагматического свойства.

1. Порочность революций как социальных технологий. Революции — неорганичные, некогерентные воздействия на социум — нарушают распространение длинных волн (в первую очередь К-циклов):

217

подрываются отношения собственности, прерывается воспроизводство жизни (людские жертвы), отрицаются ценности, устои. 2. Ускорение и торможение развития обуславливают синхронизация и десинхронизация цикловых волн в массовом распространении технологических и социальных укладов. Вслед за И. Валлерстайном подразделим страны мирового сообщества на ассоциации: центр — периферия — полупериферия.⁵⁹ В первую группу входят государства, добывающиеся высокой степени согласованности преобразований структурных компонентов обновляемой жизни. Вторую группу образуют государства, разбалансирующие основные жизненные циклы в обновлении фондов. Третья группа — государства с достаточной жизнестойкостью, отстающие, однако, от стран первой группы по скорости инноваций, использованию системных эволюционных эффектов. Полупериферия может перемещаться как в сторону центра, так и периферии.

Обобщенным показателем периферии является монопрофильность, сырьевой, экстенсивный, колониальный тип производства, ресурсозатратность технологий, узкий внутренний рынок, низкая покупательная способность населения, высокий удельный вес ручного труда, трудоемкая структура создания материальных благ. Страны периферии — аутсайдеры, стенобионты. Интегральными признаками центра оказываются индустриализм, высокая энерговооруженность хозяйства, широкий внутренний рынок, высокая покупательная способность населения, ресурсосберегающие технологии, высокие темпы обновления отраслевой структуры производства, низкий удельный вес ручного труда, капиталоемкость деятельности. Страны центра — лидеры, эврибионты. Коренное отличие стран-эврибионтов от стран-стенобионтов — повы-

⁵⁹ *Wallerstein Y. The Capitalist World-economy. P. 1979.*

218

шенная державная витальность как результат гибкости фертильных пластов воспроизводственного контура, наличия резервных мощностей, оперативно адаптирующих производство к новым реалиям, достигающих снятия дисфункций, выправления диспропорций.

Особенностью полупериферий выступает сочетание страновых признаков государств-центров и государств-периферий. В случае России, подпадающей под статус полупериферии, желательная страновая динамика в сторону центра детерминирована: плавным

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

обновлением отраслевой структуры с переходом на ресурсосберегающие технологии; диверсификацией, монополизацией, демилитаризацией собственности; индустриализацией легкой и пищевой промышленности; прорывом в машиностроении, способном удовлетворить потребности в обновлении базы иных отраслей; протекционизмом относительно отечественного сельского хозяйства; интенсификацией товарообмена с селом. Относительно последнего (сельского хозяйства) выскажемся пространнее. Собственных внутрипромышленных накоплений на проведение модернизации у России нет; эфемерна и надежда на западные кредиты. Единственное, что остается в качестве источника средств структурной перестройки — мощная фронтальная поддержка села: в отлаживании его деятельности корень нашего долгожданного возвышения. Перспектива оживления сельскохозяйственного производства протупает по азимуту откровенного протекционизма. На опыте Японии, которая поддерживала внутренние закупочные цены на рис на порядок выше мировых, ясно, что без реанимации сельского хозяйства, в итоге ответственного за покупательную способность населения, товарообмен, нельзя вступить в циклическое развитие, обеспечивающее переход в группу стран-лидеров.

2.4.3 Структурность

Материя не хаотична; она имеет разветвленную сложную организацию. Предельное понятие подобной организации как системного строя материального целого и передает понятие структурности материи.

219

Материя «вообще» — высочайшего порядка абстракция. В действительности материя представлена естественной иерархией, компонентами, фрагментами которой выступают качественно не сводимые друг к другу системные уровни. С позиций современности богатство материальных форм и проявлений исчерпывают ареалы микро-, макро-, мегамира, находящиеся между собой в причинной зависимости. Последовательная иерархия материальных систем выражается следующей картиной уровней организации.

УРОВНИ ОРГАНИЗАЦИИ МАТЕРИИ

П Р И Р О Д А		
Неорганическая природа	Органическая природа	Социальная природа
субатомный атомный молекулярный макротелесный планетарный планетно- системный галактический метегалакти- ческий	доклеточный клеточный многоклеточный организменный популяционный видовой биоцено- тический биогеоцено- тический	социум

Есть сферы мысли, где крайне мало позитивных идей. К ним с полным основанием правильно отнести сферу «гонии» (сущностная проработка генезиса чего-либо). В отличие от «логии» (сущностная проработка природы чего-либо) здесь наблюдается дефицит представлений. В предельном смысле у нас нет удовлетворительной «гонии» по причине теоретической разъединенности космогонии, антропогонии, социогонии. Перспектива оформления удов-

220
летворительной «гонии», таким образом, высвечивается на пути Великого объединения этих отсеков познания.

Задачу интеграции физического, психического, социального решает глобальный эволюционизм, проясняющий, как возникает и протекает упорядоченное, направленное развитие. Центральное место отводится следующим фундаментальным разделам знания:

1. Физика вакуума — уточняет вопрос происхождения реальности «из ничего». Соответствующую догадку на этот счет высказал Платон. Его прозрение усилил Больцман, выдвинувший гипотезу упорядочения вещества через систему случайных возмущений. (Надо сказать, что наследие Больцмана весьма плохо освоено, в чем следует видеть отрицательную роль питавшего неприязнь к нему Пуанкаре.) Следующий шаг сделал Джинс, связавший больцмановские случайные возмущения с гравитационными силами. Из этой концептуальной основы расцвела квантовая геометродинамика, с успехами которой и связаны наши ожидания. Квантовая геометродинамика призвана эксплицировать, содержательно поглотить множество интригующих мест современной науки типа картановой проблемы; проблемы квантования пространства (ввиду физической неоправданности аксиомы Архимеда); континуум-проблемы (независимость континуум-гипотезы по аналогии с независимостью пятого евклидовского постулата свидетельствует о возможности иных миров, не описываемых аппаратом аксиоматической теории множеств), проблемы фундаментальности пространственно-временных параметров, что ставится под сомнение в скалярно-тензорной теории Бранса — Дикке.

2. Обобщенная теория вектора. Развитие направленно. Феноменологически оно выражается:

а) фактом барионной асимметрии (преобладание частиц над античастицами во Вселенной);

221

б) фактом киральной чистоты живого (нарушение симметрии правого и левого в органическом мире);

в) законом Долло (необратимость органической эволюции).

Между тем, каковы причины этого на уровне не феноменологии, а процесса, пока неясно. Дополнительные возможности открывает реабилитация программы номогенеза, принимающая схему подспудных законов направленных изменений. Она, как представляется, способна прояснить ряд острых вопросов, связанных со статусом фундаментальных физических констант, антропного принципа, снять проблему запрограммированности (остающейся тайной за семью печатями для классической эволюционной теории) нашего развития.

3. Психофизика — преодоление психофизического параллелизма, выработка адекватных описаний паранормальной психреальности, от которой нельзя отмахнуться. Нерв проблемы в том, что наука отменяет допущение бессубстратного психического. Психическое имеет привязку к соматической (нуклеотидные структуры) и социальной (общение, язык, действие) подкладке. Иные предположения — астральное, архетипическое психическое за гранью научного дискурса. Обнадёживают искания в направлении развития:

а) нестандартной теории физического взаимодействия с гипотезой опережающих волн;

б) модели параллельных причинно не связанных миров, контакт которых во флуктуациях объясняет явления исторического, личностного двойничества;

в) теории полей типа спин-торсионного, информационно-семантического.

Возможный многообещающий синтез данных разделов позволит обосновать новый образ науки — науки не средства, а цели, в полной мере антропоцентричного телеологического знания.

222

2.4.4 Отражение

Отражение — фундаментальная способность материальных систем к запечатлению, воспроизведению, накоплению результатов воздействий и взаимодействий. С физической точки зрения осуществимо в границах времениподобного интервала при условии, что расстояния между объектами отвечают неравенству: $dl^2 \leq c^2 dt^2$.

В неорганической природе отражение реализуется посредством специфических эффектов — таких, как механическая деформация, изменение температурного, электромагнитного режима, интенсивности химических процессов.

В органической природе возникает характерное свойство — раздражимость, проявляемое в виде типических реакций, к которым относятся:

а) тропизмы — направленные ростовые движения под односторонним влиянием раздражителя — света (фототропизм), тяготения (геотропизм), химических реактивов (хемотропизм),

твердого тела (гаптотропизм);

б) таксисы — двигательные реакции частей клетки, самой клетки, низших растений, животных под односторонним воздействием раздражителей — фототаксис, гидротаксис, хемотаксис, электротаксис.

На этой базе культивируется способность возбуждения, избирательных ответных реакций на допсихической фазе, отвечающая за регуляцию приспособительного поведения.

На высшей психической фазе появляется новое качество — отображать явления объективного мира, переводя их во внутренний план через интериоризацию. К формам психического отражения относятся чувственность, сознание, бессознательное. В последнее время активно обсуждается проблема астрального психического (паранормальная псиреальность, проявляемая в экстрасенсорных возможностях). Относительно последнего ограничимся высказыванием такой мысли. Феномены паранормального психического (реинкарнация, телепортация, левитация и

223

т. д.) при серьезном к ним отношении заслуживают тщательного естественнонаучного изучения, вне которого философия не имеет ни прерогатив, ни полномочий для вынесения квалифицирующего суждения. Отсюда решение вопроса расширения наличных трактовок психического, включения понятий псиреальности в картину мира, ревизии принятых представлений всецело принадлежит будущему.

ЧУВСТВЕННОСТЬ. Синкретичная сфера различно и разнородно переживаемых отношений человека к фактам действительности. Обеспечивающие эмоции соматические процессы (гипоталамус, центральная часть лимбической системы) биологически целесообразны, повышают адаптацию организма, его способность к деятельности в складывающихся условиях. Эмоциональная сфера:

— индивидуальна — персонально выражена;

— имеет двойную обусловленность — формируется на стыке объективных потребностей личности и их субъективных отображений;

— интегральна — охватывает, настраивает организм в целом;

— исторична, этнична — подвержена социальной, племенной динамике;

— функциональна — филогенетически нацелена на адаптивные, мобилизующие роли (отражение, стимуляция, переключение, коммуникация и т. д.).

Физиологическим субстратом чувственности является кора больших полушарий. Гносеологическим остовом чувственности оказываются ощущение, восприятие, представление.

Ощущение — способность производить отдельные образы специфических групп раздражителей. Отличительной чертой ощущения выступает недифференцированность, неотчлененность от предметной ситуации. Непосредственный контакт с предметной средой составляет стержень сенсорно-перцептивного уровня психического отражения. Ощущение — основной поставщик информации о

224

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

действительности; всякое нарушение, осложнение его действия влечет задержку, деформацию психического развития (необходимость воспитательной, образовательной компенсации естественных дефектов для слепых, глухих и т. д.). Ощущение, возникающее как естественная реакция нервной ткани на внешние возбуждения, рефлекторно. Его соматическим механизмом является деятельность анализаторов, включающих: периферические отделы (рецепторы); афферентные нервы (проводники возбуждений); корковые отделы (переработка нервных импульсов). Ощущения различаются по качеству, интенсивности (количественный показатель), длительности (временной параметр), пространственной локализации (контактность).

Восприятие — способность производить целостный образ воздействующего предмета при непосредственном контакте с ним. Восприятие синтетично, сложно, но не сложено (суммативно), формируется посредством выделения основного, ведущего с отвлечением от второстепенного. Диахронно дело выглядит так, что обособление неких групп признаков сопровождается включением их в наличный запас знаний (информации). При достижении общности одного другому устанавливается содержательная корреляция, вызывающая эффект предметной идентификации. В противном случае рас познания-узнавания предмета (ввиду атрофии символической идентификации, категоризации) не производится. Сказанное убеждает: сфера чувственности как ареал духовности выделима весьма условно. Духовная реальность синкретична — чувственность встроена в сознание и бессознание, как и они в нее, и без них невозможна. В самых элементарных, массовидных операциях на стадии чувственности проявляются высшие аналитико-синтетические фигуры деятельности, предполагающие развертывание категориального комбинирования, сопоставления, уподобления, рационализации, номинации и т. д. Основные параметры восприятия — предметность (акты объективации), структурность (внутренняя организованность), константность (устойчивость фиксируемых признаков), апперцептивность (категориально-

225
символическая нагруженность). Подобно ощущению восприятие рефлекторно. Его физиологическую подкладку составляют условные рефлексы — возникающие в коре больших полушарий головного мозга от действий на рецепторы явлений действительности нервные связи.

Представление — способность воспроизводить характеристики предметной среды вне непосредственного контакта с ней. В отличие от восприятия представлению присуще отсутствие жесткой сцепки с предметной ситуацией; меньшая степень ясности, отчетливости. Питательной почвой представления оказывается продуктивное воображение и память. Первая производит, вторая воспроизводит образы, стимулируя их конструктивное сочетание по законам ассоциации, агглютинации, гиперболизации, схематизации, типизации и др. Как и иные психические процессы, представление (наряду с воображением и памятью) есть функция коры больших полушарий; его физиологическим базисом выступает актуализация,

группирование нервных связей, их распад, перегруппирование. В результате возникают образы, связанные с опытом, но и отстраненные от него.

СОЗНАНИЕ. Рефлекторный процесс, функция, а не свойство мозга. Соответственно мозг — не источник, а орган сознания. Сознание — субъективный образ объективного мира, обусловлено воздействием на человека компонентов предметной среды, преобразуемых в идеальную модельно-аналоговую форму. Стержень сознания — целеполагание, построение предвосхищающих (антиципирующих) провизорных схем, экстраполяций, организующих поведение. Физиологической основой работы сознания является формирование в коре некоего очага оптимального возбуждения, обуславливающего торможение в прилегающих к нему участках (принцип отрицательной индукции).

Сознание — самодостаточно, не сводимо в своих проявлениях ни к физическому, ни к физиологическому субстрату. Физическая основа сознания — наличие нуклепротеидных структур; физиологическая его основа — кор-

226

текс, — оказываются необходимыми, но не достаточными условиями возможности сознания. Достаточная предпосылка сознания — социальная среда со столь животворными гуманитарными эффектами, как коммуникация, кооперация, интроекция, ответственными за выработку специфической духовно-ценностной идеальной формации, выступающей подлинной стихией сознания.

Тайна происхождения сознания есть тайна происхождения человека, которая ввиду отсутствия строгой теории антропогенеза до конца не разгадана.

Проблема становления *Homo sapiens* — вопрос вопросов. Сложность его в комплексности. Сознание невозможно без социальности, труда, языка. Но и они, в свою очередь, невозможны без сознания. Одного не может быть без другого, — в понимании этого ключ к решению проблемы. Отсюда сознание, социальность, язык, труд возникают и должны воспроизводиться не поэтапно (как полагают некоторые), а вместе. Размотать взаимосвязи этой «большой четверки» возможно лишь при явном совмещении реконструкции развития человека и как общественного существа, и как биологического вида. Другими словами, через сращение антропологического, трансцендентального, социального. Становление *Homo sapiens* — системный процесс, взаимоиндуцирующий биологические, мыслительные и общественные изменения. Человек — существо коллективное, действует на кооперативной основе (межиндивидуальная интеракция, коммуникация). Между тем упрочение коллективности (феномен социальный) оказывается невозможным без столь капитальных антропологических трансформаций, как переход к прямохождению, высвобождение верхних конечностей, обеспечивающих усиление предметно-манипуляционной деятельности, создание орудий и подготовивших в дальнейшем распад присваивающего и налаживание производящего хозяйства. Человек — существо мыслящее. Однако кристаллизация его мыслительных способностей

не представима безотносительно к оформлению универсального знаково-информационного коммуникативного средства — языка, в осно-

227

ве возникновения которого лежат опять-таки биологические механизмы перенесения актов артикуляции из гортани в полость рта — появление языковой мускулатуры (эпоха формирования подсемейства гоминид). Человек — существо знаково-символическое. Но ближайшим условием существования и реализации знаково-символических возможностей человека является речь. В формировании же аппарата речи, восприятия языка прослеживается связь этих высших психических функций с определенными складывающимися в раннем возрасте и затем не образующимися церебральными структурами. У детей, возвращенных животными (в основном, волками) или в одиночестве, наблюдаются характерные девиации (особенности локомоции, затрудненность восприятия чужой и примитивность собственной речи, повышенная острота рецепции и др.), откуда следует наличие в детстве некоего рубежа, переход которого не позволяет в полной мере овладеть как подлинной речью, так и суммой нормальных сенсорных реакций. Последнее подчеркивает роль социальности в онтогенезе: для формирования полноценного человеческого существа, обладающего речью и способного к восприятию языка, необходимы социальные связи: изъятие из них индивида равносильно закрытию для него перспектив стать человеком.

Таким образом, антропологическое, трансцендентальное, социальное включаются друг в друга, взаимотрансформируются, взаимообразуются. Выверенная рефлексивная позиция относительно этого, собственно, и дает адекватную трактовку антропогенетического процесса.

Наш центральный вопрос — естественно-историческое формирование в древности разумно мыслящего, солидарно действующего человека. Необходимым предпосылочным основанием анализа является идея косубстанциальности элементов большой четверки: труд, социальность, язык, сознание не выводятся друг из друга — они равноценны, равновелики, становятся вместе через процесс непрерывного упорядочения, прогрессивного усложнения некоего элементарного целого. Адекватная антропологи-

228

ческая теория, следовательно, по-нашему, возможна лишь как теория биологического, социального и гуманитарного одновременно, в чем и коренится колоссальная техническая сложность ее исполнения.

Отправную точку антропогенетических рассматриваний в виде мысли о стадийном обособлении человека в отряде приматов наметили Фогт и Гексли, а затем подхватил Дарвин. Камнем преткновения эволюционной теории, однако, выступила проблема механизма преобразования инстинктивно-рефлексного поведения животных в социально-сознательное действие человека. Между одним и другим — пропасть. Попытка перескочить ее связующим понятием-медиатором «орудийная деятельность животных» успехом не увенчалась. Суть в том, что понятие это сугубо

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

метафорическое. Полноценная орудийная деятельность наблюдается на стадии гоминид, предполагает наличие целесообразного, результативного, кооперативного труда, чуждого животному царству. Спорадическое применение предметов как орудий, оптимизирующих возможности естественных органов, у животных не удастся вполне расценить как собственно орудийную (трудовую) активность.⁶⁰

1) действия животных рефлексны, инстинктивны, изначально запрограммированы, не лабильны; 2) у животных проявляется специфическая морфологическая закреплённость рабочих операций, сдерживающая их поступательное развитие; 3) имеется жесткая специализация (наследственная, эволюционная) особей на выполнение тех или других функций при их разделении; 4) использование животными фрагментов мира как орудий не регулярно, случайно.

Ничего подобного в реальном трудовом процессе не сказывается. На данный момент вполне добротное положение, что зачатки орудийной деятельности, а вместе и наряду с ними начала социальности, отмечаются фазой презинджантропа (около 2 млн. лет назад).

⁶⁰ *Здесь и далее в этом вопросе мы опираемся на идеи В. П. Алексева.*

229

Каков уровень сознательно-социальной оснащённости архаичной стадии?

Невзирая на отдельные прорывы к ясному, тем не менее, правильно признать: на вопрос — является ли мышление древних гоминидов животным-рассудочным или чело-веко-разумным, точного ответа (пока!) не существует. С должной мерой уверенности удастся констатировать лишь некие выраженные особенности архаичной ментальности, к коим относятся: конкретность, ситуативность, диффузность, аморфность понятий, их неизбежное прорастание друг в друга (причина — организация психического по принципу проб и ошибок, препятствующая налаживанию сцепки первых слов, выражающих эмоциональные состояния, с возникающими понятиями), ассоциативность.

Относительно социальности ограничимся фиксацией двух объяснительных формул природы кооперации индивидов. Одна упирает на индивидуализацию сильных, выводя иерархию из эгоистического начала, соперничества, фактора страха. Другая выделяет прямо противоположное альтруистическое начало, связывая субординацию с системой сотрудничества, взаимопомощи, взаимоподдержки в коллективе. Полагаем, что проработка проблемы не стимулируется решением альтернативным при желании опираться на твердую почву фактов. В групповой жизни рельефно проступают черты как эгоизма, так и альтруизма. Имеются крайне сильные эгоистические инстинкты самосохранения индивида (синдром Нарцисса), прорежения популяции (синдром Сатурна — самоистребление при популяционной перегрузке), но существуют и не менее сильные альтруистические инстинкты сохранения генома, потомства, соплеменников (коллективно санкционируемые формы забот при двуполом общении о половых партнерах, детях, друг друге). Коль скоро это так, контур

социальности в виде самой структуры иерархии в сообществе прямолинейно не выводится ни из эгоизма, ни из альтруизма. Становление социальности, на наш взгляд, связывается с логикой обособления функций в групповом оптимально (рационально) взаимодействующем целом.

230

Базовый концепт, с которым нам предстоит работать, суть «общность». Человеческая общность — доподлинно фундаментальное, первоисточное, дальше чего в изучении коллективной природы Homo sapiens идти невозможно. Общно-общинное исчерпывает, видоопределяет и видоопределяет человека. Человек — существо общно-общинное, коллективное, общающееся. Вне стихии общно-общинного человека нет, она для него — естественное состояние. Человек порожден средой сознательного межиндивидуального взаимодействия в общно-общинном воспроизводственном контексте деятельностного обмена. «Если бы люди никогда не стали жить общественной жизнью, — говорит Д. Грей, — то их положения едва ли чем-либо отличались от положения других живых существ. Все их занятие состояло бы в том, чтобы удовлетворять элементарные... потребности. И так как каждый индивид мог бы иметь лишь то, что он приобрел благодаря своему собственному трудолюбию, то он был бы лишь чрезвычайно скудно снабжен даже тем, что безусловно необходимо для жизни. Скопление людей само по себе во всяком случае ничем не способствовало бы улучшению их положения. Но склонность к взаимному обмену трудом, свойственная только человеку, является первоначальной причиной, дающей ему возможность столь неизмеримо превзойти неразумные создания».⁶¹

Общно-общинный способ существования архаичного предка человека обусловил складывание надындивидуального механизма переработки и хранения коллективного опыта, являющегося достоянием всех и устойчивого относительно перипетий судьбы каждого. Главное, гибель индивида перестала влечь гибель плодов его усилий. Исходная синкретичность самоутверждения расслоилась на собственно активность и наследие. Наследие, приобретая относительно автономное существование, стало жить самостоятельной, отчужденной от его создателя («автора») жизнью. Оно на-

⁶¹ Грей Д. Сочинения. М., 1955. С. 20.

231

капливается, закрепляется, умножается, передается. Социальность, следовательно, стоит у истоков совершенно особого модуса бытия — коллективно производимой духовно-поведенческой формации, обуславливающей форму взаимообработки особями друг друга.

К последнему приурочен вполне конкретный потенциал сознательности — способность на основе групповых понятий (в том числе самых элементарных) строить антиципирующие схемы потребного будущего. Эти схемы непосредственно обслуживают воспроизводственный процесс, распадающийся на материальное, кровнородственное и духовное воспроизводство. Материально-производственный процесс — хозяйственное жизнеобеспечение, кровнородственный процесс — демографическое

жизнеобеспечение; духовный процесс — идеально-ценностная канва, культово-символическое, регламентарное жизнеобеспечение.

Весь строй взаимодействий в группе поддерживается универсальным средством межличностной коммуникации — языком, материальное проявление которого — физико-физиологический процесс вокации — речь складывается в эпоху подсемейства гоминид (питекантропы, неандертальцы). В динамике этого процесса, обходя трудности установления фактуры и ее интерпретации, выделяются этапы: а) питекантропы, использующие щелкающие, носовые звуки, употребляющие слова-обозначения предметов, склонные к диалогической речи; б) неандертальцы, владеющие современной артикуляцией, применяющие телеграфный стиль общения, развивающие способность к монологической речи; в) современные люди, полностью владеющие структурными категориями языка при поставленной, непременно расширяемой лексике.

Поскольку в формировании аппарата речи значительна роль, с одной стороны, общно-общинных отношений, а, с другой стороны, физиологических подвижек, — а все это в свою очередь влияет на психическую составляющую эволюционной продвинутой, — постольку основательно утверждать: развитие психики автономно до известных

232

пределов. В особенности на ранних фазах антропогенеза существует параллелизм морфофизиологического и психического развития. Желаемая детализация данных явлений ресурсами гуманитарного инструментария более невозможна — она составляет предмет забот, компетенции антропологов. Для наших сугубо гуманитарных интересов, отвлекаясь от физико-физиологической подкладки событий, довольно подчеркнуть резонансный характер эволюционных взаимодействий. С развитием языка сцеплен некий уровень сознания, которому соответствует некий уровень общения, общности, детерминирующей воспроизводственное жизнеобеспечение. Прогрессивно изменяясь в коллективе, одно взаимоусиливает рост другого. В этом суть дела. Подробности — прерогатива антропогенетических рассуждений, которые, как отмечалось, в своей предельности снимаются глобальным эволюционизмом, синтезирующим рефлексию фрагментов неорганической (космогония), органической (антропогония), социальной (социогония) эволюции.

Сознание, речь, язык. Сознание невозможно без языка как универсальной знаково-информационной системы, посредством символизации и кодификации актуализирующей его деятельность. Характер языкового опосредования сознания многообразен, проявляется в диапазоне от вербальных до невербальных, в том числе жестовых средств (пантомимика аборигенов обслуживает передачу не только чувств, но и предметов; в той же Новой Гвинее известны танцы «пишущей машинки», «автопогрузчика» и т. д.). Большой вопрос, насколько жестко сознание связано с речью. Генетически дело выглядит так, что архаичный синкретический существование не позволял дифференцировать концептуальные, символические и коммуникационные процессы: сознание, язык,

речь пребывали в единстве, развитие одного было вместе с тем развитием иного. Гипотеза Н. Я. Марра о наличии довербальной стадии в антропогенезе представляется умозрительной; никакого фактического подтверждения не имеет. В настоящий момент экспериментально доказано наличие реакции плода на

233

звук прежде всего родной речи (что предопределяет помимо прочего необходимость погружения беременных в комфортную звуковую среду пребывания), как бы предуготовливающей соответствующее развитие сознания. Структурно-функционально (при сложившемся интеллекте) между сознательным (концептуально-семантическим) и вербальным разрыв, зазор возможен. В таком случае указывают на феномены невербальной мысли, которая «не нашла» слова, «не пошла» в него (Проблема, обостренная Витгенштейном: «Говорят о нахождении верных слов для выражения мысли. Но где же была тогда мысль до этой находки?» — надо признать, не снята), и практической мысли (решение конкретных задач, обрамляемое элементами изучаемой паралингвистикой эмоциональной речи).

При обсуждении вопроса взаимосвязи сознания и речи следует отдавать отчет, что речь и мысль не тождественны. «Мыслить» не означает «говорить», «говорить» не означает «мыслить». (Иное ведет в тупик вульгаризации, допускаемой Уотсоном).

«Мысль и слово, — подчеркивает Л. С. Выготский, — оказываются с самого начала вовсе не склеенными по одному образцу. В известном смысле можно сказать, что между ними существует скорее противоречие, чем согласованность. Речь по своему строению не представляет собой простого зеркального отражения строения мысли. Поэтому она не может надеваться на мысль, как готовое платье... Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется».⁶²

Мысль, погруженная в царство значений, смыслов, имеющая специфическую содержательную структуру, передается речью, трансформирующей мысль в слово. Мысль, следовательно, не совпадает со словом, но лишь завершается в нем. Существует ли вполне оформленная невербализованная мысль? Достоверно пока не ясно. Как неясно, насколько состоятельна инспирирующая гипотеза Н. И. Жинкина о

⁶² *Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1996. С. 307–308.*

234

невербальном языке интеллекта, фундируемом универсально-предметным кодом. Ясно только присутствие доинтеллектуальной стадии в речи и доречевой стадии в интеллекте (подробнее об этом — См.: 6.4).

Следующий интригующий сюжет — содержательная характерологичность (не решаемся сказать «этничность») сознания, индуцируемая использованием конкретного языка. Скорее всего, ошибался С. А. Есенин, утверждая: «Представление о воздушном мире не может обойтись без средств земной обстановки. Земля одинакова кругом; то, что видит перс, то видит и чукот, поэтому грамота одинакова, и читать ее и писать по ней, избегая тождественности, невозможно почти совсем».⁶³ В силу того, что «грамота» «не одинакова», «читают», «пишут», «понимают» мир

люди «не тождественно». В нашем языке семь автономных категорий, производящих подразделение электромагнитного спектра. В диалекте «Басса» аборигенов Либерии — лишь две соответственных категории. Воспринимая действительность, категоризуя, понятийно членя ее, аборигены называют два цвета. Зрение — «агрегат умозаключений», — указывает М. Пруст. Действительность славянина богаче действительности либерийского аборигена, ибо витиеватей, репрезентативней язык, кодифицирующий, символизирующий дополнительные пласты действительности. В некотором вполне очевидном отношении мир полнокровнее для человека, обладающего большим лексическим потенциалом (запасом языка). Идею связи языка с миропониманием языкового коллектива фиксирует акцентирующая статус языка как инструмента объективации гипотеза лингвистической относительности. Предысторией ее служат мысли В. Гумбольдта, разработавшего доктрину внутренней формы языка как выражения индивидуального мирозерцания народа, равно как соображения Э. Дюркгейма и М. Гране о передаче категориальным строем языка условий социального бытия народов.

⁶³ *Есенин С.А. Собр. соч. Т.5. М., 1962. С. 38.*

235

Гипотеза лингвистической относительности ставит в зависимость существо категориальных сечений реальности от типа языковой культуры. Как писал Е. Сепир, «реальный мир» «в значительной мере бессознательно выстроен согласно языковым привычкам определенной группы. Не существует двух таких достаточно сходных языков, о которых можно было бы сказать, что они представляют совершенно идентичную социальную группу».⁶⁴

Характер отношений, передаваемый гипотезой лингвистической относительности, вполне реален. Языковые каркасы, навешиваемые ими гипотезы существования детерминируют качество объективации мира. Язык эскимосов, располагающий различающими до десятка оттенков белизны фигурами, предопределяет комплексную поведенческую жизнеориентацию, отличающую ее (по параметрам от ментальных до бытовых) от жизнеориентаций носителей иных языковых каркасов. На основе и в створе этого произрастает капитальная проблема понимания. Ввиду отсутствия универсальных естественных предметных кодов восприятия мира сознание носителей конкретных языков семантически дифференцировано, что порождает содержательные разрывы, разломы между трактовками, толкованиями явлений у представителей разных языковых общностей от этнических до культурных. Мир таков, как его формирует для восприятия язык, отсюда достижение понимания — переживания другого как своей возможности — предполагает выработку общезначимых адекватных средств трансляции с языка на язык. Концептуальным рычагом в этом деле выступает аппарат математизации, формализации, научной строгой категоризации; политическим средством здесь оказывается толерантность, консенсуальность; обиходным ресурсом служат радушие, отзывчивость, откровенность, человеческая открытость. Препятствием в преодолении барьеров между языково ориентированными типами

сознаний является формальная невозможность полного устранения из них элементов уникальности, со-

⁶⁴ *LANGUAGE 1929. V. 5. P. 209.*

236

ставляющая пафос ограничительного регулятива Куайна о нереализуемости радикального перевода с языка на язык.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ. Синергетическая принадлежащая внерефлективной сфере субсенсорная форма психического. Имеет два типа проявления: сверхсознание и подсознание.

Сверхсознание. Располагающийся за порогом сознательно-волевого контроля уровень психической активности человека, объемлющий феномены поисковой интуиции, творческого вдохновения, связанных с продуктивной созидательной деятельностью.

Как возникает новое в знании? При ответе на вопрос обычно апеллируют к интуиции, которая расценивается как основной генератор нового. Оснований для подобной позиции предостаточно. В самом деле, деятельность ученого в значительной мере запрограммирована. Она запрограммирована всевозможными предписаниями, императивами, регламентациями, рекомендациями, схемами типовых принципов анализа, исследовательскими программами, эвристическими инструкциями, нормами, эталонами и т. д.

Весь этот арсенал определяет и задает общезначимый «нормальный» типовой концептуальный, методический и методологический ритм научной деятельности. Совершенно ясно, что в его рамках создается и продуцируется, так сказать, «заранее» запланированное новое. Ничего принципиально нового создано и продуцировано здесь быть не может. Отсюда обоснованность апелляций к недискурсивным «иррациональным» пластам, которые призваны решить проблему возникновения принципиально нового. Поскольку дальше общих ссылок на интуицию в решении вопроса источника новых идей в науке зачастую не шли, а задача логической реконструкции интуитивных актов (может быть, в силу своей самопротиворечивости) решена не была, проблема возникновения нового знания во многом оставалась неэксплицированной.

Для продвижения в решении проблемы поставим вопрос: что такое интуиция как источник нового?

237

В основе интуитивной деятельности всегда — дефицит информации для возможности дискурсивно-логической обработки и проработки знания.

Определяющий интуитивные акты психический мутагенез, будучи ответствен за порождение нового, осуществляется путем рекомбинации следов полученных извне впечатлений, не контролируясь «сознанным волевым усилием: на суд сознания подаются только результаты... деятельности».⁶⁵

Лежащая в фундаменте открытия интуиция отнюдь не случайная, сверхъестественная или непостижимая мутация мысли. Во-первых, само «сверхсознание производит первичный отбор возникающих рекомбинаций и предъявляет сознанию только те из них, которым присуща известная вероятность их соответствия

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

реальной действительности».⁶⁶ Иначе говоря, имеющие интуитивную генеалогию идеи в самом строгом смысле слова «безумные», но не «сумасшедшие». Во-вторых, деятельность сверхсознания изначально «канализирована качеством доминирующей потребности и объемом ранее накопленных знаний».⁶⁷ Следовательно, «час» открытия должен «пробить», новые идеи должны «носиться», «витать» в воздухе.

Общеметодологические идеи о неслучайности открытий — в силу «запрограммированности» психического мутагенеза, наличия целенаправляющих доминант в виде потребностей элиминации «горящих точек», детерминированности сверхсознания наличным запасом знаний и практической опыта — конкретизируются такими моделями. Одна из них интерпретирует открытие как поризм: непредвиденный, незапланированный, не являющийся непосредственной целью исследования, а потому неожиданный для исследователя результат, полученный как промежуточное следствие при решении научной задачи. Таков,

⁶⁵ *Симонов П. В. Неосознаваемое психическое: подсознание и сверхсознание // Природа. 1983. № 3. С. 26.*

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 28

238

например, факт открытия в математике мнимых чисел, которые, как указывает Ф. Клейн, снова и снова появлялись при вычислениях помимо и даже против воли того или другого математика, и лишь постепенно, по мере того, как обнаружилась польза от их употребления, они получали все более и более широкое распространение.

Идея поризма эвристична. Она позволяет отвергнуть малопримлемый взгляд, по которому открытие — нелогичный, иррациональный акт — следствие дискурсивно непостижимого, необъяснимого наития. Действительно, «обычно рассуждают примерно так: если бы научное открытие было логическим следствием имеющегося знания, оно было бы предсказуемо и тем самым оно не смогло бы быть неожиданным. Но так как научное открытие непредсказуемо и неожиданно, то оно нелогично».⁶⁸ Поризм опровергает подобные рассуждения: «непредвиденность» и «неожиданность» как результат неформализуемости творческой деятельности уже не могут служить аргументом в пользу нелогичности или иррациональности; «отпадают и аргументы, направленные против «логичности» научных открытий».⁶⁹

Другая модель уточняет детали механизма рекомбинации нового из наличного знания, всего актуального опыта. Для разрешения проблемы в качестве первого шага следует противопоставить две вещи: науку и ее непосредственного творца — ученого. Необходимо исходить из того, что иногда ученый действует не так, как предписывает наука (научное сообщество). Поскольку научное мышление стандартизировано, подчинено жестким программ-образцам, что в значительной мере закрепощает деятельность научного работника, постольку отступление ученого от программ-образцов уже с чисто формальной стороны представляет предпосылку возникновения нового. С содержательной точки зрения объяснение феномена появления нового при-

⁶⁸ Грязное Б. С. *Логика. Рациональность. Творчество. М., 1982. С. 114.*

⁶⁹ Там же.

239

ходит с сознанием того, что реально ученый работает не в одной, а в нескольких исследовательских программах (в силу своей общеобразовательной, профессиональной и т. д. полифункциональности), точки пересечения которых представляют пункты кристаллизации нового. Так, развенчание теории самозарождения Л. Пастером, оказавшее заметное воздействие на прогресс биологической науки, было возможным в силу его физической подготовки, позволившей ему проводить более тщательную стерилизацию посуды для испытуемых растворов, и т. д.

Таким образом, источник нового в науке согласно данной модели в том, что ученый использует в некоторой исследовательской области такие программы и принципы анализа, которые не утверждены в ней как стандартные; более конкретно — этот источник усматривается в гибридизации исследовательских программ.⁷⁰

Подсознание. Совокупность произвольных, безотчетных, неанализируемых установок, регуляторов поведенческих актов, стереотипов, влечений, побуждений, навязчивых состояний (обсессии, ананказмы), автоматических реакций, уподоблений, эмоциональных заражений, экзальтаций, сопричастий, эффектов подражания, подпороговых восприятий и т. д.

Пробегая проблемные пласты, связанные с традициями рефлексии феномена подсознания, оценим популярную ныне концепцию архетипов.

Представители Вюрцбургской школы выявили, что мышление как избирательный интенциональный процесс не может быть ни выведено, ни сведено ни к законам логики, ни к законам образования ассоциаций. Будучи совмещено с античной идеей *prolepsis* — нерелфлексированных, несенсорных комплексов, понятие тенденциозности сознания в скором времени переросло в концепцию безобразного мышления: «Ощущение не ограничивается орга-

⁷⁰ См.: Розов М. А. *Пути научных открытий // Вопросы философии. 1981. № 8.*

240

нами чувств, — человек ощущает больше, чем могут дать ему чувства» (Блейк).

Есть объективность и субъективность, а есть омниективность от латинского *omnis* — «всякий»: у каждого своя картина мира, детерминированная в модусе «раскрепощенного человека по своим надобностям» собственной историей (человек есть то, что с ним было). Так допускаются установки, не зависящие от чувственности смысла, значения, генерированные и норморегулированные неосознаваемым психическим — осадками души, императивами заднего плана. Их собирательное понятие составляет стержень доктрины архетипов — сверхличностных ментальных матриц, проявляющихся лично.

Не считая наличность архетипов доказанной, перейдем к вопросу их генеалогии. В наследии такого маститого специалиста в этой

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

области, как Юнг, обнаруживаются разноречия. В одном месте он высказывается темно, невразумительно: «Мы только воображаем, что наши души находятся в нашем обладании и управлении... в действительности... из нечеловеческого мира время от времени входит нечто неизвестное и непостижимое по своему действию, чтобы в своем ночном полете вырвать людей из сферы человеческого и принудить служить своим целям».⁷¹ В другом месте (лондонских психоаналитических лекциях 1935 г.), связывая опыт архетипов с мистическим опытом, он указывает на архитектонику мозга как его индуктор. В науке это (пока?) не нашло подтверждения.

Более трезвым кажется взгляд Грофа, увязывающего происхождение бессознательного с утробным опытом и первыми мгновениями жизни (идея перинатальных матриц).

Против допущения архетипов — целостных динамических ментальных стереотипов группового опыта — явных противопоказаний нет. Очень логично, к примеру, допустить архетип «самости» — прообраз, фундаменталь-

⁷¹ *Самосознание европейской культуры XX века. 1991. С. 111.*

241

ную форму сокровенной суверенности, самонезаместимости, выражающейся в использовании первого лица: в юридической плоскости — держателя прав; в гносеологической плоскости — саморефлексивной системы — «плавильной печи»; в экзистенциальной плоскости — субъекта выбора, ответственного за свою историю: всякое «Я» есть то, что оно есть.

Проблема, однако, в правомерности приписывания архетипам трансперсональности остается камнем преткновения для аналитиков. Концептуальные тематизации сюжета архетипов до сего дня успехом не венчались. Обобщенная критика психоаналитического конструирования резюмируется следующим.

1. Не удастся внести ясность: человеческий духовный мир с обнаруживаемым в нем неосознаваемым психическим (архетипическим) представляет ли связь с внеличным духовным (паранормальная псиреальность) или трансформацию собственного духовного (активация неактивированных пластов в патологии, измененных состояниях, экзальтациях, при психотропных воздействиях, использовании психоделиков, психостимуляторов, галлюциногенов и т. д.).

2. Спекулятивна идея применимости в реконструкции природы неосознаваемых духовных структур модели биогенетического закона, якобы объясняющего происхождение всякого рода комплексов (Ореста, Рустама, Эдипа, Электры). В материалах, находящихся в компетенции науки (пока?), не обнаруживается данных о воспроизведении ребенком архаичных поведенческих фигур.

3. Вызывает серьезные сомнения концепция пансексуализма применительно к толкованию существа культуры и ее феноменов, духовного мира личности, прочих объемных сопоставимых с ними по глубине явлений. Довольно вникнуть в методологию воссоздания Фрейдом картины мира ребенка, якобы постигающего премудрости мира через призму

242

своего *wiwimacher'a*, чтобы ощутить всю безнадежность ее убогости. 4. Аналогичное можно утверждать о концепции женской сексуальности и вообще женского начала. По квалификации Грофа, она «является безусловно самым слабым местом психоанализа и граничит со смехотворной глупостью. В ней недостает подлинного понимания женской психики, понимания принципа всего женского, а женщина как таковая рассматривается как кастрированный мужчина».⁷²

Так как проблема, насколько психоаналитические модели объективно значимы, остается не верифицированной, научная ценность их весьма и весьма сомнительна.

⁷² Гроф С. *За пределами мозга*. М., 1992. С. 121.

III. ГНОСЕОЛОГИЯ

Гносеология — это специализированное учение о сущности познавательной деятельности, ее предпосылках, условиях адекватности. Как таковая, она является фрагментом когнитивистики — всеохватывающей рефлексивной сферы, исследующей весь спектр ментальных структур и феноменов в различных и всевозможных ракурсах. Когнитивистику как пласт интеллектуальных занятий образуют психология, формальная, диалектическая логика, медицина (в особенности психиатрия, физиология, нейрофизиология, нейрофармакология), этнология, кибернетика, социология, культурология, языкознание, антропология и др.

Психология оценивает не отчуждаемые от индивида акты, явления, состояния, процессы, оказывающиеся плодом персонального отображения, воспроизведения объективной реальности и выработки способов самоосуществления, самоориентации, саморегуляции в ней.

Формальная логика выступает наукой о формах и структурах доказательного мышления, законах выводного знания, способах организации мыслей в ассоциации, приемах и методах обоснования утверждений. Именно этой цели подчинены учения о понятии, суждении, умозаключении, правилах корректного вывода, силлогистика, теории исчисления высказываний, отношений, предикатов и др.

Диалектическая логика изучает фигуры развивающегося рационально-теоретического мышления, нацеленного на устранение познавательной неопределенности, с позиций осмысления и фиксации процессов аккумуляции и конденсации в интеллекте достоверного содержания, восхождения к истине.

Медицина (в единстве и многообразии различных дисциплин) анализирует общие зависимости мыследеятельности от телесного субстрата: рассмотренная как элемент духовности ментальность детерминирована структурными вариациями нервных клеток, анатомией и архитектоникой мозга, гормональной деятельностью желез внутрен-

244

ней секреции, интенсивностью и качеством обмена веществ, — словом, всем морфо-физиологическим комплексом. Пристальное внимание к последнему в норме и патологии (разбаланс, измененные состояния сознания), имея в виду некие ближайшие естественные предпосылки ментальности, и составляет заботу медиков-физиологов (соматиков).

Этнология исследует национальные и региональные параметры менталитета под углом зрения их сцепленности с базовым бытовым этноконфессиональным ландшафтом.

Кибернетика характеризует познавательные явления через призму коммуникативных потоков — особенности циркуляции идей (управление, восприятие, обмен, переработка, передача, измерение, оптимизация) как информационно-сигнального процесса.

Социология рассматривает вопросы совокупной детерминации ментальности условиями, характером, образом общественно-практической жизни.

Культурология (и комплекс исторических дисциплин)

устанавливает корреляции ментальности со специфическими способами организации и функционирования человеческой жизнедеятельности в фиксированных социально-исторических ареалах.

Языкознание прослеживает связи мировосприятия носителей языка с используемыми (принятыми) языковыми каркасами.

Антропология (структурная, символическая) эксплицирует становление мыследеятельности в ходе оформления коллективного общежития, интенсификации межличностной коммуникации и интеракции.

Науки естественнонаучного профиля (в том числе пограничная психология), примыкающие к гносеологии, в отличие от нее достаточно узки экстенсивно: в конечном счете они замкнуты на индивида; гносеология же не скована этой привязкой.

Науки гуманитарного профиля (в том числе пограничная антропология), имеющие общие точки с гносеологией, достаточно узки интенсивно: так или иначе они заняты

245

частной рефлексией (отдельные компоненты, аспекты, уровни) проблематики познания и его оснований; гносеология же озабочена предельными по широте охвата и глубине понимания экспозициями познания, сосредоточивается на выявлении универсальных и фундаментальных предпосылок его формирования, развития, материализации.

Объективный предмет гносеологии, таким образом, — познавательная реальность в полном объеме, а именно: исчерпывающая совокупность мыслительных актов, процедур, операций, действий, когитальных механизмов с множеством атрибутивных им коренных признаков. Ее-то, эту самодостаточную, внутренне организованную, гомеостатическую духовную реальность (формацию), гносеология и описывает в объективно-логических терминах (в отличие от той же психологии, концептуализирующей эту реальность в аппарате индивидуально-личностных определений).

3.1. Гносеология как наука

Проясняя объективно-логические основания (нормы, установки, регулятивы, источники) познавательной деятельности, гносеология изучает состав, динамику, концепционное наполнение образующих ее элементов и форм. На этом трудном и во всех отношениях благодарном пути гносеология достигает осмысления того, чем в принципе является познание как родовая сущность, а также понимания природы тех видов и типов структур, с которыми оно (познание) связано и которые индуцируют познавательные акты как содержательно плодотворные процессы.

Согласно такому истолкованию целей гносеологии она выступает фундаментальной наукой, использующей традиционный доказательный инструментарий наук и дающей объемное описание и объяснение фактических познавательных процедур и приемов (взятых в объективном, а не психологическом или психофизическом плане), которые ведут к знанию. Сказанное позволяет утверждать, что в самом широком, нерасчлененном смысле гносеоло-

246

гия занята конституированием факта знания. Конституировать знание значит продемонстрировать его возможность, вытекающую из внутренних потенций познавания. Поскольку в глубинных постановках проблема конституирования знания замыкается на проблему предметной отягощенности сознания — ввиду его содержательной несамодостаточности, самообусловленности, — данности интеллектуальной сферы, готовые мысли гносеолог оценивает с позиций наличия в них предметных связей: насколько познавательные конструкции и реконструкции объективно значимы.

Вопрос предметных измерений (содержательности, объективности) познания (знания) — наиболее общий, принципиальный вопрос гносеологии. Гносеологу мало регистрировать протекание интеллектуальных актов, ему недостаточно различения обер- и унтертонов в спектре гносеологических высотно-мелодических параметров. Он должен иметь полную причинную картину тонов, определяемую набором частот мыследеятельностных колебаний, входящих в состав сплошного познавательного звучания. Реперной точкой, от которой он отталкивается, задавая и квалифицируя высоту звуков ладов, тоник в целом, выступает понятие адекватности.

Ввиду многомерности, неоднородности, внутренней расслоенности духовного производства, где пустопорожний домысел соседствует со строгой теорией, следует полагать водоразделы истины и заблуждения, науки и фантазии, достоверности и иллюзии. Необходимо демаркировать гносеологический демимонд от подлинного «большого света». В противном случае скепсиса в отношении солидности, обоснованности познания (знания), общей его оправданности, состоятельности не преодолеть. Последнее понимали и те, которые всем своим творчеством, казалось, показывали обратное. Таковым, в частности, был Кант. Фундамент возможности знания составляет у него процесс упорядочения чувственных данных путем наложения на них априорных трансцендентальных форм чувственности и рассудка. Так как они разобщены, для их

247

объединения Кант допускает посредника в виде трансцендентальной схемы времени. Окончательным же гарантом подведения многообразия *sense data* под категории, а также условием единства самих категориальных синтезов выступает высшее единство самосознания — чистая трансцендентальная апперцепция. «Коперниканский переворот» Канта, выразившийся в сведении закономерности природы и нравственной закономерности к собственному законодательству сознания, не был переворотом последовательным. Остается нечто трансцендентное трансцендентальному методу в философии — потенциальная аффицирующая способность «вещи в себе» выступать автономным «провокатором» познания (своеобразный рецидив не критической метафизики). Идеиная направленность кантовой гносеологической модели — преодоление догматического материализма, выводящего знание из прямолинейной натурной фиксации внешней действительности. В противоположность этому Кант предлагает

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

трактовать знание как дериват активной продуктивной способности субъекта самочинно конструировать правила существования объектов мира. Капитальным изъяном такого подхода, однако, остается неясность: как, собственно, конструировать эти правила. В отсутствии удовлетворительного ответа на данный вопрос Кант прибегает к допущению вмешательства в познание трансцендентного фактора. Одновременно, т. к. познание у Канта связано с «вещью в себе» не содержательно, а генетически, проблема ее освоения субъектом положительно не решается. Последнее четко фиксируется неокантианством, настаивающим на последовательном обосновании познания *ex principio interno* и расценивающим введение постулата о «вещи в себе» как шаг недозволённый.

Если многозначительная непоследовательность Канта относительно предметного статуса знания фактически и сообщала мореходность судну познания, поддерживая его на плаву в топи релятивизма и неконструктивного скепсиса, то подправляющий кантову схему неокантианский имманентный подход перекрывает черту ватерлинии; лодка

248

тонет. Очевидно, под многими выводами своих эпигонов Кант не подписался бы. Вместе с тем некоторые существенные противоречия философии неокантианцев, оказавшихся роялистами большими, чем король, разумеется, присущи и философии Канта, независимо от того, пытался ли он от них избавляться, впадая в непоследовательный субъективизм и релятивизм.

Центральное из этих противоречий — противоречие между гносеологией Канта и фиксируемой ею реальностью познания, свидетельствующей, вопреки убеждениям Канта, что познание не осуществляется «сверху» путем реализации продуктивной способности воображения по а priori заданным канонам, а крепится на предметном освоении мира; оно не бессодержательно-бесплодно, а вполне объективно.

Случай Канта опровергает возможность предметного аболиционизма в гносеологии. Недопущение реального содержания в пределы и границы сознания снимает разумно устанавливаемые различия объективного и субъективного, справедливого и фиктивного; оно разрушает базовые интенции гносеологии как эвристичной дееспособной науки непсихологистского профиля. Данные обстоятельства радикализуют проблему права переходить от образов сознания (познания, знания) к объективной реальности и судить о самой этой реальности. Существуют три кардинальные линии тематизации упомянутой проблемы.

Первая линия: переход от содержания сознания к объективной реальности невозможен; судить о реальности, запечатленной в знании, через него и из него, нельзя. Такая линия есть крайний последовательный агностицизм, или всестороннее отрицание возможности познания (знания). Это искусственная позиция; в истории философии реализована не была. Внутренняя несостоятельность последовательного агностицизма обуславливается его самопротиворечивостью: кто доказывает агностицизм, тот опровергает его. Лейтмотивом здесь выступает

следующее соображение. Наряду с положительными в познании имеют место отрицательные результаты: положения-запреты (прин-

цип Паули), ограничительные формулировки (теоремы Геделя, Тарского), негативные эквиваленты законов сохранения (невозможность вечного двигателя первого и второго родов) и т. д. По аналогии с ними можно расценить тезис о невозможности познания (знания), а именно: утверждение о невозможности познания (знания) есть отрицательный результат положительной способности познавать (знать). Чтобы прийти к пониманию невозможности познания (знания), нет иного пути, как предварительно развернуть познавательные акты. Отсюда — в силу самоприменимости — доказательство невозможности познания, сопряженное с отправлением познавательных актов, подводящих к знанию (о невозможности познания), демонстрирует прямо противоположное: фактическую возможность и действительность как самого процесса познания, так и его результата — знания.

Вторая линия: от данного в сознании к объективной реальности переходить можно, через призму знания судить об объективной реальности также можно; между тем сущность подлежащих познанию фрагментов объективной реальности остается недоступной, недостижимой, несхватываемой; удел познания — скользить по поверхности вещей как они даны нам, а не в их самом по себе и для себя существовании. Это — базирующаяся на гипертрофии внутренней активности познающего интеллекта линия реального агностицизма, воплощенная в истории философии. Ее классические приверженцы и адепты — старшие (Протагор, Горгий, Гиппий, Продик, Антифонт, Критий) и младшие (Ликофрон, Алкидамант, Трасимах) софисты; киники (Антисфен, Диоген, Кратет), киренаики (Аристипп, Феодор, Гегесий, Анникерид); члены средне-(Аркесилай) и новоплатоновской (Карнеад) Академии; скептики (Пиррон, Тимон, Агриппа, Энесидем, Секст Эмпирик); Юм и юмисты; Кант и кантианцы; а также те, кто, подобно конвенционалистам (Пуанкаре, Леруа), критическим реалистам (Сантаяна), инструменталистам (Дьюи, Хук, Мид), фикционалистам (Файхингер), снимает проблему объективности знания.

250

Замыкая познание на сферу опыта (предметный мир дан через призму сознания), реальный агностицизм исходит из оппозиции субъективно освоенной — аутентичной действительности. До времени не входя в анализ правомерности этого фундирующего агностицизм противопоставления, в порядке самой предварительной аргументации подчеркнем следующее.

1. Исчерпывающей логической процедуры установления соответствия знания действительности, говоря строго, не существует. По этой причине агностицизм теоретически не критикуем и неопровержим. Вопрос правомерности выхода сознания (в познании) за свои пределы не умозрительный, а, в конечном счете, практический.

2. Условия и контуры перехода от мира «для нас» к миру «в себе» устанавливаются в границах бинокулярной модели человека как познающего и действующего, практикующе-преобразующего

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

существа. Познавательная реализуемость предметного мира — всего лишь цвет в красочной палитре цветов; в том, что познавательные конструкции мира — не фантазмагории, убеждает внепознавательный контакт с миром, делающий наглядным возрастание компетентности человечества в овладении им силами природы.

Третья линия: мир познаваем не только феноменально — на уровне поверхности, явлений, — но и по существу; отображающее всеобщие и необходимые свойства действительности знание достоверно; фигуры мыследеятельности не пустопорожни, они предметны, содержательны, ответственны реальному бытию. Это — антипод второй линии — позиция гностицизма, разделяемая как представителями материализма, так и идеализма. (Надо сказать, что типология «гностицизм — агностицизм» не изоморфна типологии «материализм — идеализм». Признание первичности материального может сочетаться с непризнанием полной познаваемости — элементы агностицизма у Локка.

251

Напротив, признание первичности идеального способно стимулировать, в рамках соответствующих систем, признание полной познаваемости — панлогизм Гегеля.)

Независимо от мотивов, по каким принимается, проводится и пропагандируется гностицизм, общим для его сторонников является сознание силы, могущества познающего интеллекта, безудержного в своей экспансии на поприще постижения природы вещей.

Указанное сознание — обоснованный плод множества глубоко укорененных практических убеждений относительно того, что: понятие внутренней автономности, самозамкнутости познания иллюзорно; познание — не автогенный предметно изолированный процесс, оно спроецировано на всякого рода объективности (исторические, социальные, природные); мир — не коррелят сознания, — сознание выходит в познании за пределы самого себя; взятое как перспективный процесс без образов объективности (действительность и деятельность в различных модусах) познание невозможно; ориентация на предметный мир — сущностная энтелехия познания, — познание бывает либо предметным, либо никаким.

Изложенное проливает дополнительный свет на существо обозначенной выше центральной для гносеологии процедуры конституирования знания. Исходя из того, что познающий субъект — не вечно блуждающий неприкаянный Агасфер, а целеустремленный, сосредоточенный на вопросах содержания искатель, цель и итог познания — знание должно быть истинным. С учетом этого в рамках конституирования знания стартовой и финишной целью гносеолога является показать не столько возможность знания, сколько возможность достоверного знания.

Проблема достоверности знания, проблема равенства и неравенства мира мирозерцанию и миропониманию — подлинный нерв гносеологии. Оттого-то перманентная рефлексия этой проблемы — извечная тема гносеологических занятий — позволяет гносеологии осуществлять свое неповторимое призвание объективно-логической дисциплины, занимающей достойное место

в ряду наук о познании.

252

Исследуя законы формирования объективного содержания знания (в отвлечении от индивидуально-личностной его формы, анализируемой психологией), гносеология выступает рефлексивной наукой, задачей которой является обнаружение за данностями сознания структур мыследеятельности, а за этими структурами — инспирирующих их комплексов объективной реальности. Сказанное очерчивает круг задач гносеологии, притязающей на всестороннюю проработку истоков и основоположений познавательной деятельности.

Каковы оперативные версии решения гносеологией таким образом оцениваемых капитальных ее задач? Переходя к их (версий) характеристике, отметим наличие двух взаимоисключающих традиций моделирования существа механизмов познавательного процесса и порождаемого им знания — эндогенной и экзогенной. Квалифицируем их, по возможности, тщательно.

Эндогенная, или имманентная, традиция изолируется от предметного мира; настаивает на самодостаточности сознания; объясняет происхождение знания множеством внутripознавательных причин. Основным кредо имманентов, позволяющим проводить сугубый и односторонний теоретико-познавательный методологизм, является формула: «Все содержание сознания объяснимо из него самого». В разных условиях и при разных обстоятельствах ей руководствовались поборники столь типических ветвей имманентной традиции, как нативизм и конструктивизм.

Нативизм. Представляет архаичную, давно преодоленную творческую программу, некогда имевшую статус объяснительного стереотипа, весьма устойчивого и популярного. Речь идет о концепции «врожденных идей», трактуемых как самоочевидные, заведомо истинные (гарантия чего поставляется трансцендентными самому познанию инстанциями — такими, скажем, как «бог» Декарта, *intellectus infinitus* Спинозы и т. д.) первопринципы, из которых путем дедукции разворачивается система потенциального знания.

Конструктивизм. Выступает широкой ассоциацией гносеологических школ, течений, направлений (от Канта и

253

Фихте через неокантианцев, Бенеке, Шлейермахера, Шуппе, Шуберт-Зольдерна, Кауфмана, Ремке до Гуссерля и феноменологов), превозносящих теоретико-познавательный активизм и эффективизм. Проводя интериоризацию знания, конструктивисты снимают вопрос о наличии у содержания мысли объективного аналога. Знание как произведение считается адекватным, если отвечает функциональным регулярностям познавательного строя субъекта. Объективное субъективизируется, подменяясь интерсубъективным: порядок организации сознания является первичной формой закона и ближайшим образом обнаруживается как совокупность методов, порождающих опыт во всей полноте его состава, со всем его наполнением. Мыслить, познавать означает поэтому полагать (конструировать)

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

существующее, исходя из основоположений — правил комбинирования идеальных структур, позволяющих изучать не субстанции, а понятия вещей, их генетические (априорные) определения, закономерности перехода в рядах мыслимых объектов (функционализм Когена, Наторпа, Кассирера), не имеющих прототипов в реальности. Требование соотнесения сознания с бытием исключается: бытие как предмет знания есть бытие логическое, бытие дефиниции.

Историческое наследие, говорил В. Соловьев, есть не только дар и преимущество, но и великое испытание. С высот нашего положения позволительно утверждать, что не чуждая мистики линия прямолинейного гносеологического преформизма (нативизм) испытаний не выдержала (абстрагируясь от глубоких вопросов онтогенетики). В здравых формах своего выражения эндогенная традиция полномочно представлена на сегодняшний день лишь конструктивизмом, сильная сторона которого заключается в подчеркивании обзримости предмета познания, оказывающегося объектом опыта индивидуального или антропоисторического уровня.

Отдавая должное конструктивизму, однако, невозможно избавиться от чувства его крайней ущербности, маловдохновенности. Дело в том, что во избежание мифот-
254

ворчества, визионерства, перехода на волапук конструктивизм обязан найти архимедову точку опоры, обеспечивающую сознанию статус предметно протекающего процесса. Обязан найти, но не находит. Непредвзято оценивая перипетии конструктивизма, приходишь к выводу, что конструктивизм не способен конструктивно решить проблему содержательности сознания, — удовлетворительных рецептов корреляции субъекта и субстанции при отправлении мыследеятельности здесь не предлагается. Последнее является решающим основанием дискредитации эндогенной (имманентной) традиции в целом.

Экзогенная, или предметно ориентированная, традиция исходит из единства знания с его предметом; разрабатывает специальную технику перевода объективных данностей в познавательное измерение: надстраивает процесс (и теорию) познания над предпосылочными субстанциональными (онтологическими и психологическими) допущениями о реальности. Канон и канву всех рассуждений здесь задает понимание обязательности отнесения сознания к иному для конституирования знания: сознание различает вне себя нечто, к чему оно вместе с тем относится. И определенная сторона этого отношения есть знание — в противном случае знание было бы знанием ни о чем. Убеждение, что содержание знания суть содержание предмета (собственно, цель познания), далеко идуще и впечатляюще. Весь вопрос в том, как его провести, сделав доказательным резюме гносеологии. Учитывая, что обосновать возможность мыслить то, что не есть мысль, для экзогена бесконечно более сложно, чем для эндогена, вопросу нельзя отказать ни в серьезности, ни в остроте. Итак, по какому праву «наши представления» признаются знанием определенностей наличной действительности? В порядке концептуальной

проработки проблемы в русле экзогенной традиции возникали соответствующие подходы, которые истории гносеологии известны под именем натурализма, телеологизма, панлогизма.

Натурализм. Принимая за максимум тезис: «Не мы отражаем действительность — она отражается в нас» в ходе

255

психофизиологического с ней контакта, натурализм (от Эпикура через Гассенди, Гоббса, Локка, французских материалистов до Фейербаха и вульгаризаторов теории отражения включительно) выступает оригинальным сочетанием гносеологического механоламаркизма и антропологизма. В самом деле, с одной стороны, гипертрофируется роль внешней среды в формировании знания; с другой — предпосылкой бесстрастного, зеркального ее (среды) воспроизведения объявляется строгая психофизическая детерминация: механизм воссоздания явлений через рецепторы запрограммирован на адекватность.

Расхождение клише о фотографировании, копировании реальности в каналах эмпирического и теоретического (!) созерцания, непосредственном запечатлевании воздействующих объектов — концептуальные шиболеты натурализма — дают лишь видимость объяснений. По крупному счету натурализм (антропологизм) безоружен перед лицом столь судьбоносных гносеологических проблем, как основания заблуждений, критерии схватывания сущностного, разграничение необходимого и сходного, внутреннего и внешнего и др.

Телеологизм. Полагает презумпцию изначальной синхронизированности субстанции и субъекта: по плану творения бытие и сознание, природа и логика действуют заодно; они заведомо резонансны. Осуществляющая взаимосогласование порядка идей и порядка вещей модель «предустановленной гармонии» как подарок, ниспосланный свыше, мистична. Введение ее в контекст рассуждений переходит границу дозволенного, сообщает некую вирулентность гносеологическим построениям.

Панлогизм. Несколько иное, но в чем-то глубоко родственное телеологическому, обоснование возможности совпадения объективного и субъективного в познании развивал Гегель. Решить проблему знания, по его мнению, значит построить особую логику, где теория бытия выступает и теорией познания. Каковы реквизиты этого проекта?

Первой категорией «Науки логики» выступает «бытие». Бытие — чистая предметность, находящаяся вне субъекта.

256

Вторая категория Гегеля — «ничто». В ее введении заключается большой смысл. Если представить, что познание как направленный процесс движения от незнания к знанию начинает разворачиваться из какой-то точки, для нее можно зарегистрировать нулевую отметку знания. Бытие как онтологическая реальность (и потенциальный предмет знания) для этой точки будет неосвоенным, лишенным определенности «ничем». «Ничто» есть поэтому категория гносеологическая, выражающая отсутствие знания о бытии. Третьей категорией Гегеля является «становление». Было бы логичным предположить, что «становление» принадлежит к разряду категорий гносеологических: обозначает процесс возникновения

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

знания в смысле преодоления незнания, последовательного лишения бытия неопределенности для познания, перехода от «ничто» к позитивной теории, науке, культуре в целом. Между тем у Гегеля «становление» двойственно: оно выражает как процесс становления знания о бытии (развертывание науки), так и становление самого бытия (развертывание действительности).

Основу гегелевского решения проблемы, следовательно, составляет двойственность «становления», позволяющая интегрировать в одной точке диалектику ряда идей и ряда вещей. Два эти ряда, естественно, совпадают, ибо их становление (и последующее развитие) одновременно и параллельно. Содержание остальных категорий, по сути дела уточняющих моменты «становления», также двойственно: они оттеняют нюансы становящегося бытия и познания.

Пробегаая частности и детали панлогизма, который в своих предпосылках имплицитно наличествует у Аристотеля (гилеморфизм), отметим, что гегелевский ход на проверку оборачивается тривиализацией темы. Он упраздняет проблему преодоления противостояния бытия и сознания в познании и через познание. Фигуры онтологии и логики, исторического и логического совпадают у Гегеля а priori — двойственность «становления» обеспечивает познание содержания того, что заведомо оказывается содержанием мысли.

257

Анализ концептуальных ходов и векторов течения ищущей гносеологической мысли специфически просветительских интересов не преследовал, самоцелью не выступал. Погружение в опыт многосложных теоретико-познавательных исканий подразумевало извлечение из него некоей морали: что может и чего не может допускать практикующий гносеолог. В деле оптимизации теоретических инициатив приобщение к ретроспективе бесценно, всегда инспирирующе и духоподъемно.

Из вышерассмотренного для последующего анализа нам важно следующее:

1. Идея завязанности познания на исходные предпосылочные комплексы. Познающий субъект произволен от субъекта жизнедействующего. На него накладывают печать особенностистройки в естественную среду обитания — характер интеракции, межиндивидуальной коммуникации, языка (горизонты знаково-символического опыта), — иначе говоря, способы обработки людьми друг друга, обмен деятельностью. Гносеология в этой связи — изначально социально, исторически, культурно ориентирована (коннотации нативизма).

2. Идея целесообразности познавательной деятельности. Оттачиваясь в ходе родового упрочения *Homo sapiens*, она эффективна, «предрасположена» к адекватному воспроизведению действительности (коннотации натурализма, телеологизма).

3. Идея познавательного активизма. Освоение действительности протекает в формах субъективной деятельности, что порождает обоюдную и динамическую зависимость познания от реальности и реальности от познания (коннотации конструктивизма, панлогизма).

Потенциал данных идей вполне достаточен для предметного

развертывания гносеологии как объективно-логической науки, занимающейся трансцендентальными механизмами познания, которые при контактах с реаль-

258

ностью имплицитно зная. В подобной плоскости не исследует схожие феномены ни одна наука. Ввиду этого лишены резонанса время от времени возникающие претенциозные, однако бессмысленные программы поглощения гносеологии нейрофизиологией, теорией информации, семиотикой, генетической или натурализованной эпистемологией и т. д. Гносеология — семантически своеобразна и иными науками не заменяема.

3.2 Познавательное отношение

О познавательном отношении и его образующих многократно заходила речь в гносеологической литературе, но, вероятно, еще долго нельзя будет утверждать, что уже довольно сказано об этом предмете.

3.2.1 Субъект

Как сознающий, целесообразно действующий агент субъект есть носитель преднамеренности, волея, стимулирующего, формообразующего причинения, — откуда следует, что в гносеологическом плане понятие «субъект» выражает одно: широко понятый осмысленный познавательно-преобразовательный активизм и соответствующие ему наклонности.

Рассмотренный по фарватеру субъект неоднороден, разнопланов, представляет многогранное объединение структур и образований от индивида, социальной группы, класса, общества, сообщества до цивилизации и человечества в целом. Субъект поэтому — не обязательно конкретное физически осязаемое, наделенное человеческой плотью лицо; в различных гносеологических контекстах вводятся разнообразные истолкования субъекта — от персонального самосознания до всеобщего духа и коллективного бессознательного (субъект в бессубъектной форме — первобытные человеческие популяции, собственные темные колебания толпы и т. д.). В зависимости от принимаемого в расчет срез субъективности гносеологическое наполнение «субъекта» варьируется: с каждым потенци-

259

альным срезом сопрягаются коррелятивные ему разрешающие возможности.

Естественная стратифицированность субъекта отображается совокупностью идей, выступающих его семантическими моделями. Охарактеризуем их.

АНТРОПОЛОГИЗМ. Единственным, универсальным, высшим субъектом объявляется конкретный психофизиологический индивид, что содержательно оправдывается неприятием общих форм интеллектуального развития. Сосредоточение на человеческой натуре, «организованном теле» (Ламетри) радикально сужает горизонты теоретизации, по сути вынуждает ассоцианизм. Управляемая принципиальным законом ассоциаций: идеи зарождаются и существуют в порядке, в котором возникали

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

вызвавшие их ощущения (оригиналы), — ментальная деятельность выступает калькой афферентного потока нервных импульсов и движений (интеро- и экстерорецепций). Анализирующей существо данных импульсов гносеологии не остается ничего иного, как заниматься комбинаторикой — проследивать соединение элементарных познавательных структур в комплексные (гносеология — ментальная механика). Не предусматривающий непсихологических, ненатурализованных описаний антропологизм как гносеологическая платформа всецело принадлежит прошлому.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ. Мощная с богатейшими ветвлениями традиция, придерживающаяся феноменологической версии субъекта как всеобщего, внеисторического, внеопытного, «чистого» сознания. Отправной пункт рассуждений — абстрактное понятие познания в его обезличенной, деперсонифицированной функции (мыследеятельностная машинерия). Трансцендентализм — искусственный аналитический подход — крепится на сильных допущениях классической когитальной философии. В кругу этих допущений — отождествляемость, воспроизводимость, прозрачность актов сознания, их реставрируемость от звеньев исходных до завершающих. Здесь вводится образ усредненного, инвариантного, самоидентичного субъекта, равноопределимого для любой простран-

260

ственно-временной точки. Последнее обслуживается категориями «каждого нормально мыслящего», «каждого, обладающего разумом», «каждого, чей мозг в порядке» (Спиноза, Кант, Гуссерль) и т. д. В итоге осмысливается не реально субъективное, а некая его схема, получающая проработку в терминах интуитивно очевидного.

Подобная гносеологическая позиция, однако, может быть оспорена. (Она и оспаривалась в истории, которую мы пробегаем, подвергая оценке логические диспозиции.) Действительно, трансцендентализм типизирует субъективное. Но что такое в субъективном типическое? Как оно дано, фиксировано? Субъективность — это цель, выбор, исходная убежденность, приоритет, достоинство, уважение, оценка, смысл и бессмысленность, мир и образ мира. Это гамма, партитура человеческого, взятого во всем объеме. Что тут подлежит типизации? У всякого свои комплексы, понятия, интересы, желания, устойчивые стремления, связанные с частной жизнью. Как типизировать субъективное, когда оно неповторимо?

Прецедент введения в теорию не типического, а действительного субъекта имеется: таковы ультраинтуизицизм, операционализм и другие, однако, ведущие к развалу теории — оказывается невозможным задать инвариантные отношения объектов теоретического мира (тот же натуральный ряд), неподвластные субъективному произволу. По этой причине ультраинтуизицизм, операционализм и подобные им доктрины — метаконструкции, нереализующиеся в практике науки.

Огибая подобные рифы, трансцендентализм уповает на общезначимое содержание мысли, возвышающееся над

партикулярным сознанием и наполняющее его смыслом.

Естественно возникает вопрос: как эмпирически-психологически обусловленное сознание генерирует нечто, запредельное самой этой эмпирически-психологической сфере? — вопрос, остающийся в трансцендентализме без ответа.

ЭВОЛЮЦИОНИЗМ. Субъект в совокупности сенситивных и ментальных возможностей и реакций есть плод всей
261

ранее протекшей всемирной истории. Исходные установки эволюционизма — генетизм, историзм, социологизм.

Генетизм. Атрибутивные человеку неэлементарные виды психической активности представляют продукт социально-исторического развития. Рецепция животных избирательна, специализирована, узкоадаптивна; рецепция человека не скована локальностью адаптационных эффектов; в рамках жизнезначимого континуума она универсальна. Акцентируя данное обстоятельство, еще Гален замечал, что одни элементы существуют для орла, другие — для рыси, третьи — для человека. Животные (по отдельности) чувствуют острее; люди же — глубже. Это «глубже» — от генетической значительности, всесторонности рода, последовательно накапливающего (воспитание), закрепляющего (обучение) и совершенствующего (практика) арсенал сенсуального освоения действительности.

Историзм. В мыслительных актах заложена требующая экспликации специфика человека как конкретно-исторического существа. Способы истолкования эмпирии, правила размещения фактуры в теоретических пространствах, приемы категоризации, языковой артикуляции явлений, желательные типажи знания детерминируются конкретными условиями жизнедеятельности познавателя.

Социологизм. Процесс и результат познания, равно как и его условия, социальны, подготовлены и проистекают из общественно-исторического опыта мыследеятельности, совокупного духовного производства. Приобщающемуся к знанию индивиду они заданы наследием, достоянием, культурой, которая в гносеологическом отношении выступает общечеловеческой абстрактной формацией, фиксируемой соответствующим категориально-логическим аппаратом. По этой причине мышление протекает как интеллектуальное приобщение каждого «Я» к общественному знанию.

Адекватный путь интенсивной трактовки субъекта, естественно, синтезирует сильные стороны охарактеризованных подходов. Из антропологизма удерживается идея физико-физиологической организованности субъекта (нату-

262

ралистическая опосредованность духовной деятельности многоразличными предпосылками и комплексами), позволяющая реализовать единственно разумное естественно-историческое понимание познавательных феноменов (генетическая цепочка: инстинкты — лабильные рефлексy — экстраполяционное поведение на базе идеальных антиципаций). Из трансцендентализма удерживается идея надындивидуальности, имперсональности, сверхличности субъекта. Серьезные гносеологические модели в

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

самом точном и строгом смысле, апеллируя к субъекту, берут трансцендентальный, «чистомыслительный» пласт, вынося за скобки эмпирического человека. Применительно к субъекту гносеология исключает деиксис: ее субъект неперсонифицирован и небиологизирован — будучи носителем общепознавательных способностей, он удовлетворяет введенному еще схоластами условию *constantia subjecti* — условию самотождественности, внеконкретновременности. Нарушение, несоблюдение этого требования упраздняет возможность гносеологии как интерсубъективной, оперирующей инвариантами теории (несамоидентичный субъект — гносеологический делинквент, требующий специфического, а не общезначимого описания). Из эволюционизма удерживается идея кооперативной природы всякого знания и его передачи, расширения, усовершенствования, всякого познавательного акта и его применения. Внутренний субъект (Эго) — пустая абстракция. Субъект как индивид обретает самость (самосознание), становясь личностью в ходе социализации, подключения к активу культуры.

Плодотворность синтеза указанных идей демонстрируется вопросом генезиса познающего субъекта, где есть основания говорить о подлинном триумвирате антропологического, трансцендентального, социального (См.: 2.4.4).

3.2.2 Объект

В наиболее широком гносеологическом словоупотреблении под объектом как компонентом (целое, часть) объективной реальности понимается любая существующая вне

263

и независимо от сознания данность, на которую нацелена познавательно-преобразовательная активность субъекта. Объект как противостоящая и противопоставляемая субъекту реальность представлен в модусах бытия в себе, бытия для себя, бытия для другого (См.: 2.2).

Данные семантические нюансы понятия «объект» на протяжении долгого времени в гносеологии не различались; имелась единая нерасчлененная теоретико-познавательная категория объекта как инертного, самодовлеющего материального явления, опознаваемого субъектом в качестве такового до и помимо его фактического (когнитивно, практического) освоения. Последнее предопределяло многочисленные казусы при попытках концептуального моделирования взаимодействия субъекта и объекта в ходе гносеологических теоретизаций — показательный опыт картезианства, окказионализма, наивного реализма, созерцательного материализма и т. д.

В начале века Р. Амезедер провел дистинкцию предмета как объекта для нас и самого по себе объекта, что, однако, способствовало усилению неадекватных субъективистских мотивов (Мейнонг, Brentano, Гуссерль).

Избежать подобных несообразностей позволяет выработка рефлексивной позиции в отношении гносеологической теории объекта. Объект как отличная от субъекта, живущая независимой от него жизнью самодостаточная реальность есть материя, цель и итог

познания. Ведь если призвание познания состоит в демонстрации, что используемые мысли есть не только наши мысли, а и суть вещей, то без введения в гносеологию явного понятия предметности, с которой постоянно соотнобразуется, соотносится знание, не обойтись. В противном случае мы лишимся источника, средства контроля познания, равно как и конкретных рамок практического преобразования раз познанного мира. Познание как тип общественно санкционированной деятельности окажется обесмысленным. По этой причине понятие объекта, противостоящего субъекту в его предметно-практической и когнитивной активности (первый и второй смыслы объекта), пред-

264 ставляется необходимым. Но дело не сводится лишь к этому. Неудовлетворяющий конструктивным физико-физиологическим условиям вычленения объект как единый универсум есть непроявленная для субъекта отрешенная объективность, представленная в полнейшей, дурной трансцендентности. Понимание этого стимулирует введение категории объекта в смысле очеловеченной онтологии, бытия для нас, которая очерчивает горизонты наличного познавательного опыта.

Серьезный разговор о познании не может не касаться предметных оснований человеческой деятельности, протекающей в границах гуманизированной объектной среды с заданным на ней отношением воплощенности субъективного. Любые изменения характера, направленности и масштабов субъективного прямо пропорционально трансформируют соответствующие параметры объективного: чем солидней одно, тем значительней другое. Сказанное подводит к формуле: «Без субъекта нет объекта», выражающей идею зависимости реальной основы отношения субъекта к объектной среде от фактора деятельности. Констатация данного обстоятельства позволяет подчеркнуть следующее.

Внутренняя расслоенность истории привела к утверждению формационного подхода. Не входя в разбор доктрины, расставим иные акценты. С позиций сопоставимости объема человеческого действия с объемом собственных процессов природы допустимо различать три фазы цивилизации.

Первая — слитность человека с природой: присваивающий тип хозяйства на базе примитивного собирательного природопотребления; палеолит. Вторая — выделение человека из природы, формирование культуры как второй «искусственной» природы; производящий тип хозяйства на базе интенсивного технико-технологического природопользования и природопотребления; с неолита до современности. Третья — покорение человеком природы; проективно-конструктивный тип хозяйства на базе всесторонней гуманизации природы, формирования антро-

265 по-социо-техно-натурного комплекса; современность. Предложенная классификация требует пояснения.

Прогресс человеческой истории, связанный с непрерывным преобразованием производительных сил, достижением качественно новых уровней жизни, неотделим от широкой социальной экспансии науки. Исходным пунктом этой экспансии, основанной

на расширяющемся синтезе знания и производства, познания и общества, рационального предвидения и техники преобразования действительности, выступает последовательное превращение науки в непосредственную производительную силу. Способом реализации наукой данного своего качества изначально явилась механизация, позволяющая передать машине функции прямого преобразования предмета труда.

Участие науки в модернизации технической базы производства, конечно, не сводится к замене человеческих сил природными. Его значение гораздо более масштабно. Речь идет о постепенном перерастании науки в «практическое богатство».

До определенной поры, однако, пока деятельность производителей материальных благ отличалась рутинностью, наука воздействовала лишь на вещные элементы производства. Изменению положения дел способствовало закономерное техническое обновление, приведшее к замене механизации автоматизацией, которая, освобождая человека от роли агента технологии, распространила сферу влияния науки на личные элементы производства. Отныне создание благ зависит не от живого труда, а от действующих мощностей. С этого момента устанавливается новый тип взаимосвязи науки с производством: наука становится «индустриальной», производство — «онаученным». Принципиальные последствия этого всесторонни, многозначительны.

Завершается естественно-природная эра. Начинается эра «искусственно»-технологическая.

Объективная логика прогрессирующего воспроизводства порождает совершенно специфические направления эволюции его составляющих:

266

— создание веществ с заранее заданными свойствами. Природопотребительская практика как средство обеспечения существования себя изживает: трудно стимулировать производительный рост увеличением потребления естественных ресурсов, которые часто либо на исходе, либо не отвечают предъявляемым требованиям. Выход — в налаживании в массовых масштабах получения материалозаместителей;

— обращение к не встречающимся в свободном, доступном виде в природе источникам энергии;

— технизация, т. е. универсальное технико-технологическое опосредование деятельности. В настоящее время количество созданных человеком технических средств уже перекрыло количество известных видов растений на Земле. Демонстративность такого рода «перекрытия» очевидна;

— вложения в человека. Дело здесь не столько в изменении структуры производства и потребления, ломке традиционных жизненных минимумов, трансформации облика населенных пунктов и т. п., сколько в общем прогрессе культуры, обеспечивающем высокую самореализацию, самоосуществление индивида.

Итак, воплотившись в социальную практику мировых масштабов, наука и техника обусловили становление нового типа

рукотворной реальности. В перспективе стратегическое изменение ситуации. Две формы объективного процесса — природа и целеполагающая деятельность человека — последовательно трансформируются в одну. Становится меньше природы, не вовлеченной в орбиту научно-технической деятельности, становится меньше научно-технической деятельности, не вовлеченной в собственные потоки, циклы и ритмы природы. Мир подходит к черте, когда предметно воплощающееся знание на деле превращает биосферу в ноосферу, в компонент человеческой автоэволюции. Процессы изменения природы человеком и аутентичные природ-

267

ные процессы изменения оказываются изменением антропо-социо-техно-натурной целостности. Перед лицом такой онтологии противопоставление бытия в себе бытию для нас во многом обесмысливается. Поскольку важен не мир сам по себе, а проект мира, поскольку интересно не то, что существует в бытии безотносительно к человеку, а то, что требуется человеку, существующему в бытии, объектный тип рефлексии разрушается. Натуралистическая идеология природознания уступает место активистской идеологии природотворчества. Отправной точкой становится перспективность сущего, которое культивируется, конструируется.

В связи с тем, что действительность дана как объект человеческого самопроявления, на передний план выдвигаются ценностно-целевые ее качества: насколько она обеспечивает высшие цели и ценности человечества, связанные с выживанием, продлением рода, вершением истории. Следовательно, проективность бытия изначально координирует деятельность с ценностным сознанием: отсутствие лицензии на творение совершенного бытия ориентирует человека на кристаллизованные в адаптации, а потому поставляющие гарантии этические абсолюты, гуманистические ценности. Так, истина сопрягается с ценностью, гносеология с аксиологией. Последнее обогащает новыми модуляциями звучание извечной гносеологической темы «объекта» познания.

3.3 Начало познания

Познание как творческое воспроизведение субъектом объекта в строгом смысле слова не начинается с ощущения. Учитывая, что по своим физиологическим механизмам ощущение — целостный рефлекс, отображающий не только свойства объективного мира, но и субъективные состояния (так называемые протопатические ощущения), корректнее более сбалансированное суждение. С возникающего на базе элементарной раздражимости ощущения начинается не познание, а реальное взаимодействие человека с действительностью, результатом которого могут быть

268

самые разные вещи. Ввиду сказанного существо опыта познавательной деятельности не схватывается расхожим нерелективным клише: от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике, претендующим на описание

движения действительного познания от некоторой отправной точки. Проблема исходного пункта познания, надо сказать, исключительно сложна.

Адекватный глубине проблемы контур рассуждений возникает в створе фундаментализации — представления изначальной и многократной опосредствованности познания различными предпосылками. Во-первых, познание фундировано предметно-вещным типом человеческой деятельности.⁷³ А именно: в истоках мышления (это подтверждается и онтогенетически) имеет место сенсомоторный практический наглядно-действенный интеллект, сращенный с предметной активностью. Отсюда, например, столь специфическая черта древнего сознания, как дипластия, характеризующая формирование смыслов из операций с вещами, а не с символизирующими их знаками. Во-вторых, познание соотнобразуется с наличным запасом мыслей, и вследствие этого, как ни странно это звучит, попросту не имеет начала. Познание не начинается с ничего — с *tabula rasa*, т. е. с ощущения. Нет никакой возможности начинать познание *ab ovo*; есть лишь возможность продолжать его, отправляясь от исходных знаний. В-третьих, познание обусловлено языком, имплицитно семантически структурирующим каркасы мира (способы членения, описания, категоризации действительности в зависимости от выразительных ресурсов). В-четвертых, будучи совокупностью интенциональных актов, познание целеориентировано, избирательно. Познание оперирует некоторым срезом предмета, представленным в ценностно окрашенном пространстве смыслов, координатами которого выступают для каждого кон-

⁷³ *Последнее на поверхности выражается и этимологически: cogito, составленное из co + agito, буквально означает «совместно действовать». На архаичной стадии познание реализуется не иначе, как через ощупывание, действие руками, вещное опробование.*

269

кретного случая специально устанавливаемые субъективно значимые значения параметров объективной реальности. Таким образом, выделение и различение объектов познания поддерживается полем преференциальных до-рефлексивных структур, составляющих почву мыследеятельности в теории и практике (теоретическое мыслительное отношение — дескриптивная деятельность — познавательные репродукции предметов; практическое мыслительное отношение — прескриптивная деятельность — осуществление разума в мире, «обмирщение» интеллекта).

Подытоживая, применительно к вопросу начала познания уместно исходить из идеи сложности композиции сознания, которую образует: а) пласт некогда сформированных структур (наличный запас знаний) и б) пласт актуально формирующихся представлений. Гносеологическая роль ингредиента (а) значительна в особенности с позиций функционирования, развития знания. Опуская детали, она сводится к опосредствованию познавательных актов концептуальными, операциональными, эмоционально-волевыми, коммуникативными, интенциональными комплексами. Понимание этого разрушает миф о живом созерцании как отправной точке познавательных отношений. Живое созерцание —

химера, пущенная в наукооборот теми, кто некритически абстрагируется от реальной объемности, многомерности архитектоники и динамики человеческих познавательных самоосуществлений.

Реальное знание не возникает вследствие прямой (индуктивной) генерализации опытных данных. В результате творческих процедур знание формируется из знания. Для его создания важно наличие исходного (предпосылочного) интеллектуального слоя, инспирирующего поиск и поставляющего узлы и детали возводимых концептуальных конструкций. Придавая этому тезису максимально широкое толкование и проецируя его на некий отправной пункт познания, возможно прийти к следующему пониманию вопроса генезиса эпистемологических форм.

Для становления полноценных (нефеноменологических, неспекулятивных) единиц познания одинаково важ-

270

ны и эмпирия и теория. Эмпирия замыкает умственные построения на материал, делает их содержательными, осмысленными. Теория придает им логико-рациональный характер, сообщает номологичность, универсальность. Порождающая структура знания, следовательно, — не эмпирия и теория порознь, а специфическое синкретическое образование в виде тривиальной теории и примитивной эмпирии. Выбор данных прилагательных продиктован необходимостью передать зачаточный, элементарный тип оснащения деятельности, в теоретической плоскости способной на незатейливые концептуализации в согласии со здравым смыслом, а в эмпирической — на неспециализированные воздействия (операции) на естественные предметы.

Сказанное без всяких условностей и оговорок, уверений в относительности и неоднозначности трактовок утверждаемого, столь характерных для эмпирическо-номиналистических и рационалистическо-реалистических версий, позволяет принять следующую схему развертывания познавательных форм: I. Синкретическая ступень — примитивные, разрозненные истолкования-образы примитивных, разрозненных данных наблюдений, фактов. II. Более или менее проработанные модели явлений. III. Deskриптивные (феноменологические) теории. IV. Частные теории, базирующиеся на частных теоретических схемах. V. Фундаментальные теории, основывающиеся на фундаментальных теоретических схемах.

Ступень I — квазитеоретическая. Уровень интеллекта здесь соответствует обыденно-практической стадии своего функционирования. По мере выхода из эмбрионального состояния познание удаляется от поверхности: изучение связей и отношений предметов, представленных в повседневной практике, оно начинает переводить во внутренний план, оперируя не с натурными формами, а с их аналогами — особыми абстрактными объектами, идеальными конструктами. С этого момента отсчитывается фаза собственно теоретической мысли — ступени II—V. Она и будет выступать темой дальнейшего обсуждения.

271

3.4. Феномен знания

Термин «знание» традиционно употребляется в следующих трех смыслах. Первый имеют в виду, когда говорят о некоей предрасположенности, способности, умении, навыке, которые базируются на осведомленности, как что-либо сделать, осуществить. Второй смысл подразумевают в случае идентификации знания с вообще любой познавательной значимой (в частности — адекватной) информацией. Третий смысл соответствует специальному толкованию знания как особой познавательной единицы (гносеологического таксона). Этот смысл предполагает квалификацию знания как ненаучного — практически-обыденный, художественный и т. п. опыт; донаучного — протознание — базис грядущей науки; лженаучного — домыслы, предрассудки, камуфлирующие под науку (френология); паранаучного — знание, не удовлетворяющее науке по своему гносеологическому статусу (парапсихология); антинаучного — нарочитое искажение научного взгляда на мир (дезориентирующие хилиазмы, социальные утопии); и, наконец, — научного — специфический тип мировосприятия и мироотношения, реализующий гносеологический регламент науки.

Что представляет собой знание, подпадающее под понятие практического искусства, ремесла (первый смысл словоупотребления «знания») и науки (третий смысл словоупотребления «знания»), будет рассмотрено в 4.1. Анализ же гносеологической природы знаний, связанных со вторым смыслом употребления термина «знание», составит ближайшую задачу.

Знание как признание истины. Понятие знания согласно второму смыслу идентичного термина задается основанием познавательного отношения субъекта к истине, формам ее фиксации, удостоверения, признания. Проблематика способа удостоверения истины как характерологической особенности знания возникает в связи с различием концептов «истинность в себе» и «знание». «Истинность в себе» суть положение, высказывающее нечто так, как оно есть, безотносительно к субъективному мышле-

272

нию, восприятию, переживанию; идет от сущего, обуславливающего ее вневременность, независимость от любого индивидуального акта сознания и его содержания; соотносится с предметной присущностью, дистанцируясь не только от уникального, но и от универсального субъекта, от истории науки — лишь бы утверждаемое истиной действительно принадлежало тому, что в ней утверждается.

Сопряженная с сущим истинность в себе предопределяет незатрагиваемую случайными, темпоральными, психологическими условиями познания свою содержательную ценность: многообразие частных познавательных актов выражения одного и того же содержания соответствует единая истина в качестве самотождественного содержания (Риккерт, Кассирер, Гуссерль). В последнем состоит момент трансцендентности передающих истину в себе суждений. Поскольку если подобные суждения не были трансцендентными, если бы они не обладали никаким значением,

выходящим за пределы данного в них, если бы вся их ценность совпадала с тем, что они представляют собой в качестве психических процессов, истина тогда прямо творилась бы в актах суждения (Фрейтаг, Фолькельт). То, что отличает познавательную значимость истины (плоскость *θυσιαστικὴ φαῖτι*) в процессах нашего ее сознания (плоскость *quaestio juris*), всецело зависит от в себе истинности — вне обстоятельств причастности к ней конкретных мыслящих интеллигенций (излюбленный мотив вышеупомянутых антипсихологистов).

Знание же как сознаваемая истина заключает специфическое познавательное отношение субъекта к истине, обусловленное формами ее удостоверения и признания. Будучи процессом лишения противостоящего субъекту объекта его чуждости, познание трансформирует объективное в субъективные образы, системы понятий. Если «истина в себе» фиксирует объективное обстояние дел «с позиции вечности», без становления ее в культуре, постижения человеком, то «знание» как способ задания истины для субъекта, характеризует меру отчетливости для субъекта ценности того или другого когнитивного содержания. Зна-

273

ние, следовательно, есть не просто констатация истины, а право субъекта на истину (истина для нас) с позиций наличия для этого доводов, оснований.

В зависимости от определенности последних варьируется модальность (от гипотетической до аподиктической) суждений, изменяется (растет, убывает) наша уверенность в обладании истиной.

Субъективное признание истины как аксиологический акт — феномен комплексный, складывается, протекает на фоне наличия объективных и субъективных причин.

Объективное основание признания чего-то истинным конституируется объект-интенцией (О-интенция) суждений, в которых столько истинного, сколько отвечает природе познаваемых вещей (несет истину в себе). Объективно-достаточное основание признания истины оформляется в экспертизе — фронтальном концептуальном и практическом опробовании знания (логическая, эмпирическая проверка, оправдание, испытание, проработка). Удостоверенная О-интенция суждений поэтому детерминирует, их интерсубъективность, общезначимость — для каждого гносеологически стандартного, среднетипического, среднестатистического познавателя возникающее в качестве интегрального эффекта испытаний (в случае верификации) основание признания чего-то истинным обладает и достаточностью, и универсальностью. В противном случае разрушаются каноны познавательных отношений, появляются симптомы гносеологических девиаций.

Субъективная значимость суждений, или признание истинности по субъективному основанию, имеет три ступени: мнение, вера, знание.

МНЕНИЕ. Мнение есть сознательное признание чего-то истинным по недостаточным субъективным и объективным основаниям. Характеризуя чувственное отношение субъекта к

истине, связанное с когнитивной неуверенностью, мнение сопряжено с гносеологически гомологичным ему сомнением, возникающим в ситуации нехватки или отсутствия субъективного опыта, сковывающего простор квалифицирующего суждения: является ли

274

некое положение дел истинным. Мнение означает отсутствие у субъекта принципиального, последовательного взгляда, на некоторый предмет, одновременную наличность разноречивых сомнений, существование которых — за неимением ясных оснований (аргументов) — не позволяет однозначно судить о предмете. Проблема отсева альтернатив в границах мнения сродни метаниям буриданова осла: отсутствие системы коррелятов предпочтения либо торпедирует выбор, либо реализует его как полуинстинктивное, бездоказательно-безотчетное, спорадически-произвольное действие. Чем руководствуется, почему поступает именно так в рамках мнения субъект, не знает и он сам: любая случайность, любая деталь могут сыграть роль соломинки.

Гносеологически изоморфна мнению догадка, не представляющая сознательного признания за истину заключенного в ней содержания. Скажем, решая проблему становления научного атомизма, следует разводить высказывания современного естествознания и греческой философии. Атомизм Больцмана, Смолуховского, Резерфорда — нечто иное, нежели атомизм Левкиппа и Демокрита. Игнорировать это различие означает нарушать чувство истории, смешивать знание и гносеологически альтернативную ему догадку. Догадка включает неявную, неустойчивую, случайно фиксированную истину, достоверность *in pace*. Последнее подчеркивает: «знать» и «знание» не совпадают с «быть истинным», «обладать истиной», они означают «признавать истиной», имея на то соответствующие дискурсивные основания.

ВЕРА. Вера есть сознательное признание чего-то истинным, достаточное с субъективной, но недостаточное с объективной стороны. Как и в случае мнения, здесь мы имеем дело с изумительным и непонятным инстинктом, актом «скорее чувствующей, чем мыслящей части нашей природы» (Юм). Отличие одного от другого заключается в том, что субъект-интенция (С-интенция) признания истины опирается на ощущение согласованности (а не несогласованности, как в условиях «мнения») суждений с

275

прежним субъективным опытом, всем мирозерцанием, ощущение, которое в противоположность мнению (сомнению) поставляет момент убежденности, несомненности, истинности чего-либо для субъекта.

С гносеологической точки зрения вера есть скрытый параметр, вводимый в субъективно значимую ситуацию для стабилизации поведения, упразднения неоднозначности, выбора вполне определенной жизненной линии. Объект и принцип веры недостаточен и незначим для всех; он достаточен и значим для меня. Веруя, я апеллирую к свободной высшей воле, надеясь на ее вмешательство в мою собственную судьбу, — тем самым я

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

упрочиваю порождаемые мной цепи причинения.

Под гносеологический типаж «веры» подпадает «идеология», также выступающая формой удостоверения и признания истины по недостаточным объективным (сообщающим универсальность) и достаточным субъективным (идушим от особого характера субъекта) основаниям (См.: 1.4.2).

ЗНАНИЕ. Знание есть объективно и субъективно достаточное признание истинности суждения. Познание вообще охватывает всю сферу суждения — предикативного и допредикативного, все виды мысли, приобретающей любую форму (от вербальной до визуальной, изобразительной, музыкальной); в нем находят материализацию различные варианты удостоверения содержания, акты веры в разнообразных модальностях. Познание, следовательно, — производительный процесс, результатом которого выступает многообразие знания. О последнем — речь ниже. Здесь же, расценивая знание как форму сознательного признания истины, уместно подчеркнуть следующее.

Схоластическая философия толковала познание через призму модели двух заведенных часов: имеется начало *principium essendi* и начало *principium cognoscendi*, по которым все, долженствующее быть, существует, а все существующее — познается. Против этой наивно-реалистической модели восстает весь наш познавательный опыт. Действительно, в мире масса до конца или вовсе не познанных вещей, добротного знания о которых не имеется.

276

Знание — не божий дар, а результат демонстрации. Будучи средоточием О- и С-интенций, воплощенных в суждении, знание кристаллизуется и по азимуту от сущего, и по азимуту от субъективного отношения к истине. О-интенция поставляет материю знания, С-интенция задает порядок восприятия мира, поставляет право наделять информацию объективной значимостью. В результате возникает универсально согласованное понимание действительности, базирующееся на дискурсии; мысль и объект утрачивают самобытность, переходя в среду, где мир как взаимосогласованное целое существует для нас (Бозанкет) — в виде достоверной рациональной реконструкции. Мир знания поэтому есть мир в логической форме, о нелогическом мире мы лишены возможности знать (Пэко, Витгенштейн) (См.: 1.4.3).

Завершая рассмотрение проблематики знания как признания истины по достаточным объективным и субъективным основаниям, обратим внимание на еще одну допускаемую комбинаторикой возможность: признание истины по объективно достаточным, но субъективно недостаточным основаниям. С гносеологической точки зрения данный случай — вырожденный. Истории познания известны феномены: Эрмит, Марков не признавали геометрию, в эпоху триумфа полевых представлений Яноши отстаивал эфирные и т. д. Все эти связанные с взаимодействием научных школ, перипетиями жизни самоутверждающихся индивидов многообразные фобии, предрассудки, навязчивые штампы представляют предмет занятий психологии, социологии, истории, но не гносеологии. Рефлексию «особости» субъекта проводят хронисты, биографисты, летописцы, а не гносеологи. Последние

имеют дело с суждениями не восприятия, а стандартного опыта. Если в актах познания не дифференцируется доказанное очевидное и слепое предубеждение, если отрицается преимущество обоснования перед некритической установкой, то разрушается возможность теории как теории вообще, утрачивается возможность теории познания.

277

3.5 Композиция знания

Двойная зависимость знания от О- и С-интенций позволяет качественно градуировать сферу «знание» в зависимости от их (интенций) преимущественной материализации. О-интенция отвечает за общую диспозицию знания к адекватности, тогда как С-интенция отвечает за общую диспозицию знания к обоснованности, общезначимости. Однако в обоих случаях речь идет о диспозициях. Знание как надлежаще удостоверенное адекватное содержание — скорее идеал, чем реальность. Знание — процесс и как неизменное, завершённое, сияющее полным блеском своих высоких регалий состояние в познании не дано. Истина, как и формы ее удостоверения — обоснование, доказательство, — динамичны, они меняются от эпохи к эпохе. То, что некогда считалось истинным, затем уточняется, пересматривается, а порой и отбрасывается. Достаточно указать на принятые миром, а впоследствии фальсифицированные и исключенные из актуального знания теории теплорода, флогистона, эфира и т. д. Также уточняются, модифицируются и выбраковываются формы удостоверения — инструменты обоснования. Можно вспомнить десикацию апагогического доказательства, доказательства по неполной индукции через простое перечисление и т. п. Таким образом, реальная воплотимость в познании всего того, к чему предрасполагают О- и С-интенции, — есть тенденция, на отдельных константных фазах которой, правда, допускается гносеологическая оценка имеющихся результатов. Поскольку О- и С-интенции не реализуются в знании обособленно (истину включает и незнание, общезначимым может быть групповой фантом, иллюзия, семантическая фасцинация), равно как не реализуются там в полной мере непосредственно (абсолютное знание как предел и идеал познавательных усилий), правильно ставить и обсуждать вопрос меры их фактической реализуемости. Фиксация этой меры позволяет проводить типологизацию знания в соответствии с третьим смыслом словоупотребления термина «знание».

278

РАЦИОНАЛЬНОЕ - ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ.

Как утверждалось, знание является формой удостоверения истины, комплексом демонстраций, обуславливающим некую очевидность истины для субъекта. Однако, учитывая, что истинность различных знаний удостоверяется по-разному, уместно говорить о различных типах очевидности.

Под понятием «очевидность» помимо интуитивистских

интерпретаций можно понимать:

а) психологически очевидное, которое есть очевидное в индивидуально-личностном смысле («фон» личности и т. п.) и которое означает уверенность субъекта в истинности чего-то, исходя из его частного опыта. Примером может быть варьированность силы довода при повторении признака по индукции для неспециалиста, специалиста и соответственно высококвалифицированного специалиста;

б) логически очевидное, которое является очевидностью доказательства, где под последним понимается его (доказательства) аподиктичность. Такое очевидное всегда опосредствованно, ибо представляет результат демонстрации, обоснования, доказательства и т. д., примером служит любая математическая теорема;

в) непосредственно очевидное, которое представляет форму адекватной фиксации некоторого положения дел, так сказать, на поверхности, исходя из самой сущности ситуации. Например, высказывание «белое не есть черное» самоочевидно в силу «самовыразимости».

Отсюда ясно, что рациональное знание очевидно в логическом, а интуитивно-образное (эмоциональное) — в психологическом смысле. Будучи логически эксплицитным, рациональное знание (в идеале) аподиктично.

В противоположность рациональному эмоциональное знание — «инстинктивно», личностно. Оно кристаллизу-

279
ется непосредственно в общении, в коммуникации, когда субъект по множеству едва уловимых нюансов отдает отчет о сущности происходящего. Так, чаще всего человек «знает», когда ему доверяют (не доверяют), верят (не верят) и т. п. Проистекая из комплексной оценки реально переживаемой субъектом ситуации, это знание не дискурсивно, во всяком случае, как правило, оно не рационализируется и не обобщается на аналогичные ситуации. Например, заведомо неопределенной представлялась бы попытка генерализировать (рационализировать) знание (о предназначении человека, об общности людских судеб, о незначительности индивидуальных деяний и т. п.), спонтанно возникшее в ситуации «Пьер Безухов — Даву», когда «бескомпромиссный завоеватель» против всех правил дарует свободу поджигателю Москвы и бунтовщику.

В данном случае, как и в аналогичных, следует говорить о знании-понимании на основе образно-символических форм (например, чеховский подтекст), которые не могут найти четкое дискурсивно-логическое выражение. В этом смысле минимальным условием возможности осуществления специализированной познавательной деятельности, связанной с получением в качестве «продукта выхода» дискурсивного знания, является способность проведения исследования в естественном языке, который, очевидно, выступает нижним порогом рациональности.

СОЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ЗНАНИЕ.

По этому основанию знания классифицируются на знания-персоналии, знания-проблемы, знания-предметы, отражающие

динамику знаковой трансляции знаний в социум. Деятельность человека — знаковая. Одно из распространенных пониманий человека так и связывает его *differentia specifica* со способностью быть знаково-символическим существом, оперировать символами, знаками. Разветвленная знаковая деятельность, как стало ясно из тщательного изучения вопроса, развилась вследствие ограниченности, недостаточности механизмов биологического кодирования, трансляции информации для видового самосохранения и прогресса *Homo sapiens*. В ходе эволюции человек объек-

280

тивно сталкивается с фактом естественной предельности, неуниверсальности средств биологической передачи информации, ибо оказывается, что вся социальность, т. е. особая формация, возникающая как результат межиндивидуального общения, коммуникации, интеракции, по своей природе не биологична и биологически не транслируется. Поэтому для воспроизведения социальности потребовались принципиально иные средства — внебиологические. Так возникла культура как механизм внебиологической знаковой трансляции, как социокод, обеспечивающий закрепление, хранение, передачу гуманитарных ценностей в широком смысле слова, делая их продуктами последующего потребления. Какова динамика реализации социокода? На ранних стадиях существует лично-именной тип трансляции знаний (обряды инициации — посвящение «неофитов» в первобытных обществах, мифы как назидательные повествования-описания деяний предков и т. п.), который чрезвычайно несовершенен вследствие практической невозможности всей с большим трудом добываемой информации от часто случайной утраты субъектов ее носителей. Этому типу трансляции знаний соответствуют знания-персоналии (в смысле «технэ»: индивидуального умения), являющиеся уникальным достоянием личности.

Впоследствии этот тип трансляции знаний заменяется профессионально-именным (передача знаний членам единой ассоциации людей, сгруппированных по признаку общности социальных ролей, где на место индивида заступает коллективный хранитель, накопитель, транслятор группового знания-искусства), который несколько более совершенен благодаря расширению общественного поля носителей знания, что страхует социум от безвозвратной потери знаний при утрате отдельных его носителей. Этому типу трансляции знаний соответствуют знания-проблемы, жестко привязанные к конкретным познавательным задачам, возникающим вследствие столкновения человека с некоторым типологическим классом проблемных ситуаций. Таковы архаичные формы древневосточного знания, представ-

281

ляющие рецептуру субъективной деятельности по разрешению конкретных задач-проблем. Знания-проблемы, столь же гносеологически несовершенные, как и знания-персоналии, обречены на гибель, ибо ни в познавательном, ни и практическом (тривиализация наличного проблемного фонда) отношении не отвечали возрастающим потребностям культурного прогресса

человечества.

В свою очередь этот тип трансляции знаний вытесняется наиболее совершенным универсально-понятийным типом, в котором субъект, входя в социальную деятельность по «гражданской» составляющей, не регламентируется родовыми, профессиональными и тому подобными рамками. Этому типу трансляции знаний (в идеале) соответствуют знания-предметы, являющиеся продуктом познавательного освоения субъектом определенного фрагмента реальности. В отличие от знаний-проблем, соответствующих стихийно-эмпирической, донаучной стадии развития интеллекта, знания-предметы, олицетворяющие науку, не представляют набор инструкций для познающего субъекта — они вообще не описывают субъективную деятельность. Выступая итогом познавательного отображения некоторой предметной области, они описывают то, что существует объективно.

Процесс наукообразования, понимаемый как переход от знаний-персоналий и знаний-проблем к знаниям-предметам, представляется таким.

1. Систематизация частных решений, методов снятия проблем, фиксация их в некотором интегральном виде благодаря «привязке» к соответствующим типичным условиям позволяет абстрагироваться от рассмотрения уникальных ситуаций, порождающих эти проблемы.

2. Вынос за скобки частных условий означает не просто исследование проблем в общем виде, он предполагает как бы безусловное описание всей предметной области, генерирующей соответствующие виды проблем, что, собственно, и является начальной точкой отсчета науки.

282

Так, знания о лесах первоначально концентрировавшиеся у отдельных крестьян, которые занимались лесоразработкой, функционировали как знания-персоналии (знания-проблемы) и наследовались от отца к сыну. Между тем запросы промышленности (капитальное строительство, кораблестроение и т. д.) привели к необходимости систематического описания (знания) леса: в каких ареалах и почему преобладают те или иные породы, как и где целесообразнее производить заготовки и т. д., что обусловило генерализацию стихийно-эмпирического знания в этой области. В итоге мало-помалу оформлявшееся научное лесоведение включает уже не обрывочные, а общие сведения о лесе как природно-географическом явлении (Г. Ф. Морозов, В. В. Докучаев, Н. А. Михайлов). Главное в трансформации лесоводства в лесоведение заключается в выделении предметной области, фиксации сведений о характере подлежащей исследованию реальности в общем виде, представлении «леса» как «идеализированного объекта», выступающего темой специального рассмотрения, а, следовательно, в переводе знаний из утилитарно-прикладной сферы в теоретическую. Такова общая диалектика перерастания знаний-персоналий (проблемоцентризм) в знания-универсалии (предметоцентризм), ненауки — в науку.

ФЕНОМЕНАЛИСТСКОЕ - ЭССЕНЦИАЛИСТСКОЕ ЗНАНИЕ.

Феноменалистские знания представляют качественные теории, наделенные преимущественно описательными функциями (многие разделы биологии, географии, геологии и т. д.). В отличие от этого эссенциалистские знания являются объяснительными теориями, прибегающими в освоении предметных областей в основном к помощи количественных средств анализа. Естественно, феноменалистские теории не подменяют собой эссенциалистских, подобно тому, как описательные функции теории не подменяют ее объяснительных функций.

Динамика познания такова, что феноменалистские теории рано или поздно — за счет постижения сущности, фиксации причин рассматриваемых явлений и т. п. — трансформируются в эссенциалистские.

283

ЭМПИРИЧЕСКОЕ - ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ .

Дихотомия эмпирического-теоретического упорядочивает знания с позиций учения о формах мышления, учета их функциональной роли в структуре интеллектуальной деятельности, что открывает дополнительные возможности для определения качественной природы, особенностей известных знаний.

Знания, соответствующие эмпирическому уровню, в основном связаны с генерализацией фактических данных, обобщением опытных зависимостей, регулярностей, индуктивных законов и т. п. Знания, соответствующие теоретическому уровню, более абстрактны, возникают в результате имманентного развития теоретических проблемных областей.

Существенное различие эмпирических и теоретических знаний состоит в использовании различных форм мышления. Знания, связанные с эмпирическим уровнем, формируются как результат чувственной фиксации, констатации, регистрации. Знания же, связанные с теоретическим уровнем, формируются как результат семантической интерпретации, концептуализации, рационализации.

Диалектика взаимоотношения эмпирических и теоретических знаний такова, что рано или поздно за счет соответствующего обоснования эмпирические знания трансформируются в теоретические. Так, законы Кеплера, в авторской формулировке представлявшие индуктивные обобщения, с развитием классической механики выводятся в качестве теоретических знаний-следствий из более фундаментального ньютоновского закона всемирного тяготения.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ - ПРИКЛАДНОЕ ЗНАНИЕ.

Говоря о достаточно ясной типологии фундаментальных — прикладных знаний, стоит подчеркнуть ее относительность. В эпоху, когда наука играет роль решающей производительной силы,

деление на «фундаментальную» («чистую») и «прикладную» науку весьма условно. Общее положение дел выражает тот тезис, что фундаментальная («чистая») наука в перспективе становится прикладной. Лишь один пример. В не столь отдаленное время, указывая на своего

284

рода социально-практическую «отрешенность» астрономии, А. Пуанкаре не без иронии замечал: «...для финансирования этой науки надо быть идеалистом в политике». Теперь в связи с практическим освоением космоса, когда политики стали одними из заинтересованнейших его «потребителей», имея в виду промышленные, военные, прочие интересы, отказ от финансирования астрономии выглядел бы формой «политического идеализма».

Одновременно разрешение достаточно серьезных прикладных проблем требует фундаментальных разработок. Так, проблема овладения новыми источниками энергии — прикладная. Одно из ее «ближайших» решений в настоящее время видится в получении управляемых термоядерных реакций. Проблема же получения данных реакций — в значительной мере теоретическая, — для ее разрешения необходимо всестороннее изучение плазмы, что требует фундаментальных исследований по магнитной гидродинамике, разработки соответствующего математического аппарата (нелинейных дифференциальных уравнений гидродинамики) и т. д. Следовательно, успешное решение прикладной энергетической проблемы во многом зависит от решения фундаментальных теоретических проблем в области магнитной гидродинамики.

ВЕРОЯТНОЕ - ДОСТОВЕРНОЕ ЗНАНИЕ.

«Вероятность» и «достоверность» — модальные характеристики знания, которые выражают степень его обоснованности. Знание считается достоверным, если есть основания утверждать, что истинность его установлена. Знание считается вероятным, если твердые основания для уверенности в его истинности отсутствуют, оно нуждается в дополнительном логическом или практическом обосновании. Диалектика развития знания подчиняется закону трансформации вероятных знаний в достоверные за счет выявления оснований их истинности.

АНАЛИТИЧЕСКОЕ - СИНТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ.

«Аналитическое» и «синтетическое» квалифицируют знание с точки зрения нетривиальности истинности. Аналитическое знание представляет множество аналитических

285

утверждений, истинность которых непосредственна, зависит от значений входящих в них терминов и, следовательно, не требует дополнительной экспликации. Утверждение «всякая дочь имела мать» — аналитическое. Синтетическое знание представляет множество синтетических утверждений, т. е. таких, установить

истинность которых не удается непосредственно, — для этого требуется дополнительная, как правило, нетривиальная фактуальная процедура. Утверждение «всякое тело находится в состоянии покоя или прямолинейного и равномерного движения, если результирующая сил, действующих на него, равна нулю», — синтетическое.

Деление знаний на аналитические и синтетические — относительно, бессмысленно вне рамок фиксированной семантической системы.

АПРИОРНОЕ - АПОСТЕРИОРНОЕ ЗНАНИЕ.

Во избежание недоразумений подчеркнем: априорных знаний как таковых не существует, знания бывают лишь апостериорными. Вместе с тем, отрицая правомерность употребления эпитетов «априорное» и «апостериорное» в некоем абсолютном смысле, мы убеждены в справедливости их употребления в относительном смысле, имея в виду функционально-оперативную роль, предназначение определенных знаний в познавательном процессе. При таком подходе под «априорным» понимается предпосылочное, базисное знание, обеспечивающее реальное развертывание познавательных актов по получению производного, «апостериорного» знания. Констатация позволяет углубиться в тему предпосылочного знания.

Развитие науки, как известно, стимулируется развенчанием некогда принятых догм, предрассудков, предубеждений, не имеющих под собой серьезных оснований. Данное положение дел подтверждается и опытом гносеологии, осязаемый прогресс которой вызван критикой и последовавшим отказом от трансцендентализма — господствовавшего в классической культуре предвзятого аналитического подхода к интерпретации природы сознания (познания, знания). Для трансцендентализма характерно при-

286

знание 1) изначальной прозрачности, безотносительности, «ненастроенности» сознания: сознание — полая ниша, наполняемая когитальной вещностью по стандартным методикам; 2) отождествимости субъектов по фактору *cogito* — все способности души от природы у всех одинаковы, 3) реставрируемости процессов мыследеятельности до их исходного *lucida intervalla* — возможность такой рефлексивной проработки сознания, которая гарантирует достижение базиса несомненности субъективного.

Подобная идеология, однако, вступала в противоречие с практикой функционирования сознания. Ведь если допускать самоидентичность субъективного, его равноопределимость для любой произвольной точки, то как объяснять непонимание, несогласие, предрасположение, выбор, консенсус — феномены, свидетельствующие о внутренней дифференцированности, неоднородности субъективного. Приемлемых толкований этих явлений в трансцендентализме не давалось. Последнее, с одной стороны, демонстрировало искусственность трансцендентализма, а, с другой, — предопределяло поиск более адекватных трактовок сознания (познания, знания), лишенных того комплекса догм,

предрасудков, предубеждений, которые свойственны трансцендентализму. Одной из них явилась теория, отвергающая базовую концепцию трансцендентализма об изначальной прозрачности, беспредпосылочности сознания. Эта теория исходит из предположения некой опосредованности сознания предпосылочным знанием.

Предпосылочное знание в своем гносеологическом содержании многофакторно, поливариантно. Оно реализуется в форме явного и неявного знания. Первое объединяет множество ранее наработанных положений эмпирического и теоретического уровня, а также различных ценностей, регулятивов, которые задают идейные рамки сознания. Отличительная черта данного типа предпосылочного знания — теоретико-рефлексивная проработанность, предполагающая целенаправленное использование индивидом имеющихся достижений. В отличие от этого неявное предпосылочное знание выступает ассоциацией не-

287

фиксируемых средствами рефлексии (т. е. неартикулируемых, неконцептуализируемых) положений, образующих имплицитную теорию природы вещей индивида. Здесь допустимо говорить о своего рода презумптивной стадии сознания, с которой связан допредикативный опыт (неотчетливые предпонимания, неопределяемые предзнания, подразумевания и т. п.), задающий глубинный теневой фон деятельности интеллекта. Как он складывается, самопроявляется в «механизме» сознания?

Ближайшей питательной средой предпосылочного знания оказывается неспециализированная практически-обыденная сфера, в которой индивид пребывает с другими в нормальной самоочевидной рутинности (эти понятия не несут оценочной окраски) повседневной жизни (Бергер, Лукман). Здесь формируется духовный склад личности,⁷⁴ оформляются убеждения и предубеждения, доверия и недоверия, устанавливается масштаб мира, горизонты его понимания и постижения, складывается исходное «видение», от которого индивид не может отвлечься при последующем восприятии действительности.

Связующими звеньями между этой надындивидуальной сферой и сознанием индивида служат язык и персональный опыт.

Мощнейшим индуктором предпосылочного знания является язык, содержащий развернутую систему значений в их соотношении, категориальное членение и синтез объектов действительности, формальное, ставшее стереотипным закрепленное знание о мире, типовые логико-грамматические операции, навыки мышления, «навязчивые идеи», предрасположения, возможность пустых вербализмов, «холостых» и даже ложных ходов; будучи первичной и универсальной формой рациональности человеческого опыта, язык заключает в себе определенные программы возможностей и запретов, алгоритмы реализации понятийных отношений и связей (М. С. Козлова).

⁷⁴ В общем случае инструментами этого формирования выступают «семья», «школа», «эпоха».

288

Язык предсуществует, он преддан; человек приобщается к нему, усваивая навязываемые языком дискретизации, объективации,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

интерпретации. В известной мере не человек мыслит языком, а язык мыслит через человека; язык в некотором роде сам есть субъект в онтологическом смысле (С. Дробовски).

Роль языка повсеместна, всепроникающа. Для наших целей принципиально то, что любая форма человеческого познания от визуальной регистрации до концептуализации осуществляется в соответствии с исторически сложившимися языковыми (понятийными) структурами, в которых зафиксированы определенности бытия, выявленные совокупной практикой. Тут-то и проявляются предпосылочные комплексы, «запускающие» механизмы мировосприятия.

Другим не менее сильным генератором предпосылочного знания выступает персональный опыт, значение которого по сей день остается малоизученным. Именно в повседневной живой ткани частной жизни как результат различных общений и обобщений исподволь, во многом на ощупь, складывается целостный, удивительно прочный образ мира, детерминирующий сцепление, воспроизводство, вариации всего многообразия конкретных форм, видов представления, мышления, деятельности, характерных для индивида. Функциональное назначение этого внутреннего идейного континуума, постоянные вибрации которого сопровождают человека на всех участках его жизни, — настройка практического, духовного и практически-духовного освоения действительности. Аккумулируя многообразие произвольно образующихся моделей мира и актуализируя эти модели, предопределяя воспроизводство определенного образа мысли и действия, персональный опыт играет роль скрытой опоры, поддерживающей видимое здание человеческой самореализации.

Понимание важности роли предпосылочного знания, детерминирующего деятельность и сознание, ставит задачу его экспликации. В случае выявления и уточнения принимаемых предпосылок многие проблемы практики (ком-

289

муникация) и познания (понимание) относительно непосредственно бы снимались. Реальна ли возможность рефлексии предпосылочного знания?

Вообще говоря, учитывая отсутствие каких-то заведомых пределов нашей способности рефлексии, запретов на прояснение предпосылок сознания не существует. Однако, утверждая это, важно представлять недостижимость состояния полной их (предпосылок) проясненности. В связи со сказанным подчеркнем лишь три обстоятельства:

1. Не весь человеческий опыт дискурсивен. Подсознание вбирает в себя многочисленные воздействия на душу, не доходящие до сознания в виде определенных ощущений, представлений, образов, моделей и т. п., масса которых, очевидно, значительно перекрывает массу отчетливых идей. Таким образом, мы никогда не знаем, сколько в действительности знаний мы имеем внутри себя (Гегель).

2. Принцип работы сознания линеен (не иерархичен), что исключает возможность мыслить и одновременно рефлексировать мысль. Поэтому рефлексия предпосылок осуществляется всегда *post factum*. Но это означает оценку ситуации на основе привлечения не

связанных с ситуацией предпосылок. Возникает проблема взаимодействия «изучаемых» и «изучающих» предпосылок, которая просто отнюдь не решается. Встречная активность вновь привлекаемых предпосылок вносит дополнительный элемент неопределенности, требует выхода на новые круги рефлексии, испытывающей аналогичные затруднения.

3. В качестве фигурирующих предпосылок имеют место комплексы эмоционального знания, коренящегося в особом характере субъекта. Проявлению его действия обязаны всякого рода вкусы, пристрастия и т. п. Рефлексию данного типа предпосылок осложняет их неартикулируемость. Известные возможности рефлексий, правда, открывают методы историко-биографической реконструкции, проясняющей ситуации типа «почему Чебышев не при-

290

нимал теорию функций комплексного переменного», однако и эти возможности не универсальны, учитывая как неполноту воссоздаваемой задним числом картины, так и существенную роль внеисточникового знания (принятые модели событий, описывающих их конструкций, ценностей), участвующего в реставрации генеалогии событий.

Выводом из сказанного будет констатация невозможности полной рефлексивной проработки предпосылочного знания, что демонстрирует иллюзорность принципа всесторонней рефлексированности состояний сознания, выдвинутого классической культурой. Вместе с тем мириться с вхождением в сознание нерелефлексивных компонентов трудно. Слишком уж значительный момент неопределенности (неоднозначности) привносится в деятельность сознания. Поэтому, если предпосылочное знание не поддается прояснению, то, может, оно поддается исключению из умственной деятельности? Приступая к рассмотрению проектов элиминации (нейтрализации) предпосылочного знания, оценим соответствующие тенденции в сфере как научного, так и ненаучного опыта.

Одна из представительных тенденций такого рода в науке — финитизм, представляющий широкую гносеологическую доктрину, которая исходит из идеала всесторонне обозримого, доказательного, наглядно очевидного, поддающегося непосредственному контролю знания. То, что такой идеал достижим, не проблематизировалось. Проблематизировалось право отдельных кандидатов олицетворять его.

Одни, как Гильберт, за несомненное основание знания принимали форму знаков, которую «можно распознавать наверняка всегда и всюду, независимо от места и времени, от особых условий, в которых был начертан знак, а также от незначительных различий в исполнении знаков».⁷⁵

⁷⁵ Шт. по: Карри Х. *Основания математической логики*. М., 1969. С. 140.

291

Другие, как Гейтинг, уповали на «построение», которое «должно быть столь ясным, чтобы не нуждаться ни в каких обоснованиях». Третьи, как Бриджмен, фундамент науки усматривали в «операции», которая, исключая латентные знания, гарантирует надежность познания. Естественно, разрабатывались и иные версии, **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

обсуждать которые нет необходимости ввиду произведенной ранее принципиальной оценки стратегии поиска беспредпосылочной точки опоры в гносеологии. Некритические притязания эмпиризма, рационализма, интуитивизма на установление прозрачного базиса знания потерпели полный крах, откуда следует невозможность «чистого» познания, не отягощенного предзаданной позицией исследователя. Эту позицию не удастся устранить даже из максимально явного математического знания, где она реализуется через содержательный пласт деятельности (См.: 4.4.1). Но факт принятия за исходный пункт и основание доказательства содержательных аксиом обнаруживает несбыточность финитистского идеала всесторонне обоснованного самоочевидного знания. Ибо, принимая содержательные аксиомы, мы принимаем предпосылки, а «принимая предпосылки, мы переходим в область проблематического, т. к. различия в мнениях людей основываются... на том, что люди исходят из различных предпосылок».⁷⁶ За пределами идеала, развиваемого финитизмом, остаются такие процедуры, как принятие онтологических допущений, гипотез существования (выражающих специфику определенным образом понятой «объективной логики» предмета в случае опытных наук и специфику базисных теорий в случае логико-математических наук), идеалов и норм науки, оценка и сравнение теорий, принятие решений и т. п. С позиций сказанного доктрина финитизма, усматривающая базис несомненности знания в оперировании объектами *in concreto*, поддерживается верой во всемогущество и не-

⁷⁶ Гильберт Д. *Основания геометрии*. М., 1948. С. 391.

292

погрешимость наглядных средств познания, сама располагается в области предпосылок, причем весьма нефинитных и проблематических.

Рассмотрим некоторые из тенденций элиминации (нейтрализации) предпосылочного знания в сфере ненаучного опыта. Характерные особенности их выясним на примере символизма и футуризма, делающих ставку на разработку «беспредпосылочных» способов языковой коммуникации.

В случае символизма возможность устранения предпосылочного знания усматривается в разработке своеобразной фонологии. Исходя из того, что восприятие и осмысление мира в значительной мере предопределено процессом вокации, теоретики символизма путем отвлечения от смысла и значения слов предлагали концентрировать внимание на их (слов) звучании. Упор на слово, которое вначале звучит, а потом значит, позволяет с их точки зрения через саму форму слова — ритм, метр, инструментовку, мелодику — задать общезначимую содержательную (смысловую) настройку: хотя каждый воспринимает звуки по-своему, звуки у всех вызывают идентичные мысли. Как видно, преодоление предпосылок достигается здесь вследствие погружения на доразумный уровень, где не существует предданного смысла и где в основе порождения смысла лежит звук.

Сторонникам этой линии уместно адресовать контраргументы.

Ритмика слов предваряет несомые ими смыслы, влияет на них,

но их не порождает. Звуковая форма «ложится» на исходный смысловой фон, который предсуществует в виде запаса культуры индивида. И лишь существованием этого фона удастся объяснить то, что звучащее слово вообще имеет смысл.⁷⁷

⁷⁷ *Игнорирование этого обстоятельства ведет к идее «чистого», по существу бессодержательного языка (идея «чистой» поэзии), с которой выступают сюрреалисты.*

293

Организационного слияния звука и порождаемого им смысла не достигается в силу двух причин. В силу ассоциативности, метафоричности языка: становлению смыслов, тем более общезначимых, препятствует обилие эллипсов и тропов (метонимия, синекдоха, аллегория, гипербола, литота, перифраз, пародия и т. п.). И в силу неоднородности контекстов коммуникации: слово, выхваченное из контекста, превращается в тайну, «терзание мысли» (Валери), например: «время», «жизнь» и т. д. В этом отношении прав М. М. Бахтин, подчеркивающий, что «не может быть «смысла в себе» — он существует... для другого смысла, т. е. существует только с ним».⁷⁸

Мелодика слова не в состоянии внушить (передать) значимые смыслы, которые практически не поддаются словесной фиксации. В данной связи сошлемся на Н. В. Гоголя, замечавшего: «Есть вещи, которые нельзя изъяснить... есть много того, что может только почувствоваться глубиной души».⁷⁹ Наличие подобных вещей позволяет сформулировать закон неполной артикуляции, согласно которому артикуляция достаточно нетривиального предмета, как правило, не полна.

Сказанное дискредитирует концепцию суггестивно-магического (поэтического) призвания языка, составляющую краеугольный камень программы символизма.

В отличие от символистов футуристы исходят из изначальной слитности звука и смысла, акцентируя содержательную выразительность звучащих слов. Преодоление мыслительных предпосылок осуществляется, по их мнению, освобождением языка от такой условности, как звуковое, ритмическое измерение, что путем углубления в структуру слов предоставляет возможность достигнуть безусловного — универсального смысла «в себе» слов. Подобно А. Бергсону, призывая забыть, что люди пользуются словами, футуристы пытались привести звуки речи к

⁷⁸ *Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 350.*

⁷⁹ *Гоголь И. В. Собр. соч. Т. 4. М., 1952. С. 239.*

294

единому знаменателю: минуя слово добиться «непосредственного постижения» (А. Крученых). Слово интересует футуристов лишь как совокупность смысловых тенденций, общее в языковых вариациях, — так сказать, масса слова.

Возвышение над предметными функциями слов, их бытовыми значениями и позволяет, в представлении футуристов, преодолевать ассоциативную (наводненную предпосылками) ткань речи, обретать «чистый», «беспредпосылочный» смысл.

В плане критики позиции выскажем такое соображение. В основе программы футуризма — разработка специального языка, оперирующего содержательной азбукой, где каждая буква, звук

имеют точную, заранее оговоренную семантику: первая согласная управляет словом, слова, начатые одной согласной, подводятся под одно понятие и т. д. «Если взять одно слово, — уточняет, к примеру, В. Хлебников, — допустим, чашка, то мы не знаем, какое значение имеет для целого слова каждый отдельный звук. Но если собрать все слова с первым звуком Ч... то все остальные звуки друг друга уничтожают, и то общее значение, какое есть у этих слов, и будет значением Ч. Сравнивая эти слова на Ч, мы видим, что все они значат одно тело в оболочке другого; Ч — значит оболочка».⁸⁰

Очевидно, что беспредпосылочность «заумного» языка поддерживается жесткой связью звука с соответствующим ему понятием. Но может ли эта связь быть беспредпосылочной? На наш взгляд, нет.

Тождество звука и смысла не может не опосредствоваться предпосылками. Как тонко замечает П. Валери, язык — язычник. Он «неумолимо требует, чтобы душа не осталась без тела, ни смысл, ни идея — вне действия какой-либо запоминающейся фигуры, построенной на тембрах, длительностях и акцентах». Язык опосредован знанием о мире, которое проявляется либо в дискурсе (в смысловой связи предложений), либо в ситуации протекания речевого акта, либо в интонации, жестах и т. п. Речевой контекст, следо-

⁸⁰ Хлебников В. *Собр. произв. Т. 5. Л., 1933. С. 235.*

295

вательно, не может быть построен на «объективных» значениях слов, ибо он субъективен: так или иначе в нем проявляется преданная жизненная позиция, которая сопровождает осмысление бессмысленного (букв, звуков). Последнее и демонстрирует невозможность преодолеть предпосылочное знание о мире путем порождения универсальной смысловой основы слов, избегая «игры в куклы» (В. Хлебников), т. е. а) игнорируя общезначимые традиции формирования значений и смыслов в языке как естественно-исторической коммуникативной системе и б) минуя переживание словесной формы слов, опирающееся на историю и вводящее индивидуальное восприятие букв и звуков в широкие координаты общечеловеческого опыта.

Как видно, предпосылочное знание неустранимо не только из науки, но также и из ненауки. Однако если в отношении ненауки вопрос остро не встает (эта область духовного производства не характеризуется строгостью), то в отношении науки, претендующей на строгость сферы когнитивного опыта, вопрос о наличии точно неформулируемых предпосылок приобретает предельную остроту постановки. Поэтому, если предпосылочное знание неустранимо из науки, то наука заинтересована в том, чтобы в качестве предпосылочного в ней фигурировало знание, максимально совершенное с минимумом спекулятивных, затрудняющих исследование элементов. В данной связи спрашивается: возможно ли разработать подобие системы экспертных оценок, позволяющих определять качество предпосылочного знания. В этом нет невозможного.

Обратим внимание на широко известный закон любой органической системы, состоящий в том, что необходимые

предпосылки ее движения воспроизводятся посредством механизма оборачивания ролей — превращения причины в следствие, условия — в обусловленное.

Можно утверждать, что управляющий развитием столь органической системы, как наука, закон оборачивания и является тем инструментом, который трансформирует неявные предпосылки в явные рефлексированные компо-

296
ненты теории. Дело состоит в последовательном превращении предпосылок в предмет специализированного анализа, которым может быть эмпирическая, логическая и внелогическая, неэмпирическая оценка знания.

ОБЫДЕННОЕ - НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ.

Идея этой классификации уходит в далекое прошлое. Уже в античности предлагалась дихотомия научного (теоретико-рационального, логически упорядоченного) — сократовского (атеоретичного, логически несистематизированного) знания, или, как потом стали говорить, знания жизненного мира.

Гносеологический статус данных знаний обусловлен сущностью социальных институтов, в рамках которых они производятся. Научные знания, производимые в науке как специализированной отрасли общественного производства, отвечают определенным стандартам, которые регламентируют параметры конечного «продукта выхода». Обыденные знания, производимые в рамках специально не регламентированной деятельности в условиях повседневного «жизненного мира», заведомо гносеологически не стандартизированы. Отсюда, различия между научными и обыденными знаниями проводятся по характеру объектов, в них зафиксированных, способу отражения, типу категоризации и т. п. — словом, по специфике как самой познавательной деятельности, так и ее продуктов, получаемых в одном и в другом случае, где эта специфика задается ориентацией на критерии научности.

Сфера обыденного познания многообразна. Она включает здравый смысл, верования, приметы, обобщения наличного опыта, закрепляемые в традициях, преданиях, назиданиях и т. п., интуитивные убеждения, предчувствия и пр. Обыденные знания весьма прочны. Представляя обобщение периодических, массовых явлений и процессов,⁸¹ они составляют основу практической жизненной позиции — отношения человека к миру (выбор ценностей, целепола-

⁸¹ *Содержание примет и так называемых «народных мудростей» кристаллизуется в ходе умозаключений по индукции из наблюдений регулярных, чередующихся, ритмических событий.*

297

гание и т. п.). Позволяя таким образом организовывать повседневную человеческую деятельность, обыденные знания фундаментальны для человека как природно-социального существа. Подчеркнуть это уместно перед лицом сциентистской абсолютизации научного знания — представления науки как универсального средства решения гуманитарных проблем, как меры вещей — того, что есть, и того, чего нет. Отвергая антропологическую критику сциентизма Гуссерлем, Хайдеггером, **Ильин В. В. Философия:** учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Ясперсом и другими, хотелось бы подчеркнуть, что редукция многообразного в своих проявлениях опыта человека к научному опыту несостоятельна, т. к. наука никогда в полной мере не покрывала и не выражала, и в дальнейшем не будет покрывать и выражать всего «человеческого» в человеке.

Гносеологические взаимоотношения обыденного и научного знания — динамичны. С одной стороны, обыденное знание выполняет по отношению к научному знанию некую предпосылочную, презумптивную функцию, что было четко (хотя и не впервые) зафиксировано Э.Гуссерлем. Наука, утверждал он, опирается на «круг уверенностей, к которым относятся с давно сложившимся доверием и которые в человеческой жизни до всех потребностей научного обоснования приняты в качестве безусловно значимых и практически апробированных».⁸² Этот круг уверенностей (сфера *Lebenswelt*) и олицетворяет логически невыразимое, несистематичное, обыденное знание, которое, хотя и является внутренним достоянием личности, обладает в то же время надличностной значимостью, выступая компонентом научного обоснования. С другой стороны, научное познание, вторгаясь в область обыденной жизни, видоизменяет обыденное знание, реконструируя его на научной основе.

Обыденное знание, конечно, фиксирует истину. Однако осуществляет это бессистемным неспециализированным образом, оставляя неэксплицированными ее основа-

⁸² *Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. VI. Haag, 1954. S. 441.*

298

ния. Научное знание отличает от обыденного логическая организованность и связность выражаемой в нем истины.

Как показал А. Р. Лурия, операции логического вывода из посылок с социально-психологической точки зрения вовсе не являются универсальными. Вначале, когда мыслительные процессы совершаются не в вербально-логическом, а в стихийно-эмпирическом, наглядно-действенном плане, доминируют не интерсубъективные, общезначимые комплексы логического доказательства (как таковые они еще не сложились), а индивидуальные, личностные комплексы-убеждения, выведенные по неполной индукции из практически-обыденного опыта. На этой стадии доверия к логическим посылкам как ингредиенту принудительной «системы вербально-логических отношений еще не возникает и операции логического вывода из посылок еще не приобретают того значения для получения новых знаний, которое они имеют... когда развиваются и получают массовое распространение теоретические формы деятельности».⁸³

В дальнейшем с преодолением «пралогического» донаучного практически-обыденного мышления, функционирующего по принципу безрефлективного отображения связей в конкретных ситуациях, и развитием рационально-теоретического отношения к действительности наличные знания упорядочиваются и логически систематизируются.

Вообще говоря, бессистемных знаний не бывает. Отсылка Э. Нагеля к поваренной или телефонной книге как примеру бессистемных знаний, строго говоря, легковесна. Поваренная и

телефонная книги действительно бессистемны в смысле отсутствия необходимых связей между образующими их элементами, а потому не представляют знаний, хотя в самом естественном смысле слова «системность» они системны, так как упорядочены, не хаотичны и в силу этого пригодны для пользования.

⁸³ Лурия А. Р. *Психология как историческая наука//История и психология. М., 1971. С. 54.*

299

Системность научного знания в отличие от системности поваренных или телефонных книг означает демонстрацию необходимости взаимосвязи его внутренних элементов, что обеспечивает рационально-логическую реконструкцию сущности вещей, им (элементам) соответствующих.

3.6 Природа истины

Истина, скажем мы вслед за Гегелем, — есть великое слово и великое дело; еще в большей мере она есть великое отношение к жизни, великая позиция, от самого подступа, самого приближения к которой, если дух и душа человека здоровы, выше вздымается грудь, глубже дышится.

Исходный пиетет перед истиной нацеливает на глубокое к ней отношение, исключая, с одной стороны, узколюбое важничанье, встречаемое в досужих постановках «Что есть истина?», а с другой — пресыщенность, манерничанье, находимое в риторическом «Все суета!»

Познание истины стимулирует самодостаточная линия полнокровно и трезво жизнеутверждающейся личности, одинаково далекой как от наивного оптимизма, так и безутешного алармизма, как от беспечного визионерства, так и разъедающего скепсиса.

Однако, возможно ли ставить на одну доску, сопоставлять ограниченного познавателя и сущую в себе и для себя истину? Каковы условия, гарантии вхождения конечного в бесконечное? Разрешению вопроса способствует выработка понятия различных модусов бытия истины.

3.6.1 Модус «on he on»

Говоря об истине, не удастся избежать рефлексии представленных в традиции доктрин истины; одной из них является концепция истины не как свойства знания, а как самого по себе сущего. Сопрягаемый с истиной объективизм получает здесь весьма буквальное прочтение в терминах онтологизма: истина есть независимая от субъекта сама по себе реальность.

300

Деликатный пункт такого подхода заключается в предикации самостийного бытия истины: где оно и что оно такое? Традиция располагает двумя ходами тематизации данной проблемы — 1) бытие истины непосредственно, безотносительно к тому, знаем ли оно; 2) бытие истины есть текст. Оба варианта проигрываются в рамках гносеологического платонизма и различаются, если можно так выразиться, мерой мистичности доводов: от маньерической, трудно понимаемой трактовки истины как алитеи — поставляемой анамнезисом нескрытости бытия — до изощренных и столь же

загадочных толкований истины как автономного идеального царства познавательных значений (мир объективного содержания мысли), существующего (как число листьев на дереве, безразлично, считал ли его кто-либо или нет) без познающего субъекта (Больцано, Фреге, ранний Гуссерль).

Канву рассуждений сторонников объективистской (онтологической) интерпретации истины задает идея сверхличности, имперсональности, надындивидуальности истины. Факт абсолютной принудительности, обязательности многообразных познавательных образований реален — в чем его корень?

Платон прямо эмансипировал от познавателя всеобщие и обязательные истины, за счет гипостазиса помещая их в особое пространство, идеальное вместилище — там они пребывают, оттуда оказывают свое регулирующее действие. Мистический апофеоз наивно реалистического гипостазирования истины как объяснительная модель принудительной реакции на нее субъекта уже в Новое время казался, однако, недостаточным. Размышляя над феноменом надындивидуальности и констатируя, что активная способность не может существовать в нас, поскольку мы являемся только мыслящими вещами, ввиду того, что она отнюдь не предполагает нашего мышления, а также потому, что ряд идей представляется нам без всякого содействия с нашей стороны, а зачастую даже и против нашего желания, к примеру, Декарт склонялся в пользу апофеоза теистического: допускал прямое вмешательство бога в познавательный процесс.

301

Кредит мифологических предопределений познания тем не менее оказался в гносеологии недолгосрочным. В результате — сложная ситуация: наличные теоретико-познавательные модели не отвечают требованию реалистичности, положение же дел в реальном познании (релятивном, изменчивом) не удовлетворяет высоте гносеологических ожиданий (образ общеобязательной истины). Хотя мысли по вопросам абстрактных наук суть, очевидно, «душевные явления», между тем то, что при этом мы мыслим, например, истины математики, логики и т. п., противостоит «нашей душевной жизни» как нечто независимое от нее, с не меньшей явственностью, чем предметы материального мира.⁸⁴ С учетом этого было проведено различие истинного и познанного с наделением истинного автономным от познания статусом. Истины имеют значение, не поскольку мы их усматриваем, а напротив, мы усматриваем их, поскольку они имеют значение (Гуссерль).

Данная линия — программа, обуславливает объем и содержание последующих разысканий. В отсутствие реальных познавательных актов истина сама по себе «остается такою, какова она есть, сохраняет свое идеальное бытие. Она не находится «где-то в пустом пространстве», а есть единство значения в надвременном царстве истины».⁸⁵ Истина изолируется от процесса ее формирования в познании, предметной деятельности, перестает быть свойством человеческого знания. Если кто-то (все) не знает истины, это не значит, что ее нет. Отсутствие (присутствие) знания истины остается персональной подробностью (недостатком,

достоинством) субъекта, никак не влияющим на феномен истины. Познающий должен приобщиться к идеальному царству истины и обрести соответствующее ее знание.

В контексте обсуждаемого симптоматична полемика Гуссерля с Зигвартом относительно природы закона тяготения. Зигварт держался мысли, что до времени, как Нью-

⁸⁴ Декарт Р. *Избранные философские произведения. М., 1950. С. 396.*

⁸⁵ Гуссерль Э. *Логические исследования. Спб., 1907. Т. 1. С. 210.*

302

тон установил соотношение обратных квадратов, для человеческого познания вообще не существовало никакого положения относительно закона тяготения, какое могло бы быть истинным. Для Гуссерля неприемлемо ставить содержание истины в зависимость от форм субъективного ее знания. В отсутствие познавательных актов истина существует в себе — в сфере абсолютно обязательного, куда мы относим все, обязательность чего для нас достоверна.

Такая смысловая кода, разумеется, возможна, однако не избавляет от неясности, чем является это истинностное бытие в себе (ни для кого)? Не будет натяжкой утверждать, что собственная динамика онтологической концепции истины, сообщающая теоретическому движению ускорение, на этом вопросе иссякает, вырождаясь в новую проблемную область структурных форм субъективного восприятия и переживания универсальных истин.

Гипертрофируемый объективизмом глубокий вопрос суть вопрос становления истин в культуре и потенциальные субъективные индивидуально-психологические реакции на комплексы сложившегося знания. Истина рождается как ересь и умирает как предрассудок. На стадии формирования нового знания (открытия) истина, во многом рассогласуясь с тезаурусом, является персональным достоянием; по своему дефинициальному статусу общезначимой она быть не может. Персональный план обретаемой истины утрачивается по ходу демонстрации, означающей логизацию знания, перевод контекста открытия в контекст обоснования.

Подчеркнем, что демонстрация порождает общезначимость как то, что выступает общим для всякого содержания в качестве условия мыследействия каждого дееспособного субъекта, откуда следует, что общезначимость истины есть форма человеческого знания; как таковая она не может возникнуть безотносительно к субъекту, конституирующему меру глубины, доказательности истины и потому градуирующему ее по модальности. Лишь акты обоснованного знания сопровождаются переживанием субъективной уверенности в его достоверности, что и при-

303

обретает смысл демаркации между солидной теорией и слепым предубеждением.

Теоретические достижения поэтому становятся фиксирующим истину знанием лишь в связи со всем ходом человеческого познания, лишь преобразуясь и воплощаясь в доказательную, прошедшую культурно-историческую апробацию систему субъективных взглядов.

Отменяют ли данные аргументы бытие, казалось бы, абсолютно
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

очевидных, самодостовверных истин, обладающих неотвратимой принудительной значимостью, безусловной необходимостью? Скажем, «квадратный корень из двух был бы числом иррациональным, даже если бы ни один человек не мыслил этого числа, а наибольшая площадь, охватываемая... веревкой данной длины, должна была бы иметь форму круга, независимо от того, мыслил это какой-либо ум или нет, осуществлял человек соответствующие измерения или доказательства или не осуществлял».⁸⁶

Прослеживая доводы в пользу бытия истины в себе, нельзя не видеть их фундированность принципом всеведения. Для нашего мира твердых тел, откуда абстрагированы принципы элементарной арифметики, последние самоочевидны, принудительно достоверны. Однако ситуация утратит «дидактическую позитивность» в случае жидкостного или газообразного мира. Как объяснить его представителю, что $2+2=4$? Отнесение к истине в себе, неопределенной для субъекта, — чрезвычайно сильный гносеологический ход — индуцирует немалые затруднения, связанные с признанием «чистого» (чуждого субъекту) существования. Так, теорема Кантора о несчетности множества трансцендентных чисел, построенная на базе доказательства того, что множество всех алгебраических чисел меньше множества всех действительных чисел, не поставляет метода обнаружения хотя бы одного трансцендентного числа. Возникает вопрос о познавательной ценности этой теоремы: действительно ли положение дел таково, что множество

⁸⁶ Горский Д. П. *Вопросы абстракции и образование понятий*. М., 1961. С. 49.

304

трансцендентных чисел несчетно? Для кого именно положение дел таково? Доказательство трансцендентности числа « e » провел Эрмит в 1873 г., числа « π » — Линдеман в 1882 г. Для доказательства трансцендентности некоторого числа требуется специальная процедура. Однако до настоящего времени общей процедуры доказательства трансцендентности некоторого произвольного числа не существует.

Но тогда что же на самом деле утверждает теорема Кантора? К знанию какого субъекта она отнесена? Кому в действительности она адресована? Если допустить, что теорема Кантора относится к будущему математики, то на каком основании? На каком знании она базируется и из какого знания утверждаемое ею положение дел вытекает? Как вообще из обозримого знания получают такого рода экстраполяции?..

Получить ответы на эти вопросы не так-то просто. Возможные ответы на них в общем смысле упираются в содержательную экспликацию природы числа. А она неясна. В математике, в частности, в связи с обнаружением группы чисел неизвестной арифметической природы, эта проблема (пока!?) не решается. Не существует ни однозначного определения, ни концепции «числа».

Один заинтересованный подход базируется на принятии Цермело в качестве 0 — пустого класса L , а в качестве последующего элемента — единичного класса $\{x\}$. Тогда $0=L$; $1=\{L\}$; $2=\{\{L\}\}$ и т. д. Другой основан на интерпретации Неймана,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

где в качестве 0 принимается пустой класс L , а в качестве последующего элемента $xU\{x\}$. Тогда $0=L$; $1=\{L\}$; $2=\{L\{L\}\}$ и т. д.

Между одним и другим подходом имеется несостыковка, которая обнаруживается, к примеру, при постановке следующей задачи: «принадлежит ли число 3 к числу 5?» С точки зрения Цермело, ответ должен быть отрицательным, а с позиции Неймана, — утвердительным. По теории Неймана, для любых двух чисел X и Y число X меньше числа Y , если и только если X принадлежит Y и X есть собственное подмножество Y . Так как число 3 отвечает этим условиям относительно числа 5, оно ему принадлежит. По Цермело,
305

эта аргументация приводит к неверному заключению, поскольку одно число X принадлежит другому Y , если и только если Y есть следующее число за числом X . Так как 5 не является следующим за 3, 3 не принадлежит 5.⁸⁷

Математик и методолог, разумеется, отдадут отчет в гносеологической ценности утверждения истины в себе. Так высказывание существования $\exists(b) (F(b))$ без указания примера все же полезно в том отношении, что уже не требуется больше искать доказательства для высказывания $\forall(b) (\bar{F}(b))$; такое доказательство невозможно, так как иначе возникло бы противоречие. Однако в не меньшей степени они сознают гносеологическую недостаточность этого утверждения.

Положения об истине в себе, естественно, имеют ценность, но не имеют смысла ввиду их неопределенности. И, в частности, потому, что не дают гарантий того, что некоторая задача, ответ на которую они представляют, вообще корректно поставлена. А такие задачи есть. Прекрасной тому иллюстрацией является история попыток доказательства пятого евклидовского постулата, — задача только потому не нашедшая разрешения в тысячелетиях, что несла в себе порочность задания.

Малопривлекательна и представляющая уловку привязка истины в себе к тексту. Языковая форма фиксации знания выступает действительно предельной как внешней, так и внутренней границей знания. Условием существования знания выступают тексты — учебники и руководства, монографии и обзоры, статьи и рецензии, письма и заметки, курсы и мемуары, замечания и анонсы и т. д. Конденсируя традиции познавательной деятельности, они являются универсальными заказниками идей, методов и методик действия в духовном производстве. Текстовая фиксация знания объективирует принципы творения науки, т. е. отчуждая неповторимые, уникальные познавательные акты от их носителей (субъектов-первооткрыва-

⁸⁷ *Методологические проблемы математики. Новосибирск, 1979. С. 26.*

306

телей), делает их общественным достоянием. Текст выполняет функции а) аккумулятора индивидуального опыта, обеспечивая ему возможность воспроизведения; б) транслятора intersubъективной информации — посредством возможности ее социального использования, применения; в) коммуникатора, осуществляя процесс междисциплинарного общения в познании и выступая материальной основой для объективной циркуляции идей.

Всякое знание (теория), будучи знаковой артикуляцией,
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

символическим обобщением, функционирует на базе определенного словаря, предназначенного для осмысления, категоризации соответствующих фрагментов действительности. Развитие знания в этой связи, очевидно, уподобляется развитию принятого, используемого в его рамках словаря: последующее знание отличается от предыдущего более изощренным составом языка, через семантическое поле («значения») обуславливающим и обеспечивающим и концептуальные сдвиги в поисковом сознании.

Однако как бы там ни было, текст сам по себе знания не содержит. Как физический объект текст — испорченная бумага. Она может стать носителем знания лишь в случае непосредственного контакта с реципиентом. Таким образом, знание — не в тексте, а во взаимодействии (усвоении и присвоении) субъекта с содержанием текста в процессе дешифровки знаков, их интерпретации, символической, семантической атрибуции.

Истина в модусе «*on he on*» противостоит субъекту как гипостазированная, отторгнутая от него инстанция, сверхъестественно реализующая через него свое механическое самостийное действие, — этот мифологический мотив онтологической школы заслуживает того, чтобы вести с ним бескомпромиссную концептуальную борьбу.

3.6.2 Модус «*cogito*»

Истина в этом модусе выступает как свойство знания, предстает в парадигме субъект-объектных реляций. Уточнение истины в модусе *cogito* осуществляется понятием

307

«соответствия»: 1) слова субъекта должны соответствовать его суждению (субъективный план истины — «не лги»⁸⁸); 2) суждения субъекта должны соответствовать действительности (объективный план истины — «не заблуждайся»⁸⁹).

Концептуализация истины как соответствия знания реальности производится в классической и неоклассической (модернизированной) теории корреспонденции (материальная адекватность, семантическое отношение утверждения к его содержанию и т. д.), наделяющей истину рядом принципиальных свойств.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ.

Объективная истина есть независимое от человека и человечества познавательное содержание. По форме истина субъективна: она — свойство человеческого знания. По содержанию истина объективна, ибо не зависит от произвола сознания, определена ото-

⁸⁸ Ложь как искаженное отражение действительности есть такое познавательное содержание, которое не соответствует объективной природе вещей. Сознательная ложь является нарочитой дезинформацией. Непреднамеренная ложь совпадает с заблуждением, включающим объективно-истинные моменты.

⁸⁹ Заблуждение — неадекватное отражение действительности, обусловленное в каждый данный момент ограниченностью общественно-исторической практики и знания, а также абсолютизацией наличных взглядов? приемов, подходов. С гносеологической точки зрения

заблуждение фиксирует состояние знания, качественно отличное как от истины, так и от лжи. В противоположность истине заблуждение есть одностороннее, иллюзорное воспроизведение действительности. В отличие от лжи заблуждение есть непреднамеренное искажение действительности, — субъективно заблуждающийся верит, что постиг истину. Заблуждение может быть следствием как непродуманных, поспешных субъективных выводов, предрасположений, так и необоснованных экстраполяции истины за пределы ее применимости. Научные заблуждения не абсолютны — теплород, флогистон, эфир. Лишенные объективных референтов, в некоторых отношениях они все же схватывают реальные качества мира. Так, теплород функционирует в теории как носитель свойств теплоемкости, теплопроводности, что и обеспечивает его согласование с законами теплофизики. Ненаучные же заблуждения объективно-истинностных моментов не несут.

308

бражающимся в нем материальным миром. Объективность истины сообщает знанию *status rerum*, без чего знание — иллюзорная, условно значимая конструкция. Исключение понятия объективной истины как концептуального заместителя *status rerum* (идея объективной реальности как референта истины и истины как адекватного воспроизведения в мысли «реальности») означает сползание на позиции когерентной теории истины, в конечном счете влечет идейный развал гносеологии. (Наука и знание противоречат предпосылкам собственной возможности как вариациям обоснованного, достоверного теоретического опыта, если снимают водораздел, отрицают преимущество подлинного, выверенного, строгого содержания перед вымыслом, видимостью, суеверием, верованием, спекуляцией, бесплодной фантазией, слепым предрассудком). **АБСОЛЮТНОСТЬ**. Абсолютность истины состоит в ее полноте, безусловности, присущности ей не зависимо от субъекта познавательного содержания, которое сохраняется и воспроизводится в ходе прогресса знания. Категория «абсолютной истины» характеризует динамичность выявления истины в процессе отображения действительности. Ее референт заключается в инвариантном, непреходящем моменте познания. Рассмотренная под этим углом зрения абсолютность означает сугубую историчность мысли — не только в смысле опосредствованности последующего знания предыдущим, но и в смысле «снятия» — репрезентированности прошлых познавательных этапов в налично данных. Отношения между различными явлениями, которые были разпознаны, — отмечает В. Оствальд, — остаются неразрушимыми составными частями всякой будущей науки. И как бы ни преобразовывалась наука, все же остается определенный непогибающий остаток того первого познания, и однажды приобретенная наукой истина обладает в таком отношении вечной жизнью.⁹⁰ От абсолютной истины требуется отличать «вечную истину», обозначающую неизменность

⁹⁰ *Ostwald W. Grundriss der Naturphilosophie. B., 1899. S. 15.*

309

истины, ее справедливость для всех времен и условий. Переоценивая элемент абсолютного в истине, догматические и теистические системы философии, разворачивающие учение о «вечной истине», игнорируют такие параметры истины, как относительность, конкретность, процессуальность, историчность. Понятие вечной истины излишне: оно либо совпадает с понятием абсолютной истины, либо оказывается его гипертрофией,

обслуживая мифологию.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ.

Коррелятивная абсолютности динамическая категория. Относительность истины заключается в ее неполноте, условности, приблизительности, незавершенности, вхождении в нее лишь субъективно значимых компонентов, которые перманентно устраниваются из знания как несовместимые с природой вещей.

Для четкого представления того, как, с одной стороны, происходит накопление истины в познании (науке), а, с другой, — возникает тот массив знания, который относят уже не к актуальному познанию, а к его истории, необходимо перевести анализ из статического плана в динамический. Исходя из этого, принципы функционирования познания могут быть вполне адекватно осмыслены в рамках модели осциллирующего знания. А именно: богатство динамики познавательных форм можно выразить посредством модификаций двухплоскостной структуры, преимущественное направление изменения которой задается векторами продуктивности и критичности. Вектор продуктивности (эвристической экспансивности) вызывает расширение массива знания. Вектор критичности стимулирует тщательный анализ накапливаемого знания, вытесняя не проходящие испытаний неоправданные элементы в сферу «вытеснения», приводит к сжатию знания. Ясно, что под воздействием этих векторов поисковой деятельности знание то расширяется, то уплотняется. В результате что-то выпадает в «осады».

В данной связи введем понятие «седиментация», позволяющее на строгом языке осмыслить рассматриваемое явление.

После осуществления парадигматических открытий (научных революций), обуславливающих прогресс в сфе-

310

ре знания, наблюдается закономерность переписывания курсов науки. Поскольку теоретический курс науки олицетворяет наиболее полное знание в данной области, переписывание курсов науки под влиянием открытий понятно. Оно позволяет переосмыслить сумму аккумулированных знаний с позиций новации, с позиций наиболее «знающего», «осведомленного» переднего края, внести в историю представлений определенной науки соответствующие поправки, уточнения (реинтерпретация истории) и т. п.

Таким образом, всякая наука (в интенсивном смысле) может быть фактически отождествлена с принятым находящимся в обращении фундаментальным теоретическим курсом. Если же задаться целью проанализировать содержание переписываемых за всю историю науки ее теоретических курсов, можно обнаружить: нечто в них остается инвариантным. Это нечто, т. е. по сути дела незыблемое, непроблематизируемое и составляющее «идеальный курс науки» содержание, и выражается понятием седиментации. Оно-то и выступает гносеологически конечным основанием оценки степени развитости познания (науки).

В таком случае развитие науки, представленной, так сказать, идеально, осознается как процесс критической абсорбации, экстрагирования истины в «идеальном курсе». Развитие же

реальной науки, в действительности представленной в виде своего рода многоуровневого, неоднородного по своей адекватности — проблемного и гипотетического — облака, опоясывающего «идеальную науку», осознается как процесс необходимой и зачастую трудной эволюции в «идеальную» сторону.

ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ.

Определяется диалектикой абсолютности и относительности истины, сводится к тому, что истина есть динамическое качество познания, возникающее как суверенный итог отдельных весьма несуверенных познавательных актов, предпринимаемых человечеством в заданных условиях.

КОНКРЕТНОСТЬ.

Выполняет нормативную функцию, обязывая принимать в расчет реальные социально-исто-

311

рические, материально-практические, операциональные, когитальные предпосылки, измерения формирования и производства содержания познания. Природа конкретности истины передается тезисом: абстрактной — неизменной (раз навсегда данной), всеохватывающей (справедливой для всевозможных ситуаций) — истины нет; истина всегда конкретна, ибо получена субъектом в некоторой наличной обстановке, характеризуемой триединством места, времени, действия.

Конкретность истины — параметр интегральный, синтетический, вытекает из абсолютности, относительности, процессуальности истины. Суть в том, что, будучи абсолютной, относительной, процессуальной, истина вместе с тем не может быть неконкретной. Утверждая это, мы акцентируем зависимость природы истины не только от объективной реальности, но и от средств ее производства, выявления. С этих позиций конкретность означает проецированность истины на ситуацию, сцепленность с ней. Речь идет об исторической размерности истины, учете логики обстоятельств, может ли быть познано то, что есть, таким, каково оно есть, и, если может, то каким именно образом. Интенция на реалистическое понимание (восприятие) истины поэтому — главное в принципе конкретности.

В этом смысле абсолютность истины есть не «незыблемость вообще», а адекватность воспроизведения объекта в знании в некоторой очерченной ситуации. Хотя устанавливаемая познанием истина, если она истинна, фиксирует объективное обстояние дел безотносительно к субъекту, а потому абсолютна, ее абсолютность невнеситуативна (имея в виду отсутствие триединства места, времени, действия). Игнорирование определенности ситуации трансформирует истину в заблуждение. Так, законы сохранения массы и энергии — истинны, но справедливы для макроскопических явлений и невыполнимы для процессов в микромире. То же относится к закону Бойля — Мариотта, действующему не во всех случаях, и т. д.

Относительность истины есть не «релятивность вообще», а недостаточность отображения объекта в знании в

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

312

некоторой ситуации. Поскольку установление истины опосредствуется совершенно определенным инструментарием познавательной деятельности, ограничивающим ее разрешающие возможности, она не достигает полноты отражения, производит не вполне, а лишь в чем-то адекватную истину.

Процессуальность истины есть не «текучесть вообще», а некое последовательное, преемственное движение познания от менее совершенных к состояниям более совершенным.

При этом в основе перехода от первых ко вторым — тенденция преодолеть «силы сдерживания» ситуаций, превзойти их, максимально приблизиться к «непосредственной цельности» объекта.

Пафос принципа конкретности, как видно, — в проведении ситуативного «экологического» подхода, что роднит его содержание с содержанием фундаментальных общеметодологических регулятивов — таких, как принципы историзма, целостности, определенности, системности. Сознательное использование их в исследовании обеспечивает всесторонний, глубокий охват предмета в единстве многообразного и тем самым гарантирует раскрытие его сущности.

Онтологический аспект содержания конкретности истины имплицитно подразумевает единство сущности и явления, общего и особенного. Наличие лишь сущностного, общего в истине делает ее абстрактной; наличие лишь частного, особенного в истине делает ее нереальной. Научная истина всегда — симбиоз одного и другого: фиксация существенного, необходимого, инвариантного сочетается в ней с фиксацией способов, форм, условий их проявлений в изменчивой действительности. Без последнего истина утрачивает черты научности. Поэтому критическое острие конкретности нацелено против ненаучных способов генерации истины, какие культивируют априоризм, утопизм, доктринерство и т. п.

Абстрактная интерпретация истины — вне прослеживания реализации сущности в явлении, общего в особен-

313

ном, т. е. вне круга охватываемых ею объектов, что свойственно поборникам этих линий, граничит с произволом. Отсутствие естественных связей заменяется обильным конструированием связей искусственных, порожденных непосредственно «высочайшим черепом» теоретика. Однако воображение, как точно заметил Гегель, — материал весьма мягкий, запечатлевающий все, что угодно. Отсюда покидающая почву реальных условий истина — бессодержательна, пуста, представляет пародию на действительность. По этой причине абстрактный подход к истине и наука несовместимы.

Истину нельзя распространять за пределы ее действительной применимости. Если закон сохранения массы Ломоносова — Лавуазье не учитывает дефекта массы, недопустимо отрицать его объективность, апеллируя к данному феномену. Корректная позиция заключается в признании объективности этого закона, однако в границах области, где дефект массы ничтожен.

Вне конкретного подхода к познанию, как и к прочим явлениям человеческой деятельности, невозможно выявить тенденции

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

прогресса и регресса, вычленив элементы справедливого и преходящего. О том, насколько значима гносеологическая функция конкретности истины для разумения данных вопросов, свидетельствует такой факт. Хорошо подтвержденная классическая теория гравитации, как известно, уступила свое место ОТО. Последнее дало основание некоторым объявить ее несостоятельной.⁹¹ Правомерна ли подобная точка зрения? Естественно, нет. От теории нельзя требовать исчерпывающего описания чего-либо во всех потенциальных случаях. Не является исключением и ньютоновская теория тяготения. Ее законы не менее адекватны и точны, чем законы релятивистской теории гравитации. Просто они принадлежат разным уровням объективной реальности.

⁹¹ См.: Бонды Г. *Гипотезы и мифы в физической теории*. М., 1972. С. 11.

314

Экстраполяция истины, если она чрезмерна, доводит ее до абсурда. Конечно же, неразумно применять законы классической механики для описания поведения квантовых объектов. Всякому вовлеченному в субъективную практику онтологическому срезу соответствует свой гносеологический срез, обеспечивающая фиксацию истины система законов, абстракций. Отсюда конкретность истины означает ее определенность — независимо от степени точности и строгости истина имеет предел положительной применимости, где понятие последнего задается областью фактической выполнимости теории.

Резюмируя сказанное, суть конкретности истины можно выразить весьма просто: это общегносеологический регулятив, ориентирующий на рассмотрение истины в установленном контексте, с учетом объективной области ее применимости, условий формирования, функционирования. Основные пункты адекватной трактовки конкретности истины сводятся к следующему:

1. Истина исторична, реализуется в определенной ситуации, характеризуемой триединством места, времени, действия.

2. Истина динамична, абсолютное в ней дано в относительном и через относительное, оно имеет свои исключения, границы.

3. Истина качественна; существует интервал выполнимости, за пределы которого экстраполяция истины недопустима.

Как следствие этих утверждений — необходимость в оценке истины принимать в расчет всю полноту ситуации, что собственно и дает понятие реальных пропорций происходящего.

Во всех модификациях теория корреспонденции руководствуется весьма жестким образом объективно обусловленной истины, неподвластной воле, веяниям субъекта, содержательно независимой от него. Твердость, настойчивость, с какой здесь отстаивается требование объективности истины в смысле ее соотнесенности с реальным

315

предметом (фиксирующие истину в себе, не поддающиеся человеческому контролю О-интенции), есть один из способов внедрения в философию (и философией) необходимого элемента скромности. По справедливому утверждению Рассела, «если это ограничение гордости снято, то делается дальнейший шаг по пути к определенному виду сумасшествия — к отравлению властью».⁹²

По линии поддержания этого отравления, являющегося, согласно **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Расселу, самой сильной опасностью нашего времени, пошли разработчики когерентной, конвенционалистской, инструменталистской, прагматистской, операционалистской теорий истины, изменившие едва ли не высочайшему гносеологическому чувству — филистинии. Не входя в разбор заявляемых ими, впрочем, хорошо известных позиций, пытаясь привести их к общему знаменателю и вычлняя таящееся в них рациональное, отметим, что обсуждают они вопросы не истины, а способов субъективного к ней отношения в познавательной деятельности. Несмотря на узорность, гносеологическую ущербность такой стратегии, ей нельзя не уделить некоторого внимания.

Имея базовую интенцию на истину, наука, тем не менее, содержит массу неистинного. Наука включает: теории, содержащие противоречия (теория множеств Кантора); недоказанные теоремы (Великая теорема Ферма); неразрешенные проблемы (проблема Гольдбаха, Картанова проблема); гипотетические объекты с неясным познавательным статусом (фридмоны, партоны, тахионы, планкеоны); парадоксы (парадокс Гиббса, парадокс Эйнштейна — Подольского — Розена); противоречивые объекты («отрицательные вероятности»); неразрешимые положения (континуум-гипотеза); необоснованные предположения (предположение Эйнштейна, будто $v_x = C$, где v_x — скорость распространения гравитационных волн, C — постоянная скорости света); порождающие антиномии представ-

⁹² Рассел Б. *История западной философии. М., 1959. С. 835.*

316

ления (самореферентные) и рассуждения (включающие самоприменимость) и т. д.

Наука не может игнорировать корпус гипотетического, маловероятного знания вследствие того, что:

1) полностью не доказана его противоречивость, отсутствие же такого доказательства само по себе может быть аргументом в пользу его (гипотетического знания) принятия;

2) имеются надежды на его грядущее обоснование;

3) критическое испытание маловероятного (гипотетического) знания катализирует производство нового знания — устранение «ошибок», «девиаций» из состава науки лишило бы ее способности к прогрессу;

4) пролиферация гипотетических знаний уменьшает вероятность неиспользования существенных возможностей; необходимость селекции теоретических альтернатив повышает гибкость, динамичность, критичность, доказательность науки.

Лишенная возможности прислониться к твердому надежному столбу ищущая мысль сталкивается не с множественностью истин, а с тем, что неизвестен путь, по которому пойдет следующее приближение к истине. Многие компоненты науки могут быть отвергнуты, однако их включение в состав совокупного знания оправдано: во-первых, они получены научными средствами, во-вторых, способ выявления их неверности помогает находить направление новых исследований, строить новые теории.⁹³

В оценке актуально претендующих на истину теоретических альтернатив в отсутствие ясного понимания характера изучаемых связей нет иного механизма селекции единиц знания, как

самоприменимость: прочувствование присутствия истины в знании по свойствам самого знания. С одной стороны, естественно, это — травестирование проблематики, внешне поверхностная причастность к исти-

⁹³ См.: Костюк В. Н. *Изменение и проверяемость научного знания // Вопросы философии. 1982. № 7.*

317

не, с другой стороны, — за неимением серафической зоркости — иного не дано.

В конце концов, при трезво-спокойном взгляде приходишь к убеждению: история науки выработала внутренние защитные механизмы.

3.6.3 Модус «*existera*»

В отличие от предыдущего модуса, где истина определялась через «соответствие» *adaequatio rei et intellectus*, в рассматриваемом модусе истина уточняется через «совпадение» *adaequans rei et intellectus*. Смысл данных вариаций в дифференцировке референтов истины. Истина *cogito* соотносится с нечеловекообразным бытием самим по себе, потому она несет независимое от субъекта объективное содержание. Истина *existenz* соотносится с человекообразным бытием для нас, потому она несет субъективно значащее содержание. Истина первого рода передает причастность к реальности. Истина второго рода передает причастность к жизненной полноте. Присмотримся к этому различию внимательнее.

Будучи моментом целого, вне которого она — необоснованное предположение, субъективная достоверность, истина науки оправдывает себя перед мышлением. Истина жизни черпает оправдание не только в мысли, но и в чувстве и сверхчувстве; во многом она — продукт инстинкта, снабжающего предчувствием, что некое «определение» имеет своим основанием внутреннюю природу или род вещей. Истина науки — натуралистична; истина жизни — одухотворенна. Ценность научной истины в фундаментальности; ценность истины жизни в духоподъемности, экзистенциальной емкости, способности быть созвучной вопросам человеческого существования. Истины науки вневременны, подводятся под типологию «всегда-везде»; истины жизни ситуационны, сцеплены с пропускаемыми через связку «здесь-теперь» контекстами индивидуальными. Истины науки демонстративны, опосредствованы обоснованием, их отстаивание не связано с героизмом (вспомним Гильберта, одобрявшего «вероотступничество» Галилея); истины жизни лич-

318

ностны, вытекают из убеждений опыта, зиждутся на подвижничестве, проповедничестве, миссионерстве. Их выявление, формирование, обнаружение осуществляется зачастую в обход и помимо отлитых в общепринятые исходно-чеканные формы воспроизводящих классических логико-понятийных фигур. Познание, оценка и творение истины здесь может воплощаться в духовное соитие, возникающее, к примеру, в предрасполагающих к преодолению барьеров непонимания актах — песнопениях, молитвах.

Традиционные операции вывода в вербально-категориальном

плане при характеристике порождения и движения истин жизни в ряде обстоятельств неприменимы. Поэтому диапазон средств описания, выявления подобных истин должен быть расширен (в сторону признания необязательности связи интеллектуальных процедур с вербальными формами и логико-теоретическими структурами).

Уяснение того, что элементы мышления в жизни могут приобретать любую форму (словесную, символическую, структурную, изобразительную, музыкальную и т. д.), реализовывать содержание далеко превосходящее пределы четких денотативных значений,⁹⁴ вовсе не накладывает на исследование истин жизни печать беллетристичности; одновременно оно не приводит к смешению начал метафорическо-импрессионистических и концептуальных. Суть в том, что в контексте жизни бытие и выражающая его истина персонально одействованы, индивидуально прочувствованы; они не отчужденно безразличны, а лично окрашены. Поскольку здесь именно тот казус, когда человек выступает мерой всех вещей, «существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют», постольку и рефлексия его (казуса) должна быть соответственной.

В модусе *cogito*, как отмечалось, также не удастся избежать рефлексии реляции человека и бытия, однако там

⁹⁴ См. также: Шинкорук В. И., Орлова Т.И. *Художественное мышление в системе видов мыслительной деятельности // Вопросы философии. 1984. № 3.*

319

субъект-объектная аналитика обретает вид перспективной оценки условий проявлений, способов мыследеятельности, логики когнитивных связей на уровне трансцендентальных форм, т. е. в ракурсе «чистой» интеллектуальной техники. В модусе *existenz* ментальные связи персонифицируются, абстракции бытия в себе, познания, как такового, обнаруживают полную неантропологичность, а значит — эфемерность.

Знания для Галилея — объективная ценность, не разрушаемая от персонального отречения. Знания для Бруно — жизненная линия, вследствие отказа от которой рушатся событийные (не только онтологические, но и онтические — индивидуальные, социальные, гражданские) устои, вне наличия, соблюдения которых обесмысливается, обесценивается жизнь. Вопрос об истинах науки решает доказательство — Галилей и уповал на его силу в будущем. Вопрос об истинах жизни решает вначале личность (самоопределяющаяся: как быть в «здесь-теперь»), а затем сама жизнь (подтверждающая или опровергающая право тех или других истин на существование в культуре). Истины жизни не трансцендентальны, они выстраданы. Потому одна и та же истина — скажем, «жизнь сложна» — семантически разнокалиберна, она — всегда другая в зависимости от глубины выражающего ее сознания — начинающего жизненный путь юноши или завершающего этот путь старика.

Истина науки адекватна, дескриптивно определена, безадресна, фиксирована в специальном терминологическом аппарате. Истина жизни может не характеризоваться адекватностью (в смысле *status regim*), она может не быть и дескриптивно определенной (включать

прескрипции), она адресна, фиксируется в именах собственных. Неадекватность, противоречие — приговор для науки и в то же время — стихия для жизни. И логика народно-эпической сферы с ее сказаниями, былинами, притчевым материалом, назиданиями, сплошь и рядом сотканными из «неадекватностей» и «противоречий» («сказка — ложь, да в ней намек...»; «тьмы горьких истин нам дороже нас возвышающий обман» и т. д.), выполняющих очищающую,

320

самопревозмогающую, самопреодолевающую функцию, — прекрасное тому свидетельство.

Осмысленное в пределах разумного обособление и разграничение истин *cogito* и *existenz* убеждает в двух вещах. Прежде всего в том, что познавательное отношение в человеческом существовании не исходно и не универсально. А затем в том, что жизненные цели, ценности, приоритеты — не компетенция теоретико-логического знания. Во избежание алогических самовывявлений, воинствующего безрассудства, чрезмерной патетики в духе: «Мне все равно, что такое мир. Все, что я хочу знать, это — как в нем жить», обратим внимание на следующее.

Противопоставление человека в мире (*cogito*) миру человека (*existenz*) не радикально. Вследствие чего и герой Хэмингуэя — автор вышеприведенного афоризма — на сказанном не останавливается, продолжая: «Пожалуй, если задуматься, как жить в мире, тем самым поймешь, каков мир». Зацикливание в «моем мире» влечет дереализацию а) в тривиальных формах душевного расстройства, коими выступают модификации алло-, сомато- и аутопсихических нарушений (утрата жизненных опор, ощущение чуждости, измененности привычных структур, ситуаций, дефекты восприятия реальности, потеря чувства многообразия жизни, умения пребывать в мире, отождествление много и разнообразия — синдром «все на одно лицо», искажение пространственно-временной картины, замедление или ускорение хода течения событий, фотографический эффект — обездвижение жизни, деактуализация каузальных связей, двухколейность переживаний, раздвоение «Я», ощущение наличия себя в реальном и некогда запечатленном мире и т. д.); и б) в изоциренных формах (перехлестах следования и унаследования социальных ролей) — стереотипы, правила, традиции, образцы, комплексы индивидуального и группового поведения (факторы сублимации, выделенные тем же Фроммом: мазохизм — уход в иное; садизм — уход в себя; деструктивизм — уход в борьбу; конформизм — уход в толпу; любовь — узкий взгляд на вещи, уход в свое иное). Предотвращение индивидуаль-

321

ной и групповой патологии — в состыковке «моего» и «самого по себе» мира, предзаложенной в адаптации.

Это одна сторона дела. Другая определена специфическими особенностями переживаемого момента.

Нестандартность ситуации, связанная с определяющим ростом теории относительно практики, инструментальностью сущего, культивируемостью среды обитания человека, отсутствием заведомого знания о потенциальном поведении объекта

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

преобразования, ответственностью задачи вписывать в алгебру деятельности гармонию мира, актуализирует серьезную проблему самоконтроля, саморегуляции науки — проблему, неведомую эпохам прошлого. Как утверждалось, решению ее способствует интенсификация ценностного сознания, которое, приобщая к прошедшему испытание в опыте творения жизни, избавляет от давления конъюнктуры, ориентирует на высокое.

В совокупности содержательных императивов, предписаний ценностное сознание выступает определенной эвристикой, представляет регулятивную схему известного типа деятельности, какой она должна быть на практике. Применительно к вопросам науки основные пункты этой схемы — идеи потребного знания в его внутренних и внешних проявлениях-ипостасях — состоят в следующем.

А. Так как реальность задается науке под углом зрения ее утилизации, не как реальность «в себе», а как реальность «для нас», с позиций созидания и эксплуатации, традиционная ценность познания — истина — высвечивается в плоскости практического измерения: она понимается как средство использования «пусковых механизмов» природы для выполнения преобразовательных проектов.

Расширение естественного цикла науки, вызванное взаимопроникновением, сращиванием чистых и прикладных исследований, делает оправданными два тезиса: а) производство знания ради знания безотносительно к перспективе его последующей материализации не является «сверхзадачей»; б) подлинным предметом науки выступает бытие, взятое в модусе не наличного, а принципиально возможного. В связи с этим небезынтересна формула А. Клар-

322

ка: «Если что-либо теоретически возможно, т. е. не противоречит фундаментальным законам, рано или поздно будет осуществлено».

Формула эта, выведенная из обобщения опыта классической науки, требует коррекции для науки постклассической. Принимая во внимание, что последняя — комплексный тип деятельности, требующий значительных вложений, материальных, духовных затрат, тезис Кларка, фиксирующий некую абстрактную веру во всемогущество научно-технического прогресса, уточняется так: «Если что-либо теоретически возможно... будет осуществлено», если будет продиктовано общественной целесообразностью.⁹⁵

Б. Последовательный учет и проведение всечеловеческих интересов в познании и практике устраняет предпосылки разрыва науки и морали. Если раньше в выработке и принятии решений господствовала вседозволенность, то в современности (и далее) положение существенно иное. В структуре нового планетарного сознания проходят лишь гуманитарно оправданные возможности.

Проблема гуманитарного контроля деятельности — порождение постклассической эпохи — была неизвестна ни античной, ни классической культурам. Для античных мыслителей, исходивших из единства истины и блага, когнитивного и нормативного планов человеческой жизнедеятельности, взаимопроницаемость познавательного и этико-гуманистического была разумеющейся.

Вероятно, по этой причине, знание, отделенное от добродетели, Платон вообще не удостоивал титула науки, уподобивая его плутовству.

Однако, дело обстоит сложнее. Практика выявила отсутствие предустановленного консенсуса истины и блага, знания и его потенциального использования в социальном опыте.

Жизнь показала несостоятельность античного наивного этико-гуманистического обоснования деятельности: не-

⁹⁵ См.: Феоктистов К., Бубнов И. В ближнем и дальнем космосе // *Новый мир*. 1979. № 8.

323

совершенство — от незнания, а совершенство — спутник знания. Вопреки этому оказалось: несовершенство, дисгармония — зачастую порождения сознательной деятельности — находят опору в знании.

В эпоху классической культуры, когда задачей ученого было понять и объяснить, но не практически преобразовать, изменить действительность, наука не могла не быть гуманитарно нейтральной к своим результатам. Апофеозом идеологического отражения и выражения этого являлась доктрина науки, разработанная представителями классической немецкой философии, которые на закате классической культуры, логически подытоживая ее духовные умонастроения и интенции, расценивали науку как сферу деятельности не скованного чем-либо в своих притязаниях, в полной мере асоциального, «чистого» разума.

Нельзя не видеть, что провозглашение «чистоты» разума (науки), в конечном счете было равносильно провозглашению произвольности его использования, т. к. предоставляло возможность «восстановления» и последовательного оправдания в его пределах не только наличной, но фактически потенциально любой эмпирии, что означало проведение социально опасной линии «некритического позитивизма».

Это наукоучение, надо сказать, недолго пережило своих авторов. Набирающий темпы НТП с узакониваемым им технократическим, инструментально-манипуляторским типом отношения к действительности обуславливал практику бесконтрольного, хищнического применения науки, что, во-первых, развеивало миф о ее «нейтральности», «чистоте», а, во-вторых, актуализировало задачу ее повсеместной и всесторонней регуляции в соответствии с широко понятыми гуманитарными идеалами.

В ситуации, когда познание неотделимо от своих применений, когда оно является инструментом разрешения общечеловеческих проблем, когда отдается ясный отчет, что деятельность ученого не осуществляется безотносительно к учету последствий, которые могут вызвать ее плоды, когда очевидно, что в сфере знания в гораздо большей

324

мере, чем в любой другой сфере, должна достигаться соразмерность между поиском и реалиями жизни, — познание не в состоянии быть гуманитарно нейтральным к своим проявлениям, результатам. Отсюда — разрушение конфронтации науки и морали и сознательная гуманизация познания, или признание приоритетного характера для него общечеловеческих ценностей,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

идеалов.

В. Важнейшим регулятивом постклассической науки выступает рациональность. Классическое истолкование рациональности как изощенного расчета средств для реализации цели неприемлемо. Неприемлемо в силу отсутствия экспертизы исходной состоятельности ставящихся целей и обслуживающих их средств. Совершенно ясно, что основанная на расчете, а потому «рациональная» в каких-то узких границах, деятельность может быть нерациональной по существу — с позиций учета вселенских человеческих ценностей. Таковы, скажем, апартеид, геноцид, терроцид, экоцид, омницид, которые «рациональны», как ни кощунственно это звучит, будучи построены на «изощенном расчете», но нерациональны в принципе.

Если быть строгим, надо признать: вопрос о рациональности и нерациональности деятельности не получает окончательного или исчерпывающего решения в теории. Это сугубо практический вопрос, ибо высшим критерием рациональности выступает практика, совокупное общечеловеческое производство, труд, удостоверяющий разумно-целесообразное, сбалансированное с обстоятельствами, критически выверенное, обоснованное, т. е. рациональное, качество человеческой деятельности, ее продуктов и результатов. Однако, руководствуясь этим, а равно и тем, что как характеристика рациональное уточняется лишь в ходе анализа деятельности на ее соответствие фундаментальным законам природы и перспективам гуманитарного развития, можно строить оперативные модели рациональности.

В старых добрых классических моделях рациональность вводится через понятие методической, оптимальной, эффективной деятельности на основе исторически задаваемых стандартов — образцов достижения реалистических

325

целей. Здесь центрируются ситуационные параметры деятельности: согласованность с условиями, всесторонний учет и расчет условий, отчет о последствиях деятельности в условиях. В моделях неклассических рациональность вводится в гораздо более широком контексте, связываясь с понятием систематичной деятельности, удовлетворяющей социогенетически опробованным принципам по достижению вписывающихся в линии общечеловеческого развития целей. Здесь центрируются общезначимые, безусловные, глобальные параметры деятельности — такие, как гуманитарная оправданность, моральная состоятельность и т. п.

Уже с нашего века обоснованными можно считать лишь модели второго типа, зиждущиеся на понимании чрезвычайности и полномочности миссии человечества, — этой высшей по уровню развития сферы мироздания, которая, оставаясь один на один с миром, ответственна за его существование.

Г. Критицизм. Данный регулятив обогащает содержательное оснащение деятельности элементом здорового релятивизма, нацеленного против догматизма, авторитарности. Критицизм есть проводимый на ниве созидания демократизм, реализуемый как установка на непрестанное испытание, экспертизу на

состоятельность, предполагающую выбраковку фрагментов человеческой деятельности. Отсутствие критики порождает беспочвенность, разрушает возможность находить и отстаивать некий курс с позиций рациональных достаточных оснований, индуцирует фетишизм, субъективизм, волюнтаризм и т. п. В свете сказанного понятно, почему гарантирующий наилучшую обоснованность, исключаящий беспринципность критицизм является спутником неклассического сознания. «Сколько погибло цивилизаций, потому что в свое время не было хороших критиков», — некогда замечал Чехов. Уже в наши дни роскошь некритичности непозволительна: слишком велика ставка, фатален, предопределен исход, к коему поведет ущемление, деформация критицизма.

326

Д. Плюрализм. В наше время предельной мобилизации разума и здравого смысла, когда утрачивают силу формулы классического, локального мышления и среди них — технико-технологическая самоуверенность, автаркизм, вседозволенность, — человечество не может не реализовать свой жизнеутверждающий вселенский шанс, дабы избавиться от кошмара «самое страшное — будущее». И здесь в соответствии с установками ответственности, всесторонности, терпимости новая ценностная философия ориентирует на переход к многополярной, полилоговой системе мира.

Стимулируемый этой философией идейный плюрализм не анархическая стихия, не произвольная игра мыслительных сил. Это — механизм разработки и воплощения оптимальных решений, отражающий исторически и фактически сложившуюся дифференцированность научного и политического сообщества, наличие разных интересов. Уважение к оппоненту, отказ от идеологической чванливости, монополии на истину, стремление понять инакомыслящего, гносеологически желательный оправданный релятивизм, здоровое сомнение в собственной непогрешимости, готовность к корректировке позиции в конечном счете и формирует то, что отличает подход постклассика. Ибо быть постклассиком и не быть готовым к положительному самоизменению, к консенсусу невозможно.

Е. По мере развертывания НТП, социогеекосмизации практико-преобразовательной деятельности человек берет на себя обязательства обеспечить предпосылки развития не только общества, но и природы; он становится ответственным за их гармоническое сосуществование, коэволюцию.

Логика решения данной проблемы — проблемы компетентности человечества, его знаний, моральных, нравственных устоев, его рациональной, гуманистической миссии — требует капитальных ценностных переориентаций, связанных как с отказом от принципов неолитического мировидения с конституируемой им тактикой своекорыстного отношения к природе, так и с принятием нового

327

мировидения на основе и посредством учета экоценностей, в которые вводится этический принцип уважения к природному, как таковому.

Обозначенные и созвучные им требования образуют в совокупности эвристический потенциал истин модуса *existenz*, который, начиная с современности, осознается как важнейший

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

модус бытия истины, регулирующий миротворчество и мирозидание. «Не вокруг тех, кто измышляет новый шум, а вокруг изобретателей новых ценностей вращается мир», — утверждал Ницше и был глубоко прав. Ценность как нарочитая (идеологическая) практически-духовная форма запечатления действительности через призму корпоративных интересов себя исчерпала. Но вообще без ценности, без жизненной правды, требующей стойкости, которой, привлекая мысль Пришвина, надо держаться, за которую надо стоять, висеть на кресте, — без такой правды нельзя. Нельзя, т. к. ни наука, ни знание (истина *cogito*) ни в коей мере не воплощают и не олицетворяют высшее, конечное предназначение человечества; они нейтральны, безучастны к решению «последних», коренных проблем бытия, связанных с самостоянием человека, осуществлением его призвания, автономного чувства жизни.

Следовательно, должны быть пласты сознания — с включенным в них развернутым понятием наиважнейшего — тех фундаментальных ценностей, идеалов существования, которые целеориентируют, регулируют, мотивируют жизнь на уровне высокого. Подобные когнитивные пласты, собственно, и сосредоточиваются в истинах *existenz*. Возможно выделить как минимум три признака, которые достаточно рельефно описывают их теоретико-познавательную природу в современности.

1. Истины *existenz* в наши дни имеют тенденцию реализовываться как общечеловеческий, планетарный, вселенский феномен с обязательной атрофией групповых, классовых, кружковых привязанностей. Они поэтому не партикулярны, а универсальны, и не в деталях, малозначащих, побочных своих проявле-

328
ниях, а по существу. Есть нечто, что в настоящий момент задевает все и всякие интересы, интегрирует устремления бедных и богатых, белых и цветных, верующих и атеистов. И это суть ответственность за поддержание жизни, выживание рода, создание предпосылок дальнейшего вершения истории.

2. Истины *existenz* не довольствуются ролью заштатных единиц знания, рядоположных с другими, а обособливаются из их ряда в качестве духовного базиса, над которым надстраивается все остальное. Сонм этих истин — система этико-гуманистических абсолютов, констант человеческого существования, намечающих идеальную сетку координат, куда вписываются известные проявления культуры (в том числе истины *cogito*).

3. Истины *cogito* могут обслуживать цели, но не могут жестко к ним привязываться. С целью (через технологию) в естественнонаучной сфере координируется техника. С целью (через социальные программы) в социальной сфере координируется политика. Преследование целей апеллирует к знанию, но в фокусе внимания удерживает ценность. Мировые линии одного и другого не синхронизированы. Знание добывает истину, оно дескриптивно; ценность стоит на оценке, на жизненной правде, она прескриптивна. Продукт знания — истина *cogito* — трансцендентален; продукт ценности — оценка, жизненная правда — экзистенциален.

Логического перехода, моста от знания, истины *cogito* (понимания того, что есть в мире сущем) к ценности, оценке (пониманию того, что надлежит быть в мире должном) не существует. Последнее составляет пафос принципа Юма, утверждающего невозможность скачка от «есть» (фактические утверждения) к «должен» (императивы). (Обратное возможно, а подчас и желательно, если только императивы — не утопии.) Однако ситуация меняется в случае истин

329

existenz, стимулирующих скачок от безличной фиксации объективного обстоятельства дел к образу (и его воплощению) бытия потребного.

Истины *existenz* — средоточие гуманистического сознания, — конечно, не поставщики верных ответов на все случаи жизни; они — некая руководящая схема выработки адекватной и притом вполне конкретной позиции. Речь идет о высокой идейной и практической культуре, вызревающей из обобщения опыта исторического созидания, который благоволит лишь тем линиям персонального и социального утверждения, где опора на Истину сочетается с опорой на Ответственность, Культуру, Совершенство.

3.6.4 Когда и как рождается истина?

Как явствует из изложенного, истина непосредственно не выводится ни из объективного мира (онтологизм), ни из условий субъективной деятельности (трансцендентализм). Наиболее здравым, сколь и распространенным ответом на вопрос «где возникает истина?», является — «истина добывается в открытии». Самоочевидность такого рода ответа кажущаяся. Довольно задуматься, что считать открытием, с чем связывать его течение. Является ли открытием высказывание новой (определяемой списочным образом) идеи или нахождение ее интерпретации? или окончательное согласование новации с наличным знанием? Решение этих проблем еще далеко не найдено.

К примеру, общепринято, что первооткрывателем Америки был Колумб, который достиг берегов Нового Света в 1492 г. Но что в действительности означает утверждение, что Колумб открыл Америку? С одной стороны, сам Колумб убежден в том, что он по новому морскому пути достиг неизвестного ранее побережья Азии. В таком случае неясно, что открыл Колумб? Можно ли его в этой связи с должным правом именовать первооткрывателем Америки? С другой стороны, задолго до Колумба на Американский материк высаживались многочисленные путешественники. Так, в 986 г. (!) там побывал Бьярни Герь-

330

юльсон, за шестьсот лет до Колумба туда причаливали шхуны исландца Эриксона, назвавшего Америку Винландом, в XI в. там высаживались норманны, в XV в. датчанин Клаудиус Клавус доказывал существование Американского материка, но по стечению обстоятельств не включил его в свои карты. Имеется также предположение, будто в Америку плавали китайцы, полинезийцы, африканцы, другие мореплаватели. В этом случае также возникает вопрос: если до Колумба о существовании Америки уже имелось

некое знание, спрашивается: в каком смысле можно утверждать, что именно Колумб открыл Америку?

Необычайно интересным представляется вообще тот факт, что у большинства (если не у всех) радикальных научных открытий почти всегда находятся какие-либо неуловимые содержательные прообразы-антиципации. Так, до Эрстеда, открывшего эффект электромагнитной индукции, на тесную взаимосвязь электрических и магнитных сил указывали Романьози, Мансона, Швейггер. Приоритет выдвижения идеи закона тяготения в известном смысле могли оспаривать у Ньютона Буллиальд, Гук, Врен, Галлей. Идею периодического закона до Менделеева высказывали Дебереттнер, Ньюлендс, Мейер, Дюма, Петтенкофер и т. д.

Выявление содержательных прообразов некоторых общеизвестных открытий носит нередко достаточно яркий, прямолинейный характер. Например, до выхода в свет трудов Лейбница и Ньютона, которые возвестили об открытии дифференциального и интегрального исчисления, аналогичные идеи, высказанные в работах Кавальери, Кеплера, Декарта, Ферма, дали повод Лапласу, Лагранжу, Фурье и некоторым другим математикам расценить эти идеи (скажем, получившие развитие в работах Ферма) непосредственно уже самим открытием дифференциального и интегрального исчисления.

Однако бывают случаи, буквально двусмысленного, курьезного выявления этих прообразов. Когда в 1895 г. Рентгеном «были открыты его знаменитые X-лучи, оказалось, что многими поэтами в сказках и романах уже ранее были

331

описаны подобные лучи и их удивительное действие». А, например, когда в 1910 г. исследователь радия Рамзай «был приглашен в Лондонский клуб авторов литераторов, ему представился писатель-поэт, напомнивший, что им же еще до открытия радия... был описан фантастический химический элемент с существенными свойствами радия».⁹⁶ Приведем еще один пример подобного рода. Задолго до исследований И. П. Павлова идею условного рефлекса в своеобразной форме предвосхитили авторы заметки, помещенной в журнале «Вокруг света» за 1867 г. Они описали, как в одной из французских богаделен к отверстию, через которое нищим по звонку колокольчика выдавалась пища, подходила собака и, вместо нищих звоня в колокольчик, регулярно получала пищу. Не будем множить примеры.

В связи с изложенным возникает целый ряд нетривиальных, а во многих отношениях деликатных вопросов: о датировке открытия, приоритете и т. д. Однако, какие бы вопросы ни возникали, какие бы сомнения ни появлялись, независимо ни от чего мы твердо убеждены, что автором открытия электромагнитной индукции был Эрстед, закон всемирного тяготения открыл Ньютон, именно Менделеев открыл периодическую систему химических элементов. Рентген был автором открытия X-лучей, а Америку открыл Колумб. На чем покоятся убеждения, — сказать трудно; по-видимому, не последнюю роль здесь играют социальные, психологические и прочие факторы, но несомненно одно: важнейшая из гносеологических причин существования таких убеждений в том,

что к ним относятся с давно сложившимся доверием: ранее приобретенные в обучении, поддерживаемые как справедливые и непроблематизируемые, они возымели статус привычных, чуть ли не догматических истин. Между тем в науке, нередко под даже очевидной точкой обнаруживаются невероятные вещи.

Главным в обсуждении темы является вопрос: что означает предложение: «В открытии производится новое знание». Когда именно оно там производится? Последний

⁹⁶ Вальден П. И. *Наука и жизнь*. Пг., 1918. С. 10.

332

эквивалентен следующему вопросу: начиная с какого момента имеется полное гносеологическое право утверждать об открытии нового знания, или, другими словами, когда можно с уверенностью полагать, что возникла новая истина? Вопрос имеет крайне важное теоретико-познавательное значение. Обсуждая его, обратимся к эмпирическому материалу, дабы на фактах развития конкретных открытий получить возможность изучить существо интересующей нас проблемы.

Проследим историю осуществления научной революции в химии в XVIII в. в связи с переходом от флогистонной теории Штала к кислородной теории Лавуазье.

Теорию флогистона, возникшую вначале в виде гипотезы Бехера (1669) и оформленную в окончательном виде к 1700 г. Шталем, следует квалифицировать как эвристически сильную теорию. Являясь первой теорией горения, она не только была научной, но и выступала важнейшей вехой на пути становления и формирования химии как науки, поскольку знаменовала переход от неупорядоченных, абстрактных представлений перипатетиков о тепло-образующих стихиях к универсальной концептуальной доктрине, включавшей довольно мощный описательный и объяснительный аппарат, позволяющий: а) объяснить феномен горения веществ, — горючие вещества представляют смесь единой горючей субстанции — флогистона — с золой; при горении флогистон превращается в теплоту и свет, зола же остается; б) объяснить ряд реакций получения кислоты при окислении веществ, подобных углероду и сере; в) объяснить «уменьшение объема, когда окисление происходило в ограниченном объеме воздуха: флогистон высвобождался при нагревании, которое «портит» упругость воздуха, абсорбирующего флогистон»;⁹⁷ г) создать систематику реакций горения. Стержень теории флогистона как теории реакций горения составляли следующие трактовки этих реакций: металл — флогистон = окись

⁹⁷ Кун Т. *Структура научных революций*. М., 1975. С. 132.

333

(реакция окисления); окись металла + флогистон = металл (реакция восстановления). Таким образом, в содержательном отношении реакция горения рассматривалась с позиций флогистонной теории как реакция разложения вещества (металла).

Между тем в науке того времени продолжали накапливаться факты, не подтверждающие эту эвристику. Уже в XVII в. в связи с прогрессом металлургии констатирован факт увеличения веса тел при обжиге. В 1669 г. Майов находит, что окиси металла весят больше «чистых» металлов. Сам Майов объяснил феномен скрытым

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

соединением металлов со «*Spiritus hitroaerens*» — газом из селитры. В 1673 г. Бойль замечает, что продукты горения тяжелее первоначального веса сгоревших тел и т. д. Непрекращающийся поток фактического материала, противоречащего флогистонной теории, заставляет последнюю как-то оценить факты. Так возникают *ad hoc* гипотезы Шефера, что будто бы флогистон имеет «отрицательный вес», и Гюнтон де Морво, что флогистон как бы «поднимает» металлы. Однако эти гипотезы не могли рассчитывать на научный успех ввиду их явной искусственности, сложности, вызывающей крайние сомнения непонятности. Требовалась идея, которая, по словам Либиха, могла бы вдохнуть новый смысл в организм науки.

Такой идеей стала идея Лавуазье, предположившего вслед за Бойлем, что реакции горения являются не реакциями разложения веществ, а реакциями синтеза. Выдвижение этой идеи означало начало революции в химии. Лавуазье принялся прежде всего за постановку целенаправленных опытов по определению веса тел до и после реакций горения, в результате чего подтвердил, что получаемые в них окиси веществ действительно весят больше первоначального веса. Предположение, что реакции горения суть реакции не разложения, а синтеза, превращается для Лавуазье, таким образом, в убеждение. На этом этапе революции Лавуазье ничего нового не открыл, ибо уже Бойль, критикуя перипатетические теории горения, настаивал, что реакция горения суть реакция соединения, а

334

не разложения. Следовательно, уместно зафиксировать, что на этом этапе революции Лавуазье не обладал каким-либо дополнительным (хотя бы по сравнению с Бойлем) знанием, не было также никакого открытия, в котором было бы произведено новое знание.

Далее Лавуазье оказался перед закономерным вопросом: если верно, что реакция горения суть реакция соединения, то с чем, спрашивается, соединяются вещества при горении? Точного ответа на вопрос не существовало. Имелись лишь гипотетические указания Леонардо да Винчи, что при горении происходит потребление воздуха, а также экспериментальные данные Бойля, который установил, что при реакции горения исчезает примерно $\frac{1}{5}$ объема воздуха. Размышления над указанным вопросом с учетом этих данных положили начало тщательному анализу состава атмосферы — среды, где осуществляется горение. В 1769—1770 гг. при прокаливании селитр и двуокиси марганца Шееле (1742—1786) выделил новый газ, поддерживающий горение, который он назвал «огненным воздухом». В 1772 г. Резерфорд открыл азот. В 1774 г. при прокаливании сурика и красной окиси ртути Пристли собрал новый газ, сходный по своим свойствам с тем, который ранее описал Шееле, однако отождествил его с закисью азота (известно, что при нагревании закись азота действует как окислитель, довольно легко разлагаясь на азот и кислород). По данным Навиля, которым, однако, с чисто химической точки зрения доверять не приходится, Пристли отождествил новый газ с углекислотой. А в 1775 г. он отождествил его с воздухом вообще, имеющим меньшую

дозу флогистона (дефлогистированным воздухом). В том же 1775 г. уже Лавуазье, экспериментально получив до этого исследованный Шееле и Пристли «новый газ», отождествляет его, как и Пристли, с воздухом вообще, отмечая при этом, что он «более чистый».

Тогда же, обращаясь к количественному анализу атмосферного воздуха, Лавуазье нашел, что последний состоит из двух родов воздуха — азота и вышеуказанного «более

335

чистого» воздуха. Наконец, в 1777 г. в результате тщательных и долгих исследований Лавуазье приходит к убеждению, что открытый Шееле и Пристли и досконально изученный им «более чистый воздух» не только является составной частью атмосферы, но и представляет собой особый газ — кислород. Интересно отметить, что в 1777 г. появляется ранее написанный, но не изданный «Химический трактат о воздухе и огне» Шееле, где приводятся результаты опытов по получению «огненного воздуха» и содержится количественный анализ атмосферы, показывающий наличие в ней двух родов воздуха — поддерживающего горение (кислород) и флогистированного, не поддерживающего горения (азот). Таким образом, Шееле и Лавуазье скорее всего независимо друг от друга пришли к выводу, что кислород — особый газ, входящий в состав атмосферы. Можно с определенностью сказать, что на этой стадии развития научной революции было сделано важное открытие, — открыт новый, поддерживающий горение газ — кислород. Следовательно, необходимость в допущении какой-то побочной субстанции, обеспечивающей реакцию горения, — флогистона — сама по себе отпала. В связи с анализом истории открытия кислорода возникает вопрос приоритета, датировок открытия: кого считать автором открытия кислорода? Для обсуждения вопроса в качестве предпосылки примем: под фактом открытия кислорода целесообразно понимать факт осознания получения нового особого газа, поддерживающего горение и входящего в состав атмосферы. Исходя из этого, можно заявить, что содержание, вкладываемое Шееле в понятие «огненный воздух» (1769—1770), не дает права утверждать, будто он сознавал факт открытия нового особого газа, поддерживающего горение и входящего в состав атмосферы. Шееле, следовательно, не был автором открытия кислорода. Нельзя им также назвать и Пристли, отождествившего новый открытый им газ в 1774 г. с закисью азота, а в 1775 — с дефлогистированным воздухом, так как здесь не содержалось ни малейшей тени указания на открытие особого газа с определенными свойствами.

336

Не является автором открытия кислорода и Лавуазье, отождествивший в 1775 г. кислород с «более чистым» воздухом. И только в 1777 г. на основе количественного анализа состава атмосферы возникает убеждение в необходимости признать в «более чистом» воздухе особый газ, поддерживающий горение, — кислород. Как было отмечено, к подобному убеждению Шееле и Лавуазье приходят, скорее всего, независимо друг от друга. Их-то и следует, на наш взгляд, считать авторами открытия кислорода.

Итак, к 1777 г. Лавуазье удалось не только разрешить вопрос, что является причиной горения веществ, — их взаимодействие с

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

кислородом, — но и достаточно твердо ответить на вопрос, с чем могут соединяться вещества при горении? — с кислородом атмосферного воздуха с образованием окислов. Теперь напомним, что определяющим для флогистонной теории Штала оказывался факт увеличения веса тел при обжиге, причина и сущность которого удовлетворительным образом не истолковывались. С решением вопроса о материальном субстрате, с которым могут соединяться вещества при горении, для Лавуазье открылась прямая перспектива дать необходимое истолкование этому факту, что он и сделал. Истолкование факта увеличения веса тел при обжиге на основе допущения обоснованной возможности взаимодействия и синтеза их с кислородом с гносеологической точки зрения справедливо расценивать как значительное открытие, ибо здесь впервые производится новое знание относительно объективных причин увеличения веса горящих тел. До Лавуазье никто таким знанием не располагал. Имелись лишь весьма абстрактные объяснения этого факта, данные Бойлем, который допускал соединение корпускул огня, проникающих через стенки реторты, с прокаливаемым веществом. Однако эти объяснения не основывались на каких-либо доказывающих или обосновывающих их истинность процедурах. Таким образом, нельзя утверждать, что у Бойля имелось необходимое знание по этому вопросу. Открытие Лавуазье следует охарактеризовать как стержневое открытие, на котором, как на своей базе, смогли получить раз-

337

витие основные идеи кислородной теории горения. Таким образом, на вопрос: кто был автором кислородной теории горения? — с уверенностью можно сказать: им был именно Лавуазье и никто другой.

После создания в общем виде кислородной теории горения Лавуазье делает следующий, продиктованный логикой развития революции шаг: изменяет систематику реакций горения. Новая систематика характеризуется тем, что, во-первых, базируется на специально введенном, представляющем радикальную в концептуальном отношении важность понятию химического элемента, необходимой составной частью которого оказывается понятие веса; а, во-вторых, в ней применена новая номенклатура для обозначения химических элементов, что даже с чисто внешней (психологической) стороны требовало отхода от теории флогистона. Казалось бы, самый ход революции — убедительная критика флогистонных идей, возможность объяснения нового эмпирического поля явлений, дальнейшие приложения кислородной теории к области систематики реакций горения и т. д. — все это, а также многое другое, очевидно свидетельствующее о научном превосходстве теории Лавуазье, убеждало в окончательном крахе флогистонной теории. Казалось бы, следует форсированно отбросить теорию флогистона и также форсированно перейти к теории Лавуазье.

Однако ничего подобного в действительности не произошло. Наступил период длительной и острой конкуренции двух теорий. Следовательно, не правы те, которые полагают, будто новая парадигматическая теория «с ходу», т. е. без избыточной

сложностями, перипетиями борьбы, может непосредственным образом сменить собой старую. Современники Лавуазье не только не могли поверить в крушение флогистонных представлений, но и принять новых идей. Причин было несколько. Вот две, с нашей точки зрения, важнейшие из них.

Во-первых, для многих современников Лавуазье, воспитанных на традициях флогистики, оказалась непосильной идея интерпретации реакций горения как реакций

338

синтеза, а не разложения. Эти причины можно было бы назвать психологическими. Влияние психологических факторов при свершении научных открытий никоим образом не следует сбрасывать со счетов, ибо в конечном счете человек, имеющий партикулярные особенности, воспринимает и усваивает новые идеи: насколько они окажутся приемлемыми для него — и есть во многом вопрос психологии. Так, человеку, с детства усвоившему представление о горении как реакции разложения, чрезвычайно трудно увидеть в той же самой реакции реакцию синтеза. При этом аргументы новой, к тому же малоапробированной, теории становятся второстепенными, ибо, как тонко подметил Юм, «все мнения и понятия о вещах, к каким мы привыкли с детства, пускают корни так глубоко, что весь наш разум и опыт не в силах искоренить их».⁹⁸ Один из соавторов открытия кислорода — Пристли — в частном письме от 1800 г., т. е. спустя 23 года с момента создания теории Лавуазье, все еще оправдывал убеждения, что при горении нечто выделяется, а не соединяется, как это следовало из новации Лавуазье. Пристли писал: «Я внимательно рассмотрел все возражения своих противников (т. е. сторонников Лавуазье. — *В. И.*) и всецело уверен в правильности своей точки зрения (т. е. флогистонной. — *В. И.*). Хотя я остался почти одинок, но все же не верю в поражение».⁹⁹ Во-вторых, для многих ученых того времени необходимость отказа от флогистонных представлений не была очевидной, т. к., по их мнению, явления горения могли получать эквивалентные описания и с точки зрения флогистонной, и с точки зрения кислородной позиции. Кевендиш, например, пояснял: «Явления природы могут найти объяснение и без помощи флогистона, действительно, дело сводится к одному и тому же, говорят ли, что телу сообщается дефлогистированный воздух, или что из него удаляется флогистон с заменой его водой. Так как нет, вероятно, вещества, совершенно свободного от воды, и так

⁹⁸ Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 217:

⁹⁹ Цит. по: Мур Ф. История химии. М.-Л., 1930. С. 47.

339

как я не знаю средства, как переносить флогистон с одного тела на другое, без того, чтобы оставалось сомнение, не была ли перенесена и вода, то чрезвычайно трудно при помощи опыта решить, какое из двух мнений самое истинное. Но так как общепринятый принцип флогистона так же хорошо объясняет явления, как и теория Лавуазье, то я придерживаюсь первого».¹⁰⁰

Следовательно, причины, по которым теория Лавуазье не была форсированно принята современниками, сводятся к допущению влияния на них теории флогистона, приверженцами которой **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

первоначально они были. Причины эти следует считать вескими. Даже Лавуазье не избежал влияния теории флогистона. Как отмечалось, Лавуазье строил новую систематику реакций горения на понятии элемента, которое, в свою очередь, основывается на понятии веса. Между тем в таблицу химических элементов Лавуазье допускает и невесомые теплород и светород, т. е. те вымышленные флогистиками компоненты реакции горения, посредством привлечения которых им удавалось описывать эту реакцию. Присутствие в таблице химических элементов, понятие о которых обуславливалось понятием веса, невесомых теплорода и светорода следует квалифицировать как атавистическое явление, объяснимое несомненным влиянием на Лавуазье теории флогистона. Оствальд, исследовавший логику развития кислородной теории Лавуазье, высказал следующее пронизательное замечание: «Самый последний шаг, который вполне завершал бы новую мысль и ставил бы ее в полную противоположность со старой, не делается автором этой новой мысли».¹⁰¹

Следующий этап развития кислородной теории не связывается более с именем Лавуазье. Он связывается с именем безымянных тружеников науки, которые своей кро-

¹⁰⁰ Цит. по: Рамсеи-Оствальд В. Из истории химии. Спб., 1909. С. 85-86.

¹⁰¹ Оствальд В. Путеводные нити химии. М., 1908. С. 14—15.

340

потливой деятельностью дедуцируют из выдвинутых автором открытий идей следствия, без которых, однако, революция не была бы законченной. Этот этап в большей мере характеризуется направленностью: окончательно и во всей чистоте провести основную мысль автора открытия и в первую очередь освободить ее от невольных, но не относящихся к делу атавистических придатков. Объектом тщательного исследования последователей Лавуазье явилась предложенная им таблица химических элементов, в которой в явном и недвусмысленном виде присутствовали архаизмы флогистики. Перед последователями Лавуазье, таким образом, возникла насущная задача: устранить архаизмы, а тем самым элиминировать флогистику с ее последнего рубежа. Для осуществления этого требовалось разрешить вопрос о статусе теплорода и светорода. Относительно светорода как флюиданосителя света вопрос остро не вставал, может быть, потому, что слишком уж отдающей схоластикой казалась необходимость допускать автономную природную стихию, или, вернее, скрытое качество, на фоне имевшихся уже в контексте физики представлений картезианцев, ньютонианцев, атомистов о природе света. Светород как пережиток абстрактных концептуализаций перипатетиков и средневековых натурфилософов исключен из науки. Относительно же теплорода вопрос стоял остро. Дело в том, что никто из деятелей науки того времени не мог объяснить природу теплоты. Каждому, кто брался за это дело, приходилось решать дилемму, сформулированную еще Папеном: что такое теплота — род вещества или род движения? Удовлетворительного ответа на дилемму тогда не существовало. Следовательно, вопрос о возможности присутствия теплорода в таблице химических элементов ставился в прямую зависимость от решения дилеммы

Папена. В том случае, если бы было показано, что теплота — род вещества, теплород мог претендовать на присутствие в таблице. В том случае, если бы оказалось, что теплота — род движения, присутствие теплорода в таблице было бы невозможным. Уже в 1663 г. Бойль предлагает гипотезу,

341

тезу, что теплота — не флюид, а род движения. Примерно за 50 лет до оформления теории Лавуазье автор химического учебника «Elementa chemiae» (1732) Бергаве выдвигает предположение, будто теплота не имеет веса, т. е. не является родом вещества, доказать которое, однако, он оказался не в состоянии. Спустя 20 лет после возникновения новации Лавуазье, Румфорд в 1798 г. экспериментально устанавливает, что жидкости в нагретом и охлажденном состоянии имеют одинаковый вес, а еще позже на основе этого Дэви изысканиями в области теплофизики окончательно показывает, что теплота есть род движения. Исходя из гипотезы Бергаве, а также из результатов, полученных Румфордом и Дэви, Берцелиус приходит к решительному выводу и изгоняет теплород из таблицы химических элементов Лавуазье. Только после решительной акции Берцелиуса, элиминирующей атавистические приатки флогистики из структуры химической теории, можно утверждать об окончательном завершении этого гигантского, растянувшегося на полувековой период открытия.

Из историко-научного материала можно сделать гносеологические выводы.

1. На примере анализа истории открытия кислорода нам представилась возможность обосновать убеждение в том, что открытие не является одноактной процедурой производства непосредственно готового знания (истины). В самом деле: хотя нечто, что впоследствии в химии стало именоваться кислородом, получено в 1769—1770 гг. Шееле, к четкому пониманию того обстоятельства, что это нечто — кислород, пришли только в 1777 г. В промежутке же между 1769—1770 и 1777 гг. многочисленные прецеденты экспериментального получения кислорода, например, Пристли и Лавуазье, невозможно рассматривать как факты открытия кислорода.

2. Отвечая на вопрос «когда осуществляются открытия?», необходимо учитывать, что сам факт открытия должен «предполагать осознание и того, что

342

произошло, и того, каким образом оно возникло». ¹⁰² Таким образом, открытие надо датировать тем моментом, когда оно было высказано с такой ясностью и определенностью, что могло повлиять на дальнейшее развитие. ¹⁰³ Такая позиция представляется достаточно надежной. И действительно, поскольку определенность факта открытия мы связываем с определенностью факта получения нового знания (истины), постольку сам факт открытия должен предполагать четкое осознание того, что, собственно, было произведено в деятельности, называемой открытием, ибо без знания того, что было произведено, невозможно утверждать о получении нового знания (истины). В то же время отсутствие обозначенного понимания того, что было произведено в открытии, не позволяет установить различия между научным открытием и произвольным

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

неосознанным действием.

3.6.5 Критерии истины

Единственным и окончательным инструментом выявления истинности знания выступает практика, под которой понимают материально-чувственную деятельность по преобразованию объективной реальности (как первичной, естественной, природной, так и «вторичной», искусственной, социальной). Необходимой предпосылкой корректной фиксации гносеологической сущности практики является тезис, что далеко не всякая субъективная деятельность (активность) совпадает с практикой. Подлинно имманентными в самом точном смысле слова атрибутами практики выступают деятельность субъекта и деятельность с объектом. Практика, следовательно, представляет единство субъективного и объективного. По форме она определяется деятельным, активным началом, идущим от

¹⁰² Кун Т. Указ. Соч. С. 81.

¹⁰³ См.: Лауэ М. История физики. М., 1956. С. 11.

343

субъекта. По содержанию она чувственно-материальна, «непосредственно осязаема», объективно результативна.

Практика не совпадает и не может совпадать исключительно с субъективной активностью, в сферу которой не вовлечен объект. Без объекта практика — чисто субъективный процесс, не покидающий область субъективного и не возвышающийся над ней. В этом случае она есть «ничто» или при наилучшем стечении обстоятельств «мыслительная деятельность». Совершенно ясно, что при подобной — субъективистской — интерпретации ее сущности практика не играла бы роли основы познания, т. е. единственного и окончательного средства обоснования его объективности.

Включение же в сферу практики объекта позволяет, во-первых, рассматривать ее как лежащую вне субъективной реальности, как нечто, что относится и принадлежит реальности объективной, и, во-вторых, наделять ее чертами того, что имеет достоинство «непосредственной действительности». Именно названные обстоятельства делают практику надсубъектным (в смысле преодоления «дурной» субъективности) инструментом, способным эффективно корректировать духовную деятельность, выполнять функции критерия истины, средства регуляции, контроля познания.

Стержнем адекватного понимания сущности практики выступает диалектика субъективного и объективного. Объект как обособленная, существующая вне и независимо от субъекта инстанция, разумеется, не способен быть источником активности. Субъект, будучи оторван от объекта, воплощает лишь абстрактно-духовную активность — активность «чистую», т. е. беспредметную и бессодержательную. Субъект не в состоянии изнутри себя, подобно пауку, ткущему паутину, породить ни сколько-нибудь объективного содержания вообще, ни относительно реалистичных комплексов действия, опирающихся на действительные, а не произвольные связи и допущения. Деятельность в сфере духа (теоретизирование) в принципе обоснована лишь тогда, когда содержание объекта становится каким-то образом и ее содержанием

— содержа-

344

нием субъективной деятельности. Чтобы не просто действовать, а действовать предметно, целесообразно, субъект должен предварительно содержательно овладеть объектом. И только действие в соответствии с предписаниями «внутренней логики», законами объекта позволяет субъекту продуктивно реализовывать, а не попусту расточать активность, достигать намеченной цели, получать значимые результаты.

Практика, следовательно, представляет такой способ полагания объекта субъектом, в котором одинаково важны, взаимообусловлены, равноправны обе стороны: как природа объекта (онтологическая область), так и природа человеческой деятельности (область духа). Нарушение этой диалектики существенно деформирует гносеологическую концепцию практики, лишая ее характера обоснованности, эвристичности.

Итак, практика есть деятельность именно с объектом, т. е. деятельность, хотя и субъективная, непременно материальная. Под деятельностью субъекта в данном случае подразумевается деятельность человечества в целом. Для этого есть серьезные основания. Они связаны с тем, что: 1) практика как форма деятельности имеет общечеловеческий генезис, или, другими словами, может быть понята исключительно как результат общеродового становления человека, в ходе которого формировались его атрибуты как трудового, социального, целесообразно действующего существа; 2) практика как целесообразная трудовая активность, опираясь на функциональное, ролевое разделение деятельности, духом своего содержания ориентирована на производство общественно полезных продуктов, интегрируемых в богатство и культуру. Естественно, результаты социально неассимилируемого, удовлетворяющего частную потребность «индивидуального труда», хотя и могут отличаться известной ценностной значимостью, не могут быть обобществлены, т. е. вовлечены в совокупную жизнь человечества, социально закреплены, объективированы; 3) практика как орудийная деятельность в соответствии с требованиями объекта опирается на общечело-

345

веческий опыт и знание, выступает не однократным индивидуальным преобразовательным действием, а групповым, протяженным во времени, воспроизводимым, уточняемым, социально совершенствуемым трудом, поддерживаемым в социуме через культивацию навыков, профессиональное обучение очередных поколений.

Поэтому ясно, что отрицание, игнорирование социального статуса практики влечет отрицание ее собственно человеческого, целесообразного статуса. Целесообразность — категория предельно гуманитарная, возникающая, становящаяся вместе с возникновением и становлением человеческого в человеке. Фундаментом, средством удостоверения целесообразности является труд — совокупное материальное общественно-историческое производство, порождающее человека не в качестве природного, а в качестве сознательного, социального существа. Деятельность

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

животных в отличие от деятельности человека лишена признаков широко понимаемой целесообразности, сознательности, под которыми подразумевается не возможность производить отдельные удачные действия, основывающиеся на экстраполяционных рефlekсах, а возможность сознательно планировать деятельность на основе построения антиципирующих идеальных схем поведения, детерминированных планом будущего.

Деятельность животных — деятельность поглощения, истребления ресурсов природы, приспособления к ней в соответствии с врожденными инстинктами. Деятельность человека — деятельность творческого преобразования, переустройства вещества природы, приспособления ее к себе в соответствии с благоприобретенными возможностями, реализующимися через сознательную постановку целей, выработку программ их достижения.

Понятно, что такого рода деятельностью человек наделен не от бога. Ее формирование, развитие связаны с результатом антропогенетического выделения человека из животного царства, решающую роль в котором мог сыграть и в действительности сыграл коллективный, а не «индивидуальный» труд.

346

Итак, глубокое гносеологическое понимание практики складывается из трех компонентов. Практика — материальная деятельность с реальным, а не идеальным предметом; групповая, социальная, общественно-историческая деятельность; сознательная, творческая деятельность, основывающаяся на социальном опыте, знании и заключающаяся в преобразовании действительности, отрицании ее наличного бытия в соответствии с целеполаганием.

Зафиксируем смысл понятия «критерий истины». Понятие критерия истины основывается на допущении существования такой разрешающей процедуры, которая позволяет отвечать на вопрос о соответствии знания познаваемому предмету. Отвечать же на этот вопрос можно лишь путем сравнения знания с предметом, данным в нем, но существующим вне его.

Понятие критерия истины, таким образом, основано именно на допущении возможности процедуры сравнения знания с предметом знания. Однако возникает проблема. Чтобы ее сформулировать, приведем рассуждение В. Виндельбанда. «Сравнение, — отмечает он, — есть ведь деятельность соотносящего сознания и возможна лишь между двумя содержаниями одного и того же сознания. Поэтому о сравнении вещи с представлением никогда не может быть речи, если сама «вещь» не есть представление... Ошибочное мнение, будто представление сравнивается с вещами, вытекает лишь из того, что обыденное сознание принимает чувственные впечатления за самые вещи. Так как вещь и представление несоизмеримы, так как мы никогда не можем сравнивать ничего другого, кроме представления с представлениями, у нас нет ни малейшей возможности решить, совпадает ли представление с чем-либо иным, кроме представления».¹⁰⁴

В данном рассуждении, если, конечно, рассматривать его не с критической точки зрения, что представляет самостоятельную исследовательскую тему, а пытаться выч-

¹⁰⁴ Виндельбанд В. Прелюдии. Спб., 1904. С. 105-106.

347

ленить в нем рациональное, интересна мысль, что знание непосредственно несравнимо с существующим вне его предметом знания. Мысль эта, надо сказать, справедлива, глубока. Знание как гносеологическая структура (система представлений), конечно, не может непосредственным образом сравниваться с предметом знания (системой реальных объектов). Для сравнения двух несоизмеримых вещей нужна какая-то общая единица измерения.

Следовательно, проблема, на какую указывает Виндельбанд, подлинна, вполне реальна. Она может быть понята как проблема общего основания сравнения знания и его предмета или — в более широком смысле — как проблема однопорядковости знания и его критерия истинности.

Гносеология знает массу решений проблемы, которые мы по чисто техническим причинам, естественно, проанализировать не в состоянии. Для того же, чтобы, не вдаваясь в частности, все-таки оценить их, поступим следующим образом. Выделим в универсуме известных решений два крайних альтернативных решения. В результате получим: критерий истинности знания может формулироваться либо в области, либо вне области знания. Поскольку деление это полно, ибо члены его взаимоисключающи, промежуточные позиции, которые не могут не укладываться внутри альтернативы, можно считать непринципиальными, представляющими лишь исторический интерес, а потому обоснованно не включенными в рассмотрение.

Остановимся на позиции, исходящей из возможности формулировки критерия истинности знания в знании. Такая позиция с историко-философской точки зрения идентифицируется с множеством неклассических теорий истины, которые, исходя из тождества знания с его предметом, определяют критерий истинности как самосогласованность знания, т. е. рассматривают его как внутреннее свойство теории.

Приведем два высказывания гносеологов, разделяющих когерентную версию неклассической теории истины, которые проливают дополнительный свет на ее сущность и

348

содержание. Один из авторитетнейших адептов теории когерентности Г. Маргенау пишет: «Критерий объективности лежит где-то в границах самого строения теории».¹⁰⁵ Другой, не менее видный теоретик этой доктрины, О.Нейрат уточняет: «Определение истинности предложения... приводит к сопоставлению предложения с системой других предложений с целью выяснения, совместимо оно с ними или несовместимо, а не сопоставлению предложения с действительностью».¹⁰⁶

Неразрешимыми трудностями — своеобразными камнями преткновения — позиции выступают две. Одна известна в гносеологии под именем парадокса Нельсона (который, между прочим, знаком античным скептикам). Парадокс Нельсона возникает всякий раз, когда спрашивается: что выступает критерием истинности высказывания, в котором формулируется критерий истины.¹⁰⁷ В том случае, если это высказывание обосновывается с помощью критерия, о котором оно утверждает, испытание его будет

неявно апеллировать к его истинности, что недопустимо вследствие порочного круга. В том случае, если для его обоснования исходить из другого критерия, то тем самым не снимается вопрос о критерии истинности высказывания, в котором формулируется дополнительный критерий, т. е. обнаруживается проблема *regressus in infinitum*. Другая трудность связана с неадекватной тривиализацией проблемы истины в рамках неклассических теорий истины, вытекающей из идентификации истины с критерием истины. Последнее является следствием интериоризации предмета знания, т. е. отождествления его с содержанием сознания субъекта. В этом случае проблема «соответствия», «сравнения» и т. п. субъективного представления с чем-то, существующим объективно вне и независимо от него,

¹⁰⁵ *Albert Einstein: Philosopher — Scientist. L., 1951. V. 2. P. 252.*

¹⁰⁶ *Neurath O. Le developpment du Cercle de Vienne et l'avenir de l'empirisme logique. Paris, 1935. P. 5.*

¹⁰⁷ *См. Нельсон Л. Невозможность теории познания // Новые идеи в философии. Сб. 5. Спб., 1913. С. 70.*

349

упраздняется, как, впрочем, упраздняется и проблема истины и ее критерия.

Таким образом, позиция, исходящая из возможности формулировки критерия истинности знания внутри знания, не выдерживает критики. Откуда вытекает, что критерий истинности знания может и должен формулироваться вне области знания.

Выше отмечалось, что кардинальной проблемой возможности критерия истинности знания выступает проблема однопорядковости. Один из вариантов ее решения, связанный с переводом критерия истинности знания в сферу знания, был признан неадекватным. Как разрешается проблема однопорядковости в рамках позиции, выносящей критерий истинности знания за его пределы?

Очевидно, разрешение проблемы однопорядковости, зависящей от снятия противоречия между субъектом и объектом, базируется в данном случае на переводе знания в форму, аналогичную отображаемой в нем действительности. Каким образом? — Путем материализации, путем практики. Лейтмотивом здесь служат следующие соображения.

Практика осуществляется на основе знания, идеального плана, программы действия. В то же время, практика как орудийно-предметная, производственно-материальная деятельность реализуется по законам объективного мира. Поэтому суть дела заключается в том, что в практике предметы, данности абстрактной сферы (понятия, идеи, теории и пр.) получают конкретную чувственно осязаемую, непосредственно действительную форму выражения, становятся «для себя бытием». Они перестают быть принадлежностями субъективного духа, а, перевоплощаясь в явления материального мира, приобретают независимый от субъекта (объективный) статус.

Возможность перевода знания в действительность через формы практики основана на двух обстоятельствах.

Во-первых, знание имеет практический генезис. Оно представляет интериоризацию практических действий, ибо

предпосылку познавательного, мыслительного процесса,

350

развивающегося из практики, составляет трансформация во внутренний план операций с действительным предметом, его распределенность. Положение о развитии мышления из практической деятельности за счет распределенности, замещения действий с реальным предметом умственной деятельностью с абстрактным его аналогом можно считать общим местом в современной науке. Его справедливость, обоснованная, в частности, А. Валлоном, Л. С. Выготским, Ж. Пиаже и другими, с новой силой была подтверждена А. Н. Леонтьевым, доказавшим гипотезу об общности структур внешней (орудийно-практической) и внутренней (ментальной) деятельности.

Во-вторых, практика, в свою очередь, базируясь на абстрактном знании, представляет деятельность с реальным предметом и по сути своей основана на опредмечивании знания, на, так сказать, последующем его проецировании на действительность, которое осуществляется уже по законам не субъективной — ментальной или физиологической, — а объективной реальности.

Если первое, отрицая тождество знания с его предметом, тем не менее указывает на единую природу фигур практики и познания с точки зрения генезиса, то второе, освещая проблему: «как и почему знание, имеющее автономную логику развития и обладающее известной независимостью от действительности, может и уже по сути дела находить в ней материальное воплощение, своего рода вторичную объективацию», раскрывает конкретный механизм перевоплощения субъективного в объективное, понятия в бытие, знания в действительность. Так как таким механизмом может быть только то, что одновременно обладает чертами как субъективного, так и объективного, то им является практика, выступающая средством материализации духовного и сочетающая в себе достоинства абстрактной всеобщности (идущей от знания) и непосредственной действительности (идущей от реальности).

Таким образом, ключ к разрешению вопроса состоит в понимании практики как диалектической основы познания. Она выступает окончательным фундаментом и того,

351

что действительность может быть спроецирована в знание, и того, что знание, в свою очередь, может найти соответствующую проекцию на действительность. В утверждении этого и заключается общее позитивное решение проблемы однопорядковости, осознаваемой как проблема снятия антагонизма субъективного и объективного. В утверждении этого и состоит глубинная предпосылка возможности практики выполнять роль критерия истинности знания.

Если знание истинно, то и практическая деятельность, основанная на нем, организованная в соответствии с его предписаниями, будет вписываться в закономерности объективного мира, не будет противоречить им и, следовательно, обеспечит достижение ожидаемых результатов.

Схематически структуру практики можно выразить отношением двухвекторности. Практику образует как вектор, идущий от знания и обуславливающий целесообразность активности субъекта, так и

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

вектор, идущий от объективной реальности и предъявляющий к деятельности требование быть необходимым образом с ней согласованной. В том случае, когда эти вектора совпадают, т. е. практическая (орудийная, машинная, технологическая) деятельность субъекта, осуществляемая на основе идеальных схем поведения, приводит к эффективным результатам, согласуется с законами реальности, знание, выступающее программой деятельности, — истинно. В противном случае, в случае несовпадения двух векторов, получения отрицательных результатов или общей неэффективности практической деятельности, есть все основания утверждать, что знание, положенное в ее основу, — ложно.

Наиболее фундаментальными гносеологическими свойствами практики являются абсолютность, относительность, процессуальность.

Абсолютность практики состоит в том, что она в конечном счете является единственным средством а) устанавливать ложность, несоответствие знания действительности, б) подтверждать, выявлять объективную истину, в) опровергать все разновидности агностицизма, скептицизма, волюнтаризма и т. п.

352

Относительность практики заключается в том, что она а) не дает далее неуточняемого, более несовершенствуемого подтверждения адекватности знания; б) не может претендовать на догматическое установление абсолютной истины в последней инстанции; в) носит конкретно исторический характер, тесным образом связана с наличной материально производственной деятельностью, социально конституированным ее потенциалом, непременно обогащается, меняет свои формы и содержание.

Процессуальность как свойство практики вытекает из диалектики ее абсолютности и относительности и сводится к тому, что практика есть протяженная во времени социальная деятельность, по определению слагающаяся из относительных (неабсолютных) проверочных шагов, экспериментальных актов и т. п., не могущих в полной мере на каждом статически зафиксированном отрезке подтвердить или опровергнуть испытуемого положения, но образующих в совокупности интегральное, практическое, весьма строгое доказательство.

К основным формам практики относятся в сфере естествознания — научный опыт, различного рода экспериментирование, связанное с воздействием на объект искусственными средствами, а в сфере обществознания — опыт государственности, политической жизни, социальное экспериментирование, опыт общественного строительства в различных странах, опыт гражданской и военной истории в целом. Во всех этих случаях практика выступает действенным средством установления истинности (научности).

Тезис, что практика есть фундаментальный критерий научности, не следует трактовать упрощенно: будто все, не опробованное практически, не подпадает под науку, и, наоборот, все, подпадающее под науку, практически апробируется.

Практика выступает в роли критерия научности постольку, поскольку является единственным и окончательным критерием

истинности ассоциируемого в науку знания. Последнее определяет хотя и существенную, но все-

таки не универсальную роль практики как критерия научности.

Во-первых, в ряде случаев практику трудно, а то и вовсе лишено смысла использовать при оперативной оценке тех или иных конкретных результатов. Скажем, для логико-математических наук, абстрактных разделов современного естествознания, насыщенных формализмом, оценки предложений запретов, отрицательных высказываний, предложений, носящих альтернативную форму (дизъюнктивные высказывания) при достаточно большой вариации альтернатив, суждений относительно прошлого (в особенности в исторических науках), будущего (прогнозирование), аналитических предложений (*L*-истинные высказывания) и т. п., — для этих и многих других случаев, реализующихся в науке, апелляция к практике бессодержательна, ибо не позволяет дать конкретный эффективный ответ на отдельный возникший вопрос.

Во всех этих случаях обращаются к более оперативным средствам испытания на научность — экспертизе на соответствие различным видам критериев.

Во-вторых, научность и истинность, будучи взаимосвязаны, не совпадают. «Истинность» характеризует знание с точки зрения его соответствия действительности. Истину включает и ненаука — донаучные практически-обыденные, рецептурно индуктивные знания, протоколы наблюдения и т. д. «Научность» же характеризует знание с точки зрения его внутренней архитектоники, форм отображения мира, которые определяются стандартами рациональности, принятыми в науке как сфере духовного производства. В силу этого наука может включать и неистинное, которое, однако, удовлетворяет данным стандартам.

Наличие ножниц между истинностью и научностью показывает: наука включает массу того, что не проходит (не пройдет) практического испытания. Учитывая процессуальность практики, весь вопрос в том, как и когда это выяснится.

Из сказанного вытекает справедливость квалификации «научности» как комплексного, многосоставного феномена, не выражаемого в полной мере «практической апробированностью».

355

IV. ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Эпистемология — раздел философии, развертывающий рефлексивную доктрину науки.

4.1 Генезис науки

4.1.1 Проблема начала науки

Широко известен тезис: знать вещь — значит понимать, «почему она». Но знаем и понимаем ли мы, как, почему, откуда возникла наука?

На трудности выявления начала науки в свое время обращал внимание Л. Карно, отмечавший: «...науки подобны величественной реке, по течению которой легко следовать после того, как оно приобретает известную правильность; но если хотят проследить реку до ее истока, то его нигде не находят, потому что его нигде нет; в известном смысле источник рассеян по всей поверхности Земли. Таким же образом, если хотят вернуться к источнику наук, то не находят ничего, кроме мрака, смутных идей, порочных кругов, и теряются в примитивных представлениях».¹⁰⁸ Очевидно, решение проблемы начала науки затруднено вследствие неопределенности, релятивности понятия «начало науки».

Для преодоления трудностей, в соответствии с имеющимися исследовательскими традициями, разделим начало науки на внешнее и внутреннее, т. е. «на начало чего-то нового сравнительно с предшествующим уровнем» и «на начало чего-то, что будет изменяться, что будет».¹⁰⁹ Внешнее начало — граница кристаллизации науки из донаучного сознания, тогда как внутреннее — исходная точка отсчета именно истории науки в отличие от ее преднаучной истории. В свете сказанного целесообразно уточнить: снять проблему внешнего начала науки — значит

¹⁰⁸ Carnot L. N. M. *Oeuvres. Bazel, 1797. P. 123.*

¹⁰⁹ Поршнева Б. Ф. *О начале человеческой истории. М., 1974. С. 37.*

356

выяснить динамику ее становления из преднаучных познавательных форм; снять же проблему внутреннего начала науки — значит указать некую точку в историческом пространстве, от которой обоснованно отсчитывать последующее развитие самой науки. В совокупности это и будет составлять решение общей проблемы начала науки.

Наиболее отдаленные познавательные предпосылки науки связываются нами с интеллектуальным скачком, произошедшим между VIII—VI вв. до н. э. в результате завершения перехода от мифа к логосу, когда на Ближнем и Дальнем Востоке, а также в античной Греции сформировались те мыслительные структуры, которыми мы оперируем по сей день. (См.: 1.2.4)

Рассмотрим проблему внутреннего начала науки. Как, когда, где возникла наука в собственном смысле слова? Для точного ответа на вопрос необходимо установить денотат многозначного понятия «наука». Под наукой понимают знание, деятельность, форму

общественного сознания, социальный институт, непосредственную производительную силу, систему профессиональной (академической) подготовки и переподготовки кадров. В зависимости от интерпретации понятия получаются и точки отсчета начала. Наука как система профессиональной подготовки и переподготовки кадров возникает в первой трети XIX столетия в Европе (реформы высшей школы в Германии, организация регулярных семинаров, лабораторий, культивирующих экспериментальные навыки, — лаборатория Ю. Либиха и т. д.).

Наука как непосредственная производительная сила оформляется в промышленно развитых странах лишь со второй половины нашего века. Наука как социальный институт, хотя и зарождается в Новое время, такое содержание обретает в полной мере лишь со второй трети XIX в. или даже в еще более поздний период. Если под наукой как формой общественного сознания понимать исторически обусловленную духовную жизнь общества, опирающуюся на некие гносеологические стандарты, то в таком случае вопрос упирается в экспликацию этих стандартов.

357

Если под ними понимать теорию рационального обоснования, наука возникла в античной Греции, впервые выработавшей понятие подобных стандартов. Однако с этих позиций придется признать, что наука практически исчезла в период средневековья, чтобы вновь возродиться в Новое время. Наука как деятельность возникает в зависимости от того, что понимать под деятельностью. Если под ней понимать социально санкционированную профессиональную занятость, то это будет эквивалентно возникновению науки как социального института. Если же под ней понимать познавательную активность, нацеленную на получение научного знания, вопрос имеет решение в зависимости от, истолкования гносеологического содержания «знания». Если, наконец, исследовать генезис науки как знания, то спрашивается, с каким именно знанием связывать науку. Науку можно связывать с профессиональными знаниями. Тогда окажется, что математика возникла в античности, естествознание — в Новое время, обществознание — в XIX в. Если идти дальше и спрашивать, почему это так, следует ставить вопрос о возникновении науки как особого типа гносеологического сознания, ориентированного на производство специфического знания, отвечающего наперед заданным требованиям.

Можно показать, что научная математика появилась в античности и не могла появиться на Древнем Востоке или еще раньше — на стадии кроманьонского человека, осуществлявшего «числовую деятельность», различавшего симметрические отношения и т. д., ибо дедуктивно-теоретический стиль рассмотрения, основанный на рациональной логической аргументации, мог быть оформлен лишь в социальной ситуации античной Греции. Институт рабовладельческой демократии стимулировал выработку, с одной стороны, им персонального логического аппарата обоснования, с другой, — конструктивно-идеализирующего типа отношения к действительности, избегающего опытных апробаций. Но тот же институт препятствовал (гальванизирование созерцательности,

игнорирование материально-практического отношения к действительности) об-

358

разованию теоретического естествознания. Надлежало соединить принципы деятельности с абстрактными объектами, с практической деятельностью. Для этого помимо объективных социальных сдвигов потребовались титанические усилия мыслителей Нового времени (Коперник, Бруно, Галилей и др.), разрушивших концепцию античного космоса, путем метода рациональной индукции обосновавших идею пустотной механики и через переосмысление традиции гносеологического платонизма доказавших приложимость математического аппарата к описанию объектов физического мира, что радикально отрицалось античностью.

Научное обществознание возникло в связи с появлением теории исторического процесса, отвечающей общенаучным критериям повторяемости.

Итак, возникновение науки как знания следует рассмотреть в исторической последовательности: античность (математика), Новое время (естествознание), вторая треть — конец XIX в. (обществознание). Ниже данная позиция будет соответствующим образом аргументирована. Здесь же проблема исследуется в ее, так сказать, наиболее принципиальной форме: как, когда, где возникла (оформилась) наука как таковая?

Содержательная оценка проблемы упирается в трудность, которую условно можно назвать трудностью эпистемологического круга. Для уяснения того, откуда с разумным основанием выводить науку, т. е. что принимать за точку отсчета, указывающую на начало подлинной науки в отличие от преднауки, следует знать, что такое наука. Иначе говоря, определенность начала, исторически исходного пункта науки не может быть охарактеризована безотносительно к последующему отнесению его к тому, что из него вытекает или возникает, т. е. к науке. Следовательно, только интенсивный анализ науки может выявить, с чем связывать, откуда выводить ее начало. Одновременно очевидно, что эффективность анализа, раскрывающего, что такое наука, минимальна в отсутствии опорного понятия об исторической точке отсчета науки. В противном случае возможны

359

одинаково негативные тенденции. Либо заведомо некритическое, а потому по необходимости неадекватное включение в науку в принципе несвойственных ей структур, некогда реализованных в истории (спрашивается: в подлинной истории или предыстории науки?), что делает вопрос о гносеологической определенности и самоопределенности науки *de facto* неразрешимым. Либо необоснованно критическое исключение из науки элементов ее прошлого, что порочно ввиду скрытой модернизации науки, абсолютизации каких-то актуальных ее образов, которые могут быть вовсе не типичными для науки, как таковой.

Таким образом, налицо круг: для понимания того, где начинается наука, следует знать, что она такое; но выяснить, что такое наука, не впадая при этом как в ее архаизацию, так и модернизацию, невозможно, не опираясь на твердое предварительное понятие о

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

начале науки.

Преодолима ли трудность? Определенный способ ее снятия заключается в установлении коррелятивной и постоянно уточняемой связи между неким предельным наиболее гибким гносеологическим представлением о науке и ее возможным историческим первоначалом. Установление подобной связи, как свидетельствует опыт исследования аналогичных проблем, есть единственный путь для снятия затруднений такого рода. Поэтому суть дела состоит в том, чтобы обсуждение вопроса исторического начала науки связать с обсуждением вопроса ее сущности. В свою очередь обсуждение вопроса сущности науки не следует производить безотносительно к обсуждению вопроса ее исторического начала. Как видно, для решения проблемы требуется: а) выработать теоретико-познавательный эталон науки, отделить науку как гносеологически однородное, целостное образование, связав ее с определенным типом рациональности, способом духовного производства, задаваемым минимальным набором предельно широких признаков; б) проанализировать реализованные в истории познавательные формы, чтобы выявить их соответствие выработанному эталону науки; в) идентифицировать реальные формы познания с эталоном науки.

360

Поскольку общий принцип преодоления затруднения эпистемологического круга задан, можно идти дальше в обсуждении поставленной проблемы.

На вопрос, как, когда, где возникла наука, у специалистов нет общепринятого ответа. Не будем оценивать известные позиции. Однако сразу же выскажем несогласие с позицией, выдвинутой Г. Спенсером, по которой наиболее удобным исходным пунктом науки выступает ум... «взрослого дикаря». Основу такой линии образует отождествление науки вообще с любым знанием, относящимся к действительности, на чем, кстати сказать, помимо Спенсера настаивали Конт, Райе-Коляр, Жюффруа, Кузен, Гарнье, Рид и др.; поэтому, коль скоро дикарь имел какие-то знания, он был приобщен к науке.

Связывать начало науки с зачатками мыслительной деятельности на ранних стадиях антропогенеза и совмещать субъекта науки с первобытным дикарем, на наш взгляд, неглубоко и, по крайней мере, непоследовательно. Гораздо более последовательным проведением этой позиции было бы относить исходный пункт науки к «исследовательскому поведению» антропоидов и связывать начало науки не с «дикарским», а с «обезьяньим» умом. Однако абсурдность подобной линии очевидна.

Фундаментальный порок спенсеровской точки зрения, как представляется, состоит в агенетизме, который ставит науку вне культуры и вне человеческой истории, что никак и ничем не оправдано. Чтобы показать несостоятельность спенсеровского агенетизма в решении проблемы начала науки, подчеркнем необходимость различать два аспекта понятия знания. Один аспект характеризует знание как способ существования сознания. Поскольку сознание интенционально, без знания нет и сознания, функционирующего по принципу осознания включенного в него

знания. В этом смысле наличие знания не прерогатива науки, а атрибут сознательной деятельности, в том числе, разумеется, и ненаучной. Невозможно заниматься ремеслом, охотой, земледелием, никакой «стандартной» человеческой деятельностью, развертывающейся как не-

361

которая технология осуществления (достижения) чего-то, без знаний. Поэтому, естественно, первобытный дикарь располагал знаниями, возникшими в ходе генерализации социального опыта. Но отсюда, имея в виду науку, еще ничего не следует.

От этого аспекта понятия знания следует отличать другой аспект, в котором знание тождественно научному знанию, науке.

Был ли причастен первобытный дикарь к науке? Если отвечать строго, нужно, как утверждалось, пользоваться методом идентификации «первобытного знания» с гносеологическим эталоном науки. Каков он? За основу эталона примем модель с минимумом предельно широких (даже «слабых») характеристик, специфицирующих науку как таковую.

1. Всякая наука есть знание. Однако гораздо важнее, что знание есть результат деятельности, нацеленной на его получение. Следовательно, определяющим признаком науки выступает наличие особого рода деятельности, предпринимаемой с целью производства знания. С социологической точки зрения эта деятельность может обеспечиваться только за счет наличия досуга, или резерва времени, образовавшегося вследствие высвобождения группы лиц из материального производства, который и стал расходоваться на развитие производства духовного. Значит, наука в собственном смысле слова появилась не раньше разделения умственного и физического труда. Для отправления целенаправленной, а не стихийной спорадической деятельности по получению знания помимо наличия определенной категории людей — субъектов знания (разработчики, хранители, передатчики) требуется материальная (приборная, инструментальная) и методическая (средства получения, контроля, обучения) база, а также средства фиксации результатов — письменность. Поэтому общество, лишенное этих атрибутов, лишено науки.

362

2. Стержень мотивировок занятий наукой должны составлять вопросы не прикладного, узкоутилитарного характера, так сказать, встроенные в контекст непосредственной практической деятельности, а познавательные вопросы как таковые, возникшие вследствие разрешения «незаинтересованной» потребности знать. «Познание ради познания» обеспечивает консолидацию науки в особый вид производства, противостоящий прочим видам не только материального, но и духовного производства (искусство, религия и т. п.).

3. Чтобы быть научным, познание должно быть рациональным, т. е. характеризоваться радикальным исключением мифологических, магических и тому подобных представлений, основанных на вере в сверхъестественное.

4. Множество разрозненных знаний, полученных как набор эмпирических алгоритмов по решению опытных задач, не образует науки. Научное знание может быть выделено лишь на

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

последовательно доказательной основе в результате обоснованного необходимого вывода из теоретически-фундаментального рассмотрения предмета в «чистом виде».¹¹⁰

Такова самая общая гносеологическая модель, схватывающая типичное в науке. В ее свете излишне доказывать несостоятельность позиции Спенсера по вопросу происхождения науки. Те спорадические примитивные знания, какие ценой величайших усилий путем индуктивных генерализаций, деятельности (проб и ошибок) достигал первобытный дикарь, ни с какой стороны научными не являются.

Так как же, где, когда складывается то, что называется наукой? На вопрос, как выяснится далее, нельзя ответить, оставаясь в границах гносеологического рассмотре-

¹¹⁰ Также см.: Рожанский И. Д. *Античная наука. М., 1980.*

363

ния, — для этого потребуются исследовать систему материальной и духовной культуры человечества, функционирующей как монолитное целое. Поэтому в качестве дальнейшего шага исследования перейдем к анализу известных типов человеческих культур, дабы выявить их реальные возможности выступать «порождающей структурой» науки.

4.1.2 Наука на Древнем Востоке

Поскольку исследование древней науки не является самоцелью, — нам важно понять корни, динамику структуры, называемой наукой, постольку предпринимаемый анализ имеет задачей, уточняя социальные и гносеологические особенности функционирования древневосточной культуры, выяснить ее реальные возможности генерировать науку. Следовательно, наш непосредственный вопрос таков: была ли в состоянии древневосточная культура породить науку. Естественно, эффективное его обсуждение можно провести не иначе, как апеллируя к зафиксированному выше эталону.

Соотнесение фигурирующего на Древнем Востоке знания с эталоном показывает:

1. Необходимо признать, что наиболее развитая по тем временам (до VI в. до н. э.) в аграрном, ремесленном, военном, торговом отношении восточная цивилизация (Египет, Месопотамия, Индия, Китай) выработала определенные знания. Разливы рек, необходимость количественных оценок затопляемых площадей стимулировали развитие геометрии: активная торговля, ремесленная, строительная деятельность обусловили разработку приемов вычисления, счета; морское дело, отправление культов способствовали становлению «звездной науки» и т. д. Таким образом, восточная цивилизация располагала знаниями, которые накапливались, хранились, передавались от поколений к поколениям, что позволяло им оптимально организовывать деятельность. Однако, как отмечалось,

364

факт наличия знания сам по себе не конституирует науку. Науку определяет целенаправленная деятельность по выработке, производству знания. Имела ли место такого рода деятельность на Древнем Востоке?

Знания в самом точном смысле вырабатывались здесь путем популярных индуктивных обобщений непосредственного практического опыта и циркулировали в социуме по принципу наследственного профессионализма: а) передача знаний внутри семьи в ходе усвоения ребенком деятельностных навыков старших; б) передача знаний, которые квалифицируются как идущие от бога — покровителя профессии, в рамках профессионального объединения людей (цех, каста), в ходе их саморасширения. Процессы изменения знания протекали на Древнем Востоке стихийно; отсутствовала критико-рефлективная деятельность по оценке генезиса знаний — принятие знаний осуществлялось на бездоказательной пассивной основе путем «насильственного» включения человека в социальную деятельность по профессиональному признаку; отсутствовала интенция на фальсификацию, критическое обновление наличного знания; знание функционировало как набор готовых рецептов деятельности, что вытекало из его утилитарного, практико-технологического характера. 2. Особенностью древневосточной науки является отсутствие фундаментальности. Наука, как указывалось, представляет не деятельность по выработке рецептурно-технологических схем, рекомендаций, а самодостаточную активность по анализу, разработке теоретических вопросов — «познание ради познания». Древневосточная же наука ориентирована на решение прикладных задач. Даже астрономия, казалось бы, не практическое занятие, в Вавилоне функционировала как прикладное искусство, обслуживавшее либо культовую (времена жерт-

365

воприношений привязаны к периодичности небесных явлений — фазы Луны и т. п.), либо астрологическую (выявление благоприятных и неблагоприятных условий для отправления текущей политики и т. д.) деятельность. В то время как, скажем, в Древней Греции, астрономия понималась не как техника вычисления, а как теоретическая наука об устройстве Вселенной в целом. 3. Древневосточная наука в полном смысле слова не была рациональной. Причины этого во многом определялись характером социально-политического устройства древневосточных стран. В Китае, например, жесткая стратификация общества, отсутствие демократии, равенства всех перед единым гражданским законом приводило к «естественной иерархии» людей, где выделялись заместители неба (правители), совершенные мужи («благородные» — родовая аристократия, государственная бюрократия), родовые общинники (простолюдины). В странах же Ближнего Востока формами государственности были либо откровенная деспотия, либо иерократия, означавшие отсутствие демократических институтов.

Антидемократизм в общественной жизни не мог не отразиться на жизни интеллектуальной, которая также была антидемократичной. Пальма первенства, право решающего голоса, предпочтение отдавались не рациональной аргументации и интерсубъективному доказательству (впрочем, как таковые они и не могли сложиться на таком социальном фоне), а общественному авторитету, в соответствии с чем правым оказывался не свободный гражданин,

отстаивающий истину с позиций наличия оснований, а наследственный аристократ, власть имущий. Отсутствие предпосылок общезначимого обоснования, доказательства знания (причиной этого являлись «профессионально-именные» правила подключения человека к социальной деятельности, антидемок-

ратизм общественного устройства), с одной стороны, и принятые в древневосточном обществе механизмы аккумуляции, трансляции знания, — с другой, в конечном счете приводили к его фетишизации. Субъектами знания, или людьми, которые в силу своего социального статуса репрезентировали «ученость», были жрецы, высвобожденные из материального производства и имевшие достаточный образовательный ценз для интеллектуальных занятий. Знание же, хотя и имеющее эмпирико-практический генезис, оставаясь рационально необоснованным, пребывая в лоне эзотеричной жреческой науки, освященной божественным именем, превращалось в предмет поклонения, таинство. Так отсутствие демократии, обусловленная им жреческая монополия на науку определили на Древнем Востоке ее нерациональный, догматический характер, в сущности превратив науку в разновидность полумистического, сакрального занятия, священнодействие. 4. Решение задач «применительно к случаю», выполнение вычислений, носящих частный нетеоретический характер, лишало древневосточную науку систематичности. Успехи древневосточной мысли, как указывалось, были значительными. Древние математики Египта, Вавилона умели решать задачи на «уравнение первой и второй степени, на равенство и подобие треугольников, на арифметическую и геометрическую прогрессию, на определение площадей треугольников и четырехугольников, объема параллелепипедов»,¹¹¹ им также были известны формулы объема цилиндра, конуса, пирамиды, усеченной пирамиды и т. п. У вавилонян имели хождение таблицы умножения, обратных величин, квадратов, кубов, решений уравнений типа $x^3 + x^2 = N$

¹¹¹ Лурье С. Я. *Архимед. М.-Л., 1945. С. 13.*

367

и т. п. Однако никаких доказательств, обосновывающих применение того или иного приема, необходимость вычислять требуемые величины именно так, а не иначе, в древневавилонских текстах нет.

Внимание древневосточных ученых концентрировалось на частной практической задаче, от которой не перебрасывался мост к теоретическому рассмотрению предмета в общем виде. Поскольку поиск, ориентированный на нахождение практических рецептов, «как поступать в ситуации данного рода», не предполагал выделение универсальных доказательств, основания для соответствующих решений были профессиональной тайной, приближая науку к магическому действию. Например, неясно возникновение правила о «квадрате шестнадцати девятых, который, согласно одному папирусу восемнадцатой династии, представляет отношение окружности к диаметру».¹¹²

Кроме того, отсутствие доказательного рассмотрения предмета в общем виде лишало возможности вывести необходимую о нем информацию, к примеру, о свойствах тех же геометрических фигур.

Ильин В. В. *Философия*: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Вероятно, поэтому восточные ученые, писцы вынуждены руководствоваться громоздкими таблицами (коэффициентов и т. п.), позволявшими облегчить разрешение той или иной конкретной задачи на непроанализированный типичный случай.

Следовательно, если исходить из того, что каждый из признаков гносеологического эталона науки необходим, а их совокупность достаточна для спецификации науки как элемента надстройки, особого типа рациональности, можно утверждать, что наука в этом понимании не сложилась на Древнем Востоке. Поскольку, хотя мы и крайне мало знаем о древневосточной культуре, не вызывает сомнений принципиальная несовместимость свойств обнаруживаемой здесь науки с эталонными. Иначе говоря, древневосточная культура, древневосточное сознание еще не выра-

¹¹² *Метод в науках. Спб., 1911. С. 8.*

368

бывало таких способов познания, которые опираются на дискурсивные рассуждения, а не на рецепты, догмы или прорицания, предполагают демократизм в обсуждении вопросов, осуществляют дискуссии с позиций силы рациональных оснований, а не с позиций силы социальных и теологических предрассудков, признают гарантом истины обоснование, а не откровение.

С учетом этого наше итоговое оценочное суждение таково: тот исторический тип познавательной деятельности (и знания), который сложился на Древнем Востоке, соответствует донаучной стадии развития интеллекта и научным еще не является.

4.1.3 Наука в античности

Широко представлено разделяемое и нами мнение, что подлинной колыбелью науки были античная Греция, культура которой в период своего расцвета (VI—IV вв. до н. э.) породила науку.

Рассмотрим особенности этого периода, но прежде подчеркнем, что изучение античной культуры для нас не сводится к анализу развертывания первых исследовательских программ, могущих квалифицироваться как научные. Для нас важно зафиксировать те социальные и гносеологические структуры, которые, возникнув в античности, детерминировали оформление здесь науки как таковой.

Начнем с общественно-политических причин небывалого подъема греческой культуры в VI—IV вв. до н. э. Борьба демоса с земельной аристократией увенчалась реформами Солона (Афины 594 г. до н. э.), существенно ограничившими ее реальную власть. Характеризуя социальную значимость этих реформ, Аристотель выделяет три момента: «...первое и самое важное — отмена личной кабалы в обеспечение ссуд; далее — предоставление всякому желающему возможности выступать истцом за потерпевших обиду, третья, отчего ...приобрела особую силу народная масса, — апелляция к народному суду. И, действительно, раз народ владычествует в голосовании, он становится властелином государства». Значение реформ Солона состояло в разру-

369

шении сословности, провозглашении принципов политического и юридического равенства свободных граждан, что было

закреплено конституцией Клисфена, изданной в 509 г. до н. э. в Афинах после свержения тирании.

Надстроечный эффект этого, в частности, применительно к вопросам познания воистину переоценить трудно.

Во-первых, приобретая общественные свободы личность не нивелировалась в волюнтаристическом, насаждавшем бесправие институте власти, характерном для стран Древнего Востока. Демократическая форма греческого общественного устройства, с одной стороны, предполагавшая необходимость участия в политической жизни (народные собрания, публичные обсуждения, голосования) каждого из свободных граждан, а, с другой, — фактически способствовавшая максимальному раскрытию его талантов и возможностей, не только лишала «привилегии рождения», но и обуславливала отсутствие какого-либо пиетета перед правителями, бюрократами, чему содействовали также их выборность, конвертируемость. Стержень аксиологического сознания у греков составило понятие не происхождения и социального положения, а личного достоинства человека. Как говорил Исократ, само имя эллина обозначает одно: культуру.

Во-вторых, утверждение общезначимого гражданского права детерминировало труднейший переход от истолкования порядка общественной жизни в терминах Темиса (Themis — божественное установление, ниспосланное как бы свыше в силу определенного порядка вещей) к его истолкованию в терминах Номоса (Nomos — законоположение, имеющее статус обсужденной и принятой правовой идеи). Последнее означало своего рода секуляризацию общественной жизни, определенное ее высвобождение из-под власти религиозных, мистических представлений.

В-третьих, отношение к общественному закону не как к слепой силе, продиктованной свыше, а как к демократической норме, принятой большинством в результате выявления ее гражданского совершенства в процессе всенародного обсуждения, зиждилось на просторе риторики,

370

искусстве убеждения, аргументации. Коль скоро инструментом проведения закона оказывались сила довода, критицизм, возрастал удельный вес слова, умение владеть которым становилось «формой политической и интеллектуальной деятельности... средством сознательного выбора политической линии, способом осуществления правосудия».³ Греки даже ввели в свой пантеон специальное божество — Пейто, олицетворяющее искусство убеждения.

В-четвертых, правовое равенство граждан, подчинение их единым законам, преклонение перед искусством убеждения имели следствием релятивизацию человеческих суждений. Поскольку все, входящее в интеллектуальную сферу, подлежало обоснованию, а всякое обоснованное, подпадая под критику, могло быть обосновано каким-то более изощренным образом, у греков каждый имел право на особое мнение. Это право нарушалось лишь случаями конфликта частных мнений с принятыми к исполнению законами. Иначе говоря, универсальный принцип критикуемости, поиска лучшего обоснования оказывался недееспособным в

ситуациях, находящихся под юрисдикцией точных законов, которые, будучи приняты, не критиковались.

Следовательно, можно зафиксировать принципиальное отношение греков к истине, которые воспринимали ее не как продукт догматической веры, поддерживаемый авторитетом, но как продукт рационального доказательства, основанный на обосновании. Разумеется, греки не были стопроцентными рационалистами (есть ли такие вообще?!) — мы имеем в виду такие факторы, ограничивавшие *ratio* греков, как веру в судьбу, случай (тихэ), чем нельзя управлять, на что нельзя воздействовать, чему невозможно противостоять и т. п. Однако надо сказать, что эти «послабления» сверхъестественному больше касались вопросов гражданской жизни, быта, а не познания. В вопросах же познания греками проводилась четкая и твердая грань между рациональным и нерациональным, причем последнее радикаль-

¹¹³ Кессиди Ф. Х. *От мифа к логосу. М., 1972. С. 20.*

371

но исключалось из рассмотрения. Так, Аристотель исключал из контекста физики мифологические концепции мироустройства Гесиода, орфиков, Ферекида, Эпименида, Акусилая и др., сосредоточивал внимание на «физиологических» концепциях мироздания досократиков.

Таким образом, важнейшим результатом демократизации общественно-политической сферы античной Греции явилось формирование аппарата логического рационального обоснования, переросшего рамки средства непосредственного осуществления политической деятельности и превратившегося в универсальный алгоритм продуцирования знания в целом, инструмент трансляции истины от индивида в общество. На этом фоне уже могла складываться наука как доказательное познание «из основания», что без труда иллюстрируется обращением к фактическому материалу. Скажем, качественное отличие натурфилософских «физиологических» конструкций досократиков от идейно близких им древневосточных, да и более ранних греческих мифологических конструкций заключается именно в логическом доказательстве. Например, неизменно популярный тезис о единстве всех вещей и одновременно их нетождественности выступает в «физиологиях» досократиков уже не элементом поэтизированного миропонимания, характерного для древневосточного и орфического мифа, а элементом рациональной дедукции.

Если за минимальную необходимую посылку науки принимать рациональную обоснованность, т. е. познание в форме доказательства путем апелляции к реально удостоверяемым (не мистическим) причинам и основаниям, то по такому принципу (даже не принимая в расчет «физиологическое» природоведение досократиков, этику Сократа, астрономию Евдокса и Калиппа) построены планиметрия Гиппарха Хиосского, медицина Гиппократова, история Геродота, геометрия Евклида и т. д. Во всех этих случаях уже трудно не говорить о науке.

Уточнение предпосылок появления науки заставляет обратить внимание на такую черту греческой жизни, как использование труда рабов. Повсеместное применение

372

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

рабского труда, высвобождение свободных граждан из сферы материального производства на уровне общественного сознания обусловило радикальное неприятие всего, связанного с орудийно-практической деятельностью, что в качестве естественного дополнения имело оформление идеологии созерцательности, абстрактно-умозрительно-художественного отношения к действительности. Греки различали деятельность свободной игры ума с интеллектуальным предметом и производственно-трудовую деятельность с облаченным в материальную плоть предметом. Первая считалась достойной занятия свободного гражданина и именовалась наукой, вторая приличествовала рабу и звалась ремеслом. Даже ваение — эта, казалось бы, предельно художественная деятельность, будучи связана с «материей», имела в Греции статус ремесла. Выдающиеся греческие скульпторы — Фидий, Поликлет, Пракситель и др. — по сути дела не отличались от ремесленников. Искусство и ремесло идентифицировались, обозначая единым понятием — *techné*.

Интересно, что и в самой науке греки обособливали подлинную науку от приложений, занятие которыми порицалось. Например, греки противопоставляли физику — науку, изучающую «природное», «естественное», механике — прикладной отрасли, искусству создания технических устройств, изобретения и конструирования машин.

«Для античности, — отмечает П.П.Гайденко, — механика, начиная с V в. до н. э., была и осталась средством «перехитрить» природу, но не средством познать ее. У Платона и тем более у Аристотеля природа рассматривалась как органическое единство, как целое, что вполне соответствовало общегреческому отношению к космосу. Поэтому и сущность отдельного явления или процесса не рассматривалась изолированно, а должна была быть понята в системе целого».⁴ В этом контексте ясно, почему Платон упрекал Евдокса и Архита за занятие механикой, увлеченность ко-

¹¹⁴ *Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982. С. 67.*
373

торой позже не одобрял и Аристотель. В математике под «недостойное» технэ подпадала логистика — искусство вести конкретные вычисления, тогда как «достойная» арифметика понималась как учение об абстрактных свойствах чисел и т. п. Известно резко негативное отношение греков к восточной науке, порицаемой за утилитарность. Плутарх повествует о грозных инвективах Платона, расточаемых по адресу восточных ученых, которые «лишают математику ее достоинств, переходя от предметов умственных, отвлеченных, к реальным, и снова сводят ее к занятию реальными предметами, требующему продолжительной и трудной работы ремесленника».⁵

Собственно, в какой связи, разбирая предпосылки возникновения науки, мы говорим о созерцательности? Дело в том, что непременным условием появления науки является использование идеализаций, которые не могут возникнуть в недрах материально-практического отношения к действительности. Обобщение принципов орудийно-трудовой деятельности с объектами определенного рода порождает лишь абстрагирование — весьма

«стандартную» гносеологическую операцию по выделению реально существующих признаков, которая присуща и высшим животным. В то же время оно неспособно породить идеализацию, представляющую вычленение признаков, которые не существуют в реальности и которые, следовательно, не могут проявляться в формах орудийно-практического воздействия на действительность. Для возникновения идеализаций требуется отказ от материально-практического отношения к действительности, переход на позиции созерцательности, что и было реализовано в Греции.

Идеализации, фигурирующие в древнегреческих текстах и связанные с ними сугубо теоретические вопросы, особый аппарат интересубъективного обоснования, применяемый для организации систем знания и т. п. были явно не индуктивными обобщениями производственной практики. Взять ли

¹¹⁵ Плутарх. *Сравнительные жизнеописания*. Спб., 1891. Т. 3. Вып. 2. С. 194.
374

положения планиметрии Гиппарха или постулаты геометрии Евклида, апории элеатов или проблемы архэ, интересующие досократиков, пифагорейский вопрос несоизмеримостей или диогеновский поиск сущности человека, — все это не имеет каких-то прослеживаемых связей с материальным производством. Обобщение практики землемера не позволяет сформировать представление евклидовой прямой, плоскости, точки и т. д. Обобщение практики металлурга, гончара не приведет к гераклитовскому представлению огня как основе мироздания и т. п. Практика, обуславливая абстрагирование, препятствует возникновению идеализаций как его логическому продолжению. Никакому «практику» никогда не придет в голову заниматься вопросами сущности мира, познания, истины, человека, прекрасного и т. д. как таковыми. Все это радикально «непрактические» вопросы, весьма далекие как от сферы массового производства, так и от сферы сознания производителей.

Как же возникла возможность постановки, обсуждения подобных вопросов? Каковы причины, превратившие идеализации в стержень познавательных, культурных процессов, давших начало науке? Ответы в какой-то мере даны выше, когда подчеркивалось, что условием формирования идеальных объектов, составляющих необходимый фундамент науки, выступает созерцательность, интенция на абстрактно-теоретическое рассмотрение предметов в «чистом» виде, господствовавшая в Греции. К этому следует добавить, что идеализация как форма мышления практически отсутствовала в традиционных обществах на Древнем Востоке. Конечно, это нельзя преувеличивать: мышлению представителей древневосточной культуры, естественно, невозможно отказывать в абстрагировании, как невозможно ему отказывать в использовании логической аргументации, — без этого не было бы оснований говорить о мышлении. Вместе с тем, очевидно, что и то и другое были на Востоке чрезвычайно неразвитыми, так что во всяком случае не могли составить базу оформления здесь теоретического познания, науки.

375

В пределах нашего исследования нецелесообразно обсуждать

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

весьма темный вопрос о большей или меньшей научности, к примеру, тех же природоведческих учений греков по сравнению с их древневосточными аналогами со стороны содержания. Определеннее и результативнее вести обсуждение в плоскости оценки этих знаний со стороны формы. Здесь могут быть высказаны более или менее ясные суждения. Так, кажется ясным, что с позиций перспективы порождать науку познавательный потенциал античных греков гораздо более предпочтителен, сопоставительно с соответствующим потенциалом древневосточной культуры. Этим мы хотим сказать следующее: хотя и на Древнем Востоке, и в античной Греции имелись знания, трудно квалифицируемые как научные с точки зрения содержания, только в Греции, а не в традиционных восточных обществах, возникли такие формы познавательной деятельности (систематическое доказательство, рациональное обоснование, логическая дедукция, идеализация), из которых в дальнейшем могла развиваться наука.

Причины заключались в особенностях социально-политического устройства общества. Мы имеем в виду институт рабовладельческой демократии, который благоприятствовал выработке как аппарата intersубъективного систематического рационально-логического доказательства, так и приемов конструирования идеальных объектов.

Исходя из сказанного процесс оформления в Греции науки можно реконструировать следующим образом. О возникновении математики следует сказать, что вначале она ничем не отличалась от древневосточной. Арифметика и геометрия функционировали как набор технических приемов в землемерной практике, подпадая под технэ. Эти приемы «были так просты, что могли передаваться устно».¹¹⁶ Другими словами, в Греции, как и на Древнем Востоке, они не имели: 1) развернутого текстового оформления, 2) строгого рационально-логического обоснования. Чтобы

¹¹⁶ Таннери П. *Первые шаги древнегреческой науки*. Спб., 1902. С. 70.

376

стать наукой, они должны были получить и то и другое. Когда это случилось?

У историков науки имеются на этот счет разные предположения. Есть предположение, что это сделал в VI в. до н. э. Фалес. Другая точка зрения сводится к утверждению, что это сделал несколько позже Демокрит и др. Однако собственно фактическая сторона дела для нас не столь важна. Нам важно подчеркнуть, что это осуществилось в Греции, а не, скажем, в Египте, где существовала вербальная трансляция знаний от поколения к поколению, а геометры выступали в качестве практиков, а не теоретиков (по-гречески они назывались арпедонаптами, — натягивающими веревку). Следовательно, в деле оформления математики в текстах в виде теоретико-логической системы необходимо подчеркнуть роль Фалеса и, возможно, Демокрита. Говоря об этом, разумеется, нельзя обойти вниманием пифагорейцев, развивавших на текстовой основе математические представления как сугубо абстрактные, а также элеатов, впервые внесших в математику ранее не принятую в ней демаркацию чувственного от умопостигаемого. Парменид «установил как необходимое условие бытия его мыслимость. Зенон

отрицал, что точки, следовательно, и линии, и поверхность суть вещи, существующие в действительности, однако эти вещи в высшей степени мыслимые. Итак, с этих пор положено окончательное разграничение точек зрения геометрической и физической». ¹¹⁷ Все это составляло фундамент становления математики как теоретико-рациональной науки, а не эмпирико-чувственного искусства.

Следующий момент, исключительно важный для реконструкции возникновения математики, — разработка теории доказательства. Здесь следует акцентировать роль Зенона, способствовавшего оформлению теории доказательства, в частности, за счет развития аппарата доказа-

¹¹⁷ Таннери П. *Первые шаги древнегреческой науки*. Спб., 1902. С. 248.

377

тельства «от противного», а также Аристотеля, осуществившего глобальный синтез известных приемов логического доказательства и обобщившего их в регулятивный канон исследования, на который сознательно ориентировалось научное, в том числе математическое, познание.

Так первоначально ненаучные, ничем не отличавшиеся от древневосточных, эмпирические математические знания античных греков, будучи рационализированы, подвергшись теоретической переработке, логической систематизации, дедуктивизации, превратились в науку.

Охарактеризуем древнегреческое естествознание — физику. Грекам были известны многочисленные опытные данные, составившие предмет изучения последующего естествознания. Греки обнаружили «притягательные» особенности натертого янтаря, магнитных камней, явление преломления в жидких средах и т. п. Тем не менее опытного естествознания в Греции не возникло. Почему? В силу особенностей надстроечных и социальных отношений, господствовавших в античности. Отправляясь от изложенного выше, можно сказать: грекам был чужд опытный, экспериментальный тип познания в силу: 1) безраздельного господства созерцательности; 2) идиосинкразии к отдельным «малозначащим» конкретным действиям, считавшимся недостойными интеллектуалов — свободных граждан демократических полисов и неподходящим для познания нерасчленимого на части мирового целого.

Греческое слово «физика» в современных исследованиях по истории науки не случайно берется в кавычки, ибо физика греков — нечто совсем иное, нежели современная естественнонаучная дисциплина. У греков физика — «наука о природе в целом, но не в смысле нашего естествознания». ¹¹⁸ Поскольку греческое φυσικς тождественно «созданию», физика была такой наукой о природе, которая включала познание не путем «испытания», а путем умозрительного уяснения происхождения и сущности природного мира как целого. По сути своей это была созерца-

¹¹⁸ Рожанский И. Д. *Анаксагор*. М., 1972. С. 9.

378

тельная наука, очень схожая с более поздней натурфилософией, использующей метод спекуляции.

Усилия античных физиков нацеливались на поиск первоосновы
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

(субстанции) сущего — архэ — и его элементов, стихий — стоихенон.

За таковые Фалес принимал воду, Анаксимен — воздух, Анаксимандр — апейрон, Пифагор — число, Парменид — «форму» бытия, Гераклит — огонь, Анаксагор — гомеомерии, Демокрит — атомы, Эмпедокл — корни и т. д. Физиками, таким образом, были все досократики, а также Платон, развивший теорию идей, и Аристотель, утвердивший доктрину гилеморфизма. Во всех этих, с современной точки зрения, наивных, неспециализированных теориях генезиса, строения природы последняя выступает как целостный, синкретичный, нерасчленимый объект, данный в живом созерцании. Поэтому не приходится удивляться, что единственно подходящей формой теоретического освоения такого рода объекта могла быть умозрительная спекуляция.

Нам предстоит ответить на два вопроса: каковы предпосылки возникновения в античности комплекса естественнонаучных представлений и каковы причины, обусловившие их именно такой гносеологический характер?

К числу предпосылок возникновения в эпоху античности описанного выше комплекса естественнонаучных представлений относятся следующие.

Во-первых, утвердившееся в ходе борьбы с антропоморфизмом (Ксенофан и др.) представление о природе как некоем естественно возникшем (мы не отваживаемся сказать «естественно-историческом») образовании, имеющем основание в самом себе, а не в темисе или номосе (т. е. в божественном или человеческом законе). Значение элиминации из познания элементов антропоморфизма заключается в разграничении области объективно-необходимого и субъективно-произвольного. Это как гносеологически, так и организационно позволяло соответствующим образом нормировать познание, ориентировать его на совершенно определенные ценности и во всяком слу-

379

чае не допускать возможности ситуации, когда мираж и достоверный факт, фантазм и результат строгого исследования оказывались слитыми воедино.

Во-вторых, укоренение идеи «онтологической нерелятивности» бытия, явившееся следствием критики наивно эмпирического мировоззрения беспрестанного изменения. Философско-теоретический вариант этого мировоззрения разработал Гераклит, в качестве центрального понятия своей системы принявший понятие становления.

Стержень гераклитовского мироздания составляет закон взаимоперехода, непрестанного самовозвращения, противоборства, обновления субстанций, источник, принципы движения которых он уподобляет подвижной природе огня — первоосновы сущего. Наиболее рельефно его теоретическую позицию передают следующие известные слова: «Одно и то же в нас — живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое. Ведь это, изменившись, есть то, и обратно, то, изменившись, есть это».¹¹⁹

И хотя гераклитовское возгорание и затухание огня, по некоторым данным, циклично (якобы Гераклит постулирует цикл в

10800 лет), образ его бытия неустойчив: точкой зрения Гераклита остается точка зрения становления. Поэтому, несмотря на то, что, как утверждают историки философии, тезис, «все течет, все изменяется» не является аутентично гераклитовским, он, несомненно, выражает суть его философии.

Против нее резко выступил Парменид, в сочинении которого «О природе» обосновывается тезис, что становление не есть и не может быть первоосновой вещей. Парменид обращает внимание на то, что идеология «становления», признающая непрестанную текучесть, подрывает основы возможности знания.

Парменид пытается оценить эвристический потенциал гносеологии, строящейся на онтологической теории Гераклита. Концепция, во главу угла которой поставлен тезис «в одну и ту же реку нельзя войти дважды», понятна,

¹¹⁹ *Материалисты древней Греции. М., 1955. С. 49.*

380

но на ней, по Пармениду, нельзя построить непротиворечивую гносеологию как теорию, утверждающую некую стабильность познанных отношений.

Оппозиция «знание — мнение», составляющая сущность антитетики элеатов, проецируясь на онтологический комплекс вопросов, приводит к обоснованию двойственности бытия, которое складывается из неизменной, нестановящейся основы, представляющей предмет знания, и подвижной эмпирической видимости, выступающей предметом чувственного восприятия и мнения (по Пармениду, есть бытие, а небытия нет, как у Гераклита; нет собственно и перехода бытия в небытие, ибо то, что есть, — есть и может быть познано). Фундамент онтологии Парменида в отличие от Гераклита составляет закон тождества (а не закон борьбы и взаимопереходов), принятый им по сугубо гносеологическим соображениям.

Взгляды Парменида разделял Платон, разграничивавший мир знания, коррелированный с областью инвариантных идей, и мир мнения, коррелированный с чувственностью, фиксирующей «естественный поток» сущего.

Результаты продолжительной полемики, в которой приняли участие практически все представители античной философии, обобщил Аристотель, который, развивая теорию науки, подытожил: объект науки должен быть устойчивым и носить общий характер, между тем у чувственных предметов этих свойств нет; таким образом выдвигается требование особого, отдельного от чувственных вещей, предмета.

Идея умопостигаемого предмета, неподвластного сиюминутным изменениям, с гносеологической точки зрения являлась существенной, закладывая основы возможности естественнонаучного знания.

В-третьих, оформление взгляда на мир как на взаимосвязанное целое, проникающее все сущее и доступное сверхчувственному созерцанию. Для перспектив оформления науки данное обстоятельство имело существенное гносеологическое значение. Прежде всего, оно способствовало учреждению столь фундаментального для науки принципа, как каузальность, на

фиксации которого, собственно, ба-

381

зируется наука. Кроме того, обуславливая абстрактно-систематичный характер потенциальных концептуализаций мира, оно стимулировало возникновение такого неотъемлемого атрибута науки, как теоретичность, или даже теорийность, т. е. логически обоснованное мышление с использованием понятийно-категориального арсенала.

Таковы в самой конспективной форме предпосылки возникновения в эпоху античности комплекса естественнонаучных представлений, которые выступали лишь прообразом будущей естественной науки, но сами по себе ею еще не являлись. Перечисляя причины этого, укажем наследующее:

1. Существенной предпосылкой возникновения естествознания в античности, как указывалось, была борьба с антропоморфизмом, завершившаяся оформлением программы архэ, т. е. поиска естественной монистической основы природы. Эта программа, конечно, способствовала утверждению понятия естественного закона. Однако и препятствовала ему ввиду своей фактической неконкретности и при учете равноправности многочисленных претендентов — стихий на роль архэ. Здесь срабатывал принцип недостаточного основания, который не допускал унификации известных «фундаментальных» стихий, не позволяя выработать понятие единого принципа порождения (в перспективе закона). Таким образом, хотя по сравнению с системами теогонии, в этом отношении довольно беспорядочными и только намечающими тенденцию к монизму, «физиологические» доктрины досократиков монистичны, монизм со своей, так сказать, фактической стороны, не был глобальным. Иначе говоря, хотя в пределах отдельных физических теорий греки были монистами, они не могли организовать картину онтологически единообразно (монистично) возникающей и изменяющейся действительности. На уровне культуры в целом греки не были физическими монистами, что, как указывалось, пре-

382

пятствовало оформлению понятий универсальных природных законов, без которых не могло возникнуть естествознание как наука. 2. Отсутствие в эпоху античности научного естествознания обуславливалось невозможностью применения в рамках физики аппарата математики, поскольку, по Аристотелю, физика и математика — разные науки, относящиеся к разным предметам, между которыми нет общей точки соприкосновения. Математику Аристотель определял как науку о неподвижном, а физику — как науку о подвижном бытии. Первая являлась вполне строгой, вторая же, по определению, не могла претендовать на строгость, — этим и объяснялась их несовместимость. Как писал Аристотель, «математической точности нужно требовать не для всех предметов, а лишь для нематериальных. Вот почему этот способ не подходит для рассуждающего о природе, ибо вся природа, можно сказать, материальна».¹²⁰ Не будучи сращена с математикой, лишенная количественных методов исследования, физика функционировала в античности как противоречивый сплав фактически двух типов знания. Одно — теоретическое природознание, натурфилософия —

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

наука о необходимом, всеобщем, существенном в бытии использовала метод абстрактного умозрения. Другое — наивно эмпирическая система качественных знаний о бытии — в точном смысле слова не было наукой, — с точки зрения гносеологических установок античности не могла существовать наука о случайном, данном в восприятии бытии. Естественно, невозможность введения в контекст того и другого точных количественных формулировок лишала их определенности, строгости, без чего естествознание как наука не могло оформиться.

¹²⁰ Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 1. С. 98.

383

3. Несомненно, в античности проводились отдельные эмпирические исследования, примером их могут быть выяснение размера Земли (Эратосфен), измерение видимого диска Солнца (Архимед), вычисления расстояния от Земли до Луны (Гиппарх, Посидоний, Птолемей) и т. д. Однако античность не знала эксперимента как «искусственного восприятия природных явлений, при котором устраняются побочные и несущественные эффекты и которое имеет своей целью подтвердить или опровергнуть то или иное теоретическое предположение».¹²¹

Это объяснялось отсутствием социальных санкций на материально-вещественную деятельность свободных граждан. Добропорядочным, общественно значимым знанием могло быть только такое, которое было «непрактичным», удаленным от трудовой деятельности. Подлинное знание, будучи всеобщим, аподиктическим, ни с какой стороны не зависело, не соприкасалось с фактом ни гносеологически, ни социально. Исходя из сказанного очевидно, что научное естествознание как фактуально (экспериментально) обоснованный комплекс теорий сформироваться не могло.

Естествознание греков абстрактно-объяснительно, лишено деятельностного, созидательного компонента. В нем не было места эксперименту как способу воздействия на объект искусственными средствами с целью уточнить содержание принятых абстрактных моделей.

Для оформления же естествознания как науки навыков идеального моделирования действительности недостаточно. Помимо нужно выработать технику идентификации идеализаций с предметной областью. Это означает, что «от противопоставления идеализированных конструкций чувственной конкретности следовало перейти к их синтезу».¹²² А это могло произойти в иной социальности, на

¹²¹ Рожанский И. Д. *Античная наука*. С. 15.

¹²² Зотов А. Ф. *Структура современного научного исследования природы* // *Природа*. 1981. № 4. С. 82.

384

основе отличных от имевшихся в Древней Греции общественно-политических, мировоззренческих, аксиологических и других ориентиров мыслительной деятельности.

4.1.4 Наука в Средневековье

Понять характер средневековой науки можно, лишь раскрывая

систему средневекового теологического мирозерцания, конституирующими элементами которого выступали универсализм, символизм, иерархизм, телеологизм.

Универсализм. Специфической чертой средневекового мышления было некое тяготение к всеобъемлющему познанию, стремление «охватить мир в целом, понять его как некоторое законченное всеединство».¹²³ Причины этого заключались в том, что в качестве нормативной в средневековье функционировала описанная выше античная гносеологическая модель «подлинного» — всеобщего, аподиктического — знания, получившая солидное обоснование на новом социокультурном и мировоззренческом материале. Фактическим обоснованием этой модели выступало представление о единстве космоса и человека, заключавшееся в их генетической (креационистской) общности, из чего вытекало: знать способен только тот, кто проник в суть божественного творения, — поскольку же оно универсально, всякий, знавший его, знал все; соответственно не знавший его, вообще не мог ничего знать. Естественно, в такой парадигме не находилось места частичному, относительному, незавершенному или неисчерпываемому знанию; знание могло быть либо универсальным, либо никаким.

Символизм. Символизм как компонент средневекового мирозерцания был в полной мере всеобъемлющим: он охватывал как онтологическую, так и гносеологическую сферу. Истоки «онтологического символизма» можно понять, учитывая радикальность установок креационизма. Будучи сотворенной, всякая вещь — от пылинки до природы в целом — лишалась статуса онтологической осно-

¹²³ Бицилли П. *Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919. С. 2.*

385

вательности. Ее существование, определяемое неким верховным планом, не являясь независимым, не могло не быть символичным: оно лишь воспроизводило, воплощало, олицетворяло скрытую за ним фундаментальную сущность, несовершенным прототипом, дубликатом которой оно являлось.

Онтологическая формула «все отмечено печатью всевышнего» в качестве гносеологического эквивалента порождала формулу «все исполнено высшим смыслом», которая в свою очередь предопределяла концептуализацию действительности на основе возрожденной мифологической, крайне символической типологии «причина — значение». Корни «гносеологического символизма» средневековья уходят в новозаветное: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Слово здесь — орудие творения, онтологическая стихия. Но не только. Переданное человеку, оно выступало и универсальным орудием постижения творения, средством реконструкции божественных творческих актов.

В силу прямого отождествления понятий с их объективными аналогами, повсеместного гипостазиса лингвистических структур вопрос о химерах, фикциях не возникал: все, выразимое в языке, мышлении, понятии, слове, присуще действительности. Реалистический изоморфизм понятий и объектов действительности обуславливал своеобразное тождество онтологического и

гносеологического, которое выступало условием возможности знания.

Учитывая генетическую фундаментальность понятия по отношению к действительности, владение, обладание им вместе с тем означало владение исчерпывающим знанием о действительности, производной от понятия. В соответствии с этим процесс познания вещи заключался в обращении к исследованию понятия, ее выражающего, что определяло сугубо книжный, текстовый характер познавательной деятельности. Поскольку же наиболее представительными текстами, к тому же освященными непогрешимым божественным авторитетом, выступали святые тексты, идеалом, инструментом познания представлялась

386

экзегетика — искусство истолкования святых писаний, этих предельных резервуаров возможных знаний.

Иерархиям. «Все «вещи видимые» обладают свойством воспроизводить «вещи невидимые», быть их символами. Но не все в одинаковой мере. Каждая вещь — зеркало, но есть зеркала более, есть менее гладкие. Уже одно это заставляет мыслить мир как иерархию символов».¹²⁴ Символы подразделялись на «высшие» и «низшие», принадлежность к которым определялась приближенностью или удаленностью от бога на основе оппозиции небесного (непреходящего, возвышенного) — мирского (бренного, тленного, тварного). Так, вода «благороднее» земли, воздух «благороднее» воды и т. п.

Телеологизм. Атрибутом средневекового мирозерцания был телеологизм, заключающийся в истолковании явлений действительности как существующих по «промыслу божию» для и во имя исполнения каких-то заранее предуготовленных ролей. Так, вода и земля служат растениям, которые в силу этого более благородны, занимают в иерархии ценностей более высокие места. Растения в свою очередь служат скоту.

Логическим финалом, естественным завершением телеологизма был антропоцентризм. Ибо, как в свое время подметил А.Шопенгауэр, формула «ничто не существует напрасно» подразумевает формулу «существует то, что полезно человеку».

На основе антропоцентризма складывался геоцентризм. Человек в средневековье представлялся существом сугубо амбивалентным: с одной стороны, он — венец творения, воплощение божеского, созданный по образу и подобию верховного творца, с другой стороны, он — плод искушений дьявола, греховная тварь. Человек постоянно выступал объектом борьбы, средоточием противоборства высших альтернативных сил мира — бога и дьявола. В связи с этим вопрос реальной судьбы человека был вопросом вопросов.

¹²⁴ Бицилли П. *Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919. С. 34.*

387

Последнее, конечно, укрепляло телеологизм. Если учесть, что «ради разрешения этого вопроса бог... снизошел на Землю, чтобы в образе человека претерпеть за род человеческий проклятие греха — смерть и этой жертвой преодолеть грех и ад», то, следовательно, «мир без человека невыносим, так как без него он был бы бесцелен».¹²⁵ Однако не менее принципиально, что местом действия всемирной драмы избиралось место жительства человека — Земля.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Не что-нибудь, а именно она «представляла собой сцену, на которой происходило взаимодействие бога, дьявола и человека»; именно «на ее поверхности сходились столь резко разделенные до тех пор стороны» и разыгрывали здесь великую «божественную комедию» искупления.¹²⁶

Оценка перечисленных опорных элементов средневекового мирозерцания позволяет сделать некоторые выводы применительно к вопросам познания.

Во-первых, деятельность человека в эпоху средневековья предпринималась в русле религиозных представлений — вне церкви ничто не имело прав на гражданство. Противоречащее религии запрещалось специальными декретами. Реймский собор 1131 г. наложил запрет на изучение юридической и медицинской литературы. Второй Латеранский собор 1139 г., Турский собор 1163 г. и декрет Александра III подтвердили запрещение и т. д.

Воззрения на природу проходили цензуру библейских концепций. Так, проводя идею подчиненного характера физики относительно метафизики, Винцент де Бове в «Зерцале истории» утверждал, что наука о природе «имеет своим предметом невидимые причины видимых вещей» и т. п. Обобщенную доктрину познания средневековья разработал Фома Аквинский, который, приводя к единому знаменателю многочисленные частные теологические предписания к познанию, в качестве центральной максимы выдвигал: «... созерцание творения должно иметь целью

¹²⁵ Эйкен Г. *История и система средневекового мирозерцания*. СПб., 1907. С. 544.

¹²⁶ Там же.

388

не удовлетворение суетной и преходящей жажды знания, но приближение к бессмертному и вечному».

Подобные установки, усиливая элемент созерцательности, настраивали познание на откровенно мистический теологический лад, что не только препятствовало его поступательному развитию, но и определяло регресс или, во всяком случае, стагнацию. Так, средневековье отказалось от прогрессивной теории возникновения природы античных атомистов только потому, что процесс этого возникновения рассматривается как случайный (демокритовская апроноэзия), а не фатальный, соответствующий божественному промыслу. Другим рельефным тому примером служил опыт медицины, где за бортом реальной практики оказались ранее накопленные знания и где в качестве общепринятых использовались не собственно медицинские (то же анатомирование, без которого невозможна хирургия, как величайший грех предано анафеме), а мистические средства — чудотворство, молитва, мощи и т. п.

Во-вторых, в средневековой картине мира не могло быть концепции объективных законов, без которой не могло оформиться естествознание.

Причина взаимосвязанности, целостности элементов мира усматривалась средневековым умом в боге. Мир целостен постольку, поскольку есть бог, его сотворивший. Сам по себе мир бессвязен: устрани бога — он развалится. Ибо всякий объект утратит естественное место, отведенное ему богом в иерархии

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

вещей. Так как объект определялся в отношении к богу, а не в отношении к другим естественным объектам, не находилось места идее вещности, объективной общемировой связности, целостности, без чего не могло возникнуть ни понятие закона, ни, если брать шире, — естествознание.

В-третьих, в силу теологически-текстового характера познавательной деятельности усилия интеллекта сосредоточивались не на анализе вещей (они были вытеснены из контекста рассмотрения), а на анализе понятий. Универсальным методом служила дедукция, осуществлявшая субординацию понятий, которой соответствовал определен-

389

ный иерархический ряд действительных вещей. Что логически выводилось из другого, уже мыслилось как реально подчиненное этому другому, как стоящее «за ним» по «достоинству», а такого рода последовательность, в свою очередь, смешивалась с последовательностью временной, онтологической. Поскольку манипулирование понятиями замещало манипулирование объектами действительности, не было необходимости контакта с последними. Отсюда принципиально априорный, внеопытный стиль умозрительной схоластической науки, обреченной на бесплодное теоретизирование.

Однако взгляд на средневековье как на интеллектуальное кладбище человечества был бы поверхностным. Хотя культура средневековья не знала науки в современном понимании, в ее недрах успешно развивались такие специфические области знания — мы не решаемся называть их наукой, — которые подготовили возможность образования науки в более поздний период. Имеется в виду астрология, алхимия, ятрохимия, натуральная магия. Примечательно, что, представляя собой противоречивый сплав априоризма, умозрительности и грубого наивного эмпиризма, опытом своего функционирования эти области знания исподволь разрушали идеологию созерцательности, осуществляя переход к опытной науке. Опыт функционирования этих дисциплин справедливо расцениваемый как промежуточное звено между техническим ремеслом и натурфилософией, уже заключал в себе зародыш будущей экспериментальной науки.

Как отмечалось, предпосылкой науки является выделение объективных закономерных ситуаций, получающее опытную апробацию. В античности этому препятствовала созерцательность, чем объясняется невозможность оформления там эмпирически обоснованной науки. В средневековье препятствием этому служила та же созерцательность, имеющая, правда, в отличие от античности сугубо религиозную, теологическую подоплеку. В связи с этим интересно, что опыт натуральной магии противоречил или, по крайней мере, не состыковывался с религиозно-мис-

390

тической созерцательностью как некоей идеологической доминантой. В самом деле: религия в общем смысле представляет попытку культовым способом воздействовать на свободную волю бога с целью достичь каких-то результатов (с принципиальной точки зрения религия есть апелляция к «скрытым параметрам», упрочивающим детерминацию поведения верующих). Уповая на

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

бога и основываясь на вере, религия, естественно, не поставляет гарантий эффективности этих воздействий.

Подобно религии, натуральная магия также представляет попытку воздействовать на бога с целью получить заранее запланированные результаты, однако уповает при этом не на его свободную волю, а на некоторую эмпирическую методику. Поэтому, если религия далека от того, чтобы предполагать ориентацию деятельности на выявление эмпирически обоснованных законов, натуральная магия уже не может не предполагать подобную ориентацию, она отличается от религии эффективным характером, который обеспечивается лишь опытной апробацией абстрактно-мыслительного содержания. Последнее сближает магию с наукой, одновременно разобщая ее с религией.

Конечно, момент этот не следует преувеличивать. По характеристике В. Л. Рабиновича, «средневековый рецепт как особая форма деятельности... не просто сумма предписаний... но такая форма деятельности, в которой словесно-заклинательно предвосхищается, осуществляется сама эта деятельность».¹²⁷ Другими словами, магическая деятельность еще не может рассматриваться как некультовая. В действительности она сопровождалась мистическими духовными обрядами, освящалась обильными молитвами (культ слова) и т. п., представляя вполне экстатическое, оргиастическое ремесло. Но в то же время она уже не может рассматриваться как всецело культовая — во всяком случае она включает структуры, гносеологически весьма перспективные, имея в виду их возможность

¹²⁷ Рабинович В. Л. *Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979. С. 68.*

391

(чего ранее не было) трансформироваться в экспериментальную науку. Вот почему та же алхимия, «которая до конца сохранила тесную связь с магией, могла спокойно перейти в химию».¹²⁸

Более подробно проиллюстрируем мысль на примере астрологии.

Согласно идеологическим установкам средневековья перипетии человеческого существования, происходящие на Земле, представляющей средоточие Вселенной, развиваются по «звездной книге». Все подотвественно своему светилу, знаку зодиака, определяющему его судьбу, предназначение. Раскрыть связь микро- и макрокосмоса и входило в компетенцию астролога, который, деля эклиптику на 12 «астрологических домов», символизирующих перипетии жизни, анализировал, «части каких знаков зодиака попали в какие дома и в каких домах находятся Солнце, Луна и планеты»; так как «каждый знак зодиака и каждое из указанных светил» связывались с точки зрения благоприятствования с судьбой рассматриваемого вопроса, «на основании того, в какие дома и какие знаки зодиака и светила попали»,¹²⁹ делался вывод, осуществлялись предсказания.

Во всей этой, на первый взгляд, целостно-фидеистической деятельности тем не менее просматриваются два относительно автономных пласта. Первый — установить положение планеты на небесном своде применительно к произвольной точке времени — представляло по сути дела внутринаучную задачу, стимулирующую

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

как эмпирические (тщательные наблюдения за движениями планет), так и теоретические (создание моделей планетных движений) исследования, составившие в будущем ядро астрономии. Второй — интерпретация установленного положения планеты на небесном своде как связанного с точки зрения

¹²⁸ Мейерсон Э. *Тожественность и действительность*. СПб., 1912. С. 16.

¹²⁹ Розенфельд Б. А., Рожанская М. М., Соколовская З. К. *Абур-Райхан-ал-Бируни*. М., 1973. С. 123.

392

благоприятствования (неблагоприятствования) с судьбой определенного вопроса — представляла фиктивную, псевдонаучную задачу, возникавшую лишь в рамках символическо-теологического истолкования действительности на основе типологии «причина — значение». Если характеризовать гносеологическую сущность этого пласта более тщательно, обращаясь при этом к данным современной науки, необходимо отметить, что идея зависимости жизни, естественных процессов в пространственно-временном континууме от космических факторов получила солидное обоснование. Это относится в первую очередь к концепции цикличности и ритмичности природных явлений. (См.: 2.4.2)

Идея зависимости земных событий от космических позволяет на основании данных о движении планет осуществлять прогностическую деятельность. В каком же смысле можно говорить об обоснованности прогнозов астрологов? Анализ прогностической деятельности астрологов показывает, что она не имеет необходимого и достаточного рационального обоснования. В лучшем случае астролог мог руководствоваться эмпирическими обобщениями, позволяющими осуществлять прогноз будущего, как, например, в случае индикаторных законов. Скажем, вполне допустим вывод, идущий от эмпирических наблюдений над периодами констелляций, что последние неблагоприятны для событий земной, человеческой жизни. Разумеется, астролог не мог знать причин этого (констелляции вызывают неравенство сил тяготения, обуславливают возрастание солнечной активности и т. п., что отрицательно сказывается на всем живом), но он мог пользоваться эмпирически установленными данными на этот счет, применяя их как индикаторный закон, подобно тому как всякий, не зная медицины, оценивает состояние здоровья по показаниям термометра. Однако важно, что рациональные предсказания от такого рода обобщений могли иметь лишь самую общую неопределенную форму. Во всяком случае, рационально они никак не могли быть индивидуализированы, т. е. распространены на единичные локали-

393

зованные в конкретных точках пространства-времени события. Поэтому правильной оценкой деятельности астрологов является оценка их деятельности как мистической, которая лишь заключала в себе отдаленную предпосылку научной деятельности, учитывая ее, во-первых, в принципе эмпирический характер, а, во-вторых, неявную ориентацию на чисто астрономическую задачу: уметь определять положения планет на небесном своде для произвольной временной точки.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Проделанный анализ позволяет прийти к заключению. В истории европейской культуры, в истории мировой мысли средневековая культура выступает феноменом совершенно специфическим. Если пытаться выразить эту специфику одним словом, то это будет противоречивость, — амбивалентность, внутренняя неоднородность. С одной стороны, средневековье продолжает традиции античности, свидетельством чему являются такие мыслительные комплексы, как созерцательность, интенция на постижение общего безотносительно к единичному, склонность к абстрактно-умозрительному теоретизированию, принципиальный отказ от опытного познания, признание примата универсального над уникальным, стабильного над становящимся, надличностного над личностным и т. п. С другой стороны, средневековье порывает с традициями античной культуры, «подготавливая» переход к совершенно иной культуре Возрождения. Подтверждением выступает значительный прогресс алхимии, астрологии, ятрохимии, натуральной магии, имеющих «экспериментальный» статус. Будучи интегрированы воедино, эти моменты и обуславливали противоречивость средневековой культуры, которая для судеб науки имела едва ли не решающее значение. Дело в том, что, гальванизируя навыки работы с идеализированными конструкциями, взращенными в античной натурфилософии, именно в этот период исследующее мышление направляет свою работу «в русло достижения практических эффектов». А это составляло решающее условие возможности оформления научного естествознания. Подчеркиваем, именно условие, ибо самому научному естествознанию

394

было не суждено оформиться в эпоху средневековья. Препятствием тому служил ряд причин.

1. Средневековая культура не знала идеи самодостаточности природы, управляемой естественными объективными законами: поскольку природа есть нечто сотворенное, она управляется волей творца. Для изменения этой парадигмы требовались существенные идейные сдвиги во всей системе мировидения, которые произошли много позже в связи с утверждением разрушающих монополию теологического креационизма деизма (Ньютон, Вольтер) и пантеизма (Спиноза).

2. Созерцательный, теологически-текстовый характер познавательной деятельности, который был настолько самодовлеющим, прочно укорененным в культуре, что даже во времена Галилея выступал мощным мировоззренческим фактором, сдерживающим прогресс опытной науки. Чтобы убедиться в серьезности, действительности этого обстоятельства, достаточно вспомнить заявление перипатетика, который на приглашение Галилея посмотреть в телескоп и воочию убедиться в наличии пятен на Солнце отвечал: «Напрасно, сын мой. Я дважды прочел Аристотеля и ничего не нашел у него о пятнах на Солнце. Пятен нет. Они происходят либо от несовершенства твоих стекол, либо от недостатка твоих глаз».¹³⁰

3. Полумистический, со значительным удельным весом вербального элемента (поборники натуральной магии верили в

таинственную силу словесных заклинаний) характер «опытной» деятельности в науке. Конкретные методики натуральных магов не представляли еще эксперимента в общепринятом смысле слова, — это были скорее чудодействия, на-

¹³⁰ Гессен Б. М. *Социально-экономические корни механики Ньютона. М.-Л., 1963. С. 20.*

395

целенные на вызывание духов, потусторонних сил, сверхприродных могуществ.

Говоря строго, средневековый ученый оперировал не с вещами, а с силами, за ними скрытыми, — с их «идеальными» формами, праэлементами. Акты опытного познания разворачивались как ритуальные действия, направленные на контакт с потусторонним миром: в силу вездесущего символизма мир средневекового человека был двухмерен, а ученый функционировал как двухмерный субъект. 4. Качественный характер знания. «Средневековая наука, — отмечает Э. Мейерсон, — не подвластна понятию количества, и в этом именно заключается ее коренное отличие от современной науки».¹³¹ Основу картины мира средневековья составляла качественная онтология — теория неоднородного и анизотропного пространства Аристотеля, узаконившая «естественную» диалектику стихий и утверждавшая привилегированность точек и направлений движений. Не менее качественными были и гносеологические установки — мы имеем в виду традиционную для средневековья доктрину наивного реализма, некритически отождествлявшего субъективное с объективным (формула *esse in intellectus — esse in re*) и в конечном счете препятствовавшего адекватному познанию. Качественный характер науки, разделение сущности — *essentia* и существования — *existentia*, вещественное моделирование обуславливали невозможность образования понятия закона, подменяя представление о естественно-объективно-необходимо-связанной действительности телеологическим представлением об антропоморфической каузальности (учение Аристотеля о четырех причинах).

¹³¹ Мейерсон Э. *Цит. соч. С. 16.*

396

Ввиду этого средневековая наука лишь ступень к подлинной науке. Неправы те, кто, подобно Дюгему и Кромби, помещает точку отсчета науки (имеется в виду эмпирически обоснованная наука) в эпоху средневековья, превознося деятельность натуральных магов, в частности, Парижской (Буридан, Орем и др.) и Оксфордской (Р. Бэкон, Р. Гроссетесте и др.) школ. Хотя в отдельных эмпирических результатах представители этих школ и предвосхитили некоторые из последующих достижений классической науки, они не могут квалифицироваться как основоположники ее творческого метода. Ибо наука Р.Бэкона и др., как справедливо подчеркивает Л. Торндайк, «придавала особое значение обработке чудес» и не выходила за рамки фидеистической деятельности. Отсчет экспериментальной науки от Парижской или Оксфордской школы представляет пример антиисторизма в анализе феномена науки, ничем не оправданную подгонку фактических данных под априорную исследовательскую конструкцию. Подлинная

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

экспериментальная наука возникла в период Нового времени, а исходным пунктом и точкой отсчета ее является Галилей.

4.1.5 У истоков классической науки

Процессы, assistiрующие формирование научного естествознания в период Нового времени, с нашей точки зрения, были: крушение архаичной антично-средневековой космофилосфии под напором набиравшей силу натуралистической идеологии; соединение абстрактно-теоретической (умозрительно-натурфилософской) традиции с ремесленно-технической; аксиологическая переориентация интеллектуальной деятельности, вызванная утверждением гипотетико-дедуктивной методологии познания.

Крушение антично-средневековой космофилосфии. Для простого перечня причин той интеллектуальной революции, которая разрушила антично-средневековую концепцию мира и привела к оформлению научного естествознания, потребовалось бы целое исследование, изучающее и производственный прогресс, и социально-политическое раз-

ложение феодального общества, и реформацию, разъедающую монолитность церковной идеологии, и пуританизм, сыгравший определенную роль в становлении рационализма, и процесс укрепления института абсолютной монархии, и упрочение гелиоцентризма, опровергавшего теологическую концептуализацию явлений действительности через оппозицию «небесного-мирского», что сдерживало поступательное развитие познания, и возрождение античных традиций работы с натурфилософскими идеализациями, и протестантскую этику, пропагандировавшую идею личной инициативы, и многое другое. Поэтому выделим лишь главное. С нашей точки зрения, основу естественнонаучной идеологии, ориентировавшей на получение знания о «безличных, слепых, репродуктивных, самоопределяющихся бытийных автоматизмах, которые возникают между воздействующими друг на друга объектами»,¹³² составляли следующие представления и подходы.

Натурализм. Укреплению идеи самодостаточности природы, управляемой естественными, объективными законами, лишенной примесей антропоморфизма и телеологического символизма, а также концептуализируемой на основе типологии «причина-следствие», а не «причина-значение», способствовали два обстоятельства.

Первое — разработка таких нетрадиционных теологических концепций, как пантеизм (Спиноза) и деизм (Ньютон, Вольтер, Шаррон). Растворение бога в природе, представлявшее в то время, несомненно, форму атеизма, приводило, с одной стороны, к тому, что пантеистическому богу было трудно молиться, а, с другой стороны, — к своеобразной эмансипации природы, которая по своему статусу не только становилась «однопорядковой» богу, но и — в условиях концентрации познавательных интересов на вопросах естествознания — приобретала явное превосходство над ним. Деизм же уже фактически утверждал возможность естественных объективных законов, ибо дифференцировал творение как

супранатуральный акт и натуральные прин-

¹³² *Науковедение и история культуры. С. 78.*

398

ципы существования сотворенного. Изучение первого (причины мира) составляло вотчину метафизики, а изучение второго (автономно существующего мира как следствия) — физики, причем между одним и другим не находилось общих точек соприкосновения («физика — бойся метафизики!»).

Второе — развитие медицины, физиологии, анатомии и т. п., которое укрепляло идею «тварности» человека, его единства с органической и неорганической природой («человек — вещь во множестве вещей») и которое разрушало антропоцентристские телеологические иллюзии о некоей привилегированности человека в мире.

Комбинаторность. Это мировоззренческий подход к вопросам структуры действительности, противоположный доминировавшему ранее символически-иерархическому подходу. Согласно ему, всякий элемент мира представлялся не в виде некоего качественного целого, органически связанного с другими подобными целостностями во всеохватывающую и всепроникающую тотальность, а в виде набора форм разной степени существенности и общности. Суть этого подхода передают следующие слова Галилея: «...никогда я не стану от внешних тел требовать что-либо иное, чем величина, фигуры, количество... движения... я думаю, что если бы мы устранили уши, языки, носы, то остались бы только фигуры, число и движение». Подобную позицию разделяли (спор о первичных и вторичных качествах) Локк, Гоббс, Декарт, Спиноза и др. На этой основе устанавливалось своеобразное единство мира, понимаемое как общность его форм, что разрушало качественный взгляд на мир как на неограниченное много- и разнообразие. Разнообразие действительности отныне описывалось в терминах механической комбинаторики нескольких фундаментальных форм, ответственных за известные качества. Отсюда, знать действительность означало знать правила сочетаний форм. Последнее определяло такие специфические черты новой идеологии, как инструментальность и механистичность, сыгравших видную роль в процессе оформления естествознания как науки.

399

Квантитативизм. На основе комбинаторности развился квантитативизм — универсальный метод количественного сопоставления и оценки образующих всякий предмет форм: «познать — значит измерить». Значительный импульс прогрессу методов подведения форм под количественное описание придала разработка Декартом и его последователями (де Бон, Шутен, Слюз, де Витт, Валлис и др.) аналитической геометрии, где обосновывалась идея единства геометрических форм и фигур, объединенных формальными преобразованиями. В связи с этим «пространственные формы... которые в своей индивидуальности даже боготворились греками, рассматривавшими их как некоторые индивидуальные сущности... были развенчаны и сведены к ряду некоторых простейших и всеобщих соотношений»; это и позволяло «единообразно рассмотреть все царство индивидуальностей».¹³³

Существенным представляется, что качества, которые ранее не

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

могли быть соизмерены на единой основе (Аристотель в силу «качественного» стиля мышления не мог создать теорию стоимости, хотя вплотную подошел к этому), теперь оказались соизмеримыми, что учреждало картину унитарного — гомогенно-количественного, а не иерархизированного — гетерогенно-качественного космоса.

Причинно-следственный автоматизм. Существенный вклад в оформление образа естественной причинно-следственной связности явлений действительности внесли Гоббс, который элиминировал из введенных Аристотелем материальных, действующих, формальных и целевых причин две последние, а также Спиноза, который показал, что, «если бы люди ясно познали весь порядок природы... они нашли бы все так же необходимым, как все то, чему учит математика».¹³⁴ Эта мировоззренческая позиция, на-

¹³³ Науменко Л. К. *Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1969. С. 176.*

¹³⁴ Спиноза Б. *Избранные произведения в 2-х т. М., 1957. Т. 1. С. 301.*

400

шедшая активную поддержку во внутринаучном сознании (Галилей, Бойль, Ньютон, Гюйгенс и др.), лишала действительность символически-телеологических тонов и открывала путь для объективно-необходимого закономерного ее описания. Кроме того, следует отметить такой момент, как всемерно упрочившийся в то время монотеистический характер верования, которого не было в античности и который в гораздо большей степени, чем античные идеи долженствования и приказа, способствовал утверждению понятия о единообразно и закономерно детерминированной действительности.

Аналитизм. У греков «именно потому, что они еще не дошли до расчленения, до анализа природы, — природа еще рассматривается в общем, как одно целое. Всеобщая связь явлений природы не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания».¹³⁵ В условиях же Нового времени утверждается совершенно отличный от античного стиль познания, в соответствии с которым познавательная деятельность функционировала не как абстрактно-синтетическая спекуляция, а как конкретно-аналитическая реконструкция плана, порядка, конституции вещей, умение разлагать их на фундаментальные составляющие. Примат аналитической деятельности над синтетической в мышлении представителей данного периода способствовал формированию системы физической причинности, которая окончательно сложилась и упрочилась с появлением механики Ньютона. До Ньютона подобной системы не существовало. Даже законы Кеплера «не удовлетворяли требованию причинного объяснения», ибо «представляли собой три логически независимых друг от друга правила, лишенных всякой внутренней связи» и относились «к движению в целом», не позволяя «вывести из состояния движения в некоторый момент времени другое состояние, во времени непосредственно следующее за первым».¹³⁶

¹³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч. Т.20. С. 169.*

¹³⁶ Эйнштейн А. *Собр. науч. трудов. Т. IV. С. 83.*

401

Другими словами, законы Кеплера были интегральными, по

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

своему гносеологическому статусу мало чем отличались от абстрактно-созерцательных формулировок мыслителей античности. Дифференциальные же законы, а вместе с ними и та единственная форма «причинного объяснения, которая может полностью удовлетворять... физика»,¹³⁷ впервые созданы в аналитической механике Ньютона.

Геометризм. Эта черта мышления, противопоставляемая нами античному физикализму и средневековому иерархизму.

Стимулировала утверждение картины безграничного однородного, управляемого едиными законами космического универсума. Поскольку вследствие евклидизации мира устанавливалась картина онтологически гомогенной действительности (чему способствовал и факт открытия Галилеем пятен на Солнце), постольку, как писал Спиноза, «законы и правила природы, по которым все происходит и изменяется... везде всегда одни и те же, а, следовательно, и способ познания природы вещей... должен быть один и тот же, а именно — это должно быть познанием из универсальных законов и правил природы».¹³⁸

Теперь можно зафиксировать основные черты нового стиля мышления, который разрушил архаичную антично-средневековую картину мироздания и привел к оформлению вещно-натуралистической концепции космоса, выступающей предпосылкой научного естествознания. Эти черты: отношение к природе как самодостаточному естественному, «автоматическому» объекту, лишенному антропоморфно-символического элемента, данному в непосредственной деятельности и подлежащему практическому освоению; отказ от принципа конкретности (наивно-квалитативистское телесно-физическое мышление античности и средневековья): становление принципов строгой

¹³⁷ Эйнштейн А. Собр. науч. трудов. Т. IV. С. 83.

¹³⁸ Спиноза Б. Цит. соч. С. 182.

402

количественной оценки (в области социальной — с появлением меркантилизма, ростовщичества, статистики и т. д., в области научной — с успехами изобретательства, созданием измерительной аппаратуры — часов, весов, хронометров, барометров, термометров и т. д.), жестко детерминистская причинно-следственная типологизация явлений действительности, элиминация телеологических, организмических, анимистических категорий, введение каузализма; инструменталистская трактовка природы и ее атрибутов — пространства, времени, движения, причинности и т. д., которые механически комбинируются наряду с составляющими всякую вещь онтологически фундаментальными формами; образ геометризированной гомогенно-унитарной действительности, управляемой едиными количественными законами; признание в динамике универсального метода описания поведения окружающих явлений (не вещественные модели, а формальные геометрические схемы и уравнения).

Соединение абстрактно-теоретической (умозрительно-натурфилософской) традиции с ремесленно-технической. Науку конституирует единство эмпирической и теоретической деятельности. Однако в периоды античности и средневековья два

эти вида деятельности гносеологически и социально противопоставлены, разобщены. Теоретическая деятельность замыкалась на семь классических свободных искусств — астрономию, диалектику, риторику, арифметику, геометрию, медицину, музыку — и только на них. Эмпирическая деятельность проходила по ведомству механических, несвободных искусств — ремесленничества. Дело доходило до курьезов. Так, теоретическое занятие медициной считалось научным и сводилось к толкованию книг. Практическое занятие медициной — непосредственная терапевтическая деятельность — научным не считалось и квалифицировалось как врачебное дело.

Данное положение, когда теоретические занятия составляли удел абстрактного интеллекта, а эмпирические (опытно-экспериментальные) занятия — удел конкретного ремесла, крайне затрудняло синтез эмпирического и теоре-

403

тического уровней, а значит, делало невозможным формирование науки. Представители кабинетной учености, не занимаясь экспериментаторством по психологическим обстоятельствам (отсутствие престижности), обрекали себя на бесплодное системосозидание, схоластическое теоретизирование. Представители же цехового ремесла, не занимаясь вопросами теории по обстоятельствам социальным (сословные барьеры), оказывались не в состоянии перешагнуть рубеж ползучего эмпиризма и беспросветного филистерского невежества. Разрыву этого порочного круга, радикальному изменению ситуации, приведшему к синтезу эмпирической и теоретической деятельности, а вместе с этим — образованию науки, мы обязаны тем социально-практическим процессам, которые составляли стержень общественной жизни того времени.

Как указывает Цильзель, наука возникает тогда, когда рушится «барьер между двумя составными частями научного метода... и методы верхнего слоя ремесленников» (эмпирическая деятельность) усваиваются «академически воспитанными учеными»¹³⁴ (теоретическая деятельность). Подобное и происходит в эпоху Ренессанса в результате обусловленного развитием капитализма бурного прогресса промышленности.

Конечно, было бы вульгарным социологизированием процесс вызревания научного естествознания интерпретировать как непосредственное и прямое следствие развития капитализма. С нашей точки зрения, этот (безусловно, социокультурный) процесс детерминировался обществом более опосредованным, сложным образом. Адекватная картина генезиса науки о природе по социокультурной составляющей представляется такой.

Оформление естествознания как науки стало возможным лишь в условиях капиталистического товарного производства, породившего ценностную переориентацию познания на получение практически полезного знания. Сви-

¹³⁹ Zilsel E. *The Sociological roots of Science // Amer. J. Sociology.* 1942. Vol. 47. P. 555.

404

детельством этого служат настроения самих деятелей науки того времени, выраженные, к примеру, Гуком, который заявлял: «Задача

науки состоит в изыскании совершенного знания природы, а также свойств тел и причин естественных процессов; эти знания приобретаются не... ради самих себя, а для того, чтобы дать возможность человеку... вызывать и совершать такие эффекты, которые могут наиболее способствовать его благополучию в мире». ¹⁴⁰ Однако для образования теоретического естествознания самих по себе данных установок недостаточно: как отмечалось, направленность на достижение прикладных результатов должна сочетаться с использованием мыслительных навыков работы с идеализированными объектами, идеальным моделированием действительности.

Для объяснения социальных предпосылок возможности сохранения, развития этих навыков недостаточно ссылок на развитие капиталистического производства.

Ключ к пониманию причин сохранения, развития античной деятельности по конструированию идеальных объектов, без которой невозможна наука, заключается в признании особого значения средневековой культуры, сыгравшей исключительную роль в данном отношении. Поскольку для образования естествознания необходим синтез абстрактно-теоретической и опытно-практической деятельности, а он, как было выяснено, не мог произойти в условиях античного рабства, на начальном этапе требовалось, видоизменяя систему производственных отношений, препятствующих указанному синтезу, сохранить принципы деятельности с идеализациями. Нечто подобное осуществилось в эпоху средневековья, экономической основой которого было не рабство, но феодализм, а интеллектуальной основой — абстрактно-теоретическая деятельность с идеальными конструкциями (теологическая спекулятивная система мира). Данными совершенно своеобразными условиями средневековой культуры и объясняется как дальнейший прогресс «теоретического» исследо-

¹⁴⁰ *Espinass M. Robert Hooke. L., 1959. P. 19.*

405

вания природы, так и отсутствие социальных запретов на «опытное» (алхимия, натуральная магия и пр.) ее изучение. Во всяком случае, путь от идеального моделирования действительности к опыту прокладывался именно в то время.

Насколько непростым, продолжительным, трудным был этот путь, можно судить хотя бы по временному показателю — для соединения абстрактно-теоретической (умозрительно-натурфилософской) традиции с ремесленно-технической человечеству потребовалось четырнадцать столетий. Следовательно, существенной внеучной предпосылкой оформления научного естествознания наряду с развитием капиталистических отношений явился факт освоения в рамках феодализма античных культурных традиций. Учитывая это, процесс оформления научного естествознания с точки зрения реализации социокультурной детерминации, обеспечившей синтез эмпирической и теоретической деятельности, в самой лапидарной форме выглядит так.

1. Специфические обстоятельства средневековья позволили транслировать мыслительные достижения античности (опыт

идеального моделирования действительности) в культуру Ренессанса, тогда как специфические обстоятельства последнего позволили существенно преобразовать эти достижения (данный процесс, как отмечалось, начался уже в эпоху средневековья — «очаги» опытного естествознания в монастырях) — от установок на поиск гносеологических средств удостоверения результатов естественнонаучного поиска до формирования собственно «техногенного» естествознания. Переходными формами эволюционной цепи от умозрительной натурфилософии к эмпирически обоснованному естествознанию являются такие двумерные, эмпирико-теоретические феномены, как астрология, алхимия, натуральная магия и т. п., равно как и концепции тогдашних деятелей культуры (Бруно, Р. Бэкон), сочетавших по тем временам бук-

406

вально несовместимые эмпирические (опытно-экспериментальные) и теоретические (теологически-спекулятивные) взгляды и установки. 2. В дальнейшем благодаря последовательному вытеснению на интеллектуальную периферию фидеистических, теологических, метафизических комплексов (деизм) и всевозрастающему стремлению практически эффективизировать научную деятельность (прогресс капиталистических отношений) постепенно образуется новый, ранее неизвестный интеллектуальный феномен — опирающееся на опыт теоретическое естествознание.

Утверждение гипотетико-дедуктивной методологии познания. Основу составляющего ядро современного естествознания гипотетико-дедуктивного метода образует логический вывод утверждений из принятых гипотез и последующая их эмпирическая апробация. Под последним понимается процедура, обеспечивающая возможность установления истинности теоретических утверждений в процессе их соотнесения с непосредственно наблюдаемым положением дел.

Если от характеристики гипотетико-дедуктивного метода, лежащего в основании гипотетико-дедуктивной теории, перейти к характеристике последней, можно сказать следующее. Гипотетико-дедуктивная теория представляет дедуктивно оформленное множество предложений, состоящее из синтаксиса и интерпретации. В отличие от логико-математических (формальных) систем естественнонаучные гипотетико-дедуктивные теории интерпретированы, что означает обязательную переводимость (проецируемость) их синтаксиса на заданный фрагмент реальности (онтологию), относительно которого выполняются описательные, объяснительные, предсказательные функции.

Приоритет введения в науку гипотетико-дедуктивной тактики исследования по праву принадлежит Галилею. Мы имеем в виду разработанную им концепцию пустотной механики, базировавшуюся на принципах рациональ-

407

ной индукции и мысленного эксперимента. Чтобы понять существо методологических новшеств Галилея, необходимо хотя бы бегло охарактеризовать аристотелевскую науку о природе, критика которой стимулировала создание Галилеем новой

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

программы строительства естествознания.

Физика Аристотеля включает общую теорию бытия, являющуюся с современной точки зрения конкретизацией традиционной онтологии. Собственно физические проблемы в принятом понимании развиты у Аристотеля слабо, что следует из анализа содержания его немногочисленных произведений, посвященных этим проблемам, в частности — «Физики», «О небе», «Механических проблем». Аристотелевская «Физика» представляет общее учение о природе, первых началах, четырех причинах. «О небе» посвящено вопросам круговых и прямолинейных, «естественных» и «насильственных» движений. «Механические проблемы», по мнению историков, созданные не самим Аристотелем, а его эпигонами, и представляющие апокриф, обсуждают задачи в основном технического характера, решение которых построено по единообразному методу рычага.

Стержень физической проблематики Аристотеля составляет учение о движении, которое первоначально связывалось им с концепцией энтелехии, или философской теорией актуализации. Однако, поскольку такая трактовка движения оказывалась непригодной для решения частных физических задач, Аристотель вынужден ее конкретизировать. С этой целью вводятся частные понятия типов движения (перемещение, изменение, возрастание, уменьшение), а затем предлагается уточненное понятие изменения положения тела с течением времени (понятие локального движения), которое в дальнейшем специфицируется на естественное и насильственное. Чтобы понять смысл данной дистинкции, следует охарактеризовать аристотелевскую концепцию пространства.

Пространство, по Аристотелю, есть место, граница объемлющего с объемлемым. Тело, снаружи которого имеется объемлющее его тело, находится в месте. В соответ-

408

ствии с учением об элементах земля находится в воде, вода — в воздухе, воздух — в эфире, этот же последний — ни в чем. Исходное местоположение тел обуславливает качественную определенность физических перемещений (локальных движений) в зависимости от природы носителей. Так, огонь естественно, по природе, движется вверх, а вниз — против природы — насильственно; для земли же пребывание наверху — противоположно естественному и т. д. Так как движение тел изначально предопределено характером субстрата, тяжелые тела движутся к центру, легкие — на периферию. Таким образом, пространство Аристотеля, конституированное качественными границами между объектами и средами, гетерогенно, векторизовано; неодинаковость его точек дополняется неравноправностью, неравноценностью перемещений по направлениям, дифференцируемым привилегированными системами отсчета.

Анализ аристотелевской доктрины неоднородного и анизотропного пространства позволяет глубже понять существо его механики. Как справедливо отмечает Либшер, в ней не существует относительности между системами отсчета, ибо не выполняется

теорема импульсов: силы там пропорциональны не изменениям импульсов, а самим импульсам. Кроме того, «состояние равновесия свободного объекта есть покой, что выделяет определенную систему отсчета. При наблюдении этого состояния равновесия можно в каждой системе отсчета установить, какую скорость она имеет относительно абсолютно покоящейся системы».¹⁴¹

В чем гносеологический источник данной естествоведческой позиции Аристотеля? В грубом некритическом эмпиризме и архаичнейшем реализме: ставя вопрос, как движутся тела на самом деле — in re, Стагирита) не в состоянии абстрагироваться от эффектов трения; б) вы-

¹⁴¹ Либшер Д. Э. *Теория относительности с циркулем и линейкой*. М., 1980. С. 31.
409

нужден постулировать зависимость скоростей движения от качественных свойств тел, параметров среды.

Подобная примитивно-физикалистская трактовка исключает формулировку столь капитальных законов механики, как законы инерции, падения и т. д. (Идейное ядро перипатетической механики составляет закон: движимое движется чем-то, — находящийся метафизическую проработку в доктринах импетуса и антиперистасиса.)

Именно против подобной — примитивно физикалистской — постановки вопроса активно выступил Галилей. Он усилил заложенную Коперником многозначительную тенденцию разведения образов (символов) и объектов, содержательного строения знаков (язык науки) и их связи с реальностью. Отправляясь от идей более ранних критиков Аристотеля (Тарталья, Бенедетти, Борро, Пикколомини), Галилей нанес перипатетической платформе наивного реализма (примитивного физикализма) сокрушительный удар.

Уже в первой своей работе, посвященной проблеме движения, сочинении «О движении» (ок. 1590 г.), он подверг критике динамику Аристотеля. В частности, Галилей опроверг перипатетическое учение о естественных и насильственных движениях. Он показал, что если среда движения не воздух, а вода, некоторые тяжелые тела (скажем, бревно) становятся легкими, так как движутся вверх. Следовательно, движения тел вверх или вниз зависят от их удельного веса по отношению к среде, а не от «предназначения». Здесь же Галилей показал беспочвенность того тезиса перипатетиков, что скорости движения тел в менее плотной среде больше, чем в более плотной. Так, тонкий надутый пузырь движется медленнее в воздухе, нежели в воде и т. д.

Позитивная часть физической теории Галилея представлена фундаментальным трудом «Беседы и математические доказательства». В нем Галилей обращается к анализу изохронности качаний маятника. Он вывел, что разные по весу, но одинаковые по длине маятники совершают колебания одинаковой продолжительности. Но движение маятника сводится к падению тела по дуге круга. Отсюда следует,

410

что сила тяжести в одинаковой мере ускоряет различные падающие тела. Значит, если отвлечься от сопротивления среды, все

тела при свободном падении должны иметь одинаковую скорость.

Параллельно Галилей проводит опыты с катанием тел по наклонной плоскости и здесь же находит подтверждение мысли о равномерном ускорении различных тел силой тяжести. Однако доказательность этих опытов не являлась стопроцентной, поскольку проявление закона действия силы тяжести видоизменялось действием внешних причин. Для устранения данного недостатка следовало четко зафиксировать природу этих видоизменений. Последнее требовало радикальной переформулировки оснований господствовавшей перипатетической динамики, приспособленной к анализу эмпирически регистрируемых движений. Что же предпринял Галилей?

Он выработал особую исследовательскую тактику, предписывавшую проводить изучение не эмпирического, а как бы идеального, теоретического движения, описываемого аппаратом математики. В соответствии с этим новая, развиваемая Галилеем динамика условно распадалась на две части. В первой требовалось путем логического вывода получить законы движения в «чистом виде». Во второй, органически связанной с первой, требовалось осуществить опытное оправдание полученных в первой части абстрактных законов движения.

Развивая новую динамику, Галилей подверг критике перипатетический тезис «нет действия без причины», трактовка которого распространялась лишь на состояния покоя. А именно: всякое тело не переходит из состояния покоя в состояние движения без действия дополнительной силы. При этом перипатетики полагали, что прекращение движения связано с действием эмпирических условий (трение, сопротивление среды) в случае прекращения действия движущей силы. В эту трактовку Галилей вносит существенную поправку: ни одно тело не изменяет скорости ни по величине, ни по направлению без действия дополнительной силы. Другими словами, раз полу-

411

чив импульс, по прекращении действия силы, тело продолжает движение с постоянной скоростью без учета сопротивления среды и эффектов трения. Последнее революционизировало не только сферу науки, фактически отмечая действительное начало физики (закон инерции), но и сферу гносеологии, разрушая наивно-физикалистские воззрения Аристотеля. Оценивая гносеологическое значение разработанного Галилеем метода идеального моделирования действительности, А. Эйнштейн и Л. Инфельд квалифицируют его как одно «из самых важных достижений в истории человеческой мысли», которое «учит нас тому, что интуитивным выводам, базирующимся на непосредственном наблюдении, не всегда можно доверять, так как они иногда ведут по ложному следу».¹⁴²

Исходный пункт физики Галилея абстрактно-гипотетичен. Если Аристотель описывал действительные наблюдаемые движения, то Галилей — логически возможные. Если Аристотель ставил вопрос относительно реального пространства событий, то Галилей — относительно идеального, в котором «вместо непосредственного изучения процессов природы» узаконивался анализ математических

предельных законов, какие «можно проверить только при исключительных условиях».¹⁴³ Вместо движения реальных тел Галилей увидел «геометрические тела, движущиеся в пустом безграничном евклидовом пространстве»; «это был очень трудный переход, настоящая революция в понимании движения».¹⁴⁴ Характеризуя гносеологический метод Галилея, исследователи его творчества указывают на мысленный эксперимент как на такой познавательный момент, который существенно обогатил арсенал научной деятельности. В чем, по Галилею, заключается его сущность? Книга природы, считает Галилей, написана на иде-

¹⁴² Эйнштейн А. Собр. научн. трудов. Т. IV. С. 363.

¹⁴³ Heisenberg W. *Wandlungen in der Grundlagen der Naturwissenschaften*. Leipzig, 1944. S. 31.

¹⁴⁴ *Ibid.*

412

альном языке математики. Читая ее, следует абстрагироваться от условий эмпирической данности изучаемых процессов и вскрывать за чувственной кажимостью фундаментальные рациональные законы.

В этой связи представляется естественным, что Галилей возрождает гносеологические традиции Платона, разработавшего идеально-логическую трактовку природы знания. Если Аристотель пошел на сознательный идейный разрыв с Платоном («Платон мне друг, но истина мне больший друг»), отказавшись от его трактовки природы знания, то Галилей, обосновывая принцип интеллектуальной рационализации эмпирии — необходимость проникать в сущность, скрытую за существованием, — тем самым восстанавливает платонизм.

В понимаемой именно на платоновский манер природе познавательной деятельности, которая состоит в исследовании предельных случаев, реализуемых лишь в идеальных условиях, и заключается то новое, что связано с именем Галилея, обогатившего инструментарий науки методом мысленного эксперимента.

Оценивая творческий метод Галилея, невозможно обойти такую проблему: исключает ли деятельность по постановке мысленных экспериментов деятельность по проведению реальных экспериментов? С высоты сегодняшнего дня вопрос кажется нелепым, поскольку нет оснований для противопоставления одного типа деятельности другому. Не являясь провизорной стадией обдумывания деталей предстоящего реального эксперимента, мысленный эксперимент выступает независимой и самостоятельной исследовательской процедурой, основанной на изучении идеализированной концептуальной действительности, в то время как реальный эксперимент представляется процедурой, изучающей объективную действительность. Поэтому один тип экспериментов не заменяет и не исключает другой.

Мы не рассматриваем большую историко-научную проблему о действительности постановки Галилеем натуральных экспериментов по бросанию тел с высот при выведении закона падения. Мнения историков науки на этот счет

413

поляризовались. Одни (Таннери, Мейерсон, Койре) отрицают проведение Галилеем реальных опытов, считая выведение закона

падения плодом мысленного эксперимента. Другие (Вольвиль, Льюэци) придерживаются диаметрально противоположной позиции. За недостатком места не обосновывая свою точку зрения, но принимая во внимание некоторые исторические свидетельства (Вивiani, документы из архива Галилея, исследованные Вольвилем и др.) и не соглашаясь с Койре, по которому галилеевская физика создается «а priori», мы считаем, что Галилей занимался постановкой натуральных экспериментов. Последнее, однако, не препятствовало, а, напротив, способствовало разработке им тактики мысленного эксперимента.

Факт проведения Галилеем реальных опытов позволяет уточнить динамику оформления метода мысленного эксперимента, стимулировавшего образование научного естествознания. Она, с нашей точки зрения, такова.

1. Результаты реальных экспериментов (побочные эффекты условий эмпирической осуществимости), естественно, не оправдали ожидаемого: удельный вес отрицательных данных был значительным. Последнее обусловило нападки на галилеевскую теорию падения не только исконных противников Галилея — реакционных перипатетиков (критическое выступление пизанской профессуры), но и таких прогрессивных деятелей культуры того времени, как, скажем, Декарт, который упрекал Галилея в нечистоте проведения опытов. Выход из драматической ситуации Галилей нашел в том, что рационализировал полученные в опыте результаты. Это позволило ему объяснить отрицательные данные нечистотой условий — погрешностями эмпирического уровня.

2. Гносеологическая рефлексия первоначально *ad hoc* (для данного случая) приема рационализации негативных свидетельств при опытной апробации теории вместе с оформившимся в ходе этой рефлексии убеждением о чрезвычайно неоднозначном, опосредованном характере взаимосвязи эмпиричес-

414
кого и теоретического уровней в научном поиске, подсказали Галилею идею нового метода. Этот метод — рациональная индукция, использование которой соответствовало условиям не естественного, а искусственного, абстрактно-логического пространства — пространства идеальной научной реальности. Так выкристаллизовалась концепция пустотной механики: «если бы совершенно устранить побочные эффекты эмпирического уровня, то...» (мысленный эксперимент). 3. Развитие концепции пустотной механики в качестве логического финала имело оформление гипотетико-дедуктивной методологии, поскольку способом проверки выведенных в рамках пустотной механики идеальных законов движения мог быть только опыт. Если быть точным, надо сказать, — Галилей не выполнил план эмпирического обоснования идеальных законов пустотной механики (идея сопоставления идеальных законов с реальными, учитывая специальную систему поправок на эффекты эмпирического уровня — трение и т. п.). Этот план фактически реализован позже — с завершением строительства величественного здания классической механики в следующем столетии.

Таким образом, обобщая сказанное относительно столь важного

компонента, как утверждение гипотетико-дедуктивной методологии познания, правильно подчеркнуть роль Галилея. Именно Галилей, опровергнув аристотелевское: «Никакое движение не может продолжаться до бесконечности» (по существу, это равносильно открытию закона инерции, точную формулировку которого, однако, дал лишь Ньютон), заложил фактический фундамент науки о природе. Именно Галилей, развенчивая наивный квалитативистский феноменализм перипатетиков, возрождая платонистскую интерпретацию природы знания, а также разрабатывая исследовательскую тактику мысленного эксперимента в идеальной реальности, обосновал возможность примене-

415

ния в рамках физики количественного аппарата математики, что означало перевод ее на строгую научную основу. Именно Галилей, обращая внимание на необходимость последовательного эмпирического обоснования идеально-логических законов и формулировок, создал универсальную методологическую канву естественнонаучного познания. Поэтому, именно фигура Галилея, установившего «ясные» и «очевидные» сейчас законы, создавшего сами рамки мышления, которые сделали возможными последующие открытия в науке, реформировавшего интеллект, снабдившего его серией новых понятий, выработавшего специфическую концепцию природы и науки, — фигура Галилея отмечает рождение подлинно научного естествознания.

Выделим те доподлинно непреходящие моменты, какие внесло с собой утверждение принципов новоевропейского мышления, выразившее революционизацию духовной сферы. Это:

— секуляризация и детеологизация интеллекта, освобождение науки из-под ферулы церкви, авторитета канонических текстов: анализ святых писаний постепенно становится уделом монастырей, а не университетов, очагами науки все в большей степени перестают быть приходы и становятся академии;

— эмансипация научного мышления от фидеистических и организмических категорий: отказ от топографической иерархии «верх-низ» — центральной для системы католического аристотелизма; десакрализация пространственно-временных представлений — формирование и утверждение идей однородности и изотропности пространства и времени; забвение антропоцентризм; принятие картины унитарного космоса (спинозовское: «Вся сотворенная природа есть единое существо. Отсюда следует, что человек есть часть природы, связанная с остальными»¹⁴⁵).

¹⁴⁵ Спиноза Б. *Избранные произведения*. Т. 1. М., 1957. С. 301.

416

— демократизация и эффективизация научного поиска: отказ от средневекового начетничества, догматизма? талмудизма (критическая, антисхоластическая направленность теоретико-познавательных доктрин того времени от бэконовского «Нового Органона» до декартовских «Правил для руководства ума» и «Рассуждений о методе»); разрыв с августиновским «Верь, чтобы понимать»; отказ от маргинального медиевистского духа познания (формула Бэкона: «Книги должны быть результатом науки, а не наука результатом книг», определяющий задачи королевского

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

общества лозунг Ольденбурга: «...не ради толкования текстов... но ради исследования и объяснения... природы»); принятие прогрессистской парадигмы научного знания, отбрасывающей схоластический авторитаризм *ratio scripta*, священной, абсолютной и непреложной «истины текста» и развенчивающей характерное понятие финальности познавательного процесса. Достаточно вспомнить Паскаля: «Все науки бесконечны». Галилея: «Кто возьмется поставить пределы человеческому разуму?» Декарта: «В мире нет ни одной науки, которая была бы такою, в какую некогда научили меня верить». И многих других их современников;

— натурализация мышления, которое отныне опирается на фундамент каузализма, парадигму законосообразной, объективно-сущей природы с естественной причинностью, едиными проникающими и охватывающими ее как целое законами;

— согласование Логоса с Сенсусом: развенчание средневекового представления о существовании априорного оправдания разума, которое выводилось «из его провиденциальной гармонии и из его совпадения с *ratio scripta*»¹⁴⁶; отказ от интер-

¹⁴⁶ Кузнецов Б. Г. *Ньютон. М., 1982. С. 125.*

417

претации понятий как самостоятельных стихий, действующих в качестве реальных универсалий; отказ от понимания логико-теоретического мышления как самодостаточного инструмента постижения мира; осознание необходимости опытной апробации, эмпирического контроля дискурсивно развертываемых схем и конструкций (начертанный на гербе Королевского общества девиз: «Nullius in verba»). Оценивая эту сторону дела, Эйнштейн отмечал: «...прежде чем человечество созрело для науки, охватывающей действительность, необходимо было ... фундаментальное достижение, которое не было достоянием философии до Кеплера и Галилея. Чисто логическое мышление не могло принести нам никакого знания эмпирического мира ... Именно потому, что Галилей сознавал это, и особенно потому, что он внушал эту истину ученым, он является отцом современной физики и, фактически, современного естествознания вообще»¹⁴⁷;

— метризация и операционализация, внедрившие в знание понятия числа и величины, и положили начало образованию точной науки; использование количественных методов анализа, расчета, обработки и оценки эмпирических данных, которые хорошо математически моделируются, поддаются квантитативизации (относительно этого Бор писал: «Галилеева программа, согласно которой описание физических явлений должно опираться на величины, имеющие количественную меру, дала прочную основу для упорядочения данных во все более и более широкой области»¹⁴⁸);

— утвержденная гипотетико-дедуктивная архитектоника естественнонаучного знания (физика

¹⁴⁷ Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. М., 1967. Т. IV. С. 182.*

¹⁴⁸ Бор Н. *Избранные научные труды. М., 1971. Т. 2. С. 526.*

418

принципов), которая обеспечивала формулировку количественно детализируемых и опытно опробуемых положений; — кристаллизация необходимых семантических структур для
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

установления в качестве доминирующего механического миропонимания: замена сверхъестественных индивидуализирующих объяснений через «скрытые качества», ответственные за частные свойства и поведение изучаемых явлений, на естественные объяснения через использование «материи» и «движения», позволяющие истолковывать существо явлений на основе общего принципа механического взаимодействия вещества с веществом; упрочение программы корпускуляризма (атомизм Галилея, Хэриота, Хилла, Гассенди, Гоббса; учение о частицах Декарта, Бойля, Зеннерта), т. е. концепции составимости действительности из мельчайших материальных образований; утверждение в качестве фундаментальных смыслообразующих категорий мышления математически выразимых и представимых «размера» (протяженности) и «перемещения» (относительного движения).

В итоге: «была создана последовательная методология эксперимента и математического анализа, последовательный метод, с помощью которого можно было рано или поздно взяться за решение любой проблемы. Основы науки могли быть позднее пересмотрены и изменены, однако воздвигнутое на них сооружение было прочным. И, что еще важнее, общий метод для построения его был теперь известен и уже не подвергался угрозе быть когда-либо снова забытым».¹⁴⁹

¹⁴⁹ *Бернал Д. Наука в истории общества. М., 1956. С. 276.*

419

4.1.6 Современная наука

Современная наука — феномен гносеологически весьма многомерный, разноплановый. Образующие ее познавательные комплексы чрезвычайно полиморфичны, неоднородны. Современная наука — широкая ассоциация математических, естественнонаучных, гуманитарных, технических отраслей, дисциплинарных и междисциплинарных исследований, узкоспециализированных и комплексных подразделов, функционирующих как дискретные единицы теоретических и эмпирических, формальных и содержательных, фундаментальных и прикладных и прочих знаний.

Вместе с тем имеются основания говорить о наличии некоей «единой оси», сущностного единства современной науки, имея в виду своеобразие стратегии исследований, стиля постановки и изучения проблем, способа производства и функционирования знания, природы изыскательской деятельности и т. п. — словом, всего того, что составляет самобытность совокупного потенциала науки, фиксируемого средствами теоретико-познавательного анализа.

Чтобы выяснить природу этой общности, вычленив основания, объединяющие действительно различные явления в монолитное целое, каким выступает «современная наука», одного функционального анализа синхронно действующих ее структур недостаточно. Следует привлечь средства анализа сравнительного, позволяющего типологически сопоставить современную науку с генетически предшествующей ей теоретико-исследовательской

формацией.

Переходя к такому сопоставлению, отметим следующее.

Говоря о целесообразности соотнесения современной науки с исторически предшествующей однопорядковой ей структурой, где находятся ее непосредственные истоки, мы указываем на классическую науку, критика и переосмысление познавательных норм и идеалов которой, собственно, и задает те внутренние базисные отношения, которые в полной мере определяют гносеологические особенности, а также составляют условия целостности современной науки.

420

Под классической наукой при этом мы понимаем совершенно определенную исследовательскую и мыслительную культуру, реализовавшуюся как преобладающая тенденция начиная с XVII до начала XX в., знаменующего собой становление квантово-релятивистской эпохи.

В рамках типологического сопоставления, интерпретирующего переход от классической к современной науке не просто как сдвиг в проблемных и предметных областях, в экспериментальном и техническом оснащении, а как кристаллизацию иной исследовательской культуры, соответствующей новой духовной формации, необходимо указать на принципиальные стилистические черты классической науки, противостоящей современной как особая мыслительная эпоха, как стадия в развитии научного интеллекта.

Классическая наука функционировала как весьма цельное образование, где основания целостности определялись рядом сущностных интенций. Среди них выделим две.

1. Интенция на финалистскую систему знания. Сложившаяся на базе классической механики, которая рассматривалась как универсальный метод познания окружающих явлений и одновременно как эталон всякой науки, эта интенция поддерживалась солидным множеством более частных установок.

Установкой на однозначное истолкование событий, исключение случайности и вероятности, расцениваемых как показатели неполноты знания или субъективизма, из результатов познания.

Установка на элиминацию из контекста науки характеристик исследователя, якобы препятствующих адекватной регистрации истины, отказ от необходимости учитывать особенности (способы, средства, условия) познавательного освоения субъектом объекта.

Установкой на субстанциальность, выявление праосновы мира.

Установкой на оценку входящего в наличный фонд науки знания как абсолютно достоверного, непроблематизируемого. Последнее, разумеется, находило закрепле-

421

ние в философско-методологическом сознании, исходившем в обосновании науки из того тезиса, что «по каждому вопросу существует лишь одна истина, и тот, кто ее находит, знает об этом вопросе все, что можно о нем знать».¹⁵⁰

Установкой на осмысление природы познавательной деятельности в терминах наивно-реалистической концепции корреспонденции, постулирующей зеркально-непосредственно-очевидное соответствие знания действительности, т. е.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

некритически исходящей из той догмы, что все, познаваемое как принадлежащее к вещи, на самом деле атрибутивно вещи.¹⁵¹

2. Интенция на рассмотрение природы как неразвивающегося сущего. Эта интенция конкретизировалась такими специфическими для классической науки исследовательскими стратегемами, как статизм, элементаризм, антиэволюционизм.

Усилия ученых-классиков главным образом направлены на выделение и определение простых элементов сложных структур при явном, сознательном игнорировании тех комплексных функционально-генетических связей и отношений, какие существуют внутри этих структур как динамических целостностей. Истолкование явлений реальности по этой причине было в полной мере метафизическим, т.е. лишенным представлений об их изменчивости, преобразуемости, историчности и т. п. Достаточно указать в этой связи на такие типические для классической науки принципы, в полной мере отображающие и выражающие ее идейные устремления, как принципы постоянства: постулат константности массы (Ньютон), критерий постоянства состава химического соединения (Пруст), положение о количественной и качественной неизменности органических видов после их божественного сотворения (Линней) и т. д.

Что же изменилось со времен классической эпохи, знаменуя вступление науки в неклассическую фазу своего

¹⁵⁰ Декарт Р. Избр. произв. М., 1950. С. 274.

¹⁵¹ Спиноза Б. Цит. соч. С. 78.

422

развития? Изменилось многое. Однако нас во всех этих изменениях интересует гносеологическая сторона дела.

Переход от классической к неклассической (современной) науке и вызванные им изменения в объективном содержании знания, его основаниях (способы анализа объектов, получение, развитие, структуризации ингредиентов науки), самом типе самосознания науки обозначают кратко: революция. Если столь же кратко раскрывать ее сущность, то можно сказать: революцию в науке породило одно — вхождение в «тело» знания в качестве необходимого и неотъемлемого компонента субъекта познания, его деятельности. Фундаментальность данного обстоятельства переоценить трудно.

Парадигма классической науки, которая нацеливала на познавательное освоение предмета, так сказать «самого по себе», в его сущностно-натуралистической непосредственности, абсолютизировала понятие природного процесса, выделяемого безотносительно к условиям изучения, что влекло повсеместную элиминацию из науки субъективной деятельности, игнорирование роли средств исследовательского воздействия на объект познания. Не отягощенные рефлексией специфических функций субъекта в познавательной ситуации идеологи классической науки культивировали догму неограниченного уточнения, всесторонней детализации любых познавательных параметров. В наиболее твердой и ясной форме эти убеждения выразил Лаплас, утверждавший: «Ум, которому были бы известны для какого-либо данного момента все силы, одушевляющие природу, и

относительное положение всех ее составных частей, если вдобавок он оказался достаточно обширным, чтобы подчинить эти данные анализу, объят бы в одной формуле движения величайших тел Вселенной наравне с движением легчайших атомов: не осталось бы ничего, что было бы для него недостоверно, и будущее, так же как и прошедшее, предстало бы перед его взором».¹⁵²

¹⁵² Лаплас П. *Опыт философии теории вероятностей*. М., 1908. С. 9.

423

Революция в науке, развенчавшая иллюзии об абсолютности изучаемых процессов и возможности их всесторонней познавательной детализации, как указывалось выше, означала замену созерцательного стиля мышления деятельностным. Развивая этот тезис, подчеркнем следующее.

а) Включение субъективной деятельности в контекст науки привело к изменению понимания предмета знания: им стала теперь не реальность «в чистом виде», как она фиксируется живым созерцанием, а некоторый ее срез, заданный через призму принятых теоретических и операциональных средств и способов ее освоения субъектом. Поскольку о многих характеристиках объекта нет смысла говорить без учета средств их выявления, постольку современная наука легализовала относительность свойств объекта к типу его взаимодействия с этими средствами в познавательных ситуациях.

б) Уяснение относительности объекта к исследовательско-преобразующей деятельности стимулировало переход науки от «изучения вещей, рассматриваемых как неизменные и способные вступать в определенные связи, к изучению условий, попадая в которые вещь не просто ведет себя определенным образом, но только в них может быть или не быть чем-то, существовать или не существовать как данная определенность».¹⁵³ По этой причине современная научная теория начинается с фиксации процедурной базы, выявления способов, условий исследования объекта, что образует семантический и операциональный контур теории, выступает гарантом объективности, гармоничности описания охватываемых ею фактов.

в) Факт относительности картины объекта к средствам познания и вызванная им необходимость

¹⁵³ Сагатовский В. Н. *Принцип конкретности истины в системе субъективно-объективных отношений // Философские науки*. 1982. № 5. С. 73.

424

организации знания с учетом реальных операциональных процедур определяет особую роль прибора (экспериментальных установок) в современном научном познании. Без прибора нередко отсутствует сама возможность выделить предмет науки (теории), так как он выделяется в результате взаимодействия объекта с прибором.

г) Взаимодействие объекта с прибором, узаконивающее анализ лишь конкретного проявления сторон и свойств объекта в различное время в различно реализованных ситуациях, не может не привести к некоторому вполне объективному «разбросу» в конечных результатах исследований. Последнее выступает основой широко понятой дополнительности, которая, указывая на

различную проявляемость свойств объекта в зависимости от типа его взаимодействия с прибором в различных, часто взаимоисключающих условиях, легализует правомерность и равноправие различных видов описания объекта, его концептуальных образов. Собственно этим и объясняется то, что от единого бесконечного «объекта вообще с однозначным и неизменным» «ядром» объекта, «отображаемого единственно возможным истинным способом», современная исследовательская деятельность «перешла к миру, напоминающему скорее калейдоскоп множества проекций»,¹⁵⁴ миру, фиксируемому в системе конечных, относительных к средствам воздействия картин, каждая из которых не в состоянии претендовать на законченный всесторонний и всеохватывающий тип его описания.

д) Отказ от созерцательности, наивной реалистичности установок классической науки, выразившийся, в частности, в новой практике задания

¹⁵⁴ Сагатовский В. Н. *Принцип конкретности истины в системе субъективно-объективных отношений // Философские науки. 1982. № 5. С. 73.*

425

предмета знания с учетом способа его познавательного освоения, понимании динамичности связей эмпирии и теории и т. д., модифицировал статус факта как проверочной инстанции. Мы имеем в виду следующее. Динамизация науки — усиление математизации, сращение фундаментальных и прикладных исследований, расширение границ поиска с областей действительного на сферы возможного, легализация изучения крайне абстрактных, абсолютно неведомых классической науке типов реальностей — реальностей потенциальных (квантовая механика) и виртуальных (физика высоких энергий) и т. д. — привела к своего рода взаимопроницаемости факта и теории. Эта взаимопроницаемость приобретает подчас столь неожиданные и причудливые формы, что, как это наблюдается, например, в случае резонансов, вообще затрудняет отделение эмпирического от теоретического, не позволяет провести между фактом и теорией привычную демаркацию. В связи с этим изменилось представление о проверочном эксперименте. Во-первых, будучи не в состоянии играть роль сепаратного судьи теории, как гносеологическая процедура он реализуется в «пакете» с иными — внутритеоретическими: принцип соответствия, выявление внутреннего, когерентного совершенства теории — способами апробации знания. Во-вторых, он свидетельствует уже не столько о том, соответствует или не соответствует теоретическая формулировка чему-то, что существует и до него, «на самом деле», сколько о том, «что теоретическое предположение оправдано для известных условий и может быть реализовано для некоторого класса ситуаций, что определенная зависимость может быть осуществлена».¹⁵⁵

¹⁵⁵ Зотов А. Ф. *Цит. соч. С. 85.*

426

Такова, в самом сжатом изложении, природа неклассического стиля мышления, утверждение которого несла с собой научная революция. Детализация теоретико-познавательных ее последствий

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

не позволяет обойти вопрос о тех существенных трансформациях, какие претерпели традиционные классические нормы и идеалы исследования. Анализ этого вопроса мы ограничим примером лишь столь основополагающих в гносеологическом отношении представлений, как представления о способах введения объектов в теорию, путях решения проблемы существования, характере деятельности на эмпирическом уровне, целенаправляющих научный поиск критериях точности и строгости.

На классической стадии функционирования науки, когда, говоря словами Гейзенберга, содержательная и понятийная ясность предшествует полному пониманию математических структур,¹⁵⁶ универсальным способом задания объектов теории были операции абстрагирования и непосредственной генерализации наличного эмпирического материала (взятая на вооружение учеными-классиками теория абстракций классического философского эмпиризма, которая в свою очередь выкристаллизовалась как обобщение исследовательской тактики ученых-классиков). В подобном же наивно-реалистическом ключе решалась и центральная для теоретической деятельности проблема существования. Решающее основание существования усматривалось в непосредственной очевидности: существует то, что соответствует интуитивно умопостигаемой наглядности. «Так, — разъяснял Декарт, основоположник этой доктрины, — всякий может интуитивно постичь умом, что он существует, что он мыслит, что треугольник ограничивается только тремя линиями, что шар имеет только одну поверхность» и т. д.

В современной же науке, когда инструментом задания теоретических объектов является математика; когда воз-

¹⁵⁶ Heisenberg W. *Richtigkeits Kriterien der abgeshlos Seinen Theorien in der Physik // Sinheit und Vielheit. Gottingen, 1973. S. 140.*
427

растает удельный вес слоя вспомогательных моделей, опосредствующих связи теории с действительностью; когда понятийная ясность уже не предшествует пониманию математических структур и науке еще более трудно угадать их содержание,¹⁵⁷ невозможно руководствоваться наивно-реалистической концепцией познания, принятой в классической науке.

Введение объектов в современной науке осуществляется на пути математизации (по крайней мере, можно наблюдать тенденцию к этому), под которой понимается широкое внедрение арсенала математики в конкретно научное познание, обусловленное как потребностями эффективной разработки концептуального фонда наук (математизация как средство теоретизации), так и стремлением оптимизировать формы организации знания (математизация как средство формализации, преодоления качественности и нестрогости).

Математизации классической науки, довольно интенсивно эксплуатирующей аппарат математики, препятствовало пронизывающее ее необычайно сильное стремление к наглядности, эмпирически или интуитивно удостоверяемой очевидности. Поэтому качественно новый этап в проникновении арсенала математики в науку отсчитывается с момента формирования

неклассической науки, решительно порвавшей с этим стремлением, сдерживающим процесс математизации, что сразу же открыло возможность оперировать высокоабстрактными структурами, как правило лишенными наглядных прообразов. Именно от начинающейся с этого момента универсализации в рамках науки (естествознания) методов математической гипотезы, гипотетико-дедуктивного метода, метода принципов построения теорий и т. п. и возникает повсеместная тенденция, именуемая математизацией, которая выступает мощнейшим индуктором идей в науке, приводящим к созданию новых разделов и теорий. Прекрасной иллюстрацией этого является создание общей теории относительности.

¹⁵⁷ *Мандельштам Л. И. Полн. собр. соч. М., 1948-1950. Т. 5. С. 351.*

428

Наиболее принципиальным гносеологическим следствием математизации, как отмечалось выше, является повышение уровня абстрактности науки, утрата наглядности. В той же математике, которую вслед за Декартом ученые-классики традиционно считали олицетворением интуитивной очевидности, на деле имеют место вовсе не очевидные положения. Достаточно указать в этой связи на известную неясность формулировки пятого евклидовского постулата, попытки доказать который увенчались созданием неевклидовых геометрий, проблемы в обосновании канторовской теории множеств, причины дефектности которой до сих пор неясны. Можно апеллировать также к непроясненности концептуального статуса континуум-гипотезы, аксиомы выбора, необычности множества с труднопредставимой структурой, которое построили на оси действительных чисел Р. Соловей и С. Тенненбаум,¹⁵⁸ и т. д. Таким образом, в вопросе введения теоретических объектов современная наука принципиально не в состоянии руководствоваться принятыми в классической науке гносеологическими предписаниями.

То же можно сказать и о стратегии решения проблемы существования. Отказавшись от классического критерия интуитивной очевидности, современная наука исходит из взаимодополнительности слабой и сильной трактовок оснований существования. Первая исходит из возможности допустить существование чего-либо на базе факта отсутствия запретов на это в наличном знании. Такая трактовка ограничена наличным запасом знания (который может быть расширен открытием дополнительных законов запрета на существование чего-либо), утверждает лишь потенциальное существование.

Вторая версия руководствуется критерием опытной проверяемости, обнаруживаемости и т. д., утверждает актуальное, действительное существование. Поскольку, как нетрудно видеть, слабая версия фиксирует необходимые,

¹⁵⁸ *См.: Solovey R. M., Tennenbaum S. Iterated Cohen Extension and Souslin's Problem // Annals of Math., 1971. Vol. 94. № 2.*

429

а сильная — достаточные условия существования, многие теоретические сущности типа кварков, планкеев и т. д., удовлетворяющие слабому, но не сильному условию существования, не считаются реально существующими. В связи с

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

этим целесообразно подчеркнуть роль принципа экспериментальной проверяемости, наделяемого в современной науке чертами фундаментальности: не «интуитивная очевидность», а «опытная адаптированность» придает смысл современным научным понятиям.

Изменились в современной науке представления о принципах деятельности на эмпирическом уровне исследований, что явилось следствием замены монофакторного эксперимента полифакторным.

Опорным понятием концепции монофакторного эксперимента классической науки было понятие стабилизированной морфологии предмета, природа функционирования которого рассматривалась в обособленности как от составляющих, так и окружающих его комплексов. Практика развития экспериментальной деятельности, однако, все с большей силой обнажала не критичность этой классической концепции, исходящей из того допущения, что можно анализировать отдельные части объектов или процессов, «каждая из которых существует самостоятельно». Необходимость отказаться от неадекватной классической концепции монофакторного эксперимента и обусловила ее замену неклассической концепцией полифакторного эксперимента, соответствующей новой практике экспериментирования в науке.

Существенным представляется, что эта концепция исходит из интерпретации предметов как сложных динамических образований, представляющих самоизменяющиеся системы. В основу концепции, таким образом, кладется иная трактовка онтологии предмета, которая обновляет представление о характере его возможного познания следующими крайне важными установками:

а) Отказом от изоляции предмета от окружающих воздействий якобы для обеспечения «чистоты рассмотрения».

430

б) Признанием зависимости определенности свойств предмета от динамичности и комплексности его функционирования в познавательной ситуации. В квантовой механике, например, это тезис о том, что «наблюдаемые свойства так называемых элементарных частиц в некоторой степени определяются их взаимодействиями».¹⁵⁹

в) Системно-целостной оценкой поведения предмета, исходя из того, что последнее обуславливается как логикой внутреннего изменения, так и формами взаимодействия с другими предметами.

г) Динамизацией представлений сущности объекта — переходом от исследования равновесных структурных организаций к анализу неравновесных, нестационарных структур, ведущих себя как открытые системы, это ориентирует исследователя на изучение объекта как средоточия комплексных обратных связей, возникающих как результирующая действия различных агентов и контрагентов. Так, в химии утверждение принципов динамического подхода позволило выявить в ходе протекания процессов особую роль катализаторов, которые из методов превратились в предмет анализа (химия катализаторов); в результате здесь возникли такие неклассические представления, как представления о химическом времени, химической эволюции и т. д.

д) Антиэлементаризмом. Системное комплексное исследование

динамически действующих открытых неравновесных систем привело к отказу от интенции на выделение «элементарных составляющих» (в особенности биологические, социологические, народнохозяйственные, космические, экономические, агробиологические и другие системы, проектировочные, прогностические задачи

¹⁵⁹ Швингер Ю. *Релятивистская квантовая теория поля // Успехи физических наук. 1967. Т. 91. Вып. 1. С. 56.*

431

и т. п.). Будучи релятивировано, понятие элементарности лишено в современной науке черт абсолютности, какие приписывались ему в эпоху классической науки.

Изменилось в современной науке и представление о целенаправляющих познавательный поиск критериях точности и строгости. Под последними понимается совокупность правил, ориентирующих на включение в фонд науки логически обоснованных, количественно детализированных положений. Отметим: подобные правила неотделимы от науки как рационально-доказательного типа теоретического освоения действительности, присущи ей имманентно.

Речь в данном случае идет о поиске лучшего логического или экспериментального обоснования (увеличение порядка точности и строгости) научного знания.

Между тем в классический период функционирования науки стремление к точности и строгости, извечно свойственное сознанию ученых, некритически гиперболизировалось; научным считалось лишь всесторонне обоснованное знание (лапласовский идеал в методологии). Соответственно присутствие вероятности расценивалось как недостаточная обоснованность — проблематичность, неуточненность — «неподлинность» единиц знания, которые в силу этого автоматически исключались из науки.

С течением времени, однако, положение дел существенно изменилось и изменилось в следующих отношениях.

Доказательства утверждений современной науки, проводимые не индивидом, а коллективами с широким применением ЭВМ, несомненно, утрачивают очевидность, обозримость и т. д. — и в этом смысле точность и строгость, как она интерпретировалась в эпоху классики. Но это не главное. Главное — что, как продемонстрировал исторический опыт развития науки, понятие некоей «абсолютной» точности, строгости применительно к оценкам познавательных результатов лишено смысла. Дабы показать это, поставим вопрос: до какой степени можно повышать точность, строгость знания? Оказывается, дан-

432

ный процесс не беспределен — там, где инструментом этого выступает формализация, действуют общеметодологические ограничения Геделя—Тарского; там, где инструментом этого выступает эксперимент, действуют свои специфические частные и общие ограничения. К частным относятся разрешающие возможности используемой аппаратуры, препятствующие превышению некоторого фиксированного уровня точности, строгости исследования. К общим относятся квантовые ограничения в виде содержания принципов дополнительности,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

неопределенности.

Необходимость исходить из данных ограничений определяет такую черту современной науки, как конструктивность, которая осознается как парадигма неклассического понимания идеалов точности и строгости.

В современной науке подлинно точным, строгим считается результат, полученный лишь на основе конструктивной процедуры: в математике такая процедура формируется вместе с заданием алгоритма получения результата; в физике она формируется согласно принципу наблюдаемости, который определяет реальную совокупность данных, какие могут быть получены в системе отсчета путем измерений.

Другой заслуживающий внимания момент связан с кибернетизацией и машинизацией расчетно-вычислительной базы науки. Дело в том, что при вычислении с помощью ЭВМ, ставших неотъемлемым атрибутом современной научной деятельности, «исходные числовые данные всегда задаются с некоторой конечной точностью», а это приводит к «неустранимой погрешности решения, которая может быть значительной, со сколь бы высокой точностью ни проводились вычисления».¹⁶⁰ Все это также разрушает классический идеал точного и строгого (количественно неограниченно детализируемого) знания, обуславливая неклассическую «неточность» и «нестрогость» современной науки.

¹⁶⁰ *Винокуров В. А., Зуев К. А. Вычислимое и невычислимое в вычислительной математике// Вопросы философии. 1982. № 5. С. 92.*
433

Еще один момент, способствовавший коррозии классического идеала точного и строгого знания, связан с выявлением и исследованием в науке так называемых некорректных задач, т. е. задач, для которых фактически бессмысленным оказывается и понятие «приближенных решений», ибо они могут сильно варьироваться в зависимости даже от минимальных изменений исходных данных. Психологический эффект открытия некорректных задач был столь значительным, что, например, Адамар, отдавший много сил их изучению, отказывался признавать их правомерность, законность, — так называемый запрет Адамара.

После того, как А. Н. Тихонов разработал общий метод решения некорректных задач, возникающих в геофизике, геологии, сейсмике, медицине, экономике, астрофизике, радиолокации и т. д., — метод регуляризации, казалось, что понятие «приближенного решения» вновь обрело права гражданства в науке. Дополнительные исследования привели к выводу, что экспликация проблемы регуляризуемости, центральная для решения проблемы некорректных задач, упирается в экспликацию общей проблемы аналитической представимости Банаха, которая не решена и решение которой связывается лишь с будущими достижениями в аксиоматике теории множеств.

Вместе с тем ясно одно, а именно: относительность понятия «приближенного решения», поскольку «в одних типах математических пространств задача может быть нерегуляризуемой, а в других — регуляризуемой».¹⁶¹

Таким образом, в трактовке критериев точности, строгости современная наука руководствуется представлением релятивности,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

что удаляет ее от соответствующих интерпретаций природы этих критериев в классической науке.

Современное знание пронизывает дух историзма, утверждение которого является одним из значительнейших итогов научной революции. Если самым сжатым образом

¹⁶¹ *Винокуров В. А., Зуев К. А. Вычислимое и невычислимое в вычислительной математике // Вопросы философии. 1982. № 5. С. 92.*
434

характеризовать то новое, что привнес историзм, углубив различие между неклассической и классической наукой, то целесообразно указать на следующее.

1. Изменилось отношение науки к истории науки. В классическую эпоху история науки трактовалась как дисциплина в полном смысле историческая: деятельность историка науки, понимаемая как деятельность архивная и чуть не археологическая, ограничивалась поиском, обработкой и систематизацией фактов, относящихся к прошлому науки. В современную же эпоху история науки рассматривается как фрагмент науки, ее неотъемлемая составляющая. В рамках неклассической науки результаты научной деятельности берутся не с точки зрения вечности (классическая наука), а в контексте их генезиса. Но ведь именно реальная история науки содержит развернутую панораму динамики знания — она способствует постижению внутринаучных перспектив и возможностей: как, куда и зачем, аккумулирует информацию о субъективном элементе в знании, о формах и способах данности объекта исследователю, предоставляет сведения о реализованных процедурах в научном поиске, о средствах адекватной познавательной реконструкции изучаемого предмета. Все это обуславливает вхождение истории науки в науку в качестве внутреннего органического компонента.

2. Изменилось отношение науки к включаемому в ее фонд знанию. Научная революция продемонстрировала относительный статус как знания, так и его оснований, покончила с классическим мифом некоей непоколебимости принципов науки, освободила ее самосознание от догмы непрерывно-поступательного характера научного процесса как кумулятивной детализации немногочисленных фундаментальных «априорно достоверных» идей. Все это, будучи возведено в ранг парадигмы современной науки, определило ее здоровый самокритицизм,
435

понятие необходимости ревизии принципов, допущений, алгоритмов получения результатов. 3. Во многом изменились логические основания науки (знания). Суть происшедших изменений состоит в том, что наука использует такой логический аппарат, который наиболее приспособлен для фиксации специфики «деятельностного» подхода. Именно этим вызван прогресс неклассических многозначных логик, ограничения, отказы от использования таких классических логических приемов, норм, как теорема индукции, закон исключенного третьего и т. д., введение представлений конечности, конструктивности как объектов науки, так и осуществляемых с ними манипуляций.

В заключение определим тенденции, которые, на наш взгляд, окажутся преимущественными в детерминации направлений

ожидаемого прогресса науки. Речь, разумеется, идет не о прожектировании, а о попытке зафиксировать реальные векторы динамики знания, которые, набирая силу в настоящем, проявятся в последующем, так или иначе отразятся на облике науки будущего.

Изменения, которые охватят сферу эксперимента, в значительной мере определятся выработкой способов преодоления тех реальных трудностей, какие возникнут в ходе экспериментирования с комплексными динамически функционирующими системами целостных объектов. Фундаментальная из подобных трудностей — отсутствие инвариантности условий при воспроизведении эксперимента, его «тиражировании». Системно-комплексная природа экспериментирования — вовлечение в ситуацию солидного множества факторов, изменение самой ситуации вследствие статистического характера взаимодействия агентов и контрагентов — ставит ученого не только перед фактом объективного разброса начальных и сопутствующих условий, которые чаще всего (по причине многофакторности) не поддаются контролю и являются трудно управляемыми, но и перед фактом значительного разброса ко-

436

нечных результатов экспериментов данной серии. Последнее деформирует критерий воспроизводимости, утверждающий обязательность получения в идентичных условиях идентичных результатов.

Для преодоления трудности прежде всего потребуется создание нового математического аппарата, адаптированного к описанию нестационарных процессов, что, естественно, вызовет прогресс теории нелинейных уравнений, статистических методов исследования, способов вычисления, прогноза дисперсии, методик учета кинетики процессов, неотделимой от самих процессов, и т. д.

Наряду с этим возрастет роль математического, имитационного экспериментов. «Сущность метода математического эксперимента, — отмечает В. М. Глушков, — состоит в том, что эксперименты проводятся не с самим объектом, как это имеет место в классическом экспериментальном методе, а с его описанием на языке соответствующего... раздела математики».¹⁶² Имитационный эксперимент производится в ситуациях, когда важно исключить возможные морфологические изменения предмета, представляет конструктивно-идеализированное, концепционное исследование-моделирование, проектирование и т. д. поведения предмета задолго до потенциального реального экспериментирования. Отсутствие привязки к конкретным условиям постановки, обуславливающее большую мобильность и оперативность математических и имитационных экспериментов, приведет к широкому их распространению в науке, вызовет сужение сфер применения, а в ряде случаев — вытеснение натуральных экспериментов. В особенности это затронет такие области, как экология, экономика, генетика, демография, геология, астрофизика, география, физика высоких энергий, химия катализаторов, космические исследования и др.

Перспективы натурального эксперимента, на наш взгляд, связаны с широким внедрением в науку методов длинно-

¹⁶² Глушков В. М. Математизация научного знания и теория решений // Вопросы философии. 1978. №11. С. 29.

437

базовой интерферометрии, проекционного телевидения, скоростной голографии, фотоники, видеографии, различных теневых методов, многих новейших оптических методов наблюдения, адаптированных к фиксации быстро-протекающих процессов. Все это откроет возможность «проводить апостериорный анализ зарегистрированного процесса в течение требуемого времени без потерь амплитудной и фазовой пространственной и временной информации».¹⁶³

Усилится роль классификаторской и систематизаторской деятельности как средств упорядочения научной информации. Расширится содержание входящих в современное знание принципов симметрии, относительности, инвариантности, а также законов запрета и сохранения. В тех случаях, когда обращение к ним окажется невозможным, например, в соответствии с правилом: чем слабее взаимодействие, тем больше принципов симметрии оно нарушает, будут разработаны новые принципы объективной фиксации реальности в теоретической форме.

Повысится значение плано-прогностической деятельности, деятельности по оценке эффективности знания, специализированной на рефлексии перспектив прогресса научных отраслей, изыскании кратчайших путей внедрения теоретических разработок в технику, промышленность.

Глобальная компьютеризация, машинизация знания вызовет еще более сильную релятивизацию критериев точности и строгости. Программы для ЭВМ, в которых задается лишь общий алгоритм расчета задач данного класса, не содержат анализа расчетов встречающихся на практике конкретных задач в силу значительности их количества. Отсюда — необходимость ошибок при применении общих программ к частным случаям. «Программа, свободная от ошибок, — указывает Шварц, — является такой же абстракцией, как в термодинамике абсолютный нуль, ко-

¹⁶³ Гуревич С. Б. и др. Голография в космических исследованиях // Вестник АН СССР. 1983. № 3.

438

торый можно рассматривать теоретически, но которого нельзя достигнуть».¹⁶⁴

Возрастет удельный вес социально-политической, нравственно-этической, гуманистической и тому подобных рефлексивных оценок, которые будут реализовываться как способы внутреннего самоконтроля знания. Чрезвычайно быстрый прогресс науки, вероятно, уже в ближайшее время откроет много важного в понимании и природы самой науки. Поэтому в скором будущем дух изменений затронет и методологическую сферу.

4.1.7 Наука будущего

Каковы перспективы на будущее, каковы те изменения науки, которые повлекут сдвиги ее ценностного (нормативного) самосознания? Вопрос имеет два ответа: для ближайшего и более отдаленного будущего.

Что касается первого, в наличной науке — масса проблем, **Ильин В. В. Философия:** учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

многозначительных тенденций, процессов, которые способны трансформировать ценностное (нормативное) самосознание науки в обозримое время. Не стремясь к какому-то систематичному изложению, укажем лишь на некоторые из подобных проблем, тенденций в современном знании.

В математике это комплекс проблем, порожденных:

— своеобразным «противоречием» между арифметикой (она дискретна, качественна, индивидуализирована, так как число — «прерывно») и геометрией (она континуальна, количественна, однородна, так как геометрическая линия — «непрерывна»);

— неразрешимостью континуум-гипотезы;

— множественностью «теорий чисел»;

— возможной «диалектизацией» математики и т. д. В физике это комплекс проблем, связанных с:

— нарушением требований законов сохранения, принципов инвариантности;

¹⁶⁴ Шварц Дж. Т. *Обзор ошибок // Средства отладки больших систем. М., 1977. С. 81.*

439

— возможностью «творения из ничего», которую не исключает квантовая механика;

— возможным обнаружением отсутствия крупномасштабной изотропии Вселенной;

— обнаружением изменчивости фундаментальных констант (G — гравитационной, h — Планка, m_p m_e — массы протона, электрона, c — скорости света в вакууме, e — заряда электрона и других), которые ответственны за устойчивость связанных состояний от ядер и атомов до звезд и галактик и т. д.

Аналогичные по своей фундаментальности проблемы, процессы имеются и в других областях знания.

Можно с уверенностью утверждать, что нахождение соответствующих решений этих проблем, тенденций вызовет трансформацию принятых в науке ценностей, нормативов.

В отношении более отдаленного будущего правомерно прогнозировать модификацию научных ценностей, норм в сторону отображения процесса натурализации человека и гуманизации природы, который в полной мере определит содержание грядущей науки.

Как известно, существуют две формы объективного процесса — природа и целеполагающая деятельность человека. Однако, принимая во внимание экспансивность последней, можно прогнозировать стратегическое изменение ситуации: две формы объективного процесса в перспективе трансформируются в одну; не будет природы, не вовлеченной в орбиту человеческой деятельности, не будет человеческой деятельности, не вовлеченной в естественные циклы и ритмы природы. Будет единое активно и динамично проявляющее себя целое: унитарный антропо-космический, науко-техно-социо-натурный комплекс с автономными закономерностями функционирования, самоизменения.

Идеи о грядущем объединении человека с природой в некое всекосмическое единство высказывались многими.

440

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Среди них — И. Гердер, Ж. Бюффон, А. Гумбольдт, Ф. Ратцель, Тейяр де Шарден, Э. Реклю, Э. Леруа и др. Однако в большинстве своем основанные на туманных догадках, неясных предположениях, а порой мистических предпосылках, они не являются научными. Подлинно научными в этом отношении оказываются мысли космистов, следовавшего за ними В. И. Вернадского, которые раскрыли объективные социальные, природные основы процесса.

Объективное основание интеграции человека с природой — в необходимости удовлетворения жизненных потребностей человечества, что возможно лишь как последовательная активизация, укрупнение масштабов практико-преобразующей деятельности, которая постепенно превращается в биосферную, планетарную силу. Перемещение масс минерального вещества, открытие новых химических реакций, трансформация рельефа, связанное с возрастающей нагрузкой на ландшафты их преобразование, перестройка естественной гидрографической картины, изменение обменных процессов (энергетических, тепловых и др.), становящееся реальностью управление атмосферой, — все это результаты сознательно реализующей себя силы, имя которой «человек». «Весь объективный мир... — указывал К. Маркс, — отступает здесь на задний план как всего лишь момент, всего лишь исчезающее, все снова и снова создаваемое проявление деятельности общественно производящих людей».¹⁶⁵

Практическая деятельность, труд есть инструмент превращения биосферы в ноосферу, компонент человеческой автоэволюции. Дальнейшее же ее направление — выход в космос и гуманизация космоса, т. е. такое положение дел, при котором история природы уже на деле будет всецело обусловлена историей людей.

Изложенное позволяет сделать вывод, что глобализация человеческой практико-преобразующей деятельности, вызванная этим гуманизация природы обусловят ста-

¹⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. III. С. 276.

441

новление нового типа реальности, характеризующейся взаимопроникновением, единством объективного и субъективного, естественного и искусственного, природного и социально-исторического. Процессы изменения природы человеком и собственно природные процессы изменения сольются в один процесс — изменение социоприродной целостности. Не будет несоциализированной, предшествующей человеческой истории природы, будет «истинная *антропологическая* природа»,¹⁶⁶ представляющая предпосылку и одновременно результат творческой созидательной деятельности человека.

Применительно к вопросам знания это приведет к тому, что анализ природы не сможет противопоставляться анализу различных сторон, аспектов деятельности субъекта: потребуются систематически, целенаправленно развиваемая теория гуманизации, очеловечения природы. Эта тенденция уже пробивает себе дорогу в современной науке.

Принципиальные отличия современной (неклассической) науки от классической связаны с радикальным разрушением

пропитывающего классическую науку духа созерцательности, умозрительности, абстрактной теоретичности, с конституированием в пределах неклассической науки, ведущей начало с рубежа XIX-XX вв., активно-практического, деятельностного начала.

Деятельностный подход в виде установки не на репродукцию заданных структур, а на преобразование внешней человеку действительности, конечно же, не является чем-то новым: его утверждение в культуре относится к эпохе Возрождения. Примечательно, однако, что влияние деятельностного подхода, складывающегося в рамках классической фазы новоевропейской культуры как критическое преодоление наследия культуры средневековой, лишенной направленности на широко понятый «социальный активизм», распространялось на область социально-политической жизни, не затрагивая науки. Последним, собственно, объясняется такая черта классической науки, как

¹⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 596.

442

«антидеятельностная антисубъективность», заключающаяся в сознательном, прямолинейном исключении из контекста исследования, изложения, обоснования результатов субъективной деятельности. На стадии неклассической науки субъект, его поисково-изыскательная деятельность оказываются имманентно вплетенными в саму ткань науки — постановку, описание, анализ исследуемых вопросов.

Учитывая эти тенденции, можно заключить, — совокупность процессов в объективной реальности сможет адекватно осмысливаться лишь в границах нового понимания роли, места в ней человеческой деятельности. Ядро этого понимания составит признание того, что процессы объективной реальности как таковые — своеобразный симбиоз природы (естественно-исторического субстрата, «тела») с деятельностью (человеческим, социально-гуманистическим фактором), подлинная основа будущего мира — не «чистая» природа, а природа, вовлеченная в деятельность, причем деятельность проявляет себя как образующе-преобразующая, формирующая природу сила. Прогнозируемая ситуация заставляет говорить о необходимости выявлять сущность связей деятельности с природой как в частностях, так и в целом, что, собственно, составит непосредственный предмет исследования науки будущего.

Анализ методических оснований науки будущего начнем с комплексности, под которой понимается как стирание граней и перегородок между традиционно обособленными естественными, общественными, техническими науками, так и усиление центростремительных процессов внутри науки, находящихся воплощение в междисциплинарности, унитарности, единстве, взаимосвязях, взаимопроникновениях, взаимодействиях между различными научными подразделениями, получившими наименование «научная дисциплина». Развитие тенденции к комплексности, утверждению которой в современной науке обязаны возникновением общая теория систем и эргономика, системотехника и дизайн, теория автоматов, экология и др., детерминировано невозможностью позитивного раз-

443

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

решения стоящих перед наукой проблем без привлечения ресурсов других отраслей знания, без создания совместной исследовательской организации. Практика кооперирования исследований, естественно, обусловит появление новых эпистемологических стандартов, идеалов деятельности, характерной особенностью которых, как нетрудно предугадать, будет то, что они обяжут ученых не замыкаться в какой-то узкопрофессиональной роли. В связи с этим повысится роль генерализующей рефлексии как инструмента задания единства эвристических основ нового комплексно-системного типа научной деятельности. Теоретическая фиксация гуманизации природы выразится во множестве координированных, опирающихся одно на другое описаний многообразных сторон, граней соционатурного комплекса. Взятые в совокупности, они составят панораму переплетения природных и социальных, естественных и искусственных структур в структурах человеческой практико-преобразующей деятельности, ответственной за становление нового типа синтетической человеко-природной реальности.

Специфика этих описаний видится в симультанности — синтетичности, полифункциональности, динамичности фиксаций сущностных определений объекта. Гносеологическими особенностями проявления комплексности будут «неклассические» формы познавательной деятельности, как-то: 1) многообразие и в то же время единство профессиональных ролей исследователей, снабжающих мышление внутренней диалогичностью, рефлексивностью, необходимостью вставать в позиции участников кооперации, что разрушит традиционную для «классической» науки монотеоретичность, сотрет грани между исследованием и проектированием, собственно получением знаний и их использованием, знанием и деятельностью; 2) отсутствие проблемы интерпретации результатов — их адекватность практическим инженерно-техническим требованиям явится исходным в теоретической работе, будет проистекать из неведомого «классической» науке единства

444

исследовательской, проектировочной, практико-преобразующей деятельности.

Методологические особенности науки будущего определяются, в частности, тем, что грядущее знание будет знанием не просто о внешнем, обособленном, отстраненном от человека предмете, а о законах конструктивно-созидательного освоения — потребления, рекреации — предмета в деятельности. Это будет, следовательно, в полном смысле слова наука о ресурсах человека, принципах реализации его сущностных сил в ходе гуманизации реальности, процессе практического созидания предметного мира. Это будет наука о деятельностном, активном начале в человеке, процессе его самоутверждения, понятом как последовательная практико-преобразующая переработка природы согласно целям, помыслам, идеям, интенциям. Это будет наука о мире искусственных вещей, сознательных процессов, произвольных действий. Это будет синтетическая наука, где фундаментальное исследование и внедрение его результатов, теоретическое постижение и

практическое действие сплавятся воедино; где не будет предпосылок обособления естественных, общественных, технических наук. Это будет наука о целесообразном совершенствовании «урегулированности и порядка» гуманизированной реальности для дальнейшего упрочения в мире позиций человека как венца эволюции, как непрестанно, устойчиво прогрессирующего рода.

Становление науки будущего связано с осуществлением революции, охватывающей как духовную, так и материально-производительную сферы и заключающейся в радикальном преобразовании системы ценностей, фундамирующих взаимоотношения человека с природой. Чтобы лучше понять существо этого преобразования, сопоставим содержание грядущей революции с ранее пережитой человечеством однопорядковой революцией, вызванной переходом от палеолита к неолиту.

Переход человечества от палеолита к неолиту, заложивший материальные предпосылки прогресса культуры, знаменовал прежде всего революцию в отношениях

445

человека к природе. Новизна здесь определялась культивацией природопотребительских форм народнохозяйственной практики (прогресс скотоводства, земледелия, ремесел как инструментов обеспечения «потребительского» жизненного цикла человечества) и соответствующих им форм мышления.

Потенциальный же переход человечества от современности, максимизирующей принципы неолитической революции, к идущей на смену ей фазе цивилизации принципиально отличается от предыдущего. Суть отличия — в направленности будущей революции, пафос которой — в утверждении новых форм человеческой практики и идеологии. Последние разовьются на базе: а) формирования новых субъектно-объектных взаимосвязей, характеризующихся разрушением «потребительского» и утверждением производительного, творчески-созидательного отношения человека к природе; б) принятия норм, идеалов, ценностей, характеризующихся специфическими критериями эквзаимодействия и экокоммуникации.

Последствия упрочения нетрадиционной ценностной эвристики, по-видимому, будут состоять в том, что:

— наука переориентируется на выполнение качественно новых функций: функций задания эко-гармонии, сбалансированного управления человеком созданной и создаваемой им действительности;

— сформируется новый тип познавательных отношений; если классической науке был свойствен объектный тип рефлексии с четким выделением в познавательной ситуации объекта и субъекта, то науке будущего будет присущ целостно-организмический тип рефлексии, где объект не противостоит субъекту как самостоятельная инстанция, ибо изначально встроен — как аспект предметности — в субъективную деятельность, которая реализует себя одновременно и как познание, и как проектирование, и как полагание, и как преобразование объекта;

446

— будет иметь место превалирование прогностически-

регулятивных функций науки над аналитико-объяснительными, что явится результатом экологизации знания, фундаментализации нормативных и селективных векторов человеческой деятельности, осуществляющих контроль за процессами объективации знания, реставрации, перестройки на его основе структур человеко-природной среды;

— возникнут новые типы логической организации знания; ими будут не традиционные теории, а нечто большее: некие ассоциативные формы теорий (включающих, как бы сказали сейчас, значительные фрагменты картины мира) и теоретизации, соответствующие комплексному стилю сознания, а также самосознания грядущей науки;

— изменится статус исследовательской деятельности: будучи системной, она будет слагаться не только из элементов собственно исследовательской, но и управленческой, информационной, проектировочной, а также технико-производственной; единицей науки будет не исследующий индивид, а исследовательская ассоциация производителей знания, наделенных одновременно и познавательными, и материально-производительными функциями.

Итак, наука будущего — наука о непосредственном конструировании и реконструировании компонентов бытия в человеческой деятельности. Такое теоретическое образование, которое основано на дисциплинарном и междисциплинарном синтезе научных отраслей. Его сердцевину представляет учение о целеполагающей продуктивно-преобразовательной способности человека как инструмента рационально-теоретического и производственно-практического освоения действительности. Наука будущего — «организм», система единого знания, внутри которого затруднительно провести демаркации между образующими его элементами, подсистемами.

447

4.2 Статус науки

4.2.1 Понятие науки

В традиционной лексике под «наукой» подразумевают: знание, деятельность, социальный институт, академическую систему, научно-техническую революцию. В обратной последовательности охарактеризуем существо каждого из обозначенных смыслов.

Научно-техническая революция. НТР — мощное социальное движение, связанное с коренным преобразованием природы производительной деятельности на основе повсеместного вытеснения живого труда, рационализации, интеллектуализации жизни за счет превращения силы знания в непосредственную, а во многом решающую технологическую силу.

Точка отсчета процесса — 50-е годы нашего века, когда острые общественные потребности конституировали упрочение эффективного энергоемкого машинного производства, функционирующего в ритме перманентной утилизации знания. До этого момента в точном смысле слова наука как сфера социальной занятости действовала обособленно, целенаправленно, не замыкаясь на интересы индустрии, не удовлетворяя ее заказы, запросы.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Было бы ошибочным отрицать наличие прикладной интенции науки в предшествующие эпохи цивилизации, однако, не покушаясь на правду, правильно зафиксировать: в предыдущие периоды человеческой истории указанная интенция существовала как бы в анаэробном состоянии, проявлялась несистемно, спорадически, и только к отмеченному рубежу, набрав подобающую силу, обнажила себя демонстративно, подчинила контролю знания трудовой процесс, созидание богатства, социальную практику, жизнесферу, вершение истории. Это и предопределяет обоснованность датирования началом второй половины XX столетия той многозначительной общемировой тенденции перехода на интенсивный тип развития посредством рационально санкционированной индустриализации и социальной модернизации, активной иннова-

448

ционной политики, которая именуется научно-технической революцией.

Наука как академическая система. Самодействующая эшелонированная организация, представляющая множество социально поддерживаемых структур, специализирующихся на получении объективного общественно полезного знания.

Данная организация многоканальна, многопрофильна, каждому ее измерению соответствует специфическое содержание, наполнение. Социальная плоскость — сеть исследовательских, образовательных, просветительских, вспомогательных учреждений, ориентированных на умножение и воспроизведение всех совокупности атрибутивных науке отношений. Последнему служит развернутый, целесообразный механизм сохранения и наращивания поисковой, опытной, технической, кадровой базы науки. Познавательная плоскость — всеобщий мыслительный труд, жаждающий на триединстве генерации, трансляции и ассимиляции знания. Сообразно этому обособливаются амплуа, частичные роли деятелей науки. Среда ученых неоднородна; в ней выделяются разработчики, знатоки, педагоги, усилия которых скреплены одним — стимулированием содержательного роста человечества посредством расширения и углубления совокупного знания. Психологическая плоскость — непрерывность и экспансивность научных циклов гарантирована бесперебойностью, отлаженностью инструментов подключения к научной среде, рекрутированием и ротированием кадров.

Организация науки, весьма динамичная сама по себе, варьируется в истории. Наиболее архаичный (вместе с тем не «несовершенный») тип научных объединений — мастерская, школа, воплощающая разные виды ценностных установок от «делай, как я», — передача и закрепление творческой манеры маэстро (продолжение учителя в учениках); через «делай, как они», — приобщение к классическим образцам; до «делай, как можешь», — раскрепощенность, простор самореализации, отказ от табуации, свобода поиска. Таковы платоновская Академия, аристо-

449

телевский Ликей, Луккская, Пизанская, Сиенская школы живописи, Болонская юридическая школа, Салернская медицинская школа и т. д.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

С конца XII — начала XIII вв. организация науки вступает в новый этап — фазу высшей школы. Учреждение первого европейского университета, вышедшего из Болонской школы, придало сильный импульс качественной перестройке исследования и образования, выразившейся в университетизации: возникают Парижский, Оксфордский, Кембриджский, Неапольский, Палермский, Салернский университеты.

С XVI — первой половины XVII вв. складываются вольные сообщества, клубы. Получивший легитимизацию образовательный сектор науки дополняется легитимизацией исследовательского сектора. Со второй половины XVII в. образуются национальные академии. Непосредственная их предтеча — флорентийская Академия опытов (1657—1667) провозглашала принципы коллективных исследований (описание проведенных в ней экспериментов обезличено — не включало указаний на авторство), положила начало научно-изыскательской кооперации. В 1662 г. — основано Лондонское Королевское общество, в 1666 г. — Парижская Академия наук, в 1700 г. — Берлинская, в 1724 г. — Петербургская, в 1739 г. — Стокгольмская Академии. Параллельно возникают государственные обсерватории: 1672 г. — Париж, 1675 г. — Гринвич. Снаряжаются, экипируются научные экспедиции: первые — астрономические Кайеннская (1671—1673), Перуанская (1735-1743.), Лапландская (1735-1737).

Развиваются формы научной коммуникации, ответственные за циркуляцию идеи: налаживается выпуск журналов, записок, альманахов. В 1751 г. появляется «Энциклопедия наук, искусств и ремесел», итожащая развитие науки и техники того времени.

Вторая половина XVIII в. — очередная веха трансформации системы науки, означавшая складывание специализированных научных и учебных заведений. Упомянем Парижское (1747) и Петербургское (1773) Горные училища, Королевское общество агрикультуры (Париж 1761 г.). Горную

450

академию (Фрейберг, 1765 г.). Стимулированное Монжем открытие Парижской политехнической школы закрепляет разделение науки на фундаментальную и прикладную.

С середины XIX — начала XX вв. разворачивается проблемно-прикладная организация разработок: отраслевые и межотраслевые центры, междисциплинарные группы, специализированные и комплексные программы. Оформление отраслевой науки венчает ее структурную дифференциацию.

Наука как социальный институт. Институциональная трактовка науки синтезирует нормы и организацию, социологические и аксиологические измерения научных занятий: наука — социальная инфраструктура, крепящаяся на воплощении политико-юридических, граждански-нравственных, когнитивно-методологических императивов. Эта трактовка проясняет характер внутренней регуляции в столь однородной, обособленной системе, как производство знания. Компонентами науки, взятой в данном ракурсе, выступают: объективное (социализированное) и субъективное (персональное) знание; гносеологический (когнитивные правила), моральный (этические нормы),

нравственный (высокие убеждения) кодекс (этнос), резюмирующий ценности и консолидирующий ученых в относительно замкнутую, непроницаемую для непосвященных цеховую группу, профессиональную страту с цельными интересами; ресурсы; финансы; инструментарий; получение и повышение квалификации; коммуникация с интерференцией уровней управления и самоуправления, инстанций, социальной инженерии и живого общения; авторитета и неформального лидерства; властной организации и межличностного контакта; корпорации и сообщества.

Наука как деятельность. Выступает в двух ипостасях — социологической и когнитивной. Первая фиксирует ролевые функции, совпадающие со стандартными обязанностями, полномочиями, призваниями субъектов в рамках науки как академической системы и социального института. Вторая отображает порождающие процессы — творческие процедуры (эмпирического и теоретического уровня), позволяющие созидать (расширять, углублять)

451

знание. Особенности научной деятельности, рассмотренной синкретически, являются:

— универсальность: продуктивные акты не частичны, индуцируясь предметными связями, протекают как общекультурная кооперация современников и предшественников;

— уникальность: инновационные процедуры расширяющего синтеза неповторимы, представляя естественный финал «контекста открытия», исключительны, невозпроизводимы: мысль рождается не из мысли, а из мотивированной сферы: творчество, воображение не имеют правил, они содержат лишь намеки истории;

— нестоимостная производительность: творческим действиям не удастся приписать стоимостных эквивалентов;

— персонифицированность: свободное духовное производство всегда лично; созидательные приемы индивидуальны; «коллективная личность» в науке возникает в весьма рутинных контекстах обоснования и удостоверения;

— дисциплинированность: гражданский этос регулирует науку как социальный институт, гносеологический этос (кодифицированные методологические и уставные нормы) регулирует науку как исследование;

— демократизм: защита критики и свободы мысли;

— коммунальность: творчество есть сотворчество, знание кристаллизуется в разнообразных контекстах общения, смыслополагания (партнерство, диалог, дискуссия), ориентированных на достойное равноценно-равноправное сознание. Сферу «республики ученых» составляют всяческие «невидимые коллегии», салоны, ложи, ассоциации, лаборатории, кафедры, редакции, прочие реализующие регламент непринужденного обмена знаниями малые и большие формы.

452

Наука как знание. Развернутая ассоциация эмпирических и теоретических, фундаментальных и прикладных, дисциплинарных и доктринальных, формальных и содержательных, строгих и нестрогих, описательных и объяснительных, качественных и

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

количественных познавательных единиц, нацеленных на раскрытие объективных законов. Будучи руководящим мотивом интеллектуальных занятий, законы играют роль матрицы, энтелихии исследований, позволяющей расценивать науку как разновидность не инструментальной, а субстанциальной идеологии. Они же (законы) предопределяют пропитанность науки единосущной спланированной целью, сообщают ей своеобразную финальность. Последняя обеспечивает замкнутость, внутреннюю органичность науки и вместе с тем выделенность ее в культуре: ни один отсек духовного производства не функционирует как ориентированный на выявление закона дискурс.

Основанное на едином способе мышления универсальное значение науки, однако, проблематизируется аргументом к ее гетерогенности: обыгрывается преходящность результатов, разнозначность семантических и технических достижений, историческая и содержательная расщепленность фигур деятельности и т. д. Суммирование доводов позволяет выделить два русла критики гносеологической консолидированности науки: в одном гипертрофируются диахронические, в другом синхронические особенности, определенности знания. В первом случае сталкиваются единицы прошлой и наличной науки; во втором случае противопоставляются типы образующих науку знаний. Уделим этой теме более пристальное внимание.

4.2.2 Корпус науки

Несомненно, наука представляет весьма динамичное образование как с точки зрения включаемого в нее знания, так и с точки зрения поисковой деятельности, нацеленной на его производство. Эпистемологическая оценка реализованных в науке знания и деятельности свидетельствует: и научное знание, и научная деятельность оказы-

453
ваются во многих отношениях различными, а часто противоположными и несравнимыми с генетически предшествующими им формами. Возникает вопрос об «онтологических» свойствах науки: насколько она внутренне целостна, однородна?

Наука с точки зрения образующего ее знания не выступает гомогенной целостностью. Это проявляется в двух отношениях.

Во-первых, наука включает альтернативные и остро-конкурирующие теории, которые не представляются содержательно совместимыми. Подобная несовместимость, однако, не является существенной для анализа, т. к. может быть преодолена путем синтеза альтернативных теорий. Так, противоречие корпускулярной и волновой теориями света в классической физике снимается квантовой физикой, исходящей из корпускулярно-волновой дополнителности.

Во-вторых, наука представляет своеобразный конгломерат научного и ненаучного знания. Дело в том, что наука включает в качестве составной части собственную историю, в которой обнаруживаются такие знания, которые не только содержательно, но и гносеологически альтернативны друг другу.

В этом смысле несовместимость «ненаучного предшествующего» и «научного последующего» знания оказывается фундаментальной. Речь в данном случае идет не о различии исследовательских программ изучения явлений внутри науки, а о различии теоретико-познавательных стандартов такого изучения, многие из которых нередко рассматриваются по отношению к самой науке как внешние. Такова, к примеру, фундаментальная несовместимость перипатетической и классической механики, где под фундаментальной несовместимостью понимается несовместимость стратегий творческой работы, несовместимость ценностных платформ — всех критических, рефлексивных, мировоззренческих и других оснований, конституирующих понятие науки, идеала, смысла научности как таковой.

454

Факт гносеологической несовместимости определенных типов входящих в науку знаний является существенным. На его основе формулируется затрудняющая истолкование науки как целого антиномия: с одной стороны, наука не может совпадать с реализованным в ее истории «ненаучным» знанием, с другой стороны, наука как нечто единое не может не включать исторически реализованного в ее пределах «ненаучного» знания. Недвусмысленным образом антиномию зафиксировал Т. Кун, который писал: чем более глубоко изучается «аристотелевская динамика или химия и термодинамика эпохи флогистонной теории, тем более отчетливо чувствуется, что эти некогда общепринятые концепции природы не были в целом ни менее научными, ни более субъективистскими, чем сложившиеся в настоящее время. Если эти устаревшие концепции следует называть мифами, то оказывается, что источником последних могут быть те же самые методы, а причины их существования оказываются такими же, как и те, с помощью которых в наши дни достигается научное знание. Если, с другой стороны, их следует называть научными, тогда оказывается, что наука включала в себя элементы концепций, совершенно несовместимых с теми, которые она содержит в настоящее время».¹⁶⁷

Каким образом может быть преодолена данная антиномия? — составляет большой гносеологический вопрос.

В качестве наиболее близкого его решения обнаруживается такой логически возможный вариант. Он сводится к противопоставлению прошлой и настоящей науки, объявляя некогда сформулированное и впоследствии подвергнутое фальсификации знание ненаучным. Наука по сути дела отождествляется в нем с адекватным, строгим и обоснованным знанием, или приравнивается соответственно только «правильной» своей части, выявляемой *post festum*.

Концепция науки, созданная в рамках таких представлений, страдает, однако, весьма существенным пороком максимализма, приводящим к некритическому сужению преде-

¹⁶⁷ Кун Т. *Структура научных революций*. М., 1975. С. 18.

455

лов науки, явно не оправдываемому ее реальностью. Поскольку фонд науки был бы неоправданно обеднен в случае элиминации из

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

него проблематичного, гипотетического, «неразрешенного», необоснованного знания, вхождение последнего в науку должно быть признано неоспоримым. Но в этом случае нет гарантий, что наука «переднего края» (как и наука вообще) не содержит фикций. По этой причине неясно, какая часть науки может рассматриваться как «правильная», по каким основаниям она может обособливаться и т. п. Все это справедливо расценивать в качестве *argumentum primum* против рассматриваемого подхода.

Вместе с тем ясно: неопределенность «что связывать и относить к науке» в связи со сказанным не только не утрачивается, но возрастает. Чтобы ее снять, выясним соображения, по которым наука идентифицируется с безусловно истинным и строгим знанием. Такие соображения хорошо известны. Они связаны с развитой в классической эпистемологии, под которой понимается характерная концепция научного знания, реализовавшаяся как доминирующая тенденция от Аристотеля до Гуссерля, моделью идеального знания. Последняя вбирала совершенные признаки науки, начиная с всеобщности (количество), отчетливости (качество), истинности (отношение), достоверности (модальность) и кончая дополняющими их аподиктичностью, очевидностью, интересобъективностью и т. д.

Эта идеализирующая интерпретация, толкующая науку как знание вполне адекватное, лишенное изъянов, пробелов, непоследовательностей, очевидно, имеет свои резоны. Наделение науки адекватностью предоставляет возможность выделять сферу научного знания из сферы ненаучного незнания (субъективная видимость, предвзятость, произвольное конструирование), а *primum* не имеющей интенции на истинность, объективность, достоверность и т. п. В то же время, поскольку адекватность не специфична для науки (истину включают донаучные практически-обыденные знания, мнения, догадки и т. п.), демаркация между наукой и ненаукой проводится по основанию достаточной обоснованности: научное знание в отличие от нена-

456

учного включает логически обоснованную, систематически выведенную, а потому отчетливо данную, всеобщую, аподиктичную истину.

В идеале на высокоабстрактном теоретико-познавательном уровне рассмотрения специфика оснований научности знания действительно выражается всеми этими признаками. Каждый из них необходим, но не достаточен, чтобы конституировать *differentia specifica* науки. И только одновременная их реализация в пределах известного результата познания с необходимостью и достаточностью определяет его научность. Однако одно дело идеальное рассмотрение, оперирующее абстрактным образом, логической конструкцией, «чистым» теоретическим понятием науки, и совсем иное дело находящаяся в действительности наука. Идентификация науки с всеобщим и аподиктически достоверным знанием может быть признана состоятельной лишь в том случае, если будет показано, что существующая в реальности наука *de facto* с таковым совпадает. Относительно этого с однозначностью можно сказать: задача согласовать абстрактное гносеологическое

представление о науке (относящееся к миру должного) с тем положением дел, какое обнаруживалось в существующей в действительности науке (мир сущего), оказалась неразрешимой для классической эпистемологии. Выработанный в ее лоне стереотип научности при сопоставлении его с реальной наукой оказывался несостоятельным как минимум в двух отношениях.

Первое связано с решением вопроса принадлежности гипотетического знания к науке. Классическая точка зрения не оставляла сомнений: то, что не удовлетворяет указанным выше критериям, а значит, гипотетическое знание должно элиминироваться из науки.¹⁶⁸

¹⁶⁸ *Как представляется, такая позиция во многом обуславливалась смешением или, во всяком случае, неразведением в рамках классической методологии двух планов: субъективного плана оценки знания как гипотетического, что характеризует индивидуальную убежденность в чем-то, и объективного плана развития науки посредством гипотез, что характеризует, как было в дальнейшем показано, универсальную тенденцию развития теоретической («мыслящей») науки.*

457

Предельно четким образом это убеждение выразил Кант, который писал: «все, что имеет хотя бы малейшее сходство с гипотезой, есть запрещенный товар, который не может быть допущен в продажу, а должен быть изъят тотчас же после обнаружения».¹⁶⁹ Установка на элиминацию гипотетического знания фактически лишала науку характера синтетичности, поскольку на звание подлинно достоверных, всеобщих и аподиктических положений могли претендовать лишь тривиальные тавтологии. Поэтому оценка сферы гипотетического как неподлинного потребовала от классической эпистемологии соединения двух трудносоединимых, но одинаково необходимых атрибутов науки — синтетичность с всеобщностью и аподиктичностью. Разрешить эту проблему, как известно, пытался Кант.

Суть кантианского решения заключалась в допущении априорных чувственных (пространство и время) и рассудочных (категории) форм, которые наряду со схемой времени и чистой трансцендентальной апперцепцией обеспечивали возможность синтетических всеобщих и аподиктических суждений. Философия Канта, таким образом, снимала крайности односторонних эмпиризма, который не мог представить приемлемой концепции всеобщности и аподиктичности, и рационализма, традиционно не решавшего проблемы синтетичности знания, и претендовала на роль единственно последовательной философии, выступающей методологическим базисом и средством адекватного обоснования науки. Очень скоро, однако, она обнаружила свою несостоятельность. Крайне несостоятельным, в частности, оказался кантианский априористский способ обоснования теоретического знания, основу которого составляли исторически ограниченные образы науки, принятые в культуре его времени, но вовсе не специфичные для науки как таковой. Подтвердим это соответствующими аргументами.

¹⁶⁹ Кант И. Соч. Т. 3. С. 77.

458

Отказ от теории абсолютного пространства и времени классической физики как теории эмпирически необоснованной и становление идей релятивистской физики; открытие неевклидовых геометрий и доказательство их непротиворечивости; обоснование возможности аксиоматической организации геометрического и физического знания, — эти и многие другие события, имевшие фундаментальный революционный характер, продемонстрировали ограниченность, относительность классических представлений. Они прямо свидетельствовали о несостоятельности кантова философского обоснования знания, построенного на обобщении классической науки. Вместе с тем они расшатывали общепринятый классический стереотип научности с его теорией всеобщего и аподиктически достоверного знания. Таким образом, именно реальные процессы в науке, убедительно показавшие развиваемый, уточняемый, совершенствуемый характер знания, не только приводили к необходимости отказаться от неадекватных представлений классической методологии о неподлинности гипотетического знания, но и заставили рассматривать всякое научное знание как относительно обоснованное, гипотетическое. Показательна в этом отношении методологическая теоретизация науки, осуществленная Гуссерлем. Ее можно расценивать как ослабленный вариант классической доктрины науки. Являясь очевидцем описанных революционных процессов в науке и будучи не в состоянии их игнорировать, Гуссерль выносит всеобщее и аподиктически достоверное знание в трансцендентное идеальное царство истин, а знание реальной науки объявляет «аподиктически вероятным».

Второе обстоятельство, которое можно рассматривать как свидетельство против классической концепции знания, связано с чрезмерной логизацией науки. Классический взгляд связывал саму возможность всеобщего и аподиктического знания с фактом его логической организованности. В этом смысле методологическая теория такого рода знания (наукоучение) понималась как специальный раздел логики, изучающий особенности контекста обоснова-

459

ния. В явной и весьма прозрачной форме это убеждение выразил Больцано, согласно которому наукоучение есть способ анализа правил изложения знания (научных истин) в основных теоретических курсах — учебниках науки.¹⁷⁰ В итоге за бортом исследования оказалась субъективная деятельность по производству знания с ее социокультурной, психологической, ценностной детерминацией. В рамках методологического сознания наука превращалась в разновидность бессубъектного ассоциального предприятия, порождающего надличное знание.

Особую роль контекста обоснования в свое время подчеркивал Платон, разграничивая факт открытия и факт изложения знания. Он различал «написанную науку» — «дидактическую экспозицию истин, уже известных» и «понятие научных истин» — «прямой продукт нашего дара интуиции».¹⁷¹ Развернутую же теорию, вычленяющую методологические функции, сущность контекста

обоснования, представил Лейбниц. Хотя наука, согласно Лейбницу, безусловно, складывается из открытий, она тем не менее не сводится к их сумме, ибо открытие по своей природе — частный индивидуально-психологический акт, тогда как наука всеобща, аподиктична. Факт открытия, отмечал Лейбниц, «явился бы очень важным элементом истории наук, но на нем нельзя было бы построить системы». ¹⁷² Всеобщий, аподиктический статус науки, по Лейбницу, обусловлен своеобразной структурированностью оформленного в текстах познания, которая заключается в принципах его изложения. Последнее подчинено причинно-следственной схематике развертывания содержания от посылок к заключениям по закону достаточного основания, что и конституирует последовательно обоснованный, логически оправ-

¹⁷⁰ См.: Bolzano B. *Wissenschaftslehre. Bd. I. Sulzbach, 1837. S. 15*

¹⁷¹ Dresden A. *Brouwer's Contribution to the Foundations of Mathematics // Bulletin of American Mathematical Society. V. XXX. 1924. P. 34-35.*

¹⁷² Лейбниц Г. *Новые опыты о человеческом разуме. М., 1936. С. 366.*

460

данный, а по этой причине — систематически связанный, общезначимый стиль движения от одного доказательного результата к другому без побочной истории открытий.

Завершая изложение этих взглядов, стоит указать на аналогичную позицию по данному вопросу неопозитивистов, настаивавших: «эпистемология занята конструированием только контекста подтверждения», ¹⁷³ а не открытия.

Разумеется, анализ контекста обоснования сам по себе предосудительным не является. Реально он составляет одну из необходимых сторон методологической деятельности, связанной с выяснением способов удостоверения содержания науки. Теория науки (контекст обоснования) действительно бесследно утрачивает историю (контекст открытия), так как текстовая форма (в смысле — теоретический курс науки) изложения научных идей включает лишь логический — объективно обоснованный, а не деятельностный — субъективно и исторически заданный способ операций с ними. Теоретическое изложение наук действительно отлично от исторических подробностей их фактического становления, потому что основано не на интуитивно-ассоциативной, а на логически-дискурсивной базе.

Скажем, курс по общей теории относительности при исследовании проблемы ее подтверждения, в частности, при анализе соответствия между выводимым из теории численным значением угла отклонения электромагнитных волн Солнцем и результатами эксперимента вовсе не предусматривает экскурсы в историю поиска этой величины. В противном случае пришлось бы долго, а главное — неизвестно для чего, разъяснять, почему в 1801 г. И. Зольднер «получил на основании механистической корпускулярной теории значение угла отклонения, составляющее половину от правильного» ¹⁷⁴, почему Эйнштейн пришел к такому же значению в 1915 г. и почему в 1916 г. уравнения гравитационного поля, записанные уже в корректном виде,

¹⁷³ Reichenbach H. *Experience and Prediction. Chicago, 1961. P. 6-7.*

¹⁷⁴ Шмутцер Э. *Теория относительности. М., 1981. С. 147.*

461

позволили ему прийти к верному значению угла отклонения луча $Ax = 1,75''$.

Очевидно, ничего подобного интенсивный теоретический курс науки не содержит. Способ рассуждений в теории оставляет историю для лирических отступлений и примечаний. Теоретик науки не может быть историком науки непосредственно в ходе теоретизирования: историк читает «частную корреспонденцию ученого, чьи идеи он изучает», распутывает «эвристические соображения», которые «последний использовал для того, чтобы подойти к новой теории»¹⁷⁵ и т. п.; теоретик же занят анализом, так сказать, имперсональных содержательных отношений, составляющих «тело» общезначимого знания.

Между тем необходимо отдавать отчет, что вышесказанное не подтверждает справедливости методологической логизации науки, впервые осуществленной в рамках классического рассмотрения. Указывая на определенную фундаментальность контекста обоснования и исходя из важности и несомненной значимости его исследования, следует подчеркнуть, что ни сама наука, ни ее методологическая рефлексия не сводятся и не могут сводиться лишь к этой стороне дела. В этом смысле ни классическая точка зрения, ни точка зрения неопозитивизма, некритически ее продолжившего, состоятельными не являются.

Современный уровень адекватной интерпретации проблемы характеризуется отказом от узкологической экспликации природы науки. Как было показано в ходе интенсивного изучения науки в особенности в последние годы, ее методологическая теория не может представлять всеобъемлющего внеисторического, а значит, не опирающегося на некую социокультурную реальность, описания знания на базе «универсальных» логических норм, зафиксированных *sub specie aeternitatis*. В качестве оснований этого целесообразно по крайней мере указать на два.

¹⁷⁵ Zahar E. *Why did Einstein's Programme Supersede Lorentz's?// British Journal for the Philosophy of Science. 1973. V. 24. № 2. P. 104.*

462

1. Экспликация научных процедур (объяснение, описание, обоснование, понимание и т. д.), реализующихся в контексте допущений об объективной и субъективной реальности (картины мира), невозможна без учета их содержательной специфики. Учет же последней заставляет обращаться к исследованию семантических структур сознания ученого — непосредственного производителя знания. По этой причине наука не может рассматриваться как надеждательностное внеисторическое образование. Она может рассматриваться только как такое образование, которое связано с определенным культурно детерминированным типом субъективной деятельности, имеющим аксиологическое, историческое и гуманитарное измерение.

2. Интерпретация науки вырабатывается благодаря введению критериев научности. В обосновании же и введении этих критериев невозможно игнорировать факт их зависимости от различных сфер и этапов познания, кристаллизующих само представление о науке. Однако данное обстоятельство требует исходить из широкой социокультурной реальности, в которой производится и функционирует знание, что не может не раздвигать предметные

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

границы классического гносеологического рассмотрения, обязывая его осуществлять систематизацию и унификацию процедур, имманентных не только контексту логического оправдания (ставшее знание), но и контекстам открытия, выбора, признания и т. д. (становящееся знание).

Отсюда вытекают те следствия принципиального порядка, которые дискредитируют классическое истолкование науки как свода «совершенного» знания.

Наметим пути решения обсуждаемой проблемы. «Научность», фиксирующую основополагающие признаки

463

науки, следует связывать со способом удостоверения истины для субъекта, а именно: удостоверения согласно канонам рациональности, принятым в такой сфере духовного производства, как наука. К числу подобных канонов относятся доказательность, аргументированность, обоснованность, непротиворечивость, статистичность, воспроизводимость, естественность, причинно-следственная связность и т. п. Поэтому, наука содержит лишь достоверяемую научными средствами истину. Однако истина категория не неизменная, не метафизическая: как завершенное состояние, а не как процесс она в познании не дана. Истина, как и формы ее удостоверения (обоснование, доказательство), — динамичны, они меняются от эпохи к эпохе. Что однажды считалось истинным, затем уточняется, модифицируется, а порой и отбрасывается. Достаточно указать на принятые в науке, а впоследствии фальсифицированные теории теплорода, флогистона, эфира и т. д. Также уточняются, модифицируются, выбраковываются формы удостоверения — инструменты обоснования, доказательства. Можно вспомнить неприятие (ограничение) апагогического доказательства, доказательства по неполной индукции через простое перечисление и т. п.

Как быть с этим? Как быть с продуктами познания, которые отвечают условию научности по их генезису (они получены в пределах научной деятельности), но которые, подвергшись в ходе прогресса науки критике, выбраковке, не соответствуют науке по их реальному статусу? Включать ли их в науку?

Наша позиция такова: реализованные в истории науки оперативные конструкции, модели, построения, которые фигурировали как истины (истина ведь категория не метафизическая), удостоверенные стандартами науки, следует включать в науку. С этих позиций теории теплорода, флогистона, эфира, а также некогда применяемые, но не используемые в актуальной науке обоснования, доказательства, — наука.

Однако, если все это наука, как быть с истинным и необходимо обоснованным? Не вызывает ли зачисление в

464

науку фикций деформации понятия науки: не слишком ли расширяются ее пределы, раздвигаются границы?

Поскольку пуризм относительно прошлого науки ведет к пуризму относительно ее настоящего, усиливая неясность, что оставлять в науке, где устанавливать ей предел, выход состоит в проведении максимально гибкой линии, моделирующей науку как онтологически многоотсечную, рационально-многоотсечную

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

структуру, не лишенную отступлений от идеализирующих ее пониманий.

На наш взгляд, «онтологию» науки образуют «наука переднего края», «твердое ядро науки», «история науки».

Наука переднего края наряду с истинным включает неистинные (что выясняется *post factum*), но полученные научными средствами результаты. Скажем, вряд ли можно усомниться, что концепция кварков — научная. Вместе с тем, ясно, что многие ее элементы не войдут в тело грядущей науки. Так, утверждается, что кварк — сущность ненаблюдаемая. В то же время ее наделяют весьма «наблюдаемыми» свойствами «цвета», «запаха», «шарма» и т. д., что в значительной мере противоречиво. Понятно, что последующее развитие физики элементарных частиц внесет существенные коррективы прежде всего за счет точной интерпретации фигурирующих многочисленных нестрогих понятий.

Твердое ядро науки — сегмент, образованный лишь абсорбированным из совокупной науки элементом истинного. Это как бы седиментированная основа, «эвидентный базис» науки, выступающий неким «непроблематизируемым», достоверным пластом знания, кристаллизуемым по ходу прогресса познания.

История науки представляет сегмент, образованный массивом вытесненного за пределы науки, морально устаревшего знания. Этот массив, однако, неправильно квалифицировать как издержку, ибо в противном случае по причине неабсолютного характера человеческого познания рано или поздно в качестве «издержки» предстанет всякая и вся наука. Кроме того, необходимо видеть непреходящую значимость данного фонда: он выступает не-

465

увядаемым заказником идей, — нечто, реализованное в прошлом, может реактивироваться в будущем (идея атомизма, неизменно питавшая познание).

Эффективность различения данных сегментов проявляется в двух отношениях.

Во-первых, оно позволяет зафиксировать отсутствие тождества между областью реального содержания науки и подобластью истинного и необходимо обоснованного ее содержания: не все, что входит в науку, есть истинное и необходимо обоснованное. Наука переднего края содержит невыявленное необоснованное и неистинное, помимо того, что войдет в грядущую науку, она содержит то, что остается вне науки. История науки содержит выявленное необоснованное и неистинное — балласт, не вошедший в твердое ядро из науки переднего края.

Во-вторых, оно делает наглядным тезис онтологической многоярусности науки, что вместе с осознанием особенностей (функции, предназначение) каждой из интегрируемых в науку как целое ее частей делает необходимым описывать и выражать их (а через них — многоликую реальность науки) в суверенных эпистемологических конструкциях — специфических ценностях, нормативах. В науке переднего края центрируются информативность, нетривиальность, эвристичность, одновременно ослабляются, лишаются радикальности требования точности, строгости, обоснованности. Это потому, что предназначение науки

переднего края — варьировать альтернативы, проигрывать возможности, расширять семантический горизонт, продуцировать новое. Если же ко всем компонентам науки с самого начала предъявлять требования точности, строгости, обоснованности, наука стала бы собранием тривиальностей. Информативность и строгая обоснованность в какой-то мере исключают друг друга, — в науке переднего края ложность информативной контрадикции предпочтительнее истинности трюизма. В науке должно быть строго обоснованное. Но не только: в противном случае наука лишилась бы эвристичности. По этой причине в науку должно быть допущено плохо обоснованное — не-

466

достаточно подтвержденное, хорошо опровергаемое, «сумасшедшие идеи» и т. д., которые, однако, не должны исчерпывать науку. Твердое ядро науки управляется ясностью, строгостью, достоверностью, обоснованностью, доказательностью. Задача науки переднего края — генерировать новое. Поэтому она соткана из перипетий искания истины — предчувствий, блужданий, отдельных прорывов к ясности, и, следовательно, располагает минимально достоверным знанием. Задача твердого ядра науки — выступать фактором определенности, играть роль предпосылочного, базисного знания, ориентирующего и корректирующего познавательные акты, поэтому оно состоит из доказательств и обоснований, олицетворяет наиболее устоявшуюся, объективную часть науки: для ее модификаций, критики требуются чрезвычайные основания.

Данная интерпретация хорошо согласуется с идеей Клейна о существовании двух периодов в развитии знания. Один — «неудержимый рост творческой продуктивности» — наука переднего края. Другой — «просеивание и очистка» достигнутых приобретений — твердое ядро науки.

Разумеется, нашу интерпретацию «твердого ядра», как, впрочем, и «переднего края» науки, не следует понимать буквально: ее справедливость сказывается в тенденции. На деле в твердом ядре все-таки мало «идеально-доказательного», разве что небольшое число положений логики и финитной арифметики, которые также проблематизируются — таков, как неоднократно указывалось, закон исключенного третьего и др.

История науки является фрагментом науки, а уж потом — историей. Историко-научную деятельность неправильно понимать как деятельность архивную (археологическую), ограниченную поиском, обработкой, систематизацией фактов, относящихся к прошлому науки. Историко-научная деятельность — прежде всего деятельность ученого; она входит в исследование.

История науки а) стимулирует изыскания (типовые программы поиска — элементаризм, эволюционизм и т.

467

п.); б) содержит развернутую панораму динамики знания, способствует постижению внутринаучных перспектив и возможностей: откуда, как, куда, зачем; в) аккумулируя информацию о путях достижения знания, формах, способах анализа объекта, выполняет охранительные функции — предостерегает, препятствует обращению к тупиковым ходам мысли и идеям.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Всем этим история науки способствует адекватной познавательной реконструкции изучаемого предмета, что и обуславливает ее вхождение в науку в качестве органической части. Как видно, в разных частях науки доминируют разные ценности, нормы.

Твердое ядро науки совместно с историей науки функционируют как инструмент отсева экстравагантностей. Акты выбора идут на основе критерия «согласуемости»: та единица знания (гипотеза, теория) лучше, какая лучше согласуется с «А» базисным знанием твердого ядра и истории науки. Другими словами, если $b \rightarrow T, h$, то $P(T, h/b) = I$. Однако дело не сводится только к этому.

Положение об известной «незыблемости» b и необходимости согласования с ним подключаемого к науке знания обладает мощной эвристической силой. Можно сказать, что апробация на совместимость с b , слагающегося из фундаментальных законов, кандидатов в науку ведет к открытиям.

Так, при обнаружении «утечки» энергии в случае β -распада, Бор выступил с предложением пожертвовать законом сохранения и превращения энергии (для микромира). Идея не прошла именно ввиду фундаментальности этого закона. Более того — опора на закон как элемент базисного знания позволила Паули преодолеть трудность — выдвинуть гипотезу нейтрино. В дальнейшем, как известно, гипотеза Паули подтвердилась. Аналогичный случай представляет факт аномалий движения Урана, который породил попытки ревизовать закон тяготения. Между тем опора на этот закон позволила Лаврье вычислить существование неизвестной планеты, обуславливающей аномалии движения Урана — Нептуна.

468

Наука переднего края руководится иными ценностями, нормативами. Стратегия «твердого ядра науки», передаваемая вышеуказанной формулой, в значительной мере подрывает способность к прогрессу знания. Действительно: чем лучше T, h согласуются с b , тем менее они информативны, эвристичны; прогресс T, h несовместим с высокой их вероятностью относительно b . Напротив, рост содержания T, h ведет к уменьшению вероятности согласованности с b .

Так как наука переднего края — инструмент саморасширения, саморазвития знания, ей свойствен риск, стремление к ревизии устоявшегося, тяга к противоречию с b . Поэтому здесь действует иная логика оценки T, h : принимается в расчет уже не мера подтверждения, а «информативная сила», «нетривиальность» T, h . Поскольку информативность находится в обратной зависимости к максимальной вероятности T, h относительно b , внутренние достоинства T, h оцениваются по формулам: 1) степени рискованности T, h относительно b : $S(T, h/b) = -\log P(T, h/b)$, (где $S(T, h/b)$ — степень рискованности); 2) степени новизны T, h относительно b : $C(T, h/b) = I - P(T, h/b)$ (где $C(T, h/b)$ — степень новизны).

Предпочтение отдается тем T, h , зависимость которых от дополнительного знания больше, чем у других, и которые после доказательства дополнительного знания содержат большую степень вероятности.

Вместе с тем, подчеркивая особенности ценностей, нормативов, принятых в различных сегментах науки, не следует их преувеличивать. Имеются ценности, нормы, сквозные для науки в целом, которые пронизывают и науку переднего края, и твердое ядро науки, и историю науки.

Эти универсальные параметры задаются глубинными интенциями науки как познавательного предприятия, имея в виду под этим интенции на истину и необходимую обоснованность. Истина и необходимая обоснованность выступают теми ценностями, отступать от которых, жертвовать которыми нельзя. Исключение их из науки грозит упразднением науки, понимая под этим утрату ею функ-

469

ций быть специализированной сферой деятельности, предназначенной для отображения объекта со стороны сущности, а значит неотделимой от выявления истины, достижения необходимо обоснованного. В этом смысле все, что относится к науке, ориентировано на истину и необходимую обоснованность.

Резюмируя, отметим: проблема гносеологической целостности науки (в вертикальном срезе) не решается путем абстрактно гносеологического соотнесения «научности» с «объективной достоверностью». В таком случае наука оказывается редуцированной к своей «правильной» части, неизвестно кем удостоверяемой. В связи с этим показана плодотворность подхода, основанного на соотнесении «научности» с другими ценностями (регулятивами), которые задают правила ориентирующей на истину рациональной деятельности, а потому — обеспечивают получение научных (с точностью до культуры) знаний. Последнее позволяет провести взгляд, по которому: отдельные периоды науки не рассматриваются как составляющие ее предысторию, провизорные стадии донаучной подготовки грядущей «полноценной» истории науки, устаревшее и «вытесненное» из науки знание не объясняется ненаучным.

Путь к вычленению оснований, позволяющих расценивать науку как «самотождественное» явление, а не как конгломерат качественно разнородных феноменов, открывается специфической интерпретацией смысла «научности», который конституируется понятием стандартов рациональности, задающих правила исследовательской активности в науке как сфере духовного производства. Все результаты, полученные согласно этим правилам — независимо от их естественной «моральной» деградации, превращения в историю науки, — следует считать наукой.

4.2.3 Содержание науки

В истоках противопоставления естественных и гуманитарных наук — страсбургская речь Виндельбанда, выделившего из единого целого науки природо- и культурознание и утвердившего их внутреннюю несовместимость.

470

Усиленная многочисленными адептами баденца оппозиция естествознания — обществознания приобрела вид гносеологической дихотомии, основанной на гипертрофии

формального характера автономных целей этих отсеков познания. Согласно такому углу зрения номотетическое естествознание преимущественно исследует законы, занято поиском объяснений, прибегает к абстрагированию, типологизирует реальность через связку «всегда-везде», выявляет тенденции, исходит из инвариантов (отношений тождества), нацелено на генерализацию, тогда как идиографическое социальное знание но сути своей фактофиксирующе, описательно, упорядочивает действительность посредством схемы «однажды — некогда», довольствуется наглядностью, погрязает в однократности, фундируется становлением, ориентировано на индивидуализацию.

Налицо взаимоисключающие ряды наук, сталкиваемые буквально по всем эпистемологически значимым показателям: один тип знания законосообразен, оперирует систематичными логико-понятийными универсалиями, другой тип знания событийен, погружен в стихию беспорядочных не подводимых под общее уникальностей. В качестве тематизации принципиального вопроса правомерности подобного обособления и противопоставления двух сегментов науки в теории познания прорабатывались следующие достойные упоминания концептуальные линии.

Первая линия — гносеологический романтизм, дискредитирующий «точную» науку и на этой базе посредством мечтательно-приподнятого возвеличения гуманитаристики возвышающий ее над ней (идея наднаучности обществознания). От Шопенгауэра к Бергсону, Шелеру и далее Ясперсу крепнет, упрочивается специфическое понятие недискурсивности гуманитарного знания, индуцируемого «полнотой переживания жизни». Характерно, скажем, такое признание Дильтея — горячего поборника данных взглядов — не категориальная деятельность образует почву наук о духе, но «убеждение психического

471
состояния в своей целостности и обнаружение таковой в переживаниях». ¹⁷⁶

Будучи принят как экзистенциальная духовно-практическая платформа интригующий своей недосказанностью тезис «жизнь постигает жизнь» логически не критикуем; развернутый же в гносеологическую плоскость он поддается явной и ясной критике. Во-первых, мир истории и мир природы — в силу биосоциальности человека, антропогенетичности биосферы, по ходу Социогенеза трансформирующейся в ноосферу, — не два несостыкуемых мира; непременно их синхронизацию осуществляет высокоадаптивный механизм цивилизации, перерабатывающий вещество природы в вещество истории и обратно (становление антропо-техно-социо-натурного комплекса как многомерной и динамичной среды нетрадиционного типа). Во-вторых, внутренний (изучаемый гуманитаристикой) и внешний (анализируемый натуралистикой) опыты человека не противопоставляемы: с одной стороны, потенциал интроспекции, вживания, вчувствования, сопереживания, духовного прорыва к реальности свойствен человеку вообще, и нет никаких резонов смещать приоритеты его (потенциала) использования в сторону лишь с головой ушедшего в гуманитаристику человека; с другой стороны, гиперболизация герменевтических ресурсов,

наделение их какой-то исключительностью в освоении сущностной плоти *materia humana* само по себе безосновательно: ниоткуда не вытекает, что герменевтика и только она располагает монополией достижения истины.

Вторая линия — эпистемологический редукционизм. Не вникая в конкретные варианты редукционистской реконструкции гуманитаристики (от физикализма до физиологизма, от энергетизма до бихевиоризма) и квалифицируя эту программу суммарно и по существу, ограничимся определением ее как явления, не выдержившего эвристических нагрузок; возводя в новое откровение старую (ро-

¹⁷⁶ *Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. VU. Stuttgart. 1961. S. 136.*

472

мантизм наизнанку) ложь, эпистемологический редукционизм не породил ничего, кроме пустой фразы.

Третья, альтернативная обозначенным выше линия — гносеологический унитаризм, акцентирующий родовую единообразность науки. Общеизвестен феномен использования исследовательского инструментария одних систем знания в пределах иных — молекулярная биология, квантовая химия, структурная лингвистика и т. д. Как это возможно и чем обеспечено? Предпосылкой внутренней прозрачности науки, обуславливающей ее структурную диффузность, выступает единство науки, под которым понимается сущностная гомогенность познавательных актов, процедур, принципов генерации, трансляции и демонстрации единиц знания, отвечающих общим критериям научности. К числу последних относятся правила, задающие общую основу разных наук. Таковы приемы, способы рационально-дискурсивного логически и практически обоснованного освоения и удостоверения истины (формально-логическая непротиворечивость, каузальность, критикуемость, общезначимость, опытная адаптированность и др.).

Принципиально разделяя установки и ориентации третьего подхода и отметая домыслы и предрассудки о наднаучности или паранаучности гуманитарного знания, оценим реальные проблемы единства и различия наук о природе и наук о культуре в их наблюдаемом действии и развитии.

Антиномия естественное-гуманитарное знание не индуцируется антиномией наука-ненаука. Противопоставление науки иным пластам разветвленного духовного производства оправдано в фиксированных пределах проблемы демаркации — разведения совокупной науки и ненауки. Однако оно утрачивает смысл как в более широких рамках рассмотрения науки в качестве элемента культуры, так и в более узких границах трактовки науки в качестве автономного типа знания. В последнем — интересующем нас случае — натуралистика и гуманитаристика не антиподы, а подвижно взаимодействующие части самодостаточного и самождественного целого. Логичным ре-

473

зюме из сказанного будет соображение, что идея диморфии естественных и гуманитарных наук не может быть фундирована гносеологическими аргументами: конформные по базовым теоретико-познавательным параметрам естествознание и

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

обществознание — ветви науки; в лимитах своего академического амплуа естественник и гуманитарий едят одно блюдо, хотя с разных концов и разными ложками.

Несмотря ни на что гносеологические сепаратисты настаивают.

Виндельбанд: «...все, имеющее значение для человека, относится к единичному и однократному».¹⁷⁷

Дильтей: «человечество, постигнутое в восприятии и (разумном) познании было бы для нас физическим фактом и, как таковое, было бы доступно только естественнонаучному познанию. Как предмет наук о духе оно существует лишь постольку, поскольку человеческие состояния переживаются и поскольку оно находит выражение в жизненных откровениях, а эти выражения понимаются».¹⁷⁸ Зиммель: «индивидуум должен познаваться только посредством некоторого рода интеллектуальной интуиции, поскольку это означает постижение целого посредством целостной функции».¹⁷⁹

Бергсон: «как и обиходное познание, наука удерживает из вещей только одну сторону, повторение», «интеллект характеризуется естественным непониманием жизни»; «абсолютное может быть дано только в интуиции, тогда как все остальное открывается в анализе».¹⁸⁰

Шпенглер: «причинность есть нечто рассудочное, законосообразное, выражаемое словами, форма внешнего
¹⁷⁷ *Windelband W. Geschichte und Naturwissenschaft. Strassburg, 1900. S. 22.*

¹⁷⁸ *Op. cit. S. 86.*

¹⁷⁹ *Simmel G. Lebensanschauung und Chauung. 2 Aufl. München und Zeipzig, 1922. S. 196.*

¹⁸⁰ *Бергсон А. Введение в метафизику. Собр. соч. Т. 5. СПб., 1914. С. 13.*

474

интеллектуального опыта. Судьба есть слово для неподдающейся описанию внутренней достоверности. Можно сообщить сущность причинности физической системой или системой теории познания, числами, анализом понятий. Идею судьбы может сообщить только художник портретом, трагедией, музыкой... Настоящая история имеет судьбу, но никаких законов».¹⁸¹

Следствием ложной гносеологической стратегии подрыва компетенций науки, исходя из того, что она, переводя необозримую континуальную калейдоскопическую реальность из модуса *vivo* в конструктивно-линейный, дискретный модус *vitro*, опускается до калькуляции, фабрикации реальности, стала установка на противопоставление интуитивного — дискурсивному, художественных форм — понятийным. Атака на *ratio*, как видно из приведенных едва ли не хрестоматийных цитат, носит фронтальный и вроде бы неотразимый характер. Однако неотразимость эта мнимая. Довольно вникнуть в этой связи в существо таких обстоятельств.

Прежде всего необходимо положительное разъяснение того, что представляет собой замещающая разум интуиция. Какой бы то ни было программы на сей счет, вопреки ожиданиям, не развертывается. Далее. Что человек — не колония клеток, не

биомасса, в общем ясно. Но откуда берется, будто адекватное средство познания человека — не вмещаемая в понятия беллетристика. Соответствующие утверждения внедряются в аналитический контекст как декларации. Наконец, требует рефлексии центральное и крайне темное место о всеобъемлющем схватывании реальности. Не драматизируя, уместно признать: задача всеохватного ментального воссоздания реальности из разряда фиктивных: на духе изначально лежит проклятье избирательности, дробности. По этому вектору решительно у искусства нет никаких преимуществ перед наукой. Как и формы знания, художественные формы условны, схематичны, отрывочны, возникают в распрямлении, т. е.

¹⁸¹ Шпенглер О. *Закат Европы*. Т. 1. М., Пг., 1923. С. 121-122.

475

селекции, монтаже, а, следовательно, «искажении» реальности. Такого рода искажение, однако, в точном значении слова предположено: оно — от самого инструмента прерыва непрерывного в образно-представленческой — частичной — деятельности. Отмеченное позволяет критически отнестись к допускаемому наукоразоблачительству — перед лицом неотвратимости не стоит бить себя в грудь сосновыми шишками.

Из сказанного очевидно, что гносеолога не могут удовлетворять ни эпистемологический сепаратизм, ни апология вненаучных форм отображения действительности. Тем не менее, орфографическое подразделение наук — факт, за которым стоит систематика, ассоциирующая типы знания по родственным теоретико-познавательным признакам. И если беспочвенно безверие относительно совместимости естество- и обществознания, то столь же беспочвенно и легковерие, порывающее границы между дисциплинами и допускающее аналогичность и даже гомологичность естественных и гуманитарных наук. Дабы не брать аккорд одним пальцем, тактика дальнейшего обсуждения будет определяться обходом категоричности: отстаивание научности гуманитаристики пойдет рука об руку с демонстрацией ее специфичности.

Различная степень зрелости естественных и общественных наук, дистанция в их концептуальном и методологическом оснащении представляют питательную среду для реставрации взглядов о несостыкуемости их творческой процедуры. Чтобы придать всесторонность выяснению резонансов этих взглядов, рассмотрим конкретные обслуживающие их доводы.

Довод первый. Естествознание теоретично, берет явления в идеально-логическом измерении; в пику этому обществознание фактуально, не возвышается над качественной конкретикой.

Подобная точка зрения — расхожий промах рассуждений, обусловленных не столько утрированием неких черт наук, сколько непониманием природы науки. На стадии развитого знания, оперирующего концепционными фор-

476

мами, фигурируют утверждения, которые проецируются не на визуальное, а на идеализированное пространство, являющееся средоточием не «фактов жизни», а их ментальных прообразов — коррелятов. С изложенной позиции не вызывающий подозрений

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

закон инерции и «сомнительный» закон капитала — не альтернативные, а гносеологически изоморфные формулировки, т. к. получены не вследствие прямой регистрации непосредственного обстоятельства дел, но посредством изошренного интеллектуального комбинирования абстрактных объектов в трансэмпирической модельно-аналоговой реальности (анализ «фиктивных» точечных масс, наднациональных формационно «чистых» социумов).

Сродни положениям естествознания утверждения обществознания соотносятся с ситуациями искусственными, воображаемо-предполагаемыми. Подобно коллеге-естественнику обществовед не высказывается о чувственно воспринимаемой вещности (формацию так же невозможно наблюдать, как и инерцию): в фокусе его оценок — представляющие потенцию субъективного выбора диспозиции. Он и исследует диспозиции, строя сценарии, что может произойти на уровне мега- (цивилизация), макро- (общество) и микро- (личность) тенденций при воплощении соответствующих обстоятельств.

Довод второй. В отличие от естествознания в обществознании даже на высших теоретических этажах используется аппарат естественного языка.

Наблюдение пронизательное, но не являющееся плацдармом для радикальных выводов.

Естественный язык есть предельная граница любой науки. В наиболее широкой редакции это означает, что посредством словесной артикуляции человек реализует свою способность познавать. Для познания в полной мере справедлив тезис *universalia ante rem* — поиск слова влечет нахождение вещи, ибо мы различаем то, что знаем, но мы знаем то, что вербализуем (категоризируем). Нюанс в том, однако, что наличие специализированной терминологии (что и разобщает, как мнится, естествен-

477

ные и общественные науки) характеризует весьма стандартный ареал устоявшейся науки (знание в модусе твердого ядра): вследствие развитых процессов кодификации, метризации, операционализации, логицификации, квантификации и т. д. именно тут создаются предпосылки особой лексики с фиксированной семантикой. Что же касается науки переднего края (знание в модусе активного поиска), то, по определению, строгой лексики здесь нет и быть не может. Стимулирующее искания расширение запаса языка на этой фазе идет за счет парамимии — заимствования слов из обыденного словоупотребления. Так даже в самую точную теорию входят метафоры — многоразличные «вихри» (Декарт), «демоны» (Максвелл), «кирпичи» (Гильберт) и т. п. Вообще ни одна достаточно глубокая (не покрываемая бумажно-карандашными операциями) интеллектуальная процедура не в состоянии избежать пользования всякого рода иносказаниями. В особенности это касается объемных содержательных толкований нетривиальных концептов, сопоставимых с такими, как, скажем, «жизнь», «время»; «тяготение», «сила» и т. д.

Резюмируя и возвращаясь к аргументу, правильно подытожить: привлечение естественной лексики — общее и вполне ординарное место познания; оно связано с внутренней расслоенностью науки и

соответственно с разными режимами деятельности ученого в науке твердого ядра и переднего края; разумеется, обогащение словаря науки обиходной фразеологией чревато издержками (утрата точности, строгости, однозначности, определенности), однако раздвигающий горизонты наличного знания ищущий профессионал лишен возможности выбора; естественный язык в отношении языка науки играет роль запасника-резервуара предельной выразительной емкости; он оказывается средством номинации нетрадиционных категориальных пластов и планов.

Довод третий. У естествознания и обществознания разные онтологии: первое осваивает объективно сущий мир «сам по себе», второе понятийно-логически восстанавли-

478

вает мир несамостоятельный, историчный, непрерывно творимый.

Как следует из утверждения, эпистемологическим водоразделом служит отношение существования объекта к субъективной деятельности: в одном случае деятельность под видом несамостоятельности, историзма включается, в другом не включается в теорию. Штурм проблемы, коей нельзя отказать в серьезности, начнем с различения двух вопросов: а) статуса объектов естественных и гуманитарных наук и б) перспектив концептуализации субъективного фактора.

Разведение объектов двух типов наук по признаку внутренней историчности, несамостоятельности, на наш взгляд, надумано. Набившие оскомину акцентуации нестабильности, изменчивости и т. п. гуманитарных структур своим естественным завершением имеют общегносеологическую критику точного знания, негативное отношение к математизации, причинному объяснению, аналитическому рассечению явлений, якобы деформирующим первозданную бытийную целостность. Что стоит за такой критикой? Главным образом недопонимание, что теория (в том числе гуманитарная) не воспроизводит полностью действительного положения дел, что она является упрощенной схематизацией, в чем и заключается ее эвристичность. В то же время, не покидая почвы фактов, неправильно полагать, будто историко-эволюционные представления внутренне чужды естествознанию. Со знанием дела можно говорить только о том, что эти представления чужды классическому естествознанию. С упрочением же постклассических подходов (послефридмановская космология, синергетика, химия катализаторов, кинетические теории иерархических природных процессов и т. д.), сосредоточивающихся на анализе поведения нелинейных, нестационарных, самоиндуцируемых, когерентных, кооперативных явлений, в естествознание проникает и закрепляется в полном смысле слова процессуальная, организмическая парадигма, центрирующая эффекты самоорганизации, конструктивной роли времени, динамической нестабильности систем и т. п. Соот-

479

ветственно очерчивается и обслуживающий эту картину новаторский концептуальный блок, составленный неустойчивостью, неравновесностью, неаддитивностью, избирательностью, необратимостью, композиционностью,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

целесообразностью и т. п. Поскольку взятая как целое с основания до вершины постклассическая наука буквально пронизана пафосом «становления», нужно очень хотеть, чтобы не замечать восприимчивости естествознания к историко-эволюционным принципам и идеям.

Следующий капитальный вопрос — тактика концептуализации человеческой деятельности, пути включения субъекта в теорию.

Оперируя типажам, теория выдвигает из рассмотрения неповторимую, уникальную личность. В той же экономике не предпринимается изучение конкретных капиталистов. Их персональность гасится логикой процесса возрастания стоимости, который, будучи субъективной целью, через растущее присвоение абстрактного богатства, выступающего единственным движущим мотивом капиталистических действий, подпадает под идентификацию и вырождается в «капитал». Потому капитал есть полномочный объективно-логический заместитель и представитель капиталиста. Аналогично метаморфозе работодателя партикулярный работополучатель превращается в «товар». Проводя параллели, по сути, те же вариации внедрения субъекта в теорию (под видом «наблюдателя», «экспериментатора») можно отслеживать в релятивистской и квантовой физике.

Теоретизация субъекта в гуманитаристике и натуралистике, следовательно, идет сходно по накатанной колее весьма жесткой, выхолащивающей личностное абстракции отождествления. Иных способов введения субъекта в теорию не дано. Сказанное важно, но тем не менее не исчерпывает сути дела. Дополнительная деликатность заключается в том, что теоретик сталкивается с пассажем, требующим учета жизнедействий не стандартизированного, а произвольно проявляющегося субъекта. Взять ситуацию «Иван Грозный убивает сына». Событие стихийное, катастрофическое, об-

480

щими причинами не детерминированное. Именно из таких флуктуаций соткана поливариантная ткань истории. Однопорядковые проблемы самостоятельного личностного начала поставляют ультраинтуицизм, вводящий не универсального, а уникального субъекта счета. Деяния самодура-самодержца трансформируют развертывание истории, деяния вычислителя-оригинала трансформируют развертывание математики. Перед нами штатные примеры «некорректных» задач, не поддающихся регуляризации.

Общее квалифицирующее суждение о возможностях концептуализации подобных пикантных мест состоит в следующем. Поскольку бывают теории типажей и не бывает теорий индивидов, индивид может быть включен в теорию лишь в результате соответствующего изъятия из теории. Практически это означает привлечение нетеоретических хроникально-биографических аргументов в виде антропологических, психоаналитических повествований с «пуантой». Последние в избытке обнаруживаются в гуманитарных курсах, однако при желании ими можно наводнить и математику.

Достаточно задаться рефлексией: почему Фарадей не признавал

атомизма; почему Лоренц отвергал теорию относительности, почему для субъекта X будет такой ряд натуральных чисел, а для субъекта Y — иной и т. д.

В завершение разбора выведем правило обратной зависимости теоретического и личностного в знании: чем значительнее удельный вес первого, тем незначительнее удельный вес второго. Преимущественно субъектный тип рефлексии гуманитарных наук, оставляющий простор для индивидуализирующих контекстов со ссылками на флуктуирующее поведение конкретных лиц, снижает порог их теоретичности. Напротив, преимущественно объектный тип рефлексии естественных наук, фактически исключаящий описание индивидов, существенно подымает их планку теоретичности. На фоне изложенного призывы обретения естествознанием «истинного состояния», при котором оно включит «всестороннего человека в цельное представление о мире» (Тейяр де Шарден), кажутся избыточными: нельзя

481

требовать от науки обращаться к решению либо уже решенных, либо вовсе неразрешимых задач.

Довод четвертый. Естествознание изучает «стихийные», «слепые», «бессознательные», обществознание же — «рационально-устроенные» силы. У хитроумной конструкции нерациональности природы и рациональности общества отсутствует мелочь — точка опоры; за длинными речами по данному поводу, как правило, просматривается слишком короткий смысл.

Первое, на что стоит обратить внимание в этой связи, — антропный принцип, устанавливающий корреляцию между эволюцией Вселенной и эволюцией жизни и разума на Земле. Самый факт существования человека, накладывая сильнейшие ограничения на величины фундаментальных физических констант, на обстановку во Вселенной, детерминирует ее этапы и свойства, *per impossibile* демонстрирует целесообразность ее внутреннего устройства. Разумеется, тезис «*cogito ergo mundis talis est*» не может получить надлежащего оправдания в рамках наличной науки — для этого требуется разработка только складывающейся глобальной эволюционистики, однако соответствующие результаты, которые уже на сегодня получены, столь грандиозны, что не оставляют места сомнениям относительно целесообразности, «мотивированности» организации известной нам природной метасистемы.

Не менее серьезно и второе встречное полемическое соображение. Обществознание, действительно, в подспуде принимает презумпцию рациональности человека: раз возникнув, в противоположность *homo ferus*, *homo sapiens* не утрачивает рационально-гуманистическую сущность. Обеспечивая определенный простор действиям социального теоретика, презумпция рациональности тем не менее достаточно сильная идеализация: многочисленность неосмысленных и бессмысленных эксцессов нашей жизни, почти уже превративших ее в театр абсурда, позволяет усомниться в ее (презумпции) адекватности.

Сказанное избавляет от пустопорожней риторики о якобы нерациональности природной и рациональности общественной

среды.

482

Некогда К. Леонтьев, писатель, публицист, литературный критик, применительно к национально-государственному устройству России выдвинул остроумную формулу: единство через дифференциацию или дифференциация в единстве. Сообщим этой глубокой политической мысли гносеологическую интерпретацию. Единство естество- и обществознания обуславливает познавательный этос, или блок ценностных факторов, обеспечивающий способ формирования и удостоверения истины с опорой на идеалы рациональной обоснованности. Откуда вытекает, что естественные и общественные науки расходятся в материале, а не в средствах, в началах, а не в образе действия. Этот, несомненно, принципиальный тезис требует, однако, некоторых пояснений. Наличие сущностного подобия в исходных умственных интенциях, позволяющих объединить два типа наук в мир науки, не исключает оперативного различения познавательных систем в рамках дисциплинарного строения знания. Учитывая, что последнее характеризуется взаимосвязью способа отображения и доказательства, фиксация особенностей подобной взаимосвязи в разных случаях позволяет специфицировать секторы науки. Отправляясь от сказанного, будет справедливо утверждать — различия естественных и гуманитарных наук кроются в природе теоретичности.

Теоретичность естествознания конституируется его номологичностью — выявлением существенно-необходимых связей в математизированных рассматриваниях при формально-аксиоматическом задании причинно-следственных цепей и их гипотетико-дедуктивном отслеживании. Теоретичность гуманитарного знания конституируется его генетичностью — выявлением существенно-необходимых связей в историко-диспозициональных рассматриваниях при содержательно-диахроническом задании причинно-следственных цепей и их мотивационно-смысловом отслеживании. В первом случае интеллектуальные акты предусматривают типизацию реальности с радикальным устранением ситуативности, эпизодов «здесь-теперь» — очевидная неудовлетворенность специалистов вхождением в кос-

483

мологию сингулярности. Во втором случае типизация (без нее мысль утрачивает теоретичность) уравнивается индивидуализацией, предполагающей прямую апелляцию к деиксису — экзистенциальному субъекту в «здесь-теперь» — очевидная неудовлетворенность специалистов деперсонализацией истории, допускаемой историческим материализмом. Благодаря этому теоретические контексты естествознания свободны от сфер полаганий субъекта, — неразрешимые трудности ультраинтуиционизма, операционализма, остающихся не рабочими поисковыми программами, а изощренными эпистемологическими метаконструкциями. Гуманитарные же науки, будучи науками о духе, культуре, человеке, пускай в ущерб теории, но не уродуя человечности, не могут не вводить личностные модальности. Прокламируемая некоторыми (Маркс, Тейяр) перспектива включения «человека» в естествознание грозит его развалом по

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

концептуальному вектору — впадение в вульгарный субъективизм; диаметрально противоположные, но глубоко родственные обозначенным директивы реорганизации обществознания по образу и подобию естественных наук (Гроций, Вольф, Спиноза, Вольней, Тюрго, Леммер, Ламеттри и др.)¹⁸² грозят развалом обществознания по теоретико-методологическому вектору — впадение в вульгарный объективизм. Естествознание не имеет шансов

¹⁸² Для конкретизации мысли сошлемся на проекты Адамса — основанная на втором начале термодинамики и правиле фаз Гиббса динамическая теория истории (Adams H. A. *Dynamic theory of history. The Education of H. Adams // Autobiography, 1927*; Гиддингса — своеобразная космоизация и физикализация социологии (см. Гиддингс Ф. *Основания социологии. М., 1988*); Н. Рашевского и Ш. Николя — биологизация социологии и социальной философии (Rashevsky N. *Outline of Mathematical Approach to History // Bull. Math. Biophys. 1953. Vol. 10. № 2*; Nicole Ch. *La Nature, conception of morale biologiques. P., 1934*); Мида — физиология социума (Mead G. H. *Mind, Self and society. Chicago, 1934*); Дарлингтона — подверствывание истории под генетику (Darlington C. *The facts of Life. L., 1953*); неотрейдизма — сексуализация общества (Brown N. *Life against Death. Psychoanalytic meaning of history. N. Y., 1963*).

484

справиться с анизотропией личностного в случае его антропоморфизации; обществознание имеет все шансы быть низведенным до бытописи в случае его натурализации.

Так как и одно, и другое не *utile dulci miscere*, руководствуясь идеями дополнительности, необходимо признать паритет наук, отбросив расхожее и небезобидное заблуждение, будто «вся наука делится на физику и собирание марок».

Наше итоговое квалифицирующее суждение таково. Попытка рассмотреть науку как специфическую область духовного производства, единую надстроечную сферу, подчиняющуюся своим законам и удовлетворяющую особым критериям точности, сталкивается с критической системой доводов ее горизонтальной неоднородности. Под последней понимается гносеологическая многообразность, предметная, семантическая разрозненность, обособленность отсеков знания, доводимая в случае сравнения естество- и обществознания до их противопоставления. В связи с этим спрашивается: что позволяет объединять различные системы знания в совокупную науку? Или в более общей форме — что выступает основой гносеологической общности науки как таковой?

Внутреннее единство науки устанавливается понятием рациональности, представляющим форму аттестации научной деятельности и знания и употребляемым для обозначения эталонов исследований в науке как особой сфере интеллектуального производства.

4.2.4 Структура науки

Композицию научного знания образует иерархия взаимопроникающих функциональных комплексов, включающих лингвистическую, логическую, референциальную, рефлексивную системы.

Лингвистическая система. Термины, алфавиты, словари, семейства языков, правила построения выражений — составляет выразительный аппарат, средства номинации, дескрипции, денотации. Осуществляя проекцию слов и связанных с ними

смыслов на сознание, языковые формы пре-
485

допределяют мировосприятие. Это производится во всех семантических регистрах проявления слова — знаковым, лексико-категориальном, денотативном. Принятие и использование языка (лексики) нормирует коммуникацию, увязывая знаки с лексическими понятиями (значениями) и денотатами (смыслами). (Форма знаков (слов) индуцирует соответствующее концептуальное содержание, оказывающееся общим для носителей языка, представителей данного лингвомыслительного сообщества.) Объективно навеваемую языком содержательную позицию обозначим как смысловой интервал, обладающий такими свойствами.

1. Замкнутость — интервал органично целостен, вводит и полагает относительно суверенную раму содержательных связей: толкование, восприятие, представление мира. Реальность подобных рам обуславливает дискретизацию науки, ее семантическую непрозрачность в виде достаточно автономных сегментов — аристотелевская, классическая, релятивистская механика.

2. Конкретность — нормированная коммуникация и интеракция в науке подчиняется жесткому правилу: знакам поставлены в соответствие определенные значения и смыслы; языковые формулы, выражения имеют стандартную когеренцию с фиксированными лексическими понятиями и сферами реальности (классами материальных и идеальных объектов), что канализирует протекание интерпретативных и смыслообразовательных процессов (классическая — релятивистская «масса»).

3. Транслируемость — интервалы не взаимонепроницаемы, не несоизмеримы в некоем радикальном смысле. Контакт интервалов производится и по содержательным, и по строевым функциям знаков (информация о мире и о языке). Наука сегментирована, но ее части взаимодействуют через инварианты лексических и логических понятий. На этом основаны реализующие преемственность в вершении науки механизмы перехода от предыдущего к

486

последующему знанию. (Разнящаяся от классической релятивистская «масса» тем не менее не утрачивает фундаментальные признаки «массы», что очевидно для стороннего наблюдателя, обозревающего становление и развитие науки как целого.)

Лексические понятия как стихии представлены в науке в плоскости «форма» — формализация, жесткие правила оценки вида, порядка знаков (символов) и «содержание» — интерпретация, установление референциальных связей знания, которое является знанием «о чем-то» — абстрактной или конкретной реальности. С позиций зрелости, отработанности научной саморефлексии, дифференцирующей звенья цепочки «знак — лексическое понятие — денотат» и сознательно оперирующей разграничением «типов символов (знаков)» и «типов объектов» в познавательной деятельности, возможно выделить две фазы развития науки: наивно-реалистическую и критико-рефлексивную.

Наивный реализм. Усматривает в знании непосредственную

точную копию наблюдаемых, данных в «живом созерцании» предметов и событий. Основная трудность такого подхода — невозможность идентифицировать аппарат науки с объектами материальной действительности: теоретическим абстракциям, принципам, допущениям напрямую не соответствуют какие бы то ни было естественные референты.

В настоящем очевидно отсутствие изоморфии типов знаков и типов объектов. Однако понимание этого возникло не сразу; его утверждение потребовало немалых интеллектуальных усилий, связанных с развенчанием прямолинейного эмпиризма и символизма, питавших платформу наивного реализма.

Эмпиризм как целеориентация утвердился в познании во времена Аристотеля, трактовавшего знание как систематизацию повседневного, обыденно-практического опыта. Особенность науки этого типа — настроенность на запечатлеваемую восприятием, чувственно осязаемую реальность, поддающуюся осмыслению в терминах наглядных

487

образов и здравого смысла. Метафизическую подкладку данного взгляда составляют постулаты тождественности содержания предмета и его субъективной проекции и однозначности следования теории из опыта (в чем и усматривался гарант достоверности, оправданности теории).

С прошествием эпох, однако, пришло знание: наука не выводима из языка протоколов. Она возникает не из непосредственных индуктивных обобщений опыта, а из построения теории. Данные наблюдения в своей первозданности не имеют никакого или имеют крайне ограниченное значение для науки. Последнее выяснилось с творчества Коперника, не имевшего ни дополнительных, ни принципиальных фактов (типа опыта Фуко с маятником, аберрации света) в пользу гелиоцентризма.

Прецедент Коперника, преодолевая пределы предметной теории, имеет фундаментальный эпистемологический статус, по сути означая задание адекватной парадигмы исследований. Во-первых, обнаружилось, что теоретические структуры, умпостигаемая реальность не конституируются из опытных данных: знание не вытекает из одного только опыта, — в его создании используются свободно творимые понятия, пригодность которых проверяется опытом *a posteriori*. Во-вторых, выявилось, что удаленность, отстраненность, науки от непосредственного опыта (чувственно достоверное, экспериментально опробованное) является предпосылкой ее автономного, не связанного с массивом фактического прогресса: саморасширение знания протекает как порождающий процесс, а *prigori* превосходящий границы наблюдаемого. Энтелехией изысканий оказываются соображения «внутреннего совершенства», а не «внешнего оправдания». При ином положении дел наука имела бы минимум шансов двинуться с места.

Не менее опасен и противопоставлен науке и выпестованный средневековым символизм, конец которому положила эпоха Нового времени, в лице Галилея и Ньютона стимулировавшая в практике исследований переход от иллюзорного словотворчества к

здоровому контролируемому анализу.

488

Критическая рефлексия. Разведению образов (символов) и объектов, содержательного строения знаков (слов) и их связи с реальностью способствовал поучительный опыт и науки, и методологии. Внедренная Галилеем тактика мысленного эксперимента, равно как первая аксиоматизация физической теории, предпринятая Ньютоном, предопределили отход от некритических наивно-реалистических традиций в науке. На метанаучном уровне же крепло понимание сложности строения знаковых форм, которые соотносятся с реальными предметами через смысловые поля — денотаты. Множество реалий, скрывающееся за словом, является открытым классом — это и объясняет возможность многообразных нестандартных когеренций: коннотаций, метафор, аллюзий. Язык — подвижная, обновляющаяся система, — именно потому, что для называния новых денотатов не хватает обращающихся морфем и даже готовых слов, словосочетаний, но мере получения сведений о существовании денотируемых объектов приходится прибегать к созданию ранее не существующих образований. Так расширяется репертуар лексики, вводятся новые знаковые обозначения, слова-понятия. Последнее проясняет, что связь языка и мира осуществляется не через предикацию, а через референцию; условия истинностных значений и оценок утверждений зависят не от синтаксических, а от субстанциальных presuppositions (ситуационных, контекстуальных представлений), т. е. от факторов экстралингвистического порядка.

Логическая система. Аксиомы, принципы, законы, правила вывода, исчисления — осуществляют удостоверение, уточнение, нормирование, совершенствование ингредиентов науки от отдельных процедур (доказательство), актов (обоснование), компонентов (обобщение, закон) до теории и структурных свойств знания в целом. Пущенное в оборот Аристотелем расхожее понятие логики как органа в преломлении к знанию должно быть скорректировано в следующем духе: будучи средством анализа рассуждений, способом изучения единиц знания (гипотезы, теории, отношения гипотез к фактам), логика способствует

489

оптимизации и эффективизации практики наук. Ни при каких обстоятельствах, однако, логика не может претендовать на орудие открытия: процесс открытия не поддается формализации, алгоритмизации, не просматривается сугубо логических механизмов получения из знания принципиально нового знания.

Сказанное относится как к дедуктивной, так и индуктивной логике. Дедуктивная логика, которую позволительно понимать как теорию логического вывода, интересуется логической импликацией — полным перенесением истинностных значений с посылок на заключения по формальным правилам следования с обозрением последовательности получаемых промежуточных и итоговых формул. Индуктивная логика — теория частичной импликации — устанавливает степень подтверждения, вероятность следования заключений из посылок. И в одном, и в другом случае разумеется не открытие истин, а анализ, систематизация рассуждений, уточнение категориальных структур мысли, нахождение критериев

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

оправдания.

Логические инициативы в науке — не самоцель, они действительны в той мере, в какой позволяют реконструировать содержательные пласты знания: насколько оно правильно, пригодно, уважаемо. Отсюда — ограниченность идущей от античности догмы (поддержанной логиками Пор-Рояля и поборниками аналитической философии), будто стихия логики — предложения. Положения логики, взятой объемно, — не тривиальные аналитические истины во всех возможных мирах, а истины в границах данных посылок, принятой онтологии. Исчисление классов не в состоянии эффективно освоить математическую бесконечность, ее концептуализация требует обращения к исчислению предикатов. Логика связана с допущениями базисной теории, опирающейся на гипотезы существования: в одном случае допустимо удовлетвориться фреговско-русселовской платформой, в другом конструктивистской. Вообще же нетривиальные логические системы интенциональны: не могут расцениваться как чисто синтаксические образования, применительно к ним

490

утрачивает самоочевидность пирсовско-морисовское различие «знак-смысл-отношение к предложению субъекта». Содержательное проникает в логику по следующим магистралям.

1. Семантическая детерминация. Знание есть симбиоз формы (вид, порядок символов) и содержания (трактовка, расшифровка символов с использованием интерпретативных матриц). Выпаривая семантическую основу, формализация свертывает теорию к логическому остову, однозначно восстанавливаемому ресурсами строгих искусственных языков. С позиций ограничительных результатов Геделя и Тарского, однако, редукция содержания к форме в случае семантически достаточно богатых систем исчерпывающей, полной быть не может. Это относится к вопросам семантической детерминации мышления, связанной с выбором формализма, введением пределов взаимосвязей нелогических констант языка, принятием постулатов значения, пониманием действий правил вывода, установлением материальной адекватности формальных экспликаций, целесообразностью формализации и т. д.

2. Метатеория. Анализировать свойства формализованной теории позволяет метатеория, где используются естественные интуитивно-содержательные приемы рассуждения в разговорном языке. Поскольку в метатеоретических контекстах заключается существенная часть логики, а они содержательны, в логике обособливается металогический комплекс, не сводимый к формальнознаковым (синтаксическим) операциям. Таким образом, формальный метод даже при последовательном его проведении не охватывает, не поглощает всех проблем логики (на что уповали логические позитивисты); формальное, строгое, точное взаимосвязано с содержательным, нестрогим, неточным, предполагает его как условие своего собственного задания, анализа.

491

Различия языка-объекта и метаязыка, предметной теории и метатеории, обнаруживающиеся при формализации, обостряют вопрос об особенностях теоретического в логике и науке. Вопрос

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

этот на рефлексивном эпистемологическом языке формулируется как проблема соотношения логической и онтологической необходимости, логической и физической модальности (проблема рангов аналитичности). Не пускаясь в специальный разбор возможностей современных модальных и интенциональных логик, ограничимся высказыванием такого убеждения. Логические и физические модальности не могут быть объединены в некоем унифицированном логическом языке науки (системы каузальных модальностей — Беркс; семантических исследований — Карнап; реляционной семантики — Хинтиikka, Крипке, предметно-функциональный вариант семантики возможных миров — Хинтиikka, Скотт; прагматики — Монтегю) вследствие того, что, выражаясь словами Витгенштейна, никакое исчисление не способно решить проблем философии.

Предпосылочное знание, скрывающееся в логических посылках, постулатах, допущениях, навевается нелогическим несинтаксическим способом: «невозможно адекватно интерпретировать семантику естественных языков, не обращаясь непосредственно к метафизическим и онтологическим вопросам: мы не можем иметь дело с выражениями, которые могут быть охарактеризованы лишь с точки зрения структуры, не принимая во внимание лексические значения отдельных слов»; мы сталкиваемся «с фундаментальными категориями нашего восприятия и концепции мира, в котором... живем, то есть с тем, как мы его понимаем. Ответ на вопрос, соответствуют они миру или нет, в действительности уводит нас за пределы лингвистики в область психологии и философии».¹⁸³

Референциальная система. Эмпирический, теоретический, операциональный базисы — обеспечивает познава-

¹⁸³ *The VII Intern. Congr. of Logic, Methodol. and Philos. of science. Salzburg, 1983. V. 6. P. 237.*

492

тельную реконструкцию отображаемой в знании реальности. Каноническая форма науки — закон, всеобщее, необходимое знание. Как соотнобразуется признание этого с признанием не менее капитальной истины, что непреходящий источник науки — опыт, от чего познание реальности отправляется и к чему возвращается. Эмпирический опыт (наблюдение, измерение, эксперимент) частичен, локален, уникален, завязан на параметры индивида; формулировки же науки (в идеале) универсальны, аподиктичны. Перспектива преодоления антиномий опыт — мысль, факт — закон, уникалии — универсалии применительно к научному познанию усматривается в створе следующих уточнений.

Генетически наука как свод всеобщего и необходимого знания возникает вследствие применения идентификации. Материя опыта — разрозненные, атомарные данности, являющиеся автономными элементами объективной и субъективной реальности. Т. к. индивид сам по себе в своей неисчерпаемости, частичности, суверенности не рационален, он не может быть встроен в течение сигнифицирующей номологической мысли. Для перевода его в модус мысли требуется идентифицирующая процедура, на основе отождествления, выделения структурно-типического сообщающая индивиду всеобщую форму. Тайна мышления — в отождествлении,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

подведении части под целое, случайного под необходимое, явления под сущность, конкретного под абстрактное. В ходе этого подведения, обеспечиваемого пользованием категориальных схем, оформляются ментальные системы, состоящие из индивидуально выхолощенных (абстрактно всеобщих) отрешенных формулировок относительно универсального обстояния дел.

Пояснение механизма образования в мышлении универсального, разобщающего опыт и мысль, не избавляет от встречного вопроса о связи познания с опытной реальностью: радикализация противопоставления теоретического эмпирическому влечет вырождение науки в спекуляцию. Искомое решение дает уяснение двух моментов. Того, что наука не отвергает вовсе уникальное, имея в виду ха-

493

рактерный прием вывода логических уникалий — частных суждений о событиях потенциально верифицируемых. И того, что опыт со своей специфической экипировкой не противостоит мышлению. Эмпирически идентичное (типически-тождественное) есть и в опыте, который структурирован, избирателен, целесообразен, а не хаотичен. Превентивная рациональность опыта предопределяет его связь с мыслью; в противном случае взаимодействие между ними был бы чудом.

Опыт — не отстраненная от мысли суверенная инстанция, не комбинирование фактических индивидов-уникалий. Через языковую артикуляцию, сегментацию, первичную классификацию, незатейливую аналитику, рассечение, дифференцировку материала вычлняются эмпирические инварианты — сходное, подобное, повторяющееся, воспроизводимое в явлениях. Конечно, эмпирически инвариантное (идентичное) — не универсально и не аподиктично, но оно есть условие трансформации содержания опыта в содержание мысли, достижения в ней ментальной универсальности, аподиктичности. Конъюгация теоретического (логически экстраполируемого) и эмпирического (фактически данного) происходит при наложении утверждающих об индивидах теоретических суждений на визуально очерченное пространство событий. Двухступенчатость механизма логического восхождения (универсализация) от фактов (через идентификацию) к всеобщей мыслительной форме и логического же нисхождения (уникализация) от последней к следствиям (через вывод), судящих об индивидах, с их эмпирическим опробованием обеспечивает согласование эмпирического с теоретическим в науке.

Теория планирует, конструирует опыт, оттого в антиципации, а затем в ассимиляции допускаемых данных он выступает ее контрагентом. Автономное от теории в опыте для нее безразлично. Безразличное в опыте для теории сопоставимо, соразмерно с ее превосходящими предсказаниями. Вместе с тем взаимоотношение опыта и теории не всесторонне. Есть пределы, в которых опыт со-

494

храняет суверенность собственного значения: это и закладывает предпосылки контроля, испытания теории, мысли в целом.

Сказанное вновь и вновь оттеняет: опыт необходим, но недостаточен для науки. Наука не содержится в опыте, а им

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

конституируется. Впрочем, верно и то, что в виду потенции наука конституирует опыт.

В качестве аналитического резюме из изложенного примем: теоретическое и эмпирическое описываются в терминах диады «сходство — различие». Они сходны по генезису, принципиальным основаниям оправдания; и различны по статусу — реализованным формам мышления, типам рассуждения, используемым интеллектуальным ресурсам. В одном случае преимущественны экспериментальные, в другом — мыслительные операции. В теории (в идеале) отображаются универсальные, аподиктические, номологические, в эмпирии — фактофиксирующие, акцидентальные связи. Последнее обуславливает невозможность ни дедукции, ни редукции теории к эмпирии: иначе стирались бы различия двух типов познавательной организации. Проблема эмпирического и теоретического в эпистемологии суть не проблема демаркации между непосредственно верифицируемым и неверифицируемым (проистекая из опыта, полноценная наука в перспективе верифицируема), а проблема качественного роста в динамике научных идей от концептуально не развернутых исходно-элементарных состояний к полнокровно репрезентативным.

Начало науки — не явления, факты, предметы, а смыслы, образы, модели — теоретические схемы, концептуальные каркасы действительности. Рефлексия возникновения концептуальных каркасов предполагает понимание принципиальной ограниченности мышления как снизу — всеобщее, необходимое содержание не извлекается из опыта, так и сверху — существенно новое содержание мышления не извлекается из мышления же. Генерация смыслообразов, дабы не обременять рассуждения невнятными ссылками на «бессознательное», протекает при опоре на

495

механизм образования ассоциаций, позволяющих синтетически комбинировать семантические структуры, в результате гибридизации, нетривиальной интерпретации, получая неведомые познавательные вариации.

Концептуальные каркасы состоят из базовых и производных абстрактных объектов (идеальных конструкторов). Первые вводятся постулатами, принципами, дефинициями, образуют остов теории. Вторые внедряются в ходе свободного творческого конструирования элементов теоретического мира, удовлетворяющего требованию когерентности; вновь получаемые абстрактные объекты согласуются с имеющимися (не противоречат им). Концептуальные каркасы, следовательно, представляют сеть взаимосогласованных конструкторов, пребывающих относительно друг друга в отношениях координации и субординации.

Поскольку семантически абстрактные объекты соответствуют смыслу познавательных утверждений, варьирование абстрактных объектов в пределах концептуальных каркасов обуславливает видоизменения предметных областей теории (принятие в качестве базового абстрактного объекта «силы» и когерентного с ним множества теоретических элементов дает механику Ньютона; замена «силы» на «энергию» с последовательными модификациями теории дает механику Герца).

Эпистемологическая природа концептуальных каркасов обеспечивает принятие такого объектного содержания, которое в рамках научной теории задает универсально-аподиктический тип рассмотрения. Суть в том, что абстрактные объекты концептуальных каркасов вводятся посредством интенционального задания некоторых признаков изучаемых элементов, какие (признаки) в виде предмета исследования они репрезентируют. «Материальная точка» соответствует «точечной массе», выступая представителем заместителем вполне определенной черты эмпирических объектов «иметь массу», однако безотносительно к размерам и форме тел в процессе движения. Иначе говоря, объекты науки — тождественные формы, соответствующие обособленно-односторонним свойствам, рас-

496

смаатриваемым в качестве идеальных предметов в чистом виде, универсально. Отсюда — следствия:

1) универсальность теоретических объектов сообщает суждениям о них всеобщность и необходимость;

2) т. к. у абстрактных объектов нет непосредственных коррелятов, идеализации не существуют *de facto*, сосредоточиваясь на отслеживании перипетий логических воспроизведений действительности, теория не утверждает об объективном мире.

Проблема перехода от теории к бытию, от знания к практике — значительная гносеологическая проблема. И просто, элементарно, очевидно она не решается.

Напомним, что на стадии развитой теории наука утверждает не об индивидах, а о структурных признаках индивидов, взятых как свойства в чистом виде. По этой причине формулировки науки условны: у них не обнаруживается прототипов — референтов. Ньютоновская физика изучает не поведение реальных тел, а ассоциации конечного числа материальных точек, удовлетворяющих законам классической механики и описываемых системой дифференциальных уравнений. В той мере, в какой конструктам и их совокупностям удастся приписать эмпирические значения, в той мере, в какой они могут быть осмыслены как реконструкции, репрезентации особенностей реального мира, они воспринимаются как отображения реальности.

Помимо онтологического условный залог науки имеет синтаксический смысл, проявляющийся в возможности лексического варьирования корпуса знания. Знание регистрируется в содержательных и формальных описаниях. Видоизменение одних зависит от выбора сортов базовых абстрактных объектов («сила», «энергия» с соответственно ньютоновской и гамильтоновской редакциями классической механики). Видоизменение других определяется выбором математического аппарата. Существо математизации — отождествление конструктов с математическими объектами и зависимостями (идентификация механических систем с системами геометрических координат: «силы» — с

497

«вектором» и т. д.) с последующим описанием предметных эмпирически интерпретируемых связей в терминах отношений между фигурирующими в уравнениях величинами. Математический аппарат достаточно автономная, но не собственно синтаксическая

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

подсистема предметной теории. Семантические и прагматические пласты математики в недрах знания появляются при осмыслении условий соответствия математических структур онтологическим отношениям. А именно: контакт математического аппарата с предметными областями происходит через семантику базовых концептуальных каркасов, благодаря чему между формализмами и структурными характеристиками предметных областей устанавливаются корреляции.

Без них (корреляций) математические формулировки, уравнения не удастся наделить статусом содержательных (интерпретируемых) записей. Та же формальная идея экстремумов с произведенными на ее основе переформулировками классической механики (Мопертюи, Эйлер, Лагранж, Даламбер, Гамильтон) требует неформального сопоставления с ньютоновским подходом. Нюанс в том, что классическая механика в редакции Ньютона базируется на допущении действующей причины (субстанциализм), тогда как платформа экстремальных принципов навязывает принятие конечной причины (телеологизм). Не входя в детали способов фиксации предметных связей в математическом языке, отметим качественную зависимость одного от другого: оценка общих перспектив применения формализмов в предметном знании не решается без предварительного признания возможности их интимного соприкосновения в пределах структурно-содержательной общности.

Итак, стихия науки суть стихия концептуальных каркасов, складывающихся в поле продуктивных порождающих процессов в ходе ревизии, обобщения, уточнения, наращивания какого-то исходного концептуального материала (модель атома Резерфорда, теория атома Бора — квантовая механика). Чрезвычайно тонкий вопрос — объективация концептуальных каркасов, сообщающая онтоло-

498

гический статус мыслительным построениям. Говоря об этом, укажем на непреходящую роль картины мира, эмпирического и операционального базисов, участвующих в реификации знания.

Объективация концептуальных каркасов производится двояким образом — через проекцию на картину мира и через эмпирическую интерпретацию и верификацию. Соотнесение систем абстрактных объектов с картиной мира означает подведение их под циркулирующие в культурах общезначимые образы бытия, связанные с теми или иными гипотезами существования, онтологическими допущениями, хроногеометрией, каузальностью и т. д. Функцию опосредователя картин мира и теории выполняют:

а) субстантивные постулаты, представляющие утверждения с квантором всеобщности и приписывающие некие свойства действительности (классико-механические концептуализации поведения точечных масс, инерциальных систем, сил оправдываются внедрением в состав бытия элементаризма, субстанциализма, дальнего действия);

б) транзитивные определения, переводящие признаки, свойства компонентов концептуальных каркасов на компоненты картины мира с последующим их отождествлением (истолкование «массы»

как «количества материи»). Вопрос правомерности, адекватности подобных онтологизаций, отождествлений ставится и решается в научных революциях, стимулирующих рефлексию, критику устоявшихся моделей (почему в классической механике не допускается локальное время; почему в оптике и электродинамике появляется ньютоновское локальное время).

Семантическая онтологизация в створе содержательной реификации концептуальных каркасов — важная, но не исчерпывающая составляющая объективации; для дистанцирования от наивного реализма, символизма, натурфи-

499

лософии, действующих сходно, в науке она дополняется установлением эмпирической интерпретации, верификации. Последняя опирается на экспериментальные, измерительные процедуры (операциональный базис), способы опытного исследования, оказывается средством практической объективации знания. Решая проблему репрезентативности абстрактных объектов в наглядно-чувственном, действенном плане, эмпирическая интерпретация, верификация проясняет вопрос предметного содержания концептуальных каркасов.

Теоретизация, формализация, комбинирование величин в уравнениях протекают не как синтаксические упражнения, игра в символы, а как выявление предметных зависимостей-связей. Тем не менее сочетательные операции с конструктами достаточно свободны (сковываются едва ли не единственным ограничением в лице закона противоречия), что иллюстрируется наличием эквивалентных описаний, различных концептуальных редакций отражений соответственных фрагментов реальности, миграции, имплантации формализмов, дивергенции семантик и т. д. Интеллектуальное комбинирование высвобождает значительный эвристический конструктивный потенциал по разворачиванию теоретических схем, их дедуктивному ветвлению (через формальный вывод, мысленный эксперимент, математическое формальное комбинирование), однако не избавляет от необходимости опробования наработанных в сфере свободно текущей мысли представлений и построений. Произвести сие можно, лишь обращаясь к эмпирии.

Выше говорилось, что в ходе проверки из теории выводятся следствия, представляющие конструкты — логические уникалии, абстракции менее высокого порядка. С точки зрения их операционального статуса это — эмпирические схемы, характеризующие эмпирические объекты конкретного класса. Они получаются из теории дедуктивно, но могут быть извлечены из опыта индуктивно — посредством вывода экспериментальной зависимости, установления регулярности в статистической обработке наблюдений.

500

Загадка связи теории с эмпирией в переходе от абстракции концептуальных каркасов (логических уникалий) к чувственно-наглядным объектам экспериментальной практики. Такой переход осуществляется при совмещении логических уникалий с эмпирическими схемами, опосредуемом операциональными определениями и правилами соответствия.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Эмпирические схемы — не непосредственные операциональные процедуры, устанавливающие связь формульных величин с опытом, а описания как бы потенциальных процедур, соответствующих реально разрешаемым теорией (операциональный базис классической механики — хроногеометрические постулаты неизменности свойств измерительной аппаратуры относительно движения систем отсчета, воздействия гравитационных полей; в релятивистской механике — иная система предположений: свойства часов и твердых масштабов зависят от скорости движения систем отсчета, тяготеющих масс).

Смысл правил соответствия в замещении реального экспериментирования мысленным с последующим сопоставлением объектов теоретического и эмпирического уровня анализа. Операциональные определения классической физики вводятся не через систему конкретных действий с линейкой, циркулем, маятником, а через систему геометро-механических презумпций, связанных с понятиями твердого тела и светового луча. «Твердое тело» и «световой луч» — конструкторы, входящие в концептуальный каркас ньютоновской механики. Одновременно они — эмпирические понятия, возникшие как идеализация операций реального опыта. Благодаря такой двойственности операциональные определения обуславливают состыковку отображений конструкторов с предметными действиями в экспериментах.

Общий вывод: объективация концептуальных каркасов производится за счет 1) онтологизации теоретических схем в ходе наложения на картину мира; 2) операционализации конструкторов в ходе эмпирической интерпретации и верификации.

501

Из сказанного удержим мысль, что на уровне развитой науки вершение знания осуществляется как последовательная концептуальная универсализация объектов теоретического мира с последующей их онтологизацией и операционализацией. При всей очевидности мысли не обойти вопроса ее обязательности применительно к наукам гуманитарного профиля. Если познание в науке управляется принципом объектности, то как стимулирует этот принцип освоение субъективной реальности: ведь превращение субъекта в объект грозит самораспадом субъективного? Вопрос сложный, но не неразрешимый. Наш предварительный ответ на него таков: представляя субъекта (комплексы субъективной реальности) во всеобщей форме, гуманитарное знание утверждает не о субъективности индивида, а о субъективности (ее структурных свойствах) как таковой. Развитие нашего взгляда требует более пространной аргументации.

Естественной демаркацией натуралистики и гуманитаристики служат параметры объектной среды. Первая изучает объективные явления неорганической (физика) и органической (биология) сферы с минимумом целеориентированности и максимумом пускай лабильных, но рефлексных связей, хорошо укладывающихся в элементарные поведенческие комплексы (инстинкты). Вторая анализирует перипетии субъективной сферы (надорганики), характеризующейся наличием целеполагания, мышления, воления.

С онтологией естествознания особых трудностей не возникает, натуралистические связи поддаются достаточно ясной схематизации. С онтологией же гуманитарного знания изначально возникают проблемы. Довольно поставить вопрос: как концептуализировать элементы предметного содержания в случае своевольно, самостийно утверждающегося человека. Поскольку теория подобных случаев невозможна, в качестве глубинной предпосылки поиска в гуманитарном знании вводится идея предела автономного воления в виде постулирования рациональных общественных законов, исключающих девиантное поведение (мысль Жозефа де Местра).

502

Уточняя данный, безусловно нужный ход, Конт задумал социологию как науку об общественных законах, выносящих за скобки воление и по способам оценки предметности приближенных к естествознанию. Программа теоретической социологии Конта поэтому вытекает из проекта натурализации гуманитарного знания. Попробуем разобраться, какую действительную задачу и как ставит и решает Конт.

В отличие от индуктивно-эмпирической деятельности, оперирующей прецедентами, на теоретическом уровне вводятся принципы — родовые признаки, регулярности, инварианты, типаж. Дабы состояться в качестве теории, некое знание должно иметь дело с универсалиями, которые непосредственно, *de facto* не существуют, конструируются в абстрактном, чистом пространстве смысловой реальности и относительно которых развертываются всеобщие и необходимые аргументы. Иного пути построения теории неизвестно.

Должна быть фактуальная область, но должна быть и идеально-типическая аналоговая область, представляющая ее семантическую реконструкцию. Таков закон создания теории. Его реализует Вебер, давая понять, что социология изучает общие правила социальности безотносительно к их пространственно-временной локализации. Что это такое? Идеальные сущности, оказывающиеся чистыми универсально-типическими фиксациями: подчеркивая это, Вебер откровенно квалифицирует их как утопии. Сходно поступает Сорокин, именуя социологию генерализирующей наукой (в терминологии Виндельбанда) и обязывая ее вычленять общее в исследованиях общества, родовое в социальных пространствах, типическое в надорганике.

Подобная линия оправдана и понятна: теоретический мир не может возникать иначе, как через гиперболизацию элементов действительности с конструированием чистых форм течения событий в ареале мысли. Верная сама по себе линия эта, однако, неутешительна. Все упирается и предназначение гуманитарного знания.

Одно дело соблюдать гносеологические конвенансы, другое дело воплощать исходное призвание науки. Пафос

503

гуманитаристики — в концептуализации антропосферы во всей ее глубине и величии (что даже внешне заложено в понятии «надорганика»). Разработка же универсалий, инвариантов, типажей, родовых форм расчеловечивает — выхолащивает индивида,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

обезличивает, деперсонализирует. Нарращивание потенциала теоретичности гуманитаристики, уподобление ее натуралистике означает серьезную деформацию объектной сферы, где фигурирует волящий, мыслящий, целеполагающий индивид. Налицо парадокс: феномен теоретизма в гуманитаристике, без которого она не была бы наукой, препятствует выполнению ее профессиональных задач, — быть наукой о проявлении собственно человеческого в человеке. Показателен в этом отношении образ личности в известном рассказе Белля о социологии грубошерстного пальто, где выведен не субъект, а абстракт — носитель признака. Если это все, что занимает социологию, то на каком основании ее считать гуманитарной?

Размышления над путями концептуализации субъективного, внедрения человека в теорию усугубляют безысходность. Микросоциология не способна концептуализировать индивида ввиду его нетеоретичности: взятый единосошно, индивид есть отрицательная граница, предел, табуация теории. В макросоциологии затруднительно снять проблему синхронизации индивидуальных волей. Имеющиеся ресурсы — модели коллективного бессознательного и коллективного рефлекса недостаточны для этого. Вместе с тем ясно, что тот же «народ», «социум», состоящий из лиц, не ведет себя как единое механическое целое. Вопрос, таким образом, упирается в концептуализацию индивида. Веберовская социология для этого непригодна: принимая платформу методологического номинализма, т. е. объявляя субъектом индивида и лишая признаков субъективности идеальный тип, Вебер целенаправленно концентрируется на оценке идеально-типических (многообразия, тотальности), а не личностных (дополнительно гуманитарных) форм. Аналогично Сорокин ориентирует на введение обезличенных концептов «социальная мобильность», «культурная идентичность» с редукцией социальных свя-

504

зей, имеющих психическую природу и реализующихся в сознании индивидов, к внешним видимым их проявлениям в действиях (план социологии как суммы аналитики, механики и генетики общественной жизни).

Интенции и Вебера, и Сорокина на предотвращение трансформации науки в беллетристику вследствие введения индивида в теорию (лишенные общезначимости акты вживания, сопереживания, вчувствования как методы проникновения в индивида, подменяющие социологию психоаналитикой) вполне адекватны. Неадекватен итог — дегуманизация социологии. В рамках поиска дополнительных источников преодоления дилеммы общезначимость (отрешенные инварианты, абсолюты, роды, типы, универсалии) — гуманитарность (жизнедействующий по сознанию и наитию человек), оттолкнемся от опыта познания.

Случаи учета индивида отмечены в математике и естествознании. Имеется и виду ультраинтуиционизм и операционализм, вводящие не усредненно-стандартизированного, а реального субъекта познавательных действий. Фиксация начальных координат и способов движения в избранной системе отсчета

позволяет разворачивать локальные теории, сцепленные с характером инициатив познающего. Особенностью подобных построений выступает инструментальность — они оказываются не отображениями (учение о натуральном ряде чисел), а регистрациями комплексов опыта (учение о способах получения данным субъектом данного натурального ряда чисел). Не входя в критику субъектосодержащих теорий, отметим их главную особенность, которая, образно говоря, заключается в том, что это теории с экзальтациями: надстраиваясь над базовыми допущениями о выделяемом субъекте, они реализуются, как отмечалось, в качестве антропологических описаний «с пуантой». Последние сводятся к разъяснениям «особого характера» субъекта, включая требования, почему в случае субъекта *X* материализуется данный набор возможностей, а в случае субъекта *Y* — какой-то иной.

В традиционных, «правильных» точно-научных теориях указанные описания, как правило, остаются за бортом

505

рассмотрения (во избежание экзальтаций), сосредоточиваясь в курсах по истории науки (где и находятся хронические, биографические, психоаналитические и т. п. разъяснения, почему Эрмит, Марков не признавали геометрию, почему Чебышев не принимал теорию функций комплексного переменного и т. д.).

В гуманитарном знании, представляющем науку об утверждающемся человеке, рассматриваемые описания не могут быть выдворены из познавательных контекстов. Иначе гуманитаристика утратит гуманитарность. Понимание необходимости присутствия в гуманитарных науках антропологических описаний влечет модель двусоставности их строения. В одном секторе обособливается слой типизации — универсальных структур, получаемых применением идентификации, абстракций отождествления (чередующаясь, реставрируемость, воспроизводимость социальных, антропологических признаков, подводящихся под типы). В другом секторе концентрируется слой индивидуализаций — универсальных структур, передающих «подробности» агентов действий в специфических обстоятельствах.

«Чистая» социология в характерном веберовско-сорокинском толковании замыкается на рефлексию «факторов» — поисково значимых параметров, обезличенно, жестко каузально воздействующих на элементы творимой истории. Чистая социология, следовательно, есть идеализированная доктрина социальной жизни и ее составляющих *in vitro*. Гуманитаризированная социология есть субъектосодержащая доктрина в множестве антропологических описаний применительно к случаям *in vivo*. Чистая социология номотетична, механистична, гносеологически изоморфна естествознанию. Социолог, изучающий, скажем, миграцию населения, волен абстрагироваться от гуманитарных пластов, контуров. Он может поэтому изучать не человека, а квиток, не персональную мировую линию, а маршрут. Человек как человек со своим специфическим поведением личности ему не нужен. (Аналогично поведение выбросившегося из окна самоубийцы — не гуманитарно, описывается физическим законом

падения.)

506

С человеконесущей, индивидоцентричной социологией дело обстоит сложнее. Апелляции к типам — схемам, интегральным системам, трансцендентностям, институтам, тотальностям, любым абстрактным конструкциям, где сопоставляются исследуемые объекты, не проходят. Здесь интересен не полномочный элемент множества, по которому можно судить о множестве, а индивид. Нюанс, однако, в том, что ресурсами теоретического освоения индивида наука (знание) не располагает. Выход из тупика, который не находит и понимающая и феноменологическая социология (необщезначимые релятивистские методы прямого постижения, усмотрения «конечных реальностей»), поставляет, на наш взгляд, использование весьма плодотворной модели странных (стохастических) аттракторов.

В отличие от партии, разыгранной неокантианством, в нашем случае ценности имеют не трансцендентную, а целеориентирующую природу. Напомним, что нерв состыковки фундаментальности (теоретичности) с гуманитарностью заключается во введении базовой рациональности человека: в том случае, если человек поступает произвольно (нерационально), теоретической антропологии не построить. Понимая это, неокантианцы добиваются теоретичности за счет акцептации надмирности, обезличенности ценностей (элиминация индивида как субъекта аксиологического сознания). Осознавая амбивалентность подобной линии, Вебер тем не менее говорит о «целерациональном действии» как таковом. Атомарными единицами подхода Сорокина служат также обезличенные концепты макросоциологии, поддающиеся физикалистской и бихевиористской интерпретации. Во всех случаях, что очевидно, не удастся избежать механизации, сродни которой географизация (от Страбона до Монтестье и Леруа-Гурана) и геокосмизации (от Гумбольдта до Ратцеля, Реклю, Леруа, Гумилева) человеческой деятельности. Достижение теоретизма осуществляется неоправданно высокой ценой — за счет натурализации, объективизации человека.

Позитивистской деперсонификации, социологии пора положить явный и однозначный предел, чему способствует проект антропосоциологии.

507

Рефлексивная система. Идеалы, нормы, эталоны, регулятивы, каноны, императивы — дисциплинируют исследования в науке. Нормосообразность означает правовую упорядоченность интеллектуальных инициатив, выполняет охранительную функцию защиты интересов, прерогатив научного сообщества в целом. Кристаллизация этоса, семантических и процедурных кодексов — этих рычагов коррекции и контроля исканий — соответствует определенному способу мысли, находящему выражение в исторических и дисциплинарных формах логики, методологии, философии. (Логико-методологическая, философская рефлексия складывается как целенаправленная фиксация и обоснование общезначимости, общеобязательности неких познавательно ценных правил, выступая тем самым критико-аксиологической энтелехией интеллекта, судом разума, привносящего на почву

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

мыследеятельности правовые отношения.)

Рефлексивные механизмы — специальный отсек науки, концентрирующийся не на предметном мире, а знании с целью квалифицирования его под углом зрения воплощения «достоверности», «доказательности», «оптимальности». По сути рефлексия занята проблематизацией и конституированием образцов и шире — образов науки, проявляющихся в конкретных эпохах в качестве укорененных в культуры эшелонированных динамических формаций со специфическим складом теоретизирования, рационального познания, понимания, смыслообразования. Развитие чувства стандарта постановок проблем, приемов их анализа, разрешения, трактовок, толкований «теории», «проверки», «обоснования» необходимо науке для выработки масштаба самооценки, без которого она не имеет целевых опор саморазвития. В научный дискурс, таким образом, вплетены механизмы регулирования, регламентирования, реагирования, вводящие сетку гносеологических предпочтений и удостоверяющие ценность, достоинство единиц знания.

Совокупность атрибутивных науке норм подразделим на нормы знания и исследования (метод науки), что со-

508

ответствует двум типам научной рациональности — рациональности результата (нормативное описание наличного познавательного массива) и рациональности процесса (эффективность, оптимальность, целесообразность деятельности, ориентированной на получение нового знания). В одном случае аккумулируются правила для знания, взятого в статике — познавательный мир должного с точностью до возможностей состоявшегося опыта. В другом случае сосредотачиваются правила для производства знания — мир знания в динамике, исследовательская практика науки (сущее), не скованная некогда утвержденными, а потому априорно-узкими стандартами.

Т. к. нормы науки вводятся индуктивно через обобщение сбывшегося опыта, каноны знания закрепляют понятия о содержательно плодотворном прошлом. Поскольку же последнее не исчерпывает науки, актуальные исследования методологически не управляются требованиями прежних норм; расширяя горизонты знания, объективно они трансформируют имеющиеся нормативные пространства; за счет поиска, следовательно, идет эволюция регулятивов и норм. Каноны упорядоченного социального знания распадаются на три множества.

Первое — группа универсальных предписаний, отделяющих науку от ненауки. Это как бы предельный ценностный базис, конституирующий понятие унитарной науки безотносительно к ее дифференцированности по предметно-методическим, профессиональным формам. Здесь обнаруживаются такие нормативы, как формальная непротиворечивость, причинно-следственная связность, потенциальная опытная проверяемость, воспроизводимость, интересубъективность. Характеризуя поле действия данных критериев, правомерно говорить о мире науки как миро-отношении, о том, что, выходя за пределы отдельных периодов и эпох, охватывает и пронизывает весь исторический

процесс развития и функционирования науки в целом, что объединяет науку в некую замкнутую, не проницаемую для ненауки общность. Указанные требования необходимы: упразднение какого-то из них грозит распа-

509

дом науки как надстроечной сферы, способа освоения действительности. В науке, к примеру, нет места рационально (логически, практически) не обоснованному, в противном случае имеется выход за ее пределы и границы. Таким образом, обсуждаемые критерии интегрируют те ненарушаемые схемы, архетипы, принципы интеллекта, которые в своей позитивности обуславливают тождественность, целостность науки как стабильного, в себе организованного феномена. Они делают науку единой, синхронически действующей системой, охватывающей хотя и автономные, но структурно подобные, гносеологически изоморфные знания.

Второе множество — группа исторически преходящих нормативов, которые определяют модельно-аналоговый, объяснительный, интерпретативный, смыслообразовательный процесс, делают ход вещей, порядок природы «интеллигибельным», задают рациональные образцы связей, в терминах которых можно осмысленно судить о течении событий. Сюда относятся такие нормативы, как требования к онтологическим, гносеологическим допущениям, картинам мира, которые ориентированы на принятые в культурах исследовательские программы, идеалы знания. В отличие от вышерассмотренных критериев данные критерии фиксируют лишь культуру-стилистическую размерность мышления ученых, имеют принципиальное значение для квалификации знания в его конкретно-исторической проекции.

Третье множество — группа дисциплинарных требований, предъявляемых к профессионально расчлененным, обособленным отраслям. (Обособленность систем науки — от характерных ограничений, навешиваемых нормами: математика исключает качество, интенсивность; эмпирические науки — внеопытные, спекулятивные сущности; традиционная наука в целом исключает ценности и т. д.) Здесь выделяются требования, специфичные для логико-математических, естественных, общественных наук, отдельных родов и модификаций знания, конкретных теорий, гипотез, допущений, актов познания и их комплексов. В противо-

510

положность рассмотренным группам критериев данные нормы гораздо более узки. Они представляют инструмент аттестации конкретных видов знания и деятельности, отображают не типические, а частные параметры науки.

Каноны исследования стимулируют прогрессивные сдвиги, выражают приемы, способы производства знания.

Мобильная первопроходческая деятельность, ответственная за инновации, управляется весьма нежесткими побудительными установками на нетривиальность, новаторство. Если рациональность знания учреждается «истинностью» (ответственна за накопления в науке объективно достоверных результатов), «критицизмом», «логической, опытной обоснованностью» (ответственны за накопление в науке нетривиальных, максимально

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

апробированных результатов), то рациональность исследования утверждается определяющим науку с точки зрения ее внутренних целей «прогрессизмом».

Выше подчеркивалось, что инновационная деятельность, не вписывающаяся в эпистемологические стандарты, с позиций имеющегося знания и связанных с ним норм не может квалифицироваться как рациональная. Для недопущения дисквалификации и дискредитации разработок последние расцениваются с существенно иных логико-методологических позиций. Представление о них задается понятием целерациональности: в отличие от знания, где рациональность сводится к соответствию нормам, в исследовании рациональность означает соответствие эвристичным целям.

Генетически цель предшествует результату, исследование — знанию. Разработчик, обновляющий познавательный фонд, производит открытие. Знание «контекста открытия» гносеологически не дифференцировано, наряду со справедливым, гениальным содержит не идущие к делу атавизмы персонального, исторического, социального. После рефлексивной логико-концептуальной обработки знания, на стадии «контекста оправдания», выявления вполне адекватного, непреходящего задним числом устанавливается рациональность предпринятых действий. Про-

511

грессивное расширение знания обоюдоостро: влияя на предшествующее знание, оно влияет на принятую ценностную шкалу. В итоге в предметном и нормативном создании происходят сдвиги. Прежние способы исследования ревизуются, обнаружившие эффективность приемы возводятся в нормы.

4.2.5 Наука как тип рациональности

Рациональность — категория полисемантическая.

По Веберу, рациональность — «точный расчет адекватных средств для данной... цели», способность методически достигать запланированных результатов с помощью расчета.¹⁸⁴ Недостатком интерпретации является отсутствие содержательной оценки «цели», «средств» деятельности как сущностных показателей. В частном случае верно, что основанная на расчете, а потому «рациональная» в каких-то узких установленных границах деятельность может быть вовсе не рациональной в общечеловеческом масштабе — с позиций учета некоторых универсальных ценностей. Таковы, скажем, апартеид, геноцид, терроризм и т. д., которые «рациональны», как ни чудовищно это звучит, будучи построены на «методическом расчете», но нерациональны по существу. В общем случае несомненно следующее: там, где средства достижения цели отчуждаются от человека, превращаются в самоцель, рациональная деятельность трансформируется в нерациональную. Отсутствие рефлексии такого рода аргументов в интерпретации рациональности Вебера делает ее неэффективной. Не продвигает вперед и представляющее ответ на критику уточненное веберовское толкование рациональности как соответствия принципов

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

деятельности эмпирически контролируемым правилам.¹⁸⁵ Не продвигает потому, что не

¹⁸⁴ См.: Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, 1922. S. 536.

¹⁸⁵ См.: *Kritische Studien auf dem Gebiet der Kulturwissenschaftlichen Logik*// Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, 1951.

512

избавляет от недостатков исходного понимания рациональности: деятельность по эмпирически контролируемым правилам также может быть нерациональной.

По Витгенштейну, рациональность — конформность, наилучшая адаптированность к обстоятельствам, принятие сложившихся способов деятельности такими, каковы они есть.

В основе рациональности — разумное ограничение свободы через воспитание, обучение, унаследование традиций и т. д., что обуславливает согласованность деятельности с наличными обстоятельствами, ее рациональность. В отличие от разумности, представляющей осмысленную деятельность в данных обстоятельствах, рациональность означает целесообразную деятельность в данных обстоятельствах как результат адаптированности к ним, под чем подразумевается а) оптимальный учет обстоятельств; б) учет последствий деятельности в обстоятельствах. Следовательно, фиксируя это, Витгенштейн в чем-то прав. Однако, если с тем, что рациональность есть наилучшая адаптированность к обстоятельствам, в каких-то отношениях согласиться можно, с тем, что рациональность есть принятие сложившихся способов деятельности без изменений, согласиться нельзя. Будучи несовместима с догматизмом, рациональная практика антиконформна: тенденция к целесообразности, реализующаяся через «критическое испытание», «выбраковку» и т. д., обязывает улучшать, а не консервировать наличные способы деятельности.

По Тулмину, рациональность — логическая обоснованность принципов деятельности.¹⁸⁶ Такому пониманию присущи те же недостатки, что и пониманию Вебера. Подобно эмпирической, логическая обоснованность деятельности не способна конституировать ее рациональность.

Не загружая анализ исследованием имеющихся трактовок рациональности, подчеркнем: вопрос рациональности деятельности в общей постановке не может позитив-

¹⁸⁶ См.: Toulmin S. *An Examination of Place of Reason on Ethics*. Cambridge, 1958.

513

но решаться в теории, это сугубо практический вопрос. Критерием рациональности выступает практика, совокупная общечеловеческая производственная деятельность, труд, являющийся средством удостоверения рационального, или разумно-целесообразного, сбалансированного с обстоятельствами, критически выверенного, обоснованного характера человеческой деятельности, ее продуктов и результатов.

Руководствуясь тем, что «фундаментом» рационального является труд; что как характеристика рациональное динамично; изменение деятельности меняет понимание рационального — рациональное в **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

одних ситуациях перестает быть таковым в других; что рациональное фиксирует оптимальность, эффективность, методичность деятельности, так как лишь соответствие деятельности установленным правилам гарантирует успешное достижение намеченных целей при минимуме издержек; что рациональное выявляется лишь в ходе анализа деятельности на ее соответствие фундаментальным законам природы и общественного развития,¹⁸⁷ на базе исследования целей и средств их достижения, ибо неадекватность целей и средств деятельности деформирует ее рациональность, — руководствуясь этим, можно строить локальные и глобальные интерпретации рациональности.

В локальных интерпретациях рациональность понимается как система деятельности на основе исторически задаваемых принципов по достижению реалистичных целей. Локальные интерпретации возникают при учете ситуационных характеристик деятельности.

В глобальных интерпретациях рациональность понимается как система деятельности на основе практически опробованных принципов по достижению вписывающихся в линии общечеловеческого развития целей. Глобальные интерпретации возникают при учете относительно

¹⁸⁷ См.: Ракитов А. И. *Рациональность и теоретическое познание // Вопросы философии. 1982. № 11. С. 70.*

514

универсальных (к примеру, гуманистическая оправданность) характеристик деятельности.

Принимая во внимание сказанное, охарактеризуем науку как тип рациональности.

Понятие научной рациональности, представляющее инструмент спецификации научной деятельности и знания, употребляется для обозначения отличительных свойств науки как особой сферы интеллектуального производства. Каковы эти свойства? Разные авторы, понятно, предлагают разные решения.

Мертон к числу таких свойств относит а) универсальность (содержательная ценность исследований); б) коммунальность (социальная значимость результатов); в) прагматичность (прогрессивность поиска); г) скептицизм (требование обоснованности). Поппер настаивает, что науку как тип рациональности определяет критицизм.

Моделирование науки как типа рациональности предпринимается с целью построить такой ее «идеально средний тип», который в точности бы определял то характерное, что отличает науку от всякого другого познания (вида деятельности) и что, следовательно, составляет ее особенность. Поэтому, переходя к построению «идеально среднего типа» науки, из множества признаков, так или иначе характеризующих науку, выделим существенные. Подобными признаками являются: а) прогрессизм (нетривиальность); б) истинность (объективность, достоверность); в) критицизм; г) логическая организованность (доказательность); д) опытная обоснованность (оправданность).

Прогрессизм (нетривиальность). Понятие прогресса, отображающее ту особенность духовной деятельности, которая состоит в обязательности развития, совершенствования наследия,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

гносеологически ясно далеко не для всех сфер духовного производства. Скажем, был ли переход от барокко к рококо прогрессом? Лучше ли атональная система в музыке, чем тональная?¹⁸⁸ и т. д. Такого рода воп-

¹⁸⁸ См.: Ниинилуото И. *Понятие прогресса науки // Философские науки. 1981. № 5. С. 65.*

515

росы не имеют очевидных ответов. Причина — скрытая апелляция к понятию прогресса, которое, как отмечалось, не уточнено применительно к оценке динамики многих видов творческой жизни человечества.

Вместе с тем трудности, которые встают, когда пытаются решить вопрос прогрессивного развития культуры при сопоставлении, к примеру, Лопе де Вега и Шекспира, Баха и Бетховена, Торвальдсена и Родена и т. д., практически исчезают при анализе рядов, составленных из имен Птолемея и Коперника, Штала и Лавуазье, Ньютона и Эйнштейна и т. д. Значит ли это, что прогресс как некая устойчивая, имманентная тенденция свойствен лишь науке?

В плане изучения вопроса подчеркнем, что политик, теолог, художник, ваятель, конечно, отталкиваясь от наследия предшественников, определяет отношение к нему на совершенно отличной от ученого основе. Решающим является то, что они могут «видеть задачу и смысл своей деятельности в том, чтобы сохранить и в неизменности закрепить уже созданное непосредственными предшественниками», в том, чтобы «перечеркнуть их достижения и вернуться к более отдаленному прошлому», они могут «идеализировать прошлое, ставить себе целью возратить или реставрировать его, или подражать ему»¹⁸⁹ — и при этом оставаться самими собой, т. е. деятелями политики, религии, искусства и т. д. Иное дело — ученый, научное творчество, наука как вид интеллектуальных занятий в целом. В науке невозможна стагнация независимо от источников ее возникновения. Сама реальность, будни научного деятеля выдвигают на передний план аспект развития, становления.¹⁹⁰ Поэтому всегда и везде особенностью и своеобразием сознания представителя науки выступает некое прогрессистское устремление: превзойти, достигнуть новых высот по сравнению с предшественниками. По-

¹⁸⁹ Лейкин Э. Г. *Идея научного прогресса в современной буржуазной и общественной мысли // Концепции науки в буржуазной философии и социологии. М., 1973. С. 159.*

¹⁹⁰ См.: Паули В. *Физические очерки. М., 1975. С. 31.*

516

скольку, вступив на путь консервации прошлого, ученый депрофессионализируется, «он перестает быть участником и двигателем науки», «его деятельность перестает быть наукой»,¹⁹¹ в то время как подобный путь у представителей других видов духовного производства не видоизменяет их профессионального статуса, постольку прогрессизм выступает *sui generis* лишь науки. Такова одна сторона дела.

Другая сторона состоит в том, что «прогрессизм» выступает показателем научности уже собственно единиц науки. В этом случае учитывается экспансивность, нетривиальность теорий.

«Прогрессизм» как атрибут науки проявляется в перманентном

самообновлении наукой концептуального арсенала, что связано с исчерпанием эвристического потенциала фиксированных систем знания, вызывая необходимость качественных их преобразований. Поскольку утрачивающие экспансивность, нетривиальность, предсказательную силу теории не являются гносеологически желательными — предпринимается все, чтобы заместить их более совершенными теориями, постольку «прогрессизм» в виде устойчивого стремления к «нетривиальности» выступает атрибутом науки.

Истинность (объективность, достоверность). Для ученого в отличие от представителей других типов духовной деятельности осознание включенности в поступательный, необратимый процесс постижения истины является первостепенным, определяющим. Отсюда стремление к истине, стремление все более глубоко, полно, обоснованно отображать, фиксировать явления действительности, справедливо квалифицировать как сущностную интенцию науки. Так как вопрос научности не решается в отрыве от вопроса динамики объективности, настроенность на освоение истины оказывается имманентно присущей науке как когнитивному предприятию.

Критицизм. Под критицизмом понимается не столько антидогматизм, что само по себе остается предпосылкой

¹⁹¹ Лейкин Э. Г. *Цит. соч. С. 159.*

517

научной деятельности, сколько установка на непрестанное испытание, экспертизу на достоверность, сопровождающуюся решительной выбраковкой продуктов поисковой деятельности. В частном случае критика выступает формой прогрессивного движения (восхождения) к истине (развития знания). В общем же случае без критики невозможны никакие формы научной истины и научного прогресса. Отсутствие критики порождает бездоказательность, разрушает возможность отстаивать истину с позиций рациональных, достаточных оснований, культивирует фетишизм — преклонение перед достигнутыми результатами, воспитывает несовместимый с наукой волюнтаризм. В этой связи понятно, почему гарантирующую наилучшую обоснованность, исключаящую познавательную беспринципность здоровую критику считают неотъемлемым спутником науки.

Логическая организованность (доказательность). Свойство логической организованности присуще различным формам знания (результатам познания). В частности, оно связывается с системностью практически-обыденных знаний и мнений. Здесь намечаются возможности анализа перехода этих ненаучных форм опыта в науку на основе развития системности. Весьма ценная мысль на этот счет имеется у Канта, который отмечал, что «обыденное знание именно лишь благодаря систематическому единству становится наукой, то есть из простого агрегата знаний превращается в систему».¹⁹² Однако сама по себе «системность», понимаемая как «организованность», нуждается в уточнении, поскольку всякое знание, а не только наука, организовано в большей или меньшей мере.

Организованность знания детерминирована его

доказательностью, под которой понимается последовательное удостоверение истинности знания. В случае ненауки строгие доказательства (гарантии) истинности знания отсутствуют; имеют место различной силы, убедительности до-

¹⁹² Кант И. Соч. Т. 3. С. 680.

518

воды, которые не отличаются ни принудительностью, ни демонстративностью. В случае науки реализуются строго заданные процедуры удостоверения истинности, опирающиеся на индуктивные (в опытных науках) и дедуктивные (в науках логико-математического профиля) стандарты доказательства (обоснования). К последним относятся: статистичность экспериментов, воспроизводимость, представительность, явное указание исходных элементов теории, применяемых логических средств и т. п. В науке в отличие от ненауки, таким образом, неукоснительно проводится принцип достаточного основания, конституирующий (в идеале) всестороннюю обоснованность, аподиктичность истины.

Так как наука — совокупность утверждений, взятых со своим основанием (доказательством), «необходимость доказательности» является специфическим требованием науки.

Опытная обоснованность (оправданность). Данное требование указывает на наличие тесной связи между характером результатов познания и научностью. С позиций этого требования продукт познания квалифицируется как ненаучный в случаях, когда: а) подтверждается всем универсумом данного (синдром всезнания): это достижимо либо если знание абсолютно истинно, что по понятным причинам невозможно, либо если оно потенциально непроверяемо, — произвольная фантастическая (натурфилософская) конструкция; б) не имеет связи с эмпирией и принципиально не подтверждается — искусственное спекулятивное допущение; в) объясняет, но не предсказывает, превращаясь в описание *a tergo*, — семантически тривиальное построение; г) предсказывает, но не объясняет наличные законы — догадка; д) объясняет и предсказывает, но предсказания существенно расходятся с действительностью, — неадекватная теория.

Поскольку производство знания не является самоцелью — оно предпринимается для концептуализации, абстрактного моделирования фиксированных предметных областей, постольку нетривиальное (научное) знание должно адекватно их отображать. В случаях же, когда знание

519

не связано с фактами, потенциально не проецируется на эмпирию, лишено экспериментальной основы, т. е. не имеет опытного оправдания, закрадываются сомнения в серьезности, приемлемости, надежности знания, которое гносеологически однопорядково произвольным конструкциям, умозрениям.

Собственно это и обязывает расценивать «опытную оправдываемость» как фактор научности.

Разумеется, установки на прогресс, истину, критику, логическую организованность, опытную оправдываемость могут иметь место и в ненаучных сферах духовного опыта (обыденное познание, искусство, религия и т. д.), однако они не выступают для них

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

определяющими. В отличие от ассоциированной ненауки, рассмотренная как «идеально средний тип» наука определяется пятью вышеуказанными параметрами. Интенции на прогрессивность и истинность ответственны за накопление в науке лишь объективно достоверных результатов.

Направленность на критику (испытание), логическую, опытную обоснованность ответственны за накопление в науке лишь нетривиальных и максимально апробированных результатов.

Поскольку главной задачей науки является последовательное освоение истины, а также поскольку оно не реализуется в отрыве от ее (истины) тщательного критического, логического, опытного испытания, оправдания, доказательства, постольку прогрессизм, истинность, критицизм, логическая доказательность, опытная обоснованность, вместе взятые, специфицируют науку как автономную отрасль духовного производства, особый тип рациональности.

4.3 Критерии научности

4.3.1 Проекты наукоучения

Идея наукоучения — единой теоретико-методологической доктрины науки уходит в далекое прошлое.

520

Эту идею, по-видимому, впервые реализовывали еще Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур и другие, пытавшиеся разделить теорийно-логические, категориальные (научные) и практически-обыденные, субъективно-чувственные, морально-эстетические, религиозно-мифологические и т. п. (ненаучные) типы отношений к действительности. Подобные же идеи организуют поиск многочисленных мыслителей Возрождения, Нового времени, Просвещения, определяют направленность деятельности методологов наших дней.

Разумеется, реальный вклад различных ученых, школ, течений в разработку гносеологической доктрины науки неодинаков. Если попытаться его как-то квалифицировать, обобщать, выделять существенные вехи, не утратившие ценности в ретроспективе, при всей условности этого занятия необходимо отдать должное таким, как:

Виета, который, отыскивая решение «задачи задач» (алгоритм решения любой математической проблемы), на материале математики разрабатывает общее наукоучение, включающее пористику — искусство доказательства известных истин, зететику — искусство нахождения новых истин (решений), экзегетику — искусство открытия.

Дестю де Траси, Вольней, Кабанис и др. — авторы проекта Всеобщей науки идеологии, которые положили начало исследованию науки в аспекте теоретико-познавательного генезиса.

Кант, Фихте, Гегель, которые, «исчерпывая все человеческое знание в его основных чертах» (Фихте), ориентировали на выявление основоположений науки, узаконили анализ последней в аспекте гносеологического статуса.

Больцано, который, исходя из трактовки науки как всесторонне,
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

строго обоснованного знания, разработал оригинальный проект наукоучения — дисциплины, изучающей правила изложения знания (истин) в основных теоретических курсах (учебниках) науки.

Наторп, который прослеживал динамику логических основ объективного знания, составляющих фундамент строения науки.

521

Зигварт, который предложил масштабный проект теории науки, слагающийся из двух взаимосвязанных частей. В первой предполагалось 1) однозначно выявить алгоритм приобретения первичных понятий в науке; 2) расчленив научные представления на элементарные; 3) установить неизменные правила синтеза элементарных представлений в комплексные. Во второй надлежало 1) выработать механизм образования достоверных суждений; 2) установить универсальные критерии научности; 3) определить понятие истины.

Гуссерль задумывал наукоучение как нормативную антипсихологистскую теорию знания, в которой выделяются две части. В одной выявляются всеобщие принципы, условия осуществления познания (учение о типах и структурах обоснования истин). В другой вырабатываются методы индикации истин (учение о способах переживания истин).

Хотя ни один из упомянутых авторов не предложил адекватной системы наукоучения, вклад их в теорию науки значителен: каждый обогатил эпистемологическую технику и семантику, стимулируя изыскания последующих исследователей.

Многообразие систем наукоучения пронизывает фундаменталистское устремление, говоря словами А. Тарского, «создать единый аппарат понятий, который мог бы служить базисом для всего человеческого знания».¹⁹³ То, что такой базис существует, не проблематизировалось. Проблематизировалось право отдельных кандидатов играть его роль.

Одни, как Сен-Симон, усматривали фундамент всеобщей теории наук, физических и моральных, — в понятии... тяготения.¹⁹⁴ Другие, как неопозитивисты периода Венского кружка, тщились образовать *Einheitswissenschaft* —

¹⁹³ Тарский А. *Введение в логику и методологию дедуктивных наук*. М., 1948. С. 20.

¹⁹⁴ См.: *Saint-Simon. Oeuvres Choisis de Saint-Simon. Bruxelles, 1859. T. II. P. 241.*

522

«единую науку», охватывающую все познание реальности, доступное человеку, без разделения ее на такие отдельные, непосредственно не связанные специальные дисциплины, как физика и психология, естествоведение и литературоведение, философия и специальные науки, на базе физикалистских критериев демаркации. Третьи, как Гильберт, за абсолютное основание знания принимали форму знаков, которую «можно распознавать наверняка всегда и всюду, независимо от места и времени, от особых условий, в которых был начертан знак, а также от незначительных различий в исполнении знаков».¹⁹⁵ Разрабатывались и иные проекты.

Не вдаваясь в оценку деталей этих проектов, так и не переживших создателей, уточним принципиальные линии поиска «архимедовой точки опоры» в эпистемологии.

Вопрос о принятии «пределных» основоположений знания для построения теории науки неотделим от вопроса их обоснования. Решение же последнего упирается в трудности, порождаемые самой природой обоснования. Они обусловлены интенциональной сущностью обоснования как процедуры, ориентированной на отыскание очередного основания для всякого обосновывающего.

С одной стороны, избавиться от данной трудности нельзя: прекратить поиск обосновывающего основания означает реально достичь абсолютно обоснованного основания, что по понятным причинам невозможно. С другой стороны, избавиться от нее необходимо, учитывая линейный, конечный, конструктивный характер человеческого мышления.

Единственный путь преодолеть regressus ad indefinitum состоит в обрыве обоснования на каком-то его витке. Однако это вызывает новые трудности, представление о которых можно получить, оценивая возможности прекратить поиски обосновывающего основания. Таких возможностей две.

¹⁹⁵ *Цит. по: Карри Х. Основания математической логики. М., 1969. С. 140.*

523

Первая: обрыв обоснования обеспечен тем, что некоторое основание обосновывается через себя самое, а не через иное основание. Решение через самозамыкание обоснования не проходит: 1) ввиду тривиальности, так как ставит перед необходимостью преодолеть логический круг, который нетерпим содержательно; 2) ввиду основанности на отношении самореферентности (самоприменимости), так как чревато парадоксами, которые нетерпимы формально.

Вторая: обрыв обоснования обеспечен тем, что некоторое основание принимается как далее необоснуемое. В реальной науке проходит именно этот путь, однако многие выбраковывают его, усматривая в нем подобие рискованного метода «слепых ставок» с присущими ему субъективизмом, конвенционализмом и т. д. По этой причине, подчеркивая, так сказать, безысходность ситуации, в которой оказывается исследователь, решая рассматриваемую проблему, Г. Альберт именуется ее ситуацией «трилеммы Мюнхгаузена».¹⁹⁶ Между тем ситуация сама по себе лишена привкуса драматизма, так что Альберт сгущает краски. Обрыв обоснования на каком-то витке, прекращение поиска более фундаментального основания — реальность, как реальность и то, что требование «всесторонней обоснованности» оснований — утопия. На деле обрыв обоснования не означает принятия ничем не обоснованных оснований, так что он не может моделироваться методом неквалифицированных «слепых ставок». В действительности в науке фиксируется некий уровень обоснованности, отвечающий запросам наличного познания, дальше которого не идут. В этом смысле основания науки хотя и наиболее уязвимые, что демонстрирует и процесс развития науки, осуществляющийся как перманентная ревизия оснований знания, но не лишены обоснованности элементы: они апробированы с точностью до наличного опыта.

Так — в науке, но как — в эпистемологии, решающей несравненно более сложную задачу? Обрывом обоснова-

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

¹⁹⁶ *Albert H. Traktat über Kritische Vernunft. Tübingen, 1968. S. 13-14.*

524

ния с принятием фиксированного уровня обоснованности можно довольствоваться в конкретном знании, имеющем дело с частными вопросами. Однако этого недостаточно для теории знания, имеющей дело с общим вопросом его «предельных» оснований. Что в этом случае означает обрыв обоснования? Какую степень обоснованности здесь можно принять? Осмысление этих и подобных им вопросов привело к разработке совершенно естественной логики исследования. Если обрыв обоснования невозможен, но нельзя обойтись и без него, обоснование кончается там, где найдены самоочевидные элементы. Их поиск, на долгие времена определивший существо эпистемологических исканий, упорядочивается в три русла.

Первое русло — эмпиризм, уповавший на «естественный свет опыта». Адептам этой линии свойственно: а) толкование эмпирического (опытные данные, факты, протоколы наблюдения) как базиса несомненности знания; б) допущение прямого замыкания теоретического уровня на эмпирический. Оценивая программу, укажем на следующее. Миф изначальной прозрачности, несомненности эмпирических структур развеян самой практикой науки — по ходу осознания теоретической нагруженности, интерпретированности опытных данных. Оказалась несостоятельной и идея прямых дедуктивно-редуктивных отношений между теоретическим и эмпирическим базисами. Первый не дедуцируется из второго вследствие своей творческой сущности: он возникает в результате синтетической продуктивной деятельности, не являющейся непосредственным обобщением опытных данных. Теоретический базис также не редуцируется к эмпирическому базису в силу невыводимости из опыта концептуальных принципов, идеализации.

Второе русло — рационализм, уповавший на «естественный свет разума». Поборникам стратегии присуще а) признание в качестве «незыблемого» базиса знания аксиом, из которых с помощью дедукции — средства трансляции истины от посылок к заключениям — достигается вся полнота знания; б) убеждение в абсолютно точном, строгом

525

характере математики — эталоне науки. Анализируя доктрину, отметим следующее.

Аксиомы как положения, не доказываемые в наличных системах знания, не требуют доказательства не в силу самоочевидности, а в силу иных причин. О наиболее существенной говорилось выше, когда подчеркивалось, что в науке невозможно доказывать и доказать все, хотя, вероятно, к этому нужно стремиться.

В содержательных аксиоматиках аксиомами служат положения, которые обосновываются за пределами фиксированных систем — в исторических, генетических, диахронных и т. д. исследованиях; «предельным» средством обоснования их является совокупная общественно-историческая практика. В формальных аксиоматиках аксиомами служат всегда истинные формулы, имеющие интерпретацию. Поскольку, как показал опыт исследований, аксиомы имеют функциональный статус, обнаружилась

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

несостоятельность учения рационалистов о «непреложном» характере аксиом.

Не выдержала испытания и догма рационалистов о якобы абсолютно строгом характере математики. Укажем на некоторые из причин ее неабсолютной точности, строгости.

Источником этих качеств математических теорий является способ формально-аксиоматической организации. Однако он реализуется на относительно поздних этапах исследования (деятельность по организации знания). На начальных этапах исследования деятельность математиков отмечена печатью неточности, нестрогости. «Вы можете часто услышать, — писал Ф. Клейн, — что математика занимается исключительно выводами логических следствий из ясно заданных посылок». В действительности же «исследователь работает в математике, как и во всякой другой науке, совершенно иначе: он существенно пользуется своей фантазией и продвигается вперед индуктивно, опираясь на эвристические вспомогательные средства».¹⁹⁷

¹⁹⁷ Клейн Ф. *Вопросы элементарной и высшей математики*. Одесса, 1912. С. 339.

526

Многие положения, утверждения, проблемы математики — неразрешимы. Наличие неразрешимых проблем вытекает (в общем случае) из теоремы Геделя о неполноте, утверждающей: во всякой непротиворечивой формальной системе S , содержащей минимум арифметики, имеется формально неразрешимое утверждение (формула) A , такое, что ни A , ни $\sim A$ не выводимы в S . Существование неразрешимых проблем допускается также теоремой Геделя о задачах относительно неразрешимых, вытекающим из нее следствием о наличии абсолютно неразрешимых задач и т. д.

В 1935 г. А. Черч привел пример неразрешимой массовой проблемы, а позже совместно с Дж. Россером установил неразрешимость элементарной арифметики. В 1947 г. А. Марков и Э. Пост доказали неразрешимость проблемы тождества для полугрупп, которая ставилась А. Туэ в 1914 г. В 1952 г. П. С. Новиков доказал неразрешимость проблемы тождества групп, поставленной в 1912 г. М. Деком. Он же доказал неразрешимость проблемы изоморфизма (в теории групп). В 1958 г. А. Марков показал неразрешимость проблемы гомеоморфии полиэдров. В 1970 г. Ю. Матиясевич доказал неразрешимость десятой проблемы Гильберта. Неразрешимость бывает двух видов: неразрешимость утверждений — следствие теоремы Геделя о неполноте, и неразрешимость алгоритмическая (десятая проблема Гильберта). Попытки уточнить понятие алгоритма (теории лямбда-конверсии Черча, рекурсивных функций Клини, финитных комбинаторных процессов Поста и др.) привели к общему выводу о невозможности алгоритма, решающего проблему разрешимости.

В математику входит комплекс имплицитных представлений, не поддающихся дедуктивизации, формализации. Сюда относятся оценка и выбор конкретных аксиом, использование тех или других приемов, законов, операторов, понятий и т. д.

В математике распространены непредикативные определения, способные вызывать парадоксы.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

527

В математике, следовательно, по меткому замечанию М.Бунге, «тысячелетнее царство не более возможно, чем в политике».¹⁹⁸

Третье русло — интуитивизм, уповавший на озарение. Как известно, интуитивизм неоднороден, поляризован. На одном полюсе — откровенные иррационалисты типа С.Франка, которые обосновывают существование научного знания допущением мистической «самовыразимости» бытия для субъекта.¹⁹⁹ На другом полюсе — мыслители, примыкающие к рационализму, которые, вводя некий трансцендентный познанию фактор (бог Декарта, *intellectus infinitus* Спинозы и т. д.), обосновывают возможность науки его действием: каким-то образом он актуализирует предзаложенное в субъекте знание, развертывает его в систему науки.

Присущий интуитивизму значительный элемент фидеизма делает неприемлемой предлагаемую им программу обоснования науки.

Итак, не существует абсолютного, предельного, незыблемого, непроблематизируемого базиса знания, о котором мечтали и который допускали эмпиризм, рационализм, интуитивизм. Не существует такой — логической, фактической, интуитивной — структуры, которая была бы достаточной для обоснования теоретического знания.

4.3.2 В поисках критериев научности

Наука функционирует в культуре не в виде однородного целого, а в виде обособленных систем знания, характеризующихся разной степенью зрелости. Последнее порождает гносеологическую расслоенность науки, побуждает расценивать отдельные ее единицы в качестве эталонных.

Титул эталона поочередно присваивался то конкретным наукам-лидерам, то целым научным отраслям, то специальным методам и процедурам. Какие принципы выступали в качестве направляющих?

¹⁹⁸ Бунге М. *Интуиция и наука*. М., 1967. С. 60.

¹⁹⁹ См.: Франк С. *Предмет знания*. Пг., 1915.

528

Чтобы ответить на вопрос, проанализируем аргументы, привлекаемые для обоснования соответствующих позиций.

Математический эталон научности. Причины, повлекшие абсолютизацию идеала, основанного на математическом знании, заключаются в следующем. Общепринятая, уходящая истоками в античность точка зрения относительно оснований демаркации науки и ненауки апеллирует к всеобщности и аподиктичности. Именно на этом базируются противопоставления знания и мнения, знания и субъективной видимости и т. п. В связи с этим возникает вопрос о факторах, способных конституировать данные свойства. Они усматриваются в логическом аппарате, применяемом для обоснования знания.

Научное знание обоснованно. Обоснованным же считается знание, в котором истина задана субъекту строгим, принудительным образом. Последнее достигается четко фиксируемыми средствами — структурами умозаключений,

логическими исчислениями, правилами дедуктивного вывода, аксиоматизацией и т. п. Но такие свойства, как дедуктивность, аксиоматизм, четкие правила вывода, т. е. то, что олицетворяет логическое доказательство, составляют специфическую черту математического познания.

И, действительно, максимально полное, стройное логическое доказательство, а вместе с ним — наиболее обоснованное и необходимое знание, традиционно достигается в области математики. Это и понятно, ибо математика, как со времен пифагорейцев прочно утвердилось в методологическом сознании, воплощает идею «чистого» доказательства. Отсюда известная, точно передающая суть дела позиция: в науке столько научного, сколько выразимого средствами математики. В разные времена и при разных обстоятельствах эту позицию разделяли Платон и Лейбниц, Декарт и Коген, Спиноза и Кант, Роджер Бэкон и Леонардо да Винчи, Мальбранш и Вольф, Гоббс и Наторп, Больцано, Гуссерль и многие другие методологи науки.

529

Стремление «возвысить» науку до математики, приблизить ее к ясной, строгой, логически обозримой технике математического познания само по себе вполне объяснимо и в чем-то оправданно. Математизация знания, внедрение математических методов в конкретные науки и т. п. связаны с широкими эвристическими возможностями математики. Математика — и обработка эмпирического материала, и описание и систематизация фактических данных, и построение моделей, имитирующих поведение объектов; и организация и обоснование знания, достигаемые в результате формализации и аксиоматизации; и источник идей в науке, приводящих к созданию новых разделов и теорий.

Вместе с тем абсолютизация математики как средства познания, связанная, конечно, не с внутренней, а с внешней методологической интерпретацией ее сущности, приводит к умалению предметной и методической специфики других наук и оправданной не является. Показательна в этом отношении крайняя логистическая позиция представителей марбургской школы неокантианства, гипертрофировавших идеал математического знания.²⁰⁰

Попытки универсализировать свойства математического знания, распространить их на продукты всякого возможного познания, не имея под собой оснований, лишь подрывали и без того неубедительную позицию, декларирующую «вездесущность», «всеобъемлемость» математики, приводили к кризису математического эталона научности. Оценивая стремления реорганизовать теории на математической (геометрической) основе, — а они проникали даже в область гуманитарных наук: показательно, например, стремление Гроция перестроить теорию права, Вольфа и Спинозы — систему метафизики, Гоббса — теорию морали, Тюрго — историю и т. п., — еще Гегель красноречиво заявлял: «... этот варварский педантизм или педантичное варварство, представленные во всей широте и со

²⁰⁰ См., напр.: *Cohen G. Logik der Reinen Erkenntnis. Berlin, 1912.*

530

всей обстоятельностью, должны были привести к тому, что
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

геометрический метод лишился всякого доверия».²⁰¹

Вопрос научности конкретных наук решается путем апелляции к требованиям, диктуемым не математикой, а предметными областями. Неуниверсальность математического эталона научности обусловлена невозможностью полной формализации знания, невыразимостью средствами математики содержательных особенностей конкретных наук.

Физический эталон научности. Адепты физического эталона научности полагают, что специфику науки удастся вычлениить не в рамках исследования аспектов логической формы (комплексы обоснования), а в рамках изучения аспектов фактического содержания знания (утверждения, подпадающие под логическое обоснование).

Всякое научное знание — логически обосновано (в идеале). Однако не всякое логически обоснованное знание — научно. Чтобы быть научным, прежде всего знание должно отвечать требованию истинности. Насколько же знание отвечает этому требованию, можно решить не логическим, а опытным путем — экспериментальной апробацией знания. Отсюда критерии научности, к которым прибегает физикализм.

Во-первых, эмпирическая оправдываемость. В отличие от математического познания, которое обладает достаточной лабильностью, ибо функционирует по принципу анализа логически возможных миров, физическое познание гораздо менее лабильно, так как лимитировано фактуальным базисом. Только те рассуждения имеют здесь право на существование, которые являются (могут быть) эмпирически обоснованными.

Во-вторых, предсказуемость новых фактов. Составляющая стержень методологического учения о научной деятельности классиков индуктивизма (Бэкон, Милль, Уэвелль) установка на некий познавательный эффективизм определяет общую гносеологическую трактовку «научности»: на-

²⁰¹ Гегель Г. В. Ф. Соч.: В 14 т. Т. XI. С. 364.

531

учно то, что расширяет познавательный горизонт, ориентирует на освоение неизвестного. Поскольку монополия на деятельность по разработке (открытию) новых истин в соответствии с традициями индуктивизма отдавалась естественным наукам, логико-математическая деятельность, которая расценивалась как деятельность по организации (обоснованию) истин уже известных, низводилась до уровня вспомогательного придатка естествознания.

Исторически первым воплощением эталона экспериментальной науки явилась механика, в которой усматривался стандарт всякого знания. Постепенно, однако, механический идеал, окончательно оформленный на базе концепции лапласовского детерминизма, переносится на физику в целом. Намерения внедрить физическую интерпретацию научности в конкретно-научное познание, сделать ее руководящей для научных исследований в целом обнаруживаются у Ламетри (физикализация человека), Вольнея (редукция этики к естествознанию), Бертло (реорганизация химии), Шлейдена (перестройка биологии), Бокля (физикализация истории), Конта и Леммера (проект социальной физики), Маниа, Бибербаха,

Паша (физикализация геометрии), Гельмгольца (переустройство всего естествознания на основе физики), физиократов (Кенэ, Тюрго и др. — проект реконструкции гуманитарного знания на физико-механической основе), Сен-Симона (программа «Всеобщего тяготения», задуманная как механическая реформация сфер философии, просвещения, общественного сознания, политики, управления, культуры в целом) и т. д. Однако подобные намерения встречают основательные возражения.

Прежде всего оказывается неприемлемой выражающая гносеологическую сущность физикализма трактовка логико-математического знания как бессодержательного, аналитического (в кантовом смысле).

Тезис об аналитичности логики, справедливый для классического исчисления высказываний, может быть поставлен под сомнение уже для узкого исчисления предикатов, что вытекает из вывода А. Черча 1936 г. о неразрешимости

532

данного исчисления.²⁰² Поэтому логико-математическое знание не удастся рассмотреть как тривиальный «формальный язык», не соприкасающийся с областью фактического. Будучи абстрагированы от объективных отношений действительности и логика и математика являются содержательными, информативными. Это значит: а) истины логики и математики — не истины во всех возможных мирах, а истины лишь в некоторых мирах, согласующихся с принятой в них (соответствующей им) онтологией;²⁰³ б) положения логики и математики способны нести информацию.

Проблема информативности всегда занимала центральное место в методологии математики. В наиболее четкой форме она осознавалась как проблема совместимости свойств аподиктичности и синтетичности. Действительно, принятая в классической методологии типология истин, различающая истины разума, которые аподиктичны, априорны, аналитичны, основаны на законах тождества, противоречия и исключенного третьего, и истины факта, которые вероятностны, апостериорны, синтетичны, основаны на требующем логического оправдания индуктивном принципе, — эта типология ни в коей мере не затрагивала математических истин, которые и аподиктичны и синтетичны. Правда, в рамках методологической мысли Нового времени существовало убеждение, что истины математики — истины первого рода. Однако это убеждение порождало решающий вопрос о статусе нового знания в математике: является ли оно новым в объективном или же субъективном смысле? В случае традиционных для того времени взглядов проблема нового имела решение лишь

²⁰² По крайней мере, этому выводу Черча может быть дана такая интерпретация.

²⁰³ В силу этого многие положения, принятые в одних математических системах, не действуют без соответствующих ограничений или уточнений в других — таков, скажем, закон исключенного третьего и др.

533

относительно субъективного, а не объективного смысла, что, однако, уже тогда казалось трудноприемлемым.

Предельно острую редакцию проблеме статуса математического

знания придал А.Пуанкаре, сформулировав следующую дилемму: если математика дедуктивна по форме, почему она точна? Если она дедуктивна по содержанию, почему она не тавтология? С точки зрения Пуанкаре, математика не тавтология главным образом потому, что для получения новых истин использует метод математической индукции, который не представляет непосредственной апелляции к тождественно истинным формулам. Точность же математики проистекает из последующей организации полученного индуктивным способом нового знания на аксиоматической основе, предполагающей апелляцию к такого рода формулам.

Против взгляда, согласно которому логико-математическое знание неинформативно, выступают представители современной математической логики. Так, оценивая неопозитивистскую, по сути физикалистскую, трактовку логико-математического знания, Хинтикка указывал: «... существуют смыслы информации, в которые логические и математические рассуждения привносят новую в совершенно объективном смысле информацию. Это служит безусловным контрпримером часто повторяемому неопозитивистскому тезису о том, что единственный смысл, в котором логические и математические рассуждения дают новую информацию, является чисто психологическим или субъективным».²⁰⁴

Следующее, на что следует обратить внимание при критической оценке физического эталона научности, — его неуниверсальность. В истолковании природы науки, как отмечалось, физикализм исходит из критериев эмпирической подтверждаемости и предсказуемости. Однако целый ряд наук не в состоянии ими руководствоваться. Критерий эмпирического оправдания, например, неэффек-

²⁰⁴ Hintikka J. *Knowledge and the Known*. Dordrecht, 1974. P. 188.

534

тивен в контексте логико-математического знания, где в качестве центрального принят критерий непротиворечивости. Что касается критерия предсказуемости, то и он в виде того содержания, которое вкладывает в него физикализм, не в состоянии претендовать на всеобщность. Показательна в этом отношении ситуация в ряде наук, включающих так называемые «эмпирические», «описательные», «исторические» теории развивающихся объектов (биология, география, почвоведение и т. д.), где одним из главных методологических тезисов выступает тезис независимости научности от предсказуемости.

Нет нужды говорить о неоправданности тенденций экстраполировать физический эталон познания на область общественно-исторических наук. Широко известны провалившиеся попытки рассматривать динамику общественного развития через призму закона возрастания энтропии, механистические физикалистские теории и модели общества, некритические проекты элиминации «метафизики» на основе физикалистского критерия демаркации и т. п. Абсолютизация физического истолкования познавательного процесса, реализованная в указанных и многочисленных прочих редукционистских заявках, неизменно

выхолащивает специфику исследовательской деятельности в различных отраслях науки, является неприемлемой.

Гуманитарный эталон научности. Тенденциозное внедрение, некритическая культивация инструментов естественнонаучного познания в сфере гуманитарных наук породила сильнейшую ответную реакцию. В качестве насущной провозглашена задача найти те основания, которые ограничивали бы экспансивные претензии точных наук, разрушали безосновательные убеждения, «будто при помощи только естествознания или естественнонаучной философии возможно дойти до того, что ... должно быть наиважнейшим».²⁰⁵ Миссию по практической реализации этой задачи возложили на себя представители неоканти-

²⁰⁵ Риккерт Г. *Границы естественнонаучного образования понятий*. СПб., 1903. С. 12.

535

анства (баденцы) и философии жизни.²⁰⁶ Смысл своей деятельности они видят во всесторонней рефлексии естественнонаучных стандартов познания, посредством критики которых, по их мнению, удастся обосновать гносеологическое своеобразие гуманитарных наук.

Объектом критики избраны в первую очередь такие свойства естествознания, как функциональность и закономерность. Критика функционального характера естествознания опирается, по существу, на идущее от Ницше через Бергсона, Дильтея и вплоть до теоретиков франкфуртской школы, в особенности Хоркхаймера и Адорно, — переосмысление реально существующего положения дел, по которому наука полифункциональна: помимо познавательной играет важную социальную роль, выступает непосредственной производительной силой общества и т. п. В рамках этого переосмысления науке как средству познания, на основе которого разворачиваются, осуществляются ее прочие, и прежде всего социальные, функции и роли, противопоставляются эти последние. В результате наука предстает как некое инструментальное предприятие, воплощающее товарный способ отношения к действительности. Высшее предназначение науки не усматривается более в служении истине: как считается, наука деформирована, искажена пропитывающим ее духом практицизма.

Поскольку с этих позиций изначальной интенцией научного интеллекта объявляется прагматическая интенция, в пределах которой целью выступает конечный утилитарный результат, интерес науки не направлен на раскрытие природы вещей как они существуют вне и независимо от познания, а вращается в кругу «полезных заблуждений», позволяющих эффективно действовать.

На этом фоне разворачивается критика гносеологических оснований научного познания, которая сводится, как указывалось, к критике его закономерного характера. Фор-

²⁰⁶ В современной философии эту линию проводят представители философской герменевтики, франкфуртской школы и др.

536

мами научного знания выступают утверждения либо о законах, являющихся универсальными номологическими высказываниями, либо о «закономерных» фактах, выдержавших апробацию на статистичность. В любом случае «научное» связывается с

«закономерным», и там, где закономерного нет, нет и не может быть научного. Однако эта фундаментальная черта науки как раз и вызывает неприятие гуманитаристов.

Установка научного познания на выявление закономерности-типического, чему служат абстрагирование, схематизация, типологизация, причинное объяснение, рациональная реконструкция, моделирование и т. п., по их мнению, не приближает, а удаляет познание от проникновения в сущность подлинной реальности.²⁰⁷

На этом критическом фундаменте утверждается оппозиция естествоведения — культуроведения. Естественным, номотетическим, наукам в качестве позитивного идеала противопоставляются гуманитарные науки, использующие идиографический метод.

Одним из основоположников этого метода был Шлейермахер, который, отпавляясь от идеи Паскаля о существовании «истин разума» и «истин сердца», а также от разработанных в интуитивизме представлений «эмоциональной очевидности», развил учение об эмоциональном знании. Эмоциональное знание — гносеологический феномен, весьма далекий от рационального intersubъективного научного знания, является достоянием индивидуальной психологической реальности, в пределах которой мы, так сказать, понимаем больше, чем знаем, и переживаем больше, чем понимаем.

Известно, что познавательный опыт человека не сводится только к рациональному, и тем более научному, опыту. Существует интуитивный опыт, феномены предчувствия, эмоциональной достоверности и т. п. Следова-

²⁰⁷ См., напр.: Бергсон А. *Творческая эволюция*. М., Спб., 1914. С. 262; Риккерт Г. *Границы естественнонаучного образования понятий*. С. 209. 537

тельно, проблемная область, которую исследовал и из которой исходил Шлейермахер, реальна. Однако в рамках его гносеологической теории эмоциональное знание противопоставляется рационально-научному, что приобретает характер общеметодологических установок, превращаясь в иррационально-романтическую концепцию познания. Оказывается, что единственно адекватным инструментом постижения объектов является не наука и научное знание, а эмоционально-интуитивное переживание и субъективная достоверность. Уточняя смысл теоретико-познавательной доктрины Шлейермахера, С. Франк отмечал, что только переживание «приближается к этой явственной и вместе с тем загадочной стороне жизни, в которой внутреннее возбуждение, чувствование или воля как бы раскрывает нам невидимые свойства и области реальности и дает начало особому, теоретически недоказуемому, но субъективно достоверному знанию».²⁰⁸

Иррационально-романтическая теория познания Шлейермахера нашла развитие в трудах многих сторонников гуманитарного эталона науки, выдвинувших гносеологические доктрины сопереживания (Дильтей), вживания (Зиммель), интуитивного познания (Бергсон, Кроче), физиогномики (Шпенглер) и т. д. Идейный стержень этих доктрин наряду с критикой **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

естественнонаучного идеала познания составляет специфическая позитивная интерпретация сущности гуманитарного знания.

Основой познавательного процесса в области гуманитарных наук, олицетворением которых, по мнению сторонников гуманитарного эталона научности, выступает история, является осмысление выработанных человечеством духовных (смысловых) структур, осуществляемое не на понятийно-рациональной, а на чувственно-иррациональной основе. Способом реализации этого осмысления представляется метод мотивационно-чувствен-

²⁰⁸ См.: Франк С. Предисловие // Шлейермахер Ф. Речи о религии. СПб., С. XXXIII.

538

ного понимания, именуемый его создателями физиогномическим. Он-то и объявляется гносеологически идеальным методом научного познания.²⁰⁹

Характеризуя программу реорганизации науки на физиогномической основе, критически оценим ее предпосылки. Одну из них, как отмечалось, составляет неприятие функционального и номологического характера естествознания. Недоверие к функциональному характеру деятельности в науке, безусловно, наивно. Наивность заключается в том, что функционально ненастроенной научной деятельности попросту не бывает. Всякая научная деятельность, в том числе, разумеется, и гуманитарная, имеет четко выраженный функциональный характер — без него она утратила бы статус целесообразно-избирательной, предметно-ориентированной социально значимой деятельности, перестав, в сущности, быть деятельностью научной. Другое дело, что, будучи функциональной, научная деятельность не должна быть функционерной — обслуживать далекие от интересов истины предприятия. Что же касается критики номологического характера научной деятельности, ее итог — не имеющая гносеологического оправдания, иррационалистическая теория познания, выступающая по большей части лишь в качестве романтически возможной конструкции, не способной претендовать на роль методологической основы науки. Относительно второй предпосылки проекта перестройки науки, которая заключается в трактовке гуманитарного знания как занимающегося исследованием мотивационно-смысловой области, отметим лишь ее узость.

Процедурно-методические эталоны научности. Рассмотрим два эталона научности, основанных на специально-научных методах (процедурах) познания, которые по своему гносеологическому содержанию тяготеют к физикализму. Они были оформлены в конце 20-х — начале 30-х годов XX столетия, один — на базе процедуры наблюдения в рамках методологии логического эмпиризма

²⁰⁹ См.: Шпенглер О. Закат Европы. М., Пг., 1923. С. 107.

539

неопозитивизма, другой — на базе процедуры измерения в рамках операционалистической методологии П.Бриджмена.

Неопозитивизм всегда исходил из эмпирической и логико-математической модели научного знания, с позиций которой структуру научной теории образует словарь логических, эмпирических, теоретических терминов. Словарь логических

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

терминов предназначен для обоснования утверждений теории, термины эмпирического словаря представляют описание непосредственно наблюдаемых предметов, термины теоретического словаря являются описаниями идеальных конструктов. Связь между терминами эмпирического и теоретического словаря устанавливается правилами соответствия.

Основная неопозитивистская догма заключалась в том, что все термины теоретического словаря должны посредством правил соответствия редуцироваться к терминам либо логического, либо эмпирического словаря. Стремление провести эту догму и определило общеметодологическую программу неопозитивизма (периода Венского кружка), пытавшегося выработать последовательно эмпирический язык науки на базе верификационистской теории значений. Надежды на осуществление программы возлагались вначале на феноменалистский язык, к которому должны редуцироваться осмысленные высказывания науки. Суть применения феноменалистского языка состояла в фиксации чувственных восприятий субъекта в протокольных предложениях «чистого опыта». После провала этих надежд предложен вариант физикалистского языка, запечатлевающего данные восприятия на основе регистрации состояний самих воспринимающих субъективных структур, т. е. на основе своего рода бихевиористского описания.

В конце 30-х годов, однако, выяснилось, что далеко не все термины теоретического словаря науки могут быть сведены к логическим и эмпирическим терминам. Тогда Карнап уточнил правила соответствия как такие редукционные предложения, которые не полностью определяют

540

значение теоретических терминов на базе логического и эмпирического словаря, а лишь частично интерпретируют их. В итоге развернувшейся весьма острой дискуссии было выявлено, что теоретические термины имеют самостоятельное, отличное от логических и эмпирических терминов, дополнительное значение, которое обусловлено внутренней проблемной областью теории.

Между тем несостоятельная неопозитивистская идея о редукции теоретического языка науки к логическому и эмпирическому языку вновь получила распространение в начале 50-х годов. На сей раз с программой элиминации теоретических терминов из языка науки выступил Рамсей. Любой теоретический термин, по Рамсею, может быть элиминирован из контекста теории, будучи представлен множеством переменных, обозначающих определенные свойства и записанных с квантором существования. Таким образом, вместо теоретического термина предлагается утверждать существование объекта, обладающего выраженными в предикатах свойствами, которые, в свою очередь, определяются в терминах языка наблюдения. Например, «электрон», «масса» и т. д. есть объекты, обладающие конъюнкцией наблюдаемых свойств $P_1; P_2; \dots; P_n$.

Еще более далеко идущую попытку в этом отношении предпринял Крейг, по которому: а) всякая теория должна быть переформулирована на язык аксиоматики; б) должен быть введен строгий критерий демаркации, позволяющий отличать

вспомогательные (теоретические) от невспомогательных (эмпирических) терминов.²¹⁰

Критически оценивая неопозитивистскую программу, укажем на следующее.

1. Не существует и не может существовать автономных от теории, концептуально стерильных предложений «чистого опыта», поскольку эмпирический материал формируется, проходит стадии осознания, интерпретации согласно допущениям, принятым в

²¹⁰ См.: *Graig W. On Axiomatizability within a System // Journal of Symbolic Logik. 1953. V. XVIII.*

541

контексте теории, и «именно теория должна установить, что можно наблюдать, а что нельзя».²¹¹ Наука вследствие этого нередко оказывается в ситуации, когда одним и тем же фактам предлагается различная, подчас диаметрально противоположная концептуализация. В этом смысле достаточную самокритичность проявил Б. Рассел, некогда в полной мере разделявший позитивистскую доктрину науки. Подытоживая далеко идущие, однако беспочвенные претензии позитивистов, Рассел писал: «Мы не можем ... истолковать науку целиком в терминах опыта даже тогда, когда включим в истолкование весь опыт».²¹²

2. Описание чувственного опыта на основе физикализма не отвечает критерию интересубъективности, который выражает свойство общезначимости, общеобязательности, всеобщности научного знания в отличие, например, от частного мнения, характеризующегося признаком индивидуальности. Физикалистское описание субъективных состояний структур восприятия под влиянием определенных стимулов не предполагает общезначимых оснований их идентификации, поскольку для фиксации этих состояний не удастся задать отношение интересенсорности. Но в таком случае отсутствуют основания, позволяющие выявить инвариантные общезначимые факты.

3. Теоретические термины не могут быть редуцированы к эмпирическим, так как даже в случае радикальной элиминации Рамсея и Крейга они подразумеваются, например, в виде постулирования классов объектов, обладающих данными свойствами (класс элементарных частиц, класс объектов, имеющих массу, и т. п.). Элиминация теоретических

²¹¹ *Гейзенберг В. Теория, критика и философия // Успехи физических наук. 1970. Вып. 2. Т. 102. С. 303.*

²¹² *Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957. С. 226.*

542

терминов, играющих описательную, систематизирующую роль, приводит к неоправданному усложнению теории, превращает ее в практически неприемлемую, малоэффективную, громоздкую искусственную конструкцию.

Попытка сформулировать достоверные, обеспечивающие максимум стабильности критерии научности определяла программу операционализма П. Бриджмена. Всякое научное понятие (утверждение), по его мнению, только в том случае надежно, не включает предпосылок противоречий, потрясающих здание науки, если операционально. Операциональность понятия есть его идентифицированность с совокупностью конкретных эмпирических

действий-операций, синонимичных содержанию понятия.²¹³ Достоинство процедуры операционализации усматривается в том, что при определении содержания понятий она исключает термины «непростого» теоретического языка и требует использования терминов относительно «простого» языка наблюдения. Например, операциональное выражение неясного теоретического понятия «сила» выглядит следующим образом: сила есть числовое показание, отмечаемое стрелкой на шкале динамометра, — прибора, предназначенного для измерения силовых параметров объектов. Особенностью операциональных определений, таким образом, является то, что это всегда утверждения об объектах физического мира, проверяемые экспериментально.

Нетрудно видеть, что фундамент операционализма образует установка достичь однозначной семантики научных понятий, в полной мере избавиться от возможных латентных значений, порождающих полисемию, непонимание, неточность, двусмысленность, что в принципе вызывает напряженность, нередко перерастающую в кризисную ситуацию. Подчеркнем, что стремление операциона-

²¹³ См.: *Bridgman P. W. The Logic of Modern Physics. N. Y., 1927. P. 5.*

543

лизма добиться того, чтобы научная теория использовала точные, строгие, четко определяемые понятия, вполне понятно, справедливо. Однако программа общего переустройства науки по операционалистическим рецептам должна быть признана несостоятельной.

Важнейшей категорией операционалистического мышления выступает категория операции, так как именно на ее основе фиксируются значения научных понятий. Но каждая операция осуществляется в уникальной ситуации при уникальном стечении обстоятельств, не гарантирующих от возможной иррегулярности, дисперсии, флуктуации и т. п. В этой связи возникает значительная трудность идентификации выражаемых операциональным образом исследовательских ситуаций. Последнего не скрывает Бриджмен, практически становясь на путь субъективизации познания. В одной из своих работ он писал: «Моя наука операционально отличается от вашей науки, как и моя боль от вашей боли. Это ведет к признанию того, что существует столько наук, сколько индивидов».²¹⁴ Такая позиция существенно подрывает веру в методологические потенции операционалистического идеала, который не в состоянии претендовать на статус общезначимого ориентира исследовательской деятельности.

Следующий момент, на который стоит обратить внимание в плане критики операционалистской программы обоснования науки, — невозможность выразить операциональным образом такие научные операции, которые Бриджмен именовал «бумажно-карандашными». Бумажно-карандашные операции, если не наделять мистическим смыслом процесс взаимодействия карандаша с бумагой, на привычном методологическом языке означают те познавательные процедуры, в результате осуществления которых вершится наука. Очевидно, что в состав науки помимо хорошо поддающихся переводу на операционалистский язык процедур

(измерение, наблюдение, вычисление и т. п.), а

²¹⁴ *Bridgman P. W. The Intelligent Individual and Society. N. Y., 1938. P. 157.*

544

также понятий («одновременность») включаются многие другие процедуры, — такие, как аналогия, синтез, интуиция, образное, творческое мышление и т. п., и понятия («искривленное пространство»), которые практически не имеют операционалистических эквивалентов. Кроме того, необходимо отдавать отчет, что «помимо операциональных определений в физике широко используются и другие виды определений. К их числу относится и особый вид остенсивных... определений, определения через род и видовое отличие (когда, например, специфицируется то или иное вновь открытое явление), генетические определения (когда, например, вводятся идеализированные объекты через описание способов их образования) и др.»²¹⁵

Отсюда ясно, что масса сторон, множество граней научной деятельности остается в рамках операционализма неохваченными. Эвристический идеал операционализма слишком узок; он не может удовлетворительным образом выразить многоликую природу науки.

В этом отношении, например, весьма показательны негативное отношение Бриджмена, а несколько позднее и Бриллюэна, разделявшего операционалистские установки, к такой физической теории, как общая теория относительности, которая в отличие от специальной теории относительности содержит неоперациональные понятия.

***

Редукционистские программы, построенные по принципу абсолютизации отдельных черт неисчерпаемого процесса научного познания, потерпели фиаско. В реальности непосредственной предпосылки редукционизма — существовании научных лидеров — сомневаться не приходится. Реальность этого факта не является какой-то исторической, говорящей о его реликтовости. Напротив, она (реальность) достаточно подтверждается современным положением дел. Так, в качестве общераспространенного

²¹⁵ *Горский Д. П. Определение. М., 1974. С. 187-188.*

545

убеждения, характеризующего, скажем, стиль биологического мышления, фигурирует убеждение, по которому «любое биологическое исследование оказывается оправданным лишь в том случае, если... имеет более близкий или далекий, но обязательно эволюционный выход».²¹⁶

Потенциальные следствия этого убеждения очевидны.

Таким образом, факт лидерства определенных знаний невозможно игнорировать, в частности, ввиду учета известных познавательных и социальных факторов. Вместе с тем неоправданно его и гипертрофировать. Во всяком случае попытки редукционистского ограничения понятия науки, сведения неисчерпаемого многообразия знания к некоторым фиксированным его типам, безосновательно объявляемым «единственно воплощающими научность», должны квалифицироваться как искусственные и недалновидные.

Перейдем к позитивному осмыслению проблемы. Исходным пунктом его выступает тезис неправомерности сведения одних наук к другим или их противопоставления. Наука как совокупность естественных, гуманитарных, технических дисциплин, а также математики и логики в каком-то вполне ясном смысле едина, под чем разумеется наличие универсальных критериев, требований, которым она удовлетворяет.

Принимая во внимание многообразие, историчность систем науки, следует подчеркнуть, что задать достаточные критерии научности, например, списочным образом невозможно. Любой, самый представительный, развернутый список критериев, включающий даже наиболее фундаментальные характеристики научного интеллекта, такие, как внутренняя непротиворечивость, опытная адаптированность, теоретико-методологический монизм, строгость, однозначность понятийного фонда, свобода от догматизма, предвзятости и т. п., в итоге оказывался бы формальным, ибо не был связан с реальной наукой. Из ска-

²¹⁶ Тимофеев-Ресовский Н. В., Воронцов Н. Н., Яблоков А. В. *Краткий очерк теории эволюции*. М., 1969. С. 8.
546

занного следует: никакая эпистемологическая теория не может претендовать на всеобъемлющее, внеисторическое описание «научности». Всякое подобное описание относительно находящейся в движении науки представлялось бы априорным, чем и обнаруживало недостаточность при необходимости адекватно отображать фактический материал — описывать возникающие по мере прогресса знания его реальные формы.

Если различие подлинно научного и ненаучного не может определяться на основе того или другого априорно заданного абстрактного образа, который использовался бы как индикатор во всех требуемых случаях, как это различие определяется?

Ответ, который будет обосновываться ниже, — двоякий. С одной стороны, проводится мысль, что наука как специфическая область духовного производства, подчиняющаяся своим законам, удовлетворяет особым критериям, нормативам. Следовательно, выявлять, анализировать их необходимо. В то же время очевидна недостаточность описания науки через какие-либо критерии научности. Эти критерии как нормы, правила «решают, является ли правильным каждый отдельный шаг, но они ничего не говорят о том, правильна (т. е. рациональна ли) игра в целом», они «ничего не говорят ни о (психологических) мотивах играющих, ни о (рациональной) цели игры».²¹⁷ Об этом, как известно, говорит совокупная общечеловеческая практика. Поэтому, с другой стороны, проводится мысль, что решение вопроса научности знания следует искать на пути выхода за его пределы — в практику, которая выступает высшим и окончательным *raison d'être* научности знания.

Сказанное в полной мере определяет структуру последующего изложения. Речь пойдет о внутренних (располагающихся в сфере знания) критериях научности. Поскольку за конкретизацией формулировок пришлось бы обращаться

²¹⁷ Lakatos I. *Popper zum Abgrenzung und Induction-problem* // . *Neue Aspekte der Wissenschaftstheorie*. Braunschweig, 1971. S. 80.

547

к значительному материалу гносеологии, истории науки, методологии конкретных наук, анализирующих общие и частные критерии, что чисто технически невозможно, поступим следующим образом.

Рассматривая науку как целое, а не как конгломерат качественно различных феноменов, примем во внимание относительную инвариантность некоторых объективных познавательных координат, «точек отсчета», которые задаются ученому и науке той или иной эпохи обществом и пренебречь которыми в рамках серьезного рассмотрения невозможно.²¹⁸

В самом общем смысле эти познавательные координаты, «точки отсчета», задающие общую основу различных наук, могут быть определены как описания — предписания формальной структуры знания. Другими словами, это тот «каркас научного мышления, который, по существу, не связан с конкретным содержанием научного знания, а представляет форму развития знания, характеризуемую такими всеобщими категориями, как научный закон, факт, принципы симметрии и т. д.»²¹⁹; это та порождающая грамматика типичных научно-исследовательских структур, которые, оставаясь неизменными на протяжении длительного исторического периода, продуцируют все разнообразие меняющегося содержания идей, концепций, теорий реальной науки.

Важно то, что анализ этих задаваемых обществом «точек отсчета», «координат», достаточно общих, но конкретизированных исторически и дисциплинарно, позволяет найти пункты пересечения общих и частных критериев научности и, совмещая векторы гносеологического, историко-научного и методологического анализа, обеспечивает раскрытие природы общего всем наукам механизма ос-

²¹⁸ См.: Мотрошилова Н. В. *Познание и общество*. М., 1969. С. 120.

²¹⁹ Черняк В. С. *Теоретическое и эмпирическое в историко-научном исследовании // Вопросы философии*. 1979. № 6. С. 61.

548

воения истины — ее логическое, эмпирическое, неэмпирическое обоснование.

4.3.3 Природа критериев научности

Реальная объемность, расслоенность духовного производства порождает проблему спецификации его составляющих. В соответствии с этим складываются теории мифологического, художественного, религиозного, практически-обыденного опыта и т. п. Они занимаются выяснением особенностей как деятельности, так и ее продуктов, получаемых в каждом конкретном случае. Видное место в ряду подобных теорий занимает теория науки. В ее задачу входит рефлексия оснований демаркации науки от ненауки. Вообще говоря, сфера ненауки неоднородна, широка. Здесь выделяются: ненаучные формы познавательной деятельности — практически-обыденный, художественный и т. д. опыт; донаука — протознание — базис грядущей науки; лженаука — домыслы, предрассудки, камуфлирующие под науку (френология); паранаука — знание, не удовлетворяющее науке по гносеологическому

статусу (парапсихология); антинаука — намеренное искажение научного взгляда на мир — социальные утопии в общественном сознании.

Каков гносеологический регламент науки? Что отличает научный подход от иных типов мироотношения? Эти и аналогичные вопросы можно решить, лишь выделяя объективные индикаторы, показатели научности. Проблема фиксации такого рода показателей и есть, в сущности, проблема критериев научности.

Исходя из традиционного толкования критерия как правила, позволяющего делать выбор, осуществлять предпочтения, можно дать следующее определение. Критерии научности — правила оценки продуктов познания на их соответствие стандартам науки; они позволяют субординировать продукты познания с позиций близости (отдаленности) их от науки; это фундаментальные теоретико-методологические принципы, нормы, ценности, идеалы, эталоны, обуславливающие определенность оснований, по

549

которым пробное знание (корпус идей: гипотезы, концепции, теории, допущения, факты) и деятельность (корпус актов: мышление, теоретизация, концептуализация, экспериментирование) расцениваются как научные и зачисляются в разряд науки.

Таким образом, нормативно и ценностно ориентируя исследования, целенаправляя поисковую деятельность, отсекая непродуктивные установки, учреждая типовые методы генерации знания, указывая направления желательной эволюции отраслей и дисциплин, критерии научности выполняют функции отбора единиц знания на базе имеющихся в познании фильтров предпочтения.

Критерии научности — нормы, их определенность, как определенность норм, задается диспозициями, санкциями, условиями действия.

Диспозиции представляют набор предписаний, инструкций, рекомендаций, императивов, запретов и т. п., которые характеризуют способ познания. Заклучая требования, предъявляемые к знанию и деятельности, диспозиции распадаются на два взаимодополнительных сегмента. Один включает множество правил «что делать»: «ищи достаточные основания», «минимизируй рассуждения», «исключай формальные противоречия» и т. п., — так называемая позитивная эвристика. Она повышает вероятность получения гносеологически желательных продуктов исследования. Другой содержит множество правил «чего не делать»: «не вводи гипотез *ad hoc*», «слепо не следуй авторитету» и т. п., — негативная эвристика. Через систему запретов она призвана исключать из науки заведомо тупиковые идеи и ходы мысли.

Санкции обеспечивают эффективность диспозиций. Дело в том, что критерии научности фиксируют наиболее перспективные, продуктивные принципы, способы действия в науке, выражают объективные законы, логику ее исторического изменения. Задавая понятия допустимости, желательности, предпочтительности одних и несостоятельности, неприемлемости, несовершенности иных видов познавательного освоения действительности, критерии научно-

550

сти формируют нормативно-ценностное самосознание науки. Критерии эти, таким образом, выполняют охранительные функции, ограждают науку от непригодных, несостоятельных идей, творческих инициатив. В науке, скажем, недопустимо нарушать требования законов сохранения. И хотя это вовсе не означает, что эти законы не могут быть видоизменены (пересмотрены), претендующее на звание науки (по крайней мере, в настоящем) исследование обязано руководствоваться их требованиями.

Наука как целостный объект, а не как конгломерат качественно различных феноменов, поддерживается множеством инвариантных принципов. Естественно, содержание, смысл их — относительны, однако само требование их существования — абсолютно. Правила-предписания, сконцентрированные в диспозициях, и имеют ранг такого рода принципов.

Что бывает в случае нарушения диспозиций? Вступают в силу санкции.

Вопрос об игнорировании диспозиций тривиален. То, что по невежеству противопоставляется требованиям науки, ненаучно по существу — домыслы, предрассудки. Вопрос о деформации диспозиций нетривиален. То, что противопоставляется существующей науке, в этом случае также поначалу объявляется ненаучным, тем не менее может быть научным по существу — научные революции, перестраивающие системы наличных критериев. Откладывая обсуждение вопроса динамики последних вследствие научных революций на более позднее время, подчеркнем роль санкций. Выполняя относительно консервативную функцию, санкции препятствуют проникновению в науку тривиально экстравагантных идей, задают оптимальный режим поиска, гарантируют минимум риска при стремлении достичь наилучших результатов, обеспечивают непрерывность, сбалансированность научного опыта.

Условия действия норм фиксируют особенности возможных ситуаций в науке, специфицируют требования применительно к различным видам знания и деятельнос-

551

ти, делают осмысленным испытание многообразных комплексов и компонентов науки на их соответствие разветвленной сети частных и общих критериев.

Критерии научности — неоднородны, многослойны. Они подразделяются на три множества.²²⁰

Такова качественная характеристика известных типов критериев научности. Аналогичная ей количественная характеристика гораздо менее пространна. В силу того, что познание безгранично, неисчерпаемо, находится в развитии, отражает определенную реальность, соответствует ей, множество критериев научности открыто; не существует их завершенного списка.

В методологии встречаются взгляды, отрицающие возможность выделения эффективных, работоспособных критериев научности. В качестве решающего приводится довод о многообразии рассеянных по истории и практике познания форм знания и деятельности: факт множественности последних якобы подрывает идею их гносеологического единства, разрушает возможность построения

адекватной теории критериев научности. Проводя эти взгляды, тот же Фейерабенд высказывается об этих критериях (теории научности) как о пустом «вербальном орнаменте».²²¹

На это можно заметить следующее.

Множественность форм знания и деятельности вовсе не подрывает возможности построения адекватной теории науки — она обязывает развивать такую теорию лишь как достаточно представительную, богатую. Представительность, богатство этой теории в действительности обеспечиваются разнообразием выделяемых в ней родов критериев, которые моделируют научность как многопорядковую сущность, имеющую некое ядро (само эпистемическое поле исследования), а также историческое и дисциплинарно-тематическое измерения. Наука, какой бы подвижной, полиморфной она ни была, оказывается исчер-

²²⁰ См.: 4.2.4.

²²¹ Feyerabend P. K. *Consollations for the Specialist // Criticism and Growth of Knowledge. Cambridge, 1970. P. 215—229.*

552

панной; не остается ничего, не охваченного системой критериев из мира науки.

Эвристичность критериев научности обеспечивается их эмпирическим (практическим) генезисом — тем, что они не априорные нормы, наивысшая добродетель которых состоит в надысторичности, а обобщения действительного познания, итог его осмысления, понимания во всех известных фазах.

4.3.4 Логические критерии научности

К логическим критериям научности относятся «непротиворечивость», «полнота», «независимость», характеризующие знание с позиций формальной адекватности, стройности, совершенства внутренней организации.

Непротиворечивость. Закон противоречия сформулировал Аристотель, который утверждал: «Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении».²²² Нарушение закона тривиализирует системы знания, осуждает их на бессмысленность: противоречивые системы, как правило, лишены познавательной (эвристической) ценности. С формально-логической точки зрения противоречия — аналитически ложные положения, представляющие «логическую ложь при произвольной предметной интерпретации логических переменных, а потому неспособные выразить объективных истин».²²³

В логике фигурирует четыре смысла непротиворечивости.

1. Непротиворечивость относительно отрицания: теория непротиворечива в данном смысле, если в ней одновременно не доказываются утверждения *A* и *B*.

2. Тривиальная (абсолютная) непротиворечивость: теория тривиально не противоречива, если в ней не-

²²² Аристотель. Соч. М., 1976. Т. 1. С. 125.

²²³ Берков В. Ф. *Идеал непротиворечивости и проблемные ситуации в науке // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981. С. 383.*

553

доказуемы любые утверждения, формулируемые в языке данной

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

теории.

3. Непротиворечивость в смысле Поста (имеет довольно специальный логический смысл, который в дальнейшем анализироваться не будет; логическая система непротиворечива в этом смысле, если элементарная пропозициональная формула в ней доказуема). Первые три понятия непротиворечивости являются синтаксическими; от них отличается

4. Семантическая непротиворечивость: теория семантически непротиворечива, если всякая ее теорема является всегда истинной.

Если теория использует классическую логику и если она (1) противоречива, то она противоречива и (2).

Для систем науки, как правило, использующих аппарат классической логики, это является правилом. Возможность дедукции из противоречия всего универсума суждений демонстрирует такой вывод, позволяющий из $A \cdot \bar{A}$ получать произвольное B : а) $A \cdot \bar{A}$; б) A (из а); в) $\bar{A}$ (из а); г) $A \vee B$ (из б); д) $(A \vee B) \cdot \bar{A}$ (из г и в); е) B (из д).

Для некоторых систем математики и логики противоречивость (1) не влечет противоречивости (2). Таковы, скажем, системы с коннексивной и релевантной импликациями, брауэрова алгебра, паранепротиворечивые конструкции, основанные на идее локализации, блокирования противоречия. Однако, как указывалось, в реальной научной практике, прибегающей к аппарату классической логики, противоречия недопустимы вследствие стирания граней между истиной и ложью, а следовательно, тривиализации поиска.

Наиболее распространенным методом демонстрации непротиворечивости является метод семантической интерпретации. Последняя представляет форму отображения одной абстрактной области (теории) на предметную область другой, выступающей в виде модели. Если модель или область объектов, для которой утверждения теории имели бы конкретный содержательный смысл, к которой

554

они были бы приложимы, отображением которой служили бы, существует, испытываемая система непротиворечива, если же такой области не существует, испытываемая система противоречива.²²⁴

Идея доказательства непротиворечивости некоторой теории посредством нахождения ее интерпретации в терминах другой теории, непротиворечивость которой выявлена, является универсальной. Так, непротиворечивость специальной теории относительности (СТО) доказывается путем построения ее геометрической модели. При этом устанавливается, что СТО в такой же мере непротиворечива, как и геометрия.

Вопрос непротиворечивости геометрии в свою очередь сводят к вопросу непротиворечивости арифметики, доказывая, что если арифметика непротиворечива, то непротиворечива и геометрия. Вообще возможность использования одной теории в качестве модели другой оправдывается теоремой Левенгейма — Сколема, устанавливающей, что всякая первопорядковая формальная система, имеющая интерпретацию, может быть интерпретирована в области арифметики.

Непротиворечивость арифметики, которая — ввиду ее фундаментальности — не может быть показана ссылками на другую основную дисциплину, требует прямых доказательств. Такие доказательства были получены в 1933 г. Геделем, в 1936 г. Генценом, в 1941 г. Новиковым.

Однако вопрос о непротиворечивости некоторых систем продолжает оставаться открытым. К примеру, не обоснована непротиворечивость такой капитальной аксиоматической системы, как система Цермело — Френкеля (*ZF*). Некоторые же теории — канторовская теория множеств — требованию непротиворечивости не отвечают.

Полнота. С формально-логической точки зрения система считается полной, если:

²²⁴ *Идеализм и математика: Сборник статей по философии математики. М., 1936. С. 143.*

555

1) все истинные утверждения, которые формулируются в ее языке, могут быть доказаны (семантическая полнота);

2) присоединение к ней в качестве аксиомы какого-то недоказуемого в ней утверждения ведет к противоречию (синтаксическая полнота).

Иногда утверждают, что если требование непротиворечивости определяет невозможность одновременного получения в системе предложения *A* и предложения *A*, то требование полноты определяет необходимость обязательного получения в системе в качестве доказанных либо предложения *A*, либо предложения *A*. Такие утверждения представляются сильными. Как подчеркивает Вейль, «понимаемая в таком смысле полнота системы могла бы быть обеспечена только в том случае, если бы был указан такой точный метод проведения доказательств, относительно которого можно было бы в свою очередь доказать, что он приводит к разрешению всякой специфической проблемы»²²⁵.

Указание подобного метода означало бы тривиализацию системы в том смысле, что деятельность внутри нее должна была бы приобрести алгоритмизированный, нетворческий, беспроблемный характер. Такого рода системы знания хотя и имеются, их немного; в реальной науке в общем случае не существует а priori признаков доказательности включаемых в нее предложений систем. Поэтому и обоснование их полноты оказывается непростой задачей.

К настоящему времени показана полнота таких систем, как элементарная геометрия, теория векторных пространств, исчисление высказываний, классическое исчисление предикатов и др.

Относительно некоторых систем показана их принципиальная неполнота. Такова, скажем, арифметика натуральных чисел, неполнота которой устанавливается теоремой Геделя.

Относительно многих систем вопрос о полноте открыт: исследование сталкивается с трудностью формализации систем, необходимой для решения вопроса.

²²⁵ *Вейль Г. О философии математики. М.; Л., 1934. С. 53.*

556

Инструментами исследования на полноту формализованных
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

систем являются специально разрабатываемые для этого процедуры: методы Кальмара, Хенкина, Черча и др. Другой подход демонстрации семантической полноты основывается на методе изоморфизма интерпретаций, который состоит в следующем.

Все истинные предложения полной теории должны быть доказуемы. Но если интерпретации теории не изоморфны, то класс доказуемых утверждений в интерпретации 1 не покрывается классом подобных утверждений в интер-претации 2, имеется «избыток» истинных утверждений, которые не являются доказуемыми. Последнее и демонстрирует неполноту теории.

Неполные системы (например, системы в теории групп, топологии и т. д.) не могут претендовать на всестороннее описание действительности — этим обусловлено стремление добиваться в науке по возможности максимально полных систем.

Независимость. Независимость аксиом — невыводимость одной аксиомы из других, принятых в данной системе. Дана непротиворечивая система аксиом E , все ли ее аксиомы $A_1 \dots A_k$ независимы? Для ответа на вопрос в E следует заменить A_k на $\bar{A}_k$ (аксиому, независимость которой проверяется, взять с отрицанием). Если новая система E^1 непротиворечива, то A_k — независима от остальных аксиом (так как если бы A_k была зависимой, она была бы теоремой в новой системе, но в силу того что новая система включает в качестве аксиомы $\bar{A}_k$, E^1 давала бы противоречие. Следовательно, если противоречие есть, A_k — зависима, и наоборот).

Таким образом, методом доказательства независимости аксиом является построение систем, где выполняются все аксиомы за исключением испытуемой. Поэтому для доказательства независимости всякой непротиворечивой аксиоматики S , содержащей n аксиом, где n — произвольное целое положительное число, требуется построить n непротиворечивых систем. В ряде случаев осуществить это весьма сложно. Так, для доказательства независимости пятого евклидова постулата пришлось, во-первых, пост-

557

роить неевклидовы геометрии, а, во-вторых, показать их непротиворечивость. На окончательное решение вопроса, которое возникло в результате работ Бельтрами, Клейна, Пуанкаре, разработавших модели неевклидовых геометрий, ушло более двух тысячелетий.

Доказательство независимости каких-либо положений науки в рамках наличных систем подчас вызывает далеко идущие последствия. Таков, к примеру, случай с континуум-гипотезой.

В свое время Кантор выдвинул гипотезу, по которой мощность континуума есть первая мощность, превосходящая мощность множества всех натуральных чисел. Ее обобщенная формулировка такова: для любого множества первая мощность, превосходящая мощность этого множества, есть мощность множества всех подмножеств множества.

В 1938 г. Гедель показал, что присоединение континуум-гипотезы к ZF в качестве аксиомы не ведет к противоречию. Следовательно, она совместима с ZF . На логично возникший вопрос о совместимости с ZF отрицания континуум-гипотезы ответ

получен позже, когда в 1963-1964 гг. П.Коэн показал, что это отрицание в конъюнкции с аксиомами ZF не дает противоречия. Так была продемонстрирована независимость континуум-гипотезы от аксиом ZF : присоединение континуум-гипотезы либо ее отрицания к аксиомам ZF не ведет к логическому противоречию.

В результате выявления независимости континуум-гипотезы от аксиом ZF продемонстрирована ее неразрешимость в этой системе: континуум-гипотеза не может быть здесь ни доказана, ни опровергнута.

Вообще говоря, существование неразрешимых утверждений в формальных системах есть следствие теоремы Геделя о неполноте. Однако случай с континуум-гипотезой не является запланированным, ординарным следствием этой теоремы. Неразрешимость континуум-гипотезы, вызванное этим осознание относительности теоретико-множественного истолкования математики поставили массу проблем природы математической реальности в целом. Действительно, какова эта реальность, если ее

558 объект — «множество» — описывается альтернативными теориями множеств?

Что описывает континуум-гипотеза: если она описывает вполне определенную реальность, значит она должна быть либо истинной, либо ложной; существует, правда, и третья возможность: свойства реальности таковы, что дезавуируют правомерность подобной постановки проблемы (вспомним квантовую дополненность).

Поскольку ответов на эти, а также сопутствующие им проблемы (пока) нет, мы не знаем путей разрешения континуум-гипотезы, постольку вслед за Геделем необходимо признать: неразрешимость континуум-гипотезы в известных ныне аксиоматических системах может лишь означать, что эти системы не содержат полного описания математической реальности.

В заключение отметим: требование независимости, не являясь необходимым, выступает весьма значимым регулятивом научной деятельности. Несоблюдение «независимости» нарушает стройность, красоту, последовательность организации систем, деформирует принципы построения дедуктивных теорий, не позволяет последовательно провести идеал простоты, по которому избыточность, неминимизированность исходных допущений системы является гносеологически нежелательной. Кроме того, как было выяснено, исследование на независимость порой приводит к получению буквально фундаментальных результатов.

Уяснение того, что критерии непротиворечивости, полноты, независимости, не детерминируя однозначно аксиоматику и допуская различные формулировки логически эквивалентных систем, выступают как регулятивы научной деятельности, позволяет углубиться в вопрос их реальной роли в науке. Будет ли научная система, не отвечающая данным требованиям?

Относительно полноты и независимости вопрос остро не встает. Во-первых, в силу известных результатов Геделя системы, содержащие рекурсивную арифметику, не полны. Во-вторых, исследованием на независимость за-

559

нимаются на практике сравнительно редко просто потому, что
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

это не всегда важно, к тому же, как указывает Черч, есть случаи, когда, допуская зависимость, добиваются важных преимуществ.²²⁶ В-третьих, требования полноты и независимости порой трудно согласуются. Скажем, Гильберт в одном из вариантов аксиоматик евклидовой геометрии добился полноты, но вынужден отказаться от независимости. Иначе обстоит дело с непротиворечивостью. Нарушение этого требования разрушает саму возможность получения значимых результатов. Как относиться к противоречивым системам? Следует ли их включать в науку? На данный вопрос однозначного, очевидного ответа не существует. Подтверждением служит пример канторовской теории множеств. Обращаясь к оценке ситуации, связанной с данной фундаментальной теорией, кратко охарактеризуем программы ее обоснования.

Наиболее близкое, естественное разрешение проблемы обоснования теории множеств, а вместе с ней математики в целом, состояло бы, по верному замечанию Клини, «в локализации ошибки наподобие ученической ошибки в алгебраическом или геометрическом упражнении на доказательство, без необходимости каких-либо дальнейших изменений».²²⁷ В качестве таких вариантов обоснования теории множеств без существенной перестройки выступают теория типов Рассела и аксиоматическая система теории множеств Цермело.

Обоснование теории множеств, проводимое в рамках теории типов, заключалось в предложении элиминировать парадоксы за счет ограничения допустимых способов образования множеств, которые Рассел предлагал рассматривать в определенной иерархии. Весь универсум объектов разбит на индивиды (объекты первого типа), классы индивидов (объекты второго типа), классы классов (объекты третьего типа) и т. д., где классы n -го типа могут включать только классы ($n - 1$) типа и не могут включать са-

²²⁶ Черч А. Введение в математическую логику. М., 1960. С. 105.

²²⁷ Клини С. Введение в метаматерику. М., 1957. С. 42.

560

мих себя. Иерархизируя классы, теория типов позволяла устранить такие парадоксы, как порочный круг, когда объект определяется через совокупность объектов, к которым сам принадлежит. Однако при помощи теории типов не удается в полной мере избежать порочного круга. Как показывает практика, «существенная часть высшей математики не может быть изложена в рамках теории типов, если не допускать непредикативные классы».²²⁸ Однако допущение непредикативных классов не может избавить от неуверенности в непротиворечивости теории типов. Фактическим основанием убежденности в ее непротиворечивости служит то, что в ней практически не были получены парадоксы, но это, разумеется, не является строгим обоснованием.

Попытку аксиоматизировать теорию множеств предпринял в 1908 г. Цермело, сущность подхода которого заключалась в наложении ограничений на правила рассмотрения некоторых объектов как множеств на базе точной аксиоматической дефиниции понятия множества. Система Цермело состояла из восьми аксиом, к которым в 1922 г. А. Френкель добавил аксиому подстановки.

Присоединение аксиомы подстановки к системе Цермело (Z) образовало аксиоматическую систему Цермело — Френкеля (ZF), сделав ее значительно более богатой. В аксиоматизированной теории множеств ZF удастся избежать антиномий типа парадокса Рассела. Например, если под R подразумевать семейство тех и только тех множеств X , которые не являются своими элементами, а потому удовлетворяют условию $X \in X^{229}$, то оправданно $X \in R \equiv X \in X$. При подстановке же вместо переменной X символа R возникает парадокс Рассела $R \in R \equiv R \in R$. В аксиоматической же теории множеств выражение $R(X)$ есть лишь сокращение выра-

²²⁸ См.: Ван Хао и Мак-Хотон Р. *Аксиоматические системы теории множеств*. М., 1963. С. 15.

²²⁹ См.: Слупецкий Е., Борковский Л. *Элементы математической логики и теории множеств*. М., 1963. С. 317.

561

жения $X \notin X$; символ R здесь не является названием какого-либо множества, поэтому мы и не можем подставлять его вместо переменной X .²³⁰ Следовательно, принимаемое в ZF выражение $R(X) = X \in X$ противоречия не содержит.

В дальнейшем новые варианты организации теории множеств на аксиоматической основе предлагались Гильбертом, Бернайсом, Сколемом, Нейманом и др. Не вдаваясь в анализ этих систем, дадим принципиальную оценку аксиоматического направления по обоснованию теории множеств в общем плане.

Достоинством аксиоматических систем теории множеств является то, что они уточняют структуру теории множеств, делают явными ее исходные понятия, допущения, отчасти элиминируют основания, вызывающие парадоксы. Вместе с тем аксиоматическим системам свойственны недостатки, позволяющие заключать об ограниченности аксиоматической программы обоснования математики.

1. Аксиоматизм не в состоянии полностью устранить предпосылки парадоксов теории множеств, которые связаны с допущением непредикативных определений, например, аксиома подстановки системы ZF носит непредикативный характер.

2. Отсутствует строгое обоснование непротиворечивости аксиоматических систем (вместе с аксиомой бесконечности), так что убежденность в их непротиворечивости поддерживается лишь основанием практической невыводимости в них парадоксов.

3. Аксиоматические системы теории множеств (в том числе теория типов) элиминируют парадоксы лишь путем ограничения способов задания множеств. Так, в теории типов ограничивается отношение «принадлежности», «включения», в аксиоматизированных теориях множеств «не принимается того, что для каждой пропозициональной функции существу-

²³⁰ См.: Слупецкий Е., Борковский Л. *Элементы математической логики и теории множеств*. М., 1963. С. 338.

562

ет множество предметов, удовлетворяющих данной функции, а принимается лишь то, что для каждой пропозициональной функции каждого множества существует подмножество последнего, образованное из предметов, удовлетворяющих данной пропозициональной функции»,²³¹ и т. п. Однако ни теория типов, ни

аксиоматизированные теории множеств ничего не дают взамен этих ограничений. Так, запрещая «множество всех множеств», мы получаем «конфликт с канторовским определением множества. Чтобы вообще имелась теория множеств, надо иметь теоремы, справедливые для всех множеств, а все множества, по канторовскому определению, образуют множество. Если это не так, то мы должны указать, каким определением множества мы будем пользоваться взамен».²³² Но ничего позитивного взамен этого не дается. 4. Возникает целый ряд проблем, относящихся к истолкованию природы математического знания, математической деятельности, которые не получают прояснения в рамках аксиоматизированных теорий множеств. Скажем, остается без ответа вопрос: почему классическая математика оказалась противоречивой? Нетрудно видеть, что возможный ответ на вопрос влечет необходимость экспликации природы математической истины, смысла математических допущений, способов доказательства в математике и т. п. Следовательно, «непосредственная проблема устранения парадоксов поглощается более широкой проблемой обоснования»²³³ математического знания, математической деятельности в целом, разрешить которую аксиоматизм не в состоянии.

²³¹ См.: Слупецкий Е., Борковский Л. *Элементы математической логики и теории множеств*. М., 1963. С. 340.

²³² Клини С. *Введение в метаматерику*. С. 42—43.

²³³ Там же. С. 44.

563

Рассмотрим другие варианты обоснования теории множеств, предполагающие отказ от узкого ее обоснования без существенной перестройки и задуманные как широкие методологические программы обоснования математики. К ним относятся логицизм, формализм, интуиционизм.

Логицизм. Суть позитивной программы логицизма заключалась в попытке за счет редукции математики к логике получить возможность определить исходные понятия первой в терминах более строгого аппарата второй. Математика, утверждал Рассел, должна быть «построена из сопряженных... идей логики, а ее предложения выведены из общих аксиом логики, то есть из силлогизма и других правил вывода».²³⁴

Применительно к теории множеств это открывало возможность вскрыть тот интуитивный пласт, сделать явными те скрытые нюансы понятия «множество», которые связаны с генезисом теории множеств и которые индуцировали парадоксы. Генетическую же основу теории множеств, как отмечалось, составляла естественная интуитивная способность «представлять себе класс и обозначать его члены одним именем»,²³⁵ которая, однако, приводила к утверждению существования классов с любым «условием членства»,²³⁶ что обуславливало антиномии. Пафос логицизма, таким образом, сводился к стремлению максимально полно применить к теории множеств средства логики, дабы если не исключить, то по крайней мере, эксплицировать интуитивные предпосылки этой теории. Однако теоретико-познавательная сущность логицизма заключалась не только или не столько в этом.

Логицизм представляет разветвленную содержательную

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

доктрину о природе математики и науки в целом. Истоки

²³⁴ Рассел Б. *Новейшие работы по началам математики // Новые идеи в математике. Спб., 1913. С. 83.*

²³⁵ Bool J. *The Mathematical Analysis of Logic. Cambridge, 1874. P. 7.*

²³⁶ Куайн У. В. *Основания математики // Математика в современном мире. М., 1967. С. 107.*

564

логицизма именно как гносеологической доктрины, концепции научного знания определяются следующим.

Конкретную форму выражения логицистские идеи получили в связи с выходом в свет работы Р. Дедекинда «Что такое числа и для чего они служат?», в которой поставлена задача обоснования арифметики на базе теории множеств. Именно в этой работе в качестве условия разрешения данной задачи указывается возможность сведения арифметики к логике. Дедекинду подхватывает и развивает антикантовские идеи Больцано в области обоснования математики, распространяя их на трактовку краеугольной для теории чисел абстракции числа. Если Кант выводил представление о сущности числа из концепции трансцендентальной эстетики (представлений о чувственных пространственно-временных формах созерцания), то Дедекинду, напротив, настаивал на том, что понятие числа совершенно независимо от представлений и воззрений на пространство и время, что оно есть чистый продукт законов нашей мысли. Нетрудно видеть, что требование «чистоты» выступает для Дедекинда, так же как и для Больцано, воплощением и синонимом научного, т. е. сугубо логического, дискурсивного подхода к истолкованию природы математики, способов ее обоснования. В этом смысле тезис Дедекинда, что арифметика (алгебра, анализ) есть только часть логики, следует расценивать как последовательное выражение данной антикантовской позиции.

Отталкиваясь от идей Больцано и Дедекинда, Фреге пошел по пути конструирования арифметики натуральных чисел в виде системы предложений, выводимых по правилам логики из строгой дефиниции натурального числа и установленных правил оперирования с натуральными числами. Концепцию Фреге можно охарактеризовать как грандиозную попытку обоснования математики, осуществление которой, однако, не привело к желаемой цели. Некоторое время спустя Рассел обнаружил у Фреге парадоксы и указал на неприемлемые моменты его теории.

565

В качестве позитивной программы, которую в свою очередь выдвинул Рассел совместно с Уайтхедом в труде «Principia Mathematica» (*PM*), сформулирована теория логических исчислений, основывающаяся на однозначной фиксации значений фундаментальных понятий математики благодаря их редукции к понятиям логики. В результате научной апробации идей *PM* выяснилось, что программа Рассела, заключающаяся в сведении математики к логике, где под логикой понималась система тавтологий, истинных а priori, не выполнима. В качестве решающих можно указать на такие основания.

1. Математика как знание не может быть ни сведена, ни обоснована только средствами логики, ибо обладает, выражаясь

словами Гильберта, «не зависимым от всякой логики устойчивым содержанием».²³⁷

Что же касается проблемы взаимоотношения логики и математики в связи с обоснованием теории множеств, здесь нам кажется основательным тот вывод, что для избежания парадоксов необходимо в некоторой части одновременное развитие и законов логики, и законов арифметики.²³⁸

2. Система *PM*, призванная осуществить выведение математики из логики, фактически не справилась с поставленной задачей. Так, Д. А. Бочвар продемонстрировал,²³⁹ что *PM*, строго говоря, включает две части. Первая — чисто логическая — представляет расширенное исчисление предикатов без теории типов. В ней нет «специальных терминов для

²³⁷ Гильберт Д. *Основания геометрии*. М.; Л., 1948. С. 351.

²³⁸ См.: Там же. С. 351.

²³⁹ См.: Бочвар Д. А. *К вопросу о парадоксах математической логики и теории множеств* // *Математический сборник*. 1944. Т. 15 (57). № 3. С. 3-82.

566

выражения конкретных свойств объектов».²⁴⁰ Эта часть включает универсум логических тавтологий, справедливых для всех возможных миров. Вторая — образуется за счет добавления к первой специальных аксиом и включает универсум утверждений, справедливых не для всех возможных миров, а только для тех областей, где действуют внелогические аксиомы, соответствующие теории арифметики натуральных чисел. Следовательно, так или иначе Рассел должен был учесть специфику базисной теории (ее «онтологию»), хотя и осуществил это неявным образом. Но данное обстоятельство свидетельствует против того, что формально-аксиоматические системы могут выразить содержание математики без учета специфики базисных теорий. В то же время учет специфики базисных теорий, необходимо связанный с признанием множества содержательных допущений («онтологий», которые помимо прочего определяют возможность использования аксиоматических систем, делают их знанием о чем-то), накладывает ограничения на операцию аксиоматизации математики. Короче говоря, математику нельзя свести к логике, выразив ее содержание средствами аксиоматики, по причине наличия содержательных допущений, «онтологий», множества фактических истин, лежащих в основе математической системы. 3. Было показано, что многие фундаментальные аксиомы математики не могут получить чисто логического (аналитического) обоснования: для их обоснования необходимо обращаться к внелогической сфере. Так, Расселу для оформления теории типов

²⁴⁰ Троепольская А. И. *Три линии развития проблемы аналитических и синтетических суждений в современной логике* // *Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта*. Калининград, 1978. Вып. 3. С. 53.

567

потребовалось ввести аксиому бесконечности. Вначале Рассел считал, что она не выступает побочным допущением, отличным от допущений, доказываемых на логической основе. В дальнейшем же выяснилось, что эта аксиома, хотя и «формулируется исключительно в логическом словаре, однако ее утверждение о существовании бесконечного числа индивидов скорее фактическое, Ильин В. В. *Философия*: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

нежели логическое, и соответственно есть все основания рассматривать ее как аксиому, находящуюся в компетенции физики».²⁴¹ Точно так же обстоит дело с аксиомой сводимости. Известно, что отказ от непредикативных определений в *PM* имел следствием исключение многих утверждений, относящихся к области анализа, где непредикативные определения употребляются. Для снятия трудности Рассел ввел аксиому сводимости, по которой «для каждого непредикативного определения внутри данного типа имеется эквивалентное ему предикативное».²⁴² На чем основывается ее справедливость? На вопрос в *PM* ответа не дается. Аксиома сводимости — своеобразное *ad hoc* допущение, с помощью которого решение вопроса достигается чисто прагматически. Таким образом, выясняется неадекватность расселовской формулировки, будто «чистая математика есть совокупность всех пропозиций вида: «*P* имплицирует *Q*», где *P* и *Q* — пропозиции, содержащие одну или более переменных, одинаковых в обеих, но ни *P*, ни *Q* не содержат никаких констант, кроме логических».²⁴³ 4. Аксиоматические системы арифметики все-таки не застрахованы от парадоксов, что показал, к примеру, Г. Г. Берри.

²⁴¹ Френкель А., Бар-Хиллел И. Указ. Соч. С. 202.

²⁴² Клини С. Указ. Соч. С. 351.

²⁴³ *Rüssel B. The Principles of Mathematics. L., 1903. P. 3.*

568

Формализм. Наибольшая точность в построении теории достигается формализацией, которая обладает тем преимуществом, что задает строгим образом свойства не только исходных понятий, но и теоретического языка в целом (логический аппарат теории, правила вывода и т. п.). Известно, что «при формализации обычного доказательства не исключается (чаще всего именно так и происходит. — *В. И.*) обнаружение столь значительных пробелов, что только формальная реконструкция дает доказательство, удовлетворяющее принятым критериям строгости».²⁴⁴ В этом отношении формализованные системы арифметики выгодно отличаются от родственных содержательных арифметических систем (в первых уже не остается места семантическим парадоксам типа парадоксов Берри, Греллинга и т. п.).

Основоположник формализма Д. Гильберт пришел к выводу, причина незавидного положения, в котором оказалась математика вследствие открытия антиномий, заключалась в игнорировании требования финитности, что проявлялось в оперировании абстракцией актуальной бесконечности. Критику использования понятия бесконечности в смысле чего-то заверщенного в разное время предпринимали Аристотель, Гамильтон, Гаусс, Кронекер и др., однако Гильберт придал ей совершенно независимый и оригинальный характер. От оперирования бесконечностью, как «ставшей», необходимо отказаться, с точки зрения Гильберта, потому, что это понятие трансцендентно: оно никак не дано в человеческом опыте, который имеет дело с конечным.

В соответствии с этим предложения математики Гильберт разделил на два класса: 1) реальные, или финитные, имеющие ясный «конечный» содержательный смысл; 2) идеальные, или трансфинитные, не имеющие такого смысла и так или иначе

опирающиеся на абстракцию ак-

²⁴⁴ Серебрянников О. Ф. *Эвристические принципы и логические исчисления*. М., 1970. С. 84.

569

туальной бесконечности. Идеальные высказывания, которые вводятся в теорию, в частности, для минимизации рассуждений не имеют наглядного очевидного смысла и способны, по мнению Гильберта, индуцировать противоречия, — для ликвидации источника антиномий необходимо избавиться от них, что, собственно, и выражается требованием финитности. Построение математики в соответствии с требованием финитности покоится, таким образом, на идее наглядного очевидного доказательства, отдельные звенья которого и все оно в целом не вызывает сомнений. Предпосылку такого рода доказательства, с точки зрения Гильберта, составляет наша естественная способность представлять «определенные внелогические конкретные объекты, которые имеются в созерцании до всякого мышления (математического. — В. И.) в качестве непосредственных переживаний».²⁴⁵ И хотя принципы оперирования с ними весьма содержательны, они достаточно надежны, ибо отличаются обозримостью во всех частях, — их показания даются «непосредственно наглядно, одновременно с самими объектами, как нечто такое, что не может быть сведено к чему-либо другому и не нуждается в таком сведении».²⁴⁶

Эта предпосылка, кратко говоря, является тем базисом научного познания, общения, понимания, который, по Гильберту, и позволяет решить проблему обоснования знания. Обосновать математическое знание, по Гильберту, — значит, во-первых, его формализовать, а во-вторых, показать непротиворечивость полученной формализованной системы. Последнее осуществляется путем построения доказательства невозможности противоречивого объекта в формализованной теории и входит в компетенцию метаматематики. Следовательно, содержание метаматематики образует задача исследования доказательства, применяемого в формализованной системе, с привлечением неформальных (естественных) языков в качестве метаязы-

²⁴⁵ Гильберт Д. *Цит. соч.* С. 531.

²⁴⁶ Там же.

570

ка, позволяющего анализировать свойства языка формального. В рамках метаматематики, с точки зрения Гильберта, применимы только наиболее очевидные, финитные средства рассуждений. Требование финитности, таким образом, выступает в качестве дополнительного по отношению к требованию формализуемости. Если формализация представляет определенную репродукцию содержания теории, которая, абстрагируясь от значений и смысла теоретических терминов, ставит целью проанализировать логическую специфику, уточнить структуру, способ организации, то финитное метаисследование формализованных теорий, рассматривая теории как комбинации «конкретных знаков самих по себе», дает метод наглядной демонстрации их непротиворечивости.

Показать непротиворечивость математики (арифметики натуральных чисел, теории множеств), с позиций Гильберта, можно путем привлечения содержательных наглядных представлений,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

прибегающих к остенсивным определениям, апеллирующих к чувственной очевидности, непосредственной созерцаемости и т. п., куда не может просочиться ошибка. Например, комбинируя единицы счета (арифметика), знаки, символы, формулы (теория множеств), подобно тому как ребенок комбинирует кубики, можно, с точки зрения Гильберта, из обозрения определенных равенств, членов равенств и т. п. от предметов переходить к образам, содержащим уже не реальные, а «чистые» количества, и посредством этого выводить математические законы (ассоциативности, коммутативности и пр.). Нетрудно видеть, что формализация содержательной теории, скажем, арифметики натуральных чисел, является лучшим средством реализации данной установки. В самом деле, подставляя на место высказываний о числах формулы, которые, со своей стороны, являются конкретными объектами наглядного созерцания, а на место содержательного теоретико-числового доказательства вывод одной формулы из другой по известным правилам, можно добиться требуемой строгости и вместе с тем очевидности, воплощающей идею абсолютной непротиворечивости.

571

Абсолютная непротиворечивость, следовательно, коренится в идее формализованного доказательства, способного продемонстрировать, что в такого рода доказательстве не появится в качестве заключительной противоречивая формула. Почему? Потому что структура формализованного доказательства принципиально лежит в области наглядного рассмотрения, ибо формализованное доказательство точно так же, как и числовой знак, является конкретным, обозримым предметом и сообщается от начала до конца.²⁴⁷ В этом смысле непротиворечивость как свойство конечной формулы, состоящее в утверждении « $0 \leq 1$ », выступает свойством самого доказательства и притом свойством, которое может быть конкретно установлено.²⁴⁸

Программа Гильберта, состоявшая в намерении построить формализованную систему математики, где универсум доказуемых предложений тождествен универсуму содержательно истинных предложений, а вся система является непротиворечивой, полной, разрешимой, что показывается финитными средствами, не могла претвориться в действительность.

1. Существуют чисто формальные основания, сводящие на нет возможность реализации программы Гильберта. К таким ограничительным основаниям относятся теоремы Геделя и Тарского.

Если теоремы Геделя показывают «принципиальную ограниченность дедуктивных возможностей любой достаточно богатой системы», то, «что (семантическое) понятие истинности в арифметике, а, следовательно, и во всей математике нельзя исчерпывающим образом отобразить посредством (синтаксического) понятия доказуемости в какой-либо одной логической системе»,²⁴⁹ то теорема Тарского вскрывает ограниченность выразительных возможностей таких систем, невыразимость «предиката истинности» для формализованных систем их же средства-

²⁴⁷ Гильберт Д. Цит. соч. С. 363.

²⁴⁸ См. там же. С. 377.

²⁴⁹ Френкель А., Бар-Хиллел И. Указ. соч. С. 369.

572

ми. Таким образом, смысл ограничительных теорем сводится к тому, что замещение содержательных средств рассуждения формальными в математике не универсально; математическое доказательство не тождественно системе правил логического вывода в некоторой фиксированной системе; система формализованной математики не покрывает всей области истинных математических утверждений; непротиворечивость многих формализованных математических теорий не может быть показана в рамках финитизма; для любой достаточно богатой (содержащей арифметику) содержательной теории невозможно построить строго соответствующую ей формальную теорию; содержание таких теорий не может быть выражено в полной мере через их форму.

2. Формализация не исчерпывает многогранной деятельности математика. Примечательно, что Гильберт недвусмысленно указывает на наличие того, что можно назвать содержательным пластом математической деятельности и знания. По интересующему нас вопросу он писал: «Формальная аксиоматика нуждается в содержательной аксиоматике как в своем дополнении, потому что через последнюю дается руководство к выбору формализма и, далее, для наличной формальной теории дается инструкция по «ее применению» «к области фактического».²⁵⁰

Последнее в высшей степени справедливо, однако идет вразрез с идеалом формализма. В самом деле, как разъясняет Гильберт, «если принять за исходный пункт и основание доказательства содержательные аксиомы, то математика... потеряет характер чего-то абсолютно достоверного. Принимая предпосылки, мы переходим в область проблематического, так как различия в мнениях людей основываются... на том, что люди исходят из различных предпосылок».²⁵¹

²⁵⁰ Hilbert D., Bernaus P. *Grundlagen der Mathematik. Berlin, 1934. Bd.I. S.*

2.

²⁵¹ Гильберт Д. Указ. соч. С. 391.

573

Однако со времени Тренделенбурга, проведшего принципиальный анализ концепции беспредпосылочности знания, выраженной в общем виде Гегелем в «Науке логики», кажется уже несомненным, что беспредпосылочного познания, так сказать, не отягощенного предварительным (или вообще полуинтуитивным или интуитивным) знанием предметной области теории, попросту не существует. Гносеологический анализ теории показывает, что имеется предпосылочная, т. е. такая неформализуемая часть, которая выражает генетическую специфику теории (специфику эмпирического поля для теорий опытных наук и специфику базисной теории для логико-математических систем знания). Наиболее же фундаментальной предпосылкой всякой теории выступает определенная сбалансированность с системой наличного знания, что выражается прежде всего в принятии известных схем научной деятельности (постулаты существования, онтологические допущения, критерии точности и т. д.), которые навеяны

обобщенной картиной мира, фоновым знанием и т. п. Последнее и позволяет, в частности, интегрировать любую теорию, к какой бы области знания она ни принадлежала, в совокупную науку, относить ее к определенной, совершенно конкретной эпохе, культуре, историческому контексту.

За пределами сферы, поддающейся формализации, остаются такие процедуры познавательной деятельности, как принятие исходных принципов, оценка методов на оптимальность, выбор теории и т. п.

С позиций сказанного, гильбертова доктрина финитизма, сводящая математическую деятельность к деятельности со знаками *in concrete*, поддерживается верой во всемогущество и непогрешимость наглядных, чувственных, очевидно-непосредственных средств познания, располагается в области предпосылок, сама по себе неформализуема и весьма проблематична.

3. Нельзя сказать, что Гильберту удалось решить проблему актуальной бесконечности. Проблема эта, надо признать, исключительно сложна, практически остается до сих

574

пор малопроясненной. Вместе с тем удовлетвориться позицией Гильберта, отбрасывавшего «актуальную бесконечность» лишь потому, что она не дана человеку в опыте, трудно: с физической точки зрения «актуальная бесконечность» вполне допустима.

Интуиционизм. Квалификация интуиционизма как «исторического курьеза», данная Н.Бурбаки, неглубока. Внутринаучное (собственно математическое) и теоретико-познавательное значение интуиционизма в общем состоит в том, что в его рамках проведена оценка методов, предпосылок, результатов классической математики, разработан конструктивный подход к построению математики как науки.

Интуиционистская критика классической математики основывается на рефлексии, пожалуй, ее наиболее сильной предпосылке, согласно которой для трансфинитных высказываний остаются приемлемыми те же логические способы оперирования, что и для финитных. Поэтому критика классической математики развертывается по линии оценки правомерности употребления: а) понятия актуальной бесконечности, рассматриваемой как законченное, наличное, ставшее, *de facto* заданное всеми своими элементами образование; б) аппарата традиционной логики и прежде всего закона противоречия как критерия существования математических объектов и закона исключенного третьего, применяемого в области бесконечных множеств, — которые конституируют неэффективность классической математики.

Неэффективность классической математики, вытекающая из принятия указанных допущений, заключается как в доказательстве теорем существования предмета с некоторым свойством в отсутствии алгоритма его построения (чистые теоремы существования), так и в принятии истинности суждений, представленных в виде дизъюнктивных последовательностей, без правил нахождения истинности их членов.

В чем же конкретно, по интуиционизму, проявляется

неэффективность классической математики?

575

Чистые теоремы существования, постулирующие существование математических объектов, но не дающие способа их обнаружения, неявно построены на апелляции к знанию «в себе», отнесенному к абсолютному субъекту, которое вместе с тем не основывается на конкретном знании объектов реальным субъектом познания.

В основе классического использования актуальной бесконечности, как было сказано, — концепция экзистенциальности, обуславливающая неэффективность методов, средств познания математики. Общая характеристика этой концепции «состоит в том, что существование некоторого математического объекта... устанавливается не ссылкой на его получение из более простых объектов при помощи последовательного применения какой-либо конструкции, а апелляцией к логической неизбежности»²⁵² по законам традиционной логики. Правомерно ли это? Ответ в рамках классического подхода остается без надлежащей рефлексии. Между тем рефлексия необходима, ибо многие способы доказательства в соответствии с предписаниями традиционной логики не дают положительной информации об определенности вводимых объектов.

Утверждения чистого существования относительно ставшей бесконечности действительно неопределенны. Скажем, что означает утверждение, что нечто есть. Где есть? Для кого есть? В этом смысле интуиционистское ограничение классической трактовки экзистенциальности, отрицание чистых теорем существования путем задания «существования» посредством «эффективности» и «алгоритмичности» является тем позитивным вкладом, который связан с решением принципиальных научных проблем. Другое дело, можно ли с ним соглашаться. Но об этом позже. Здесь же раскроем отношение интуиционизма к используемому в рамках классической математики аппарату традиционной логики.

²⁵² Френкель А. и Бар-Хиллел И. Указ. соч. С. 253.

576

Интуиционисты не приемлют используемого в классической математике аппарата традиционной логики по причине возможности неконструктивных результатов.

Во-первых, интуиционисты отвергают задание критерия существования математических объектов на базе закона непротиворечия ввиду неконструктивности.

Во-вторых, отрицая правомерность экстраполяции операций с конечными множествами на бесконечные множества, интуиционисты критикуют использование в классической математике закона исключенного третьего. Критика закона исключенного третьего не является чем-то новым: одно направление критики связано с обоснованием многозначных (небивалентных) логик, другое — связано с демонстрацией недостаточности апагогических доказательств. Не воспроизводя известных аргументов, отметим лишь, что неприятие интуиционистами закона исключенного третьего вызвано его «неэффективным» характером. К примеру, пусть A обозначает **Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).**

суждение «Великая теорема Ферма истинна». Тогда по закону исключенного третьего следует считать доказанным суждение $AV\bar{A}$. «Однако такое доказательство ни на шаг не продвигает нас к знанию того, какой же на самом деле член этой дизъюнкции истинен».²⁵³ В данном случае суждение $AV\bar{A}$ могло бы быть справедливым только для бога, способного обзреть как бы единым взором все возможности, но не для человеческой логики.²⁵⁴ По этой причине закон исключенного третьего, квалифицируемый как принцип всеведения, отвергается как метафизический.

В-третьих, подвергается критике доказательство по математической индукции ввиду отрицания возможности применять неограниченное число раз рассуждение *modus ponens*.

²⁵³ Новиков П. С. *Конструктивная математика с точки зрения классической*. М., 1977. С. 48-49.

²⁵⁴ См.: Вейль Г. *Полвека математики*. М., 1969. С. 44.

577

Критика классической математики представляет основу позитивной программы интуиционизма, которая, если не входить в детали ее гносеологического обоснования, сводится к утверждению принципов конструктивности, в общем совпадая с конструктивизмом. Характеризуя программу самым беглым, схематическим образом и не останавливаясь на различиях между интуиционизмом и конструктивизмом, относящихся не к технике, а к ее философскому осмыслению, подчеркнем следующее.

Поскольку математика, по интуиционизму (конструктивизму), имеет дело с реальностью не «в себе», а «для нас», постольку:

- в теорию вводятся исключительно конструктивные объекты;
- преобразования конструктивных объектов считаются допустимыми при задании алгоритма, под которым понимается «точное предписание, определяющее вычислительный процесс, ведущий от варьируемых исходных данных к искомому результату»²⁵⁵;

- допускается абстракция потенциальной осуществимости и исключается абстракция актуальной бесконечности (в ультраинтуиционизме вводится даже более сильная абстракция фактической осуществимости);

- в качестве логического аппарата принимается конструктивная логика;

- не принимается закон исключенного третьего (без уточнений);

- не принимается закон двойного отрицания. Оценивая интуиционистскую программу обоснования математики, укажем на такие изъяны.

1. Вводимый интуиционистами критерий интуитивной ясности с целью уточнения понятия «конст-

²⁵⁵ Марков А. *Математическая логика и вычислительная математика // Математизация знания*. М., 1972. С. 44.

578

руктивности» интуитивно не ясен. Конструктивное доказательство, безусловно, подкрепляет нашу интуицию, придает теоремам дополнительный смысл, однако не обладает какой-то изначальной прозрачностью. По справедливой мысли Гейтинга, в математике, как и в любой другой науке, имеется шкала ясности.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Так, $1002 + 2 = 1004$ — менее ясно, нежели $2+2=4$, еще менее ясно $(n + 4) = (n + 2) + 2$ и т. д.²⁵⁶ 2. Многие запреты и ограничения интуиционизма кажутся сильными:

а) интуиционисты отрицают аксиому выбора вследствие неконструктивности. В то же время, несмотря на экзистенциальный характер аксиомы выбора, нередко эффективный пример может быть построен именно с ее помощью;

б) интуиционисты не принимают «актуальную бесконечность». Однако она абстракция относится к числу реально работающих: на ее применении основаны многие положения и достижения математики. Вместе с тем дело не сводится только к этому. Задача Кантора как автора теории множеств, в рамках которой можно производить столь же определенные действия счета с бесконечными множествами, как и с конечными, главным образом состояла в освоении бесконечности. Поскольку как таковая «бесконечность» не устранима из математики — речь здесь идет о совокупности всех чисел (натуральных, действительных, кардинальных и т. д.), обладающих определенными свойствами вообще, о фигурах, понимаемых как бесконечные множества точек, и т. п., — постольку результаты работы Кантора в полной мере непреходящи. В этой связи возникает

²⁵⁶ См.: Гейтинг А. Тридцать лет спустя // Математическая логика и ее применения. М., 1965. С. 225.

579

резонный вопрос правомерности интуиционистской вивисекции математики, производимой на базе «потенциальной» или даже «фактической» (ультраинтуиционизм) осуществимости. Не оказывается ли данная линия проведением своеобразного антропологизма?²⁵⁷;

в) интуиционисты исключают чистые теоремы существования. Но на их использовании базируются многие разделы и достижения математики (упоминавшаяся выше теорема Кантора о множестве трансцендентных чисел, анализ и т. д.). Отказ от экзистенциальности автоматически усложняет практику рассуждений. «Ценность чистого доказательства существования, — отмечал Гильберт, — в том именно и состоит, что благодаря ему исключаются отдельные построения», которые «объединяются одной основной идеей... смысл доказательства существования состоит в сокращении и экономии мысли»²⁵⁸ ;

г) интуиционисты отказываются от использования закона исключенного третьего как основы доказательства существования. Однако такие доказательства, указывал Гильберт, «имеют большей частью особую прелесть благодаря своей удивительной краткости и изяществу... Запрещение теорем существования и закона исключенного третьего почти равносильно полному отказу от математической науки».²⁵⁹

Мнение Гильберта, вероятно, преувеличенно. В настоящее время аргументы к тому, что запреты и нововведения интуиционизма слишком обедняют, усложняют, пре-

²⁵⁷ См. также: Wang Hao. A Survey of Mathematical Logic. Peking, 1962. P. 38.

²⁵⁸ Гильберт Д. Указ. соч. С. 382.

²⁵⁹ Там же. С. 383.

580

пятствуют получению новых результатов в математике во многом сняты. Вместе с тем очевидно, что внедрение интуиционистской техники в математику сдерживается неприятием сравнительной громоздкости конструктивных теорий (сложность — плата за строгость).

3. В математике трудно удовлетвориться интуиционистским критерием существования. Нередко оказывается нетривиальной элиминация теоретико-множественных методов — определение вычислимой действительной функции, теорема равномерной непрерывности и т. д. Во многих разделах имеют место неконструктивные определения — в теории действительных чисел теорема о сходимости возрастающей ограниченной сверху последовательности действительных чисел, где говорится о существовании действительного числа, удовлетворяющего определенным условиям, без приведения способа его вычисления. Многие теоремы существования лишены вычислительного смысла — теорема о точных границах ограниченных числовых множеств и т. п.

4. «Ни одна часть интуиционистской математики, — указывает Гейтинг, — не исследована настолько глубоко, чтобы было возможно построение общей аксиоматической теории»²⁶⁰, что во многом деформирует познавательную ценность достижений интуиционистов.

Оценивая направления по обоснованию математики, подчеркнем, что речь должна идти о необходимости достижений не столько технических, сколько философских, так как именно здесь обнаруживается острый дефицит идей.

В частности, важно установить, на каких принципах учреждать обоснование математики? На этот счет можно выделить три позиции.²⁶¹

²⁶⁰ Гейтинг А. Интуиционизм. С. 8.

²⁶¹ Позиция, отрицающая необходимость обоснования математики, ввиду ее неплототворности в расчет не принимается.

581

Первая нацелена на усовершенствование традиционных методов исследования в математике; исходит из возможности локализации ошибок в рассуждениях путем элиминации порочных кругов, устранения непредикативных определений, ограничения способов оперирования с множествами, прояснения структуры умозаключений и т. д.; реализуется в аксиоматическом направлении, логицизме, формализме. Здесь устраняются парадоксы Бурали-Форти, Лжеца, Греллинга и др.

Эта позиция лишена радикальности: подновляется лишь «фасад» теории множеств, тогда как ее фундамент, где, по всей вероятности, сосредоточены источники антиномий, остается неохваченным изменениями.

Вторая сводится к отказу от использования традиционных методов исследования в математике — модификация аппарата рассуждений в рамках обоснования конструктивного подхода. Здесь устраняются практически все парадоксы.

Эта позиция, ведущая к ревизии фундамента теории множеств, многими не принимается. Причина — дискредитация «практически

работающего» исследовательского арсенала, в частности «актуальной бесконечности», которая третируется как «пустая выдумка», закона исключенного третьего и т. д. В этой связи интересна мысль А. Н. Колмогорова, который предложил наряду с интуиционистским изложением математики сохранить обычное изложение, «правда, только как изложение псевдоистинности».²⁶²

Третья заключается в призыве к диалектизации теории множеств. Логика проведения идеи такова. Фактическая неустранимость антиномий из теории множеств на протяжении длительного времени ведет к выводу о неуниверсальности закона непротиворечия.²⁶³ Затем предлагается уточнить понятие парадокса: одни парадоксы — результа-

²⁶² Математический сборник. М., 1925. Вып. 4. Т. 32. С. 667.

²⁶³ См.: Петров С. Логические парадоксы в философии интерпретация. София, 1971.

582

ты ошибок, тривиальные противоречия, другие — нетривиальные противоречия, корректно отображают реальность. Поскольку теория множеств — нетривиально противоречивая теория, а методом исследования противоречий в их сущности является диалектика, то способ ликвидации антиномий из теории множеств усматривается в отказе от тезиса Аристотеля и принятии тезиса Гегеля, т. е. в радикальной перестройке математики на базе учения о конкретном понятии, воплощающем диалектическое тождество противоречивых определений. Данная позиция, на наш взгляд, в какой-то мере стимулирует поиск, однако не располагает достаточными возможностями для указания того, что же конкретно надо делать, чтобы, диалектизируя математику, избавить ее от антиномий, а потому располагается в сфере далеких от математики предположений и гипотез.²⁶⁴

Наибольшим доверием в данный момент пользуются первая и вторая позиции. Между ними нет непроходимой стены, если учесть близость максимально сильного средства финитизма первой позиции конструктивизму второй. Поэтому и наилучших результатов следует ожидать от их будущего многообещающего синтеза. Пока же имеет смысл обратить внимание на то, что радикальный прогресс в обосновании теории множеств может состоять только в углублении общего понимания природы математической реальности.

4.3.5 Эмпирические критерии научности

К эмпирическим критериям научности относится «опытная оправдываемость», означающая принципиальную эмпирическую опробуемость систем знания. Под последним понимается процедура, обеспечивающая возможность установления истинности (ложности) теоретических положений путем соотнесения их с определенным непосредственно наблюдаемым положением дел.

²⁶⁴ Не берутся в расчет результаты, полученные в рамках паранепротиворечивых систем.

583

Вьясним гносеологическое содержание процедур эмпирического подтверждения (верификации) и опровержения (фальсификации), выступающих в роли эмпирических критериев научности.

Эмпирическое подтверждение (верификация). Тезис

верификационистов, что если теория (T) имеет наблюдаемые
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

следствия (O), решение вопроса об истинности T сводится к поиску O , требует критики. Дело в том, что обоснование истинности Γ — процедура не узкоэмпирическая, сводящаяся к нахождению O . Подтверждение T с учетом правил вывода классической логики не позволяет от истинности ($T \rightarrow O$) $\cdot O$ переходить к истинности T .

На обоснование данного тезиса верификационистов работает индуктивистская идея наличия прямого логического моста между эмпирическим (B_E) и теоретическим (B_T) базисами теории. Если такой мост существует и теория есть непосредственная коагуляция фактов, факты имеют решающее значение для принятия (случай подтверждающего примера) или отбрасывания (случай опровергающего контрпримера) теоретических положений. Поэтому для дискредитации тезиса верификационистов прежде всего логично показать отсутствие прямого логического моста между B_E и B_T , что равносильно отрицанию возможности как непосредственной дедукции B_T из B_E , так и редукции B_T к B_E .

Отрицание возможности прямых дедуктивно-редуктивных отношений между B_T и B_E заключается в подчеркивании творческой сущности B_T : он возникает в процессе синтетической продуктивной деятельности, которая не имеет ничего общего с непосредственным эмпирическим обобщением B_E . Попытка логического выведения основных понятий и законов теории из элементарного опыта обречена на провал. Вместе с тем автономия B_T от B_E не абсолютна; между ними существуют опосредованные дедуктивно-редуктивные связи.

Тезис о следовании B_T из B_E подразумевает не дедуктивную выводимость, а наличие эмпирической генеалогии B_T . Действительно, генеалогия B_T — всегда эмпири-

584
ческая. Реализующаяся как выделение объекта науки, она замыкает B_T на предметную область, обеспечивая его элементом, имеющим абстрактную обобщенную форму, — проекцию на действительность. Эмпирическую генеалогию B_T нельзя понимать в духе индуктивизма, основанием чего служит динамика B_T на стадии развитой теоретической науки. Она показывает: развертывание B_T , осуществляемое в результате порождающих логико-математических процедур, операций расширяющего синтеза и предметно-содержательных операций²⁶⁵, никогда не является следствием прямой индуктивной генерализации B_E , но, имея эмпирический генезис, связано с B_E .

Формирование «тела» B_T посредством порождающих логико-математических процедур и предметно-содержательных операций заключается в получении внутри теории результатов дедуктивным путем как логических следствий манипуляций с теоретическими объектами. Вначале задается определенная система (объект операции), над которым выполняются логические, математические, семантические операции; по мере их применения в определенной последовательности к определенным компонентам объекта операции образуются системы операций, приводящие к каким-то результатам. Дальнейшее развертывание B_T предполагает формирование все новых и новых порождающих процедур и операций, каждая из которых все более и более удаляется от

основания V_T , опираясь на предыдущие, производит последующие результаты. Так образуется замкнутая в себе теоретическая древовидная структура.

Однако дедуктивное самоветвление V_T не безгранично. Вследствие давления V_E рано или поздно возникает необходимость расширять предметные основания, основоположения V_T для идейной «подкачки» порождающих его процедур и операций.

²⁶⁵ См.: Майданов А. С. Структура и динамика процесса формирования теории // Вопросы философии. 1982. №11. С. 66–67.

585

Обязательность порождающих логико-математических процедур и предметно-содержательных операций над идеализированными объектами внутри V_T для формирования его «тела» дискредитирует тезис прямой выводимости V_T из V_E через индуктивное обобщение: логического пути от фактов к теории не существует. Обязательность же операций расширяющего синтеза для потенциальных модификаций V_T определяет наличие у него связи с V_E .

Положение о сводимости V_T к V_E имеет в виду не непосредственную редуцируемость V_T к V_E , а оправдываемость V_T через V_E . Если V_T никак не связан, потенциально не проецируется на V_E , он лишен эмпирической основы, научным не является.

V_T не редуцируется к V_E в силу идеальности, невыведенности из опыта своей инфраструктуры — теоретических принципов, идеализаций. Как указывал Эйнштейн, последние суть «свободные творения человеческого разума, которые не могут быть априори оправданы ни природой этого разума, ни каким-либо другим путем». ²⁶⁶ Вместе с тем автономный статус логической структуры V_T не разобщает его с V_E : «то, что содержит опыт и взаимные соотношения опытных данных, должно найти свое отражение в выводах теории. В том, что такое отражение возможно, состоит единственная ценность и оправдание всей системы». ²⁶⁷ Другими словами, непроецируемость V_T на V_E означает его эмпирическую бессодержательность. Следовательно, свобода деятельности ученого в рамках V_T не абсолютна — «она не похожа на свободу пишущего роман, а скорее похожа на свободу человека, обязанного решать... кроссворд. Он... может предложить любое слово в качестве решения, но только одно слово действительно решает кроссворд во всех его частях». ²⁶⁸

²⁶⁶ Эйнштейн А. Указ. Соч. С. 183.

²⁶⁷ Там же. С. 182.

²⁶⁸ Там же. С. 204.

586

Отрицание непосредственной сводимости V_T к V_E позволяет избежать догматизма наивного реализма. Признание опосредованной сводимости V_T к V_E дает возможность рассматривать V_E как критерий истинности V_T , позволяет избежать релятивизма конвенционализма. В самом деле: в конечном счете именно V_E «показывает нам бесконечную сложность реального и разрывает круг, в котором рискует замкнуться» ²⁶⁹ наше мышление.

Таким образом, связь V_T с V_E многомерна, диалектична. Недооценка, игнорирование этого имеет следствием всякого рода методологические гипертрофии. Для правильной интерпретации

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

вопроса необходимо исходить из того, что всякий B_T , каким бы абстрактным он ни был, имеет эмпирический генезис и опытно-практическое обоснование. Если бы теории не были обобщениями опыта, они бы не предсказывали и не подтверждались. Однако дело не сводится к этому. Если бы теории были только обобщениями опыта, они бы ему не противоречили.

Показателем отсутствия однозначной зависимости B_T от B_E служит феномен «эквивалентных формулировок». Существуют, например, матричная и волновая формулировки квантовой механики, основные понятия и соотношения которых остаются инвариантными относительно используемого формального аппарата. Содержание классической механики поддается выражению в формулировках Ньютона, Лагранжа, Якоби — Гамильтона и т. д.

О равноправном выражении содержания различных теорий свидетельствуют их многочисленные аксиоматические формулировки. Вообще, как отмечает Р. Фейнман, правильные законы естествознания допускают огромное количество разных формулировок²⁷⁰, что выступает опровержением некритических постулатов существования однозначной связи между B_T и B_E .

²⁶⁹ Broglie L, de. *Matière et Lumière*. Paris, 1937. P. 326.

²⁷⁰ Фейнман Р. *Характер физических законов*. М., 1968. С. 55.

587

Все это демонстрирует несостоятельность тезиса верификационистов, согласно которому решение вопроса об истинности T сводится к поиску фактически обнаруживаемых O (подтверждению). Корректный тезис таков: решение вопроса об истинности T — процедура комплексная, в которой «подтверждению» отводится значительная, но не универсальная роль.

Значительность роли «подтверждения» в обосновании истинности теории в позитивном смысле определена тем, что аппарат теории создается не как самоцель, а для характеристики фиксированных предметных областей (фактов). Выбор аппарата «не произволен в том смысле, что на один и тот же вопрос об одних и тех же вещах (требующий для своей формулировки в разных теориях разного... аппарата) теории должны давать существенно один и тот же ответ».²⁷¹ В этом отношении справедливо усмотрение в фактах той «архимедовой точки опоры, при помощи которой двигаются с места даже самые солидные теории».²⁷² Факты не образуют теорий: для этого они просто недостаточны. Теории же образуются для объяснения фактов: именно относительно них осуществляют они свои познавательные функции. Поэтому факты сравнительно с теориями обладают большей фундаментальностью. «В любой науке, — отмечает Энгельс, — неправильные представления... являются в конце концов неправильными представлениями о правильных фактах. Факты остаются, даже если имеющиеся о них представления оказываются ложными. Если мы и отбросили старую контактную теорию, то все еще существуют те установленные исследователями факты, объяснению которых она должна была служить».²⁷³

²⁷¹ Попович М. В. *Проверка истинности теории // Логика научного исследования*. М., 1965. С. 176.

²⁷² Планк М. *Единство физической картины мира*. М., 1966. С. 73.

²⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 20. С. 476.

588

Опытное (экспериментальное) познание входит как необходимый компонент практически в любой акт научной (имеются в виду опытные науки) деятельности. Не существует иного пути замкнуть формулировки науки на отображаемую ими действительность, как путь эксперимента, активного воздействия на предмет с использованием арсенала эмпирического уровня — от визуальной регистрации до структурной декомпозиции предмета.

Эмпирическое опровержение (фальсификация). В противоположность верификации, не являющейся инструментом окончательного обоснования истинности теории, таким инструментом представляется фальсификация, которая в силу правила *modus tollens* способна «однозначно» демонстрировать ложность теорий. Однако это видимость. Опровержение *T*, дедуктивно следующее по *modus tollens* из истинности конъюнкции $(T \rightarrow O) \cdot \bar{O}$, также недостаточно для окончательного заключения о ее ложности.

Вместе с тем опровержение *T* по наблюдаемым *O*, как правило, является компонентом обоснования ее ложности, что вытекает из демонстрации невозможности для теорий выполнять относительно сопряженных с ними предметных областей (фактов) свои познавательные функции. Однако функционирование фальсификации в роли критерия научности не ограничивается только этим. Дополнительный смысл данного критерия обнаруживается при учете тесной связи между потенциальной фальсифицируемостью *T* и ее научностью. *T* научна, если потенциально фальсифицируема. Потенциальная неопровержимость *T* не является показателем ее достоинства ввиду того, что *T* неопровержима, если вообще не имеет дела с истиной, представляя фикцию, или имеет дело с абсолютной истиной, что возможно лишь вследствие тривиальности *T* — случай неинформативных тавтологий.

Говоря о фальсификации как значимом критерии научности, необходимо отмежеваться от искажающих существо дела интерпретаций статуса этого критерия фальсификационистами, которые универсализируют роль фальсификации в познании, расценивая научность всякого

589

положения через призму данного критерия. Так, некоторое *P* научно, если его отрицание $\bar{P}$ — аналитично или логически следует из конечного числа совместных предложений наблюдения *O* ... *On*, другими словами, имеет место $(O_1 \cdot \dots \cdot O_n) \rightarrow \bar{P}$, где $\bar{P}$ — эмпирически значимо.

Такая интерпретация, однако, чревата изъянами, к которым относятся следующие.

1. Как таковая, фальсификация не позволяет отделить научные (отвечающие критерию фальсификации) части предложений от ненаучных. Так, если *A* — научно (фальсифицируемо), а *B* — ненаучно (нефальсифицируемо), то $(A \cdot B)$ — научно, поскольку

$(A \cdot \bar{B})$ эквивалентно $(\bar{A} \vee B)$, которая как и *A* «является

следствием одного и того же непротиворечивого конечного класса простых утверждений наблюдения».²⁷⁴

2. Предположив, что xP — эмпирически незначимо, получим, что $\forall xP$ — эмпирически значимо. Однако универсальные предложения (с квантором общности) не могут быть выведены из конечного множества совместных предложений наблюдения.

3. Не будучи аналитической истиной и логически не вытекающей из конечного числа совместных предложений наблюдения, принцип фальсификации оказывается «ненаучным», не отвечая критерию фальсифицируемости.

Таким образом, утверждение о радикальности схемы *modus tollens* слишком сильно, как выяснится ниже, оно не учитывает реалий науки, накладывающих ограничения на автоматическое применение этого логического правила в практике исследований.

Из сказанного вытекает необходимость четкого разграничения понятия «фиксации факта соответствия или несоответствия теоретических положений данной эмпири-

²⁷⁴ Садовский В. Н. *Модели научного знания и их философские интерпретации // Вопросы философии. 1983. № 6. С. 43–44.*
590

ческой ситуации, которая выступает в качестве подтверждающего примера или контрпримера и методологического решения о принятии или отбрасываемости проверяемого положения».²⁷⁵ В противном случае существует опасность наивного верификационизма либо фальсификационизма.

В порядке развития этих мыслей подчеркнем неоднозначную взаимосвязь V_T и V_E , а также то, что V_E лишь в конечном счете выступает решающей и окончательной инстанцией обоснования (проверки) V_T . Осознание расхождений V_T с V_E не приводит к незамедлительной выбраковке V_T , а предполагает тщательную рефлексию состава V_T с целью прояснения вопросов: как V_T описывает, объясняет, предсказывает явления V_E ? какими ресурсами V_T это осуществляется? как согласуется V_T с наличной системой знания, картиной мира, общекультурным фоном?

Какие типы противоречий допустимы в теориях и какие в конечном счете приводят к кризису? Единственным ограничением, накладываемым на возможные типы противоречий в теориях, является недопустимость логического противоречия. Противоречия же фактов теории допустимы, однако в одном случае они безболезненно устраняются, в другом — приводят к кризисной ситуации, вызывающей научную революцию. В каком смысле, почему допустимы фактические противоречия в теории?

Теория есть целостная система взаимосвязанных положений, которые, будучи взяты в единстве, соотносятся с действительностью, описывают, объясняют ее. Через призму взятых в совокупности теоретических положений (установок) осуществляется, истолковывается эксперимент, вычленяются, формируются научные факты, концептуализируется эмпирический базис, соотносимый с теорией. В ситуации выявления противоречий фактов теории невозможно сказать, какое именно принятое в теории допу-

²⁷⁵ Швырев В. С. *Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978. С. 154.*

591

шение ведет к противоречию: необходимо анализировать взаимоотношения теории с эмпирией в целом. Нередко прибегают к расширению набора теоретических допущений и вводят в него дополнительные допущения, способствующие элиминации фактуальных противоречий. Последнее оправдывается тезисом Дюгема-Куайна, который, исходя из признания факта целостности и систематической связанности теоретической научной реальности, заключает, что «любое утверждение может поддерживаться как верное, если мы сделаем достаточно решительное допущение в какой-то части системы»²⁷⁶.

Знаем ли мы, какой компонент теории ведет к противоречию с эмпирией? Чем больше вспомогательных допущений входит в теорию, тем сложнее ответ на вопрос. Если структуру проверяемого положения T представить в виде $(H \cdot J_1 \dots \cdot J_n)$, где H — гипотеза, J — допущения, формула $[(H \cdot J_1 \dots \cdot J_n) \rightarrow O] \cdot \bar{O} \rightarrow (\bar{H} \vee \bar{J}_1 \vee \dots \vee \bar{J}_n)$ показывает: к противоречию проверяемого T положения с опытом может вести как сама H , так и любое J , причем какое именно — неизвестно.

Допустимость противоречий фактов теории вытекает из того, что:

1) факты не могут с абсолютной точностью соответствовать теории, потому что теория оперирует идеализациями, понятийными, логико-математическими структурами, в то время как бытие, отражаемое в теории, «неидеально», «нематематично»;

2) теория оставляет право соответствующим образом концептуализировать противоречащие ей факты, в результате чего противоречия могут сниматься;

3) необходимо делать поправки на погрешности, ошибки, допускаемые в процедурах вычисления, измерения, расчета на эмпирическом уровне.

²⁷⁶ Quine W. V. *From a Logical Point of View*. Cambridge, 1953. P. 43.

592

Содержание первого положения очевидно.

Содержание второго положения может быть раскрыто на таком примере. Один и тот же факт — отсутствие отклонения падающего с высоты тела на запад — допускает различную концептуализацию с гео- и гелиоцентрической точек зрения. Сторонниками Птолемея оно может быть истолковано как аргумент, подтверждающий положение о неподвижности Земли, поскольку предполагаемое ее движение вызвало бы, по их мнению, не связанные с взаимодействием тел ускорения, которые и обусловили бы эффект отклонения. Для опровержения аргументов Птолемея Коперник вводит понятие «естественного движения», которое не нарушает естественного порядка процессов на Земле, и, истолковывая факт отсутствия отклонения на запад падающих с высоты тел с этой точки зрения, рассматривает его как факт, не противоречащий идеям гелиоцентризма.

Анализ третьего положения вызывает, пожалуй, наибольший интерес в связи с обсуждением проблемы допустимых пределов ошибок, погрешностей при проведении экспериментов, интерпретируемых pro или contra теории. Науке известны ситуации, когда в одних случаях обнаружение расхождения выводов из

теории с экспериментально полученными данными рассматривается как вполне заурядное событие, которым можно пренебречь, в других же — как событие экстраординарной важности, которое свидетельствует о несостоятельности теории.

Еще в XVII в. Ньютон выдвинул предположение, будто Земля является сфероидом, однако не проверил его. Это сделал Клеро лишь в XVIII в., построив теорию неоднородности Земли. После проведения эмпирических вычислений выяснилось, что последние не согласуются с выводами теории. По этому поводу Клеро писал: «Так как измерения... были произведены с большой точностью и большим вниманием, то на первый взгляд кажется, что результатам этих измерений надо отдать предпочтение перед выводами из моей теории. Однако, если мы примем во внимание ошибки, неизбежные при фактических из-

593

мерениях, а также и пределы этих погрешностей, то мы увидим, что, не опорочивая наших измерений, их можно приблизить к моей теории и получить согласный с нею результат».²⁷⁷ Таким образом, Клеро счел возможным абстрагироваться от выявленных несоответствий, ссылаясь на несущественные, с его точки зрения, погрешности и ошибки измерения.

А вот пример того, как, видимо, приемлемые границы погрешностей были нарушены, что обусловило пересмотр теории. Так, Ханстин вычислял величину магнитного поля, исходя из гипотезы двух бесконечно малых магнитов, не одинаково расположенных и различной силы. Сравнение данных, дедуцированных из теории, с экспериментальными, выполненное Гауссом, показало наличие серьезных расхождений между утверждениями теории и наблюдениями. Последнее дало основание Гауссу отвергнуть гипотезу Ханстина.

Как видим, в одном случае считается возможным сохранить теорию путем известной ремиссии противоречия ей эмпирии, в другом — этот факт рассматривается как достаточный для фальсификации. Каковы причины этого? Почему в одном случае имеющиеся расхождения между теорией и эмпирией относят к погрешностям деятельности на эмпирическом уровне, а в другом расценивают как показатель несовершенства теории? Какова мера, степень, интервал допустимости экспериментальных погрешностей?

Общего рецепта разрешения проблемы не существует. Снять ее не представляется возможным иначе, как посредством контекстуального анализа тех или иных реально сложившихся познавательных ситуаций. Дело в том, что определить интервал допустимых погрешностей априори невозможно: всегда следует уточнять, относительно чего некоторая погрешность мала. Действительно, часто говорят: «Такая-то величина мала» — и переносят это высказывание на опыт, где играет роль малость по отно-

²⁷⁷ Клеро А. *Теория фигуры Земли*. М., 1947. С. 186.

594

шению к иным величинам, по отношению к которым она вовсе не мала. Если вы говорите о малости каких-то величин, то, в-первых, вы обязаны указывать, по отношению к чему они малы, и, **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

во-вторых, знать, что в различных вопросах играет роль малость по отношению к разным величинам. Всегда нужно знать, для чего говорится о малости».²⁷⁸ Скажем, в рамках проекта единой теории поля разрабатывается гипотеза существования некоего единого взаимодействия, объединяющего электромагнитное и слабое взаимодействия. Одно из следствий этой гипотезы утверждает, что если единое электрослабое взаимодействие реально, то должно существовать различие в силе, действующей между протоном и электроном с различными ориентациями спинов. На стэнфордском ускорителе было получено подтверждение этой гипотезы: электроны с левой поляризацией в действительности отклоняются на $1/10^4$ больше, чем электроны с правой поляризацией. Следовательно, единое электрослабое взаимодействие существует.

Избегая проблем, связанных с неоднозначной оценкой расхождения теории и опытных данных, можно спросить: что значит подтверждение, основанное на эффекте в $1/10000$? Во времена Ньютона этот эффект даже не был бы принят во внимание, будучи рассмотрен как погрешность. Следовательно, должна быть явная заданность интервала «чувствительности» теории к определенной малости конкретного эффекта. В рассмотренном случае именно она позволила расценить эффект как «подтверждение», в других условиях эффект был бы отнесен к погрешностям. Таким образом, для каждой теории имеется свой интервал малости. Что бывает в случае его перекрытия?

Обращаются к комплексному всестороннему исследованию теории, прибегая к метатеоретической (анализ на внутреннюю непротиворечивость), интертеоретической (выяснение когерентного совершенства), философской (изучение эпистемических допущений), эмпирической

²⁷⁸ Мандельштам Л. И. Полн. Собр. Тр. М., 1955. Т. IV. С. 42.

595

(исследование степени подтверждаемости предсказаний) оценке. После этого выносится окончательный вердикт.

Следовательно, полагать, что теория отбрасывается, лишь потому, что существуют противоречащие ей данные, неправильно. Корректная позиция такова: наличие противоречащих теории данных есть предварительный симптом для всестороннего анализа теории, результатом которого может быть ее сохранение без изменений, либо частичная перестройка, либо выбраковка. С одним из таких случаев мы встретились на примере Клеро. С другим — на примере Гаусса.

Под случай с частичной перестройкой теории с сохранением ее «несущего» ядра подпадает деятельность Кеплера в рамках классической модели гелиоцентризма. Первоначально убежденный сторонник коперниканской теории круговых движений планет, Кеплер вдруг «заметил, что одна... из планет (Марс. — В. И.) отклоняется от нужного положения на 8 угловых минут, и понял, что полученный им ответ неверен, так как Тихо Браге не мог допустить такую большую ошибку».²⁷⁹ Признание невозможности допущения Тихо Браге — астрономом, получавшим наиболее точные данные, — такой значительной ошибки, побудило Кеплера модифицировать элементы круговых траекторий, принимаемых в

теории, и ввести эллиптические траектории орбит, что не замедлило снять несоответствие теории эмпирии.

Завершая анализ проблемы рассогласования V_T с V_E , акцентируем невозможность окончательной верификации и фальсификации теории эмпирическими данными. Последнее связано с природой деятельности на эмпирическом уровне, которая в рамках реализации процедур подтверждения и опровержения отличается неоднозначностью; ее обобщенная оценка позволяет прийти к следующим заключениям.

Эксперимент может подтверждать различные теории, находящиеся в отношении дополнительности, — одновре-

²⁷⁹ Фейнман Р. Указ. соч. С. 12.

596

менная опытная подтверждаемость корпускулярной и волновой теорий света.

Эксперимент не может служить основанием для установления предпочтительной истинности одной теории сравнительно с конкурирующей — эфирная теория с компенсирующей *ad hoc* модификацией Лоренца — Фицджеральда и СТО.

Эксперимент способен «подтвердить» ложную теорию, что вытекает из свойств логического следования, которое, запрещая импликацию лжи из истины, допускает импликацию истины из лжи. Так, будучи ложной, ньютоновская теория звука согласовывалась с действительностью в вопросе численного значения скорости звука, и это представляло трудности при ее критике.

Результаты экспериментальной деятельности подвергаются рационализации и концептуализации, что делает невозможным *experimentum crucis*. К примеру, «из евклидовой аксиомы следует теорема, что сумма углов в треугольнике равна 180° . Если мы измерим эту сумму, можем найти небольшой «дефект»: наблюдаемая сумма может быть несколько меньше 180° . Мы можем приписать эту разницу экспериментальным ошибкам. Однако мы могли бы также допустить, что при той же самой физической интерпретации справедлива геометрия Лобачевского. Если мы допустим эту возможность, то не будем знать, действительно ли «дефект» получился в результате ошибок».²⁸⁰ Эксперимент не застрахован от ошибок, тем более что для проверки многих теорий требуется высокая точность измерений.

Существует трудность, называемая парадоксом подтверждения, которая осложняет оптимизацию процедуры подтверждения. Парадокс возникает при допущении того, что: а) утверждения (гипотезы, законы) теории подтверждаются всем универсумом не противоречащих им данных и б) данные могут подтверждать любые логически эквивалентные

²⁸⁰ Франк Ф. *Философия науки*. М., 1960. С. 157.

597

утверждения (гипотезы, законы). Парадокс состоит в том, что к числу фактов, подтверждающих некоторое утверждение, относятся и такие, о которых само утверждение не говорит явным образом. Он возникает ввиду следующих соображений. Если H -гипотеза типа $\forall x(Px) \rightarrow Q(x)$ (1), то так как (1) логически эквивалентно $\forall x(Q(x) \rightarrow Px)$ (2), Я подтверждается как (1), так и (2). Так, универсальное предложение «Все люди смертны» подтверждается как

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

предложением «*X*» есть смертный человек», так и предложением «*Y* есть бессмертный нечеловек».

Парадокс, состоящий в подтверждаемости универсальных предложений любыми не связанными с ними фактами, Гемпель именовал псевдопарадоксом, мотивируя это тем, что, так как универсальные предложения типа «*Всякое P* есть *Q*» запрещают «любой объект, обладающий свойством *P*, но лишенный свойства *Q*»²⁸¹, множество объектов, расцениваемых как потенциальные верификаторы универсальных предложений, должно ограничиваться. Устранение из этого множества объектов, индифферентных относительно связей *P* и *Q*, собственно и приводит к невозможности «подтверждать универсальные предложения высказываниями об объектах, о которых сами эти предложения ничего не говорят».²⁸²

Парадокс подтверждения возникает при логистическом подходе к пониманию процедуры подтверждения. Обычно он интерпретируется «как аргумент, который может, хотя бы частично, сгладить разрыв между универсальностью проверяемой гипотезы и ограниченностью подтверждающих ее фактов. Однако расширение множества фактов, участвующих в процедуре подтверждения, достигаемое чисто логическим путем, противоречит реальному научному процессу».²⁸³ Реальная возможность преодолеть тупики логистического подхода к исследованию «подт-

²⁸¹ Hempel C. *Aspects of Scientific Explanation*. N.Y.; L., 1965. P. 27.

²⁸² Чудинов Э. М. *Природа научной истины*. С. 77.

²⁸³ Там же.

598

верждения» связана с практическим подходом к анализу этой процедуры. Однако, представляя принципиальный способ решения вопроса, практический подход оказывается неопределенным для возможности «оперативного» решения проблем подтверждения отдельных гипотез, что не отменяет задачи оптимизации процедуры подтверждения универсальных предложений ограниченным множеством эмпирических данных.

Эксперимент не является средством содержательной оценки эвристического потенциала теорий, что вытекает из принципиальной опытной подтверждаемости как стимулирующих прогресс науки оригинальных и смелых теорий, так и тормозящих научное развитие неэффективных *ad hoc* конструкций.

Существует серьезная общеносеологическая проблема оправдания индукции, связанная с обоснованием необходимости имеющих недемонстративный статус индуктивных заключений. Известные программы обоснования индукции, в частности дедуктивная (Милль, Кейнс), прагматистская (Пирс, Рейхенбах), индуктивно-аналитическая (Карнап, Хинтикка), конвенционалистская (Пуанкаре, Леруа), лингвистическая (Айер, Стросон), не являются адекватными. Последнее давало повод рационалистам, включая представителей критического рационализма, квалифицировать опыт как неадекватный инструмент достижения истины, а получаемое с его помощью индуктивное знание, каким является опытная наука, расценивать как «необязательное», «недостоверное» и в итоге — ненаучное:

«подлинная наука» ограничивалась пределами демонстративного логико-математического знания.

Рационалистическая критика опыта, индукции как «несостоятельных» инструментов познания сама не выдерживает критики. Во-первых, она опирается на неприемлемую концепцию абсолютных метафизических истин, которые, если, конечно, не постулировать их сверхъестественного генезиса, не могут быть получены ни при помощи опыта, ни при помощи любого другого доступного человечеству познавательного средства. Во-вторых, неадекватно антиди-

599

алектическое истолкование дедуктивного знания как достоверного: ахиллесовой пятой дедукции как метода генерации знания являются принимаемые без доказательства «неочевидные» аксиомы, «непрозрачные» положения, правила, законы — аксиома выбора, теоремы чистого существования, закон исключенного третьего и т. д.

Опытное, индуктивное знание относительно, но относительность знания не есть его необъективность. Относительность — показатель исторической условности, характеристика «пределов приближения» знания к истине. Поэтому радикальный тезис гносеологической несостоятельности индукции, опытного знания неверен в принципе. Если быть строгим, надо признать: индукция является не менее надежным методом, а получаемое на ее основе знание не менее эффективным, чем все другие используемые в науке методы и получаемые с их помощью знания. Последнее находит развернутое обоснование в программе практического и опосредствованного «оправдания» индукции. Однако и здесь имеются проблемы. В частности, практика гарантирует необходимость индуктивных выводов лишь в тенденции, что обуславливает вероятностный статус конкретных индуктивных выводов, отличая их от обладающих явной аподиктичностью заключений, получаемых демонстративно.

Таким образом, присущая опыту неоднозначная тенденция не позволяет раз и навсегда обосновать истинность теорий по эмпирически подтверждаемым следствиям. То же можно сказать и относительно процедуры обоснования ложности теорий по эмпирически опровергаемым следствиям.

Как отмечалось, иллюзия *experimentum crucis*, поставляющего «абсолютные» контрпримеры теории, оказывается в настоящее время развеянной. Непризнание за фальсификацией инструмента однозначной и радикальной выбраковки теорий определяется следующим. В силу системного характера знания опровергаемость выводных гипотез зачастую свидетельствует о ложности отдельных компонентов теории, а не о ее ложности в целом. Возможны

600

компенсирующие модификации *ad hoc*, снимающие противоречия фактов теориям. Как указывает Лакатос, «природа может кричать НЕТ, но человеческая изобретательность... может крикнуть еще громче».²⁸⁴

Теории могут сохранять основные законы, даже обнаружив несостоятельность интерпретативно-объяснительных аппаратов, за счет включения в новые более адекватные теории. В подтверждение

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

сошлемся на теорию света Декарта, категорично настаивавшую на мгновенности распространения света. Когда Ремер, уточняя скорость света из наблюдений над затмением спутников Юпитера, вычислил, что скорость распространения света конечна, всем казалось, что теория Декарта рухнет одним ударом. Однако, терпя крушение, она ни в малейшей степени не увлекала за собой учения о законах преломления света — эта теория сохраняется, входя в элементарную оптику.

Реальная фальсификация теории осуществляется тогда, когда выясняется, что: а) модификации не приводят к ожидаемому сбалансированию теории и эмпирии; б) модификации носят искусственный характер, вызывая неоправданное усложнение; в) имеется новая теория, успешно конкурирующая со старой.

Для иллюстрации рассмотрим ситуацию, в которой оказалась классическая теория гравитации при попытке объяснить полученную Леверье для смещения перигелия Меркурия величину в 42,56" за столетие. Искусственные попытки объяснить смещение перигелия Меркурия, которые за 50 лет систематизировал Вл. П. Визгин, таковы: «существование неизвестной планеты между Меркурием и Солнцем (Леверье), кольцо малых планет внутри орбиты Меркурия (Ньюком), спутник Меркурия (Хертль), кольца малых планет между Меркурием и Венерой (Ньюком) или между Марсом и Юпитером (Харцер, Равене), возмущающее действие зодиакального света (Харцер, Зеелигер) и ряд других попыток, связанных с предположением о

²⁸⁴ *Lakatos I. Popper on Demarcation and Induction// The Philosophy of Karl Popper. La Salle, 1974. V. I. P. 249.*

601

наличии сопротивляющейся среды, роли светового давления, о возможном уменьшении массы Солнца вследствие излучения и др.».²⁸⁵ Оказывались безуспешными и предпринимаемые наряду с этими попытками произвольные модификации ньютоновой силы тяготения: дополнение ее членами, «характерными для далекодействующих электродинамических законов Вебера (Зеегерс, Хольцмюллер, Цельнер и др.), Гаусса (Ж. Бертран, Тиссеран и др.), Римана (Лиман, Леви и др.), Клаузиуса (Оппенгейм) и зависящими от величин порядка v^2/c^2 , где v — относительная скорость гравитирующих тел — а C — скорость света»; допускалось незначительное отличие ньютоновского закона тяготения от зависимости $1/r^2$, т. е. предполагалось, что «эта зависимость выражается отношением $1/r^2 + \epsilon$, где $\epsilon \approx 0,00000016$ (Холл, К. Нейман, Ньюком и др.)».²⁸⁶

Эти гипотезы, сводившие до минимума расхождение теории с данными, были необоснованными. Положение поправилось, когда на смену классической теории гравитации пришла ОТО, получившая непонятный остаток в 42,56" за сто лет «расчетным путем без всяких дополнительных предположений».²⁸⁷

Таким образом, и процедура фальсификации лишена приписываемой ей сторонниками критического рационализма черт радикальности.

Итак, опыт не гарантирует однозначно истинности теорий. Это определяется следующим. Одинаковые B_E совместимы с разными B_T . Так, применительно к космологии Эддингтон отмечает: «Мы в **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

состоянии показать, что при помощи некоторой определенной структуры возможно объяснить все явления, но мы не можем доказать, что такая структура будет единственной».²⁸⁸

Показательная

²⁸⁵ *Визгин Вл. П. Методологические принципы и научно-исследовательские программы // Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982. С. 186–187.*

²⁸⁶ *Там же. С. 187.*

²⁸⁷ *Шмутцер Э. Указ. соч. С. 145.*

²⁸⁸ *Эддингтон А. С. Теория относительности. М.; Л., 1934. С. 197.*

602

ситуация, сложившаяся в космологии, обусловлена фактом пролиферации теорий, альтернативных фридмановской теории расширяющейся Вселенной, когда в этом нет явной необходимости: эта теория адекватно описывает эмпирические данные, делает экспериментально подтверждаемые предсказания и т. п. Хотя непонятно, почему в данном конкретном случае плодятся теории, природа неоднозначности корреляций V_E с V_T вполне понятна: «она заложена в самой гипотетико-дедуктивной схеме»²⁸⁹ развертывания науки на теоретической стадии ее существования. В настоящее время можно считать хорошо обоснованным то, что наука строится на альтернативно-дополнительной (плюралистичной) основе. Примерами могут быть биология (тихогенез — номогенез), геология (фиксизм — мобилизм), ОТО (метрическая теория — теория прямого межчастичного взаимодействия) и т. д.

Во многих случаях проведение экспериментальной апробации теорий затруднено, невозможно. Это справедливо для палеонтологии, петрологии, почвоведения, климатологии, сейсмологии, астрономии, космологии и др. Многие положения науки в силу принципиальных или частных причин не могут быть обоснованы экспериментально. Скажем, гипотеза, будто ген есть белковая молекула, не имела эмпирического обоснования и подкреплялась одно время только теоретически — на основании согласуемости с общекультурным фоном.²⁹⁰ Гипотеза Авогадро непроверяема на опыте; ее принятию способствовали причины «внутреннего согласования, которое устанавливалось между различными эмпирическими данными»²⁹¹ (газовые законы, теория Дальтона).

Все это вызывает необходимость использования в науке экстралогических и неэмпирических критериев научности.

²⁸⁹ *Чудинов Э. М. Указ. соч. С. 72.*

²⁹⁰ *См.: Методологические вопросы теоретического естествознания. Киев, 1978. С. 290.*

²⁹¹ *Философские проблемы современной химии. М., 1971. С. 58.*

603

4.3.6 Экстралогические и неэмпирические критерии научности

Экстралогические и неэмпирические критерии научности образуют простота, красота, эвристичность, конструктивность, нетривиальность, информативность, логическое единство, концептуальность, когерентность, обоснованность, оптимальность, эстетичность, прагматичность и т. п., которые, представляя приемы

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

опосредствованного сопоставления научно-теоретических продуктов с действительностью, имея объективные основания, в своеобразной форме отражают гармонию между теоретическими построениями и законами природы.²⁹²

Введение экстралогических и неэмпирических критериев диктуется необходимостью оценки продуктов познания на предпочтительность. Дело в том, что, как отмечалось, наука на стадии высокой теоретизации отличается тенденцией к политеоретичности: она функционирует, строится на плюралистичной, альтернативной основе.

Каким из родственных систем знания отдавать предпочтение? Как делать выбор между теориями, вырастающими из одного концептуального и методического ствола? Ясно, что апелляция к логическим и эмпирическим критериям недостаточна.

Скажем, каковы основания, определяющие выбор аксиоматик в логико-математических системах? Ответ не однозначен. Борель не принимает аксиому выбора. Гильберт не считает аксиоматику *PM* удовлетворительной. Системе *JB* Мостовский предпочитает систему *ZF*. Интуиционисты дискредитируют закон исключенного третьего. Брауэр выказывает недоверие формализму. Гедель обосновывает платонизм. Гудмен — номинализм...

Этот перечень, составленный из взятых почти наугад примеров, демонстративен в том отношении, что показывает: интенция на включение тех или иных положений в

²⁹² См.: Гинзбург В. Л. *Экспериментальная проверка общей теории относительности // Эйнштейн и развитие физико-математической мысли. М., 1962. С. 133—134.*

604

число приемлемых формируется в науке зачастую в обход логических критериев научности. Во всяком случае простое присутствие или отсутствие непротиворечивости, независимости, полноты инстинктивно отвергается как достаточный критерий приемлемости.

Очевидно, что берутся в расчет некоторые дополнительные соображения, которые весьма разнообразны. Взять аксиому выбора. Ее не принимал не только Борель. Ее не принимали многие, однако, по разным мотивам. Если Бореля не удовлетворяла непредикативность, то Гильберта — нефинитность, и т. д.

Сказанное подтверждает, что логические критерии сами по себе недостаточны для отбора принципов, закладываемых в фундамент научных систем. На деле имеет место учет неких экстралогических нормативов, которые невозможно полностью исключить или уничтожить.

То же справедливо и для эмпирических критериев научности, факт реализуемости которых также жестко не детерминирует научное решение о приемлемости. В порядке обоснования примем во внимание следующее. 1. По своему концептуальному, эвристическому, информативному и т. д. потенциалу эмпирически эквивалентные описания (теории) не являются равноценными в научном отношении, отличаясь по структуре, языку, обоснованности и т. п.

Как указывал Бэкон, «могут быть предположены многочисленные теории... которые достаточно хорошо сходятся с

явлениями, но расходятся между собой».²⁹³

Если эквивалентность теорий рассматривать относительно «наблюдаемых следствий», то, по справедливому замечанию Хэнсона, «никогда не могут быть получены общие доказательства эквивалентности».²⁹⁴ Это потому,

²⁹³ Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. М., 1970. Т. II С. 70.

²⁹⁴ Hanson N. R. *Are Wave Mechanics and Matrix Mechanics Equivalent Theories?* // *Current Issues in the Philosophy of Science*. N.Y., 1961. P. 405.

605

что дело не сводится лишь к наличию «опытного оправдания».

Теоретические альтернативы, как правило, неравноценны по неэмпирическим возможностям: они расходятся по своим внутренним концептуальным и методическим параметрам, а также не идентичны по отношению к будущим экспериментам. По этой причине аргументы эквивалентных альтернативных теорий относительно одних и тех же эмпирических данных весьма искусственны.

2. Эмпирическое оправдание теории, как отмечалось, может быть затруднено либо отсутствовать. С такой ситуацией сталкиваются, к примеру, в космологии, где существуют серьезные проблемы оценки теорий в отсутствие надлежащих эмпирических данных. Таковы, скажем, проблемы обоснования альтернативных теорий происхождения крупномасштабной структуры Вселенной. Проблемы состоят в том, что, так как «все модели сконструированы так, чтобы воссоздать наблюдаемую Вселенную к настоящему моменту времени», «имеется очень мало мыслимых наблюдательных возможностей, с помощью которых можно было бы проверить ранние этапы эволюции этих моделей».²⁹⁵

Поскольку эмпирическая апробация затруднена, если не сказать — невозможна, остается выявлять теоретические достоинства и изъяны моделей по неэмпирическим показателям.

3. Плохо подтверждаемые теории могут обладать ценностью для науки, их значимость в этом случае не определяется лишь «опытной оправдываемостью». Такова ситуация с «хорошо подтвержденной» ОТО и конкурирующими с ней «плохо подтвержденными»

²⁹⁵ Лонгейр М. С. *Частное мнение о крупномасштабной структуре Вселенной* // *Крупномасштабная структура Вселенной*. М., 1981. С. 503.

606

ми» скалярно-тензорными теориями, а также релятивистской теорией гравитации в плоском пространстве.

Следовательно, и в опытных науках помимо эмпирических имеют место неэмпирические оценки знания на совершенство концептуального постижения.

Сказанное позволяет обосновать тезис, что наука не делается только в условной плоскости, ограниченной главным образом эмпирическим (выражаемым эмпирическими критериями) и аналитическим (выражаемым логическими критериями) содержанием; она включает дополнительное содержание — предпочтения, эстетические, аксиологические и т. п. параметры, — выражаемое экстралогическими и неэмпирическими критериями научности.

Последнее, собственно, и определяет значимость разработки данных критериев, производящих оценку знания на совершенство

способов удостоверения (представления, выражения) фиксируемой в нем истины (познавательного содержания).

Простота. Простота как эвристический принцип давно изучается в методологии. Однако в оценке ее природы мы тщетно искали бы единомышленников. Одни (Гиббс) рассматривают ее как действенный фактор: «Одна из главных целей теоретического исследования в любой отрасли знания состоит в том, чтобы найти точку зрения, с которой предмет представляется наиболее простым».²⁹⁶ Другие (Борн) проводят диаметрально противоположную линию: «Если мы хотим экономить мышление, то лучше всего... прекратить думать вообще».²⁹⁷ Одни (Лаплас) вводят ее в список критериев научности.²⁹⁸ Другие, напро-

²⁹⁶ Гиббс Дж. *Проблемы современной математики*. М., 1971. С. 41.

²⁹⁷ Born M. *Natural Philosophy of Cause and Chance*. P. 207.

²⁹⁸ Лаплас П. *Изложение системы мира*. СПб., 1861. Т. 1. С. 137-138.

607

тив, объявляют ее «недостижимой химерой» (Дюгем)²⁹⁹, неуловимым для измерения показателем (Ламуш).³⁰⁰

Не входя в детали принадлежащих истории взглядов, уточним современную интерпретацию вопроса.

Как весьма специализированный критерий, простота является средством квалификации информационных аспектов знания: она обязывает принимать во внимание количество информации, необходимое для понимания концептуальных структур. «Сложность объекта, — указывает М. В. Волькенштейн, — есть минимальное число бит, содержащееся в информации об объекте, достаточное для его воспроизведения».³⁰¹

Человеческий опыт зиждется на выработке программ, генерирующих сообщения. В случаях совпадения программы с самим объектом имеет место освоение действительности средствами искусства, нацеленного на воспроизведение уникального богатства индивида. В случаях построения именно минимальной программы, ориентированной на воспроизведение универсально-типологических, сущностных определений объекта, имеет место освоение действительности средствами науки. Отсюда в науке — интенция на оптимизацию, которую впервые в ясном виде провел Аристотель, выдвинув требование минимизации допущений при объяснении. Сходные требования предъявлял к науке Оккам («бритва Оккама»), Лейбниц («принцип минимакса») и др. Речь идет о том, что системы науки (идеально) должны представлять построения с минимальным числом независимых допущений. В противном случае при значительном числе независимых допущений (переменных) знание не может быть кодировано в концептуальной (формальной) схеме разумной степени сложности.

Генетически дело обстоит так: «функционирование теории, выражающееся в концентрации информации, про-

²⁹⁹ Dugem P. *L'evolution de la Mechanique*. P. 343.

³⁰⁰ Lamouch A. *Logique de la Simplicité*. Paris, 1959. P. 40.

³⁰¹ Волькенштейн М. В. *Наука и эстетика // Вопросы философии*. 1983. № 10. С. 80.

608

истекает из особенностей человеческого мозга, способного

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

работать лишь с определенным числом переменных, обладающего определенной скоростью переработки информации и т. п.».³⁰² Поэтому требование простоты поначалу существует и действует, так сказать, в форме внешней необходимости. С течением времени, однако, оно переходит в некое внутреннее требование мышления вроде упомянутых выше «бритвы Оккама», «минимальности числа независимых переменных», «минимальности количества фундаментальных постулатов теории» и т. д. и становится «естественным для самого мыслительного процесса в науке».³⁰³

Различают несколько видов простоты.

Онтологическая простота. Данная интерпретация, развиваемая Кузанцем, Коперником, позже Ньютоном, Лапласом, Геккелем и др., постулирует объективно присущую мирозданию гармоничность, а также монистичность, которая удовлетворяет «логической потребности нашего разума в причинной связи».³⁰⁴ Стремление реорганизовать знание в соответствии с требованием первого понимания онтологической простоты двигало, к примеру, изысканиями Коперника, перед которым, как перед всяким живущим в XVI в. ученым и каноником, возникали альтернативы. Если природа проста, как про то учит Писание, неправ Птолемей, изображающий ее чересчур сложной. Если же Птолемей прав, природа в действительности непроста, но в таком случае неправ Писание. С последним Коперник примириться не мог, что, помимо прочего, также воодушевляло его на ревизию геоцентризма.

Детерминация познавательной деятельности вторым пониманием онтологической простоты осуществляется посредством теоретически значимой установки на унификацию. Если реальность едина, то, безусловно, должна быть

³⁰² Зотов А. Ф. *Структура научного мышления.* М., 1973. С. 148.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Геккель Э. *Бог в природе.* Спб., 1906. С. 31.

609

единой и теория, отображающая реальность. С этих позиций отсутствие единых описаний реальности в пределах теорий (соответствующим образом истолкованная квантово-механическая дополнительность) рассматривается как показатель их неадекватности.³⁰⁵

Семиотическая простота, в рамках которой выделяют синтаксическую и прагматическую простоту. Понятие синтаксической (нотационной, дескриптивной) простоты задается представлением оптимальности, удобства применяемой символики, способов кодирования, транслитерации и т. д. В этом контексте Гудмен проводит идею минимальности числа мест предикатов, выражающих знание. Однако данный критерий неабсолютен: выразительные средства в науке варьируются в зависимости от идейных контекстов. Ньютонова механика, к примеру, принята и сейчас для расчета орбит планет Солнечной системы (кроме Меркурия), ибо использование ОТО здесь нецелесообразно. Иногда удобней пользоваться ньютоновой формулировкой классического гравитационного закона:

а иногда формулировкой Пуассона: $\Delta\varphi=4\pi\kappa\rho$.

Вообще вопрос, какой из эквивалентных формулировок отдавать

предпочтение, не имеет априорного решения.

Понятие семантической простоты, когда она не сводится к синтаксической простоте³⁰⁶, задается представлением об информативной силе, эвристичности, концептуальной совершенности теории. Так, несомненным преимуществом системы Коперника была ее большая общая простота, простота гипотезы, положенной в основу теории. В самом деле, «так как масса Солнца... несравненно

³⁰⁵ Hesse M. *Models and Matter // Quanta and Reality. Chelend, 1964. P. 56.*

³⁰⁶ Post H. *Simplicity in Scientific Theories // The British Journal for the Philosophy of Science. 1960. V. 11. № 41. P. 37.*

$$F = - K \frac{m_1 m_2}{r^2},$$

610

больше земной массы, то гораздо проще заставить вращаться Землю вокруг Солнца, чем всю Солнечную систему вокруг Земли. Какую странную сложность в небесных движениях влечет за собой неподвижность Земли». ³⁰⁷ Напротив, эта сложность пропадает «перед поступательным движением Земли, движением, соответствующим общему закону, по которому малые небесные тела обращаются вокруг близких к ним больших». ³⁰⁸

С позиций же нотационной простоты — в отношении метода моделирования движений планет посредством кругов и эпициклов — гелиоцентризм оказывался не проще. Хотя допущение движения Земли позволяло сократить число кругов с 73 (у Птолемея) до 34, это не было принципиальным: с внутренними планетами у Коперника дело обстояло сложнее, чем у Птолемея. ³⁰⁹

Понятие прагматической простоты эксплицируется контекстуально посредством введения представлений о простоте экспериментальных, технических, алгоритмических, психологических и других аспектов научной деятельности. Кроме того, вводится представление о динамической простоте, ³¹⁰ подчеркивающей сравнительный и соотносительный статус простоты прагматической. Остановимся на этом подробнее.

Суть концепции динамической простоты заключается в процессуальном подходе к знанию. «Важнейшая цель любой теории, — указывает Эйнштейн, — состоит в том, чтобы... основных несводимых элементов было как можно меньше и чтобы они были как можно проще, однако так, чтобы это не исключало точного отображения того, что содержится в опыте». ³¹¹ Но выяснить, насколько просты теории, отображающие опыт, можно, лишь переместив анализ из статического плана в динамический: лишь

³⁰⁷ Лаплас П. Указ. соч. С. 132.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ См.: Паннекук А. *История астрономии. М., 1966. С. 167.*

³¹⁰ См.: Schlesinger G. *Method in Physical Science. L., 1963. P. 8—44.*

³¹¹ Эйнштейн А. Указ. соч. Т. IV. С. 183.

611

исследование динамики ассимиляции теориями эмпирических данных позволяет решить вопрос о их простоте.

Какая из родственных теорий проще? Та, которая при

ассимиляции нового эмпирического материала не обрастает ad hoc допущениями, уловками, геропизмами, демонстрируя вырожденный характер.

Итак, для решения вопроса о простоте альтернативных теорий T_1 и T_2 следует оценивать динамику усвоения ими фактического материала. Допустим, поначалу эвристические потенциалы T_1 и T_2 идентичны: они одинаково подтверждаются эмпирическими данными E , ничем не обнаруживая друг перед другом своих преимуществ. С течением времени, однако, возникает E_b , которое подтверждает T_1 и не подтверждает T_2 . Для снятия противоречия между теорией и эмпирией адепты T_2 идут по пути введения дополнительных допущений H , таких, что $T_2 H_2 \rightarrow E_i$. Таким образом, равенство объяснительных потенциалов T_2 и T_1 восстанавливается. Тем не менее, возможно появление E_k , противоречащего $T_2 H_1$. Тогда к последнему присоединяют H_2 , чтобы в итоге $T_2 H_1 H_2 \rightarrow E_k$. Это также приводит к одинаковой подтверждаемости T_1 и T_2 .

С логической точки зрения модификации T_2 перед лицом эмпирических контрпримеров не являются ограниченными. С точки же зрения фактической этот процесс ограничен. Он ограничен именно требованиями простоты, поскольку ad hoc деятельность внутри теории, вызывающая ее непомерное усложнение, разбухание, приводит к невозможности получения результатов разумной степени сложности.

Но дело не сводится только к этому. Так как тактику усложнения теории ad hoc модификациями, как правило, применяют в случаях серьезного расхождения теории с эмпирией, в отсутствие подтверждения, не удовлетворяющую критерию простоты теорию можно считать не только прагматически неудобной, но и неистинной.

Увязывание процесса усложнения теории с процессом адаптации теории к эмпирии за счет ad hoc уловок требует выяснения природы последних: что они такое? Когда на-

612

ука имеет дело с подлинным, а когда с мнимым подтверждением своих теорий? Для изучения вопросов рассмотрим ситуацию, сложившуюся в физике в связи с кризисом теории эфира и генезисом СТО. Из учения Лоренца о покоящемся эфире следовало существование эфирного ветра, который, однако, не был зафиксирован не только в опытах Френеля, включавших величины абберации первого порядка, но и в опытах Майкельсона — Морли, включавших квадрат абберации. В результате возникало противоречие между теорией, утверждающей существование эфирного ветра, и эмпирией, отрицающей это утверждение. Чтобы спасти теорию Лоренца, Фицджеральд в 1892 г. предлагает гипотезу, по которой всякое тело, движущееся относительно эфира со скоростью v , сокращается в направлении движения в отношении

$$\sqrt{1 - \beta^2}, \text{ где } \beta^2 = \left(\frac{v}{c}\right)^2.$$

В самом деле: опыт Майкельсона — Морли основывается на допущении, что интервалы времени, необходимые световому лучу

на прохождение расстояния туда и обратно, различны, смотря по тому, параллельно или перпендикулярно распространяется свет к направлению движения Земли.

В одном случае

$$t_1 = \frac{2l}{c} \cdot \frac{1}{1 - \beta^2}; \quad \text{в другом} \quad t_2 = \frac{2l}{c} \cdot \frac{1}{\sqrt{1 - \beta^2}};$$

Отсюда, если предположить, что плечо интерферометра, направленное параллельно движению Земли, укорочено в отношении $\sqrt{1 - \beta^2}$, то $t_1 = t_2$. Следовательно, гипотеза

Фицджеральда сокращения линейных размеров тел в направлении движения заведомо предсказывает отрицательный результат опыта Майкельсона — Морли, снимая противоречия между теорией и фактами.

Каковы основания квалификации некоторой модифицирующей гипотезы как гипотезы ad hoc? Обзор результа-

613

тов, полученных к настоящему времени, позволяет прийти к следующему заключению. Гипотезой ad hoc является гипотеза, которая: 1) вводится в теорию специально для устранения эмпирических контрпримеров; 2) не допускает не зависимой от теории проверки; 3) не расширяет эвристический потенциал теории.

Данная характеристика, однако, не абсолютна. Во-первых, некоторые гипотезы, отвечающие этим критериям, лишены негативности, традиционно связываемой с гипотезами ad hoc; введение их в науку оказывается не тормозом, а формой развития знания. Такова история введения в науку гипотезы квантов, космологической постоянной и др.

Во-вторых, некоторые из названных критериев неприменимы к гипотезам, традиционно считающимся гипотезами ad hoc. Та же контракционная гипотеза Лоренца — Фицджеральда не отвечает критерию (2), ибо допускает автономную от теории покоящегося эфира проверку — эксперимент Кеннеди — Торндайка³¹². Тем не менее она остается гипотезой ad hoc.

Метод различения искусственной компенсирующей модификации и модификации революционизирующей вырабатывается в рамках не синхронного, а диахронного подхода: «окончательный «вердикт» может вынести только сравнительный анализ конкурирующих теорий или исследовательских программ».³¹³ Только с позиции учета прогрессивного роста знания, освоения истины можно решать проблему ad hoc гипотез.

«Метод гипотез ad hoc, — замечает Э. М. Чудинов, — это, по существу, квазитеоретическая форма объясне-

³¹² См.: Grunbaum A. The Falsifiability of the Lorentz — Fitzgerald Contraction Hypothesis // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 1959. V. 10. № 37. P. 48.

³¹³ Меркулов И. П. К анализу понятия «динамической простоты» // *Философия. Методология. Наука*. М., 1972. С. 201.

614

ния».³¹⁴ К ней прибегают в отсутствии надежной более общей теории, когда приходится объяснять факты, которые, говоря строго, уже «не объясняются» наличным знанием ввиду неэвристичности.

Последнее подтверждает пример гипотезы Лоренца —

Фицджеральда, которая устраняла противоречия между теорией и опытом сугубо формально, объявляя допущение линейного сокращения движущихся тел в направлении движения «подарком, ниспосланным свыше», «побочным обстоятельством самого факта движения».³¹⁵

Это напоминает школьную подгонку решения под наперед заданный ответ, что и иллюстрирует неадекватность теории. Адекватная теория никаких «подарков, ниспосланных свыше», никаких подгонок, никаких факторов, не следующих из внутренней природы вещей, не допускает. Вопрос, является ли гипотеза Лоренца — Фицджеральда гипотезой *ad hoc*, решается ретроспективно, учитывая перипетии функционирования в науке эфирной теории. Здесь выясняется, что Лоренц вольно или неосознанно принимает меры к спасению тупиковой теории. Ее «тупиковость» проявлялась в неспособности решить буквально ни одну из проблем, связанных с интерпретацией эфира как некоей онтологической реальности.

Подведем итоги. Экспликация природы динамической простоты возможна через экспликацию природы *ad hoc* гипотез, которые бывают двух типов — «компенсирующе-революционизирующие» и «компенсирующие». Будучи тесно связан с гипотезами *ad hoc* именно второго типа, критерий простоты нацелен на выбраковку их из науки. «Если какая-либо исследовательская программа (теория) при своем развитии избегает выдвижения *ad hoc* гипотез, то ее можно квалифицировать как простую».³¹⁶ В этом случае «простота» будет аттестовывать ту или иную теорию не с позиций

³¹⁴ Чудинов Э. М. *Природа научной истины*. С. 136.

³¹⁵ *Принцип относительности*. Л., 1935. С. 189.

³¹⁶ Меркулов И. П. *Цит. соч.* С. 201.

615

истинности, а с позиций «выживаемости и перспектив дальнейшего развития в условиях непрерывно расширяющейся эмпирической ситуации и столкновения с конкурирующими теориями соответствующей области знания».³¹⁷

Таким образом, будучи весьма специализированным критерием, вовсе не подменяя собой прочие критерии научности, в зависимости от методологических контекстов «простота» выступает показателем либо оптимальности, практической приемлемости, либо истинности, либо перспективности, эвристичности.

С «простотой» тесно связаны такие неэмпирические критерии, как импозантность, гомогенность, компактность, логическое, концептуальное единство, стройность, изящность, ясность и др., которые мы, обобщая, для краткости назовем «красотой».

Красота. Выражая момент «приятного ощущения понимания и постижения» (Л. Бриллюэн), эмоциональной, психологической восторженности наличия гармонии, неординарности в продуктах научного творчества, «красота» представляет характеристику знания со стороны субъективной удовлетворенности им. Показатель субъективной удовлетворенности знанием нельзя абсолютизировать: его переоценка чревата агностицизмом; вместе с тем его недопустимо и недооценивать: он реально детерминирует научную деятельность.

Почему Лобачевский обращается к критике евклидовой геометрии? Потому что его не устраивает неясность, интуитивность или полуинтуитивность ее построения. «Никакая математическая наука, — писал Лобачевский, — не должна бы начинаться с таких темных понятий», как евклидова система; «нигде в математике нельзя терпеть такого недостатка строгости», какой имеется в учении о параллельных.³¹⁸

³¹⁷ Меркулов И. П. Цит. соч. С. 201.

³¹⁸ Лобачевский Н. И. *О началах геометрии // Основания геометрии. М., 1956. С. 27.*

616

Выше говорилось, что «экспериментальное разрешение спора между теориями Лоренца и Эйнштейна... невозможно».³¹⁹ Все же теория Лоренца отступила на задний план потому, что при всей ее близости к «теории относительности ей недостает того великого, простого, общего принципа, обладание которым сообщает теории относительности... известную импозантность».³²⁰ Свойство импозантности, концептуального, логического единства принимается в расчет специалистами при выборе между ОТО и ее конкурентками, и это «несмотря на ограниченность экспериментальных подтверждений» ОТО.³²¹

Другим основанием выбора между конкурирующими теориями является учет интегрируемых в «красоту» «гомогенности» и «замкнутости». Показательна в этом отношении история противоборства программ Эйнштейна и Пуанкаре (См.: 1.5.2).

«Общие законы природы, — отмечает П. Дирак, — когда они выражены в математической форме, обладают математической красотой... Это дает физику-теоретику могучий метод, руководящий его действиями. Если он видит, что в его теории есть уродливые части, то он считает, что именно эти части неправильны и он должен сконцентрировать на них свое внимание... Этот прием изыскания математического изящества является наиболее существенным для теоретиков».³²²

Пример сознательной ориентации на точно выраженный Дираком идеал красоты являет собой реформирующая деятельность Максвелла в фарадеевской электродинамике. Из экспериментальных работ Фарадея вытекало,

³¹⁹ Laue V. *Das Relativitäts Prinzip (Die Wissenschaft. H. 38). Braunschweig, 1911. S. 19.*

³²⁰ Там же.

³²¹ Меллер К. *Успехи и ограниченность эйнштейновской теории относительности и гравитации // Астрофизика, кванты и теория относительности. М., 1982. С. 38—39.*

³²² Дирак П. *Электроны и вакуум. М., 1957. С. 4—5.*

617

что $\operatorname{rot} H = 0$. Без всякого экспериментального обоснования Максвелл ввел отсутствующий член $\frac{1}{c} \cdot \frac{\partial E}{\partial t}$.

Чем диктовалась необходимость такого шага? Нам кажется убедительным разъяснение, предложенное Борном. По его мнению, необходимость этого шага диктовалась стремлением Максвелла реализовать идеал гармонии, совершенства, красоты,³²³ который оставался невоплощенным на стадии разработки электродинамики Фарадеем. Такова же логика ситуации и с монополюмом Дирака, **Ильин В. В. Философия:** учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

который (пока) не идентифицирован. Вместе с тем послужившие толчком к его анонсированию предельно изящные формальные соображения не оставляют сомнений: «было бы удивительно, если природа не использовала этой возможности».³²⁴

Регулятивная функция требования «красоты» определяется установкой на прогрессивную интеграцию и унификацию знания. Развивая фарадеевскую электродинамику, тот же Максвелл сознательно преследовал цель объединить множество эмпирических законов, накопленных в обособленных учениях об электричестве, магнетизме и оптике, и тем самым оптимизировать, углубить физическое знание.

С созданием максвелловской электродинамики электростатические, электродинамические явления, феномен электромагнитной индукции, законы Кулона, Ома, Ампера, многие оптические явления и т. д. получили глубокое теоретическое истолкование с единых позиций, что выступает несомненным показателем научного прогресса. Синтетическим тенденциям в науке обязаны своим происхождением специальная теория относительности (синтез механики и электродинамики), квантовая механика (синтез корпускулярной и волновой механики), на пути

³²³ См.: Борн М. *Физика в жизни моего поколения*. М., 1963. С. 142.

³²⁴ *Монополю Дирака*. М., 1970. С. 56.

618

синтеза общей теории относительности и квантовой механики разрабатывается единая теория поля и т. д.

Эвристичность. Эвристичность выражает свойство теории выходить за свои первоначальные границы, обладать способностью к экспансии, саморасширению. С этих позиций научность связывается с внутренними потенциями знания к теоретически прогрессивным сдвигам, индикатором чего служит наличие опережающего теоретического роста относительно связанного с ним эмпирического роста знания. В противном случае имеет место неудовлетворительная тактика гипотез *ad hoc* со своим спутником — концептуализацией *a tergo*.

Требование эвристичности нацелено на выбраковку из процесса развития науки тривиальных конструкций, не обеспечивающих прироста информации. Этому требованию, к примеру, не удовлетворяет телеологическая интерпретация квантовой механики, усматривающая факторы детерминации состояний микроявлений в мистических «силах».³²⁵ То же можно сказать о многочисленных финалистских, психовиталистических, теллистских, энтелехиальных и прочих концепциях в биологии, возникших как форма своего рода спекуляции на трудностях построения причинных объяснений при реконструкции биологических и предбиологических процессов.³²⁶ Тривиальность этих концепций состоит в том, что они:

1) не обращаются к научным законам, описывающим природу изучаемых явлений. В случае энтелехии, например, не указывается, «при каких обстоятельствах энтелехиальные факторы будут действовать и, в особенности, каким путем они будут направлять биологические процессы»;³²⁷

2) не обеспечивают прироста информации, — энтелехия истолковывается как некая «специфичес-

³²⁵ Komar A. *Physics Revue* 126, 365 (1962).

³²⁶ Ruer R. *Elements de Phychobiologie. Paris, 1946*; Sinnot E. W. *Matter, Mind and Man. N. Y, 1957*; Cuenot L. *Invention et Finalitee eu Biologie. Paris, 1941*.

³²⁷ Hempel C. G. *Philosophy of Natural Science. N. Y, 1966, P. 72*.

619

кая сила, которая заставляет живые тела вести себя так, как они себя ведут»;³²⁸ 3) лишены предсказательного потенциала — «ни один частный случай эмбрионального развития, к примеру, не может быть выведен из доктрины (энтелехии. — В. И.), она также не дает возможности нам предсказать, какие биологические реакции произойдут в определенных экспериментальных условиях».³²⁹

Не отвечают требованию эвристичности, а потому не входят в разряд научных порой внедряемые в контекст знания объяснения с позиций креационизма. Таковы же космологические модели, которые постулируют «абсолютное начало» Вселенной. Как справедливо указывает М. Муниц, эта возможность «должна быть отброшена даже как научная гипотеза».³³⁰

Как правило, вызывает неудовлетворенность объяснение через отсылку к предкам (биологическая теория эволюции) или апелляция к формуле «так было всегда». Примечателен в этой связи отбор возможностей при решении проблемы барионной асимметрии Вселенной. «Простейший ответ — так было всегда, т. е. мир с самого начала был асимметричен, — утверждает М.А. Смондырев, — для теоретиков неинтересен. Гораздо привлекательнее вариант, когда в начальном состоянии число частиц и античастиц совпадает, но затем из-за каких-то особенностей в динамике их взаимодействий возникает асимметрия».³³¹ Можно спросить: что значит привлекательнее? Это значит — перспективнее с позиции предпосылок прогресса знания, которые определяются интенцией на поиск достаточных оснований явлений. Допускать же, «что для того,

³²⁸ Карнап Р. *Философские основания физики. М., 1971. С. 53*.

³²⁹ Hempel C. G. *Ibid*.

³³⁰ Munitz M. *The Mistery of Existence. N.Y, 1965. P. 134*.

³³¹ Смондырев М. А. *Лауреаты Нобелевской премии 1980 г. // Природа. 1981. № 1. С. 100*.

620

чтобы найти принцип и достаточное основание для какого-нибудь факта, достаточно сказать, что этот факт всегда существует или что он происходит всегда тем или иным образом»³³², — как метко заметил Аристотель, — означает совсем не удовлетворять требованиям развивающегося, ищущего разума.

Когерентность. Под когерентностью понимается согласованность, связность производимого в науке знания с теми исследовательскими результатами, которые расцениваются как фундаментальные и непроблематизируемые, играют роль базиса несомненности. Видное место отводится здесь общефилософским, общеметодологическим принципам — причинности, отражения, единства мира, инвариантности, симметрии, относительности, соответствия, а также выверенным законам природы — в первую очередь законам сохранения, формулируемым на их основе законам запрета, которые ненарушимы.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

С этой точки зрения выбор между гипотезами (*h*) делается в пользу тех, которые в большей мере совместимы с данным базисным знанием (*b*). Другими словами, предпочтительнее те *h*, принятие которых не влечет за собой ревизию *b*. Отсюда следует, что, выражая идею непрерывности научного опыта, когерентность в роли регулятива имеет значение фактора охранения науки от проникновения в нее тривиально экстравагантных, претенциозных конструкций.

Возьмем принцип инвариантности (симметрии, относительности, сохранения). Он настолько фундаментален, что, как впервые показал Ф.Клейн, служит смыслообразующей структурой в экспликации природы знания. Так, «евклидовы движения, движения пространства Лобачевского, аффинные преобразования, проективные преобразования, эллиптические движения и конформные преобразования образуют группу и определяют соответственно евклидову геометрию, геометрию Лобачевского аффинную, проективную... эллиптическую... и конформную геометрию». ³³² Аристотель. *Физика I. Гл. 1. П. 27.*

621

рию. При этом группа евклидовых движений входит в группы аффинных и конформных преобразований... группа аффинных преобразований, в свою очередь, является подгруппой группы проективных преобразований, а группы движения пространства Лобачевского и эллиптических движений являются подгруппами групп проективных и конформных преобразований; этими связями между группами преобразований и объясняется возможность интерпретации геометрии одного пространства в другом пространстве». ³³³

Принцип инвариантности формулировок теории к группам преобразований в самом точном смысле есть характеристика исследовательской деятельности. Предъявляя к последней совершенно конкретные требования, он конституирует общие правила оперирования с абстрактными объектами, задает алгоритмы объективной фиксации результатов. «Объективность» в данном случае значит антисубъективность, универсальность теоретических формулировок, что, конечно же, является показателем их закономерного, необходимого, а, следовательно, объективного статуса. Требование инвариантности уравнений теории к группам преобразований предстает в виде таких императивов: в рамках теории должны иметь место независимость результатов от особенностей их описания в различных системах координат, числовых значений параметров, независимость формы утверждений от единиц измерения; уравнения должны быть справедливы для всех подстановок.

Как видно, требование инвариантности уравнений к группам преобразований, принятых как «выразительный» базис теории, относится к принципам упорядочения человеческого опыта, конституирует объективность в гносеологическом, а не онтологическом аспекте. Более «сильное» задание объективности результатов исследовательс-

³³³ Розенфельд Б. А. *Теория относительности и геометрия // Эйнштейн и развитие физико-математической мысли. М., 1962. С. 26.*

622

кой деятельности в науке производится принципами относительности, которые в общем вводят независимость законов природы от способов изучения (условий эксперимента, свойств ученого, особенностей прибора и т. д.), независимость измеримых величин от результатов измерения.

Способом реализации этих требований служат те же требования инвариантности законов научных теорий к группам преобразований, выполнение которых как минимум, является «способом проверки формальной правильности написания законов в виде тех или иных уравнений».³³⁴ Показателем справедливости законов (формулировок) в классической механике является инвариантность относительно преобразований Галилея, в СТО — относительно преобразований Лоренца, в ОТО — относительно допустимых преобразований гауссовых систем координат и т. д. Имеются и общие группы преобразований, «сквозные» для научных теорий. Скажем, законы классической и релятивистской механики инвариантны относительно таких групп преобразований, как группы Пуанкаре или группы Лоренца. Законы классической и квантовой электродинамики инвариантны относительно лоренцовых преобразований, калибровочного преобразования электромагнитных потенциалов, сдвига координат. Уравнениям, инвариантным относительно определенных групп преобразований, соответствует свой математический аппарат, геометрия, системы отсчета. Так, уравнения Максвелла — «простейшие инвариантные относительно преобразований Лоренца уравнения поля, которые только можно написать для кососимметрического тензора, связанного с векторным полем».³³⁵

Известно, что «группа преобразований, относительно которой математические свойства объекта остаются неиз-

³³⁴ Кузнецов И. В. *Избранные труды по методологии физики. М., 1975. С. 199.*

³³⁵ Эйнштейн Л. *Собр. науч. трудов. Т. IV. С. 281.*

623

менными, инвариантными, устанавливает меру общности... знания: чем шире группа преобразований, тем более общие свойства объекта она отображает».³³⁶ В связи с этим можно обнаружить тенденцию к универсализации групп преобразований в динамике науки, а именно: последующая теория использует более широкую группу преобразований, относительно которой группа преобразований, используемая в ее предшественнице, выступает как подгруппа.

Помимо «формальных» функций — быть способом проверки «выразительной» корректности формулировок теории — требования инвариантности законов к группам преобразований выполняют в науке содержательные, эвристические функции. Последние заключаются в ориентации поиска на отыскание новых законов движения, отвечающих, так сказать, запланированным требованиям инвариантности относительно определенных групп преобразований. Для примера выберем нелинейную теорию элементарных частиц Гейзенберга, где «определение вида основного уравнения (закона)... производилось именно на основании того требования, чтобы оно было инвариантным не только по отношению к пространственным и лоренцовым

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

вращениям, но и по отношению к специфическим преобразованиям Паули — Гюрши и Салама — Тушека, характерным именно для современной теории элементарных частиц».³³⁷

Итак, требование инвариантности формулировок теории относительно групп преобразований обеспечивает воспроизводимость, однотипность, тождественность, повторяемость результатов, их независимость от систем референции является гарантом объективности знания, выполняет в науке целеориентирующие эвристические функции.

Для теоретических систем это требование, как мы выяснили, реализуется в принципах выделения и определения предмета теории посредством понятия свойств, со-

³³⁶ *Методологические вопросы теоретического естествознания. С. 142.*

³³⁷ *Кузнецов И. В. Цит. соч. С. 198.*

624

храняющих устойчивость относительно заданных преобразований.

Для эмпирических систем это требование реализуется через установку на формулировку законов, которые как «существенные отношения действительности обладают особой структурой», находящей «свое выражение в принципах инвариантности или симметрии законов».³³⁸

К этим принципам относятся: сдвиги в пространстве и времени, поворот на фиксированный угол, движения по прямой с постоянной скоростью, перестановка одинаковых атомов или одинаковых частиц, изменения квантово-механической фазы, замена вещества антивеществом.

Каковы познавательные функции данных принципов? В общем смысле они задают стабильность, устойчивость, неизменность законов науки, независимость их сущности от определенности места и времени: «то, что позволяет нам квалифицировать законы науки как универсальные утверждения, то есть утверждения истинные для любого места и времени, является следствием объективно присущей законам природы симметрии, которая прямо или косвенно (через законы сохранения) подтверждается наличным экспериментальным материалом».³³⁹

Переносы обеспечивают постоянство опытов при постоянстве условий; переносы и вращения утверждают эквивалентность пространства и времени; фазовые переходы отвечают за стабильность вещей и т. д.³⁴⁰

Велика роль принципов инвариантности в конституировании столь важной научной процедуры, как измерение. Будучи основано на идее сопоставления, сравнения объекта с эталоном, измерение возможно в предположе-

³³⁸ *Черняк В. С. Указ. соч. С. 75.*

³³⁹ *Там же. С. 76.*

³⁴⁰ *Трансляциям в пространстве соответствует сохранение импульса, переносам во времени — сохранение энергии, поворотам на фиксированный угол — сохранение момента количества движений, изменениям квантово-механической фазы — сохранение электрического заряда и т. д.*

625

нии классов тождественных между собой объектов, систем отсчета и ситуаций.³⁴¹

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Но, как продемонстрировал Вейль, отношение равенства обладает структурой группы. Поэтому независимо от способа отождествления объектов и систем отсчета «всякая процедура сравнения (или измерения) подразумевает с необходимостью существование некоей группы симметрии... инварианты этой группы становятся теми характеристиками, которые мы используем при описании свойств изучаемых объектов. В отсутствие симметрии у нас нет языка, на котором мы могли бы говорить об измерениях».³⁴²

Принципы инвариантности сохраняют законы природы при переходе от одной координатной системы к другой. Для описания происходящих в пространстве и времени процессов используются системы координат, которые «нарушают» изотропию пространства, так как выделяют в нем особые направления. В связи с этим выдвигается требование считать научными только те законы, которые не меняются при повороте осей координат, а также при смене координатных систем; указанные процедуры не должны изменять характер и содержание закона.

Следовательно, закон природы «считается правильным лишь при условии, если постулируемые им корреляции согласуются с принятыми принципами инвариантности».³⁴³ Там, где этого нет, имеет место доработка или ревизия законов.

Скажем, в ОТО нельзя удовлетвориться фактом зависимости энергии и импульса от выбора системы координат. Как показал А. А. Логунов с группой авторов,³⁴⁴ данная теория не отвечает закону сохранения энергии-им-

³⁴¹ См.: Коноплева Н. П. *Инерционное движение и аксиоматика физических теорий // Вопросы истории естествознания и техники. 1983. № 3.*

³⁴² Там же.

³⁴³ Вигнер Е. *Этюды о симметрии. М., 1971. С. 53.*

³⁴⁴ См.: Логунов А.А. и др. *Новые представления о пространстве — времени и гравитации // Теоретическая и математическая физика. 1979. С. 40.*

626

пульса. Отсюда тенденции восполнить этот пробел — зафиксировать инварианты, которые могли бы быть интерпретированы как энергия и импульс поля гравитации. Сходное положение дел наблюдается в квантовой механике, где имеют место уравнения, не совместимые с принципом общековариантности. Трудности, однако, состоят в том, что (пока) неясно, как избавиться от этого негативного момента.

Таким образом, «идея инвариантов является ключом к рациональному понятию реальности, и не только в физике, но и в каждом аспекте мира».³⁴⁵

В заключение — два замечания, касающиеся общего гносеологического статуса экстралогических и неэмпирических критериев научности.

1. Обращение к этому виду критериев детерминировано невозможностью принимать квалифицированные эпистемологические решения о выборе теорий, апеллируя к логическим и эмпирическим средствам испытания на научность. Для обоснования логико-математических теорий, как

недвусмысленно указывает С. Клини, приходится иметь дело в конечном счете со смыслом и очевидностью — сущностями, адекватно передаваемыми «простотой», «красотой», «эвристичностью», «когерентностью» и т. п., а не с множеством формально принятых правил.³⁴⁶ То же справедливо и для обоснования опытно-эмпирических теорий, где помимо «подтверждения» принимаются в расчет неэмпирические индикаторы научности. К примеру, по численному значению свободных параметров можно уловить различия в предсказаниях ОТО и конкурирующих с ней релятивистских теорий гравитации. Но, во-первых, эти различия обнаруживаются, начиная с $\Delta\varphi^2/c^4$, где $\Delta\varphi$ — разность гравитационных потен-

³⁴⁵ Борн М. *Физика в жизни моего поколения*. С. 276.

³⁴⁶ Клини С. *Указ. соч.* С. 61.

627

циалов, c — константа скорости света, так что невозможно полностью исключить аргументы к отсутствию требуемой точности измерений. Во-вторых, при явной ограниченности каналов выхода в опыт, трудности состоят в том, что пока не удалось установить численное значение буквально ни одного из учитываемых параметров (константа Хаббла, параметр Сэндейджа, средняя плотность космической материи). Логика решения вопроса, следовательно, требуя выхода за пределы эмпирического испытания, предопределяет обращение к экспертизе теорий на неэмпирическое совершенство.

Вообще далеко не все компоненты науки (теории, гипотезы, модели и т. д.) в состоянии опробоваться на соответствие логическим и эмпирическим критериям научности, равно как далеко не все компоненты науки в действительности этим критериям отвечают. Мотивы, по которым они все же включаются в науку, — соображения неэмпирического порядка. Они же часто препятствуют включению в науку продуктов, казалось бы, вполне уважаемых, отвечающих логическим и эмпирическим критериям.

Поскольку о реальном богатстве содержания науки невозможно судить в полной мере исходя из антитезы «истина — ложь», постольку необходимо вводить менее прямолинейные, более специализированные теоретико-познавательные критерии и оценки, роль которых, в сущности, и играют экстралогические и неэмпирические критерии научности.

2. В эпистемологии обсуждается проблема выбора, которая звучит так: почему мы принимаем одни научные положения и не принимаем другие? Позитивистски настроенные исследователи сводят дело к психологизму: проблема выбора редуцируется к проблеме фона личности, индивидуальной тенденциозности и т. п. К примеру, Тагверкер писал: «Выбор всегда необходимо субъективен. Это забота от-

628

дельного представителя науки — делать выбор. Никто не может ему что бы то ни было предписывать, даже хотя бы рекомендовать. Ибо выбор всегда связан с ценностью, а ценность доказывать нельзя».³⁴⁷

Мы не можем согласиться с подобными заявлениями. Ценности, **Ильин В. В. *Философия***: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

лежащие в основе науки, — объективны. Они воплощают опыт позитивного теоретического и эмпирического освоения мира. В последующем происходит оборачивание: научный опыт отвечает направляющим его ценностям. Формируя шкалу предпочтений, ценности определяют рабочую позицию ученого — исследовательские оценки и ожидания. И здесь оказывается, что наряду с весьма строгими логическими и эмпирическими нормативами, осуществляющими руководство исследованиями, необычайно сильны, эффективны экстралогические и неэмпирические ценности, которые, с непреложностью не вытекают ни из чистой «логики», ни из «эксперимента», во многом определяют сознательный, рациональный выбор в науке.

Хорошей иллюстрацией тому служит тактика исканий в рамках программы построения единой теории поля, отправляющаяся от таких эвристических координат, как «простота», «ковариантность», «причинность», «симметрия», «соответствие» и т. п.

4.4 Формы научного знания

4.4.1 Математика

Математика как наука — ассоциация дедуктивных теорий (арифметика, алгебра, геометрия и т. д.), отображающих фиксированные объектные области (область чисел, функций, пространств и т. д.). Они могут быть подразде-

³⁴⁷ Tagwerker H. *Beitrage zur Methode und Erkenntnis in der Teoretischen Nationalokonomie*. Wien, 1957. S. 43.

629

лены на «чистые» и «прикладные». Такое деление, разумеется, условно, относительно.

Во-первых, имеется теоретико-методологическое единство, взаимопроникновение различных областей математики. К примеру, источником прикладной математики были фундаментальные исследования; в построении численных алгоритмов в прикладной математике применяются абстрактные представления — аксиоматика теории множеств.

Во-вторых, понятия «чистого» и «прикладного» подвижны. Та же математическая логика, которая еще недавно относилась к «чистой» математике, в настоящий момент расценивается как компонент прикладной: без нее невозможна вычислительная математика.

«Чистая» математика включает абстрактные теории, функционирующие как собственно концептуальный аппарат математики (анализ, алгебра), средство обоснования математических теорий (теория множеств, метаматематика).

«Прикладная» математика составляет фундамент вычислительной, микропроцессорной математики, робототехники, всего комплекса электронного оборудования, осуществляет связи математики с другими науками, практикой, производством (программирование, теория управления, теория надежности и т. д.).

Понятие математической теории как некой формы мышления уточняется введением представления реляционной системы S , объединяющей множество μ произвольных объектов, находящихся

друг с другом в определенных отношениях $R_1, R_2 \dots R_n$, или в более компактной символической записи $S = \langle \mu, R_1, R_2 \dots R_n \rangle$.³⁴⁸

Помимо собственно математических теорий, составляющих «тело» математики, в ее состав в качестве каркаса, «скелета» входит аппарат логики (L) как средство придания математике статуса дедуктивной науки.

³⁴⁸ *Методологические вопросы теоретического естествознания, Киев, 1978. С. 91.*

630

Учитывая это, структура математики вполне адекватно выражается формулой $\langle \Sigma S; L \rangle$.

Гносеологические особенности математики

*Отсутствие непосредственной (жесткой) соотнесенности с каким-то фиксированным фрагментом действительности, что обуславливает большую абстрактность математики сравнительно с другими отраслями знаний.*³⁴⁹

С точки зрения популярного теоретико-множественного подхода, математика изучает формальные отношения определенных классов множеств, абстрагируясь от их фактической, «материальной» природы. «Мотивом в пользу этого послужило то обстоятельство, что математика не нуждается в объектах, не являющихся классами... Все математические объекты и отношения могут быть выражены в терминах одних классов».³⁵⁰

С этих позиций математика, представляя анализ онтологически неспецифицированных систем, изучает абстрактные структуры.³⁵¹

Такой подход детализируется Н. Бурбаки. Чтобы определить структуру, задают отношения, в которых находятся элементы множества, затем постулируют, что эти отношения удовлетворяют некоторым условиям (которые пере-

³⁴⁹ *Общая причина большей абстрактности математики сравнительно с другими науками заключается в ее происхождении. Достаточно в этой связи сослаться на Ж. Пиаже, который показал, что арсенал (абстракции, категории и пр.) математики образуется в отличие от иных наук путем отвлечения от гносеологически более сложного исходного материала, каким являются не столько непосредственные объекты, сколько действия, какие можно производить над ними, и, главным образом, наиболее общие координаты этих действий.*

³⁵⁰ Мендельсон Э. Введение в математическую логику. М., 1971. С. 178.

³⁵¹ *С позиций новейшей алгебраической теории категорий математика изучает различные категории высокоабстрактных объектов; понятие категории возобновляет понятие структуры, но в «более общей и удобной форме».*

631

числяют и которые являются аксиомами рассматриваемой структуры).³⁵² В дальнейшем из аксиом структуры выводятся логические следствия, получается математическая теория³⁵³, которая непосредственно не связана с действительностью (поскольку представлениям о природе описываемых элементов нет места).

Генетически создание современной математической теории осуществляется как объединение аксиом базисной теории (системы логики, арифметики) с некоторой специальной аксиоматической системой. Так, аксиоматика рода структур евклидовой геометрии получается благодаря присоединению к «аксиомам исчисления

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

предикатов с равенством и аксиомам теории множеств аксиомы А. Н. Колмогорова».³⁵⁴

При попытке найти референты абстрактным свойствам и отношениям, изучаемым в математических теориях, их интерпретируют. Множество интерпретаций, или моделей, образует смысл математической теории. В случае, если класс моделей пуст, теория — бессмысленна, противоречива.

Аксиоматизм. То, что олицетворением сущности математики на протяжении длительного времени считалась евклидова геометрия, созданная на генетически-конструктивной основе, оказало заметное влияние на методологические концепции познавательного процесса в этой науке. А именно, доминировала трактовка евклидова метода как единственно возможного метода построения математической теории. Так, уже Г. Лейбниц, распространявший идеал геометрии на математику, усматривал специфику положений последней не в логической доказательности, а в непосредственной наглядной созерцаемости,

³⁵² Бурбаки Н. *Очерки по истории математики.* М., 1963. С. 251.

³⁵³ *Неинтерпретированная аксиоматическая система, строго говоря, теорией не является. Как указывает Г. Вейль, она есть лишь чистая логическая форма возможных научных теорий.*

³⁵⁴ Егоров И. П. *О математических структурах.* М., 1976. С. 62.

632

которая с точки зрения своей природы представлялась ему не чувственной, а теоретичной.

Лейбницеву идею внутреннего созерцания, по господствовавшему тогда убеждению, фиксировавшую специфику познавательной деятельности в математике, воспринял и развил И. Кант. Решая вопрос о возможности теоретической математики, который ассоциировался им с разрешением проблемы возможности синтетических априорных суждений, Кант исходил из типологии «демонстративных — дискурсивных» доказательств. Он разграничивал доказательство математическое, апеллирующее, по его мнению, к наглядным представлениям, которое он называл демонстративным, и доказательство философское, осуществляющееся на понятийно-вербальной основе, которое он именовал дискурсивным. Нетрудно видеть, что прототипом демонстративного доказательства, возведенного Кантом в ранг универсального и обоснованного им с помощью чрезвычайно громоздкой концепции трансцендентальной эстетики, якобы объясняющей интуитивную наглядность математики, является весьма реальный генетически-конструктивный метод построения геометрического знания, реализованный Евклидом. Отталкиваясь от исторически конкретной, действительной формы научного знания, Кант, следовательно, возвел ее в абсолют, превратив в надисторическую априорную форму, условие возможности математики вообще.

Усмотрение специфики математического познания в комбинировании «демонстративных» структур внутреннего созерцания имело следствием признание наглядности универсальным методологическим регулятивом. С позиций этого регулятива оценивались не только доказательства, но и сами положения математики, и в первую очередь аксиомы. С этим, в

частности, связана известная и крайне неадекватная трактовка аксиом как «пределных» «эвристически мощных» утверждений, отличающихся «самоочевидностью». Потребовалось длительное время, многочисленные фактические данные, свидетельствующие о перестройках и уточнениях систем математического зна-

633

ния, чтобы прийти, наконец, к убеждению, что истинность аксиом или исходных постулатов математической теории далеко не самоочевидна. Процесс перестройки систем математического знания, происходящий и сейчас (так, алгебра в течение столетия подвергалась перестройке три раза), свидетельствует, что ясность, истинность, достоверность аксиом должна выясняться не путем апелляции к «самоочевидности», а устанавливаться практическим путем.

Убеждение, что даже самые сильные математические идеализации в конечном счете имеют эмпирический генезис, обосновываются практикой, стало неотъемлемой чертой методологического самосознания в математике. Показательны в этом отношении заявления творцов наиболее абстрактных подходов Ф. Клейна (Эрлангенская программа) и Д. Гильберта (программа по обоснованию геометрии).³⁵⁵

Итак, можно сделать вывод, что универсализация наглядности означала психологизацию и субъективизацию математики. Против этой тенденции активно выступил Б. Больцано, объектом критики которого в первую очередь выступило допускаемое Кантом отождествление демонстративного метода познания с собственно математическим.

Сущность математического доказательства, по Больцано, заключается не в интуитивной наглядности, а в дискурсивной эксплицитности «объективных оснований истины». Во всякой математической теории, утверждал Больцано, — «там, где изложение ... должно достигать наивысшей степени научности», не следует ничего «выводить из простого взгляда на фигуру, из так называемого созерцания, чистого, или какого-либо другого», а «поступать таким же способом, как при доказательстве... философских истин».

Демонстративный способ познания, апеллирующий к построению, наглядности, созерцаемости и т. п., вообще не является, с точки зрения Больцано, средством подлин-

³⁵⁵ Гильберт Д. *Основания геометрии*. М., 1948. С. 438.

634

ного доказательства: он выступает лишь средством экспликации доказуемых положений. Олицетворением же подлинного строгого доказательства, обоснования выступает у автора «Наукоучения» дискурсивное «чистое» доказательство, позволяющее избежать демонстративности благодаря операции логического восхождения к объективным основаниям истины.³⁵⁶

Значение критики генетически-конструктивного метода со стороны Больцано, которая сопровождалась позитивной разработкой аппарата логического доказательства, заключалось в показе необходимости построения математики по принципу логически строгой дедуктивной науки.

Другая линия критики идеала евклидовой математики
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

развивалась в направлении переосмысления представлений о предмете математической науки. Поскольку аксиоматика геометрии Евклида была содержательной, соответствующей пониманию ее как описывающей и относящейся к эмпирически данному пространству, постольку универсализация гносеологического статуса этой аксиоматики в качестве следствия имела истолкование математики (геометрии) как физики. Хотя в дальнейшем позиция была видоизменена, сам принцип жесткой привязки предмета математики к одной из возможных его интерпретаций остался незыблемым: математика истолковывалась если не как физика, то как наука о числе или величине вообще. Попытки освободить сферу математического познания от производных его интерпретаций обнаруживаются, начиная с Буля, который, выступая в роли методолога, заявлял: «В природе математики не заложена необходимость заниматься идеями числа и величины».³⁵⁷

³⁵⁶ *Спустя много лет ту же идею проводил Д. Гильберт в связи с критикой евклидова метода построения геометрии. Он писал: «Генетический метод имеет высокое педагогическое и эвристическое значение», но «для окончательного оформления и полного логического обоснования содержания нашего познания предпочтительнее аксиоматический метод».*

³⁵⁷ *Bool G. Collected logical works. V. II. Chicago—London, 1916. С. 13.*

635

Идеи Буля разделял Г. Грассман, построивший абстрактную математическую систему, свободную от ее жесткой привязки как к понятию числа, так и геометрического объекта. К абстрактно-логической трактовке предмета математики склонялся Р. Дедекин и др. Окончательное же фиаско позиции, связывающей предмет математики с одним из возможных его пониманий, произошло в XIX столетии, когда исследование оснований математики привело к тенденции ее арифметизации. О. Коши, К. Вейерштрасс, Дедекин, Кантор показали, что математику (алгебра, анализ, теория функций) вместе с аналитической геометрией можно обосновать на базе арифметики натуральных чисел, которая и стала рассматриваться как фундамент математики. Задача аксиоматизации арифметики вскоре выполнена Дедекингом и Пеано. Таким образом, усилиями этих ученых, редуцировавших математику к арифметике, понимаемой как абстрактная аксиоматическая теория, было обосновано требование «чистоты» математики в смысле отсутствия однозначной привязки ее предмета (содержания) к какому-то априорному толкованию.

Когда обе ветви (идущие от Больцано и Буля) критики евклидова идеала математики соединились, возникло совершенно особое понимание природы математической деятельности с аксиоматическим идеалом в основе. Программу построения математической теории на строгой аксиоматической базе, которая выступает в современной математике в качестве общенормативной, на примере геометрии разработал Д. Гильберт, отказавшийся от наделения фундаментальных понятий геометрии какими-либо конкретными физическими образами. Гильберт вводит аксиомы, лишённые какого бы то ни было истолкования. Так, если геометрические термины «точка», «прямая», «плоскость» заменить на термины обыденного языка «стол», «стул», «пивная кружка», то сама по себе геометрическая теория, с его точки зрения, не станет

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

ни лучше и ни хуже³⁵⁸, — критерием ее истинности будет логическая

³⁵⁸ Гильберт Д. *Основания геометрии*. М., 1948.

636

непротиворечивость и выводимость из аксиом. Следовательно, Гильберт резко поставил вопрос о различении теории и ее интерпретации.

Формализованная теория, по Гильберту, допускает множество интерпретаций, так как ее утверждения непосредственно не соотносятся с действительностью. Поэтому до того, как дана какая-либо интерпретация — в случае геометрии, например, — пространственная, как у Евклида, или арифметическая, как у Ф. Клейна, — абстрактная дедуктивная система является геометрией не более, чем любая другая теория.³⁵⁹

Стремление аксиоматизировать, формализовать систему знания связано с тем, что: а) в неформализованной системе невозможно с полной эффективностью использовать аппарат логики; б) не всегда ясно, полна ли система, если нет — имеются ли в ней скрытые послышки, которые в определенных ситуациях могут обуславливать противоречия.

Формализация знания лимитируется ограничениями чисто формального характера, к которым относятся теоремы Геделя и Тарского.

В заключение констатируем: именно благодаря организации на аксиоматической основе математическое знание отличается большей точностью и строгостью по сравнению с другими отраслями науки.

Точность и строгость. Причинами математической точности и строгости являются.

а) Аподиктичность доказательства как результат аксиоматически-дедуктивной организации математического знания.

б) Алгоритмичность доказательства, под которой подразумевается наличие фиксированных способов решения математических проблем в форме систематически выведенных однозначных предписаний.

³⁵⁹ Веблен О., Уайтхед Дж. *Основания дифференциальной геометрии*. М., 1949. С. 31.

637

в) Дедуктивность математики, которая заключается в принципах построения применяемых в ней рассуждений, основанных на переходе от одной смысловой (информационной) структуры к другой по четким и жестким правилам логики. Дедуктивность математики означает наличие логического пути от аксиом к теории, где роль этого пути играет логический вывод, который как бы экстрагирует сущность математики. Последнее, в частности, дает право для аналогий между наукой и математикой («наука есть рассуждение, рассуждение есть математика, следовательно, наука есть математика»).

г) Однозначность дефиниций. Как указывает А. Пуанкаре, «строгость не могла бы иметь места в рассуждениях, если бы не ввести ее сначала в определения».³⁶⁰ В соответствии с правилами построения аксиоматических формальных теорий математические теории имеют четко представимую (обозримую) структуру, в

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

которой выделяют строго определимые классы символов (алфавит), правила построения формул (конечные последовательности элементов алфавита), логические связки и операторы, вспомогательные символы, правила построения из формул и логических связок высказываний, правила исчисления высказываний. Совокупность данных элементов совместно с интерпретацией и образует математическую теорию, отличающуюся в силу однозначной фиксируемости своих ингредиентов точностью и строгостью.

д) Отсутствие апелляции к эмпирическому опыту как средству контроля рассуждений. Математические положения — необходимы, однако, источником необходимости не может быть непосредственный эмпирический опыт. Последнее, как

³⁶⁰ Пуанкаре А. *Ценность науки*. М., 1906. С. 16.

638

указывалось, гипертрофировано в методологических представлениях о математике в период Нового времени. «Опыт, — уточнял Кант, — никогда не дает своим суждениям истинной или строгой всеобщности, а сообщает им только условную и сравнительную всеобщность (посредством индукции), так что это означает следующее: «...насколько нам известно, исключений из этого или иного правила не встречается».³⁶¹ «Поскольку опытное знание не может быть всеобщим и необходимым, постольку всеобщее и необходимое знание не может быть опытным», — эта догма явилась причиной рассмотрения математики как априорной науки.

Существует ли вообще априорное знание? На этот вопрос дается однозначный отрицательный ответ. Во-первых, как подчеркивалось, положения математики, имея эмпирическое происхождение, в конечном счете апробируются практикой, — в этом смысле они не могут быть априорными, т. е. вообще не зависимыми от деятельности человека. Во-вторых, признание положения всеобщим и аподиктическим само по себе проблематично, так как является гипотезой, которая в дальнейшем либо подтверждается, либо опровергается.³⁶² Так, показательна неединодушность математиков в признании таких положений, как аксиома выбора, закон исключенного третьего, абстракция актуальной бесконечности и др.

Однако сказанное вовсе не отменяет того тезиса, что математика не апеллирует к опыту как средству контроля рассуждений, — такими средствами служит здесь анализ на непротиворечивость, полноту, независимость, выводимость. Данные неэмпирические критерии оценки матема-

³⁶¹ Кант И. *Соч. в 6-ти т. М., 1964. Т. 3. С. 101.*

³⁶² Костюк В. Н. *О логическом аспекте философских доказательств в «Критике чистого разума» // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1978, вып. 3. С. 50.*

639

тического знания как носящего крайне абстрактный характер позволяют избежать традиционных для эмпирических критериев средств (постановка экспериментов, наблюдение, статистическая обработка данных и т. д.) оценки знания погрешностей, связанных с деятельностью на эмпирическом уровне, что повышает точность и строгость математики.

е) Максимальная ограниченность интуитивной основы. Теорией, в наибольшей степени исключающей интуитивные, неэксплицированные элементы, как правило обуславливающие ее потенциальные несовершенства, называют такую, которая «сильнее ограничивает возможные априори качества систем (т. е. содержит наиболее определенные утверждения)».³⁶³ Последнее является следствием традиционных для математики процессов аксиоматизации, использования специальной символики (позиционная нумерация и т. п.) и т. д. — словом, средств, исключающих полисемичность, нестрогость и т. п. обыденного языка, а также естественных (неуточненных) средств трансляции информации. Вместе с тем, говоря о точности и строгости математического знания, не следует рассматривать эти атрибуты как абсолютные. Как и в любой другой системе знания, в математике есть область проблематичного и строго необоснованного. Ее образуют такие компоненты, как мысленные эксперименты с абстрактными объектами, рискованные гипотезы, догадки, смелые предположения и т. п., из которых в дальнейшем при соответствующих обстоятельствах получаются строгие математические теории.

Если задаться целью перечислить хотя бы некоторые из основных причин неуниверсальности математической точности и строгости, придется указать на следующее. а) В лекциях о развитии математики Ф.Клейн проводит мысль о существовании двух относительно обо-

³⁶³ Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. Т. IV. С. 266.*

640

собленных этапов в эволюции математического знания. Один этап — поиск новых методов и эвристических средств решения внутренних математических проблем (деятельность по разработке, исследованию), где практически нет места деятельности по обоснованию новаций. Другой этап — обоснование новаций (деятельность по организации). Поскольку источником точности и строгости математических теорий является способ их формально-аксиоматической организации, который реализуется лишь на относительно поздних этапах математической деятельности, постольку деятельность математиков на начальных этапах отмечена печатью «неточности» и «нестрогости» (в смысле отсутствия формально-аксиоматической обоснованности).³⁶⁴ Другим фактором, обуславливающим отсутствие точности и строгости на начальных стадиях математической деятельности, является индукция. Индукция, которая в условиях математического, равно как и любого другого познания, как правило, не бывает полной (в принципе, всякая нетривиальная индукция не полна), выступает существенным генератором проблематичности. Только один пример. В свое время П.Ферма высказал утверждение, что числа вида $(2^{2n}+1)$ всегда просты, исходя из доказательства этого для $n = 1, 2, 3, 4$. Однако это общее утверждение, сделанное Ферма на индуктивной основе, опроверг Л. Эйлер, который продемонстрировал, что для $n = 5$ число $(2^{2n}+1)$ непростое.

Способом устранения неточностей, связанных с использованием индуктивных методов познания, является переформулировка

полученных по индукции утверждений на аксиоматически-дедуктивной основе.

б) Не все положения (формулы) математики разрешимы. Математическая система считается разрешимой, если «существует общий метод или

³⁶⁴ *Совершенно ясно, что требования формальной точности и строгости не могут быть предъявлены с самого начала исследования, в противном случае наука была бы собранием тривиальностей.*

641

алгоритм, дающий возможность относительно всякой формулы» данной системы «сказать, выводима она в этой системе или нет, иными словами, является ли она истинной формулой системы или же таковой не является».³⁶⁵ Вначале, указывает А. Марков, существование неразрешимых проблем «удалось доказать для некоторых проблем, естественно возникших в ...математической логике. Затем была установлена неразрешимость ряда проблем общей теории ассоциативных систем и теории целочисленных матриц. П. С. Новиковым доказана неразрешимость проблемы тождества теории групп — проблемы, давно поставленной и привлекавшей внимание многих математиков».³⁶⁶ Ю. В. Матиясевич доказал неразрешимость десятой проблемы Гильберта, заключающейся в «построении алгоритма, распознающего, разрешимо ли в целых числах какое-либо данное алгебраическое уравнение с целыми коэффициентами». Кроме того, следует отметить широко известные результаты К. Геделя о наличии неразрешимых утверждений в фиксированных формализованных системах, а также общий вывод А. Черча о существовании «неразрешимых проблем».³⁶⁷

в) В структуру математического знания, несмотря на эксплицитную формально-аксиоматическую организованность, входит комплекс интуитивных, по своей гносеологической природе имплицитных представлений, не поддающихся жесткой дедуктивно-логической фиксации. Для разъяснения мысли приведем три показательных высказывания специалистов в области исследования оснований математики. А. Черч: «...любое обоснова-

³⁶⁵ *Субботин А. Л. Математическая логика — ступень в развитии формальной логики // Вопросы философии, 1960, № 9. С. 94.*

³⁶⁶ *Марков А. Математическая логика и вычислительная математика // Математизация знания. М., 1972. С. 47.*

³⁶⁷ *Козн П. Дж. Теория множеств и континуум-гипотеза. М., 1969. С. 67.*

642

ние математики ...действительно в какой-то степени содержит круг, так как в нем всегда имеются необосновываемые предпосылки, которые должны быть приняты на веру или интуитивно. Мы можем пытаться уменьшить число этих предпосылок, но не можем их уничтожить».³⁶⁸ Ф. Гон-сет: «Математика только искусственным и внешним образом может быть оторвана от интуитивного фундамента, от своего продолжения в реальное... Не существует математической области, сколь бы малой она ни была, где аксиоматика могла бы удовлетвориться сама собою».³⁶⁹ С.Клини: «Формально аксиоматические математические предположения не могут составить всей математики, должна иметься также интуитивно понимаемая математика».³⁷⁰ Таким образом поскольку для определения **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

«формальной математики» необходима «интуитивная математика», постольку математика не точна (абсолютно).

Наиболее фундаментальными причинами необходимости апеллировать к интуитивным представлениям в математике являются:

1. Ее неполная формализуемость — ограничительные теоремы Геделя.

2. Процедура выбора — принятие аксиом осуществляется бездоказательно, в значительной мере на интуитивной, психологической основе. Характерна в этом отношении оценка различными математиками аксиомы выбора. Одни (Д. Гильберт) называют ее «предпосылкой любого математического рассуждения». Другие (А. Борель) видят в ней источник дефектности математики. С одной стороны, аксиома

³⁶⁸ Черч А. *Математика и логика // Математическая логика и ее применение. М., 1965. С. 214.*

³⁶⁹ *Gonseth F. Les fondements des Mathematiques. P., 1926. P. 62.*

³⁷⁰ Клини С. *Введение в математику. М., 1957. С. 44.*

643

выбора, широко используемая в анализе, алгебре и топологии, применяется для доказательства вполне очевидных теорем. С другой стороны, она является источником неконструктивных доказательств, кроме того, с ее помощью доказываются вовсе не очевидные утверждения (парадокс Банаха — Тарского).

Имеется также трудность в обосновании аксиомы подстановки. По мнению Г. Такеути, «трудность состоит в том, что эта аксиома содержит формулы с кванторами, и потому, если предполагается, что множества порождаются неограниченно, неясно, что означают эти кванторы»³⁷¹ и т. д. 3. Использование нестрогих понятий в отсутствии возможности их уточнения. Одной из причин антиномичности теории множеств, по мнению специалистов, является использование крайне нестрогого канторовского определения понятия «множество». Кантор определял «множество» как «вообще всякое многое, которое можно мыслить как единое, т. е. всякую совокупность определенных элементов, которая может быть связана в одно целое с помощью некоторого закона».³⁷² Не будем придирчивыми в оценке формулировки, поэтому оставим без критики возможность и плодотворность понимания множества через «многое, мыслимое как единое». Однако трудно избавиться от вопроса: как, собственно, объединять многое в одно целое? Точного ответа на вопрос не существует. В настоящее время множество задается либо списочным образом, либо путем указания правильно сформулированного предиката, который конституирует множество на основе ассоциации соответствующих ему объектов. Между тем ясно, что множество — не-

³⁷¹ Такеути Г. *Теория доказательств. М., 1978. С. 147.*

³⁷² Кантор Г. *Основы общего учения о многообразиях // Новые идеи в математике. СПб., 1914. № 6. С. 18.*

644

что иное, нежели список объектов, соответствующих предикату. Но что именно — «иное» — пока неясно. Значительные трудности связаны с использованием крайне неэxpлицитованного понятия «бесконечность». Понятие бесконечности — центральное в **Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).**

математике. На его использовании основаны алгоритмические теоремы о среднем, формулы Тейлора, теоремы существования и т. д. В то же время нет никаких гарантий, что именно его систематическое и практически бесконтрольное употребление не гальванизирует парадоксы (в теории множеств). На примере понятия «бесконечность» разъясняется известная мысль Г. Фреге о наличии в науке (языке вообще) знаков, которые, хотя и выражают определенный смысл, не имеют точного значения. Такие знаки (скажем, «человек с тремя головами») — не истинны и не ложны. Они, так сказать, эпистемологически пусты, поскольку о том, что они обозначают, практически ничего не известно.

Г. Фреге настойчиво выступал за элиминацию из науки такого рода знаков; по его мнению, все правильно образованные знаки должны означать нечто.

В этом отношении понятия «бесконечность», «множество всех множеств» и т. д. — мало проясненные знаки. Может быть, по этой причине не вполне ясно, нужно ли их запрещать (запреты в рамках интуиционизма и теории типов), а если нет, как к ним относиться?

г) В математике широко используется аппарат непредикативных определений, включающих самореферентные понятия и основывающихся на отношении самоприменимости. Так, все парадоксы теории множеств, отмечают А. Френкель и И. Бар-Хиллел, «проистекают из-за того, что некоторая сущность, о которой идет речь, определяется посредством некоторой совокупности, к которой она сама принадлежит».³⁷³ Хотя ясно,

³⁷³ Френкель А., Бар-Хиллел И. *Основания теории множеств*. М., 1968. С. 24.
645

что непредикативные определения деструктивны не всегда, выяснить, в каких именно случаях они деструктивны, не удалось. Имеющиеся варианты решения проблемы критерия «отделения агнцев от козлищ», например вариант Бемана, узаконивающего использование в рассуждениях лишь таких терминов, относительно которых удастся показать их конечную устранимость,³⁷⁴ пока не утвердились в науке. Относительно же теории типов, запрещающей непредикативные классы, можно сказать то, что изложить в ее рамках существенную часть высшей математики просто не удастся.³⁷⁵ Таким образом, избежать использования непредикативных определений практически невозможно. Вместе с тем допущение непредикативных классов не может избавить от неуверенности в непротиворечивости.³⁷⁶ Принимая во внимание сказанное, можно присоединиться к оценке Дж. фон Неймана, который, подчеркивая относительность категорий «точности» и «строгости», отмечал, что «вряд ли можно верить в существование абсолютного, незыблемого понятия математической строгости, оторванного от всего человеческого опыта».³⁷⁷

Принятие в качестве центрального критерия научности непротиворечивости. Математическая (аксиоматическая) система считается непротиворечивой, если для всякого утверждения A утверждения A и $\sim A$ не являются в ней одновременно доказуемыми. Одновременная доказуемость утверждений A и $\sim A$ в некоторой системе обрекает систему на бессмысленность. Поэтому принятие критерия не-

³⁷⁴ Ср. с Рамсей — элиминацией теоретических терминов из опытных наук.

³⁷⁵ Хао Ван, Мак-Нотон Р. Аксиоматические системы теории множеств. М., 1963. С. 15.

³⁷⁶ Это распространяется даже на такие признанно «строгие» системы, как система Цермело-Френкеля, аксиома подстановки в которой носит непердикативный характер.

³⁷⁷ Нейман Дж. фон. Математик // Природа, 1983, № 2. С. 92.

646

противоречивости в качестве центрального для математических теорий обусловлено тем, что противоречивые формальные теории никакой ценности не представляют.

Говоря о непротиворечивости как центральном критерии научности математического знания, невозможно обойти вниманием вопрос: как понимать сложившееся положение дел, в соответствии с которым наряду с признанием исключительной роли критерия непротиворечивости в сознании математиков имеет место терпимость к составляющей фундамент математики «противоречивой» теории множеств?

На вопрос не существует четкого общепринятого ответа. Фиксируя к нему отношение, подчеркнем, что выход из сложившейся ситуации возможен как реализация подходов: а) можно отказаться от традиционных ценностей в математике (что эквивалентно отказу от рассмотрения критерия непротиворечивости как центрального для математического знания), оставляя при этом в стороне вопрос об обосновании математики на соответствующей неантиномической основе; б) можно не отказываться от традиционных ценностей в математике (что эквивалентно рассмотрению критерия непротиворечивости как центрального для математического знания), одновременно проводя обоснование математики на соответствующей неантиномической основе. Рассмотрим перспективы двух этих подходов.

Стоит ли связывать понятие научности математики со строгостью и непротиворечивостью? Ведь практически во всех других науках довольствуются гораздо менее сильными требованиями? Может быть, действительно, традиционные представления о критериях научности математики стоит как-то скорректировать? Вовсе не будучи абстрактной возможностью, такой подход уже начал пробивать себе дорогу в науке. Просматривается тенденция внедрения в математику новых методологических ценностей (критериев научности): в этом контексте, например, упоминают прагматические критерии практической используемости, эвристической эффективности, познавательной полезности и т.

647

д. Анализируя проблемы, связанные с кризисом в области теории множеств, скажем, Б. Н. Пятницын и В. Н. Порус замечают: «Нам представляется, что парадоксы, обнаруженные в теории множеств, не стали «сокрушителями» этой теории (и всей математики) не только потому, что она скорей всего не «укладывается» исключительно в логическую плоскость измерения ценностных характеристик (т. е. что непротиворечивость на деле не является здесь абсолютной ценностью...), но еще и потому, что защитную роль здесь играет само «облако» ценностей, которым теория Ильин В. В. *Философия*: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

множеств «окутана» в пространстве оценок, другими словами, в сознании практических математиков».³⁷⁸

В целом установки этого подхода, выраженные, в частности, в приведенной цитате, кажутся нам установками *ad hoc*: от парадоксов в теории множеств, нарушающих требование непротиворечивости, никто и никогда удовлетворения не испытывал. Фактическое использование теории множеств в математике вовсе не результат переоценки традиционных ценностей в этой науке, как, впрочем, и не результат действия якобы «окутывающего» теорию множеств облака дополнительных ценностей. Это просто результат того, что: а) парадоксы теории множеств не входят в ее «центральную» и «полезную» часть (Дж. фон Нейман); б) отсутствует лучшая система, равноценная теории множеств; в) нет приемлемой программы всестороннего обоснования математики.

Недооценка парадоксов в теории множеств, выражающаяся, к примеру, в квалификации их как хитроумных искусственных конструкций, — малоубедительна.³⁷⁹ Имен-

³⁷⁸ Пятницын Б. П., Порус В. Н. *Диалектические аспекты взаимосвязи ценности и роста научного знания // Вопросы философии. 1979. № 3. С. 77.*

³⁷⁹ Такое отношение появилось, в частности, в оценке Кантором парадокса Бурали-Форти: «...то, что получил Бурали-Форти, — писал Г. Кантор, — сущая чепуха». Однако вскоре позиция Кантора изменилась: испытав глубокую депрессию, вызванную обнаружением парадоксов, он практически отказался от исследовательской деятельности вообще.

648

но в таком свете нам представляется заявление Вана Хао о том, что «практически ни одна из важных математических теорем и ни одно из важных математических доказательств не были удалены из анализа вследствие противоречий теории множеств».³⁸⁰ То же можно сказать об эмоциональной оценке ситуации Френкелем и Бар-Хиллелем, кстати, не вытекающей из проводимой ими исследовательской линии относительно того, что «представители очень многих наук хотели бы, чтобы область их деятельности находилась в таком же «критическом» состоянии, как математика, из математиков же очень немногие испытывают настоящее огорчение по поводу неопределенности, имеющейся в основании их науки».³⁸¹

Можно привести прямо противоположные суждения. Достаточно вспомнить, скажем, Гильберта: «...состояние, в котором мы находимся в отношении парадоксов, на продолжительное время невыносимо. Подумайте: в математике — этом образце достоверности и истинности, — образование понятий и ход умозаключений, как их всякий изучает, преподает и применяет, приводит к нелепостям. Где же искать надежность и истинность, если даже само математическое мышление дает осечку?».³⁸²

Аналогично у Вейля: «...чистая математика признает только одно — но зато совершенно обязательное условие истины — именно непротиворечивость».³⁸³

Таким образом, апелляция к побочным методологическим ценностям в математике, не отменяя необходимости ее обоснования в соответствии с требованием непротиворечивости, представляет, на наш взгляд,

³⁸⁰ Хао Ван. *Процесс и существование в математике // Математическая Ильян В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).*

логика и ее применения. М., 1965. С. 331.

³⁸¹ Френкель А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. М., 1968. С. 323.

³⁸² Гильберт Д. Основания геометрии. М., 1948. С. 349.

³⁸³ Вейль Г. О философии математики. М.-Л., 1934. С. 56.

649

изоощренную уловку, имеющую целью выступить средством временного снятия остроты, которая существует в связи с парадоксами в теории множеств. Следовательно, поскольку противоречивая теория удовлетворения не приносит и поскольку никакая переоценка ценностей не способна избавить от неудовлетворенности противоречивой теорией, постольку мы считаем перспективным другой подход, основанный на стремлении обосновать математику в соответствии с требованием непротиворечивости.

Согласимся с А. Мостовским, который подчеркивал, что «философские цели трех школ (логицизм, формализм, интуиционизм — В. И.) не были достигнуты, и, как нам кажется, мы не ближе к полному пониманию математики, чем основатели этих школ»,³⁸⁴ а также С. Клини, который писал, что парадоксы «ставят нас перед проблемой перестройки теории множеств на совершенно измененной основе, детали которой содержатся в ней разве что в виде намека».³⁸⁵

Проблема обоснования математики — проблема поиска ее надежности, строгости, точности, т. е., в конечном счете, того, что связывается с представлением ее научности. Проблема обоснования не может быть успешно решена (и, вероятно, поэтому не решена до сих пор) без существенного прояснения следующих сопряженных проблем: а) причин возникновения антиномий; б) статуса математических объектов (разрешение трилеммы номинализм — реализм — концептуализм); в) проблемы существования; г) природы математических утверждений; д) предмета математики.

Прогресс в разработке и обосновании теории множеств может состоять только в углублении общих представлений о математической реальности. В самом деле, поскольку вопросы, на которые нельзя ответить, пока нет общей кар-

³⁸⁴ См.: Mostowski A. *Thirty years of Foundational Studies*. Oxford, 1966.

³⁸⁵ Клини С. Введение в метаматерику. М., 1957. С. 42.

650

тины, ясного понимания связей в определенной области, называют парадоксами,³⁸⁶ постольку для элиминации парадоксов из теории множеств необходимо формировать этот уровень понимания, что в данном случае может состоять только в более глубоком осмыслении сущности математической реальности, природы математической деятельности в целом. В настоящее же время мы не знаем в достаточной мере, какова эта природа, какие ее компоненты ведут к парадоксам и т. д. А потому мы не знаем, как их устранить, перестроив теорию множеств. В этом смысле, коль скоро «не существует, да не предвидится никакого единого и общепринятого способа перестройки математики», кризис ее «оснований все еще продолжается».³⁸⁷

4.4.2 Естествознание

В самом прямом словоупотреблении «естествознание» обозначает широкую познавательную область, ориентированную на исследование первичной объективно существующей природы в ее непосредственности. Будучи рассмотрено по фарватеру как родовая форма знания естествознание неоднородно, многопланово. Оно охватывает множество дисциплин, пластов, образований, нацеленных на теоретическое освоение общего предметного базиса — *Materia naturata*.

В фокусе естественнонаучного познания находятся операции по всестороннему анализу материи, описанию, объяснению форм, механизмов, структуры, элементов, качественно-количественных значений, границ, мер, оптимальных и критических условий ее существования, взаимодействия со средой и т. д.

С типологической точки зрения естествознание складывается из эмпирико-феноменалистских (описательных) и теоретико-эссенциалистских (объяснительных) теорий.

³⁸⁶ *Мандельштам Л. И. Полное собрание сочинений. М., 1948– 1950. Т. V. С. 10.*

³⁸⁷ *Френкель А., Бар-Хиллел И. Основания теории множества. М., 1968. С. 323.*

651

Описательные теории — совокупность качественных феноменологических систем знания, где доминируют: а) эмпирические описания, представляющие фиксацию в языке данных, полученных на эмпирическом уровне изучения предмета путем измерения, наблюдения, анализа, подбора фактов, визуальной регистрации, первичной классификации, систематизации, различных видов экспериментирования и т. п. (описание явления наследования контрастирующих признаков при гибридизации до формулировки Г. Менделем соответствующих законов); б) эмпирические законы, зависимости, регулярности, полученные как индуктивные обобщения экспериментального материала (законы Менделя до утверждения в науке хромосомной теории наследственности). Механизмом трансформации описательных, собирательных знаний, какими на начальных стадиях являются практически все естественнонаучные знания, в объяснительные, систематизирующие выступают метризация, соответствующее логико-семантическое обоснование.

Объяснительные теории — совокупность логически организованных систем знания, где преобладают: а) теоретические объяснения, представляющие концептуальную реконструкцию данных, полученных на теоретическом уровне изучения предмета вследствие интерпретации, идеализации, постановки мысленных (концепционных) экспериментов, абстрактного моделирования и т. д. (законы Менделя, получаемые на репрезентативном уровне как следствия из хромосомной теории наследственности); подавляющее большинство компонентов (утверждений) теоретико-эссенциалистских естественнонаучных знаний дедуцируется из фундаментальных основоположений — постулатов и аксиом; б) точные количественно детализированные результаты (количественно детализированные Менделем, а потому приобретшие статус числовых закономерностей распределения

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

контрастирующих признаков в первом и последующих поколениях гибридов).

Внутри множества объяснительных теорий оправданно выделить подмножества гипотетико-дедуктивных и аксиоматических теорий.

652

Гипотетико-дедуктивные теории построены на базе гипотетико-дедуктивного метода, который, занимая промежуточное положение между собственно эмпирическими и аксиоматико-дедуктивными методами исследования, основан на выводе следствий из гипотез логическим путем с последующей их фактической проверкой. По этому методу строится классическая механика. У Ньютона, например, вначале вводятся фундаментальные понятия, а потом следуют законы, утверждения, подлежащие верификации. Частным случаем гипотетико-дедуктивного метода выступает метод принципов. Теория здесь представляется в виде совокупности опытно опробуемых положений, полученных как следствия путем логического вывода из базисных принципов. Метод принципов положен в фундамент термодинамики, специальной, общей теории относительности и др.

Аксиоматическими называются теории, подвергшиеся строгой логической реконструкции, проработке. Установка на аксиоматизацию, формализацию естественнонаучного знания вполне понятна, учитывая факт фундаментального различия между формализованной содержательной теорией и первоначальной содержательной теорией, которое состоит в том, что доказательство или иное рассуждение, проведенное в формальной теории, остается истинным независимо от ее интерпретации. Так как организация естественнонаучного знания на началах аксиоматизации, формализации предполагает выделение групп аксиом, точно фиксирующих логические, математические, собственные основания теории, что возможно лишь в развитой теоретической науке, понятно, почему многие из естественнонаучных теорий остаются неаксиоматизированными, неформализованными.

В биологии мы встречаемся с эпизодическими, единичными попытками аксиоматизации, одну из которых представляет аксиоматический вариант менделевской генетики с использованием языка *Principia Mathematica* Вуджера. Отрядное исключение в этом отношении составляет физическое знание, раньше других достигшее уровня развитой

653

теоретизации. В разные времена и с разным успехом формализаций его отдельных (впрочем, обширных) фрагментов занимались Каратеодори, фон Нейман, Маккинси, Суп-пес, Сугар, Нолль, Вайтман и др. Относительно же аксиоматизации физики как базиса естествознания уместно отметить релевантность шестой проблемы Гильберта.

В рамках естествознания правомерно обособить большую группу знаний, которые явно не примыкают к выделенным типам естественнонаучных теорий. Таковы, к примеру, многие разделы геологии, тектоники, палеонтологии, биологии, почвоведения, географии, климатологии, космологии и т. д., которые занимают «срединное» положение между описательными и объяснительными теориями, поскольку используют основанный на комбинированном

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

применении эмпирических и теоретических исследований метод исторической реконструкции.

Структуру естественнонаучной теории образуют логические, философские, собственные основания, которые приспособлены к разрешению главной задачи — постижению материальной природы и природы материи.

Под логическими основаниями естественнонаучной теории, как и всякой теории вообще, понимается логический аппарат, применяемый для обоснования, вывода, доказательства и организации утверждений теории. Выбор аппарата определяется спецификой решаемых теорией проблем. Так, в квантовой механике (КМ) применяется аппарат трехзначной неклассической логики со значениями «истинно» и «ложно». Логические основания теории должны быть эксплицированы, поскольку ее логическая систематизация означает «принятие и особую теорию, или системы, логического анализа»³⁸⁸, которая как семантически, так и методологически неиндифферентна к проблемному полю теории; она, например, оказывает влияние на существо решения фундаментальнейшей проблемы существования теоретических объектов.

³⁸⁸ *Черч А. Введение в математическую логику. М., 1960. Т. I. С. 16.*

654

Философские основания естественнонаучной теории — совокупность принципов, включающих знания об универсальных атрибутивных свойствах материи, законах ее развития, природе мышления, принципах познавательной деятельности и т. д. Философские основания естествознания представляют эвристические предпосылки, семантический фон, который оттеняет условия постановки, а также решения внутренних естественнонаучных проблем.

Философские основания естествознания подразделяются на онтологические, гносеологические, методологические.

Онтологические основания включают гипотезы существования, назначение которых — задание фундаментальных допущений, схем, принципов строения действительности.

Гносеологические основания включают множество допущений о природе познавательного процесса.

Методологические основания включают комплекс нормативных представлений, позволяющих оценивать продукты естественнонаучной деятельности с позиций предпочтительности.

В структуру естественнонаучной теории помимо логических и философских оснований входят собственные основания, т. е. основные принципы, постулаты, обуславливающие положения теории. Непосредственное же ее «тело» составляют факты, законы, утверждения относительно фактов и законов, которые надстраиваются над собственными основаниями.

Факт — не обязательно эмпирическое высказывание, носящее характер протокола наблюдения. С гносеологической точки зрения фактом может выступать высказывание как об эмпирическом, так и о теоретическом знании, достоверность которого установлена. Факт — прежде всего элемент знания, играющий определенную роль и имеющий конкретную функцию в системе знания. Трудно

переоценить значение фактов в вопросе определения предметной области теории, обосновании ее положений, установлении референтов и т. д.

655

Выделение естественнонаучного факта в отличие от сферы обыденного знания связано с сериацией — получением среднестатистического из серии экспериментов. Естественнонаучные факты — это всегда усредненное статистическое резюме, частота появления определенного признака, характеристики предмета.

Естественнонаучный факт как гносеологически сложное концептуализированное образование противопоставляется голому эмпирическому факту, представляющему реальное явление в конкретных условиях. Голый эмпирический факт — объективное, фиксируемое органами чувств событие, взятое не в интерпретированном, не в субъективно преобразованном виде. Примером голого эмпирического факта может быть чувственная фиксация явления отклонения стрелки на шкале прибора, записывающей на языке протоколов наблюдения: «в момент времени t° стрелка амперметра отклонилась от нулевого деления на 10 единиц вправо». Однако возможные попытки истолковать явление потребуют его включения в контекст теории, дающей экспликацию факту.

От строгих естественнонаучных фактов следует отличать артефакты, представляющие искажения действительности на основе предвзятой теории, — факты, якобы подтверждающие наследование благоприобретенных признаков.

Закон есть центральное утверждение теории, фиксирующее существенные, необходимые, повторяющиеся, универсальные связи объективного мира. Закон представляет выражение вида $\forall x(P(x) \rightarrow Q(x))$, которое не является сокращенной формой записи бесконечной конъюнкции предложений $P(a) \cdot P(b) \cdot \dots$ (это соответствует индуктивистской трактовке квантора всеобщности), ибо утверждает не об отдельных элементах класса, а о необходимом и универсальном свойстве этих элементов.

Тщательное формальнологическое изучение природы универсальных имплицативных предложений типа законов науки выявило парадоксы, известные под именем парадоксов материальной имплицации. Суть их вытекает из формальнологических установок анализа законов науки,

656

интерпретирующих последние с точки зрения логической формы безотносительно к выражаемому содержанию.

С логической точки зрения закон представляет условное отношение, имеющее имплицативную форму. Однако последняя оказывается формой выражения и фактически истинных общих предложений типа «все вороны черные», не имеющих статуса законов. Возникает проблема обособления из множества универсальных, имплицативных предложений подмножества законов — так называемая проблема Льюиса. Смысл ее заключается в вопросе: может ли быть построено в системе логики высказываний имплицативное отношение, идентичное содержательному отношению высказываний, связанных

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

импликацией?

Сам Льюис пришел к обоснованному убеждению, что в системе логики высказываний подобное отношение построено быть не может.

В связи с этим интересны варианты неклассических логик, способных, по замыслу их создателей, решить проблему. Это — системы со «строгой импликацией» (Льюис), «сильной импликацией» (Аккерман), импликацией Нельсона, «каузальной импликацией» (Беркс) и т. д., однако не содержащие приемлемых рецептов снятия проблемы.

Хотя в дальнейшем было показано, что критерием отличия законов (номологических утверждений) от случайных универсальных (акцидентальных) утверждений, имеющих импликативную форму, является выводимость из первых условных контрфактических предложений, демонстрирующих наличие истинных необходимых отношений, следует указать на трудности выявления номологичности через переформулировку универсальных импликативных предложений в контрфактические. Трудности состоят в том, что формальнологической процедуры выявления истинности контрфактических предложений не существует: их истинность устанавливается фактуально — путем анализа выполнимости материальных отношений, обеспечивающих номологический характер связи консеквента с антецедентом. Последнее, однако, представляет трудность, т. к. проведение подобного анализа — вещь нетривиальная.

657

Утверждения относительно фактов и законов образуют семантический корпус теории. Естественнонаучная теория — множество утверждений, упорядоченных заданным на нем отношением выводимости различной степени строгости, или в более формальной записи:

$T(C, A, L) = \{P_1 \dots P_n\}$, где T — естественнонаучная теория; C — базисные и производные конструкторы; A — множество аксиом; L — правила вывода; P — утверждения теории, включают предложения об индивидуальных фактах, эмпирических зависимостях, теоретических законах. Предложения об индивидуальных фактах формулируются в терминах языка непосредственного наблюдения (не включают кванторы) на эмпирическом уровне исследования. Предложения об эмпирических зависимостях записываются на языке эмпирических конструкторов, включают термины, не являющиеся терминами непосредственного наблюдения, но соответствующие эмпирическому уровню исследования (не предполагают объяснения). Предложения о теоретических законах выражаются на языке теоретических конструкторов, включают термины двух названных типов предложений, содержат утверждения с кванторами, соответствуют теоретическому уровню исследования.³⁸⁹ Связи между тремя типами предложений осуществляют редукционные правила, которые задают способы перехода от языка наблюдения (утверждения о показаниях прибора) к языку эмпирических и теоретических конструкторов (к утверждениям об объектах, действующих на приборы, и т. п.). Сигнатура естественнонаучной теории такова:

$\Omega = \langle Fct, Lw, Cnst, Jnt, Abstr\ mdl, Frml, L \rangle$, где

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Fct — непустое множество фактов, соответствующих действительности;

Lw — множество законов; для точных теорий, устанавливающих, предсказывающих свойства объектов по некоторой исходной информации (по известным силам и начальным условиям, к примеру, прогнозируется поведение

³⁸⁹ *Проблемы логики научного познания. М., 1964. С. 32.*

658

механических систем), это множество не пусто; для неточных фактофиксирующих теорий, как правило, оперирующих качественными соотношениями, это множество пусто;

Crist — множество констант, оказывающееся для многих теорий пустым;

Int — множество естественных, эмпирических, семантических интерпретаций, обеспечивающих идентификацию *Abstr mdl* и *Frml* теорий с реальными прообразами;

Abstr mdl — множество абстрактных моделей, семантических допущений, вспомогательных конструкций, принятых в теории;

Frml — множество формализмов, играющих роль инструмента мышления, языка, квантализации утверждений естествознания, позволяя ему оперировать количественно детализированными связями действительности, формулировать зависимости типа *X — KY*.

L — множество логических допущений, правил вывода, принятых в теории.

Для предметной спецификации этих множеств следует ввести представление о *Srt* — непустом множестве, элементы которого называются сортами объектов, индивидуализированных онтологически.

Так, если каждому из перечисленных множеств поставить в соответствие переменные типа $\pi \in Srt$, теории окажутся предметно специфицированными.

Учитывая, что естествознание — множество предметных теорий (*Ts*), описываемых Ω , а также принимая по внимание значение аппаратов логики (*L* — средство обоснования) и математики (*M* — средство мышления), его структура может быть выражена формулой:

$\langle \Sigma Ts; M; L \rangle$.

Гносеологическая специфика естествознания

Имеется непосредственная (жесткая) соотнесенность с определенным фрагментом действительности, что в отличие от математики обуславливает онтологическую специфицированность естествознания. Будучи сокращенным

659

воспроизведением действительности, теория исследует «материальные» отношения объектов фиксированных предметных областей, которые определяют качественные особенности как отдельных элементов, так и всего их внутреннего строя. Зависимость теоретического базиса (*B_T*) теории от эмпирического (*B_E*) для наглядности выразим формулой $B_T \langle \longrightarrow \rangle B_E^{390}$, где наличие не свойственных математике « $\langle \longrightarrow \rangle$ » — механизма связи базисов —

и V_T гносеологически детализирует природу естествознания.

V_T , который образуют Lw , $Cnst$, Int , $Abstr\ mdl$, $Frml$, L , играет роль категориальной, семантической, организационной схемы, каркаса теории, к чему привязываются все многочисленные частности.³⁹¹ Создание, разработка и построение V_T отличаются свободой (соображения удобства, простоты, темперамента, влияющие на выбор $Frml$, Int , $Abstr\ mdl$), но не произволом. Последнее объясняется нацеленностью V_T на отображение объективных связей действительности, откуда следует, что существует некий фундаментальный предел свободы субъекта в рамках V_T , где роль его играет объективная логика функционирования реального предмета. Эта логика, допуская свободу, не терпит произвола. Предметная область, разумеется, не навязывает каких-то фиксированных «определений» V_T , но одновременно препятствует осуществлению «каких угодно» построений. Так, именно давление объективной логики предмета вызвало вытеснение из пределов физики эфира; вероятно, по этой причине откровенное стремление во что бы то ни стало сохранить эфир в V_T физических теорий (Яноши)³⁹² выглядит искусственным, неконструктивным.

³⁹⁰ *Методологические вопросы теоретического естествознания.*

Киев, 1978. С. ПО.

³⁹¹ *Уотермен Т. Проблема // Теоретическая и математическая биология. М., 1968. С. 24.*

³⁹² *См.: Janossy L. Theory of Relativity Based on Physical Reality. Budapest, 1971.*

660

V_T соотносится с V_E как целое, системное взаимосогласованное образование; многие компоненты V_T , способствующие опосредованному моделированию действительности, носят промежуточный, подчиненный характер, сами по себе не проецируются на эмпирию, не имеют реальных аналогов. В квантовой механике, например, такова Y -функция, лишь квадрат модуля которой наделен эмпирическим смыслом.

V_E , образованный фактами, имеет значение внешнего источника содержания теорий, а также пробного камня — средства их обоснования. Динамика теории в самом широком смысле осуществляется как последовательность сбора, систематизации данных (наблюдение, установление эмпирических зависимостей), их теоретизации, вывода из полученных систем эмпирически обнаружимых следствий, окончательного оправдания теорий, внедрения их в практику. Связь V_T и V_E не является непосредственной. Это значит: содержание V_T , говоря строго, соответствует отношениям не реального, а идеализированного мира, мира вторичной концептуальной реальности, которая репрезентирует изучаемые объекты реальности первичной — объективной. Объективная и научная реальности хотя и не совпадают (противоположное утверждение ведет к представляющему тривиализацию проблемы наивному реализму), но необходимым образом связаны (отрицание данной связи чревато эвристическими тупиками платонизма), причем связаны ввиду особой роли V_E . Во-первых, все компоненты V_T имеют эмпирическую генеалогию, которая бывает подчас

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

труднореконструируемой, но реальной. Во-вторых, V_E задает вектор прогресса V_T в сторону его большей сбалансированности с V_E . В-третьих, V_E «есть начало и конец всего нашего знания реальности». ³⁹³ V_T «состоит из понятий, фундаментальных законов, которые должны иметь силу для этих понятий, и следствий, выведенных посредством логической дедукции. Это те следствия, которые должны соответствовать нашему единичному опыту; в

³⁹³ Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. Т. IV. С. 182.*

661

любом теоретическом трактате их логический вывод занимает почти все страницы». ³⁹⁴ В-четвертых, обладая относительной независимостью от V_T , V_E играет роль информативной и критической инстанции, препятствуя полной и окончательной идентификации теории с реальностью, субстантивизации концептуальных моделей.

Любая теория — осмысление фактов; теории модифицируются, выбраковываются, факты сохраняются, остаются. Стабильность фактов для взаимосменяемых теорий служит онтологической основой их соизмерения, выявления степени прогрессивности происшедших теоретических сдвигов.

« $\leftarrow$ » образуют правила соответствия, или редукционные правила, и алгоритмы связи теоретических конструктов с картиной мира (через модели, интерпретацию), которая проецируется на V_E , учитывая, что V_E — не «чистая» сама по себе реальность, а реальность концептуально и операционально опосредованная, выделенная сквозь призму экспериментально-измерительной практики, человеческого опыта.

Правила соответствия предназначены для проверки эмпирического содержания теоретических терминов, посредством системы операциональных определений обеспечивая переход от моделей, интерпретаций и формализмов к фактам, позволяя проводить сопоставление следствий, выведенных из V_T , с интерпретированными результатами эксперимента, а тем самым опытно обосновывать — подтверждать, опровергать теорию. Алгоритмы связи реализуют смысловые, коммуникативные, объяснительные процессы в естествознании, обуславливают теоретическую нагруженность, «непрозрачность» V_E , взаимосвязь моделей и интерпретаций с фактами. Так, электродинамика Максвелла истолковывает электромагнитные процессы как изменение во времени электрической, магнитной напряженности и плотности тока в точке, тогда как родственная электродинамическая теория Ампера-Вебера те же про-

³⁹⁴ Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. Т. IV. С. 182.*

662

цессы понимает как изменение во времени состояний эфира-среды — проводника электромагнитных явлений.

Детализация познавательной роли « $\leftarrow$ » заставляет рассмотреть механизм связи V_T с V_E в более общем виде, что требует дальнейшего уточнения гносеологической специфики естествознания.

Отсутствует прямой логический мост между V_E и V_T ; что равносильно невозможности как непосредственной дедукции V_T из V_E , так и редукции V_T к V_E . ³⁹⁵

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

В качестве средства (логики мышления), языка познавательной деятельности используется математика. Вопрос о поразительной эффективности математики в естествознании всегда интересовал ученых и методологов. Однако отсутствие ясности в этом вопросе дало повод известной растерянности: факт эффективности математики в естествознании часто квалифицировался как непостижимый (Вигнер)³⁹⁶ или непознаваемый (Бурбаки).³⁹⁷ Мы не разделяем подобные оценки и настроения: пессимизм никогда не был конструктивным. Глубокие причины эффективности математики в естествознании кажутся нам вполне познаваемыми и постижимыми. Они, если отбросить детали частных мнений, сводятся к следующему.

а) Не будучи скована границами предметной области, математика располагает большими эвристическими и исследовательскими возможностями. Условия деятельности математика сравнимы с условиями деятельности научного фантаста. Действительно, в чем причины поразительной реалистичности и исключительной достоверности многих научно-фантастических прогнозов? «Видение сквозь время» объясняется свободой деятельности: трудностей практической реализации идей не существует, имеет место не скованное условиями творческое моделирование более

³⁹⁵ Подр. см.: 3.5

³⁹⁶ Вигнер Е. *Этюды о симметрии*. М., 1971. С. 192.

³⁹⁷ Бурбаки Н. *Очерки по истории математики*. М., 1963. С. 258.

663

или менее правдоподобных ситуаций, ограничиваемое одним — требованием внутренней непротиворечивости, самосогласованности, когерентности процесса и результата конструирования. Подобное же наблюдается и в математике. Анализируя предмет в «чистом» виде как некую логическую возможность, математика предвосхищает потенциальное предметно-содержательное его исследование в соответствующих теориях. Скажем, геометрия Лобачевского возникла как итог обнаружения возможности построения геометрии на той же аксиоматике, что и евклидова, с видоизмененной аксиомой о параллельных. Полученная Лобачевским новая геометрия была «воображаемой», абстрактной математической структурой. Однако спустя некоторое время она нашла применение в СТО (пространство скоростей релятивистской механики является пространством Лобачевского), в космологии (во фридмановских открытых моделях пространственное сечение в сопутствующих материи системах отсчета описывается геометрией Лобачевского) и т. д.

Каковы причины этого? Чем объясняется существование тесной связи между математическими структурами и экспериментальными явлениями, иллюстрируемой, в частности, данным примером?

Сила математики — в абстрактно-универсальном, каким может быть только формальное изучение предмета, что в свое время обосновали Грассман, Буль и др. Ставя вопрос о логической возможности чего-либо, математика анализирует предмет в максимально общем виде. Результатом анализа являются предметно

не детализированные структуры, отвечающие критерию непротиворечивости. Будучи непротиворечивыми, математические структуры оказываются безразмерным резервуаром естественнонаучных интерпретаций: в зависимости от потребностей ис-

664

следования они могут быть различным образом предметно, онтологически специфицированы. Реальная «безмерность» математических структур, их способность удовлетворять любым потенциальным интерпретациям часто порождает ощущение, что они «мудрее, чем мы, мудрее, чем их первооткрыватели, что мы получаем из них больше, чем в них было первоначально заложено» (Г. Герц).

Собственно, в чем магическая сила математических структур? В том, что они заключают в себе истину (это выясняется *post festum*) как бы раньше, до предметного знания того, истиной о чем является формально выраженная истина. Математика, таким образом, заготавливает истины как бы впрок, так как они воспринимаются как истины лишь спустя какое-то время (после нахождения подходящей интерпретации). Естественнонаучное познание складывается как бы из двух планов: общего — количественно-формального (математического) и особенного — качественно-предметного (естествоведческого). Они не синхронизированы во времени — этим и объясняется наличие «ножниц» между моментом генерации математических структур, которые могут быть положены в основу естественнонаучной теории, и моментом полного построения последней, связанного с нахождением интерпретаций математических структур. В этом, конечно, нет ничего мистического или непостижимого, в чем убеждает и пример геометрии Лобачевского.

Рассмотрим второй ранее поставленный вопрос о причинах связи математических структур с естественнонаучными явлениями. Эффективность математики в естествознании с этой стороны объясняется тем, что утверждения как математики, так и естествознания количественно детализируемы, так или иначе подводимы под категорию «числа» («величины»), поэтому, если математические структуры интерпретировать как количественные соотношения между величинами, которым соответствуют какие-то реальные свойства, они обретают референты, становятся приложимыми к действительности. Механизмом перевода математических структур на язык естественнонаучных эк-

665

спериментальных явлений служат, как известно, правила соответствия, включающие операциональные определения. Отметим наличие опять-таки двух планов изучения «числа»: математического и естественнонаучного. Математика рассматривает «число» формально через призму аксиоматик либо Цермело, либо фон Неймана. Естествознание рассматривает «число» предметно через призму операциональных определений. Однако эти планы могут быть совмещены за счет естественнонаучного истолкования «чисел» посредством «меры», «величины», «измерения» и т. п. Следовательно, нетрудно понять: тайна необычайной эффективности математики в естествознании

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

скрыта в идентификации формализмов с величинами, в единицах измерения. Все это представляет собой, образно говоря, «гвозди», которыми математические структуры «приколачиваются» к естественнонаучным явлениям.³⁹⁸ В случае геометрии Лобачевского такими «гвоздями» были количественно детализированные утверждения теории метрики пространства отрицательной кривизны, которая, возникнув в абстрактно-математическом, предметно «раскрепощенном» плане, впоследствии нашла приложение в рамках СТО, ОТО и т. д., трансформируясь в онтологически специфицированный естественнонаучный план. б) Математическое изучение предмета неотделимо от перевода проблемы с интуитивно-содержательного на формально-аксиоматический язык, что делает нестрогие качественные представления строгими и точными и тем самым расширяет эвристические горизонты исследования. Афоризм Дарвина: «Математика, подобно жернову, перемалывает лишь то, что под него засыплот», — легковесен. Математика — наука творческая, и ее творческая природа проявляется в естествознании в виде использования наработанных в математике идей и конструкций. В их числе:

³⁹⁸ Смирнов Г. Числа, которые преобразили мир // *Техника молодежи*, 1981, № 11. С. 36.

666

1) Формальные построения, которые выступают буквально как архетипы будущих предметно-содержательных естественнонаучных конструкций и теорий. Так, спинорные представления были развиты Картаном как сугубо математические. Впоследствии, однако, Дирак нашел в них «полевые величины нового вида, простейшие уравнения которых позволили вывести общие свойства электронов».³⁹⁹ Абстрактная математическая схема превратилась в конкретное естественнонаучное представление. Примеры такого рода неисчислимы. На базе теории групп, которую еще в начале века при пересмотре программы в Пристонском университете Джинс рекомендовал исключить из преподавания на том основании, что она якобы «никогда не найдет применения в физике», в 1961г. «восьмиричным» путем Гелл-Манн предсказал существование неизвестной частицы омега-минус, которую в 1964г. открыли Фаулер и Сеймиос. Разработанная Коши и Риманом теория функций комплексного переменного внедрена в теорию электрических цепей. Развитый Гильбертом функциональный анализ, сформулированная Коши и Эрмитом теория матриц успешно используются в квантовой механике. Фактором прогресса статистической механики выступила математическая теория канонических систем дифференциальных уравнений Гиббса. Во всех этих и многочисленных подобных им случаях вопреки формуле Дирихле вычисления не заменяют, а вызывают идеи. Объяснимся подробнее. Математика продуцирует онтологически не специфицированные структуры; естествознание реализует только те из них, которые осмысленны с его позиций; возможная же

³⁹⁹ Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. Т. IV. С. 184.*

667

переоценка естественнонаучной «неосмысленности» некоторых математических структур, как правило, влечет проникновение идей

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

в естествознание. К примеру, Дирак, поставивший цель сформулировать уравнение для частицы со спином, которые из уравнения с двойным решением: $E > E_0 = m_0 c^2$ (1) и $E < -E = m_0 c^2$ (2). С физической точки зрения (2) — бессмысленно, как бессмысленны многие математически осмысленные корни уравнений «-степени. Однако Дирак не отбросил возможность — подчеркиваем: физически бессмысленную — отрицательного решения; поиск его интерпретации навел на мысль существования позитрона, который предсказан в 1931-м, а открыт в 1932г.

2) Представления о гармонически изящных отношениях, отвечающих принципам симметрии. С этим, в частности, связаны исторически реализованные программы математизации естествознания. Среди них выражающие идею количественной пропорциональности, гармоничности, концепции числа (Пифагор), правильных многогранников (Платон), совершенных геометрических фигур (Евдокс, Птолемей) и т. д., оказавшие заметное влияние на естественнонаучный поиск. Если считать, что неотъемлемым спутником математизации естествознания выступает уразумение приложимости математики к естественнонаучным явлениям, то общим для всех программ математизации естествознания будет признание того, что природа представляет собой реализацию простейших математически мыслимых элементов и что посредством чисто математических конструкций можно найти те понятия и закономерные связи между ними, которые дают ключ к пониманию явлений природы.⁴⁰⁰

3) Формальные точки зрения, которые в достаточной степени ограничивают бесконечное разнообразие возможностей.

⁴⁰⁰ Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. Т. IV. С. 184.*

668

Мир без ограничения разнообразия был бы полностью хаотическим (У. Р. Эшби). Инструментом упорядочения мира в науке является теория. Она огрубляет, схематизирует, идеализирует и т. д. мир, рассматривая его через призму конечного множества основоположений. В свою очередь, основоположения, используемые теорией образы и их закономерные связи, как правило, «могут быть получены в соответствии с принципом отыскания математически простейших понятий и связей между ними».⁴⁰¹ Эффективность математики в данном случае — в немногочисленности числа эвристических схем, возникающих в качестве моделей разнообразных явлений. С одной стороны, число математически возможных простых типов соотношений между явлениями природы и простых уравнений, возможных между ними, ограничено, — на этом основано применение математики как инструмента познания мира вглубь. С другой стороны, свобода от привязки математики к конкретной онтологической области позволяет вырабатывать предметно универсальные формализмы, единообразно описывающие свойства объектов различной природы, — на этом основано использование математики как инструмента познания мира вширь.

в) Язык математики, очень удобный в обращении, оптимизирует естественнонаучную деятельность. Всякой теории поставлен в соответствие свой особый математический язык. В классической

механике это язык чисел, векторов; в релятивистской механике — язык четырехмерных векторов и тензоров; в квантовой механике — язык операторов и т. д. Динамика смены математического языка, используемого, к примеру, в физике, является хорошим индикатором стадий роста этой науки. Классико-механическая программа, принятая в физике до XX в., исходила из возможности редукции всей физики к механике. Однако применяемый в последней аппарат обыкновенных дифферен-

⁴⁰¹ Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. Т. II. С. 185.*

669

циальных уравнений не позволял описывать тепловые, электрические явления и т. д. В связи с этим Фурье предложил использовать более «гибкий» аппарат дифференциальных уравнений в частных производных. Но, как показал опыт, и он оказался неуниверсальным: в рамки дифференциально-аналитического подхода не вписывались релятивистика и квантовая механика. В настоящее время математический фундамент физики многообразен. После доказательства невозможности редуцировать содержание физики к содержанию механики (соответственно показав невозможности редукции используемого в физике математического аппарата к обыкновенным дифференциальным уравнениям) этот фундамент образуют идеи не только дифференциально-аналитического, но и теоретико-группового (теоретико-инвариантного) (СТО), дифференциально-геометрического (ОТО) и функционально-аналитического (квантовая механика) подходов. Их многообещающий синтез лежит в основе программы построения физики будущего.

Свобода выбора математического аппарата для соответствующих теорий ограничивается давлением эмпирии, необходимостью принимать в расчет наличие объективной логики предмета, — в конце концов, именно она, а не математический аппарат определяет позитивное содержание теории.

Естествознание — ассоциация опытных наук, связанных с конкретными фрагментами действительности; обращению к тому или другому математическому аппарату здесь должен предшествовать тщательный анализ вопроса о его адекватности в смысле согласуемости с содержанием соответствующего действительности опыта. Для ученого-естественника важна идентифицируемость математического аппарата с величинами, — только в этом случае он способен выполнять описательную, генерализирующую, кодифицирующую, нормативную и другие функции, «утверждать» нечто об объективной действительности.

Непротиворечивый математический аппарат, будучи неприемлем для описания действительности в одной тео-

670

рии, вполне может оказаться приемлемым для той же цели в другой. Обоснованием этого в общем случае служит положение о предметной интерпретируемости непротиворечивых математических структур. Истоки же принципиальной применимости математического аппарата к описанию действительности заключаются в эмпирическом происхождении математических структур.

г) Задавая принципы объективной фиксации результатов в виде
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

требований инвариантности уравнений (формулировок, законов) теории относительно групп преобразований, математика выступает своеобразным «гарантом» объективности естественнонаучных знаний. Это положение требует разъяснений. Дело в том, что уравнения абстрактного математизированного естествознания не описывают непосредственно поведение материальных объектов. Будучи сформулированы применительно к реальности идеализированной, конструктивной, они описывают поведение идеальных объектов — математической точки (классическая механика), точки-события (СТО) и т. д., — имеющих модельный статус относительно их объективных аналогов. Совершенно ясно, что требование инвариантности уравнений, описывающих поведение идеализаций относительно групп преобразований, гарантировать объективность в смысле совпадения естественнонаучных знаний с действительностью не может. Гарантом их истинности, достоверности служит практика, эмпирическая апробация, опыт. Тем не менее расценивать требование инвариантности уравнений естественнонаучной теории относительно групп преобразований как гарант их объективности можно и необходимо.⁴⁰²

⁴⁰² См.: 4.3.6

671

После перечисления, как кажется, основных причин возможности, желательности использования математики в естествознании зафиксируем факторы, которые препятствуют или сдерживают процесс его математизации. К ним мы бы отнесли такие.

а) Математизация (в частности, квалификация, метризация, логификация) возможна лишь при наличии обратной связи, творческого диалога между математикой и естествознанием. Однако установление диалога — вещь не всегда осуществимая. В самом деле, формулировки и утверждения математики в естествоведческом плане бессмысленны, под чем разумеется в первую очередь их опытная, экспериментальная, фактуальная и т. д. бессмысленность. Наделение естественнонаучным смыслом формулировок математики достигается через интерпретацию, операциональные определения. В одних случаях наделить математические утверждения естественнонаучным смыслом удается: таков, например, коэффициент аффинной связности в теории гравитации. В других случаях это оказывается невозможным, к примеру, естествовик не видит смысла аксиомы Архимеда, иррациональных и трансцендентных чисел, несоизмеримостей и т. д., — он не может работать с координатой X , имеющей «величину $X = \sqrt{2}$ дюймов или $X = n$ сантиметров».⁴⁰³ В этих случаях, очевидно, математизация естествознания не осуществима.

б) Математизация возможна лишь при совпадении возможностей естественнонаучного спроса и математического предложения. «Математик, — приводит Эйнштейн афоризм друга-математика, — на что-то способен, но, разумеется, как раз не на то, что от него хотят получить в данный мо-

⁴⁰³ Бриллюэн Л. *Научная неопределенность и информация*. М., 1966. С. 64.

672

мент».⁴⁰⁴ Ситуация, описываемая наиболее «обидной» частью этого афоризма, которая идет после «но», вовсе не обидна и имеет глубокие корни в практике функционирования математики и естествознания. С позиций используемости математического аппарата в естествознании следует выделить три случая. Первый — аппарат математики актуально используется в естествознании. Второй — аппарат математики может использоваться потенциально. Здесь имеются две возможности. Существует материальная возможность потенциального применения математического аппарата в естествознании. Этот вариант описывает хорошо известные факты временного несоответствия двух планов естественнонаучной деятельности — получения формализма и его интерпретации. Зачастую, как отмечает Дирак, «легче открыть математическую формулу, необходимую для какой-нибудь основной физической теории, чем ее интерпретировать. Это потому, что число случаев, среди которых приходится выбирать при открытии формализма, весьма определено, так как в математике не много основных идей, тогда как при их физической интерпретации могут обнаруживаться чрезвычайно неожиданные вещи».⁴⁰⁵ Насколько нетривиальной оказалась проблема нахождения материального носителя электромагнитных процессов в пространстве, свидетельствует тот факт, что теория Максвелла, казалось бы, базирующаяся на признании поля в качестве объективной реальности, рассматривалась современниками как чисто феноменологическая теория — система уравнений Максвелла, — так и не получивших до создания СТО удовлетворительного толкования.

Существует формальная возможность потенциального применения математического аппарата в естествознании. Вариант описывает факт существования реально не исполь-

⁴⁰⁴ Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. Т. II. С. 14.*

⁴⁰⁵ Степин В.С., Елсуков А.К. *Методы научного познания. Минск, 1974. С. 140.*

673

зуемых в естествознании математических структур, которые не внедряются в теории по причине несоответствия требованиям «предметной логики», но которые все же могут быть внедрены в них по причине самонепротиворечивости.

Третий случай — требуемого естествознанию математического аппарата не существует. Возможность данного случая определяется, с одной стороны, реальным пресыщением естествознания потреблением наличных математических структур, которые уже не удовлетворяют его запросам, а, с другой стороны, реальным отсутствием необходимого математического аппарата, который мог бы удовлетворить имеющиеся у естествознания запросы. Почему возникают «ножницы» в производстве и потреблении естествознанием математических структур? Ответ прост. Математика — не придаток естествознания, а автономная наука, вообще не производящая осмысленную в естественнонаучном плане продукцию: это не ее дело. Генерация результатов в математике подчиняется не внешним запросам, какими выступают и запросы естествознания, а внутренней логике изменения

проблемной области. Математика удовлетворяет запросы естествознания в решении только тех вопросов, которые могут быть осознаны и поняты как вопросы математические. Наличие «ножниц», таким образом, есть следствие объективного взаимоотношения двух самостоятельных научных дисциплин. Естествознание применяет математику только тогда, когда оно способно спроецировать математические структуры на свою проблемную область, перевести формулировки математики на свой язык, и наоборот.

В настоящее время необходимость разработки нового математического аппарата назрела в связи с потребностями описания и анализа процессов дискретной природы. Эти потребности, например, имеются в физике: снятие «противоречий» между признанием непрерывности процесса распределения тепла и одновременным признанием его молекулярно-кинетической природы; между признанием непрерывности поля и его квантуемости; аналогичные проблемы имеются в газовой динамике и т. д. В кван-

674

товой механике имеются серьезные трудности, «состоящие в том, что из того математического аппарата, которым она пользуется... вытекают бесконечные значения полевых масс и констант связи («расходимости»)»; трудности «могут быть объяснены несовершенством... математического аппарата и, в первую очередь, несоответствием действительности современного представления о структуре пространства».⁴⁰⁶

Развитие физики, следовательно, требует усовершенствования математического аппарата, навеваемых им представлений о структуре пространства. Переосмысление сформулированного К.Вейерштрассом, Р.Дедекиндом и Г.Кантором общепринятого представления о структуре пространства как о множестве точек, где «определены предельные точки подмножеств», которое вынуждает нас использовать континуум, предполагает разработку теорий квантованного пространства, что, естественно, требует соответствующего математического обеспечения, в первую очередь, как указывалось, хороших методов исследования дискретных процессов. Однако таких методов математика «впрямую не заготовила». Запрос, таким образом, налицо; его потенциальное удовлетворение, связанное с получением эффективных результатов в ходе имманентного прогресса математики составит содержание грядущей математизации естествознания.

в) Математизация возможна тогда, когда естественники и математики знают, что, собственно, они хотят получить друг от друга. Делая явными познавательные ситуации, облегчая изучение предмета, поставляя совершенные методы упорядочения результатов, способствуя росту знания, обеспечивая эффективность экспериментальных исследований, математизация науки есть инструмент прогресса науки. Данный тезис, справедливый как правило, имеет исключения.

⁴⁰⁶ Розенфельд Б. А. *Теория относительности и геометрия // Эйнштейн и развитие физико-математической мысли. М., 1962. С. 59.*

675

Не будем брать случай описательных наук, зяждущихся на

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

принципах эмпирического подхода, — призыв к их математизации выглядит малоосмысленным. Возьмем случай теоретических наук, испытывающих потребность в формализации, аксиоматизации, дедуктивизации, внедрении методов математического моделирования, математического планирования экспериментов, математической гипотезы и т. д., т. е. в математизации. Каковы предпосылки эффективного ее проведения в данном случае?

Известно, что среди множества теоретических знаний — масса нематематизированных. Чем это объясняется? На наш взгляд, отсутствием точного знания того, что и как математизировать. К примеру, многочисленны призывы математизировать биологию. Не сомневаясь в их обоснованности, спросим: почему биология нуждается в математизации, почему математизация биологии не проводилась ранее? Среди аргументов об исторических традициях, о времени, которое потребовалось для достижения теоретической зрелости и т. п., обнаруживаются и такие: математизация биологии не осуществлялась ранее потому, что не было подходящего математического аппарата, соответствующего ее предметной специфике.

Выясним, какие запросы биологии должны удовлетворяться математикой и почему они не могут быть удовлетворены математикой наличной.

Обратимся к первоисточникам. Во всякого рода доводах об «историзме», «прогрессизме», «целостности» как атрибутах биологического субстрата, которые не «схватываются» математикой, недостатка нет. Об этом, начиная с Гете, говорило изрядное множество биологов и философов. Избегая мнений откровенных иррационалистов (А.Бергсон, В. Дильтей и др.), оценим взгляды их антиподов. У В. И. Вернадского находим: «Гете — натуралист, точный наблюдатель и экспериментатор, не признавший числа и причинного объяснения природных явлений... в одной части безусловно прав: причинная — числовая — связь не захватывает всего наблюдаемого в точном есте-

676

ствознании», ибо «аналитический прием разделения явлений всегда приводит к неполному представлению, так как в действительности «природа» есть организованное целое».⁴⁰⁷

С нашей точки зрения, подобные взгляды, основываемые на слишком сильных и слишком неясных допущениях, не могут служить платформой критики математики, отрицания возможности математизации биологии. Покажем это.

Проблема выражения на математическом языке центральных для биологии понятий «развития», «эволюции», «прогресса» и т. д. — реальна. Развитие — однонаправленный, асимметричный, анизотропный процесс, законы же математики симметричны относительно знака равенства... Вытекает ли отсюда невозможность математизации биологии? Отнюдь нет. Проблема отображения развития (движения) в жестких понятиях — общегносеологическая. Она возникает не только в биологии, но в любой науке, везде, где используется язык, мышление, ratio. Это универсальная для человеческого познания проблема прерыва непрерывного, разложения неразложимого, схематизации несхематизируемого,

отождествления нетождественного.

Проблема фундаментальна, но не неразрешима. В последнем убеждает глубокая гносеология, истолковывающая процесс отождествления нетождественного как основу отражательного процесса: имея приспособительный, адаптивный характер, он не препятствует, а способствует адекватности познавательной деятельности.

Неприятие соответственной трактовки роли этого процесса чревато тупиками гносеологического иррационализма, проводимого адептами неокантианства (баденцы), философии жизни, экзистенциализма и т. д., общую позицию которых передает тот тезис Ясперса, что идентифицирующее познание приводит к заблуждению, если на-

⁴⁰⁷ Вернадский В. И., Личков Б. Л. *Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым*. М., 1979. С. 272.

677

правляется на развивающееся целое.⁴⁰⁸ Несостоятельность этой позиции в свете достижения познания очевидна: отказаться от принципа отождествления нетождественного в науке невозможно — это значило бы отказаться от самой науки, к чему в итоге и призывают иррационалисты. Но что означает в таком случае критика математики, в наиболее явном виде применяющей данный принцип? Как можно и должно ее модифицировать, чтобы отображать «развитие» и т. д.? Поскольку вопрос математизации биологии рассматривается в связи со снятием проблемы, ей нельзя отказать в серьезности.

Тщательная оценка проблемы обнаруживает ее методологический статус, поэтому и ее решение также должно быть методологическим. Из методологии известно: математика — сильнейший аппарат идентификации, фундамент которого образует центральное для математики отношение тождества. Его применение обуславливает известную «тавтологичность» математики, на что обращали внимание Фреге, Пуанкаре, Мейерсон и др. При этом, однако, подчеркивалось, что «тавтологичность» математики преодолевается благодаря тому, что в ходе отождествления отдается отчет в нетождественности отождествляемого.

Подключающиеся регулятивы теоретико-гносеологического ранга, следовательно, снимают остроту ситуации, обязывая понимать и воспринимать результаты отождествления нетождественного не как окончательные, застывшие, но требующие дальнейшей конкретизации, спецификации. Решение, таким образом, лежит в границах диалектического подхода к процессу познания, оценке его результатов. В этом случае упреки в недостаточности математики отпадают.

Математизации естествознания часто препятствует отсутствие четкой рефлексивной позиции по поводу того, какие именно его реалии подлежат переводу на язык математики и как это может быть реализовано. В частности,

⁴⁰⁸ См.: Jaspers K. *Der Philosophische Glaube*. Zürich, 1948.

678

возникающие в связи с вопросом математизации биологии серьезные проблемы могут быть в значительной мере упразднены путем прояснения семантической основы аргументов, перевода

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

обсуждения тем из неопределенного (общего) плана в определенный (конкретный). Проведем аналогию. С одной стороны, математическая теория множеств не свободна от противоречий. С другой стороны, методом изучения противоречий в самой сущности является диалектика. Напрашивается вывод о диалектизации теории множеств.⁴⁰⁹

Однако спрашивается: как диалектизировать теорию множеств, собственно что для этого нужно делать? Рецептов на этот счет не дается. На наш взгляд, не дается потому, что при такой постановке вопроса дать их просто невозможно. Рецепты снятия антиномий в теории множеств следует искать в самой математике — либо на «традиционной» основе известных программ обоснования математики, либо на нетрадиционной основе разработки параконсистентных логик — в любом случае апелляция к диалектике здесь неуместна; диалектика дает не конкретные рецепты разрешения внутринаучных проблем, а играет роль эвристической — методологической, нормативной, мировоззренческой — основы специально-научного познания.

Возвращаясь к биологии, можно сказать: математизации ее препятствуют неясные суждения якобы «иррациональной», математически невыразимой природы ее реальности. То, что биология имеет дело с реальностью особой, очевидно. Так, поведение неравновесных, нестационарных, самоорганизующихся открытых систем, какими являются системы биологические, отличается от поведения систем механических. Однако проблема не в том, что биологическим системам свойственны целостность, развитие и т. п. Проблема — в наличии крайне темных идей о целостности, развитии и т. п. вообще и в отсутствии специальных представлений о целостности, развитии и т. п. конк-

⁴⁰⁹ Бурова И. Н. *Парадоксы теории множеств и диалектика*. М., 1976. С. 166.
679

ретного (биологического) уровня. Большие перспективы, по нашему мнению, открывает синергетика, поставляющая собственно-научную модель развития. Эвристику синергетического подхода составляют естественнонаучные понятия типа массы, энергии, структуры и т. д., которые позволяют моделировать аспекты биологического развития через «усложнение структуры», «повышение уровней организации» и т. п. в результате тех же «масс-энергетических» обменных процессов. Здесь сразу же проясняется вопрос относительно математического обеспечения. Задачи математики в этом случае сводятся к разработке аппарата, который выражал бы «развитие» как дискретный процесс смены качественных состояний, происходящий в результате «скачков» с одного уровня организации на другой. Таким аппаратом математика располагает — это теория катастроф. Математизация оказывается осуществимой. То же, имея в виду возможности системного подхода и соответствующего идейно связанного с ним математического аппарата, можно сказать о понятии целостности.

Таким образом, математизация возможна только тогда, когда естественники и математики точно знают, что, собственно, они хотят получить друг от друга.

Во множестве случаев математика точно знает, что она может и

хочет дать естествознанию. Однако нередки случаи, когда такое знание отсутствует. Оно отсутствует главным образом потому, что математика реактивна к предметным требованиям математизируемых теорий. Нужно ли специалисту в области математики быть одновременно специалистом в области естествознания для его математизации? Зачастую этого не требуется. Скажем, на всех уровнях организации материи, независимо от морфологической и структурной специфики объектов, их кинетика универсальна, — последнее предопределяет ее хорошее и сравнительно беспрепятственное моделирование; никаких специальных знаний математику здесь не требуется. Но бывает, что соответствующая естественнонаучная подготовка проводящему математизацию теории математику требуется. Так, в числе причин отсутствия широкой мате-

680

матизации химии указывают на то, что лишь 5% математиков сведущи в проблематике этой науки.

Серьезные аналогичные проблемы возникают в математическом прогнозировании поведения экосистем. К примеру, Р. Митчелл, Р. Мауэр и Дж. Даунхауэр дают резко отрицательную оценку экомоделей, построенных с применением аппарата дифференциальных уравнений.⁴¹⁰ Подчеркивается: использование языка математики, «хотя и позволило впервые объединить деятельность биологов разной направленности, но это произошло вне какого-либо... глубокого переосмысливания экологических явлений; весьма сомнительной оказалась практическая ценность этого исследования».⁴¹¹ Причина — в «предметной неадекватности» математического аппарата.

Как показывает опыт, применение в экологическом прогнозировании языка дифференциальных уравнений, полиномов и вероятностно-статического описания — несовершенно. Язык дифференциальных уравнений плох, так как не приспособлен для описания неустойчивых и нестационарных биосферных систем. Оказывающееся ослабленным вариантом описания с помощью дифференциальных уравнений полиномиальное моделирование хорошо воспроизводит мир организованный. При полиномиальном моделировании предполагается, что «мир устроен так умно, что аргументами всегда оказываются только неслучайные величины. И более того, предполагается, что в этом хорошем мире зависимых переменных всегда много меньше, чем аргументов. При изучении экосистем эта посылка явно не выполняется».⁴¹² Вероятностно-статистическое описание зиждется на допущении устойчивости частот, их регулярности; здесь постулируется существование некоторого «неизменного пространства», «над которым может быть

⁴¹⁰ Mitchell R., Mauer R., Daunhauer G. *En Evolution of Three Biome programmes // Science*. 1976. Vol. 192, 4242.

⁴¹¹ Налимов В.В. *Анализ оснований экологического прогноза // Вопросы философии*. 1983. № 1. С. 114.

⁴¹² Там же. С. 115.

681

построена функция распределения вероятностей».⁴¹³ Все это в итоге несостоятельно: не проходит допущение о «неизменности пространства», об устойчивости частот, отсутствует уверенность в

их регулярности и т. д.

Таким образом, при применении этих средств математического описания утрачивается своеобразие поведения экосистем, математизация оказывается неэффективной. Следовательно, для успешного математического моделирования естественнонаучной реальности математика должна содержательно осваивать эту реальность.

Учет предметных особенностей естественнонаучной теории для их эффективной математизации достигается в рамках так называемой предметной аксиоматики. Общий (неконкретный) подход к математизации биологии, например, не позволяет сделать выбор между дискретными и континуальными системами мышления. Но такой выбор можно сделать при конкретном подходе. При математизации морфологии предпочтительнее континуальный стиль мышления, а при математизации генетики — дискретный. Все это должно находить опору в предметных аксиомах, которые играли бы роль своего рода посредников между предметно нейтральной математикой и предметно ориентированными естественнонаучными теориями. В осмыслении «уникальности» биологических систем может оказаться эффективной теория категорий, способная при соответствующем аксиоматико-предметном задании «индивидуальности» и т. п. оперировать «локальным временем» систем, производить функторные сравнения структур и т. д. Здесь могут быть наведены широкие мосты с физикой, перспективу прогресса которой, по убеждению Уилера, составит переход от «относительности» к «изменчивости».⁴¹⁴

Очень может быть, что для математизации многих нематематизированных теорий нужна не новая математика, а новая аксиоматика.

⁴¹³ *Налимов В. В. Анализ оснований экологического прогноза // Вопросы философии. 1983. № 1. С. 115.*

⁴¹⁴ *Wheeler J.A. From Relativity to mutability // The Physicist Conception of Nature. Boston, 1973. P. 242.*

682

Принятие в качестве центрального критерия научности «эмпирической обоснованности», которая охватывает как «принципиальную наблюдательность», так и «опытную оправдываемость».

Требование принципиальной наблюдаемости неявно ввел А. Эйнштейн, который, подвергая критической оценке природу таких фундаментальных физических понятий и принципов, как «абсолютный покой», «дальнодействие» и др., продемонстрировал их «произвольный характер»,⁴¹⁵ отсутствие связи с экспериментом. Явным введением этого требования мы обязаны В. Гейзенбергу, который сформулировал запрет на использование в квантовой механике не имеющих там эмпирических аналогов классических понятий «орбиты», «траектории» и т. д. С течением времени это требование приобрело статус методологического принципа, «согласно которому понятия, относящиеся к различиям за пределами возможного опыта, не имеют физического смысла и должны быть элиминированы».⁴¹⁶

Спрашивается: каково реальное содержание этого принципа?

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Ведь, осуществляя проверку теорий с его помощью, «мы должны были бы отвергнуть все молекулярные, атомистические и электронные теории, ... теорию относительности, квантовую теорию... фактически была бы потеряна почти вся новая физика, а также огромная часть старой физики».⁴¹⁷

Проводит ли принцип наблюдаемости несостоятельный эмпирический идеал? Для ответа подчеркнем, что принцип наблюдаемости полисемантичен. Ему придаются трактовки: 1. Непосредственная наблюдаемость, означающая нахождение операциональных критериев и процедур выделения (определения) эмпирического смысла утверждений. 2. Принципиальная наблюдаемость, содержание которой сводится к обнаружению законов запрета, отрицающих возможность наблюдения объекта (например,

⁴¹⁵ Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. Т. II. С. 183.*

⁴¹⁶ Борн М. *Размышления и воспоминания физика. М., 1977. С. 163.*

⁴¹⁷ Lowinger A. *The Methodology of Pierre Duhem. N. Y., 1941. С. 168.*

683

любого противоречивого объекта). Недостатком этого требования выступает, пожалуй, то, что мы не знаем всех законов запрета, могущих ограничивать научный поиск. 3. Опытная проверяемость, сводящаяся к эмпирическому обоснованию гипотетико-дедуктивных теорий.

Узкоэмпирический, физикалистский идеал научности связан с абсолютизацией первого понимания наблюдаемости. Позитивное же содержание этого принципа состоит в требовании максимального обоснования ингредиентов естественнонаучной теории опытными данными. Всякое другое, например, буквальное понимание, когда «под этим принципом разумеют... исключение из теории всех ненаблюдаемых», ведет к бессмыслице.⁴¹⁸ Как подчеркивал А.Эйнштейн, «ни одна теория не смогла удовлетворить этим требованиям, и им вообще невозможно удовлетворить».⁴¹⁹

В уяснении природы принципа наблюдаемости как методологического императива следует руководствоваться двумя максимами: 1) «вопрос о принципиальной наблюдаемости величины никогда нельзя решить априори, но можно решать с точки зрения определенной теории»;⁴²⁰ 2) «в противоположность операционалистской точке зрения не существует универсального, одинакового для всех теорий критерия того, в каком случае утверждение должно рассматриваться как имеющее (или не имеющее) эмпирический смысл».⁴²¹

Под требования наблюдаемости подпадают не все и не всякие ингредиенты теории. Кроме того, наблюдаемое в одной теории может быть ненаблюдаемым в другой. В той же квантовой механике фигурируют ненаблюдаемые, не имеющие явного операционального смысла «волновая

⁴¹⁸ Борн М. *Физика в жизни моего поколения. М., 1963. С. 149.*

⁴¹⁹ Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. Т.П. С. 306.*

⁴²⁰ Планк М. *Картина мира современной физики // Успехи физических наук, 1929. Т. IX. Вып.4. С. 430.*

⁴²¹ Бицилли П. *Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919. С. 92.*

684

функция», «гильбертовы фазовые пространства» и т. д. В самом точном значении принцип наблюдаемости «относится к понятиям, которые в старой концептуальной схеме имели операциональный смысл (хотя бы косвенный) и утрачивают его в новой».⁴²² Таковы многие классические понятия, в дальнейшем подвергшиеся необходимому уточнению. Например, для экспериментирования с атомными явлениями в квантовой механике не отказываются от использования классических понятий, однако ограничивают их применение соотношением неопределенностей.

Требование опытной оправдываемости, означающее потенциальную экспериментальную верифицируемость (фальсифицируемость) систем естественнонаучного знания, выступает в роли их эмпирического критерия научности. Помимо эмпирических в естествознании используются и неэмпирические критерии научности. Если речь идет о «совершенно» новой теории, она должна удовлетворять требованиям когерентности — совместимости с апробированной на практике системой ранее накопленного знания. Если речь идет о взаимозамещаемых теориях, классы референтов которых частично пересекаются, новая теория должна удовлетворять требованию принципа соответствия.

Тем не менее, только опыт способен быть критерием истинности естественнонаучной теории.

4.4.3 Гуманитарное знание

Если быть строгим, надо признать: специализированной методологии гуманитарных наук, по своей разработанности, значительности, значимости сопоставимой с методологией наук естественных, невзирая на несомненные находки — проницательные мысли и обобщения немно-

⁴²² *Баженов Л. Б. Структура и функции естественнонаучной теории. М., 1978. С. 101.*

685

гочисленных теоретиков-энтузиастов, до сих пор не сложилось. Причиной тому небезызвестные обстоятельства. 1. Революционно-просветительская интенция на упорядочение мира понятием, образом с подменой социальных законов политическими. «Революция ослабила половое чувство... она направила энергию на другое», — абсолютно серьезно утверждал в 1924 г. на Пленуме ЦКК Ярославский. На другое — какое? Преимущественно на сознательное строительство жизни как мифа (ср. с трактовкой жизни как мифа Джойсом, Кафкой, апологетами сюрреализма). (В скобках заметим: сознательное творение мифов как специализированная гражданская задача есть полная и окончательная дискредитация просветительского практического разума, по поводу которого хорошо у Тютчева: самое бесполезное в этом мире — иметь на своей стороне разум.)

Мир — производное (скорее — жертва) властных решений (той же «всезнающей» «диктатуры пролетариата», как полагал К.Бутаев). Такую интерпретацию реалий, ничтоже сумняшеся, каких-нибудь 70 лет назад развивали:

— А. Кон: «Экономические законы действуют лишь там, там, где в области общественных отношений господствует стихия. При

плановом хозяйстве экономические законы не только подчиняются обществу, — они совсем устраняются, поскольку общественная жизнь носит здесь организованный (! — Sic. — *В. И.*) характер»;⁴²³

— А. Леонтьев с Е. Хмельницким: идея замены объективных социальных зависимостей «сознательно-телеологическими действиями общественного человека»;⁴²⁴

⁴²³ Кон А. «О новой экономике» Е. Преображенского. М., 1927. С. 8

⁴²⁴ Леонтьев А., Хмельницкий Е. Очерки переходной экономики. М., 1927. С. 97.

686

— А. Стецкий: отрицание наличия при разумно устроенном регулярном плановом социализме объективной не зависимой от нашей воли закономерности.⁴²⁵

2. Дегуманизация жизни, разрушение самооценности, самодостаточности человеческого существования. Засилье тоталитарного бюрократического механизма, сектантский административный диктат, этакратические принципы социально-политического устройства, отсутствие гражданского общества, обязательств государства перед индивидом, стереотипизация идейной жизни, насаждение ждановско-сусловской синодики, идеологическая поднадзорность и подцензурность, а также нечто глубоко родственное, идущее от устоев казарменного социализма, бывшего в нашей истории, буквально вытравили экзистенциальное начало, упразднили персонально-личностное в человеке. Там же, где последнего нет, руководством понимания человеческого служила чиновное умозрение и схемотворчество в духе заклинательно-нормативных декламаций, циркуляров, декретов, постановлений и передовиц, не оставалось места учету «несанкционированных», партикулярных интересов, намерений, стимулов и страстей, всяческих «эгоистических» (не в уничижительном смысле) побуждений и интенций, связанных с чувством «Я», с его гаммой отношений к действительности, к себе, к себе подобным, — там не было и не могло быть подлинной методологии гуманитарного.

3. Редукционизм, проявляющийся двояко: в попытках лишить гуманитарное знание статуса науки и попытках наделить его статусом, используя аналогии, заимствованные из других наук. В обоих слу-

⁴²⁵ См.: Стецкий А. Ленин и социалистическое планирование. М., 1933.

687

чаях налицо не критическая унификация знания на базе узкого абсолютизируемого идеала. Чтобы было ясно, о чем идет речь, сошлемся на тщания доказывать отсутствие специфики гуманитарного познания Д. Петрушевского, Е. Топольского и др.

Возможно, данные тенденции имели некий резон (в особенности, учитывая лучшую теоретико-методологическую разработанность «точных» наук), однако все же уместно спросить: много ли выиграла та же философия Спинозы от построения ее согласно правилам геометрического метода?

Иная линия — на самоопределение гуманитарного знания — подчас влечет гипертрофию его особенностей, противопоставление гуманитарных наук прочим. Ее воплощением озабочивались Шлейермахер, неокантианцы (баденцы), адепты философии жизни,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

франкфуртцы. В этом случае также имеет место редукционизм: тезис об отсутствии общности гуманитарного и естественного знания с одновременным признанием за последним статуса науки автоматически ведет к исключению из ее состава первого.

Издержки редукционизма слишком хорошо эксплицированы, чтобы уделять внимание его критике. Вместе с тем уместно акцентировать те сугубо отрицательные модуляции, которые вносил редукционизм, на методологическом уровне осложняя и без того сложную ситуацию становления суверенной метатеории гуманитарного.

Решительным образом преодолеть познавательные и социокультурные рогаки и препятствия в недавнее время пытался М.М.Бахтин, вклад которого в методологию гуманитарных наук переоценить трудно. Однако его усилия, к несчастью, остались в полной мере не реализованными: вследствие ряда причин Бахтину так и не удалось создать завершенной, цельной методологии гуманитарного знания.

Пожалуй, только теперь, с обновлением социально-политического и интеллектуального облика нашей жизни,

688

перефразируя Чехова, пропадает умышленность, осторожность, возникает свобода и способность писать как хочется, а стало быть, появляется творчество.

Раньше у нас наступали на человека. Теперь у нас подступают к человеку. Раньше разыгрывались драмы нестандартно, раскованно самоутверждающихся людей. Неизвестный, Шемякин, Солженицын, Бродский, Любимов, Тарковский... Всех ли упомнишь? Теперь, в обстановке культурно- и веротерпимости, обнажения вечных экзистенциальных тем у нас появляется спрос на оригинальную, неприказную духовность, на искания.

Через политизацию масс, экологизацию сознания, возрождение милосердия, сострадательности, через обострение внимания к собственной истории, опыту созидания жизни в иных странах, через укоренение гуманистических идеалов, диктуемых новым мышлением, оформляется широкое, пронизывающее все стороны общества гуманитарное движение, поднимающее на щит Человека.

Человек — самоценность и самоцель, высшая ипостась как органического, так и социального творения. Понимание этого обогащает наше существование доселе чуждым ему гуманитарным измерением, создавая благоприятные условия для деятельности теоретика-гуманитария.

Понять природу гуманитарного можно, лишь исходя из понимания специфики самоопределения человека, его деятельности. Сфера гуманитарного — сфера человеческой деятельности, в которой есть основания различать объективную и субъективную компоненты. Объективное — социально-исторические законы, действующие в обществе и определяющие поведение людей. Субъективное — индивидуальные интересы, намерения, словом, партикулярные интенции человека, который преследует в обществе свои цели, подбирая для этого кажущиеся ему оптимальными средства. Естественно, разведение объективного и субъективного в человеческой деятельности — плод сильного

аналитического приема. На деле социальные законы (объективное) и механизм их реализации в индивидуальной, «эгоистической» активности людей (субъективное)

689

неразделимы. Тем не менее препарирование деятельности человека плодотворно. Оно плодотворно в границах познания как отделенных от деятельности людей (хотя и данных в ней и через нее) социальных законов, так и мотивационно-смысловой, экзистенциальной стороны жизнедеятельности человека, разумеется, вписывающегося в своих проявлениях в сферы влияния социума.

Определяя семантическую канву гуманитарного исследования с учетом сказанного, возможно утверждать: опираясь на социально-политические закономерности, изучаемые в обществознании, гуманитарный анализ задается целью понять, постичь, осмыслить, воссоздать структуры мира человека во всем обилии форм их проявления и выражения.

Materia Humana. Начнем с уточнения понятия «гуманитарного». В различных контекстах в зависимости от целей, установок исследований фигурируют различные толкования этого понятия. Обзор таковых показывает: имеющиеся интерпретации сводятся к трем наиболее типическим. Первая — этимологическая — отождествляет гуманитарное с человеческим. Вторая, наметившаяся в Новое время и существующая по сегодня, полагает центральным процесс секуляризации духовной жизни человечества: исходя из противопоставления гуманитарного теологическому, связывает определенность первого с широко понятой «светскостью». Третья основывается на сопоставлении гуманитарного с альтернативным ему естественным; сущность первого в отличие от второго она сближает не с *materia naturata*, но с *materia humana*.

Каждая из интерпретаций правомерна. Однако для наших целей — уяснения природы гуманитарного знания, которое, как и любое предметное знание, «замыкается» на свою неповторимую реальность, — предпочтительнее третья. Действительно.

Первая интерпретация малопродуктивна ввиду синкретичности: причисление к гуманитарным вопросов в диапазоне от культуры до анатомии, во всяком случае, не содействует выявлению подлинно человеческого в человеке. Скажем, вполне понятна разница между гуманитар-

690

ностью «социальной природы человека» и гуманитарностью «биологической видовой природы человека». Одна говорит о признаках, которые специфичны только для человека; другая говорит о признаках, характеризующих человека как представителя отряда приматов.

Вторая интерпретация неэффективна с точки зрения эпистемологии: смешивая естественное, техническое и гуманитарное со светской образованностью вообще, она закрывает пути их познавательной спецификации.

Эпистемологические достоинства третьей интерпретации состоят в том, что она позволяет вполне адекватно понимать гуманитарное знание как знание о гуманистически-личностном в

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

человеке, ибо это определяется законами духовного производства и потребления и сосуществует в нем вместе и наряду с его физическими, физиологическими и прочими «определениями». По этой причине в качестве логичного шага из гуманитарного знания следует вывести медицину, инкорпорируемую сюда принятой ЮНЕСКО типологией наук, которая базируется на первой и, как было выяснено, непродуктивной трактовке гуманитарного как человеческого вообще.

Более сложен вопрос о разведении предметных сфер гуманитарного знания и обществознания, а также культурологии. Естественное толкование «обществознания» как знания о социальных структурах, учреждениях и институтах, а гуманитарного знания как знания о собственно человеческом в человеке показывает их неэквивалентность. Однако неэквивалентность не означает несовместимость. Реальное познание обнаруживает тесное взаимодействие между ними.

Будучи ассоциацией наук, исследующих социальные отношения в отдельности (политэкономия, политика, право, этика, эстетика, религиоведение) или в совокупности (история, философско-социологические доктрины общества), обществознание гуманитарно в той мере, в какой предусматривает учет субъективного фактора — рассмотрение человека как личности, носителя индивидуального.

691

Там, где представитель обществознания — историк, юрист, философ и т. д. — апеллирует к социально-политическим сущностям (факты, законы, зависимости общественно-исторического процесса), он выступает преимущественно как обществовед. Там, где он апеллирует к «миру человека» (мотивационные, ценностно-смысловые параметры, аспекты «фона личности»), он выступает прежде всего как гуманитарий.

Так, строя теорию, историк, разумеется, обращается к социально-политическим законам, действующим в обществе и определяющим поведение людей. Однако, поскольку история — не совокупность безликих «коллективных движений», но персонифицированных событий, на каком-то витке рассуждений историк вынужден прибегнуть к реконструкции некоего личностного их измерения. Учет общественно-закономерного в исторической теории делает ее объективной, учет индивидуально-личностного делает ее человеческой. Как видно, обществоведческое и гуманитарное взаимопроникаемы: без закономерного (общего) история выродилась бы в субъективизм; без личностного (особенного) она стала бы вульгаризованной в духе экономизма.

Аналогично устанавливается координация «гуманитарного» и «культуры». Культура истолковывается как такой феномен материального и духовного производства, который, представляя совокупность форм деятельности, ее объективаций, систему норм и институтов общественных взаимоотношений, выступает механизмом порождения и потребления благ и ценностей в ходе развития и самовоспроизводства человека как родового существа. Детальным анализом культуры во всех ее модусах и проявлениях занимается культурология. Собственно же гуманитарной стороной

культуры является человеческое бытие «второй природы». Иными словами, если культура выражает меру овладения человеком своими отношениями к себе, обществу, природе, то личностный смысл этих отношений как раз и будет составлять предмет гуманитарного знания. Именно здесь будут перекрещиваться векторы культурологического и гуманитарного исследования.

692

Проведенные уточнения позволяют развить позитивную интерпретацию природы гуманитарного. Понять ее можно, лишь исходя из представления характера самопроявления человека, его деятельности. Сфера гуманитарного — сфера жизнедеятельности, где есть основания различать объективную и субъективную компоненты. Объективное — социально-исторические законы, действующие в обществе и определяющие поведение людей. Субъективное — индивидуальные интересы, мотивы, намерения, словом, интенции человека, преследующего в социуме свои цели и подбирающего для этого кажущиеся ему оптимальными средства. Разумеется, разведение объективного и субъективного в деятельности — плод сильного аналитического приема. На деле социальные законы и механизм их реализации в индивидуальной эгоистической активности не разводимы. Тем не менее препарирование унитарной деятельности плодотворно. Оно плодотворно в границах познания как отделенных от деятельности людей (хотя данных в ней и через нее) социальных законов, так и мотивационно-смысловой экзистенциальной активности, вписывающейся (ламинарные периоды истории) либо не вписывающейся (турбулентные фазы истории, вызванные волюнтарными интервенциями в жизнь) в сферы закономерного.

Предмет гуманитарного знания — человечески значимый и значащий материал, личностные измерения объектов, их «судьбоносность». Вещь может стать гуманитарной в случае сопряжения с ней человеческих ценностей, свойств, качеств. По отношению к человеку, по способности воплощать в себе, «излучать» из себя человеческое, по степени замкнутости на человека, собственно, и проводится разграничение гуманитарного и негуманитарного. Интенсивно предмет гуманитарного знания образует вещь, так сказать, самонетождественную, превосходящую свои физические пространственно-временные пределы. Вещь потому не равна себе самой, наделена человеческим смыслом: она воплощает вне- и сверхприродные значения, относящиеся к самоопределению человека, его самодеятель-

693

ности. Вещь, следовательно, берется не в форме объекта, а субъективно, что и позволяет выделять в ней специфически человеческие значения и предназначения, квалифицировать ее как гуманитарный объект. Скажем, «Сикстинская Мадонна» Рафаэля как таковая не гуманитарный, а материальный объект. Она перестанет быть материальным, становится гуманитарным объектом, когда воспроизводит или порождает в нас человеческие возможности, которых в нас не было до контакта с ней; возможности видения, понимания и т. д. «чего-то в мире и в себе, а не в самой этой картине: картина в этом смысле не изобразительна, а конструктивна».⁴²⁶

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Экстенсивно предмет гуманитарного знания образует широкий спектр феноменов, выражаемых понятием «мир человека», куда входит все актуально и потенциально переживаемое, выстраданное, индивидуально значимое. Это — интенции, ценности, значения, смыслы, интросубъективные и аутокоммуникативные отношения, детерминированные сенсорным, топогностическим и прочими уровнями сознания; текущее настоящее, прошедшее прошлое, открытое к протеканию будущее, данные в памяти, эмоциях, душевных порывах, всех расположенностях и предрасположенностях, которые конструируют и конституируют мир из «субъективной спонтанности»; в более общей форме это — целостный континуум реальности, составляющий достояние и внутреннее богатство индивида.

Гуманитарное знание, следовательно, есть знание о том, что не укладывается в «точную» науку в принятом понимании слова. Оно есть знание о чисто экзистенциальных ценностях, всей внутренней сложности личности с ее многочисленными потребностями, самовыражением и самореализацией; оно есть знание о всех приоритетных проблемах человека и человечества, какими являются духовные проблемы, лежащие в границах самоотречения, самоуважения, самопознания, самопреобразования, самоосу-

⁴²⁶ *Методологические вопросы историко-научных исследований. М., 1982. С. 47.*

694

ществления и подпадающие под столь фундаментальные аксиологические начала, как Истина, Добро, Красота, Польза.

Объект гуманитарного знания. Познание в сфере гуманитарного апеллирует не к природной сущности вещи, а к ее смыслу. Последнее определяет ряд особенностей концептуальной репрезентации предмета гуманитарного знания в форме его объекта. Во-первых, оно обуславливает его более мобильный, гибкий статус. В противоположность объекту естествознания объект гуманитарного знания в гораздо меньшей мере стеснен внутренней сущностью, само его существование как объекта (смысла) есть дериват некоего априорного относительно него принципа осмысления, порождающей семантической модели. Во-вторых, оно обуславливает его двойственную сущность. Дело в том, что сущность объекта гуманитарного знания складывается, с одной стороны, из понимания некоторого знака как достояния человеческого, а с другой — его декодирования, расшифровки, т. е. из конструктивного понимания-истолкования. Объект знания здесь, таким образом, есть смысловая реальность, которая развертывается при контакте с фрагментом реальности как конструктивная оценка и переоценка сопрягаемых с ним личностных ценностей и смыслов.

Отсюда вытекает: объект гуманитарного знания образует не пространство эмпирически-фактуальных данностей, а пространство человеческих значений, ценностей, смыслов, возникающих при усвоении и освоении культуры.

Задачи гуманитария. В пределах гуманитарного знания мир задан человеку не вещно-натуралистическим, а духовно-смысловым образом как ценностная сущность, подлежащая пониманию и истолкованию. Собственно это и определяет основные задачи гуманитария: ценностно окрасить мир, наполнить его смыслом,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

сделать сопричастным человеку (экзистенциальный аспект) и общечеловеческой культуре (культурологический аспект).

Законы гуманитарных наук. Закон есть существенная, необходимая, повторяющаяся связь явлений объективного мира. Его чертами выступают:

695

1) имплицативность. Закон представляет условное предложение вида $\forall x(P(x) \rightarrow Q(x))$. Последнее означает, что для всех индивидных переменных $x_1 \dots x_n$ справедливо утверждение: если $x_1 \dots x_n$ присуще P , им присуще Q ;

2) универсальность. Закон есть утверждение максимальной общности, соответствующее предметам данного типа;

3) номологичность. Закон фиксирует необходимую связь, вытекающую из сущности предмета. Именно по этому основанию проводится граница между собственно законами и универсальными акцидентальными утверждениями, не имеющими статуса законов. Достаточных формально-логических рецептов демонстрации номологичности не существует; достаточным критерием номологичности является совокупная общественно-историческая практика;

4) пространственно-временная интервальность. Закон действует в соответствующих условиях, пространственно-временных границах. Так, простейшие физические законы удовлетворяют накладываемым однородностью и изотропностью пространства условиям симметрии и могут записываться лишь одним из трех дифференциальных уравнений — уравнением Пуассона, уравнением теплопроводности, волновым уравнением. Варьирование условий меняет проявление закона вплоть до упразднения. Переход к неоднородному и неизотропному пространству, к примеру, деформирует законы физики.

Существуют ли законы гуманитарных наук, соответствующие понятию закона? Множество взглядов, возникших как результат рефлексии вопроса, возможно упорядочить в два русла.

Одно русло — субъективизм. Его сторонники отрицают существование законов гуманитарных наук, гносеологически жестоким образом противопоставляя их законам естествознания. В каче-

696

стве решающего приводится аргумент уникальности (Дройзен), неповторимости (Дильтей) и т. д. гуманитарных явлений (процессов, событий, отношений).

На это целесообразно заметить следующее. Онтологические параметры гуманитарного материала выдерживают испытание на соответствие закону: наличие стандартных духовных (этических, эстетических, поведенческих, аксиологических и т. д.) ориентиров, идеалов, образцов и т. д. позволяет констатировать здесь существенные, необходимые, повторяющиеся, инвариантные, т. е. законосообразные связи и отношения...

К примеру, проблема счастья — уникальна: она индивидуально окрашена, глубоко личностна, неповторима и т. д. Однако, принимая во внимание реальность неких однотипных требований, задающих жизненную основу человеческого общежития в виде весьма стандартных инструкций относительно оптимальной реализации человеком его природных, социальных начал и

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

потенций — гедонистическая моральная, эстетическая и т. п. орнаментация жизни, — можно утверждать, что проблема счастья имеет довольно универсальное решение. Другими словами, каждый, решая проблему по-своему, в конечном счете приходит к одному из уже выработанных человечеством и в этом смысле общих решений. Следовательно, инварианты есть и в области гуманитарной.

Другое русло — объективизм. Его адепты решают вопрос о существовании законов гуманитарных наук на пути редукционизма. Наличие автономных законов гуманитарных наук отвергается; признается наличие законов более «фундаментального» уровня, которые «задают» законосообразность гуманитарных явлений. Таковы в многообразии идейных ветвлений натурализм (биологизм, фрейдизм), социологизм (экономизм), географический детерминизм и т. д., предусматривающие введение в материю гуманитарного своего рода скрытых параметров. Издержки линии, прибегающей к такому приему, хорошо известны: это вульгаризация, фатализм, искажающие объективную картину.

697

Таким образом, в вопросах онтологии, т. е. тех объективных предпосылок, которые обеспечивают возможность номологичности гуманитарного материала, следует проявлять сугубую тщательность во избежание как субъективизма (актуализма), так и объективизма (вульгаризаторства, фатализма).

Познавательная специфика законов гуманитарных наук определяется целями и задачами, стоящими перед сферой гуманитарного знания в целом.

Гуманитарий движется в ценностно-смысловых, а не вещно-натуралистических связях. Гуманитарный объект внеприроден — вынесен вовне природного бытия в мир человечности, многообразных межсубъективных отношений, которые постигаются не непосредственным наблюдением и созерцанием, а реконструкцией оснований, форм человеческой деятельности, проникновением в суть характера, способа ее организации.

Описание мира человеческой субъективности со стороны сущности достигается путем апелляции к двум типам законов: обществоведческим, отвечающим общесоциологическому критерию повторяемости, — законам культурно-исторического процесса и экзистенциальным, данным в научно-психологическом анализе личностных характеристик в строгом соответствии с реалиями эпохи. Данные законы — основа постижения того, что делает мир человеческим миром, а также того, что раскрывает меру нашего собственного человеческого развития. Эти законы, по которым устанавливается связь культур, достигается возможность взаимопонимания, в отличие от известных археологии мостообразующих законов были названы нами «мостонаводящими».⁴²⁷ В их основе — то, что актуализация реальных потенциалов, заложенных в каждом из нас соответственно нашему темпераменту, субъективным желаниям, укладывается в некие ключевые, вполне стандартные начала, к которым еще Аристотель относил дей-

⁴²⁷ См.: Ильин В. В. О специфике гуманитарного знания // *Вопросы философии*. 1985. № 7.

698

ствие, язык, чувство жизни. В законах развития и функционирования действия (труд, а также прочие взаимодействия людей в обществе), языка (универсальное средство категоризации явлений), чувства жизни (стремление к самореализации, максимальному удовлетворению потребностей) возможно вычленил некую ось — общность практического, духовного, экзистенциального освоения мира, что выражается в общих правилах творения себя и друг друга. Она-то, эта общность, и позволяет наводить мосты между уникальными личностями, культурами, адекватно воссоздавать их интимные черты, признаки. Основные идеи гуманитарного исследования, собственно, вращаются вокруг данных фундаментальных начал, которые задают единую канву оценки самопроявления человеческого.

Насколько надежны, точны, строги законы гуманитарных наук? Поскольку относительно обществоведческих законов, удовлетворяющих соответствующим стандартам, вопрос остро не встает, исследуем особенности экзистенциальных законов.

Причины неоднозначности подобных законов, как указывалось выше, определяются тем, что материя их — ценностно-смысловая, мотивационная формация — жестко не детерминирована. Однако это не влечет произвол, релятивизм, субъективизм исследования. Существуют вполне объективные основания, которые, вопреки убеждениям иррационалистов, конституируют непроблематизируемый базис гуманитарного познания. Мы имеем в виду:

1. Требование привязки структур внутреннего мира к объективным условиям, принципам жизнедеятельности человечества, которые выступают как их (структур) детерминанты. Хотя кажется человеку, что определения его внутреннего мира помимо внешнего мира взяты от него независимо, на деле они порождены внешним миром. Поэтому неправы те, кто апеллирует лишь к индивидуальному вживанию, эмпатии, сопереживанию как средству проникновения в мир другого «Я».

699

2. Требования историзма, конкретности, всесторонности, объективности подхода, отсекающие возможность предвзятых модернизаций и архаизаций и гарантирующие правдивость, глубину анализа. Инструмент познания гуманитарных наук — понимание — не произвольная исследовательская обработка и переработка оригинала. Как подчеркивает М. М. Бахтин, «нельзя понимать понимание как вчувствование и становление себя на чужое место (потеря своего места)... нельзя понимать понимание как перевод с чужого языка на свой язык». Понимать так, как понимал автор, и самообогащаться авторским пониманием — познавательное кредо гуманитария.

3. Индивидуализация, персонификация, идиографизация в гуманитарном знании не равны субъективизации. Субъективизм — неглубокая, исторически неоправданная интерпретация гуманитарных явлений. Предел гуманитарного поиска — «не Я, а Я во взаимоотношениях с другими личностями, то есть Я и другой Я, Я и ТЫ».⁴²⁸

Учет авторского социально-исторического и духовно-

экзистенциального измерения кладет предел субъективизму в виде преодоления чуждости чужого без превращения его в чисто свое (подмены всякого рода, модернизация, неузнавание чужого и т. п.).⁴²⁹

4. Апелляция к таким закономерностям (социально-исторического процесса) и принципам (межличностной коммуникации, труда и т. д.), которые обеспечивают идентификацию гуманитарного материала, его общезначимую рационализацию, теоретизацию. Такая апелляция возможна там, где, как, например, в социологии, уникальные инди-

⁴²⁸ Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. М., 1979. С. 370.

⁴²⁹ Там же. С. 371.

700

виды идентифицируются по некоторым типологическим параметрам. Там, где она невозможна, как, скажем, в случае, когда один человек не может стать на место другого, когда требуется целостная и неповторимая личность человека, обращаются к традукции по принципу: если хочешь знать себя, изучай других, если хочешь знать других, изучай себя, а также к иноточнонаучным способам познания — гуманитарной интерпретации и реконструкции «индивидуальной каузальности», которая представляет форму понимания другого на базе понятия «своего другого» и «другого своего». В этих случаях также удастся найти интересубъективную основу рациональной идентификации гуманитарного материала.

Сказанное позволяет добиться адекватности, глубины понимания мира другого «Я», что в итоге способствует решению стратегических задач познания в сфере гуманитарных наук: 1) постичь природу, смысл человеческой деятельности; 2) вписать ее в современность.

Понимание не связано с истинностными оценками. Включение же понятого в контекст современности сопровождается активной оценочной деятельностью, предполагает истинную оценку соответствующим образом истолкованных гуманитарных ценностей — истолкованных с позиций господствующих в современности идейных установок, которые преломляются в социальных, гражданских, личностных позициях исследователя. В той мере, в какой санкционируемые обществом оценки гарантируют историческую правдивость, реалистичность и т. п., результаты познания гуманитарных объектов адекватны.

Оценочная деятельность адаптирует гуманитарный материал к конкретным историческим условиям, где на передний план выдвинуты специфические ценности, отвечающие определенности этих условий. Последнее обуславливает характерные для гуманитарных наук «видения», «переоценки» и т. п.

701

К примеру: почему неоднократно переиздававшаяся в период Великой Отечественной войны повесть Лескова «Железная воля» практически не издается в наше время? В известной мере это поддается объяснению благодаря апелляции к так называемому «малому времени». Лесковская повесть о немце «подсобила нам в страшный час. Ушла в прошлое война — ушла повесть из непосредственного арсенала».⁴³⁰ Непосредственный арсенал — это

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

актив культуры, изменение реалий которой движет динамикой ее актива. Последнее конкретизирует тезис двумерности объектов гуманитарного знания. С одной стороны, они — продукты эпохи, что характеризует их принадлежность к «малому времени», с другой, они — продукты сверхэпохальные, что определяется наличием в них не замкнутого на эпоху общечеловеческого содержания, которое переосмысливается под действием ценностей и оценок, и что характеризует их принадлежность к «большому времени».

Сфера приложения гуманитарного знания — мир человека, человеческая культура. Познавательные качества гуманитарных наук измеряются в терминах не технико-утилитарных, но гуманитарно-преобразовательных.

Возможность воздействовать на человека, изменять, целенаправлять, одухотворять, преображать моральные, правовые, экзистенциальные, идейные его измерения, способствуя общему гуманитарному росту, — высшее мерило познавательных качеств гуманитарного знания. Поскольку же наличие этих качеств есть результат адекватного познания на основе обнаружения законов, чему способствует планомерное развитие методологического самосознания, рефлексия проблемы законов гуманитарных наук представляется актуальной.

Структура гуманитарного знания. Структуру гуманитарного знания, как и структуру других наук, составляют факты, законы, утверждения относительно фактов и законов, конструкты, идеализации, интерпретации, аппарат логики, предназначенный для аргументации, и т. п. Специфи-

⁴³⁰ *Новый мир. 1985. № 8. С. 240.*

702

ка этих элементов задается особенностями фактуального и концептуального базисов гуманитарного знания.

Фактуальный базис образует множество объектов, взятых в аспекте их ценностно-смысловой выразительности. Как указывалось, интерес гуманитарного поиска направлен не на натуралистические свойства вещи, а на те ее специфические свойства, которые позволяют вещь считать объектом не природы, но культуры: эти свойства вещь обретает в процессе очеловечения, гуманизации, в ходе мысленно-духовного освоения, преобразования. Последнее придает вещи идеальную, ценностно-смысловую форму, соответствующую реальному месту и положению индивида в мире, его исторически конкретному общественному бытию.

Смысловая детерминация, ценностная причинность — те познавательные приемы, которые отличают поиск гуманитария. Гуманитарий берет вещь, действительность в круге целей, намерений, побуждений, ориентаций человека, т. е. берет их как события человеческой жизни, как нечто соразмерное и соизмеримое с сугубо человеческим.

Суть дела, таким образом, заключается в том, чтобы вещную среду, воздействующую «механически» на человека, «заставить заговорить, то есть раскрыть в ней потенциальное слово и тон, превратить ее в смысловой контекст мыслящей, говорящей и

поступающей (в том числе и творящей) личности».⁴³¹

Вспомним горьковское: «море смеялось». Может ли море смеяться как объективное, натуралистическое явление? Ответ очевиден: смех моря — человеческий смысл-образ, в этом своем значении передающий состояние «мира человека» (при восприятии моря) и, значит, обладающий гуманитарностью.

Специфику концептуального базиса гуманитарного знания помогает выяснить подчеркивание роли оценочных актов — процедур, осуществляющих оценку, отнесение к

⁴³¹ Бахтин М. М. *Цит. соч. С. 366.*

703

ценностям в рамках реализуемого познания. Они позволяют не просто понять (задача интерпретации), но вписать гуманитарный материал в современность. Привнося дополнительный контекст, окутывая явление «музыкой интонационно-ценностного контекста», в котором оно понимается и оценивается (конечно, контекст этот меняется по эпохам восприятия, создавая новое звучание явлению⁴³²), давая простор нормативно-оценочным суждениям, эти процедуры обновляют явление, придавая ему статус современно-значимого. Отнесение к ценностям, наличие оценок определяют неизбежно социальный характер гуманитарного знания и связанную с этим полисемичность фактов, неоднозначность истины и т. д.

Специфической направленностью познания в гуманитарных науках является рациональная реконструкция помыслов, побуждений, намерений, прочих данностей мира личности, вызываемых к жизни тем, что Коллингвуд именовал ситуационной мотивацией — при наличии *causa quod* (достаточных причин) и внутрисубъективной интенцией — при наличии *causa ut* (целевой причины).

То, что может быть осмыслено в гуманитарном познании действием социально-исторических законов и зависимостей, подпадает под апеллирующее к ним дедуктивно-номологическое «объяснение». То же, что не может быть объяснено действием законов и зависимостей, подпадает под мотивационно-смысловое «понимание». В этой своей функции понимание представляет процедуру, применяемую в познании сугубо гуманитарных явлений. Ее, эту процедуру, не следует, однако, квалифицировать как иррационалистический акт, эмфатическое постижение-вживание. Эмфатический элемент здесь хотя и присутствует, но ни в коем случае не является основным, а тем более исчерпывающим суть дела.

Возможность понимания гуманитарного материала обусловлена зависимостью жизнепроизводства от истории-

⁴³² Бахтин М. М. *Цит. соч. С. 369.*

704

ческих условий, определяющих характер обработки людьми друг друга, обмена деятельностью, уровня развития их истинной природы.

Понимание, т. е. реконструкция личностных измерений объективаций деятельности, осуществляется в контексте учета общественной практики, очерчивающей их (объективаций) смысловой потенциал и способствующей адекватности его (потенциала) раскрытия. По этой причине понимание — не
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

профетический, не авгуровский (Шлейермахер) акт; не замыкается на данную во внутреннем опыте реальность переживаний (Дильтей); не есть мистическое перенесение смысловой связи из чужого мира в собственный (Гадамер). Понимание базируется на привязке объектов мира человеческого бытия к общественному целому, на фоне которого разворачивается деятельность индивида.

Конкретно понимание реализуется «или путем вхождения в знаковую ситуацию герменевтического отношения, или путем конструктивного освоения объекта, или через его эмоциональное переживание».⁴³³ Первое производно от того, что «объекты мира человеческого бытия, вещи выступают как голоса значений информационно-знаковых моделей действительности и тем самым вовлекаются в герменевтическое отношение понимания»; второе заключается в переконструировании (с использованием ассоциативных связей) гуманитарного материала «в контексте нового опыта»; третье состоит в переживании смысла гуманитарного предмета «путем воссоздания узловых моментов ситуации, в которой он возник».⁴³⁴

Как видно, понимание, т. е. вписание объектов понимания в систему индивидуальных и общественных смыслов, рационально. Оно основано на реконструкции инвариантных структур, данных в значениях следов челове-

⁴³³ *Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982. С. 34.*

⁴³⁴ *Там же. С. 36-41.*

705

ческой деятельности, которые закрепляются социально-исторически.

Проблема языка. Язык теории — ее способность оперировать теоретическими объектами, конструктами, идеализациями и т. д., материализованными в знаках. Гуманитарный анализ располагает языковым фондом — специальными понятиями, терминами, позволяющими осуществлять познавательные функции относительно осваиваемого в нем предмета. М. М. Бахтин обогатил гуманитарный словарь «диалогичностью», «полифоничностью», С. С. Аверинцев — «символогичностью», структуралисты — «типологичностью», «структурностью», эволюционисты — «становлением», «генетической связью» и т. д. Между тем о наличии какого-то стандартного общепринятого языка говорить рано. Его выработку осложняет, что в отличие от естественного гуманитарный материал индивидуализирован, плохо структурируем, типологизируем, что затрудняет его унификацию, категоризацию, артикуляцию.

Язык гуманитарной теории расслаивается на два фрагмента. Один состоит из понятийного фонда обществознания — используемые в гуманитарном знании модели, концептуализации экономики, юриспруденции, социологии, философии и т. д., предназначенные для объяснительной деятельности. Другой включает терминологический арсенал теории культуры, антропологии, психологии и т. д., предназначен для герменевтической деятельности. Первый достаточно отработан, строг, точен. Второй только начинает складываться.

Упорядочение языка, образующего второй фрагмент

лексического фонда гуманитарного знания, осложняет наличие иррационалистических традиций в трактовке его, так сказать, гносеологического призвания. Иррационалисты полагают, что применение языка к гуманитарному материалу препятствует реализации основной задачи гуманитария — воссоздать, понять уникальный внутренний мир человека. Общезначимый язык, на их взгляд, разрушает индивидуальное, затрудняет самовыражение, заставляет испытывать безличие, что вызывает противоречие

706

цели (выразить уникальное) и средства (выразить его при помощи универсального языка) в рамках деятельности гуманитария.

Тезис иррациональной уникальности гуманитарного материала представляется искусственным. Во-первых, всякое уникальное включает элемент универсального. Даже, казалось бы, максимально индивидуализированные суждения вкуса типологизируемы, генерализуемы, о чем говорит возможность квалифицировать некий вкус как хороший или дурной. Во-вторых, в полной мере уникальное, т. е. никак и ни с чем не идентифицируемое, — нерационально, невыразимо. Так что акцентация уникального иррационалистами чревата уничтожением выразительных средств вообще, означает, в сущности, пропаганду безмолвия.

На деле использование языка в сфере гуманитарной теории не ведет к деперсонализации исходного материала. Этот материал просто требует адекватной лексики, одновременно передающей индивидуальное и достигающей универсального смыслового единства.

Поскольку создание языка науки не предшествует разработке, а совпадает с разработкой науки, постольку лучший способ развития языкового фонда гуманитарной теории — позитивные искания.

Математизация. Оценка специфических ценностей, позволяющих человеку быть человеком, располагаться по эту сторону духа, отношений гуманитарности, деликатность, если угодно, «неуловимость» гуманитарного материала значительно затрудняют математизацию гуманитарной теории. Здесь не может быть нивелировки, подведения под единый знаменатель, обезличения. Вообще трудно «лучше — хуже» выразить через «меньше — больше». В исследовании многомерного мира человека много места отводится установлению «дискретных отношений», т. е. факторов, для которых нарастание степени несущественно; важно, имеется ли структура или ее нет. (Так, совести не может быть много или мало. Она либо есть, либо нет.) По этой причине формулировки гуманитарной теории не квантитативны.

707

Препятствует математизации гуманитарного материала и обилие случайных, спонтанных, неподконтрольных факторов, трудность их изоляции, локализации. Радикальными представляются неформализуемость, неалгоритмичность, немеханизируемость и т. п. оценок гуманитарного материала.

Все эти приемы исходят из допущения тождественности, равнозначности единиц расчета разных переменных в разных условиях, однако последнее не проходит: как подчеркивал Бахтин, чем глубже личность, т. е. чем ближе к личностному пределу, тем неприложимее генерализирующие методы — генерализация,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

формализация стирают границы между гением и бездарностью.

Между тем, хотя связи, исследуемые гуманитарием, не количественные, а ценностные и их математизация крайне затруднена, если не сказать проблематична, принципиальных запретов на математизацию гуманитарного не существует. В настоящее время математические методы исследования вторгаются в гуманитарное знание через обществознание, где в оценке, планировании, прогнозировании широко применяются статистика, регрессионный анализ, моделирование и др. Известные перспективы математизации гуманитарного открывает и теория нечетких множеств Л. Заде.

Эксперимент. Иррационалисты отрицают возможность эксперимента в гуманитарной теории. На это, в частности, работает их противопоставление *experimentum* в естествознании *experientia* в гуманитарном знании. Первое есть деструктивное преобразование ситуации, связанное с вмешательством искусственных средств воздействия на предмет познания. Второе же считается свободным от этого недостатка, предполагая недеформирующее предмет освоение его «изнутри» — методами вживания, сопереживания. Оценка правомерности данного противопоставления требует специального анализа. Для наших же целей достаточно отметить следующее. Тезис невозможности эксперимента в гуманитарном знании фактически является декларативным: он просто-напросто не обоснуется. Эксперимен-

708

тальные методы исследования вторгаются в гуманитарный поиск через обществознание. Тестирование, опросы, изучение общественного мнения, анкетирование, модельное экспериментирование и т. д. весьма действенны, эффективны в познании гуманитарного материала: положить им какие-то заведомые пределы в экспансии в данную сферу невозможно. Нацеленность же эксперимента в гуманитарной теории должна определяться задачами раскрытия человеческой природы рассматриваемых феноменов, показом их принадлежности к миру личности. Поскольку мир человека сам по себе крепится на наличии многочисленных intersубъективных, коммуникативных, ценностных, смысловых и других связей и детерминаций, постольку эксперимент, базирующийся на их учете, вполне возможен; его особенность — в способности служить орудием проникновения в тайники интимно человеческого.

Теоретизация. Теоретизация — концептуальное моделирование подлежащего познанию предмета. Предпосылкой успешной теоретизации является наличие эмпирического (совокупность данных опыта, индуктивных законов) и теоретического (совокупность идей, ранее наработанных в данной науке) базисов. Роль эмпирического базиса в гуманитарном знании сводится к доставлению фактического материала (данные для теоретизации), а также к осуществлению проверки теоретических моделей, конструкций. В принципе ввиду крайней подвижности, расплывчатости эмпирического базиса гуманитарной теории его функции довольно пассивны. Роль теоретического базиса гуманитарного знания более весома, значительна: он полностью

владеет монополией на генерацию идей, теорий.

К сожалению, фундаментальные теоретические идеи, как правило, инкорпорируемые в гуманитарный анализ из иных наук, не способствовали прогрессу теоретизации гуманитарного материала. В частности, выяснилась крайне низкая эвристичность, с одной стороны, субъективистских установок иррационалистической антропологии, психоанализа, а, с другой, — объективистских, вульгаризаторских установок натурализма, биологизма, экономиз-

709

ма. Перефразируя известную мысль, можно сказать: внедрение этих установок, перенесение связанных с ними понятий на почву гуманитарного порождает лишь фразу.

Адекватные принципы теоретизации гуманитарного материала, на наш взгляд, заключаются в использовании как аппарата обществознания — особенно в той части, которая призвана (на социально-политическом уровне) давать объяснение явлениям гуманитарного рода, так и аппарата герменевтики — особенно в той части, которая призвана (на мотивационно-смысловом уровне) давать понимание этих явлений.

Сигнатура. Сигнатура гуманитарного знания как автономной отрасли знания такова: $\Omega = \langle S- S, Int, Nv, L \rangle$, где:

$S — S$ — множество знаков-символов, образующих фактуальный базис теории. Введением этого компонента подчеркивается, что интерес гуманитария направлен не на материальную, а на духовно-смысловую реальность. Знак-символ поэтому не материальный предмет, а предмет, несущий символически-ценностно-смысловое отношение; указывая на подобное отношение, он всегда выразителен, полифоничен. Наличие $S — S$ определяет разнопричинность — способность одних и тех же факторов в схожих условиях приводить к разным следствиям. Представление об $S — S$ уточняет задачу, нацеленность поиска в сфере гуманитарных наук, а именно: он заключается в том, чтобы по фрагменту реальности реставрировать, воссоздать картину духовного мира человека.

Int — множество герменевтических актов, обеспечивающих осмысливание, наделяющих значением, удостоверяющих ценностный статус объектов гуманитарных наук.

Nv — множество нормативно-ценностных процедур, осуществляющих оценку гуманитарного материала. Nv позволяют не просто понять (задача Int), но вписать гуманитарный материал в современность. Привнося внеситуативный контекст в осмысление исходного фрагмента реальности, давая простор нормативно-оценочным суждениям, Nv актуализируют данный фрагмент, придавая ему статус современно значимого. Наличие Nv — отнесение к

710

ценностям, нормативная оценка — определяет неизбежно конъюнктурный характер гуманитарного знания и связанную с этим полисемичность фактов, неоднозначность, многоликость истины.

L — множество логических средств, используемых в гуманитарном знании.

Исходя из того, что гуманитарное знание образует множество предметно специфицированных теорий (Ts), описываемых Ω , а

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

также учитывая роль (*L*) — средства обоснования положений и (*A*) — атрибутивного поиска отнесения к ценностям, структура гуманитарного знания выражается формулой $\langle \Sigma Ts; A; L \rangle$.

Гносеологические особенности гуманитарного знания.

Непосредственная привязка к культурно-личностной онтологии, выступающей предметным базисом гуманитарности. В той части, где гуманитарий выясняет определенность общественного бытия, формирующего структуры мира индивида, он обращается, как отмечалось, к базисным общественно-историческим законам. В той части, где гуманитарий стремится понять эти структуры, он обращается к «мостонаводящим» законам, выражающим инвариантное в человеке как носителе гуманитарности, как личности.

Поступок как некое социальное действие есть объект исследования обществознания (социология, юриспруденция). Поступок как акция, реализующая цель, наполненная смыслом, который нужно постичь взаимодействием двух сознаний, есть объект исследования гуманитарного знания.

М.М.Бахтин отмечал: «Вещь, оставаясь вещью, может воздействовать только на вещи же: чтобы воздействовать на личность, она должна раскрыть свой смысловой потенциал, стать словом, то есть приобщиться к возможному словесно-смысловому контексту».⁴³⁵ Смысловая детерминация, ценностная причинность — те антивещно-ан-

⁴³⁵ Бахтин М. М. *Цит. соч. С. 367.*

711

тинатуралистические формы связи, которые специфичны исключительно для гуманитарного знания.

В качестве эффективного средства познания используется «понимание». Понимание — коммуникативно-смысловой процесс, результатом которого является возможность истолкования, интерпретации объекта, надления его смыслом. Понимание — универсальный познавательный процесс, имеющий место во всех отраслях науки.

Гносеологическую основу понимания образуют: а) идентификация компонентов герменевтического отношения; б) общность категориальных смыслов, определяемая общностью фиксируемых ими объективных связей. Глубинный базис понимания конституирует человеческая деятельность: каждый в состоянии понять то, что понимают другие, представив это объектом и продуктом своей деятельности. Возможность понимания гуманитарного материала задают постулаты:

1. Человек — существо разумное: его поведение, подчиненное вполне объективным законам, зависимостям, может быть освоено рационально.

2. Так как рациональное познание — идентификация, обеспечиваемая наличием стабильных структур, существует общность элементов субъективной реальности; в ее основе — человеческие потребности, черты жизни, отображающие адаптационное становление человека; эти потребности, черты всегда могут быть выделены как объективные инварианты, которые действительны, пока человек остается человеком; позволяя спрягать

прошлое с настоящим, общечеловеческое с глубоко личным, они лежат в фундаменте рационального идентифицирующего познания гуманитарного материала.

Постулаты не могут быть выведены из теории: они — практические. В фундаменте возможности понимания гуманитарного материала — инвариантность структур материально-практического и духовного освоения мира, что задает своего рода предметно-культурную интерсубъектив-

712

ность, универсальность онтологической основы, базис несомненности человеческого общения.⁴³⁶ Благодаря этому базису, определяемому через культурную предметность цивилизации, оказывается возможной «презумпция услышанности» в той полифонии вопросов и ответов, какую создает культурно-исторический процесс.⁴³⁷

Понимание мира человека — рационально. Оно есть реконструирование не душевных, а духовных явлений. Будучи знанием, гуманитарное знание имеет дело с объективно-логическим (смысловым) измерением гуманитарного материала, при необходимости реставрируя по нему и субъективно-психологическое (переживаемое) его измерение. В гуманитарном познании понимание — рационально, общезначимо, оно связано с таким приобщением к смыслам человеческой деятельности, когда сознание начинает резонировать в вещах, а вещи выступают как вещание, раскрывая свой смысловой потенциал, удостоверяемый культурно-историческим, социальным опытом.

Отсутствие точности, присущей «точным» наукам. Последнее обусловлено как онтологическими (предметными), так и гносеологическими (концептуальными) причинами.

Онтологические причины отсутствия точности гуманитарного знания определяются тем, что гуманитарный предмет — самоизбыточное, выразительное, говорящее, ценностно-смысловое бытие, его самораскрытие не детерминировано натуралистически (механически). Естественно, бытие остается бытием, но несет символ, смысл, оно ценно не своей натуралистической вещностью, а символичностью, смысловой нагруженностью. Смысл — субстанция не материальная; смысл не изменяет, но видоизменяет бытие, он — сильнее всякой силы меняет тональность бытия, не меняя ни йоты в его действительном (вещном) составе. В результате бытие разворачивается в определенные ракурсы, позиции, становясь позиционно-преображаемым, полифоничным, многоликим.

⁴³⁶ *Понимание как логико-гносеологическая проблема. С. 34.*

⁴³⁷ *Там же.*

713

Гносеологические причины «неточности» гуманитарного знания сводятся к наличию:

1. Диалогичности, определяемой встречной активностью субъекта. Гуманитарный познавательный акт — встреча двух субъективных миров, двух сознаний — «авторского» и «реципиент-акцепторского». Отличительной чертой последнего является творческая сущность: реципиент-акцептор не может быть пассивным — он включен в познавательное отношение как соавтор,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

поэтому продукт гуманитарного познания — всегда со-твор-чество, со-переживание, со-деятельность, со-знание. Творческая природа реципиента-акцептора объясняет феномен обновления, круговорота смыслов гуманитарных *SS*, которые живут жизнью «оборотней», испытывая «тягость» беспрестанного переосмысления. Гуманитарное как реальность, субстанция подвержено измерению двух типов времен: малого — смыслы, рождаемые современностью, ближайшим обозримым прошлым и будущим и гибнущие вместе с ними, и большого — бесконечный и незавершаемый диалог, в котором ни один смысл не погибает, входя в общечеловеческое достояние. Наличие малого времени обуславливает конъюнктурность (широко понятую), а большого — надвременность, непреходящность природы смыслов гуманитарных *SS*.

2. Символичности. Основанная на рационализации и концептуализации интерпретация приближается к понятию, но не переходит в него. Это потому, что: а) смысл, раскрываемый лишь на основе других смыслов, зависит от настроенности субъекта-интерпретатора; гуманитарное осмысление — всегда открытие наличного путем узрения (созерцания) и прибавления путем творческого созидания⁴³⁸, что делает невозможным алгоритмизацию, формализацию соотнесения смыслов; б) природа *SS* полифонична. Эк-

⁴³⁸ Бахтин М. М. *Цит. соч. С. 367.*

714

стенсивно ее диапазон безграничен, как и вселенная, — мы говорим не о физической безграничности, а о смысловых глубинах, которые так же бездонны, как и глубины материи. (Бесконечное разнообразие осмыслений, образов, образных, смысловых сочетаний материалов и их осмыслений и т. п.⁴³⁹) Интенсивно «через опосредствованные смысловые сцепления» ее диапазон очерчен соотнесенностью с идеей «мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума»,⁴⁴⁰ — идеей, крайне трудно рационализируемой; в) по причине диалогичности и полифоничности истолкование *S—S* «принуждено уходить в бесконечность символических смыслов, поэтому оно и не может стать научным в смысле научности точных наук». ⁴⁴¹ Сказанное позволяет обосновать, что интерпретация, понимание *SS* в каких-то аспектах остаются нестрогими, — к примеру, они заведомо возможны, а не необходимы, предположительны, а не несомненны, что в итоге лишает гуманитарное знание точности «точных» наук.

3. Индивидуализированности (персонифицированности). Для точных наук не важен «фон личности»: его поглощают общезначимые теоретические курсы, включающие монологическую — «безымянную», формально обоснованную истину. Антивещно-антинатуралистический гуманитарный материал и антиобъектно ориентированный способ его освоения — личностны, идиографичны. Диалогическое гуманитарное знание не знает однозначных смыслов: имеется бесконечное, нескончаемое многоголосье в понимании лишенных привкуса вещи личностно окрашенных смыслов. Гуманитарная мысль знает «только условные точки; мысль смывает все поставленные ранее

точки».⁴⁴²

⁴³⁹ Бахтин М. М. Цит. соч. С. 344.

⁴⁴⁰ Там же. С. 361.

⁴⁴¹ Там же. С. 362.

⁴⁴² Там же. С. 365.

715

4. Полисемичности. Смысл $S-S$, на расшифровку которого нацелен гуманитарный поиск, «не существует в качестве некоей рациональной формулы, которую можно «вложить» в образ и затем извлечь из образа».⁴⁴³ $S-S$ — знак-символ, опознавательная мета, указующая на иной смысл, непосредственно любому данному $S-S$ не ождественный. Как таковые $S-S$, следовательно, есть формы смыслов-символов, которые «нельзя дешифровать простым усилием рассудка», в них «надо вжиться».⁴⁴⁴ Так как сфера действия $S-S$ широка (это культурная общность человечества), при учете того, что символ есть средство опознания «своих», на что указывает и этимология термина (в отличие от аллегии, дешифруемой «чужими»), простор для наведения мостов в ходе «вживания» в символ поистине необъятный. По этой причине интерпретация SS не бывает окончательной, что фиксируется двумя максимами:

а) нет смыслов «в себе», есть смыслы для других смыслов;

б) нет смыслов всех смыслов, которые легализуют переосмысление, реинтерпретации, субъективные видения, углы зрения и т. п.

Актуальная незавершенность интерпретаторской деятельности в познании-понимании человеческой сущности знаков-символов, недопустимость смешения реальности, внеположной символу, и реальности самой символической формы, взаимооборачиваемость смысловых связей символа и т. п. дает основания квалифицировать науку об $S-S$ как симвонологию.

5. Системы гуманитарных связей не рефлексны: точное описание обратных связей затруднено здесь необходимостью учета таких этапов, как переработка

⁴⁴³ Бахтин М. М. Цит. соч. С. 365.

⁴⁴⁴ Краткая литературная энциклопедия. Т.6. М., 1971. С. 826.

716

информации, принятие решений и т. п., развертывание которых серьезно видоизменяет ситуации, делая их труднопланируемыми, предсказуемыми.

Принятие в качестве центрального критерия научности «глубины понимания». Как отмечалось, задачи гуманитарного поиска двойные: 1) понять смысл $S-S$; 2) включить его в контекст современности. Непосредственно понимание не связано с истинностными оценками. Включение же понятого в контекст современности, сопровождающееся активным действием Nv , предполагает непосредственную истинностную оценку соответствующим образом понятых $S-S$. Понятых с позиций господствующих в современности мировоззренческих (в широком смысле) установок, которые преломляются в социальных, гражданских, личностных позициях субъекта гуманитарного знания.

Nv -деятельность — адаптация смыслов $S-S$ к конкретным историческим условиям, где на передний план выдвинуты **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

специфические ценности, отвечающие их определенности. Последнее обуславливает характерные для гуманитарного поиска «видения», «переоценки» и т. п. К примеру, «мы можем сказать, что ни сам Шекспир, ни его современники не знали того «великого Шекспира», которого мы теперь знаем»: «втиснуть в Елизаветинскую эпоху нашего Шекспира никак нельзя».⁴⁴⁵ Чем порождена избыточность «нашего Шекспира» сравнительно с творившим в Елизаветинскую эпоху? Открытием новых смыслов наследия. Шекспир, следовательно, вырос «за счет того, что действительно было и есть в его произведениях, но что ни он сам, ни его современники не могли осознанно воспринять и оценить в контексте культуры своей эпохи».⁴⁴⁶

Шекспир был пленником смыслов современного ему времени. Новые времена, новые современности дают но-

⁴⁴⁵ См.: Бахтин М. М. Цит. соч. С. 331.

⁴⁴⁶ Там же.

717

вые смыслы старому. Это конкретизирует выдвинутый ранее тезис о двумерности гуманитарных объектов: с одной стороны, они — продукты эпохи, что характеризует их принадлежность к «малому» времени, с другой стороны, они — продукты сверхэпохальные, что определяется наличием в них не замкнутого на эпоху общечеловеческого содержания, которое переосмысливается под действием *Nv*, что характеризует их принадлежность к «большому» времени.

Сфера реализации гуманитарного знания — не техника, а мир человека, человеческая культура. Познавательные качества гуманитарного знания измеряются в терминах не технико-утилитарных, но гуманитарно-преобразовательных. Возможность воздействовать на человека, изменять, целенаправлять, одухотворять, преображать моральные, правовые, идейные его измерения, способствовать его общему гуманитарному росту, — высшее мерило познавательных качеств гуманитарного знания. Поскольку наличие этих качеств есть результат адекватного освоения мира человека средствами понимания, постольку глубина понимания оказывается центральным критерием научности гуманитарного знания. Индикаторами глубины понимания выступают, во-первых, реалистичность, историзм оценки гуманитарного материала, а, во-вторых, возможность этих оценок обеспечивать общий гуманитарный рост, содействовать всестороннему развитию в человеке всех его потенциалов, способностей.

Подытоживая, возвратимся к высказанной ранее мысли, что методологию гуманитарного знания еще предстоит создать. Базовой идеей этой методологии, на наш взгляд, должна быть идея особой смысловой человекоконсущей реальности, которая «становится» (при контакте субъекта культуры с объектом) в качестве всей полноты разверток возможных оценок и переоценок сопрягаемых с ним (объектом) ценностей, значений. Здесь нам, однако, не уйти от вопроса: если теория гуманитарного невозможна без концептуализации ценностно-субъективной реальности, спрашива-

718

ется: как это делать? Трудности заключаются в том, что

традиционный причинно-следственный подход применительно к гуманитарному зачастую не проходит. (Вспомним пример с совестью. Она не зачем, не оттого и не почему. Она не состоит в мере. Она просто есть или нет.) Но это-то и умножает сложности, ибо принятая в «точной» науке универсальная причинно-следственная схематика явлений в гуманитарном знании во многом не работает. Не помогает и обращение к наследию: возможности известных ходов из пантеона гносеологически активных методик особого удовлетворения не дают. Ни натурализм, ни иррационализм, ни фрейдизм, ни психологизм содержательной глубиной не отличаются. Как быть? Этот вопрос требует специализированной кропотливой рефлексии.

4.5 Ареалы науки

4.5.1 Протонаука

Истоки знания — элементарные мыслительные фигуры, примитивная опытная фактура, конденсировавшиеся с момента возникновения человека и составившие «материю» будущей науки. Истоки науки, следовательно, теряются в практике ранних человеческих обществ. Здесь, правда, возникает потребность двух уточнений.

Требуется представлять, каких «обществ». В антропогенезе принято различать стадии: 1) антропоидные предки человека — высокоразвитые приматы, использующие детали среды в качестве орудий труда; 2) архантроны и палеоантроны, изготавливающие искусственные орудия труда и обладающие зачатками социальности; 3) неантропы, достигшие уровня максимальной культуры из всех ее форм, созданных древнейшими людьми. Исходя из этого и отвлекаясь от точности хронологий, датировок, что до настоящего времени составляет предмет дискуссий в антропологии, истоки науки можно соотносить с любой из указанных стадий. Оценка возможностей не позволяет

719

пока квалифицировать какую-либо из них как безусловно приоритетную. Это обусловлено наличием серьезных пробелов в теории антропогенеза, вызванных колоссальными трудностями получения здесь достоверного фактического материала. Таким образом, решение проблемы (последовательность, эмпирическая интерпретация) истоков науки следует связывать с грядущими прорывами антропогенетической теории.

4.5.2 Архаика

Рецептурно-эмпирическое, утилитарно-технологическое знание, функционировавшее как набор индуктивных генерализаций и прикладных навыков. Эти примитивные познавательные формы, конечно, не были наукой. Они не были систематическими, теориейно-номологическими. Наука упрочается с фундаментально систематическим законосообразным дискурсом. Обращаясь к высказанной ранее мысли, что минимум науки — выведенный в пространстве идеализаций закон, можно констатировать: архаичные

культуры (Майя, Китай, Египет, Индия, Ближний Восток) науки не знали.

Архаичное знание древнего мира — преддверие науки. В том отношении, что, не выражая подлинных законов, оно ориентировало на выявление, постижение столь существенных для процесса наукообразования связей, как каузальные. Индуктивные генерализации, в конце концов, приводят к установлению имплицитивных отношений «если ... то», что оказывается удаленной предтечей закона. Технические навыки, имеющие нормативно-инструктивный статус (организующие деятельность субъекта с объектом, в чем сказывается отличие знания-технологии от знания-созерцания) эффективны при опоре на подлинные (сущностно необходимые) отношения действительности, а потому складываются на основе вычленения последних. Это способствует прогрессу типично научной установки на раскрытие, воспроизведение законосообразных черт мира. В историческом времени данный гносеологический процесс совпадает с расцветом древневосточной культуры.

720

Античность. Представляет причудливый сплав сугубо научных интенций на фундаментальность, имперсональность, концептуальное моделирование с установками самого доморощенного донаучного эмпиризма. Апология первых — в творчестве Пифагора, стоиков, элеатов, Платона, развивавших картину бытия-логоса, подпадающего под умозрение. Сошлемся лишь на Платона, рекомендовавшего подходить к вещам средствами одной мысли, не привлекая никаких чувств и пытаясь уловить подробности бытия самого по себе, во всей его чистоте, отрешившись как можно полнее от собственных глаз, ушей, всего своего тела.⁴⁴⁷ Апология вторых — в трудах Аристотеля, настаивавшего на опытной природе знания: обладание отвлеченным знанием в отсутствии опыта, познание общего без представления содержащегося в нем единичного влечет ошибки, ибо дело приходится иметь с единичным.⁴⁴⁸

Противостояние спекуляции и эмпиризма в методологии обусловило возникновение специфического типа науки в античности: отвечающей гносеологическим стандартам научности математики и по сути дела до-научного (в отсутствии квантитативизации, проверочного эксперимента) — натурфилософско-мифологического естествознания.

Средневековье. Такие черты средневековой мысли, как схоластическое теоретизирование, герметизм, символизм, иерархизм, авторитаризм, консерватизм, традиционализм, ретроспективность, дидактизм, талмудизм, телеологизм, универсализм, созерцательность, квалитативизм, мистицизм, эссенциализм, фундаментализм, исключали возможность удовлетворяющего высоким гносеологическим ценностям знания в принципе. Как подмечал Кондорсе, в средневековье «речь шла не об исследовании сущности какого-либо принципа, но о толковании, обсуждении, отрицании или подтверждении другими текстами тех, на

⁴⁴⁷ См.: Платон. *Сон. М., 1970. Т. 2. С. 24.*

⁴⁴⁸ См.: Аристотель. Соч. М., 1975. Т. 1. С. 66.

721

которые он опирался. Положение принималось не потому, что оно было истинным, но потому, что оно было написано в такой-то книге и было принято в такой-то стране и с такого-то века. Таким образом, авторитет людей заменял всюду авторитет разума. Книги изучались гораздо более природы и воззрения древних лучше, чем явления Вселенной».⁴⁴⁹

4.5.3 Классика

В соответствии с требованиями стратегем типологических в фактическом массиве знания обособим классику, неклассику, неонеклассику как три стадии, эпохи в эволюции науки.

Каков денотат представляющих тему исследования общеупотребительных квалификаций? Отправляясь от преобладающей семантической традиции понимания классического как канонического применительно к вопросам науки, будем толковать его в качестве исходно-эталонного, что некогда, кристаллизовавшись в мыслительной сфере, пустило корни, набрало силу, да такую значительную, что приобрело статус мировоззренческой программы, на протяжении долгого времени играло роль гносеологического этимона. Сопоставительное с классическим типологическое неклассическое, очевидно, будет означать некое вновь становящееся, которое, порывая с классикой, дистанцируется от нее по массе базовых признаков. Аналогично неонеклассическое выступает условной собирательной характеристикой группы явлений, соответствующих основе «ново», самый факт утверждения в духовности которых связан с новейшей и великой реакцией на неклассику — и в смысле какого-то ее усиления, и в смысле ее преодоления.

Оцениваемые «не» и «неофеномены», следовательно, суть постфеномены, однако ввиду самобытности, прин-

⁴⁴⁹ Кондорсе М. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. СПб., 1909. С. 126.

722

ципальности единосущных черт своих никак не эпифеномены. Откуда и вытекает оправданность, правомерность аналитического рассечения столь органичного, внутренне цельного, пластичного комплекса, как познание, с обособлением в нем самодостаточных историко-культурных и эпистемических ландшафтов — классической, неклассической, неонеклассической науки.

Избегая «строгих», но аскетически тощих дефиниций, в понятие «классическая наука» вложим смысл совершенно специфического состояния ищущего интеллекта, которое реализовалось как главенствующее умонастроение на масштабном историко-культурном ареале от Галилея до Пуанкаре. О деятельности каких бы ученых в данный отрезок времени (с XVII до XX столетия) речь ни вести, в их творческом методе обнаруживается нечто существенно самотождественное, отличающее их поисковые усилия от усилий позднейших коллег-последователей.

Система познавательных ориентаций, правил и навыков, принятых классикой, несомненно, отличалась единством и

однородностью. Исследовательские почерки Галилея и Бойля, Гука и Румфорда, Ньютона и Гюйгенса, Бюффона и Ламарка, Максвелла и Герца, Лавуазье и Берцелиуса, Гаусса и Кантора, Томсона и Лоренца действительно отмечает нечто общее, чему весьма явно может быть противопоставлено нечто общее, объединяющее, к примеру, стили исследования Бора и Гейзенберга, Берталанфи и Винера, Куранта и Бурбаки, Шредингера и Дирака, Брауэра и Геделя и т. д. И хотя ни один из названных корифеев классической науки не олицетворял и не репрезентировал ее единолично, и хотя каждый из них своей деятельностью объективно раздвигал ее пределы, стимулируя переход к науке неклассической, даже отвлекаясь от реальности таких исключений, как скажем, Лобачевский и Больцман, Дарвин и Риман, Минковский и Мендель, Галуа и Гиббс, теоретическая парадигма которых в значительной мере не укладывалась в мыслительные императивы классичес-

723

кой науки, — несмотря на это, все они были учеными-классиками, разделявшими и исповедывавшими единое научно-изыскательское кредо.

Эвристическое начало типических, многократно, подробно обсужденных особенностей теоретизирования (способ постановок проблем, приемы исследования, описание предметных областей, характер обоснования получаемых выводов, манера подачи, изложения результатов, формы фиксации и отстаивания утверждений) на классической фазе научного интеллекта составляли следующие концептуальные принципы.

Фундаментализм — допущение предельных унитарных основоположений, образующих для познавательного много- и разнообразия незыблемый монолит центр-базис, имплицитный производные от него дистальные единицы знания.

Финализм — интенция на гомогенную, неопровержимую, самозамкнутую, абсолютно истинностную систему знания.

Имперсональность — субъективная отрешенность знания как следствие погружения последнего в область безличного объективно сущего, чуждого индуцируемых познающим субъектом аксиологических измерений.

Абсолютизм — субъект как асоциальный, аисторичный, среднетипический познаватель, отрешенное воплощение интеллектуальных способностей обладает талантом непосредственного умосозерцания истин, данных как извечные, неизменные, непроблематизируемые регистрации беспристрастного обстояния дел.

Наивный реализм — онтологизация познавательной рефлексии: постулирование зеркально-непосредственно-очевидного соответствия знания действительности, восприятие содержания мыслительных отображений реальности как атрибутивного самой реальности.

Субстанциальность — элиминация из контекста науки параметров исследователя (натурализация познания), рефлексии способов (средства, условия) рефлексии субъектом объекта.

724

Динамизм — установка на жестко детерминистическое (аподиктически-однозначное) толкование событий, исключение

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

случайности, неопределенности, многозначности — показателей неполноты знания — как из самого мира, так и из аппарата его описания; ставка на нетерпимый к дополнительности, альтернативности, вариабельности, эквивалентности агрессивно-воинствующий монотеоретизм, навевающий тенденциозную авторитарно-консервативную идеологию всеведения (исчерпывающе полное, вполне адекватное знание не как императив, а как реальность).

Сумматизм — ориентация на сведение сложного к простому с последующей реконструкцией комплексного как агрегата элементарных частей.

Эссенциализм — разрыв явления и сущности, сущности и существования, нацеленность на восстановление за наличной вещностью скрытых качеств, сил, олицетворяющих внутреннюю господствующую, самодовлеющую, преобладающую основу.

Аналитизм — движение мысли в колее дифференциации с разложением деятельности на предмет и метод, мира — на *res extensa* и *res cogitans*, целого — на основания с описанием функций и поведения исходно-элементарных единиц.

Механицизм — гипертрофия механики как способа миропонимания. С античного атомизма до вульгарного физиологического материализма XIX в. господствует редукционистская идеологема о мире-машине и человеке-автомате, которые ввиду этого доступны познанию.

Кумулятивизм — трактовка развития знания как линейного количественного его саморасширения за счет монотонной аддитации новых истин. Симптоматично в этом отношении такое убеждение Гегеля: большая и даже, может быть, большая часть содержания наук носит характер прочных истин, сохраняясь неизменной; возникающее же новое не представляет собой изменения приобретенного ранее, а прирост и умножение его.⁴⁵⁰

Отсюда энтелехия

⁴⁵⁰ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. IX. М., 1936. С. 17.

725

познания — достижение все большего уровня систематичности и точности: будущие открытия в детализации наличного знания.

Гносеологическая утопия внутренне самоочевидного, принудительно необходимого, во всех частях доопределенного, непроверяемого знания, некритически смешивавшая должное с сущим, желаемое с действительным и неизменно (без малого триста лет) питавшая классику, потерпела фиаско. Фронтальную коррозию, а вслед за тем банкротство классического понятия знания обусловили объективные всеохватные изменения и в самой науке — упрочение неевклидовых геометрий, небулевых алгебр, квантоворелятивистской стратегии, аксиоматической программы конструкции оснований фундаментальных теорий, — и в метанаучном сознании — капитальные ограничительные результаты Геделя, Тарского, Черча, Коэна, Левенгейма, Сколема в логике и математике, Эйнштейна, Бриджмена, Бора, Гейзенберга в естествознании. В результате указанных и идущих в створе с ними радикальных мировоззренческих трансформаций, требовавших пересмотра классического идеала и образа науки, индуцируемых

ими приемов и принципов осмысления действительности, оформляется противопологаемая классической неклассическая доктрина науки, опирающаяся на существенно иные (во многом контрарные) предпосылки, допущения.

4.5.4 Неклассика

Номинально ревизию нерелятивистской макроскопической науки подготовили внутренние затруднения, к началу XX в. в виде двух облачков обозначившиеся на ясном небосклоне почивавшей, на лаврах, казалось бы, несокрушимой классики.

Это отрицательный результат опыта Майкельсона и сложности в объяснении спектра абсолютно черного тела. Усилия преодолеть данные сложности, собственно, породили то новое в познавательной сфере, что именуется неклассикой. Действительно.

726

В едва ли не всеобъемлющую механическую картину мира, рассчитанную на относительно малые скорости, не упаковывался электромагнетизм, имеющий дело со скоростями значительными. Внутренняя логика концептуализации явлений, скорость движения которых сравнима со скоростью света, привела к созданию релятивистской физики, использующей существенно иную сетку понятий (замена дальнего действия близким действием, замена принципа относительности Галилея принципом относительности Эйнштейна, релятивизация пространственно-временных отношений и т. д.). Параллельно «ультрафиолетовая катастрофа» обнаружила предел применимости классических понятий (разбаланс теории и эмпирии в определении спектрального распределения энергии черного тела в особенности ультрафиолетовой части спектра и спектра более высоких волновых частот), поставила перед необходимостью различения процессов в макро- и микромире, учета специфики поведения микрообъектов. Адекватная модель, связанная с отказом от классической непрерывности и вводящая понятие порционного (дискретного) изменения энергии по закону излучения Планка, означала возникновение принципиально неклассического квантовомеханического описания. Откуда вытекает, что непосредственные точки поворота от классики к неклассике — релятивистская и квантовая теории. В качестве констанции сказанное справедливо, но не настолько, чтобы исчерпать существо дела.

Переход от классики к неклассике — нечто неизмеримо большее, нежели включение в наукооборот постоянных « c » и « h », разграничивающих масштабы природы как предметы освоения предыдущего и последующего знания. Неклассику от классики отделяет пропасть, мировоззренческий, общекультурный барьер, несовместность качества мысли. Замещение классики неклассикой поэтому основательнее понимать в смысле повсеместного и интенсивного реформистского процесса тектонического порядка, который, отбирая из тогдашней духовной среды созвучные ему далеко идущие параметры, шквалом обрушился

727

та традицию и смял ее, утвердил на ее обломках причудливый, неведомый тип ментальности. С целью демонстрации этого обратим

внимание на исходные стилеобразующие слагаемые неклассики, для чего в множестве содержательно инспирировавших ее факторов в качестве доминант обособим идейные линии.

Психоанализ. В контексте нашего изложения интересен тремя моментами. Первый — мотив непрозрачности субъективного, признание наличия в нем затемнений, пустот, уплотнений, требующих специализированной рефлексии. Антитрансценденталистские психоаналитические трактовки субъективного привнесли перспективные модуляции в звучание гносеологической партии интересубъективности: последняя стала расцениваться не как общее, само собой разумеющееся место, не как средство, но как цель. В отсутствии антропологически очевидного, во всех точках высвеченного субъекта проблема интересубъективного породила глубокую методологическую тему познавательного консенсуса: какова техника его достижения? Нетрудно увидеть, что погружение в эту тему индуцировало внедрение в арсенал поиска нетрадиционных верификационистских, операционалистских, инструменталистских идей, соображений в духе теории когеренций. Второй — мотив синкретичности психического, рассматриваемого в психоанализе в трехмерном пространстве с динамическими, энергетическими, структурными осями (идеи многоуровневости, целостности, комплексности явлений). Третий — мотив общих психических механизмов символизации, кодификации (идея инвариантов в способах фиксации информации — принципы симметрии, теоретико-групповые, логико-алгебраические подходы).

Психологизм. Питает неклассику: а) представлением психологически очевидного, достигаемого в результате генетически-конструктивных и операциональных процедур (интуиционизм, ультраинтуиционизм, конструктивизм, финитизм, операционализм); б) понятием непосредственно наблюдаемого (принцип наблюдаемости); в) идеей объективности (интерсубъективности) субъективных познава-

728
тельных образов, которая обуславливается способом их варьирования, компоновки (релятивистские императивы альтернативных, эквивалентных описаний, концептуальный плюрализм).

Феноменология. Созвучна неклассике подчеркиванием возможности конструирования и конституирования действительности из субъективной спонтанности (абстрактное моделирование, интенсивная теоретизация).

Персонализм. Важен доктриной личности как самотворящей стихии. Изначальное отрицание монизма и панлогизма на фоне допущения множественности субъективных потенциалов навевает противостоящий классике образ полнокровно переживающего субъекта — носителя конкретных (не среднестатистических, омассовленных) способностей. Идеология самодеятельности познавателя не только разрушает модель зеркального копирования действительности, но мощным потоком вводит в эпистемологию умонастроение активизма: индивид как сгусток воли, цели, интереса самостийно творит законы, привносит стандарты в

природу; мир человека — арена бытия, а не мир бытия — арена человека (конкретность, вышеупомянутые релятивистские и активистские императивы).

Модернизм. Для перспектив неклассики значим подчеркнутостью отхода от наглядности, духом эпатажа, борьбой с устоявшимся, склонностью к допущению новых типов реальности, опорой на условность, экспериментаторство. Идеиные силовые линии модерна и неклассики совпадают буквально: интенции на ревизию вечных истин, релятивизацию стандартов, экзистенциализацию ситуаций, увязывание истины с субъективным взглядом на мир, признание уникальности личностного видения, самооценности избранных систем отсчета (неопределенность, локальность, моментализм), отрицание зеркальности, прямолинейности вектора от реальности к ее изображению и пониманию; идея самовыражения — обусловленная новыми задачами индивида установка не на внешний, а на внутренний мир (роль субъекта в познании, акцент объективно-идеальных ракурсов знания); сюрреализация действи-

729

тельности — сращение реального и нереального в ее (действительности) изобразительных реконструкциях.

Анархизм и волюнтаризм. Поставляют клише человека-бунтаря, восстающего против косной массы, — релятивизация норм, индивидуализация ценностей, ставка на нетрадиционность, подрыв универсалий, абсолютов, канонов.

Прагматизм. Привносит стереотипы инструментальности, эффективности, свободы поиска, волеизъявления (неклассичность истины, активность познавателя).

Связав эти разнокалиберные особенности идеиных предтеч неклассики в систему, возможно подытожить, что в архетипе духовности начала нашего века заложены столь многозначительные для грядущих судеб знания идиомы, как новаторство, ревизия, самоутверждение, пикировка с традицией, экспериментаторство, нестандартность, условность, отход от визуальности, концептуализм, символичность, измененная стратегия изобразительности.

В этой во всех отношениях стимулирующей смысложизненной среде смогла сложиться нетрадиционная интеллектуальная перспектива с множеством неканонических показателей. Вбирающие принципиальные черты неклассического миропредставления, они достойны того, чтобы сосредоточить на них самое пристальное внимание.

Полифундаментальность. Развал монистического субстанциализма с принятием образа целостной, многоуровневой системной реальности. По сути речь идет о нетрадиционном антифундаменталистском мировидении, отправляющемся от идеи гетерогенной, полиморфной, сложной (несложенной) предметности, которая ни структурно, ни генетически не опосредуется какими-то базовыми комплексами, трактуемыми как моноцентричный онтологический первофундамент. Учитывая, что разнообразие не вторично, не производно, не порождено более глубоким единосущностно-единым, допускать подобный фундамент нет

никаких резонансов. Логичнее, последовательнее модель субстанциального плюрализма, навевающего картину исходно богатой, ипостасной реальности, способной на самоорганизацию, автоэволюцию.

730

Интегрализм. Ипостасная структура мира, вытесняющая классический фундаментализм с догмами типа: сложное аддитивно, механически редуцируется к простому; целое не влияет на части; в расчленении сложного (целого) на составляющие (простое, части) свойства его сохраняются и т. д. В противовес этому принимается не отягощенная фундаменталистским дизайном схема многомерной, поливариантной действительности, где целое и часть самодостаточны: целое не агрегат разрозненных, недоразвитых относительно него частей; часть не миниатюра целого.

Целое и часть (система и подсистема) нераздельны и неслиянны, будучи ипостасями, обладают самостоятельностью, суверенностью, они единичны, однопорядковы, не редуцируемы, но проникаемы друг в друга. Здесь правильно указать на отвергаемую неклассикой фундаменталистскую онтологию точечности (вводящую допущения «деление вещества безгранично», «целое больше части», «часть несамодостаточна» и т. п.). Факт образования элементарных частиц друг из друга (нуклона из пионов и т. д.) опровергает фундаменталистскую модель онтологически неограниченной дробности (безостаточной разложимости целого на части), жесткой субординированности объектов действительности. Самокоординированные элементарные частицы напрямую выпадают (идея единого мультиплета) из этой плоской модели, что служит решающим основанием ее дискредитации.

Синергизм. Классическая наука имела дело с миром, который с известной долей условности все же мог моделироваться как совокупность движущихся материальных точек (корпускул, конкреций, атомов, амеров, какуменов и т. д.), механически ассоциируемых в телесные многообразия. С расширением границ изучаемой реальности, необходимо понимать внутреннее устройство активных, избирательных, целеориентированных систем (когерентные квантовые, молекулярные, биохимические, биофизические явления), свойства которых определяются текущими в них процессами (самоиндукция, самодействие), обнажился предел классических подходов. Самоорганизую-

731

щиеся, неравновесные, нестационарные, открытые, каталитические системы ни при каких обстоятельствах не ведут себя как классические элементарные. Теоретическим плацдармом их описания ни в коем случае не могут быть классически базовые принципы сложности (принцип Анаксагора-Демокрита) и механистичности (принцип Кеплера). Потребовалась, следовательно, иная эвристика, выступающая адекватным инструментом истолкования когерентных, кооперативных явлений. Ею стал синергизм, трактующий образование макроскопически упорядоченных структур в нетривиальных (немеханических) системах с позиций формирования порядка из хаоса вследствие коллективных эффектов согласования множества подсистем на основе нелинейных, неравновесных упорядочивающих процессов.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

С этим пришел конец элементаристско-фундаменталистской онтологии механицизма с обслуживающим ее категориальным блоком — стабильность, неизменность, постоянство, линейность, равновесность, обратимость, устойчивость, простота и т. д. На ее развалинах утвердилась организмическая картина, зиждущаяся на допущении совокупных эффектов самоорганизации, конструктивной роли времени, динамической нестабильности систем — категориальный блок, составленный неустойчивостью, неравновесностью, сложностью, нелинейностью, когерентностью, необратимостью, синхронностью, изменчивостью и т. д. Трансформировалось и понятие элементарности. Неклассическое его прочтение таково: оно, во-первых, не инспирирующее фундаментальное, а минимальное, остающееся зачастую равнодостоинным композиционному и служащее его полномочным выражением; во-вторых, вопреки классическому аддитивно-матрешечному, оно обеспечивает генетически-конструктивную интерпретацию явлений посредством отслеживания этапов становления, взаимодействия одних структур с другими (метод квазичастиц).

Холизм. Антифундаменталистский, антиредукционистский интеллектуальный блок, предопределяющий интерпретацию действительности как иерархию целост-

732

ностей. В подобных случаях руководствуются планами: 1) кооперативной самоизменчивости — квантовая когерентная синхронизация изменений (квантовые процессы в лазерах); 2) гетерогенных многомерных структур, каждая из которых представляет самодетерминируемый инвариант в вариантах, — тот же нейтрон как кооперативное образование трех кварков осмысливается на базе соображений системности, динамичности, взаимосвязанности коллективов, ответственных за итоговую структуру.

Изоляционистская посылка отделения поведения материального объекта от средств изучения, пренебрежение взаимодействием объекта с прибором обнаруживает фиктивность со стадии атомной физики, поставляющей нестандартную ситуацию, где способом актуализации предметности оказывается взаимодействие объекта с познающим субъектом. С этого момента в методологическое сознание вводится запрет на объективистскую трактовку характеристик предметности «самой по себе» без учета способов ее освоения. «Согласно квантовому постулату, — уточняет Бор, — всякое наблюдение атомных явлений включает такое взаимодействие последних со средствами наблюдения, которым нельзя пренебречь. Соответственно этому невозможно приписать самостоятельную реальность в обычном физическом смысле ни явлению, ни средствам наблюдения».⁴⁵¹ Поскольку невозможно исключить внешнее воздействие на предмет в ходе его изучения (иначе оно невозможно), равно как благодаря тому, что при изучении (наблюдении) имеется взаимодействие объекта с измерительным прибором, обесмысливается понятие исконного естественного процесса в чистом виде. По этой причине неклассика (от естествоведения до культуроведения), отвергает объективизм

как идеологию, отбрасывает представление реальности как чего-то не зависящего от средств ее познания, субъективного фактора.

⁴⁵¹ Бор Н. *Избранные научные труды. Т. 2. М., 1972. С. 31.*

733

Релятивизм. Внедряет, закрепляет в знании идею естественного предела значений как величин, так и способов их фиксации. Как умонастроение релятивизм питается источниками.

Первый — онтологический, связан с зависимостью объективных характеристик предметности от фактических условий протекания реальных процессов: в различных контекстах существования свойства вещей варьируются. Данное, с классической точки зрения, необычное обстоятельство, вызвавшее массу недоумений и недоразумений, вновь и вновь оттеняет полифундаментальность, многослойность мира, имеющего плюральную структуру, которая определяет и предопределяет изменчивость его параметров. Тезису об изменчивости свойств действительности должно придавать самую широкую редакцию: переменны не только характеристики вещей (величины), но и формы, способы, условия, бытия вещиности, — даже наиболее универсальные, такие, как причинно-следственная размерность. Скажем: аксиоматично, что во времени подобных интервалов стандартного макромира причинно-следственные связи общезначимы. В микромире же при сильных полях и градиентах полей причинно-следственная схематика событий нарушается — так называемое самообусловливание, что требует разграничения причинно выполненных и причинно нарушенных интервалов.

Второй — эпистемологический, заключается в дискриминации выделенных (привилегированных) систем отсчета. Привилегированная система отсчета — неоперациональная, спекулятивная химера, возникающая вследствие принятия всеобъемлюще-неизменных рамок событий (вездесущего просцениума) в отвлечении от возможных обстоятельств, обратных воздействий, порядка и типа приближения. В противовес этому отстаивается линия зависимости аппарата науки (описания, понятия, величины) от конкретных систем отсчета, связанных с определенными онтологическими интервалами, сообщающими операциональную и семантическую значимость используемым абстракциям. Положению о релятивности знания в эписте-

734

мологическом смысле также требуется сообщать максимально широкое толкование. Знание не безотносительно, оно интенционально, сцеплено с приемами мыслительной и экспериментальной обработки действительности, процедурами идентификации объектов, правилами их интерпретации, систематизации и т. д. Онтологическая и ментальная региональность знания в конечном счете и выражают то, что именуют относительностью к реальности и средствам познания (понятийная и опытная интервальность — изоморфная контекстам реальности адекватность, точность, строгость знания).

В качестве специфической черты неклассики релятивизм, безусловно, поддерживающий плюрализм, свободу выбора, действия (эквивалентные описания согласно принимаемым в локальных системах отсчета способам типологизации реальности),

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

не может быть, однако, отождествлен с субъективизмом. Релятивизм не есть гносеологический анархизм, отрицание обязательности познавательных норм, объективных критериев правильности, состоятельности познания; он не исключает признания абсолютов. Как указывает Планк, «нет большего заблуждения, чем бессмысленное выражение «все относительно»... Без предпосылки существования абсолютных величин вообще не может быть определено ни одно понятие, не может быть построена ни одна теория».⁴⁵² Перцептуальные и концептуальные абсолюты входят в знание через эпистемологические универсалии — законы освоения предметности: на эмпирическом уровне — посредством инструменталистских, верификационистских методик, рецептов манипулирования с объектами метрического, функционального плана понятий; на теоретическом уровне — посредством структурных правил преобразования, стандартизирующих генерацию внутренних единиц теории — инвариантность, симметрия, морфизмы, фундаментальные

⁴⁵² Планк М. *Сборник к столетию со дня рождения*. М., 1958. С. 59.

735

константы, ковариантность как гарантия непротиворечивого перехода от одних систем координат к другим.

Дополнительность. Являясь неизбежным следствием «противоречия между квантовым постулатом и разграничением объекта и средства наблюдения»,⁴⁵³ характеризует сознательное использование в исследованиях (наблюдение, описание) групп взаимоисключающих понятий: сосредоточение на одних факторах делает невозможным одновременное изучение других, — анализ их протекает в неидентичных условиях с признаками опытной несовместимости (волна-частица, импульс-координата). Как неклассический принцип дополнительность разрушает классическую идею зеркально-однозначного соответствия мысли реальности безотносительно к способам ее (реальности) эпистемической локализации, символизирует имеющееся в неклассической науке существенное ограничение категории объективно существующего явления в смысле независимости его от способов его освоения. Фиксированные системы отсчета, пригодные для описания совершенно конкретных параметров (скажем, энергетических), не пригодны для описания иных (скажем, пространственно-временных). Следовательно, дополнительность выражает не просто относительность к прибору, как таковому, но относительность к разным типам приборов (исследовательских ситуаций).

Логика развития неклассической науки обуславливает и более широкое толкование дополнительности. Суть в том, что многоярусные, полифундаментальные переменные системы не концептуализируются с каких-то преимущественных позиций. Дополнительность с этой точки зрения — следствие полиморфности, ипостасности, гетерогенности принимаемой онтологии с атрибутивной ей потенциальностью. Учет данного обстоятельства накладывает отпечаток на трактовку взаимоотношения различных исследовательских программ, подходов. Классическая точка зрения определяется проведением

гносеологического

⁴⁵³ Бор Н. Цит. соч. С. 40.

736

изоморфизма: единой, единственной сущности взаимосоответствует единая, единственная истина. С точки зрения неклассики подобная линия не проходит: различные ракурсы видения системы не сводятся к одному-единственному ракурсу; неустраняемая множественность, полилог взглядов на одну и ту же реальность означает, невозможность божественного взгляда-обзора всей реальности. Претендующая на глубину научная теория, фокусируясь в отдельных фрагментах на некоторых онтологических эпизодах, должна выстраивать общую мозаичную панораму событий, создаваемую на разных «сценических площадках» методом полиэкрана.

Когерентность. Означает синхронизированность различных и зачастую кажущихся несвязанными событий, которые налагаются друг на друга и оттого усиливают или ослабляют размерность собственного тока. Говоря о когерентности, вводящей новую модель причинения, подчеркнем специфически коллективный, во многом несиловой и творческий строй детерминации изучаемых неклассикой явлений, понимаемых как результирующая объемных самоиндуцируемых кооперативных связей, дающих начало новым процессам. Это не классическая схема пересечения необходимостей в объяснении наблюдаемых реалий, а модель самоформирования макроскопических масштабов событий из внутренней потенциальности (эффекты системных связей, способных на коллективную самоиндукцию, резонансное самодействие).

Нелинейность. Классические допущения параметрической стабильности изменяющихся систем, независимости их свойств от происходящих в них процессов предельно сильны и неполноценны.

Чем регулируется естественный ток вещей? Согласно классике — строго однозначными зависимостями. Случайность, неопределенность, вероятность исключались из рассмотрения. По Гольбаху, например, «ничего в природе не может произойти случайно, все следует определенным законам; эти законы являются лишь необходимой связью определенных следствий с их причинами... Говорить о

737

случайном сцеплении атомов либо приписывать некоторые следствия случайности — значит говорить о неведении законов, по которым тела действуют, встречаются, соединяются... разъединяются».⁴⁵⁴

Описание реальной изменчивости производилось по канонической механической модели: аппарат динамики (уравнения движения) с фиксацией начальных условий для установленного момента времени, — вот все, что требуется для исчерпывающего воссоздания поведения любой развивающейся системы. Столь ограниченный подход, однако, не дает глубокой концептуализации развития; мир классики — тавтологический, атемпоральный (Пригожин) — чужд внутренней созидательности.

Серьезный положительный сдвиг связан с неклассической трактовкой объективного формообразования. Векторизованность, качественная изменчивость организации явлений не плод

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

задетерминированности, предзаданности. В соответствии с неклассической идеей конструктивной роли случая становление новых форм происходит в неустойчивых к флуктуациям точках бифуркации, дающих начало очередным эволюционным рядам. Избирательные, чувствительные к собственной истории, адаптационные механизмы порождения этих рядов носят нелинейный характер. В сильно неравновесных точках бифуркации, указывают Пригожин и Стенгерс, «установлено весьма важное и неожиданное свойство материи: впредь физика с полным основанием может описывать структуры как формы адаптации системы к внешним условиям. Со своего рода механизмом предбиологической адаптации мы встречаемся в простейших химических системах. На несколько антропоморфном языке можно сказать, что в состоянии равновесия материя «слепа», тогда как в сильно неравновесных условиях она обретает способность воспринимать различия во внешнем мире (например, слабые гравитационные и электрические поля) и «учитывать» их

⁴⁵⁴ Гольбах П. *Избранные антирелигиозные произведения. Т. I. М., 1934. С. 34-35.*

738

в своем функционировании». ⁴⁵⁵ Здесь-то возникают, проявляются когерентные, кооперативные, синергетические, принципиально нелинейные эффекты, связанные с авторегуляцией, самодействием на базе «присвоения» фрагментов мира, перевода внешнего во внутреннее с соответствующим его преобразованием. Адекватную канву понимания подобных эффектов поставляет образ топологически неплоских морфизмов.

Топосы. Классическая наука трактовала мир как совокупность материальных точек, что на теоретико-множественном языке выражалось моделью элементарных множеств. (С этих позиций канторова теория — определенное абстрактное подытоживание классической парадигмы, отвергающей внутреннюю изменчивость, избирательность, адаптивность, вариабельность, математическим аналогом которых выступает не множество, а функция, отображение, — понятия, трудно выразимые в теоретико-множественных терминах.) С топологической точки зрения классический подход фундируется идеей плоских морфизмов, соответственно организующих следующие друг за другом динамические состояния материальных объектов. Порядок подобной организации задается двумя допущениями: возможностью строгого выделения в процессе частей и целого и недеформируемостью при отображениях их исходного статуса (часть остается частью, целое — целым, внешнее не переходит во внутреннее). Откуда вытекает принципиально линейный характер зависимостей, базирующихся на топологически плоских морфизмах. Коль скоро неклассика подвергает анализу явления, не распадающиеся на точечные обозримо-предсказуемые состояния (процессы в черных дырах, синергетические эффекты каталитических явлений, турбулентность и др.), она принимает отличную от плоской модель движения материальных систем. Такова схема топосов — объектов с вариабельной топологией, где допускается «перемешивание»

⁴⁵⁵ Пригожин И., Стенгерс И. *Цит. соч. С. 55—56.*

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

739

частей с целым, переход внешнего во внутреннее. Поскольку для описания поведения неклассических явлений апелляции к краевым условиям и аппарату динамики недостаточно — требуется учет типа строения, специфики изменения процесса применительно к случаю (точки бифуркации, ход онтогенеза, роль генома и т. д.), — производится индивидуализация (а не типизация) «отрезков» мировых линий, чему способствует образ локально (кванты, события) и глобально (события и их комплексы) неплоских морфизмов, варьирующих способы взаимоорганизации, взаимокомпоновки событий.

Симметрия. Обогащает арсенал работающего исследователя принципами теоретико-группового (логико-алгебраического) подхода. Значительный импульс последнему придал Клейн, ставивший задачу развития теории инвариантов группы по имеющемуся многообразию и данной в нем группе преобразований. В основе соображений Клейна (Эрлангенская программа) идея детерминации качеств геометрических объектов правилами их задания: каждая геометрия определяется специфической группой преобразований пространства, причем лишь те свойства фигур изучаются данной геометрией, какие инвариантны относительно преобразований соответствующей группы. Проникновению абстрактных теоретико-групповых подходов в естествознание способствовала теорема Нетер, связавшая симметрии системы с законами сохранения (динамическими константами). В настоящий момент буквально все фундаментальные, насыщенные формализмом естественнонаучные конструкции используют идею инвариантности параметров (величины, соотношения) относительно фиксированных групп преобразований. В чем значимость принципов симметрии для вершения знания?

На стадии неклассической науки мыслительная проработка явлений зачастую производится в обход эмпирических исследований (которые к тому же, как в физике элементарных частиц, общей теории относительности, космологии и т. д., не всегда возможны). Теоретический поиск опирается в таких случаях на сверхэмпирические ре-

740

гулятивы (простота, красота, сохранение, соответствие), к которым принадлежат и принципы симметрии. В современной науке «стремятся угадать математический аппарат, оперирующий с величинами, о которых или о части которых заранее вообще неясно, что они означают».⁴⁵⁶

Справедливости ради надо сказать, что и классике не чужда вовсе тактика метода математической гипотезы, инкорпорирующего в предметную область гомологичные формализмы. Подобие метода модельных гипотез обнаруживается в творчестве Галилея (метод мысленного эксперимента) и Ньютона (метод принципов), к чему, однако, с подозрением относились Гюйгенс, Эйлер, Декарт, Лейбниц и другие, настаивавшие на непосредственном тождестве предмета и его модели и отпавлявшиеся от догмы индуктивной извлекаемости теории из реальности (знание как прямая коагуляция опыта). В общем, правильно утверждать, что в самосознании классической науки превалирует эмпирическая методология

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

восхождения к истине, нацеливающая на индуктивное движение от ощущений через рационализацию и генерализацию данных к универсальным теоретическим постулатам.

Если дело сводится лишь к восприятию и воспроизведению наблюдаемых состояний, все прозрачно, никакая критика опыта действительно не нужна. Вероятно, по этой причине классическая наука не критична и не гносеологична: какой бы то ни было серьезной теории познания в ней нет.

Совершенно иная картина на стадии неклассики: отправной точкой становления теории оказываются не операции абстрагирования и непосредственной генерализации эмпирики, а построение «безотносительно» к опыту концептуальных схем, организующих и направляющих понимание опытных данных. Даже в своих истоках неклассическая теория предстает не как логическая систематизация *sense data*, но как продукт синтетической поня-

⁴⁵⁶ *Мандельштам Л. И. Лекции по оптике, теории относительности и квантовой механике. М., 1972. С. 329.*

741

тийной деятельности со своими значимыми механизмами получения результатов.

Когда способом задания теоретических отношений является математика, когда объекты науки «концептуально вносятся в ситуацию как удобные промежуточные понятия... сравнимые гносеологически с богами Гомера»,⁴⁵⁷ когда понятийная ясность уже не предшествует пониманию абстрактных структур и науке еще более трудно угадать их содержание, когда формой развития знания выступает модель, применяется особый вид идеализации, удовлетворяющий условиям обобщения содержательных пластов мыследеятельности на уровне формальных соображений, имеет место широкое использование групповых идей как базы теоретического воссоздания действительности через призму аналитически вводимых инвариантов известных систем референции.

Симметрия (инвариантность) выступает разновидностью абстракции отождествления, позволяет отвлечься от несходного, связать в одном законе объекты, понятия, кажущиеся разобщенными. Это может быть «эквивалентность систем отсчета относительно преобразований пространства и времени (как в геометрических принципах инвариантности, связанных с группами пространственно-временных преобразований); либо состояний физической системы по отношению к преобразованиям фазового пространства; либо тождественность объектов, свойств, параметров систем относительно того или иного типа взаимодействий (как в динамических принципах, связанных с отдельными видами взаимодействий)».⁴⁵⁸ Связывание несвязного (через равенство, тождество, эквивалентность) — мощный эвристический прием, пополняющий синтетические ресурсы теоретического разума. Использование симметрии позволяет:

⁴⁵⁷ *Quine W. From a Logical Point of View. Cambr., 1953. P. 44.*

⁴⁵⁸ *Методы научного познания и физика. М., 1985. С. 207.*

742

а) оперировать объектами как теоретическими, а не эмпирическими сущностями (группы калибровочных

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

преобразований — наряды элементарных частиц);

б) производить классификацию объектов (по инвариантам);

в) моделировать возможности в ситуации дефицита опытных данных (метод теории групп и инвариантов в релятивистской физике);

г) выражать схему эксперимента (в случае, когда «способ классификации предикатов теории выступает одновременно способом классификации систем референции, в которых реализуется измерение соответствующих параметров теории»);⁴⁵⁹

д) проводить оптимизацию (симплификацию) изучаемых объектов (группировка сильно взаимодействующих частиц в мультиплеты и супермультиплеты);

с) целеориентировать поиск — возможный синтез космологии и квантовой механики (мега- и микромира) усматривается на пути нахождения новой симметрии;

ж) расширять теории, повышая их информативность, объединение электромагнитного и слабого взаимодействия, поиски объединения электрослабого и сильного взаимодействия в рамках проекта единой теории поля;

з) предсказывать от номологических соображений — предсказание Дираком e^+ в отсутствии визуально-эмпирических шлейфов;

и) выступать критерием отбора единиц знания — факт невыполнения условий релятивистской инвариантности, трактуемый как достаточный для выбраковки модели квантованного пространства — времени в редакции Марха и Иваненко.

⁴⁵⁹ *Теоретическое и эмпирическое в современном научном познании. С. 301.*

743

Утрата наглядности. Имеет причиной такие обстоятельства.

1. Ответственные за рост знания операции расширяющего синтеза инспирируются в неклассике по преимуществу не обобщением массивов фактов, а математизацией, исключающей исходную содержательную, понятийную ясность, которая в классике предшествует полному пониманию математических структур.

2. Зачастую эфемерна возможность экспериментального опробования теории по опытно удостоверяемым «эффектам» (физика твердого тела, суперсимметричные теории поля).

3. Затруднено прямое наблюдение исследуемых свойств и состояний (физика высоких энергий, космология, квантовая теория поля).

4. Происходит взаимопроницаемость факта и теории с утратой способности непосредственного наблюдения элементов изучаемой реальности (резонансы).

5. Не введены достаточные критерии существования анализируемых явлений и тем самым не снят вопрос истинных структурных компонентов исследуемых сред (квазичастицы).

В данных ситуациях руководствуются неэмпирическими императивами, целеориентирующими поиск по вектору соблюдения требований простоты, красоты, когерентности, эвристичности, информативности и т. п. (тенденции ревизии принципа

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

эквивалентности в ОТО, не удовлетворяющего «красоте», — будучи основоположением теории, он сам оказывается ее следствием; проблема «расходимостей» в квантовой механике как индикатор внутренней парадоксальности отдельных ее фрагментов).

Вопрос наглядности получает в неклассике трактовку через призму операций введения и исключения абстракций, где под исключением понимаются не предметные инкарнации понятий, а содержательные модели. Таким образом, неклассическая наглядность — не «механичес-

744

кое» и не «непосредственно наблюдаемое» (очевидное), а концептуально эксплицированное.

Отказ от определенности в doskonaльном смысле. Науке имманентны понятия точности и строгости, нацеливающие на включение в ее состав надежных результатов. Проблематика удовлетворительного, совершенного обоснования составляет предмет метаисследований (теории доказательств), вырабатывающих правила построения, организации и оправдания регулируемых началом достаточного основания элементов науки. Доказательность и научность неразделимы, и корреляция между ними стимулирует саморефлективные процессы, связанные как с оценками наличных демонстраций, так и с практическим их усовершенствованием, — деятельность Больяи, Лобачевского, Паша, Гильберта и др. по реорганизации геометрии; прецизионная деятельность в опытных науках — эксперименты Майкельсона, Морли, Миллера, Траутона, Нобла, Томашека, Чейза и др. по определению наличия абсолютного движения Земли относительно эфира; опыты Бесселя, Этвеша, Зеемана, Дикке и др. по доказательству принципа эквивалентности инертной и тяжелой масс и т. д.

Подобно большинству капитальных методологических категорий понятие точности и строгости внутренне дифференцировано. Различают метрическую, логическую, семантическую плоскости точности и строгости. С метрической точки зрения повышение точности и строгости знания не беспредельно: существуют границы разрешающих возможностей используемой аппаратуры; кроме того имеются квантовые ограничения в виде требований принципов неопределенности и дополненности. С логической точки зрения в силу а) ранее упоминавшихся ограничительных результатов Геделя, Тарского, Черча, Коэна, Левенгейма, Сколема; б) неясности причин дефектности оснований математики (актуальная бесконечность, закон исключенного третьего, непредикативные определения, аксиома выбора, континуум-гипотеза и т. д.); в) феномена рандомизации; г) наличия некорректных задач; д) релятивности понятия «приближенного решения» — надежды

745

на абсолютную точность и строгость знания лишены смысла. Дело усугубляет семантическая точка зрения, упирающая на реальность неформализуемых содержательных контекстов, вхождение в науку латентного предпосылочного знания, обостряющая проблемы понимания (невозможность

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

исчерпывающего логико-аналитического прояснения «нетривиальных» конструкций) и оттого не оставляющая шанса рассматриваемой классической иллюзии.

Таким образом, абсолютная точность и строгость — классический вымысел: с его развенчанием, крушением мифа доскональности знания в неклассике удовлетворяются признаками прагматичности, инструментальности, эффективности. Скажем, вера в добропорядочность математических аксиом (при глубоких сомнениях в абсолютной непогрешимости аксиоматических систем теории множеств Рассела, Цермело и др.) поддерживается убеждением в значимости, а потому справедливости теорем. Как видно, производится инверсия первоначального идеала строгого доказательства, зяждущегося на признании надежности следствий, дедуцированных из надежных начал науки. Проблематика обоснования поэтому толкуется в неклассике не как проблематика абсолютного доказательства, а как экспликация, — поиск не неизбежного гранита знания, а метода организации, систематизации, упорядочения результатов.

Поворот от «бытия» к «становлению». Суть дела и в ревизии традиционного принципа объектности (невозможность индивидуализации микрочастиц), и разрушении привычной дискретно-телесной интуиции реальности, и понимании неоднозначности онтологии вещиности (данность объекта трансформируется в зависимости от процедурно-семантической базы исследований и не постулируется a priori), и в использовании процессуальных описаний (возникающие в лоне динамических моделей обратных связей понятия взаимовлияния, конструктивного самодействия, самоорганизации), но, что гораздо более важно, — переходе от науки «существующего» к науке «возникающего». Речь, таким образом, идет о беспрецедент-

746

ном эпистемологическом феномене — появлении эволюционной науки.

Классическое знание «становление» исключает. Последнее обслуживает весьма развитый аппарат, образованный законами сохранения (идея качественной стабильности вещей), принципами постоянства, цикличности, ритмичности (идея воспроизводимости «не текущей» действительности), требованиями относительности, симметрии (идея инвариантности содержательных аспектов мышления относительно его формальных аспектов), отношениями тождества, эквивалентности, равенства, схемами стабильности, несомаизбыточности, непротиворечивости сущего и т. д. Осмысление мира как процесса, изменяющейся историчной стихии (ввиду эмпирических интуиций «становления») было вынесено за рамки науки — в метафизику. Монополией на концептуализацию «становления» долгое время владела философия — многочисленные типы диалектики, динамический спиритуализм, эмерджентизм, доктрины органической целостности, историзма.

Постепенное проникновение, укоренение в познавательном дискурсе эволюционистских, историцистских, организмических, телеономических категорий означало незаурядный поворот науки к «становлению». Когда же мысль подошла к пункту, обострившему

звучания тем генетических оснований наличных законов (проблема статуса ФФК), вводимого из соображений радикальности значений ФФК для судеб нашего мира антропного принципа, модели Большого взрыва, нетрадиционных неорганических структур, не устойчивых к деформациям, нарушений симметрии в органическом универсуме (киральная чистота живого), невозможности объяснения тайны жизни с чисто вероятностной точки зрения (случайные процессы столкновения атомов, перебор мутантов), — когда мысль стимулировала появление в нашем культурном локале всех этих идейных комплексов, возникли зачатки новой версии науки — глобального эволюционизма, универсальной теории развития. Непосредственны-

747

ми слагаемыми ее в виде более или менее отработанных представлений являются:

1. Теория структур. Развитие есть череда стабильных фаз, устойчивых в некоторых интервалах к внешним и внутренним воздействиям-возмущениям. Теория структур (топологическое, когомологическое естествознание) ищет схему, устанавливающую природу фундаментальных физических законов на основе выделения универсальных групп симметрии. Симметрии, обуславливая трансверсальность (структурную устойчивость состояний систем), оказываются инструментом описания природы;

2. Модель вектора. Развитие есть последовательность переходов от одних устойчивых состояний к другим с изменением качества, уровней организации. Идея направленности развития, надо признать, наиболее непрясленное место в современном знании. Она вводится трояко:

а) эмпирически — факты барионной асимметрии (космология), киральная чистота (асимметрия правого и левого) живого (биология), закон Долло;

б) теоретически — реанимация номогенеза как исследовательской программы. Номогенетические законы, по-видимому, топологические, обеспечивают избирательность, качественный, организационный прогресс вследствие топологической чувствительности к упорядоченности — предположение «предопределенности» ФФК, характеризуемой сильной редакцией АП (космология); номогенетический сценарий органической эволюции (биология); идея конструктивной самоорганизации с нарушением принципов суперпозиции, аддитивности причин и следствий; сомнения в обуславливающей однотипность законов однородности времени (допущение «выделенных» точек типа сингулярности);

748

в) метатеоретически — принятие телеономии: немеханический тип каузальности на базе организмичности, динамизма, целостности, автономности, асимметричности, открытости, избирательности, саморегуляции, функциональной оптимизации, самоусиления, поливариантности. Целесообразность — следствие самоорганизации, активного обмена веществом, энергией, информацией систем со средой: результат нарушения симметрий в череде переходов от исходных устойчивых состояний к последующим (через «катастрофические» скачки по

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

синергетическим уровням). Хотя о фактическом оформлении глобального эволюционизма говорить рано — его полнокровное и полноценное состояние — синтез космогонии, антропогонии, социогонии, что принадлежит будущему, — возможно фиксировать многообещающий поворот науки к «становлению», который не замедлил дать импульс новому типу знания.

Появление вычислительной науки (Computer Science).

Моделирование поведения больших сложных систем в экстремальных ситуациях (волновые коллапсы, турбулентность) компьютерными методами по сути размывает традиционные границы экспериментальных и концептуальных исследований. Возникает нетрадиционный синтетический тип разработческой деятельности, именуемый машинной имитацией. Главными последствиями этого являются:

- 1) удаление от натурального эксперимента;
- 2) фактический переход на трудновоспроизводимый однократный, одноразовый эксперимент;
- 3) обострение проблемы выявления систематической ошибки в эксперименте; становится трудно реализовывать обычную практику описания экспериментальных процедур.

Интертеория. Неведомый классике тип строения знания, радикально исключаящий «монополизм» из концеп-

749

туальной сферы. Принимается каскадный принцип организации, проводящий исходно плюралистичную, пролиферационную установку: теория разветвляется как пучок, сериал относительно самостоятельных моделей-описаний предметной области. Ставка делается не на конфронтацию, а координацию подходов, обеспечивающих объемное объективное видение, в частности, за счет перебора логически и фактически допустимых альтернатив (характерные дивергенции: в ОТО — метрическая и тетрадная формулировки; в физике элементарных частиц — дисперсионный, групповой, компенсационно-динамический подходы).

Претендуя на концептуальный абрис неклассики, сказанное позволяет судить о ней как о весьма цельном, однородном пласте духовности, подготовленном глубокими идейными процессами на рубеже XIX — первой четверти XX в. Реальная незавершенность интеллектуальной фазы неклассики не позволяет предметно решать вопрос датировок: известно лишь место и время старта, однако покрыто тайной место и время финиша. И все же, используя экстраполяцию, возможно обойти план хроники, переведя обсуждение в интенсивно теоретическую плоскость.

Преодолевая не критические догмы классики, неклассика тем не менее не порывает с ней вовсе. Непосредственная, явная связь между ними просматривается в части толкования предназначения знания. И классика и неклассика сходятся в одном: задача науки — раскрытие природы бытия, постижение истины. Замыкаясь на натуралистическом отношении «познание — мир», «знание — описание реальности», они одинаково отстраняются от аксиологических отношений «познание — ценность», «знание — предписание реальности». Обоснованием выделения и обособления неонеклассического этапа выступает, следовательно, фактор

ценности: сосредоточение на вопросе понимания не того, «что есть» (истина о мире), а того, что должно быть (потребный проект мира).

750

4.5.5 Неонеклассика

В ситуации превращения знания в орудие, рукотворную планетарную силу, возникает вопрос цены, жизнеобеспечения истины. Человек подходит к распутию, что важнее: знание о мире или знание деятельности в мире. В свете данных идей радикализуется утверждение: «центр перспективы — человек, одновременно и центр конструирования универсума».⁴⁶⁰

Неклассическая цепочка «знание — реальность» трансформируется в неонеклассическое кольцо «реальное знание и его человеческий потенциал в онаучиваемой реальности». Натуралистические гео- и гелиоцентризации уступают место аксиологической антропоцентризации; высшим кредо постижения мира предстает не эпистемологический (знание — цель), а антропный принцип: знание — средство, при любых обстоятельствах познавательная экспансия должна получать гуманитарное, родовое оправдание. Подобная нетривиальная постановка обостряет проблему взаимоотношения знания и цели, истины и ценности, еще более разобщая неонеклассику с классикой и неклассикой. Остановимся на этом подробнее.

Классика и неклассика функционировали как знания-отображения, ориентированные на постижение свойств мира. Неонеклассика, у истоков которой мы пребываем, будет функционировать как знание—инструмент, ориентированный на утверждение нас в мире. Раньше вожделением познания было знание бытия, с настоящего момента и далее радикализуется знание перспектив творения бытия, отвечающего нашим запросам.

Таким образом, очевиден сдвиг с субстанциализма на креативизм, с онтологии на телеологию, который (сдвиг) оправдывается встройкой в знание новых преобладающих тенденций. В их числе упомянем:

Синкретизм. Из принципиальных глобальных движений человечества по упрочению перспектив рода, получению ясных гарантий выживания ставится задача со-

⁴⁶⁰ Шарден Т. *Феномен человека. М., 1987. С. 38*

751

знательного созидания бытия, обеспечивающего будущую историю. В таком ракурсе интенции фундаментальной науки на получение достоверного знания изначально увязываются с интенциями прикладной науки на получение социально работоспособного утилизируемого знания. В основе координации этих интенций — понимание подчиненности науки (органа) общечеловеческой логике пролонгирования цивилизационно базовых поставляющих процессов. По ходу проектирования бытия в творческой деятельности с намерением получать оптимальные результаты нет иного пути, как сообразовываться с гуманитарно высокими образцами, согласующими знание и ценности, истину и идеалы, этику и технологию. Неонеклассическая наука, следовательно, есть воплощение гётевского сочетания *Unum*,

Vonum, Verum.

Телеономия. Классика и неклассика различали механическую и целевую причины. От Аристотеля, Лейбница, идеологов Просвещения красной нитью идет линия на вытеснение цели из контекста знания. Дело доходило до курьезного выхолащивания личности в рационалистической дидактике, толкующей человека как чистый продукт обстоятельств. Оттого — дихотомии механистической науки — свободно-целевой духовности, физики — метафизики, знания — этики, мира природы — мира свободы, естествоведения — культуроведения, сферы сущего — сферы должного, объяснения — понимания, истины — ценности.

С неонеклассической фазы, однако, знания и ценности перестают противостоять друг другу. Чтобы понять это, довольно погрузиться в следующие проблемы: наука занята поиском истины, но олицетворяет ли истина высшее, конечное предназначение человечества? Научное знание нейтрально относительно его последующей утилизации, но нейтрально (безразлично) ли человечество относительно социальной техники, запущенной на базе научного знания? Наука не просто познает мир, она познает его для человека, ибо мир без человека ничто, — в этой

752

связи, — так ли уж внутренние инициативы науки отрешены от жизненных (внешних) реалий?

Непредвзятое осмысление этих и связанных с ними проблем обязывает лишить науку самодовлеющего статуса: вершение науки не цель, а средство самоутверждения человечества. Отсюда правильно отвести науке подобающее место, поместив ее в отличающийся большей самодостаточностью ценностный контекст. Принимая во внимание, что наука, как задним числом знаем, потенциально в состоянии 1) обслуживать далекие от интересов истины предприятия; 2) представлять угрозу для существования человека и человечества; 3) инициировать столкновение человеческих воль с вероятностью одиозных исходов, — она не может функционировать в режиме автономного спонтанного действия. Необходима иерархия ценностей, расставляющая приоритеты с позиций учета коренных целей человечества как рода. Учет же последних, что очевидно, никогда не свяжет ни с истиной, ни с наукой того, что является наиважнейшим.

Как бы там ни было, сказанное требует тщательного обсуждения, тематизации на уровне развернутой методологии и теории. Но прошлая наука себя этим не утруждает, что, разумеется, чревато как близоруким сциентизмом, технократизмом, так и некритическим рассогласованием способа исследования вещно-натуралистического, где ценностно-оценочное устраняется, и экзистенциально-жизненного, где ценностно-оценочное при всем желании устранить не может. Логический финал такого подхода — гносеологический дуализм: объективизм в освоении вещно-физического и субъективизм в освоении экзистенциально-жизненного, дробление познания на науку и гуманистику со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Возможность их снятия — в новом взгляде на природу ценностей, перспектива которого вырисовывается за рамками

традиционной модели «наука — действительность» в пределах нетрадиционной модели «наука — очеловеченная действительность». В последнем случае истолковыва-

753
ние вещно-физического уже не может дистанцироваться от экзистенциально-жизненного, истина и ценность перестают быть разобщенными.

Традиционная трактовка «целесообразности» как характеристики деятельности и ее объективаций (культура, общество, история) себя исчерпала. На деле целесообразность — идущий от человека активный поток привнесения в мир человеческих обстоятельств. Антропосфера утрачивает модус онтологии истории: она приобретает модус онтологии природной жизни. Отсюда оправданность постановки антропоморфной определенности мира, целесообразно-смыслового начала, пронизывающего и пропитывающего мир. Подходящим ресурсом тематизации этого начала, аппаратом, приспособленным к рефлексии новых реалий, оказывается аппарат герменевтики. Отныне познать мир, возникший как материализация человеческих целей, означает раскрыть предназначение, побуждение человека.

Новая рациональность. Классика и неклассика строились как дианоэа: знание — беспристрастный логико-понятийный анализ реальности; либо как эпистема: знание, согласованное с внутренними канонами рационального анализа реальности (стандарты экспериментального и логического доказательства). В нашей ситуации, когда мир взвешивается ценностями, антиаксиологизм или узкий формально-рациональный аксиологизм чреват катастрофой.

Для классики и неклассики бытие бессмысленно, интерпретируемо в терминах когитальной прагматики: техногенное естествознание объясняет и утилизирует. Для неонеклассики бытие как сгусток ценностно-целевых инкарнаций осмысленно: воспринимается через призму оптимальных путей выживания, т. е. тех идеалов гуманитарных констант, абсолютов, которые пролонгируют вершение родовой истории.

Для допускающих финализацию деятельности классики и неклассики апофеоз науки — законосообразная истина. Потому рационально то, что ведет к ней. Такая финализация для неонеклассики кощунственна: поскольку

754

контрапункт — целесообразная жизнь, выживание, рационально то, что ведет к ним. Неонеклассика, таким образом, вводит иную идеологию рациональности, которая кратко определяется как гуманитарный антропоморфизм.

4.6 Динамика науки

4.6.1 Характер научного прогресса

Развитие науки (знания) — перманентное возрастание ее содержательного потенциала — инструментального, категориального, фактологического, что отражает и выражает ориентацию науки на совершенно фундаментальную цель:

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

адекватное проникновение в природу вещей, доказательное освоение истины.

Принимая во внимание, что знание — симбиоз формализма и интерпретации, последовательно рассмотрим цепочки научного прогресса, начиная со стадии языкового каркаса (терминология, лексика), через поиск интерпретаций, введение идеализаций, оформление концептуальных пространств до интенсивной теоретизации и трансляции знания в культуру.

Языковый каркас. Изменение знания неотделимо от сдвигов в артикуляции — языке, в котором знание как коммуникационная и коммутационная сущность фиксируется. Научное творчество есть в последнюю очередь словотворчество: обновление знания протекает как обновление языка. «Трудно поверить, — подмечает Пуанкаре, — какую огромную экономию мысли может осуществить одно хорошо подобранное слово. Часто достаточно изобрести... новое слово, и это слово становится творцом. Факт... приобретает свое значение лишь с того дня, когда более проникательный мыслитель подметит сходство, которое он извлечет на свет и символически обозначит тем или иным термином». ⁴⁶¹ Таковы инновации Лейбница, Галуа, Гамильтона, Кантора, Гильберта и др., обобщение опыта кото-

⁴⁶¹ Пуанкаре Л. *О науке*. М., 1983. С. 300-301.

755

рых позволяет вывести закон «новые сущности — новые имена», характеризующий прогресс науки с точки зрения динамики выразительных средств мысли.

Скрупулезное изучение лингвистических аспектов деятельности в науке показало, что теоретический синтаксис обладает рядом черт, содержащих условия внутреннего прогресса знания. Этими чертами являются полиморфизм, инверсность, неполнота.

Полиморфизм. Понятие полиморфности указывает на то, что семантические ресурсы научных понятий, включенных в систему знания, полностью никогда ею не исчерпываются; имеется возможность такого расширения понятийной сферы, обусловленная наличием резерва, «свободного пробега» понятий, которая образовывала бы новый семантический потенциал, а, следовательно, приводила к утверждению новых систем знания. Рост знания связан с открытием новой «горизонтности» исходных понятий, обнажением неведомых денотативных слоев, образованием беспрецедентных комбинаций, нахождением таких взаимопереходов и связей, которые на начальной стадии присутствовали в виртуальной форме и, во всяком случае, не могли быть предположены.

Свойства научного языка позволяют преодолевать ту черту научного мышления, которая именуется строгой дедуктивностью и которая связана с четкой фиксацией и формальнологической организацией понятийного аппарата, тормозящей расширение знания. С этих позиций рост знания может интерпретироваться как снятие формальных требований однозначности научного языка. Чем выше формальная организованность языка теории, тем большая у него однозначность, но тем меньше у него способность к экспансии — возможности быть нетривиально саморасширенным,

привлеченным к описанию дополнительного круга явлений. Напротив, чем больше семантических степеней свободы у языка, чем больше его эвристическая экспансивность, тем ниже уровень его формальной организации.

Таким образом, предпосылку роста знания составляет объективно присущее науке противоречие однозначности

756

и полиформности. В самом деле: «нечеткие и неотчетливые слова с их неровными краями, неясность разграничительных линий между понятиями, их многообразие и пестрота — все это создает возможность для нарушения строго дедуктивных форм мышления». ⁴⁶² Научное мышление, естественно, должно быть достаточно логичным, базироваться на дедуктивной логике, однако, дабы не быть тавтологичным, оно должно строиться так, чтобы допускались нарушения в строгой логике системы постулатов или в правилах вывода, которые бы обеспечивали развертывание недемонстративных способов умозаключений (форм мышления). Уточняя мысль, подчеркнем, что правила вывода во всяком логически корректном мышлении «нарушаться» не могут, — в противном случае наука предстала бы собранием паралогизмов. В данном случае, когда говорится о «нарушениях» в строгой логике системы постулатов или правилах вывода, подразумевается самая отдаленная предпосылка прогресса знания, заключающаяся в принципиальной возможности научных понятий менять содержание, что позволяет преодолевать жесткий логически однозначный строй наличного знания, обуславливая семантические сдвиги.

Следовательно, указывая на трансформационную способность понятий, следует учитывать факт развития знания с точки зрения объективной мобильности семантического потенциала науки, возможной лишь по причине существования полиморфизма, обеспечивающего введение дополнительной информации (через изменение содержания понятий) в традиционный концептуальный фонд.

Инверсность. Инверсность научных объектов (идей, принципов, предметов) есть их познавательная полифункциональность, взаимооборачиваемость, заместимость, другими словами, — способность выступать в виде «собственных» в качественно различных и даже гносеологически не сопоставимых системах знания (эпистемологических контекстах). Включение инверсного объекта в фар-

⁴⁶² *Математизация научного знания. М., 1972. С. 113.*

757

ватер некой системы является предпосылкой ее внутреннего прогресса. Феномен инверсности основан на осуществляющейся в научном познании переинтерпретации традиционного для определенного замкнутого эпистемологического контекста семантического и операционального статуса объектов, которая сопровождается установлением новых ассоциативных связей, трансплантирующих объекты в непривычные эпистемологические условия, что вызывает прогрессивные сдвиги в проблемном, концептуальном поле знания.

Иллюстрируем нашу мысль, выводя некоторые характерные для **Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).**

обсуждаемого явления правила, на конкретных ситуациях истории науки. Остановимся на показательной истории становления принципа наименьшего действия в физике.

Существовал выдвинутый Аристотелем сугубо телеологический принцип, будто все в природе благодаря провидению творца осуществляется с минимальной затратой действия. В 1744 г. Мопертюи в мемуаре парижской академии инкорпорирует этот принцип из метафизики, привлекая его для объяснения оптических и механических явлений. Спустя время он обобщает этот принцип на всякое движение и говорит об общем принципе наименьшего действия в природе, утверждающем минимальность количества действия. Затем выводятся законы рычага и удара упругих тел.

Мопертюи нашел применение этого принципа к конечным изменениям скоростей. Впоследствии Эйлер обобщает его и на непрерывные движения, а также в отличие от Мопертюи связывает его с законом живых сил: сумма всех живых сил в теле — наименьшая.

Лагранж распространяет принцип Эйлера для материальной точки на случай произвольной системы точек и применяет его к динамике системы. В итоге Якоби именует принцип наименьшего действия «матерью аналитической механики». Какова логика развития знания в данном случае? На первой стадии существует идея, не имеющая прямого научного смысла. На второй стадии осуще-

758

ствляется инкорпорация идеи в контекст знания, что позволяет наделить ее реальным внутринаучным содержанием (объяснение оптических, механических явлений, вывод законов рычага, удара упругих тел). Чаще всего содержание это довольно бедно; имеется значительный атавистический элемент первоначального неспецифического (в зависимости от определенности «донорной» области) содержания.

Мопертюи обосновывал физическое применение этого принципа тем, что он «оставляет мир в постоянной потребности (явно не физически продиктованной — *В. И.*) в могуществе творца и является необходимым следствием из наиболее мудрого употребления этого могущества». На третьей стадии происходит изменение эмпирического поля действия принципа (новации Эйлера) при сохранении и относительной неизменности его общетеоретического истолкования (упреки Якоби в адрес Эйлера, Даламбера и др. за некую метафизическую оценку принципа). На четвертой стадии завершается наполнение первоначально чужеродного данной науке принципа внутринаучным содержанием и реализуется отказ от не связанной с определенностью науки-акцептора первичной семантики. Как известно, Эйлер в конце трактата «*De isoperimetricis*» показывает, что $m/Svds$ имеет минимум, последнее и рассматривается Лагранжем как собственно физическое содержание принципа наименьшего действия, на который он смотрит «не как на метафизический... а как на простой и общий вывод из законов механики».⁴⁶³

С точки зрения семантической, поскольку наиболее очевидными инверсными объектами являются единицы языка — термины,

понятия, — развитие науки базируется на перманентной инкорпорации терминов, понятий из сопредельных языковых сфер. Последнее возможно в силу паранимии, или употребляемости слов обыденного языка

⁴⁶³ Лагранж П. *Аналитическая механика*. Т. М.-Л., 1950. С. 320.

759

(всякий несобственный язык некоторой системы знания является относительно ее собственного языка обыденным) со строго фиксированными значениями, становящимися внутринаучными. В этом отношении характерна, скажем, история появления в физике термина «кварк».

Гелл-Манн, исследователь вопроса комплексной структуры адронов, — по типу криков чаек назвал их (адронов) предполагаемые составные частицы кварками. С позиций физики, да и позиций здравого смысла используемая Гелл-Манном аналогия нерациональна. (Может быть, несколько удачнее поэтому термин Цвейга «тузы», выглядящий действительно более обоснованным ввиду прямолинейной ассоциируемости с «тузами» некоего фундаментального начала.) Итак, мотив, почему в теорию элементарных частиц введено понятие кварка, понятен — для проведения идеи комплексной структуры адронов. Однако далее при разработке теории образования адронов из кварков столкнулись с трудностями. Суть их, не вдаваясь в детали, заключалась в том, что требовалось «либо нарушить принцип Паули и разрешить двум одинаковым кваркам занимать, вопреки принципу Паули, одно и то же состояние, ввести так называемую парастатистику, либо наделить эти кварки каким-то новым качеством, по которому эти частицы могли бы различаться и таким образом реализовывать структуры, не входя в противоречие с принципом Паули».⁴⁶⁴ Победил второй путь как оптимальный. Но в ходе его реализации кварки пришлось наделить примечательными свойствами: в физике элементарных частиц возникли представления «цвета», «запаха», «очарования», «шарма» кварков. Вместе с тем кварк — сущность ненаблюдаемая. Спрашивается: как может ненаблюдаемая сущность обладать «весомыми, грубыми, зримыми» свойствами? Конечно, как разъясняет Хокинг, «цвет» (по аналогии с ним и другие свойства кварков) «не имеет ничего общего с на-

⁴⁶⁴ Марков М. А. *О единстве и многообразии форм материи в физической картине мира // Вопросы философии*. 1980. М 11. С. 63—64.

760

шим обычным понятием цвета: кварки слишком малы, чтобы их можно было наблюдать в лучах видимого света».⁴⁶⁵ Тем не менее введение в теорию подобных представлений показательное. Оставляя физическую сторону дела физикам и предоставляя им разбираться в вопросах справедливости приписывания элементарным частицам — весьма плотским сущностям — одухотворенных субстанций шарма, очарования, отметим, что с гносеологической точки зрения ситуация сама по себе не является уникальной, свидетельствующей о каком-то лирическом перерождении физики. Эпистемологически ситуация выступает лишним подтверждением того, впрочем, очевидного тезиса, что развитие науки реализуется через развитие ее языка. Причудливые «цвет», «запах», «очарование», «шарм», равно, как и глюоны —

«склеивающие силы», требуемые для объединения кварков в адроны, — сами кварки и многое другое, — все это воплощение становления научного языка, его лексики, терминологического состава, за которыми, естественно, — семантическое поле теории, содержание научного знания.

При классификации этих процессов стоит сказать, что введение инверсных понятий (идей, предметов) осуществляется следующим образом.

а) Оно может иметь источником сопредельные системы знания (понятие «напряжение» ввел в теорию строительства Навье, заимствуя его из теории электричества; в математическую теорию множества Кантор ввел «физическое» понятие мощности).

б) Оно может осуществляться на предельно «аллегорической», сугубо традиционной основе (введение кварка).

в) Оно может проходить как использование «традиционного» объекта или понятия, но с существенной переинтерпретацией его содержатель-

⁴⁶⁵ Хокинг С. *Виден ли конец теоретической физики?// Природа. 1982. № 5. С. 52.*

761

ного, функционального статуса. В данном случае можно сослаться на пример атомизма. Концепция античного атомизма, будучи развита в фарватере той культуры, согласовывалась с ее познавательными установками элементаризма: при попытке объяснить мироздание в соответствии с требованиями рациональности предлагалось многое выводить из немногочисленного, ограниченного числа оснований. В этом — своеобразное сочетание как принципа простоты, так и стремления провести идеи онтологического и теоретико-методологического монизма. Именно под этим углом зрения следует оценивать концепции «воды», «апейрона», «огня», «четырёх корней» и т. д. как первооснов сущего. Данным интенциям отвечает и концепция атомизма. Ни Левкипп, ни Демокрит не располагали научным инструментарием, дабы подтвердить, что мир атомарен; они не могли сослаться на какую-либо процедуру, обосновывающую атомизм. Античная концепция атомизма в силу этого — натурфилософская, оформленная типично умозрительным, спекулятивным путем. Только так следует расценивать (поскольку теперь-то мы знаем «верные» ответы) не идущие к делу элементы атомизма, типа утверждений, будто атомы имеют крючки и т. п. Вместе с тем концепция атомизма оказалась живучей; точнее, не концепция атомизма, а концепция элементаризма, которую она олицетворяла и которой действительно нельзя отказать в эвристичности. Ей наука в конечном счете обязана возникновением подлинного атомизма, под которым понимается физическая доктрина, возникшая на рубеже XIX—XX столетий вследствие многосложных усилий специалистов, разработавших научнообоснованную, опирающуюся не на умозрительные, а на точные процедуры концепцию

762

мироздания. Таким образом, общая комбинаторная идея, в русле которой формировался атомизм (идея составяемости сложного из однородного простого, многого из единого), пройдя через века, оказала несомненное, поразительное по силе влияние на точную

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

науку, воскресила атомистическую картину мира в лице строго обоснованного современного учения.

Подлинный прогресс науки в данном случае усматривается в изменении содержания инверсного понятия атом, семантической эволюции, какую прошел «атом Демокрита» до «современного атома».

С точки зрения самого широкого подхода к оценке свойства инверсности прогресс науки моделируется как процесс 1) заимствования «работающих абстракций»; 2) уточнения их смыслов и значений; 3) окончательной элиминации «метафоричной» основы, надления абстракций позитивным содержанием. Являясь предпосылкой прогресса науки, подобно полиморфизму, инверсность обеспечивает условия перестройки понятийного фонда знания. Если полиморфизм обуславливает свойство объективной мобильности семантических ресурсов наличных систем знания, то инверсность конкретизирует способ актуализации этого свойства. Элементы знания мобильны в том числе и потому, что представляют сплав действительности и возможности. Действительность — актуальная представленность, семантическая выраженность объекта науки в наличных системах знания. Возможность — множество потенциальных представлений, семантических выражений, связанных с грядущим вовлечением объекта науки (благодаря присущей ему инверсности) в очередные системы знания. С этих позиций основа прогресса науки в виртуальной неограниченности, многоликости объектов науки, отсутствии монополии на их «предпочтительное» использование в границах какой-то наперед заданной наделяемой чертами «фундаментальности» концептуальной конструкции.

763

Неполнота. Неполнота, или отсутствие полноты, представляется многозначным фактором, который, отвлекаясь от формально-логического словоупотребления, применительно к проблемам развития знания обозначает следующее.

В содержательном истолковании неполнота означает отсутствие исчерпывающей информации об изучаемой действительности, что составляет объективную предпосылку прогресса науки, так как в противном случае науке некуда и не для чего было прогрессировать. В порядке уточнения скажем, что объективная неполнота наличных теорий предопределяет прогресс в науке, стимулируя формирование субъективного стремления добиваться их полноты, которое выражается в тенденции достигать гносеологически желательного исчерпывающего описания, формулировать более мощные теории, дающие большую информацию о действительности.⁴⁶⁶ В более формальном истолковании неполнота означает отсутствие абсолютной замкнутости, или невозможности не апеллировать при обосновании утверждений систем знания к побочным соображениям (допущениям), в них не включаемым. Идеал максимально полной (замкнутой) научной теории не достижим, что вытекает из аргументов общефилософского, методологического, логико-математического порядка. Факт формальной неполноты теорий является предпосылкой прогресса, поскольку дает возможность

присоединять дополнительные допущения (предложения), иные, чем принятые принципы, постулаты, аксиомы и т. д., и получать, таким образом, новые теории.

Конкретизируя процессы развития знания, детерминируемые неполнотой, укажем на универсализацию, интеграцию, унификацию.

Универсализация. Ж.Дьедонне, говоря о прогрессе математики, подчеркивает, что «подлинный прогресс боль-

⁴⁶⁶ *Полнота — способность теории решать проблемы, возникающие в границах ее применимости.*

764

шей частью обусловливается углублением понимания изучаемых явлений, происходящим обычно за счет включения их в более широкие рамки». ⁴⁶⁷ Последнее, как показал опыт исследования, справедливо не только для математики, но верно в общем случае, так что может быть экстраполировано на науку в целом. Поэтому важно зафиксировать два момента: прогресс науки состоит в углублении понимания; углубление понимания осуществляется путем включения предыдущего знания в «более широкие рамки».

Что значит «углубление понимания»? Для ответа обратимся к Л. И. Мандельштаму, который говорит о двух степенях понимания. Первая — когда вы изучили какой-нибудь вопрос и как будто знаете все, что нужно, но вы еще не можете самостоятельно ответить на новый вопрос, относящийся к изучаемой области. И вторая — когда появляется общая картина, ясное понимание всех связей. ⁴⁶⁸ Именно с этой степенью понимания следует связывать прогресс науки. Существенным является, что вторая степень понимания возникает на базе более глубокого, адекватного сравнительно с первой степенью понимания знания, что в итоге позволяет снимать появляющиеся относительно данной предметной области вопросы.

Разъясним тезис, что углубление понимания достигается путем включения предыдущего знания в «более широкие рамки».

В развитии знания обнаружена закономерность: что в предшествующей теории (T_1) выступало в виде более или менее случайной фиксации предмета на эмпирическом уровне, в последующей родственной теории (T_2) выступает в виде необходимо выводимого следствия на теоретическом уровне. Так, теория покоящегося эфира Лоренца объясняла отрицательный результат опыта Майкельсона-

⁴⁶⁷ *Дьедонне Ж. О прогрессе математики // Историко-математические исследования. М., 1976. Вып. 21. С. 16.*

⁴⁶⁸ *Мандельштам Л. И. Полное собрание сочинений. М., 1948. М., 1948-1950. Т. V. С. 10.*

765

Морли на основе гипотезы сокращения линейных размеров тел в направлении движения, превращаясь в описание эмпирии a tergo. В специальной же теории относительности отрицательный результат опыта Майкельсона-Морли, так сказать, запланирован (экстраполирован) на теоретическом уровне за счет принятия иной пространственно-временной картины. То же следует сказать и о феномене «красного смещения», который фиксируется СТО, однако адекватного понимания, почему он имеет место, удается достигнуть

лишь в ОТО.

Следовательно, содержательно «более широкие рамки» означают не что иное, как большую степень развитости T_2 , ее глубину, которая является результатом уточнения T_1 , что позволяет теоретически предсказывать, выводить в T_2 эмпирически фиксируемый, но теоретически не до конца понимаемый в T_1 факт. Формально «более широкие рамки» означают наличие новой теории, из которой предшествующая выводится в качестве предельного случая. «Лучший удел физической теории, — подчеркивает А.Эйнштейн, — состоит в том, чтобы указывать путь создания новой более общей теории, в рамках которой она сама остается предельным случаем».⁴⁶⁹

Интеграция. Выражением тенденции преодолевать неполноту выступает интеграция, которая наряду с дифференциацией является мощным инструментом как развития науки, так и наукообразования. Возникновение наук осуществляется в результате их познавательного самоопределения: из некоего первичного знания, исторически «предельным» выражением которого является нерасчлененное архаичное протознание, благодаря дифференциации и интеграции обособляется специальный комплекс вопросов (предмет), требующий специального методического изучения, что и дает начало новой производной науке. Показателен в этом отношении пример так называемых синтетических наук, возникающих ввиду необходимости описания из-

⁴⁶⁹ Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. М., 1965—1967. Т. II. С. 568.*
766

вестного предмета средствами не одной, а многих систем знания. Таково, скажем, научно обоснованное описание биосферы, которое невозможно на языке какой-либо науки, ибо «сущность биосферы такова, что ее научное описание достижимо только путем одновременного применения представлений многих наук».⁴⁷⁰ Таким образом, в результате интеграционных процессов достигается синтетическое объединение ранее не связанных разделов, что приводит к углублению представлений о природе изучаемых явлений. Унификация. Один из стимулов развития науки составляет тенденция, выражаемая, к примеру, лейбницевским требованием «мини-макса», утверждающим гносеологическую желательность теоретического выражения максимального числа сущностей минимальным числом независимых допущений. Можно настаивать, что эволюция знания подчиняется требованию, определяемому этим принципом. Под данным углом зрения должны быть рассмотрены многочисленные перестройки, реорганизации теорий (в том числе на основе аксиоматизации, формализации), свидетельствующие о поиске наиболее оптимального способа построения. Поскольку, как говорил Эйнштейн, «одна теория отличается от другой главным образом выбором «кирпичей» для фундамента, т. е. ни к чему не сводимых основных понятий, на которых построена вся теория»,⁴⁷¹ постольку прогресс науки заключается в выборе все более фундаментальных «кирпичей», способных все в более уменьшающемся числе выдерживать все более возрастающие нагрузки. Этому, собственно, отвечает и радикальный призыв М.

Планка «объединить пестрое многообразие физических явлений в единую систему, а если возможно, то в одну-единственную формулу».⁴⁷²

⁴⁷⁰ Хильми Г. Ф. *Современное состояние научных концепций биосферы // Методологические аспекты исследования биосферы. М., 1975. С. 94.*

⁴⁷¹ Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. М., 1965—1967. Т. II. С. 787.*

⁴⁷² Планк М. *Единство физической картины мира. М., 1966.*

767

Таким образом, неполнота выступает такой предпосылкой прогресса знания, которая характеризует и его содержательный аспект, связанный с необходимостью перехода от менее фундаментальных — в смысле широты, глубины — познаний ко все более фундаментальным, и его формальный аспект, связанный с необходимостью перестройки, реорганизации наличных теорий с целью максимальной реализации требования замкнутости.

Интерпретация. Установление значений, истолкование терминов теоретического языка, формирование условий их понимания. Последнее осуществляется на основе предикации, или приписывания объектам мысли таких свойств, которые придают им содержательное значение, наделяют денотатом. Задача интерпретации — поставить в соответствие абстрактным понятиям конкретные объекты, формальные и математические операции идентифицировать с реальными прообразами. Интерпретация разделяется на естественную, эмпирическую, семантическую.

Естественная интерпретация заключается в интуитивном представлении объектов, фигурирующих в теоретическом языке, связана с конструированием наглядных образов («точка» — что не имеет частей, «поле» — среда, проводящая электромагнитные волны). Аппарат естественной интерпретации, сущность которой сводится к обеспечению чувственно-наглядной созерцаемости теоретических объектов, весьма ограничен, т. к. сталкивается с отсутствием аналогий в случае введения нетривиальных теоретических объектов («мнимое число», «тензор»).

Эмпирическая интерпретация обеспечивает наблюдаемость предсказываемых теорией ситуаций (вывод эмпирически осуществимых следствий): верифицируемость теории (оправдание через опытную апробацию следствий из основных посылок). На этих двух моментах по большей части и основывается предпочтительность эмпирической интерпретации перед другими ее видами для научных теорий: теоретические положения для проверки должны быть в конце концов реализованы в сфере материальной деятельности, которая представляет собой оперирование с эмпи-

768

рическими объектами. Особая роль эмпирической интерпретации выявляется в ситуации методологической рефлексии теории: невозможность эмпирической интерпретации базисных утверждений зачастую оказывается равнозначной фальсификации (ситуация в квантовой механике при попытке использовать абстракции «траектория электрона», «орбита элементарной частицы»).

Семантическая интерпретация представляет форму отображения одной абстрактной области (теории) на предметную

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

область другой, выступающей в виде модели. Модель — совокупность конструкторов, в оперировании которыми можно решить, насколько положения абстрактной теории выполнимы. Открытие неинтерпретированного исчисления не соответствует открытию знания. О таком открытии речь может идти в случае наделения формализма семантической интерпретацией. Чтобы показать это, обратимся к истории создания неевклидовой геометрии.

Идея неевклидовой геометрии возникла в связи с тем, что постулат параллельности, принятый в «Началах», выглядел не столь очевидно, как другие евклидовские постулаты. Чтобы избавиться от него, пятый постулат вначале исключали из множества других постулатов, пытаясь доказывать положения геометрии без его помощи. Тщательный анализ, ситуации, однако, показал, что пятый постулат необходим, — оставались утверждения, не доказуемые без обращения к нему. Тогда возникла идея доказать пятый постулат — вывести его в качестве теоремы. Линия, идущая от Птолемея, Прокла, также не увенчалась успехом. Наконец, к XIX столетию крах многочисленных усилий вывести пятый постулат из других привел к заключению: доказательство пятого постулата неосуществимо, он независимое основоположение теории.

Осознание этого определило искания Лобачевского. Отталкиваясь от факта независимости пятого постулата, он вывел следствия из допущения, противоположного евклидовскому постулату, и заметил, что подобное допущение не влечет противоречие.

769

Совершив, таким образом, открытие, Лобачевский, тем не менее, не мог доказать непротиворечивости гиперболической геометрии, т. е. не мог найти ей подходящей интерпретации. Отсутствие последней, по существу, оставляло открытым вопрос о ее непротиворечивости (истинности). В самом деле, на естественно возникавший вопрос, можно ли с полной уверенностью утверждать, что неевклидова геометрия логически совершенно правильна, что дальнейшее ее развитие не приведет ни к какому противоречию, Лобачевский ответить не мог. Соображения, которые он выдвигал, — главным образом согласие «полученных результатов и применение неевклидовой геометрии к разысканию значений определенных интегралов могли привести только к субъективной уверенности в этом тех, кто усвоил его систему, но они не давали и не могли дать строгого убедительного разрешения этого основного вопроса».⁴⁷³ Проведение семантической интерпретации формальной системы означает нахождение такой области объектов, отношения между которыми могут ею описываться. Если она существует, система адекватна, если нет, система неадекватна. Содержательная интерпретация, а вместе с ней доказательство непротиворечивости гиперболической геометрии осуществлены в результате достижений Бельтрами, Клейна, Пуанкаре, в особенности, когда Клейну удалось найти евклидову модель неевклидовых геометрий.

Поскольку открытие неинтерпретированного исчисления не является открытием знания, в науке нередкость ситуации, когда в отсутствие интерпретации в достаточной мере неясно, знанием о

чем является полученное «формальное знание». Учитывая важность, а также недостаточную разработанность проблем интерпретации, разберем особенности этой процедуры в гипотетико-дедуктивных науках.

Возьмем ситуацию, сложившуюся в физике в связи с отказом от описания электромагнитных процессов на базе представлений теории эфира и переходом к их описанию

⁴⁷³ *Каган В.Ф. Основания геометрии. Ч. 1. М.-Л., 1948. С. 475.*

770

на базе теории поля. К концу XIX в. идея эфира нашла столь широкое применение, что почти все виды энергии были описаны с позиций электромагнитной теории эфира. В качестве одного из существенных следствий, которое требовалось установить, исходя из условий подтверждения этой теории, было предположение, что движение всякого имеющего достаточно большую скорость тела должно сопровождаться возникновением эфирного ветра. Для решения вопроса, увлекает ли эфир световые волны, как того требует теория, поставлен ряд опытов (Майкельсона 1881 г., Майкельсона-Морли 1882 г., Траутмана и Нобла 1903 г.), давших лишь отрицательные результаты. Поскольку свойства, приписываемые эфиру — быть привилегированной системой отсчета — теорией покоящегося эфира Лоренца, не только не находили себе практического оправдания, но становились бессмысленными, т. к. если «наблюдатель обнаруживает одни и те же явления в своей системе отсчета независимо от того, покоится ли она в эфире или движется в нем равномерно и прямолинейно», и «каждый из двух наблюдателей, движущихся относительно друг друга, может с равным правом утверждать, что именно он покоится в эфире»,⁴⁷⁴ то эфира вообще не должно существовать.

Возник вопрос об определении свойств, какими с физической точки зрения должен обладать эфир как онтологическая реальность. Ни одна из известных в то время физических теорий не могла дать удовлетворительного ответа на этот кажущийся несложным вопрос. Теория несжимаемого эфира Стокса и теория сжимаемого эфира Планка, теория неподвижного эфира Френеля и теория упругостного эфира Мак-Куллоха, теория квазижесткого эфира Кельвина и теория Гретца — механические теории встречались с непреодолимыми трудностями. Основной недостаток названных теорий состоял в том, что они «становились все более искусственными по мере возрастания

⁴⁷⁴ *Борн М. Эйнштейновская теория относительности. М., 1964. С. 268-269.*

771

количества случаев, требующих детального уточнения».⁴⁷⁵ В предположении несжимаемого эфира следовало, что при взаимодействии с ним должны испытывать эффекты трения планеты, что привело бы к изменению их скорости и траекторий орбит, а этого не наблюдалось. Попытки применить к световому эфиру уравнения теории упругости твердого тела приводили к требованию продольных волн, которые в действительности не существовали. С существенными затруднениями встречались также иные механические теории эфира, теория Френеля и т. д.

Таким образом, в результате опробования теорий выяснилось,

что эфиру не удастся приписать никаких определенных, более или менее соответствующих реальным, свойств. Отсюда следовало, что понятие эфира неинтерпретируемо, а потому противоречиво.

Однако удаление эфира из контекста науки поставило физику перед проблемой: в структуре электромагнетизма эфир выполнял роль носителя световых колебаний, трактовка же механизма колебаний, по меткому замечанию Борна, немыслима без чего-то, что колеблется. Изгнание эфира, начисто лишая электромагнитную теорию агента, выступающего материальным носителем, передатчиком колебаний, означало возникновение подобной «немыслимой» ситуации. И хотя все понимали, что «эфир есть среда, которая должна озабочиваться передачею всех действий между заряженными частицами»,⁴⁷⁶ этой среде не удавалось приписать никаких не ведущих к противоречию свойств. Вследствие этого физика оказалась перед лицом своеобразного кризиса, приемлемый выход из которого связывался с переходом к теории поля.

Осмысление сущности указанного перехода, по всей видимости, стоит начать с анализа деятельности Фарадея, великой и основной задачей которого «была задача о том,

⁴⁷⁵ Лоренц Г. А. *Видимые и невидимые движения*. Одесса, 1904. С. 66.

⁴⁷⁶ Там же. С. 100.

772

существуют ли силы, действующие на расстоянии непосредственно без участия какой-либо промежуточной среды»⁴⁷⁷ — эфира.

После того, как Эрстед установил, что ток, проходящий по проводнику, приводит в движение магнитную стрелку, стало ясно, что ток создает магнитное поле и что электрическое и магнитное поля взаимосвязаны. Осознание этого позволило Фарадею, во-первых, сформулировать два постулата: а) изменение электрического состояния среды порождает магнитное состояние; б) изменение магнитного состояния среды порождает электрическое; а, во-вторых, в противоположность ранее принятой трактовке электрических силовых линий как математических приписать им образ физической реальности.

Проведение идеи физической реальности электрических силовых линий поставило вопрос семантической (физической) интерпретации природы электричества. На этот счет современная Фарадею культура располагала возможностями: а) электричество — род соединения «электрического флюида с частицами материи» (Франклин, Эпинус, Кевендиш, Моссоти); б) электричество — род соединения «двух электрических флюидов» (Пуассон, Дюрре). Фарадей отказывается от этих интерпретаций как не представляющих образов относительно способности передавать взаимодействия между зарядами без участия промежуточной среды и, ставя принятую им ранее идею о физической реальности электрических силовых линий в непосредственную связь с проблемой содержательной интерпретации электричества, приходит к выводу, что электрические явления «могут зависеть не от того, что можно назвать электрической жидкостью, а скорее от колебаний или других изменений материи, в которой электрические

явления имеют место».⁴⁷⁸

⁴⁷⁷ Гельмгольц Г. *Фарадеевская речь*. СПб., 1898. С. 6.

⁴⁷⁸ Фарадеи М. *Избранные труды по электричеству*. М.-Л., 1939. С. 195.

773

Уточняя введенное в теорию понятие «колебаний или других изменений материи», Фарадей принимает допущения о свойствах этой материи, состоящей, по его мнению, из мельчайших невидимых частиц. Принятые Фарадеем допущения свелись: а) все частицы — проводники; б) они могут быть поляризованы; в) поляризованные частицы создают напряжение и стремятся вернуться в свои естественные состояния. Так стало возможным интерпретировать взаимодействия электрических зарядов без обращения к эфирной среде. На этой стадии открытия можно констатировать, что Фарадею удалось элиминировать представление промежуточной эфирной среды, выступающей передатчиком электрических взаимодействий, за счет построения отличной от принимаемой в теории эфира онтологии, основанной на понятии проводимости мельчайших частиц. Казалось бы, сказанное освобождало от неудовлетворительных моментов эфирной теории, так как в первую очередь открываю возможность переходу к более ясной теории поляризованных частиц. Однако этого не произошло, и вот в силу каких обстоятельств. Место эфирной среды — передатчика электрических взаимодействий — заняли материальные частицы, новые онтологические носители электричества. Выдвижение этой идеи знаменовало поворот в теории электромагнетизма, и поворот величайшей парадигматической значимости. Однако для его завершения Фарадею требовалось обосновать онтологическую определенность введенных им частиц — носителей, передатчиков электричества. Для решения данной задачи перед Фарадеем открывался перспективный путь соединения его гипотетического построения с атомизмом, однако этот путь оказался для Фарадея запредельным. Фарадей рассуждал следующим образом. Если между атомами, согласно утверждениям атомистов, допустить незаполненное свободное пространство, то оно должно либо проводить ток (металлы), либо не проводить тока (неметаллы). Подобного рода дилемма, однако, сразу же наталкивала на скептический вопрос: как может некоторая вещь (свободное пространство) быть противоположной в од-

774

ном и том же отношении — снять который Фарадей не умел, в силу чего не мог принять атомизма. Решение он мотивировал доводом: «Я не люблю термина атом, потому что хотя и очень легко говорить об атомах, однако, чрезвычайно трудно составить себе ясное представление об их природе».⁴⁷⁹ Непризнание атомизма означало по существу невозможность согласиться с допущением свободного пространства между атомами, что требовало признания непрерывности материи. Дело не только в том, что последнее убеждение не удавалось связать с гипотезой частиц — носителей электричества и что, как отмечает Бернал, именно тот факт, что Фарадей не настаивал на атомной природе электричества, задержал открытие электрона на 60 лет. Важнее, что в самом признании непрерывности материи ясно звучали отголоски концепции эфира

Ильин В. В. *Философия*: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

— непрерывной среды-носителя электромагнитных свойств, Фарадей не создал теории поля, однако он обеспечил две исключительно важные для ее создания предпосылки. Во-первых, обосновал онтологический статус электромагнитных силовых линий, придав им образ объективной, а не математической реальности. Во-вторых, предложил новую идею, что помимо эфира с неменьшим успехом может быть и какой-то другой передатчик электричества, хотя какой именно, неизвестно.

Поскольку невозможность допущения осуществления физических процессов в пустом мировом пространстве в конечном счете и привела к гипотезе эфира, Максвелл, исходя из этого, а также из идеи Фарадея, что передатчиком электромагнитных взаимодействий в пространстве может быть и незфирная субстанция, вводит в электромагнитную теорию понятие особого «состояния материи», передающего электромагнитные эффекты, которое отождествляет с понятием поля. Физический смысл этого «состояния» первоначально вовсе не был ясен, т. к. представление о поле к тому же плохо согласовывалось с представ-

⁴⁷⁹ *Фарадей М. Избранные труды по электричеству. М.-Л., 1939. С. 182.*

775

лением о молекулярном строении вещества. Поэтому среди физиков было стремление трактовать максвелловскую теорию как феноменологическую. В известной мере оправдывая подобные стремления, Лоренц писал: «хотя мы все время интересуемся этим «состоянием», нам вовсе не надо пытаться как-нибудь его себе наглядно представить: реальной необходимости в этом нет; мы можем широко развить теорию и выяснить целый ряд явлений, не прибегая к умозрительным представлениям».⁴⁸⁰

Однако, никак не определив этого состояния, не снабдив его интерпретацией, невозможно было удовлетвориться теорией Максвелла в целом — построена она была именно на базе этого понятия. Поэтому в дальнейшем понятие этого «состояния» все же пытались определить, привлекая понятие «силы», а именно: электромагнитное поле есть «особое состояние, которое дает начало силе, действующей на наэлектризованное тело». Что это за особое состояние, дающее начало «силе», было столь же неясно, как и само понятие «силы». Однако важность подобной трактовки «поля» через «силу» заключалась в том, что она позволяла на символическом языке представлять поле «силой», действующей на единицу заряда тела.

Интерпретация поля посредством допущения силы, отождествляемой с силой особого состояния среды, была в значительной мере ограничена, так как не представляла удовлетворительного толкования поля как физической реальности. Вместе с тем она позволяла Максвеллу строить формальную систему уравнений, теории поля, в которой математические соотношения приобретали исключительную значимость. Последнее давало право, в частности Герцу, квалифицировать теорию поля Максвелла как систему уравнений Максвелла, которым так и не удавалось найти удовлетворительного физического смысла. Анализируя историю «полевых» представлений на этой стадии, Иоффе вспоминает: «Автор электромагнитной те-

⁴⁸⁰ Лоренц Г. А. *Теория электронов и ее применение к явлениям света и теплового излучения*. М.-Л., 1934. С. 14.

776

ории рассказывал мне, что, познакомившись впервые с уравнениями Максвелла, он не смог понять их физического смысла и обратился к переводчику сочинения Максвелла. Но и тот подтвердил, что никакого физического смысла эти уравнения не имеют, понять их нельзя, их следует рассматривать как чисто математическую абстракцию». ⁴⁸¹

Создание абстрактно-математической теории, построенной на уравнениях для электромагнитного поля Максвелла, было значительным шагом вперед на пути оформления теории поля, поскольку феноменологическая, формально-вычислительная основа последней была создана. На этой стадии открытия преждевременно утверждать, что Максвеллом непосредственно сформировано новое знание. Превращение абстрактной теории Максвелла в собственно физическое знание следует связывать с моментом разработки Лоренцем гипотезы электронов — реальных материальных носителей электричества. Она, с одной стороны, позволила снять ту сверхпроблему, которая возникла перед Фарадеем. С другой стороны, гипотеза электронов позволяла преодолеть абстрактно-феноменологический характер построения Максвелла, придав ему физический смысл. Предпосылки введения имеющей реформирующую важность гипотезы осознавалась Лоренцем следующим образом: «Если мы хотим понять, каким образом электрические и магнитные свойства зависят от температуры, плотности, химического строения или кристаллического состояния вещества... мы будем вынуждены обратиться к какой-нибудь гипотезе относительно механизма, лежащего в основе этих явлений», ⁴⁸² исключая необходимость эфира. Эта гипотеза была гипотезой электронов — прямых носителей электромагнитных взаимодействий в пространстве.

⁴⁸¹ Иоффе А. Б. *Основные проблемы современной физики*. 1949. С. 327.

⁴⁸² Лоренц Г. А. *Теория электронов и ее применение к явлениям света и теплового излучения*. С. 21—22.

777

Но и этим еще нельзя окончательно датировать оформление нового знания: «только частная теория относительности дает уравнениям Максвелла удовлетворительное, формальное толкование». ⁴⁸³ Итак, лишь с появлением частной теории относительности, в полной мере вытеснившей понятие эфира из контекста физической теории, можно обосновывать возможность электромагнитных процессов в электромагнитном поле. Последнее — завершающий этап перехода от эфирных к полевым представлениям.

Подведем итоги. Об истинности абстрактной физической (теория поля) или математической (гиперболическая геометрия) теории имеет смысл говорить после того, как ей удастся найти адекватную интерпретацию. До этого момента разговор об истинности неинтерпретированной абстрактной теории является бессодержательным. Подчеркнем, что истина в абстрактной форме дается как бы раньше—в виде некоторого неинтерпретированного содержания, которое не может рассматриваться в качестве

истинностного.

Лобачевский не располагал в полном смысле слова истинным знанием, поскольку, будучи не в состоянии интерпретировать построение, не показал его непротиворечивость. Лишь после работ Бельтрами, Клейна, Пуанкаре возможно фиксировать возникновение нового знания в завершённом виде. То же справедливо и относительно Фарадея, который, выдвинув абстрактную идею незфирного носителя электромагнетизма, четко не представлял, что это должен был быть за носитель. На причины временного несоответствия двух планов открытия — получения формализма и его интерпретации — специально указывает Дирак, отмечая, что легче открыть математическую формулу, необходимую для какой-нибудь основной физической теории, чем ее интерпретировать. Это потому, что число случаев, среди которых приходится выби-

⁴⁸³ Эйнштейн А. *Физика и реальность*. М., 1965. С. 151.

778

рать при открытии формализма, весьма определено, так как в математике немного основных идей, тогда как при их физической интерпретации могут обнаруживаться чрезвычайно неожиданные вещи. Насколько нетривиальной оказалась проблема нахождения реального материального носителя электромагнитных процессов в пространстве, свидетельствует тот факт, что теория поля Максвелла, казалось бы, базирующаяся на признании поля в качестве объективной реальности, рассматривалась современниками как чисто феноменологическая теория — система уравнений, так и не получивших до создания СТО удовлетворительного формального толкования. Таким образом, и в этом случае неверно, что Фарадей или Максвелл произвели знание, т. е. получили в полной мере осознаваемую, интерпретируемую, обоснованную, доказательную истину.

Относительно неинтерпретированного, не согласованного с системой наличного знания вновь открываемого революционного знания часто складывается отношение «недоверия», под которым понимается не «недостаток веры, ибо основания для такового заключаются в недостаточности доказательства, но то состояние ума, когда мы вполне убеждены, что какое-нибудь мнение несправедливо, до такой степени убеждены, что если бы даже в пользу этого мнения было приведено весьма строгое доказательство... мы все-таки считали бы это мнение... ложным или ошибочным».⁴⁸⁴ Поскольку с отношением недоверия к знанию, получаемому на ранних этапах открытия, мы встречаемся всякий раз, когда открывается парадигматическое знание, возникновение этого отношения можно считать общим местом в практике науки. С отношением недоверия к добытому знанию сталкивались Гаусс и Мейер, Коперник и Галилей, Больцман и Смолуховский, Дарвин, Мендель и многие другие первопроходцы науки. В чем причины и каковы основания того,

⁴⁸⁴ Милль Д., Тэн И. *Наведение как метод исследования природы*. СПб., 1861. С. 155.

779

что новое знание встречается отношением недоверия? На некоторые причины этого действительного явления мы отчасти

Ильин В. В. *Философия*: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

указывали ранее. Здесь же дополнительно укажем на два обстоятельства.

Во-первых, революционное знание является неассоциативным, что значительно осложняет его понимание (понимание основано на образовании цепей ассоциаций, вызванных воздействием понимаемого, которые возникают в уме при участии знакомых, привычных образов). Причины неассоциативности парадигматического знания в его новизне — в том, что ему трудно найти удовлетворительное толкование, согласовать с системой общепринятого знания. Наиболее приемлемым, успешно применяемым в науке средством обеспечения понимания нового знания является аппарат аналогий.

Во-вторых, отношение недоверия к новому знанию обуславливается отсутствием у большинства членов научного сообщества убежденности в истинности его содержания. Так, даже после того, как окончательно выяснилось, что наличные теории эфира не только перестали иметь успех, но и вовсе оказались обесцененными, поскольку приводили к противоречиям, мгновенного отказа от теории эфира в целом не последовало. Это потому, что мало кто из реально работающих в науке ученых на деле мог поверить в истинность теории поля, которая, по словам Ритца, несмотря ни на что основывалась на невероятном допущении колебаний в пустом пространстве.

Отсутствие уверенности современников в истинности нового знания объясняется без обращения к социально-психологическим факторам; здесь представляется возможным ограничиться исключительно гносеологическими соображениями: скажем, «Майкельсон, экспериментальные работы которого сыграли большую роль в уничтожении теории эфира, отвергает теорию света, лишённую эфира, как немислимую»⁴⁸⁵ по вполне объективным причинам: в

⁴⁸⁵ Борн М. *Теория относительности Эйнштейна и ее физические основы*. Л.-М., 1938. С. 173.

780

то время не существовало удовлетворительной интерпретации уравнений Максвелла для электромагнитного поля; кроме того, не было надлежащего толкования поля как объективной реальности.

Идеализация. Идеализация — вид абстракции, выступающей специфической формой познания, которая предполагает мысленную реконструкцию предмета посредством отвлечения от некоторых его свойств или пополнения их. Будучи обобщенными образами, абстракции выполняются на системе моделей. Если таких систем нет, абстракции семантически пусты. Непустые, содержательные абстракции подразделяются на две группы. Одни выполняются на материальных моделях, их именуют материальными. Другие реализуются на моделях идеальных, их называют идеальными. Последние фиксируют непосредственно не существующие в действительности, но имеющие в ней некие аналоги предметные признаки. Данный этап абстракций, собственно, образует множество идеализаций; они вводят в мысль идеальные элементы, через творческие определения наделяют их ментальным существованием.

Способствуя исследованию, моделированию поведения

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

идеальных объектов, идеализации расширяют разрешающие возможности интеллекта, позволяют теоретизировать, строить отвлеченные схемы, концептуализации реальности.

Присутствие в познании идеализаций служит показателем развитости отраслей знания, соответствует теоретической стадии функционирования мысли. Поскольку теория есть набор идеализации, а введением идеализаций неизбежно выделение лишь некоторых (основных, решающих) черт и факторов с игнорированием остального, входящего в состав действительного целого, возникает серьезный вопрос о степени правомерности идеализации: каковы пределы, границы допустимого идеализирования признаков в надежде получать адекватные результаты? Вопрос этот, понятно, универсального, верного на все случаи жизни ответа попросту не имеет. Однако рефлекс-

781

тивная его проработка способствует наращиванию методологического потенциала знания.

Так, оказывается, что в определенных моментах идеализации могут вступать в острый конфликт с реальностью, особенно когда это относится к фундаментальным допущениям теорий. Скажем, в недавнем прошлом наша социальная теория оперировала, казалось бы, самоочевидной идеализацией всемерной конструируемости действительности на плановой основе. Сейчас же ясно: допущение, будто можно строить общество по теории, из ряда фантомных. Возможно проектировать производство вещности (объектов, продукции), а не человеческих состояний: их становление в принципе не планируемо. (Реальное бытие общества — «сложное сочетание, равнодействующая, всегда неожиданная, наших личных и групповых судеб, стремлений, действий, целей, но вовсе не результат единого (кем и куда направленного?) строительства».)⁴⁸⁶ Отсюда (по крайней мере в настоящем) бессмысленно и вредно интенсифицировать рычаги центрального регулирования (тотальный план); акценты правильнее переносить на интегральный эффект самоорганизации целесообразно, свободно действующих локальных социальных (человеческих) формирований.

За этим — новая сетка допущений, скрывающая целую исследовательскую и политическую программу. Между тем и она не абсолютна: при катастрофическом дефиците ресурсов, в условиях падения темпов роста централизованно-регулируемый способ жизни может реанимироваться. В качестве резюме из сказанного следуют выводы: 1) ответ о границах и пределах идеализаций дает опыт; лишь практическое опробывание абстрактных конструкций, сопоставление их с фактическими данными позволяет судить о законности или незаконности идеализации;

⁴⁸⁶ *Перестройка и нравственность // Вопросы философии. 1990. № 7. С.*

15.

782

2) интерпретация места и роли идеализации в отображении действительности производится за счет фиксации гносеологической направленности конкретных познавательных актов, в структуре которых фигурируют идеализации;

3) идеализации, релевантные при одних постановках,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

некорректны при постановках других; трансформация познавательных ситуаций видоизменяет исследовательский интерес, что в некоторой предметной системе считать принципиальным, и, следовательно, вопрос о принятии идеализации решается контекстуально.

С целью иллюстрации данных регулятивных тезисов замкнем анализ на материал, для чего оценим теоретические возможности моделирования исторического процесса.

Одна линия рассуждений, как основное, существенное полагает экономический фактор, который детерминирует социальный процесс в отвлечении от политических, властных и прочих параметров. Правомерно ли такое отвлечение? В известном смысле безусловно, ориентируясь преимущественно на динамику западных обществ от рабовладения до капитализма. Если же расширять предметное поле, вводить в круг рассмотрения иные исторические пласты, потребуется принять в расчет другие факторы, так что обозначенная идеализированная модель исторического развития окажется недостаточной. Последнее подчеркивали адепты новой линии рассуждений, которые, дискутируя с поборниками первой линии и опираясь на опыт социальных деспотий, считали недопустимым игнорирование в модели истории властно-политической тематики. В русле проведения позиции легализуется существенно отличная от охарактеризованной выше фундаментальная идеализация, дающая начало политарной формационной модели.

Данные линии рассуждений, воплощенные соответственно в марксистской и анархистской традиции, так сказать, рядоположны, ибо разнятся выделением (и не-

783

дооценкой) в качестве базовых, в общем, однопорядковых факторов — отношений собственности или отношений власти. В настоящий момент основные установки такого подхода находятся за границами допустимого. Ни отношения собственности, ни отношения власти уже не могут претендовать на титул структурообразующего каркаса, задающего способ связи многообразных социальных связей. Способом связи в целом элементов социальных систем современности оказывается обеспечение гармонического сосуществования общества и природы при осуществлении производства и воспроизводства жизни, поддержание рациональной коэволюции естественной и искусственной среды обитания человечества на основе нового мировидения путем учета экоценностей. Такой подход наводит на оригинальную линию рассуждений с моделью общественно-экологической формации. Здесь в качестве центральной принимается идеализация типа экологического императива: в результате воздействий человека на окружение недопустим подрыв условий жизни и выживания человечества. Через ее призму и концептуализируются социально-исторические реалии.

Таким образом, наряду с общественно-экономическими, общественно-политическими возможны общественно-экологические формации, где экономика и политика имеют одинаково подчиненный характер по отношению к

целесообразному природопользованию, природопотреблению, природовосстановлению.

Оценка приведенных теоретических ходов, направлений поиска проливает дополнительный свет на гносеологическое существо идеализаций вообще и социальных идеализаций в особенности.

Идеализация представляет разновидность мысленного эксперимента, складывающегося из этапов:

1) выделение в натурной ситуации комплекса принципиальных с позиций анализа параметров (отношения собственности, власти и т. д.) на фоне пренебрежения иными признаками предметов;

784

2) конституирование выделенных признаков как инвариантных, репрезентативных для некоторого класса явлений (отношения собственности, власти и т. д. как структурообразующие факторы, связывающие общество в единое целое);

3) операция предельного перехода. Путем отбрасывания «возмущающего воздействия» условий на выделенные отношения осуществляется переход к предельному случаю, т. е. к собственно идеализированному предмету, — «собственность» как базис общественно-экономической формации, «власть» как основа общественно-политической формации и т. д.

Ввиду того, что идеализация — стандартный процесс теоретического познания, отдельные виды идеализаций и развитые из них концептуальные модели нет никаких резонансов канонизировать. С этих позиций марксистская схема общественно-экономической формации — не приоритетная; ее неразумно наделять каким-то избыточным пафосом.

Марксистская модель работоспособна в материале западноевропейской цивилизации, но не применима к цивилизации азиатской. Поскольку реальность азиатского (кабально-общинного) способа производства и воспроизводства жизни такова, что поддерживается не экономическими, а властно-политическими механизмами задания общественной целостности. Марксистская версия теории истории существенно неполна: она не охватывает колоссальный массив фактического, начиная от шумеро-вавилонской культуры и кончая славянской и восточноевропейской культурой, включая этап социал-сталинизма.

Однако и поносить марксистскую историософию было бы также неправильно: значительно упрощая действительность и наделяя ее объекты весьма «сильными» характеристиками, какими на деле они не обладают, принимаемые марксизмом идеализирующие предпосылки и идеализации все же «схватывают» существенное, на определенном кругу явлений их адекватность демонстрируется обстоятельно.

785

Отсюда мораль: без иконописи и прикрас, но и без легковесных развенчаний — именно таково должно быть отношение к научным социальным идеализациям.

Критерии научности идеализаций. В общем случае критерием солидности, обоснованности, правомерности идеализаций служат строго формулируемые правила введения и удаления. К ним относятся:

для введения — аппарат явных определений, операции

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

мысленного эксперимента, процедуры обобщения опытных данных; для удаления — приложения теоретических схем, конструкций, построений, фактическая выполнимость положений, предсказаний систем знания, их компонентов, комплексов, подтверждаемость теории по ее эмпирически верифицируемым следствиям, различные виды интерпретаций.

Лейтмотивом служат следующие соображения. Демаркация научной (содержательной) и ненаучной (пустой) абстракции проходит по рубежу опытной выполнимости: в случае науки потенциальная, сложная, опосредованная, но проекция идеализаций на эмпирию (в идеале) должна быть; в случае ненауки наличие такой проекции необязательно. Оговорим, что требование эмпирической оправдываемости весьма жесткое, и надо признать: в реальном познании далеко не все идеализации ему отвечают. Отсутствие эмпирических эквивалентов само по себе для однозначной выбраковки идеализаций недостаточно; какой-то период с вхождением в теорию эмпирически недостоверяемых идеализаций мириться будут. Но особого удовлетворения это не вызывает.

О чем свидетельствует опытная неадаптированность идеализаций? Во-первых, об отсутствии демонстрации, поставляющей основания убежденности в их (идеализации) правомерности. Поскольку наука — не блуждание в потемках путем проб и ошибок, а специализированное познавательное предприятие, нацеленное на разыскание строгой и точной (обоснованной) истины, подрыв интенции на обоснование в любом виде гносеологически не

786

желателен. Во-вторых, о неосуществимости важнейшей для опытных наук процедуры замыкания содержания абстракций на опыт. Невозможность редуктивного ряда (через множество опосредований, число которых подчас весьма внушительно), где в качестве завершающего звена цепи имеет место фиксируемое в аппарате остенсивных определений концептуальное образование, означает для понятия приговор фиктивности. Хотя и относительной, но фиктивности.

К примеру, что означают такие теоретические конструкции, как фридмон, тахион, партон и т. д.? Каковы их денотаты? Как объекты (имена) они вводятся в теорию, но не могут быть из нее устранены. В теории, действительно, за исключением случаев тривиальных (подпадающих под явное действие закона противоречия) допустить, ввести, приписать существование можно практически всему. Однако эпистемологические активы теории от этого не возрастают. Скорее, наоборот. Ибо дело упирается в капитальнейшую проблему фундирования утверждений существования, которая в границах перебора логических диспозиций не решается.

Отсюда для экспериментальных наук — императив опытной адаптированности идеализаций. Где он выполняется, вопрос оправданности идеализаций решается сам собой, где нет, — возникает познавательное напряжение. Скажем: чем теоретическое допущение коммунизма отличается от соответствующих допущений партонов, фридмонов? Для снятия проблемы неизвестно

иного пути, как апелляция к приему исключения абстракций, что применительно к нашему случаю означает установление «бытийственного» наполнения коммунистической идеи, возможности ее состыковки с предметными реалиями.

При попытке осуществить перевод идеальной конструкции «коммунистическая формация» на язык реальности, конечно, надлежит отдавать отчет в ее непосредственной нереифицируемости. Прибегать к далеко идущим оценочным суждениям на этом основании не сто-

787

ит, потому что возможны аргументы к нерепрезентативности наличной практики, которая не отменяет существование реальностей потенциальных (хотя доводы «к будущему» со всех точек зрения несовершенны, отметить их с порога в данном конкретном случае нельзя). Поэтому, соглашаясь, что право окончательного вердикта о коммунистической перспективе остается за еще не осуществленной практикой, положимся тем не менее на доступный арсенал и попытаемся рассмотреть обсуждаемую идеализацию как внелингвистическую сущность, поддающуюся уточнению в обозримое число языковых предложений.

Обопремся при этом на идею транслируемости свойства эмпирической оправдываемости для идеализаций, возникших в кильватере единого концептуального ствола. Это означает, что если для обслуживающих концептуальную схему «коммунизма» многочисленных предположений, приближений, допущений, понятий менее отрешенного порядка будет осуществлена реификация, свойство опытной адаптированности распространится на идеализированную модель коммунизма в целом. Не стремясь к систематичности, укажем в связи с этим лишь на следующие моменты.

1. Идея коммунизма, как таковая, качественна: ни в период выдвижения, ни тем более в современное время не может быть скоординирована с понятием планетарных возможностей, биосферных геоусловий проживания человечества. В настоящий момент ясно: образ полного потока богатств, потребляемых свободными (ассоциированными) производителями, фиктивен, ибо не имеет экспликации в терминах глобалистики. Простые подсчеты показывают: если жизненный уровень людей поднять до сопоставимого с уровнем жизни граждан развитых стран, потребуется в течение 50 лет удвоить переработку всех природных ресурсов, увеличив производство энергии в 500 раз. Последнее (с позиций существующих представлений) невозможно.

788

Более того, даже поддержание имеющегося в развитых странах уровня жизни, предполагающее наращивание темпов роста, с каждым годом становится все более и более затруднительным. Темпы роста при современном состоянии цивилизации (подчеркивание этого лишает тезис универсальности, но наполняет его реалистичностью: утверждения науки обязаны сопрягаться с действительностью) безграничны, так как планетарные запасы исчерпаемы. В этой связи возникают колоссальные проблемы перераспределения, готовности к жизни при нулевом или даже отрицательном росте, удовлетворительного решения которых

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

человечество (пока) не знает. 2. Природа общественной собственности. В теории — большая проблема уточнить категорию общественной собственности как экономическую, — опыт в полной мере обнажает ее неэкономичность. В нашей истории общественная собственность реализовалась в системе властных, а не собственно хозяйственных отношений: реально она представляла власть одних людей над другими через вещи, удаляя от свободной производительной активности. Попытки воплотить идею общественной собственности при социализме увенчались огосударствлением, разложившим веками складывавшуюся экономическую систему производительных сил. Ныне наше возвращение в цивилизацию связывается с разгосударствлением, деколлективизацией. Но тогда чему учит теория? И главное: возможна ли вообще экономически работоспособная общественная собственность. В каком случае и при каких обстоятельствах коллективность соединима с эффективностью? Возможен ли социализм как реальное, а не фискальное формационное образование на базе не ведущей в тупик общественной собственности?

789

3. Вопрос механизмов стимуляции и регуляции общественного труда. Целью социалистического общественного производства объявляется не получение прибыли, а повышение народного благосостояния, всестороннее развитие личности. Механизмом связи людей в подобном производстве не может быть рынок. Оставляя в стороне силовое давление администрирования, теория уповает на сознательность, энтузиазм людей. Между тем до сих пор практика демонстрировала несбыточность таких упований.

Для стимуляции и регуляции совместной производительной деятельности через сознательность, внутренне мотивированный, а не дисциплинарный энтузиазм, предварительно требуется соблюсти великое множество конвенансов: упразднить политические институты, осуществить самоуправление, перейти к творческому, рассчитанному на высокое самоосуществление созидательному труду и т. д. Возникает круг: новый тип производительного труда, регулируемый сознательностью, покоится на предварительной материализации производительной трудовой деятельности нового типа. Как разорвать этот круг, теория не разъясняет. (На опыте (пока) преодоление нейтрально-директивного управления производством сопровождается усилением не сознательности, а стихийности в самых темных, нерациональных, нецелесообразных формах, в формах атомизации производящих субъектов через эскалацию натурализации и этнизации.)

4. Задача совместить коммунистический «практический гуманизм» с коллективизмом. Коммунистический практический гуманизм, или признание человека наивысшей ценностью, целью, а не средством общественной жизнедеятельности, эмансипированным субъектом социального действия, на практике поддерживается не коллективизмом, а здоровым индивидуализмом. Последний обслуживается выработанным цивилизацией механизмом защиты

790

прав и свобод, достоинства самодостаточного гражданина в
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

полном согласии с интерпретацией свободы как автономии личности в социуме. Автономному свободному существу — соответствующие гарантии самореализации. Растворение же личности в общественном целом, помещение ее в среду социалистического коллективизма разворачивает насущный вопрос человеческой свободы из ракурса «соотношение автономии личности и социального патернализма» в ракурс «познание и следование необходимости», что само по себе (и тем более на фоне истории) чревато развалом предпосылок как свободы, так и гуманизма.

Не будем загружать изложение анализом иных теоретических блоков-слагаемых доктрины коммунизма, оценка которых к тому же самоцелью не является. Как видно, образующие контекст концептуальной схемы коммунизма многочисленные предположения и допущения более частного порядка на действительность (пока) не проецируются.

Следовательно, идеализирующие предпосылки, идеализации «коммунистической формации» под операцию исключения не подпадают: они не согласуются с реальным положением дел, не сводятся к объектам других (менее абстрактных) теорий, эмпирически не интерпретируются. Из сказанного вытекает если не фиктивность (такая квалификация была бы чрезмерной на фоне терпимого отношения к эмпирически неадаптированным, но допускаемым в наукооборот «кваркам», «тахинам» и т. д.), то недостаточная обоснованность идеальной модели коммунизма. Перспектива ее совершенствования видится в рамках уяснения причин несоответствия течения истории постулатам теории, оснований фактической ненаполненности идеализаций. Поэтому главное заключается в необходимости получения ответов на ряд сопряженных вопросов типа: почему революционный процесс идет не по пути, предугазанному доктриной? почему имеет место не раз-

791

ложение, а упрочение капитализма? почему рабочий класс не авангардная, а арьергардная производительная и социальная сила? возможно ли прибегать к насилию как инструменту благодетельствования человечества при переходе от предыстории к истории? разумно, допустимо ли конструировать социальную реальность по предписаниям теории?

От идеализаций к теоретизациям. Процесс мыслительного восхождения от начальной точки теории — идеализации к развернутой теории достаточно эксплицирован применительно к естествознанию. Полученные здесь методологические результаты, идеи, директивы общезначимы. Это потому, что ситуация наиболее развитого в концептуальном плане (теоретическая культура, уровень математизации, мера операционализации и т. п.) естествознания вполне репрезентативна, а значит (по принципу нетривиальной индукции: справедливое для сложного случая справедливо для случая простого) охватывает и ситуацию типологически сходного с ним обществознания. Интеллектуальные процессы, ответственные за формирование социальной теории, действительно, по существу, изоморфны соответствующим процессам, процедурам, тенденциям, сопутствующим становлению

естественнонаучной теории. В этом нетрудно убедиться на любом конкретном примере.

Так, впервые подобравшиеся к закону капитала меркантилисты вводили формулу Д-Д'. С позиций отслеживания начальных звеньев генезиса теоретических структур перед нами — рациональная модель (II ступень) жизни, ежедневно разыгрывающейся на наших глазах, когда в сфере торговли и кредита деньги обмениваются на большие деньги.

Рационально-логическая модель-принцип Д-Д' трансформирует эмпирические данные на понятийный язык (погружая в систему концептов, конструктов), в абстрактном поле воспроизводит, воссоздает реальные связи и отношения, позволяет изучать их арсеналом мыследеятельности. В отличие от эмпирического уровня на модельной

792

ступени используются термины теоретического языка, применяются характерные для теоретического уровня (Т-уровень) приемы анализа — моделирование, первичное объяснение и т. д. Однако близость Т-уровню не означает совпадения с ним. В отличие от движения на Т-уровне на стадии модели познание все-таки привязано к материалу, не в состоянии оторваться от него, воспарить над ним. Отмеченные черты свидетельствуют о глубокой родственности социальных и естественнонаучных моделей как важнейших эпистемологических образований, обеспечивающих взаимоотношение, синтез теории и эмпирии.

К естественнонаучным моделям традиционно предъявляют требования репрезентативности (полномочное концептуальное представительство), подобия (соответствие объекту по выделенным параметрам), трансляции (перенос информации с образа на прообраз). К социальным моделям, замещающим вещественные отношения смысловыми, в полной мере предъявимо, пожалуй, лишь первое требование. Требования подобия и трансляции реализуемы, как правило, в простейших случаях, когда через абстракцию отождествления удастся выхолостить символическое, метафизическое, гуманитарное измерения событий и расцепить модель как откровенный аналог реальной вещи — социологическое исследование, питаемое одномерной схемой личности, которой в редукции ее «богатого внутреннего мира» вменяется некая автоматическая, априорно заданная ориентация, способность, реакция, акция.

Трансформируя явление на язык теоретических конструктов, концептуальная модель становится генератором новых теоретических представлений. Последнее передается известным фактом содержательного ветвления исходной модели, расщепления ее на ряд частных концептуальных структур, привносящих в понимание явления дополнительные модуляции, нестандартные семантические нюансы. Возвращаясь к перипетиям меркантилистов, можно установить, что если для раннего меркантилизма (Стаффорд, Скаруффи) характерна идея денежного баланса,

793

обосновывавшая политику приращения денежного богатства сугубо законодательным путем, то поздний меркантилизм (Мен, **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Серра, Монкретьен) проводит линию активного протекционизма — идея положительного сальдо в торговом балансе, стимуляции экспорта, ограничения импорта. На ступени II, следовательно, в связи с интенсификацией концептуальной деятельности, стремлением усовершенствовать модель, сделать ее адекватной охватываемым явлениям идет процесс пролиферации: между моделью (М) и изучаемым объектом (О) устанавливается челночная связь $M \rightleftharpoons O$, обуславливающая сериацию моделей.⁴⁸⁷

Попытки подыскать удовлетворительное объяснение обнаруженного меркантилистами факта самовозрастания капитала наводят на парадокс: деньги, обмениваемые на большие деньги, противоречат природе денег. Как отмечалось, перспективу снятия этого парадокса меркантилисты усматривали в распространении формулы Д-Д' на сферу торгового капитала. Однако здесь их ждала неудача: капитал не возникает непосредственно в обращении, ибо торговля базируется на эквивалентном обмене, а не на надувательстве.

Задача откорректировать выдвинутые меркантилистами концептуальные модели определила появление на теоретической авансцене физиократов, которые, сместив анализ со сферы обращения на сферу производства, реализовали более глубокий ход, связанный с изучением воспроизводства и распределения общественного продукта в капиталистической системе хозяйствования. В результате их деятельности: логико-теоретических проработок возможностей, соотнесения абстрактных объектов с действительностью, выведения и оценки разнообразных следствий, — оформилась дескриптивная теория. Дескриптивная потому, что не до конца, не в полной мере проясняла «тайну» прибавочной стоимости, связывая ее получение преиму-

⁴⁸⁷ *Методы научного познания и физика. М., 1985. С. 52.*

794

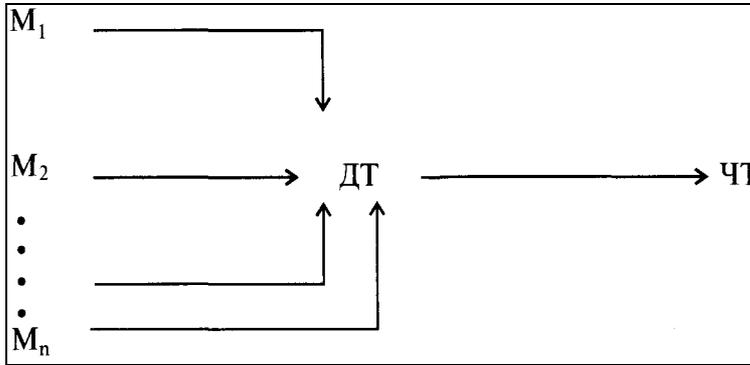
щественно с «более эксплицитным» сельскохозяйственным трудом. Другими словами, теория физиократов — типичная сущностно-неполная, феноменологическая теория. Поэтому III ступень развития знания с учетом сказанного графически выглядит так:

где Э — эмпирия; Т — теория; М-модель; ДТ — дескриптивная теория.

По мере погружения с поверхности на сущностный уровень создается адекватная концептуальная лексика (система терминов, понятий, принципов), вбирающая положительное содержание предшествующих моделей и конструкций, «снимающая» их и выражающая природу изучаемых предметов. Становление истинной концепции капитала совпадает с теоретической экспозицией закона капитала, который исходную формулу Д-Д' дополняет недостающим опосредствующим компонентом, преобразуя ее в формулу Д—Т—Д', где под Т понимается рабочая сила, выступающая товаром, сама потребительная стоимость которого обладает свойством быть источником стоимостей. С этой фазы отсчитывается оформление частной теории, обладающей достаточным запасом эвристики для успешного выполнения своих познавательных функций. Эпистемологический процесс на этой IV

ступени выражается следующей схемой:

795

где ЧТ — частная теория.

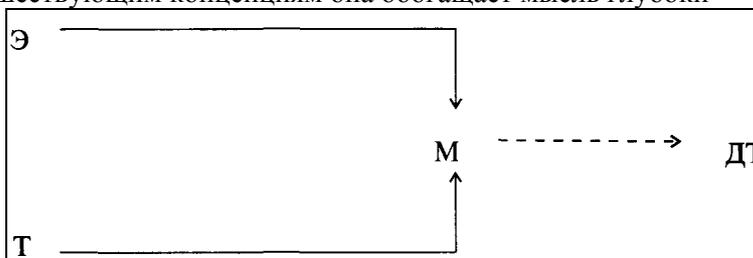
Кристаллизуясь из ДТ вследствие внутренних порождающих процедур (дедуктивное развертывание аппарата, процедуры расширяющего синтеза), ЧТ отличается от своей прародительницы качественно, а именно: более четкой, жесткой, компетентной, систематичной фиксацией сущности. Однако, возникая как переработка конкретных концептуальных моделей, с количественной точки зрения ЧТ достаточно узка: она соотносится с каким-то выделенным подмножеством явлений, не покрывающим всех элементов множества, к которому принадлежит. В нашем случае формирование марксистской политэкономии капитализма стимулируется тремя концептуальными потоками:

1) творчество Аристотеля, впервые обсудившего проблему сущностного общего, скрытого за внешностью отдельных вещей, что оказалось идеей-предтечей последующей модели абстрактного труда как конституента стоимости;

2) рассмотренное выше творчество меркантилистов;

3) творчество представителей классической буржуазной политэкономии (Петти, Смит, Рикардо, Бугильбер, Тюрго, Кенэ, Сисмонди), давших толчок трудовой теории стоимости.

С сущностной стороны превосходство марксистской политэкономии капитализма очевидно: в противовес предшествующим концепциям она обогащает мысль глубоки-

796

ми соображениями о прибавочной стоимости, ренте, прибыли, проценте, производственной эксплуатации и т. д. Однако в отношении широты охвата явлений дело обстоит далеко не благополучно. Марксистская политэкономия капитализма, во-первых, не тематизирует вопросы периферии капиталистической формации (роль торговли, внешнего рынка и т. д.); во-вторых, подвергая концептуализации по сути дела одну из качественных стадий существования капитализма, соответствующую

мануфактурной кооперации, она ничего не говорит о следующих за ней ступенях: машинном производстве, конвейере автоматизации; в ней ничего нет по поводу реальности третьего мира, многие субъекты которого пошли по смешанно-нетрадиционному пути развития.

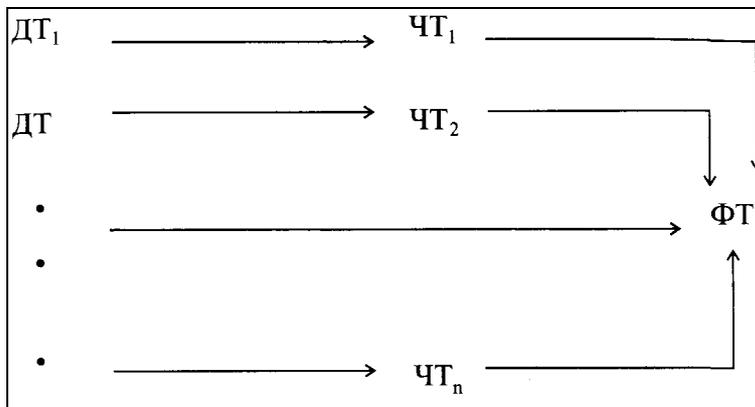
Выделенные позиции не второстепенны, они не идут по части ординарных вопросов экстенсивного расширения теории. Современная их рефлексия, надо думать, могла бы стимулировать куда более полноценную и даже здравую картину, нежели имеющаяся.

Главное же состоит в том, что рефлексия позволила бы осмыслить, почему капитализм «не выпал из русла поступательного развития человеческой цивилизации» (как, исходя из модели обнищания, пророчит доктрина), почему в его недрах «формируются механизмы, отвечающие на потребности времени» (чего доктрина не допускает) и, наконец, почему здесь «складывается система предпосылок и элементов более прогрессивных общественных отношений социалистического типа»⁴⁸⁸ (что доктрина исключает).

Таким образом, на наш взгляд, фундаментальной адекватной теории (ступень V) политэкономия капитализма (пока) не знает. С методологической точки зрения ее создание видится на пути взаимодействия и синтеза различных частных теорий, проводящих концептуализацию рассмотренных выше (и не только их) проблемных областей. В итоге получается следующая общая схема:

⁴⁸⁸ Галкин А. А. и др. *Капитализм сегодня: парадоксы развития*. М., 1989. С. 3.

797

где ФТ — фундаментальная теория.

Становление ФТ предполагает поглощение какого-то семейства ЧТ, производимое на несравненно более широкой и глубокой содержательной основе. Если ЧТ концептуализируют выделенные фрагменты предметных областей, то ФТ — предметные области в целом. Утверждения (законы, принципы, постулаты) ФТ соответствуют максимально сущностным пластам реальности, доступ к которым только и открывает наличный познавательный арсенал. Оформление ФТ обеспечивается образованием предельно общих, информативно емких понятий, вводимых не только через генерализацию опыта, но и при опоре на весьма тонкие неэмпирические — интер- и метатеоретические соображения, в частности, на соображения непротиворечивости, замкнутости,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

гомогенности, полноты, красоты и т. п. По этой причине ФТ представляет собой крайне опосредованное воссоздание действительности.

Охарактеризованные мыслительные процессы, процедуры типологичны, они инвариантны деятельности теоретика вообще — безотносительно к предметному антуражу поиска. Вместе с тем особенности материала, преимущественное задействование тех или иных ресурсов накладывают отпечаток на стиль мыследеятельности, определяют несхожесть интеллектуального интерьера в случае естественнонаучного и социального теоретического

798

творчества. Говоря о специфических чертах теоретизирования в социальном познании, укажем на следующее.

Многоразличные нюансы познавательной деятельности в социальной сфере проистекают из нестандартности самого предмета анализа — социальной реальности. В отличие от предмета естественнонаучной теории предмет социальной теории (СТ) — рукотворная, перманентно создаваемая реальность, отягощенная личностным, гуманитарным началом. В силу этого предмет СТ подвижен, изменчив, динамичен, историчен. В естествознании ФТ рано или поздно обнаружит предел своей применимости, самоисчерпается, но будет уточнена и сохранит значимость утверждений для некоторого очерченного интервала. Ее репутация не пострадает, ибо не упразднится круг явлений, природу которых она корректно воспроизводит. В ситуации СТ, отображающей предмет становящийся, несамостоятельный, процесс приращения знаний о нем не может быть линейным, поэтому развитие науки здесь не дискретизируется: в онтологическом отношении теориям не устанавливаются границы применимости, в гносеологическом отношении взаимосвязи между взаимозаменяемыми родственными теориями не управляются принципом соответствия. Картина теоретизирования в СТ весьма напоминает образ никогда не завершаемой стройки, где сооружаемое здание одновременно перестраивается.

Действительно, если ньютонова механика описывает поведение материальных тел (точнее — точек), движение которых исчезающе малосопоставимо со скоростью света, то законы ее, выведенные для подобных тел, не дискредитируются после появления релятивистской и квантовой физики. Аналогичного нельзя утверждать о той же марксистской политэкономии капитализма, которая оценивает то, чего нет. Не существует капитализма эпохи свободной конкуренции и первоначального накопления, не существует биполярной системы мира, как нет и многого другого, на раскрытие сущности чего притязает марксизм. Вероятно, вследствие этого мы оказываемся перед необходимостью создания адекватной теории социализирован-

799

ного, высокоцивилизованного капитализма — теории, саму мысль о которой ортодоксальный марксизм едва ли не считал бы кощунственной.

Немалые сложности возникают и на подходах к концептуализации феномена деятельности. Природа последней —

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

двуслойна. В ней просматривается слой более или менее универсальных регулирований межличностного общения, взаимодействия, коммуникации (интеракции), но также и слой уникальных антропологических инициаций. Традиционный взгляд, подчеркивая различие законов естественного и общественного универсумов, выделяет стихийность, слепоту, бессознательность первых и осмысленность, целесообразность вторых. Презумпция рациональности социума и происходящего в нем вдохновляющая: мы понимаем человека (и его проявления) ввиду его рациональности — он поступает разумно-целесообразно, — однако сама по себе беспочвенна и безосновательна. Вмещать человеческое в узкий горизонт рационального — большая натяжка. Довольно задаться вопросом: обречен ли человек действовать рационально?

В методологическом плане субъект есть особый объект, движимый собственными целями. Всегда ли цели его разумны и целесообразны? Далеко нет. В нашей жизни сильна игра случая, проявлений чувственности, давлений бессознательного. Используя мысль Ницше, можно сказать: зачастую мы действуем как вольный художник: берем кусок жизни, грубой и бедной, и творим из нее какую-нибудь легенду. Все это подводит к пониманию, что в социуме обнаруживается не меньший простор стихии, чем в природе. Но если в природе действующие агенты тривиально слепы, то в социуме они слепы изощренно. Последнее порождает колоссальные проблемы концептуализации столь нерациональных «стихийных», «слепых» феноменов, как сталинизм, этническая, религиозная нетерпимость, волюнтаризм, субъективизм, насильственная перекройка (перестройка) истории и т. д.

Распутывание сложностей многомерной онтологии социального значительно затруднено отсутствием действен-

800

ного теоретического потенциала — методологически инспирирующих, семантически эвристичных приемов и средств освоения предметности. Засилье примитивных, как правило, редукционистских, методик, способов концептуализации социального (гуманитарного), тщета и нищета категориального аппарата сделали свое дело, навевая безысходность, неверие в перспективу добротной, сильной социальной теории. Однако скептицизм и пессимизм никогда не были жизнеспособны. Ситуация в обществоведении, действительно, деликатна, но не безысходна, возможности удовлетворительной глубокой теории здесь ничем не подорваны. Следует лишь четко представлять, на что может, на что не может и на что не имеет права притязать социальный теоретик.

Ассимиляция знания. Смысл проблемы трансляции знания в культуру делается явным с позиций следующей полемической предпосылки. При интерпретации становления нового знания в науке как результата логической филиации неизвестных идей, инновации вписываются в контекст знания как бы непосредственно. Иначе говоря, некритически принимается, что сколь бы принципиальным ни оказывалось открытие, оно тем не менее может усваиваться внутринаучно — без трансформаций венаучных культурных комплексов (миропонимание, миропредставление).

Данный подход к толкованию вопросов динамики мира науки достаточно популярен. Между тем, задавая явно не завершенную узкологическую картину, многие существенные нюансы которой остаются подразумеваемыми, его вряд ли можно считать состоятельным.

Довольно представить перипетии внедрения в тезаурус нового парадигматического знания, как принципиальные установки этого подхода обнажат неадекватность. Главное в том, что утверждение нового знания в науке не обходится без основательного преобразования социально-духовной среды, опосредующей ритмы прогресса науки в целом.

Отсюда проблема ассимиляции — проблема целенаправленного внедрения новаций в концептуальную, методическую, технологическую деятельность общества.

801

Рассмотрим проблему на примере конкретного эпизода — истории возникновения и признания гелиоцентризма, начиная с открытия нового астрономического взгляда вплоть до полного усвоения и освоения его культурой. 1. О возникновении астрономической системы мира, которая бы базировалась на точных законах, описывающих видимые движения небесных тел и позволяющих проводить вычисления их пространственных положений, можно говорить с момента появления «Альмагеста» — грандиозного по характеру обобщений труда Птолемея, включающего свод накопленных за столетия многочисленных, однако несистематизированных знаний и представляющего своего рода астрономическую энциклопедию древней науки. Появление «Альмагеста», сменявшего догадки, фантазии, примитивные, построенные на разрозненных эмпирических сведениях концептуализации здравого смысла восточных и античных мыслителей, знаменовало высвобождение астрономии из донаучного состояния и открывало фазу основывающейся на специальных физических и математических процедурах научной астрономии. К числу важнейших достижений Птолемея относятся следующие. Птолемей решительно отказался от выдвинутого еще Евдоксом, поддержанного Калиппом и развитого в дальнейшем Аристотелем учения о концентрических неподвижных и твердых сферах, вращающихся с постоянной скоростью вокруг наклонных под углом осей. Он исходил в этом вопросе из результатов Гиппарха, который показал неадекватность системы концентрических сфер Евдокса и Калиппа и который заменил его учением о круговых движениях планет. Основанная на этом эпициклическая система Птолемея приобретала исключительную гибкость к эмпирическому материалу, так как имела возможность, «смотря но фактам, постоянно изменять или эксцентриситет, или радиус деферентов, или ве-

802

личину эпициклического круга».⁴⁸⁹ Кроме того, Птолемей разработал метод представления запутанного движения планет через разложение его на два круговых — «без этого попеременные движения планет вперед и обратно могли бы лишь создать представление о движении слишком сложном для того, чтобы его можно было объяснить на основании начал геометрии».⁴⁹⁰

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Итак, Птолемей создал весьма совершенную теорию, описывающую видимые движения небесных тел и позволяющую проводить вычисления их пространственного положения. Теория Птолемея была достаточно гибка к эмпирическому материалу, на ее основе созданы звездные каталоги, написаны многочисленные астрономические руководства, она нашла применение на практике (по сей день используется в геодезии, топографии, строительстве) — почему же, собственно говоря, возникла необходимость ее улучшения, пересмотра?

2. Мотивы пересмотра теории Птолемея многообразны. Их можно классифицировать по следующим группам факторов. а) Наука. Специально останавливаясь на выявлении предпосылок, обуславливающих необходимость пересмотра принципов птолемеевской астрономии, Коперник писал: «К размышлениям о другом способе расчета движений мировых сфер меня побудило именно то, что сами математики не имеют у себя ничего вполне установленного относительно исследований этих движений»; они не могут при помощи наблюдений и вычислений точно установить на все времена величину тропического года; «при определении движений... светил... они не пользуются одними и теми же принципами и предпосылками или одинаковы-

⁴⁸⁹ Мейер Г. *Мироздание*. СПб., 1903. С. 564.

⁴⁹⁰ Ньюкомб М., Энгельман Н. *Астрономия в общедоступном изложении*. СПб., 1896. С. 48-49.

803

ми способами представления видимых вращений и движений».⁴⁹¹ Следовательно, мотивы пересмотра птолемеевской системы по факторам внутринаучного порядка сводились к недопустимости рассматривать как совершенную теорию, не обеспечивающую инвариантных эффективных методов расчета движений, теорию, в которой наблюдается чрезмерное усложнение описательного аппарата при необходимости ассимилировать новые факты, теорию, в которой обнаруживается несоответствие предсказаний эмпирически проверяемым следствиям. Этого вполне достаточно, чтобы прийти к убеждению: «В процессе доказательства, которое называется, они или пропустили что-нибудь необходимое, или допустили что-то чуждое и никак не относящееся к делу».⁴⁹²

б) Прагматика. В 1514 г. официально поднимается проблема календаря, попытаться решить которую призван специально созданный для этого случая Лютеранский собор. Дело в том, что действующий юлианский календарь, принятый в 325 г. н. э. на Никейском соборе, давал погрешность 1 день в 128 лет, так что к XVI в. суммарная погрешность юлианского календаря составляла 10 суток. Подобное отставание не давало возможности точно проводить отсчет событий текущей духовной жизни и прежде всего устанавливать дату пасхальных литургий, поскольку время весеннего равноденствия не совпадало с календарным. Для исправления календаря была создана комиссия под председательством Павла Миддельбургского с целью изучить возможности применения для этого какой-либо более совершенной астрономической теории. Понятно, что исчерпавшая теоретический потенциал теория Птолемея не порождала в этом отношении никаких

⁴⁹¹ Коперник Н. О вращении небесных сфер. М., 1968. С. 12.

⁴⁹² Там же. С. 13.

804

определенных надежд. Это послужило стимулом для работы Коперника. в) Мировоззрение. Перед Коперником, как всяким ученым и каноником XVI века, возникала задача упростить научную систему природы, согласовав тем самым познавательную деятельность с императивами св. Писания (См.: 4.3.6). 3. Убежденность в несостоятельности птолемеевской теории заставляет Коперника допустить некое иное движение небесных тел. Подобное допущение ставит его в необходимость найти ему удовлетворительное обоснование. Из анализа работ пифагорейцев, из свидетельств Плутарха, переложений Аристотеля Коперник нашел, что имелись ученые, придерживающиеся мнения о подвижности Земли. Вначале это мнение показалось Копернику нелепым, но потом, зная, что и до него «другим была предоставлена свобода изобретать какие угодно круги для наглядного показа явлений звездного мира», он вдохновился, что и ему «можно попробовать найти для вращения небесных сфер более надежные демонстрации, чем те, которыми пользуются другие математики».⁴⁹³ Коперник находит достоинства предположенного им взгляда, а именно: «если с круговым движением Земли сравнить движение и остальных блуждающих светил и вычислить эти движения для периода обращения каждого светила, то получатся наблюдаемые у этих светил явления»; «последовательность и величины светил, все сферы и даже само небо окажутся так связанными, что ничего нельзя будет переставить ни в какой части, не произведя путаницы в остальных частях и во всей Вселенной».⁴⁹⁴

4. Около 1515 г. в «Commentariolus» Коперник формулирует основные семь тезисов, которые в дальнейшем легли в основу гелиоцентризма. Окон-

⁴⁹³ Коперник Н. О вращении небесных сфер. М., 1968. С. 13.

⁴⁹⁴ Там же. С. 14.

805

чательная же редакция гелиоцентристской идеи утвердилась в связи с введением следующих трех постулатов: а) суточное обращение небесного свода — только кажущееся, оно обусловлено суточным обращением Земли около оси, проходящей через ее центр; б) центром планетных движений является Солнце, Земля же — одна из планет — обращается вокруг него как центра с периодом обращения, равным одному году; в) имеется и третье вращение Земли, заключающееся в годичном конусообразном движении ее оси. Посредством введения этого движения Коперник думал объяснить изменения значений прецессии. 5. Нововведение Коперника не замедлило дать положительный практический и внутринаучный эффект. Прежде всего, Коперник дал новый описательный аппарат, позволяющий проводить более точные, нежели на основе геоцентризма, вычисления. Так, Коперник снял затруднения теории Птолемея в представлении движений Луны, из которых следовало, что расстояние самой Луны от Земли могло изменяться в отношении 33:17. Следующим несомненным преимуществом системы Коперника была ее большая общая простота, а именно простота гипотезы, положенной в основу **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

теории. В отношении же метода представлений движений планет посредством кругов и эпициклов она не была более простой. Правда, допущение движения Земли позволяло сократить число кругов с 73 до 34, однако это не было принципиальным. По оценке специалистов, с Венерой и Меркурием у Коперника дело обстояло еще сложнее, чем у Птолемея. К числу несовершенных моментов теории Коперника относилось введенное им третье движение Земли, которое вело к негативным и противоречивым последствиям, устраненным в 1606 г. Стевином в «Математических мемуарах». Существенные сомнения оставались у Коперника относительно центра мира, будет ли он в Солнце

806

или около Солнца, что, в конце концов, заставило его поместить Солнце на расстоянии $3/2 e$ (e — эквант) от центра и свидетельствовало об определенном атавизме, оставленном в сознании Коперника теорией Птолемея. Сказанное подтверждает последовательно проводимый нами взгляд, что даже наиболее радикальное открытие не обрывает вовсе связи с замещающей системой знания: несмотря на инновационность, остаются комплексы, являющиеся пережитками прошлого. Объяснение этому одно: каждый действительно крупный ученый «считает свою работу не разрывом с классическими представлениями о мире, а их продолжением». Коперник не составлял исключения из этого правила.

6. Согласование гелиоцентризма с наличным знанием предполагало решение двоякой задачи: проведение окончательного доказательства его чисто физического превосходства сравнительно с геоцентризмом и осуществление его приспособления к выработанному на основе аристотелевско-птолемеевской системы мира мировоззрению. Развитие коперниканской революции в связи с разрешением указанной задачи приобретало длительный, интернациональный характер. А. После появления на свет теория Коперника подверглась яростной внутринаучной атаке. Сторонники Птолемея доказывали невозможность движения Земли, апеллируя к абсурдности допущения такового. По их мнению, оно повлекло бы за собой потерю Землей атмосферы, заставило бы падающие с высоты тела отклоняться к западу, привело бы к возникновению ураганных ветров и т. д. С чисто физической точки зрения Коперник не мог снять этих возражений (они были сняты только в результате введения Галилеем и применения в системе классической механики Ньютоном принципа относительности), однако для обоснования справедливости своего мнения он все же был вынужден реагировать на них, что и сделал, прибегнув к мировоззренческому аргументу: «Состояние неподвижности считается более благородным и божественным,

807

чем состояние изменения и неустойчивости, которое по этой причине более приличествует Земле, чем Вселенной».⁴⁹⁵

Проблему движения Земли ставил Н. Кузанский, пользуясь примером быстро движущегося судна, которое, однако, может нам казаться неподвижным, если только мы не видим берегов. Тем не менее ни аргументы Коперника, ни экспликации Н. Кузанского не привели к успеху, так как не имели необходимой физической силы.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

В этой своей части до момента получения соответствующих результатов Галилеем и Ньютоном теория Коперника оставалась необоснованной. Следующим контраргументом, с которым должен был справиться гелиоцентризм, был аргумент к невозможности обращения Луны вокруг движущейся Земли без того, чтобы она не отставала от последней в процессе обращения.

Этому аргументу Коперник также ничего не мог противопоставить; он был снят только после того, как в 1610 г. Галилей открыл четыре спутника Юпитера и показал, что возможность обращения Луны вокруг движущейся Земли вполне реальна вследствие аналогии с системой обращающихся вокруг движущегося Юпитера его спутников. Третьим и наиболее веским контраргументом внутринаучного характера был тот, что из теории Коперника следовало существование годичного параллакса неподвижных звезд, которого не наблюдалось. По теории Птолемея неподвижные звезды были удалены от Земли на одинаковые расстояния и прикреплены к неподвижной сфере. *Primum Mobile*, поэтому ни о каком существовании параллакса не могло быть речи. По теории Коперника звезды были удалены на неодинаковое расстояние от Земли: и в их взаимных положениях должны были наблюдаться перемещения. Не находилось существенных опытных данных, могущих подтвердить истинность системы Коперника по вытекающим из нее проверяемым следствиям. (Измерение

⁴⁹⁵ Коперник Н. *О вращении небесных сфер*. М., 1968. С. 29.

808

параллакса было произведено Бесселем в первой трети XVIII века на двойной звезде 61 в созвездии Лебедя, затем вычислением параллакса занимались Петерс, Струве, Баклунд, Якоби и др.) Неспособность Коперника снять контраргументы внутринаучного характера существенным образом осложняла ход становления его теории. Такой проницательный ученый, как Тихо Браге, стал на сторону ее противников.

Тихо Браге не принял коперниканства, исходя из следующих обстоятельств. Во-первых, его вычисления расходились с данными коперниканцев Рейнгольда и Ретикуса, к 1515 г. закончивших составление так называемых Прусских таблиц. Во-вторых, допущение движения Земли оказывалось невозможным для него ввиду знакомства с результатами опытов по анализу падения тел с корабельной мачты, которые, как он уверял, начисто опровергают Коперника. В-третьих, несостоятельность учения Коперника казалась Тихо Браге тем более обоснованной, что вследствие многочисленных предпринимаемых им попыток найти параллакс неподвижных звезд последний так и не был найден.

На основании этих соображений Тихо Браге воспроизвел и на новом фактическом материале обосновал систему мира Гераклида Понтийского, заключающуюся в допущении вращения Земли вокруг своей оси, пяти планет — вокруг Солнца и Солнца и Луны — вокруг Земли. Научную программу Тихо Браге можно рассматривать как одну из логически возможных исследовательских программ, возникновение которых было построено на критике коперниканства, так сказать, справа. Но имелся и другой путь научной критики коперниканства,

организационное и содержательное оформление которого неразрывно связывалось с именем Кеплера. Факт, что наиболее точные наблюдения и вычисления положений планет, к которым пришел Тихо Браге и которые вступили в противоречия с данными коперниканцев, можно было истолковать и менее прямолинейно.

Он мог быть истолкован не как свидетельствующий о неадекватности коперниканской гипотезы, положенной в

809

основу аппарата вычислений, а как свидетельствующий о неадекватности вычислений. Именно так и отнесся к нему Кеплер. Перед ним, как ученым, поставившим задачу улучшить аппарат вычислений гелиоцентрической системы, возникла дилемма: либо пойти по пути введения дополнительных эпициклов в теорию круговых движений планет, либо выработать какое-либо новое представление характера их движения. Вначале Кеплер опробовал первый путь, но скоро убедился, что введение дополнительных эпициклов влечет чрезмерное усложнение теории, повторяя тем самым историю Птолемея.

На примере движения Марса Кеплер пришел к выводу, что траекториями являются не круги, а эллипсы. Окончательное обоснование этого вывода проведено в «*Astronomia Nova*» — значительном труде, вышедшем в 1601 г. в Праге, где наряду с законом эллиптичности движения планет содержится также второй закон о радиусе-векторе движения. Третий закон, устанавливающий пропорциональность между временами обращения планет и расстояниями их от Солнца, был сформулирован в «*Harmonices Mundi*», изданной в 1619 г. в Линце. Основные заслуги Кеплера, давшего мощный импульс развитию коперниканской революции, можно свести к следующим. В отличие от Коперника, он совместил центр планетной системы с центром Солнца, что можно рассматривать как наиболее последовательное проведение гелиоцентрической идеи.

Он ввел представление эллиптичности движения планет, имеющее поистине радикальное значение для коперниканства. Отказ от круга — совершенной фигуры — и замена его эллипсом знаменовали основательный мировоззренческий переворот, так как предполагали отказ от приобретшей фундаментальный идеологический статус абстракции, оваянной мистикой схоластического аристотелизма, с замещением ее на, так сказать, «рядовое» понятие. «Первая моя ошибка, — вспоминал Кеплер, — заключалась в предположении, что планеты в своем движении описывают круг, — мнение, которое украло у меня

810

тем больше времени, что оно поддерживалось авторитетом всех философов, и было, очевидно, приятно и метафизикам». ⁴⁹⁶ Он начал разработку нового математического аппарата, положив начало развитию математики переменных величин. С развитием коперниканской теории Кеплером происходит полное, но не окончательное внутринаучное оформление гелиоцентрических идей в систему мира.

Теория Коперника даже после радикальной ее разработки Кеплером остается системой, исключительно математически формулирующей принципы движений планет без указания на

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

физические причины движения. Дальнейшее развитие революции поэтому проходило в направлении выяснения физических причин планетных движений и связывается, прежде всего, с созданием динамики. В связи с оформлением Галилеем и Ньютоном динамики — науки, изучающей массы и силы как причины движения, вопрос истинности математической схемы Коперника решался сам собой. И действительно: если всякое движение небесных тел есть следствие взаимодействия силы тяжести, какова в таком случае роль центрального тела планетной системы? Ответ один: быть центром тяготения. Но отношение силы тяготения Солнца к силе тяготения Земли равно примерно 330 тыс. Значит, Солнце излучает во Вселенную почти в 1/3 миллиона большую силу, чем Земля, что и является главным аргументом в пользу гелиоцентризма.

Б.Леопарди приписывает Копернику слова, в которых он указывает, что подтверждение гелиоцентристской системы взглядов не будет внутринаучным делом, потребовав обоснования с мировоззренческой стороны. Коперник отчетливо сознавал, что влияние его теории не ограничивается физикой: «она приведет к переоценке ценностей и взаимоотношений различных категорий; она изменит взгляды на цели творения. Тем самым она произведет переворот также и в метафизике и вообще во всех областях,

⁴⁹⁶ Дрэпер М. *История умственного развития Европы. Т. 2.* Киев, 1910. С. 540.

811

соприкасающихся с умозрительной стороной знания. Отсюда следует, что люди, если сумеют или захотят рассуждать здраво, окажутся совсем в другом положении, чем они были до сих пор или воображали, что были».⁴⁹⁷

Это значение гелиоцентризма не хуже Коперника понимали теологи, обрушившие на новую планетную систему мира град мировоззренческих аргументов. Клерикалами противопоставлялся коперниканству такой довод: «Теология учит, что Солнце создано для того, чтобы освещать Землю. И что же? Ведь светильники двигают для того, чтобы освещать дома, а не дома двигают для того, чтобы они освещались светильниками. Следовательно: Солнце вращается около Земли, а не Земля циркулирует около Солнца». Изощренно критической на гелиоцентристские идеи Коперника была реакция протестантизма — наименее гибкой в своей ортодоксальности теологической доктрины.

Лютер, Кальвин, Меланхтон выдвигали против коперниканства идеологические контраргументы. Лютер в одной из проповедей в 1539 г. произносил: «Этот дурак хотел перевернуть целую науку астрономию, но святое писание говорит нам, что Иисус велел остановиться Солнцу, а не Земле». В унисон Лютеру Кальвин саркастически замечал: «Кто рискнет поместить авторитет Коперника выше авторитета Святого Духа?» Наконец, Меланхтон категорически настаивал: «Глаза свидетели тому, что небо обращается в пространстве за 24 часа. Но некоторые люди то ли из любви к новизне, то ли чтобы блеснуть своим остроумием, заключили, что Земля движется... Отстаивать такие взгляды публично можно только от недостатка честности и благопристойности; пример того является пагубным. Допускать, что истины установлены богом и принимать их как таковые есть часть

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

здорового рассудка».

Гелиоцентрическое учение приобретало колоссальное идеологическое звучание, поскольку за поднятым

⁴⁹⁷ *Льоцци М. История физики. М., 1970. С. 86.*

812

Коперником чисто физическим вопросом — простою научною задачею скрывалось нечто чрезвычайно важное: определение положения человека во Вселенной. Идеологически революционной в связи с этим оказывалась онтологическая сторона гелиоцентризма. Если онтологическое учение Аристотеля базировалось на учении об анизотропном и неоднородном пространстве, что позволяло Аристотелю выделять естественные направления движений, формулировать представление о пяти стихиях и, в частности, об эфире как «квинтэссенции бытия», противопоставляемой условиям земного бытия, а на этой основе в конечном счете оформлять антиномии небесного-мирского, то Коперник основывал свои построения на учении об однородном и изотропном пространстве, в котором точки и направления а priori лишены самостоятельных действий, привилегированных качеств. Физическое действие в пространстве Коперник связывает не с диалектикой стихий, а с точками, в которых сосредоточен материальный субстрат, вне зависимости от конкретного местоположения этих точек.

Физическое действие в пространстве Коперник рассматривает как некую функцию материального тела, но не как функцию самого пространства; что особенно важно, для Коперника в этом отношении не существует качественных различий между Небом и Землей. Логическое развитие этого положения имело и важные гносеологические последствия, поскольку позволяло вводить понятие универсальности законов природы, формулировать представление однородности Земли и Космоса. В борьбу за обоснование коперниканства с этой мировоззренческой стороны активно включились передовые мыслители Возрождения, но особенно значительным был вклад Галилея и Бруно.

Галилей открыл бесконечное множество неподвижных звезд, которых человек никогда не видел и не предполагал, — это было смертельным ударом по телеологическому учению приспособленной к католицизму перипатетической догматики: открытые Галилеем многочис-

813

ленные небесные тела «не могли быть созданы для того, чтобы ночью светить людям». ⁴⁹⁸ Заслуга Бруно заключалась в том, что активно проводимая им критика перипатетического антропоморфизма привела к созданию учения о бесконечном, снимавшего антиномию небесного-мирского: «К соизмерению, подобию, единству и тождеству бесконечного бытие человека не более близко, чем бытие муравья... в бесконечном эти вещи не различимы». ⁴⁹⁹

Таким образом, Бруно не только с научной, но и с мировоззренческой стороны обосновал справедливость гелиоцентристской доктрины. Однако, несмотря ни на что, церковь продолжала борьбу с гелиоцентризмом, и только под напором всевозрастающих аргументов внутринаучного и практического

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

характера, а также требований здравого смысла она была вынуждена приспособиться к коперниканству, что и сделала в 1822 г., официально объявив свое «лояльное» отношение к «De Revolutionibus».

Итак, ассимиляцию парадигматической теории целесообразно связывать с моментом ее окончательного согласования с комплексом представлений (научных, мировоззренческих, методологических и т. п.) культурного фона. После этого осуществляется реинтерпретация прошлой истории науки на содержательной основе новации; последняя оказывается вписанной в контекст убеждений научного общества.

4.6.2 Теория прогресса науки

Существует два пути развития знания: эволюционный (экстенсивный) и революционный (интенсивный).

Эволюционное развитие, не предполагающее радикального обновления теоретического фонда знаний, заключается в расширении области приложений наличных теорий за счет распространения на новые явления действитель-

⁵⁹⁸ Мармери Л. *Прогресс науки, его происхождение, развитие, причины и результаты*. СПб., 1896. С. 99.

⁴⁹⁹ Бруно Д. *О причине, начале и едином*. М., 1954. С. 192.

814

ности. Оно осуществляется в результате: вывода следствий («рутинная» деятельность ученых в науках логико-математического цикла); приспособления общей теории к решению частных задач путем присоединения соответствующих допущений (механика точки — механика сплошных сред); сращения с конкретной теорией математического формализма, приводящего к образованию новых представлений, систем понятий (аппарат математической статистики и теории вероятностей — термодинамика — статистическая физика); развития теории за счет введения новых предположений (усовершенствование гелиоцентризма И.Кеплером); поиска моделей, семантической (эмпирической) интерпретации теорий (деятельность Бельтрами, Клейна, Пуанкаре и других по истолкованию неевклидовых геометрий).

В самом общем, но точном смысле особенности эволюционного развития научного знания описываются механизмом гомогенной и гетерогенной редукции. Гомогенная редукция, т. е. такая, где редуцируемая теория и теория, к которой первая редуцируется, выражаются на одинаковом языке, представляется вариантом довольно тривиального расширения фонда знаний. В таком случае одна (расширяемая) теория выступает базисом, из которой в качестве следствия вытекает родственная теория. Общая схема прогресса в этом случае такова: $T_1H \rightarrow T_2$ (где T_1 — базисная, T_2 — производная теория; H — множество дополнительных гипотез, расширяющих T_1). Пример — классическая механика и получаемая из нее более частная классическая теория гравитации.

Гетерогенная редукция охватывает отношение уже не между родственными, а между качественно различными теориями, сформулированными на разных языках. Поэтому, поскольку производная теория T_2 в данном случае содержит набор таких

концептуальных единиц, которые попросту отсутствуют в арсенале T_1 , операция тривиального синтаксического включения T_2 в T_1 оказывается невозможной. Следовательно, в данном случае общей схемой прогресса будет следующая: $T_1RS \rightarrow T_2$ (где R — множество пе-

815

реходных предложений, $a S$ — совокупность семантических допущений)⁵⁰⁰. Пример — синтез электростатики и теоретической механики, образование обобщенной математической теории потенциала. С одной стороны, существовал чисто физической круг идей и способов исследования электричества, представленный, скажем, деятельностью Кулона. С другой стороны, существовали чисто математические аналитические методы теоретической механики, разрабатываемые Эйлером, Лагранжем, Лапласом и др. Пуассон соединил две области, рассмотрев закон Кулона с математической точки зрения и решив с его помощью математическую задачу распределения заряда на различных проводниках и их системах.

С логической точки зрения принципиальной характеристикой эволюционного развития выступает наличие дедуктивной связи между базисной и производными теориями. Последнее нужно понимать прежде всего в том смысле, что построение производной теории (T_2) всегда в качестве необходимого условия имеет признание истинности базисной теории (T_1), ибо если результаты T_1 истинны, то результаты T_2 не могут быть ложными.

Если же дедуктивная связь между T_1 и T_2 нарушается, есть все основания говорить о революционном развитии науки.

Революционное развитие науки, предполагающее существенное обновление, модификацию ее концептуального арсенала, заключается в углублении предшествующих представлений относительно сущности исследуемых явлений. Революция в науке — всегда форма разрешения противоречия между эвристическим потенциалом наличного знания и тем фактическим материалом, который подлежит осмыслению в его рамках. Чем обусловлены революции в науке?

В качестве наиболее общих можно указать на две причины. Во-первых — непредикативность знания, которая

⁵⁰⁰ Меркулов И. П. *Гипотетико-дедуктивная модель и развитие научного знания*. М., 1980. С. 32.

816

состоит в том, что всякое эволюционное развитие сопровождается перестройками логических, внутринаучных, философских оснований, которые в конечном счете исчерпывают имманентные возможности саморазвития, вызывая необходимость качественных, революционных преобразований. Во-вторых — невозможность бесконечной ассимиляции наличной теорией эмпирических фактов. Всякая теория предполагает ассимиляцию определенного поля эмпирических данных. На известной стадии наступает «сатурация» — момент, начиная с которого теория не в состоянии более объяснять, описывать, предсказывать явления. Для восстановления утрачиваемого баланса между теорией и эмпирией в теоретический аппарат вводят дополнительные гипотезы, допущения, приводящие к взаимосогласованию теории и эмпирии.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Несмотря на это, ассимиляция теорией эмпирических контрпримеров посредством ad hoc модификаций не безгранична: в результате теория лишается предсказательного потенциала, превращаясь в описание a tergo. К тому же перманентное усложнение аппарата теории приводит к фактической невозможности оперативного его использования в практической работе, что демонстрирует внутреннее несовершенство. В результате выявления последнего в ходе разносторонней рефлексии наличного знания ставится задача его кардинального улучшения, ассоциирующегося с революционным способом прогресса науки.

Предпосылками революций в науке являются: а) самоисчерпаемость, отсутствие эвристического потенциала наличного знания для объяснения, описания, предвидения явлений; б) становящиеся все более искусственными модификации аппарата теории, призванные приспособить его для решения внутритеоретических задач; в) противоречия, антиномии, прочие несовершенства, дискредитирующие традиционные алгоритмы постановки, решения проблем.

Однако этих причин для осуществления революции недостаточно. Необходимо возникновение новой идеи, указывающей направление перестройки наличного знания.

817

Поэтому следует отдавать отчет в том, что усмотрение в фактах, противоречащих теории и тем самым дискредитирующих утверждаемые ею тактику и стратегию исследования, антиномий возможно лишь при хотя бы зачаточном наличии новой теории.

При логической оценке революционного развития науки следует указать на разрыв дедуктивной связи между предшествующим и последующим знанием. Это означает, что новая теория не может быть получена в качестве логического следствия старой. Отношения между новой и старой теориями в данном случае описываются не в терминах принципа дедуктивной выводимости, а в терминах принципа соответствия.

Принцип соответствия как универсальный методологический принцип решает следующую проблему. Всякая новая теория (T_2), какой бы нетрадиционной она ни была, возникает как результат разрешения противоречий в старой теории (T_1) и в силу этого не может не использовать некоторые элементы из ее проблемного, категориального фонда. Из этого вытекает, что дистанцированность T_2 от T_1 не абсолютна; всегда имеется возможность их познавательного сопоставления. Принцип соответствия и реализует требование преемственности между новыми и старыми теориями.

Сторонники кумулятивизма понимают процесс развития науки как линейное количественное саморасширение совокупного знания путем монотонной аддитации к нему новых истин. Как они возникают? В плане ответа на вопрос отметим, что средством проведения кумулятивизма служит континуизм, постулирование непрерывного преемственного движения от прошлых через настоящие к будущим состояниям науки, где переход от одного состояния к другому обуславливается естественным перманентным приращением к исходному знанию очередных односоставных с точки зрения генетического и эпистемического родства элементов.

С этих позиций решая проблему источника нового, кумулятивисты исходят из того, что «новое есть филиация старого», находя всякой новой

818

научной идее некоторую историческую предшественницу, что, собственно, и позволяет рассматривать развитие науки как ламинарное, свободное от кризисов и катаклизмов.

Предтечей кумулятивизма явилась теоретико-познавательная модель роста знания, выработанная в классической философии нового времени, которая представляла научный прогресс как экстенсивную инкорпорацию новых истин в наличное знание. Эту модель, продержавшуюся в методологическом сознании вплоть до XX в., активно поддерживал и на новом историческом материале обосновывал Дюгем, фактически вытравивший понятие «научный прогресс» из ряда рабочих методологических понятий.

В настоящее время (опыт научных революций XX столетия) с кумулятивизмом как умонастроением покончено. Никто серьезно не воспринимает кумулятивистскую модель научного прогресса, изображающую последний как количественное накопление абсолютно истинных единиц знания и усматривающую его движущую силу в интенции на достижение все большего уровня систематизации и повышение точности измерения.

Критически оценивая кумулятивизм как методологическую доктрину, укажем на следующие присущие ему несовершенства:

а) кумулятивисты не в состоянии ввести отношение «прогрессивного изменения», понимаемого как нетривиальный концептуальный сдвиг в настоящем по сравнению с прошлым и в будущем по сравнению с настоящим;

б) реальность науки вопреки кумулятивизму свидетельствует: степень воздействия прошлого знания «находится в обратном отношении к оригинальности и творческим способностям ученых»;⁵⁰¹

⁵⁰¹ Родный Н. И. Проблема научной революции в концепции развития науки Т. Куна // Концепции науки в буржуазной философии и социологии. М., 1973. С. 42.

819

в) кумулятивизму свойственно неприемлемое отрицание специфики «предшествующих» этапов в развитии (истории) науки по сравнению с «последующими», что порождает некритическую модернизацию прошлого, методологически сближая кумулятивизм с лишенными кредита презентизмом и актуализмом. После этого, квалифицируя кумулятивизм как архаичное и преодоленное явление, рассмотрим антикумулятивизм (современную) версию понимания проблем научного прогресса.

Реальное функционирование в науке некоторой теории — не вечно, что вытекает из относительности познания, из того, что эвристический потенциал теории, предназначенной для концептуализации жесткофиксированной предметной области, не может быть обоснованно эксраполирован на иные требующие концептуализации предметные области. Поэтому глубинной (опосредованной) причиной необходимости преобразований теории является рано или поздно проявляющаяся ее объективная неуниверсальность, самоисчерпаемость, другими словами — ее

несоответствие все возрастающим запросам научной и материально-производственной практики. Ближайшей же (непосредственной) причиной необходимости прогрессивных изменений в науке выступает обнаружение логических, фактических противоречий в теориях, которые (изменения), осуществляясь как эволюционным, так и революционным путем и поставляя способы снятия данных противоречий, обуславливают переходы к более совершенным формам организации знания. В оценке последних правильно исходить из того, что каждая из исторически реализованных форм организации знания «есть этап на пути восхождения к конкретному воспроизведению объективной действительности в теоретических понятиях».⁵⁰² В этом смысле необходимость преобразований теорий оп-

⁵⁰² *Диалектика научного познания М., 1978. С. 259.*

820

ределяется переходом к более совершенному, адекватному (конкретному) знанию.

Если детализировать это истолкование прогресса науки, целесообразно исходить из следующей схемы последовательного становления нового знания.

Новая теория появляется как результат снятия противоречий в старой за счет разработки нетрадиционной эвристики (См.: 2.4.4).

После чего начинается трудный процесс ее объективации. Гносеологическое содержание процесса — наделение теории онтологической интерпретацией, отождествление ее с определенным фрагментом реальности, вписание в наличную картину мира.

С точки зрения динамики объективации теории возможны два варианта.

А. Результат объективации новой теории, соответствующий ее интерпретации, которая, собственно, выступает объектом теоретического знания, не является несовместимым с существующей интерпретацией явлений данного класса, даваемой старой теорией. Данная ситуация описывает случай объективации теорий в рамках эволюционного пути развития знания, например, в результате пролифераций или модификаций господствующих исследовательских программ, не приводящих к кризису «нормальной» науки. Б. Результат объективации новой теории оказывается несовместимым с традиционной интерпретацией событий, даваемой старой теорией. Ситуация описывает случай объективации теорий в рамках революционного пути развития знания, например, в результате радикального отказа от господствующих исследовательских программ, что связано с кризисом «нормальной» науки. Возникают случаи: 1. Предпринимается попытка логически совместить новую и старую интерпретации. Она реализуется как тенденция объективировать содержание новой

821

теории в границах старой картины мира. Примером может служить астрономическая система Тихо Браге, который, ясно представляя внутринаучные достоинства гелиоцентризма по сравнению с геоцентризмом, тем не менее не решается на полное и окончательное принятие первого по мировоззренческим

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

соображениям, возрождая эклектическую модель Гераклида Понтийского.

2. Предпринимается попытка истолковать новую интерпретацию как временное и в целом неприемлемое для науки явление, которое должно — чем скорей, тем лучше — «сойти со сцены», уступить место «добрым» старым представлениям. Такова, к примеру, тенденция расценивать квантовую механику как неполную феноменологическую теорию, которая требует переформулировки на динамически-детерминистский язык.

3. Предпринимается попытка показать противоречивость и несостоятельность новой интерпретации с намерением исключить ее из пределов науки. Скажем, известные стремления показать парадоксальность представлений дискретности энергетических состояний атомных объектов с позиций классической физики.

4. Пожалуй, наиболее интересный случай, являющийся неизбежным финалом предыдущих. После окончательного принятия новой и крушения старой интерпретации предпринимается попытка выяснить их взаимоотношение на основе принципа соответствия. Упорядочение имевших место в науке интерпретаций по данному принципу, означающее в конечном счете а) установление единства предметных знаний; б) углубление теоретических представлений об изучаемых в знании явлениях действительности, составляет объективную основу качественного прогресса науки, выражаемого не формулой «от того, что мы знаем», как считает, к примеру, Кун, но формулой «к тому, что мы хотим

822

знать». Последнее, как нетрудно видеть, позволяет отвергнуть деструктивное убеждение в том, что «науки (теории) бывают просто разными», которое отрицает возможность прогрессивных изменений в сфере знания, и принять конструктивное убеждение в том, что «науки (теории) бывают более совершенными», которое и позволяет адекватно обосновать концепцию научного прогресса. Приемлемой схемой, моделирующей рост теории, может быть следующая. Появление новых эмпирических данных, требования семантической, логической оптимизации знания вызывают необходимость модифицировать наличное знание. Модификации с генетической точки зрения возникают как поризм либо как следствие реализации продуктивно-творческого, интуитивного потенциала познания на основе рекомбинации элементов наличного опыта (в частности, путем гибридизации принятых исследовательских программ).

Полученные в результате модификаций знания новации оформляются, организуются в теории, из которых логически дедуцируются опытно опробуемые следствия; в случае их совпадения с экспериментально достоверяемым положением дел теории подтверждаются, внедряются в практику. Дальнейший прогресс теорий определен деятельностью по их логическому, операциональному, экспериментальному, семантическому совершенствованию согласно критериям «внутреннего совершенства» и «внешнего оправдания».

Так как теоретический и фактуальный базисы знания совпадают

не в полной мере, в перспективе этот естественный цикл науки воспроизводится вновь и вновь.

Наглядное формульное выражение данной схемы применительно к непосредственной единице науки, научной теории, которая не является прямой и примитивной коагуляцией наблюдений (эмпирических данных), таково: $E - J - T_p - T_E - E'$ (1), где E — эмпирические факты-провокаторы, J — интуиция, T_p — теоретические принципы, T_E — эмпирически проверяемые следствия из тео-

823

рии, E — поле возможных эмпирических подтверждений теории.

Динамика новых циклов с учетом расширения эмпирического базиса теории соответственно описывается формулой $E_i - J_i - T_{pi} - T_{ci} - E'_i$ (2), что демонстрирует спиралевидное развитие науки согласно ее диалектической природе.

E в (1) и E_i в (2) отличаются соответственно от E' и E'_i интенционально и экстенционально: E и E_i являются аномалиями с позиций старой теории, которая не может их ассимилировать, и «провокаторами» новой теории, которой еще нет, тогда как E' и E'_i логически выводятся из теории в качестве «запрограммированных» следствий. E' и E'_i включают класс предсказываемых теорий потенциальных верификаторов, а потому шире E и E_i .

Запас прочности развития теории, ее эвристичности, нетривиальности не бесконечен: по мере исчерпания идейного заряда, свидетельство чего — рано или поздно наступающая деформация «внутреннего совершенства» и «внешнего оправдания», теория уступает место идущей на смену ей преемнице. Собственно этим объясняется круговорот циклов науки.

Диахронный разрез проблемы дает формулу прогресса, несколько отличную от приведенной, полученной в рамках синхронного разреза. Поскольку связь теоретического и эмпирического базисов неоднозначна, что означает недедуцируемость B_T из B_E и нередуцируемость B_T к B_E , постольку генеалогия нового знания в формульной записи такова:

$$E - I - \begin{matrix} T_{p1} \rightarrow T_{c1} \\ T_{p2} \rightarrow T_{c2} \\ T_{pn} \rightarrow T_{cn} \end{matrix} - E'_i$$

из $(E-I)$ следует множество теоретических картин (ΣTP) — альтернативных исследовательских программ, но не следует множество эмпирических картин (ΣEP) . Последнее соответствовало бы методологической доктрине пантеоризма, гипертрофирующей факт теоретичес-

824

кой нагруженности E и B_E . На деле автономные ингредиенты (ΣT_p) различаются концептуально: они получены вследствие расслоения, пролиферации B_T и имеют единый B_E , фиксируемый через призму стандартного (для локальной ситуации) операционального базиса (B_0) .

Относительная стабильность, независимость B_0 и B_E от B_T обеспечивает возможность первым выступать инструментом испытания, критического обоснования второго, результатом чего является выбраковка компонентов B_T , дающих ΣT_p , и утверждение

какого-то предпочтительного варианта. Последнее важно подчеркнуть по двум причинам. Во-первых, чтобы показать несостоятельность как «критически рационалистического», так и «исторического» направлений постпозитивизма: одно понимает V_E лишь как механическое средство отбора иррационально возникающих элементов V_T , другое истолковывает V_E лишь как придаток V_T лишенный самостоятельной познавательной роли. Во-вторых, чтобы провести трезвый взгляд, согласно которому V_T и V_E — структуры хотя и самостоятельные, однако не однопорядковые: V_E — более фундаментален как с точки зрения генеалогии V_T , которая может быть значительной и труднопредставимой, но обязательно опытно-эмпирической, так и с точки зрения обоснования V_T , которое в конечном счете всегда опытно-экспериментально.

В. В. ИЛЬИН ФИЛОСОФИЯ

Том 1

Метафилософия Онтология Гносеология Эпистемология

Ответственный редактор *Оксана Кох-Коханенко*

Технический редактор *Геннадий Крамской*

Художественный редактор *Анастасия Вьюнова*

Компьютерная верстка *Светланы Мещеряковой*

Корректор *Валентина Боровцева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.08.2005 г.

Формат 84x108/32. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,68.

Тираж 5000 экз. Заказ № 385.

Издательство «Феникс», 344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский,

80.

Тел.: (861) 257-04-14, тел./факс (8632) 61-89-50, e-mail: academpres@tsrv.ru

Отпечатано

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»,

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ТОРГОВЫЙ ДОМ «ФЕНИКС»

Для крупнооптовых покупателей

344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80

Тел.: (863) 261-89-53, 261-89-54, 261-89-55, 261-89-56, 261-89-57;

факс 261-89-58; e-mail: torg@phoenixrostov.ru

Представительства в г. Москве

г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 25/2, 3-й подъезд

Район метро «Войковское»

Директор — Моисеенко Сергей Николаевич

Тел.: (095) 156-05-68, 450-08-35; e-mail: fenix-m@ultranet.ru

г. Москва, Шоссе Фрезер, д. 17. Метро «Авиамоторная» **Директор — Мячин**

Виталий Васильевич

Тел.: (095) 107-44-98, (901) 711-79-81, (095) 517-32-95; e-mail: mosfen@bk.ru

Издательский Торговый Дом «КноРус»

г. Москва, ул. Б. Переевская, 46. Метро «Рижская», «Проспект

Мира» Тел.: (095) 280-02-07, 280-72-54, 280-91-06; e-mail: phoenix@knorus.ru

Представительство в г. Санкт-Петербурге

г. Санкт-Петербург, ул. Кронштадтская, 11

Директор — Нарзиева Анжела Рустамовна

Тел. (812) 183-24-56; e-mail: anjeln@yandex.ru

Представительство в г. Владивостоке

г. Владивосток, ул. Фадеева, 45 «А»

Директор — Калинин Олег Викторович

Тел. (4232) 23-73-18; e-mail: oleg38@mail.primorve.ru

Представительство в г. Новосибирске ООО «ТОП-Книга»

г. Новосибирск, ул. Арбузова, 1/1

Директор — Вяльцева Ирина

Тел. (3832) 36-10-28, доб. 165; e-mail: phoenix@top-kniga.ru

Представительство в Украине ООО «Кредо»

г. Донецк, пр. Ватутина, 2 (офис 401) Тел.: +38 (062) 345-63-08, 339-60-85; e-mail: moiseenko@skif.net

Сайт издательства «Феникс» — <http://www.phoenixrostov.ru>

По вопросам издания книг: Тел. (863) 26-18-950, e-mail: office@phoenixrostov.ru

Редакционно-издательский отдел Руководитель отдела - Глебов Евгений Иванович Тел. (861) 257-04-14; e-mail: info@academpres.ru

Сайт отдела: www.academpres.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Том 2

В. В. ИЛЬИН

ФИЛОСОФИЯ

ТОМ 2

**СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ
АКСИОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ**

**ВЫСШЕЕ
ОБРАЗОВАНИЕ**

Высшее образование

В. В. ИЛЬИН

ФИЛОСОФИЯ

Том 2

**Социальная философия Философская
антропология Аксиология Философия истории**

Рекомендовано

Министерством науки и образования

в качестве учебника для высших учебных заведений

 ЕНИКС

Ростов-на-Дону 2006

УДК 1(075)8

ББК 87я73

ККТ 000

И 46

Ильин В. В.

И 46 Философия: учебник. В 2 т. Т. 2 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. - 784 с. - (Высшее образование).

ISBN 5-222-07262-2

Соответствуя новой программе, учебник представляет собой систематический проблемный курс для продвинутой университетской аудитории. С опорой на фундаментальные достижения естество-, обществознания, социально-политической практики автор излагает основные вопросы социальной философии, философской антропологии, аксиологии, философии истории.

УДК 1(075)8 ББК 87я73

ISBN 5-222-07262-2

© Ильин В. В., 2005

© Оформление. ООО «Феникс», 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

V. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ	7
5.1 Социальное бытие.....	8
5.1.1 Микроареал.....	8
5.1.2 Макроареал.....	10
5.1.3 Мегаареал.....	12
5.2 Социальные общности.....	16
5.2.1 Макроуровень.....	19
5.2.2 Макроуровень.....	31
5.3 Социогенез.....	123
5.4 Социализация.....	130
5.4.1 Человек — индивид — личность.....	130
5.4.2 Аккультурация.....	137
5.4.3 Индивидуация.....	139
5.4.4 Самооценка.....	140
5.4.5 Отчуждение.....	142
5.4.6 Социальная ориентация личности.....	146
5.5 Социальные институты.....	163
5.5.1 Власть.....	164
5.5.2 Государство.....	179
5.6 Социальное действие.....	213
5.6.1 Понятийная сетка проблемы.....	215
5.6.2 Реформа, инновация, революция.....	222
5.6.3 Реформы в России.....	231
5.6.4 Социальный риск.....	277
5.6.5 Социальные решения.....	283
VI. СОЦИАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ	289
6.1 Методология.....	289
6.2 Издержки формационности.....	305
6.3 Гуманитарная парадигма.....	315
VII. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	335
7.1 Человек в мире.....	335
7.2 Мир человека.....	364
7.2.1 Антропосфера.....	364
7.2.2 Экзистенция.....	367
7.3 Ареалы экзистенции.....	373
7.3.1 Непредикативная экзистенция.....	374
7.3.2 Предикативная экзистенция.....	377
7.4 Эгология.....	381
7.4.1 Человек как человек.....	382
7.4.2 Коммуникация.....	391
7.4.3 Топография самости.....	394
VIII. АКСИОЛОГИЯ	419
8.1 Аксиология как наука.....	425
8.1.1 Понятие аксиологии.....	425
8.1.2 Предмет аксиологии.....	427
8.1.3 Статус аксиологии.....	429
8.1.4 Метод аксиологии.....	429
8.2 Социальное регулирование.....	430
8.2.1 Общение.....	430

8.2.2	Регуляризация.....	431
8.2.3	Три «д».....	433
8.3	Ценностное сознание.....	438
8.3.1	Генезис регулятивов.....	438
8.3.2	Этос.....	441
8.3.3	Обоснование норм.....	448
8.4	Мир ценностей.....	459
8.4.1	Ценности познания.....	459
8.4.2	Ценности политики.....	459
8.4.3	Ценности цивилизации.....	480
8.4.4	Ценности PR.....	489
8.4.5	Ценности церкви.....	495
8.4.6	Ценности образования.....	499
8.4.7	Ценности социального действия.....	504
8.5	Ценности жизни.....	512
8.5.1	Созидание жизненной реальности.....	512
8.5.2	Жизнь и разум.....	513
8.6	Ценностный акт.....	527
8.6.1	Чистый и практический разум.....	527
8.6.2	Полагание бытия.....	528
8.6.3	Ценность и цель.....	529
5	8.6.4. Ценность и оценка.....	531
	8.6.5 Ценность и идеал.....	533
	8.6.6 Деонтология: «есть» и «должен».....	535
	8.6.7 Деонтология: «должен» и «способен».....	538
	8.6.8 Структура ценностного акта.....	538
	IX. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ	539
9.1	Человеческий смысл истории.....	552
9.2	Морфология истории.....	565
9.2.1	Пласты истории.....	567
9.2.2	Волны жизни.....	573
9.2.3	Циклы и ритмы.....	577
9.2.4	Пропорции и фазы.....	594
9.2.5	Поступки и лица.....	601
9.3	Созидание исторической реальности.....	608
9.3.1	Конструирование мира.....	610
9.3.2	Стихия самости.....	616
9.3.3	Инкарнация идеала.....	630
9.3.4	Фундаментальность жизни.....	647
9.4	Россия в мировом порядке.....	661
9.4.1	Природа явления.....	661
9.4.2	Столкновение панидей.....	681
9.4.3	Надвигание аллохтонов.....	685
9.5	Судьба России.....	710
9.5.1	Ситуация в мире.....	711
9.5.2	Геостратегические ритмы России.....	736
9.5.3	Логика выживания.....	756
	ПОСЛЕСЛОВИЕ	772
7		

V. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Социальная философия — отсек (и вместе с тем срез, модус) философского знания, специализирующийся на изучении общества (социальное бытие); его динамики (социальное действие); принципов, способов, методологии его познания (социальная рефлексия).

Содержательные перспективы социальной философии как дисциплины фундирует ряд сопряженных пресуппозиций.

Онтологический план: интенция на несводимость законов общества к законам природы (неправомерность механицизма, органицизма, социального дарвинизма).

Гносеологический план: интенция на невыразимость общественных реалий ресурсом редукционистских моделей (некритичность сциентизма, физикализма, технократизма).

Психологический план: поисковая интенция на изучение вещей, а не мнений. Наука, как ни парадоксально, бедна прорывами мысли, относительно чего сетовал еще проницательный Монтень: «Гораздо больше труда уходит на перетолкование толкований, чем на толкование самих вещей, и больше книг пишется о книгах, чем о каких-либо других предметах: мы только и делаем, что составляем глоссы друг на друга».¹

Социальный план: презумпция свободы исканий. Используя мысль Шелера, правильно утверждать: человек, стремящийся к мировоззрению, основанному на философии, должен обрести «смелость полагаться на свой собственный разум».² Иначе — признаки творчества ускользают, — мысли становятся туманными, пути их воплощения сбивчивыми. Откуда, как минимум, следует: дабы располагать возможностью мыслить, надо иметь гарантии, что

¹ Монтень М. *Опыты*. М.-Л., 1960. С. 360.

² Scheler M. *Philosophical perspectives*. Boston, 1908. P. 1.

8

помысленное не будет иметь последствий.³ Прав на искания при несвободе нет, рабство отравляет души, разрушает разум,⁴ исключает гарантии. При скованном инерцией, страхом, ложью сознании философии не существует.

Систематическую определенность, аналитическую точность, мыслительную совершенность философии, как видно, придает включенность ищущего разума в высокий культуротворческий процесс, ориентированный на истину и право во всей их предельной идейной, выразительной, гражданской привлекательности. Не последнее в данном исключительном обстоянии — пафос самовыражения, самопреодоления. Для размышляющего социального теоретика — социолога, философа, — привлекая слог Ницше, главное — непрестанно рождать мысли из собственной боли и по-матерински придавать им все, что в нас есть: «кровь, сердце, огонь, веселость, страсть, муку, совесть, судьбу, рок». Жить для него значит одно — постоянно превращать все, что его составляет, все, с чем он соприкасается, в свет и пламя: ибо нельзя иначе.

5.1 Социальное бытие

Социальное бытие — комплексное понятие, обозначающее корпус совокупной а) искусственной, вторичной природы; б)

реальной жизнеобеспечивающей деятельности. Социальное бытие многомерно, внутренне расслоено, распадается на три взаимосвязанных континуума рукотворной реальности.

Последние суть микро-, макро-, мегаареалы человеческого существования.

5.1.1 Микроареал

Микроареал: действующие личности, группы, институты, организации. Включает персональный, групповой уровни.

³ Также см.: *Jide A. Oeuvers completes. P., 1933. P. 385.*

⁴ См. Платон. *Собр. Соч. в 4 т. Т.2. М., 1993. С. 229.*

9

Персональный уровень — а) человек как представитель *Homo sapiens* с адекватным пользованием и распоряжением врожденным и благоприобретенным; б) человек как обладатель гуманитарности с подконтрольным поведением, проявлением. Персональный уровень — потенция социальности; разговор о нем уместен в подчеркивании аутентичных аспектов судьбы, прав, свобод человеческой личности, являющейся стяжателем бесценного капитала: автономного строя существования, подчиненного реализации частных целей — поддержанию психофизической целостности, этой высшей ценности индивида — сгустка активности, избирательности во взаимодействии со средой, вариативности в отношениях с действительностью; чувства собственности — базиса индивидуальной свободы; природной самодостаточности, инспирирующей самоутверждение. Персональный уровень — альфа и омега социальности, связанной с «делом масс», но утрачивающей приоритет при соприкосновении с «делом личности», лучше любого правительства знающей, что ей нужно.

Групповой уровень — по ряду признаков (ценностей) обособливаемая из общественного целого совокупность людей, характеризующаяся относительной устойчивостью бытия в пространстве и времени; способная к воспроизведению и трансформации вследствие внешних и внутренних влияний, инициаций; выступающая элементарной единицей социального процесса. Общностям (популяция) присущи поведенческие черты, формы, не проявляющиеся у индивидов: они становятся не в процессе индивидуальной жизни, а в коллективной взаимообработке, интеракции (умножение слияния персональных энергий, сочетательные рефлексы, подражание, суггестия).

Социальные группы типологизируются стандартными таксонами социально-психологической систематики (См.: 5.2.1).

С группового уровня проявляются основные черты социальных систем:

— интенсивный обмен информацией, энергией, коммуникацией;

10

— наследственность — идентичное самовоспроизведение, редупликация, трансляция;

— изменчивость — мутации, реверсии;

— раздражимость — активность, реактивность;

— дискретность — атомарность, суверенность;

— устойчивость — диапазоны стабильности, стационарности

дискретных состояний, обеспечивающие самобытность.

На базе данных свойств вводится принцип существования социальных комплексов, заключающийся в устойчивом неравновесии. Перефразируя Бауэра, можно сказать: за счет своей энергии социальные целеориентированные системы осуществляют работу против равновесия, извлекая выгоду, упрочаясь в зависимости от контекста.

5.1.2 Макроареал

Макроареал: типы обществ, региональные формирования. Включает страновой, региональный уровни.

Становой уровень — исторически обусловленная национально-государственная дифференцированность человечества, выражающая его политохорологическую неоднородность. Иерархия ценностей на страновом уровне имеет вид модифицируемой последовательности:

- национальные интересы, безопасность, целостность;
- гражданский мир, когда, говоря классическим философским слогом, «природа вещей, воля всех и закона пребывают в согласии» (Фихте);
- «доля народа, счастье его».

По обстоятельствам центрируются разные звенья одной цепи. В стадиях экспансии, обнажающих интенции глобализма, выходят имперские идеи: идея «Единого Запада», патронируемого США, идея «единого человечества» (всеединство), напутствуемого Россией.

В стадиях державостроительства, обостряющих интерес к почве, пробуждается национальная идея: у се-

11

вероамериканцев — «США — самая сильная, справедливая, мировая держава»; у израильтян — «евреи живут на своей богатой, свободной земле»; у бриттов — «Альбион — центр Европы, колыбель традиций». У всякой великой страны — свои мощные объединительные национальные идеи. Для России, переживающей «смутное время», период между разрушенными и невыработанными началами, подобной идеей может стать идея единой, процветающей Евразии, завещанной нам предками.

В стадиях социального обихожения привлекает идея здорового, гарантированного, благополучного бытия безотносительно к цвету флага на башне, обеспечивающего ненасильственное, рациональное, элективное воспроизводство существования на основе прогрессивного потребления, материализации откристаллизованных в общественной динамике социальных констант, гуманитарных абсолютов, жизненных инвариантов, универсалий (полнота самореализации в социальном и экзистенциальном измерении).

Для всех случаев справедлива необходимость симбиоза идеи и интереса: дабы не посрамлять себя, никакая идея не может отделяться от интереса. В противном случае — насилие, ритуальность, эфемерность социальных действий, обреченных на крах. Социальность всегда — баланс сил, уравнивающих преобразовательную экспансию и народную волю. Народ при его

неприятии политики поменять нельзя. По этой причине иллюзорен введенный Лениным закон революции, согласно которому она должна заходить дальше, чем возможно. Неверно — любая революция, реформа, политика должна заходить только туда, куда допускает народ.

Региональный уровень — ассоциации близлежащих национально-государственных формирований, однородных по экономико-географическим, национально-культурным, общественно-политическим параметрам. Регионы — полиэтнические, полидержавные ареалы, жизненные пространства существования консолидирован-

12

ных в национальные государства народов; представляют симбиоз хронологических (территории, акватории) и культурных черт. Они определяются как политопы — географически репродуктивные сферы, с размещенными на них транснациональными способами производства и воспроизводства жизни. С точки зрения пространственной регионы обладают геоморфологическим, климатическим, гидрологическим единством. С точки зрения культурной они характеризуются индустриальной, социальной, исторической, этнической, конфессиональной, ментальной общностью. Регионы, следовательно, — ландшафтные, а не трофические (такowymi для народов оказываются практически любые области мира) зоны.

5.1.3 Мегаареал

Мегаареал: планетарная социальность, — мировой уровень — геосообщество в целом. Объективный крах автаркии, активная межстрановая кооперация, интернационализация хозяйства, логика общей борьбы за выживание трансформировали статус исторической реальности. Главное в том, что мир замкнулся: «Возникло единство земного шара. Появились новые возможности и новые опасности. Все существующие проблемы стали мировыми проблемами, любая ситуация — мировой ситуацией».⁵

Идея общности человечества, разумеется, не нова. В глубине столетий она вызревала в рамках универсализации натурального тока вещей, вершения истории. Реальным фундаментом этих явлений оказывается человеческая деятельность, интерпретируемая как ориентированная на социальные константы самосозидающая субстанция, которая приобретает масштабы общемировых

⁵ *Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel des Geschichte. Zurich, 1949. S. 163.*

13

рангов. Но не в одном этом дело. Важно и понимание некой экзистенциальной общности людей, которые, как говорил Плутарх, естественно, рассматривают друг друга как сограждан, ибо жизнь одна, подобно тому, как мироздание одно, и каждый должен найти и занять в нем свое место.

Ощутимый толчок формированию целостности человеческой истории, кооперированию народов придало упрочение капитализма, вовлекшего (через рынок, буржуазный способ производства, индустриализм, утилитаризм, колониализм) в цивилизацию всех, даже варваров. Однако капиталистический вариант

универсализации истории невозможно считать ни разумным, ни рациональным, ибо крепится он на условиях товарного производства, узаконивающего абстрактно всеобщий, практицистски манипуляторский тип деятельности и соответствующее ему безлично-вещное отношение к действительности. С этого момента лишь натиск и сила выступают факторами консолидации человечества. Мы имеем в виду следующее.

Капиталистическая фаза общественного развития опирается в основном на два рычага социальной интеграции: покорение народов и технику. Экспансивность, конфронтация, противостояние, активная геополитика согласно принципу подчинения, принуждения слабого сильному отличает капитализм империалистической стадии. Как утверждал Рузвельт, «двадцатый век предстает перед нами как век, в котором будут решаться судьбы многих наций. Если же мы будем стремиться лишь к пустому, праздному бытию и позорному миру, если мы будем уклоняться от борьбы, в которой люди должны рисковать своей жизнью и всем, что им дорого, тогда более сильные народы обгонят нас и завоюют мировое господство».⁶ Насилие, агрессия, захват, триумф победителей и страданье побежден-

⁶ *Roosevelt Th. The Strenuous Life. L., 1903. P. 20.*

14

ных — именно тот контекст, в котором человечество ощутило свою целостность.

Наряду с отмеченным — распространение индустриализма. Благодаря технико-технологическим завоеваниям «кончается мировая эпоха отдельных культур и среди страшных кризисов начинается эпоха планетарного единства».⁷ Структура и перспективы этого единства вполне предсказуемы, очевидны. Это — тупики консьюмеризма на Севере и рост нищеты, неустроенности на Юге; аморализм, оскуднение среды обитания, общая деградация биосферы.

Выводом из сказанного, говоря словами Тоффлера, может быть только то, что «не имеет значения, какой приговор выносится настоящему. Важно признание — индустриальная игра окончена».⁸ Невозвратимы времена, когда цивилизованность отождествлялась с индустриализованностью. Потребление органического тела природы не безгранично: ресурсы ее исчерпаемы, невозстановимы. Откуда следует принятие иной стратегии жизнедеятельности. Уточненный взгляд на мир крепится на признании, что взаимодействие фрагментов цивилизации не может строиться на диспропорциях, неравномерности, перекосах, несбалансированности, дестабилизирующих условия жизни и порождающих многочисленные дисфункции. Важно при этом кроме всего прочего успеть, ибо негативные «изменения осуществляются в столь высоком темпе, что нет времени реагировать на них».⁹

В наши дни вопрос конституирования планетарной человеческой общности не решается безотносительно к показателю «качества жизни», вбирающему информацию о ее гуманитарной значимости, удовлетворенности как индивидами, так и народами. Изменение аксиологических контуров сознания в данном случае определяется

сдвиг-

⁷ Sedlmayr H. *Verlast der Milte. Salzburg, 1948. S. 235.*

⁸ Toffler A. *Die Zukunftchance. München, 1980. S. 133.*

⁹ Naisbitt G. *Megatrends. N. Y., 1982. P. 18.*

15

гом ориентаций с войны на мир, с противостояния на консенсус, с эгоизма на коммуитаризм, с фрагментации и элементаризации на холизм. Поскольку современный кризис приобретает черты мегакризиса, захватывая весь мир, человечеству нужны гарантии.

Гарантии продления рода, выживания. Их поставляет новый разумный подход к наметившимся реалиям, связанный с практическим следованием нетрадиционной философии с социальным, демографическим и экологическим императивами. «Мы должны научиться спрашивать себя не о том, — подчеркивается в Манифесте Рассела — Эйнштейна, — какие шаги надо принять для достижения... победы лагеря, к которому принадлежим, ибо таких шагов больше не существует; мы должны задать себе следующий вопрос: какие шаги можно предпринять для предупреждения... борьбы, исход которой должен быть катастрофическим для всех ее участников».¹⁰

Если ранее проблема выживаемости осознавалась в терминах органической адаптации, вставала в плоскости наращивания преимуществ для какого-либо народа, этноса, то теперь эта проблема может быть осмыслена лишь в ракурсе универсального типа человеческой солидарности: одна планета, одна судьба, одна история. Возникает, следовательно, не имевшая прообразов в прошлом новая социокультурная общность, репрезентирующая род Ното в целом. Чтобы делать историю, люди, как минимум, должны иметь возможность жить. Понимание этого и конституирует центростремительные надклассовые, надконфессиональные усилия человечества.

Акцент единства, универсальности, консолидированности стран и народов для решения стоящих перед ними глобальных проблем, противостояния варварству индустриализма реализуется в створе новых философских идей, исходящих из примата гуманитарных ценностей. Период несинхронизированного доядерного, доглобального бытия человеческих общностей завершен. Наступила эпоха ядер-

¹⁰ *Дружба народов. 1988. № 6. С. 185.*

16

но-глобального синхронизма. А это значит, что «есть предел взаимной отчужденности, недоверия и ненависти; за которым первый случайный выстрел может вызвать катастрофу. Так... было в 1914 году, но сейчас — впервые в истории — гибель грозит нам всем. Стереотипы вчерашнего дня не могут нас спасти. Национальная безопасность, национальный суверенитет — прекрасные вещи, так же как любовь к Родине, к своему народу. Но сегодня нужно что-то еще. Нужно пойти на риск доверия к людям, говорящим и думающим не по-вашему. Нужен дух диалога, нужна культура несогласия, спора без ненависти. Иначе невозможен нравственный, а за ним и политический переход на глобальную точку зрения. Солидарность человечества выше всех частных принципов»."

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

5.2 Социальные общности

«Общность» — контрапункт «роевой» общежительности, откуда все «человеческое» проистекает, куда все возвращается. Потому, утверждая, что человеческий мир — мир сознательных групповых взаимодействий, складывающихся посредством функциональных дифференцировок в стихии коллективного деятельностного обмена, в контексте общения, естественно-воспроизводственных связей, мы переходим к разговору о человеческих общностях, конституируемых в своих дробных ветвлениях порядком обмена деятельностью, регламентом взаимообработки людьми друг друга.

«Социальная общность» — предельная таксономическая категория, выражающая идею коллективности жизнеобеспечения на основе рационально-оптимизирующего, адаптирующего солидарного разделения и распределения кооперативных ролей в условиях группового взаимодействия. Для человеческой общности важен тип интерактивных связей, материально (технические акты) или

¹¹ *Век XX и мир. 1987. №5. С. 12-13.*

17

идеально (символические акты) определяющих способ организации совместной жизни в некотором органическом или неорганическом целом. Органическая целостность есть ассоциативная форма целостности, получаемая через неформально-однородный порядок членства на базе сущностного единства, тождественности его составляющих, скрепленных вполне захватывающими их узами сопричастия, вовлечения. Таковы порождаемые чувством союзничества родовые, этнические, гражданские, полисные, орденские, кастовые социальные единицы, интегрирующие адептов отчетливым сознанием кровной, ценностной, поведенческой близости, братство-сходности, сродственности. Неорганическая целостность представляет конгломеративное скопление индивидов, жизнедействующих как атомарные особи через формальный регламент связи, механически сочетательное присутствие. Каждая обособленная единица, не проявляя солидарности к себе подобным, реализует автономное существование. С привкусом оглядочности повадок, приспособленчества. Для этого случая подходящим предметно объединительным систематическим понятием выступает «смесь».

Качество органичности-неорганичности вариантно, переходно. Представляется сугубо ошибочной модель Макаревича — Тенниса, вводящая жесткую дихотомию органической общности в виде социальной группы, единенной целью (*Gemeinschaft*), — неорганической общности в виде социальной группы, образованной договорным началом (*Gesellschaft*). В качестве первого традиционно называется семья, в качестве второго — коммерческое общество. Наш контраргумент линии Макаревича — Тенниса — самоочевидная эмпирическая констатация обратного. И обычно приводимая в качестве *Gemeinschaft* семья может быть неорганичной — вполне формальный порядок межсубъектных связей (в особенности в ситуации законодательного запрета на разводы) при браке по расчету. И набившее оскомину *Gesellschaft* может быть органичным — российские коммерческо-торговые

товарище-

18

ства, артели, оформлявшиеся складыванием не капиталов, а персон.

Социальные общности — любые ассоциации, общественно оформляющие человеческий материал для поддержания, обеспечения жизнедеятельности. Принципиальными чертами социальных общностей как человеческих ассоциаций выступают:

- обмен деятельностью: взаимообработка людьми друг друга;
- структурная, генетическая обусловленность: сплоченность деятельности на базе единства целей, ценностей, интересов, потребностей, установок;
- институциональность: слабо или сильно выраженный регламентный тип организации деятельностного обмена;
- кооперативность: межиндивидуальное взаимодействие посредством функционального разделения ролей, статусов;
- самоидентичность: интегрированность через духовные стереотипы, вводящие «мы — чувство» — чувство причастности актантов-элементов некоему целому.

Сказанное отвергает разделение «отношений» и «групп» в атомистической (Зиммель, Девис), сетевой (Берт), групповой (Знанецкий) трактовках социальных общностей. В стихии реально-исторической интеракции «отношения» и «группы» не разделены, оказываются компонентами единого деятельностного комплекса. Утверждая подобное, мы подчеркиваем факт вплетенности «личностного» в «интерактивное». Естественная ткань социальности не «личность» и «связь», но «межличностная связь», вне и помимо которой нет ни «личности», ни «связи», ни «общности». Полагать, будто вначале есть «личность», а затем возникает «социальная связь», значит бросать вызов реальности. «Личность» суть дериват «связи» и, наоборот, — понимание этого образует глубинную предпосылку адекватной теоретизации в социальной философии (социологии).

19

Последняя изучает не «личность», а «интерактивную личность», — личность, «относящуюся», «взаимодействующую», «общающуюся». С позиций данного капитального обстоятельства социальная, т.е. встроенная в систему общественных связей личность противопоставляется в социологии «человеку» и «индивиду». Обществу важно лицо как носитель не соматического, психического, а социального, — тех «положений», «отношений», «статусов», которые выделяют его в качестве актанта социальной жизни из множества ему подобных.

С учетом изложенного зададим типологию единиц субъективности, потенциально или актуально конституирующих различные социальные общности.

5.2.1 Микроуровень

Группа. Группа — вид сообщества, представляющего агрегацию лиц, консолидированных пространственно, темпорально, функционально. Каждый из данных признаков необходим, но только комбинация их достаточная для конституирования

групповой общности. Социальной группой в отличие от случайной совокупности лиц считается лишь специфически сплоченная ассоциация индивидов, где отношение «сплоченности» задается степенью кооперированности. Мера релевантности последнего тем или иным ассоциациям варьирует их групповые качества в диапазоне от формальных до реальных. В случае низкой кооперированности участников складываются квазигруппы — масса, толпа, социальный круг, слой. В случае высокой кооперированности участников складываются коллективы — каста, клика, хунта, банда, семья, артель, клуб, фонд, союз, секта, орден, братство, корпорация и т.д.

Квазигруппы: непрочны, спорадичны, монофункциональны, недолговечны; кратковременность их существования обуславливается двумя фазовыми переходами в диапазоне «распад» — «трансформация в коллективы».

Масса — диффузное множество, человеческий конгломерат, лишенный социально органических признаков. Специфическими чертами «массы» выступают: атрофия

20

личностного, отсутствие индивидуального, несамостоятельность мысли, воли, действия, свернутость рефлексивного потенциала, низость морали, неимение собственного «жизненного проекта», серость, внушаемость, повседневность, некритичность, духовная зависимость, нивелированность, унифицированность. Бытие массы — некорпоративная, неустойчивая форма социального бытия атомизированных, безликих, не адаптированных к высокой культуре индивидов. Человек массы лишен четкой социальной идентификации, а потому определяем через систему отрицательных свойств: относительно доминирующих (референтных) групп он — маргинал; относительно групп происхождения он — отступник.

В массы (стаи) сбиваются социальные изгои, всегда и во все времена являющиеся предметом манипулирования, подведения под конъюнктурные авторитарно-патерналистские ценности.

В ламинарные фазы массы пассивны, в турбулентные фазы общественной жизни они неуравновешенны, агрессивны. Степень активности масс обусловлена мерой поддержки или сопротивления людям, «наделенным личностной жизнью и инициативой».¹² В современном мире с его массовой культурой, массовым сознанием, изощренными технологиями «промывки мозгов», общественного рекрутирования, творения кумиров, производства адептов бесконечно возросла способность человека «быть дрессируемым» (Ницше). Культивация стадных, даже весьма интеллигентных, похожих на человека животных, придающая им большую гибкость в подчинении всякому управлению, повлекла всемерное измельчание человека. Понимание этого дает исчерпывающий ответ на крайне острый вопрос: почему наша культура стала «именно такой, какой сегодня является, культурой, исполненной послушания, рациональных форм господства, полезности и расчета?» (Фуко), — наша культура стала такой вследствие то-

¹² Ортега-и-Гассет Х. *Что такое философия?* М., 1991. С. 4.

21

тального восстания масс; масса стала присутствующим повсеместно способом быть человеком.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Толпа — квазигруппа, максимизирующая обывательско-мещанское, заурядно-типовое, стандартизированно-низкое, находимое в «массе». Толпа противостоит и противопоставляется всему исключительному, оригинальному, идеальному, воплощенному в началах Истины, Добра, Красоты, Пользы. В толпе нет одухотворенного, морально сосредоточенного, концентрированного на возвышенном. Отменяя миг бесконечной совершенности творческого, толпа собирается, дабы явить ничтожество жизнерастваивающего, анонимного, абсурдного, хаотического. Момент вхождения в толпу означает расчеловечение человека. Воистину это тот случай, который демонстрирует справедливость слов Сартра: человек есть то, что он есть, однако и нечто иное, — человек есть то, что он не есть.

Разлад с собой, миром, сопровождаемый потерей веры, надежды, утратой развитого вкуса, венчается обретением зависимости, притуплением базовых гуманитарных потребностей в достойном общении, самоуважении, самовозвышении.

С количественной точки зрения толпа — агрегат неразличимых индивидов — представляет собой не социальную, не расовую, не национальную, не профессиональную, не поколенческую, а психологическо-поведенческую общность, формирующуюся случайно. Толпа есть спонтанно образующееся большое скопление людей, проявляющее относительное единство действий вследствие высокой внушаемости, умножающей энергию малорациональных, неподконтрольных солидарных усилий. С качественной точки зрения толпа — инструмент деиндивидуализации индивида посредством безмерного сужения горизонта персональности, сообщения наклонности стихийно подражать, безотчетно подчиняться внешним силам.

Выход из толпы протекает как мучительное преодоление немой пассивности в отношении давления тех прочных, устойчивых влияний целого, где ночь властвует безраздельно. Последнее реализуется через самопреодоление:

22

вначале — протест, в дальнейшем — выработку серьезной требовательной жизненной программы, предполагающей возвращение к собственному «Я», его новое обретение.

Публика — операционально обозримое множество индивидов. В отличие от физически сплоченных, активных, нетерпимых индивидов «толпы» индивиды «публики» рассеяны, пассивны, самодостаточны. Человек толпы — участник, человек публики — зритель свершающегося. Применительно к публике правомерно употреблять квалификацию «атомизированная толпа»: недифференцированные импульсные общие акции в происходящем здесь заменены дифференцированными единичными реакциями на происходящее. Толпа функционирует как генератор, публика — как абсорбер стилей, вкусов, оценок, форм, наклонностей. Действия толпы строятся, действия публики не строятся на взаимодействии человеческих монад в массовых процессах. Статус толпы зависит, публики — не зависит от вмешательства любых произвольных параметров, неограниченно трансформирующих исходные свойства этих слабо структурированных человеческих общностей.

Социальный круг — статусная социальная общность. Нейтрализуя специфические атрибуты толпы — такие, как неистовость, стихийность, подсознательность, экспрессивность, суггестивность, спонтанность, конформность, деструктивность, репрессивность, — акцентирует эмоциональную уравновешенность, кооперативность, причастность. Отличительными особенностями социальных кругов выступают: свобода союзов, слабость устанавливаемых связей, неустойчивость взаимоотношений между членами.¹³ Достаточными основаниями оформления социальных кругов служат

Статика

персональная плоскость — человеческая приязнь, взаимовыгода, сотрудничество;

¹³ См.: Щепаньский Я. *Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 78.*

23

социальная плоскость — идентичность общественного происхождения, положения, общность миро-отношения, космовидения.

Динамика

персональная плоскость — человеческие контакты; социальная плоскость — рациональные взаимодействия рычагами программ, реформ, ценностей.

На базе указанных факторов возникают неформальные контактные, профессиональные, общественные объединения — круги, скрепленные единством интересов, взглядов, мнений, стимулов, ожиданий, субкультур.

Социальный слой — функционально-ролевая, статусная социальная общность, главное для которой — степень причастности к собственности, власти, доходам, влиянию. Введение понятия «социальный слой» обогащает социологическую теорию идеей многоотсечности, дробности социальных ролей, функций в зависимости от положения людей в обществе. Объективными предпосылками существования социальных слоев оказываются: разделение труда, наличие иерархии, отсутствие уравнительности в производстве, распределении, потреблении, имущественное, правовое, половое, образовательное, профессиональное неравенство. Все это обуславливает социальную дифференциацию и поляризацию с характерной борьбой за доступ к материальным благам, ресурсам, господству, престижу.

Учет реальной инкорпорированности лиц в систему общественного целого позволяет принять шестизвенную стратификационную картину социума с выделением слоев:

— высший: профессионалы, администраторы, специалисты доминирующих управленческих, властных, политических элит;

— высокий: специалисты, разработчики, управленцы с творческими функциями;

— средний: квалифицированные специалисты всех рангов с руководящими функциями;

24

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

— низкий: малоквалифицированные работники с подчиненными функциями;

— низший: неквалифицированные работники с подсобными функциями;

— низжайший: деквалифицированные пауперы, парии.

Слоеобразующими признаками, как видно, выступают уровень жизни, качество деятельности.

В отличие от квазигрупп *коллективы*: прочны, организованы, стабильны, структурированы; спаянность коллективов обеспечивается характерной деиндивидуализацией, проявляющейся в а) сознательном подчинении персонального социальному; б) социальной ценностной идентификации «Я» с «МЫ» (разбиение социальной реальности на «МЫ» и «НЕ-МЫ») в рамках заинтересованного сотрудничества. Мера воплощенности (а) и (б) на пространстве деятельностного обмена детерминирует интенсивность самоопределения индивидов относительно причастности к коллективам. Социальный объем последней (причастности) задается интервалом между самым дружелюбным (лояльность, толерантность, участие во взаимодействиях с членами ингрупп) и самым недружелюбным (конфликтность, конфронтационность, нетерпимость во взаимодействиях с членами аутгрупп) партнерством. Один коллектив от другого по этой причине отделен социальной дистанцией (Парк, Бёрджес), упорядочивающей отношения коллективов с позиций снисходительности, благожелательности (шкала Богардуса).

Каста — замкнутая ингруппа, обособливающая своих членов от членов прочих общественных групп по основаниям происхождения, правового положения. Будучи непроницаемой для аутгрупп консолидирует участников борьбой за привилегии, бонусы, вытекающие из ее автономии, — варны, бонзы, номенклатура.

Клика (хунта, банда, шайка) — ингруппа с тесными неформальными связями, интенсивным межличностным взаимодействием на базе жизненного а) сотруд-

ничества — контактная деятельность с общностью установок, симпатий, ценностей, целей, интересов; б) сорабничества — контактная деятельность по решению партикулярных, эгоистических задач зачастую неблагоприятными способами (заговор, диктат, узурпация).

Артель (бригада) — спаянная ингруппа, консолидирующая членов единством участия, согласованной ответственностью за результаты совместной деятельности. Глубина взаимозависимости в трудовом взаимодействии через рациональное разделение профессиональных функций своим психологическим следствием имеет личностное сплочение: сопряженность самооценок, притязаний, жизнеспособностей, порожденных отношением к реальности через призму целого (коллектива).

Секта (когорта, орден, братство) — сплоченная общими идеями, целями обособленная группа с замкнутыми интересами; тайная (монашеская, духовно-рыцарская, религиозно-этическая) организация с жестким уставом, кодексом чести, специальной обрядностью, культом.

Союз (совет, коммуна, собрание, фонд, центр) — легальная или нелегальная, массовая или элитарная, добровольная или принудительная форма социального сотрудничества лиц, групп, слоев в решении жизненнозначимых задач, достижения собственных целей.

Клуб (компания) — организация, заведение, создаваемая для реализации потребности духовно, граждански близких лиц в общении по интересам, совместном времяпрепровождении.

Клан — родовая, племенная, соседская общность, скрепляющая членов хозяйственными, социальными, политическими узами, неформальными непотистскими связями, отношениями покровительства, попечительства по кровнородственным, земляческим признакам.

Корпорация — сообщество, возникающее через обособление профессиональных, сословных интересов. Засилье корпораций в общественной жизни дает начало корпоративизму — социальному строю, базирующемуся на господстве в различных отсеках воспроизводственной дея-

26

тельности корыстных функциональных (отраслевых) и региональных (территориальных) групп. Корпоративизация общества сопровождается двумя взаимосвязанными и одинаково негативными тенденциями: а) отчуждением народа от власти, элитизацией политических институтов; б) монополизацией хозяйственной деятельности отраслевыми ведомствами, узурпацией управления бюрократическими структурами всех уровней. Итог — возможность осуществлять порочную конверсию «власти в статус, а статуса в собственность»¹⁴ в полном забвении национальных интересов. (По оценке специалистов, лишь около 200 человек поставгустовской России определяли проведение приватизации государственной и общественной собственности, продажу державных ресурсов, распределение валютной выручки¹⁵.)

Партия (движение, форум) — устойчивое или неустойчивое социальное объединение, кооперирующее членов сходством общественных, культурных, национальных взглядов, идеалов и преследующее сугубо прагматические цели, интересы. Солидность последних удостоверяют аудитории, выборщики, рекрутируемые гражданской основательностью партийных курсов, стратегий. Современная ситуация характеризуется двояковыраженной направленностью на а) ослабление общественной роли партий; б) усиление общественной роли корпораций, что высвечивает не всегда оправданные, но вполне реальные процессы плюрализации, фрагментации, регионализации социальных инициатив и обслуживающих их инстанций.

Систематика групп. Распределение социальных групп по классам производится посредством выделения закономерных оснований, позволяющих многообразие подводить под единство, индивиды интегрировать в виды. Социальные группы дифференцируются:

¹⁴ Фадин А. Модернизация через катастрофу?//Кентавр. 1993. № 1. С. 94.

¹⁵ См.: Правда. 16.04.1993.

27

- по количеству — большие, малые;
- по качеству — стихийные, сознательные;
- по генезису — первичные, вторичные;
- по статусу — формальные, неформальные;
- по силе связей — безусловные, условные;
- по значимости — референтные, членства;
- по самоидентификации — ингруппы, аутгруппы.

Большие — малые группы. В отсутствии точной социометрической, эмпирической экспликации «большой» группы относительно точно выделяются публичные движения, представляющие скопления множества лиц с разнонаправленными, неоднородными интересами, однако склонными к заявлению или проявлению консолидированных позиций, действий. С социально-психологической точки зрения большая группа является субъектом массового поведения, описываемого в терминах стихийности, податливости, заражаемости, внушаемости. Подвергнутые соответствующей обработке (суггестия) инициированные массы предрасположены к экстатической, оргиастической активности на грани паники. Паника — состояние смятения, страха, безоглядно охватывающее людей через эмоциональное заражение: по цепной реакции чувство от некоего центра распространяется на периферию, многократно усиливаясь в каналах передачи; возникающая стадная эмоционально-волевая тонизация дереализует массы, делает их падкими, податливыми, открытыми любым некритичным влияниям.

Что такое «внушение», «заражение», «подражание» как социально-психологические феномены, образующие стержень психотического поведения масс, наука толком не знает; какой-то ясной теории этих вещей нет. Тем не менее, на поверхности просматриваются зависимости эффектов внушения от возраста (дети, менее психически защищенные, более суггерендны, чем взрослые), состояния самочувствия (истощенные, утомленные более суггерендны, чем бодрые, полные сил), образования (менее образованные, менее критичные более суггерендны, чем более

28 образованные, критичные), авторитета (более авторитетные — более суггестивны).

Данные обстоятельства активно эксплуатируются пропагандой, рекламой, навязывающими массам жизненные стандарты, стереотипы, правила и использующими для этого сомнительные технологии задания «мозговых клише», включения эмоциональных апелляций, разрывов в достоверности, психопрограммирования, манипулятивного воздействия, создания «имиджей».

Малая группа. Элементарная единица социальной структуры, где зарождаются общественные процессы, складываются механизмы сплоченности, возникают феномены лидерства, ролевых взаимоотношений¹⁶. Принципиальным для малой в отличие от большой группы выступает наличие:

- непосредственных личных контактов — отношения межсубъективного обмена деятельностью принимают вид прямых персональных связей;
- общности мнения как фактора побуждения, принуждения, критики, контроля;

- сенсорной стимуляции в коакции, приобретающей черты социальной катализации или ингибиции;¹⁷

- общности этоса (нормы, ценности, регулятивы, привычки).

Нижним количественным порогом малой группы называют 2-3 (диада, триада), верхним от 7, 10, 15, 20, до 30-40 (Морено) человек. Учитывая, что конкретный масштаб групповой деятельности задается эмпирически, верхний предел «малости» вводится контекстуально (ситуативно).

Стихийные — сознательные группы. Типологическая пара «стихийное — сознательное» характеризует обстановку, атрибутивную оппозиции «квазигруппы — коллективы», рассмотренную выше.

¹⁶ Также см.: Фролов С. С. Социология. М., 1999. С. 190.

¹⁷ Также см.: Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1999. С. 188.

29

Первичные — вторичные группы. По аналогии с «малой» первичная группа определяется как ассоциация, базирующаяся на непосредственном, прямом, неформальном личностном взаимодействии составляющих (семьи, компании, землячества). Здесь главное — человеческая удовлетворенность взаимодействиями. Вторичная группа, атрофируя «интимное» и одновременно акцентируя «безличное», «формальное», «утилитарное», действует по принципу сугубо ролевой единицы, — социальная координация и субординация в системе общественных интеракций (корпорации, цехи, партии). Как видно, здесь основное — функциональность. Первичная группа консолидирована внутренней связью, вторичная группа — внешней целью.

Формальные — неформальные группы. Формальная группа — зарегулированная ассоциация с четко фиксированными (нормированными) правами, обязанностями, позициями, ролями, разграничениями сфер, полномочий, четкими властными вертикалями, дисциплинарными статусами (класс, команда, бригада). Неформальная группа — незаорганизованная, лишенная жесткой иерархии ассоциация, возникающая на базе свободного обмена деятельностью — персональных привязанностей, личностных предпочтений, общности склонностей, интересов (клуб, конфессиональная община). Формальная группа обладает, неформальная группа не обладает чертами «организации».

Безусловные — условные группы. Безусловная группа — органичная, структурированная ассоциация с выраженными целями, собственными интересами. Условная группа — спонтанное, необусловленное скопление людей с нечетким регламентом участия, несосредоточенной включенностью. Безусловные группы относительно прочны, сплочены, концентрированы. Условные группы относительно непрочны, несплочены, иррадиированы.

Референтные группы — группы членства. Референтная группа — эталонная общность, задающая самоутверждающемуся индивиду систему положительных предпочтений. Основное для референтной группы — множество ценностных диспозиций, выполняющих относительно произволь-

30

ного лица регулятивные и компаративные функции (критика наличной реальности, самооценки, поведенческие инициации, **Ильин В. В. Философия:** учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

стремления). Группа членства — непосредственная интерактивная общность, определяемая в терминах ординарного круга общения, лишённого моментов «значимости», «привлекательности», «вдохновительности». Главное в социологии (социальной психологии) — своевременно выявить возникающую идентификацию индивида с некоей референтной группой с тем, чтобы, оперативно воздействуя на локальную ситуацию, оптимизировать жизнезначимые процессы.

Ингруппы — аутгруппы. Ингруппа — обособленная общность, с которой индивид связывает свою деятельностную причастность, духовную, ценностную принадлежность. Посторонняя, побочная индивиду общность, от которой он социально дистанцируется, именуется аутгруппой. Развитие социальности амбивалентно. С одной стороны, исчезает кровнородственная, общинно-клановая организация; индивид открывается обществу, выходит из традиционной ингруппы. С другой стороны, возникает безличная, овеществляющая, техницизированная, бюрократизированная организация; общество закрывается от индивида, индивид уходит от отчуждающей аутгруппы. Оптимальный баланс «открытости» общества индивиду и «закрытости» индивида обществу по сию пору не найден, что является причиной весьма острых, глубоких социальных коллизий, влекущих характерные эффекты деформации, дезорганизации, депривации.

Семья. Естественная общность на базе непосредственного родства, оттеняемого моментом неотъединимости, органической присущности друг другу. Близость, нежность, доверие, послушание, повиновение — первостатейные скрепы семьи. Как сказал бы Гегель, форма сознательного усмотрения здесь отсутствует; присутствует инстинктивная часть природы, идущая от побуждения и чувства, проявления дополнительности полов в межсубъектных связях (общение, продление рода, забота о потомстве, потребности первичной социализации). В ди-

31

намике семьи как малой группы прослеживаются стадии: кровнородственная семья (строится на табуации браков между представителями разных поколений), групповая семья (крепится на табуации инцеста, имеет эндогамную и экзогамную вариацию), парная семья (предполагает моногамию, развивается с патриархата). Производственный и кровнородственный процессы, вообще говоря, никогда не совпадали (в пользу иного нет данных). Окончательно они разделились в относительно позднюю промышленно-капиталистическую эпоху, когда семья из сельско-производящей вступила в стадию индустриально-урбанистической нуклеарной семьи, дрейфующей от «дома» (фамильно-работная патриархальная корпорация чад и домочадцев) к «очагу» (родители-супруги с детьми). Факторами дезагрегации семьи в современности служат многочисленные социальные дисфункции, инициирующие рост разводов, снижение брачности, падение прокреации. Прямо противоположными факторами в отношении семьи выступают основополагающие ценности супружества — адаптация, интимность, автономия, полнота самовыражения.

5.2.2 Макроуровень

Нация. Нация — державоорганизованный народ, сложившийся в данном антропогеоценозе на базе единства исторической судьбы, налаживания отправления жизнепроизводительных циклов. Диахронически «нация», как правило, имеет привязку к «этносу», подразумевая для человеческих общностей значимость тождественности происхождения, языка, культуры, создающих условия свободного обмена деятельностью. Синхронически «нация» может не иметь очевидного этнического измерения — что такое, скажем, американцы, люксембуржцы как тип этноса? То же применительно к русским, о которых говорят «поскреби русского, увидишь татарина», и россиянам, сложившимся вследствие слияния славянских, финно-угорских, тюрских, балтских, романских, кавказских, монгольских, иранских, палеоазиатских и др. этнических групп.

32

Нация как естественно-историческая общность функционирует по принципу анаболитической конструкции, ассимилирующей лишь родственные ей виды вещественности: жизнь, бьющаяся в каждой нации, бьется в ней по особому типу¹⁸. Отношение «свойности» устанавливается контекстуально-оперативными, ситуационными коллективными представлениями, стереотипами «МЫ — ОНИ», но в подспудье апеллирует к базовому этосу — глубинным ценностным архетипам конфессиональной, символической, традиционной, поведенческой, региональной природы. Если «этнос» — материальная субстанция, то архетипический «этос» — идеальная субстанция нации, являющей в этом смысле психофизическое единство материи и духа. Институциональной, властно-правовой манифестацией этого единства выступает государство — державная форма полномочного представительства нации. Нации без государства нет; государство дает способ подлежащего консолидации субстрата с образованием союза солидарности, «члены которого отвечают друг за друга и за целостность».¹⁹ Баланс нации, следовательно, произведен от крепости национального государства, политического господства, властно-правового порядка, ассистирующего и сальдирующего тенденции жизнеобеспечения. Качество итоговой суммы (актива или пассива) и фиксирует расцвет либо запустение национально-народной жизни (налаженность или разлаженность хозяйства, коммуникаций, социализации, образования, культуры, самосознания).

Этнос. Центральный признак нации, главенствующий над всеми, — державность, задающая водораздел политических и натуралистических общностей. Не бывает государствонеоформленных наций и бывают нации полиэтнические. По адресу последних порой допускается квалификация «нежизнеспособный монстр» (Манчини), на кон-

¹⁸ См.: Розанов В. В. О легенде «Великий инквизитор» Ф. М. Достоевского. Спб., 1906. С. 195-196.

¹⁹ Изензее И. Государство // Вестн. Моск. ун-та. Сер. СПИ. 1996. №6. С. 29.

33

трасте отдающая предпочтение моноэтническому
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

государственному образованию. Идея гомоморфии связи «государство—этнос», говоря строго, надумана, опровергается контрпримером двух Германий, двух Корей, Двух Китаев, двух Йеменов и т.п. Может быть один этнос и более одного национального государства с атрибутивным ему ценностным идентитетом. К примеру, в 1990 г. 26% граждан бывшей ГДР ощущали себя, скорее, восточными немцами, нежели немцами вообще. В 1991 г. показатель достиг 51%, а в 1992 г. — 54%.²⁰ Другой разговор, что ярлык, выданный доктринально, восстанавливается как реальность при державном притязании входящего в нацию этноса на самостоятельную государственную организацию (политическая автономизация, сепаратизация). Проект «государства-этноса», выделяющегося из «государства-нации», по определению конфликтен, эгоистичен. Его практическое проведение связано с разрушением фундаментальных начал устройства социальности. Гиперболизуя право наций на самоопределение (выше отмечалась бессмысленность этой формулы, синкретизирующей концепты «государство», «население», «народ», «этнос», «нация»; при строгом подходе есть политически самоопределенный народ, располагающий институтом государства и соответственно ни в каком самоопределении не нуждающийся; применительно же к «этносу» необходимость «суверенитета народа» вообще не может быть рационально обоснована), автономизирующийся этнос, дезориентированный преследующей шкурный интерес этнической элитой, попирает иное международно признанное капитальное право — сохранение и поддержание территориальной (государственной) целостности. Кроме того, поскольку ситуация этнической чистоты на территории — вещь фактически несбыточная, в ходе автономизации представители национальных меньшинств, проживающие внутри суверенизирующегося этноса, всегда дискриминируются. Они либо выдавливаются из анк-

²⁰ См.: *Frakfurter Allgemeine Zeitung*. 1993. 19 Mai.

34

лава (Чечня), либо поражаются в гражданских правах (Балтия), либо репрессируются бытовым шовинизмом (Чечня, Балтия). О праве национального самоопределения для аллохтонных национальных меньшинств при этом, само собой разумеется, забывается. Скажем больше: добивающийся государственной самостоятельности этнос ведет себя как агрессор в отношении исходной державной праформы, с которой он порывает. Та же Финляндия, в 1918 г. немецкими штыками подавившая революционное восстание и получившая автономию от России, предъявила ей территориальные претензии. Объектом домогательств выступали пространства, которые никогда финскими не были, — Печенга, Восточная Карелия, Петрозаводск, Петроград (сходным образом до недавнего времени поступала Эстония). В 1920 г. Ленин вынужден уступить Печенгу, воссоединенную с Россией (СССР) в 1944 г.

Исходя из того, что субъектом-носителем государственности является нация—народ и ни в коем случае нация-этнос, нормальное, взвешенное государствосозидание требует деэтнификации

государственного устройства (и устройства) и деполитизации национального вопроса. Человек в государстве — не ставленник этноса; не будучи заложником своей крови, человек в государстве — гражданин, подведенный под национально-универсальное отношение согражданства, которое гарантирует ему правообеспеченное равноучастие во всех социально-политических предприятиях в качестве репрезентанта народного государства.

Учитывая сказанное, баланс этноса крепится на отказе от подрыва государства-нации объективацией государства-этноса. Сверхцель этноса не эскалация саморазрушительного противоборства с государствообразующим «титальным» этносом, а самосохранение в мирном с ним сожительстве. Последнее, очевидно достигается не инициацией этнократий, а развитием института национально-культурной автономии (НКА). Для пролонгации самоценного бытия, выживания, самовоспроизводства, сбережения, передачи наследства, ценностной самоидентификации

35

необходимы условия поддержания, прогресса собственной культуры. Нет культуры — нет этноса. Поддерживать культуру, а через нее этнос, позволяет механизм НКА, который, как и всякий ресурсный источник духовности, овеществляет триединство свободы (плодоношение), культуры (умножение), традиции (закрепление); он приобщает к родному языку, обычаям, религии, особенностям быта. Этого вполне достаточно для самоидентификации, воспроизводства, выживания. Отсюда вытекает, что в государстве-нации (народном, а не этническом государстве, зиждущемся на волеизъявлении граждан, а не этносов) этнос не вправе требовать политического самоопределения и в полном и законном праве требовать культурного самоопределения. Лишь в этом случае достигается искомая реципрокность многонационального (полиэтнического) существования.

Этнос — нация — государство. Этнос — натуралистическая общность; нация — общность социально-политическая (можно быть евреем и американцем, славянином и французом). Нация как образование историческое есть групповая целостность с признаками политического, территориального, хозяйственного, культурного единства. Верно, нация замыкается на некую этническую определенность, но «этническое» — не сущнообразующий атрибут нации. Таковым выступает «державность» — политико-государственная организация осваивающего данную территорию народа, которая позволяет охранять, сохранять, поддерживать имеющийся во владении народа исторически закрепленный за ним фрагмент земной поверхности. Подразумевая радикальность черты «государственность» для нации (равно как «культуры», «языка» — для национальности), возможно понимать «нацию» как совокупность граждан державы на базе конституированного отношения согражданства. Такое понимание отсекает ненужные, нередко опасные этнические модуляции и шлейфы, осложняющие кооперацию на однородных, но нужных друг другу людей на конкретной государственной территории.

36

С позиций хроногеометрических рассмотрений «этнос» (национальность) стремится стать нацией (добиться державной)

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

организации) при достижении этнической чистоты в некотором антропогеоценозе. Если брать Россию, то концентратами повышенного этнического напряжения являются Чечня, где после выдавливания славянской группы сложилась моноэтническая обстановка в анклав; Дагестан, где процент «титовых» народов подавляющ (потенциальная конфликтность в Дагестане гасится неоднородностью, многонациональностью республики, межэтнические отношения в которой далеко не просты, — пикировки представителей равнинных и горных локалов, кумыков и аварцев и т.д.); Тува, также приближающаяся к этнической гомогенности. Лучшее и естественно благотворное влияние на ситуацию оказывает, конечно, ресурс не жестких (принудительное переселение, ассимиляция, резервация), а мягких технологий, активизирующих возможности плавильного котла. Этнической концентрации с тенденцией сепаратизации противостоит цивилизация (монополией на которую в стране обладает государство) — конкретно такие ее модусы, как урбанизация, интенсивная коммуникация, институты образования (школа в широком смысле), армии. Обобщая, можно утверждать: данные модусы дробят племенное, перемалывают этнически-народное; созидавая оторванную от местной привязки цивилизованно обработанную массу, они делают аборигенов конформными с многонациональной культурой по параметру адаптированности к общежитию. При желании снизить порог межэтнического противостояния требуется не вводить войска, а усиливать культуротворческую программу — развивать города, строить дороги, образовывать, совершенствовать обстановку в армии. Рычаг цивилизации — рычаг «Вавилона», выполняющего (при редукции иных модусов) генетически первородную «космополитическую» (антиэтнодиктаторскую) функцию. (Племенному аборигенному сельскому варварству исходно противостояла городская «космополитическая» цивилизация — не единая община, а смешение племен и народов и разнообразие

37

языков, наречий, обычаев, религий; разобщенность, неотрывное от нее преобладание материального, экономического интереса над интересом общим. Город даже в зачаточной его форме в принципе не управляется на основе обычая, традиции. Он по самой своей сути требует иных форм организации, управления, каковыми оказываются положительный закон, публичная власть, замещающая авторитет старейшин.²¹)

Сказанное однозначно дискредитирует модель органической государственности, замысливаемой как этнократия. Государствообразующим признаком объявляется «чистота кровей», принадлежность к этносу — решающим фактором политико-юридического, публично-правового, институционально-должностного вовлечения, участия. На шит поднимается лозунг «Государство (страна, держава, земля)» не для населения, а лиц конкретной национальности». Против такого подхода восстает все — от натуралистической практики: на достаточно обширном участке территории, где нельзя соблюсти эндогамию, ввиду интенсивности коммуникации, панмиктических межпопуляционных

связей, народ этнически гетерогенен; до практики политической: государство как налаженный плавильный котел, машина перемалывания этносов стимулирует формирование межэтнических и надэтнических общностей. В США, Швеции нет государственного народа, государствообразующих этносов. Со всех точек зрения благоразумно, социально и жизненно перспективно трактовать единенный в государстве народ не как этническую, а граждански-политическую общность. К несчастью, проведение этой единственно здоровой, трезвой линии натывается на препятствие в лице легализованного в 1919 г. Версальским мирным договором, активно пропагандированного большевиками абсолютно беспочвенного права наций на самоопределение. Сложность и острота усугубляются тем, что термин «нация» синкретизирует понятия «государство

²¹ См.: Поздняков Э. А. *Философия государства и права*. М., 1995. С. 86.

38

(державу)», «народ (население)», «этнос (племенная группа)». Право на державу имеет только и исключительно «нация» в смысле расселенный на территории народ, а не входящий в него компактно или дисперсно представленный этнос. Известные до сих пор попытки совместить «государство» с «этносом» влекли либо геноцид (Германия времен третьего рейха), либо политический экстремизм (поражение иноплеменников в гражданских правах в странах Балтии), либо шовинизм (выдавливание иноплеменников из Чечни образца середины 90-х годов XX века). Государство — союз-синергист, а не союз-антагонист, упрочается векторным движением в сторону цивилизационного (гуманизм, либерализм, права человека), а не традиционного (этнодиктатура) полюса.

Общество и государство. Сила ума в количестве вариантов. Но никакой силы ума не хватает, дабы обозреть контексты словоупотребления понятия «общество» в его соотнесении с понятием «государство». Обилие коннотаций захлестывает; их не удастся ни предвидеть, ни локализовать. Пробегая традиции а) противопоставления «общества» «природе» в дихотомии «цивилизация — варварство»; б) отождествления «общества» с «политическим сообществом», живущим по закону и справедливости; в) сближения «общества» с «частной» в противоположность «публичной» сфере, будем толковать «общество» как не вовлеченное в орбиту «государства» многообразие человеческих проявлений.

При абстрактном подходе дело представляется так, что отвлечение от родовых связей атомизирует индивида в натуралистическом смысле — он перестает быть несамодостаточным элементом «естественной» популяции; отвлечение же от социальных связей атомизирует индивида в социологическом смысле — он перестает быть несамодостаточным элементом социально-политической популяции. На уровне развитой социальности в высотах идеализации возникает вторичная задача восстановления группового статуса индивида. В натуралистическом измерении это осуществляется институтом семьи; в социологическом

3?

измерении — институтом гражданского общества и государства.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

И семья, и гражданское общество, и государство — мощные рычаги, механизмы социализации, каналы подключения лица к общественному целому. Проецируя на триаду «семья — общество — государство» триаду «единичное — особенное — всеобщее», позволительно утверждать: семья (опять-таки невзирая на государственное регулирование «семьи», — запреты на аборт, разводы, поощрение или препятствие многодетности и т.д.) — приватный (единичный); общество — приватно-универсальный (особенный); государство — универсальный (всеобщий) разряды итнтеракции. «Семья» располагает мягкой, «государство» — жесткой технологией включения индивида в групповой обмен деятельностью. «Семья» персонифицирует и партикуляризирует интересы; «государство» социологизирует и универсализирует их. И одно и другое в своем логически завершенном проявлении выступает как формы отчуждения. Автономизируя «часть», семья отчуждает от «целого». Автономизируя «целое», «государство» отчуждает от «части». «Семья» есть обуза для «должностного». «Государство» есть препятствие для «домашнего». «Семья» отделяет от «государства». «Государство» разлучает с «семьей». Конфликтотенность in re взаимодействия «части», «единичного», идущая от индивида и олицетворяемая «семьей», и «целого», «всеобщего», идущего от институтов и олицетворяемого «государством», которая дестабилизирует социальную структуру, гасится опосредствующим участием общественной системы, амортизирующей отношения лица и организации, народа и власти, приватизации и национализации, малой (мягкой) и большой (жесткой) социальности.

Непосредственное сращение индивида («часть») с государством («целое») — вещь либо архаичная (полисная, вечевая культура вплоть до Парижской коммуны, как подчеркивалось, материализуется на узком плацдарме закрытого, а только в силу этого плотно сбитого, хорошо консолидированного общества), либо несбыточная. Народовла-

40

стие, народоправство само по себе, как таковое, — утопия. Налаживание, отправление власти предполагает обособление аппарата, чиновного слоя, бюрократии, представляющей некую константу государственности. Небюрократическая государственность невозможна, — вероятно, поэтому закат бюрократии Маркс и Вебер связывали с закатом государственности. Ввиду того, что выступающая от имени народа бюрократия (властвующий слой) в угоду своим интересам способна исказить волю народа и, более того, — навязывать ему собственную волю, — между государством и народом (через бюрократию) может произойти столкновение. Вообще говоря, государства в нормальной, рассчитанной на естественное воспроизводство жизни должно быть минимум. Однако при переходе на форсаж, в случае принятия идеологии «не вижу в настоящем ничего, что нужно было бы завтра» («святые» Кромвеля, якобинцы, большевики), воплощается деспотическая программа «рационального» созидания бытия по доктринальным рецептам. В угоду лицу (бюрократическая автократия) или хунте (бюрократическая аристократия, олигархия)

государство, нацеленное на развал народного строя, выказывает себя сплошной репрессалией. На деспотизм этакратии, всегда деформирующей существование, народ отвечает одним и испытанным средством — отчаянным восстанием. Поскольку эхо грозы, раздающееся при жизни, — скверный аккомпанемент всей «партии» бытования, чисто эмпирически нащупывается регламент предсказуемо-оптимального режима взаимодействия субъекта и объекта власти. Государство призвано обустроить (не «упорядочивать») народ, народ призван не бунтовать против своего государства. Поставлять технологию отделения «овец» от «козлищ» в этом деле — составляет неизменную прерогативу «общества».

«Общество» — неформальная, свободная ассоциация граждан, единящихся по частным целям. «Государство» отражает позицию универсального «целого», «семья» — партикулярной «части». «Общество» концентрирует интересы граждански ответственных лиц, не по должности, не

41

по нужде, а по призванию пекущихся об интересах как «целого», так и «части». Имея колоссальные полномочия, «государство» стяжает монополию на социальную инициативу. Дух государственных инициатив в идеале удовлетворяет праву (формальным канонам, социальным универсалиям, внемонопольным в принципе), отвечает национальным интересам, согласуется с народной волей. Третьей, судей, удовлетворяющим адекватность, доброкачественность починов государства, является правовой и народный суд.

Правовой — Верховный, Конституционный суд — орган внеадминистративной юстиции осуществляет не диффузный (суд обычной инстанции), а централизованный контроль правооправданности властей. Народный суд — независимая, свободная экспертиза масс — контролирует государство легитимацией его предприятий. Государство может многое, но не все. Оно — субъект силы и права, от которых выступает. Между тем сила и право далеко не исчерпывают репрезентативности легитимации. Конкурирующие с силой и правом ресурсы легитимации сосредоточены в культуре, патронируются «обществом».

Разведение «государства» и «общества» — результат сильного, до известной меры искусственного аналитического приема. В стихии синкретичной социальности общество и государство неразделимы. Государство как институциональная социальность общественно. Общество как организованная, регламентируемая, нормосообразованная социальность государственно. Таков онтологический взгляд на тему. Прагматический взгляд навевает несколько иную картину. Вполне реальное обособление частных интересов институциональной власти, могущих вступать в противоречие с интересами социального целого, оправдывает дистрикцию государства и общества. Интенция «государства» — обязательность целого, граждан. Интенция «общества» — самодеятельность «части», людей.

Осознавая искусственность противопоставления «человека» — «гражданину», «общества» — «государству», подчеркнем все же

неоднаправленность интенций данных

42

образований. Способ оптимизации их взаимодействия коренится в культуре — истории, традиции, нравах, правилах народной жизни. Содержащиеся в недрах народного бытия ценностные устои в принципе ориентируют государство и общество на взаимоучет — синхронизацию и гармонизацию универсальных и партикулярных измерений существования. Переход от «принципа» к «прецеденту» достигается в створе императива: не надо записывать «рациональные» глупости в преобразовательные программы; надо иметь общественно полезные, ненасильственные версии добротной народной жизни. Баланс «общества» и заключается в отстаивании интересов народной жизни перед тоталитаризмом государства и эгоизмом семьи, этакратизмом целого и нарциссизмом части.

Человек — элемент общества, государства; поскольку, оказавшись в «изолированном состоянии», он «не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому. А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством».²² Примат государства перед социализированным лицом сказывается в экстраординарные периоды общественного существования, несущие угрозу бытию целого. Логика выживания целого (нации, государства) подчиняет себе все. В такие моменты она превалирует, она — выше «права отдельного человека на его собственность и личность».²³ В периоды ординарного, не нарушаемого внешними возмущениями существования личность приоритетна, располагает свободой следовать своему «собственному желанию во всех случаях, когда это не запрещает закон», не ощущая зависимости «от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека».²⁴

²² Аристотель. *Политика. Кн. первая. 1.12.*

²³ Гегель Г. В. Ф. *Философия права. С. 395.*

²⁴ Локк Дж. *Соч. Т. 3. М., 1988. С. 275.*

43

Обособлению индивидуального «Я», свободного, независимого, разгосударственного, способствовали столь заметные социальные превращения, как Реформация и легитимация правовой государственности. Ликвидировав сращение власти с церковью, обеспечив, с одной стороны, десакрализацию государства, а, с другой, — персонализацию веры. Реформация санкционировала движение в направлении ограничения компетенций государства по регулированию жизненного процесса. Непреходящее завоевание Реформации — эмансипация самодостаточного лица, действующего по личной свободе. Идеология правового государства укоренялась на строгом разведении субстанциональной и инструментальной версии государственного участия. Субстанциональная ориентация отличает Восток, заключается в сакрализации и авторитаризации верховной власти. Инструментальная ориентация сводится к релятивизации власти; институт власти поддерживается в зависимости от успешности выполнения должностных функций. В случае злоупотребления полномочиями, превышения компетенций, **Ильин В. В. Философия:** учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

нарушения, искажения Закона, предательства дела народа последний наделяется правом выступления против государства (тиранической власти). Идеология правового государства и сцепленная с ней инструментальная версия государственности обогатила общественное сознание комплексом «государство — сфера обслуживания» народа, состоящего из правозащищенных, равнодостоинных, исполненных самоуважения лиц. Социальный принцип свободы эмансипированных людей есть неотъемлемое достоинство цивилизованно продвинутых обществ и институтов. Какой бы привлекательной ни выглядела система, она должна быть отвергнута как несовершенная, уничтожена, преобразована, если она антиличностна. Гуманистическая справедливость устройства нарушается там, где свобода гражданина не соседствует со свободой сограждан. Социальная свобода универсальна. Она изначально привержена неприятию любых типов практики, благоприятствующих укреплению диктата.

44

Справляться с обстоятельствами трудно, их легче анализировать. Анализ показывает: относительной свободы (если, конечно, ее не отождествлять с вседозволенностью, произволом) — этой высшей экзистенциальной ценности — лицо достигает в правовом социуме с развитым в нем автономистским типом сознания. При государственном патернализме с питающим его гетерономистским сознанием власть, жестко опекая подданных, подчиняет их обмирщению «рационально» задаваемых идеалов, расцениваемых как «высшее для всех благо». Применение категориальной пары автономия (самостийная побудительность) — гетерономия (подчиненность внешним императивам), давно перекрывшей традиционные контексты ее употребления в кантианской философии, вполне оправданно: оно позволяет быстро построить отчетливую картину, получить точные характеристики явлений, более подробное определение которых требует и более сложного, развернутого анализа. Нерв проблемы — в пределах вопроса: в стремлении к счастью, действует ли человек (малая социальность) свободно или подчиняясь институционально-властной государственной (большая социальность) организации? Действительно: как проводим на практике идеал человеческого блага?

В свободном движении от «малой социальности» воплощается жизнь в ее обыденно-будничном, простонародном смысле: жизнь — естественный самотек, непреднамеренное течение самой жизни, непарадное, неприподнятое, неосвященное никакими «высокими» целями, «глобальными» предназначениями, ценностями, приоритетами.

«Человек существо легкомысленное и неблагоприятное, — иронизирует Достоевский, — и, может быть, подобно шахматному игроку, любит только один процесс достижения цели, а не саму цель. И кто знает... может быть, что вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной... непрерывности процесса достижения, иначе сказать в самой жизни, а не собственно в цели, которая, разумеется, должна быть не что иное, как дважды

45

два четыре, то есть формула, а ведь дважды два четыре есть уже не жизнь... а начало смерти».²⁵

В принудительном движении от «большой социальности» воплощается дидактическая диктатура, социальный полицеизм. «Полицейское государство» есть «не только и даже не столько внешняя, сколько внутренняя реальность, — отмечает Флоровский. — Не столько строй, сколько стиль жизни... «Полицеизм» есть замысел построить и «регулярно сочинить» всю жизнь народа и страны, всю жизнь каждого отдельного обывателя ради его собственной и «ради общей пользы» или «общего блага». «Полицейский» пафос есть пафос учредительный и попечительный, и учредить предлагается не меньше, чем всеобщее благоденствие и благополучие, даже попросту «блажество».²⁶

Апелляция к «рационально» задаваемому «благу» людей — химера, уязвимая с той стороны, что никто за человека не может решить, в чем его истинное благо. Подобная апелляция, следовательно, механизмирует личность, она не учитывает, что нельзя формульно (доктринально) рассчитать, что такое «благоразумность». Осыпьте человека «всеми земными благами, утопите в счастье совсем с головой, так, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, как на воде, дайте ему такое экономическое довольство, чтоб ему совсем уж ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о прекращении всемирной истории, — так он вам и тут, человек-то, и тут, из одной неблагодарности, из одного пасквиля мерзость сделает. Рискнет даже пряниками и нарочно пожелает самого пагубного вздора, самой не экономической бессмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему положительному благоразумию примешать свой пагубный фантастический элемент. Именно свои фантастические мечты, свою пошлейшую глупость пожелает удержать за собой, единственно для того, чтоб само-

²⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 5. С. 118-119.

²⁶ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 83.

46

му себе подтвердить... что люди все еще люди, а не фортепьянные клавиши».²⁷

Баланс личности — при лояльном отношении ко всем единицам социальности (общностям, обществу, государству) — в отстаивании самостоянья, недопущении подмены самодостаточного, живущего по своим целе-ценностям «Я», манипуляторским «МЫ», безликим, формульно-бездушным, зависимо-клавишным, поддержании своего статуса величины постоянной, не элемента толпы, не тасуемой в колоде карты в максимально полной, широкой, глубокой самореализации.

Большая — малая социальность. Большая социальность — политическая зона: множество институтов, полномочных должностных учреждений, административных функций, властных организаций. Это — государственно-публичная сфера. Малая социальность — неполитическая зона (невзирая на ее прозрачность, допускающую проникание публично-государственного по каналам семейного права, социального патронажа и т.д.): совокупность неинституциональных реакций, частных утверждений,

эгоистических мотиваций, индивидуальных решений. Это — частная сфера. Залог успеха большой социальности, олицетворяемой государством, в минимальном вмешательстве в малую социальность. Малая социальность — святая святых личности, неприкасаема, самоценна. К примеру, государство озабочено искоренением нищенства. Его участие здесь сводится не к запретам (запрещать просить милостыню — этим ничего не решить), а к наращиванию соцобеспечения, программ материальной и моральной поддержки населения. Если же человек хочет нищенствовать, этому не противостоять: «Нищие в равной степени свободны ночевать под парижскими мостами» (А. Франс). В свободе можно искать лишь свободу, иначе найдешь рабство.

Баланс малой и большой социальности — нерв социального устройства, стержень метафизики истории, обще-

²⁷ *Достоевский Ф. М. Цит. соч. С. 116–117.*

47

ства, государства. Любое трение между ними чревато эксцессами. Когда большая социальность наступает на малую, жизнь погружается в грех и зло, становится печальной по тщетности, мелкой по форме, убогой по содержанию, смешной по завоеваниям. В сумерках кратократии (автократизм, этакратизм, тоталитаризм) реализация личности (самости, таланта, требующего выхода) нарушается. Обратимся к Пушкину: «Черт догадал меня родиться в России с душою и талантом» (письмо жене 18 мая 1836 г.). Обратимся к А. К. Толстому: «Если бы перед моим рождением господь бог сказал мне: «Граф, выбирайте народ, среди которого вы хотите родиться!» — я бы ответил ему: «Ваше величество, везде, где вам будет угодно, но только не в России! Когда я думаю о красоте нашего языка, когда я думаю о красоте нашей истории... мне хочется броситься на землю и кататься в отчаянии от того, что мы сделали с талантами, данными нам богом!» (письмо Маркевичу 1869 г.). Когда малая социальность наступает на большую, человек распоясывается, утрачивает порядок, обретает охоту жить без логарифмов по одной свободной воле своей, наступает смута. Такое было в период складывания земского государства, в рамках которого крепость целого достигается удалением негосударственных элементов (тех же казаков) на окраины. В результате «вольные» люди пошли на государство. Точно описал этот процесс С. Соловьев: «Образовалась противоположность между земским человеком, который трудился, и казаком, который гулял, противоположность, которая необходимо должна была вызвать столкновения, борьбу. Эта борьба разыгралась в высшей степени в начале XVII века в так называемое Смутное время, когда казаки из степей своих под знаменем самозванцев явились в государственные области и страшно опустошали их».²⁸ Из смуты, как известно, Россия вышла не земской, а дворянской (бюрократической). Интервенции целого (государства) в малую социальность вызывают кри-

²⁸ *Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 437.*

48

зис жизни лица. Интервенции части (слоя, гражданина) в большую социальность вызывают общенародную смуту. В любом

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

случае деформация существования, крах ожиданий, невыносимость бытия.

Цивилизация. В профессиональной среде нет ясного понимания ни того, что есть «цивилизация», ни того, какими признаками она выражается. В качестве итога — отсутствие единого фокуса размышлений, не заражающий позитивом вкусовой подход, усвоение трафаретов, за которыми — ничего, кроме «урчания брюха» (Сорокин) их поклонников.

Технология понимания определена глубиной понимаемого. Быстрота понимания — показатель тривиальности, недостижимость понимания — показатель трансцендентности понимаемого. Применительно к пониманию цивилизации вообще (а российской цивилизации в особенности) актуализируется, следовательно, проблема адекватного понимания: оно должно быть ясным и не быть низким. Проблема решается уточнением базовой рефлексивной схемы цивилизации, поставляющей искомые условия понимания колоссальных объемов фактического.

Происходя от «цивильности», цивилизация, характеризуя выделение общества из природы, подчеркивает момент эмансипации одного от другого; у истоков цивилизации некий уровень цивильности, обеспечивающий развитие общества на собственной основе. Отправная точка цивилизации — упрочение цивильности со стадии замены родовой общины соседской (территориальной). Фикс-пункт цивильности — бытие, избыточное относительно срока органической индивидуальной жизни. По ходу эскалации цивильности воплощенность человечности в бытии нарастает. Последнее отвечает фундаментальной тенденции перенаправления родовой активности на выработку условий более или менее гарантированного существования. Усугубляемый тем самым поворот от естественно-потребительного к рукотворно-производительному существованию, от наличного универсума к универсуму, взя-

49

тому под углом зрения возможных перемен, означает упрочение человека в собственно цивильной форме.

Поскольку «цивильность» выражает поддержание жизни по искусственным, завязанным на гражданский эффект технологиям, постольку в ней радикализуются моменты целесообразности, кооперативности, свободы, обуславливающие рациональную планируемость, общественность, самочинность, самоопределенность деятельности и ее продуктов. В виде совокупного грандиозного резюме такого рода деятельности оформляется, оконтуривается «цивилизация» как состояние полной выделенности человека из природного царства в образе и подобии относительно автономного и рационального агента существования.

Антипод цивилизации — хаос во всех его вариациях, от природных до социальных. Ресурс цивилизации сводит до минимума, исключает неопределенность развития. Где надлежащего заслона ей (неопределенности) не устанавливается, инструмент цивилизации дает сбой, оказываясь заложником природной или социальной стихии. Подчеркивая, что нерв цивилизации — преодоление хаоса, проявляемого через игру

неконтролируемых, слепых природных (землетрясения, наводнения, ураганы и т.д.) и социальных (произвол, беззаконие, безнравственность, анархия, безбрежная, безотчетная вольность и т.п.) сил, будем толковать «цивилизацию» с позиций поддержания жизнедеятельности. А именно: цивилизация есть

1) образ жизни, детерминируемый базовыми устоями существования;

2) воспроизводство способов воспроизводства жизни.

Отличительная особенность «цивилизации» — живневоспроизводительный уклад, техника обмена деятельностью, способ вершения исторического бытия, обеспечение выживания. Элемент «технологичности» отличает цивилизацию от культуры, которая в самом широком смысле, будучи механизмом порождения, закрепления, передачи, умножения выражающих достоинство и призвание ценностей, базируясь на творчестве, познании, через напря-

50

жение продуктивных возможностей объективирует субъективный порыв к высокому.

Ориентиры цивилизации и культуры аутентичны. Цивилизация инструментальна (хлеб, мощь), культура гуманистична (высота нравственности, сознания). Мещанство подтачивает культуру; мягкотелость разрушает цивилизацию. Культура стремится к славе, цивилизация — к подвигу. Культура притязает, цивилизация вершит долг. Культура покоряет духовным, цивилизация материальным величием. Рычаг культуры — тщание духа, цивилизации — устроение.

Развернутое сопоставление точек опоры одного и другого оставляет меньше места для нечеткостей в определении существа дела. Представляется, что сказанное подрывает ложно-классическую интерпретацию природы цивилизации под углом зрения конфессионального фактора. Основа цивилизации не религия, а живневоспроизводительный механизм с фундаментальными социальными константами, продуктивными универсалиями. Так, Европа поликонфессиональна, но относительно едина. Едина по комплексной рецепции бытия, стимулирующей поддержание существования (инварианты в материальных, гражданских, духовных, частных секторах общежития).

Непреходящее для культуры концентрирует «откровенство духа» (Федотов) со своими столпами — такими, как

... возвышенные чувства, свобода, слава и любовь, и вдохновенные искусства.

Столпы же цивилизации — технологии устроения, среди которых индустриальность, письменность, политичность, урбанизированность и т.д.

Куда ни помотришь, какие данности культуры ни возьмешь, — везде уникальность, сопутствующая ей разнообразность. В истоках своих культура многообразна — этнична, географична. Напротив — цивилизация проявляется как надэтнический, географически (территориально)

51

нелокализуемый фактор. И в Старом, и в Новом Свете, равно как

в известных точках Африки (ЮАР), Ближнего Востока (Израиль), система живновоспроизводства одна, поддерживается единым механизмом порядка сотрудничества и господства. Последнее подрывает позицию, намеченную Дюркгеймом и Литтре, о местоопределенности цивилизации. Ничего подобного нет. В Европе дают в долг под проценты. Это норма. В России, принадлежащей и Европе, ежели какой человек «берет даже самый малый процент, тот уже злодей. В таком человеке не может правда существовать».²⁹ В России имеют дело с финальным. В Европе — с операциональным. Строй жизни, технологии обмена деятельностью задают контур реализации с набором производственных и воспроизводственных цепочек утилизации вещества природы, истории, человечности.

Итак, возникая как оппозиция природному, варварскому, цивилизация становится ресурсом прогресса рода. В дальнейшем по мере уяснения, что человечество не обладает «единой причиной, единым опытом, единым прогрессом» (Морган), вследствие диверсификации способов, принципов прогрессивного родового развития, дифференцируется и некогда синкретичная цивилизация. Структурообразующими ее признаками оказываются технологии и институты — организация вершения, поддержания жизни.

Цивилизация с культурой соотносится как тело с духом. Цивилизация — материальное развитие, общественная организация — телесная оболочка социума, тогда как культура — духовная жизнь, душа его.

Оттого цивилизация — сопоставимая с культурой типологическая единица истории крупного порядка, ценностная общность высокого социального ранга — в отличие от культуры выступает широчайшим уровнем лишь институционально-технологической идентичности людей.

Характер российской цивилизации. Нельзя не признать: на оформление российской цивилизации оказал влияние блок вполне объективных причин.

²⁹ Чехов А. П. Собр. соч. Т. 9. М., 1950. С. 38.

52

1. Геоклиматический фактор. Россия — страна, отправляющая хозяйственные процессы в неблагоприятных природных условиях. Во-первых, сельскохозяйственный сезон в России — 4—6, тогда как в иных странах 8—10 месяцев. Во-вторых, по справедливой мысли Г. А. Гольца, в России необычайно сильна амплитуда колебаний параметров естественной среды, вызывающая удручающее обстоятельство: вкладываемый труд не дает ожидаемого результата. Уровень колебаний чисел максимума и минимума урожаев в Европе составляет 1,5—2, в России же более 7. Высокая негарантированность хозяйствования исторически осложнялась: а) 30-летней периодичностью выгорания деревянных построек по стране; б) систематическим голоданием населения в европейской части. Если за критическую точку принять норму в 500 гр. хлеба на душу населения, то меньше нормы в 1891 г. получало 25%, в 1897 г. - 9,7%, в 1901 г. - 6,6%, в 1906 г. - 17,3% населения. Иначе говоря, в среднем 10% жителей европейской России голодало.

2. Геополитический фактор. Социально-политическое

пространство векторизовано. Колонизация идет на Восток, варвары идут Запад. Поскольку вопросы мировой истории в недавнем прошлом решались на европейском театре действий, Россия оказывалась средостением перемещения политического вещества. Необходимость вести борьбу на два фронта обуславливала форсмажорность, милитаризованность, усугубляющих и без того сложную ситуацию затратного, экстенсивного производства.

3. Географический фактор. Россия — континентальная держава в массе своей с неосвоенной территорией, суровым климатом, имеет ограниченный доступ к благоприятным океаническим зонам с их дешевыми транспортными артериями. Оттого единица производимого и перевозимого продукта в стране всегда дороже, чем в иных частях света. Для

53

сравнения: в России на душу населения в среднем 15 кв.м, в США — 49 кв.м жилой площади. Однако, приняв в расчет качество материалов, степень капитальности, получим, что средств для обеспечения даже такого метража у нас требуется больше. 4. Державный фактор. Жесткая централизация (для обеспечения государственных нужд) получаемого на форсаже дефицитного прибавочного продукта, логика отправления экстенсивного роста (при проводимой колонизации) государственного дела имплицитно стратегия выживания: авторитаризм, абсолютизм, этакратизм вверху и общинность, коллективизм внизу. Подобное сочетание обостряло внутреннюю конфликтность, раскольность социального целого. Как далеко должна идти рефлексия данного прецедента — проблема, вызывающая массу споров в российском обществе. В качестве нужного нам подчеркнем лишь крайнюю неблагоприятность взаимодействия верхов и низов на такой почве. Всякая инициатива сверху воспринималась низами как очередная антинародная кампания. Только один пример. Реформа П.Столыпина вызвала отчаянное сопротивление крестьян, лелеявших мечту «черного передела» (не выделение «крепких» хозяев на хутора и отруба, а передел земли по количеству ртов). В соответствии с этим коммунистическим принципом в 1907 г. развернута настоящая гражданская война. За 1907—1909 гг. сожжено 71% помещичьих усадеб и 29% хозяйств кулаков. В период с 1910 по 1913 г. сожжено 32% помещичьих усадеб и 67% кулацких хуторов. Вопрос, почему крестьяне всячески закрепляли экстенсивный путь развития в России, пока безответен (ср. ситуацию с борьбой с фермерскими хозяйствами в наши дни).

В качестве аналитического резюме из сказанного примем: стержень российского цивилизационного космоса составляли нестабильность, патернализм, коллективизм,

54

автократизм, вотчинность, усеченность правовой ответственности, персональной инициативы, деспотизм, волюнтаризм, централизм. Кристаллизовался социальный оксюморон: «антиобщественное государство — антигосударственное общество» (Струве). Российское дореволюционное общество, отмечает Вернадский, «не понимало и не ценило великого блага — большого государства».³⁰ Общество становилось государственным исключительно во времена смуты.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Проблема цивилизационной принадлежности России. Всякая цивилизация — социальный порядок — складывается, поддерживается в истории программами воспроизводства. Вычленение существа программ позволяет дифференцировать природу цивилизаций. В традиционной цивилизации превалирует охранительная доминанта, сфокусированная на сакральном (власть, бог), преодоление традиционности связывается с гуманитарным поворотом в культуре, позволяющим человеку принять на себя безусловное. В последнем, кстати, — непреходящее от явления в мир Христа — бога, ставшего плотником, взявшегося за обустройство, устройство. Аналогично Петр — тронодержатель, помазанник божий, подобно первосвященнику, взявши пилу и топор, произвел переворот: плотницкое воплощение повлекло обмирщение власти, ускорило синтез земного и небесного, а с ним — выход из традиции. Петровский «Регламент», подмечает Флоровский, содержал программу отечественной реформации на праве личного участия, действия, в коих — ревизия традиционной ориентации на охранительство, квиетизм. (Ср. с выработкой идейных оснований модернизации в мусульманских странах. В той же Малайзии перед широкой социальной трансформацией проведена санация духовности, согласно которой не Аллах, а путь к Аллаху задает экзистенциальный канон. Аналогично ранее реформировавший Турцию Кемаль Ататюрк в ликвидации султаната сделал ставку не

³⁰ *Век XX и мир. 1989. № 6. С. 43.*

55

на «правoverного», а на «гражданина».) Все средства «слабы против страсти «пытать и толковать от себя», со дня на день неуловимо распространявшейся»,³¹ — указывает Самарин. Личностное самоутверждение на базе индивидуального, человеческого как метафизический устой, неканоническая нравственность, свобода выбора означает десакрализацию социальной жизни, создает предпосылки выхода из традиции. Так культура побуждает к развитию цивилизации».

Разруха от мозгов. Как человек думает, так и живет. Как живет, так и производит. Выше утверждалось, что опыт ценностного оправдания глубины, самодостаточности человеческого, личностного, эмансипируя его от сакрального, абсолютного, породил инновацию. Рычаг инновационности — модернизационность, воплощаемая в чередующихся стадиях наращивания индустриальности (материальное воспроизводство), светской гражданственности (социальное воспроизводство), экзистенциальной реализуемости (персональное воспроизводство), в совокупном живновоспроизводстве, до недавних пор выступала индикатором цивилизационного прогресса. Между тем выяснилось: модернизационная программа пролонгации цивилизации несостоятельна, Туликова.

Доказательства ничтожности жизни — примеры, подтверждающие ее величие. Показатели вырожденности индустриальной цивилизации — ее достижения в лице антропогенного Молоха, разрушающего среду обитания человека. Своекорыстный индустриализм и консьюмеризм рубят корень,

питающий цивилизацию — биосферу, технологическое воздействие на которую уже в 2 раза превысило допустимую норму. Сказанное обостряет проблематику локальных цивилизаций, уклоняющихся от магистралей общечеловеческого движения. Применительно к пониманию цивилизационного статуса России намечаются линии.

³¹ Самарин Ю. Ф. *Избранные произведения. М., 1996. С. 61.*

56

1. Россия вышла из традиционной цивилизации, но не вошла в инновационную. Причина — отсутствие метафизического, нравственного оправдания модернизации. Чем более развита цивилизация, тем менее она привязана к территориальному (российская цивилизация располагалась на трех континентах, а что вышло?) и тем более привязана к человеческому фактору. Человеческое же начало в российском опыте редуцировано, подмято державным началом. В России в целом, действительно, условия хозяйствования скверные. Но чем лучше они в Израиле, культивирующем пустыни, солончаки? Дело не в географии, а в человеке. В Пскове и Латгалии география одна, — производители разные. Основания различия в этосе, навеваемом культурой. Российская культура безличностна, неперсоналистична. Это первое. Александр Невский, закрывая окно в Европу, повернулся к монголам. Отечественная церковь с московского княжества стала рабой государя. В неререформированном православии нет четких норм, канализирующих ток жизни. Посему церковь у нас не пасет паству, не сеит разумное, доброе, вечное. Это второе. Как итог — ущемленный, нераскрепощенный человек с притуплённой производительностью. Ввиду сказанного Россия квалифицируется как несамостоятельная цивилизация, пребывающая на перепутьи инновационного Запада и традиционного Востока (какого — Ближнего, Дальнего, Христианского, Мусульманского, Иудейского?) и дрейфующая в зависимости от обстоятельств (вмешательства государства) то в одну, то в другую сторону.

2. Россия не Европа. Если это так, в чем причина неудовлетворенности, ностальгии? Много ведь в мире неевропейских стран. Размышлявший над ситуацией Данилевский проблематизировал наличие разлома между Россией и Европой. Но, будучи естественником, он обсуждал предмет как

57

географ. Суть дела заключается в том, что, включаясь в Европу географически, цивилизационно Россия не-Европа. Последнее представляет объект озабоченности, учитывая высокую цивилизационную консолидированность Европы в границах продвинутого комфортного образа жизни. Поскольку он расценивается стандартом существования, ставится задача соответственного устройства России в согласии, сопряжении с законами, устоями Запада. Это — типичный проект вестерна, обанкротившийся в нынешней реформационной эпохе России. 3. Россия не цивилизация, а становящееся образование, желанная модель мира в будущем. Европа акцентирует «цивилизацию», Россия «культуру». Европа бездуховна, формалистична, расчетлива, переживает кризис ценностной подкладки своего бытия. Россия духовна, однако увязла в отрешенных спорах. Запад имеет конкретные заслуги в технологиях налаживания жизни,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

смазываемых финалом — всеобщим нравственным оскудением, мешанством. Россия — не пересаженное растение, произрастающее на обочине Европы. Ей надлежит вымостить свой высокотехнологичный, но вместе с тем светлый, морально нетоксичный путь утверждения. Тело Запада, душа России, прагматизм и духовность — магистраль будущего. Ни одна из охарактеризованных линий не выглядит адекватной. Первая — ввиду соображений фактуальных: ни Запад, ни Восток как ареалы цивилизации однородностью, единством не отличаются. Россия же в истории выработала оригинальный цивилизационный типаж, удаляющий и приближающий ее одновременно и к Западу, и к Востоку (страновая отсталость, преодолеваемая мощными модернизационными рывками: внедрение западных индустриальных технологий посредством восточной социальной организации). Сопоставимая с Западом по ин-

58

дустриальности, Россия отстает от него институционально; сопоставимая с Востоком институционально, она обгоняет его индустриально. Можно ли иначе в Евразии в масштабах 1/6 или 1/8 планетарной суши, односложно сказать невозможно.

Вторая — ввиду соображений практических: откровенная, безоглядная вестернизация для российских реалий исконно означают насилие, депопуляцию, кризис. Так было при Петре, большевиках, несостоявшихся либерал-демократах. Войти (во имя чего?) в Европу такой ценой у нас нет ни средств, ни сил, ни возможностей.

Третья — ввиду нереалистичности. Россия — культурная ветвь Запада, — мотив заманчивый, сколь и известный. В его идейных истоках — «третий завет», «Евангелие Святого духа» (Мережковский), «Философия общего дела» (Федоров), «всемирная отзывчивость» (Достоевский).

Сближение западного с российским с фронтальной его духовной редакцией носит волевой и метафизический характер. Говоря кратко, православная этика (инспирируемая ею человеческая солидарность, коллективизм, общее спасение и т.д.) не универсальна ни для поликонфессионального, полиэтничного мира России, ни, тем более, для европейского мира.

Между тем от особой цивилизационной (не мессианской) роли России отказаться нельзя. Непреходящее значение России для мирового опыта в имперостроительстве, созидании сильной государственности, обеспечивающей гражданский мир, гарантия выхода в историю народам, сосредоточенным на просторах Евразии. Дезагрегация России как Евразии, ее дивергенция на Европу и Азию, выводя продукты деления на задворки одного и другого, дестабилизирует обстановку, делает жизнь неприемлемой, нетерпимой. Евразия — модус бытия России, осуществляющей цивилизационную миссию поддержанием единства, цельности субконтинента. Позиция скорее всего объясняет причины неизменного восстановления державного тела России в ходе время от времени возникающей

59

дезагрегации, сессии, смуты. Понимание происходящего может быть следующим.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

На Западе выделение единой церкви из состава разных стран, стимулируя расслоение политического и конфессионального порядков, предопределило складывание отчужденной от государственности культуры. Вопреки тому в России под эгидой короны произошло объединение державы и церкви. Принимая во внимание отсутствие единой духовной организации в восточном христианстве, его раздробленность на автокефальные национальные церкви, культура и религия, рассогласованные между собой, оказались тотально перекрытыми государством. На Западе борьба государства с престолом приняла очертания общекультурного процесса. В России какой-то масштабной пикировки религии с государством не было. (То, что было — сектанство, старообрядчество — не могло получить общекультурного статуса.) Следствие — реформация — этатизация: эмансипация культуры на Западе и огосударствление культуры в России.

Прогрессивные изменения общества взыскуют модернизации. Государство как достаточно косный механизм модернизационные порывы сдерживает. Противостояние общества государству на Западе амортизирует культура. В России ее благотворные вмешательства (в силу подчиненности государству) невозможны. Коллизии общества с государством решаются за счет государства: либо наступлением на народ, либо сдачей позиций властью. В первом случае торжествует объединительный принцип, унитаризм, во втором случае — смута.

Подрыв государства в России самоубийствен, но вследствие блокирования государством модернизации необходим. Как синтезировать «державность» и «модернизируемость»? Национальный опыт отработывал на этот счет механизм империи, позволяющей преодолевать кризисы догоняющим форсированным развитием. Историческая тактика прохождения понижительных фаз странового движения своей затратностью, неоптимальностью себя исчерпала. Используя и корректируя исторический опыт, инст-

60

румент империи требуется из державно-властного преобразовать в общественно-народный. Каким образом? Путем надления «империи» пафосом гражданственности, гуманитарности.³²

Запад и Восток. Ключ к западному и восточному небу, — дивергенция античной общины с выделением индийского и греческого производительных укладов. На Востоке возникла властная корпоративность, на Западе — правовое собственничество. На Востоке утвердился подданный, на Западе — гражданин. Отмеченное предопределило складывание долгосрочных линий в социальном развитии, выработку специфических стандартов существования. Отсюда следует: Запад и Восток понятия не географические, — символизируя разные пути движения человечества по истории, разные миры, порядки, универсумы, в самом строгом смысле слова они могут быть уточнены как атрибуты социософские, цивилизационные.

Естественно, всякое обобщение критикуемо. Тем не менее имеются данные, позволяющие обосновать некую последовательно упорядочивающую схему — схему относительно однородных внутрочеловеческих ареалов, противопоставляемых друг другу по

ряду реципрокных признаков. Пути самонахождения, самообретения Западом и Востоком собственных исторических регламентов, структур самоидентификации жизни действительно существенно различны. Последнее высвечивает систематизирующая таблица.

Запад развился из полисной организации социальных отношений, ориентированных на частнособственническую, правовую, граждански-демократическую культуру деятельностного обмена. Res publica — общее дело, реализуемое через персональную интеграцию в систему общественных дел. Социальный базис ее (интеграции) — универсальные гарантии ответственному лицу, связанные с возможностью и способностью заявлять, отстаивать, проводить соб-

³² См.: Ильин В. В., Ахиезер А. С. *Российская государственность: истоки, традиции, перспективы*. М., 1997.

61

ЗАПАД	ВОСТОК
либеральность	властность
правосообразность	волюнтарность
самоорганизованность	директивность
дифференцированность	синкретичность
политического и социального партикулярность	политического и социального абсолютность
индивидуальность персональная	коллективность
самодостаточность	сервилистичность
консенсуальность	конфликтность
гражданственность	этактичность
собственность	владение
интенсивность	экстенсивность
городская культура	сельская культура
индустриальность	аграрность
инновационность	стагнированность
линейность	регенеративность
децентрализованность	централизованность
демократичность	деспотичность
инициативность	исполнительность
горизонтальность	вертикальность
модернизированность	традиционность
эффективность	затратность
активность	реактивность
мобильность	инерционность

ственные интересы. Отработка механизма подобных гарантий породила корпус прав, свобод, обязанностей, долженствований, а с ними — систему социокультурных статусов индивидуоцентричного, инициативного, правоприменительного, собственнического стиля общественного вовлечения и участия. Соответственный порядок такого рода вовлечения и участия — это и есть остов западной цивилизации.

Восток формировался на иной генеративной основе — посредством выработки политарной (кратократической) жизнепродуктивности. Необходимость налаживания зат-

62

ратного воспроизводства на аллювиальных почвах предполагала

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

контингентирование трудовой кооперации, в качестве приводных ремней социальности акцентировала такие комплексы, как деспотизм, централизм, администрирование, этатизм, общинность. Исторически сплачиваясь, уплотняясь, структурно они воплотили незападный путь развития. Всесторонними критиками его были Дефо, Монтескье, тогда как апологами — Вольтер, Кенэ.

Сказанное рассеивает расхожее и дереализующее толкование цивилизации через призму конфессионального признака. И Запад, и Восток — образования конфессионально нецельные, к вероисповедным аспектам несводимые. Тот же Восток объемлет буддийскую, иудейскую, конфуцианскую, мусульманскую, синтоистскую церкви. Дело не в вере, а в системе поддержания, вершения жизни. Японцев, китайцев, индийцев, египтян, персов, иудеев, арабов, тюрков единит не вера, а способ творения истории, по которому все они принадлежат Востоку. Восток есть Восток, а Запад — Запад. И хотя двузначная логика в столь тонком деле, как генерация цивилизационных типажей, фиксирующих форму человеческого движения, не проходит, — и варварство, и деспотизм, и абсолютизм, и фанатизм, и кратократическая фанаберия в избытке обнаруживаются на Западе (вспомнить инквизицию, охоту на ведьм, Варфоломеевскую ночь, этнические чистки и т.д.), — различия в жизненных устоях Запада и Востока так велики и реальны, что лишают инфляционности применительно к ним пользование понятием «цивилизация».

Подытоживая эту часть изложения, подчеркнем:

1. Цивилизации в ценностном отношении для человечества не равновелики, что свидетельствует о сугубой ошибке органицистов, допускавших обратное.

2. Цивилизации не обособливаются по религиозному фактору.

3. Не просматривается унитарная цивилизационная динамика всемирно-исторического процесса, — некоторые региональные цивилизации (Восток, За-

63

пад) составляют непреходящий след в истории; некоторые локальные цивилизации (майя) возникают и погибают в истории без систематической связи, практически не оказывая влияния на ток общечеловеческой жизни. 4. Природа цивилизационных связей не получает выражения в терминах связей формационных. К примеру, рабство на Востоке вызвано не формой собственности, а стилем властного ее выражения. Учитывая, что ориенталистское государство — верховный, высший суверен — собственник земли при любом типе владения, пользования, распоряжения угодьями, отыскивается исток абсолютной власти над ведущими землеобработку подданными. Альтернативой частной западной собственности на Востоке потому выступает этатизм. Попытки преодолеть частнособственническую производительную форму в закатных социумах, как мы задним числом знаем, плодили не социализм, а этатистскую деспотию. Реставрация присущих архаичным обществам не экономических, а властных, не собственнических, а государственно владельческих механизмов воспроизводства существования при социализме свидетельствует о невозможности описывать состояния социальности

формационными схемами. Цивилизационные шлейфы проступают неформационно: социализм — модификация Востока, а не преодоление Запада.³³ Сходно капитализм цивилизационно подготовлен не феодализмом, а возрожденческим восстановлением в Западной Европе в торговых республиках, эмансипированных, получивших широчайшие привилегии в самоуправляемых городах³⁴ греко-римского образа существования (нормы, принципы, ин-

³³ Также см.: Васильев Л. С. *История Востока. М., 1993. Т. 1. С. 35.*

³⁴ Там же. С. 18.

64

статуты). Лишены принципиальности в контексте нашей аргументации и гиперболизированные Вебером правила протестантской этики. Не протестантизм создал капитализм, он лишь усилил цивилизационный потенциал эллинского миродействия.

5. На примере явления внутреннего Востока, когда, как в Чечне, находятся поклонники не демократизма, а шариата (или в Иране, где в результате революции 1978—1979 гг. отступили к средневековой теократии), крепнет убеждение не во всеобщности западного пути — для человечества он не обязателен, не универсален. Не существует генеральной исторической линии унаследования народами западного типа прогресса. Суть не в уровне потребления, не в качестве существования. Суть в иных началах продуктивности (скажем; не индустриальные, а демографические технологии, не право, а адат). В Объединенных Арабских Эмиратах, Брунее уровень жизни крайне высок. Насколько же органичен для него западный миропорядок? Аналогично в Израиле погруженные в архаику бедуины не взыскуют оседлости; срывая национальные программы урбанизации, предпочитают устроенности городской жизни прозябание в пустыне Негела. Красота не в песках, красота в сердце бедуина, от которого не оторвались чтущие завет предков собратья его пустынники — аравийцы. В силу чего так? В силу нелинейной, не допускающей лобовых пониманий цивилизационной конкретики, по которой народы живут не разумом, а страстно отстаиваемой традицией. — «они предпочитают резню и голод под собственными флагами».³⁵

6. До XIX столетия по темпам роста Восток практически не отставал от Запада (а в древности и опережал в силу оперативности для больших контин-

³⁵ Федотов Г. П. *Судьба и грехи России. М., 1992. Т. 2. С. 322.*

65

гентированных обществ центрально-административных технологий руководства). Ситуация изменилась с момента стремительного прогресса машинной индустрии, фабричного производства, фундированных научно-технической, социальной инновационностью. Здесь Восток обнаружил неконкурентоспособность. Камнем преткновения выступили консервативность, традиционность, исключаящие инициативность, мобильность, а с ними — модернизируемость. Исполдволь, постепенно применительно к Востоку вырабатывались устойчивые комплексы: в социокультурной плоскости — ментальная неполноценность, в социополитической плоскости — колониализм.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Комплексы служили почвой негласного оправдания решительного наступления на «безнадежно отставших варваров». «Поход на Восток», превратившись в знамя движения, кредо западных имперских устремлений, наметил мощный крен во всечеловеческой практике.

Вектору вестернизации Восток противопоставил национально-освободительное движение, борьбу за независимость, деколонизацию, не только отвоевывавших державные права, но и восстанавливавших традицию. Освобождающийся Восток предпринял попятные движения от имплантированных к патримониальным, цивилизно исходным для себя состояниям. Направляющими демаршей стали трансформации эгалитарного в ранговое, реципрокного в редистрибутивное (последнее просматриваемо в социально-политической динамике бывших среднеазиатских республик СССР, ныне суверенных стран — членов СНГ).

В осмыслении данных реалий, возвращаясь к нашим баранам, напомним, что восточная деспотия как стержень воспроизводственного опыта, исключая собственничество, осуществляет самоподдержание за счет рангово-статусной иерархии. Собственность на Востоке — форма власти, владения, конвертирующая по необходимости мощь, силу на богатства, материальные ценности. Восточная власть

66

наследуется, а с ней — через должности, прерогативы, полномочия — наследуется доступ к собственности (на Западе наследуется собственность — но не власть! — как частное право владения, пользования, распоряжения имуществом).

Сообразно такому регламенту социальной кооперации складывается феномен владельческих прерогатив: «одна и та же земля (а, точнее, право на продукт с нее) принадлежит и обрабатывающему ее крестьянину, и общине в целом, от лица которой выступает распределяющий угоды старейшина, и региональному администратору, и верховному собственнику».³⁶ Никакой множественности прав, никакого плюрализма собственности в зависимости от власти Запад, где выработались четкие частно-правовые каноны, не знал.

Обстановка, чтобы земля была всех вообще и ничьей в особенности, чтобы все, кто как может, получали с нее доход пропорционально власти, изначально исключалась западным индивидуализированным хозяйствованием, рассчитанным на извлечение прямой партикулярной выгоды. Дивергенцию отсеков цивилизации, как видно, обуславливает *modus gubernanti* — способ отправления жизни. В качестве такового Запад отработал рыночную, частнособственническую, правовую, тогда как Восток — центрально-административную, командно-директивную систему. Организация существования идет на Западе — от рынка, собственности, права; на Востоке — от власти, владения, иерархии (соблюдения статусов).

Некогда единый общинный базис жизни расщепился на несопряженные стези социальности, описываемые оппозициями рынок — власть; собственность — государство; право — приказ.

Отсюда, как из основания, вытекают следствия:

а) на Востоке в противоположность Западу нет экономических классов, есть правовые слои и бесправные;

³⁶ *Васильев Л. С. Указ. соч. С. 70.*

67

б) на Востоке в отличие от Запада государство стоит над экономикой, над собственностью; примат власти выражается в системе отработок на нее (труд на общих полях, отчуждение части урожая, выплаты) — взимается своеобразная рента, аккумуляция которой позволяет содержать этакратические структуры (государство, храмы и т.д.);

в) правящие слои на Востоке благодаря причастности к властной, государственной иерархии доминируют в экономике — владеют, распоряжаются, распределяют, перераспределяют; такого рода прерогативы на Западе — удел собственников;

г) средоточие социальной интеракции, нерв межсубъективной коммуникации на Западе — интерес, на Востоке — надзор (в Египте при Птолемах учрежден пост генематофилака — стража урожая, — соглядатая исполнителя приказа о государственном обложении каждого колоска. Ср. с отечественным печально известным законом о пяти колосках);

д) на Востоке в отсутствие субъекта гражданских прав социальное поведение ассорирует административный произвол, безнарядье властвования; на Западе при наличии субъекта частного права верховодят формальные кодексы, обоюдообязательные (для государства и гражданина) законы;

е) на Востоке, вопреки Западу, нет явного субъекта собственности, общинно-государственная форма хозяйствования влечет иррадиацию владельца средств производства: владеет и пользуется собственностью коллектив производителей, владеет и распоряжается ею (общим достоянием) от имени коллектива административный глава — от старейшины до государя, от храма до государства,³⁷ частная собственность, даже появившись,

³⁷ *Васильев Л. С. Указ. соч. С. 212-213.*

68

укрепившись, на Востоке второстепенна, не будучи защищена от произвола власти какими-нибудь привилегиями, гарантиями, свободами, правами;³⁸

ж) механизм защиты от управленческого беззакония на Западе — гражданское общество, суд; на Востоке — корпорация, вельможная воля;

з) на Востоке законы пишутся от имени и во имя государства, на Западе от имени и во имя лица;

и) на Востоке крепнут вертикальные (субординативные) связи — клиентельные, общинные, клановые, на Западе — горизонтальные (координативные) связи — связи не подчиненных, а потенциальных социальных партнеров, союзников, субъектов самодостаточного равнодостоинного кооперирования;

к) на Западе право — гарантия свободы, на Востоке гарантия свободы (автономия от произвола) — статус, место в иерархии власти;

л) эффективность на Западе — производное активности, динамизма, инновационности, мобильности; эффективность на

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Востоке — дериват реактивности, внутренней устойчивости, стабильности, консервативности. Пафос социальной трансформации на Западе — преодоление прошлого, на Востоке — восстановление его;

м) на Западе время линейно (кумулятивно-прогрессивно), общественная динамика покрывается звеньями цепи: повышательная фаза — сатурация — понижательная фаза (стагнация) — инновация — повышательная фаза; на Востоке время инверсионно (циклично-возвратно), общественная динамика покрывается звеньями цепи: повышательная фаза — сатурация — понижательная фаза (стагнация) — реверсия — повышатель-

³⁸ Васильев Л. С. Указ. соч. С. 82.

69

ная фаза. Характер преобразований в одном случае эволюционен, в другом инволюционен;

н) кризис государства на Востоке вызывает кризис социальности: страдают низы — от произвола верхов; страдают верхи — от маргинализации, криминализации низов; страдают производители — от подъема бюрократов; страдают бюрократы — от упадка производителей.³⁹ Смена власти на Востоке — трудно идущий вирулентный акт. На Западе — мощные амортизационные механизмы дистанцируют социальность и государственность. Правительственные кризисы не влекут кризисов гражданских; смена власти здесь — ординарный, санационный акт. На Востоке взыскуют сильной, на Западе правоприменительной власти. На Востоке самоценна сила, на Западе — баланс сил;

о) на Востоке собственность конвертируется на силу (престиж), на Западе — престиж (сила) на собственность;

п) протестное поведение на Западе сфокусировано на неимущих; аналогичное поведение на Востоке — на имущих (ср. с российскими обычаями борьбы с кулаками, фермерами, крепкими хозяевами). Революции на Западе оптимизируют социальную отдачу собственности; революции на Востоке стимулируют передел собственности;

р) цивилизационный рост инициируется урбанизацией — монументальным городским строительством с обслуживающей его инфраструктурой, стоящей дорогого. На Западе ввиду индустриально инновационной ориентированности производства городская культура прогрессирует, на Востоке ввиду аграрно-реставрационной ориентированности производства городская культура деградирует.

³⁹ Васильев Л. С. Указ. соч. С. 229-230.

70

Европа — Россия — Азия. «Исторически Россия... не Азия, но географически она не совсем Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа наложила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии, или в нее влекли Азию»,⁴⁰ — точно замечал Ключевский. Сбалансированная, острая мысль историка требует своего развития. В соответствии с последним предметом нашего внимания выступают вопросы:

А) в чем точки схождения и расхождения России с Европой и Азией;

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Б) к какому типу цивилизационной эволюции Россия тяготеет?

А. Вопрос о сходстве и различии России с Европой и Азией — вопрос ее прошлого, настоящего, будущего; это вопрос судьбы, места, роли, назначения России в мировой истории.

Россия отошла от Европы по основанию византизма. Русь — наследница порвавшей с Западом Восточной латинской провинции. Почва разрыва Константинополя с Римом — не конфессиональная. Действительно. Можно ли серьезно относиться к мотивам, подвигшим в 1054 г. папу Льва IX и патриарха Кирулария предать друг друга анафеме. Подспудье конфликта составляли различия в догматике, обрядах, организации, принявшие окончательную форму разделения церквей:

— принцип филиокве: исхождение святого духа от Бога-отца (восточное христианство) или от Бога-отца и Бога-сына (западное христианство);

— celibat: обязательное безбрачие для католического духовенства (установлено папой Григорием VII, стремившимся не допускать дробления монастырской земельной собственности между наследниками) и лишь для архиереев в православии;

— евхаристия: причащение хлебом и вином для всех прихожан (православие), причащение «под обо-

⁴⁰ *Ключевский В. О. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 65.*

71

ими видами» только для духовенства (католицизм); до II Ватиканского Собора (1962—1965) католики-миряне причащались лишь опресноками;

— богослужение: литургия на местных языках (восточное христианство) и на латыни (западное христианство);

— иерархия: в восточном христианстве патриархи равны, насчитывается 15 автокефальных (Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская, Русская, Грузинская, Сербская, Румынская, Болгарская, Кипрская, Элладская, Албанская, Чехословацкая, Польская, Американская) и 3 автономных (Синайская, Финляндская, Японская) православных церкви; в Западном христианстве имеется великий понтифик, единый духовный лидер католиков.

Хотя в декабре 1965 г. папа Павел VI и патриарх Константинопольский Афинагор I высказались за мир и союз (за что ранее — в июле 1439 г. — высказывалась Флорентийская уния), преодоление анафемы 1054 г., схизма продолжается.

За эфемерной ширмой казуистической формы — сущностный содержательный разрыв, пропасть миропонимания. Византизм (восточный путь) — кратократический, политарный путь власти, подчинившей душу. Европеизм (западный путь) — путь двух мечей, равнодостоинных начал — административного и духовного. Восточная римская империя выжила благодаря власти. Западная римская империя — благодаря церкви. На Востоке власть одолела церковь. На Западе церковь, пережив империю, одолела власть. Восток утвердил единодержавие, единовластие кесаря. Запад — двоевластие папы и кесаря.

Византийским кратократическим началом и пропиталась Русь, что способствовало ее страновому выживанию: в агрессивной

жестко конкурентной геополитической среде, принуждавшей перманентно отстаивать право на неза-

72

висимость силой, единственный шанс державного самоподдержания заключался в централизации и консолидации власти, обеспечиваемых этизацией церкви. С удивительным постоянством отечественная история и молотила ту муку, из которой пекся пшеничный пирог императорского неограниченного самовластия. Достойны упоминания в этой связи крутые непреходящие акции

— Дмитрия Донского, посадившего митрополитом Митяя — своего, взамен присланного Константинополем Киприана;

— Василия II Темного, настоявшего на низложении митрополита Исидора (по национальности грека), подписавшего Флорентийскую унию (по конъюнктурным соображениям на ее одобрение пошло греческое духовенство с византийским императором Иоанном Палеологом); в 1448 г. в Константинополь направлена грамота о независимости русской церкви от константинопольского патриарха;

— митрополита Ионы, в 1459 г. созвавшего на собор подчиненных ему епископов и взявшего с них обещание «быть неотступными от святой церкви Московской». С этого рубежного момента церковь и власть на Руси отождествились, произошла многозначительная «Московизация церкви», сращение двух престолов;

— Петра I, завершившего этизацию церкви ликвидацией патриаршества, введением «коллегии» по делам духовным — бюрократического священного Синода с обер-прокурором.

Данные акции укореняли то, что в десятилетиях, веках воплощалось все глубже, пропитывая все поры национальной жизни и именно: властное имперское начало, по которому Русь, а затем Россия становилась ответственной преемницей Византии. Отечество пребывало единственной христианской страной, где национальное государство без оговорок утверждало свой исключительный абсолю-

73

тизм, делая из церкви атрибут национальности, послушное орудие мирской власти, где устранение божественного авторитета не уравновешивалось даже свободой человеческого духа.⁴¹

Византизм — исходное основание отторжения России от Европы, предопределившее присутствие в «русском пути» кратократических (восточных) начал цивилизационного развития. Следующее звено в цепи подобного отторжения — татаро-монгольское нашествие. Дело не в том, что, захватив форпост Запада на Востоке, монголы разлучили Европу с Россией почти на два с половиной столетия. Дело в том, что кочевники имплантировали в Россию регламент степной жизни.

Вообще говоря, о монголах сказано много несправедливого. Начать с того, что под влиянием отзывов современников некоторые полагали, будто «монгольским завоеванием был нанесен культурной жизни Азии и Восточной Европы еще более тяжкий непоправимый удар, чем, например, культурной жизни Южной Европы великим переселением народов». (Римляне, как бы предчувствуя катастрофу, начали отгораживаться от варваров —

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

германцев с правления Юлия Цезаря. При Августе и позднее сооружается и укрепляется так называемый римский вал — линия Кобленц — Регенсбург протяженностью 500 км между Рейном и Дунаем.) «В действительности последствия монгольского завоевания были менее тяжелы уже потому, что завоевание не сопровождалось переселением завоевателей... В истории всех завоеванных монголами стран — в Китае, мусульманском мире и России — после XIII в. замечается больше политической устойчивости, чем раньше»⁴². Невзирая на варварство, монголы, в противоположность германцам, в эпоху своего владычества не допустили возвращения от денежного хозяйства к натуральному.

По-

⁴¹ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 224.

⁴² Бартольд В. В. Ислам и культура мусульманства. М., 1992. С. 92.

74

дати «собирались натурой (хлебом и кусками тканей) только в первые десятилетия после смерти Чингиз-хана»; уже при его внуках монголы вполне освоились с денежной системой. Золотая монета снова стала заменена серебряной... чеканка медных дирхемов постепенно прекратилась⁴³. В Азии развернулось строительство новых и восстановление старых городов и т.д.

Тем не менее даже с учетом откорректированных оценок общий взгляд на роль монголов в цивилизационной эволюции России является негативным. Монголы привнесли на Русь удаляющие ее от Европы сугубо восточные элементы жизнепроизводства, которые в систематической редакции резюмируются следующим:

а) «монгольское право на землю»: вся земля — хана; Орда не знала земельной частной собственности. Во многом благодаря данной монгольской трансплантации на Руси утвердился своеобразный, Европе неведомый сельский поземельный мир, просуществовавший без ощутимых изменений до Екатерины II. Последняя, уравнивая поместья (земли за государеву службу) с вотчинами (наследуемая собственность), по сути провела приватизацию земли с крестьянами; крестьяне из крепости к земле перешли в крепость к помещикам. Императрица создала собственников земли наверху; внизу их так и не стало. Ответ народа был однозначным: неприятие новаций вылилось в устойчивую тенденцию преодолеть ложное состояние — выйти из-под грабителей-помещиков, возвратиться к порядкам «как раньше» — работать на целое (коронное государство). (Ср. с недавней «демократической» приватизацией общенародной собственности, перераспределенной не в интересах производителей, а слуг государевых — дирек-

⁴³ Бартольд В. В. Ислам и культура мусульманства. М., 1992. С. 93.

75

торского корпуса.) Для настоящей и стоящей реформации России нужен здоровый опыт собственничества для всех, в первую очередь — народа. Его пытались наладить Столыпин, Витте. По закону 15 ноября 1906 г. разрешались рыночные операции с землей (продажа, залог наделов), создававшие предпосылки товарно-производительной многоукладности. Не получилось. Не получилось настолько, что в наши дни с горечью констатируем: по сей день в России — крестьянской стране — не сложился слой собственников-
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

землеобработчиков, способных прокормить население 1/8 планетарной суши; б) «монгольский властный ордунг»: абсолютное, ничем не ограниченное, беспредельное самодержавие, бывшее инструментом выражения и преодоления вольности внутри Степи. Верно, на Руси пробивались ростки структур, не позволяющие однозначно квалифицировать ее управленческий строй как тривиальную азиатскую деспотию. К ним можно отнести практику веча, земских соборов, суда присяжных, местного самоуправления. Однако говорить определенно о них как о нечто большем, нежели о ростках, непозволительно. Отечественный державный опыт не консолидировал их в полнокровные работоспособные институты. Монгольская политарная система, являясь наведенным моментом, активировала моменты традиционного имманентного плана. В силу охарактеризованной выше сложной комбинации геостратегических факторов Русь тяготела к авторитарному типу социума. Сильная власть, властность — традиционное моделирующее поле выступило питательной средой, обильно удобренной монголами, придавшими ему всестороннее институциональное качество. Симбиоз традиции и степных устоев повлек оформление феномена

76

безнарядной власти. Поэтическая транскрипция его находится у:

— **М. Дмитриева:**

Все тот же Руси Жребий странный: И край, обильный и пространный, И немцев — эка благодать! А все порядка не видать.

— **Е. Ростопчиной:**

И нам по-прежнему пристала Пусть фраза та, Что «Русь обильна и сильна, Да только в ней порядка мало».

Социологическая транскрипция этого феномена исчерпывается признаками: сакральность, отделенность от общества, безответственность, правнесообразность. Онтологическая его (феномена) транскрипция такова: содержание бытия, структурообразующая стихия, смыслоопределяющее, жизнепорождающее начало, источник истины, совершенства, блага, пребывающий над ними, наделенный непререкаемым авторитетом, не подвластный уму, некритикуемый. Порядок заменен принуждением, карательной мерой, репрессией. Всеобщим регулятором поведения становится исключаящая право сила. Неправовой способ российского обмена деятельностью — от силовой иерархии. Право сакрализует нормы. Сила — волюнтарные акты. Никогда в истории России силовая иерархия не позволяла защищать, отстаивать права. Власть проявлялась в универсальной, креативной функции, творящей социально-культурный космос.⁴⁴ До революции тотемом-властителем выступал бог, государь; после революции — вождь, партия. Доверие к власти как носителю абсолютов оправдывалось ее сакральной природой. Даже в послереволюционные до мозга костей генетические годы сплошь

⁴⁴ См.: Яковенко И. Гр. *Власть в русской традиционной культуре: опыт культурологического анализа // Рубежи. 1996. № 8. С. 131.*

77

да рядом практиковались сентенции: «РКП никогда не ошибается, РКП всегда права, РКП всегда предвидит правильно ход событий, РКП обладает в максимальной мере талантом, умом и характером. В промежутках между иными съездами этими

качествами обладает ЦК РКП, а в промежутках между заседаниями пленумов они принадлежат Политбюро ЦК» (Ю. Ларин). Чем не священнодействие?

Священнодействие подтачивалось в смутные времена — эпохи провалов, кризисов власти. Смута — период фазовых переходов — актуализировала протестные движения снизу. Причина своеволения народа — не географическая масштабность, а безысходность. Терпя произвол власти верховной, народ ищет повода проявить власть собственную. И, как водится, в форме не взнузданной. Моменты фазовых переходов (смена власти, социальная трансформация, модернизация, революция) — бич России, не отработавшей в своем прошлом ламинарных технологий замещения субъектов власти;

в) монгольская враждебность городской культуре: скандинавы именовали Русь X—XII вв. Гардарикой — страной городов; монголы, разорив древнюю городскую структуру Руси, лишили страну благотворных цивилизационных эффектов мануфактурной стадии производства и последующего промышленного переворота (они дериваты городского общества). Урбанизационный переход, который узнала в это время Европа, в России не состоялся. «Средневековый город, цеховое ремесло, — подчеркивает М.Туган-Барановский, — были почвой, из которой выросла вся цивилизация Запада, весь этот в высшей степени своеобразный общественный уклад, который поднял человечество на небывалую культурную высоту. Город создал новый общественный класс, которому суждено было занять первенствующее место в общественной жизни Запада — буржуазию. Достигнув экономического преобладания, буржуазия стала политически господствующей силой и вместе со-

78

сительницей культуры и знания... Историческое развитие России шло совершенно иным путем. Россия не проходила стадии городского хозяйства, не знала цеховой организации промышленности, — и в этом заключается самое принципиальное, самое глубокое отличие ее от Запада, отличие, из которого проистекли как естественные последствия все остальные. Не зная городского хозяйственного строя, Россия не знала и той своеобразной промышленной культуры, которая явилась отправной точкой дальнейшей хозяйственной истории Запада».⁴⁵ На Западе город выполнял цивилизационные функции для деревни. В России сохранившаяся недоразвитая городская инфраструктура сосредоточила политарные функции — стала оплотом выколачивания из деревни дани (отсюда — агрессивный поход города на деревню, не заверченный по сегодня). На Западе город выполнял социальные функции — подготовил гражданское общество, буржуазию. В России, где удельный вес горожан составлял в веках 3-10% населения, город не выполнял культурной, общегражданской миссии. Но и это не все. Простой, но в высшей степени ответственный и полный критерий оценки роли монгольского ига на Руси состоит в понимании связи урбанизации с интенсификацией воспроизводственной деятельности. Поскольку суть урбанизации — территориальная концентрация участников производства, обеспечивающая прогрессивный рост производительности труда на базе технического обновления,

улучшения организации трудового взаимодействия, экономии ресурсов, оптимального использования рабочей силы, постольку урбанизационный процесс по своей природе не может не быть процессом

⁴⁵ *Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 419—420.*

79

модернизационным, включающим «чрезвычайно высокое по историческим темпам, радикальное преобразование всех сторон общественной жизни на «городских» началах.⁴⁶

Если учесть, что направленная активная урбанизация России началась с Петра, можно представить, насколько прерванное монголами, несостоявшееся городское обновление существования затормозило ток исторического процесса для России. Монгольское долговременное присутствие на Руси, несовместимое с урбанизмом, ответственно за экстенсивность, инерционность, неиндустриальность, несбалансированность нашего общественного устройства. Урбанизм, неизбежно порождая историческую динамику, автономизацию личности, тем самым разрушает, отрицает традиционную культуру. Город и Запад — неразделимы, антитрадиционны. В силу же монгольской негородской диспозиции традиционная культура на Руси трансформирована не была. Этим все сказано.

Далеко не исчерпывая имеющиеся многозначительные смыслы и положенности, вызванные монгольской прививкой на Русь принципов степной жизни, обратим внимание на то, что монголизм вкупе с византизмом конституировал кратократизм в квадрате. Национальная история завязывалась на стыке политарной византийской и потестарной ордынской линии. Власть прирастала властью, сила крепла силой. Свершилось инерционное накопление могущества. Ударило оно по народу. Субъект власти в Европе дифференцировался: от индивидов через цеха, города, монастыри, общины, корпорации к парламентам. Субъект власти в России интегрировался: от индивидов через города, монастыри, общины, соборы к царскому единодержавию. Ордынство и византизм, пересекшись, образовали ту почву, ту пространственную зону, из которой и на которой оформлялась отечественная властная система.⁴⁷ Ее окончатель-

⁴⁶ *История России. XX век. М., 1996. С. 396.*

⁴⁷ *См.: Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система // Рубежи. 1995. № 5.*

80

ное оформление связывается с большевизмом, который мы толкуем в качестве третьего капитального основания удаления России от Европы. Большевизм опустил над страной «железный занавес», завершил процесс ее самоизоляции. Подорвав значимость отношений народовластия, отбросив развитые правовые упаковки, большевизм полностью сакрализировал власть. С приходом большевизма в России утвердилась кратократия в кубе.

Любовь кончается, когда наступает; власть наступает, когда не кончается. Способ самоподдержания сильной власти на Руси вынужденный. Как мы неоднократно отмечали, Россия — средостение векторных движений, связанных с проявлением зависимостей дальнего порядка, по которым перемещение

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

политического вещества идет в направлениях: колонизация — с Запада на Восток; варвары — с Востока на Запад. Будучи цивилизационно более отсталой от Запада и нередко менее сильной по отношению к Востоку, Россия достаточно сильна, чтобы противостоять и напору с Запада, и захвату с Востока. Отстаивание суверенитета предполагает борьбу на два фронта — задача, перманентно и успешно решаемая в веках. (В этом колоссальной глубины, сложности историческая загадка: как отсталость, недостаток силы гарантируют превосходство.) Так было всегда (вспомнить северную, семилетнюю, франко-русскую, крымскую, русско-японскую кампании, II мировую войну и т.д.), пребывает и сейчас. Запад живет в условиях дефицитного мира, испытывая потребность наладить экспансию в Россию для овладения собственностью, ресурсами, пространствами. Восток — демографическая громада, людская критическая масса, не способная пролонгировать самоподдержание вне похода на Россию. Обстановка, сызнова реставрирующая опасность борьбы по всем сторонам горизонта, следовательно, константна. Обеспечить выживание в ней (в жизни между молотом и наковальней) способна лишь мощная власть. Мощная, но не сакрализованная.

Идейный, равно как и практический базис сакрализации власти в России высказывал Иван IV в письмах к Андрею Курбскому: святитель может следовать христову

81

закону — подставить правую ланиту вслед за левой. Но царю это не дозволено. Он не подвластен ни христианским заповедям, ни самой христианской морали. Он ориентируется не на Христа, а на Саваофа. Он — инвариант Бога-Творца. Он сам может быть началом истории, инициатором любого действия...⁴⁸ Мировидение Ивана IV подхватил, развил Петр I, расценивавший свое призвание как призвание демиурга истории. Деятельность царя-модернизатора должна осмысливаться не столько в терминах реформации, сколько в терминах продолжения сакрализации центра властных интенций. Никакой разницы между Иваном ГУ, укреплявшим централизм рубкой голов, и Петром I, бравшим рубанок и занимавшимся тем же — утверждением устоев восточного деспотизма в России, — нет.⁴⁹

Еще раз дифференцируем власть как социальный институт и как сакральную сущность. Мы настаиваем на необходимости силы власти (власть как социальный институт) для России, ее выживания. Только сильная власть (византийское начало) могла перестраивать, одухотворять, подкреплять, обеспечивать существование в конфликтной геополитической среде обитания при опасности борьбы на два фронта. Глубоко прав Леонтьев, фиксировавший: «Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикую Русь. Византизм дал нам силу перенести татарский погром и долгое данничество... Византизм дал нам силу... в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией... Турцией. Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы... будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы...»⁵⁰ Но мы отмечаем необходимость власти силы (власть как сакральную сущность) для России, — дело, служению которому, унаследовав порывы Ивана IV и Петра I, всецело отдались большевики, совместившие с краток-

⁴⁸ См.: Рубежи. 1996. №8. С. 131.

⁴⁹ См.: Там же.

⁵⁰ Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. 5. С. 137-138.

82

ратией гражданский произвол, тенденцию, «не подражая ничему», писать историю «прямо от себя».

Легализовав нетерпимость, самозванство, возведя социальный иудаизм, гражданское разложение, безответственность в официальный курс, превратив насилие в рычаг преобразований, большевизм открыл наиболее темную страницу отечественной истории, могущую квалифицироваться как «цивилизационный изоляционизм». Термин «изоляционизм» в данном случае следует трактовать своеобразно — как стержень поведенческой символики, ориентирующей на созидание антиевропейской «ретроспективной утопии». Вся критика западных начал от Герцена до народников была как бы практически выражена большевистским опытом, порывавшим с Европой везде, во всем.

Право. Один из видных адептов российского модернизма П. Виноградов настаивал: «необходимо усвоить основные начала правового порядка, гражданской обеспеченности и политической свободы, и для успешного их усвоения нельзя не справиться с уроками европейской истории».⁵¹ Ничуть не бывало. В результате всего в России установлена самая несовершенная диктатура. Об опасности такого поворота предупреждал Плеханов, увещевая: «вместо диктатуры рабочего класса... будет диктатура нескольких десятков лиц, что еще менее уместно, чем диктатура пролетариата».⁵²

Строй. Советская власть, читаем в революции VII съезда РСДРП(б), «уничтожает отрицательные стороны парламентаризма, особенно разделение законодательной и исполнительной властей».⁵³ Отрицательные стороны советской власти уничтожала диктатура партии, которая особенно добивалась «своего полного господства в... государственных органах».⁵⁴ Отрицательные стороны диктатуры

⁵¹ Освобождение. 1903. №11.

⁵² Плеханов Г. В. Полн. собр. статей и речей. 1917—1918 годы. Париж, 1992. С. 218.

⁵³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1962 Ч. 1. С. 415.

⁵⁴ Там же. С. 446.

83

партии уничтожала диктатура ЦК. В завершение, отрицательные стороны диктатуры ЦК уничтожала диктатура вождей. Прав был Плеханов, предупреждавший об опасности коммунистической олигархии.

Личность. Статья 127 сталинской Конституции гласила: «Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе, как по постановлению суда или с санкции прокурора».⁵⁵ В реальности правовые (репрессивные) действия отправлялись без закона, суда, санкций — тройками, двойками, ОСО, по списку, незамедлительно. В порядке исторического эксперимента утверждено социальное бесправие, антиличностный неконституционизм. Как там у Мольера: «...меня удивляет, что в этой стране совершенно не соблюдают нормы судопроизводства. Да, я вам уже докладывал, что здесь начинают с того, что повесят человека, а потом уже

разбирают его дело». Как будто о нас сказано, с нас списано.

Собственность. В освещении сюжета (в обход всех и всяческих раскулачиваний, экспроприаций) оценим лишь один эпизод, связанный с активизацией потенциала частного производителя. Середина 50-х — наиболее успешные годы для реального сектора; успех вызван социальной ориентированностью хозяйствования, стимулированием роста личных подсобных производств. И что же. С 1956 г. экономика методично приносится в жертву политике. Развертывается кампания против продуктивной инициативы граждан. 6 марта выходит печально известное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели». Рекомендовано (добровольно-принудительно) а) сократить размер приусадебных участков колхозников; б) ограничить поголовье скота в личной собственности. 27 августа того же

⁵⁵ *Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. М., 1939. С. 280.*

84

года обнародуется директива Совета Министров СССР о запрете на использование в качестве кормов для скота хлеба, крупы, иных приобретенных в государственной и кооперативной торговле продуктов. Дальше — больше. С усердием, достойным лучшего применения, принялись внедрять хрущевскую идею-фикс нелепых агрогородов. В который раз в России задавили собственника, отстаивали уравнильность, ничтоже сумняшеся проявили всесильность власти (подобно тому, как ранее отменили закон стоимости для социализма, закрыли экологию). Только реки не потекли вспять. Инспирированный властью губительный почин «Догнать и перегнать Америку» на фоне бездарных разорительных действий, в очередной раз подорвав хозяйство, с треском провалился.

Пытаясь выразить одним словом, что сделал большевизм в нашей истории и с нашей историей, остановимся на слове «пантократия». Специфика большевистского этапа бытия отечественного — реверсия наиболее архаичных «внеарядных» пластов социальности, реабилитация дремучего тотемического уровня власти. Тогда как в Европе шел активный распад ткани традиционализма (градостроительство, социальное расслоение, рыночные отношения, парламентаризм, конституционность, права человека), в России практиковалась его консервация (уравнильность, общинность, гражданское бесправие, социальная закрепощенность, диктатура). Рыцари «конечной черты» большевики пополняли нашу жизнь преимущественно исключениями из западных правил. Если цивилизационную норму Европы как исходное принять за некий позитив, большевистское социотворчество возможно квалифицировать как «вопрекизм» — евронегативизм.

Все европейские жизнеустроительные начала подверглись отрицанию. В конечном счете возникла антиличностная, антисобственническая, антипарламентская, антиконституционная, антилиберальная, антирыночная конструкция, питаемая, как

утверждалось, сугубо традиционными, архаичными пластами культуры. Характеризуя состав базовой почвенной модели, непосредственно влияющей на

85

формирование цивилизационного российского космоса, акцентируем.

— *Мессианизм*. В истории отечественной культуры развернутых понятий осевого времени, линейных образов развития не сложилось. Раз возникая, они испытывали жесткий прессинг архаичных мессианских комплексов. Последние подразделяются на пессимистические и оптимистические. Типичный выразитель первых — Чаадаев, в первом философическом письме весьма не критично утверждавший, будто «провидение исключило нас из своего благодетельного действия на человеческий разум... всецело предоставив... самим себе», будто бы в крови у нас есть нечто враждебное «истинному прогрессу». Поборники вторых — многие и многие критики европеизма, усматривавшие суть кризиса западной жизни кто в отходе от веры (технология преодоление кризиса — оправдание православия, возведение его на новую — всеобщую — ступень разумного сознания — теократический проект В.Соловьева), кто в социальной конфликтности (технология преодоления кризиса — пролетарско-социалистический переворот, перерастающий в мировую революцию — коммунистический проект скачка из предыстории в историю). Западный образ жизни в последние век-полтора действительно проверяется на прочность со стороны таких явлений, как национализм, расизм, индустриализм, консьюмеризм и т.д. Однако ввиду динамичности, инновационности социальных институтов эти безусловно негативные явления блокируются позитивными их антиподами в лице антисциетизма, укрепления семьи, общественного патронажа, наращивания среднего слоя, усиления роли социально ответственных страт и т.д.

В любых своих проявлениях российский мессианизм смахивает более на «пасквиль, чем на жалость». Будучи атавизмом, вбирая предысторические, доосевые чаяния, не снятые обошедшей нас Реформацией, комбинируя неперемолотой, не критичной архаикой (всевозможные хилиазмы), он не противостоит и не отменяет вполне раци-

86

ональных подъемных и восходительных западных настроений и устремлений.

— *Социальный романтизм*. Доосевая культура архаики, воссоздавая мессианско-манихейские мотивы противоборства добра и зла, противостояния света тьме, возбуждает волонтарную интенцию «шапку в охапку» писать историю с чистого листа. Первопроходцам, революционерам, реформистам, модернизаторам на Руси традиционно мешают реалии. То качество социальности, то пасьянс сил, то граждане. Со свободой «дикого осленка» проводится вызывание «окончательного действия», поглощающего неправду правдою, поражение победою, отставание опережением. Приближение чуда «мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся»,⁵⁶ — камертон преобразовательных починов, инициатив. Перестроить. Ускорить. Перегнуть. В этих

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

повелительных глаголах пафос неленивой отваги воплотить новый порядок, основать неведомое. Дабы сбылось слово написанное, идея помысленная. Идеальное. С державой, соплеменниками в России, руководствуясь этим, власть всегда, везде так и поступала. От Андрея Боголюбского через Ивана IV, Петра I до большевиков и демократов. Декорации меняются, сцена та же. Извечная отечественная борьба за гражданские свободы, всеобщее счастье извечно же венчается разьедающим, глумливым, риторическим вопросом, точно вопрос Пилата: народ освобожден (в очередной раз), но счастлив ли народ? Богатые не нищают, нищие не богатеют. Зрелище неустроя, открывая боренье душ, заполняет неписанные страницы нового анамнеза болезни «интеллигентской мысли» (Федотов). Где Россия опять? В поисках свободы. Затем... Все возвращается на круги своя. Цикл повторяется.

Сказанное не шарж, а плод печальных и серьезных раздумий о реалиях, где представления о «хлебе насущном» часто путаются с представлениями о «приятном десерте».

Молох общего блага единит дворян (у коих чувство личной ответственности обострено за общественное по-

⁵⁶ Кор. XV, 52.

87

ложение), разночинцев (у коих чувство общественной ответственности обострено за личное положение), большевиков (у коих чувство ответственности обострено вообще за все), демократов (недалеко ушедших от большевиков), в своих неумных дерзаниях руководствующихся романтизмом. Дворяне, каясь (идея долга, взятого у народа), готовят антимонархическую революцию. Народники, отстаивая интересы людей труда, готовят антисобственническую революцию. Большевики, нынешние реформаторы-демократы, отстаивая кастовые интересы, готовят, вершат антинациональную революцию. Нигде в мире тому нет аналогов. Революция у всех — изменение фазовых состояний, у нас — обмирщение иллюзий. Важна торжествующая идея, торжество идеала, — говорил Лавров.⁵⁷ Обеспечением подобного торжества за редким исключением и заняты наши первопроходцы (из «размышляющей публики»), не понимающие «ни природы человека и силы движущих им мотивов, ни природы общества и государства, ни условий, необходимых для их укрепления и развития».⁵⁸

— *Прерывность*. Волюнтарные потуги власть имущих писать историю с чистого листа, полагать законы природе, плодя, увеличивая несообразия, потворствуют разрыву времен, нарушают связи в делах поколений. «Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем, без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя»,⁵⁹ — сетовал Чаадаев. Застой, наряду с хаосом, — нечто противостоящее цивилизации. Цивилизация, подчеркивалось ранее, зиждется на отточенных алгоритмах обмена деятельностью, наращивающих успехи культуры от науки, права до материального благополучия, бытового комфорта, устоев повседневности. Цивилизация, следовательно, поддерживается: 1) твердыми правилами воспроизводства существо-

⁵⁷ См.: Лавров П. Л. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. М., 1965. С. 126, 145.

⁵⁸ Из глубины. М., 1988. С. 156.

⁵⁹ Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 323.

88

вания; 2) инновационными актами — духом творчества, улучшения, оптимизации, изобретательства. На общедоступном языке эти начала именуются «сохранение» и «изменение». Цивилизация представляет их синтез. Сохранение закрепляет, изменение перекрывает достигнутое. В России баланс данных начал нарушен в ущерб сохранению. Оттого здесь хаотически-застойное (важный очередной оксюморон) брожение. Незакрепляющиеся изменения не вызывают благотворных кумулятивных эффектов восходящего поступательного развития. Характер страновой эволюции — порывистый, инверсионный с непредвиденными ускорениями и спонтанными торможениями, причудливыми, подчас немотивированными чередованиями концентраций и иррадиаций, мобилизаций и демобилизаций, накатов и откатов. Только-только утрясется жизнь. Глядь! Крест на могиле самых заштатных людских желаний ставит очередное «чего-то такое». Намечается аврал, форс-мажор, чрезвычайщина. То, что у других народов привычка, инстинкт, заявляет Чаадаев, «нам приходится вбивать в свои головы ударами молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно... Внутреннего развития, естественного прогресса у нас нет, прежние идеи (читай: почины — *В. И.*) вымечаются новыми, потому что последние не вырастают из первых, а появляются... откуда-то...»⁶⁰ Впрочем, откуда вырастают преобразовательные почины, как появляются реформаторские идеи, секрета не составляет.

— *Бесправность*. Правосознание — «физиономия европейца». Долгие годы выучки трансформировали внешние нормы, долженствования, порядки во внутренние поведенческие интенции. Быть правосознательным и вследствие того социальным для европейца аксиома. Не то для россиянина. «Право» атавистически спрягается в его со-

⁶⁰ Чаадаев П. Я. Соч. М., 1989. С. 21.

89

знании с традиционными смыслами «власть», «правда» («справедливость»).

«Право» как «власть». Кто правит, тот и прав. Кто запрягает, тот и едет. Социальная регуляция в России, отмечалось выше, имеет иерархическую, силовую природу, проистекающую из сакрализации и универсализации (в собственном космосе) власти. Порядок, базирующийся на силовой иерархии, правовым не является. Право исходит из норм, формальных процедур, кодифицированных актов. Право не терпит изъятий. Российский кратократический, иерархичный, волюнтарный мир не позволяет строить жизнь по праву.⁶¹ Решения выносят не по нормам, а указаниям. «Общественный договор по-европейски, — отмечает Соловьев, — это соглашение подданных и власти об обоюдообязательном основном законе; общественный договор по-русски — это их молчаливый сговор об обоюдной безнаказанности при нарушении закона».⁶²

«Право» как «правда» («справедливость»). Вспомним у А. Островского: «... у нас-то суд праведный, а у них неправедный. А

если кто обращается в суд, так и пишет — суди меня судья судом неправедным». Формальное (всеобщее) право в России подменено общинно-корпоративным. «Судить судом неправедным» и означает не по «общинной совести», а формально — по нормам, кодексам, «логарифмам». Неким абстрактным установлениям, способствующим защите прав и свобод на основе «игнорирования существа дела». Совокупное понятие последних (абстрактных установлений) уточняется признаками правового государства, суммирующего собственно правовой, институционально-правовой и индивидуально-правовой аспекты. В европейском правовом государстве право для власти есть цель. В российском волюнтарном государстве право для власти есть средство. Вслед за предшественниками — предводителями отечества глава большевиков толковал утвержденную ими власть как не связанную, не ог-

⁶¹ Подр. см.: Яковенко И. Гр. Цит. соч.

⁶² Соловьев Э. Ю. *Прошлое толкует нас. М., 1991. С. 233.*

90

раниченную никаким правом, никакой законностью.⁶³ Нигилистическое отношение к праву, апология выхода за всеобщую легальность, изъятия из правозаконности и правоприменения, идея господства силы, захватной власти (в зависимости от доминирования того или иного типа граждански невсеобщего правосознания) в российских верхах практиковались всегда. Довольно сказать, что «вина» в большевистском, а затем советском суде, заменена «классовой целесообразностью». Чисто эмпирически, однако, выводится: где приоритет права в обществе торжествует, создаются условия неконфликтной жизни; равновесием институтов, согласованием интересов, достижением солидарности социум получает дополнительные возможности модернизаций. Куда как актуально для России.

— *Бессобственничество*. В устройстве русской общественности право собственности «случайное отношение»,⁶⁴ — говорил И. Киреевский. Право собственности — частного, собственного, атомизированного владения, пользования, распоряжения имуществом (богатством) — блокировалось в своем развитии такими характерными чертами отечественной социальности, как:

а) относительно поздняя (по историческим меркам) приватизация земель: подданные, включая дворян, расценивались короной не в качестве граждан, а в качестве ресурсов обмирщения проектов власти. Дворянская приватизация наделов осуществлена Екатериной 11. Начало крестьянской приватизации земли открыло положение 19 февраля 1861 г., анонсирующее перевод общинных наделов в частную собственность уплативших выкупную ссуду землепашцев. Закон 14 декабря 1893 г., однако, отняв это право, закрепил общину. Проблема приватизации земли не разрешена и на день нынешний;

⁶³ См.: Ленин В. И. *Полн. собр. соч. Т. 37. С. 245.*

⁶⁴ См.: Киреевский И. В. *Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 2. С. 267.*

91

б) отсутствие гражданского общества, питаемого им крепких, социально самодостаточных страт. Собственническо-владельческие прослойки в лице зависимых купцов и мещан, а также не менее **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

зависимого дворянства, сечь которое, кстати, прекратили в конце XVIII в., — в России вследствие этого исходно слабы;⁶⁵ в) общинное владение земель, крепящееся на принципах — уравнительности наделов, сословности, круговой поруки. Главное, что должно быть осмыслено в общинности — отсутствие «Я-выбора», присутствие безликого агрессивного «МЫ», за которым государство, сход, мир и еще бог весть кто. Земля в общине распределялась и перераспределялась «соразмерно с рабочей и податной мочью крестьян: рядом с формальным, счетным наделом по ревизским душам существовал еще надел действительный по тяглам»; «земля делилась между дворами по наличным рабочим силам каждого двора, и делилась присудительно, навязывалась».⁶⁶ Причина — «размером надела определялась для каждого крестьянина соответственная тяжесть сословных обязанностей, падавших на крестьянство; как скоро это соответствие ходом нарождения и вымирания нарушалось, земля переделялась для восстановления равновесия».⁶⁷ Как видно, «земля была не источником повинностей (на частном интересе. — *В. И.*), а вспомогательным средством для их исполнения (общинно-принудительный интерес. — *В. И.*)».⁶⁸ На Западе да и в сельских обществах на Руси XV—XVI вв. «крестьянин брал себе участок «по силе», т.е. по

⁶⁵ Также см.: *Славный Б. Сутра, о власти и собственности // Рубежи. 1995. № 2.*

⁶⁶ *Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 2. С. 280.*

⁶⁷ *Там же. С. 280-281.*

⁶⁸ *Там же.*

92

своему усмотрению, договариваясь о том... с самим владельцем... без участия сельского общества. Податная тяжесть вольного съемщика определялась размером снятого участка; ...земля служила источником крестьянских обязанностей, а не вспомогательным... средством для их исполнения».⁶⁹ Свобода от крепости к участку, сельскому обществу предоставляла социальную свободу — менять пашню, выходить из общества, крестьянства, что в рамках цивилизационной перспективы немаловажно.

Кроме того, община исполняла функции высшего нравственного безгосударственного закона, блюдущего честь, совесть общинников: каждый здесь спасался всеми. Самоотречение от проявления свободы лица объявлялось высшим принципом сосуществования. Государство в России приносило силу власти; община — силу мнения. Государство подавляло человека силой действия, община — силой слова. Нетрудно догадаться, что комбинация этих факторов, деперсонализируя обмен деятельностью, способствовала укреплению земских, соборных, заединских начал жизни (ср. с югославской задругой).

Ввиду сказанного община выдавалась почвенниками за «сознательную деятельность народа», организацию «народа самосознающего». От людей можно отделаться, от идей — никогда. Не входя в пустые дискуссии, насколько сельский общинный мир «исконное» явление русской жизни, отметим лишь, что его небезуспешно оседлали большевики, использовавшие общину не в плоскости союза свободных землепашцев (кооперация пайщиков), а

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

в плоскости принудительной (крепостной) групповой ассоциации. Воплотив утопический проект Михайловского (государственное закрепление общины в форме колхоза), большевики в полной мере высвободили реликтовую общинную энергию масс, взра-

⁶⁹ *Ключевский В. О. Соч. Т. 2. С. 280-281.*

93

щенных на дремучих уравнилельных устоях социальной справедливости.

Желающий работать создает условия, не желающий работать ищет причин (или врагов). Общинный нравственный неправовой закон в российской деревне утвердил диктатуру лишенных продуктивной культуры маргиналов. Погромы, раскулачивание в деревне проводили не заезжие боевики, а селяне. Община как замкнутая корпорация, произросшая на ниве «наших внутренних отношений к другим людям» в качестве «нашего союза с ними» (Хомяков), выказала себя самым что ни на есть продуктивно-ненавистническим, антисобственническим образом. Как замечал А. Изгоев, «история... не скупа на шутки. Если социалистам она поднесла подарок в виде ленинского коммунистического государства, то и славянофилов она не обидела, дав им из рук того же Ленина и возвращение в «первопрестольную», и торжество древнего исконно русского земско-соборного начала над гнилым западноевропейским конституционным парламентаризмом».⁷⁰

Большевики усилили восточную партию в партитуре российской социальности. Старая, как отечественный мир, дилемма «Россия — Европа» была отредактирована ими в терминах оппозиции «Византизм — Атлантизм». Ошибался царь Давид, полагая: «все проходит». Для социальной памяти, обремененной чувством «неотступного присутствия» (Блок), по крайней мере, это не так. Западничеству, Атлантизму большевики противопоставили меню стандартное. Усилив набор исторических заготовок московского и петербургского самодержавия, они установили коммунистический самодержавный порядок.

И политически, и экономически, и граждански во веки веков в России буйствовала диктатура. Не лиц, не сословий, не классов. Власти.

Соответственно, резюмируя рассуждения по первому вопросу, отвечаем беспристрастно и хладнокровно: выра-

⁷⁰ *Изгоев А. С. Пять лет в советской России // Жизнь в ленинской России. Л., 1991. С. 50.*

94

стая, мы не зреем, — Россия — страна самой в себе замкнутой, попирающей правила общежития самодержавной Власти. (Отсюда многозначительное настроение: «Господи, спаси и умири Россию».)

Картина точек схождения и расхождения цивилизационной динамики России с Европой и Азией представляется таковой.

Россию, Европу, Азию роднит причастность евразийскому материковому массиву. Россия занимает срединное положение между Европой и Азией и располагается на границе Запада и Степи. Но в отличие от Испании и Австрии, сближающихся с Россией по функциональному местоположению, она сдерживает европейскую колонизацию Азии и прохождение азиатов в Европу. Аннексионистский ход в Россию для Запада и Востока естествен.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Перенаселенные, переобремененные внутренними сложностями Европа и Азия взыскуют «органичного» решения своих проблем за счет закрепления на богатейших разреженных российских пространствах.

Экспансионистский путь на Запад России заказан: война с цивилизационно более продвинутой Европой невозможна. Относительно Европы исторически традиционно Россия — жертва, объект агрессии. Экспансионистский путь на Восток России открыт: война с цивилизационно более отсталой Азией при собственном экстенсивном хозяйствовании, потребности расширения сырьевой базы, ресурсо-переработки необходима. Недоумевающий Запад (причина недоумения — опытно выработанная убежденность в неспособности цивилизационно сильному поглотить слабого), отказавшись от континентальной сухопутной колонизации, развернул колонизацию морскую. Итог — освоение Америки, Австралии, Африки, Юго-Восточной Азии со ставкой на жесткие социальные технологии, элиминацию аборигенов, устройство резерватов. Россия, перехватив у Запада эстафету континентального колониализма, в отличие от него развернула мирную вольнонародную сухопутную колонизацию Азии. Итог — освоение Сибири, Средней Азии, Кавказа, Дальнего Востока с применением мягких социальных технологий, аккультурацией аборигенов.

95

На фоне такой асимметрии обеспокоенный собственной судьбой, соседствующий с континентальным гигантом Запад объективно заинтересован в страновом ослаблении, разрушении российского монолита независимо от качества государственности, форм социальности, природы администрирования. Рецепт выживания, способом самосохранения при такой позиции Запада России стала стратегия укрепления власти. Российская кратократия — едва не вынужденная возможность успешного решения национально-государственных проблем за счет предельной концентрации ресурсов нации на ключевых направлениях, позволяющая наладить жизнеобеспечение. «Пожар и разор лишь способствовали величию земли русской», — замечал Н. Рерих. (Очередной важный оксюморон.) За счастьем Державы проглядывает несчастье Народа. Вопросы государственной целостности, независимости, странового престижа, хозяйствования, развития материальной базы, народонаселения исключали иной тип решения. Следовательно, деспотизм, крепостничество, репрессивность, низкое качество жизни, отсутствие гражданских свобод — своеобразная плата за выживание,⁷¹ когда великая Россия проводит обихожение Евразии без Запада, колонизационный напор которого, повторяем, вытеснен с континента в Новый Свет. Поэтическую версию сюжета социальных издержек подобного типа развития предложил Брюсов. Помните:

*Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ:
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, -
Выполняя труд тяжелый,
Загнан, голоден и наг,
Он не знал дороги в школы,⁷²*

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Он был чужд вселенских благ...

⁷¹ См.: История России. XX век. С. 399.

⁷² Уровень грамотности населения дореволюционной России — 12%.

96

Отмеченные факторы — базис нашего сходства и различия с Европой и Азией.

С Европой нас единит вера, с Азией история. Но не всегда и не во всем. Последнее легко понять в свете изложенного.

Изначально с Западом порвала Византия, фальсифицировавшая высокомерное: падет Рим, придет конец миру. Не имеющие аналогов, потрясающие, замечательные гражданские, политические, военные, социальные, культурные прорывы новой империи доказали: история не отождествима ни с римством, ни с латинством. Карл Великий пытался восстановить одно и второе, воссоединить раздробленную Европу. Вскоре после его кончины, однако, восстановленная империя вновь распалась (Верденский договор 843 г.), обострив противостояние Византии Европе. Раскол Рима на западную и восточную половины, в конце концов, вызвал раскол Европы. Россия соединилась с Западом через христианство, но через византийское православие отошла от него. Одновременно подчинение церкви императорской власти в России как метафизической правопреемнице Византии на фоне ее державных противодействий консолидированным колониационным европейским давлению спровоцировало страновый раскол.

Таким образом, корень раскола России и Европы двоякий: идейный и державный. Дополняя, взаимоусиливая друг друга, они вызывают устойчивый комплекс обоюдонеприятия. Средство выражения его для Запада — цивилизационная (культурная, индустриальная, территориальная) агрессия. Средство выражения его для России — защита — форсированная, темповая модернизация с активизацией потенциала Востока.

Изначально с Востоком не желала сблизиться Россия, отказавшаяся от принятия мусульманства. Но, поскольку Восток конфессионально не един, а православие достаточно терпимо, различия в символах вер не вызвали эскалации антагонизмов. Политически же и социально российская относительно мягкая негосударственная колонизация предоставляла покоряемым народам гарантии вы-

97

хода в историю, подключения к мировой культуре. Она сообщала им искомый уровень цивилизации. Совершенно естественно отходящие под патронаж России регионы Востока (и не только они) сплачиваются с ней под стягом антизападничества. Это одно. Второе заключается в том, что внутренняя отсталость Востока (так называемая азиатчина) не позволяла России идентифицироваться с ним в полной мере. Выполнение задач страновой конкуренции на западных рубежах предопределяло цивилизационный блок с Европой. Блок, рассчитанный на необходимость в целях выживания заимствовать у Европы активные инновационные технологии. Приемы данного заимствования, отмечалось, оказывались сугубо восточными.

Итак, содержание европейское, форма азиатская. Лицом к варягам, но не спиной к обдорам. Результирующая этих силовых и

обуславливала точки соприкосновения России с Европой и Азией.

Сказанное подготавливает обсуждение другого, ранее поставленного принципиального вопроса о приоритетах в цивилизационной эволюции России.

Б. С. Соловьев, И. Ильин, Н. Лосский уподобляют Россию осажденной крепости, подсчитывая: с 800 по 1237 г. на Русь военные нападения происходили каждые четыре года, с 1240 по 1462 г. отмечалось 200 нашествий, с 1368 по 1893 г. (в течение 525 лет) было 329 лет войны, т.е. два года войны и один год мира.⁷³ К этому необходимо добавить несчетные внутренние смуты, бунты, замятии, восстания, перераставшие, как крестьянское движение 1773—1775 гг., в настоящие войны. Как способно развиваться общество в такого рода условиях, определить односложно не удастся. Избегая многословия, остановимся на ряде: форсированность, мобилизованность, авральность, экстраординарность, форсмажорность. Это наиболее подходящие эпитеты, характеризующие черты нашего национального шага. Очевидно, что инерция державных потерь (след-

⁷³ См.: Лосский И. О. *Условия абсолютного добра*. М., 1991. С. 277.

98

ствии перенапряжения) сопровождалась инерцией утрат народных: на протяжении всей отечественной истории не практиковалось инвестиций в прогресс общественный. Вопрос стоял лишь в плоскости — любой ценой сохранить государственную власть. И по причине того выжить.

Счастье людей в переменах. Но перемены, нацеленные на поддержание государственной власти, счастья не добавляли. Человек не стал центром нашего мира, он стал жертвой, приносимой на алтарь государственности. Российскую державную историю не интересовали затраты, ее интересовали результаты. Потому она подвела к тому, к чему не подводился никто. К фронту без флангов.

На Западе борьба партий, у нас учреждений. На Западе роль центров, у нас центра. На Западе свобода внизу, у нас наверху. На Западе либерализм, у нас византизм. На Западе единство культуры власти и граждан на базе права, у нас разрыв культуры власти и народа на базе бесправия. На Западе индивидоориентированность, у нас общиноориентированность. На Западе предпринимательство, у нас крепостничество. На Западе персональная раскованность, у нас скованность. На Западе свобода — осознаваемая возможность, у нас неосознаваемая необходимость. На Западе гражданское смирение, у нас своеволие. «Во всем мире сапожники хотят стать господами, у нас господа захотели стать сапожниками» (Ростопчин). (От Радищева, Пнина, декабристов, дворян 30—40-х гг., через разночинцев к патетическим, восторгавшимся «грядущими гуннами» интеллигентам, Брюсову, заявлявшему: «Но вас, кто меня уничтожит, встречаю приветственным гимном», недоумкам-антигосударственникам первой четверти XX в., боровшимся с империей.)

Нет нужды говорить, что российский мир знал исключения. Касательно крепостничества. Г. Потанин свидетельствует о наличии в Сибири некрепостнического, сродни западному, фермерского

уклада с отсутствием помещиков, неразвитостью общинных великорусских традиций.⁷⁴ Ка-

⁷⁴ См.: Потанин Г. Н. *Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907.*

99

сательно «азиатчины». Россия получила Финляндию по фридрихсгамскому миру 1809 г. от проигравшей войну Швеции. Александр I не превратил ее в колонию, предоставил широкие политические права, передал Выборг (это отношение к трофею борьбы — объекту эксплуатации). Следовательно, исключения были. И общинность, и репрессивность, и все остальное не должны толковаться прямолинейно. Но речь не о том. Речь о преобладающих тенденциях. Такого букета специфических черт, как обозначенные выше, нигде не находится. Это и навевает мотив уникальности российского цивилизационного универсума, который никогда ничего не имел общего с остальной Европой; история его «требует другой мысли, другой формулы, чем мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада».⁷⁵ Об этом же предмете в тех же выражениях Чаадаев: автономные уровни действительности России «нельзя объяснить нормальными законами... разума».⁷⁶ На что уповать при объяснении российских реалий? Какую особую мысль требуется для того выработать?

Концептуализация несимфонийных, инверсионных, раскольных объектов своеобразна, но ни с какими непреодолимыми трудностями не сталкивается, привлечения таинственной «верховой логики Провидения» (Чаадаев) не требует.

Что нужно разбить, то нужно разбивать (Писарев). Что нужно понимать, то понимать нужно. Арсенал теоретизирующего аналитика, концептуализирующего материал российской истории, — непериодические флуктуационные изменения в социуме в отсутствие зрелого среднего сословия, недоразвитости выполняющих конструктивно-стабилизирующие функции общественных институтов, переразвитости непомерно активной, идеологически перегретой, социально безответственной власти,⁷⁷ слова ко-

⁷⁵ Пушкин А. С. *Полн. собр. соч. М.; Л., 1936. Т. 5. С. 340.*

⁷⁶ Чаадаев П. Я. *Полн. собр. соч.: В 2 т. 1991. Т. 1. С. 527.*

⁷⁷ См.: Тульчинский Г. А. *Российский потенциал свободы//Вопросы философии. 1977. № 3.*

100

торой подчас утрачивают содержание и рассогласуются с делами, — арсенал аналитика, озабоченного моделированием такого рода реалий, составляют идеи нелинейных описаний, воспроизводящих поведение неравновесных колебательных систем большой амплитуды и интенсивности.

Упрощая, Россию можно уподобить единому колебательному контуру, фазовые изменения, переходы в котором обусловлены возмущениями его ядра — стержневым взаимодействием власти с народом. В ламинарные периоды доминируют анаболитические, в турбулентные периоды — катаболитические социальные превращения. Чем они вызваны? Неорганичностью, антагонистичностью развивающегося в режиме сверхнапряжения общества. В имперской фазе власть, требуя сверхэнтузиазма, идет на народ. Государство пухнет, население хиреет. Подрыв баланса сил влечет переход в фазу смуты. Народ, требуя компенсаций,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

борясь за нормализацию существования, идет на государство. Государство рушится, население хиреет. Во всех случаях итог предрешен: хаос.

Выход из заколдованного порочного круга впадения в хаос находится в апелляции к незатратным эволюционистским, мелиористским технологиям преобразований, внедрять которые в России препятствовали вездесущие обстоятельства. То державный империализм, то пролетарский интернационализм, то либерально-рыночный демократизм, то...

Физика не изучает крайние «мертвые» точки в качаниях маятника. Социальная философия крайние точки в качаниях общества изучать вынуждена. Запад отлаженными установлениями, институтами переход в крайние точки социальности (революция, смута) надежно блокирует. Восток свыкся с крайностями, но в своем державном ходе выработал им противоядие в виде деспотизма и сервизма. Одно и другое с разной степенью эффективности, издержек представляет гарантии развития. Действительно.

Множество событий исторического самотека непреднамеренно создает русло альтернатив. Отбор их случаен.

101

Однако и на Западе, и на Востоке с их отработанными правовыми и силовыми регламентами точки бифуркации в жизни социумов проходятся сравнительно безболезненно. Срабатывают привычные меры предупреждения всеобщей конфликтности. Ничего похожего нет в России, где никогда не озабочены достижением желанного «устойчивого существования». Прохождение критических рубежей, связанных с перегруппировкой частей, влечет здесь разрушение целого; за бифуркациями не следует обеспеченного порога устойчивости. Почему? Потому что бифуркации инициированы не логикой развития, а взвинченным воображением эгоцентрических маний. Власти, «размышляющей публики».

Нельзя быть рабом передовых и волонтарных идей. Понимание этого еще не отрезвило умы отечественных стратегов. Как следствие: Запад живет по закону; Восток — по силе; Россия — сама по себе. Где под последним разумеется безнарядье, режим непредсказуемого свободного плавания. С подобающим ему нарушением норм, подрывом запретов, перекрытием табуаций.

Ничего нет невозможного для распалившегося в рвении не по разумению россиянина. Интересы империи, рабочего класса, предпринимательства, — поочередно отрицая друг друга, становятся апофеозом движения, предметом чаемого. В подобном трансформационном ритме бифуркации не сменяются зонами устойчивого развития. За неравновесностями следуют неравновесности, перетекающие в неравновесности же.

Любовную историю и прожектёрскую кампанию в России может начать всякий. По вексялям убогой мысли и тщетного действия, однако, сполна платит народ. Для определения природы подобного противоестественного явления, натурально, слов не выработано. Прибегнем к помощи понятия «транспонирование», за которым — волонтарная практика переноса акцентов в социальном устройении

не просто на некие интервалы вверх или вниз в зависимости от конъюнктуры, а на прямо противоположные. Главным является то, что смена акцентов изменяет то-

102

нальность произведения в принципе. Потому несмотря на усилия, не получается мелодично звучащей органичной партии.

Неразмерный, неритмичный тип превращений с проблематизацией величин абсолютных, инверсией ценностной исключает возможность, когда простота, правда, созидание, предсказуемость наполняют жизнь своим присутствием. Ввиду обратного камертоном существования оказывается неустрой, парадигматически строго выражаемый моделью победы пространства над культурой. Россия — страна неорганизованного, не тронутого культурой пространства. В этом порочная суть. Каковы же последствия? Их можно перечислить.

Возвратность. Причина ретардационных колебаний — борьба антагонистических начал, бессистемное чередование упорядоченности и неупорядоченности. Как указывалось выше, самосбалансированность социальных систем Запада и Востока покоится на осмотровом обхождении экстремальных точек — точек максимальной и минимальной упорядоченности (дисциплинарная зарегламентированность, анархическая свобода). На это работают отлаженные инструменты государственности. В России инверсионные превращения порядка в хаос и vice versa инициируются авторитарными импульсивными починами правящих элит, действующих не преемственно, не слаженно, дискордантно. За упорядочивающим режимом правления Ивана IV грядет смута, сменяющая схожий режим правления Петра I. Элементы либерализма в политике Александра I замещаются элементами консерватизма в политике Николая I, аналогичное в рядах Александр II — Александр III, Хрущев — Брежнев. Корень откатов в трансформациях — революционность. Задумываемые, проводимые реформы, как правило, радикальны, меняют жизнь в основаниях посредством карательно-репрессивных мероприятий, наступления на народ. Итог — снижение благосостояния граждан, развертывание внутренних войн, подрыв суверенности, угроза аннексии. В качестве контрфорса — усиление тенденций национальной консо-

103

лидации, провоцирующей переход в фазу порядка. С возобновлением цикла.

Непоследовательность. В отсутствие отлаженной системы сдержек и противовесов извивы державных линий встроены в навигацию партикулярных судеб лиц государственных. Иван IV начал с губной реформы, завершил опричниной (террористической диктатурой). Александр I замыслил Конституцию, кончил разгромом борцов за конституционизм. Ленин борьбу за демократию поменял на борьбу с демократией. Хрущев от оттепели пришел к подморозке.

В стране не создано надежных демпферов интервенций личностного в социальное. Нация ставится в уровень с частными притязаниями, остается заложником качаний субъективного маятника. По сию пору Россия не ведает благотворных эффектов

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

опосредующей срединной культуры; в ней не реабилитирован народ как полновластный субъект истории.

Отрепшенность. Общество требует не изменений вообще, а предметных, народно санкционируемых изменений. У нас же энтелехией трансформаций пребывает маниловское «хорошо бы». Хорошо бы «догнать», «перегнать», «ускорить», «перестроить», «добиться». Модели потребных состояний, говоря слогом Федотова, питаются не столько силами отечественных реалий, сколько впечатлениями заграничных вояжей представителей власти, поверхностным восторгом их перед чудесами цивилизации, при полном неумении связать свой просветленный идеал с движущими силами российской жизни. Вспомнить хоть хрущевскую кукурузную кампанию, навеянную посещением калифорнийских ферм. Культуртрегерские инициативы прожектерствующих слоев правящих от антиинституциональной (пространственной) позиции — ставить эксперименты, исходя из своего «высочайшего черепа». Оттого буквально все российские социальные революции — раритеты неумных преобразовательных актов, бессмысленных, глумливых опытов над народом.

Дискретность. Глупа птица, не любящая гнезда своего. В России относятся к наследию как к слову без содержания-
104

ния, звуку без значения. Прошлое здесь вспоминается, точно бледный, полузабытый сон. У нас всегда воевали с бывшим, ломали традицию. Иван ГУ — боярскую, Петр I — патриархальную, Столыпин — общинную, большевики — буржуазную, демократы — социалистическую. Такой подход исключает развитие, превращая страну, народ в соучастника собственного своего страдания.

Асоциальность. Запад и Восток перенаселены, всеобщим способом выживания тут выступает укоренение. В российских неосвоенных пространствах люди перемещаются. Русский путь до сего дня — путь не укоренения, упорядочения, а выхода. Запад с гражданством, Восток с подданничеством медленно, но верно активизируют социальную интеграцию. В России всегда оставалась возможность социального самоустранения — перехода в разряд гуляющих. Потому на Западе культивация, на Востоке — стабилизация, в России — турбуленция — блуждающее бурление.

Непроизводительность. Процент освоенных площадей в России ничтожный. Запад и Восток территориально освоены. Россия исчезает в просторах. Ее развитие вширь не синоним развития вглубь. Практикуемое у нас экстенсивное движение на север и восток упрочало не мобилизующую мораль утверждения, а демобилизующую мораль долга и спасения. В России извечно озабочиваются проблемой: не как обрести свободу, но как ее нести и вынести. Тема «богатства России» мнимая. Суть не в том, что у нас вообще есть богатства, а в том, что они не освоены. Недра в себе — не богатства; освоенными богатствами страна бедна.

Антиличность. Выживать в неосвоенных российских просторах приходилось сообщественно, общинно. Община пребывала средой, перемалывающей индивидуальное и индивидуально неперемолотое выбрасывающее. Обособление личности и общества, атомизация персоны и автономизация

социальных структур не приобрели органичного (как на Западе) характера. Отечественная община являла род некоего синкресиса социализации и индивидуализации. Самая глубокая черта нашего исторического облика на групповом уровне — сращение общества и

105
государства, институционального и гражданского; на персональном уровне — отсутствие индивидуально конституируемого «свободного почина» в социальном развитии, навязывание всего и вся со стороны власти, державы.

Охарактеризованные черты с глубокой подоплекой позволяют вывести: приоритет цивилизационной эволюции России — борьба за выживание. Только и именно ей подчинен весь жизнеспособный уклад, обязывающий через призму данной устойчивой тенденции оценивать державу не как «пробел в нравственном миропорядке» (Чаадаев), социальную аномалию, но как особую единицу мир-системы со специфической страновой статью. Ценностным ядром последней, определяющей картину силовых, шляется византизм — жесткая, правнеоформленная, волюнтарная государственная власть, способствующая поддержанию конкурентоспособности целого (страны), однако добываемая этого крайне затратными, гуманитарно не сбалансированными мерами.

Этатизм, политарность уподобляют Россию Востоку, где отмечается непропорционально высокая доля властного участия в вершении судебных державных. Централизм, администрирование, бюрократизм, коррупция, стагнация, непродуктивность как типологические черты налаживания жизнетока сближают российский и азиатский цивилизационные космосы, обостряя проблему страновых высокоадаптивных кондиций: почему причастная консервативному Востоку Россия не пасует перед прогрессивно-динамичным Западом?

Проблема снимается пониманием двойственности форсированно-темповой, силовой модернизации страны по обстоятельствам. С одной стороны, ускорение развития осуществляется ценой наступления на народ, за счет социального обеспечения, вложений в человека; с другой стороны, учитывая экстенсивность развития через наращивание территориальной громады в ходе вольнонародной колонизации, кабальные формы, дисциплинарный гнет не покрывают самопроявлений человека в живущем по законам аврала социуме. Как отмечает Кавелин: «Для на-
106

родов, призванных ко всемирно-историческому действию... существование без начала личности невозможно... личность, сознающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство, — есть необходимое условие всякого духовного (и не только. — *В. И.*) развития народа».⁷⁸ Личностное высокорентабельное начало теплится в лакунах-островках автономии, не оккупированных, казалось бы, всепроникающей государственной властью: в верхах — фронда (вальяжное попустительство власть предержажших диссидентству с отдельными робкими попытками его приручения — «я буду твоим цензором»); в низах — выход из государства, кстати, последит умело оседланный
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

(одержавнивание казаков).

Таким образом, «власть» и «пространство» — величины, структурирующие державную сферу: в каждой ее точке задан соответствующий вектор. Суть в том, однако, что на гражданском поле России не реализовалась более органичная возможность — структуризация через разворачивание неавторитарной самоорганизации.

Вследствие сказанного констатируем: ответ на вопрос, нужно ли для модернизации жертвовать социально-культурным типом целостности человека, народа, страны, в нашей истории пока не найден.

Для большей глубины, ясности понимания существа проблемы стоит представлять: чего достигает теория и чего она хочет достичь в концептуализации реалий. Несомненно, в таком тонком деле, как абстрактное моделирование явлений, не многим продуктам теоретизации суждено сформировать доверительное отношение к действительности, миру, культуре. Когда озабочиваешься воссозданием хода социально-исторического движения, важно а) «не впасть в совершенно бессодержательные мечтания»;⁷⁹ б) отказаться от вековой привычки смотреть на себя чужими глазами, сквозь чужие очки.⁸⁰

⁷⁸ Кавелин К. Д. Собр. соч.: В 4 т. М., 1960. Т. 2. С. 935.

⁷⁹ Данилевский Н. Я. Цит. Соч. С. 515.

⁸⁰ См.: Кавелин А. Д. Наш умственный строи. М., 1989. С. 177.

107

Мечтательны проповедники, предвещающие, предсказывающие, предрекающие пути к царству правды, советуящие то «оправдать веру наших отцов, возведя ее на новую ступень разумного сознания»,⁸¹ то пойти на выучку к стяжающему «расчищенные дорожки цивилизации»⁸² Западу, то приобщиться к единому человечеству, его всемирно-исторической судьбе.⁸³ Мечтания. Они оказались «гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше».⁸⁴ Оттого столь витиеваты, неисповедимы судьбы России в XX в. Теперь же стоит мучительный вопрос, как, избегая мечтаний, вернуться к неутопическому обществу, «менее «совершенному» и более свободному».⁸⁵ Со всей остротой и отчетливостью, следовательно, ставится задача создания адекватной духовной основы российской жизни, способствующей достойному национальному существованию. Решаться она, полагаем, может лишь в тщательной оценке выводимых из опыта истории обобщений:

— А — цивилизационно человечество не едино;

— Б — у составляющих человечество национально-государственных образований не просматривается единства судьбы;

— В — почвенная апология отечественной архаики, в коей и усматривается базис страновой специфики России, химерична;

— Г — Запад враждебен России.

А. В мире нет единой цивилизации, хотя есть общие закономерности мирового развития. К последним относятся фазовые переходы, связанные с обретением качественно новых черт жизни. Здесь:

⁸¹ Соловьев В. С. Собр. соч. СПб., 1911. Т. 4. С. 243.

⁸² Мандельштам О. Э. *Собр. соч. М., 1991. Т. 2. С. 290.*

⁸³ См. Соловьев В. С. *Собр. соч. Т. 5. С. 144.*

⁸⁴ Бердяев Н. Л. *Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994.*

⁸⁵ Там же.

108

- появление Homo sapiens;
- аграрная революция;
- урбанистическая революция;
- индустриальная революция;
- культурная революция;
- сексуальная революция;
- научно-техническая революция.

В эти фундаментальные интервалы все единицы человечества так или иначе, рано или поздно входят. Но именно так или иначе, рано или поздно. Один и тот же процесс в одинаковой мере все народы непосредственно не захватывает. Причины опережения и отставания по фазам в прохождении народами тех или иных этапов цивилизационной динамики составляют предмет изучения социальной фенологии — только складывающейся науки о периодических явлениях в движении общества. Скажем: упрочение новоевропейских империй отсчитывается с XV в. 1543 г. — взятие турками Константинополя, зарождение Оттоманской империи. 1480 г. — конец монголо-татарского ига, зарождение Российской империи. 1497 г. — открытие Америки, начало эпохи Колумба, периода активной колониальной экспансии, западноевропейского имперостроительства. В этой фазе складывается европоцентризм, завершается средневековье, оформляется новое цивилизационное время. Это пример синхронизированных по фазе параллельных рядов. А вот пример другого типа. Взять урбанизацию. Формально Россия стоит в одном ряду с самыми урбанизированными странами мира. Реально же — учитывая качественный состав жителей, степень их адаптированности к городской среде (лимита), — уровень урбанизации в России в два раза меньше.⁸⁶ Аналогично сельское расселение. По подсчетам историков,⁸⁷ в Новгородской губернии в 1550 г. было 35 тыс. поселений, в

⁸⁶ См.: *Российский цивилизационный космос. М., 1999. С. 140.*

⁸⁷ См.: *Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977.*

109

1600 г. - 23 тыс., в 1787 г. - 9,5 тыс., в 1860 г. - 10 тыс., в 1906 г. — 10,5 тыс., в 1916 г. — 14 тыс. Населенность двора — порядка 2,54. Таким образом, в деревне в начале XVI в. проживало в среднем 30 человек. Потом, когда в качестве удобрения стал использоваться навоз, люди сселялись, — «было удобнее на открытых пространствах иметь пашню и совместно ее обрабатывать».⁸⁸ Вычисление кривой среднего расстояния между селами показало, что «сначала оно большое, потом, с ростом числа сел сокращается, достигает порога в 2,25 км. Это барьер, за которым начинается слияние и укрупнение поселений и вновь увеличивается расстояние между селами».⁸⁹ К схожим выводам по обследованию 10 стран (Россия, Индия, Япония, США, Великобритания, Франция, Италия, Испания, Канада, Германия) с получением такой же существенно нелинейной кривой среднего расстояния между селами пришел Г.Гольц.⁹⁰ Следовательно, **Ильин В. В. Философия:** учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

сложный нелинейный процесс расселения оказывается универсальным для разных стран, чего нельзя сказать ни об урожайности (в России в силу условий хозяйствования в XIX в. в почву вносили примерно в 25 раз меньше удобрений, чем в Германии), ни о менталитете (на Западе индивидуализм, в России коллективизм). Сказанное навевает: универсалии социально-экономического развития не отменяют цивилизационные уникалии. Вопрос в том, как первые (гуманитарные инварианты, фундаментальные социальные константы) согласовывать со вторыми.

Б. Человечество не едино ни по вере, ни по технологиям, ни по расовым, ни по этническим, ни по национально-государственным признакам. Последнее отличает, казалось бы, консолидированные формы. Так, Запад дифференцирован на католический юг и протестантский се-

⁸⁸ *Российский цивилизационный космос. С. 141.*

⁸⁹ *Там же.*

⁹⁰ *См.: Гольц Г. Л. Динамические закономерности развития системы городских и сельских поселений // Вопросы географии. 1974 С. 96.*

110

вер, латинство и лютеранство. В Германии различаются (по качеству жизни, менталитету) западные и восточные земли. В Италии богатый север противостоит бедному югу. В Великобритании, напротив, богатый юг пикируется с бедным севером. Живущих восточнее Рейна французы считают дикарями. Голландцы ставят под сомнение немецкую работоспособность. Прослеживается настороженность немцев относительно славян. Ну, и так далее.

Экономически капитализм соединил Запад, Реформация духовно разъединила его. В настоящий момент дают знать о себе национализм, сепаратизм, возбуждавшие распады Югославии, Чехословакии, обострившие ситуацию в Великобритании, Испании, Франции, Канаде... Выводы? Они в вопросах. Каков потенциал единительных социокультурных и национально-государственных процессов? Насколько они действенны? Могут ли конфронтирующие, конфликтующие национальные культуры, традиции интегрироваться в универсальную мир-систему? На каком пути просматривается объединение? Как к нему идти? Нужно ли? Задается ли единство истории единством целей человечества как рода? Выживают ли люди вместе? Рассмотренное как высшая сфера мироздания человечество, кажется, консолидировано в существовании, — но это в отвлеченной логике. А фактически? Каждый выживает, как может. Мир разделен на блоки, сферы, зоны влияния, национальные государства, противоречия внутри которых и между которыми усугубляют расизм, шовинизм, гегемонизм, глобализм.

Карл Великий пробовал объединить Европу политически (властно) — попытка выказала недееспособность. Престол тщился объединить Европу духовно. Реформация этому воспрепятствовала; протестантское национализированное христианство подорвало универсализм латинства. Движение за суверенитет национального государства упрочил Аугсбургский мир 1555 г., декларирующий принцип державной автономии веры — *cujus regio, ejus religio*.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Модель мировой католической империи испано-австрийских Габсбургов повлекла 30-летнюю вой-

111

ну, завершившуюся Вестфальским (1648) миром. Последний положил конец силовому навязыванию чуждых ценностей, задал систему международных отношений нововременной истории — Рах Еугореана с учетом идей Аугсбургского мира. Реальное раздробление человечества с этого момента, следовательно, конституировало национальное государство, воспроизводящее самого себя, а не цивилизационную систему как таковую.

В. В обширном сюжете самобытности России — две плоскости: политическая и цивилизационная. Политически долгое время Россия развивалась изолированно от Европы. Причины: а) монголо-татарская оккупация; б) державная конфронтация, обязывающая противопоставлять колониционному напору Запада обеспечивавшую национальный суверенитет откровенную автаркию. Исторически Россия была отгорожена от Европы то завоевателями, то необходимостью собственного выживания. Радикально обстановка изменилась в эпоху наполеоновских войн, когда межгосударственная борьба в Европе уже не могла не вовлечь в водоворот событий континентального колосса Россию. Противостоявший Англии Наполеон для наращивания мощи, достижения гарантированного успеха в войне с главным врагом решил предварительно покорить стяжательницу богатств хартленда Россию. Наполеоновская стратегия (которую впоследствии перенял Гитлер) предусматривала на первом этапе разделить Европу на сферы влияния — Тильзитский мир 1807 г., по которому Западная и Центральная части материка включались в орбиту Франции, а Восточная часть отходила к сфере влияния России (ср. с разделом Польши по пакту Риббентропа — Молотова); на втором этапе — развернуть агрессию против союзника (ср. с Великой Отечественной войной). Самый ход кампании 1812 г., изгнание и разгром «великой армии» слишком хорошо известны, чтобы останавливать на них свое внимание. В интересном нам ракурсе рассмотрения достойно упоминания то, что проходившее под эгидой России освобождение Европы, завершившееся Венским конгрессом, дополнилось оформлением в 1815 г.

112

Священного Союза. Готовивший программный документ наднациональной политической ассоциации — Акт Священного Союза — Александр I закладывал в него мощные идеи практического обновления и объединения Европы на базе истин святого писания вне толкований церкви. Священному Союзу, призванному политически преодолеть конфессиональные, метафизические различия католичества (Австрия), протестантизма (Пруссия), православия (Россия), выполнить свою вселенскую миссию не довелось. Однако для нашего изложения не это суть главное. Главное в подчеркивании того, что лишь с рубежа наполеоновских войн вследствие сильнейших потрясений ум и воля народов обратились к совместной деятельности; россияне получили возможность «участвовать в судьбе просвещенной Европы».⁹¹ В цивилизационном отношении проблема самобытности России имеет прочтения: жизнь трудновыразимых, едва выводимых

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

почвенных рефлексов; специфика отечественного строя существования.

Ориентированная на почвенные ценности самоидентификация, фиксируя такие черты национального бытия, как коллективизм, артельность, общинность, заединность, дружинность, хоровое начало, поднимает на щит «соборность», «всеединство», «солидарность». Соборность помимо и вне метафизических и утопических интерпретаций (славянофилы, Соловьев, С. Трубецкой, Иванов, Франк, Булгаков, Флоренский) означает свободную ассоциацию, союз добровольно объединившихся людей. С одной стороны, здесь нет ничего сугубо русского: а) трудовая кооперация интернациональна; б) западный богослов Моллер независимо от Хомякова декларировал идеи кафоличности. С другой стороны, соборность как феномен исконно русский — общинно-центристский — деформировалась, проходя кризисы:

1) трансфер индивидуализма в элитную культуру (образование, воспитание, стандарты жизни); 2) трансфер конкурентных начал в народную культуру — а) разложе-

⁹¹ *Письма Н. И. Тургенева к брату С. И. Тургеневу. Л., 1936. С. 156.*

113

ние традиционного (холистского) общества вследствие модернизации (урбанизация, гражданская атомизация, полифункционализация лица); б) развитие капитализма (упрочение духа мещанства, кулачества); Ключевский аттестует великороссов как с некоторых пор единоличников: «великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами»; 3) культурная революция — развал синкретизма (персонификация, специализация, секуляризация). Понимание этого дезавуирует пропаганду особой стати России на базе «антицивилизационизма». Вспомним все того же толстовского Левина: «Теперь в земских учреждениях, — рассуждает он, — я... не вижу ничего, что бы содействовало моему благосостоянию. Дороги не лучше и не могут быть лучше; лошади везут меня и по дурным. Доктора и пункта мне не нужно. Мировой судья мне не нужен... школы мне не только не нужны, но даже вредны». Что же нужно? Гордиться «простором земли русской и широтою русской природы, которая не может и не хочет ничем стесняться»?⁹² Воистину бич России дураки и дороги. Тема самобытности в терминах соборности не может быть выражена мерой концептуальной.

Аналогичное утверждается и касательно якобы такой самородной черты, как «смирение», суть которого состоит в том, чтобы «сложить все десять пальцев на животе и вздохнуть, возводя глаза к небу: «Божья воля! Поделом нам... за грехи наши! Несть бато́гов аще не от бога!».⁹³ В удельный период, замечает Белинский, русскому народу присущи «скорее гордыня и драчливость, нежели смирение». Толкуют о «любви» как национальном начале, исключительно присущем одним славянским племенам, в ущерб западным, — как утверждает критик, в данных толкованиях «высокий образец ума, зашедшего за разум».

Все эти дающие повод для кривотолков заблуждения, штампы давно разоблачены практикой, выводящей на бо-

⁹² Толстой А. К. Собр. соч. Т. 4. М., 1980. С. 478⁹³ Там же.

114

лее глубокий уровень трактовки проблемы. Суть не в гипертрофиях тех или других, впрочем, не специфически русских социально-психологических признаков, а в уяснениях, подготовивших утверждение неких неповторимых традиций и институтов, подлинных условий нашего исторического существования. В крайне эскизном виде дело выглядит так, что географический, геополитический, социокультурный антураж — сама объективная жизни основа детерминировала особенности страновой динамики России с букетом причудливых форм: мобилизационным типом хозяйствования, милитаризованной экономикой, этатизмом, военной демократией, бюрократизацией управления, феодализацией социальных связей, доминированием ценностей выживания над ценностями развития, духом общинности, экстенсивностью, принудительностью накопления, методами концентрации «во что бы то ни стало», общественной дифференциацией по признаку не владения, а распоряжения собственностью, свернутым рынком, засильем «естественных» монополий, командно-административной регуляцией социума, тоталитарностью. Эти слагаемые отечественного мира, как ни непривычно это звучит, не были только насилием над обществом и здравым смыслом. Они попросту не могли бы утвердиться, если бы не имели реальной почвы, не получали широкой поддержки, если бы не решали (по-своему) «действительно насущных проблем общественного развития, в том числе в большей или меньшей степени поступаясь доктринальными принципами»,⁹⁴ если бы не оказывались способом самосохранения России, поддержанием ее уникального цивилизационного строя.

Г. Россия и Европа, невзирая на расовую, конфессиональную, индустриальную близость, — различные виды цивилизаций, опираются на несхожие *raison d'etre* существования. С целью иллюстрации мысли оттолкнемся от упорядочивающей схемы, которая дифференцирует общие

⁹⁴ История России. XX век. С. 400.

115

и частные звенья цивилизации. Поскольку осто́в цивилизации образуют жизневоспроизводящие ценности, коль скоро налаживают жизнь, поддерживают бытие люди, человеческий облик не утрачивающие, имеются общечеловеческие универсалии, гуманитарные инварианты, обеспечивающие глобальное выживание. Это уровень фундаментальных социальных констант (ФСК) масштаба социальности в целом. Они целеориентируют развитие родовой мегасистемы по векторам эффективности, оптимальности, благоприятности. А именно: просматриваются общие восходящие упорядочивающие тенденции в регистрах

— материально-техническом: индустриальные технологии (механизмы, приемы, навыки, операции);

— гражданском: социально-политические технологии (мотивация, стимуляция активности, свобода, права, обязанности);

— экзистенциальном: рекреационные технологии (волеизъявление, самореализация, релаксация).

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Здесь учитывается, постигается, отслеживается совокупная ритмодинамика (всеобщие социально-фенологические зависимости).

Поскольку человеческая цивилизация не едина, в различных пространствах высокого порядка доминируют разные жизнеспособные ценности, имеются особенные дифференцирующие качество отправления существования по ареалам социальности параметры, обеспечивающие региональное выживание. Это уровень районированных социальных констант (и переменных) масштаба социографически специфицированной социальности. Они целеориентируют развитие общественно-исторических макросистем типа объединенного Запада, Востока, Евразии по векторам потребных изменений и сохранений в сочетании величин автогенетических и эктогенетических, автономных и гетерономных. Здесь рассматривается вариантное воплощение и распознаваемая струк-

116

турная устойчивость процессов большой интенсивности и длительности на региональных пространственных континуумах (особенные социально-фенологические зависимости).

Поскольку человеческая цивилизация мозаична, глобальные и региональные жизнеспособные ценности реализуются партикулярно — в страновой, национально-государственной, этнической привязке, — имеются единичные инкарнации человечности, обеспечивающие локальное выживание. Разнообразие условий существования лишает ценности понятие окультуренной планетной среды как жизненного универсума. Человеческое целое расслаивается на народные составляющие, которые различаются между собой духовно и ландшафтно. Понятие этого формирует уровень идиоадаптивных социальных переменных масштаба местных жизнедеятельностных ниш. Они целеориентируют развитие социальных микросистем (майя, бушмены, готтентоты и т. д.) по вектору самоподдержания. Здесь выявляются характеристики эмпирического распределения, рассеяния социальности в конкретных условиях (своего рода вариационная социальная статистика, исследующая единичные социально-фенологические зависимости).

В терминах традиционной теории цивилизаций, следовательно, мы имеем три уровня предметности: цивилизационные универсалии (ФСК) — культурно(социально)-исторические типы — цивилизационные уникалии (локальные цивилизации). Предмет нашего внимания — второй уровень — сопоставление цивилизационных типажей Европы и России. Отправная мысль состоит в подчеркивании враждебности Европы и России, враждебности с позиций совокупных ценностей и интересов. Довольно принять во внимание а) фактор колонизации (конфронтация: объединенная Европа — Россия); б) фактор глобального соперничества, тотального взаимного прессинга двух систем (капитализм — социализм), двух блоков (НАТО — ОВД) в имперский и советский периоды истории. Если говорить о «восстановленной» (после августа 1991 г.) России, ситуа-

117

ция не изменилась: и экономически, и политически, и
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

геополитически, и духовно в отношении России Запад проводит жесткую линию двойных стандартов, агрессии. Ограничимся лишь такими свидетельствами. В 80-е годы для подрыва восточного блока Запад информационно усердствовал в отношении Польши, требуя «выбросить коммунистический пограничный контроль на свалку истории». После распада СЭВ, ОВД, вступления Польши в НАТО тот же Запад вновь требует — только усилить пограничный контроль в Польше по отношению к бывшим коммунистическим соседям. Новый континентальный порядок предусматривает санитарный кордон с более восточными, нежели в период холодной войны, границами.

В недавно же подготовленном американским институтом стратегических исследований документе «США и РФ на рубеже XXI века» правительству США рекомендовано сосредоточиться на еще большем снижении международного авторитета и влияния России; предложено отказаться от равного партнерства; перевести Москву на зависимое положение от Вашингтона. Для достижения этих стратегических целей акцентируется возможность применения силы. Ни больше, ни меньше. В створе сказанного Запад активно противится балканской, ближневосточной, центрально-азиатской, кавказской политике России. Фронтальный, правда односторонний, прессинг продолжается.

Учитывая, что цивилизационные единицы среднего уровня представляют собой относительно замкнутые, немембранные структуры, возможно сформулировать правило взаимной нетранслируемости и некорреспондируемости их отличительных черт. Запад пребывает Западом; Восток — Востоком; Россия — Евразией. С точки зрения учета ценностной подкладки жизнеспособных механизмов вместе им не сойтись. Существуют инварианты общезначимости — ФСК, но существуют и варианты интенции народов жить по «законам отцов». Даже в наше время, применяя новинки (авангардные технологии трех вышеназванных регистров), народы идут не к какому-то одному, а к собственному укладу. Последнее наве-

118

вает идеи региональных и локальных архетипов, которые, вторгаясь в общецивилизационный процесс, его непредсказуемым образом трансформируют.

Спорадические социальные трансформации — соответствуют ли они уклонению от неких предположенных (?) магистралей или означают прокладывание аутентичных путей? Ввиду головоломности вопроса, главным образом непроясненности «предположенности» вселенских динамических линий мы склоняемся ко второму: народы в истории в отсутствие «алгоритмов» прокладывают аутентичные пути развития.

Итак, Россия и Запад — автономные уровни цивилизационной реальности, имеют собственные исторические, гражданские судьбы. Несопряженность, дискордантность последних предопределяет взаимопротивоположность. Беспристрастное моделирование реалий в терминах формулы «вызовы — ответы» подводит к такой картине. Россия как цивилизационно менее продвинутый социум есть общество догоняющего развития, запаздывающей модернизации.

Исходно экстенсивная отечественная динамика вполне оправдывает внутреннее назначение, но в итоге снижает конкурентоспособность. За стадию стагнации интенсивно хозяйствующий консолидированный Запад делает инновационный отрыв. Давление по всем азимутам на Россию возрастает, обстановка вокруг все обостряется. На предъявляемый вызов следует вынужденный ответ в виде форсированных прогрессивных обновлений с усвоением западных уроков. Достижение паритета неизбежно проходит в мобилизационном ритме, оплачивается высочайшей ценой — усилением крепостничества, развертыванием репрессий, понижением уровня жизни, ограничением свобод. Так как поддержание державного равновесия подобными способами долгое время невозможно, в конце концов, наступает сбой, за которым очередное отставание, в очередной раз корыстно обыгрываемое Западом. Новый вызов требует нового эквивалентного ответа. Цикл повторяется.

Принципиально, что всякая подготовка вызова производится на Западе органически эволюционно — через са-

119

моорганизацию снизу, предполагающую индивидуализацию, кооперацию, демократизацию, рационализацию. Напротив, чрезвычайное обеспечение ответа в России протекает неорганически революционно — через деиндивидуализацию, концентрацию, централизацию, милитаризацию. На Западе — общество для человека. В России — человек для общества.

Не входя в острейшие проблемы социальной цены, гуманитарных издержек форсмажорных ответов России вызовам Запада, зададимся вопросом: что позволяет России выигрывать борьбу, преодолевать отставание? Перебирая возможности, в качестве приоритетной выбираем одну. Выживать, отстаивать суверенитет в обстановке жесточайшей борьбы по всем сторонам горизонта и одновременно налаживать вершение жизни на 1/6 планетарной суши, обеспечивать территориальную целостность, экономическую независимость, сплачивать регионы, повышать мощность инфраструктуры, соблюдать национальные интересы, в условиях критического земледелия поддерживать хозяйствующих крестьян, патронировать малоимущих (одних пенсионеров в нынешней России 37 миллионов), исторически кредитовать аборигенные народы, — все это делать способна лишь крепкая, проникающая, государственная власть, *de facto* отождествляемая у нас с империей.

«Империя», созданная народом России, не терпит применительно к себе квалификаций уничижительных. Она есть высококачественный продукт исторического развития, представляющий властно консолидированный, державно продвинутый социум, располагающий а) развитой военно-бюрократической машиной; б) выраженной тенденцией к тем или другим формам ценностного идентитета (мощные единительные духоцентричные идейные комплексы).

По мере ослабления этих скреп статус (цельность, целостность) империи подрывается. Избегать эрозии империи как института позволяет либо поддержание дисциплинарного тонуca

общественных связей сверху, либо сти-

120

мулирование самодеятельного, инициативного поведения населения снизу. В России в основном и преимущественно опробован первый способ, связанный с применением жестких технологий достижения странового единства. Универсальный гарант от смуты, провалов державности, отрабатывающийся непосредственно в завоеваниях, складывается в виде абсолютизма, военно-монархического, бюрократического централизма.

У кого сила, у того право. Сила и право — первейшие рычаги имперостроения. Однако ограничиться утверждением, будто российская империя держалась лишь правом силы основного войска и власти наместников — сатрапов, было бы в корне неверно. Наша линия состоит в проведении идеи, что Россия как метрополия — не тривиальная захватчица, посредством грубого силового напора поглощающая фрагменты мира. Российская империя одна из немногих в мировом опыте, целеустремленно выполнявшая культуротворческую устроительную миссию.

Безусловно перспективные слагаемые имперостроения, получившие материализацию в национальной истории, не смогли за относительно короткий имперский век проявить себя полномочно и представительно. Как следствие — чрезвычайной трудности проблемы поддержания единства экономической, культурной, управленческой основы державности, без которой последняя оказывается не органической целостностью, а хаотичным конгломератом не переваренных плавильным котлом местных структур. Известные события 1991 года вызвали распад складывавшегося в столетиях исполина. Из империи вышли Россия и некогда колонизированные по ее географическому канту аборигенные периферии. Не входя в анализ устойчивости возникшей геополитической фигуры, обратимся к оценке видов на будущее России: с каким цивилизационным сценарием стоит связывать ее перспективы?

Не усложняя интригу, дадим прямой и ясный ответ: перспективы России, по-нашему, стоит связывать с восстановлением ее статуса империи. Дабы быть адекватно понятыми, дадим пояснения.

121

1. «История имеет глубокий смысл, но он недоступен человеческому познанию», — утверждает Ясперс. Почему же? Понять историю означает понять себя как ее творцов. Смысл же того, «как творить мир», раскрывается в постижении, «как воссоздавать себя в мире». Краеугольной темой оказывается извечный сюжет самостоянья человека в чередѣ времен, потоке событий. Человек и история. Нет всеобъемлющей схемы развертывания исторического процесса, но есть обоснованное понимание того, что центром любого его развертывания является человек в различных своих измерениях — народ, этнос, лицо.

2. Человеку в многообразных его ипостасях в российской империи всегда было неудобно. Византизм, этатизм, тоталитаризм как виды властного деспотизма неизменно деформировали личностное, этническое, народное. Рычаг империи служил орудием установления баланса сил в Евразии, решал задачу выживания России в бескомпромиссной исторической конкуренции с

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

соперниками. Государство с его специфическим интересом по этой причине подчиняло все человеческие интересы. Даже культурная революция — предприятие ультрагуманитарное — протекала у нас не как кампания по превращению человека массы в личность, а как акция по производству грамотных, вписанных в надлежащую инфраструктуру (школы, клубы, читальни). «Зараза» же личностного локализовывалась на периферии общественного — в «патологическом» диссидентстве.

3. «Гибнет Российская империя. И так же погибнут все империи, которые будут созданы»,⁹⁵ — пророчествовал Бердяев. Предыдущие и в особенности текущие времена дают изумительное

⁹³ Бердяев Н. А. *Опыт эсхатологической метафизики. Париж, 1947. С. 181.*
122

подтверждение бердяевской мысли. Канули в Лету империи древности. В начале XX в. распались Австро-Венгерская, Оттоманская империи, с середины того же столетия пошло обвальное крушение Британской, Французской, Нидерландской империй. В 1991 г. завершилось бытие Советской империи. В чем причина нежизнеспособности, ущербности империй как социальных структур? Фатален ли их конец?

У империй как единиц социальности повышенной сложности — две уязвимости: полиэтнизм и кратократизм. Наиболее радикальная версия купирования первого — Версальская идея всемирного плана политической организации, где каждый этнос является государством, и наоборот. Эту идею, однако, трудно провести для многонациональных стран. Хотя последние события уходящего столетия, вроде бы, свидетельствуют о подобных стран державной непрочности (распад Чехословакии, Югославии, СССР), никакой неотвратимости их саморазрушения нет. Вопреки этому имеется богатый опыт плодотворной кооперации разных этнических, расовых, культурных, конфессиональных групп в конституировании державных общностей в США, Франции, Нидерландах и т.д. Наиболее радикальная версия купирования второго — демократизация, обеспечение прав человека, гражданина, народа, законодательное пресечение проявлений гнета, насилия, тирании.

Слабость империй сказывается при проведении интересов этнических групп наряду с воплощением принципов демократии. Неизбежно галопируют национализм, сепаратизм, влекущие взаимоотношение, отложение составляющих. Нерв бытия империи, следовательно, — равновесие между властью (силой) и гражданином (народом). Представляется, что имеются лишь две возможности его (равновесия) достижения. Это

а) развал империи для соблюдения интересов нации (Великобритания, Франция, Турция);

123

б) укрепление империи, использование ресурса империи для соблюдения интересов нации (США).

Возможность (а) для России не подходит. Ослабление империи, приведшее к распаду СССР, и посегодня подтачивает российское целое. Дальнейшая сдача позиций ввиду эскалации центробежных тенденций, усиливаемой внешней агрессией (экспорт

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

геополитического сепаратизма под эгидой ваххабизма), сецессии попросту невозможна.

Учитывая, что целостность Евразии для России — *factor prima*, исходя из того, что исторически и державно обеспечивается он имперски, вопрос не в том, как отменить империю в России, но в том, как сделать ее цивилизационно эффективной. Остается, следовательно, возможность (б), подразумевающая гармонизацию взаимодействий человека (народа) и власти (государства) в рамках нации.

Нерешенная в отечественной истории задача гармонизации взаимодействия данных столпов и составляет содержание «русской идеи» в современной транскрипции.

5.3 Социогенез

В качестве системы отсчета общеобщинной естественно-совместной жизни, где сказывается зависимость «всех от всех», примем антропологически, правда недоуточненный, но социально относительно очерченный, институт — первобытное стадо.

Эпоха первобытного стада охватывает по временным меркам колоссальный фрагмент истории, начиная с австралопитеков и кончая неандертальцами. Строгое квалифицирующее суждение о социальной динамике в этот период ввиду отсутствия конкретных данных навряд ли возможно. Главное содержание, основная направленность этого интервала, скорее всего, как можно предположить, — «усиление тенденции к половым связям за пределами своего стада и затем ее конституционализация, полное исключение браков между особями, принадлежавшими к разным поколениям, укрепление длительных и постоянных кон-

124

тактов между матерью и всеми ее детьми, а также переход биологических связей между ними в сферу осознания родства».⁹⁶ Исходя из этого, правомерно выделить три этапа эволюции социальности в первобытном стаде.

Австралопитеки. Предковая форма человека, представители которой, не владея речью, не имея развитой ментальности, будучи способными к изготовлению примитивных каменных и костяных орудий, практикуя собирательство, элементарные виды охоты, фундируют социальность преимущественным избеганием «половых связей между представителями разных поколений и подвижности мужской части... стада при относительной стабильности женской».⁹⁷

Архантропы (питекантропы, синантропы). Древнейшие люди, по физиологической конституции очень близкие антропоидам (понгидам, симиидам), владеют диалогической речью, зачатками понятливой мысли, ведут загонную охоту крупных животных — дифференцируют социальные роли по естественным возможностям (престарелые, немощные постоянно поддерживают огонь), обладают представлением о кровном родстве по материнской линии, организующем социальность.

Неандертальцы. Ископаемые люди, приближенные к современным, имеют зачатки родовой организации, выражающейся в конституционализации половых связей мужских особей за пределами коллектива, что в конечном итоге обуславливает переход

социальных отношений в родовую форму.⁹⁸

Последняя фаза эволюции первобытного стада, следовательно, интенсифицируя прогрессивное усложнение, упорядочение внутригрупповых связей, дает начало оформлению кровнородственных общностей.

Кровнородственные общности. Состоят из вполне реальных популяционных групп, компактно расселенных, объединенных кровным родством, различающихся величиной,

⁹⁶ Алексеев В. П. *Становление человечества*. М., 1984. С. 285.

⁹⁷ Там же. С. 286.

⁹⁸ Там же.

125

теснотой родственных отношений. Богатство фактуры, дефицит идей, связанных с ее концептуализацией, непроясненность многих мест, обеспечивающих добротную периодизацию, не позволяет останавливаться на вопросе, оказывающемся предметом специальных, но не наших изысканий, сколько-нибудь подробно. Зафиксируем лишь кажущееся несомненным.

Структурными единицами послестадной — общинной — формы социальности выступают.

Родовая община. Начнем с лишенных претензий на строгость и полноту констатирующих суждений. Родовая община, род есть первичный способ связи людей при бессобственнической кровнородственной кооперации жизни на базе сознания родства. Складывается в верхнем палеолите. Пружиной социальных отношений при родовом строе оказываются: а) исключение браков между представителями разных поколений; б) консолидация детей вокруг матери; в) табуация внутригрупповых браков. Прямыми следствиям (а) и (б) явилась естественная функциональная и ролевая стратификация и иерархизация популяционных групп, локальная ассоциация индивидов, ускорившая дифференциацию межсубъектных связей в деятельностном обмене. Результатом (в) выступила экзогамия, через аутбридинг способствовавшая взаимодействию родов, а значит, сращению их во фратрии (филы) и племена. В своей эволюции общинно-родовая стадия проходит две фазы: фазу ранней и развитой общины. Жизнеобеспечение в первой (верхний палеолит, мезолит) протекает посредством присваивающего хозяйства (сборательство, охота, рыболовство) за счет прямого потребления вещества природы. Во второй (неолит, бронза) складываются зачатки производительного хозяйства в виде земледелия и скотоводства. Род в развитой общине представлен как в матриархальной, так и в патриархальной форме.

Материнский род, фиксировавший отношения между кровниками в качестве жизнепроизводительной ячейки предполагал функционирование рода в целом. Отцовский

126

род с характерной для него патрилинейностью в качестве основной воспроизводительной ячейки жизни предполагал патриархальную семью.

Под влиянием патрилинейности род постепенно распадается на стратифицированные группы — малые семьи, которые, будучи несамодостаточными в воспроизводительном отношении, под давлением экзогамии объединяются в соседские общины.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Соседская (территориальная) община. Результат консолидации близкорасположенных патриархальных семей (домохозяйств) разных родов, на данной территории ведущих воспроизводственную деятельность. Стадия соседской общины привносит новые модуляции в течение Социогенеза. Ввиду экзогамности рода его полноценное существование предполагает необходимость брачных связей, как минимум, между двумя родовыми группами. Последние ассоциируются в племя, подчеркивающее признак единокровности человеческой общности: соплеменники единятся общими предками, территорией проживания, языком, самосознанием, самоназванием. Говоря современным языком, все это имеет этническую окраску: человеческая общность, скрепленная узами кровного родства, автономией коллективных ценностей, судьбы, традиции, в данном географическом ареале — есть этнос.

Соседская община сдвигает акценты с этничности на социальность. Безотносительно к стадияльно-типологическим разновидностям общины она передает начало социальной структурированности групповой жизни. Родовая община — универсальный институт коллективности — носитель всей совокупности социальных функций. Соседская община жизнедействует как агрегация семейных (фамильных) хозяйств. В своем институциональном измерении она, во-первых, не синкретична — часть общинных функций приняла на себя семья; во-вторых, объединяя в основном соплеменников, она лишена собственно этнической выраженности родоплеменной организации; ее основное воспроизводственное назначение реализуется по-

127

мимо родоплеменной привязки. Осью группового взаимодействия становится непосредственно производство, логика его налаживания, поддержания. Со стадии соседской (территориальной) общины намечается дивергенция этнической и воспроизводственной определенности родоплеменной социальности.

Родоплеменной строй, как правило, представлял единство кровнородственной и антропогеоценотической составляющей: хозяйственный коллектив в сочетании с осваиваемой им территорией, суммой оказываемых на нее воздействий с позиций этнической составляющей в принципе гомогенен. География, хозяйство, кровь тут нераздельны, взаимополагаемы. Соседская (территориальная) община данное единство разрушает — хозяйственный коллектив с суммой производительных воздействий на среду обитания свое этническое представительство постепенно утрачивает. Центр тяжести перемещается в сторону оптимальности, эффективности хозяйствования; хозяйствовать означает теперь не поддерживать племенные приемы переработки фрагментов природы (консервация традиционных технологий), а усиливать господство над географической средой. Указанное, катализируя техногенез, дает толчок а) переходу от примитивных форм природопотребления к развитым; б) смешению племен, замене кровнородственных сцепок территориальными.

Переход к развитому земледелию, стойловому содержанию

скота, отгонному скотоводству сопровождался прогрессивным усложнением производства, стабилизацией получения пищи, созданием продовольственных запасов. Этот процесс означал освобождение хозяйственного коллектива от непосредственной повседневной зависимости от эксплуатируемой территории: производители обрели возможность изменять микросреду в нужном направлении, а не подчиняться ей."

⁹⁹ *Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984. С. 380.*

128

Значение перехода от потребляющего к производящему хозяйству в конце мезолита и в неолите огромно: резко повышая качество жизни, антропогеоценозы второй ступени разрушают заскорузлые рамки родоплеменных воспроизводственных контуров, инициируют перемешивание племен, поднимают производство, создают достаточный прибавочный продукт, за счет чего осуществляют имущественное расслоение, усложняют социальную структуру, стратифицируют и иерархируют население, подготавливая и приближая стадию государственности.

Резюмируя, уточним: с позиций социальности догосударственное соседскообщинное состояние проходит фазы:

1) ранняя община: по характеру жизнеобеспечения — присваивающее хозяйство; по хронологии — верхний палеолит, мезолит; 2) развитая община: по характеру жизнеобеспечения — начало производящего хозяйства; по хронологии — неолит, бронза.

Социальность как атрибуция человека свойственна ему изначально. Однако с фазы (2), рубежа неолита социальность меняется качественно. Что есть социальность в принципе? Говоря односложно, — естественная стихия общения, межсубъектного взаимодействия, деятельностного обмена, где неуклонно как простое производное кооперативности кристаллизуется положительное общежительное. Его атмосфера возвращает цивилиность — способность коллективного авто- и эктопреображения. Первое предопределяет развитие духовных и практически-духовных, второе — практических форм культуры. Сама же культура в виде развернутого органического следствия социальности проявляет себя в качестве четырехтактного механизма порождения, умножения, закрепления, передачи групповых ценностей, понимаемых широко — как непреходящие плоды, завоевания человечности. Чем лучше данный механизм выверен, отлажен, тем более высоко состояние общественной цивилиности. (Отсюда, между прочим, яв-

129

ствует: идея примата базиса нацеливает на концептуализацию лишь неперяда в цивилиной истории.)

Из сказанного удержим во внимании, что существо социальности — коллективный автокаталитический эффект окультуривания: под воздействием практических форм деятельности преобразается среда обитания, под воздействием духовных и практически-духовных форм деятельности преобразается гуманитарная сфера — идет самовозвышение, прогрессивный ценностный рост. Главное — перманентное возделывание как непреходящий итог действия в коллективной организации.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

С рубежа неолита фазы развитой общины в характере последней намечается глубокий внутренний сдвиг.

Обретение относительной независимости от природы при переходе к производящей экономике резко усилило собственно цивилизаторские потенции человека. Жизнь с неолита совпадает с культивировать, производить. Логика окультуривания производящего хозяйствования (антропогеоценозы второй ступени), уменьшая вмешательство естественного отбора, стихийных сил природы в историческую судьбу человеческих коллективов и увеличивая их вторично-природное — культурное — начало, заметно усложняет социальную компоненту жизни. На месте малочисленных кровнородственных первобытных групп возникают этнически перемешанные (при соседской, территориальной общине) иерархизированные крупные социальные общности. Их внутреннее организационное строение более не зависит от средовых факторов.

Автономизация архитектоники социальных коллективов, их численности от давлений природы, переработка племенного, общинно-родового вещества в общинно-производительное объективирует явление социального института как надындивидуального способа кооперации общественных (родовых) индивидов. Этим все сказано.

Значение неолитической революции не сводится к сдвигу от потребляющего к производящему хозяйству. Значение ее гораздо более глубоко, объемно. Оно в зачатии социально-институционального.

130

5.4 Социализация

Скажите мне, что значит человек?

Откуда он, куда идет,

И кто Живет под звездным сводом?

В изящных тютчевских вопросах — проблема, достойная усилий умов пронизательных. И пока надлежащая положительная трактовка ее не выработана, умозрительный элемент в рассуждениях по обсуждаемому предмету неизбежен.

5.4.1 Человек — индивид — личность

«Человек» — понятие многоуровневое, многогранное. Природа его тройственна. Человек — существо биосоциокультурное. Биологическая компонента поставляет натуралистические (анатомия, физиология); социальная компонента — деятельностные (интеракция, коммуникация); культурная компонента — ценностно-информационные (внебиологическое символическое кодирование, трансляция продуцируемой в обмене деятельностью идеально-смысловой формации) предпосылки возникновения, упрочения *Homo sapiens*.

Для характеристики человека как индивидуального общественного феномена дифференцируем понятия «человек», «индивид», «личность».

«Человек» сопоставительно с выделенными однопорядковыми понятиями — концепт наиболее объемный, передающий

универсальную причастность представителя Homo sapiens к родовой биосоциокультурной организации.

«Индивид» — единичный, конкретный, уникальный субъект, наряду с родовыми чертами «человека» обладающий специфическими качествами (особость природных свойств, психических способностей, деятельностного, мыслительного, жизненного потенциала).

«Личность» — «индивид», принадлежащий более обширному целому, осознающий и реализующий свою индивидуальность общественно. Человеческий индивид стано-

131

вится личностью в совместной деятельности с себе подобными в ходе встраивания в систему социальных взаимодействий. Такого рода встраивание, влекущее социальное опосредование натуралистических проявлений, именуется социализацией.

Суть социализации — вхождение индивида в социальную среду, усвоение социальных связей, их воспроизведение.¹⁰⁰ В результате формируется системное сверхчувственное качество, означающее приобщенность индивида к совокупности социальных процессов, принятым ценностям, нормам, позволяющим ощущать себя членом общества.¹⁰¹

Не случайно в Древнем Риме человек толковался как «бесправный», «раб» и противопоставлялся персоне — субъекту права, гражданину — лицу, имеющему правовой статус, принадлежащему страте, играющему социальные роли.

Не существует личности вне и помимо ее роли в кругу конкретных социальных общностей, начиная от общины и кончая национальным государством. Личность всегда и везде есть общественный статус, обусловленный местом, функцией, ролью индивида в групповом целом. «Человек» не составляет государства, его составляет «гражданин», «персона», «лицо», имеющее общественные обязанности и их исполняющее.

Сказанное распространяется не только на государственные, но и на любые социальные связи. Скажем, отношения отцовства. В обществе это не биологическая, а в первую очередь социальная позиция. Во-первых, отцовства можно лишиться. Во-вторых, его можно присвоить. Физиологически женщина не может быть отцом. Между тем, в некоторых африканских племенах имеются традиции полиандрии, когда женщина, выплачивающая за ребенка выкуп, получает статус отца. Последнее лишнее раз подтверждает: личность — не внеисторический абстракт, а субъект социальности, с которым сопрягаются обозначаемые статусы, роли.

¹⁰⁰ См.: Андреева Г. М. *Социальная психология*. М., 1999.

¹⁰¹ См.: Бронфенбреннер У. *Два мира детства. Дети США и СССР*. М., 1976.

132

Итак, социализация — подключение индивида к социальному опыту; средство социализации — кооперация; результат социализации — воспроизводство человеческой жизни, в каком-то отношении оказывающейся жизнью одного вечно существующего человека. Поскольку исходное и завершающее несомненно, присмотримся к опосредующему. Интересующий нас предмет таков: как в межиндивидной кооперации посредством целенаправленных и стихийных взаимовлияний появляется

специфический субъект реальных отношений с социальной средой — личность.

Становление личности в социализации подчиняется некоему порядку законов. Взять онтогенетику: в сообществе людей плод с 16 недель реагирует на звуки родной речи. Контакт с миром начинается со слова, которое первично (при соблюдении биологической нормы) в формировании субъекта-носителя общественных отношений. Последним всецело подчинено и видовое развитие, противопоставляющее филогению человека филогении животных. Суть в том, что на стадии человека биологическое сращивается с социальным, эволюционное становится общественно обусловленным. Выяснить, как дочеловеческое (органически человеческое) превращается в человеческое (социально-разумно-целесообразно человеческое), как перекрывается расстояние, для животного царства оказывающееся непреодолимой пропастью, как складывается специфический капитал мысли и трудолюбия, — возможно на особом фоне восприятия явлений: за счет выхода из пределов семантического пространства модели «непосредственного» появления человека. Человек — не Афина, возникающая из головы Зевса в совершенно готовом своем виде. Коррелятивное аксиоме суждение, которое отстаиваем, от которого отправляемся мы, заключается в констатации: органическое развитие человека изначально опосредовано, причем не только генетически закрепленным набором признаков, но и социальными связями. На ранних ступенях онтогенетики это — речь. На последующих стадиях это — межиндивидуальное взаимо-

133

действие, обмен деятельностью, формирующий чувственность, весь комплекс психических процессов, реакций. Достаточно подчеркнуть, что в момент рождения анализаторы ребенка запрограммированы на протопатическую чувствительность (скажем, зрение различает лишь контраст света и тьмы). И лишь спустя некоторое время по развитию тех же тактильных, данных в коммуникации и через коммуникацию ощущений активизируется эпикритическая чувствительность.

Биологическое обеспечение в наложении (катализация, ингибция) на него социального в конечном итоге выступает ферментом образования энергичной среды, порождающей неизбежное завоевание развития — высокоорганизованную, обладающую психикой материю.

В фокусе наших мыслей, минуя детали, — положение, что кристаллизация психического субстрата соответствует надорганической эволюционной форме, детерминируется социальным контекстом общения — подключением индивида к общечеловеческому богатству деятельности и знания. Существо данного положения весьма условно и схематично, однако достаточно адекватно описывается языком фракталов. Напомним, фрактал — не мгновенная, а динамическая, растянутая во времени бифуркация, выражающая идею переходных состояний. Взятая из большой дали биологическая организация, внедренная в межсубъективный обмен деятельностью, претерпевает

многократные качественные изменения (бифуркации), через ряд опосредований (овладение наработанными в коллективном опыте коммуникативными фигурами, программами речи, мысли, действия) культивирует в организме личность. Биологическое «человек разумный» оказывается коррелятивным социальноему «человек общественный, политический». Избегая многословия, апеллируем к мысли Дюркгейма, которая в соответственной редакции дает необходимое резюме: истинно человеческое не есть нечто первоначально данное. Оно — продукт коллективной истории, представляющей «идеальный предел, к которому мы все более и

134

более приближаемся, но которого мы, вероятно, никогда не достигнем».¹⁰²

Объективным и концентрированным проявлением этого «идеального предела» в складывании опосредованного феномена социально человеческого выступает речевое общение. Появляющийся на свет обладатель телесности человек поддерживает существование некоторым ресурсом моторики — совокупностью элементарных приспособительных реакций, а) связанных с биологическими мотивами; б) подчиненных наглядным впечатлениям от среды. На завершающей стадии перинатального периода, следовательно, еще реализуются фигуры так называемой перцептивной психики, дистанцированной от собственно человеческой (сознательной) психики по показателю приобщенности к совокупному общечеловеческому опыту (знания, умения, навыки).

Не верь учению, сводящему противоположности к единству, — пронизательно замечал Платон. Противоположности «животного» и «человеческого» остаются не сводимыми к единству; слиянию их препятствует социализация. Главное заключается в том, что адаптирующие телесные действия становятся социализируемыми — получают непрременную и естественную языковую обработку, производящую:

- сигнификацию — знаковое кодирование реальности;
- номинацию — приведение в соответствие объектов мира словесным комплексам;
- экспликацию — введение «чистых» смыслов, значений предметов, состояний безотносительно к вещной практике;
- генерализацию — абстрагирование и экстрагирование существенных необходимых признаков, связей, имеющих самоценный, отчужденный от предметности статус;

¹⁰² *Хрестоматия по истории психологии. М., 1980. С. 233.*

135

— категоризацию — понятийное членение, таксонирование действительности на базе информационных структур, идеальных универсалий.

Словесное выделение предметов как упорядочивающая мера, рычаг социализации, активизируя все познавательные способности (ощущение, восприятие, память, мышление, воображение), обуславливает каскад бифуркаций от чувственного к рациональному; от предметно-вещного к информационно-идеальному, модельно-аналоговому; от осязательного к

смысловому; от частного к общему; от индивидуального к групповому; от непосредственного к опосредованному; от инстинктивного к целеобразовательному.

Указанная совокупность переходов, однако, интонирует более объемный переход от действия к деятельности. Первое от второго, подчеркивает А. Н. Леонтьев, отличается тем, что «предмет, на который оно направлено, не совпадает с его мотивом. То и другое... разделено. Мотив, побуждающий действие, лежит в предмете (совпадает с ним) той деятельности, в которую включено данное действие».¹⁰³

Механизм очеловечения через социализацию понимаемый как накопление в историческом развитии коллективного знаково-символического, понятийно-информационного опыта выглядит так.

Соматическая плоскость: нервные узлы (ганглии) — ствол головного мозга, подкорковые узлы (таламостриальная система), лимбическая кора — новая кора больших полушарий.

Поведенческая плоскость: инстинкты — рефлексы — лабильные рефлексы — экстраполяционные рефлексы (инструментальные, оперантные условные рефлексы) — антиципирующее интеллектуальное поведение — ориентировочная деятельность — ручное мышление — символическая репрезентация — идеальное распределение —

¹⁰³ Леонтьев А. Н. *Философия психологии*. М., 1994. С. 49.

136

целесолагание — саморегулирующая деятельность — гарантированное индивидуально-изменчивое поведение.

Глоттогенетическая плоскость: дословность (имитация, суггестия)¹⁰⁴ — артикуляция, номинация, категоризация (вызывание существующего в языке) — монологическая речь — диалогическая речь.

Психическая плоскость: сенсорная психика — перцептивная психика — сознательная психика.

Коммуникативная плоскость: дописьменность (устно-слуховая коммуникация) — раннеписьменность — письменность (визуально-графическая коммуникация) — послеписьменность.

В пределах оконтуренной таким способом социализации как овладения символично-семиотическим, коммуникативным опытом, являющимся предпосылкой освоения общечеловеческого опыта, получает уточнение проведенное различие понятий «человек», «индивид», «личность».

«Человек» — носитель генотипически и фенотипически детерминированных характеристик — соматическая конституция, тип нервной системы, темперамент, динамические силы биологических потребностей, аспекты, задатки, наклонности, знания, умения, навыки.

«Индивид» передает идею неповторимости, неделимости, целостности данной человеческой особи, отличающей ее от иных представителей вида.¹⁰⁵

«Личность» — системное «сверхчувственное» качество, возникающее вследствие вовлечения индивида в контекст общественных связей. Личность — индивид общественный, общающийся. Быть личностью — значит вступать в диалог,

общаться диалогически. Когда диалог кончается, кончается общественное, кончается личность.¹⁰⁶ Стихия

¹⁰⁴ Доречевой опыт, постулированный «новым учением о языке», «палеонтологией речи» Н. Я. Марра, протаксисом и паратаксисом Г. Салливана, не реален.

¹⁰⁵ Подр.см.: Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М., 1983. Т.1. С. 76-96; Т.2. С. 186-229.

¹⁰⁶ См.: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 434.

137

личностного — бытие коллективно значимое, выразительное, побудительное, сообщающееся. Благодаря приобщенности к данной стихии и должно судить о природе человеческого индивида как личности.

Не существует личности вне и помимо ее роли в системе конкретных социальных общностей, начиная от стада и кончая национальным государством. Личность поэтому есть общественный статус, обусловленный местом, функцией, ролью индивида в групповом целом. Место человека вообще — «всегда открыто». Место же конкретного человеческого лица — «всегда занято». В том смысле, что, реализуя себя в пространстве пересечений социальных последовательностей, оно оказывается опосредованным.¹⁰⁷ Опосредованным столь мощными коллективными началами, как мышление, экзистенция, труд, язык.

Социальная опосредованность — центральное ядро социализации, за границами которого обсуждение проблем личностного не получает продолжения, обесмысливается. Доктринация тока социализации предполагает осмысление ее двойственности: социализация есть формирование предпосылок включения лица в круг межсубъективных отношений и одновременно условий выключения лицом себя из этого круга (собственная стратегия участия, вменяемость, неподопечность). В первом случае имеет место аккультурация, во втором — индивидуация.

5.4.2 Аккультурация

Объемный процесс овладения достижениями человечества, культивирование в индивиде исторически сформированных гуманитарных качеств. Рычаги аккультурации — воспитание, обучение, стихийное жизненное влияние, погружающие индивида в иерархию диспозиций, осуществляющих регуляцию его самопроявлений в зависимости от приобщенности к социокультурному опыту.

¹⁰⁷ См.: Шкуратов В. А. Историческая психология. М., 1997. С. 357.

138

Феноменология характеризуемого явления включает множество процедур и приемов, нормирующих мотивацию, сообщающих сапиенту фундаментальную ориентированность:

— подражание — следование каноническим примерам, образцам действия;

— стереотипизация — связывание людей референтными отношениями (отношения значимости), иницирующими, корректирующими поведение, самооценку;

— атрибуция — помещение воспринимаемых явлений в

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

социально значимую смысловую систему «как можно», «как должно»;

— идеальность — развернутая сетка понятий «совершенного», инициирующего схему идеального «Я».

За исключением наиболее элементарного подражания, материализующегося на ранних фазах личностного развития (младенчество, дошкольный возраст), иные формы аккультурации, соответствуя рефлексивному уровню, поставляют истины, которые не видятся, не демонстрируются, не показываются. Они вытекают из способа жизни, принятого людьми мироотношения. Как отмечал Шестов, это истины такого же порядка, что истины о бессмертии души, боге. Нельзя утверждать, будто о них нельзя говорить, — можно, но именно тогда, когда о них не спрашивают, не пытаются сделать очевидными. По своей природе они не могут и не хотят быть очевидными.¹⁰⁸ Подобные истины идут от практического разума, экзистенциальной убежденности; законность их в жизненной глубине, откровении (проповеди, исповеди), а не доказательстве.¹⁰⁹

¹⁰⁸ См.: Шестов Л. *Власть ключей*. Берлин, 1923. С. 81.

¹⁰⁹ См.: *Проблемы методологии*. Самара, 1998. С. 53-63.

139

5.4.3 Индивидуация

Индивидуальная личность — не внеисторический абстракт, а субъект социальности. Между тем она и не аморфный репрезентант отчужденной общественной организации, живущий на публику, для публики, за счет публики. Будучи общественно универсальным, человеческий индивид личностен. Будучи персонально уникальной, человеческая личность индивидуальна. Индивидуальность выражает качество социально удостоверяемых отличий (анатомо-физиологических, перцептивных, ментальных и т.д.) человека от других людей. Индивидуальность сказывается в своеобразии соматических, психических, интеллектуальных потребностей и способностей социализированных лиц, в их неравнодостоинности как единиц самоценных, автономных. Отстаивание индивидуальности, на поверхности осознаваемой как свойство иметь собственное лицо, является мощным стимулом противостояния порочным технологиям унификации людей в общество, превращению «Я» в «МЫ», тиражированию безлико-безвольных раболепных «штифтиков».

Инстинкт не дает человеку «что нужно»; традиция не дает человеку «что должно». И то, и другое поставляет ему личностная трактовка «Я», содержащая мобильное знание того, каково «Я» есть, каким оно может, хочет, должно стать, как его воспринимают люди, а оно их, в чем состоит смысл, назначение, призвание его существования, каковы принципы работы над собой, пути совершенствования. Данные познавательные, эмоциональные, поведенческие комплексы, увязанные в систему персональных ценностей, оценок, целей, и образуют концепцию «Я», выступающую его самосознанием. Самосознание есть персональная представленность «Я» («Я» — образ) в себе самом как водящей субстанции, имеющая статус регулятивного принципа частной жизни, самоконтролирующей силы духа¹¹⁰. Как ответственная

участность самосознание — стер-

¹¹⁰ См.: Спиркин А. Г. *Сознание и самосознание*. М., 1972.

140

жень поддержания единства личности, внутренней устойчивости, самосогласованности проявлений «Я». Регулирование комфортности, достоинства, равновесия, чистоты, просветленности пребывания лица в сообществе лиц через призму «Я»-концепции производится в результате самооценки, выполняющей функций защитного механизма личности.

5.4.4 Самооценка

Единый контролирующий механизм, отвечающий за реальную способность критического квалицирования личностью собственных потребностно-мотивационных состояний, уровней притязаний с целью сличать, корректировать, обдуманно действовать, достигать планируемых результатов. Функции самооценки — самопонимание, самоуправление, самоисправление, самосохранение за счет динамизации личностно-мотивационной сферы, преобразования потенциальных возможностей самополагания, трансформации принятых ценностей, осуществленных реализаций. Стимулирующие формирование позитивных качеств, предупреждающие расстройства сознания и поведения, препятствующие саморазрушению, самоутрате личности средства самооценки варианты. В ситуации эмоциональной неустойчивости, остроты поддерживать приемлемый потолок самоуважения, реорганизовывать «Я» концепцию, демпфировать конфликты, повышать адаптацию индивидуальности к собственному внутреннему миру¹¹¹ позволяют:

- дискредитация — ослабление критичности в самооценках;
- идеализация — преодоление не критичности в самооценках;
- проекция — самооправдывающий перенос на иные лица собственных качеств;

¹¹¹ Подр. см.: Грановская Р. М. *Элементы практической психологии*. Л., 1985.

141

- идентификация — самооправдывающий перенос на себя субъективных качеств иных лиц;
- переоценка — прерыв неопределенностной в персональном плане деятельности с уточнением диспозиций, выработкой тактики преодоления неопределенностей;
- стимуляция — самовозвышение, самонацеливание на достижение труднодостижимого;
- регрессия — самопонижение, самонастраивание на переход к более элементарным типам деятельности;
- отрицание — пренебрежение негативно значимой информацией, подрывающей высоту самооценок;
- вытеснение — нарочитое устранение из фокусов сознания неблагоприятных побудительных причин, травмирующих поводов с подменой их благоприятными;
- рационализация — маскировка истинных мотивов поведения, ретроспективный самоанализ с приписыванием самопроявлениям прошлого респектабельного толкования;

— замещение — разрядка внутреннего напряжения через перевод деятельности из нереальной (недоступной) сферы в реальную (доступную);

— изоляция — локализация, блокирование в сознании негативных (тревожащих, разбалансирующих) стимулов.

Задача указанных питающих самооправдание, способствующих поддержанию самоуважения компенсаторных механизмов, реализующихся через такую форму внутреннего опыта, как вяжущая способность души к самопостижению (экзистенциальная рефлексия), — восстановление деформирующейся «Я» концепции; преодоление внутренних провалов, кризисов; стимуляция самосовершенствования. Когда, по закону Паркинсона, нельзя выиграть, нельзя проиграть, нельзя остаться при своих, — возможно

142

преодолевать себя, что и конституирует индивидуальность как свойство личности не совпадать с собой до конца, «существовать в зазоре между разными «я» внутри целостного «Я» и быть поэтому до последнего вздоха способным перерешить себя и свою судьбу». ¹¹² При позитивном исходе достигается полнота интеграции «Я» с обществом повышается адаптация, прогрессируют вовлечение, участие. При негативном исходе пыльным пустоцветом расцветает отчуждение.

5.4.5 Отчуждение

Под отчуждением в самом широком смысле понимается объективный социальный процесс превращения как деятельности человека, так и ее продуктов в самостоятельную, довлеющую над ним, враждебную ему силу.

Согласно распространенной интерпретации, отчуждение — универсальное негативное (критическое) понятие, аккумулирующее несовершенное в эстеблишменте, что препятствует полноте проявления индивида, — оскопляет, сковывает его самостоятельность, оказывает на него нежелательное воздействие. Преодоление отчуждения в этом случае усматривается в достижении такой фазы общественного развития, где человек становится высшим существом для общества и человека, иначе говоря, где в полной мере воплощаются основные принципы гуманистической философии. Социально-политическая спецификация этих взглядов приводит к модели коммунизма, опирающейся на образ исторического скачка из царства необходимости (вещественности, частичности) в царство свободы (креативной универсальности), которое *de facto* — обеспечивает простор самореализации и в силу этого упраздняет объективные основания отчуждения.

Подобная интерпретация основательна в части фиксации негативного в совокупности условий человеческого

¹¹² *Одиссеи. Человек в истории. М., 1990. С. 63.*

143

существования, однако утрачивает солидность в части раскрытия механизма средств достижения программного положительного идеала.

Гораздо более глубока иная интерпретация, трактующая отчуждение через призму реальных диспозиций индивида и предпосылок их материализации в зависимости от обстоятельств. Такой подход изначально связывает отчуждение не с понятием некоей порочности общества, обуславливающей самоутрату личности, а с понятием потенциальности личности и социального антуража обеспечения, поддержания ее самоотдачи. Лейтмотивом здесь оказывается не универсальное освобождение человека, а созидание человечности.

Предпочтительность данной позиции в большей определенности. Дело в том, что адепты традиционной линии встречаются с трудностью *regressus ad indefinitum*. Им вновь и вновь приходится решать, от чего в очередной раз требуется освобождать человечество по ходу обретения им состояния полной свободы. Так, критика рыночного хозяйствования, стимулирующая национализацию, обобществление средств производства, вроде бы является шагом в преодолении одной из форм отчуждения, однако индуцирует иную ее форму. Огосударствление собственности и связанная с ней повальная бюрократизация отчуждает трудящихся от управления. Критика бюрократизма, побуждающая к преодолению этого типа отчуждения в переходе к самоуправлению, порождает проблемы машинерии нетворческого труда (как демонстрирует опыт югославских предприятий и израильских кибуцев). Даже ультрарадикальная анархистская критика властно-государственной организации общества, казалось бы, предусматривающая элиминацию всех и всяких модификаций отчуждения, и та не является неуязвимой. При наличии национальной, этнической, социальной, классовой, религиозной разобщенности, противостояния систем, блоков, образов жизни без властно-государственных регулирований не обойтись. А значит, не избежать и отчуждения. Таким образом, не вполне ясно, как следует освобождать челове-

144

ство, чтобы на промежуточных фазах его движения к царству свободы преодоление зависимости от одного не влекло бы еще более изощренной зависимости от другого.

Отсюда, проблема отчуждения есть не проблема описания предела несовершенной предыстории человечества, за которой — сфера всесовершенной истории. Это, следовательно, не проблема дескрипции общества без классов, государства, централизованной координации, профессиональной политики, аппарата принуждения и т.д., что в принципе генерирует нежелательные моменты нашей жизни. Проблема отчуждения — это проблема оптимальных возможностей человеческого существования, проблема институционализации таких публичных структур, которые оказывают этому максимальное содействие.

В свете сказанного излишне придавать отчуждению узкоклассовую окрашенность, связывая его напрямую с «непримиримостью» отношений господства и подчинения, с обусловленной частной собственностью эксплуатацией большинства (трудящихся) меньшинством (собственниками средств производства), стихийностью совокупной общественно-

производительной деятельности, конкуренцией, засильем товарно-денежных отношений и т. п. На деле отчуждение — многомерное явление, отличающееся амбивалентностью. С одной стороны, оно выступает исторически закономерным процессом развертывания человеческой деятельности и связано с объективными механизмами ее целеполагания в общественном разделении труда, с опредмечиванием, получением конечных результатов социального производства, необходимых для бытия людей. Корни отчуждения поэтому в самой социально организованной деятельности, предусматривающей обособление на основе разделения труда, освоения и присвоения его продуктов в ходе отправления индивидами жизненно важных функций; при определенных обстоятельствах это обособление может приобретать самостоятельное, самодовлеющее значение с характерным выводом результатов деятельности из-под контроля человека и с характерным же порабощением и закабалением его. В дан-

145

ном контексте уместно говорить об: 1) отчуждении деятельности — опустошение и обеднение труженика в процессе труда; 2) отчуждении условий деятельности от деятельности — противостояние предпосылок труда (собственность на средства производства, управление, организация труда) субъекту труда; 3) отчуждении результатов деятельности от субъекта деятельности; 4) отчуждении теории от практики, порождающее отклонение в сознании и поведении членов общества; 5) отчуждении социальных структур, институтов от трудящихся — противостояние государственно-бюрократической машины рядовым гражданам.

С другой стороны, отчуждение как дериват соответствующего типа социальных взаимодействий на основе господства овеществленного труда над живым трудом, где отношения между людьми подменены отношениями между вещами, имея в виду деперсонализацию человека, неизбежную фетишизацию предметного мира и т. д., — отчуждение становится субъективным феноменом, сопровождаясь возникновением совершенно специфических личностных эффектов и ощущений, таких, как апатия, одиночество, равнодушие, подозрительность, анемия, растерянность, отчаяние и т. п.

Таким образом, нарушение целостности сущностных сил человека вследствие возникновения и разрастания многочисленных паразитирующих надличностных образований (хозяйственные, социальные, правовые, идеологические институты и конструкции), отторгающих его от непосредственного использования плодов своих творческих усилий, управление ими, отсутствие или разлад компенсаторных функций истеблишмента, призванных гарантировать самоотдачу личности и нейтрализовывать ее самоутрату посредством поддержания высокого социального реноме индивида, которое обеспечивает ему внутреннее удовлетворение, ведет к разбалансу жизненного процесса, возникновению чувств неудовлетворенности, страдания, что является мощным ферментом торможения собственного волеизъявления и совершенствования. В этом отношении отчуждение воплощает беспрестанное установ-

146

ление пределов индивидуального развития, вызывает деградацию личности.

5.4.6 Социальная ориентация личности

Набор преимущественных интенций, включений, типов поведения, общения, взаимодействия людей, выражающих их местоположение, причастность к определенным корпоративным связям. Многообразие самоактуализаций индивидуальных общественных существ вполне соответственно описывается оппозирующей трилеммой: конформизм («Я» встраивается в ценности, отстаиваемые «иными»; «Я» хочет того, что и другие) — тоталитаризм («Я» подчиняется враждебным себе ценностям; «Я» делает то, что другие требуют от него¹¹³) — гуманизм («Я» — носитель самозаконных ценностей; «Я» реализует себя как свободное существо, методически трудящееся над возможным приближением к систематическому единству автономных высоких целей¹¹⁴).

Конформизм. Несамодостаточная смысложизненная линия с характерной податливостью, предрасположенностью к приятию, исповеданию внешних установок, навязываемых извне образов, правил, действий. Конформная индивидуальность прямо противоположна личной неповторимости. Индивид, который держится обособленно, не «со всеми», не «в компании», не желает «играть по правилам», встречает к себе настороженное отношение. Поиск собственной значимости, по этой причине, ограничивается здесь узким промежутком между порядком и сумасшествием. Роль первого играет лишенное структурного понимания слепое подстраивание под групповые шаблоны, штампы; тогда как роль второго — инициатива независимого целеполагания, автономия экзистенциального воления. Конформист живет не ради жизни, а ради ее благ. Перефразируя Ортегу, можно сказать так: вечно заемная,

¹¹³ См.: Франкл В. *Человек в поисках смысла*. М., 1990. С. 25.

¹¹⁴ См.: Наторп П. *Социальная педагогика*. Спб., 1911. С. 186.

147

несамостоятельная единообразная материя, увлеченная вихрями, несущимися по избитым траекториям коллектива, — тема истории существования конформиста.

Различают внешний и внутренний тип конформности. Внешний тип — принудительная корпорация, осуществляемая за счет деперсонализирующих санкций, авторитарного давления. Внутренний тип — автоматическая солидарность «Я» с «МЫ» на базе повышенной внушаемости, подчиняемости. Утрачивая способность быть «господами самих себя», индукторами независимого целеполагания, оба типа подчинены силе обстоятельств, мечутся «туда — сюда, как туча комаров» (Кант).

Онтология жизни «от подопечного лица» весьма скудна, бедна, практически полностью покрывается ситуацией трех досужих воль в чистом поле: «хоть туда, хоть сюда, хоть инаково» (Даль).

Первая воля — тело: зов природной цельности, гимн ареалу естественного обитания, череде метаболических циклов. Если нет ничего иного, ограничься поверхностью, — рекомендовал Гоголь.

Как возложенная на себя обязанность поглощенность телом сама по себе курьезна, давая юмор характеров (Диккенс) или обстоятельств (Джером К. Джером). Угождайте «телу лишь настолько, — назидает Сенека, — насколько нужно для поддержания его крепости, и такой образ жизни считайте единственно здоровым... Слишком многое порабощает раба собственного тела — того, кто слишком за него боится и все мерит его меркой... Чрезмерная любовь к нему тревожит нас страхами, обременяет заботами, обрекает на позор... к тому же груз плоти, вырастая, уплетает дух и лишает его подвижности... тело, хоть без него и не обойтись, для нас более необходимо, чем важно...»¹¹⁵

Вторая воля — дух: человек как «создатель создателя» руководствуется заветом древних, «Воздыми дух свой! И ни на чем его не утверждай». «Если в человеке естествен-

¹¹⁵ *Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 14, 25, 28, 43.*

148

ность побеждает культуру, — подчеркивает Конфуций, — он становится дикарем, если же культура побеждает естественность, он становится... книжником. Только тогда, когда культура и естественность в человеке уравновесят друг друга, он становится благородным мужем».

Третья воля — дело: нескончаемые поиски собственной значимости в масках Homo farber, Homo lucrans, Homo ludens. Утверждение не по принципам, а по прецедентам, однако, чревато хорошо известным изъяном не жизни дела, но жизнью делом. Последнее инспирирует конфликт самооценки. С одной стороны, «Я» как творец в своем величии уподоблен богу. С другой стороны, ввиду недостижения органичного «чувства свободы», т. к. бог судит «Я» не как бог, а «как человек, которого поглотила пучина», «Я» ровно ничего не значит: «мало что изменилось бы в мире, если бы я никогда не существовал».¹¹⁶

Тоталитаризм. Анатомия экзистенциального измерения тоталитаризма предельно проста: тиски беспощадного государственного давления и принуждения гражданского общества и личности усиливают процессы атомизации, овеществления человеческого существования. Административно-командная регуляция всех форм участия народных масс в творении общественной жизни, отлучение трудящихся от полноты информации, культуры означали десикацию индивида, невозможность его свободного саморазвития на основе персонального выбора, призвания, стиля жизни. Если квалифицировать характер жизнедействия человека при тоталитаризме, то правильно выделять такие линии, как, апологетизм, героизм, аутизм.

Апологетизм. Общественная роль и самый социально-психологический типаж людей, подпадающих под эту линию, вопреки ожиданиям, однородностью не отличаются. Здесь обособливаются малые группы (А) клеветов (штатные функционеры высшего ранга); (Б) выдвиненцев (проводящие линию кадры режима); (В) пособников-коллабо-

¹¹⁶ *Мюзе С. Избр. произв. в 2-х т. М., 1973. Т. 1. С. 383.*

149

рационистов (охранка, сикофанты, стукачи, осведомители, Ильин В. В. *Философия*: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

наушники, филеры); (Г) искренние энтузиасты (рядовые граждане, по природе оптимисты, замороженные масштабом, громадьем «наших» планов).

Группа А. Непроницаемая каста «чистых продуктов эпохи» «синих пакетов», верящих, что за Вождем — великая Идея, и заставляющих послушный «поток масс» беспрекословно служить ей. По выражению Л.Баткина — это «деклассированные люди, сбившиеся в стаю, в новый класс «руководителей». Они ничего не умеют и толком ничего не знают, но умеют «руководить». Они составители проскрипционных списков, организаторы «кампаний» и «мероприятий», скромные в быту владельцы «госдач», владельцы государства Российского, ораторы и молчуны, истеричные и непроницаемые, с усиками и без, с шевелюрами и наголо обритыми черепами, они, окружавшие Хозяина «соратники», будь то сластолюбивый Берия, эта Синяя Борода Политбюро, или канцелярист Молотов (и тоже палач — все они палачи): хитрый Микоян или простой, как правда, Буденный, разбиравшийся только в лошадях; незапоминающийся Шверник и столь же незапоминающийся, но подмененный в люльке лживой легендой Ворошилов; цепной пес Мехлис, мертвенный кадровик Маленков и грубый, шумный Хрущев; мясник Каганович и «всесоюзный староста» «Калиныч» из папье-маше; и прочая, и прочая, — все они абсолютно похожи в одном, все органически, вызывающе, жутко неинтеллигентны, не в ладах с русским языком, все они специфически пригодны только для того, чтобы руководить, и притом только в этом сталинском люмпен-государстве».¹¹⁷ Типичный представитель этой группы — персонаж романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» Дементий Трифонович Гетманов, — человек, облеченный доверием партии. «Доверие партии!» — Гетманов знал великое значение этих слов. Партия доверяла ему! Весь его жизненный труд, где не

¹¹⁷ *Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 47.*

150

было ни великих книг, ни знаменитых открытий, ни выигрышных сражений, был трудом огромным, упорным, целеустремленным, особым, всегда напряженным, бессонным. Главный и высший смысл этого труда состоял в том, что возникал он по требованию партии и во имя интересов партии. Главная и высшая награда за этот труд состояла лишь в одном — в доверии партии.

Духом партийности, интересами партии должны были проникаться его решения в любых обстоятельствах, — шла ли речь о судьбе ребенка, которого определяют в детдом, о реорганизации кафедры биологии в университете, о выселении из помещения, принадлежащего библиотеке, артели, производящей пластмассовые изделия. Духом партийности должно быть проникнуто отношение руководителя к делу, к книге, к картине, и поэтому, как ни трудно это, он должен, не колеблясь, отказаться от привычного дела, от любимой книги, если интересы партии приходят в противоречие с его личными симпатиями. Но Гетманов знал: существовала более высокая степень партийности: ее суть была в том, что человек вообще не имеет ни склонностей, ни симпатий, могущих вступить в

противоречие с духом партийности, — все близкое и дорогое для партийного руководителя потому и близко ему, потому только и дорого ему, что оно выражает дух партийности».¹¹⁸

гетманов... гетмановы... Гроссман показывает этих людей, как будто таких искренних в служении идее, но людей двойного сознания. Самым удивительным, — можно обобщить рассуждения автора, — было то, что они, казалось, оставались самими собой и когда требовали плана с секретарей райкомов и срезали последние граммы с колхозных трудодней, и когда занижали зарплату рабочим, и когда требовали снижения себестоимости, и когда повышали розничные цены, и когда, растроганные, говорили с женщинами в сельсовете, вздыхая об их нелегкой жизни, сокрушались по поводу тесноты в рабочих

¹¹⁸ Гроссман В. *Жизнь и судьба*. М., 1990. С. 77-78.

151

общежитиях. Базис точно подмеченной Гроссманом их двойственности — когнитивный примитивизм (одномерная модель мира в партийно-классовом свете), который являл сплав отчасти сакрализации предначертаний самодержца, отчасти инстинктов самосохранения сведущих лиц, представлявших всю беспощадность действия тоталитарной машины, и который (примитивизм), прибегая к парафразу мысли В. Ланщикова, заставлял лицемерить, спекулировать на покорности и доверии трудящихся не столько к людям линии, сколько к Линии, верность которой они (номенклатурщики) как бы собой воплощали.

Довольные жизнью, имеющие доступ ко всем благам от заезжавшего через окно на коне в загородный дом Ворошилова до бросавшего жене в лицо апельсиновые корки и окурки и пускавшего в лицо сыну Васе табачный дым подгулявшего Сталина, за редким исключением оставались они слабыми, мелкими, малоспособными, дешевыми, полуобразованными, бесцветными, грубо идеологичными совчиновниками, склонными к тривиальному бытовому хамству.

Группа Б. Типичная серократия (Баткин) — «чиновники вчерашнего и сегодняшнего дня», «дельцы и пошляки», «не знать и не простонародье; не звери, не комы земли, не обрывки тумана, не осколки планет, не демоны и не ангелы»,¹¹⁹ по выражению Гоголя, «метущие свой кусочек улицы». Люди, во имя социальной роли утратившие яркость, личностность, оригинальность. Тургеневский Гамлет Щигровского уезда не мог избавиться от душевной муки, идущей от понимания того, что он — не оригинальный человек. Не то представители новой молчалинской страты — раритеты советской генерации управленцев — всякого рода назначенцы и выдвигенцы.

Безликие, местечковые угрюм-бурчевы, некомпетентные ни в чем, но мобилизованные и призванные партией, обретавшие вдруг компетенцию во всем, ломатели дров,

¹¹⁹ Блок А. *Искусство и революция*. М., 1979. С. 351.

152

головотяпы, они были абсолютно свободны от комплексов, не испытывали неудобств от собственной внутренней ущербности. Поднятые на свет божий политической трескотней, эффектами «барабанного боя», всю свою отданную служению делу партии

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

жизнь они употребляли на ведение до мозга костей фискального курса «Даешь!» Склонные к коридорным играм, нашептываниям, подсиживаниям, возне по добыче наград, выбиванию привилегий представители этой группы — плоть и кровь аппарат-чины.

Тревогу относительно засилья последней один из первых (хотя не бескорыстно) забил Троцкий, 8 октября 1923 г. обнародовавший опасения в нашумевшем письме ЦК. Аналогичную озабоченность выразили и 46 большевиков (среди них — Пятаков, Преображенский, Косиор, Осинский) в коллективном обращении в высший партийный орган, где отмечалась порочность административно-командных орграспределительных методов деятельности, когда люди на места (без выборов) подбирались и назначались центром, а затем в свою очередь избирали центр. Что случилось с ними, как со всеми, кто позволял сметь свое суждение иметь, мы знаем.

Неумолимый молох кулуарного назначенства, «жестко огосударствленный, устрашающе массовый и безличный, полностью идеологизированный и квазиполитизированный, разворачивающийся в условиях нарастающего тоталитаризма, коллективизации, террора»,¹²⁰ продолжал тем не менее делать свое дело. Сотни тысяч «спецов» были выброшены из армии, госаппарата, промышленности, тонкий слой профессиональных революционеров был рассеян и уничтожен. Ставшая экс-массовой партия засосала в себя выдвиненцев, которые «вверх вызывались, кое-как подучивались, сортировались, истреблялись, набирались по новому призыву, обрабатывались, устрашались, натаскивались на лозунги и установки, обучались слепому по-

¹²⁰ *Осмыслить культ Сталина. С. 48.*

153

слушанию и вере, исполнительности и самоуверенности, и готовности к расправе», — так формировались миллионные ряды сталинской команды.¹²¹

Доля образованных, интеллигентных лиц в ней катастрофически редела. На XIV съезде ВКП(б) делегатов с высшим образованием насчитывалось 5,1%. Удельный вес большевиков с дореволюционным стажем к 1928 г. составлял 1%.

Малограмотные люди одобряли малограмотные действия. Произошло то, от чего предостерегал Плеханов: центр партии съел партию. Без свободных выборов, без неограниченной свободы печати и собраний, без свободной борьбы мнений, — указывала Р.Люксембург, — жизнь отмирает во всех общественных учреждениях, становится подобием жизни, при котором действующий элемент лишь бюрократия.

Так и случилось. Аппаратные зубры и волки — сангвиники, жизнелюбы, лукавцы, а также истеричные злобные фанатики, тупые исполнители и тьма-тьмущая человеческой дряни всех сортов, перенесшие на Вождя свою преданность партии, обрубили в себе и во всех все, кроме пользы Общего Дела; не профессионалы, не политики, не работники, не интеллигенты, а «кадры», — эти-то люди должны были и в действительности «решали все».

Группа В. Слой среднемерных прихвостней, держиморд режима, ревнительных малютскуратовых, давителей всех и вся. Духовные и

физические каратели, вертухаи, откровенные садисты, нравственные выродки, перерожденцы, забывшие, что произошли от людей, рабы, в своем заплечномодельстве упивающиеся рабством, мясники, психологические уроды, те, кто воочию — весомо, грубо, зримо демонстрировал, «сколько весит наше государство», — всякие там Мироновы, хвататы и иже с ними, точно губки впитавшие весь ужас, смрад, боль сталинской эпохи.

Существование данных псов предопределяется логикой общественных отношений тоталитаризма главным обра-

¹²¹ *Осмыслить культ Сталина. С. 48.*

154

зом тем, что аппарат здесь не управляет, а властвует, и что социальная техника здесь рассчитана на «возможность чудес» — выполнение (теперь-то мы знаем какое!) тех же пятилеток в 2 или 3 года (к чему тогда Госплан?!.) и т.д. Поскольку жизнь, избегающая чудес, в маниловские прожекты аппаратчиков не укладывается, надо что-то делать — успокаивать народ, объяснять ему, что да как, искать виноватых. Тут-то и требуются услуги натасканных в зубодробительстве шестерок, вершащих суд несправедливый, набрасывающих на массы узду покорности и страха.

Представители группы, таким образом, — опричники тоталитаризма, чьими кровавыми руками непосредственно отправляется культ не знающей ни юридических, ни этических барьеров репрессивной центральной власти. В социологическом отношении они играют роль своеобразного социального буфера, разделяя слуг народа и народ и делая абсолютно недостижимыми, закрытыми. Первых для второго и полностью достижимым, открытым второй: для первых.

Группа Г. Говоря о данном общественном слое, правильно подчеркнуть некую двойственность социально-психологического измерения обсуждаемого предмета. С одной стороны, — рекордизм, первопроходчество, воодушевляемый, мотивированный порыв («мы рождены, чтоб сказку сделать былью!»), езда в светлое неизвестное, атмосфера подъема, заморозки, которая, по словам Л.Я.Гинзбург, позволяла жить, повышала тонус, была подлинной, искренней — у массового человека и у самых изощренных интеллектуалов.¹²²

Что питало энергетику активизма тех дней? Как представляется, — чувство сопричастия грандиозной социальной утопии, невиданной дотоле попытке при опоре на силу, натиск, действие, самоутверждение перековать мир на началах свободы, равенства, справедливости. Магия преобразования — подлинный контекст жизни того

¹²² *См.: Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. Л., 1987. С.*

318.

155

времени. Человек видел в себе титана, которому — все по плечу. И многочисленные техницистские, космистские утопии обсуждаемого периода — достоверное, точное тому свидетельство. Не песни, не религия, не музыка — а «шеренги и толпы станков, подземные клокаты огневой печи, подъемы и спуски нагруженных кранов, дыханье прикованных крепких цилиндров, рокоты газовых взрывов и мощь молчаливой прессы» (А. Гастев), — вот ценности и

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

ордена, поднимаемые на щит действующей тогда идеологии.

С другой стороны, — репрессии, манекенщина, ритуальность, пропагандистская обработка, лакировка, насаждение грез, снов, мифов, оболванивание, запугивание, нажимные, надрывные механизмы поддержания «народного порыва».

Так что на вопрос: сколько было энтузиастов, т.е. за вычетом: 1) процента участников индустриальных сталинских строек, всех «Магниток», дорог, рудников и пр., составленных из заключенных Гулага; 2) раскулаченных; 3) бежавших в бараки, на «стройки социализма», спасаясь от деревенского голода; 4) оставшихся на селе работать за «галочки», а затем просто не могущих бежать за отсутствием паспорта, — за вычетом всех этих на поставленный вопрос, сколько из них («энтузиастов») было людей искренних, по убеждениям готовых строить и «за ценой не стоять», на этот вопрос дать ответ мы не решаемся.

Героизм. Использование понятий, подобных данному, естественно, требует сугубой ответственности. Поэтому для упреждения недоразумений уточним: понятие «героизм» употребляется нами не как оценочное, а как типологическое, — оно обозначает специфический стиль, характер поведения членов общества.

Герой — человек, способный преодолевать конечность, ограниченность за счет предельной мобилизации собственных ресурсов в решении неординарных, в полном смысле слова непосильных задач. Быть суперменом и одновременно героем нельзя. Герой — человек рядовой, однако, действующий за гранью возможного.

156

Некогда в порыве отчаяния Чернышевский утверждал: в России — сверху донизу — все рабы. В подобной универсальной редакции эту мысль как адекватную, разумеется, принять невозможно. Верно: в России рабов много, но отнюдь не все — рабы, о чем мы узнаем, в том числе, и сегодня.

Вахтаналия насилия, прибегая к слогу Солженицына, канализация лагерного социализма, заглывающая и переламывающая «простых советских людей», и та не разлилась по стране сплошным безнадежным половодьем рабства. В безбрежных потоках надломленных попадались ручьи, ручейки, ручеечки, капельки несгибаемых, кто не жертвовал самостью, находил внутреннюю способность противостоять жесткой и жестокой агрессивной тоталитарности. Сохраняя достоинство, честь, свободу совести, несгибаемые становились оплотом оппозиционерства — неравной, заведомо обреченной, а потому в высшей степени героической борьбы с властью.

Тоталитарное общество гомогенно лишь на поверхности. В чреве же его — бурление. И у сталинизма были противники. В политике — участники и представители «антипартийных» блоков, делегаты XVII съезда ВКП(б), голосовавшие против «гения всех времен и народов», Раскольников, Рютин...; в литературе — Платонов, Зощенко, Булгаков, Мандельштам...; в науке — Вавилов, Рапопорт...; в армии — Тухачевский, Гамарник, Рычагов...; в молодежной среде — деятели воронежской организации...; позже —

диссиденты, правозащитники, катализирующие «выдавливание из каждого из нас раба» (Сахаров, Григоренко, Галич, Габай...). За что ратовали анти тоталитарии? В политике за избавление от двух напастей. Внизу — от власти тьмы, вверху — от тьмы власти. Для оптимального движения, как известно, нужны парус и руль. У нас был, а во многом и остается один руль — сплошное (и малокомпетентное) руководство. Культ власти, парализовавший животворные процессы самоорганизации общества, повлек у нас:

— внизу — распад производительного, продуктивного потенциала, о чем свидетельствует отсут-

157

ствии заинтересованности в труде (последняя выполненная пятилетка — восьмая); — вверху — вседозволенность, бюрократизацию, сословность, иерархизацию: как и предвидел Бакунин, бесконтрольное правящее меньшинство представляет не народ, а себя и свои притязания на управление народом, малопомалу оно превращает его в «управляемое стадо».¹²³ (Уже в 1939 г. Троцкий отмечал, что в СССР верхушка, составляющая 11—12% населения, получает около 50% национального дохода. В США же высшие слои, насчитывая 10% населения, получают приблизительно 30% национального дохода.) В экономике — за многообразие форм собственности, внедрение олигополистически-конкурентных начал, отмену эгалитаризма, милитаризации трудовых отношений, развитие системных признаков товарного производства — рынка, торговли средствами производства, ориентации на прибыль, свободу ценообразования. Хозяйственным оплотом тоталитаризма была и остается государственная монополия в производстве. Осознавший это горячий поборник последней Троцкий вынужден был изменить взгляды. Он признавал: «В стране, где единственным работодателем является государство, оппозиция означает медленную голодную смерть. Старый принцип — кто не работает, тот не ест, — заменяется новым: кто не повинуется, тот не ест». Отсюда, если залог человечности — демократизм, если залог демократизма — свобода, то залог свободы — экономическая независимость.

В науке — за интеллектуальную свободу. Гносеологический стержень интеллектуальных занятий — начало достаточного основания, следование которому позволяет с

¹²³ Бакунин М. А. *Избр. Соч. М., 1919-1920. Т.1. С. 294.*

158

должным правом утверждать о том, что есть, — что оно есть, а о том, чего нет, — что его нет. Идеологический каток тоталитаризма разрушает механизм действия этого начала. Закон достаточного (разумного) основания подменяется законом конъюнктурного основания, дезавуирующим любые не укладывающиеся в прокрустово ложе партийных идеологем продукты науки.

В третьем рейхе воевали со специальной теорией относительности, усматривая в ней «семитское подрывание основ христианской и нордической физики». У нас также воевали с этой теорией, объявляя ее «не согласующейся с диалектическим материализмом». Вообще тоталитаризму свойствен

антифундаментализм, выражающийся в узколобой прагматичности, недоверии к «чистым» исследованиям. Разрыв с тоталитаризмом по
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

этой причине определяется признанием самооценности, надыдеологичности истины, смирением перед объективностью, готовностью на отречение во имя ее.

В идеологии — за веротерпимость, политический плюрализм, легитимизацию оппозиции. Чтобы лишить большинство независимого мышления, достаточно заставить молчать творческое меньшинство. Последнее составляет задачу специальных декретов, указов, законов, подзаконных актов, придающих государственный статус определенным видам взглядов. В гитлеровской Германии, скажем, был издан закон о единой для всех идеологии — «Gleichschaltungsgesetz», нормирующий мировоззрение (ср. с гипертрофированной ролью марксистско-ленинской идеологии в нашей жизни). Отсюда — казарменность частной духовной жизни.

Недалеко ушла от нее и духовная жизнь общественная. Причина ее инферальности — отсутствие оппозиции, которая, исключая лояльность в качестве высшей социальной ценности, играет роль гаранта необратимости нововведений. Просматриваемая при тоталитаризме непоследовательность реформаторства, нейтрализуемость политических модернизаций в любых аспектах — в неограниченности действий контрреформаторов, не связыва-

159

емых в своих антигражданских инициативах какой-либо официальной критикой. Поэтому историческая обратимость, зыбкость, шаткость, недолговечность реформ — шиболеты тоталитарной социальности, которая нетерпима ко всяким видам направленной, необратимой, т. е. прогрессивной изменчивости.

В области прав человека — за становление правового государства, верховенство формальных прав, гарантии фактического равенства граждан перед законом. В тоталитарных социумах популярно противопоставление правового государства справедливому государству. В первом, как утверждалось, проводится принцип отсутствия юридических привилегий, во втором практикуется «неформальный» подход к субъектам права в зависимости от обстоятельств (учет которых — компетенция власти). Согласно классическому разъяснению А. Дайси, правозаконность означает прежде всего абсолютное главенство, или верховный авторитет официально действующего законодательства, а не произвольных распоряжений властей, и исключает не только произвол со стороны правительства или предоставление ему каких-либо исключительных прав, но даже наделение его широкими дискреционными полномочиями.

Осуществляемое при тоталитаризме ущемление верховенства формального права (можно ли осудить представителя номенклатуры? и как это сделать?) влечет деспотию. Человек свободен, когда повинется не людям, а закону. Этот принцип вслед за Вольтером (и позже Кантом) проводили и воспроизводили все, кому дороги судьбы Свободы и Закона, но, конечно, не тоталитаристы, которые, отмечая превентивные «правила игры», по сей день настаивают на предоставлении властям чрезвычайных прав действия «по существу ситуации».

«Именно в культуре, — говорил Брауэр, — заключается победа. Неизвестно, что может восторжествовать... трусливый расчет или

героизм».¹²⁴ Культура — категория над-

¹²⁴ *Brouwer L. E. Leven, Kunst et Mystik. Delft. S. 22-23.*

160

временная, эпохальная. В соответствии с универсальным законом развития человеческого духа — законом восхождения от абстрактного к конкретному — культура в любом случае побеждает. Побеждает в итоге, в перспективе, в тенденции, в принципе. На локальных же ее интервалах, рубежах промежуточных — чередующееся торжествование то трусливого расчета, то героизма. Резюмируя мысли на тему последнего, подчеркнем: бытие героев — не созвучно времени, оно стоит как бы над ним, — обращено к лицам, но открыто народам, потому благоговение перед героями растет с расстоянием, наполняя уверенностью — пока есть герои, есть будущее, культурный поток не иссякнет.

Аутизм. «С недоумением спрашиваешь себя, — как бы предвидя значимость данной темы для нашего времени, еще в прошлом столетии предлагал задуматься Салтыков-Щедрин, — как могли жить люди, не имея ни в настоящем, ни в будущем иных воспоминаний и перспектив, кроме мучительного бесправия, бесконечных терзаний, поруганного и ниоткуда не защищенного существования? — и, к удивлению, отмечаешь, однако же жили!»

Жили... Но как? Каноном бытия огромного молчаливого большинства населения — не апологетов и не героев, — которое составляли команды Гулага, репрессированные, ссыльные, безвинно осужденные и многие, прямо не пострадавшие но ущемленные, придавленные обстоятельствами, в себя ушедшие социальные аутсайдеры, не пустые и не бессодержательные, а не желающие или не могущие разделить и принять навешиваемые агрессивной действительностью, умозрениями сталинского идеологического фидеизма принципы жизни, — каноном бытия этих людей — участников и соучастников событий поневоле — была заштатная философия нарочитого ухода от широких контактов с обществом, философия пигмеев, не одержимых комплексом Герострата: «не высывайся». Да и как иначе, — «объективно жизнь в тоталитарном обществе тяжела и опасна. Человека пугают внешними и внутренними врагами, ему действительно угрожает голод и внезапный арест.

161

У него нет дома, имущество его сведено к минимуму, его связи с миром от него не зависят, и ничто в его жизни не гарантировано от вмешательства государства».¹²³

Представителями Франкфуртской школы введено понятие «авторитарная личность» с такими чертами ментальности, как преклонение перед властью, отсутствие сомнений в ее правоте, пресмыкание перед вышестоящими, жестокость и подавление нижестоящих и т. п. Обсуждаемый типаж в отличие от указанного правильно квалифицировать как «апатично-инертную личность», безусловно не приемлющую заложенную в тоталитаризме специфическую плату за «безопасность и прогресс», которая обобщенно выражается «нарушением прав человека», но не имеющую внутренних резервов заявить свой протест.

Разумеется, уважать этих людей не за что. Однако и презирать их
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

невозможно. Исключительный человек идет на борьбу — человек-подвижник, чувствующий в себе достаточный запас мужества, воли, интеллекта. Требовать же ото всех подвижничества нельзя просто потому, что большинство, пребывающее в нормальной самоочевидной рутинности (эти понятия не несут оценочного отношения) повседневной жизни, на это не способно. Уже не говоря о том, что атмосфера страха, различных видов насилия, несвободы, дезинформации, шантажа, обмана сама по себе исключала стратегию тираноборчества, утверждения идеи человеческого достоинства в массовом масштабе.

Все жили — и я жил. Все принимали — и я не выступал против. Все возносили — и я не был исключением. Проглядывающая в этой экзистенциальной линии ритуальность, мимикрия, суть не что иное, как защитная реакция индивида на всеисильные обстоятельства.

Власть, опирающаяся на силовую иерархию, наследственна, а с наследственной властью, как правило, воевать бесполезно. Верить же, подобно шукшинскому попу, в авиацию, механизацию и прочие плоды просвещения и

¹²⁵ *Осмыслить культ Сталина. С. 342—343.*

162

научно-технического прогресса у многих не хватало глупости. За то, что здесь происходит, ответствен не я. Так мог сказать и в действительности говорил себе каждый, неохотник входить в клетку с хищником, чья душа была соткана из смыслов 1937 г.

Представитель истины, герой не имеет права на бездействие. Но не таковы были эти люди, которые не хотели жить и не могли умереть, а потому ждали. Ждали финала тоталитарного трагикомического квипрокво: не все для людей, а люди для всего.

Гуманизм. Обеспечение всесторонних предпосылок для свободного саморазвития человека, когда воздействие внешнего мира стимулирует у индивида положительное проявление его задатков, склонностей. Во всем этом — фактическое соблюдение практического человеколюбия, конституирующего:

- признание личности наивысшей ценностью;
- признание высшей целью социальной деятельности неуклонное повышение качества жизни, движение ко все более полному удовлетворению многообразия потребностей, создание оптимальных условий для гармоничной самореализации индивида;
- признание каждого не средством, а целью общественной практики, полномочным субъектом коллективных действий;
- внутреннее единство основных интенций членов общества от равноправия народов до международного сотрудничества на базе взаимотерпимости, невмешательства во внутренние дела;
- уважение к достоинству граждан, их правам;
- гарантии экзистенциальной свободы, социального участия;
- инициацию самовозвышения.

Вводя мощный духоподъемный идеал, корректируя вершение истории в соответствии с требованиями достойной жизни, гуманизм акцентирует «автономное воление», «не-

163

зависимое целеполагание», «продуктивное усилие». Нет нужды сгущать краски, квалифицируя данную экзистенциальную стратегию как нереалистичную. Инициативное родовое движение

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

во времени, переход от худшего к лучшему, которое задним числом для человечества является прогрессом, «не имеет того же значения для индивидуума».¹²⁶ Верно. Но представляя амбивалентность прогресса, гуманизм не строит идиллий раскрепощенно-свободных состояний человечности. То, что он делает, можно понять как заинтересованное беспокойство о человеке ранее, нежели появляются для того поводы.

«Ничто не строится на камне, все на песке. Но долг человеческий строить, как если бы камнем был песок», — говорит Борхес. Полагая онтологию жизни «от первого лица», усматривая в человеке не «звериную морду», а «чудо свободы», где происходит встреча лица с богом, гуманизм видит смысл мироздания в исполнении сапиенсом назначения быть Человеком.

С вековой дистанции очевидно: интенции на человеческую свободу, индивидуальную самобытность, личностную самодостойность обуславливают единственно глубокое жизнеутвердительное кредо. В сообществе людей нет места отношению к «другому» как вещи. «Быть для себя во имя всех» — составляет непреходящий канон респектабельного существования. Тем более в ситуации нашего кризисного века, когда всегда имевший дело с сущим человек неожиданно оказался один на один с самим собой.

5.5 Социальные институты

Социальный институт — понятие двухаспектное. Первый аспект: ценностно-нормативная структура общества; здесь рассуждают об устоявшемся комплексе ценностей (принципы, нормы, установки, установления), структурирующих и конституирующих многообразные сферы чело-

¹²⁶ Кант И. *Трактаты и письма*. М., 1980. С. 50.

164

веческой деятельности с позиций ролей, статусов. Второй аспект: общественные системы; здесь обсуждают проблематику вполне конкретных социальных общностей (модусы, слои, организации, группы). Оба аспекта понятия, конечно, связаны: ценности институционально воплощены (объективизованы, экстернализованы); институты ценностно организованы (законосообразны, интерпализованы через мотивационно-волевой пласт их представителей). Естественной предпосылкой социальных институтов выступает интеграция, на основе стандартов, регулятивов (нормативный порядок социума) связывающая разнородные общественные части в единое целое (социальные системы). Нормативный порядок и социальные системы, — подразумевая множество насильственных и ненасильственных средств, методов, задающих ролевую, поведенческую, достиженческую определенность межсубъективного взаимодействия, общения, ответственных за целенаправленное влияние на индивидов, обеспечение характера отношений между социальными силами, сбалансирование человеческой природы, высвобождение энергии масс, вмешательство в порядок вещей, преобразование тока событий, представление полномочий, воплощение решений, — одно и другое связывается действием

власти.

5.5.1 Власть

В отличие от примитивного животногообразного водительства, верховенства, привычки, спонтанных позывов первенствовать, власть — одобренная цивилизностью, облагороженная способность, порожденная внутренней организованностью, иерархизованностью человеческих самопроявлений, которые реализуются в контексте заданных на них отношений побуждения и принуждения, управления и контроля, подчинения и соподчинения, координации и субординации, зависимости, взаимозависимости и полной и частичной независимости, т.е. всего того, в границах, при явном и скрытом, однако активном участии чего разворачивается обмен деятельностью, обработка людьми друг друга.

165

Структурный разрез предмета поставляет полифундаментальную картину со множеством измерений власти.

Социальный аспект: власть есть силовое отношение, выражающее доминирование — «не для того принимают участие в правлении, чтобы приобрести власть, но принимают участие в правлении потому, что чувствуют себя для того достаточно сильными» (Кнудсен). Необходимость фактора силы вытекает из общей логики отправления властных функций как функций социальных. Поскольку власть величина сочетательная — можно властвовать над другими и нельзя над собой (собой можно владеть), — власть означает способность проявлять свободу действий согласно своим целям и своей воле, что в отношении вторых лиц создает определенную систему ущемлений. Распространяя персональную модель мира на окружающих, вовлекая их (с их автономной чувственностью, сознанием, действием) в кильватерный строй своего самополагания, тем самым подрывая суверенитет себе подобных, мы властвуем.

Психологический аспект: власть есть отношение лидерства. Устанавливается в межличностном взаимодействии, где обособливается ведущая и ведомая сторона. Первая — субъект, господин, вторая — объект, раб власти. Неравнозначный союз между ними крепится на суггестии в обилии форм персональной и социальной «алхимии» от обмана, лавирования, демагогии до вымогательства и шантажа; от воздействия авторитетом, угрозы силой до откровенного подавления. Сопряженность власти с насилием подготавливает почву для прямого уподобления власти пороку: в необозримости своих ветвлений порок — альфа и омега власти; традиционные и не так уж несправедливые коннотации: власть — кровь, политика — запачканные грязью руки. Откладывая обсуждение этой темы, подчеркнем: как бы там ни было, тактика властвования требует соответствующего личного антуража, подразумевая обострение чувства само- и честолюбия, склонности повелевать и т. п.

Гносеологический аспект: власть есть целенаправленный способ утилизации знания. Подводная масса айсбер-

166

га, подспудье власти — голый инстинкт, подсознательные

интенции самодавления. Они редко исчерпывающи, но, как правило, весьма сильны. Сильны укорененным в нас природно врожденным влечением, соблазном вершить судьбы мира, господствовать, возвышаться, преобладать, стяжать право «распять или отпустить», невзирая на желание и возможность окружающих донять и принять нас, воспоследовать нам. Надводная вершина айсберга, лицо власти — твердое знание и твердая же воля. По своей природе власть — сущность двусоставная. В плоскости «знание» актуализируется сознательный расчет действий и их последствий в заданных обстоятельствах, учреждается рациональность. В плоскости «воля» оформляется жесткая подчиненность действий целям, складываются целеустремленность, настойчивость. Знание и воля — равнообязательны, равноприсущи власти. Без знания власть дика — необузданна, импульсивна; без воли она отрешенна — мягкотела, недееспособна. Знание наделяет власть осмотрительностью, предсказуемостью; воля сообщает ей пафос активизма. Нарушение оптимума знания и воли во власти при всех обстоятельствах чревато дисфункциями, крайними выражениями которых оказываются волонтаризм и дереализованность, рахитичность и умозрительность.

Организационный аспект: власть есть негэнтропийный ресурс, воплощающийся в наращивании порядка, уровня организации. Синергетический эффект власти (в идеале) связан с квалификацией и адекватным чувством жизни властедержателей, повышающими их созидательные возможности. Однако дело вовсе не ограничивается компетентными усилиями *ex officio*. Нюанс заключается в том, что устанавливаемый властью порядок обеспечивает простор деятельности преимущественно репродуктивной, несомненно сковывая творчество личностей и масс. В результате новаторская инициатива, *eo ipso* властью не утвержденная, ищет обходные пути, рождаясь вне исходной организации и установленного порядка. Последнее подрывает наличную власть, заставляя модифицировать ее формы.

167

Политический аспект: власть есть способ осуществления влияния, подчинения, принуждения, побуждения в соответствии с фактическим балансом сил. «Непосредственная обязанность профессиональных «мыслителей», — указывает Вебер, — состоит... в том, чтобы сохранять трезвость перед лицом господствующих идеалов, какими бы величественными они ни казались, сохранять способность «плыть против течения», если в этом окажется необходимость».¹²⁷ Ничего подобного не может позволить себе профессиональный властитель, погруженный в конъюнктуру, которая подрывает принципиальность его решений и действий, подтачивает гарантии предсказуемости в отношении превышения полномочий. Отсутствие четких ориентиров, ручательств перед собой и подвластными, неотвратимость произвольных или насильственных действий в практике власти придают своеобразный динократический колорит властной сфере как области социально и персонально значимых реализаций. Воистину страшно то, что существуют обширные жизненные пространства, где нет ничего страшного.

ГЕНЕЗИС ВЛАСТИ. Подлинные корни власти — в объективном ходе Социогенеза, где посредством обрядов, обычаев, традиций, законов, иных внешних рычагов практической организации целесообразной человеческой общежительности мало-помалу кристаллизуется и закрепляется специализированный механизм регуляции индивидов. С этой точки зрения власть упрочивается как инструктивная канва межиндивидной кооперации, возникающая вследствие натуральной необходимости упорядочения, структурирования дифференцированной групповой деятельности. Отслеживание последовательности звеньев, влекущих оформление важнейших слагаемых властного антуража общественного существования в виде гаммы отношений, действий, реакций *rag* *procuration*, квалифицируемых в терминах должностного, регулируемого, санкционируемого, направляемого, дает такую картину.

¹²⁷ Вебер М. *Избранные произведения.* М., 1990, С. 600.

168

Набор реквизитов власти (бюрократическая иерархия) устанавливается в коллективе вследствие высокой социализированности его членов, логики и архитектоники совместного производства жизни. В истоках власти — объективная неоднородность положения людей в социуме, расчлененность их ролевых функций. При тотальном равенстве (фикция) власти нет; власть произрастает из объективных различий. В романтическую эпоху контрактивизма (модель общественного договора) муссировалась идея подчиненности власти праву: на базе права вырастают властные (государственные) институты. Правовой генезис власти отстаивали Гоббс, Локк, Спиноза, Руссо, Кант. Иную линию рассуждений прорабатывали Гегель и Джен-тиле, привязывавшие властно-политический фактор к морально-нравственному. Мы не вполне понимаем аргументы указанных мыслителей и не разделяем их в той мере, в какой понимаем.

На наш взгляд, право, власть, мораль — косубстанциальны, что означает их невыводимость друг из друга: нет ни логической, ни хронологической приоритетности одного явления перед другим; они рядоположны, однопорядковы, вырастают из единого естественного ствола, каким выступает стихия человеческого общения. С позиций саморегуляции и самоорганизации этой стихии одинаково важны и морально-этические механизмы воздействия на индивида, затрагивающие совесть; и правовые рычаги, апеллирующие к множеству общеобязательных правил поведения, инспирируемых вначале преданием, а затем государством; и властные инструменты, обусловленные динамикой взаимодействия субъектов в обществе, его горизонтальной и вертикальной структурированностью. Поскольку без этих комплексов, вместе взятых, возможность нормальной, не говоря уже оптимальной, межиндивидной коммуникации представить нельзя, способы внутренней (мораль), внешней (право) корректировки деятельности наряду с ее дисциплинарным упорядочением (власть) обязательны, неустранимы. Отсюда фундирование каких-то компонентов обозначенной тройки самими собой не-

169

состоятельно, некритично. Нет общества без морали, права,
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

власти; в противном случае нет общества.

Происхождение социальности, а вместе и наряду с ней аксессуаров власти, регуляризации жизни нельзя выводить из подавления природной агрессивности, зоологизма человека. Такая линия, противореча прямым наблюдениям, не соответствует фактам, не отличается логическим совершенством, в концептуальном отношении не продвигает в понимании становления ни общества, ни ценностей.

Возникновение социальности и координированных с ней властных, правовых, этических, а впоследствии морально-ценностных структур правильно связывать с упорядочением взаимодействия особей в первичных формах первобытного человеческого стада во всех ипостасях проявления коллективной жизни от труда до совокупления.

На стадии ранних гоминид на ценностный строй жизни (власть, право, этика) в форме системы «этикетных» отношений влияет множество сугубо определенных природных факторов: лабильность положений членов групп ближайших предков человека, или древнейших людей, их (групп) численность, соотношение, подвижность полов, количество самцов, самок, интенсивность перехода особей из групп в группы и т. п. Они-то (отмеченные факторы), собственно, и образуют исходную канву архаичной организации, упорядочения жизни: та же функциональность деятельности, вынесение половых связей за рамки коллектива (начала экзогамии), прочная, длительная сцепка детей с матерью (начала матриликальности), табуация кровосмешательства, редкость спаривания представителей разных поколений и т. д. На этой базе уже складывается некая примитивная система норм, регулирующая интеракцию ранних гоминид и дающая начало функционально-социальным, ценностно-этическим связям. Дальнейшая логика их совершенствования подчиняется необходимости эффективизации всех типов совместной коммуникационной и производительной активности, умножающих число неинстинктивных реакций и благоприятствующих оформлению негенетического — этико-культурного вида наследования.

170

Возникший как отвлечение от конкретных бытовых процессов (всей реализующейся в жизни палитры самоутверждений и самопроявлений) властный, правовой, этический истеблишмент выполняет важнейшие цивилизационные и социализационные функции: завязанный на опробованные и легализованные адаптацией оптимальные, целесообразные программы действий, взаимонеущербные и взаимонеущемляющие, он несет в себе некий гуманитарный пафос, обязывая усваивать и присваивать досконально отработанный рациональный кодекс, уклад, устой жизни. Процесс социализации, таким образом, сопряжен с процессами империализации, юридизации, этизации; первый без последующих невозможен. В дальнейшем повышающие адаптационный потенциал человека правила внешней регуляции поведения (власть, право, этика) дополняются механизмом внутренней его регуляции — моралью.

Санкции права управляют деяниями личностей как социальных

людей, граждан. Морально-этические санкции управляют деяниями личностей как гражданских существ; регуляция в этом случае идет по линии нормативов, инспирированных не коллективной, а частной жизнью. Координированные с этими двумя видами санкций властные регулятивы синтетичны: они управляют деяниями личностей как индивидуальных общественных существ (социальных индивидов).

Связанное по генеалогии с правовым и морально-этическим сознанием властное сознание согласуется и с нормами права, и совестью, утонченным чувством «Я» Homo Humanus, имеющим обязательства и перед законом, и перед самим собой. Вообще говоря, неотвратимость санкций вызвана неизбежностью раскаяния приобщенного к культуре индивида. Но не в этом одно дело. Санкции обостряют гуманитарную рецепцию личности, поступающей добропорядочно не по корысти (ожидание воздаяния ли, покаяния и подобных им чувств), а по призванию — ввиду самоуважения, не позволяющего падать в собственных глазах и обязывающего поддерживать духов-

171

ное благородство, соблюдать самоидентичность, не раздваиваться, пребывать целостным и цельным, соответственным своему предназначению представителем высшей сферы мироздания.

ГРАДИЕНТЫ ВЛАСТИ. Возникая из ролевой неоднородности людей, власть сводится к системе преимуществ, представляющих дополнительные степени свободы и дающие право одним влиять на самоутверждение других. Операционализируют власть позитивные (стимулирующие добровольное подчинение) и негативные (осуществляющие принуждение) санкции, которые усиливают асимметрию субъекта и объекта власти. Вообще говоря, наличие подобной асимметрии — стандартное место в ситуации власти. Между тем обнаруживается нюанс, упускать из виду который недопустимо. Все упирается в предел полномочий властных функций, переступить который нежелательно, опасно: там, где баланс кардинальных целей и средств поддержания власти подрывается, власть вырождается.

Цель власти состоит в том, чтобы посредством прямого или косвенного воздействия на людей, их объединения или разъединения: а) противодействовать деструкции, кризису, упадку, нейтрализовать напряжения, конфликты; б) стремиться к максимуму стабильности общественного целого, способствовать его совершенствованию, упрочению, прогрессу. Средство власти — богатый арсенал тактики: от безобидных вольтфасов, патронажа до администрирования, устрашения, применения силы. Поскольку небезболезненные механизмы власти сосредоточиваются у отдельных лиц, реализующих основные цели власти в соответствии с законом ее укрепления, возможно противоречие между субъектом власти — властедержателями и ее объектом — народными массами. Развращаясь властью, субъект власти обнаруживает заинтересованность в наращивании и продлении господства, тогда как объект власти — народ, жаждущий увеличения свободы и благосостояния, стремится к независимости, достоинству, достатку.

Настает момент, когда массы перестают санкционировать власть; последняя утрачивает почву для своего

172

существования. Понимание зависимости силы власти от поддержки народа определяет необходимость балансировки оппозиции субъекта и объекта власти: искусство власти — в умении гибко и быстро реагировать на запросы масс, что, собственно, позволяет предотвращать политические катаклизмы. Взаимодействие власти и масс (в идеале) должно быть легальным и легитимным. Лишь в этом случае народ живет, а не прозябает, власть правит, а не насилует.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ВЛАСТИ. Три вещи способны подчинить себе все — насилие, хитрость, лицемерие. Предотвращению перерождения власти во всевластие и самовластие способствует учреждение продуманной системы контроля. От произвола власть удерживает не источник (скажем, большинство голосующих), а ограничения.

Поиск приемлемого регламента, слаженного, согласованного взаимодействия властей начинается с древности, где исподволь, постепенно кристаллизуются две значимых идеи: идея права как властного фактора благодаря поддержке права публичной властью и идея правовой государственной власти благодаря признанию публично-властной силой обязательных правовых норм. Именно эти идеи заложили фундамент конструкции совершенно организованной власти, обеспечивающей свободу личности в условиях правовой государственности. «Свобода людей, находящихся под властью правительства, — указывал Локк, — заключается в том, чтобы иметь постоянное правило для жизни, общее для каждого в этом обществе и установленное законодательной властью, созданной в нем; это — свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не может быть зависим от постоянной неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека».¹²⁸

Дополнительный момент в представлении о разделении властей привнес Монтескье, выступивший с концепцией взаимного сдерживания законодательной, исполни-

¹²⁸ Локк Дж. *Избранные философские произведения.* М., 1960. Т. II. С. 16-17.

173

тельной и судебной власти: «Для того, чтобы предупредить... злоупотребление властью, необходимо, как это вытекает из самой природы вещей, чтобы одна власть сдерживала другую... Когда законодательная и исполнительная власти объединяются в одном и том же органе... не может быть свободы... С другой стороны, не может быть свободы, если судебная власть не отделена от законодательной и исполнительной... И наступит конец всему, если одно и то же лицо или орган... станет осуществлять все три вида власти».¹²⁹

Смысл разделения властей в гарантиях от неправовых норм применения силы. Поскольку факт законотворчества сам по себе не влечет наличия или исполнения закона, порукой от произвола и беспартия является сила контроля суда и общественного мнения.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

ФОРМЫ ВЛАСТИ. Система власти глубоко эшелонирована, складывается из сети политических, экономических, военных, дипломатических, бюрократических, финансовых, правовых институций, придающих дисциплинарную организованность общественным связям и очерчивающих значимое пространство власти. В нем обособливаются центральные инстанции (административный аппарат), непосредственно подчиненные им структуры (управление среднего уровня) и предметы манипулирования — индивиды, малые группы, прочий «человеческий материал» — масса.

Если власть обладает безраздельной монополией социальных инициатив на выработку, принятие и реализацию решений, она приобретает вид жестко централизованной (интегральной) власти. Если же сферы приложения власти регламентированы (итог давления оппозиции, волнений демоса и тому подобного), радиусы ее действия обозначены (совершенство законодательства), локализованы (механизм сдержек и противовесов), власть отправляется в режиме дифференцированной (интеркурсивной) власти. Основанием такой типологизации, очевидно, является

¹²⁹ *Монтескье Ш. Л. О духе законов. Спб., 1900. С. 156.*

174

интенсивность властных потоков, степень силового влияния властных структур на элементы социума. Пограничными точками в диапазоне властного регулирования общественной жизни соответственно будут абсолютизм — гипертрофированная государственная (этатизм) или личная (авторитаризм) власть и анархия — универсальное отрицание консолидирующей ценности властного фактора. Поскольку и всевластие, и властный нигилизм — нетерпимые социально-политические аномалии, на значительных временных интервалах гражданской жизни воплощаются гораздо более умеренные формы.

Логика властной организации общества, включающая формы правления, типы политических режимов, виды государственного устройства, в целом векторизована. На масштабных промежутках истории отчетливо направлено движение от безграничной к ограниченной власти. Безграничная власть вбирает многочисленные модификации политико-государственного абсолютизма от моно- до полидержавности. Абсолютизм (самодержавно-тиранический строй) как разновидность апостольства в вопросах власти представляет самовластное всевластие, во многом бессмысленный политический произвол, в принципе свойствен добуржуазному состоянию, однако, в варианте диктаторских, деспотических, авторитарно-хунтистских, феодально-монархических, фундаменталистских, бонапартистских тираний реставрируется в современности. Характерные предпосылки абсолютизма — слияние законодательных и исполнительных структур, организующих и контролирующих инстанций, узурпация власти одним лицом (группой лиц), беспощадное и незаконное ущемление прав и свобод подвластных.

Абсолютизму противостоит опирающийся на либерализм и парламентаризм демократизм, который на деле реализует гражданскую самодостаточность и самодостоинство граждан

посредством повсеместно гарантируемого и соблюдаемого всеобщего равенства и ответственности.

ВЛАСТЬ И МОРАЛЬ. Налицо дилемма «мораль-власть», навеваемая сомнениями, совместима ли власть с нравствен-
175

ностью, возможно ли быть политиком с «чистыми руками». Перспектива снятия дилеммы, освобождения образа властителя от неблагоприятных и непреходящих криминальных коннотаций видится в следующем.

Верно, не все сферы общественно полезной занятости изначально моральны. Такова, к слову сказать, экономика, крепящаяся на трудносовместимой с моральностью меркантильности: не нравственные каноны, а деньги здесь — базис коммуникации. По аналогии с этим возникает искушение расценить и рабу молвы, расчета и страстей — политику, фундируемую конъюнктурностью, эффективностью, выгодностью.

При всем том, однако, спрашивается: грозит ли смещение акцентов деятельности с моральности к практицизму утверждением вседозволенности? Никакой пред-заложенности этого при вдумчивом рассмотрении не обнаруживается. Лишь на поверхности власть — имморальная игра без правил. Свой регулятивный, ценностный этос у власти есть (и Аттила ведь богам поклонялся): он обеспечен архизначимой логикой предсказуемого функционирования власти как облаченного колоссальной ответственностью за социальное благополучие компетентного института, опирающегося на высокие начала долга и гуманитарного величия. Отсюда убежденность: арпоп во власти дефицита морали нет; справедливость и власть не взаимоисключающи; властный реализм и морализм не противоположаемы.

Сказанное позволяет развеять некогда пользующиеся кредитом, но бесперспективные, догматические доктрины в философии политики, связанные с именами Макиавелли и Канта. Проводимая Макиавелли (Штирнером, Ницше) идея морального нигилизма в политике крайне отрешенная. Достаточно принять во внимание, что деятельность политических лидеров, предводителей отечества вся на виду: она прозрачна и строга, поддаваясь обозрению и управляясь своим неписанным кодексом чести, за соблюдением коего надзирают многочисленные правомочные инстанции — парламентские комитеты и комиссии,
176

располагающие мощными рычагами официального и неофициального воздействия (вплоть до импичмента).

Спекулятивна и искусственна и линия Канта, сталкивающего принципы государственно-политической и моральной сферы (важная для первой сферы свобода воли, инспирирующая правовой принцип, якобы аналитична, тогда как основоположения добродетели, вменяющие цели и не следующие из свободы воли, синтетичны). Откуда вытекает, что политико-государственная активность держится на разведении права (компетенция светских структур) и морали (компетенция церкви).

Сшибка политики с этикой утрачивает смысл при понимании того, что вершат судьбы мира не просто венценосные, а достойные люди. Человек, властвующий одновременно и моральный человек,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

погружен в стихию гуманитарности. Данное обстоятельство, отмеченное в древнем «Зеркале князей», послужило основанием демаркации между достойным властителем и ничтожным властолюбцем. Требование моральности в политике свято, но гибко. Стратегически оно нацеливает на радикальное исключение из активности неблагоприятных действий. Тактически же во избежание коллизий от соприкосновения абстрактных норм с конкретной реальностью (вспомним бесконечный и нерешимый спор ригористов с утилитаристами) оно ориентирует на принцип наименьшего зла: слепое следование моральному кодексу (платформа Канта) неразумно и нерационально; нарушение его допустимо, если допущение зла позволяет избежать большего зла (теории легитимного ущемления прав). Как видно, политическая этика распадается на два фрагмента: этику ответственности (понимание неоднозначности моральной регуляции деятельности при принятии судьбоносных решений) и этику убеждений (понимание необходимости исключения — в идеале — из политики неблагоприятных действий). И все же. Все же. Все же.

Как, спросим мы вслед за Оруэллом, человек утверждает свою власть над другим человеком? И ответим: заставляя его страдать. Иначе, если человек не страдает, как

177

можно удостовериться, что он выполняет вашу волю, а не свою собственную? Власть состоит в том, чтобы причинять боль и унижать; в том, чтобы разрывать сознание людей на куски и составлять снова в таком виде, в каком вам угодно. При действующих структурах власти противоядия этому не дано. Взывания к внутреннему чувству, гуманитарному величию правителей недостаточно. Гарантия от издержек власти — уничтожение власти.

ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ. Власть и собственность функционально разведены в управлении (дивергенцию этих начал констатирует «правило Лэйна»). Подчеркнем, что речь идет именно о функциональном разведении. На сущностном уровне «власть и собственность могут быть разделены на какое-то время, но разлучить их навсегда никогда не удастся, поскольку, поняв болезненность подобного разделения, собственность сразу же купит власть либо власть захватит собственность».¹³⁰

Как один, так и другой исход прекрасно моделируется на фактуре нашей истории. Достаточно взять смутные времена конца XVI — начала XVII вв. (первый вариант) и конца XX в. (второй вариант).

Власть и собственность совмещены в докапиталистических архаичных системах: власть как насилие, принуждение, подавление встроена в контекст производственных отношений, проявляется через формы внеэкономической зависимости. Рабовладельцы, феодалы единственно носители как власти, так и собственности; рабы, смерды как безвластны, так и неимущи. Начиная с капитализма власть и собственность расчлняются. Власть обретает черты института, аккумулирующего неэкономические связи; рынок систематизирует связи собственнические. На Западе человек политический возникает одновременно и наряду с человеком

экономическим. В России ничего похожего не наблюдается. Политика у нас исторически не оформилась, не закрепились, не выделилась в специализированную от-

¹³⁰ *Peterson M. Democracy, Liberty and Property // The State Constitutional Conventions of the 1820-s Indianapolis. 1966. P. 338.*

178

расль социальной занятости. Как в архаичном или традиционном обществе к политике у нас причастна каста элитной номенклатуры вначале сословной, наследуемой (государевой, великокняжеской, боярской, дворянской), затем партийно инициированной.

На фазе архаики при синкретизме собственности и власти кризис собственности (экономика) влек кризис власти — крах государственности, имперскости. Позже со стадии обособления власти (бюрократическое государство — машина побуждающая, вынуждающая, принуждающая) и собственности (регулируемая рынком динамики персонального и социального богатства) в эпоху капитализма экономические кризисы не вызывают кризисов государственных (не равнозначных — «правительственных»). Реалии западной капиталистической социальности от этого застрахованы. Не то в России.

Благотворного функционального двоецентриа власти и собственности у нас не сложилось. С Ивана IX власть стала единодержавной; в борьбе с боярской олигархией опричина осуществила регистрибуцию богатства с целью концентрации земельной собственности у двора, способствовала трансформации отечественной монархии в имущественную монархию; русский царь отныне — «первый» помещик. С Петра I власть стала имперской, универсальной, не разделяющей первенство ни с каким началом, ни с какой силой; вся знающая стяжающая монополию духовного вадительства церковь превратилась в одну из госконтор — коллегию. С Ленина власть стала всеполагающей: все относительно, кроме власти — территории, этносы, богатства, благосостояние. Власть преобразовалась в чистую форму, репрезентируемую функциями партии. Со Сталина власть стала тоталитарной — «чистая форма» обрела плоть национальной державности; хлесткий ярлык «враг народа» — ужасное клеймо, агрегирующее признаки государственности, национальности, партийности.

История России — история не разделения, а соединения, сращения власти с собственностью. На дореволюционной стадии персонификатором власти и собственности

179

был монарх, на послереволюционной стадии — государство, синкретизм двух капитальных начал влек: а) консервацию внеэкономического принуждения — от патриархальной общины до социалистического колхоза, вызывая порочный тандем взаимоусиливающих экономических и политических (властно-государственных), политических и экономических потрясений; б) импульсивно-авантюристический, волонтарно-импровизационный тип правления, сказывающийся в особенности (исключаемой реальностью Запада) обмена пространства на укрепление власти. Соответствующим (антинациональным) образом действовали: Ленин — развал империи ради начала коммунистического

эксперимента; Сталин — отказ от мировой революции, развал Интернационала ради продолжения коммунистического эксперимента в отдельно взятой стране; Горбачев — развал восточного блока (трофея Второй Мировой) ради совершенствования построенного социализма в одной стране; Ельцин — отказ от коммунистического эксперимента, развал СССР ради узурпации власти в Российской Федерации;¹³¹ в) возможность конвертации власти на собственность — самодостаточный слой «рыночно-демократических» нуворишей — прямой продукт номенклатурной приватизации общенародных богатств.

5.5.2 Государство

Как отмечалось в 5.3, «малая» и «большая» социальность в синкретическом первобытно-общезительном обособились, отчленились. «Малая» социальность аккумулировала опыт персональной коммуникации в естественном повседневном бытии. «Большая» социальность воплотила опыт нормосообразного (благочинного) поведения индивида-части, обретающего устойчивость через осознание принадлежности к фундаментальному общественному общецелому, «на людях». «Малая» социальность сосредоточила персонально-волевые, центробежные, тогда как «большая» со-

¹³¹ *Наблюдение Ю. Пивоварова и А. Фурсова.*

180

циальность — имперсонально-сознательные, центростремительные импульсы и реакции. «Малая» социальность стала эгоистической индивидоцентричной логикой персонального участия, действия; «большая» социальность — коллективистической логикой вовлечения — соучастия, взаимодействия.

Цивильное разделение этих двух логик на рубеже неолита на фоне набирающей силу производящей экономики, перемешивания племен, имущественного расслоения, усложнения символика-магических модусов духовности, перерастания примитивно-охотничьего колдовства в изощренную земледельческо-скотоводческую культовость, замены локальной групповой табуации универсальной регуляцией общественных связей через обычай, традицию, предание, — составило канву превращения догосударственного состояния социальности в предгосударственное.

Предгосударственность. Вызревание общественного из общинного и государственного из общественного с самого начала отличалось вариантносью, что исключает схему ортогенетичности социальной эволюции, предопределенности ее моментов, величин, стадий. В динамике социальности сугубо опытным образом обнаруживаются ярчайшие примеры тупикового, дегенеративного, локально значимого (местечкового) развития. Все это лишает какой-то весомости концепцию престабилизированности историко-государственного процесса. Не имея возможности идти по проторенному (кем?) пути, посредством проб и ошибок, на ощупь, с издержками, — таким способом человечество мостило себе дорогу в цивилизацию. Закономерное в мощении — выявляемое задним

числом воспроизводимое непреходящее; случайное в нем — однократное контекстуально-деятельностное (роль условий, характерологические личностные параметры). Инварианты предгосударственного городского граждански-политического уклада оформлялись двояко: на базе полисной — право-образующей и азиатской — волеобразующей модификации социальности.

181

Объяснимся тщательнее. Ретардируя изложение, напомним: мы фиксировали следующие состояния социальности: I. Архаичное первобытное стадо.

1. Австралопитеки.
2. Питекантропы.
3. Неандертальцы.

II. Догосударственность.

1. Ранняя родовая община потребителей.
2. Развитая родовая община производителей.

Мы специально подчеркивали, что на стадии (2) фазы (II) родоплеменная община прогрессивно трансформировалась в соседскую (территориальную) общину, в которой акцент с социально-родовых связей переносится на связи социально-хозяйственные (антропогеоценозы второй ступени). Теперь, непосредственно интересуясь цивилизационной судьбой соседской (территориальной) общины, мы вынуждены констатировать наметившуюся внутри нее весьма примечательную дивергенцию. Неуклонно, медленно, но верно, соседская (территориальная) община расслаивается на восточную (индийскую) и западную (античную). Данный тезис, конечно, надлежит принимать *cum grano salis*. Речь идет о нюансах, преимущественных тенденциях, своеобразных деталях, имеющих вид признаков *couleur locale*.

Впрочем, с позиций учета цивилизационных магистралей человечества, нюансов, надо сказать, капитальных. Поначалу, кажется, в единой общине проступают различия. На востоке община держится коллективным трудом, изобильными групповыми отработками (обязательность трудоучастия общинников в совместном налаживании оросительных, ирригационных систем, строительных работах и т.д.), повинностями, съедающими львиную долю трудополезного времени. На западе параллельно этому идет парцелляция — общинники, как правило, становятся индивидуальными собственниками земли; общинные наделы обособливаются от частных в резервно-коллективных фондах. Совместный труд в восточной общине влечет кон-

182

сервацию патриархально-косных устоев, примитивной коллективности как среды, этот труд обеспечивающей. Восточные общинники закабаляются правящей верхушкой, отстраненной от производителей функционально и пространственно. Разрыв властно-должностного и производительного в восточной общине сопровождался не чем иным, как централизацией и сакрализацией. «Шиболетом» восточного обеспечения, следовательно, оказывался патриархальный коллективизм и гражданская несамодостаточность растворенного в общине кабального лица наряду с технологически фундирующим их властным деспотизмом.

Индивидуализированный труд в парцелльной западной общине
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

открывает простор частнособственническим формам хозяйствования. Относительная персональная свобода общинников (следствие несвязанности их с общиной всеподавляющими и всепоглощающими групповыми обязанностями) активно сопротивляется сакрализации должностного начала. Заглавной виньеткой западной общины выступает, таким образом, производительный индивидуализм и гражданский самодостаточный автономизм наряду с технологически оправдывающей их социальной терпимостью.

Выводы из сказанного, по-нашему, могут быть наиболее радикальными.

Родовая община стадий (1) и (2), если не убояться аналогий натуралистических, суть однослойная бластула. В конце стадии (2) из бластулы обозначается переход в фазу двухслойной гастрюлы. С цивилизационной точки зрения сие означает самую раннюю, буквально зародышевую дифференцировку социальных ареалов. Говоря строго, геостратегический цивилизационный разлом социокультурной ойкумены на восточную и западную фракции закладывается здесь.

Отслеживая векторы дальнейшей эволюции социальности от этого примечательного развилочного состояния, подметим только следующее.

И в восточной, и в западной общине под влиянием целого блока хорошо понятных причин возникает рабство,

183

которое, однако, в силу социокультурной полярности восточной и западной жизнеобеспечивающей реальности отмечено родимыми пятнами своеобразия. На Востоке:

— рабство прогрессирует вглубь — пышным цветом цветет долговое рабство; социальный статус общинников неустойчив, конвертируем;

— набирает силу ростовщический капитал — свободные средства мертвым грузом оседают в сокровищницах;

— прививаются крупные хозяйственные формы, организационно некомпактные, неустойчивые;

— гиперразвиты коллективизм, консерватизм, традиционность;

— разделение города и деревни идет медленно — власть, отстраненно-удаленная от производящих центров, заинтересована в их статизации.

На Западе:

— рабство прогрессирует вширь — законы Солона вводят запрет на долговое рабство: социальный статус свободных соплеменников, коих нельзя поработить, устойчив, неконвертируем;

— ростовщический капитал слаб, свободные средства вкладываются в товарное производство;

— прививаются малые хозяйственные формы, организационно компактные, устойчивые;

— достаточно развиты индивидуализм, прогрессизм, инновационность;

— разделение города и деревни идет быстро — власть, территориально с производящими центрами совпадающая, заинтересована в их динамизации.

Ввиду изложенного рискнем утверждать, что не на то указывал Вебер, реконструируя основы западной товарной рыночности. Цивилизационный остов ее — не новоевропейский пуританизм, а парцеллярный индивидуализм времен античной гражданской общинности.

184

Содержание данного сюжета, требуя более тщательной проработки, обязывает детализировать процесс сложения предпосылок государственности в предгосударственную фазу социальности на Востоке и Западе.

Восточная деспотия. Материальной основой цивилизации в субтропических долинах Нила, Двуречья, Инда, Хуанхэ было ирригационное земледелие, обслуживаемое колоссальными по трудоемкости и трудозатратности видами работ. Предотвращение заболачивания, запустынивания земель, противостояние стихийным разливам рек, изменениям их русла предусматривало проведение широкомасштабных землеустроительных, оросительных, строительных работ по сооружению дамб, плотин, каналов, запруд, водохранилищ. Самый характер налаживания столь объемной деятельности требовал слаженного усилия многочисленных трудовых контингентов. Исходно они рекрутировались непосредственно из членов сельских общин — соседей-тружеников, реализующих единственно воспроизводительный интерес.

Вследствие масштабности, трудоемкости дела оно отправлялось лишь как кооперативное. Родовая общинная ассоциация, следовательно, превращалась в трудовую хозяйственную кооперацию. Это одна сторона явления. Другая связана с социальной дифференциацией, а именно: усиливающееся имущественное расслоение в среде общинников — результат роста производительного труда, обмена, войн с целью грабежа, захвата соседского добра при набегах, — социальное неравенство влекло складывание родообщинной аристократии, сосредоточивающей в своих руках управление. Знать обособливалась от родовых общинников имущественно и функционально, начинала играть специфические организационно-административные роли. Так в синкретической стихии воспроизводственной активности наметилось отделение умственного от физического, где умственное совпадало с управлением организацией, оформлявшейся по территориально-производственному, не родовому признаку, а физическое — с дистанцированным от управленческого мало-

185

квалифицированным живым трудом по переработке природного тела.

Логика налаживания ирригационного земледелия обуславливала централизацию: оптимальность хозяйствования в такой системе определялась координированным, слаженным использованием вод. Она (логика) требовала устранения местничества в форме соперничества общин за водозабор и водоснабжение. Объединить же разрозненные, разъединенные хозяйственные единицы могло лишь возвышающееся над ними целое, персонифицирующее порядок отправления универсального дела. Этим целым, регулизирующим всеобщие интересы в совместном кооперативном деле, оказывался институт государства.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Понимание того, что постановка оросительного земледелия опирается на трудоемкие, масштабные и по необходимости централизованные мероприятия — от привлечения рабочей силы до развертывания изысканий (та же статистика уровня вод в реках, налаживаемая в Египте при I и II династиях), — обеспечиваемые компетентными усилиями особого слоя лиц (управленческая родовая или имущественная аристократия), позволяет усомниться в правильности расхожей модели классового генезиса государства. Сдается, что заблуждался классик, утверждая: «Лишь когда появилась первая форма деления обществ на классы, когда появилось рабство, когда можно было известному классу людей, сосредоточившись на самых грубых формах земледельческого труда, производить некоторый излишек, когда этот излишек не абсолютно был необходим для самого нищенского существования раба и попадал в руки рабовладельца, когда, таким образом, упрочилось существование этого класса рабовладельцев, и, чтобы оно упрочилось, необходимо было, чтобы явилось государство».¹³²

Как мы демонстрируем, начала государственности связываются не с насилием, а с поддержанием, организаци-

¹³² Ленин В. И. Полн. Собр. соч. Т. 3. С. 18.

186

ей, налаживанием общего воспроизводственного дела. Главное — не перераспределение, не угнетение, не присвоение прибавочного продукта. Главное — отладка ритма, достижение оптимума работоспособного целого. На Востоке поиск, нащупывание такового (оптимума) обретал облик жесткого (диктаторского) единоначалия. Еще раз: не эксплуатация и экспроприация, а объективные нужды управленческого обеспечения воспроизводственного процесса (в данном случае ирригационного земледелия) лежат в основе государствообразования. Этатогенез крепится не на классовости, а на корпоративности, предполагающей обособление организационно-административного момента деятельности, поглощенного материализацией интересов целого. Поскольку регулирование земле- и водохозяйства по руслу рек отличается широтой пространственного охвата, восточная форма государственности не могла не быть жестко централизованной. Аналогично — характер правления. Поскольку координировать труд общинников (исходно все-таки общинников, а не рабов, как полагал Ленин) на больших территориях способна лишь сильная, проникающая власть, восточная форма государственности не могла не быть деспотически автократичной. Миниатюризация масштаба приложения административно-управленческого начала в социумах неирригационного типа деспотичность режима власти снижает.

Фигурирующее в наших рассуждениях понятие Востока собирательно, ассоциативно. Власть на Востоке тяготеет к деспотии, но до чистой модели деспотической власти не дотягивает. Предикация восточной деспотии априори вводит признаки, атрибутивные деспотической власти как таковой. Это — сакральность, всеохватность, неподотчетность, неподконтрольность, всемерность, безмерность, безответственность, самостийность, самодержавность, амбициозность. Все эти свойства, как отмечалось, воплощаются в

социальной материи обществ, существующих на аллювиальных почвах и ведущих ирригационное земледельческое хозяйство. Общества скотоводов, ремесленников, торговцев изощренно-развитой деспотии не знают.

187

Таковы финикийские города-государства, Карфаген, социум Хеттов.

Разговор о значимых моментах предгосударственности на Востоке сюжетом деспотичности социальности ограничиться никак не может. Независимо от формы правления, политического режима мало-помалу отрабатывается регламентный вид межсубъектного взаимодействия с опорой на некие универсалии, инварианты. Власть, какой бы деспотичной, импульсивной, безнравственной она ни была, действует тем не менее не как попало, а в магистральной оптике. В противном случае она обрекает себя на неминуемое банкротство — *testimonium ruPERTATIS*.

Контуром регламентности властепроявлений выступают всякого рода гомеостатические механизмы сбалансирования бытия социального целого. Подразумеваются: разнообразные порядки, своды, сборники, законы, уложения, кодифицирующие, конституирующие, легализующие полномочия, обязанности, действия, поведенческие акты как должностных лиц, так и граждан (соплеменников и иноплеменников).

В Египте во времена раннего царства вводятся: символы собственности — удостоверяющие отношения владения, пользования, распоряжения социально значимые персональные метки изделий, вещей, продуктов — печати; порядок погребальных ритуалов, устройства могильников (система кладовых, склепов, помещений для утвари, животных, рабов); универсальные знаки власти (короны); архитектура двора — иерархия построек для коронованных особ, придворных, прислуги; пирамида бюрократии номов (судьи, начальники войска, полководцы, копьеносцы и т.д.); упорядочивается система собственнических отношений (регламент отработок, повинностей).

В Вавилоне а) оформляется административно-территориальный порядок — земля делится на «дома» — «биту» во главе с господами «дома». Господа «дома» осуществляют: представительство окраин перед целым (управленческой организацией в центре), администрирование — надзирают за выполнением в «домах» сородичами гражданских

188

обязанностей, отстаивают права местного населения, собирают налоги, поставляют трудовые ресурсы, обустроивают дороги, — иными словами, выполняют функции центра на окраинах; б) вводится регламент наследования власти — власть передается от дяди к племяннику (сыну сестры) по материнской линии (рудимент родовых отношений); в) принимается некое подобие земельного кодекса (размежевание территорий по межевым камням — «кудуру»); г) внедряется обширный свод законов на все случаи жизни (законы Хаммурапи).

В Митанни систематизируются порядки: престолонаследия (во избежании усобиц), наследования, усыновления для вступления во владение землей (вызывающие универсальные социальные реакции

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

на действия лиц в межсубъектной коммуникации), совершения заемных сделок, перехода в кабалу, составления долговых обязательств, закладных, отработок, уплаты налогов; судебной практики — производятся записи, нормирующие деятельность судов, полномочных чинов; союзничества при военных походах, разделе трофеев, добычи; правомочности власти перед лицом и лица перед властью (права заложенного человека, распоряжение лицом, отданным в долг). Начинается юридическое оформление статуса населения (становление сословий).

У хеттов выпускаются законы царей с зарегистрированными ампула бюрократии, кодификацией вопросов уголовного (преступления, кражи, поджоги, хищения), семейного права, положения слоев.

У финикийцев складываются порядки выбора должностных лиц на базе имущественного ценза.

Сказанное говорит о том, что на Востоке идут капитальные с позиций перспектив этатогенеза процессы созидания нормативно-правовой культуры жизни посредством задания инструктивных универсалий, обязательных для исполнения социальных императивов.

Античный полис. Социально-политическая жизнь древней Греции на рубеже VIII—VI вв. до н.э. в своей первозданности во многом воспроизводила характер древнево-

189
сточной социальности. Стремительное имущественное расслоение общины с сосредоточением частной собственности на недвижимость и движимость в руках представителей знатных родов, появление басилеев (крупные землевладельцы из родовой аристократии) влекло а) массовое разорение рядовых землеобработчиков-общинников; б) развитие долговой кабалы. Как отмечает Аристотель, в Аттике практически все земледельцы пребывали в долгу у землевладельческой знати. «Бедные находились в порабощении не только сами, но также и дети и жены. Назывались они пелатами и шестидольниками, потому что на таких арендных условиях обрабатывали поля богачей. Вся же вообще земля была в руках немногих. При этом, если ... бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих, и детей. Да и ссуды у всех обеспечивались личной кабалой вплоть до времени Солона».¹³³ Должников либо превращали в рабов, либо продавали. Все, как на Востоке.

Однако: в отсутствие масштабных трудоемких общественно-производительных работ, в ситуации более высокой эффективности производства, хозяйственной продвинутой жестко централизованная социальная иерархия с управленческой деспотией не складывается. Причиной того выступали два обстоятельства.

Первое — объективное. Подобно Сатурну, пожирающему своих детей, крупное восточное землеоросительное хозяйство было ненасытным в перемалывании как соплеменной, так и иноплеменной рабочей силы; оно всасывало в воронку оседлого рабства все новые и новые контингенты. Западные же малые компактные хозяйственно-общинные единицы не выдерживали бремени масштабного притока производительных сил. Ввиду

зависимости численности граждан от неких количественных соотношений при данном уровне производства в древнегреческой общине поощрялась эмиграция. Обезземеленные общинники не порабощались, а экспортировались за пре-

¹³³ *Аристотель. Афинская полития. М., 1936. С. 29—30.*

190

дела страны в рамках официально санкционированной линии направленного перемещения политического вещества — территориальной экспансии. Внутренняя и внешняя колонизация — два вектора, две жизнеустроительные программы, предопределившие разность социально-экономических реалий восточного и западного отсеков ойкумены, словно сагитальная плоскость поделили человечество на несопряженные воле- и правоориентированные фрагменты цивилизации.

Второе — субъективное. Утратившие и утрачивающие гражданскую свободу общинники отстаивают-таки личную независимость, экономические права в борьбе с родовой и имущественной аристократией. VII—V вв. отмечаются упорными выступлениями демоса за отмену долгов, передел земель в малоазийских поселениях (Милет, Книд, Эфес, Колофон, Эрифры, Смирна, Магнесия, Ким), островах (Лесбос, Хиос, Самос, Наксос), колониях (Тарент, Сибарис, Кротон, Регия, Сиракузы, Акрагант, Элея), городах метрополии (Сикион, Мегары, Коринф, Афины). Непреходящими завоеваниями этих выступлений оказались следующие. 1. С VII в. свободное население требует проведения записей правовых норм (при победах для смещения родовой аристократии, умаления ее полномочий демос стремится к фиксации социально-политических реалий в законодательстве). Последовательно возникают законы Залевка (Локр), Харонда (Сицилия), Диокла (Сиракузы), Парменида (Элея), Драконта (Афины). Принципиальное значение для этих первоначальных кодексов — исключение произвола из практики судебных решений, универсализация наказания посредством демократизации правовой процедуры. По локрийским законам допускалось обжалование приговоров в народном собрании, по законам Харонда выборы судей проводились всенародно (всеобщим голосованием), по законам Драконта государство брало обязательства обеспечения личной безопасности граждан (запрет на ношение оружия в публичных местах).

191

2. В 594 г. до н. э. борьба демоса с земельной аристократией увенчивается реформами Солона, способствовавшими прогрессу частной собственности, искоренению пережитков родовых отношений, подрыву положения родовой знати. Пафос реформ — во внедрении а) сейсахтеи — отмены долгового рабства, личной кабалы в обеспечение ссуд (списание задолженности с жителей Аттики); б) гелиеи — суд присяжных как высшая кассационная инстанция (совместно с ареопагом, рассматривавшим дела об убийстве); в) дифференциации населения согласно имущественному цензу; выделено 4 разряда людей, в зависимости от доходов имеющих четко определенные гражданские и военные обязанности перед обществом; г) нового территориального принципа деления страны (очередной удар по родовым атавизмам

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

— родоплеменной принцип организации социальности окончательно сменяется территориально-социальным) — Аттика расчленилась на 48 навкрий (округов) с ясно выраженными обязательствами перед целым (государством) (так, каждый округ поставлял афинскому флоту по одному военному судну с экипировкой и экипажем и т.д.).

3. В 509 г. до н. э. все социально-правовые новации общественной жизни закрепляются конституцией Клисфена, фиксирующей а) необходимость публичной власти; б) разделенность населения не по родовому (фатрии, филы), а по территориальному признаку (триттии, навкрий — административные самоуправляемые единицы).

В итоге в общественном сознании, межсубъектном обмене деятельностью укореняется принцип «Трех И»: исегории — свобода слова; исотомии — гражданская свобода участия (равенство в занятии должностей); исономии — гражданское равенство (равенство перед законом).

Восстановим нужное в стадиях кристаллизации государственности из первобытного состояния, содержащих

192

хотя и приблизительные, но вполне достоверные характеристики процесса, более основательная детализация которого требует и более сложного, специализированного анализа.

I. Архаичное первобытное стадо. Австралопитеки. Питекантропы. Неандертальцы.

II. Догосударственность. Родовая община.

Соседская (территориальная) община.

III. Предгосударственность. Восточная (индийская) община. Западная (античная) община.

Невзирая на глубокие различия организации социальности на Востоке и Западе, в обеих частях света просматриваются весьма схожие типологические явления, позволяющие выделять некие сквозные черты и правила налаживания жизни в данном рубежноосевом пространственно-временном цивилизационном локале.

I. Родовые поселения объединяются в населенные пункты для кооперирования особей в трудоемком воспроизводственном жизнеобеспечении. В силу блока объективных причин на Востоке утвердилось масштабное ирригационное хозяйство с деспотическими механизмами обмена деятельностью (труд через массовое насилие) — примитивно-патриархальное должническое рабство (в первую очередь соплеменников). На Западе укоренились миниатюрные хозяйственно-земледельческие формы, индуцировавшие персонально-собственнический гражданско-демократический тип общественного устройства. На Востоке отмечается стойкость общинности; на Западе — быстрота ее разложения. Восточное рабство прогрессирует вглубь — деспотия в хозяйствовании трансформируется в наследственное диктаторство в правлении. Западное рабство

193

прогрессирует вширь: полисная форма социальности во многом — плод колонизации пространства Малой Азии, Ионии, южной Италии, островов бассейна Эгейского моря вследствие расселения

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

обезземеливаемых греческих общинников. При всем несходстве общинных отношений на Востоке и Западе проглядывает сходное, заключающееся в непреходящей роли городского начала, набирающей силу урбанизации. И на Востоке (в том же Двуречье, несмотря на слабость городской культуры), и на Западе город выполняет функции естественной перерабатывающей фабрики вульгарного родового, племенного, сельско-землевладельческого вещества. Город — плавильный котел, через жизнеобеспечивающую кооперацию перемалывающий общинное — в общественное, родовое (племенное) — в народное. В истоках подобного перемалывания — классически проявленный в античности синойкизм — последовательное слияние мелких близлежащих общин в относительно крупные поселенческие (городские) массивы. 2. Логика оптимизации и эффективизации управленческой деятельности влечет функциональное частично ролевое обособление группы лиц, которым по должности вменяется в обязанность администрирование. Исторически наложенная на процесс имущественной дифференциации общины эта логика обусловила концентрацию дела руководства социумом в руках родовой знати. На Востоке объективная и осознаваемая потребность улучшения эксплуатации местных ирригационных систем, развития искусственного орошения, активизации обмена товарных потоков (в Вавилоне с юга на север гнали скот, а с севера на юг — зерно) предопределила централизацию власти на базе закрытости, элитарности, кастовости. На Западе ввиду отсутствия необходимости (и возможности) масштабных царских и храмовых хозяйств, динамичного разложения общинных связей позиции родовой ари-

194

тократии были серьезно подорваны. Она не успела установить монополию на управленческую деятельность. Узурпации администрирования базилями препятствовали а) неразвитость долгового рабства; б) борьба демоса с олигархами и тиранами, венчавшаяся демократической реформацией; в) миниатюрность хозяйственных форм, исключавшая масштабное рабство; г) экспорт излишка общинников через колонизацию. На Западе устанавливается массово-демократический тип правления. Однако опять же независимо от режима власти на Западе и Востоке важно зафиксировать саму автономизацию бюрократической иерархии. Управленчески-административная деятельность в синкретизме общественных трудов усилий суверенизируется; когорты связанных с обслуживанием ее лиц в синкретизме социальной занятости изолируются. 3. Необходимость избегать усобиц при разделении, передаче власти, формировать признанные, легитимные социально-универсальные реакции на отношение собственности, заклада, кабалы, трансформацию статуса лица, видоизменение форм владения, пользования, распоряжения диктует проведение записи законов, кодификацию норм, выработку гражданского правосознания, регулирующих межсубъективные взаимодействия в обществе, упорядочивающих характер обмена деятельностью. На Востоке и Западе возникают первые своды законов, конституции, судебники, кодексы. Цивильность становится как правовое

обуздание свободы воли, привнесение ордократичности в самопроявления. Без общезначимых (правовых) рычагов влияния, поддержки, санкционирования, денонсирования, стимулирования гарантийная жизнь, выживание в обществе невозможны. Отсюда дилемма: перед лицом полномочных (нередко несправедливых) инстанций либо легитимно заявлять позицию, отстаивать, проводить линию,

195

либо впадать в архаический бунт, обрекать себя на асоциальные, вполне brutальные действия. Дилемма при вдумчивом отношении имеет вид альтернативы в корне мнимой. В силу политичности человека негражданское поведение для него запредельно. Гражданственность же выражается кодексами, институтами, которые невозможно намеренно не принимать, их возможно лишь совершенствовать. Нарушение нормосообразности общежития влечет кару в виде соответственных репрессивных акций. Удел гражданина потому — почитать заведенный порядок вещей до его изменения. Раритетом правоотношения к гражданской жизни было и остается поведение Сократа, собственноручно приведшего смертный приговор в исполнение. Об обязанностях гражданина перед обществом Сократ говорит так: «Надо либо его переубедить, либо исполнить то, что оно велит, а если оно к чему приговорит, то нужно терпеть невозмутимо, будут ли то побои или оковы, пошлет ли оно на войну, на раны и смерть; все это нужно выполнять, ибо в этом заключена справедливость. Нельзя отступать, уклоняться или бросать свое место в строю. И на войне, и на суде, и повсюду надо исполнять то, что велит... Отечество, или же стараться переубедить его и объяснить, в чем состоит справедливость. Учинять же насилие над матерью или над отцом, а тем паче над Отечеством, — нечестиво».

Подытоживая, скажем, что генетически на предгосударственной фазе становление государственности предуготовливалось: а) естественным закреплением пространственных локусов за родоплеменными общностями, переплавляемыми в урбанизации в общество, народ; б) появлением легитимных правоорганизующих властных институтов, понуждающих преобразование общинной ассоциации гражданского вещества в государственную.

196

Государственность. Суммируя вышеизложенное, акцентируем: независимо от цивилизационных различий восточного и западного сегментов человечества (преобладание посадных культур над посевными наложило кардинальный отпечаток на способ воспроизводственного жизнеобеспечения, что проявилось в консервации либо в темповой трансформации исходно общинной ассоциации; в закабалении безземельных соплеменников либо в преодолении безземельности через развитие военно-земледельческих поселений — клерухий — на покоряемых территориях) социальная динамика обеих частей света отмечена сходными тенденциями. Преобладающими из них в аспекте государствообразования являются:

— Консолидация жизненного пространства. И Восток, и Запад в архаичную пору социальности знали лишь систему разрозненных земледельческих общин, хозяйственно, коммуникационно не

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

связанных. Изначальная автаркия существования исключала возможность их взаимовыгодной, не говоря интенсивной, кооперации. Между тем процессы имущественной дифференциации, логика расширения жизнеобеспечивающего воспроизводства, беря свое, требовали налаживания межобщинных связей. Под эгидой управленческой олигархии объединение общин происходило на базе интеграции усилий производителей для совместной борьбы со стихиями, выполнения трудоемких работ (строительство, вырубка джунглей, прокладка каналов и т.д.), организации обороны, ведения войн и т.п. Главное здесь — централизация общинных земель, подпадающих под юрисдикцию целого. На Востоке локализм общинной культуры преодолевался рычагом деспотизма — сугубая кратократия на больших сельских пространствах. На Западе изоляционизму общин клали предел симполития и синойкизм, обеспечивавшие слияние общинных единиц в полисы — рабовладельческая демократия на малых городских пространствах торгово-ремесленных центров и клерухий. Важно представлять, что в истоках государство имеет некое полномочное очерчивание жизненного коммуникационно прозрачного простран-

197

ства (территория, акватории), составляющего предмет его (государства) исключительной собственности.

— Формирование институтов в лице права, бюрократии, аппарата, инстанций. Отсутствие учреждений — законоустановленного истэблишмента, штатного строя размывает контуры гарантийной жизни. Взять лишь налоговую политику, ответственную за пополнение казны, производство общесоциальных накоплений. Как показывает Геродот, при Кире, а затем Камбисе в Персии «определенной подати не существовало вовсе... подданные приносили подарки». За эвфемизмом «подарки» — произвол поборов чиновного люда, должностных лиц, разбалансировавших порядок социальности. Дезорганизация администрирования предопределила крах персидской державы. Восстановление и укрепление государства Ахеменидов связывается с именем Дария I, начавшего с нормосообразования институтов. Идентичные акции проведены в Риме, завершились принятием законов XII таблиц, с тем лишь различием, что объектом упорядочения выступала не налоговая, а судебная политика (а точнее — ее отсутствие, имея в виду засилье произвола в судах). Не бывает, не может быть государства без машинерии нормосообразованных институтов — правоконституированных инстанций регулирования межсубъективных связей.

— Упрочение территориальных социокультурных общностей с характерным языком, самоназванием. Смещение племен, замена кровнородственных связей территориальными достигается активизацией плавильного котла городской культуры, развитием коммуникационных сетей, прогрессом внутреннего обмена, рынка, естественной для всех этих единительных тенденций интенсивной аккумуляцией. На разрезе глаз этноисключительности государства не образуешь. Государству важен не этнос, а оседлый народ, размещающийся на исторически данном ему участке суши. На

Востоке, отмечалось, городская культура слаба. Ввиду концентрации производственных ресурсов в сельской общине дистанцированный от трудового процесса город становится представительской резиденцией власти.

198

Власть и производство расчленяются территориально, поселенчески, функционально. На Западе условия полиса объективировали социально проникающие, динамичные формы массивного плавильного котла, где на открытом и малом оперативном участке идет контакт, смешение языков, этносов, верований, обрядов, регламентируемых одним — правилом общения. Этнообособленное, родоплеменное имеют для полиса вполне косвенное значение и не способны препятствовать делу жизненнозначимого взаимодействия. Для полиса принципиален регламент соучастия, соприкосновения, удерживающих в фокусе лишь основной сюжет упорядоченного общения и безразличных ко всему, с ним не связанному. Власть и воспроизводство жизни здесь слиты территориально, поселенчески, функционально. На Востоке кристаллизация народного общества из родоплеменных общностей тормозится территориальной раздробленностью, социальной разобщенностью общинно-производительных единиц; скрепляющим обручем рассеянного оседлого населения оказывается механизм жестких политических технологий — диктатура центральной власти (борьба с сепаратизмом номов в Египте, местных центров (Сиппар, Ниппур) в Вавилоне и т. п.). На Западе народное общество складывалось неоднородно — демократически и авторитарно в зависимости от обстоятельств. Оба способа претворились в эллинистическом Риме, обмирщившем как цезаризм, так и парламентаризм, давшем истории образцы как деспотии, так и народоправия.

Подобно полису, вырабатывающему регламентный тип поселенческой культуры, государство вырабатывает, укореняет регламентный тип цивилизованной народной культуры.

Государство есть державный народ на исторически данном жизненном пространстве, обихоживаемом машиной институциональной суверенной власти. Из сказанного вытекает: государство — образование 1) политохорологическое — синтезирует институциональную суверенную власть и планетарные интервалы (участки территорий и акваторий); 2) политоморфологическое — дифференци-

199

рует отрезки социальных ландшафтов в зависимости от территориально- и темпоральновластных локалов (политопов); 3) социо- и этнополитическое — объективирует практическое отношение социальных и этнических общностей к политической сфере; 4) гео- и хронополитическое — единит рельеф и ритм с ценностями, материализует связи пространственно-временных конфигураций с оптимумами властной активности, коррелирует протяжение и периоды с национально-державными параметрами, народным духом (что в совокупности задает театр самоосуществления страны — народа).

Государство создает условия, задает предпосылки самого способа вершения народом собственной истории в сотрудничестве

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

и соперничестве с другими народами. Это свое назначение государство реализует комплексно, всеобъемлюще, фронтально, начиная с гарантий территориальной и кончая гарантиями культурно-исторической неприкосновенности, целостности. Квинтэссенция государства — гарантии. Гарантии самобытного развития, замыкающиеся на исключительное владение частью поверхности земли, поддержание подданных, сохранение и умножение завещанного предками достояния, наследия. Государство — институциональная державно-правовая организация, позволяющая социальной общности в кругу однопорядковых, себе подобных созданий пролонгировать воспроизводство устоявшейся характерной жизни. Возможность такого предпринимается собственностью на территорию, население, историю, культуру. Никакая из догосударственных или негосударственных (общественно-политические объединения) гражданских ассоциаций подобной прерогативой не располагает.

В институциональном смысле государство — множество легальных органов, учреждений, действующих на основе заведенного и совершенствуемого ими порядка, права.

В публичном смысле государство — универсально значимая власть, нацеленная на охранение, отстаивание, обеспечение, конституирование, регулирование интересов целого в противовес отдельному, частному, фрагментарному.

200

В популяционном смысле государство — единство оседлого народа, обладающего правовым и ценностным идентитетом. Разрушение последнего обанкрочивает народ, понижая его статус до «населения». Оттого трещины, провалы в государственном самосознании народа нетерпимы. По крупному счету они — продром болезни, именуемой распадением государства. Довольно сослаться в этой связи на тенденции отложения курдов от Турции, чеченцев от России, инициированных духовно-идеологически.

В диахроническом смысле государство — состояние социальности, достигаемое через властную консолидацию народа на территории с последовательной кодификацией, юридизацией, институционализацией межсубъектных связей, привнесением в интеракцию индивидов элемента правового формализма (генетически властный абсолютизм заменяется чиновно-бюрократической иерархией).

В синхроническом смысле государство — система социально санкционированных отношений с точно заданным на них порядком господства и подчинения (легитимное побуждение и принуждение, мягкие и жесткие технологии насилия).

В функциональном смысле государство — способ дисциплинарной структуризации (консервация, трансформация, гармонизация, инициация) пространства социальных взаимодействий, нацеленный на поддержание постоянной целостности, континуальности народно-державной (т.е. собственной) жизни с использованием всех доступных средств, в том числе легитимной монополии на насилие.¹³⁴ Сказанное опровергает взгляд о якобы социальной приоритетности права как дисциплинирующей системы.¹³⁵ Право — рычаг задания

общественной дисциплины лишь в ординарные периоды групповой жизни. В экстраординарных (чрезвычайных) ус-

¹³⁴ Также см.: Вебер М. *Избранные произведения*. М., 1990. С. 645-646.

¹³⁵ См.: Кистяковский Б. А. *В защиту права // Вехи*. М., 1990. С. 101.

201

ловиях монополия на дисциплинарные инициативы сосредоточивается в руках государства. Защищая высшие интересы, в критические моменты государство жертвует всем: облачаясь в гладиаторскую тогу, оно поступает как ничем не скованный в своих действиях обреченный. Аналогичное утверждается относительно членов диады «государство — личность». Права человека (часть) святы изначально, но при некоей безмятежности государства (целое). Они утрачивают самоценность ввиду угрозы уничтожения государственности как таковой. Здесь бытие целого подчиняет себе бытие части. Нет государства — нет производного от него (некосмополитического) подданного.

В патриотическом смысле государство — институт своекорыстный, эгоистический; человечество расчленено по национально-государственному признаку. Государство не относится к культуре инструментального разума, служит не вообще любым (абстрактным), а лишь национально оправданным, народо-состоятельным целям. Ожидания и достижения здесь единятся: ценности не выносятся за грани оперативной ответственности. В противном случае государство перестает преследовать народно-национальные интересы, захлебывается в компрадорстве, предательстве. Отсюда — размежевание государственного и партийно-персонального дела, которые для народа не совпадают.

В ритуальном смысле государство — субстанция ценностная, питаемая народным национально-патриотическим сознанием. Формально государство — держава с признанной символикой — флагом, гербом, гимном. Неформально государство — родная Земля, вверяющая потомкам минувшую судьбу предков. Умственно болезненно и дико любить государство. Любить можно Отечество, Родину. Нюанс, однако, в том, что язык не располагает лексемами, четко дифференцирующими «государство», «державу», «Землю», «Отечество», «Родину». В концепте «государство» — синкретизм всех этих понятий. В контексте сказанного государство — не механический конгломерат ведомств, а органическое отношение к нему граждан, расценивающих его как свою Землю, Отечество, Родину. От-

202

того история государства есть история нации, история народно-национального духа. Скажем: «То, что Наполеон дал испанцам, было разумнее того, чем они обладали прежде, и все-таки они отвергли это как нечто им чуждое, потому что они еще не достигли необходимого для этого развития. Народ должен чувствовать, что его государственное устройство соответствует его... состоянию, в противном случае оно может, правда, быть внешне наличным, но не будет иметь ни значения, ни ценности».¹³⁶

Духовные значения, символы, ценности в лице человеческих поколений, камней церквей, дворцов, усадеб, крестьянских изб, могильных плит, старых рукописей, заветов отцов — вот государство в форме национального духа. И чтобы постичь его,

уловить волю народа, нужно видеть эти камни, читать истлевшие страницы, слышать голос пращуров.¹³⁷ Неоправимо заблуждался Чаадаев, говоря: «Прекрасная вещь — любовь к Отечеству, но есть еще более прекрасное... любовь к истине. Любовь к Отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов... Любовь к Родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не чрез Родину, а чрез истину ведет путь на небо».¹³⁸ Дорога к небу через истину? До чего в безоглядных мечтаниях способен дойти утративший поводья реальности безопорный разум? Благоразумней, рассудительней Ницше: «Я заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах. Они отравители, все равно, знают они это или нет».¹³⁹ Через Землю, на которой живешь, через Отчизну, которую любишь, через Родину, которую боготворишь, пролагается тракт к небу.

¹³⁶ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 315.

¹³⁷ См.: Бердяев Н. А. *Философия неравенства*. М., 1990. С. 101.

¹³⁸ Чаадаев П. Я. *Сочинения*. М., 1989. С. 140.

¹³⁹ Ницше Ф. *Соч.*: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 8

203

Изложение наполняет пониманием, что государство — феномен безусловно объемный, глубоко эшелонированный — агрегирует порядки:

- главенства: кратократический регламент;
- господства: регламент доминирования;
- правления: регламент подчинения;
- управления: регламент соподчинения;
- права: дисциплинарный регламент.

Совместно они выражают идею холистской природы государства: государство — легальный институт конституирования интересов целого. Догосударственные, предгосударственные, негосударственные общности пропитаны частным. Лишь государство (как должностная корпорация) сосредоточено на социальной тотальности.

Типы государственности.

Типы государственности. Континуум государственности задается сочетанием ее системообразующих слагаемых. Поскольку минимальной посылкой государства выступает триединство народа, власти, территории — каждый элемент триады необходим, но недостаточен для конституирования государства; лишь их симбиоз обладает способностью этатоконструкции, — постольку многообразие возможных видов государственности покрывается комбинаторикой этих фундаментальных комплексов. Субъект государства — народ — исторически и оперативно представлен стратой, этносом, нацией. Объект государства — территория — репрезентируется унитарными, федеративными, конфедеративными формами. Власть — способ институциональной связи субъекта и объекта государства — ветвится на частную, частноправовую, публичную.¹⁴⁰ В итоге различается 27 вариаций, сводимых в таблицу.

¹⁴⁰ Подробнее см.: Пастухов В. Б. *От государственности к государству: Европа и Россия // Полис. 1994. № 2.*

204

Государство

Народ	Страта	Этнос	Нация
Власть	Частная	Частнопр авовая	Публичная
Территори я	Унитарна я	Федераци я	Конфедерац ия

Охарактеризуем комбинации:

1. Страта, частная, унитарная — диктатура слоя, реализующаяся в модификации личной (вождизм: цезаризм, султанизм, бонапартизм) или олигархической (хунтизм) власти — любая восточная деспотия вплоть до коммунистических режимов в КНР, КНДР.

2. Страта, частная, федерация — автократизм, тоталитаризм с октября 1917 по апрель 1985 в СССР, руководимом «лично» ставленником «ордена коммунистических меченосцев».

3. Страта, частная, конфедерация — вырожденный случай по причине нестыкуемости правообеспеченности конфедерации с праводеформированностью частного властвования. Посягательство на узурпацию лицом власти в конфедеративной культуре вызовет немедленный процесс ее распада.

4. Страта, частно-правовая, унитарная — невзирая на разность статусов территорий, к этой форме тяготеет Рим преимущественно с правления Юстиниана, обобщившего нормы гражданского права в дигестах (пандектах), кодексе Юстиниана, институциях, новеллах.

5. Страта, частно-правовая, федерация — практически вырожденный случай вследствие плохой согласуемости конституентов.

6. Страта, частно-правовая, конфедерация — Швейцария времен Зондербунда.

205

7. Страта, публичная, унитарная — страны народной демократии (Болгария, Венгрия, Румыния, Польша, ГДР) времен Варшавского договора.

8. Страта, публичная, федерация — трудновоплотимый случай по причине рассогласуемости элементов: власть опирающегося на универсальное право слоя эфемерна в многонациональном, конфликтном обществе. Понимая это, даже большевики в новой программе партии, принятой VIII съездом РКП(б) в 1919 г., в будущем федеративном государстве обещали предоставить политические права и возможности всем гражданам после подавления «сопротивления эксплуататоров». Выполнение обещания, правда, отложилось до 1936 г. и далее, пока существование проходило в режиме автотеррора масс.

9. Страта, публичная, конфедерация — аналогично предыдущему.

10. Этнос, частная, унитарная — архаичная, племенная

(этнократическая) организация (орда).

11. Этнос, частная, федеративная — фратрии, филы, кланы, колена, трибы.

12. Этнос, частная, конфедеративная — аналогично предыдущему.

13. Этнос, частно-правовая, унитарная — ханьский Китай.

14. Этнос, частно-правовая, федеративная — вырожденный случай.

15. Этнос, частно-правовая, конфедеративная — вырожденный случай.

16. Этнос, публичная, унитарная, — модель этнически гомогенного, органического государства, материализуемая в странах Балтии, Чечне, предоставившим по регламенту на выборах право голоса не проживающим в границах территории «гражданам», а «соплеменникам» безотносительно к месту жительства.

17. Этнос, публичная, федерация — вырожденный случай.

206

18. Этнос, публичная, конфедерация — вырожденный случай.

19. Нация, частная, унитарная — франкистская Испания, салазаровская Португалия.

20. Нация, частная, федерация — доперестроечный СССР.

21. Нация, частная, конфедерация — вырожденный случай.

22. Нация, частно-правовая, унитарная — коммунистический Китай.

23. Нация, частно-правовая, федерация — коммунистический СССР.

24. Нация, частно-правовая, конфедерация — вырожденный случай ввиду несогласуемости конституентов.

25. Нация, публичная, унитарная — современная Франция, Италия и др.

26. Нация, публичная, федерация — современная Россия, Бразилия, ФРГ, США и др.

27. Нация, публичная, конфедерация — Швейцария. Оценка возможностей демонстрирует:

а) стратовые модификации тяготеют к сословно-корпоративному государству при формально или неформально узаконенном неравенстве;

б) этнические модификации влекут этнократию (в пределах этнодиктатуры), легализуя национализм, шовинизм, борьбу «своеродцев» с «инородцами»;

в) частные модификации власти порождают самовластие (деспотизм);

г) частно-правовые модификации власти дают тип государства с воплощенным неравенством; как таковые, свойственны добуржуазному состоянию, но реставрируются в период деформированного (есть ли иной?) социализма;

д) публичные модификации власти инспирируют политическое, универсально-правовое государство.

207

В горизонтальном движении по компоненту «народ» просматривается динамика «государство — сословие, класс» — «государство — бюрократия» — «государство — народ»,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

подчиненная правилу расширения социального содержания субъекта власти. Первоначально монополию представительских и управленческих функций стяжают отдельные слои. Затем от сословности осуществляется переход к профессиональности — развивается функциональный тип управления на частично-ролевой основе. Обособливается когорта чиновников-специалистов, профессионалов-бюрократов, концентрирующих в своих руках дела государственной службы. Аппаратная стадия — важная веха государствоопределения, означающая институционализацию особого отсека духовного производства, общественно полезной занятости. Чиновничество, отмечает Вебер, превратилось «в совокупность трудящихся, высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь».¹⁴¹

Вместе с тем «вести дела» не равнозначно «соблюдать интересы». Бюрократия космополитична, эгоистична, преследуя шкурный интерес, склонна к антидержавным, компрадорским действиям. Последнее предопределяет кризис корпоративной организации, стимулирует сдвиг в сторону «государства-народа», объективирующегося в формах «государство-этнос» и «государство-нация». Первое (что ясно этимологически) этнизирует деятельность государственной машины, выражает, проводит, защищает ин-

¹⁴¹ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 657.

208

тересы «своих». Второе на державном уровне всеми доступными средствами олицетворяет интересы «каждого».

Особый казус — в рамках «государства-нации» («неорганическая», полиэтническая структура) притязает на державную автономию «этнос». Государственные поползновения этноса с тенденцией выделиться из «государства-нации» всегда опасны, чреваты межнациональной борьбой, если не сказать бойней, представляют угрозу и для целого («большого» «государственного народа»), и для части («малого» «народа-сепаратиста»).

В горизонтальном движении по компоненту «власть» обнаружимо последовательное движение от частных (узурпационных) к публично-правовым модификациям правления. В истоках частной формы власти — отношения вождества, естественной иерархии на базе инстинктивных эгоизма и альтруизма, встроенности в сакральные традиции. По мере удаления от архаики, диктуемой условиями «роевой жизни», трансформации натуралистических отношений в социальные, активизируется роль институтов собственности и статуса, опирающихся на потенции частноправовой, сословно-корпоративной власти. Частный регламент властвования в государстве преходящ и некрепок ввиду его расхождения с самим

призванием государства как объективированным «воплощенным коллективным типом» (Дюркгейм). «Основная идея государства как формы человеческого общежития, — точно характеризует Э.А. Поздняков, — отнюдь не обеспечение каких-то индивидуальных прав, а тем более частных интересов. Все как раз наоборот: оно само возникло как системная реакция на антисистемные действия растущего индивидуализма и частного интереса, а потому его главная идея состоит... в обеспечении общих для всех интересов общества против угрожающего им частного интереса».¹⁴² Государство крепко уравновешенными, стабильными отношениями между государством (институциональным целым) и его членами (гражда-

¹⁴² Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 106.

209

нами-частями). Основания совершенности государственности не во власти, а в удовлетворенности ею подвластными. Последнему соответствует максимально универсально-правовой и правоуниверсальный порядок отправления власти, единственно обеспечивающий оптимальность ритма социального организма как *res publica* в отличие от часто ориентированной корпоративной формы с заметно проступающими на ней родимыми пятнами *rei privatae*.

В горизонтальном движении по компоненту «территория» каких-то устойчивых, сквозных зависимостей не обнаруживается. Причина вполне ясна. Государственный строй идет не от логики, а от истории. Он — живой порядок, вырастающий из народной судьбы. Государство — не одежда, которую «народ может в любой момент сбросить, чтобы надеть другую; это есть скорее органически приращенное ему «строение тела», это его костяк, который несет его мускулы, его органы, его кровообращение и его кожу». Только политические верхогляды могут воображать, будто народам можно «даровать» их государственное устройство, будто существует единая государственная форма, «лучшая для всех времен и народов». Нет опаснее и нелепее стремления навязывать народу государственную форму, не соответствующую его историческому бытию».¹⁴³ Это полное, всестороннее, по-настоящему глубокое, схватывающее существо дела понятие, однако, политически варьируется по конъюнктуре. Скажем, Ленин, подчеркивая негативное отношение к федерации «по той простой причине, что капитализм требует для своего развития возможно более крупных и возможно более централизованных государств. При прочих равных условиях... пролетариат всегда будет отстаивать более крупное государство. Он всегда будет бороться против средневекового партикуляризма, всегда будет приветствовать возможно тесное экономическое сплочение крупных территорий...»,¹⁴⁴ — навязал-таки федеративное устрой-

¹⁴³ Ильин И. А. Наши задачи. М., 1992. Т. 1. С. 194.

¹⁴⁴ Ленин В. И. ППС. Т.24. С. 143.

210

ство России. Сталин, руководствуясь, видимо, этим же большевистским постулатом, при выработке модели послевоенной Германии воспрепятствовал в Ялте черчиллевскому проекту ее территориального расчленения. Не скажись «пролетарская»

узколобость, и геополитические реалии в Европе да и в мире выглядели бы совершенно иначе.

Динамика государства.

Динамика государства. В естественной эволюции государства проступает правило возрастания политической упорядоченности, граждански-представительного начала. Догосударственное состояние — деспотическое общение — потестарная власть, опирающаяся на прямое, непосредственное могущество.

Государственное состояние — политическая организация, основанная на кодификации норм, формализации взаимоотношений, исполнения.¹⁴⁵

Государственное состояние неуклонно эволюционирует по линии смягчения, нейтрализации политарных — силовых выбросов государственности. Последнее воплощается в непереносимом демократизирующем дроблении статусов власти и социальности. Статус власти: деспотия (тирания) — абсолютизм — полицеизм — конституционность — правовой строй — социальное государство — культурное государство. Статус социальности: лицо — корпорация — сословие — этнос — нация.

Однако полагать, будто в своем развитии государство с необходимостью проходит отмеченные стадии роста вплоть до отличающейся наибольшим совершенством фазы культурного государства, было бы столь же верно, сколь и ошибочно. Во-первых, речь идет об идеальных моделях, а значит тенденциях, которые сами по себе автоматически не материализуются. На многочисленных извивах истории часты выпадения, уклонения, попятные движения, реставрации. Во-вторых, в согласии с заложенной Мальтусом, классиками геополитики количественной культурой вопрос динамики, перспектив объемных социальных форм всегда требует обсчета, увязываний с геопланетарным по-

¹⁴⁵ *Подробнее см.: Ильин М. В. Государство // Полис. 1994. № 1.*

211

тенциалом. Здесь оказывается, что для обеспечения движения человечества по магистрали материальной зажиточности, социальной справедливости, политической отрегулированности натуральных источников не хватает. Прогрессистский порыв возвести «здание государства исключительно на принципах разума» (В.Гумбольдт) идейно и психологически привлекателен. Вещь в том, что он несбыточен. Созиданию счастливого (совершенного) общества препятствуют естественные возможности: развитые страны не имеют ресурсов, развивающиеся страны — капиталов. Не впадая в апокалиптику, отметим крайнюю актуальность специальной рефлексивной проработки мировой ситуации *fin de siècle*.

Контрапункт жизни составляет реальность: наше существование оплачивается тем, чего мы безвозвратно лишаемся. Ломаются природные основы бытия, разрушается естественная среда обитания. В такой обстановке усиливается геополитическая неоднородность мира: увеличивается конфликтогенность в отношениях между относительно не заселенными странами — обладателями сырья, запасов, угодий, неосвоенных территорий и всеми остальными, в первую очередь, перенаселенными странами.

Утрачивает справедливость положение: будущее за высокими технологиями. Применительно к дефицитному миру оно корректируется так: будущее за высокими технологиями, оседлывающими естественные ресурсы. По мере убывания последних ценность их (безотносительно к технологиям) стремительно возрастает.

Сверхценность дефицитного мира — жизненные пространства, не успевшая стать историей география. Борьба за нее составит осевой аспект блокообразования, регионального взаимодействия, международной жизни. Не идеология, не экономика, не культура будут яблоком раздора в действительности. Им будут относительно разреженные, неосвоенные, незаселенные жизненные пространства. Силовые противоборства между нациями-государствами расположатся поблизости от них. Это и будут потенциально горячие точки мира.

212

Не погружаясь в данный интригующий сюжет, еще ожидающий своего освещения, в створе нашей темы выскажем только две мысли о государственности вообще и отечественной государственности в частности.

1. Конъюнктурные марксистско-ленинские квалификации государства как «суррогата коллективности», «нароста на обществе»¹⁴⁶ располагаются за горизонтами здравомыслия, научной весомости, концептуальной трезвости. За чертой *ratio* и марксистско-ленинская же утопия сокрушения государства под напором непосредственной демократии трудящихся. Перед лицом перспективы глубоких геополитических разломов, обострения борьбы дифференцированных по национально-государственному признаку сегментов человечества за жизненные пространства выступать с программой отмирания государства значит впасть в слабоумие. То, что позволяет народам выживать в ужесточающихся условиях усиливающейся конкуренции, — есть держава, мобилизующая, согласующая действия масс государственная организация. Управление людьми не может быть заменено управлением вещами. Тем более далеко не в радужном грядущем. На этом основании в противоположность марксистско-ленинским грезам убывания роли государства по мере исторического развития мы формулируем закон возрастания роли государства в современном мире. Национальное государство осуществляет контроль природных богатств; оно снабжает народы гарантиями выживания. 2. Российской государственности хватит одерживать победы над здравым смыслом. Пора начинать жить национальными интересами. Россия — уникальное национально-государственное образование, уникальное своим натуральным богатством, колоссаль-

¹⁴⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 75; Т. 45. С. 422.

213

ностью. Процент освоенных территорий у нас ничтожен, мы доминируем на 1/8 планетарной суши. Вместо того, чтобы использовать свою исключительность природного монополиста с пользой для себя, мы просаживаем принадлежащие нам сокровища. Наша интеграция в мировое хозяйство выглядит как практика сырьевого разбазаривания. Это аксиоматично: экспорт чистого

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

(необработанного) сырья убыточен. Доля топливно-энергетического комплекса в общем объеме поставок составила около 50%, доля экспортируемого металла примерно 15%, тогда как доля машин и оборудования приблизительно 9%. Принятая нами экспортная политика сбивает мировые цены, способствует перераспределению доходов не в нашу пользу. А ведь разведанных запасов той же нефти осталось на 43 года.

Еще немного, и в мире установится новый порядок — без великой России с Россией — сырьевым донором.

Завещанное нам предками обязывает. Мы не выполним своей гражданской миссии, если не сделаем необходимых выводов, не положим в основание жизни иную стратегию — стратегию национального величия, подобающую богатейшему, мощнейшему государству.

5.6 Социальное действие

Социальная реальность как континент человеческой определенности, живая реалистическая наглядность существования есть воплощение социального действия. Последнее — множество позитивных преобразовательных актов, направленных на создание и воссоздание окружающей среды, пространства самоутверждения человека, — в виде сознательного поведения, созидания реализуется в многообразных формах межличностной коммуникации, охватывающей сферы материального, интеллектуального, демографического, культурного поддержания жизни.

214

Дабы в дебрях деталей не утратить главного, подчеркнем: социальное действие не физично и не биологично; оно — символично (детерминировано ценностными, культурными программами); нормативно (сопряжено с этосом); субъективно (свободно, волонтарно, эгоистично); частично (не всеобъемлюще) — и лишь потому социально.

Как и всякий полезный концепт «социальное действие» определяется, измеряется, исследуется в реальном мире организации с соответствующими измерениями:

Статика

Горизонтальный срез:

объектная плоскость: системы предметов, целей, задач, интересов, установок, потребностей; субъектная плоскость: системы мотиваций, поведенческих диспозиций, ценностных ориентаций; интерактивная плоскость: системы заряджений, внушений, ожиданий.

Вертикальный срез:

индивидуальная плоскость: кооперация, конфронтация, конкуренция;

социальная плоскость: ролевые экспектации; культурная плоскость: ценности, идеалы, нормы.

Динамика

целесообразная рациональность (допустимость любых средств для достижения целей); санкционированная рациональность (обусловленность средств целями);

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

традиционная нерациональность (отождествление средств с целями);

аффективная нерациональность (неразличимость средств с целями).¹⁴⁷

¹⁴⁷ *Becker J. Through values to social interpretation: essays on social context, actions, types and prospects. Durham, 1950.*

215

5.6.1 Понятийная сетка проблемы

Социальная трансформация — нерасчлененное понятие, описывающее преобразовательные социальные эффекты. Теория объясняет, социальное действие совершает, творит реальность. По сути своей оно есть борьба не за правду, а за упрочение. В этом обоюдостроение социального действия, задачи, призвание которого в практике представлены двумя линиями. Первая: молчаливое признание, что нельзя делать историю без любви к ближнему. Глас народа — глас божий. Главное в действии — сохранять, поддерживать, обеспечивать естественный тип вершения истории, воспроизводства жизни. Смотря на вещи слишком пристально, как Гораций в «Гамлете», политика обмирщает лишь тот курс, который санкционирует народ. Отсюда ставка на легитимацию, отсутствие которой сродни диктатуре. Когда из структуры бытия следует тлетворная политическая монополия? При подрыве демократии, когда обстоятельства способствуют, чтобы культура правителя сузилась до бесконечно малого, он мог превратиться в точку и заявить, что это есть его и единственно верная точка зрения. В такой ситуации смещаются понятия допустимых масштабов, границ целенаправленного воздействия на общество в особенности жесткими социальными технологиями, практикуется предвзятое (из априорных идеалов) тиранотворчество. Логическое создание упрощенного типа человечества: усилия подвести под этот тип живого человека; вмешательство правительственной власти во все отрасли общественных предприятий; стеснение труда, торговли, пользования собственностью; наложение пут на семью и воспитание, на верования, нравы и обычаи, на самое чувство; принесение отдельной личности в жертву общине, всемогуществу государственной власти — именно в этом и состоит существо социальной диктатуры.¹⁴⁸

Вторая линия единит дизайнеров политического шока, усматривающих в народе не более, чем сборище периз-

¹⁴⁸ *См.: Тэн И. Социализм как правительство. Спб., 1884. С. 7.*

216

ков. «Где народ, должен быть стон» — кредо перешедших рубеж допустимого политиканов. Зловещ лозунг «нравственно все, что служит коммунизму».¹⁴⁹ Проводя его в жизнь, не останавливались ни перед какой кровью.

Чем наваян небезобидный предрассудок дозволенности утверждать на массах политическую исключительность? Истоки понятия возможности, допустимости всемерно править обществом, культурой, жизнью — в механистической картине мира, использующей метафору «социум — заводимые часы с человеком-винтиком». Комплекс конструируемости реальности утверждался в

европейском духе при переходе от качественной космофизии средневековья (идея несокрушимой общественной иерархии) к выпестованному Ренессансом взгляду на мир как полноте приложения деятельности, предмету собственного творения. Согласно такой парадигме всякий фрагмент мира — объект для обмера, производя который можно содержательно его исчерпать, знать о нем все желательное. «Измерить все, что измеримо, и сделать измеримым все, что неизмеримо», — на уровне методологической рефлексии итожил Галилей, придавая квантитативизму императивный статус. До Галилея, чисто эмпирически, в практике государственного строительства схожие идеологемы проводил Макиавелли, втискивавший державный опыт в узкую колею голого, строгого расчета. Рычаг социального созидания вычисление. Такой тактики держались вышедшие из механицистско-техницистского концептуализма авангарда Гитлер и Розенберг; материализующий инструментальный способ модернизации России через формажорную индустриализацию за счет крестьянства Сталин; проектировавшие по сакрализованным текстам коммунистическое общество в одной отдельно взятой отсталой стране маоисты и полпотовцы и прочие социальные инженеры.

Обществом можно не править, а управлять, на локальном уровне полагаясь на самоорганизацию, на страновом,

¹⁴⁹ См.: Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. Т. 41. С. 311.

217

региональном и глобальном уровнях — на действие циклов и мегатенденций (понимание истории — понимание ее ритмов).

Революционеры казнят монархов, потом друг друга. В этом их недалекость: кто не живет ни для кого, не живет и ради себя. Основное в жизни — жизнь. В погоне за вожделием человечества — свободой и справедливостью — требуется понимать глубину их диалектики: нет свободы без справедливости, без справедливости нет свободы.

Барьер между мечтой и реальностью, вероятно, впервые пытались преодолеть Уот Тайлер с соратниками, стремившимися синтезировать воображение с социальным утверждением, насадить на Земле желанные сады Эдема. До этого прецедента гражданскими преобразованиями занимались лишь в мыслях, высоко воспаряя над реальностью в спекуляции. Утопия слишком легко реализуется. В этом ее недостаток. Последнее высвечивает деятельность всякого рода концептуалистов-сектантов типа хилиастов, милениаристов, подобных им прожектеров. Утопия реализуется слишком легко. Сказать так, значит не сказать всей правды. Вся правда же состоит в том, что утопия реализуется слишком страшно.

Гносеологический корень утопии — наивно-реалистическая презумпция зеркального соответствия бытия и мышления: что в идее, то и в жизни, истории. В утопических — фантастических планах общественного реформительства не хватает пустяка — точки опоры, под которой разумеется добротная программа наращивания показателей существования. Обычно при описаниях идеалов политическая технология их достижения игнорируется. Какую известную прошлому — от якобинской до большевистской тирании — утопическую политическую форму ни взять, в

отсутствие технологического обсчета своего кредо она порождает резни, национальную бойню.

Кто сказал, что гносеологические (идеологические) ошибки невинны? Перед лицом находимого в истории океана крови надо расстаться с этой иллюзией. Когда мир пытается облобызать идеалы, он не просто посягает на их чистоту, —

218

рекрутируя в неких палестинах своих адептов, защитников, он слишком поспешно клеймит несогласных тавром отверженных. Общественное целое раскалывается на верных и неверных, праведных и греховных, приверженных и отлучных. Начинает раскручиваться маховик репрессий.

Утопия — негодный, кровавый движитель социального реформаторства. За идеал можно гибнуть. Но индивидуально. На групповом уровне истребление недопустимо. По всем канонам — и как теория, и как метод — оно должно быть выдворено за социальную раму. Народ не фигурант, а лицедей истории. Оттого приемлемы лишь не ущемляющие народной судьбы, крепящиеся на ясных, обозримых целях, ориентирующие на повышение уровня жизни реалистические проекты социотворчества. Реализация их обеспечивается опосредованной связью слова и дела, где роль медиатора играет народная воля.

Не устоит царство, разделенное внутри себя. Желание запустить преобразования «жить по-новому» нужно согласовывать не с понятием неизбежности изменений (что практиковалось и в марксизме-ленинизме, указывающем на необходимость перемен, якобы вскрытых теорией), а с народной волей. Тогда жизнь будет похожа на жизнь, управляемую не привносимой извне, но своей собственной жизненной логикой.

Сказанное навеивает необходимость различения в общественной практике социальной апологии и технологии.

В задачу апологии входит фиксация гуманитарно оправданных, цивилизных образцов общественного устройства, которые, подчиняя части целому как властвующему началу, никогда не упускают из виду ничего, что может сделать всех, насколько это подобает, достойно живущими.

Социальные технологии практически проводят, реализуют интересы и цели, влияют на жизнестроительство, ускоряя, сдерживая его темпы. Социальные апологии заявляют, обосновывают, разумно ставят, оправдывают цели и интересы; посредством концептуальной проработки, интеллектуальной тематизации социальных действий они целеориентируют социальные технологии.

219

Технологии и апологии неразрывны в пространственно-временном и прагматическом измерениях. Выступающие под знаменем социалистической риторики недавние идеологи перестройки парировали упреки в отсутствии четко сформулированного, ясного плана общественной реформации простым доводом: «социализм — живое творчество... народ сам в процессе жизни нащупает, задвинет, достигнет искомого» (А. Яковлев). Спрашивается: искомого чего? Ведь цели, стремления, идеалы у общественных, этнических, конфессиональных групп и

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

отдельных людей разные. Уточнение направленности реформ лишь на уровне апологии: насыщение рынка, нормализация межнациональных отношений, совершенствование демократии и т. д. — маниловски непродуктивно. Образ потребного будущего в отсутствии технологии его достижения хилиастичен. В серьезной политике, высот которой так и не достигли зачинщики перестройки, не бывает программ без планов действий. Жизнеспособный, жизнетворный союз теории и практики в политике — конкордия апологий с технологиями. Апология конструирует, проектирует, технология претворяет. К апологии ближе законодательная власть, к технологии — исполнительная. Во всех своих назначениях они синхронизированы.

Апология как стратегический ресурс дальнего прицела судит о строе, конечных целях. Технология как тактический, избавленный от глобализма, отрешенности, совершенствующий ресурс судит о механизмах и институтах. Достоинство апологии — глубина идей, связывающих почву с цивилизационными универсалиями. Достоинство технологии — сглаженность, оперативность воздействий в створе мелиоризма. Учитывая важность тезиса, выскажемся пространнее. Социальным технологиям противопоставлен радикализм «быстрее, дальше, больше»; не насилюющая революция, а щадящая эволюция — режим их отправления. Рациональность их обеспечивается:

- постепенностью социальных изменений;
- демпфированием возмущений;
- слаженностью властей через разделенность функций;

220

- предотвращением автократии;
- саморегуляцией, минимальностью централизованных вмешательств в автохтонные ритмы жизни;
- искоренением мании грандиоза, крупномасштабных всеобъемлющих реконструкций социума.

Крупномасштабность, революционность, радикальность применительно к преобразованию реальности — синонимы безответственности; сопровождающиеся насилием, страданием, они противопоставлены социальным технологиям. Постепенная, постадийная, обозримая, критичная, рефлексивная, обходящая формажорную утопию эволюция — объект желаемого.

Политика — резюме просеивания, отбраковки фигур отклоняющегося, мизантропичного поведения, граждански опасных девиаций. Естественный отбор направляет воспроизводство жизни по вектору воплощения гуманитарных констант, абсолютных устоев социальности. Сказанное не пропаганда идиллической пасторали, когда, выражаясь библейским слогом, волк живет и вместе с ягненком, а барс лежит вместе с козленком, и теленок, и молодой лев, и волк пребывают вместе, а ударение на избирательности в логике пролонгации исторической жизни.

Общественное бытие упорядочено, внутренне связно, регуляризовано, что означает (в массе, на больших интервалах) исключение экстремизма, затратных крайностей. Обмирщаются немногие конкурентоспособные возможности, отличающиеся преимущественной жизнестойкостью в гарантиях достоинства

существования. Социальность, сколь бы полиформной она ни была, строится не как попало. Скажем, нужна политику программа наращивания потребления. Ближайшее решение — сокращение населения: уполовинишь сограждан, вдвое поднимешь уровень жизни. Приемлемо? Смотря как рассуждать. Если социальная политика автономна от жизни — приемлемо (практика красных кхемеров). Если социальная политика не автономна от жизни, а подчинена ей, — не приемлемо. Инверсность социальной политики как обоюдоострого и

221

ценностно несамодостаточного предприятия особенно важно представлять в наши дни — дни омассовления политосферы, при нарастающем понимании того, что «убить человека» и «убить человечество» опасно сблизилось (Адамович).

Рациональность социальной политики таится в диалектических хитросплетениях триады «цель — средство — результат», навевающих диспозиции: 1) не все цели хороши; 2) даже хорошие цели нередко не достижимы; 3) даже достижимые хорошие цели никогда не достигаются любой ценой.

Историей правит произвол, — утверждал Шеллинг. С его мыслью в контексте обсуждаемого предмета мы позволим себе не согласиться. Историей правит не произвол, а прошедшие испытание цивилизационным отбором принципы целесообразной организации жизни. Произвол в мысли — от «охотящейся за людьми» (Платон) софистики; произвол в истории — от государственно и морально безнравственного, безрассудного политиканства, защищающего не ценности, а величайшие химеры. Сопрягаемая не с «фоном личности», а с социальными устоями политика по всем азимутам блокирует девиации. Отправная ее точка — жизненные гарантии, неважно чем обусловленные — ритуалом («ли» конфуцианцев), законом («фа» легистов), мифом (древневосточные Авеста, «Законы Ману», гесидовские «Труды и дни», аккумулирующие нормы «совместного поселения»), — но регулирующие самоосуществление лиц, правителей, государств, народов.

Рациональность в социальной политике приобретает редакцию противостояния цивилизации варварству. Имеются два принципа существования: дивергенция — линия почвы, наращивания многообразия (тот же Восток с началом подданчества и Запад с началом гражданства) и конвергенция — линия единства истории, цивилизационных инвариантов (обеспечение достойного воспроизводства жизни во всех регистрах экзистенциальности). Как ни обустривать бизнесферу, суть — в достижении гарантированного существования, укреплении уверенности в зав-

222

трашнем дне, преодолении отнимающего лучшую часть доблестей рабства, духовном, гражданском раскрепощении, творческой продуктивной самореализации.

Спектр воздействий на социальные единицы обозрим, достаточно узок. Наименее эффективны в нем традиционные, центрально-административные технологии, связывающие людей через диктат обряда, бюрократии. Богатство инициатив, простор воплощений здесь втиснуты в прокрустово ложе автоматических реакций на директивы. Предпочтительнее либеральные технологии,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

не исключают наблюдения, присмотра, опеки, но ставящие на суверенность, предприимчивость субъективного.

Деятельностные акты, позитивные, негативные (блокирование инициатив), нацеленные на оптимальное достижение целей, проведение интересов, не могут не быть конформными опыту созидания социальности по обособляемому естественным отбором множеству общезначимых форм, олицетворяющих начала достойного, желанного, потребного существования. Интенция на подобные формы в мысли и действии, не избавляя вовсе от в виде флуктуаций пробивающегося произвола конституирует законосообразность, упорядоченность социосферы, а через это — ее рациональность.

5.6.2 Реформа, инновация, революция

Реформа — направленное, радикальное, фронтальное, всеохватывающее переустройство (планируемая модель такового), предполагающее изменение порядка сущностного функционирования социальных институтов, переход их в принципиально иные фазовые состояния. Инновация — рядовое, однократное улучшение, связанное с повышением адаптационных возможностей социальных организмов в данных условиях. Отличие первого от второго в пространственно-временной масштабности, объемности, глубине, основательности, системности преобразовательных актов и трансформационных эффектов. Реформационная деятельность выступает одной из аналитически устанавливаемых разновидностей инновационной деятель-

223

ности, более широкой (богатой) по содержанию и более узкой по объему: всякая реформация является инновацией, но не наоборот. В одном случае воплощается намеренная активность на устройство, в другом — на обихожение институтов.

Революция — коренной, фронтальный тип трансформации, предполагающий смену формы социальности в результате кризиса. Революции, как представляется, противопоставит не контрреволюция, а творчество. «Мир, — как утверждает Камю, — постоянно находится в состоянии реакции и значит ему постоянно грозит революция. Прогресс же, если он в самом деле есть, обусловлен тем, что при любых порядках творцы неустанно отыскивают такие формы, которые одерживают верх над духом реакции и инерции, и поэтому отпадает надобность в революции. Когда творческие люди перестают появляться, революция неминуема».¹⁵⁰

Революция — особая точка существования, кристаллизующаяся, когда пасует, отступает, растрчивает производительный потенциал социальное творчество. В такую точку, воронку истории попала Россия, начиная с отсчета нового века. Позитивно творить реальность становилось нельзя; наступала пора революции. Физической аналогией ситуации выступает Максвелловская идея особых точек перехода, где «воздействия, физическая величина которых слишком мала для того, чтобы существо конечных размеров принимало их во внимание, могут приводить к необычайно важным последствиям». Взять события начала текущего столетия. Русско-японская война, кровавое воскресенье,

Манифест 17 октября, разгон I и II Дум, убийство Столыпина, неудачные военно-дипломатические действия в I Мировой войне. Что тут выдающегося, экстраординарного? Провалы в войнах были прежде; расстрелы-разгромы народа практиковались всегда; нереальнее обещания-посулы власти — норма действия этого института;

¹⁵⁰ Камю А. Из записных книжек // *Иностранная литература*. 1992. № 2. С. 183.

224

разгон парламентов — избитый прием; политический террор — трюизм. В том, что происходило, следовательно, ничего необычного, чрезвычайного не было. Между тем все это отвечало максвелловским «особым точкам», создававшим критическую массу деструкции. В воздухе витал дух протеста, чувства невыносимости существования. Горючая среда оформилась. Требовался детонатор.

Применяя идеи теории режимов с обострениями, можно сказать, что оригинальные возможности развития не предзаложены — они создаются непосредственным отпращиванием жизненного процесса. Режим с обострением — состояние, где в окрестности момента обострения сложная система теряет стабильность, становится неустойчивой относительно малых влияний. Возникает вероятность распада, обуславливаемая действием при нелинейных зависимостях принципа «развертывания малого» при усилении флуктуаций. По этой причине, в частности, в социуме реализуется правило «малые причины порождают большие следствия». Нелинейный закон пороговости, при котором перекрытие предела нечувствительности к эффектам многократно умножает значимость изменений, и проявился в отечественной истории в феврале 1917 г., когда перегруженное настроением недовольства общество неограниченно катализировало активность оппозиционных несовместимых между собой, но выполняющих единую социально катарсическую функцию антифеодальных и антикапиталистических, пролиберальных и просоциалистических партий и движений. Их солидарное выступление решило судьбу монархии в России. Монархия не была свергнута. Переобремененная грузом проблем, не выдержав непосильной державной ноши, самоисчерпавшись, 2 марта она пала. В царском Манифесте о добровольном отречении от престола Николай II обнародовал: «В эти решительные дни жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думой признали за благо отречься от Престола государства Российского и сложить

225

с себя верховную власть»¹⁵¹. Власть перешла к сформированному из Временного комитета членов Государственной думы Временному правительству, руководимому либерально-демократически настроенными кадетами и октябристами.

У Ключевского находим: «При изучении истории неохотно останавливают внимание на... эпохах, дающих слишком мало пищи уму и воображению: из маловажных событий трудно извлечь

какую-либо крупную идею; тусклые явления не складываются ни в какой яркий образ; нет ничего ни занимательного, ни поучительного». Карамзину более чем 300-летний период со смерти Ярослава I представлялся временем, «скудным делами славы и богатым ничтожными распрями многочисленных властителей, коих тени, обогранные кровью бедных подданных, мелькают в сумраке веков отдаленных». У Соловьева, впрочем, самое чувство тяжести, выносимое историком из изучения скудных и бесцветных памятников XIII и XIV вв., облекалось в коротенькую, но яркую характеристику периода. «Действующие лица действуют молча, воюют, мирятся, но ни сами не скажут, ни летописец от себя не прибавит, за что они воюют, вследствие чего мирятся; в городе, на дворе княжеском ничего не слышно, все тихо; все сидят, запершись, и думают думу про себя; открываются двери, выходят люди на сцену, делают что-нибудь, но делают молча». Такие эпохи, продолжает историк, «столь утомительные для изучения и, по-видимому, столь бесплодные для истории, имеют свое и немаловажное историческое значение. Это так называемые переходные времена, которые нередко ложатся широкими и темными полосами между двумя периодами, такие эпохи перерабатывают развалины погибшего порядка в элементы порядка, после них возникающего».¹⁵² К таким переходным временам, пере-

¹⁵¹ *Политическая история Отечества 1861-1910. М., 1991. С. 107.*

¹⁵² *Ключевский В. О. Соч. В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 351.*

226

даточным историческим стадиям принадлежит и переживаемое нами время. Его значение не в нем самом, а в тех последствиях, какие могут из него выйти.

Что нас ожидает в новой исторической эпохе, какой наша жизнь будет? — во многом зависит от отечественной реформы, призванной преодолеть индустриализм, обеспечить гарантированное устойчивое экологическое развитие, укрепить национальную безопасность, сохранить территориальную целостность, способствовать интеграции страны в мировое хозяйство. Как это все претворится в деталях, обсуждать невозможно. Возможно обсуждать общие принципы реформирования. К последним относятся:

Конкретный подход в толковании явлений социосферы. До недавнего времени здесь доминировал радикальный абстрактный функционализм,¹⁵³ апогей которого в отечественной культуре олицетворяют фигуры Ленина — учение о партии: партия — всепоглощающая абсолютная форма, релятивизирующая все, кроме власти; Богданова — тестология: управление — универсальный систематический тип, моделирующий проявления структур в отрыве от качественной специфики; Кандинского — теория абстрактного искусства: генерал-бас живописи — извлечение формально выразительного. С высот нашего момента очевидно: радикальный абстрактный функционализм не состоятелен. И в искусстве, и в управлении, и в политике функция и субстанция неразрывны. Понимание этого на уровне теории и тем более практики определяет искомую и исконную политическую суть реформы: принимать в расчет обстоятельства, «стоять за ценой»,

сообщать человеку величие, не выступать постоянным источником горести. Вспомним сталинское: «Ссылка на так называемые объективные условия не имеет оправдания. После того, как правильность политической линии партии подтверждена опытом... а готовность рабочих и крестьян поддержать эту линию не вызывает... сомнений — роль так называемых

¹⁵³ *Идея А. Фурсова.*

227

объективных условий свелась к минимуму, тогда как роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной».¹⁵⁴ Лишь конкретный антифункционалистский подход, отвергая противопоставление «обстоятельств» и «организаций», ограждает от «пьяных спекуляций» (Маркс) реформационных доктрин и следующих им партийно-политических авангардов.

Недопустимость социальной механизации. «Господствовать легко, управлять трудно», — констатировал Гете. Отечественной власти надо учиться управлять. Через весь ток российской истории красной нитью идет линия центрального звена-рычага модернизации: потянешь за звено, вытянешь цепь в целом. Такого рода интенции воплощались в моделях наращивания досуга — больше досуга, ближе к коммунизму; химизации; распространения кукурузы и т.д. Новомодный проект из разряда указанных — программа подъема национальной интеллектуальной элиты: будущее России в руках научно-технической интеллигенции. Вполне очевидный, казалось бы, план этот наталкивается на неожиданное препятствие — общество наше непродуктивно, не способно утилизировать плоды деятельности научно-технических работников. Над решением этой проблемы бился Хрущев, не нашедший ничего лучшего, как учредить Комитет по новой технике. Далее Брежнев из партийного съезда в съезд озабочивался соединением преимуществ социализма с достижениями НТР. У Хрущева новая техника не внедрялась, у Брежнева социализм и НТР не соединялись. Тщетно. Теперь в том же русле план развития научно-технических элит.

Мораль, какую возможно извлечь из истории, заключается в том, что научно-техническая элита как таковая — неорганический элемент нашего социального целого. Элиту можно поддержать, законсервировать — мягкими технологиями: заинтересовать, создать условия; жесткими технологиями: оперативно прервать эмиграцию, опустить железный

Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 477.

228

занавес. Можно. Так что? Как изменится производство, качество жизни? Никак. Инновационными они не станут.

В порядке усиления аргумента сошлемся на обобщенный показатель соотношения протяженности железных и шоссейных дорог. Ситуация считается оптимальной, если на 1 км железнодорожного полотна приходится 30 км шоссе. В России пропорция не 1 : 30, а 1 : 6. По данному показателю мы отстаем в 5 раз. Что вытекает? По механистической логике центрального звена — «чтоб все было хорошо» — нужно строить дороги.

Какова обстановка с дорогами в стране, известно. Не было бы российских дорог — не было бы истории Чичикова,

спровоцированной плохим состоянием магистралей. Сломалось колесо — пошла плясать губерния. И пляска ее не остановилась. Но... зададимся отрезвляющим: разве дело в дорогах? Дело в терминалах, станциях переработки, хранилищах, инфраструктуре. Без инфраструктуры дороги бессмысленны. Очередной модернизационный проект дает круги на воде. Не более.

Общество — динамичный объект, исключаящий при попытке его реформирования способ действия согласно механистической идее главного звена. Такого звена нет. Тянуть за часть в надежде вытянуть целое — подчеркнутая эскамотация.

Оптимизм. Наша лексика изобилует трагизмами, соответствующими эпохе перемен (как говорят в Китае: желаем врагам жить 100 лет в эпоху перемен): озабочиваются не тем, как жить, а как выжить. Пессимизм никогда не был перспективной философией. Хватит выживать. Пора начинать жить. Достойно. Довольно.

Нам не нужна ненависть в обертке социального патронажа. Нам не нужно насилие как инструмент достижения справедливости, блага. Отчего погиб Пушкин? Близлежащее — от пули убийцы — поверхностно. обстоятельнее блоковское объяснение: в николаевской России дышать было трудно; Пушкина погубила атмосфера. Теперь у нас дышать столь же трудно. Но погибать нельзя: речь идет не о человеке — о народе.

229

В противоположность всеотрицающему дадаизму, упивающемуся разрушительным «нет», Батай пытался оформить созидательное течение «да». Нечто вроде благородной философии приятия мира требуется нам сегодня. Переиначивая Струве, скажем: социально-культурное творчество не может управляться отрицательной идеей. Государство насилия, одаривающее запретами, заставляющее глотать наживки инструкций, — в прошлом. С позиций родовых признаков и исторически репрессалии и брожение, принуждение и недовольство идут рука об руку, они равны друг другу-

Современное существование и современное знание, говорит Пригожин, кладут конец любым возможным мечтаниям об абсолютно контролируемом обществе. Путь нашего освобождения — оптимистическая самоорганизация. Преодоление пессимизма — в преодолении ценностного вакуума через осознание гражданского и национального интереса и корректного оформления его в политике.

Боги социализма разрушены. Вера в него иссякла. Нужны новые сильные консолидирующие идеалы, делающие из общества не случайное скопление атомов, а солидарную целостность. Последнее — в началах сбалансированной, национально прочувствованной социальной техники, сохраняющей, поддерживающей, обеспечивающей плавный естественно-исторический ток вершения жизни.

Разгосударствление. Разгосударствление произошло. Но формально. Оно не привнесло ни эффективности, ни оптимальности, ни инициативности. Имел место специфический тип трансформации собственности из безликой государственной в

персонифицированную чиновно-бюрократическую. Аппаратчики стали вполне конкретными собственниками ранее неконкретной государственной (общенародной) собственности. Государство, таким образом, как было, так и осталось у нас всем. Необходимо с этим кончать. Центр тяжести пора перевести на народ. Вершина, где свет воистину не меркнет, — народный ум и народная воля.

В 1699 г. Петр ориентировал купцов в торговле на складывание капиталов в компании. Вопреки этому на Руси

230

выработана иная форма — складывание не капиталов, а лиц на базе родства и нераздельности имущества. Возникли товарищества — торговые дома, воплощающие отношения не общества, а общности. Императивы почвы сказались в хозяйстве, и это непреложно. Также в политике. Приемлемо лишь то, что воспринимает народ. Были пикировки: Новгород — Москва; сословно-представительная монархия — самодержавие; оттепель — реакция; перестройка — торможение. Почему? Потому что заявлялся курс, непонятный народу. История — не мартиролог борьбы либералов (реформаторов) с консерваторами (реакционерами), а летопись жизни народа, который живет и желает жить по своим, не доктринальным или заемным устоям. В народе будущность России.

Человеколюбие. Носители гуманизма — не избранные интеллигенты, а народные подвижники. Как проявили себя некоторые представители интеллигенции в трагические октябрьские дни 1993 г., призывавшие правительство уничтожить оппозицию, мы помним. Но призвание интеллигенции — филантропия, а не экстремизм. «Я не верю в нашу интеллигенцию, — признавался Чехов, — лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верю в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, интеллигенты они или мужики. В них сила, хотя их и мало. Они играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна. Что бы там ни было, наука идет вперед. Общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер, и все это делается помимо прокуроров, инженеров и интеллигенции в целом и несмотря ни на что». Сказано точно. Дело не в какой-либо социальной страте. Дело в человеке. Человек же — не лампада на ветру. Где вопрос переводится в плоскость «возмездие», «устрашение», там производится разрушение неотъемлемых прав человека (А. И. Эртель), начал человеколюбия. Приемлемей, точнее пастернаковская мироносная формула гефсиманского сада: со-

231

циальный спор не решим железом — следует управлять течением мыслей, и только вслед за тем — страной.

5.6.3 Реформы в России

Печальную черту отечественных реформ столь светлый, глубокий государственный ум, как Сперанский, видел в порывистости, переменчивости, незавершенности,

воспалительности инновационных действий, преобразовательных шагов, изменений. «История России со времен Петра Первого, — выделял он, — представляет непрерывное почти колебание правительства от одного плана к другому. Сие непостоянство или, лучше сказать, недостаток твердых начал был причиною, что доселе образ нашего правления не имеет никакого определенного вида, и многие учреждения, в самих себе превосходные, почти столь же скоро разрушались, как возникали».¹⁵⁵

В чем причина инверсионности нововведений? Почему трансформации не кумулятивны? По какой причине починны блокируются, гасятся, отменяются контрпочинами? Ущербны ли начинания сами по себе как таковые (в смысле противоестественности, несвоевременности), противодействуют ли им какие-то (внутренние или внешние, явные или скрытые) силы, как-то надо ведь объяснять, откуда-то выводить российскую способность получать *fumus ex fulgore*.

В экспликациях, понятно, недостатка нет. Соловьев называет борьбу родового и государственного начала. Но подобная борьба велась и в Европе, не сдерживая страновой прогресс. Ключевский говорит о колонизации территорий с выходом населения из-под опеки государства. Колонизация, однако, проводилась и в других частях света, вовсе не отменяя последовательных приобретений. Идея мировой закулисы, почему-то покушающейся на Россию, — спекулятивна. Модель политарности, сближающая Россию с восточным социумом, в контексте темы малопонятна.

¹⁵⁵ *Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 17.*

232

Если принимать регулярность, инвариантность неких базовых воплощений для организации социальности, цивилизационные отличия в дихотомическом ряду Восток — Запад не радикальны.

И все же чем обусловлены маятниковые движения российских реформ — беспорядочные метания от капитализма к социализму и от социализма к капитализму, от удельности к уездности и обратно, от вероисповедности к атеизму и *vice versa*, от товарно-денежного к натуральному и... и прочая, и прочая, и прочая.

Причина сущностной неорганичности национальных реформ, их монструозности, асоциальности, инфернальности в самой природе российской жизни, передаваемой понятием «несимфонийность». Российский социум несимфоничен — он конфликтен универсально, безусловно. Везде, всегда. Власть противостоит обществу, государство — народу, институты — гражданам, система — человеку. Россия до мозга костей антагонистична, раскольна. В ней есть полюсы, крайности, противостояния, между которыми нет медиаторов, демпферов, буферов. Россия — человек без кожи — обнажена, чувствительна ко всякому влиянию, отчего страдает. Страдая же, безутешно идет до конца. Опустошая путь свой. Конфликты в России — больше чем конфликты. Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Если восстание — то истребление, если террор — то резня, если оппонент — то враг, если несогласие — то кровавое. Не оставлять камня на камне, стирать в порошок — принцип; дезорганизация, деструкция — правило; само- и всеразрушение — стержень. В этом — «наше все». Печально.

Безотрадно.

В чем корни отечественного радикализма? Связывать его напрямую с этнокультурными свойствами национального типа — затея сомнительная. Как мы имели случай подчеркнуть ранее¹⁵⁶, российский национально-культур-

¹⁵⁶ См.: *Россия: опыт национально-государственной идеологии. М., 1994. 233*

ный тип объемов, многопланов и оттого не линеаризуем. Черты неумности, озорства, удалства, бунтарства соседствуют и сосуществуют с кротостью, терпимостью, покорностью. Россия плодила атаманов (Болотников, Разин, Пугачев), но и тьму благообразных, благоверных, благонамеренных людей; разбойников (Кудеяр), но и непротивленцев (Каратаев). В идеологии радикализм инициируется относительно тощим пластом адептов анархизма, революционного демократизма, экстремистского народничества, движения левых эсеров, большевизма — «головного футуризма» (Степун). В социальности радикализм («скрытый большевизм» — Степун) проявляется у заговорщиков-нечаевцев, террористов-бомбометателей, варваров-купцов, отечественных хулиганов, т.е. у сугубо маргинальных слоев — сбивавшихся в стаи бродяг, неприкаянных, босяков, людей перекати-поле (Челкаш), инициированных студентов, казаков.

Радикалам в идеологии противостояла сугубо умеренная традиция, зовущая Русь не к топору, а к духовному преображению. Соловьев указывал на веру, Достоевский на страдание и смирение, Толстой на нравственное совершенствование. В социальности им (радикалам) противилась толща живущих «малыми», «медленными» трудами патриархальных крестьян и мещан, для которых бунт, протест, неповиновение (если, конечно, не доводить до отчаяния) — запредельны.

Тем не менее радикализм брал верх. Неизменно. Неизбежно. Не по причине имманентности душе русской экстремизма, а как следствие несимфонийности национального склада жизни. Суть не в том, что к нам тянули «дребедень отвлеченно-европейскую» (Достоевский), а в том, что у нас у самих прорва всяческой почвенной дребедени. Какой именно? В плане уточнения ответа на вопрос акцентируем столь порочные особенности отечественной организации, как:

• **ПОЛИТОХОРОЛОГИЧЕСКАЯ ХАОТИЧНОСТЬ.** По аналогии с физикой вакуума развертывается и политологическая теория политического вакуума. Суть ее

234

в моделировании обихожения державной целины через огораживание беспредела с необходимым структурированием среды обитания, увязыванием пространства со временем, геополитики (политохорологических структур) с хронополитикой (цикликой, ритмикой политохорологических структур).

С чего начинались империи? С отгораживания от хаоса—с возведения валов, стен, обустройства засечных полос, проведения демаркаций. Последние — рукотворные барьеры, бастионы от варваров — обеспечивали культивацию среды обитания. На островах антиварварства возникала политическая цивилизация.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Складывание империй, державостроение, следовательно, в истоках имело очаговый, зонный принцип пространственного обособления, огораживания. Примечательно свидетельство народовольца, а впоследствии монархиста Л. Тихомирова, посетившего Западную Европу: «Перед нами открылось свободное пространство у подножия Салев, и мы узнали, что здесь проходит уже граница Франции. Это огромное количество труда меня поразило. Смотришь, деревенские дома. Каменные, многосотлетние. Смотришь, поля. Каждый клочок огорожен толстейшей, высокой стеной, склоны гор обделаны террасами, и вся страна разбита на клочки, обгорожена камнем. Я сначала не понимал загадки, которую мне все это ставило, пока, наконец, для меня не стало уясняться, что это собственность, это капитал, миллиарды миллиардов, в сравнении с которыми ничтожество наличный труд поколения. Что такое у нас, в России, прошлый труд? Дичь, гладь, ничего нет, никто не живет в доме деда, потому что он при самом деде два-три раза сгорел. Что осталось от деда? Платье? Корова? Да ведь и платье истрепалось давно, и корова издохла. А здесь это прошлое охватывает всего человека. Куда ни повернись, везде прошлое, наследственное... И невольно назревала мысль: какая же революция сокрушит это каменное прошлое, всюду вросшее, в котором все живут как моллюски в коралловом рифе?»

В России поступать подобным образом физически было просто невозможно. Препятствовали базовые хроногеомет-

235

рические параметры. Напомним, что по развиваемым нами топологическим соображениям политическое пространство векторизовано. Колонизация, индустриальная цивилизация идут с Запада на Восток. Культура, информация идут с Севера на Юг. Варварство, терроризм идут с Востока на Запад, с Юга на Север. Хроногеометрическая особенность России в перекрещивании этих потоков. Россия сдерживает колониционный напор Запада, противодействует движению аборигенов Востока. Испытывает культурно-информационное влияние Севера, в свою очередь выполняет миссию культурно-информационного донора для внутренних колонизируемых окраин.

Огораживание от варваров с их уничтожением, ассимиляцией, изоляцией (резервацией) в России не происходило. Россия экспортировала чиновников на места (аппарат генерал-губернаторств) и импортировала (с Петра I вплоть до наших дней) бюрократию для нужд собственных. Эта управленческая транспортация, однако, не заменяла собой огораживания. В отсутствие последнего не созидалась собственность, геополитика не трансформировалась в хронополитику. Территории не культивировались. (Едва ли не исключительный эпизод национальной истории, связанный с радикальным огораживанием, — недолговечный период «железного занавеса». СССР отгородился от «враждебного мира», созидал в одиночку новое общество и добился-таки на этом пути разительных результатов, от многих из которых потом отказался.)

Тем не менее жить в мире и быть огороженным от него на продолжительное время невозможно. Мир целостен, взаимосвязан.

Огораживание — самый первый, исходный шаг: уйти из мира, дабы через державное отстранение от варваров вернуться в мир, вписаться в цивилизацию (сквозь почву). Этой-то начальной онтогенетической фазы не хватало нашей державности, не ушедшей вполне от варварства (обуза периферии сказывается посегодняя) и оттого не преодолевшей вполне хаотичности.

• НЕПРАВОВОЙ СТРОЙ. На Западе государство с периода позднего Средневековья — начала Возрождения

236

постепенно складывается как правовое — развивается законотворчество, вводятся, кодифицируются формальные принципы регламентирования деятельности, нащупывается механизм разделения властей, отрабатываются процедуры принятия ответственных решений, расчленяются компетенции государства, общества, личности с соответственными функциями, гарантиями, свободами. Никакой схожей правоустановленности в России не оформляется. Этнопсихологически в России укоренялось не правоканон, установленный порядок исполнения, а право-правда — сочетание закона с истиной и справедливостью. Привнесение содержательно, интуитивно толкуемых моментов, очевидно, подрывало процесс юридизации державных, гражданских связей (у нас, к слову сказать, в практике атрофированы такие классические разделы, как частное и публичное право). Русскому, отмечал В. Астафьев, «легче поступиться... юридическим началом, легальностью, чем моральностью». Этим все сказано. Социально-политически формирование правового нигилизма, неправового импульсивно-авантюрного властвования инспирировали два эпизода отечественной истории: а) кризис Киевской Руси, перемещение центра власти в Москву, являвшей в противовес городской киевской тип сельской организации и снабдившей нас свойственным ей «теплым», неформальным характером обмена деятельностью; б) монголо-татарское нашествие, привившее России модель империи. Создатели Московского централизованного царства — «чингисиды» — Иван III, Василий III, Иван IV, с одной стороны, институционализировали идею империи (политическая гегемония Москвы в государстве и мире; Москва — третий Рим), а, с другой стороны, уничтожили народную вольницу (разгром Новгорода — последняя веха на пути пресечения вечевого традици).

Страна в целом, никто в ней в особенности никогда не жили по праву. Манифестом 1762 г. Екатерина II торжественно обещала законы, кладущие учреждениям пределы их компетенции. Обещание осталось невыполненным. Уже в следующем веке подготовкой проекта Основного закона

237

озабочены Сперанский (1809), Новосильцев (1818), Лорис-Меликов (1881). Но «увенчания здания» не происходит. Проект Основного закона Российской империи обнародован лишь в 1905 г. В 1906 г. (!) подданные ошастливлены отредактированным сводом «Основных законов», которые, правда, непрестанно нарушались подготовившей и утвердившей их инстанцией.-

У нас укрепилась разрешительная (волюнтаристская), а не регистрационная (формальная) система, обильно питаемая

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

произволом действия облаченных в державную тогу сановников. Не стремясь к систематичности, акцентируем моменты:

а) на монаршей стадии истории непретворенность начала примогенетуры (принцип первородства), подрывавшая неотъединенность социальных отношений от личностных и множащая смуту. Иван III самовластно тасовал претендентов на трон, Петр I не успел оставить завещание, вверг империю в череду ослабивших ее дворцовых переворотов. Казалось бы, Павел установил регламент — издал Акт о престолонаследии, превращавший империю из наследственной монархии по завещанию в наследственную монархию по закону. Документ «вносил в отечественную государственность реальные конституционные начала; он же избавлял страну от потрясений, лихорадивших ее почти весь XVIII в. Павел отменил несчастное и неудачное правило о наследовании престола, введенное его великим прадедом. И одновременно достроил здание примогенетуры, начатое еще Даниловичами в XIV—XV столетиях»¹⁵⁷. Правовой строй российской монархии продержался чуть более века. Сокрушил его не кто иной, как последний император российский Николай II, отрехшийся от престола не

¹⁵⁷ Пивоваров Ю. «Гений блага» русской политики // Рубежи. 1995. № 6. С. 72.
238

только от своего имени, но и от имени сына. Последнее противоправно, как, впрочем, противоправно действие Михаила, отрехшегося от престола в пользу Временного правительства. (Михаил не имел права отрехаться от престола, так как по статусу не имел права занимать престол);

б) *абсолютность*, несообразанность верховной власти с устоями, традициями, основоположениями. Актами воли Иван III, Василий III привлекали к заседаниям Боярской думы думных дьяков и думных дворян по основанию личной преданности; Петр I перенес столицу государства; Николай II разгонял конституционные законодательные органы управления; в январе 1918 г. Ленин закрыл Учредительное собрание, за открытие которого ратовал в феврале 1917 г.; Сталин раскрутил маховик репрессий политических соратников, соперников, «случайно» списанных, ни в чем не замешанных, неповинных лиц; Хрущев, впад в этнокоммунистическую эйфорию, занялся подношением территорий; Горбачев в разгар приступа «нового мышления» провалил геополитику; за сходное дело в 1991 г. принялся Ельцин, чтобы с 1996 г. с рвением приняться за обратное;

в) *конъюнктурность*: в угоду моменту приносятся в жертву интересы долгосрочные, зависимости порядка дальнего. Демонстративно антинациональное головотяпство с разрушением русских форпостов на Кавказе. Отечественная колонизация сдерживалась естественными (географическими) рубежами. Россия заняла Кубань, остановилась перед Кавказским хребтом. Она не пошла бы дальше в населенные враждебными мусульманскими народами районы, если бы не обращение единоверных и несамодостаточных в страновом отношении Грузии и Армении. Также в Азии — захват территорий подчинен естествен-

239

ной логике: юго-восточные границы беспокоили кочевые киргизы, налетчики ханств Кокандского, Бухарского, Хивинского. Завоевали их, подошли к естественным границам Гинду-кушу, Тянь-Шаню, остановились. Аналогично на Дальнем Востоке. Достигли Тихоокеанского побережья, обустроились, укрепились. Продвинулись на Аляску, но удержать ее не могли (в 1867 г. продали ее и Алеуты Соединенным Штатам за 7,2 млн долларов).

В 1859 г. русская армия в войне с кавказскими горцами под руководством Шамиля взяла важнейший опорный пункт вооруженной оппозиции на Восточном Кавказе — Ведено. Через каких-нибудь 60 лет большевики начали ликвидировать казачьи округа (рычаги колонизации), депортировать русских, упразднять русские административно-территориальные единицы в национальных районах, поражать русских в правах при формировании выборных местных органов власти. Особенно отличался мастер на все руки Орджоникидзе (большевистский эмиссар на Украине, Кавказе, в Закавказье, Председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ, зампред СНК и СТО СССР, председатель ВСНХ, нарком тяжелой промышленности). В секретном приказе № 1721 по кавказской трудармии он предписывал: «Первое — станицу Калиновскую сжечь; второе — станицы Ермолаевская, Закан-Юрловская, Самашкинская — отдать беднейшему безземельному населению и в первую очередь всегда бывшим преданным советской власти нагорным чеченцам; для чего все мужское население вышеозначенных станиц от 18 до 50 лет погрузить в эшелон и под конвоем отправлять на Север... для тяжелых принудительных работ; стариков, женщин и детей выселить из станиц, разрешив им переселиться в хутора и станицы на Север»¹⁵⁸.

¹⁵⁸ *Отечественная история. 1992. № 4. С. 37.*

240

Еще через 70 лет после всех этих «революционно-освободительных» мероприятий в 1995 г. федеральные войска с боем опять штурмуют Ведено, дабы восстановить конституционный (!) порядок;

г) *келейность*. Об упомянутой продаже Аляски знали всего трое — монарх, премьер, минфин. Проект Брестского мира сложился в горячем уме одного человека. Отсутствие гражданского общества, парламентской процедуры легитимации решений, политической плюральности неизбежно подсекало патриотизм, здравомысленность в угоду властному корыстному шкурничеству. Характерный пример. В мае 1923 г. Политбюро ЦК РКП (б) обсуждает вопрос о продаже Сахалина Японии и постановляет: оно «не возражает против дальнейшего ведения переговоров в направлении продажи острова Сахалин, причем сумму в миллиард (долларов. — *Авт.*) считать минимальной». Национальными территориями торгует партия. Даже не партия — горстка ее высших бонз. И торгует далеко не в интересах народа. «Сумма, — уточняет решение, — должна быть внесена или вся или 9/10 ее наличными, причем на эти суммы не могут быть обращены никакие расчеты между Японией и Россией».¹⁵⁹ Иначе говоря, поступления полагали провести по партийной кассе, которой распоряжался лично Ленин, потом Сталин. По чистой случайности сделка не состоялась: для

Японии заявленная сумма оказалась чрезмерной. В противном случае территориальный вопрос между нашими странами выглядел бы иначе;

д) *сокрытие законов*. Интересный случай приводит Ключевский. Закон 1827 г. о 4,5 десятинах, внесенный в первое издание Свода законов, вдруг

¹⁵⁹ *Известия. 1992 31 июля.*

241

выпал из второго издания этого же Свода. Закон не был отменен, он просто пропал без вести. Точно так же поступили с законом 8 октября 1847 г., предоставляющим крестьянам право имения, продававшимся с торга, выкупать с землей. В новом издании Свода законов положения 8 октября нет. «Высшая власть не отменяла закона; бюрократия, устроенная для установления строгого порядка во всем, представляла единственное в мире правительство, которое крадет у народа законы, изданные высшей властью».¹⁶⁰ Сказанное — не раритет николаевской эпохи. По некоторым данным, 70% законоустановлений советского периода засекречено; е) *кастовость*. Власть эшелонирована, замкнута, неротируема, неподконтрольна, милитаризована. Лишь в XVIII в. освобождено дворянство, в XIX в. — крестьянство. В отсутствие конституционности, парламентаризма, открытости власть монополизирована высшим руководством — промонархическим, пробольшевистским. Властным отечественным элитам атрибутивна жесткая иерархичность, консолидированность. Традиции интегрированности власти развили большевики, придавшие ей квазисословный — партократический характер. Советская фаза власти — партноменклатурная, воплотившая аутентичную марксову схему народного государства. О последней еще Бакунин сказал, что в сущности она не предлагает ничего иного, как управление массами сверху вниз посредством интеллигентного и поэтому самого привилегированного меньшинства, будто бы лучше понимающего настоящие интересы народа, чем сам народ;

¹⁶⁰ *Ключевский В. О. Соч. М., 1989. Т. 5. С. 256.*

242

ж) *своенравность, взбалмошность, граничащая с самодурством*. Поклонявшийся Фридриху II российский самодержец Петр III жаловался на судьбу (польскому посланнику Ст. Понятовскому): «...как я несчастен. Я бы поступил на службу прусского короля, служил бы ему со всем моим усердием и, конечно, был бы теперь командиром полка в чине генерал-майора или даже генерал-лейтенанта. А меня, вместо того, привезли в эту проклятую страну и сделали великим князем». Жалобы жалобами, но игравший по достижении совершеннолетия в солдатики полудурок монарх-пьяница по своей прихоти отменил завоевания России в Семилетней войне, вопреки национальным интересам заключил невыгодный мир с Пруссией. Аналогично поступил его сын, обиженный судьбой Павел, ненавидевший мать, Екатерину II, и своевольно аннулировавший многие ее державные начинания. Павел отменил большой рекрутский набор, указ о перечеканке монеты, раздал 300 тыс. госкрестьян частным лицам, запретил губернские дворянские собрания, отменил право избирать дворянских заседателей в губернские и уездные учреждения, **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

возобновил посессионное право (его отменили в 1762 г.), восстановил упраздненные Екатериной коллегии, сломал ее областное деление (его восстанавливали), преследовал европейскую моду (фраки, круглые шляпы, идущие из Франции и якобы навевающие революционность);

з) *репрессивность*. Никто никогда в России в обход права не останавливался перед мерами крайними. Борьба с собственным народом в веках, понятно, — варварство. Но как оценивать события исторически близкие? С 1918 по первое полугодие 1919 г. произошло 340 восстаний крестьян, нещадно подавленных. В Перми в 1918 г. казнено 800 рабочих, в Астрахани в марте 1919 г. рас-

243

стреляны тысячи пролетариев. В августе 1922 г. в секретной инструкции органам Ленин назидал: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и... буржуазии удастся нам... расстрелять, тем лучше». Лучше — кому? Вопрос риторический; и) *преторианство*. В отсутствие силы права заявляется право силы. Непомерно велика в нашей истории политическая роль императорской гвардии, временщичества, вершащих перевороты дворцовые. С Елизаветы Петровны, запутавшейся в фаворитах, морганатических связях, убитых Петра III, Павла у нас претворяется истина — выбирающий господина не раб. Противостоять могущественному окружению августейших лиц столь же безрезультатно, как неодушевленной стихии.

• АТРОФИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА. Гражданское общество — множество самостоятельных учреждений граждан по интересам, контролирующих проявления государства и амортизирующих его отношения с личностью. Предпосылками институционализации гражданского общества как противовеса государству являются: а) атомизация собственности — укоренение частного владения, пользования, распоряжения богатством, благами; б) фрагментация политической сферы — укоренение легально-легитимных процедур отстаивания частичных интересов; в) гуманитаризация самосознания — укоренение в лице внутреннего свободного качества «субъекта для себя». Все эти условия пребывали в России в притупленном состоянии. В стране существовал дефицит свободы. Герберштейн в «Записках о московских делах» (XVI в.) отмечал: русские находят «больше удовольствия в рабстве, нежели в свободе». (И это при отсутствии в России канонического формационного рабства.) Почему? Вследствие всеислия власти. Трезво, зорко, энергично об этом высказывался Сперанский: «...Вместо всех пышных разделений

244

свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только по отношению ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов».¹⁶¹

Искомую перемену незаурядный реформатор государственности видел в преодолении «ощутительного противоречия, какое у нас есть между видимою формой правления и внутреннею, в исполнении на самом деле того, о чем в продолжении целого века

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

государи твердили народу, в утверждении престола не на сне народа и очаровании предрассудков, но на твердых столпах закона и всеобщего порядка».¹⁶²

Итак, рецепт найден — конституционное правовое государство и гражданское свободное общество. Однако рецепт нового бытия Россия не восприняла, во всех политических частях не преобразилась. Причинами того был блок факторов.

1. Противодействие самодержцев. Планы социально-политической реорганизации институтов торпедировались инициаторами. Отслеживая перспективы либеральных преобразований, Александр I недоумевал: «Что же я такое? Нуль. Из этого я вижу, что он (Сперанский. — *Авт.*) подкапывается под самодержавие, которое я обязан вполне передать наследникам своим».¹⁶³ Однотипно поступал Николай I, отвергший массу проектов реформ Комитета 6 декабря (о разграничении полномочий Госсовета и Сената, учреждении Совета Министров, перестройке центральных ведомств и местных учреждений, решении крестьянского и сословного вопроса). Реформе Александра I воспрепятствовала бомба Гриневицкого. Далее проявилось влияние Победо-

¹⁶¹ Сперанский М. М. Указ. Соч. С. 43.

¹⁶² Там же. С. 51.

¹⁶³ Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Спб., 1905. Т. 4. С. 185.

245

носцева, крайний консерватизм Александра III, узколобость Николая II, толковавших гражданские реформы не иначе, как «бессмысленные мечтания». 2. Социальный синкретизм. Учреждения гражданского общества ограждают от произвола властей, сдерживают проявления деспотизма, поставляют гарантии суверенности, самостоятельности лица, обеспечивают законный интерес индивида от посягательств госмашины. Но в отсутствие развитой политической жизни, правопорядка, гражданской элиты, известного класса людей, «особенно предустановленных к охранению закона» (Сперанский), любое ослабление государственности в России, любой его уход с авансены жизни означал разгул бесправия, раздолье произвола. Своенравно, безначально наше государство, но оно же — защита от куда большей своенравности, безначальности его подданных. Не надо искать деспотов на стороне. Они — в нас, кто при неорганическом взаимодействии с социумом реализует самость по своей стати.

Россия задавлена самовластием верхов, но в не меньшей степени самовластием низов. Маленький человек — диктатор в своем локале (как у Вяземского: «коллежский регистратор — почтовой станции диктатор»), проявляет беззастенчивость в пределах собственной компетенции.

Лучший способ преодолеть варваризм беспредела — установить органичность функционирования как общественного целого, так и лица в общественном целом через рычаги права, собственности, гражданской, моральной ответственности. В России (пока!) этот способ не материализовался. Материализовалось иное — крепостнический, репрессивный, террористический механизм проявления как целого, так и лица в целом. Управой на произвол и

государства и лица в государстве в рамках разрешительной (не регистрационной) системы обмена деятельностью оказывалась дубина государства. Государство перманентно увечило себя (бесконечные встряски, чистки, перетряхивания), но и народ, подданных.

246

С усложнением общества усиливается зависимость социума от лица — его квалификации, участия, опыта. Простор самореализации лица — это и прогресс общества: коллективное развитие зависит от индивидуального, представляя тракт движения к высокому, совершенному. Но условия самотворчества личности создает общество. При органическом устройстве оптимальность предпосылок самовозвышения достигается правовой жизнью на микроуровне. (Удел макроуровня — ориентировать правосознание и праводействие на ФСК. Макроуровень, следовательно, задает как бы субстанцию, тогда как микроуровень — функцию правопорядка, законности.) Чему способствует многократное дробление и институционализация интересов, прав, обязанностей, выражений комплексов, сущностно связанных с любым и каждым структурным элементом последовательности государство — общество — личность. В российском же нерасчлененном синкретичном мире, где «общество» было «общиной», «царь» — «батюшкой», «генсек» — «отцом народа», социальное целое, «страна» строилась как «семья». Отпочкование от синкретичного целого ветвей гражданского общества в народном, массовом сознании воспринималось как затворничество, подпольность. Оттого едва ли не первоначальными носителями духа гражданского общества у нас были раскольники, масоны, т.е. противопоставляющие себя целому слою, если уж не прямые конспираторы, то во всяком случае маргиналы, находящиеся на периферии общественной жизни, обочине национально-культурного существования.

3. Традиционная неготовность граждан согласовывать жизнь с твердыми началами законности, которая требовала бы институционализации. В народе — внизу — при всей забитости, подневольности развит институт свободолюбия, тлеет стихия протеста, принимающая форму вызова — неправых бунтарских, эскапистских акций. (Илья Муромец обиделся на князя — принял рушить порядок, государственность.) В элите — вверху — невзирая на права, вольности, преиму-

247

щества благородства рождения (грамота Екатерины II 1785 г.), нет тенденции обустроивать жизнь законосообразно, относясь к ней как к формально правовому явлению. Начиная с декабристов, оппозиция заявляет интерес не через институты, а прямую пикировку, противостояние. Отрадное и, пожалуй, единственное исключение — Сперанский, бывший членом суда над декабристами, людьми ему близкими. Участники выступления 14 декабря для него — преступники, восставшие против законной (!) власти, а потому заслуживающие наказания. Единство слова и дела, помысла и поступка в данном случае проявилось в подписании осуждающего приговора: Сперанский пошел до конца в отличие от, скажем, не решившегося на это Н. Мордвинова.

• ИДЕОКРАТИЧНОСТЬ. Взоры беспутного сапожника, замечает

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Фейербах, следят за штопором, а не за шилом, — оттого и происходят мозоли.

В России жизнь ориентирована не на право, а на правду, не на формальные принципы, а на содержательные начала — ценности. Причем если на Западе вопросы ценностей вследствие атомарности сосредоточены в частной сфере, в России вследствие синкретичности — во властно-государственной. Развитие социальности здесь подчинено правилу монополизации властью ценностных аспектов жизни. Апофеозом такой монополизации стал тоталитаризм, всецело определявший углы, градиенты аксиологических дрейфов. На Западе приватизация ценностных отношений влекла, с одной стороны, универсализацию единой и единственной ценности в лице национального интереса, а, с другой, — стимулировала политико-социальную консенсуальность (ввиду легитимности гражданского плюрализма). В России этакратизация ценностных отношений умножала раскол, усиливала расслоение на адептов и «внутренних врагов», увеличивала напряженность, репрессивность, исключала преемственность.

248

Новая ценность — новый курс. Не продолжение старого на основе улучшения, а тщание нововведений на базе разрушения. С неперемнной ликвидацией апологов прошлого.

Владимир дал Руси ценности. Петр начал их изничтоживать. Ударил по церкви (обмирщение, отмена патриаршего духоводительства, замена предстоятеля национальной веры светским лицом — обер-прокурором Синода, индульгенция на нарушение тайны исповеди в случае подрыва интересов государства (характерная деталь — на Западе нарушение этого таинства — трагедия для представителя культа (фабула «Овода»), тогда как в России — моральный долг), старомосковской старине, домостроевской Святой Руси (подавление стрелецкого бунта — кульминация и финал борьбы с традицией), принялся за европеизацию, перенес столицу (географический раскол державы). Взяли власть большевики — огнем и мечом стали внедрять антизападничество, что потребовало новой духовной апологии, а значит, интеллигенции. Отечественная интеллигенция в массе была уничтожена (вырезана, выслана). В цивилизационной пустыне развернулось возведение рукотворного памятника новым порядкам.

Столь неорганический стиль реформирования — от идеократичности. Он будет воспроизводиться до тех пор, пока страна, государство, народ пребывают в заложниках у носителей очередных, а то и внеочередных ценностей. Социальные ценности и частная жизнь должны быть правовым способом надежно разведены, разграничены. Тогда Россия приобретет гарантии от коловращения по тлетворному циклу, имеющему фазы: самоневерие — самоиспытание — самоистязание. Мы более не в силах начинать сначала, как Ромул, на пустом месте; оглядываясь назад, понимать, что сделано нечто не то, и посему, точно китайский болванчик, падать в обморок.

• **ДИСТАНЦИОНАЛЬНОСТЬ.** Политическая хроногеометрия позволяет различать дистанционный (А) и институциональный (Б) тип власти. (А) осуществляет контроль пространства,

экстенсивен, основан на даль-

249

нодействии. (Б) производит контроль времени, интенсивен, основан на близкодействии. (А) реализовался в России, (Б) — на Западе.

Российская дистанциональность от неправового строя социальной коммуникации, которая не крепилась на универсально кодифицированных нормах, регуляциях обмена деятельностью. У нас «обильное законодательство при отсутствии закона» (Ключевский) сплошь да рядом пробуждало то, что (в непадении в словотворчество) заслуживает-таки присвоения особого имени — «державного хроноспазма».

Державный хроноспазм — провал в архаичную неотрегулированность жизни, безнарядье, когда за неимением регламента деятельности и невозможности постоянного вмешательства центральной власти на микроуровне идет тотальная разрушительная работа, впадение в хаос, восторг дезорганизации. Не погружаясь в сюжет, подчеркнем лишь, что институциональная форма в отличие от дистанциональной, функционируя как спецификация общего закона на местной конкретике, достигает эффекта самоорганизации локального уровня без всегда затратных возмущающих вмешательств центрально-государственных органов. В России за неимением федерального регламента, расписывающего полномочия центра и окраин, государство замыкало на себя все.

При неразвитости местных, региональных управленческих институций персонификатором госмашины в провинции был наместник. (Российское государство исходно строилось по принципу не окраинного самоуправления, а наместничества.) Наложение центральных экспортируемых на окраины правил, преломляемых и извращаемых (небескорыстным) миропониманием наместников, на аборигенные устои (при атрофии правового поля) склоняло к бесправным, волонтаристским импровизациям, субъективным авралам (от какого-нибудь вымышленного Угрюм-Бурчеева до вполне реального застрелившегося в хрущевское время первого секретаря рязанского обкома КПСС Ларионова), плодя дисгармонию.

250

В пределе дистанциональность воспроизводила не цивилизованную борьбу отрегулированных функций сдержки и противовесы в разделении властей, а дикую войну произвольно толкуемых ценностей. Ценностная война — самая разрушительная, и она — печальный факт России. Эта война велась:

а) на персональном уровне — с «мундирным анархизмом», бытовой конфликтностью (провинившегося сына наказывал не отец, а сельский староста);

б) на социальном уровне — с криминальным безнарядным элементом, для которого произвол — закон, преступление — доблесть, убийство — подвиг;

в) на державном уровне — как с собственным народом, так и с «инородцами». Собственный народ либо восставал, либо «выходил» из существующего порядка, брел розно, бежал из государства (благо было куда, позволяли пространства). «Инородцам» — выходцам с окраинных колонизированных территорий центр

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

выплачивал своеобразную дань в виде поблажек: гражданских (представители национальных районов вплоть до сформирования «дикой» дивизии в 1914 г. во избежание подрыва генофонда не призывались в армию; льготы на обучение); политических — представительские квоты, соблюдение автономии интересов (о последнем — убедительно у Столыпина: «В России... сила не может стоять выше права! Но нельзя... допускать, чтобы одно упоминание о правах России считалось в Финляндии оскорблением»)¹⁶⁴, большевистская тактика инспирации этнических административно-территориальных единиц в соответствии с ленин-

¹⁶⁴ Столыпин П. А. Полн. Собр. Речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906 — 1911. М., 1991., С. 147.

251

ким императивом «лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить».¹⁶⁵ И пересаливали — и депортировали этнических русских, казаков (Туркестан, Северный Кавказ), ликвидировали русские поселения в национальных районах, поражали русских в правах при выборах в местные органы власти; экономических — развитие дотационного редиistribuтивного хозяйства, превратившегося в подпитку «окраинного варварства»; традиционных — соблюдение колорита этнокультурной микрофлоры (в присоединенных Эстляндии и Лифляндии, где в основном господствовали немецкие и шведские феодалы, сохранены сословное самоуправление, вотчинная полиция).

Отсутствие федерального регламента державостроительства — печальная и опасная подробность, вызывающая в отечестве характерную для него борьбу не партий (структур гражданского общества), а учреждений, не функциональную дифференциацию властей, а дифференциацию функций власти. На Западе каждой властной функции соответствует полномочный субъект; у нас каждому полномочному субъекту соответственно множество властных функций. Подобное обстояние дел снимает возможность выработки формально-правовых консенсуальных решений. Сущность консенсуса — увязывание интересов властных лиц. У нас же не с кем учреждать консенсус. Можно лишь более или менее централизованно отпускать вожжи или натягивать их. На Западе «монополия легальности» (Зиновьев) стягается правом, у нас — партией власти (монархической, коммунистической). На Западе (при правовом взаимодействии, противоборстве политических интересов) проявление центром сверхнормативных прерогатив ненужно, избыточно. В России (в легитимно неочерченном поле политического взаимодействия)

¹⁶⁵ Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. Т. 45. С. 360.

252

роль центра особа: вся и всякая борьба всегда идет в центре и с центром, представляющими его министерствами, ведомствами.¹⁶⁶

Преодоление типично догосударственного состояния, когда в неналаженности правового диалога «правительство — общество» из подспудья влияют произвольные факторы (пускай они будут хоть самыми высокими ценностями типа «земля», «воля», «правда»), видится в направленном дрейфе к институциональности. В противном случае время затеряется на пространстве России. Страна

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

будет ввергнута в Вандею всеобщего восстания провинции против центра.

Тацит, рассуждая о войне хаттов с херусками, высказывал мысль, что ресурсы империи не могут служить варварам. В национальной колонизации сделано много ошибок, но преступно усугублять их сегодня прямой поддержкой воюющих с центром периферий. Их надо втягивать в цивилизационный процесс с применением дифференцированного политического регламента и регионального хозяйственного расчета.

• МЕССИАНИЗМ. «Все великие и творческие нации в истории, — уточняет С. Булгаков, — имели и имеют свое особое самосознание, в этом выражается их „национализм“». ¹⁶⁷ Наш отечественный национализм — безотчетная, вдохновенная вера в «бога», «царя», «героя». Россия — страна упования, которое, подтачиваясь в обстановке «кризиса правды», ввергало народ в смуту. Подоплека всех без исключения российских кризисов — ценностная.

Как отмечалось выше, христианство сыграло незаурядную роль в державной консолидации славян, но дискредитировало предметы их исконной веры. На Западе боролись с христианством, у нас — за христианство. Этим все

¹⁶⁶ См.: Пивоваров Ю., Фурсов А. *Русская система // Рубежи. 1995. № 5.*

¹⁶⁷ Булгаков С. *Расизм и христианство// Тайна Израиля. СПб., 1993. С. 352.*

253
сказано. Первый фронтальный кризис славянской культуры — кризис собственного многобожия. Затем — церковные расколы, петровская секуляризация, большевистская атеизация. В массе народ лишился религиозной веры. Далее — кризис «царства»: смутное время. Государство превратилось в антинародную силу. Вера в него подменилась суеверием. Русские, акцентирует Соловьев, теряют политическую веру в Москву, верят всем и всему. ¹⁶⁸ Держава, кажется, гибнет — аннексия, оккупация. И вдруг. Что? Спасают герои: «Начинают пробуждаться силы... национальные, идущие на выручку гибнувшей земле». ¹⁶⁹ Окончательный крах «царства» — «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., после которого дни российской монархии сочтены. Потом — банкротство «героя» в виде затяжного, непременно драматического разоблачения, развенчания сотворенных кумиров. Кумиров на Руси нет более.

Упомянутые кризисы сильны, остры, глубоки, однако частичны. Это кризисы объектов веры. Но разыгрался в стране труднопереживаемый кризис веры как таковой. Суть его — в духовном провале идеи Москвы как третьего Рима, которая подавалась не вероуचितельно, а как «проявление царского могущества, мощи государства». Третий Рим складывался то как Московское царство, то как империя, наконец, как третий Интернационал. ¹⁷⁰

Крушение одного и второго, и третьего лишило народ святынь.

Утратив веру божескую, он не обрел веры светской. Для апологов самобытной православно-почвенной идеи России это — катастрофа. Для нас это — конец утопического реализма. Расставаясь с мессианством (внутренним и внешним), пора

становиться быть «как все»: жить по праву и национальному величию.

¹⁶⁸ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. 4. С. 450.

¹⁶⁹ Ключевский В. О. Соч. Т. 3. С. 56.

¹⁷⁰ См.: Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 50.

254

• РЕТАРДАЦИЯ. «Европа, — утверждает Бёлль, — шла и будет идти от ренессанса к ренессансу». В России же — сплошь да рядом замедление и возвращение державного хода. Европейские реформы кумулятивны, отечественные возвратны. Примечательна деталь: многие, казалось бы, решенные навечно в истории проблемы приходится решать вновь. Лишь несколько взятых почти наугад тому подтверждений.

Социальное представительство: пульсация думско-советского принципа. Древний думский статус представительских выборных законосовещательных (Государственная дума) и самоуправленческих (городская дума) учреждений с марта—апреля 1917 г. замещается советским (стихийно возникшие, затем инспирируемые большевиками советы либо вводили своих представителей в думы, либо распускали их). Тот, в свою очередь, с 1993 г. уступает место думскому (упразднение советской формы с октября 1993 г.).

Державостроение: пульсация уездно-удельного принципа. Отвечающее логике державности уездное начало вводит территориально-губернскую основу внутреннего устройства России. Согласно с конъюнктурной логикой борьбы и условий удельное начало внедряет национально-территориальную архитектуру российского государственного тела. Исстари всенепременно удельная фаза провоцирует хаос, беспорядок, тогда как уездная фаза — порядок, организацию. Удельный строй утверждается с Всеволода, в противоположность бывшему княжению по роду учредившему вотчинный порядок, децентрализацию. Уездный строй утверждается с Ивана III и Василия III, трудившихся над централизацией. В смутные времена с кризисом государственности преобладала удельность, в имперский момент превалировала уездность. Сугубый импульс подрыву уездности сообщили большевики, принявшие абсолютно порочную установку (ими самими никогда не воплощенную) на национально(этно)-государственное самоопределение. Если в добольшевистские времена активизация удельного начала может быть синхронизирована со 100-летним интервенционистским циклом:

255

1610 г. — Смутное время; 1709 г. — Северная война; 1812 г. — Отечественная война; 1905 г. — русско-японская война (ошибается Ключевский, говоря: «...Война с благополучным исходом укрепляла сложившееся положение, политический порядок, а война с исходом непристойным вызывала отечественное недовольство, вынуждавшее у правительства более или менее решительную реформу, которая служила для него своего рода переэкзаменовкой». ¹⁷¹ На фактуре приведенного цикла проступает:

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

война с любым исходом, volens-nolens ослаблявшая государственность, подготавливала скачок в удельную фазу), то в постбольшевистскую эпоху впадение в удельность искусственно инициировано вспышками украинного сепаратизма. Государственно-исторический циклизм — функция не временная, а факторная. Большевики сбили факторный ритм (производный от интервенции с последующим подрывом государственности), поставили реставрацию удельности в зависимость от спонтанных деструктивных выбросов национализма.

Федеральный регламент. Соотношением центрального (федерального) и местного в управлении озабочивался еще проводивший земскую реформу Иван IV. Он сделал ставку на развитие не местного самоуправления, а на централизованные рычаги руководства, отдаваемые выборным с мест. Петр I и Николай I усиливали этакратизм, укрепляли центральное государево наместничество. Александр II развязал полномочия местных (земских, городских) инстанций, которые были урезаны Александром III. За всю историю мы так и не отработали ни центрального, ни земского механизма. Центрального, потому что местные органы власти зачастую действуют самостоятельно, безотчетно. Местного, т.к. выборные периферийные власти во многом ведут не местные, а общегосударственные дела по указаниям (и без оных) и под надзором (и на свой страх и риск) центрального правительства.¹⁷²

¹⁷¹ Ключевский В. О. Соч. Т. 4. С. 190.

¹⁷² См.: Там же. Т. 2. С. 345.

256

Не навели порядок в этом деле и безалаберно властвовавшие большевики, полагавшиеся на инициативу то своих ставленников (эмиссаров, комиссаров, уполномоченных), то классово родственных окраинных элементов (комитеты, советы). Введение государственной ответственности на местный уровень в наши дни осуществляет практика союзных договоров. Однако она безрегламентна. Какой бы то ни было формально-правовой универсальности за ней нет. Как и прежде, за подписями представителей субъектов федерации и центра — фон личности, который трансформируется в зависимости от обстоятельств. Поставим и оставим без ответа только один вопрос: как поведет себя, к примеру, Татарстан, получивший по договору ассоциированное членство в РФ, при смене Шаймиева фигурой вроде г-жи Байрамовой?

Национальный вопрос. Распад империи, суверенизация окраин издавна ведет к всплеску межнациональной розни. После октября 1917г. декларирована независимость Закавказья. Начались усобицы Грузии с Осетией, Абхазией, Аджарией, которым отказано в праве на самоопределение; Армении с Грузией из-за территориальных претензий; Армении с Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха, Нахичевани. С возвращением в СССР в 1922 г., который в урезанном виде воссоздал Россию, конфликты погашены.

Пикировки националистических и пророссийских группировок в республиках продолжали внутренний хаос, прямое квислингианство. На Украине с начала 1919 г. после бегства в

Германию гетмана Скоропадского власть взяла Директория во главе с Петлюрой и Винниченко, которая не преминула (нота от 27 февраля 1919 г.) отдать страну под протекторат Франции. В конце 1918 г. в Эстонии и Литве, а в начале 1919 г. в Латвии сформированные советские организации высказались за федеративный союз с РСФСР. Однако параллельные им буржуазные органы обратились к Антанте, Польше, Германии за военной помощью. После оккупации Прибалтики немцами и белополяками с советскими, пророссийскими настроениями покончено.

257

Есть ценности превыше частной деятельности. Ими являются права, статус этнических русских в республиках. Этнические русские — естественные ставленники метрополии, социально-политическим положением которых на окраинах (колонизированных перифериях) жертвовать недопустимо. Тем не менее дискредитационная практика такого рода — норма. И финал ее всегда — трагический. Россия (империя) создавала и поддерживала государственность в республиках по космополитическому признаку. Националистический элемент — по этническому. Этнические русские либо выдавливались с национальных территорий, либо погружались в нетерпимую среду бытового шовинизма. Как бы там ни было, колонизация состоятельна, если связана с этнической импорацией из метрополии. Укреплению многонациональной теллурократической метрополии противопоказана инициация госстроительства в национально однородных районах. Опыт свидетельствует: империя заходит в тупик, когда не имеет поддержки русских анклавов на местах. Надо всемерно наращивать, укреплять метропольную диаспору. Страновое тело России возникло как результат сухопутной колонизации. Скрепляющий обруч ее — этнические русские. Где они сильны — сильна держава, где слабы — забиваемая чертополохом национализма государственность.

История, увы, наших политиков не учит. По однотипному сценарию шло отпадение от России прибалтийских частей в послереволюционные дни 1917 и 1991 гг. По сходным схемам идет обострение республиканских проблем в монархической, большевистской, либерально-демократической России.

Геополитика. В отличие от политических геополитические компромиссы неоправданны, недопустимы. Ярослав Мудрый, Иван ГУ, Петр I, Екатерина II, Николай I, Александр II решали проблему обретения великой державой права на акватории: велись северные войны, предпринимались азовские, крымские походы. В настоящий момент страна в ситуации исходной. Потерян Крым, утрачены базы, порты на Балтике. Необходимо строить терминал в Крон-

258

штадте, реконструировать Архангельский порт, через Польшу пробивать шоссейный коридор в Калининград.

При культивации СССР всегда забывали о том, что административное внутреннее деление не изоморфно делению государственному. В ходе перекраивания, переподчинения территорий ни у кого не возникало и тени завиральной идеи о превращении Украины, Балтии, Казахстана в лимитрофные зоны.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

По закону 3 августа 1940 г. о включении Литвы в состав СССР пункт 2 оговаривает передачу ей 6 белорусских районов. Хрущев поднес Украине Крым. Исторически не имевший государственности, никогда не проводивший делимитации Казахстан получил многие российские земли. Тарту (Юрьев) отошел к Эстонии. Как будто не было Ништадтского мира, Потсдама, Хельсинки. С 1991 г. в России вообще утрачена генеральная геополитическая линия.

Обобщение назидательных фактов отечественной истории позволяет вычленить пульсацию политического — геополитического принципа. В политической фазе с кризисом центральной государственности идет сдача пространственных (территории, акватории) богатств. В геополитической фазе предпринимается пространственный реванш — собирание земель вокруг крепнущей центральной государственности.

Хозяйство. Никакая реформа не идет до конца. Начинаясь, останавливается, корректируется, отменяется. Все буксует, через какой-то срок требуя нового исполнения. Так было с освобождением крестьян, аграрной реформой, введением хозрасчета. Так было едва ли не с наиболее удачной нашей реформой — нэпом. Размышляя над советской реальностью 20-х, проницательный Устрялов писал: нэп «имманентно нуждается в углублении, а его теснят и сокрушают... Либо нужно продолжать и, следовательно, расширять его, ставя... на частную заинтересованность и личную предприимчивость в деле воссоздания народного хозяйства, либо приходится понуждать население к новым жертвам, взывать к его революционному долгу, перестраивать всю систему на военно-подобный лад. Иначе гово-
259

ря, либо неонэп, либо решительное антибуржуазное наступление».⁷³ НЭП, как мы помним, был свернут, едва начавшись, что вовсе не отменило необходимости возвращения к нему с огромной темповой потерей в начале 90-х.

Отношение к традиции. Национальные корни, где возможно, обрубаются, преемственность подрывается. Россия — благодатная почва политического, культурного декаданса, авангарда, модерна. На крестьянах держалась Русь — их бесконечно ломали, изводили, разоряли. Вначале крепостничеством, затем политикой неперспективных сел. Выразивших миропонимание, умонастроение патриархальной толщи страны крестьянских поэтов подвергали остракизму. Ту же поэзию Есенина любимец партии Бухарчик трактовал не иначе, как «смесь из «кобелей», «икон», «сисястых баб», «жарких свечей», березок, луны, сук, господ бога, некрофилии, обильных пьяных слез и трагической пьяной икоты». Мейерхольд предлагал вдарить «Октябрём по театру» — и пострадал. С места на место переносили столицу — из домостроевской Москвы в европейский Санкт-Петербург (1712) и обратно (1918) по решению IV Всероссийского чрезвычайного съезда Советов. Переименовывали города, улицы и... возвращались к исходному.

Причина «ретарде» — не мятущаяся страстность национальной природы, а неправовой строй, непоследовательность. В результате

бесправности не возводятся в норму приобретения, завоеваниям не сообщается закрепленного законом статуса. В результате половинчатости отсутствует окончательная, полноценная воплощенность, завершенность создаваемых форм. Акции буквально дублируют друг друга, вызывая возвратные циклы, пульсации.

В России правит не закон, а воля; личностные усмотрения нарушают заведенный порядок вещей. От всего этого нужны гарантии. В виде законосообразных легитимных форм — правовых, универсальных устоев. Казахстан, Гру-

¹⁷³ Устрялов Н. В. *На новом этапе. Шанхай, 1930. С. 7.*

260

зия, Армения, Украина бежали от внешних угроз под опеку России. Хорошо. Россия брала их под патронат, несла издержки. Надо придать ситуации законосообразный и необратимый характер. Кто нарушит закон — преступник. Подсуден, караем. У нас же — не правовая договоренность (отсутствие регистрационной системы сказывается), а добрая воля. Последняя в атрофии рычагов права при подходе к государству как вотчине субъекта власти превращает державу в государство персонификатора власти, а не народа. Оттого в ущерб национальным интересам практикуется одиозная волюнтаристская обратимость.

• ЗАТРАТНОСТЬ. Реформы и откаты от них не оптимальны, связаны с неоправданными издержками, идут со сверхнапряжением, влекут насилие, перевоспитание народа, культивируют на национальной ниве чужеродные заемные идеалы. В результате петровских реформ Россия возведена в ранг европейских держав, но ценой разорения страны: налоги возросли многократно, потеряно 20% населения. В годы царствования Николая I при радикальном отказе от либеральных александровских начинаний с 1826 по 1850 г. имело место 576 антифеодальных выступлений. Страна требовала преобразований. Первое лицо государства на них не отваживалось. За начало правления Александра II, с 1856 по 1860 г., произошло 300 выступлений крестьян. Народ выстрадал реформы, о чем заявлял решимостью действий. Царь-вольнодумец пошел на нововведения, но по вине обстоятельств не воплотил намеченного. Реформа Столыпина встречена в штыки патриархально настроенным крестьянством, противящимся социальной дифференциации, развалу уравнительности. За 1918 — первое полугодие 1919 г. отмечено 340 крестьянских восстаний. Цифры, факты впечатляющие.

Наблюдается закономерность: чем более кардинальна революция, чем более бескровна, тем большую последующую угрозу для жизни народа представляет. Петровское обновление России связано с массовой гибелью людей. Но оно растянулось на 35 лет. В октябрьский (1917) переворот убиты 6 человек. Затем — гражданская война, в ходе

261

которой (с учетом и потерь от Первой мировой войны) утрачена примерно 1/4 национального богатства страны (от уровня 1913 г.). В августе 1991 г. по роковому стечению обстоятельств непреднамеренно погибли 3 человека. После — депопуляция народа как целого.

Мандельштам говорил о Хлебникове: поэт, он не знал, что такое
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

современник. Таково суждение литератора о литераторе. Один, живущий вечным, высказывается о другом, к вечности причастном. Однако «вечность» в смысле отрешенности от современности не может быть кредо реформатора. Реформа поглощена жизненным, сиюминутным. По сути своей она рассчитана на современников, живущих настоящим. Реформам противопоказаны:

а) *деструктивность*: хочешь обновлять — не разрушай, а обихоживай. Отечественная же реформация идет согласно правилу: хочешь разбогатеть, не прибавляй богатства, а избавляйся от желаний. Финал наших модернизационных починов — безмолвие города, только что занятого неприятелем;

б) *революционность*: порок революций — прерыв времен, гражданских фаз, поколений. Революция толкует наличный актив гражданственности как грязь и пыль на дороге, бревна и камни под колесами. В результате, перефразируя Герцена, — ситуация Кустада, указующего на пустую стену, разбитое изваяние, выброшенный гроб и повторяющего: «Все это сотворено во имя, на благо народа»;

в) *непатриотичность*: держава — не хворост на костер; реформа — не способ обрывать связи со своим народом. Патриотичность превозмогает конъюнктурность, классовость. Наши же «кочевники революции» (Троцкий) — космополиты, лица без национальности, прошлого (красноречива мысль Мехлиса: «Я не еврей, я коммунист») — готовы жертвовать всем и вся во имя «предусмотрительной неизбежности», которая есть истинный

262

источник человеческих бедствий. Как контрастирует с тем же большевистским «превратить войну империалистическую в войну гражданскую» национальное оборончество Генерального совета интернационала, который во время оно предостерег французских рабочих от выступления против собственного правительства. В обращении говорилось: «Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство, тогда как неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы отчаянным безумием». Прежде интересы страны, затем — все прочее. Раз и навсегда надлежит покончить с иллюзиями и исходить из того общества, которое есть, из того состояния народа, которое реально.

Ограниченность не в том, что утверждается, а в том, что отрицается. Давно пора согласовывать реформационные действия с консенсуальными решениями, а не с понятием неизбежности изменений, якобы вскрываемой «передовой» теорией. Следует озабочиваться ценой достигаемого, реформа отныне не может быть очередной «таблицей умножения трупов».

• ПРЕДУБЕЖДЕННОСТЬ НАРОДА К РЕФОРМАМ.¹⁷⁴ Синдром подозрительности общества к власти — расхожий признак отечественного сознания. В штъки, неприятием традиционно встречаются правительственные почины. Даже успешные, значительные. О Петре I шла молва в народе, что царя земли русской за границей подменили, страной правит Антихрист. Александра II буквально преследовали народовольцы, подстрекаемые сочувственным отношением масс. Столыпина одни (монархисты) считали дьяволом во плоти (следствие восприятия

антипатриархальной земельной реформы), иные (от революционных радикалов до умеренных либералов) — царс-

¹⁷⁴ Подр. См.: Олещук Ю. Актуальные размышления // Рубежи. 1995. № 4.

263

ким сатрапом. Абстрактного гуманиста Керенского не выносили на дух и революционеры, и монархисты. Хрущева превратили в недоразумение, ходячий анекдот. Горбачева и демократы, и коммунисты единодушно считают предателем.

И всегда, во всем усматривают корысть, тягу к роскоши, славе, величию, осуждают за потрясения, бедствия.

Каковы причины столь тенденциозных, пристрастных оценок? Они многообразны. Здесь и:

а) неоднозначные действия самой власти, не «управляющей державу и не спасающей душу»;

б) этнопсихологические особенности населения — коллективистски-конформистского по своей исторической сути. Отечественный индивид не атомарен (в силу атрофии начал собственности и демократии), а общинно-обществен, судит, принимает решения не обособленно, а с оглядкой на социальное целое. Он подвержен суггестии, некритичным групповым представлениям, по которым «вдвоем лишь привидение и увидишь». Отсюда в сознании обывателя, всегда ущемленного, недоверчивого, случается все, кроме того, что должно случиться;

в) сакральная (идеократическая) всесильность власти, функционально не регламентированной. (В демократическом обществе, как известно, организация функций власти составляет компетенцию публичного права. Ввиду атрофии последнего в России организовывалась власть, а не ее функции.) Для подобной власти, если шляпа не налезает на голову, значит, виновата голова. Иван IV создал почти безумное государство; Петр I преобразовывал его в «регулярное»; Николай I — в «подконтрольное»; Александр II — в «конституционное»; Александр III развеял иллюзии «увенчания здания». Относительно цивилизная политически легальная плюральная жизнь началась с вынужденного Манифеста 17 октября Николая II,

264

была свернута в годы послереволюционной реакции, Первой мировой войны и затем окончательно прервана большевиками в январе и июле 1918 г. Монополия единой державы государства, следовательно, подрывалась в мизерный (по масштабам истории) период с 1905 (с перерывами) по 1918 г. — Далее — убрание политики составляли авторитарные и тоталитарные аксессуары.

Большинство гражданских, политических дверей открывалось у нас не ключами, а лбом — сверхцентрализованная страна жила по верховным указам. Подобная ситуация обнаруживала внутреннюю неорганичность. Как отмечал Столыпин, «государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада... Бывают... роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостностью теорий и целостностью общества... Такого рода временные меры не могут приобретать постоянного

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

характера; когда они становятся длительными, то... теряют свою силу... могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом».¹⁷⁵

Отсутствие закона, беззаконие власти, бесправие граждан подводило к тому, что не только реформа меняла страну, но и страна — реформу. Предубежденность народа к реформам — результат подозрительного отношения народа к власти. Если власть тотальна, всемогуща, безмерна, она ответственна за все и вся. И, конечно, за многие сугубые народные беды. Неспособность и невозможность простить власти страдания питали (и продолжают питать) желчное отношение населения к правительству.

¹⁷⁵ Столыпин П. А. Полн. Собр. Речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906 — 1911. М., 1991., С. 74-75.

265

Итак, возвращаясь к ранее высказанной мысли, акцентируем вновь: российское общество раскольничье, но причины этого не преформичны. Полагаем, заблуждался И.Ильин, упоминая в схожем контексте онтогенетическую «славянскую тягу к анархии», «дыхание Азии».¹⁷⁶ Российский этнокультурный тип многомерен. Был туг Белинский с его неумно-страстным: «Тысячелетнее царство Божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснотворной Жиронды, а террористами, обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов». Но был и Хомяков, увещивающий: «Русская земля предлагает чадам своим, чтобы пребывать в истине, средство простое и легкое неиспорченному сердцу: полюбить ее, ее прошлую жизнь и ее истинную сущность, не смущаясь и не соблазнаясь никакими случайными и внешними наплывами, которых не мог избежать никакой народ новой истории, создавшей неизвестное древности общество народов». Так как превозносить одно в ущерб другому было бы во всех отношениях опрометчиво, причины антиномичности, поляризованности нашей реальности следует видеть в другом. Мы, как утверждалось, видим их в несимфоничности. Российское общество несимфонично — негармонично, несопряженно, расколото по азимутам:

— *власть* — *интеллигенция*: поэт в России больше, чем поэт. В июне 1378 г. Киприан направил С. Радонежскому и Ф. Симоновскому критическое послание в адрес власти. Далее — яркие пикировки: А. Курбский — И. Грозный, А. Пушкин — Николай I, ученые — сталинская бюрократическая камарилья, творческая интеллигенция — Хрущев, усиливающие оппозицию царь — человек умственного труда и плодятся диссидентов и изгоев.

За время первой, второй и третьей революций Россию покинуло 2 млн интеллектуалов. За годы сталинщины непоправимый ущерб нанесен отечественной науке. Огра-

¹⁷⁶ См.: Ильин И. Наши задачи. М., 1992. С. 316.

266

ничимся перечнем пострадавших выдающихся генетиков: Д. Сабинин доведен до самоубийства, С. Четвериков уволен, С. Ардашников, В. Александров, С. Левит расстреляны, Я. Глембоцкий, Н. Соколов, Б. Сидоров, М. Камшилов, Е. и Б. Васиные, Ю. Керкис, Р. Хесин отправлены в провинцию, В. Немчинов снят с

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

поста, А. Жебрак покаялся, но остался без работы, И. Рапопорт сдал партбилет, подвергся остракизму (его труды жгли в 1948 г.), В. Эфроимсон угнан по этапу;

— *правящая элита — культурная элита*. Честное без приятного — ничто. Глубину этой истины на своем опыте постигали многие и многие деятели культуры, чья жизнь и творчество шли под аккомпанемент жандарма Бенкендорфа и теоретика официальной народности Уварова, автора «чугунного» цензурного устава министра просвещения Шишкова и министра внутренних дел Толстого, о котором Катков говорил: имя Дмитрия Толстого «само по себе уже есть Манифест и программа», безликих «применившихся к подлости» (Салтыков-Щедрин) заштатных сов-и партчиновников от Фурцевой, Демичева до Ермаша и Трапезникова;

— *правительство — народ* (вертикальный разрез): противостояние верхов и низов, выражающееся в специфическом синдроме взаимоотчуждения на базе взаимонедоверия, взаимоподозрительности относительно способности делать добро, а не делить его. Правительство не щадит народ — о затратности отечественных реформ речь шла выше. Констатируем лишь, что за 1994—1995 гг. реформы в стране погибли 360 тыс. человек — население среднего города. Народ правительству платит той же монетой — симптоматичные для Руси мятежи, бунты, тенденции в обход закона жить незаработанным (чего стоит одна совнезаконность);

— *центр — окраины* (горизонтальный разрез): геополитическая дезинтеграция как следствие усиления центробежных процессов, оживления окраинного национализма и сепаратизма. Обострение этого противоречия совпадает с дискредитацией центра при вхождении в по-

267

литическую (удельную) фазу странового развития, когда влияние внешних условий порождает характерную процедуру сдачи пространства в обмен на укрепление центральной власти. Принцип А. Невского «власть — любой ценой» — камертон политической практики как коммуниста Ленина, так и демократа Ельцина. Крайности сходятся; — *цивилизация — почва*: стержневая антиномия отечественной жизни, принимающая многообразные культурно-идеологические формы. Отметим:

а) церковный раскол XVII в.: выступающий за самобытность традиционного религиозного культа Аввакум — сторонник обновления литургии Никон; помимо конфессиональной вражды (старообрядчество — новообрядчество) Никон, выдвинувший лозунг «священство выше царства», спровоцировал разрыв патриаршей и монаршей власти;

б) допетровская — петровская Русь как два смежных периода и два враждебных склада нашей истории.¹⁷⁷ Петровская европеизация аналогична владимирской христианизации Руси — и там, и здесь, по выражению Б. Успенского, «насильственное обучение». Однако «драматизм христианизации не идет ни в какое сравнение с драматизмом и даже трагизмом европеизации. Во втором случае общество буквально... раздвоилось, оказавшись в состоянии войны

— отчасти социальной и прежде всего идеологической».¹⁷⁸ Держава после Петра представляла два типа организации. Первый — «многомиллионная, в основном крестьянская, масса, находящаяся в крепостной зависимости или у помещиков, или у государства. Этот «склад» вплоть до конца порефор-

¹⁷⁷ См.: Ключевский В. О. *Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 363.*

¹⁷⁸ Панченко А. М. *Эстетические аспекты христианизации Руси // Русская литература. Л., 1988. № 1. С. 50.*

268

менного периода хранит в себе «заветы темной старины». Он прочно укоренен в средневековой культуре Руси. Буквально все отличает его от другого «склада» русской истории XVIII—XIX вв.: отношение к жизни того «склада» русской истории XVIII—XIX вв.: отношение к жизни и смерти, времени и пространству, труду и досугу, любви и семье, власти и собственности, праву и морали. Второй «склад» включал в себя европеизированные верхи России: аристократию, дворянство, чиновничество и некоторые иные социальные группы. Его отличительные черты — относительная неукорененность в национальных традициях, в значительной мере искусственный и насильственный характер формирования, ориентация на европейское просвещение и стиль жизни»;¹⁷⁹

в) верующие — атеисты: в зависимости от содержания, интенсивности времени (начиная с XVIII в.) то обостряющееся, то притупляющееся противоборство религиозных и светских ценностей;

г) умеренные — радикалы: внутренне дифференцированная стратегия социального устройства, дробящаяся на оппозиции: «консерваторы — либералы», «контрреволюционеры — революционеры», «традиционалисты — новаторы», «коммунисты — беспартийные («враги народа»)», «апологи — диссиденты», «прозелиты — отлученные», «патриоты — космополиты».

Разной степени глубины, охвата, проникания, интенсивности расколы, естественно, содействуют коррозии российского державного тела. Но такова реальность. От нее не уйти. Наследие, традицию можно и нужно критиковать, но от них нельзя отказываться. Ни один человек

¹⁷⁹ Пивоваров Ю. «Гений блага» русской политики // *Рубежи. 1995. № 3. С. 62-63.*

269

не волен выкупить свое прошлое. Тем более этого не волен сделать народ. Так как, не выкупая прошлое, строить жизнь дальше? Постановка эквивалентна для нас перспективе созидания нераскольной органической жизни. Приемлемую программу, на наш взгляд, поставляет принятие стратегии *omnia pro fluant, absit violentia rebus*. Наша самобытность очевидна. Ее не надо ни избегать, ни стыдиться, ни деформировать. Надо жить в согласии со своей историей. «Каждый народ творит то, что... может, исходя из того, что ему дано. Но плох тот народ, который не видит того, что дано именно ему, и потому ходит побираться под чужими окнами».¹⁸⁰ Есть предел социальной универсализации, который диктуют императивы почвы.

Здравомысленное соображение необходимости координировать

ход устройства со специфичностью российской действительности навевает систему суждений, обозначающих добротные координаты ожидаемого развития.

Российские кризисы всегда ценностные, связаны с утратой цивилизационной идентичности. В науке пока не выработаны четкие критерии «цивилизации». Выделение их во многом носит вкусовой характер. Не претендуя на строгость, скажем, что цивилизация, будучи образованием ландшафтным, представляет социально-культурную общность с принятыми универсальными способами регуляции и воспроизводства субъективности. Задавая ценности развития, цивилизация обеспечивает прогресс форм субъективности в пространстве и времени, имеет историческую, сверхэтническую, надсоциальную значимость.

Универсальность состояний цивилизационных ареалов, сверхобщностей достигается принятием капитальных ценностей. Ставя во главу угла традицию, жизнь по заветам предков, получаем Восток как цивилизационную суперсистему. Востоку свойственны статичность воспроизводственного процесса, растворение личности в целом (семья, община, государство). Центрируя либерально-правовое начало, индивидуально гарантированную интенцию

¹⁸⁰ Ильин И. Указ. Соч. С. 327-328.

270

жить лучше, получаем Запад как цивилизационный эквивалент Востока. Западу присущи динамичность воспроизводственного процесса, личностная атомарность (тенденция повышать эффективность всех форм деятельности для полноты самореализации индивида в социуме).

В любой стране есть нечто и от Запада, и от Востока, но есть господствующее, что а) интегрирует политохорологические единицы в некий цивилизационный ареал (ценностные универсалии) и б) дифференцирует политохорологические единицы по цивилизационным ареалам (ценностные уникалии — долг, ритуал, вера, благочестие, совершенствование, пути спасения). В трактовке цивилизационного статута России просматриваются три позиции.

Россия — арена столкновения западной и восточной суперцивилизаций, что и составляет глубинную основу ее несимфоничности, раскольности. Направление поисков в колее данной линии, действительно, указывает идею державной антиномичности: внедрение западных ценностей идет сугубо нажимными, восточными способами. Переход дозволенного (подрыв жизни в привлечении жестких социальных технологий) порождает страновое «ретарде», углубляет раскол, борьба с которым ведется интенсификацией репрессий.

Россия — периферия западной цивилизации. Ее надо вернуть, включить в последнюю, преобразовав собственный историко-культурный код, для чего довести до дна, разрушить — затем на обломках бесформенности созидать прозападное.

Россия — специфическая цивилизационная общность, где «специфическое» обусловлено историческими особенностями развития. Существенное в том, что в России а) нет срединной культуры; б) гипертрофированы этагистские механизмы,

подменяющие цивилизационные структуры; в) в силу слабости цивилизационных рычагов державной консолидации кризис государства у нас индуцирует кризис цивилизации, влечет онтологическое дробление страны: в наличии не одна Россия, а множество Рос-
271

сий — киевская, золотоордынская, московская, имперская, большевистская, современная.

Не входя в полемику с адептами первой и второй позиции и последовательно проводя ранее заявленную¹⁸¹ третью «евразийскую» линию, обсудим, на каких ценностях возрождать Россию.

Православие? Исторически слабо, архаично (переформированная религия, использующая малопонятный старославянский язык). Ислам? Необщезначим. Конфессиональный фактор отпадает, он лишен в России цивилизационного статуса.

Панславизм? Россия — страна не однородно славянская. Кроме того, славяне в настоящий момент разобщены. Отпадает и этнический фактор: Россия многонациональна.

Что остается? Остается идея добротной достойной самодостаточной жизни на базе обновленной сильной национальной государственности. Идея эта и консолидирующая, и мобилизующая.

На основе подчеркивания евразийской сути нашей державной природы следует переварить доктринеров-реформаторов. Россия — не полигон обмирщения заемных схем. Ни марксистский, ни чикагский проекты нам не подходят. Подходит проект ненасильственного саморазвития, стимулируемого животворными эффектами того, что сулит.

Реабилитация жизненного мира. Позитивизм возник как реакция европейской научной интеллигенции на гегельянство и неогегельянство, попытка подвести под утверждения типа «абсолют есть», «абсолют совершенен» верификационистскую платформу. Культуру разделили на три стадии. Приоритет разумности, эффективности, целесообразности отдали последней антиметафизической — научной. Наука — точное, строгое, формально удостоверенное, адекватное знание — казалась панацеей от всех несуразий концептуального и социального творчества.

¹⁸¹ См.: *Россия: опыт национальной государственной идеологии. М., 1994; Философия политики. М., 1994.*
272

На авансцену философской мысли далее выдвинулся Гуссерль, проблематизировавший сциентистские упования: научное знание дереализующе в контексте перипетий жизненного мира. Позитивистским не критическим гиперболизациям науки был положен предел. Наука — обслуживающий, подчиненный инструмент самоценного человеческого существования. Концептуальные штудии, познавательные изыски оправданы лишь с точки зрения первоисточных принципов, абсолютов жизненного мира.

Аналогичную критико-рефлективную работу надлежит провести в отношении политики. Перед гордым ликом жизни политика, как и наука, не самодостаточна. Жизнь изначальна, отражения жизни
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

(научные, политические) вторичны. Не жизнь вдет в кильватере абстракции, а абстракции в кильватере жизни. Для придания жизненности научно-политическим прожекторам следует подвести под них фундамент человеколюбия.

Практическую реабилитацию обыденности некогда провел протестантизм, противопоставивший долг родового существа асоциальной монашеской аскезе. У нас подобная реабилитация должна иметь правовую направленность. Суть в легитимизации волеизъявления масс. Дело правительства — дело народа, но не героическое, отрешенное архонтово дело. Не светлое «потом», а зыбкое «теперь» — вождение, объект упований и одновременно воли, действия, модернизационных усилий. Поскольку реформу воплощает народ, лишь он стяжает монополию окончательного вердикта. Жизнь не поту-, а поюсторонний процесс, что часто неведомо доктрине, но всегда ведомо людям. С ними требуется согласовывать решения. Мы лишь тогда преодолеем раскол, когда, перестав спасать избранных, дадим гарантии жизни всем живущим, когда самым высоким чином в государстве будет частный человек «по своим надобностям».

Усовершенствование национального плавильного котла. В политике, как и в миру, реальны классические треугольные отношения. Вершинами треугольника, выступавшего предметом самого пристального внимания социологов и

273

культурологов, оказывались Запад—Россия—Восток. Нервом темы являлось уточнение цивилизационного статуса России, стиснутой двумя суперцивилизациями, — насколько она автономна, насколько зависима. Иная треугольная конфигурация — цивилизационное деление на первый (северо-атлантический блок), второй (восточный блок) и третий (развивающийся) мир — итог Второй мировой войны. Развитый (первый и второй) мир фрагментировался на две антагонистические организации, одна из которых (первый мир) импортировала из третьего мира ресурсы, а другая (второй мир) экспортировала в третий мир революцию, сбивая сырьевое донорство первого мира. Нынешняя треугольная фигура представляет отличное цивилизационное объединение. Мир разделен на Север, Юг и Россию. Если первые два треугольных контура устойчивы: все расчленено на сферы влияния, все подконтрольно, то сложившийся по окончании Третьей мировой, «холодной» войны мир приобрел зонную, мозаичную структуру, перестал быть контролируемым. Север — развитый мир, Юг — отстойник цивилизации, Россия — балансир между ними. Пикантность в том, что существуют очаги Севера на Юге (Тайвань, Гонконг) и очаги Юга на Севере (черное, желтое гетто, концентрация этнических нелегалов в ультраразвитых постиндустриальных технотронных мегаполисах).

В свете сказанного актуализируется анализ динамики таких этносоциальных суперструктур¹⁸², как Китай, США, Россия, — геотектонические процессы в их недрах во многом определяют планетарное будущее (вплоть до точек сосредоточения населения, межрегиональных связей). Плавильный котел в Китае работает по принципу ассимиляции, поглощения этносов. В США плавильный

котел скоро даст сбой ввиду неспособности переработать усиливающийся наплыв иммигрантов; возможное падение Уровня жизни, свертывание патронатных федеральных

¹⁸² См.: *Россия: опыт национальной государственной идеологии. М., 1994 г. С. 103.*
274

программ, несомненно, обострит расовые и социальные проблемы. В России плавильный котел испорчен искусственной инициацией государственности в республиках, волонтаристским дезавуированием итогов исторической колонизации, разгромом славянской диаспоры на местах. Вопрос, как демпфировать центробежность, восстание окраин против центра, имеет простой ответ. Надлежит совместить этническую и державную идентичность на базе нового федерального регламента.

В свое время Боранецкий высказал мысль, что овладение естественными закономерностями природы — дело техники, овладение историческими закономерностями — дело политики, овладение духовными закономерностями — дело метаургии.¹⁸³ Овладение историческими закономерностями сейчас не может идти в отрыве от овладения духовными закономерностями. На уровне софийной метаургии ясно, что обострение национального вопроса идет в удельной политической фазе при подрыве державности. Во избежание крайне опасной, затратной, нерациональной этнической формы раскола уместно перевести ток событий в геополитическую фазу. Вандею в России остановит испытанный принцип плавильного котла — имперская тактика вывода в историю окраинных, аборигенных народов с гарантией выживания через цивилизационный патронат и прекращение искусственной инспирации государственности.

Как показывает опыт, наиболее прочные связи для геополитических объединений не идеологические (кризис советской, югославской государственности), а цивилизационные — историко-культурные. Цивилизационные связи во внутренних аборигенных регионах налаживает Россия в целом. Порок прошлого в том, что упрочению этих связей препятствовали: а) экстенсивность — Россия не успевала обихоживать колонизируемые пространства; б) воз-

¹⁸³ См.: *Боранецкий П. Основные начала. Онтология творческого мирозерцания. Париж, Б.г. С. 220.*
275

веденная в ранг государственного принципа большевистская декларация национально-государственного самоопределения.

В настоящем оправданно отказаться от данного наследия прошлого. Экстенсивность как способ хозяйствования безнадежно себя исчерпала. Окончательно обанкротилась и заведомо порочная большевистская национальная тактика. Совершенствование национального плавильного котла связывается, таким образом, как с экономической интенсификацией окраин (укоренение высоких технологий, специалистов, усиление миграционных потоков), так и с легализацией нового федерального регламента, предоставляющего максимум прав и свобод перифериям, но с прекращением концентрации титульных наций в автономиях с перспективой госсамопределения. Только так — цивилизованно и

цивилизационно — Россия пребудет нераскольной — единой и неделимой.

Вторичная экономическая колонизация бывших союзных республик и республиканских автономий. Экономическая задача, стоящая перед нами, вполне конкретна: добиться налаживания собственного цикла воспроизводства; создать стимул инвестирования отечественной промышленности; осуществлять индустриальный рост с опорой на внутренний рынок, расширяющийся за счет увеличения спроса на товары производственного и потребительского назначения. Взятое вместе это стимулирует переход от достигнутого индустриального уровня к структурно новому этапу. Однако, учитывая наш низкий уровень накопления, все упирается в источник капиталовложений. Какие моменты здесь принимать во внимание?

1. Прорывы на авангардных технологических направлениях, прежде всего плазменных и торсионных.

2. Традиционно высокую норму эксплуатации и низкий уровень заработной платы трудящихся, свернутость социальных программ, конверсию.

3. Крайне выгодный, но почему-то до сих пор не налаживаемый экспорт капитала в сопредельные технологически сопряженные с нами, обладающие де-

276

шевой рабочей силой, полубезработные страны. Возможно опереться в этой связи на опыт Японии, стремительно развивавшей (под видом репараций) экспорт капитала в государства Юго-Восточной Азии. В 1955 — 1956 гг. Бирме предоставлено 200 млн дол., Филиппинам — 550 млн, Индонезии — 223 млн, Вьетнаму — 39 млн. По этим кредитам Япония производила поставки товаров, услуг. Некое подобие экономической экспансии следует развернуть в бывшие республики СССР и республиканские автономии РФ, что позволит: а) поддержать товаропроизводителей; б) разгрузить страну от обузы принимать поступающую с периферий низкоквалифицированную рабочую силу; в) усилить присутствие в автономиях, на окраинах, подготавливая державный успех в геополитической фазе.

Перевод политических технологий на правовой мелиоризм. Реформа — не революция. Ей противопоказано подстегивание, импульсивность. Отмена рабства в США растянулась на 100 лет. Столыпин рассчитывал на отдачу от аграрной реформы через 20 лет. Реформа меняет уклад жизни. Нельзя уснуть рабом, а проснуться свободным. Необходимо изменить бытие, изгнать атавизмы. Революционному нетерпению, скоропалительности, скороспелости, углубляющим недоверие, препятствующим модернизационной практике, противопоставляется временная иерархия, выносливое соподчинение ценностей, позволяющих, не разбивая градусник, снижать температуру, не слагать поэм, а переживать их. Природу побеждают, покоряясь ей. Человеческую неустроенность побеждают устройением существования, оперативными мелкими шагами, правовым совершенствованием. «Не уновлениями, но непрерывностью видов, постоянством правил, постепенным исполнением одного и того же плана устроятся

государства и совершаются все части управления, — назидал Сперанский, — продолжать начатое, довершать неоконченное, раскрывать преднамеренное, исправлять то, что

277

временем, обстоятельствами, понуждениями исполнителей или их злоупотреблениями, совратилось со своего пути — в сем состоит все дело, вся мудрость реформатора». ¹⁸⁴ Реформа начинается политическими декларациями, а завершается правовыми трансформациями, что и обеспечивает общество от зарождения и усиления раскола на народ и правительство, верх и низ, героев и толпу. *Гражданский мир*. Кровь не вода, не сохнет. Шанс избежать крови — уважение к эволюции, к которой все мы причастны. «Любите друг друга, — завещал преемникам князь Ярослав, — если будете жить в любви, то Бог будет с вами, если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцов и дедов своих».

5.6.4 Социальный риск

Наивно-реалистическая философия толкует познание через призму модели двух заведенных часов: имеется начало *principium essendi* (начало существования) и начало *principium cognoscendi* (начало познания), по которым все долженствующее быть существует, а все существующее познается. Подобные установки вначале распространялись на науку как таковую: она достигает абсолютно достоверного исчерпывающего знания о мире в целом. После идущей от М.Мерсенна, Ф.Санкеза и их сторонников умеренно скептической критики позиция корректируется: возможность абсолютно достоверного знания распространяется лишь на плоды деятельности. По аналогии с божественным творением, не оставляющим для его автора никаких «ноуменов», обосновывается принцип всеведения для креатур человеческого: там, где мы творцы, мы знаем о сотворении все, что можно о нем знать.

Сомневаясь в беспорности посылки, смотря *in medias res* (в самую суть дела), задумаемся: так ли прозрачны для творцов их творения? Не ставя в обсуждении окончательной точки, проблематизируем исходный тезис.

¹⁸⁴ Корф М. А. *Жизнь графа Сперанского*. СПб., 1861. Т. 2. С. 333.

278

Разряд высшей реальности. Почему Иуда — непонятый брат Христа? Или: если не так, в чем промысел божий, допустивший Иуду? Какова идея богосыновства? Почему Зосима намекает на тайну в основе мира? Для чего, кроме суеты, Савл, обращающийся в Павла? Если и свет во тьме светит, и тьма его не объемлет (Иоанн), к чему теодицея, экзегетика, гомилетика?

Разряд цивильности. Говорит Лао-цзы: «Мои слова очень легко познать, очень легко им следовать. Но в Поднебесной нет могущих познать их и могущих последовать им. В словах есть предок, в делах есть царь». Значит, на креацию (вероучительство) в жизни наслаивается опосредование — властное, традиционное, событийное, лишшающее ее признаков аутентичности.

Разряд экзистенциальности. Действительность, доступная

личности, пронизана диалектикой субъективности. Но всякий диалектик — противник самого себя. Не потому ли авгуры, смотря друг на друга, смеялись. Смех. Что кроме этой реакции выражает понимание посвященных?

Упоминание об этом в качестве поискового фона обслуживает вывод, что надо отрешиться от догм, распрощаться с иллюзиями о прозрачности креатур человеческого. Произведения живут собственной жизнью, ни один народ не ведает, какое будущее уготовливают ему дети. Потенциальные проявления наших созданий хотя не алеаторичны, но неоднозначны, неопределенны. Данные их капитальные свойства — глубинные основания рисковости. Отвечают последнему обществу, социально-политическая реальность, социосфера: выступая творением человека, они в некоем доскональном смысле рисковы.

Социум, политика, риск неразделимы. Не рискующий — не политик или политический непрофессиональный хвостист. «Рискуйте, требуйте невозможного — будьте реалистами!» — максима трезвомыслия и трезводействия в социуме.

Фактор риска обязывает, навевая осмотрительность, вдумчивость; рассчитывать социальную рентабельность (дивиденды и протори, доходы и расходы) надо загодя. На этом пути, однако, не все безмятежно. Практика судьбо-

279

носных решений, принятие, проведение которых, в принципе, зависит от компетенции политических лиц, подвержена порывами за черту ясностей, вызванных прохождением блока случайных причин: флуктуаций — непрограммируемых уклонений, возмущений и, как ни странно, фатальностей — предопределенных событий, момент наступления коих не прогнозируем. Рисковость в социуме, следовательно, от объективной и субъективной неопределенности, отмечаемой люфтом между замыслом и конечным его воплощением, принимающим любое истинное значение в диапазоне «запланированная выгода, прибыль, триумф — фактическая потеря, провал, фиаско».

Поскольку риска в социуме не избежать, надо уметь пребывать в риске — рефлексировать, предвосхищать, не пускаясь в аферы, держась интервалов надежности, твердой почвы. Не инициативы, а непродуманные инициативы наказуемы в социуме.

Плыть в узком фарватере между Харибдой перестраховки и Сциллой порывистости позволяет аналитика и прогностика, опирающиеся на предметно-профессиональную логику и интуицию жизни: расчеты и проницательность в политике, как и во всяком глубоком деле, дополнительные.

Аналитика риска. Объективная сторона риска — многофакторность, полиморфность реальности, Броунова картина сшибки эгоистических воль, целей, интересов. Субъективная сторона риска — непредсказуемость, неантиципируемость поведения политических лиц, пробелы в информации, способах ее обработки, экстраполяции. На уровне аналитики ставится задача выяснения корней, источников, причин риска; степени доминирования, преобладания, важности отдельных факторов; выработки моделей нейтрализации, блокирования, преобразования

агентов действия и влияния.

На этой ступени хорош дисперсионный анализ, выявляющий распределение вероятностей случайных величин, значимые меры рассеяния их значений. В качестве примера изберем ситуацию предвыборных баталий, где уча-

280

ствуют I политических деятелей, имеющих по K выступлений-попыток, достоинства которых оцениваются J голосующими. Тогда A_i — истинное значение характеристики достоинств политика i ; V_{ij} — систематическая ошибка оценки i -го политика j -м выборщиком; X_{ijk} — оценка j -м выборщиком i -го политика после k -й попытки; Y_{ijk} — случайная погрешность. В итоге имеем:

$$X_{ijk} = A_i + V_{ij} + Y_{ijk}.$$

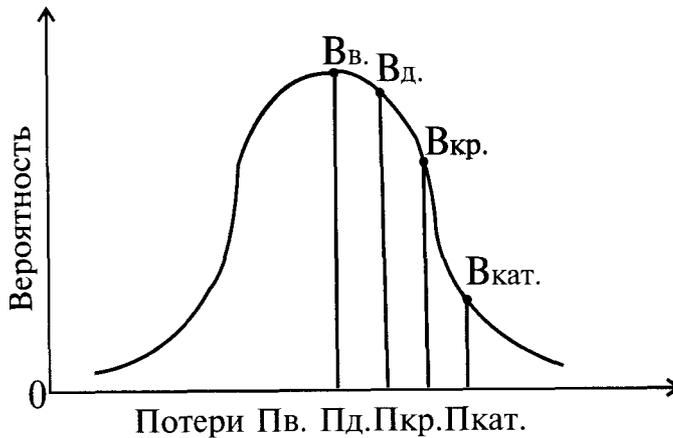
Данная схема — типичный случай субъективной экспертизы достоинств ряда свойств и вещей, проводимой группой независимых судей.

Прогностика риска. Политик — не созерцатель, с безвольной апатией ждущий, когда круговорот событий снесет его с лика Земли; политик — активист, обретающий себя не в сомнамбуле атараксии, а в риске действия. Рисковое действие статистично, исчисляется вероятностью возможных потерь. Определяя их, политик руководствуется образом допустимого для себя, ситуации уровня риска. Интерес его прикован к фазам: потеря выгод, утрата позиций; обострение обстановки, кризис; банкротство, катастрофа.

Как действовать, принимать решения, политик рассчитывает, привлекая аналитику, подводя под качественные градации количественные показатели. Какие? С точки зрения взвешенного подхода всякая серьезная акция должна быть не только тщательно спланирована, но и всесторонне обсчитана, высвечена на предмет вероятности потенциальных утрат. Исходя из прагматических диспозиций, согласимся, что вероятность отсутствия потерь в нетривиальных случаях в принципе нулевая; вероятность катастроф при избежании авантюры также нулевая. Отбрасывая предельные «мертвые» нулевые точки, сосредоточим внимание на более или менее критических эпизодах с максимально приближенной к единице вероятностью потерь. Вероятность потерь изменяется в интервале $0 < 1 < 0$, не принимая крайних значений, монотонно возрастая от 0

281

(отсутствие потерь) до 1 (максимум потерь) и монотонно убывая от 1 до 0 (катастрофа). Кривая распределения вероятности политических потерь приобретает вид графика. Нам интересны четыре точки:

- 1) Вв. — вероятность возникновения потерь Пв.;
- 2) Вд. — вероятность допустимых потерь Пд.;
- 3) Вкр. — вероятность критических потерь Пкр.;
- 4) Вкат. — вероятность катастрофических потерь Пкат.

Прогнозирование допустимости, целесообразности социального риска строится на оценке уровня потерь и вероятности его перекрытия. Радикальны при этом качественные параметры этого уровня (допустимости потерь), индуцирующие понятия издержек, жертв, обеспечивающих проведение курса. Если возобладает тяга к вседозволенности («во что бы то ни стало!»), тогда — «человек есть то, что должно превозмочь», «ужасный век, ужасные сердца!»; если возобладает тяга к сдержанности («человеческое слишком хрупко!»), тогда — гарантированный строй достойной самоналаживаемой жизни.

Человек не достигает окончательно сложившегося состояния — он всегда складывается. Опасной стороной его

282

складывания выступает перерождение, когда, говоря образно, сатана берет верх над дьяволом. Привилегии действовать произвольно в обществе ни у кого нет. Нет ее и у политиков.

Ответственность политиков — большая тема, проклятый вопрос. Но, по-видимому, не будет избыточного рационализма в утверждении, что избегающий тлетворного сужения диапазона возможностей до «света тьмы впереди» во всех перипетиях социально значимых своих предприятий политик руководствуется (в идеале) образом запредельных издержек. Иначе в лучшем случае — непрофессионализм, в худшем — безответственное экспериментирование с оттенком насилия. Словом, можно идти на риск при очерченном интервале допустимых потерь с облигатной фиксацией вероятности катастроф и т.п.

Имеются статистические (1), экспертные (2), расчетные (3) способы измерения риска: (1) — оценки массивов аналогов с установлением частот появления уровней потерь (что бывает при введении контингентов с переходом на тимократические методы вершения истории); (2) — методы экспертных оценок с выявлением средних значений квалификаций и распределения вероятностей (опрос специалистов); (3) — методы математического моделирования (имитационный эксперимент, дискриминантный анализ, метод моментов и т. д.). В связи с неформализуемостью,

однократностью социальных прецедентов, выглядящих как деиксисы, (1) и (3) применимы на практике в очень ограниченных масштабах. Действительно. Можно, скажем, рассмотреть математическое ожидание функции потерь:

$$R(\Theta, d) = E_{\Theta}(L(q, d(x)))$$

где $L(\Theta, d(x))$ — функция потерь, выражающая численные значения убытка от принятия решения $d(x)$, $(x_1 \dots x_n)$ из множества D , когда истинное распределение есть $P(\Theta)$; $R(\Theta, d)$ — функция риска; и далее использовать аппарат теории статистических решений. Все дело, однако,

283

в трудностях семантической интерпретации формализмов, приписывании им предметных смыслов — неоднозначность, подвижность политического субстрата, во многом исключаящего идентичность элементов выборки (числа наблюдений), подрывает статут важнейших свойств статистических критериев (несмещенность, инвариантность, достаточность, эффективность и др.).

Принципиальная характеристика риска — совокупный риск, представляющий сумму систематического и несистематического риска. Систематический риск детерминирован перманентным действием неблагоприятных и чаще заранее известных причин. Средство избавления от него — превентивные меры блокирования, демпфирования негативных факторов. Несистематический риск — группа привходящих причин, оказывающих отрицательное влияние. Сила политика во многом определяется умением целесообразно реагировать именно на несистематический риск, выказывая оперативность, решительность и одновременно толерантность, склонность к консенсусу.

Выбор приемов социальной борьбы и воздействия в прогностике зависит от приоритетных целей, задач, интересов, а также глубины знания и понимания жизни. Э.Гуссерль различал два типа логик — общезначимую и профессиональную. Первая — от требований универсальных формально-логических канонов мысли. Вторая — от погруженности в конкретный предмет, навевающий идеи предпочтительности тех или иных субстратных фигур, материальных связей. Социальная прогностика, несомненно, питается профессиональной логикой, обостряющей чувство такта, предвосхищающей интуиции.

Кропотливый анализ обстановки и составление прогнозов развития событий создают предпосылки принятия социальных решений.

5.6.5 Социальные решения

Специфика онтологии социального — неопределенность, неоднозначность, многофакторность, невозпроизводимость, скоротечность — начисто лишает тривиально-

284

сти практику принятия решений. Политик уподобляется игроку, имеющему заготовки, но призванному импровизировать в реакции на неожиданные выпадения, удары, уколы. Выработка социальных решений — ценностно детерминированный (в идеале) соблюдением

гарантий (выживания, достойного существования, материального, духовного комфорта, гражданской защищенности, самореализации), многоотсечный, многоканальный акт, в качестве корреспондирующихся частей включающий: а) стадию упреждающих инициатив; б) стадию импровизаций. Пафос обеих — максимальная нейтрализация помех в обеспечении эффективной, надежной работы социосферы (политических филумов) как таковой.

Стадия упреждения — целеориентированная система материальных и идеальных действий (маневрирование, дискредитация, демарш, договор, посул, резервирование фондов), рассчитанных на ослабление потенциальных противников с усилением союзников наряду с самоусилением. Ее цель — снижение порога риска, уменьшение нежелательных прямых и побочных последствий рискованной деятельности. Это своеобразная форма страхования политики как социально значимого предприятия, развертываемая в контексте высокой управленческо-политической культуры, склонной к предсказуемости и гражданственности проявлений.

Стадия импровизации — непосредственные оперативные ответы на фактические вызовы. Репертуар социальной драматургии здесь — творческие реакции, взрывы, протуберанцы которых не оставляют свидетелей безучастными. Основное, что требуется акцентировать, так это небеспредельность импровизаций. Импровизация — свобода; свобода — выбор. Но для осуществления выбора в политике, являющейся лазейкой для проникновения в мир «ничто», нужна культура. Культура выбора поэтому — нерв политической свободы. Апеллируя к идущей рефреном через изложение мысли о социальных константах, цивилизационных универсалиях, подчеркнем: культуру выбора в политике обеспечивает в плоскости технологии эволю-

285

ционизм, а в плоскости апологии — гуманизм, практическое человеколюбие.

Принятие решений в социуме, с опорой на интуицию и расчет, имеет подобие относительно рациональной процедуры с неким логическим оснащением. Возможно следовать чисто прагматическим рецептам, как, скажем, эмпирическому правилу 70/30: если на 70% уверен в успехе — действуй; 30% скепсиса поощряют контрмеры в случае неудачи. Наша динамичная эпоха, однако, отчаянно сопротивляется универсализации этого правила: 70/30 — анемично, сковывает порыв действия. Более стимулирующе обратное правило — 30/70, развязывающее энергию дерзаний.¹⁸⁵

Возможно полагаться не на индуктивные генерализации, а на доказательно строгие теории надежности, игр, решений. Теория надежности вводит количественные детализации добротных решений, функций ресурсов, неисправностей, интенсивностей отказов, способов контроля управляющих систем, оптимального резервирования. Теория игр поставляет общие принципы принятия оптимальных решений в условиях неопределенности, конфликтов (при несовпадении интересов), взаимодействий явлений

конкурентной природы; строит модели потенциальных исходов конфликтов, мотивов заинтересованности в исходах; рассматривает бескоалиционные, коалиционные, антагонистические, позиционные дифференциальные игры; вводит разнообразные стратегии достижения выигрыша.

Камень преткновения этих оригинальных теорий — количественные эквиваленты социально-политических процессов, не поддающихся формализации, не подпадающих под идентификацию, абстракцию отождествления. Аналогичное утверждается о несколько более адаптированной к социальному материалу представляющей составную часть теории игр рациональной теории решений, оперирующей категорией субъективной пользы и рассматри-

¹⁸⁵ См.: Татеиси К. *Вечный дух предпринимательства*. М., 1990.

286

вающей твердые (основательные), рискованные и беспочвенные решения. Первый и третий тип решений, удовлетворяющих субъективному всеведению или неведению, политически тривиален. Интерес вызывает вариант рискованных решений, принимаемых в неоднозначной обстановке и мотивируемых вероятностными оценками реальности. Последние стоятся как перебор исходов в актах выбора с построением матриц релевантных обстоятельствам следствий.

Если субъекту предстоит выбор одного из m поступков $A_1, \dots, A_m$, а из квалифицируемых им как приемлемые последствия выбора в наличии n возможностей обстоятельств $U_1 \dots U_n$, то всякому A_i в U_k соответствует результат R_{ik} . Или в табличной записи:¹⁸⁶

U_1	U_2	U_3	.....	U_n
A_1	R_{11}	R_{12}	.....	R_{1n}
A_n	R_{21}	R_{22}	.....	R_{2n}
A_m	R_{m1}	R_{m2}	.....	R_{mn}

Матрица $| R_{ik} |$ вбирает множество действий, обладающих в данных условиях с позиций судящего индивида некой предпочтительностью. Приписывая состояниям мира (результатам), свернутым в $| R_{ik} |$ числовые субъективные оценки, получим матрицу полезности $| U_0 | R_{ik} ||$, где U_n — функтор полезности. Далее, полагая, что принимающий решение квалифицирует вероятность наступления обстоятельств, строим матрицы независимых и зависимых от действий вероятностей $P | U_i |$, где U_i — знак обстоятельств при $i = 1 \dots n$.

Рациональная теория решений хороша как инструмент экспликации субъективного выбора при неоднозначностях в терминах перебора, квалификации пространств возможностей. Острой, конструктивно не решаемой ее проблемой, однако, остается проблема метризации субъек-

¹⁸⁶ *Stegmuller W. Entscheidungs Logik*. N. Y., 1973.

287

тивных позиций, оценок, базиса выбора, без чего тема контекстуальной полезности, приемлемости, эффективности остается положительно не включенной в орбиту математики.

Риск и допустимость и недопустимость риска — понятия гуманитарно-экзистенциальные. Решение «переступить или не переступить» некую грань принадлежит не формалистике, но **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

жизни. Перефразируя А. Франса, можно сказать: жизни угрожают две вещи — политик-немастер и немастер-политик.

289

VI. СОЦИАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

6.1 Методология

ЕДИНОЙ методологии как нормативной системы предписаний, руководств к разработческой деятельности, регулированию операций по достижению, организации, обоснованию, утилизации знания общественное не знает. Причины этого очевидны и связаны не столько с концом времени абсолютных и исключительных авторитетов, сколько с самой логикой развертывания теории, опирающейся по обстоятельствам на разные метатеоретические допущения, предпосылки. Какие гипотезы существования, онтологические постулаты, модели социальной реальности принять, зависит от масштаба личности исследователя, его профессиональной квалификации, чувства жизни, поисковой стратегии, интуиции, догадки. Вместе взятое, сознательно или инстинктивно, это и актуализирует в интеллекте различные методологические порядки.

Социально-философская проблематика сводится, в принципе, к тематизации вопросов: «что такое, собственно, есть общество, какое значение оно имеет в жизни человека, в чем его истинное существо и к чему оно нас обязывает».¹⁸⁷ Для снятия вопросов, воссоздания природы общественного процесса требуется наличие:

- 1) добротных верифицируемых (опытно-обоснуемых — подтверждаемых, опровергаемых) данных (потенциал фактов);
- 2) отработанных приемов, процедур моделирования, рационального реконструирования, концептуализации познаваемых явлений (потенциал идей);
- 3) явных способов оптимизации, корректировки, компенсации, ревизии, выявления, преодоления дефектов обозначенных выше массивов (потенциал рефлексии).

¹⁸⁷ Франк С. Л. *Духовные основы общества*. Париж, 1930. С. 12.

290

Обработка и выработка данных потенциалов, соответствующая глубине, широте, основательности постановок человеком вопросов к себе и к жизни, варьировалась в истории, проходя неравноценные стадии. История, как зеркало взыскующей души, содержит многообразие постоянных и непредсказуемых исканий. Не стремясь к систематичности, полноте, охарактеризуем основные русла, в которых текла и течет работоспособная мысль теоретизирующих обществоведов.

АНТИЧНОСТЬ. Обществоведческие (социально-политические) взгляды в древности вызревали в ходе длительного развития доклассовых и раннеклассовых социумов (обществ, государств). Гносеологическим фоном подобного вызревания выступала рационализация, освобождающая архаичные социально-политические образы и сюжеты от мифообразующих сверхъестественных значений.

В первоначальном мифологическом единстве натурального и супранатурального, объективного и субъективного обособливается причинно-следственная основа, ориентирующая на выявление

естественно-исторических порядков земных дел и людских судеб. Создаются предпосылки дискурсивного доказательно-логического уровня знания, необходимого для адекватного понимания реальных общественных отношений, принципов организации человеческой жизни.

Наполненная чувством исторического присутствия мысль делает сутью своих забот не кажимость, а живую действительность, являющуюся единственным подножием мира и общества. В различных областях цивилизации — Индия (брахманизм, локаята, джайнизм), Китай (даосизм, легизм, конфуцианство, моизм), Греция (пифагореизм, Фалей, Эвгемер, Ямбул, Гераклит, Феогаид, Демокрит, софисты, Сократ, Платон, Аристотель, стоики), Рим (Цицерон, Марк Аврелий, Эпиктет, Сенека) — возникают перспективные (с позиций магистралей умственного прогресса) опыты логико-понятийного анализа, дополняющиеся первыми систематическими социально-историческими описаниями (Геродот, Фукидид, Полибий, Ливий, Тацит).

291

Отрабатываются, таким образом, интерпретативная, концепционная, историографическая база, обуславливающая капитальнейший фазовый переход от предания к зачаточной стадии интеллекта со своими автономными хронологическими, проблемно-категориальными приемами, способами структуризации фактического материала, упорядочения содержания сознания.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. Хотя культура средневековья не знала науки в современном понимании, обществознание функционировало там как прикладное богословие, в его недрах достаточно глубоко и успешно обсуждались, прорабатывались столь принципиальные для судеб знания темы, как природа государства, существо права, законосообразность социальной жизни и др. К наиболее видным представителям средневековой мысли, развивавшим в своем творчестве проблематику политической, правовой, нравственной философии относятся богословы, государствоведы, юристы, моралисты, праведы: в западной Европе — Ф. Аквинский, М. Падуанский, Г. Брэктон, Ф. де Бомануар, Грациан, на арабском Востоке — Аль-Фараби, Ибн Сина, Ибн Рушд, Аль-Маварди, Ибн-Хальдун; на Руси — Иларион, Владимир Мономах, Даниил Заточник.

НОВОЕ ВРЕМЯ. В это время упрочается капитальнейшая для перспектив оформления обществознания идеология гуманизма, зиждущаяся на принципах:

- самоценности: личность — высшая социальная ценность;
- самодостаточности: судьба личности зависит от нее самое;
- самореализации: максимальное самопроявление на базе максимального социального участия;
- самовозвышения: активное самотворчество.

Вводя мощный духоподъемный идеал, корректируя вершение истории в соответствии с требованиями достойной жизни, гуманизм акцентировал «автономное воление», «независимое целеполагание», «продуктивное усилие», призванные вписываться в масштабы и векторы общественной прак-

292

тики. Оптимизации последней под этим углом зрения — с **Ильин В. В. Философия:** учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

позиций превращения каждого не в средство, а в цель социальной деятельности, — посвящены основательные рассуждения (о прочности государства, народном суверенитете, компетенции властей, прерогатив правителей, совершенствовании общественных форм, благоденствии граждан) многочисленных политических мыслителей, юристов, державных деятелей. (В Западной Европе это — Н. Макиавелли, Ф. Готман, Т. Без, Дж. Бьюкенен, Э. Ла Бозси, Ж. Боден, Б. Спиноза, К. Салмазий, Г. Гроций, Т. Гоббс, О. Сидней, Р. Фильмер, Дж. Гаррингтон, Д. Хилберн, Д. Уинстенли, Дж. Локк, Т. Мор, Т. Кампанелла. В России это — Нил Сорский, Вассиан Патрикеев, Максим Грек, Феодосий Косой, Иосиф Волоцкий, Филофей, Федор Карпов, Зиновий Отенский, Иван Пересветов, Иван Тимофеев.)

ПРОСВЕЩЕНИЕ. Антиклерикальные, антидеспотические мотивы новременной обществоведческой мысли получили мощное развитие в период Просвещения: наступления на обскурантизм, религиозный догматизм, фанатизм, феодальные пережитки во имя торжества разума, гражданской справедливости, раскрепощения личности, социальных, духовных свобод многократно усилились. Триумфальное шествие разума в обход предрассудков воплощалось в представительные проекты, модели совершенного общества, наделяемого атрибутами гармоничности, гуманистичности, самосбалансированности, стройности.

Умственная и моральная атмосфера, подготовленная антипровиденциалистской светской философией истории Бодена, Бэкона, Гоббса, питает крупномасштабные монументальные обществоведческие конструкции таких корифеев науки того времени, как М. Ф. Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, П. Гольбах, К. Гельвеций, Д. Дидро (Франция); Г. Лессинг, И. Гердер, Ф. Шиллер, И. Гете (Германия); Т. Джефферсон, Б. Франклин, Т. Пейн (США); Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, Ф. Прокопович, В. Н. Татищев, И. Т. Посошков, М. М. Щербатов, С. Е. Десницкий (Россия); Дж. Вико, Ч. Беккария (Италия).

293

Именно в данный момент закладываются основы, очерчиваются контуры последующих собственно научных идеально-типических построений. Радикально порывая с распространенным еще в XVII в. взглядом о божественном предопределении исторического процесса (Боссюэ), идеологи Просвещения утверждают рационально понятый эквивалент христианства — возможность справедливости, добра через разумные усилия.

Следует отдать должное непреходящим, моментально востребованным просвещенческим идеям относительно:

— непредопределенности человеческого существования (Вольтер, Дидро, Даламбер, Тюрго, Лессинг, Франклин);

— циклов и ритмов (инвариантов) в историческом движении человечества (Вико);

— общих законов истории (Гердер, Монтескье);

— автономии субъекта (правовое государство) (Вольтер);

— общественного прогресса (французские материалисты, Смит, Робине, Гиббон, Годвин);

— народного суверенитета (Руссо);

- верховенства законов (Монтескье, Руссо, Мабли);
- ротации власти (Морелли);
- социальной неоднородности общества (Адамс).

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ. Историческая полоса новейшего времени в культуре, философии, науке представлена множеством мировоззренческих парадигм, направлений, задающих тот или иной вектор понимания и истолкования общественных явлений. Остановимся на некоторых из них.

Антропологизм. (Шелер, Плеснер, Гелен, Шельски, Фрайер.) Система установок на учет специфики человека как социально-исторического, культуросозидающего существа, поддерживающего собственную жизнеспособность переработкой вещества природы в социокультурное вещество. Последнее — вторичная, искусственная, рукотворная, социогенная природа — агрегирует технику, устой, общение, межличностные связи, учреждения. Пафос

294 платформы — подчеркивание нормо-, законосообразности усилий институционально консолидированных людей, действующих в силу причастности к гуманитарной формации не хаотично, но нацеленно, надежно, предсказуемо.

Историзм. (Вико, Вольтер, Руссо, Гердер, Фихте, Гегель, Сен-Симон.) Принцип рассмотрения действительности в терминах «становления», «самоизменения». В философском плане противостоит эмпиризму, фатализму, релятивизму. Смысл позиции — в проведении генетического подхода к явлениям социосферы, — единственно объективного и доказательного.

Механицизм. (Конт, Кетле, Кэри, Парето, Винярский, Барсело.) Разновидность редукционизма, прямолинейно, безосновно сводящего и выводящего элементы социосферы из произвольно объявляемых «более фундаментальными» механических, энергетических, термодинамических — физических — явлений (законов). Несостоятельность механицизма как умонастроения определена идейной наивностью, вульгарностью выхолащивающих существо социально эксплуатируемых им аналогий, моделей. Сказанное, однако, не подрывает заметный вклад, внесенный адептами механицизма в упрочение количественной базы социологии (социальная статистика, социометрия).

Натурализм. (Спенсер, Шеффле, Лебон, Вормс, Гумплович, Мак-Дугалл, Самнер.) Проявляется двояко — в виде не критической а) инкорпорации естественнонаучных техник в изучение социальных реалий; б) редукции социального к природному. Работающим в парадигмах биологизма, механицизма, инстинктивизма сторонникам натурализма присуще игнорирование собственно гуманитарной подкладки (целеполагание, сознание, рациональность) человеческой деятельности. В плане принципиальной критики натурализма уместно представлять, что с некоторых пор мировая история перестает быть естественно-историческим и становится социально-историческим процессом. Утверждением этого акцентируется роль субъективного фактора (воля, интерес, идеал) как иницирующей, креативной силы.

295

Неомарксизм. (Лукач, Корш, Фромм, Маркузе, Хоркхаймер, Адорно, Лефевр, Гольдман, Миллс, Гоулднер, Бирнбаум, Ильин В. В. **Философия:** учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Боттомор.) Идейная программа, на основе сочетания элементов марксизма, фрейдизма, феноменологии, экзистенциализма предпринимающая мощную концептуализацию вопросов отчуждения, рациональности, акционизма. Непреходяще значимы разработанные в его недрах доктрины праксиса и критицизма. Первая обосновывает целостность слагающегося из частичных видов деятельности исторического опыта. Вторая развенчивает несостоятельность расчеловечивающих классических инструментальных общественных форм.

Организцизм. (Конт, Спенсер, Лилиенфельд, Шеффле, Вормс, Эспинас.) Вариант редуционизма, предполагающий перенесение на явления общественной жизни лобовых биологических традукций. В противоположность механицизму дискредитируются аддитивность, элементаризм, комплементарность; утрируются динамизм, адаптивность, целостность как сущностнообразующие признаки социальных систем.

Позитивизм. (Сен-Симон, Конт, Спенсер, Нейрат, Ландберг, Чэпин, Додд, Бейн, Лазарсфельд, Блейлок.) Умонастроение сциентистски ориентированной научно-технической интеллигенции, сложившееся как гигантская критическая реакция на спекулятивную, умозрительную интеллектуальную культуру традиционной метафизики. Отправляясь от тезиса единства науки — общность способов тематизации, приемов освоения предметных сфер естественных и гуманитарных наук, — настаивает на переносе стандартов исследований из наук о природе в науки об обществе. Сказанное обуславливает ставку на объективизм, верификационизм, деидеологизацию, математизацию, радикальное исключение из контекста рассуждений оценочных суждений, точную, строгую категоризацию.

Психоанализм. (Фрейд, Райх, Хорни, Фромм, Мид, Рисмен, Эриксон.) Версия антропосоциологического редуционизма, гиперболизирующего роль бессознательного в самопроявлениях индивидуальных общественных су-

296

ществ. Непроясненность статуса бессознательного — обусловлено ли оно физиологическими или культурными факторами, — неадекватность гиперсексуализма как базовой интерпретативной схемы подрывают респектабельность позиции, имеющей ввиду своей узости, догматичности весьма скромные и небеспорные поисковые заслуги.

Психологизм. (Лацарус, Штейнталь, Лебон, Уорд, Гиддингс, Тард, Кули.) Возник в противовес биологизму, натурализму, органицизму, настаивает на внутренней сложности, самодостаточности духовного мира личности, его несводимости к природному. В качестве локомотива социального поведения человека полагает психику. Недоуточненность реальной основы социальности, плюрализм толкований, отсутствие когеренции в аргументах (акцентируются то потребности, то желания, родовое сознание, народный дух, подражание, самосознание и т.д.), эвристическая скудость платформы оказываются решающими: психологизм не получает у специалистов какого-то явного кредита доверия.

Структурализм. (Парсонс, Леви-Стросс, Фуко, Гольдман.) Противостоящая субъективизму, психологизму исследовательская программа, нацеливающая на выявление устойчивых связей, обеспечивающих целостность, организованность, упорядоченность, самоидентичность социальных явлений, инвариантных относительно фиксированных преобразований. Оперативную возможность изучения подобных связей задает идентификация структур — непреходящих отношений институциональной, ролевой, статусной, групповой, позиционной природы, изменяющихся под влиянием культуры, ценностей, но сохраняющих и поддерживающих свою изоморфность.

Сциентизм. (Конт, Кэри, Кетле, Дюркгейм, Парето, Ландберг.) Интенция на абсолютизацию и радикализацию науки, имеющая когнитивную (а) и социальную (б) редакции. (а) Гипертрофия потенциала точного и строгого (математика, естествознание) знания, объявляемого эталоном, стандартом, каноном всех и всяких научных предприятий. В качестве следствия — антиисторизм, натура-

297

лизм, эмпиризм, формализм, квантитативизм, дискредитация собственно гуманитарных техник освоения материала. (б) Фетишизация бюрократизма, технократизма, эффективизма как рычагов социальной санации, толкуемой в духе антитрадиционалистской модернизации, упор на организационное манипулирование, оптимизацию менеджмента.

Феноменологизм. (Мерло-Понти, Шюц, Бергер, Лукман, Фиркандт, Уинч.) Антипозитивистская, антинатуралистская версия социологической метатеории, сосредоточивающаяся на восстановлении смыслоопределенности социального. Толкуя движущую пружину развития последнего — личность — через призму способностей генерировать значения, порождать смыслы, озабочивается реконструкцией социального как образования одухотворенного, возникающего вследствие символотворчества. Конструируемость мира в ходе созидания горизонтов опыта в процессе межиндивидуальной коммуникации и интеракции — семантически продуктивный, эвристически сильный мотив, снискавший себе популярность у многочисленных последователей школы.

Формализм. (Зиммель, Визе, Теннис, Беккер.) Течение, противостоящее онтологически — эволюционизму, гносеологически — дескриптивизму и уповающее в развертывании социологической теории на выделение «чистых» инвариантов общественных явлений (взаимодействия, нормы, отношения), подпадающих под строгие аксиоматические фиксации. Обратной стороной аналитико-формалистических достоинств платформы пребывает академизм, отвлеченное формотворчество, выхолащивающее поиск каталогизированных реалий.

Функционализм. (Парсонс, Мергтон, Шилз, Малиновский, Радклифф-Браун, Блау, Луман.) Нацеленный на дополнение каузализма подход, расширяющий «причинение» представлением роли, места, назначения элементов в системе. Интерес аналитика с этих позиций озабочивается разложением целого на составляющие

с установлением зависимостей между частями и их с целым с прояснением оснований адаптированности, жизнеспособности целого.

298

Издержками императивов этого безусловно перспективного направления в их фактической реализации выступают абстрактность, статизм рассмотрения, искусственность допущений равновесности, интегрированности, неконфликтности общества, невнимание к индивидуальному.

Холizm. (Смэтс, Майер-Абих, Леман). Исходя из несводимости целого к частям, системы к элементам, концентрируется на изучении социальных целостностей, высшими и конкретными материализациями которых объявляются личности.

Эволюционизм. (Вико, Тюрго, Конт, Спенсер, Хобхаус, Салинс, Сервис). Набор предписаний, выстраивающих исследования по принципу прослеживания вызревания социальных явлений (общества, институты, организации, действия) от предковых до относительно зрелых. Камень преткновения составляют сомнения в адекватности исходных пресуппозиций программы, допускающей унитарность морфогенеза для крайне дифференцированных многофакторных общественных воплощений.

В пределах этих, впрочем, предварительных рассуждений о стратегиях поисковой культуры в обществознании мы доходим, наконец, до фундаментального убеждения о невозможности методологического унитаризма: не существует инструментария, допускающего единообразное концептуальное освоение полиотсечной, поливариантной социальной реальности. При выходе на конечный уровень понимания статуса регулятивной сферы в ее духоподъемном, целеориентирующем назначении обнажается порочность любого фундаментализма, унификационизма, универсализма. Почва методологии — живая действительность и плодотворная идея, исключая стремление заставить молчать вечность, за достигнутой вершиной искать «сумерки богов».

В понимании явлений социосферы невозможно использовать метод, выработанный для изучения неодушевленной природы. Требуется иной тип исследовательской культуры, ориентированный на «рассмотрение людей в про-

299

цессе их деятельности» (Тойнби). Как высказать «живое слово о живых»? — разработкой этого занята социальная рефлексия — критико-аналитическая, углубленно-мыслительная деятельность, противостоящая мелководным традициям исповедальности, пророчества, натурализма, нарративизма.

Исповедальность: конструирование отрешенных состояний социального существования с позиций исторической вневходимости (утопизм, ухронизм).

Пророчество: представление социальности в свете идеальной перспективы освобождения человечества от груза прошлого (авангардизм).

Натурализм: толкование социальности в терминах не положительно жизненной, но текстовой реальности (герменевтика). Текст (источник) и жизнь (существование) не равноценны. Жизнь выступает не экспонатным (памятниковым), а личностным

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

(гуманитарным) явлением, реставрируемым арсеналом не объективного, но субъективного (антропологического) духа.

Нарративизм: социальность уместается в показания протоколов хроник. Социальный теоретик — не регистратор, он передатчик духа времени плюс фиксатор магистралей социальной эволюции. В мыслительных воссозданиях социальная реальность не укладывается в фактограммы (Т. Моммзен, И. Дройзен, Ф. Савиньи, Н. Фюстель де Куланж):

1. Порой нет источников, удовлетворяющих стандартным требованиям критичности, аналитичности. К примеру, основной текст по истории древней Руси «Повесть временных лет» — апокрифичен.

2. Зачастую не имеется доступа к источникам. В силу отсутствия в отечественном законодательстве статьи о периодическом рассекречивании документов эмпирическая база деятельности российских обществоведов сужена, если не подрублена.

3. Подчас источники изъяты либо фальсифицированы — лакировка истории со стороны власть предержащих.

300

4. Требуется решения колоссальной сложности и остроты проблема интерпретации источников. Тот же пакт Молотова — Риббентропа. Как к нему относиться? С нашей точки зрения, пакт этот — решение политически вынужденное, свидетельствующее не об агрессивности СССР, а о его миролюбии. Способом поддержания мира в той обстановке оказывалось: а) сближение с Германией; б) создание системы коллективной европейской безопасности. С последним не получилось по причине obstructionistской позиции Англии и Франции. Исчерпав возможности действий во втором направлении, СССР обратился к первому. 23 августа 1939 г. между ним и Германией подписан пакт о ненападении. В дополнительном секретном протоколе обозначались сферы влияния: для Германии — Польша (исключая восточные области), для СССР — Восточная Польша (Западная Украина и Западная Белоруссия), Финляндия, Бессарабия, Северная Буковина. Ревизия прошлого — занятие неблагодарное: на всякого интерпретатора найдется посрамляющий его более радикальный переинтерпретатор. Удержаться на плаву здравомыслия позволяет реализм, верность правде истории. В соответствии с этим условием, подходя к рассматриваемому фрагменту прошлого, мы считаем его не подлежащим переоценке. В ту конкретную эпоху действовать иначе, руководствуясь национальными интересами, возможным не представлялось. К выгоде для себя СССР оттягивал войну, изменял геополитический баланс в свою пользу, воссоединял родственные народы, возвращал бездарно сданные большевиками территории. Масштаб государства, как и человека, — масштаб его возможностей. В этом случае Россия (СССР) доказала свою сопричастность великому масштабу. Она выиграла. Изощренно интригующие на европейском театре действий Англия и Франция проиграли.

301

5. Есть нечто (трансфактивное, внеисточниковое), в источнике не фиксируемое, из него не выводимое. Так, можно в деталях описывать эпопею Александра Македонского, однако оставлять в **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

тени, что собственно он сделал как исторический актант, социально-политический деятель. Выскажемся пространнее, для чего не согласимся с Лотреамоном, говорящим: «Поэт полезнее любого гражданина своего времени. Его творчество — кодекс для дипломатов, законодателей, наставников молодежи». Суть в том, что поэт начинается там, где кончается человек. Оттого полезнее поэта — правитель, личным примером задающий кодекс. Поэт пребывает в идеальном: предводитель отечества же — конкретный человек — реально вменяет образцы подданным.

Александр Македонский прожил без малого 33 года. Находился у власти 13 лет (336 — 323 гг. до н. э.). 3 года из них ушло на стабилизацию собственного правления на родине; 10 лет — на ведение восточной завоевательной кампании. Для лакея нет героя. В обыденно-житейском смысле судьба Александра невзрачна: к каким высотам приобщился он, кроме тягот, лишений в общем элементарного ратного существования, скрашиваемого безысходными солдатскими попойками и тривиальными походными оргиями?! Научная точка зрения, однако, располагает к иному ракурсу видения. Она обязывает подойти к феномену Александра не как к казусу, отдающему случайную дань происходящему, а как к единичности, поднятой до уровня явления.

Равнодостоинство людей перед ликом вечности неоспоримо. Между тем в нашем обозримом локале все мы Друг другу не равны. Покой и воля — не атрибуты исторической призванности; не каждый способен реализовать соответствие вызову времени, некое высшее, если угодно, метафизическое назначение. Верно, Александр воплотил версию человека, не чуждого частной жизни, но и нечто

302

большее: нащупав, отработав правила складывания империй, он открыл в мировой истории эпоху обмирщения великих социальных проектов.

Перипетии державного опыта Александра во многих смыслах примечательны. Самого пристального внимания заслуживает техника созидания им организма империи. Чисто опытно Александр нащупал, выявил здесь свои зависимости, которые в мировой практике использовались в последующем вполне сознательно.

Цивилизация, эксплуатирующая, но не культивирующая, не имеет будущего. В отличие от своих советников это отлично понимал Александр, поставивший на обихожание — аннексируемых пространств, подключение покоряемых аборигенных народов к высотам цивилизации. Цивилизация противостоит варварству жизневоспроизводственным отрывом — более высоким уровнем культурных, индустриальных, гражданских, земледельческих технологий. «Империя» в наиболее широком смысле, подчеркивает Бицилли, есть «отношение властвование — подчинение, отношение господствующего народа и подвластных».¹⁸⁸ Подобное отношение реализуется через кратократическое потестарное начало, государственную опеку, силовое давление. Империя в начале своей повышательной фазы наращивает территориальную громаду, расширяя масштабы исключительно применением силы. Далее, однако, о себе заявляет

логика гарантийного воспроизводственного процесса. Завоевать территорию, народ можно, но держать их в подчинении одной силой продолжительное время достаточно трудно. Трудно по причине затратности — рано ли, поздно ли, силы тают; воевать с народом на его территории невозможно. Для удержания завоеваний в отношении покоренных окраин требуется программа приемлемого (по крайней мере достаточного для срыва немедленного выступления) существования. Если выработать ее удастся, империя, пребывая в повышатель-

¹⁸⁸ См.: Бицилли П. *Наследие империи // Рубежи. 1996. № 8. С. 83*

303

ной фазе, самостабилизируется. В противном случае внутренние антагонизмы обостряются, освободительная борьба нарастает, удерживать целое в исходном порядке становится все затруднительнее, империя входит в понижительную фазу развития, характеризующуюся державным деградансом вплоть до распада и краха. В отношении первого Александр преуспел. С державной (аннексионистской) миссией он справился. В отношении второго Александр не успел. Между тем империя его целеустремленно начала выполнять культуротворческую, устроительную миссию — применительно к покоренной провинции проводилась дальновидная стратегия цивилизационного обихоживания, состоящая из глубоких шагов:

— экспорт этноса из метрополии (подкрепляющая экспансию торговопромышленная колонизация земель);

— экспорт бюрократии (привлечение к управлению местами ставленников из центра);

— инкорпорация аборигенной знати во власть;

— урбанизация (закладка нескольких десятков стратегически ответственных опорных пунктов, городских центров);

— централизация финансовой политики (введение для Греции и Передней Азии единой монетной системы);

— интернационализация армии (создание контингентов из эпигонов — обучаемых по-македонски аборигенных народов);

— либеральное, избирательное отношение к обычаям покоренных народов (сакрализация власти — для Востока, поддержание демократических традиций властвования — для Запада);

— активное наступление на эндогамию (поощрение межнациональных браков, создание энергичной, буферной диаспоры, — «чтобы путем... родственных уз установить между величайшими материками согласие и дружбу, какая существует между родственниками»).

304

Все эти безусловно перспективные слагаемые имперостроения, начавшие материализоваться Александром, не смогли за его короткий век проявить себя полномочно и представительно. Как следствие — отсутствие единой экономической, хозяйственной, культурной, административной основы державности, без которой последняя выступала не органической целостностью, а хаотичным конгломератом непереваренных плавильным котлом местных укладов. Не решил Александр проблемы регламента власти. Это касается моментов как отправления, так и передачи властных

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

функций. Отправление власти во многом опиралось не на легитимный правоустановленный порядок, а на импульсивную импровизацию первых лиц.

Аналогичное справедливо и касательно вопроса передачи власти. Самый опасный, тревожный момент государственности — послевластие, обостряющее борьбу за трон. Державу Александра Македонского разорила война диадохов. Кризис государства Селевкидов после смерти Антиоха IV целиком и полностью вызван династической враждой (с участием членов царской семьи, временщиков, узурпаторов); по выделении Вавилонии, Персии, Мидии царства не стало. Для предотвращения паралича деятельности аппарата государственности смена власти должна протекать в четко очерченном легитимном, правовом поле. Никаких актов, процедур, инструкций, задающих канву, контур подобного поля, империя не имела.

В результате борьбы вокруг вопроса о престолонаследии Грецию и Македонию получил Антипатр; Египет — Птолемей; Каппадокию и Пафлагонию — Эвмен; геллеспонтскую Фригию — Леоннат; Фригию — Антигон; Фракию — Лизимах. Великое детище Александра — грандиозная империя древности пала.

Примечательным в сказанном является то, что существо концепта «империя» в источнике не зафиксировать. Возникает, следовательно, проблема несопряженного с источником идейного базиса понимания социального — проблема, определяющая и предопределяющая ток социальной рефлексии.

305

6.2 Издержки формационности

Тематизация способов рефлексии этого вызванного характером групповой интеракции словесного наименования «социальность» заставляет оценить некогда популярный, но, по-нашему, непродуктивный подход, толкующий социальность в терминах деривата способа производства, подвергнуть критике сцепленную с ним /подходом/ поисковую стратегию. Будучи абстрагирован от западноевропейской реальности, формационный подход с позиций оценки и фактологии, и логического и систематического значения понятий, очевидно, во многом несовершенен. В ракурсе «вширь» он плохо ложится на ситуацию скандинавской, славянской, сибирской культур, равно как не затрагивает вершения истории в ближне- и дальневосточном, среднеазиатском и некоторых других регионах. В ракурсе «вглубь» он отвлекается от концептуализации характерных проявлений общественных отношений, таких, как статус властного фактора в человеческой жизни, роль торговли, рынка в становлении вторичных и третичных формационных признаков, природа «третьего мира» и т. д. Иными словами, ограниченный эмпирически и теоретико-модельно, он не является всеохватывающе-всеобъемлющим.

Данная констатация тем не менее не подрывает эпистемологическое реноме рассматриваемой конструкции. Следует иметь в виду, что универсальных в некоем доскональном смысле систем в науке попросту не бывает; кроме того, как теперь ясно, финитность и фальсифицируемость не однозначно негативные

свойства теории — как таковые они включаются в сбалансированное представление научности. Таким образом, формационная схема предстает конструкцией добропорядочной: теоретически воссоздавая определенные слои действительности, она удовлетворяет самым придирчивым требованиям науки, выгодно отличается от псевдонаучных мистических, субъективистских и т.д. толкований исторического процесса. Это одна сторона дела.

Другая заключается в том, что в логике и методологии познавательной деятельности принято именовать внутренним совершенством научно-теоретических построений.

306

Взращенный в лоне европейской культуры формационный подход имеет солидную ретроспективу. Семантические корни формационных представлений образуют обширные пласты и элементы предшествующих идеально-типических построений:

— противостоящая провиденциализму светская философия истории (Боден, Бэкон, Гоббс);

— идея циклов и ритмов (инвариантов) в историческом движении человечества (Вико);

— понятие возможности общих законов истории (Гердер);

— принципы телеологического описания — модель внеисторической истории: теистический вариант (Августин), рационалистический вариант (Гегель);

— опирающаяся на категории единства истории, законосообразности событий, естественной необходимости идея исторического прогресса (Кондорсе);

— культура спекулятивного теоретизирования — схематизация всемирно-исторического развития как способ подгонки эмпирической конкретики под абстрактные модели.

Наряду с сильными формационная конструкция наследует и воспроизводит слабые стороны своих первоисточников:

1. Формационный подход дегуманистичен. Задуманный в пику субъективистским теоретизациям человеческой жизнедеятельности формационный подход оформлялся на волне сциентизации исторического познания. Цель привнести науку в историю в качестве средства обслуживала пятичленная модель исторического процесса, крепящаяся на выделении общесоциологических критериев повторяемости. Идея внедрения в безбрежный массив переменных инвариантов (абстракции «способа производства», «производительных сил», «производственных отно-

307

шений» и т.д.) сама по себе перспективна и с позиций генерации добропорядочных теоретизаций единственно возможна. Однако как таковая, единосушно она не позволяет задать адекватную канву поиска. Бесконтрольное и монопольное использование макросоциологических понятий (каковыми выступают базовые концепты формационного подхода) делает формационную схему фундаментом не конкретно-исторических, а отрешенных социально-экономических описаний. Если принять во внимание также, что исходно формационный подход упрочался в культуре в противовес расчеловечивающим историю провиденциалистским и объективно идеалистическим спекуляциям, становится ясно, что

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

капитальная интенция дать принципы концептуализации исторических деяний исторически самоутверждающегося человечества оказалась им не реализованной. Формационный подход оперирует гуманитарно пустыми генерализациями («строй», «собственность», «трудовой ресурс»), обделенными реально человеческим пафосом. Насколько же подобное духовное основание способно фундировать историю, изучающую прошлое человечества во всей его объемности и многообразии? 2. Формационный подход схематичен. Проецируемая на все и всякие типы социумов пятичленная модель исторического процесса проявляет то, что теоретики Франкфуртской школы именовали репрессивностью. Репрессивностью неполной, незавершенной теории, претендующей на далеко идущие экстраполяции, охват событий *in toto*. Суть в том, что, конечно же, не все и не любые формы человеческого общежития соответствуют признакам, вводимым и вытекающим из природы формационных представлений: а) имеют место случаи нетипические, никак не укладывающиеся в пятичленку — «азиатский способ производства», «античная формация»; б) есть масса примеров отсутствия обяза-

308

тельности постадийного прохождения народами именно пяти фаз мировой истории — стабильность традиционных обществ (вопреки формационному престабилизированному динамизму), ориенталистских структур и т. д.

3. Формационный подход не отвечает эпистемологически значимому критерию гомогенности. Постулат о примате базиса над надстройкой не проводится в теории последовательно, монистично. «Досадными», однако, не рядовыми девиациями общих мест теории выступают: а) соответствующие концептуальные изъятия для дихотомии «базис — надстройка» в случае переходного периода; б) ничем не оправданная, искусственная пролиферация понятий, характеризующих, казалось бы, одно и то же. Такова пара «античная формация» и «рабовладельческий способ производства». Поскольку производительным базисом античности выступал труд не рабов, а свободных крестьян и ремесленников, ситуация античности прямо «выпадала» из ячеек формационных представлений.

4. Формационный подход эсхатологичен. Любая ступень общественной истории лишена самодостаточности: она — лишь веха на пути к последующему. Изображение, предполагающее оценку настоящего через призму будущего, во всех отношениях несовершенно. Во-первых, оно односторонне; во-вторых, как правило, оно смещает акценты, утрачивает перспективу; в-третьих, оно перекрывает возможности непредвзятого анализа объективных альтернатив. Нечто подобное и произошло с формационным подходом, который (рассматривая тот же капитализм с позиций его замены коммунизмом и игнорируя его внутренние, крайне солидные, потенции саморазвития), во-первых, достаточно некритично обозначил весьма элементарный контур движения человечества от бесклассовости (первобытный примитивизм) к классовости и вновь бес-

309

классовости (отголоски гегелевской триадичности) как итогу прогресса, выходу из предыстории и вступлению в подлинную историю (в данном наращивании потенциала свободы сквозь межформационное движение, разумеется, прослеживается секуляризованная версия христианского хилиазма, остроумно называемая четвертым источником марксизма) и, во-вторых, столь же некритично однозначно поставил на пролетариат и его футурологические ресурсы (идея всемирной революции), якобы достаточные для векового освобождения человечества. 5. Формационный подход спрямляет, сглаживает историю. Фигурирующие в формационной схеме идеализации не просто выхолощены в гуманитарном смысле, равным образом они освобождены от жизненно конкретных деталей, случайностей. Классическая дилемма «предопределение — свобода воли» решается здесь в пользу экономически истолкованного предопределения. Последнее и методологически, и фактически некорректно. Скажем: было ли Сараевское убийство, серьезно повлиявшее на ход последующих событий; были ли иные злокозненные акты (и даже подсолнечное масло булгаковской Аннушки), изменившие течение жизни?.. Не неотвратимо, но пуля находит адресата, постное масло делает много шума. На фоне этих прецедентов трудно избавиться от мыслей, что в истории все подтасовано. Подобные мысли питают формационный подход, навевая суждение «если бы не Гаврила Принцип, нашелся б другой, но... не избежать» и т. д. На это, однако, возможно возразить указанием на многочисленность иных пуль, иных типов и агентов причинения, никаких социальных трансформаций не вызвавших. История не разворачивание экономической, базисной необходимости. В ней есть человек, «эгоистическое» лицо и сцепленный с ним простор дей-

310

ствия. Но есть интегральный (не формационный) эффект самоорганизации больших сложных систем. История и реализуется как синтез проявляющихся более или менее спонтанно возможностей, как статистическое резюмирование альтернатив. К примеру, российская монархия пыталась ассимилировать парламентаризм; большевизм же как псевдопарламентаризм ассимилировал цезаризм и самодержавность (наблюдение М.Волошина) — история российских культов личностей и безличностей. 6. Формационный подход как семантическая конструкция узок. Упор на экономическое измерение социальной жизни — чрезвычайно сильная и ограниченная идейная платформа. Возникают трудноразрешимые сомнения в справедливости того, что в произвольных точках (и на Западе, и на Востоке) многомерного исторического пространства (и в Старое, и в Новое время) социально-экономические факторы (и лишь они) преимущественно обуславливают стиль общественного общежития. Фундирование истории экономикой (в чем сказывается и проявляется формационно-экономический редукционизм) — прием из разряда несостоятельных, потому что:

— идея определяющего начала на интервал «всегда — везде» в гносеологическом аспекте фиктивная. В действительности

наблюдается взаимодействие многих начал, в зависимости от обстоятельств проявляющихся разнородно. Отсюда адекватной представляется гетерогенная схема исторических описаний с приматом — применительно к условиям — различных факторов;

— априорное ранжирование социально-исторических параметров по принципу «базисное первично, надстроечное вторично», в сущности, произвольно. Отношения координации и субординации определений исторического бытия подвиж-

311

ны; их упорядочение осуществляется локально, зачастую в обход канонических предписаний — властный фактор в политарных формациях, эмоционально-волевой компонент в ситуациях межнациональной розни и т. д. В данных и аналогичных им эпизодах истории во главе угла оказывается сугубо надстроечный и, надо сказать, малорациональный или даже иррациональный элемент, имплицитный, вопреки базисным детерминациям, и способ обработки людьми друг друга, и производство (воспроизводство) социальной жизни в целом. 7. Формационный подход допускает структурную изоляцию генетически связанных социально-исторических таксонов. Он намечает вертикальный (диахрония социумов) и обходит стороной горизонтальный (синхрония социумов) срезы существования общественных организмов, без чего картина исторической жизни оказывается и усеченной, и неточной. Отвлечение от межформационного взаимодействия нерезонансно прогрессирующих обществ, ведущее к изоляционизму в трактовке способа функционирования формаций, неправомерно. На это указывают и факты, свидетельствующие, что мы погружены в стихию межформационного взаимодействия, когда:

— одни социально-исторические общности подпитывают другие (античное общество цивилизованного Запада — варварство восточных стран; оппозиция «Север — Юг» в современности);

— происходит взаимодействие региональных и мировых политико-экономических систем (оппозиция «Запад — Восток»; поворот к конвергенции).

В качестве итогового оценочного суждения примем такое. Формационный подход как антисубъективистская интеллектуальная традиция сыграл положительную роль в методологии социального познания, однако эвристичес-

312

ки самоисчерпался; в настоящий момент не оказывает плодотворного воздействия на гуманитарные искания, генерализацию исторической фактуры. Адекватная концептуализация исторического процесса, социальности должна крепиться на иной регулятивной основе, возникающей как своеобразная рефлексивная апологетика человека, его реальной активности в сообществе людей. Социальность — материя гуманитарная, и эпистемологический арсенал работающего социофилософа поэтому логично обогатить: — слоem антропологических описаний, реконструирующих внутреннюю и внешнюю инициацию людей (аппарат герменевтики, исторической поэтики, культурологии). Уместно исходить из того, что люди сами создают себе жизненную среду, безмятежную или взрывоопасную.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

И делают это под влиянием как базисных, так и надстроечных причин. Ментально (идеологически, религиозно, этнически) инспирированные идеи, накладываясь на людские страсти, способны возбуждать энергию народа, влечь социальные катаклизмы. Страсти эти могут зреть в нас под действием материальных условий жизни, не только личных обстоятельств и перипетий частной судьбы, но и исходя из объективной логики, характерологии производительной деятельности. И одно, и другое возможно. А коли так, нет никаких резонов пренебрегать заведомо состоятельными возможностями.

Формированию теоретического мира в случае отпадения от «духовности» способствует использование не обезличенных концептов («строй», «уклад», «класс»), а категории гуманитарной тождественности человечества, под которой понимается кристаллизованная в адаптации система рациональной кооперации людей, завязанная на общезначимые средства коммуникации и интеракции (язык, типологические принципы экзистенциального самоутверждения в виде морально-правовой, производствен -

313

ной, нормативной регуляции самопроявлений — очередное измерение ФСК);

— системным видением подпадающей под рефлекссию социально-исторической онтологии. Человеческий социум — комплексное, разветвленное образование, схватываемое не частичными, выпячивающими те или иные определения описаниями, а целостной дифференцированной картиной — унитарной, хотя и многоотсечной. С методологической точки зрения подходящим содержательным основанием философии истории выступает по этой причине не формационный редукционизм, а холизм. От бинарной, субординирующей факторы человеческой жизни логики пора отказаться, ибо понятие несамостоятельной производной от базиса надстройки — дезориентирующая химера. Базис, сколь капитальными свойствами его ни наделять, непосредственно сам может вытекать из надстройки (взять то же соотношение политики и экономики в затянувшуюся эпоху диктатуры пролетариата).

С последним надо считаться, а, значит, отходить от прямолинейного сведения (выведения) надстроечных показателей к базисным (из базисных). Надстройка самодостаточна и способна играть роль системообуславливающего, системоформирующего фактора. Таким образом, дихотомическое мышление на ниве социофилософии нетерпимо. Следует оставить и базисный фундаментализм, и надстроечный редукционизм. В философии истории нет места априори первичным и вторичным структурам — здесь могут быть лишь целостные рассмотрения однопорядковых равноправных определений с запретом перевода «всего и вся» из мира континуальных гуманитарных величин в мир дискретных величин исторического материализма (оттого и не оставляющего шанса истории людей в обществе);

314

— понятием специфической детерминации исторического процесса, которую вполне точно можно именовать гуманитарной детерминацией. Социум — динамический гомеостаз с комплексом

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

не номогенетических, а преимущественно тихогенетических связей. Личность, исходящая из своих потребностей и побуждений, привлекает для их удовлетворения кажущиеся ей приемлемыми средства. Так проявляется свобода воли, свобода персонального выбора, которая, однако, не сродни произволу. Дело в том, что человек-гражданин — не безотносителен к режиму бытия социума. Социум — целое, индивид — его часть. Принципы функционирования целого статистичны, складываются как некий порядок из хаоса посредством макросоциологического подытоживания персональных усилий, организуемых по законам вхождения частей в целое. Последнее блокирует произвол, эксцессы, инстинкт, неконтролируемые слепые деструкции.

Понимание этого дает содержательный ресурс для обновления эвристических основ социальной философии, откуда во всяком случае правильно удалить парадигму обезличения. Пружина исторического развития — не цель, не мировой разум, не классовая борьба; она — в приемах гармонического самосогласования активности свободно действующих гуманитарных существ. Внутренний механизм движения истории — в самой истории, в шлифующихся веками правилах ее строения и устройства.

Говоря об этих правилах, нельзя не вспомнить об ориентированных на безусловное и непреходящее гуманитарных константах — социальных, моральных абсолютах (образы оптимальной жизни — цивилизность, демократизм, персональная автономия, независимость, всеислие права; этико-гуманистические идеалы достойного существования — альтруизм, человеколюбие, взаимопомощь). Новая философия истории разрушает эсхатологизм (телеологизм, провиден-

315

циализм, милениаризм, узкоклассовый коммунизм): выступая универсально цивилизационной внеэтнической, внеклассовой идеологией самостановления гуманитарности, она не имеет исторических рамок, ибо в деле совершенствования жизни с позиций приближения и приобщения к социокультурным и морально-этическим абсолютам «нет надежды конца и уяснения» (Толстой).

6.3 Гуманитарная парадигма

Каков адекватный проект рефлексивной социальной теории (СТ)? В качестве «идеального типа» классики социологии (Вебер, Сорокин) предлагают специфический вариант социального знания, крепящийся на допущении рациональной подпочвы мира: бог не играет в кости; в сущем ничего не подтасовано; мотивы, интенции агентов действия естественно сопряжены с обстоятельствами, что конституирует усмотрение в социальной каузальности фактора, поддающегося артикуляции в терминах научного причинно-следственного дискурса.

Рационализация коммуникации (интеракции) с исключением девиаций, внедрением «объективности рассмотрения», ориентаций на оценку «обстояний» — идущий от Жозефа де Местра методологически вполне адекватный ход, по способам рефлексии предметности сближающий социально-политические и

естественнонаучные искания в границах толкования научных занятий как номологической проработки беспристрастной несамочинно-непроизвольной реальности, поддающейся непредвзятому освоению. Ход адекватный, но тем не менее для случая СТ далеко не органичный. В принципе небеспочвенной презумпции рационального устройства мира (рациональность мира — следствие его высокоадаптивности) уместно адресовать такие контрдоводы.

Довод антропологический.

1. Систематизатор йоги Патанджали выделяет в человеке ипостаси «минерало-человек, растение-человек, животное-человек, человеко-человек», соот-

316

ветствующие стадиям его возвышения. Как видно, наиболее приближенная к фазе рационального человека — ступень «человеко-человек» — не всеохватывающая для существования человека. По уточнению Аль-Фараби, свойство рациональности (способность действовать разумно-целесообразно) приобретает лишь в старости. До того же — поливариантное поведение с доминированием в разные периоды жизни различных детерминант-факторов. И, разумеется, во многом нерациональных.

2. Рассудок, разум, *ratio* объединяет сознание, а не людей. Мировая история, утрирует Вебер, подобна пути, который Сатана вымостил уничтожаемыми ценностями. История — процесс разрушения ценностей? Это абсурд. Что такое абсурд? Нарушение правил логики. Но ведь и логика есть нарушение правил абсурда. Пока решать, что первичней, возникает лазейка расценивать человека не как «*tool-making*», а как «*foolery-making animal*».

3. Причина многих философий — великий человек. Эту идею Ницше правильно воспринимать под углом зрения персональных инкарнаций жизни. Самсон побеждал силой. Далила — красотой. Один взгляд Людовика XIV убивал Расина...

Измените идеи и чувства — и вы избегнете мнимо неизбежных войн, — рекомендовал Фулье. Изменить. Но как? Каков человек, таков и его Бог. Апеллируя к «чистым», «рациональным» основаниям, растворяя «лицо» в «факторе», деиндивидуализируя, ожидая столкнуться с «обстоятельствами», мы неожиданно обнаруживаем «человека». С его «нерационально-неправильным» оснащением. Вроде длины носа. Поскольку все, что мы видим, может быть также другим¹⁸⁹ (вплоть до гротескных форм сродни тезису в «Макбете»: жизнь — «повесть, рассказанная идио-

¹⁸⁹ См.: Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат*. М., 1958. С. 82.

317

том»), спрашивается: что в рамках СТ считать сущностным, что пропускать по части девиаций?

Если прав Наполеон и роль судьбы в жизни играет политика, то «лучше не навешивать ярлыки, лучше не пытаться придавать жизни какую-то структуру, лучше оставить окончание открытым, лучше не придумывать категорий, лучше не ставить штампов».¹⁹⁰ Так что, похоже, не заблуждался Сент-Бев, полагавший, что история пошла бы иначе, если бы нос Клеопатры был короче.

Довод онтологический.

1. В трилогии об Иосифе Флавии Фейхтвангер, опираясь на миропредставление древних, формулирует «железный закон» истории, в силу которого «все происходит в положенное время: родиться и разрушать, находить и терять, обнимать и расставаться, воевать и мириться». Если Фейхтвангер не заблуждается, в жизни все детерминировано динамически, случайность не играет никакой роли, — история утрачивает черты естественного процесса, приобретает крайне мистический характер. Вслед за Гегелем тогда придется исповедовать ортогенез, провиденциалистскую картину существенного универсума. Все дело в том, однако, что Фейхтвангер заблуждается: никакого ортогенетического пресуществования в истории не заложено. Во-первых, никто не планирует, когда нам появиться, когда нам уйти. Во-вторых, используя мысль Флоренского, подчеркнем: культура есть деятельность не по отрешенным (спекулятивным), а по обозримым целям; социально-политическая жизнь творится заземленно-телеологически. В-третьих, вслед за Фихте скажем: не прибегая к насилию, нельзя внедрять внешнюю цель жизни; человеческое бытие как бытие для себя суть бытие самоцельное.

¹⁹⁰ *Бхагаван Шри Раджниш. Жизнь, любовь, смех. СПб, 1991. С. 9.*

318

2. В силу фиктивности закона Фейхтвангера реален навеваемый обстановкой неоднозначный выбор. Даже, в казалось бы, обескураживающих безнадежностью ситуациях, как ситуация дилеммы Кандида: 10 тысяч палок или расстрел. И здесь человек выбирает.

Как протекают судьбоносные акты выбора — доподлинно неизвестно: теоретически (доктринально) они не подлежат реконструкции. Единственное, на что допустимо уповать, — не на рациональную, а смысложизненную логику. Рационализация выбора влечет экзистенциальное вырождение типа «брака по расчету». Объективная невозможность просчитать, учесть, взвесить все до конца — причина не только интригующей виртуальности бытия, но и самовозвышения, самопреодоления, внутреннего роста.

Сказанное оттеняет тщету проектов сознательного творения существования по рациональным схемам. И в варианте Фонтенеля, при виде преступника восклицавшего: «Вот человек, плохо рассчитавший!» И в варианте Энгельса, пытавшегося уверить, что, когда «люди начнут вполне сознательно... творить... историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают». ¹⁹¹ Подобный скачок из царства необходимости в царство свободы — великий миф, разоблаченный жизнью, обильно политой потом и кровью действительностью. Как знать, что бы сказал о социотехническом конструировании на исходе XX столетия горячий поборник общественного рационализма Фейхтвангер, по меркам времени еще так недавно утверждавший: «Я неизбежно симпатизировал эксперименту закладки фундамента для создания гигантского государства на базе одного лишь разума»?

3. Подмечает Вико: «Мир, несомненно, вышел из некоего ума,

часто отличного, а иной раз совершенно

¹⁹¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 295.*

319

противоположного, и всегда — превосходящего частные цели самих людей, тех людей, которые ставили себе эти цели». ¹⁹² Аналогичное высказывает Гегель, вводя понятие «хитрость разума» и усматривая сущность ее в опосредовании, которое, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя во взаимодействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную волю. ¹⁹³ Оба указывают на зазор между целью и результатом. Откуда же избыточность конечного итога сравнительно с замыслом в социально-историческом действии? В качестве рефлексивной тематизации вопроса остановимся на возможностях:

а) Динамизм: предустановленность истории; любая произвольная социально-политическая уникальная манифестация есть выражение скрытого за ней фундаментального основания. Тот же Наполеон. Как исторический деятель он не «лицо», а «функция»: французская революция в человеческом обличье. Если бы он пал, рассуждает, к примеру, Барт, на его место заступили бы Гош, Клебер, Дезэ, Марсо, другие подходящие люди. ¹⁹⁴ Есть, следовательно, закон и его персональное наполнение. Недостаток данной платформы — низкая эвристичность: объясняя, социально-политический динамизм мало что объясняет. Витиеватая жизненная реальность подводит к разумению: народ говорит устами своих героев, герои же имеют собственные уста.

¹⁹² *Вико Д. Основания новой науки, об общей природе нации. М., 1937. С. 470.*

¹⁹³ *См.: Гегель Г. Б. Ф. Соч. М., 1929. Т. 1. С. 318*

¹⁹⁴ *См.: Барт П. Философия истории как социология. Спб., 1902. С. 183.*

320

б) Окказионализм: спорадичность, иррегулярность истории; случайность — ткань социально-политического. Эту концептуальную программу заявляли Паскаль, Бурдо. В несколько ироничной форме проводил Вольтер, передававший происшествие с индусом, который доказывал, что его левая нога — причина гибели убитого в 1610 г. Генриха IV. (В 1550 г. индус во время прогулки непреднамеренно столкнулся в воду персидского купца. Его осиротевшая дочь вышла замуж за армянина и родила девочку, связавшую судьбу с греком. Их дочь переселилась в Париж, воспитав убийцу короля Франции — Равальяка.) И, наконец, горячо отстаивал Ясперс, убеждавший: «То, что составляет в истории лишь физическую основу, что возвращается, сохраняя свою идентичность, что есть регулярно повторяющаяся каузальность, — все это неисторическое в истории». ¹⁹⁵

Сомнительность окказионализма в исходном «историческое эпизодическое». С прецедента Гераклита между тем очевидно, образ «потока», непрерывного «становления» во всех отношениях неинспирирующий. Неизбежными пороками окказионализма выступают:

— нигилизм: схожий с кратиловским онтологическим релятивизмом «в одну и ту же реку нельзя войти и один раз»,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

экзистенциальный релятивизм «таких, как я, и одного нет» (Хлебников);

— беллетризм: превращение СТ в антологию анекдотов типа жизнеописаний какого-нибудь Растиньяка, вблизи столицы заявляющего: «Ну, теперь дело между нами»; последнее дает повод квалифицировать СТ либо как атеоретичную хро-

¹⁹⁵ Ясперс К. *Истоки истории и ее цель. Вып. 2. М., 1978. С. 135.*

321

нику (вслед за Сен-Симоном), либо как откровенный вздор (вслед за Г. Фордом). в) Статистизм: положение в истории родственно совокупности обстоятельств в статистической физике; история — результирующая поведение ансамбля. Характерно в этой связи суждение Энгельса: «То, чего хочет один, встречает противодействие со стороны... другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история... протекает подобно природному процессу и подчинена... тем же самым законам движения». ¹⁹⁶ История — броуново движение? Такая картина если и отличает, то архаичную социальность с равноценно-равноправными агентами действия. В развитой социально-политической организации практикуются сравнительно жесткие технологии, векторизующие обмен деятельностью и не оставляющие простора для статистического подытоживания спонтанных индивидуальных волей. Для прошлых эпох справедлива позиция Аристотеля, разводившего амплуа историка и поэта: первый трактует о действительно случившемся, второй — о том, что могло бы случиться. ¹⁹⁷ Для современной эпохи ригидных социально-политических технологий, превративших историю в искусственно направляемый процесс, подобие абсурда, где, используя слог Камю, репликами на просцениуме жизни беспорядочно обмениваются надежда и смерть, различие Аристотеля не проходит. Или проходит с точностью до наоборот: историк трактует о том, что могло случиться, поэт (лучше — трагик) — о действительно случившемся.

¹⁹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч. Т. 37. С. 396.*

¹⁹⁷ См.: Аристотель. *Поэтика. М., 1957. С. 67–68.*

322

г) Флуктуирующее воление: история есть нечто, существующее в виде не «чего-то», а «для чего-то»; история не следствие сцепления множества переменных, равнодействующая необозримых, труднопросчитываемых многообразных параметров, резюме игры стихийных сил, она — итог уникальной способности к самодействию, самоутверждению, проявлению свободной воли, поиску решения; история не постав, не вовлечение, а персональное самодействующее становление. История — не мы в прошлом, а прошлое в нас, проявляемое в особом типе пассионарного причинения: не от обстоятельств, а от напряжения внутренних сил, самоиндукции, самочинности, своевольности. Взять ситуацию «Иван Грозный убивает сына». Событие стихийное, катастрофическое, общими причинами не детерминированное. Именно из таких флуктуаций соткана поливариантная ткань истории.

Поскольку есть апокриф, доносящий, что во время Великой французской революции во многих местах Парижа останавливались

башенные часы, постольку прав Мерло-Понти, утверждая: первоисточный принцип субъект-объектных (и, добавим, субъект-субъектных) отношений — своеволящее, «дикое бытие». Дикость бытия как исходная онтология жизни — от дерзания, охоты «пожить по одной свободной воле своей», а не от статистики.

В результате фатальной заброшенности, безопорности человек осужден быть свободным (Сартр). Оттого в одних случаях он действует как волк, в других — как Бог.

Воспользуемся сказанным для критики представленной линии. Во-первых, в силу политической сущности людей, того, что они получают не самые вещи, а мнения о вещах (Эпиктет), зависит аутентичность действий — следствий автономной свободы. Во-вторых, остаются проблемы овладения персональным потенциалом:

актив

323

— самопонимания: показательно итожащее творческий путь Гегеля его сетование: «Только один из моих учеников понял меня, да и тот меня не понял»;

— самовосприятия: далеко не обязательная для каждого необходимость поднять глаза, чтоб видеть, видят ли его, и как именно;¹⁹⁸

— самосознания: в диалоге Оливера Венделла Холмса участвуют: личность, как она есть; личность, как она представляется себе самой; личность, как она представляется другой личности. Унамуну дополняет этот перечень модусов личностью, какой она хотела бы быть. Дело усугубляется тем, что, кто такие мы, объясняем не мы, а те, кто перед нами и за нами (М. Поздняев), что снижает порог рациональности персональной самооценки, а значит, самореализации;

— самополагания: какая может быть цель жизни, если из нее исчезли свежие желания юности, чувство неудовлетворенного любопытства;

— самоосуществления: неочевидность дифференцировок между *mala in se* и *mala prohibita*, т.е. действиями собственно дурными и нарушающими (справедливые или несправедливые) условности.

Довод гносеологический.

1. Условие возможности СТ составляет пресуппозиция рациональной самотождественности человечества: творят и исследуют историю идентичные лица. Она охватывает, однако, лишь стандартные случаи самопроявлений, распространяющиеся на обстоятельства «всегда-везде». Потому СТ а) оказываются измышлениями — искусственными, предвзятыми конструкциями, комбинирующими логическими диспозициями, изощрениями наподобие «Ухронии»

¹⁹⁸ См.: Данте А. *Малые произведения*. М., 1968. С. 46.

324

Ренувье, где отслеживаются интригующие возможности равноправия ветвлений истории в альтернативном моделировании отрезков прошлого не такими, какими они были, а такими, какими они могли бы быть,¹⁹⁹ б) не схватывают позитивную, непредвзятую, безусловную реальность жизни в «здесь-теперь». Пресуппозиция

«рациональности» ориентирует на задание абстрактно-универсальных «чистых» мысленных контекстов, не пригодных для артикуляции гносеологического деиксиса — «исторического в истории», «политического в политике» — многообразных интриг, козней, подвохов, вывертов, гримас «фона личности», без которых нет ни истории, ни политики. 2. Имея в виду искусственность феномена традиционных СТ, нельзя отказать в правоте Риккерт, советуя каждому раз создавать СТ (ту же историю) заново. Однако тайну нельзя превращать в басню. От духа релятивизации соотношения вымысла и действительности в границах СТ недалеко до печальной болезни Фроуда, имевшего слабость никогда не писать правды (как говорили, он был *constitutionally inaccurate*), и, более того, до полного разочарования в науке. Вероятно, по этой причине пальму первенства адекватной формы человеческого самопознания (рефлексивные, предельно широкие типы СТ, объемлющие частности) Шеллинг и Кроче отдавали искусству (тут, правда, свои трудности, связанные с привнесением «видения», «идеала». Скажем, художник, которому поручили изобразить переход евреев через Красное море, написал полотно, закрашенное в однотонно красный цвет, и пояснил: евреи перешли, египтяне утонули...).

¹⁹⁹ *Renouvier Ch. Uchronie. P., 1876.*

325

3. Пресуппозиция рациональности, что, очевидно, в специфически теоретико-познавательном ключе пытается снять барьер между сущностью и существованием. Парадоксальность человека в двойственности: он — конструирующий мир субъект и существующий в мире объект. В силу закона гомогенности: хорошая теория исходит из минимума унитарных объяснительных принципов (прибегая к мысли Гегеля, можно сказать: опасение и боязнь односторонности есть признак теоретической беспомощности, способной на разностороннюю непоследовательность) — гиперболизируется то одна, то другая сторона человечности.

Гипертрофия субъективности субъекта (связь «субъект — мир» относительно субъекта) обрекает на бессодержательный нарциссический самоанализ — крах феноменологической самосозерцательности. Гипертрофия объективности субъекта (связь «мир — субъект» относительно мира) чревата тупиками натурализма, элементарного антропологизма, объективизма, техницизма, утратой смыслоотнесенности человека к действительности.

Постулат «вещи в себе» препятствует постижению сущности; постулат «феномена» (сущноданности) препятствует постижению существования. Парадокс сущности — существования в пределах «рационально» выполненных односторонних СТ — не преодолевается: в одном случае субъективность элиминирует объективность в гносеологическом смысле; в другом случае субъективность элиминирует объективность в онтологическом смысле.

4. Пресуппозиция «рациональности», навевая фиксацию неисторического в истории, неполитического в политике, учит о

нечеловеческом в человеке. Как возможно, что, невзирая на свободу воли, девиации, есть закономерный исторический процесс? Сие возможно благодаря введению трансцендентных скрытых параметров. Метасознание захватывает гердерско-гегелевская установка, выводящая

326

законы мира из курирующих социальную интеракцию предвечных факторов. Геропизмы, разумеется, могут внедряться в дискурс, но только подрывают общегносеологические понятия желательности, оптимальности, импозантности устоев вершения теории, канонов отправления поисковых актов.

В качестве обоснованного резюме из изложенного выведем, что есть избыточный рационализм в допущении рациональности тока исторической жизни, которому всецело сопротивляется естественная стихия существования. Реалистичный предел мыслимого мира — жизненный мир, последовательно отвергающий эвристические издержки традиционных СТ, являющихся построениями слишком отрешенного плана. Искомый удел СТ — избегать:

— схематизма обезличенных, бессубъектных «моделей»;

— многозначительных ad hoc вкраплений в виде апелляций к побочным инстанциям, влияющим на якобы свободные поступки людей;

— престабилизированности образца «героизма отчаяния», amor fati. Принципиальный изъян традиционных СТ — некритическое подстраивание под общенаучную практику. Будучи наукой, используя стандарты науки, гуманитарное знание все же должно отвечать своему назначению. Назначение же его таково, чтобы в отличие от прочих наук выступать человеконесущим, личностно-ориентированным, субъектсодержащим знанием. Как это возможно?

Научная теория представляет субъекта (комплексы субъективности) лишь во всеобщей форме — утверждает не субъективность индивида, а ее структурные свойства — субъективность как таковую. Последнее, однако, совершенно недостаточно для полноценного отображения реально-жизненных эпизодов. Если в жизни есть индивид — Иван, Петр, Гаврила, — общими сентенциями о субъективности

327

не обойтись; в рассуждениях должны фигурировать личности с контекстами их присутствия в бытии.

Отработка путей включения субъекта в теорию в рамках метасознания предпринималась в операционализме и ультраинтуитивизме. Однако Бриджмен разваливает каноны науки. В фарватере эпатирующих бриджменовских откровений «существует столько наук, сколько индивидов»²⁰⁰ идет и Есенин-Вольпин, умножающий количество рядов натуральных чисел в зависимости от субъектов счета. Для положительной математики, естествознания это немислимо, потому и ультраинтуитивизм, и операционализм остаются методологическими ухищрениями, осязаемо не влияющими на разработческие мероприятия.

Извлекая мораль из подобных показательных опытов, правильно признать: на уровне как техники, так и семантики ни математика, ни **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

естествознание не располагают инструментарием освоения жизнеструктурности. При гносеологической реконструкции состава точных наук обнажаются массивы собственно знания и истории знания. Первый — позитивный корпус науки в виде множества обезличенных деперсонифицированных положений. Второй — корпус истории науки в виде хроник, биографий с деталями исканий, девиациями. Поскольку бывают теории типажей и не бывает теорий индивидов, индивид может быть включен в теорию лишь в результате соответствующего изъятия из теории. Практически сие означает привлечение нетеоретических хроникально-биографических соображений в лице антропологических повествований с «пуантой». Они сосредоточиваются в корпусе истории науки, где вводятся описания с экзальтациями об «особом характере» субъекта применительно к случаю.

Двусоставность онтологии точной науки — концентрация универсалий в корпусе знания, а уникалий в корпусе

²⁰⁰ *Brigman P. The Intelligent Individual and Society. N. Y., 1938. P. 157.*

328

истории знания существенно поднимает планку ее (точной науки) теоретичности, позволяет функционировать ей преимущественно как объектный тип рефлексии с фактическим исключением описаний индивидов.

Ничего подобного не просматривается при реконструкции тела социально-гуманитарного знания, из композиции которого невозможно выдворить антропологизмы. Понимание атрибутивности гуманитарному дискурсу суждений об «особом характере» субъекта подводит к проекту антропологической гуманитаристики: всякая нетривиальная СТ должна быть индивидоцентричной. Непосредственное воплощение этого императива обслуживает такая версия поэтики СТ:

1) фундаментальная теория (теории социального бытия, социального действия и т.д.);

2) антропоцентричная квазитеория двух уровней:

а) описание типов — ареалы субъективности;

б) описание лиц — деяния индивидов.

Раздел «Фундаментальная теория» по своему гносеологическому статусу дублирует аналогичные разделы негуманитарных наук. В нем ассоциируются универсалии, обусловленные естественной необходимостью. Так, есть геополитика, определяющая мировую конъюнктуру по части добычи, переработки, транспортировки, поставки энергоносителей.

Раздел «Антропоцентричная квазитеория» включает два сегмента. Первый — формулировки о структурных отношениях, схемах типов, формально-динамических характеристиках поведения, идентичности в границах устойчивых континуумов признаков. В нашем случае есть представляющий средостение геополитических силовых линий в мировой энергополитике ближневосточный регион, где должен(!) воплотиться заказ на поддержание желательной энергетической конъюнктуры. Это требует культивации социально-политического одиоза (девианта), потенциальная борьба с которым гарантирует обеспечение неких высших интересов. Второй — суждения о персональном локале,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

экзистенциальной конкретике, обслуживающие си-

329

туационное присутствие личностного начала. Подразумевается Саддам Хусейн, играющий роль инспирированного одиоза.

Идейными предтечами представляемой версии поэтики СТ выступают Геродот, Фукидид, Полибий, Тацит, уделявшие подобающее внимание антропологическим плоскостям регистрируемых событий. К числу упомянутых предтеч, несомненно, должен быть отнесен Тит Ливий, ставящий задачу — проникнуть в душу описываемых им исторических лиц. Баланс теоретического и антропологического (экзистенциального), к несчастью, не был выдержан ни в методологии, ни в практике вершения социально-политического знания. В разные времена, в разных обстоятельствах верх одерживал то объективизм (географизм, космизм, технизм — Гиппократ, Монтескье, Ратцель, Леруа-Гуран), то субъективизм (Верморель, Лампрехт, толкующие социально-политическую интеракцию в терминах процесса личностей, истории героев). Дело же заключается в том, чтобы в рефлексивной теории социальности обезопасить себя как от трансцендентного, так и от беллетристического. Этому благоприятствует развертываемый проект социального знания, дающий простор непредвзятой теории, которая органично включает обнаруживаемое в истории активно, автономно самоутверждающееся «Я».

Первый уровень антропологической квазитеории (префикс «квази» — для обозначения неточности, нестрогости, неаподиктичности суждений в формальном смысле) предполагает задание ареалов субъективности. В общем случае (минуя оценку частных исполнений вроде теорий психологических, сексуальных, политических, культурных и т. п. типов) выполнение этой задачи связано с последовательным возвышением мысли от содержательно бедных фиксации неких поверхностных проявлений субъективности до развернутого понимания ее сущностного назначения. Здесь обособливаются фазисы:

— «графия» — артикуляция субъективности в феноменологических теориях, полуэмпирических

330

констатациях наподобие веберовских, фрейдовских, юнговских типологизаций;

— «логия» — отличающая деятельность в рамках Бт (теоретический базис) сущностная проработка природы субъективных типов — движение от атрибутивных Бэ (эмпирический базис) и Бо (операционный базис) регистраций, фиксации в сторону процессуальных моделей (веберовская модель социальной динамики от традиционной к рациональной организации);

— «гония» — концептуализация генезиса, возникновения, становления субъективности. Применительно к «гонии» имеется явный дефицит идей. Причина — характер субъективности как особой телеологической субстанции, в отношении себя не решающей «откуда», «зачем», «почему». Кто мы такие по природе своей, решают те, кто до нас и после нас. Предшествующие нам отягощают нас онтогенетикой (шлейфы «семьи», «школы»,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

«эпохи»); наследующие нам (представители наследства и наследия) удостоверяют цельность, состоятельность, завершенность нашего явления в мир (реконструктивные онтогенетические проработки с неперменной апелляцией к широко толкуемым «хронизму» и «биографизму»);

— «софия» — головоломный метауровень, рефлектирующий вопросы цели, назначения субъективности как таковой. Если человек для истории завершаем всегда, то человечество — никогда. Оно есть ничем не лимитируемый имперфект. Задать смысл, приписать значение, вывести предназначение субъективности возможно *post factum*. Но никакого *post factum* в случае человечества нет. Мы встроены в историю и лишены способности выйти вон: позиция стороннего наблюдателя для представителя человечества по отношению к человечеству недостижима. Отсюда по части «Софии» — сугубо некритическая практика, в пере-

331

крытии опыта стремящаяся овладеть трансцендентным. Таков, скажем, гегелевский социософский ортогенез, наивные финалистские, провиденциалистские, эсхатологические доктрины истории (хилиастического, коммунистического, либерально-рыночного толка).

Смысл человечества выводим не извне, а изнутри его бытия на базе фиксации капитальных для него ценностей. К ним, пожалуй, относятся: а) продление существования и б) обретение совершенного существования. Тематизация этой сферы подводит к убеждению: нетрадиционная СТ оказывается не только антропологичной, но и аксиологичной наукой; в прямом смысле слова она является универсальной теорией ценностей жизни. Так как ценность человекна, лишь интенция на человеческую ценность делает жизнь ценной; ценность жизни — в воплощенности в ней фундаментальных социальных констант: гуманитарных абсолютов. Свернутое их понятие, обобщенно-объемный образ вводится трихотомией Истина — Добро — Красота. Расчленение Истины и Добра влечет инструментализм. Нынешнее состояние человечества ущербно, ибо инструментально. Разъединение Добра и Красоты дает авангард — превращенную реакцию на бездуховное существование. Современная точка мировой линии человечества несовершенна также и потому, что авангардна — потребительски-бездуховна.

Будущая общесоциологическая парадигма ранга «софии» оконтуривается по вектору соединения «органицизма», «экологизма», «всеединства». Ценно уникальное, а не тиражируемое (предел инструментализма, механицизма). Геоусловия существования человечества хрупки, самоценны (предел инструментализма, консьюмеризма). Мир плюралистичен, полифоничен, объединенные в нем особи, культуры, национально-государственные формирования самодостаточны, взаимопроницаемы (предел редукционизма, линейаризма).

Второй уровень антропологической квазитеории — описание лиц — сосредоточен на артикуляции деяний инди-

332

видов. Взятый единосошно индивид как таковой — всегда тайна, загадка, проблема; сам по себе он нерационализируем и

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

неконцептуализируем. Однако причастность к человеческому делает его внутренний мир понимаемым. Поскольку живут и толкуют жизнь более или менее схожие люди, в отношении партикулярных пластов субъективности вполне оправдан вопрос о характерных приемах их идентификации. В качестве подобных видоопределяющих приемов идентификации неререфлектируемых комплексов интеллектуальной, эмоциональной, моторной природы мы указываем на партиципацию, синхронию, эмпатию. (См.: 7.3)

Как видно, намечаемая стратегия разработки нетрадиционной СТ — антропологическая. Ее реализация при ближайшем рассмотрении неожиданно натывается на два препятствия. Во-первых, в предельном смысле у нас нет надлежащей «гонии» — следствие концептуальной разобщенности космогонии, антропогонии, социогонии. Во-вторых, ввиду обозначенных выше сложностей имманентно теоретического порядка у нас нет добротной «софии». Историсофия в своем завершенном выражении как рефлексия задним числом состоявшегося жизненно-исторического пути человечества невозможна в принципе. «Человечество» для отдельного его представителя есть никогда не завершаемый объект, открытая форма в прошлое и будущее, всегда становящаяся и ни в коем случае не «ставшая». «Человечество» для человека вообще не предмет опыта. Где оно подается содержанием не свершающегося (имперфектного, дящегося), но уже свершенного опыта, там производится иллюзорное, выходящее за пределы и границы науки неверифицируемое натурфилософское конструирование. Апекс его, как отмечалось, — спекулятивная, догматическая платформа социально-исторического финализма, развертывающаяся за счет извлечения искусственных, произвольных связей непосредственно из «высочайшего черепа» «избранных посвященных».

Цель, смысл, назначение человечества, истории, как утверждалось, выводятся не извне, а изнутри — из погру-

333
жения в стихию актуального вершения жизни, устройства социальности. Смысл бытия суть само бытие. Оно, быть может, трудно выносимо — неизвестность самопроизвольности вселяет ужас, но этот ужас все-таки предпочтительнее кошмара неизбежности существования. Лучшее и худшее в нас — не от запрограммированности, а от нас самих. Наш бог — бег. Не по проторенной колее, тем не менее и не как попало, — с оглядкой на разумное, доброе, вечное, посеянное в веках, — осуществляем мы бег свой в незнание грядущее.

Итак, два препятствия, затрудняющие исполнение антропологического проекта, — отсутствие респектабельной «гонии» и «софии».

«Живешь, смотришь на людей, и сердце должно либо разорваться, либо превратиться в лед», — печалился Шамфор. Лamentация лишается привкуса драматического, если представить, что дело человека связано с его назначением. Такой поворот требует принятия принципиального рамочного условия в качестве предпосылки движения в теме. Разумеется допущение о единстве всемирно-исторического процесса.

Если вставать на единственно приемлемую для нас

сравнительно-аналитическую точку зрения и выводить назначение человечества из самого факта человечности, существа человека, надлежит прежде всего оговорить исходное. Исходное же — двуединый вопрос единства истории и его факторов. В отношении первого признаем: мы являемся последовательными, убежденными сторонниками естественно-исторического монизма. История едина: ее унитарность — в объективно-эволюционном возникновении. В отношении второго уточним: опять-таки мы остаемся апологетами естественно-историчности. Говоря откровенно, нам никогда не была близка вероучительная схема Ясперса, обнаруживающая единство истории в мистериях творения богом человека по образцу и подобию своему и грехопадения. Сверхъестественное наделяет смыслом, означает нечто лишь для субъекта, потерявшего вкус к разуму. Те же, на кого мало действует фидеисти-

334

ческая установка, принимают в расчет внешний мир не как фантазм, а как данность.

Человек как существо самоценное есть предмет, бытие которого само по себе есть цель, он есть сущее для себя; остальное все — его обслуживающее. С позиций этого не человек — создание бога, а бог — создание человека. Вникнуть в судьбу человека позволяет не сакрализация, а взвешенная диалектическая натурализация становления человека разумного. Подпочва единства истории — не священнодействие, задающее тривиально чудотворный ряд: творение — грехопадение — воплощение — искупление — воскресение; ось жизни в ином — достойном движении к материальной и духовной раскрепощенности, полноте самореализации через социальный и экзистенциальный прогресс, восхождение к гуманитарно высокому.

335

VII. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Философская антропология — фундаментальное учение о гуманитарной сущности, назначении человека и человечества.

7.1 Человек в мире

«Никогда еще в истории человек не становился столь проблематичным для себя самого, как в настоящее время», — констатировал один из патриархов философской антропологии Шелер. Осмысливая существо и направленность антропологических изысканий, приходишь к выводу, что обнаруживаемое в ретроспективе практическое их воплощение располагается в двух плоскостях: критической и романтической. Рефлексия ситуации человека в мире озабочивается либо осуждением состояний цивилизации (техницизма, индустриализма, сциентизма, консьюмеризма), либо воспеванием патриархальности — идиллическим превознесением доиндустриальных фаз социальности. Между тем независимо от традиций или вопреки им настала пора перевести обсуждение в реалистическое измерение, акцентируя новую ответственность человека за природу, бытие, мир, время, перспективы рода.

Смысл человека, его присутствия в мире обнаруживается *post factum*, когда после ухода из жизни видно, какое уготовано ему назначение и как именно он им распорядился. Таков удел телеологических объектов — выявлять сущность «после»: «личность в системе своих «дел» есть лишь в конце то, что она есть» (Ланц). Все дело в том, однако, что современность чем дальше, тем больше проблематизирует шансы потенциальных оценок. «Завтра» может не быть. Подчеркивание возможности-невозможности будущего перед лицом рукотворимого «ничто» дает простор для восприятия человека как «болезни Земли» (Ницше), правила жизнедеятельности которого срослись с законами страшного сна.

Ранее человек сознавал себя творением, — именно это осознание несамодостаточности составляло базис его соб-

336
ственной рациональности. Рациональность, т.е. регулярность, разумная целесообразность существования, конституировалась какими-то более фундаментальными сверхчеловеческими причинами: теистический вариант: антропосфера — порождение высшей реальности — вписана в схему *harmonia pre stabilitata* — лучшего из возможных миров; натуралистический вариант: антропосфера — порождение ортогенетической реальности — замкнута на упорядочивающее влияние государства (Гегель, Фихте, Шеллинг), географической среды (Геродот, Фукидид, Боден, Монтескье, Гердер), имманентной человеку рациональности (Гроций).

Теперь же человек сознает себя творцом. Обретение несвойственного самосознанию прошлых эпох чувства величия обуславливает иную мотивацию жизни. Принципом существования оказывается захват, присвоение, дающее толчок становлению. На экспансивном пути всепроникающего всеохватного творения

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

просматриваются свои рифы и мелководья.

Первое. Истерия власти, о которой точно говорил Буркхард, а вслед за ним Ницше и которая посредством темных неодолимых порывов своих разрушает рациональность. Безудержное, лишенное критических оглядок дерзание влечет смятение и распад-терзание. К несчастью, не в первую очередь его (дерзаний) субъектов.

Второе. В подчиненном теистическом или натуралистическом универсуме смысл антропосферы определяется в терминах каузальности, задаваемой, как отмечалось, более капитальными относительно нее трансцендентными стабильными факторами. В инициативном мире самоосуществления смысл антропосферы выражается в терминах соответствия бытия целям, проектам, которые неподатастны какой-либо более глубокой («трансцендентной») каузальности, что обостряет проблему жизненных гарантий укоренения преобразовательных программ, рьяных полуслепых эгоистических поисков.

Третье. В особом режиме онтологического оборачивания, когда не человек предстает производным мира, а мир

337

— производным человека, актуализируется вопрос разъятости замысла и воплощения, плана и реализации. Так, Петр I, исходя из идеи процветания нации, вызвал великие страдания народа; Николай II, желая добра и замирения России, стимулировал революционную бойню.

Победа разума есть победа разумных, целесообразных, здравомыслящих, знающих и понимающих экзистенцию, бизнесферу; разум же как таковой беспомощен относительно контекстов жизнезначимых, экзистенциальных. Человек, опираясь на рычаги цивилизации, пробудил технику, политику, индустрию. Но эти изощрения разума, продукты логической правдивости антижизненны — сеют смерть, зло. Наука обесмысливает, техника разрушает, политика препятствует. Автоматичные истины индустрии формалистики обескураживают, развращают, разлагают. Выходит, «творец демонов перестал быть их господином?»

Движение в буберовском вопросе поощряет постановку ряда новых: существует ли мир для человека или человек для мира? Проявляет ли себя человечество орудием гармонии при дисгармонии, конструкции или деструкции? Разумен или неразумен человек изначально? В чем истоки, предпосылки, критерии его разумности? Связана ли неразумность с эмоциями, как полагал Декарт, или навеяна самонепониманием, неэкстраполируемостью фигур действия, своеволием?

Эпицентр философской антропологии, как видно, темы рационального и нерационального в человеке, внутренних устоев существования, выработки экзистенциальных опор, гарантий выживания, судеб гуманитарных ценностей в преддверии оскудения бытия, подрыва высокого в жизни. Они (темы) поглощаются более объемным, каноническим философским сюжетом: что есть человек и какое высшее (метафизическое) предназначение в целостности бытия, культуры, духовности ему уготовано. Продолжая классическую традицию, Хайдеггер брал бытие и время в модусе бытия во времени. Суть нашей эпохи в ином: в капитальнейшем

фронтальном переходе от бытия во времени к бытию как времени. Переход этот уточняет-

338

ся рядом основательнейших сдвигов, к оценке природы которых мы и переходим.

От естественного к искусственному. (См.: 4.7) *От героического к будничному.* Движение по данному вектору обуславливается блоком причин.

1. «Нет иной печали, — отмечает Леон Блуа, — кроме того, что ты не святой». Путь к святости. С позиций персонального созидания регулятивная идея эта, однако... отнюдь не может быть целеориентиром реально-жизненной практики. «Царствие мое не от мира сего», — напоминает Христос. Божеская святость надмирна, несоразмерна действительности. Экзистенция и возможный Строй высшего миропорядка не синхронизированы, взаимонесопричастны. Ядро жизненного существования — не соотносимость с Богом, а вершение «медленных трудов» в кругу подобных тебе. 2. Наш век — век рационального расчета, обезличенных технологий, промывки мозгов, манипулирования, силовых влияний есть век создаваемых событий. Индустрия public relations достигла высот таких изощрений, что в искусстве формирования пространства стереотипов, артефактов в полной мере девальвировала «героическое». В силу энтимемы: жизнь политизирована, политика — манипуляция эмоциями, жизнь вырабатывает идиосинкразию к политическим манипуляциям — коренными идеалами жизни становятся не героические (высокоэмоциональные) идеалы, а, используя слог Гегеля, будничные стандарты близости у себя самого бытия «Я». Век героев завершился, начался век людей. И в смысле нивелированности, массовости; и в смысле затруднительности, невозможности, неспособности к подвигу, ярким, выразительным, нетрафаретным, необыкновенным, бескорыстным, саможертвенным актам; и в смысле утраты самостоятельности, самостийности (государственный, общественно-публичный пресс); и в смысле транс-

339

формации идеалов как высших начал, целей в операциональные, осязаемые образцы, штампы.

Близость у себя самого бытия «Я» — не отрешенное, а «свое» — не поставленное на колени, не вознесенное на Голгофу, а в качестве самодостаточного пребывающее в естественной стихии «мне-доступного». Миру, истории требуются герои, но от спроса на них все устали. Людям не нужны более избранные солисты, нужен хор, где каждый самодействующий солист.

Данная ставшая отличительным, повсеместным правилом жизни максима толкует бытийный процесс как полноту персонального воплощения, обеспеченного движением от возможности к действительности на уровне индивидуальности. Традиционные модусы экзистенции — вина, страх, выбор, отчаяние, спасение, отношение к смерти, любовь — онтологичны, но не как компоненты отстраненной вещественности, элементы бытия перед Богом, а как осязаемые структуры взаимоотношений «Я» с «Ты».

В контексте сказанного утрачивают назидательность библейские
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

перипетии Иова. Героизм великомученичества, идеалоборства для нормальной жизни избыточен, непонятен. Не отречься от Бога, стремиться, к нему — удел героя, но не «просточеловека», который хочет мыслить в тех категориях, в которых живет, и не хочет жить в тех категориях, в которых его учат мыслить. По этой причине ценностный нерв самосознания жизни не в промежутке «Бог — ничто», а в промежутке «жизнь — смерть». (В свете развиваемых представлений очевидно несообразие Фрейда, пытавшегося аксиологический ток существования выразить пресловутой дилеммой Танатос-Эрос. Подлинная альтернатива Танатосу не Эрос, а Вивус.) Dum spiro, spero — пока живу, надеюсь. Причем в значительной мере на себя. Спасение, исцеление, искупление — в продолжении жизни. Стремление жить, а не «страх» (Хайдеггер), «отчаяние» (Шестов) — базис здорового существования, которому важен душевный покой, а не «трепет, ожидание, тоска... постоянное предчувствие великой неожиданнос-

340

ти» (Шестов). Фундаментальным, краеугольным экзистенциалом потому оказывается предсказуемость, прочность, надежность. Существование на пределе истины и ничто, бытия и небытия исключается, жизнь буднична, а не героична.

От принципов к прецедентам. Человек как «самость с ничем не омрачаемой ясностью» (Гегель) — существо идеалологичное, носитель внеприродного духовного. Его отношение к миру регулируется ценностно. Человек — вечный Фауст, не удовлетворенный реальностью, ищет, пока не одухотворится. Поскольку жизнь, привлекая мысль Ортеги, есть перемещение от жизни «Я» к «Другому», постольку «оценка жизни и всех ее наиболее благородных проявлений зависит... от того, что дух ожидает от своего собственного будущего».²⁰¹

В исканиях наилучшего устройства будущего нет иного пути, как опора на идеалы. Предшествующие эпохи, погрязая в идеальном программировании жизни, в сущности, были эпохами футурологическими. Современная эпоха, подводя к сознанию, что вследствие деятельностного наступления на природу человек оказывается «дырой в бытии» (Сартр), актуализирует реалистические мотивы существования, фокусирует внимание на настоящем. Главным становятся не отнесенные в перспективу идеалы, а обостренное чувство текущего.

Движущие поведением идеальные ценности не операциональны. Призвание ценностей — означивать активность, реализовывать смыслополагание. Но наш век — век кризиса ценностных смыслов. Стихия, среда современности — реальный бытийственный самотек с его заземленной прозой, полнотой «селфмейкинга» в пределах самопонимания, самотворчества с фактическим исключением кумиротворения, априорной верности высшим началам, избыточной аскезы. Пройдя по рукотворным кругам ада (можно ли ставить оперетту после Освенцима?), человек

²⁰¹ Эйнштейн А. Собр. научн. трудов. Т. IV. М., 1967. С. 165.

341

оказался перед дилеммой идеального смыслополагания — реального кризиса смыслов. И вдруг понял, что намечаемая ценностями коллективная судьба и индивидуальное существование

далеко не всегда слиты. Оттого в подчеркнутом дистанцировании второго от первой обозначилось смешение от принципов к прецедентам.

«Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека. Сизифа следует представлять себе счастливым», — уверял Камю. Сизиф счастлив? Любая попытка ответить на вопрос не влечет ответа общезначимого. В таком случае последней инстанцией для каждого выступает не божеский (вспомним Ремизова), не людской суд (несовершенство его ощущает на себе каждый), а собственный. Не ценностные принципы, а экзистенциальные локалы в виде прецедентов реальности являются конечным вожделением жизни. Идеально-ценностно жизнь не канонизируема; она — дерзновение, «вечная не сводимая к готовому и понятному мистерия» (Шестов).

От элитарного к массовому. Тенденция, пронизывающая современность и связанная с феноменом вовлечения. Непосредственно сказывается в суггестивно-технологических изысках универсализации жизни. Разумеются нивелирующие процессы сериации производства, потребления, ритуализации общения, колонизации чувственности, в качестве интегративного конечного эффекта имеющие складывание массового общества. Оформлению последнего предшествуют объективные явления индустриализации, технизации, урбанизации, бюрократизации, доводящие естественные поставляющие функции социума до автоматизма и одновременно и наряду с этим усиливающие деиндивидуализацию, духовную зависимость, отчуждение. Массовое общество крепится на

— интенсивной промывке мозгов населения средствами массовой информации (СМИ) (вздувание тиражей периодики, аудио-, видеопродукции, ее проката, выпусков карманных изданий, дайджестов);

— тиражировании стандартов существования (вдалбливаемые через рекламу, пропаганду стереоти-

342

пы стиля, моды, привычек, понятий престижа, принадлежности к референтным группам); — внедрении маскультуры, поп-арта (поточно-конвейерные приемы индустрии досуга, характеризующиеся примитивностью, развлекательностью, ходульностью, натуралистичностью).

Шаблонизация жизни с культивируемыми общедоступностью, раскованностью означает переход от сокровенного бытия к откровенному бытованию, отличающемуся универсально-публичным режимом межличностных связей на базе особого экзистенциального комплекса коммунальности: ввиду вездесущности общества избегать его навязчивого влияния невозможно. Ощущение безнадежной бессильности личности перед лицом социального вовлечения легализует некий фамиллярно-бесцеремонный тип групповой интеракции; универсальным образом действия становится амикошонство, возводимое в ранг ордонанса.

Энтелехией сдвига от элиты к массе выступили случившиеся в XX в. три мощных сотрясших устои традиции фронтальных социальных катаклизма, именуемые культурной, сексуальной,

популистской революцией. Они сняли покровы с мира, превратив тайну в басню. Перестали быть загадкой любовь, женщина, семья, брак, космос, руководство обществом. Закрытое открылось, прикровенное обнажилось.

Культурная революция сравняла избранных и толпу; сексуальная революция упразднила различия высокого и низкого, небесного и мирского, популистская революция устранила барьеры между народом и вождем, стаей и предводителем. В оцениваемых явлениях главным оказывается момент омассовления, предопределяющий опрощение, усреднение, неизбежное размытие демаркаций продуктивного и репродуктивного, таланта и посредственности.

От индивидуализма к коммунитаризму. Во взаимоотношении «социальность — индивидуальность» в человеческой истории просматривается серия кардинальных поворотов.

343

Первый: становление индивидуального и социального — антропогенетическое выплывание человека и общества из животного царства. Последовательно проводимая нами линия заключается в синкретическом взгляде на антропогонию, согласно чему из невозможности постадийного субординативного выведения элементов большой четверки (труд, социальность, сознание, язык) друг из друга обосновывается синхроническая координативная объяснительная платформа: социальность и индивидуальность упрочаются параллельно и одновременно в результате закрепления, варьирования и углубления психических, соматических, ролевых и функциональных приобретений и дифференцировок. Так что на вопрос Ницше: «Как объяснить, что такое существо, как человек, выросло в животном царстве и покинуло его?» — дается предельно четкий ответ. Объяснения — в антропогенетической обоюдной кристаллизации социальности и индивидуальности.

Второй: поглощение индивидуальности социальностью — продолжительный период от стадной организации древнего человека до зависимого субъекта традиционного, античного и средневекового общества. Отличительный нюанс существования на этой фазе — подневольность, обуславливаемая засильем внешней регламентации обмена деятельностью (жесткость первичной табуации, последующей светской и религиозной схимы, эсхатологизма, фатализма).

Третий: автономизация индивидуальности от социальности — эпоха Нового времени. Два основных момента определяли духовный климат открывающего Новое время Ренессанса — сильное ослабление папского влияния, выразившееся, в частности, в авиньонском пленении, распространении и усилении еретических движений, и оформление гуманизма, под которым в данном случае понимается направление секулярной мысли XIV—XV вв., хотя вообще гуманизм как мироотношение, предполагающее защиту прав и достоинств личности, возник ранее.

Фактором, ощутимо подрывавшим монолитность прежних, представлений, явились ереси-внутрицерковные

344

(учения Иохима Флорского, Амори Венского, Пьера Вальда и их последователей — амальриканцев, вальденцев и т.д.), бывшие по **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

духу антиклерикальными, и народные (павликианство, богомилство, катаров, «апостольских братьев», дольчинистов, лолардов, табовитов, альбигойцев и т.д.), которых уже не очень занимали вопросы канонизированного святыми текстами устройства мироздания, — Престолы, Начала, Архангелы и пр., но которые тяготели к вопросам личной судьбы и спасения человека. Конечно, факт разработки подобной тематики сам по себе еще не свидетельствовал о каком-то принципиальном разрыве с традицией: в конце концов еретики, будучи утопистами, оказывались не в состоянии предложить реальные пути «спасения» человечества, принимая догматическую формулу «к спасению через веру». Тем не менее факт этот весьма показателен, если учесть зарождение в рамках официальной своего рода «диссидентской» идеологии, которая, в конечном счете, находя широкую основу для блока с гуманизмом, буквально прорывала узкий горизонт пресловутой доктрины человека как несовершенного, несuverенного божеского подобию и которая способствовала становлению новой гуманистической концепции человека как высшего, самостийного существа.

Другой мощной силой, оказавшей заметное влияние на распад прошлой картины мира, был гуманизм, выступавший теоретическим выражением происходивших на рубеже XIV—XV вв. социально-политических процессов.

Бурный рост промышленности, торговли, ремесел, зарождение элементов капиталистических отношений, острая внутрисполитическая и межгосударственная борьба, конкуренция обретших силу городов и т. п. — все это не могло не изменить социальное положение отдельного человека-личности, поскольку именно она, а не Бог, оказывалась в центре общественных и политических движений. Поэтому теоретизация (чаще в виде поэтически-художественном) проблем личности (темы судьбы, счастья и т.д.) в данных условиях становится общезначимой, затрагивающей душевные струны, находящей отклик у многих и

345

многих людей. Чтобы понять, как конкретно осуществлялось отделение личности от социума и к каким принципиальным последствиям оно вело, надо вкратце остановиться на особенностях возрожденческого гуманизма, прошедшего в своей эволюции три этапа.

Отцом итальянского гуманизма справедливо считают Ф. Петрарку, замечательного поэта и мыслителя, который, по выражению Л. Бруни, открыл людям путь к знанию. Родившийся в семье флорентийского изгнанника «Петрарка сразу же оказался выбитым из той жесткой системы сословных, цеховых, корпоративных и партийных связей, которые не только давали гражданское содержание общественному сознанию политически полноправного члена средневековой коммуны, но и создавали преграду для дальнейшего развития этого сознания».²⁰² Но если Данте жестоко страдал в разлуке с родной Флоренцией, то Петрарка провозгласил уединение идеалом человеческой жизни, посвятив его прелестям два трактата — «Об уединенной жизни» и «О монашеском досуге». Пребывая в положении человека без родины и

пытаясь понять, в чем состоит существо отдельного (отделенного) человека, Петрарка дает ответ: в самопознании. Круг интересов поэта сосредоточивается на проблеме индивида: «Для чего познавать зверей, птиц, рыб, змей, если не знаешь природы людей: для чего мы существуем, откуда пришли и куда идем».²⁰³

Уединение сыграло для Петрарки роль своеобразной предпосылки отхода от системы средневекового мышления, позволив ему заложить основы существенно иного мировоззрения. Утвердив в центре исследований не Бога, а человека, Петрарка тем самым занял позицию, кардинально отличную от догматически-теологической, определил точку отсчета будущего светского направления мышления.

Если творчеством Петрарки знаменуется начало гуманистического движения, то его расцвет падает на первую

²⁰² Холодовский Р. И. *Франческа Петрарка. Поэзия гуманизма. М., 1974. С. 47.*

²⁰³ *Petrarca F. Prose. Milano; Napoli, 1955. P. 712.*

346

половину XX в. В этот период гуманизм обретает новые черты, связанные с изменением социального статуса его проводников и адептов. Происходит увеличение числа лиц с гуманистическим образованием, во многом отличным от традиционного, в связи с чем из идеологии просвещенных одиночек гуманизм превращается в одно из влиятельнейших культурных течений. Настоящие центры гуманизма возникли во Флоренции, Ферраре, Венеции, Риме и т. д.

Чтобы отличить гуманизм этого периода от раннего, имевшего острый привкус индивидуализма, Г. Барон ввел термин «гражданский гуманизм». Действительно, важнейшая характерная черта гуманистического течения первой половины XV в. — немалый интерес к проблемам общественной жизни. Если для Петрарки, жившего уединенно, важнейшим представлялось понять смысл добродетели, которая делала человека счастливым перед лицом смерти, то для Л. Бруни, канцлера Флоренции, особое значение приобретают качества характера, присущего образцовому гражданину, — справедливость, щедрость, смелость, социальная активность.

В этот период возникают гуманистические центры обучения, выходят в свет трактаты по педагогике. Цель педагогического искусства формулируется как воспитание человека, который своими талантами служит отечеству. Речь шла о том, чтобы сделать человека полезным в политической сфере, — именно здесь особенно важно было знать историю, языки, обладать красноречием и т. д. Так формируется идеал возрожденческого *homo universalis* — человека, владеющего искусствами. «Перемена занятий, — вот что доставляет нам удовольствие, — писал М. Пальмиери. — Поэтому не следует желать сначала стать совершенным грамматиком, потом... наилучшим музыкантом, затем стремиться стать скульптором или архитектором, потому что ты потерял бы уже первую дисциплину... Посвятить себя многим наилучшим вещам — это и есть та цель, которая заставляет приобретать знания с наслаждением; сделай для

347

себя обычным многое, воспитай себя всесторонне развитым во

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

многих человеческих делах...»²⁰⁴

Леонардо да Винчи и его непосредственный предшественник Леон Батиста Альберта стали воплощениями этого идеала.

Следующий этап формирования «логического пространства» нового стиля мышления во многом определен чертами, которые приобрел итальянский гуманизм второй половины XV в. Речь идет о новой проблематике, иных представлениях о мире, человеке.

Если на первом этапе развития гуманизма человек понимался как индивид, на втором этапе — как существо социальное (Бруни, Браччолини, Манетте и др.), то на третьем этапе (поздние гуманисты — Фичино, Пикко делла Мирандолла и др.) крен делался в сторону понимания человека как природного существа.

Последнее предопределяло интерес к естественным наукам — ведь для реализации гуманистической задачи максимального раскрытия природных задатков и способностей человека следовало иметь точные знания о нем как естественно-телесном существе. Поэтому в центре внимания поздних гуманистов оказывалась медицина, которая небезосновательно ввиду очевидной «гуманитарности» расценивалась как ядро естествознания, приумножающего могущество человека.

Продолжая семейные традиции, при дворе Лоренцо Великолепного медициной активно занимался Фичино. Много времени в своих занятиях отводил ей Пикко делла Мирандолла и т. д. Что касается связи искусства врачевания с естественными науками, она просматривалась в те времена с прозрачностью: стремление понять сущность болезней обуславливало занятия анатомией и физиологией, поиск рецептов снадобий и лекарств стимулировал занятия химией, ботаникой, зоологией, минералогией и т. д.; синкретичность мышления не позволяла устраниваться от изучения

²⁰⁴ *Цит. по Ревякина Н. В. Итальянское Возрождение. Новосибирск, 1975. С. 129.*

348

и других аспектов мира. В частности, считалось (это закреплялось астрологической и магической традицией), что врачам нужны знания по математике и астрономии, так как представлялось необходимым учитывать влияние на здоровье небесных светил и т. д.

Следует отметить, что в отличие от средневековых астрологов, которые довольствовались квиетистской ролью сторонних наблюдателей, ограничиваясь «незаинтересованным» составлением гороскопов, астрологи эпохи Возрождения благодаря «обслуживанию» вполне реальной медицинской практики утрачивали элемент «созерцательности», «пассивности» профессии. Ориентированная на медицину астрология не могла не трансформироваться в некую эффекивистскую деятельность, предпринимаемую не с целью знать, чтобы знать, но с целью знать, чтобы действовать. Для астрологов эпохи Возрождения традиционна вера в человеческую способность избегать уготованных в будущем неприятностей, чему служили специальные астрологические методики (диеты, талисманы, амулеты и т. п.), описанные, к примеру, Фичино в «De triplici vita».

Резюмируя, отметим: Ренессанс, т. е. начало Нового времени, в **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

контексте нашей проблемы интересен тем, что это была эпоха гуманизма, провозгласившего идеал разносторонней, исполненной активизма, самоутверждения «титанической» личности, способствовавшего индивидуализации человека.

Четвертый: подчинение индивидуальности социальности — утверждение в новейшее время совершенно иного истеблишмента, для которого «идея строящей себя самое творческой индивидуальности, или идея автономного субъекта, явно перестает быть определяющей. Это особенно наглядно, когда мы видим противоположность автономного субъекта и человека массы».²⁰⁵ Дело здесь не в закрытости, репрессивности тех же тоталитарных режимов, в обилии произращенных «благодатной» нивой XX

²⁰⁵ *Гвардини Р. Конец Нового времени // Современные концепции культурного кризиса на Западе. М., 1976. С. 195.*

349

столетия, — дело в солидарном, товарищеском, групповом участии, выветривающем из слова «масса» уничижительный тлетворный оттенок.

«Кокетливое, самолюбивое нытье» (Твардовский) от собственной выделенности, отделенности, оригинальности, особости, избранности наш век исключает, равно, как он исключает горделивую сосредоточенность индивида на своей самости. Наш век — время коллективной тревоги, порожденной масштабом ответственности рода перед Природой, Историей, Богом, Будущим. Человечество оказалось перед задачей, которая не может быть решена «путем индивидуальной инициативы и сотрудничества индивидуалистически настроенных участников». Она требует «концентрации сил и единства действий, обеспечиваемых совершенно иной человеческой формацией». Это та самая формация, которая требует отказаться от индивидуальной инициативы и включиться в общий порядок-порядок товарищества по грядущему общечеловеческому делу.

От канонизма к бытовизму. Традиционная классика различала единую и неделимую высокую культуру как воплощение ценностей с большой буквы и мозаичную культуру андеграунда, состоящую из суррогатов — субкультуры простонародного самотека. Избегая нарочитых превознесений достоинств масс, просматриваемых в патриархальных идеализациях «народа» от Толстого, Чернышевского, Достоевского до Барлаха и Рильке, говоря образно, ранее дифференцировалась культура оптиматов и популяров.

Различался бытовой и парадный интерьер. В античности дом делился на две половины — атриумную (официальную) и перистильную (семейную). Так же в Новое время практиковалось деление помещений окнами на улицу (парадная часть) и во двор (местожительство челяди). Подчеркивались различия официального (делового) и неофициального (досугового) костюма. (По воспоминаниям Бунина, лишь Чехов манкировал это различие.) Разграничивался брак и сожительство. В прежней жизни, следовательно, отслаивались открытая и скрытая ипостаси, белый и черный ход, фасад и изнанка существования.

350

В наш век скоростей, пропаганды, манипуляции, массовых сетей информации широкими кругами по воде разлилось единообразие.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Официальное и неофициальное, парадное и дворовое, выходное и проходное унифицировались. Бытовой интерьер нивелировался, в инвентаре повседневности, costume, предметах обихода сгладились различия, брак и сожителство смешались. Открытое и сокрытое сделались неразличимыми. Нечто глубоко родственное проникло в отношения искусства и жизни. В прежнее время сверхзадача искусства виделась в служении вечным ценностям, приобщающим мир к высокому. В наше время авангарда и модерна, с их бесконечными условностями, эрозией устоев, немотивированным экспериментированием, отрешением от гуманистичности, ставкой на форму, безмысленность и бессмысленность, искусство и мир, оказавшись обоюдно оплеванными (кредо дадаизма), с развернутыми знаменами в ногу маршируют в яму чего-то малодостойного. Важное для нас (не пускаясь в культурологический анализ) состоит в том, что повсеместная девальвация ценностей, подрыв культурных абсолютов, манипуляция правилами общежития в качестве особого модуса существования подняли на щит имитацию. Заканчивается выпуск шедевров, начинается выпуск репродукции.

Наглядная иллюстрация сказанному — творческая манера ташизма, дадаизма, дивизионизма, кубизма (заимствованная современным дизайном, архитектурой), разваливающих саму идею отстраненного, противопоставленного реальности произведения. Если любой предмет повседневности (Дюшан выставлял в салонах лопаты, крышки от унитазов) — предмет эстетического восприятия, то объект творчества перестает быть специальной конструкцией, сливаясь с повседневной жизненной средой. Канон утрачивает духоподъемный регулятивный статус, идентифицируется с заурядным элементом неприметного будничного серого быта. Внебытовые формы, таким образом, сращиваются с бытовыми, надобходные — с обиходными.

351

От институциональности к неинституциональности. С повышением уровня информированности публики, опрощением этикета, демократизацией общения, сериацией поставляющих процессов, расширением потребительской базы существования, складыванием массовых форм жизни, техники, искусства, переходом на эрзацы, прогрессированием манипуляции развивается благодатная почва для групповых полупрофессиональных или даже вовсе непрофессиональных кустарных форм (клубы, студии, самодельные объединения). Важнейшую роль здесь играют пропаганда, авангард, популизм.

Пропаганда. Информационная атака на массы, бесконечная популяризация достижений науки, техники, производства, культуры, многообразные курсы, народные университеты, воскресные школы, коллективные движения (охрана памятников), инициативы (краеведение), конкурсы, олимпиады, состязания, интеллектуальные казино, брейн-ринги с критико-аналитической точки зрения представляют амальгаму профессионализма и непрофессионализма, ибо рассчитаны не на подготовку специалистов, а на оперативное подключение населения к тезаурусу. Конечным продуктом выхода подобного подключения

оказываются духовные эрзацы — неквалифицированные мнения о мире, чувственные отношения к истине, недискурсивные знания, операциональные навыки, ориентированные на нерелективное и репродуктивное комбинирование предметами, сведениями, технологическими, терапевтическими методиками, оценками, взглядами. Насыщение жизни знаниями через каналы популяризации, где органичное внутреннее присвоение подменено летучим внешним приобретением, подтачивает образованность, нацеливает не на нечто глубокое, а на скудное, что, однако, можно «развить в любом человеческом индивиде» (Гвардини).

Авангард. Энтелехия авангарда — нигилизм, релятивизм, механицизм. Первое — девальвация ценностей, принижение значения наследия, пренебрежение им (идейный пафос символизма — «повернуться спиной к жизни», сюр-

352

реализма — «не считаться ни с чем», футуризма — «творить безобразия»). Второе — упор на произвольность, анархическую ассоциативность, самовыражение, бунтарство, суггестию, нелепицу, буффонаду, эпатаж, нагромождение неожиданностей; развал канонов, разрыв контактов с реальностью. С очевидной рельефностью это просматривается в симультанизме, кинетизме, футуризме, символизме, импрессионизме, сюрреализме, абстракционизме, фовизме, примитивизме, абсурдизме. Третье — нацеленность на алогизм, персональную капсулизацию, выхолащивание «душещипательности», компаундирование, произвольное смешение стилей, уничтожение традиций (футуризм отменял прилагательные, наречия, пунктуацию; кубизм упразднил перспективу) вплоть до замены естественного человека механическим человеком «с замещаемыми частями», воспевания уродства, дисгармонии, милитаризма, «красоты» насилия.

В генерации мира «цвета плесени», отвержении любой проблематики и сюжета иные заходили столь далеко, что по отрезвлению впадали в своего рода палинодию. Разуверившись в субъективистской революции, Рембо бросил поэзию, Метерлинк эволюционировал от театра абсурда и ужаса к театру надежды и поиска; Уайльд под занавес жизни осудил эстетство, аморализм...

Популизм. С академической и профессионально-политической точек зрения популизм представляет примитивную тактику воздействия на некритическую нетребовательную массовую аудиторию. Разыгрывание партии «рубахи-парня» «своего в доску» посредством идентификации с толпой; «я такой же, как вы» (живу в хрущевке, ем продукты из заштатного универсама, жена не из номенклатуры и т.п.), показное опрощение (политическое поведение Рейгана, Макашова) есть специфическое искусство коммуникатора, имплицитное:

а) неспособностью принимать на себя бремя личной ответственности при принятии судьбоносных державных решений: эксплуатация стайного стереотипа «чаяния близкого мне народа» по-

353

зволяет переключать или, как минимум, разделять расплату, обретать ручательства;

б) возможностью развязывать руки в борьбе с политическими

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

противниками, выводить себя из-под удара: лукавая критика бюрократии (аппарата), которая как прослойка опосредует отношения «лидер — народ» (регулярные сталинские чистки «политически незрелого» чиновничества, допускающего «перегибы», андроповские массовые должностные отставки, судебные разбирательства);

в) стремлением нарастить популярность, возвысившись до «вождя», «неформального лидера», в особенности в неоднозначные, сумбурные периоды социальных, гражданских энергетических выбросов, всплесков или, напротив, политической апатии, абулии масс.

При отрешенном теоретическом моделировании популизму как способу игры на публику, заигрыванию с ней, казалось бы, сопротивляются сциентизация и элитизация.

Сциентизация — неременная всесторонняя рационально-логическая проработка, дискурсивно-аналитическая реконструкция явлений с выстраиванием добротной достоверной панорамы «Who is Who», развенчивающей мифы, жупелы, артефакты. В России, однако, ввиду двух причин эта тенденция пребывала в атрофии. Разумеется крайняя закрытость общества и вероисповедный образ отеческой жизни. Суть в том, что российский народ глубоко и искренне верующий. Объекты веры подвижны: «Бог», «царь», «отец народов», «перестройка», «ускорение», «реформы», но вера как гранит существования — нечто, изначально укорененное. Эта-то черта российского духа беспардонно эксплуатировалась в национальной истории. В бытность «единственно верной марксистско-ленинской» все проявления когитальности облачались в тогу «науки»: «научная идеология», «научный атеизм», «научно-обоснованная линия коммунистического строительства». От имени на-

354

уки как институционального монополиста на истину проводили репрессивный курс, апелляция к якобы одному возможному воспроизведению действительности в знании позволяла поработать. Ток времени не изменил обстановку. В современную эпоху реформ от имени той же науки в качестве «правильных», «адекватных» подаются «демократия», «рынок», которые, правда, фундируются уже не марксистско-ленинской, а чикагской школой, «кривыми Филипса». Науке в России, следовательно, отводится странная, несвойственная, прямо-таки сакральная функция, противоречащая ее гносеологическим критико-рефлексивным обязанностям.

Элитизация. Некогда Моска писал: «В любое время и в любом месте все то, что в управлении является предписывающей частью, осуществлением власти, содержит в себе команду на ответственность, есть всегда компетенция особого класса, элементы которого могут... варьироваться самым различным образом в зависимости от специфики века и страны, однако как бы этот класс ни складывался, формируется он всегда как ничтожное меньшинство против подчиненной им массы управляемых». ²⁰⁶ Вторил ему Михельс, выдвигавший «железный закон олигархических тенденций». Насколько же реальна в

современности элитизация политической деятельности?

Во-первых, политическое лидерство как явление харизматическое в наши дни подверглось эрозии: лишились безусловности, размылись понятия личного вклада, утратили непреложность категории персонального величия, индивидуальной героики; сложился системотехнический командно-коллегиальный тип политической организации, где лишённые пиетета лидеры фланкированы многочисленными спецами, замами, ломами, советниками, консультантами, референтами, секретарями, отделами, управлениями, канцеляриями, администрациями, учреждениями,

²⁰⁶ *Mosca G. Teorica Deigoverri egoverno parlamentaire. Milano, 1908. P.*

11.

355

сооружениями. За частоколом ограждающих контор уже не разглядеть конкретного лица.

Во-вторых, политическое лидерство, вождизм редуцировались по функциональной составляющей. Как подмечает Гвардини, «главная особенность нынешнего вождя состоит... как раз в том, что он не является творческой личностью в старом смысле слова... он лишь дополняет безликое множество других, имея иную функцию, но ту же сущность, что и они».²⁰⁷

Сказанное не позволяет видеть в сциентизации и элитизации противовес популизму — преднамеренному корыстному втягиванию в политику малосведущих некомпетентных масс. Водораздел между элитой и массой условен, может быть намечен сейчас лишь по частично-ролевому признаку — учету реального амплуа в управлении в соответствующем локусе социальной пирамиды. Не просматривается, как полагал Моска, константных, запрограммированных каналов расширения элит (военная доблесть, богатство, священство), не знание, происхождение, квалификация, а высокая социальная активность и адаптивность позволяют интегрироваться в элиту. Так что, похоже, заблуждались Янч и Белл, связывавшие с меритократией магистральной государственного устройства. Поскольку правящую элиту конституируют не «достойные», а «удачливые», то, что ожидает социум в будущем, может уточняться как популистски ориентированная функционерократия.

От революции к эволюции. «Над жизнью нет судьбы», — декларировал Ницше. Ему возражал Т. Манн: есть, и это — дух. В данном идейном споре, скорее всего, прав Ницше. Жизнь самодостаточна и самоценна. Выше ее ничего нет. Первенство и верховенство духа, быть может, сказываются в специализированной, профессиональной сфере, но надо быть трезвым: это сфера нарочитости, искусственных изощрений. В позитивной реальности духу никак не уготована

²⁰⁷ *Гвардини Р. Конец Нового времени... С. 196.*

356

роль критика жизни. Напротив, жизнь — исход и завершение любой критики; в ней таятся силы, лежащие в основе любых духовных, исторических движений.

Глубинная логика нормальной жизни — воспроизводство жизни, обеспечение выживания, что представляет конечный предел

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

житейской рациональности. Оттого наиболее прочные, надежные, основательные, здоровые люди — погруженные в стихию обыденности, повседневности мещане, не «умничающие», а просто живущие «тихими», «малыми» трудами.

Бунт, социальная ненависть в обертке высокой духовности рядовой жизнью исключаются. (Знаменательна «мировая линия» Кон-Бендита, который начал как идеолог студенческих волнений в Париже в 1968 г., а закончил хозяином магазина в Германии. Куда как показательная трансформация.)

Будничная трезвая жизнь и революция несовместимы. «Цивилизация кнутом», «освобождение гильотиной» (Герцен) отдают варварством. Порок революции — деструкция, обслуживающая стремление приниматься за строительство с *tabula rasa*, «выжигания дотла всего исторического поля». Но поле «с своими колосьями и плевелами составляет непосредственную почву народа... его нравственную жизнь... его привычку... все его утешенье».²⁰⁸ Покушаться на него невозможно.

В противном случае — тщетный задор безуспешной игры с высоким, оборачивающийся унылым крахом иллюзий, невозможностью обмирщить идеалы. Нельзя отрезать себя от собственной благодатной нивы. «Искусство вполне равнодушно к фактам, оно изобретает, воображает, грезит и сохраняет между собой и действительностью непреступную преграду красоты стиля, декоративности или идеальных устремлений».²⁰⁹ С идеалами, отрекаясь от реальнос-

²⁰⁸ Герцен А. И. *Эстетика, критика, проблемы культуры*. М., 1987. С. 542.

²⁰⁹ Уайльд О. *Замыслы*. М., 1906. С. 13.

357

ти, можно комбинировать в духе (искусство, религия, мифология и т. д.). В политике же, опираясь на революцию, поступать схожим образом невозможно.

Непредвзятая оценка массива фактического подводит к ожидаемому заключению: все «великие» социальные революции оканчивались диктатурой. Английская революция породила диктатуру Кромвеля, французская — диктатуру Наполеона; российская (октябрьская) — диктатуру большевиков, затем Сталина. Основной итог, финал общественных революций — «развал». Развал производства, гражданской жизни, институтов, истребление соотечественников. Если развал — это все, чем «обогащают» революции, зачем они нужны?

Совокупное чувство, венчавшее революции, — «разочарование». Разочарование, «вызванное несоответствием между великими обещаниями и реальными результатами»; нации устают от «скороспелых преобразований, террора, от полного отрицания всего прошлого».²¹⁰ Революции не улучшают жизнь, а делают ее невыносимой, безрадостной, нежеланной. Жизнь желанна тогда, когда в естественном ходе жизни хочется, созидая жизнь, жить лучше. По этой причине идеолог реставрации Ламенне требовал раздавить разрушительную философию революции, которая способна опустошить весь мир, «если не будет... поставлена преграда ее дальнейшему распространению».

Жизнь не подражает схемам жизни, схемы жизни подражают

жизни. Но остов нормальной гарантийной жизни — мироздание, методом проведения которого, как наконец понято, способно быть не революционное отлучение и подавление, а эволюционное присутствие и участие.

От универсальности к локальности. Ценность, глубина, подлинность вещи сейчас удостоверяются не в опоре на отстраненные универсалии «Бог», «Истина», «Справедливость», а ситуационно. Слишком много теперь мнимого, наносного, показного, слишком далеко зашла эрозия

²¹⁰ *Вопросы истории. 1991. № 2-3. С. 18.*

358

устоев, слишком велика неуверенность «увидеть небо в алмазах» (Чехов), слишком прочно засели опасение, боязнь, испуг, ужас, чтобы, прибегая к долевному видению, соотносить действительность с абсолютным.

Абсолютам пришел конец. Ценность, где она не инструментальна — «эффективна», «полезна», — устанавливается не через доказательство, а через особую жизнелогикку. Если пускаться в гносеологические штудии, то правильно говорить о возрождении эзотерических традиций (Экхарт, Парацельс, Силезиус, Бёме, Баадер, Якоби, Гаман, Шеллинг), бьющих на синкретичность, недискурсивность, конкретность, явность, эмоциональность знания о существе обстоятельств, контекстуальное прозрение. «Тварь божья одухотворится», — говорит Трубецкой. В редкие моменты обнаружения в себе божеского, сиречь человеческого, при выходе в сферу естественно-подлинного, одухотворяясь, мы обретаем непосредственную интуицию предметности в ее «металогической цельности и оплошности» (С.Франк). В эти мгновения утрачивает силу признанный сократовский эвристический метод, учащий не думать, а рассуждать, как ни странно, не активизирующий, а атрофирующий мыслительные способности.

Истина есть то, что проходит мимо нашей техницизированной истории и чего эта история не замечает. Речь — о жизнелюбии и об особой технике его выявления. Так, сообщает И. Карамазов: «Жить хочется, и я живу, хотя бы вопреки логике. Пусть я не верю в порядок вещей, но дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки, дорого голубое небо, дорог иной человек, которого иной раз... не знаешь, за что и любишь, дорог иной подвиг человеческий, в который давно уже, может быть, перестал верить, а все-таки по старой памяти чтить его сердцем». Признается В. Розанов: «Папироска после купанья, малина с молоком, малосольный огурец в конце июля, да чтоб сбоку прилипла ниточка укропа, — вот мое «17 октября». В этом смысле Я — Октябрьист». Дефицит подлинности, растущие, преимущественно неоправдываемые надежды на обретение неиллюзорных, некамуфлированных экзистен-

359

циальных начал и опор индуцируют особую логику «клейких весенних листочков», погоню за полнотой переживания отдельного естественного проявления, предопределяют поворот от универсальности к локальности и моментальности.

От символизма к технологизму. Всякая культура есть симбиоз

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

систем выражения и действия. Система выражения: репрезентации, стандарты, ценности — символы. Система действия: методики, техники — технологии. Культуры, в принципе, различаются по такого рода системам. Античность: система символов — космос; система действия — полис. Средневековье: система символов — Бог; система действия — ритуал. Новое время: система символов — человек; система действия — титанизм. Шиболет современной культуры — десикация символического (ценностного) в ущерб технологическому.

Придание цивилизации характера всеобщей игры в бисер — крайне опасный симптом реальности. Суть в том, что ценностное бытие хрупко; высшие ценности наислабейшие (мысль Гартмана); материя сильна. Бог слаб, ибо распят миром. Однако без символической целеориентации технология становится слепым, грубым началом. Безоглядный технологизм в атрофии символизма чреват разбалансами. Острыми, непоправимыми. Довольно понять, что наличное композиционное бытие, если ему отказать в ценностном значении, вообще утратит свойство существования.

Данная мысль подводит к теме безумности мира: не является ли человек в своем цивилизационном движении все больше разгребателем грязи? Если творчество — неосмотрительное преобразование мира, то прав Бердяев, указывавший на эсхатологичность инновационных актов: они впрямую кладут предел всякому существованию. Последнее налагает всестороннюю ответственность на человека за устройство судеб обновляемого мира. Поскольку из органопроекции (Флоренский) технология превращается в натуропроекцию, встает вопрос соотношения ценностного — технологического. За ним, естественно, просматри-

360
вается та самая «хитрость разума», согласно которой с какого-то момента порождения творца начинают жить своеволящей, отстраненной от него жизнью. Все, следовательно, возвращаясь на круги своя, замыкается на проблему: к чему человек.

Ответ на нее ищется в нескольких направлениях. Одно связано с моделью «бытия в мире» (Хайдеггер), которое технологично и трагично. Другое связано с моделью «бытия над миром» (Бинсвангер), которое символично и нереалистично. Обе модели, отвечающие гоголевскому «видимый миру смех и незримые миру слезы», ввиду своей безысходности удовлетворения не дают. Углубляет безысходность и возможная третья модель «бытия после мира» — идея бесчеловечного бытия, которое с позиций аннексионистских посылок антропной цивилизации вполне может быть допущено.

Перипетии соотношения таких столпов, как «символизм» и «технологизм» поглощаются более широким контекстом сюжета обуздания родовой экспансии. Речь не о руссоистской критике достижений прогресса, сводящейся, по Вольтеру, к призыву «встать на четвереньки и бежать в лес», а о фронтальной рефлексии экзистенциальных устоев. Нерв этой рефлексии — сомнение в рационалистическом бестрагичном взгляде на собственную историю.

Неолитическая революция принесла бунт, нескончаемое

восстание против природы, натуральных основ существования. Оперативный рычаг его (бунта) — развязывание энергии свободы дерзания. Но свобода как ресурс — обоюдоостра. Она путь и к спасению, и к «неисследимой бездне» (Бердяев) — «ничто». Свобода, состоящая «именно в том, чтобы в своем другом все же быть у самого себя, быть в зависимости только от самого себя, определять самого себя»,²¹¹ есть тяжелейший крест, связанный с принятием обязательств по пресечению произвола. Но здесь выявляется: какими бы то ни было индикаторами, позво-

²¹¹ Гегель Г. В. Ф. *Наука логики. М., 1974. С. 124.*

361

ляющими сепарировать зерна от плевел в индивидуальном и групповом самоутверждении, человечество не располагает. Одновременно как субстанция своеволящая оно не может избавиться от свободы, переложив бремя творчества и ответственности на иные плечи. Вопреки Бердяеву и Ясперсу, от себя не уйти. Выходит, дело в самости, спонтанном хотении помимо логарифмов «по своей глупой воле пожить». В чем искать сему противоядие?

Занимательный проект обхода волчьей ямы «свободного произвола» развивал Сен-Симон. В «Письмах женеvского писателя к своим современникам» перед гробницей Ньютона он предлагал открыть подписку, приглашая всех, дабы назвать трех математиков, трех физиков, трех химиков, трех физиологов, трех актеров, трех живописцев, трех музыкантов (всего 21 человек) и получивших наибольшее число голосов собрать в «совет Ньютона». Духовное правительство земного шара примордиально должен был возглавить математик. Позже, разочаровавшись в ученых, в поиске дополнительных жизненных импульсов, пальму первенства Сен-Симон отдал промышленникам (девиз: «Все с помощью индустрии и через индустрию»). Однако, осознав, что индустрия несет разрушение, подрывает удовлетворение нравственных и умственных потребностей, Сен-Симон переметнулся к художникам (план нового «художественного» христианства с лозунгом: «Любите друг друга»).

Резервируя возможность высказаться по данному предмету позже, пока в качестве предварительного обозначения своей линии подчеркнем: в деле духоводительства жизни важна не специализация, а чувство жизни и любовь к жизни. Цель, к которой тяготеет достойная, обеспечиваемая фундаментальными социальными константами жизнь, сводится к гарантиям «общего блага», «личной независимости», «материального достатка», «собственности», «политических прав», «гражданских свобод», «духовной культуры», «простора высокого творчества». Лишь в этом случае находится искомый блок Биографии и Истории, Истории и Биографии.

362

Обобщение сказанного подводит к констатации следующего. Новая онтология бытия как рукотворной реальности, где природа предстает эрзацем, а общество суррогатом, отменяет традиционное восприятие Бытия как родного Дома. С утратой естественных мировых линий, дающих твердые шансы, дни «бытия во времени» сочтены. Бытие — не хозяйски обихоживаемый Дом; и праведники, **Ильин В. В. Философия:** учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

и проповедники ведут себя в нем как перелетные временщики-грешники. Став амбивалентным Пристанищем, Бытие отождествилось с функцией времени. «Бытие как время» не субстанционально, будучи реляционным, оказывается прямой производной совокупного родового движения — человеческой деятельности.

Всеобщий режим «неисповедимой флуктуации группового творчества», используя оборот Ван-Гога, превращает бытие в неуравновешенный «разбитый сосуд», набитый противоречиями :

— Афины — Иерусалим, знание — вера, наука — откровение. Неустойчивость жизни с непредсказуемыми локальными и глобальными исходами плодит неспецифические ожидания, обостряя блуждания в антиномиях логоса — мисологоса, разумоутверждения — разумоборства, рациональности — иррационалистической чертовщины;

— массовость — индивидуальность, растворение в коллективе — уход в себя, самость — вовлечение. Современность — эпоха парадоксализмов. «Пусть это покажется странным, — утверждает Гвардини, — та самая масса, которая несет в себе опасность абсолютной управляемости и податливости перед манипулированием, внутри себя дает личности шанс созреть для окончательного совершеннолетия... При этом возникают задачи такого внутреннего освобождения, такого сопротивления немислимо возрастающим силам безликости, о котором мы едва начинаем иметь понятие»,²¹²

²¹² Гвардини Р. Указ. соч. С. 199-200.

363

— обыденное — таинственное, откровенное — прикровенное, явное — скрытое. То, что мы видим ежедневно, то, по чему мы скользим равнодушным и привычным взором, — говорит Заболоцкий, — «на самом деле не обыденно, не буднично, но полно неизъяснимой прелести, большого внутреннего содержания, и в этом смысле таинственно»,²¹³

— романтизм — реализм, поднебесье — брэнность, жизнь — реальность. Возвышенно-приподнятая, исполненная пафоса жизнь в мечте Икаров сочетается с технико-технологическими, экономико-статистическими, сексуально-демографическими обсчетами, рефлексиями реальности Дедалов;

— абсурд — здравый смысл, деструкция — конструкция, безопорность — твердая почва. Шестов толковал абсурд как универсальный экзистенциал. Но тот же Камю подвел к тому, что абсурд — путь в тупик бунта и самоубийства. Противовес абсурду жизнелюбивая натурально-жизненная мудрость, здравый смысл, связанный не с разрушением, а с улучшением обстоятельств;

— репродукция — продукция, универсальное — уникальное, поточное — штучное. Как на весах Иова, на одной чаше — пропаганда, манипуляция, популяризация, рутинное потребительство, на другой чаше — Прометеев полет, дерзания, отход от стандартов, тяга к оригинальному;

— человек как представитель человечества, субъект — человек как элемент безликой социальной машины, объект. Манипуляция, коллективизм — следствия образа жизни нашего века,

рассчитанного на информацию, мобилизацию, организацию.

²¹³ *Заболоцкий Н. Собр. Соч. в 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 563.*

364

Внутренняя антиномичность и динамичность бытия как времени, функционирующего в форс-мажорном режиме, описываемого в терминах теории катастроф, с одной стороны, повышает ценность исторической деятельности, открывает новые перспективы, но, с другой стороны, повышает степень рисковости существования в глобальном смысле. Наша эра — эра риска, где нет никаких естественных милостей, разве что милости быть рожденным. В этой ситуации глубочайшим содержанием наполняются два призыва: Сократа — человек, пробудись; Лотреамона — приходящий в мир да защитит человека.

7.2 Мир человека

7.2.1 Антропосфера

Как отмечалось, в философии нельзя начинать с дефиниций. Философия не математика. Четкие, жесткие формулировки здесь должны не предварять, а венчать поиск. В философии дефиниция — результат, взятый наряду и совместно с ведущей к нему тенденцией. Тем не менее, вообще без дефиниций не строгих, но исходных установлений, по крайней мере вводящих в курс дела, семантически оконтуривающих, означающих предметные сферы, в философии не обойтись. Памятуя об этом и не стремясь к систематичности, выскажем следующее. Наиболее кратким и емким из близлежащих определений антропосферы как компактной в себе организованной реальности будет «позитивная естественность существования во всем своем богатстве, внутренней связности, дифференцированности».

Взятая в ракурсе «онтология», антропосфера предстает как разветвленный корпус феноменов «экзистенциальной синкретичности», подразделяемой на «бытие с», «бытие к», «бытие при». Взятая в ракурсе «гносеология» антропосфера предстает как в высшей степени оригинальный симбиоз законсервированной архаики и активно влияющего модерна.

365

Для содержательного развития этих предварительных по необходимости художочных утверждений, приступая к теоретическому развертыванию антропологического проекта, оттолкнемся от структурного разреза предмета. В пределах привычных философских диспозиций онтология сосредоточена на анализе оппозиции «одушевленное — неодушевленное»; гносеология поглощена изучением «субъект —объектной» оппозиции, антропология замкнута на отслеживание перипетий «субъект —субъектной» оппозиции во всех регистрах субъективности «Я —Я», «Я - ТЫ», «Я - МЫ», «Я - ОНИ».

Очевидная стратифицированность, многоотсечность «Я» находит отображение в базовых концептуальных моделях его природы. В кругу последних выделяются соматизм, фрейдизм, трансцендентализм, эволюционизм,²¹⁴ из которых три первых имеют лишь историческое значение.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Соматизм. Сосредоточение на человеческой природе, «организованном теле» (Ламетри) имплицитно формулирует формулу «граница моего существования — мое тело».

«Исходной позицией прежней философии, — уточняет поборник этой линии Фейербах, — является... положение: Я абстрактное, только мыслящее существо, тело не имеет отношения к моей сущности; что касается новой философии, то она исходит из положения: Я — подлинное, чувственное существо, тело входит в мою сущность, тело в полноте своего состава и есть мое Я, составляет мою сущность».²¹⁵ Тело входит в каждое Я, его сущность, — это очевидно. Только как и в каком объеме? Печальный изъян соматизма — натуралистическая редукция антропологического к органической основе. Соматика не обуславливает содержательных свойств личности — кристаллизованных в социальной интеракции способностей к целесообразному поведению и творчеству. Я — единица эготелесная.

²¹⁴ См.: 3.2.

²¹⁵ Фейербах Л. Избр. филос. произв. М., 1955. Т. 1. С. 186.

366

Фрейдизм. Во фрейдизме не как терапевтической технике, а как психоаналитической концепции нормальной личности, претендующей на тематизацию ее структуры и динамики, нам всегда казались неприемлемыми такие черты, как беллетристичность, классичность, гиперболизация бессознательного, узость объяснительной платформы. Беллетристичность проявляется в субъективистских методиках проникания в душевный мир пациентов, лишенных инвариантности, общезначимости методы свободных ассоциаций, анализа трансфера. Классичность сказывается в пресуппозиции «беспристрастности» фиксирующего поток сознания внешнего наблюдателя, опирается на используемые классикой презумпции «прозрачности» фактов сознания, «зеркальности» их запечатления акцептором с игнорированием эффектов когерентности взаимодействия одних когитальных структур с другими. Гиперболизация бессознательного просматривается в сомнительной мифологизации архаичных сообществ. Наконец, эвристическая скудость присутствует в пансексуализации культурной, ментальной, любой иной субъект-надорганической жизни. Впрочем, последнее вызывало сомнение у многих поначалу искренних адептов фрейдизма. «Стоило проступить в каком-либо человеке... отблеску духовности, — указывает тот же Юнг, — как Фрейд ставил его под подозрение и усматривал в нем вытесненную сексуальность. Я заметил ему, что если последовательно продумать его гипотезу, то... это будет уничтожающим приговором культуре. Культура окажется пустым фарсом, болезненным результатом вытесненной сексуальности. «Ну да, — подтвердил он, — так оно и есть. Это проклятие судьбы, против которой мы бессильны».²¹⁶

Еще одностораживающее обстоятельство — отсутствие когеренции в аргументах представителей психоаналитического сообщества. Практически ни один из сподвижников, ближайших сотрудников Фрейда, не продолжил его дела,

²¹⁶ Jung K. *Erinnerungen. Traume. Gedanken. Zurich, 1963. S. 152.*

367

оставшись верным заявленной им исследовательской программе. Достаточно вспомнить Райха, Фромма, Адлера, Юнга, Хорни, Салливана. Сошлемся в связи со сказанным лишь на суждение столь признанного авторитета в этой сфере, как Гроф: «Психоанализ дает лишь поверхностные, неубедительные интерпретации всего спектра явлений, наблюдаемых у психиатрических пациентов».²¹⁷

7.2.2 Экзистенция

Стихия цельного человеческого существования, для которого высшей субстанциальной ценностью оказывается непрерываемость бытия. Не отрешенного, а своего, пропущенного через собственные интересы, потребности, влечения во всем позитивном богатстве их заявления и проявления. Граница моего существования — мое бытие. Масштаб сопричастия моему бытию фрагментов мира — мое величие.

Опорной категорией выражения этого является бергсоновское *durée*, ввергающее в поток процессуального, безусловно значимого партикулярного «дления», — одухотворенной, вошедшей в мою жизнь, соучаствующей мне вещиности, каждый компонент которой — сосуд, из коего можно черпать нечто свое и можно складывать нечто свое про запас.²¹⁸

Полнота разверток значимого для меня сущего с позиций моего к нему приобщения представлена рядом экзистенциальных модусов: наличность, потенциальность, невыносимость, кажимость.

Наличное существование. Мое бытие — бытие через меня и при мне — малый мир в малом времени суть полагаемая мною вещная значимость, инспирированная вызванным мной становлением. Погружаемый в бытие человек конституирует его в форме мира как продукта своего полагания: интервалы и стадии действительности задаются диапазоном инициатив индивидуальной жизни, неотделимы

²¹⁷ Гроф С. *За пределами мозга. М., 1992. С. 12.*

²¹⁸ См.: Рильке Р. М. *Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М., 1971.*

368

от активности самости. Есть активная самость — есть ее мир, нет такой самости — нет и ее мира.

Потенциальное существование. Физическое существование утверждается эмпирическим опробованием. Логическое существование утверждается когерентным моделированием. Пружиной конституирования потенциального существования в пределах задания экзистенциальных обстоятельств является способность намечать перспективы, контуры, зоны, горизонты вероятных значимостей, с которыми предположительно будут связаны жизненные интенции. Речь, следовательно, о присущей самости характерной способности намечать градиенты в кругах обстоятельств и расширять их, придавая связке «самость — бытие» некую динамику. Через импульсы самополагания и непрестанную экспансию самости в бытие идет созидание реальности, складывание моего значимого мира.

Невыносимое существование. Фиксируя столпы экзистенции, Локк упоминал «жизнь», «свободу», «собственность». Джефферсон модифицировал этот список, оставил «жизнь» и «свободу», а «собственность» заменил на «стремление к счастью». Не пускаясь в логомахию, кто из них прав и насколько, допустим, что правы оба: человек создан для жизни, свободы, созидания собственности, стремления к счастью. Очень часто, однако, существование исключает реализацию данных атомов экзистенции. Имеется в виду не автономно избранный путь схимничества, мироотрицающей аскезы, а фактический крах жизни, питающих ее идеалов.

На памяти 1988 г. Армения, где мне пришлось побывать на ликвидации последствий землетрясения. 14 декабря, 15.00 местного времени, Лениканан, разрушенный, обгоревший, истерзанный стихией город. Нет невыносимей зрелища, чем картина человеческой беспомощности перед лицом слепой грозной силы. Кругом руины — торчащие балки, плиты, куски арматуры, беспорядочные горы туфа, кирпичного боя. А над всем этим в клубах грязно-лилового дыма многочисленных костров и пожарищ — кошмар, безутешное людское горе. Есть вещи, к которым

369

приспособиться нельзя, например, приспособиться к трагедии. Ее либо можно пережить, либо нет. Для тех, кто переживает трагедию, время застывает, окаменевают, превращается в беспросветно-безнадежную неподвижность.

На каждом перекрестке куча гробов. Не стопка, не штабель, а именно куча. На них сидят, едят, пьют, спят: деться некуда. Бытие в гробу до смерти — деталь, усиливающая отчаянность положения.

Кто-то сказал: есть порог переживаний, за которым способность к сочувствию атрофируется. На наш взгляд, это неверно. Среди всех определений человека самое точное: человек — существо сочувствующее. Перестать сочувствовать означает перестать быть человеком. Поэтому такого порога нет. Имеется лишь водораздел человеческого и нечеловеческого. Там, где закон приставки «со» нарушается, человеческое утрачивается.

Если попытаться схватить сущность нашего века каким-то одним словом, то им может быть «сиюминутность». Последнее, однако, вовсе не от счастья, единственным признаком которого, по Тургеневу, является принадлежность мгновению. Аналогия здесь чисто внешняя. Действительность прозаичнее. Ритм повседневности настолько спрессовал время, что мы не то что торопимся, спешим, мы летим. Мы оказываемся в положении человека, который, подняв ногу, уже не может опустить ее на землю — некуда. Так и живем, не задумываясь ни о беге Земли, ни о своем собственном беге. Остановиться, задуматься побуждает скорбь, великое человеческое горе. Не знание вызывает в наш век скорбь, а скорбь, невосполнимость утрат вызывает в наш век знание. Совсем не по Библии.

Оторваться от сиюминутного, приблизиться к эпохальному заставляют ситуации пограничные, которые ставят уйму экзистенциальных вопросов, обостряя извечные темы высших целей человеческого существования, смысла, ценности нашего явления в мир. Как жить? Для чего жить?

Однажды в непринужденной обстановке обыкновенно не склонный к беллетристике коллега уточнил: живем мы для того, чтобы писать и передавать книги детям. Смысл

370

этой формулы, как мы ее поняли, — осваивать наследие и продолжать его, умножая. Не в осознании ли сопричастности созиданию связей времен заключается глубинная философия существования?

...Дряхлый старик, случайно уцелевший из всей многочисленной семьи. Искалеченный, но переживший близких, он мучился лишь одним вопросом: почему, почему он? Когда гибнут близкие люди, самооценку жизни утрачивается. Факт, что все ушли, а ты остался, воспринимается как наказание, распадается связь времен, жизнь обесценивается, обесмысливается. К чему жить без тех, с кем, ради которых жил.

Дом. Дети. Любимые. Близкие. Это фундаментальные константы человеческого существования. Жизни без них нет... Старуха у огромного рухнувшего дома. На полуобгоревшем диване сидела она, заломив руки за голову. Сидела в оцепенении, не вставая. И сутки, и другие, и третьи, развалины ее дома — это развалины ее времени, ее жизни. Ничто не вписывает ее в закон сохранения существования, а потому дни ее сочтены.

В какие-то минуты профессиональная философия кажется ненужной, пустой. Человек есть единство сущности и существования. Изучение социальных функций и ролей в общественном разделении труда, объективных отношений в воспроизводстве жизни и ее условий в естественно-историческом движении человечества осуществляет социология. Изучение же живого деятельного человека, переживающего и чувствующего, понимающего и проявляющего свою, именно свою субъективность, не производится. Последствия этого катастрофичны.

Содержательное обеднение философии есть не чисто доктринальное обеднение, — в конце концов, это обеднение жизни. Ибо какова философия, такова и жизнь; и обратно: какова жизнь, такова и философия. Выпадение из философии вопросов существования реального человека влечет дегуманизацию жизни.

Показателем развитости цивилизации является уровень ее гуманности, фиксирующий социальную самооценку

371

личности. Но как определить степень продвинутой конкретности обществ в данном отношении? Скорее всего, по принципу нетривиальной индукции: справедливое для неординарного случая справедливо для случаев ординарных? Следование этому принципу — не редкость в практике оценок. Скажем, последний российский царь при инспекции гарнизонов посещал только полковой клозет и кухню (надо бы и лазарет). Указанного хватало, по его мнению, для составления точной картины: потемкинские деревни могут быть везде, кроме данных мест.

Судить об уровне гуманитарной культуры общества возможно по организации в нем обряда похорон. Поскольку соблюдение этого обряда — своеобразный гарант цены человеческого существования, отношение к смерти оказывается критерием цивилизованности жизни. Чем выше гуманитарный потенциал общества, тем

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

отношение к смерти достойней, уважительней. Для всех очевидно: индекс гуманитарности нашего общества по этому показателю крайне низок.

Побывавший на отечественном кладбище и столкнувшийся с царящей на нем атмосферой бездушия и хамства задается каким-то безысходным вопросом: «До каких пор?» Задаться этим вопросом побудило и нас недавнее посещение морга Боткинской больницы по очередному грустному случаю. Среди прочего ужаснуло объявление с перечнем услуг кооператива «Ритуал», включавших и определенную таксу за снятие коронок с зубов покойных. Отечественный кооператив — это инструмент быстрого и какого угодно реагирования, потому характер предложения нас не удивил. Потрясло наличие спроса на такие услуги. Подумалось: в обществе с высокой гуманитарностью подобное невозможно.

Новое потрясение, в полной мере моральную катастрофу нам уготовил Ленинанкан, где мы оказались свидетелями извлечения из завалов тел погибших. Механизаторы, ничтоже сумняшеся, использовали для этого стальные тросы, подцепленные к бульдозерам. Сознание, что на месте погребенных мог оказаться любой из нас, в том

372

числе я, заставило содрогнуться. Чтобы меня вот так бульдозером, превращая в бесформенный кожаный мешок с торчащими зубами... Никакие экстремальные обстоятельства не оправдывают увиденного. Обстоятельства не переделывают человека. Человек страдает от обстоятельств, но не зависит от них. Бытующее у нас отношение к смерти демонстрирует пренебрежение и презрение к достоинству и ценности человеческой личности, свидетельствует об общей гуманитарной ущербности нашей жизни. В который раз в нашей истории мы сталкиваемся с тотально разрушенной человечностью.

Кажимое существование. Для всех модусов экзистенции радикальна близость ко мне бытия, вовлекаемого в мое «здесь-теперь». Именно оно выступает точкой отсчета. Иного не дано, поскольку рычагом распространения на бытие продуктивности выступают свойства «Я». Нередко они приобретают деформированный характер. Тогда «Я» погружается в иллюзию, которая пребывает модусом безразличной жизни. Прекрасно об этом сказал один из героев Достоевского: «Я вдруг почувствовал, что мне все равно, существовал ли бы мир, или если бы нигде ничего не было. Я стал слышать и чувствовать всем существом моим, что ничего при мне не было. Сначала мне все казалось, что зато было многое прежде, но потом я догадался, что и прежде ничего тоже не было, а только почему то казалось. Мало-помалу я убедился, что и никогда ничего не будет, тогда я вдруг перестал сердиться на людей и почти стал не примечать их. <...> Застрелюсь я, и мира не будет по крайней мере для меня. Не говоря уже о том, что может быть... и весь Мир, только лишь угаснет мое сознание, угаснет тотчас, как призрак, как принадлежность лишь одного моего сознания... ибо, может быть, весь этот мир и все люди — я-то сам один и есть».²¹⁹

Ветвление, дробление бытия по модусам идет контекстуально в

зависимости от ситуативных параметров субъек-

²¹⁹ *Достоевский Ф. М. Собр. Соч. В 10 т. Т. 10. М., 1958. С. 426.*

373

тивности, программ самополагания. Что здесь оказывается предпочтительным, преимущественным, сказать, наверное, а priori нельзя. Потому страдают односторонностью взаимоисключающие реконструкции экзистенциальных обстоятельств как Шопенгауэра, так Бубера. Первый заявлял линию аутизма: проникновение в тайну экзистенций осуществляется через постижение «обособления Я». Второй, напротив, заявлял линию коллективизма: соответствующую разгадку тайны экзистенции видел в постижении «единения Я с другими». И то, и другое реально, но не монополюсно.

В натуралистике, трансценденталистике, социологистике, рассуждающих о субъективном, задаются ракурсы «универсально-субъективного»: общезначимые физиологические, социальные, ментальные структуры деперсонализируют предметную сферу, допускают регуляризацию онтологии. В антропологистике, судящей о субъективном, задается ракурс «уникально-субъективного»: индивидуально-значимые структуры внутреннего мира персонализируют предметную сферу, регуляризацию онтологии исключают. Это значит: «То, что наиболее истинно в индивидуе, то, в чем он больше всего является самим собой, есть его возможное, выявляемое историей... весьма неопределенно».²²⁰

Тем не менее, и в этом нестабильном мире возможного весьма определено проступают ареалы типического.

7.3 Ареалы экзистенции

Экзистенциальный опыт не гомогенен, представляет конгломерат эмоционально-волевых не- или допредикативных фигур и фигур предикативных, к коим относятся дискурсии здравого смысла и обыденно-практического опыта.

²²⁰ *Valery P. Oeuvres completes. T. 1. Paris, 1957. P. 1203-1204.*

374

7.3.1 Непредикативная экзистенция

Поскольку полная рефлексивная проработанность духовного опыта и его предпосылок покрывает весьма узкий горизонт рационально-логического дискурса, постольку в отношении неререфлектируемых пластов важно поставить вопрос о характерных механизмах их идентификации. В качестве подобных видоопределяющих механизмов идентификации неререфлектируемых комплексов интеллектуальной, эмоциональной и моторной природы укажем на партиципацию, синхронию, эмпатию.

Партиципация. С гносеологической точки зрения представляет особый тип умозаключений «по части о целом», дополняет и замещает в экзистенции традиционную импликацию, организующую мысль по схеме «часть из целого». Трансцендентальное (научное) сознание крепится на каузализме — причинно-следственный схематизм, аналитическое рассечение предметов, обособление факторов, оснований. Экзистенциальное сознание концентрируется на случайностях, деталях, приводит в движение не логику, а чувство, генерирующее синтетическую оценку обстоятельств в обход каузальных онтологических и

семантических рассечений.

Эмоциональная нюансировка, являющаяся эпифеноменом жизненных контекстов, в реакции на нее активизирует генетически наиболее древние формы видového опыта типа таксиса, подключающие к «безошибочным» стереотипным действиям. Они-то и производят индексацию и селекцию предъявляемых экзистенциальных (поведенческих) фигур с позиций «запрограммированных» их восприятий как изначально «положительных» или «отрицательных». Так, можно «вдруг» почувствовать, что любовь «из ничего» возникла. Также можно «вдруг» ощутить, что она «из ничего» прошла. Роль этого «ничего» — многообразных мелочей, деталей, второстепенных неприметных черт, замечаний, ужимок, ремарок, невзначай брошенных взглядов, жестов — как декора коммуникации — кардинальна. Весьма пронизательно ее (роль) описал Толстой.

Его герой в «Крейцеровой сонате», восстанавливая причины человеческого разъединения с собственной, не-

375

когда любимой супругой, заключает: «Ссоры начинались из-за таких поводов, что невозможно бывало после, когда они кончались, вспомнить из-за чего. Рассудок не поспевал подделывать под постоянно существующую враждебность друг к другу достаточных поводов». И далее: «Выходили стычки и выражения ненависти за кофе, скатерть, пролетку, за ход в винте, — все дела, которые ни для того, ни для другого не могли иметь никакой важности... Я смотрел иногда, как она наливала чай, махала ногой или подносила ложку ко рту, хлюпала, втягивала в себя жидкость, и ненавидел ее именно за это, как за самый дурной проступок».²²¹

Практикуемая в экзистенции «некритическая» гиперболизация нюансов задает водораздел между дискурсивной причинностью и недискурсивной партиципативностью; суть в том, что в одном случае рассуждения разворачиваются в плоскости «человек в мире», в другом — в плоскости «мир в человеке».

Синхрония. Очередной тип некаузальной семантической связи на базе ситуационной логики, объемного видения обстоятельств, когда, вспоминая буддистов, в одной вещи усматриваются три тысячи вещей. Экзистенциальное бытие дискретно — квантуется по основанию персональной значимости «тогда-то там-то произошло то-то». Реконструктивной его моделью является образ «бытие-вот-в-месте». Согласно такому углу зрения радикализуется статус мгновения-момента, который выступает формой узаконения важных для меня жизненных интервалов.

В эпическом театре интерес прикован к развертыванию сюжета, в драматическом театре — к развязке. Синхрония есть вариация драматического театра, сосредоточивающегося на исходе-финале. Каждый исход-финал — олицетворение святая святых экзистенциальных локалов, в существе своем постигаемых особой ситуационной логикой — логикой *fortier in re suaviter in modo*. Это некий

²²¹ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 10. М., 1958. С. 294, 306.

376

тип духовного познания, минуя рационализацию, категоризацию, артикуляцию, с кристаллизацией эмоционального

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

знания усматривающего достоверность самоочевидным образом на поверхности вещей.

Такова экзистенциальная коммуникация, не требующая критики, дискурсивной проработки, предикативного восстановления. Подобие такой ситуации изображается Толстым, осмысливающим коммуникацию «Воронцова — Хаджи-Мурата» через ресурс «говорить глазами»: «глаза этих двух людей, встретившись, говорили друг другу многое, невыразимое словами, и уж совсем не то, что говорил переводчик».

Рельефный пример синхронии дает Ремарк, в «Триумфальной арке» утверждая: «Он слишком устал, чтобы думать. Рядом с собой он слышал неуверенные и громкие шаги женщины, она шла молча, понурившись, засунув руки в карманы плаща, — маленький огонек чужой жизни. И вдруг в позднем безлюдье площади она на какой-то миг показалась ему страшно близкой, хотя он ничего о ней не знал или, быть может, именно потому она была ему чужой. Впрочем, и он чувствовал себя везде чужим, и это страшным образом сближало — больше, чем все слова и притупляющая чувства долголетняя привычка».

Эмпатия. Говорит Флоренский: «Жизнь бесконечно полнее рассудочных определений, и потому ни одна формула не может вместить всей полноты жизни... рассудочные определения всегда и везде подвергаются и будут подвергаться возражениям».²²²

Один из характерных способов замещения развернутых рациональных доказательств в экзистенции — эмоциональное постижение существа ситуации на базе персональной идентификации, сочувствия, сопереживания. Это те мгновения откровенной глубины, когда мировой и духовный порядки открываются человеку как прозрачная полнота сущего. Формой выявления ее (полноты) в обход

²²² Флоренский П. А. *Столп и утверждение истины*. М., 1990. С. 146.

377

логоцентризма и является эмпатия, на поверхности выступающая как свертывание рефлексивного потенциала, а при более пристальном рассмотрении — как развертывание особой совестливой рефлексии (*recueillement*), возбуждающей «чувство интимности с бытием и людьми» (Марсель). Таковы авто- и гетеропрозрения и разоблачения, бытующие в жизни. Первый случай: проникновение — вчувствование, соитие — восприятие своего портрета Иннокентием X, который, испугавшись собственного изображения на картине Веласкеса, признался: «Слишком правдиво». Второй случай: сознание тождественности, конгениальности, понимание того, что «Я и МЫ живут сообщественно, в горизонте общности, а именно—в различных иерархизированных общностях, таких, как семья, нация, сверхнация»,²²³ которые дают простор ценностным суждениям вида: «Я правду о тебе порасскажу такую, что будет хуже всякой лжи».

7.3.2 Предикативная экзистенция

Вопрошает Хайдеггер: «Почему вообще есть сущее, а не, наоборот, ничто?» Наш ответ: потому, что есть укорененные в нас

выражающие глубокую рациональную подпочву жизни структуры здравого смысла и практически-обыденного опыта. Намечая фундаментальную канву «во имя чего все», здравый смысл и обыденность означивают существование с позиций экзистенциальных констант, гуманитарных абсолютов — «жизнь», «поддержание, продление жизни», «персональное, групповое выживание».

Ценность сущего — из упорства самосохранения, предопределяющего основательность, солидность каждодневных поведенческих актов. По-видимости, повседневность — прозаизм, рутина, унылая утилитарность — то, что Хейзинга называл не праздничным, «серьезным», сфера нехудожественных воплощений, немонументальности. При сущностном же подходе повседневность — стихия вершения

²²³ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 101.
378

наиболее монументальных «медленных» трудов. Здесь человек, отрешаясь от «раздражительной тяги к высшим интересам» (Ап. Григорьев), «суетливого беспокойства о вечном» (Шпет), одновременно снимая с себя ролевые, частичные, ангажированные функции, оказывается самим собой. Подлинным.

Повседневность исключает искусственность, условность социально зависимого бытия. Все помыслы, заботы тут обращены на прочное и безусловное — непреходящее мирское поддержание существования. Неухищренность, непредвзятость тактики пролонгирования жизни встраивает в линии оптимумов органической и общественно-исторической эволюции, составляет первую и последнюю заземленную основу экзистенциальной рациональности, делающей оправданным и осмысленным противопоставление *Homo sapiens* *Homo credens*.

Истина науки системоцентрична, в то время как истина обыденности эпизодоцентрична. Суть в том, что в отсутствие специализированных рефлексивных механизмов установления истины действует не демонстративная схематика ее (истины) удостоверения. В основе этой схематики — единство выражаемого и выражающего. Истина в экзистенции «не то, что ты знаешь, а то, что ты есть» (Кьеркегор), где это «есть» проявляется эпизодично на стыке силовых «ситуация», «смысл», «эмоция».

В науке оправдание истины производится опосредованно, в экзистенции же непосредственно: моменты, действия и их оценки не разделены в пространстве и времени, они слиты, даны целостно. В той мере, в какой экзистенциальные полагания синхронизируются с когитальными (через пара-лингвистические эффекты, инструментовку речи, ассонансы и т.д., достигающие унитарности содержания актов действия, их смысла, его переживания, восприятия) частота собственных колебаний «моего бытия в ситуации» совпадает с частотой колебаний внешнего наблюдателя, возникают эффекты адекватных само- и взаимоощущений, само- и взаимопониманий. В той мере, в какой синхронизация этих параметров нарушается или

379

становится невозможной (результат дезориентации), возникают

эффекты неадекватных само- и взаимоощущений, само- и взаимопониманий. Вообще говоря, полное само-и взаимопонимание — большая редкость, оно — Благодать, к которой всегда нужно быть готовым, но которую никогда и никак не удастся получить как нечто гарантированное.²²⁴

В результате обобщим: мышлению в экзистенции присущи особенности:

1. С точки зрения предметных оснований оно конкретно. Это значит — ситуативно, диффузно, контекстуально, концентрируется на случайностях, деталях; эмоционально окрашено, не отчленено от переживательных реакций; сопоставительно, ассоциативно. Отсюда — пластичность слов, аморфность понятий, прорастание их друг в друга, отсутствие жестких сцепок между выразительными и концептуальными ресурсами (наличие синонимических рядов, дающих нюансировку, изобилие остенсивов).

2. Логика здесь скорее не органон, а риторика, топка, завязанная на естественное общение. В науке в качестве преимущественной когитальной ценности превозносится «истина». В экзистенции мы имеем дело с едва оконтуренной шкалой, «где правда и неправда — крайние точки, между которыми находится много промежуточных».²²⁵ Это именно та сфера, где обнаруживается справедливость идеи Остина о том, что характеристика «истинно» — одна из квалификаций в их потенциальном множестве (наряду с «успешностью», «полезностью», «надежностью», «интересностью» и т.д.). Наука выделяет *status rerum*, строится как корпус субстантивов, констативов. Экзистенция выделяет *status humani*,

²²⁴ См.: Бубер М. Я и Ты. М., 1993.

²²⁵ Санников В. Конъюнкция и дизъюнкция в естественном языке // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 54.

380

строится как корпус контекстуалов, перформативов. В экзистенции нет жесткой дихотомии «истина — ложь»; достаточным основанием признания чего-то истинным служит не демонстрация, а позитивная аксиологизация. К примеру, Флоренский высказывается о ценности возможного письма Игнатия Богоносца Деве Марии: «Говорят, что «быть может», эта переписка апокрифична. Я не спорю, но ведь только «может быть». А, может быть, и обратное. Ведь остается «а если», которое бесконечно умножает вес «может быть». Прошу, вникни сколько-нибудь в то чувство, которое делает для меня это письмо, если даже оно и впрямь малодостоверно, бесконечно дорогим».²²⁶ Правда легенды в экзистенции теснит правду истории: важен не истинностный дискурс, а ценностная презумптивность, не протоколы, а полнота переживаний, духоподъемность.

3. Нечеткость, неотчетливость понятий и их истинностных значений в экзистенции — то, что нужно. Не случайно в поздний период творчества Витгенштейн ослабил свою довольно жесткую линию логической атомизации мира, приняв модель «дверных петель». Есть строгая наука с формализуемой истиной, а есть экзистенция с ценностной наполненностью. И, разумеется, прав Розанов, помещающий экзистенциальную истину в глубь полифонии и рекомендующий иметь на предмет 1000 точек зрения.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

4. Стремясь к истинностным значениям, научное знание разрушает мифы. Наука и мифология несовместимы. Но с мифом совместима жизнь, которая не чурается воздушных замков. Научные истинностные значения не обслуживают всего многообразия потребностей существования: зачастую требуется зна-

²²⁶ *Флоренский П. А. Указ. соч. С. 362.*

381

ние не истины (вспомним бальзаковскую «Человеческую комедию»), а ответов на судьбоносные вопросы: как? почему? зачем? Тематизация их, однозначностью, алгоритмичностью не отличающаяся, связана с практическим нащупыванием частных решений. Подчеркиваем: именно нащупыванием и именно частных. Решений индивидуально-значимых. В этом открытость, свобода и жизнь мира, ибо в противном случае, «если бы мир был «необходимым», он был безусловно замкнут, был бы насквозь предопределен, был бы миром смерти».²²⁷

7.4 Эгология

Поскольку «Я — это совсем не то... что мое тело» (Декарт), возникает серьезная проблема: чем в действительности является наше «Я»? Тематизацию данной проблемы и осуществляет эгология, в задачу которой входит зафиксировать подлинную специфику *res coditans* в противоположность *res existensa*, т. е. минуя развитые в ретроспективе сомнительные идентификации человека в терминах механодетерминизма, физиологизма, ассоцианизма и т.п., представить адекватную модель собственно человеческого в человеке.

Полагая, что степень глубины и правильности убывает при потере развертывания повествования, в качестве наиболее емкого и компактного видоопределяющего суждения о человеке примем: человек — существо идеалологичное. Перефразируя Уайльда, скажем: естественная функция человека — предвосхищая, «из грубого материала действительности создавать новый мир, более чудесный, более длительный и более верный, чем мир, который видят вульгарные глаза».²²⁸

²²⁷ *Флоровский Г. Метафизические предпосылки утопизма // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 94.*

²²⁸ *Уайльд О. Замыслы. М., 1906. С. 85.*

382

Производить и исповедовать идеалы, действительно, способность сугубо человеческая, возможная лишь в силу организации персональной и групповой практики как целенаправленного самоопределения посредством обмирщения ценностей. Чем объяснить отказ Сократа от побега из тюрьмы? Близлежащий вариант: ноги не идут — не проходит; он не передает побудительных мотивов поведения личности. Сократ здоров и технически (физиологически) бежать может. Иное дело — уважение к законам, установлениям, поступиться которым Сократ считает для себя невозможным. Нерв вопроса, следовательно, — не физическая детерминация, а метафизическая мотивация, телеологизация, которая делает человека человеком.

7.4.1 Человек как человек

Человек как человек — индивид, персонально атомарная, недробимая, неделимая психофизиологическая, социально-культурная, экзистенциальная организация.

В онтологической плоскости — целевой, целерациональный, целесообразный объект-носитель преднамеренности, воления идентифицируется как самость в отличие от одно-порядковых элементов соответствующего множества.

В гносеологической плоскости — субъект как источник познавательной активности с адекватно обеспечивающими ее когнитивными инстанциями и потенциалами. Рассмотренный по фарватеру субъект неоднороден, разнопланов, представляет многогранное объединение структур и образований от индивида, социальной группы, класса, общества, сообщества до цивилизации, человечества в целом. Субъект поэтому — не обязательно конкретное физически осязаемое, наделенное человеческой плотью лицо; в различных гносеологических контекстах вводятся разнообразные истолкования субъекта — от персонального самосознания до всеобщего духа и коллективного бессознательного (субъект в бессознательной форме — первобытные человеческие популяции, собственные темные колебания толпы и т.д.). В зависимости от принимаемого в расчет среза субъективности гносеологическое наполне-

383

ние субъекта варьируется: с каждым потенциальным срезом сопрягаются коррелятивные ему разрешающие возможности.

В прагматической плоскости — актант как ступок конструктивно-преобразовательных инициатив, направленных на трансформацию реального бытия как такового.

В экзистенциальной плоскости — лицо, обладающее идентичностью, которая позволяет производить отнесение к себе действий, прав, обязательств, стяжать функции, ответственность, осуществлять выбор. Важное нам понятие лица скрывает несколько уровней.

Первый уровень: идентификация «Я» с индивидуальной телесно-психической организацией; гомологичность духовно-соматической конституции — базис родового тождества, принципов само- и взаимопонимания (тонко подмеченное Кафкой наше непонимание-неприятие телесного: инакоформия).

Второй уровень: самообозначение «Я» — самопонимание себя как единственного обладателя психофизической определенности; способность по традукции проводить субъективизацию себе подобных: употребление третьего лица, толкование «их» как адресатов-протагонистов.

Третий уровень: «Я» как эгоцентрическая конкретность, имеющая окказиональное значение; это — фокус персональной перспективы с особым видением мира и утверждением в нем.

Четвертый уровень: рефлексивная способность «Я» как деиксиса соотносить, связывать собственную картину мира, экзистенциальный опыт с собой, развитые механизмы локализации, хронологизации, идентификации, самообозначения с эгореификацией.

Если коротко и с неизбежными упрощениями давать динамическую развертку представленного структурно-функционального среза анализируемого предмета, оправданно выделить такие критические точки роста, говоря по-гегелевски, самого себя через себя различающего духа.

1. Начиная с римской империи обособление в поначалу целостном (ранняя античность) жизненном

384

континууме личностной и социальной составляющей. Последнее связано с упрочением парадигмы индивидуализма, активной тематизацией вопросов статуса персональности в обществе (мотивы стоической, скептической, эпикурейской философии). Освобождение человека от внешней зависимости толкуется как духовное самозамыкание, нарочитое удаление от мирских (групповых) связей, корпоративной зоологии. 2. Средневековье в виде таких институций, как христианство, феодализм, рыцарство, способствовавшее произрастанию в менталитете морального сознания, нравственной нормосообразности. Устроение людей — граждан античных «обезличенных» социумов — лишено комплексов индивидуально удостоверяемых нравственных реакций и потенциалов. Такие комплексы складываются только в средневековье, внедрившем в духовный обиход понятия «совесть», «долг», «честь». (Античность не знала ни соответственных понятий, ни сопряженных с ними коррелятивных терминов. Находимые в греческом и латинском «conscientia», «dignitas», «honor» передают лишь оттенки этих высших этических добродетелей.) Личность в античности — продолжение полиса, касты, семьи, клана — не жизнедействует в режиме автономного индивида. Оформление оноgo идет благодаря: — христианству: соприкосновение с Богом, случающееся как интимный акт, подрывает узы связей индивида с группой. Религиозные действия, таинства глубоко персональны — индуцированы по сути своей сокровенной осанной, опирающейся на частные «откровения», «прозрения», «озарения». Всяк обретает, утрачивает Бога, становится перед ним лично — здесь не может быть круговой поруки, цеховой солидарности. Человек во храме — лицедей, самодостаточный агент, проявляющий самоцельность, самостоя-

385

тельность: греховность и праведность, муки и блаженство обретаются партикулярно. Внутренняя проекция высших ценностей на себя с последующей самооценкой стимулирует укоренение личностного начала, управляемого единоличной квалифицирующей инстанцией — совестью;

— феодализму: естественножизненный уклад законствования собственностью, ее пользования, распоряжения рождает чувство властелина, в пределах очерченного лакала не имеющего себе равных. Это прямо-таки героическое чувство собственной всесильности при его содержательной реконструкции питается тройким корнем — ощущением а) неприкосновенности занимающего некую социальную, духовную, гражданскую нишу лица; б) ответственности за возложенную на лицо сюзереном частичную ролевую функцию; в) самодостоинства, самоуважения, гордости лица за свой статус. Отнесение к себе на юридически

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

добротных и легитимных основаниях всей полноты инициатив, полномочий в кругу вверенных тебе забот о людях, хозяйстве, деле обуславливает вполне очевидно индивидуализирующее существование, представление долга, с которым координируются потенциальные линии самоутверждения;

— рыцарству: капитальная проблема нравственности — баланс содержания и формы в метафизическом конституировании побуждений. Содержательно побуждения не всеобщи, следовательно, нет законов, которые их регулируют: побуждения субъективны, покоются на импровизациях, вкусах. Формально нравственный закон, если он закон, должен быть всеобщим, необходимым. Коль скоро это так, то, рассуждает тот же Кант, нравственный закон, не определяя содержания побуждений, обязан регулировать их форму. Побуждения нравственны, если для разумных су-

386

ществ представляемы в качестве всеобщих, необходимых. Но как исключить содержание побуждений из законов нравственности?

Пафос нравственного закона — не всеобщность, а высота. Нравственность основана не на формальных канонах, а на содержательной достойности поведения (его мотивации) гуманитарных существ. Нравственность порождена не знанием (Сократ), предопределенностью (Кант), но гражданским воспитанием, формирующим диапазон починов: что делать? как быть?

С историко-культурной точки зрения в процесс кристаллизации рефлексивного морального сознания непреходящ вклад рыцарства, обогатившего духовность кодексом чести (благородство, великодушие, верность и т.д.), в отношении приобщения к коему вопрос для каждого остается открытым.

Итак, совесть, долг, честь — те вехи, которыми отметило средневековье шествие человечества по пути обретения в себе человеческого.

3. Возрожденческий гуманизм и титанизм. В античности, средневековье — созерцательно-интроспективные эпохи — люди слишком подневольны, чтобы быть героями (у Аристотеля человек фигурирует как «он», а не «Я», на что обращал внимание Б. Грейтхойзен). Мир воспринимался либо как Богов — по праву творения, либо как дьяволов — по праву завоевания, греху. В любом случае закрепощенный человек слишком многое носил в себе, чтобы действовать; его внутренняя полнота вкупе с отрешенностью, несамодостаточностью становились бедностью ввиду жизни и деятельности.

Ситуация изменилась во времена Ренессанса, поднявшего на щит максимум *quantum potes tantum aude*. Умозрительным отстраненным штудиям, теоретически самоценным транскрипциям пришел конец. Новация Возрождения — активистское приятие жизни как самообеспечение

387

бывания во всем его алогически экзистенциальном буйстве. Человек — одиночный зодчий своего счастья: *qui non proficit, deficit*. «Я» отныне организуется не внешними силами — трансцендентным провидением, надмирной верой, — а собственной мощью устройства и созидания. Судьба стала посторонней

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

формой отношения «Я» к «Ты», ареной миротворчества.

Для себя «Я» открылось самой значительной единицей на свете, превосходящей все и всякие Абсолюты. Ранее богатство жизни тех, кто вел нерастительное существование, обуславливалось принадлежностью к героям или святым: стереотипы стайности, сковывая самопроявление, каждый отход от традиции бичевали как фронду оригинальное, проходя по разряду пикировки части с плотно сбитым, спаянным целым, подвергались нуллификации, остракизму.

«Познай самого себя» как мироустановка, адресованная персоне, — едва ли не первая брешь в бастионе обезличенности, которая, однако, не переросла в норму жизни. Вторая брешь — упоминавшееся христианство с индивидуализированной техникой богообщения: Бог лично отчужден в догме, но не в чувстве. Третья брешь — этикетизация и юридизация («совесть», «долг», «честь») коммуникации в условиях феодализма. И, наконец, Возрождение — гуманизм, активизм с атрибутивной им диспозитивностью.

Диспозитивность — деятельность по выбору, предпочтению, усмотрению — интегрирует такие столпы личности, как свобода, культура. Одна, раздвигая узкие горизонты дремлющего сознания, обезличенных институтов, корпоративных сообществ культивирует субъективность как дееспособную, деятельную субстанцию, полноценное, полнокровное жизнелюбивое Эго. Другая, подключая к гуманитарным универсалиям, достигает норморегулированности межличностных взаимодействий, поднимает индивида до высот ответственного, принимающего на себя обязательства актора.

Свобода и культура, воплощаясь в Эго, пробуждают в нем самоидентичную самость. «Самость» — от дерзаний,

388

сознания собственной незаменимости, незаместимости, выражаемого в использовании первого лица. «Самоидентичность» — от приобщаемости к социальной памяти, принципам, регулятивам, вменяющим в отнесении актов, действий к себе брать за них на себя ответственность. Деятельное Эго, таким образом, образуется как ответ на экспектацию Alter Ego. Система формальных и неформальных ожиданий относительно норм, порядка (множество санкций) исполнения неких акций индивидом регулирует общение. Alter Ego ценностно полагает, тогда как Эго, реагируя на него, согласует с ним свое поведение как вполне свободное, культурное — гуманитарное.

4. Реформация с ее специфическими страгегемами: свобода — модус жизни, а не объект почитания; зрелость личности — способность сохранять верность себе; привилегия индивида — печься о праве на миротворчество.

Qualis rex, talis grex: каков пастырь, таково и стадо. Но в рамках самосозидания «Я» сам себе лучший пастырь. Секулярная проекция данной линии стимулирует сосредоточение на делах мирских, чему способствует разграничение трудов pro domo (удел массы) и pro ecclesia (удел подвижников), возникновение как ответ на потребность расширения плацдарма гарантийной частной жизни

англиканства (бракоразводная эпопея Генриха VIII). Конфессиональная ее (линии) проекция поощряет трансформацию культовости. Сказано в первом послании Павла к коринфянам: «И незнатное мира, и уничиженное, и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее... чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом». Для обнажения себя перед высшей реальностью (исповедь, покаяние), прохождения очищения, оправдания не нужны посредники: «Я» сам свой высший суд перед Богом и ввиду Бога.

5. Романтизм с его культом героического человека. Возникший как реакция на неудачу французской революции романтизм достраивает (вслед за гуманизмом) терму персональной исключительности.

389

Как адекватно понятая в череде наших рассуждений традиция романтизм произрастает из духовного и гражданского отступничества (образ бунтаря-антагониста мира), самоинициации (катализация собственной воли, действия), самонаблюдения (активность через интроспекцию — императивная напряженность сосредоточивающего одиночества), непрозрачного восприятия реальности с позиций эго-идеала (отрицающее наличность проектирование действительности). В итоге усиливаются эгокомплексы, в первую очередь, участие, ответственность, решимость, самодостаточность, иллюкутивность, которые, преодолевая аморфность вегетативной фазы бытия «Я», способствуют упрочению фазы бытия «Я» личностного.

Совершенно прав Фейербах, видевший в антропологии форму универсальной науки: она описывает человека как цельное существо в единстве телесного, когитального, социального, культурного, экзистенциального планов. Оттого на вознедоуменное августиновское: «Что же я такое. Боже мой? Какова природа моя?» — справедливо ответить так.

Человек — в себе дифференцированное, но органично интегрированное существо, обладающее физиологической текстурой, чувствующее, мыслящее, социально вовлеченное, идеалологичное, с развитой «Я»-концепцией, включающей подсистемы а) персональной идентичности (самоопределенность), б) групповой идентичности (социальная категоризация, квалификация, дискриминация). Такое понимание «человека» соединяет людей с позиций принадлежности к *materia humana* — по ту сторону расовых, конфессиональных, половозрастных расхождений.

Ошибается Ницше, полагая, будто человек — деградировавшее животное. Ошибается и Хайдеггер, толкуя человека как изолированную духовную единицу. Существенное в человеке устанавливается не в контрастирующих сравнениях, а в уподоблениях.

390

Принципиально то, что человеческий индивид — качество социальное, становящееся как бытие «у себя» через опеку «другим» и «другого». Если «Я» захочет найти самого себя и назвать свое имя, — ему не обойтись без обращения к «ТЫ» и без признания «МЫ».²²⁹

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Основа формирования личностного — перманентная перекачка внешнего во внутреннее с наращиванием собственного величия, самообогащением, самооткрытием и посредством глубины постижения самости — переоткрытием. Групповая, рассчитанная на экспектацию природа «Я» выражается в особом культуротворческом принципе его существования. Бытие «Я» как психосоматической структуры — результат предшествующей общечеловеческой истории: «Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается богатство субъективной человеческой чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз, — короче говоря, такие чувства, которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как человеческие сущностные силы».²³⁰

Бытие «Я» как гуманитарной структуры также продукт культуры: перефразируя Мунье, это — бытие «здесь — теперь — среди людей — со своим прошлым — и будущим». Реальная личность как целое — не однократное бытие, а движение от бытия к бытию, вне которого (движения) — серия «моментальных» субъектов. В данном значении «целого» личность не имеет оправдания: «Таков парадокс целого и детали — существующий элемент принадлежит к несуществующему целому» (К. Россе). Значение лица метафизично. Восприятие его — не физический акт, а когитальное вхождение в плоть гуманитарности. Потому лицо двоятся на маску и лицо, подразумевая, что в последнем случае есть всегда «разрыв и прерывность в объективиро-

²²⁹ Шпет Г. *Сознание и его собственник* // К. Г. Челпанову — от его учеников. Статьи по философии и психологии. М., 1916. С. 203-204.

²³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 122.

391

ванном мире, просвет из таинственного мира человеческого существования».²³¹ Рельефно оттеняет сказанное феномен «маленьких» людей, в отношении коих Белль отмечал: «Маленькие люди? Я не различаю среды и пытаюсь проявлять непредубежденность, которую довольно часто смешивают с отсутствием убеждений. Величие не зависит от места в обществе, так же как не зависят от него страдание и радость». Именно по причине этого «человек» звучит гордо.

7.4.2 Коммуникация

Коммуникация — общение, межиндивидное взаимодействие, интеракция — неформальный обмен деятельностью в экзистенции (незаорганизованной, незарегламентированной стихии существования) в кругу жизнезначимых сюжетов, по словам Белля, таких, как «детство, воспоминания, любовь, голод, смерть, ненависть, грех... вина, справедливость — и еще немножко». Это все глубокие заинтересованные контакты и их слагаемые в состоянии персональной свободы, ненавязанной открытости, самопроизвольности, невинно-ненарочитой доверительности, легкой и добровольной подвижности на трансакцию, взаимообработку «Я» — «Ты».

Коммуникация в экзистенции как всегда комплементарная,

сообща содеянная ситуация, диалог душ, самостей отличается от коммуникации в науке. В науке циркулируют объективированные, имперсональные когитальные структуры, выдаваемые безликой ноогенной машиной — индивидуально выхолощенной техникой обоснования, формализующей процедуры рационально-логической схематики. Отсюда симптоматика: а) логоцентризм — дидактическая всеобщность демонстрации, б) семантический моноцентризм — в рамках исторических ареалов мысли универсализация объяснительных, интерпретативных каркасов («понять» в античности — встроить в физиологичес-

²³¹ Бердяев Н. *Философия свободного духа*. М., 1994. С. 299-300.

392

кую программу «архэ»; «понять» в Новое время — осуществить квантативизацию, метризацию механистической модели и т. д.).

Совершенно иные приемы структуризации содержания обнаруживаются в экзистенции. Это: а) стереологика — целостное восприятие действительности с заданием смысловых связей в многомерном символическом пространстве с соответствующей стилистической (инверсия, инструментовка, интонация, синкопы, форматы, тропы), ритуальной (мимика, жесты, гримасы, позы), семантической (аллюзии, амфиболии, аллитерации, экивоки) размеренностью; б) ситуационная логика — выразительная, смысловая полифония в зависимости от интенциональной, прагматической, хронологической экипировки.

По характеру воздействия, типу когеренции смыслов, понятий, действий взаимообработка личностей в коммуникации тяготеет то к монологу, то к полилогу.

Монологическая, в известном смысле, репрессивная, под себя подминающая форма добивается от контрагентов унионистских типов восприятий, пониманий, реакций. Вводится привилегированная ценностная шкала, векторизующая, канализирующая идейные и поведенческие потоки, дабы «обратить в свою веру», создать адептов. В случае «пресыщения» принципами прессингующих ментальных, экзистенциальных, социальных технологий обнаруживается движение к преднамеренному злу, обеспечению торжества перверсии: жизненные политические одиозы вроде жестоких, самовлюбленных, развратных героев Сада; человеконенавистников, эгоцентристов, убийц (Нерон, Ричард III, Сен-Жюст, Шароле); революционных радикалов, заговорщиков (социальный бланкизм, нечаевщина); поставщиков плоти (приснопамятный персонаж Сада — Жюльетта, убежденная, что кратчайший путь между двумя душами — пенис, вынашивала проект разращения французской нации в геометрической прогрессии); рабов и деспотов по недомыслию и призванию (совокупный синдром мазохизма). В случае ненадежного ориентирования жизненных фигур аморфными принципами вопло-

393

щается столь же порочная тенденция безначального и своевольного делания из людей объектов: анархические ускользания от обязательств, импульсивная, безопорная практика в духе «философии в будуаре»; потворствование слабостям, гиперболизация удовольствия, наслаждения от *quaerens, quem devoret* до «дай крови полизать».

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Обобщенная сущность характеризуемого явления обуславливается каким-то образом допускаемым отождествлением человека с пустым звуком. Насколько оно реально и далеко идущее — зависит как от меры человечности обстоятельств, так и от степени персонального забвения, что человек не объект, а представитель человечества. Личность противостоит не закону, не общежитному, не «МЫ», а безличному, безответственному, тираническому. В этом ее назначение, ее высокая судьба, которая есть свобода преодоления, дерзания, но не холуйства и рабства.

Полилогическая, исключая технику поводыря, агрессивную возможность самоутверждения и самозащиты форма исторически возникает вслед за преодолением а) монолога самодемонстрации античной софистики и риторики; б) средневекового трудноналаживаемого диалога между земной тварью и всевышним с появлением в эпоху гуманизма самодостаточного общения, рассчитанного на свободу актов самоизъявления и слова. Способ связей самостей, в подобных условиях обращенных лицом друг к другу, состоит в неприменном уточнении собственных смысловых позиций. Закон исключенного третьего, предполагающий выделение доминант и доминатов, уступает закону углубления заявляемой линии. В ходе взаимодействия лиц достигается полиэкранное рассмотрение с терпимым обоюдным реагированием на оттенки взглядов. В результате оппонент обретает амплуа актора, который не «против», а «напротив».

Сущностная природа «Я» сказывается в участии, установлении мостов взаимности. «Я» не автаркично, живет с публикой, для публики, за счет публики, раскрывается в отношении к «своему иному» в двухактном цикле присвоения и отдачи. «Я» организация многоэтажная, цементиру-

394

ванная сознанием, что «Я» нечто большее, чем его пребывание в малом натуралистическом времени. Обретение личного в утрате биологического: это «нечто большее» — от сознания пребывания в большом времени культуры, социальной памяти, наследия. Динамический срез поставляет такую картину: переход границы предличностного, пред-морального инстинктивно-автоматического мира и приобщение к личностно-моральному бытию означает погружение в стихию высокодуховной, идеологической жизни, управляемой законами неорганического, но ценностного существования. Когда восприимчивость «Я» в сонме интенций на высокое приходит в упадок, личность перестает быть субъектом идеологии, происходит деградация «Я», выражающаяся в разрушении экспектаций, впадении в «ситуацию ноль», возвращении в «естественное состояние» (в животном царстве в отсутствии ценностной рефлексии нет идеологической взаимности сознаний).

7.4.3 Топография самости

Универсум личности — естественное вместилище частности и обособления вдали от превратного мира эрзацев — коллективной одержимости, социальной опеки, всевозможной необходимости

манипуляций, официальных установлений, гражданских технологий, давлений истеблишмента, влияний mass media. Синоптическое множество проявлений самости образуют:

Игра. Вид непродуктивной деятельности, обращенной на свободный процесс, а не необходимый результат; генетически близка ритуальному, художественно-исполнительному поведению, корректирована идеалами; мотивирована наслаждением, чувством избытка сил, полноты природы; имеет тренирующие функции. Игра двупланова: безусловна и условна, опирается на реальность и превозмогает ее. На первом крепится социализация, через предупреждение и упражнение (уяснение, закрепление, обобщение, автоматизация действий) способствующая освоению групповых ролей. На втором произрастает релятивизация, в безопорном моделировании поведенчес-

395

ких контекстов подрывающая обязательность фигур общежития. В современности, минуя развивающие эффекты игры, просматривается крен в сторону деформации установлений, бесконтрольного выражения самости: игра превращается в способ ухода от реальности, мир сюр. Противовесом крайне тревожной тенденции перерождения нашего века в «футбольный век» (Ортега) служит практическое сознание, что жизнь не игра, а игра в жизни не самоцель. Игра обязана управляться высоким и лишь в этом исходе обретает черты солидности, экзистенциальной невырожденности, полноценности.

Чувство жизни. Опорный пункт существования не темное лоно бытия, как мнилось Хайдеггеру, а витальность, «в чем мы купаемся ежедневно, ежеминутно», в единстве континуальности — абсолютная реализуемость жизни с захватом пограничных точек рождения и смерти — и дискретности — относительная квантованность жизни на значимые здесь-теперь обстоятельства с полнотой деиксиса, уместяемого в августиновские триады «бытие — жизнь — разумение», «ум — знание — любовь», «память — разумение — воля», терминаторы типа «обретенность» — «лишенность», «знание о» — «бывание в».

В свежести рыбы есть ли уровни? Скорее всего, заблуждался Бретон, полагая, будто «существует некая духовная точка, в которой жизнь и смерть, реальное и воображаемое, прошлое и будущее, выражаемое и невыразимое... не воспринимаются как понятия противоречивые». Как показал Достоевский, такой точкой от вонючей пеленки до смердящего савана может быть сама жизнь. Смешение коренных альтернатив экзистенции достигается в мистике, проектирующей иллюзорный универсум существования. По сути же смерть и жизнь, бытие и ничто взаимно не конвертируемы. Смерть остается смертью, а жизнь — жизнью.

«Смерть в жизни» — конфигурация онтологически пустая. Смерть не событие, а прожитая жизнь, которую жалко.

Переходу мира в мираж, кажимое, призрачное препятствует чувство жизни, кладущее предел сюрреалистичес-

396

кому чванству, суете, ухищрению, плодящему программы разрушения людей, универсализации изнанки эго, желаний невозможного, зачарованному поведению.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Близость. Центральное место наряду со светом — источником понимания — Марсель отводил ближним — реальнейшим реалиям. Мы достигнем определения и понимания существа вопроса, если скажем: следует отказаться от сознания самоценности собственной автаркии: человек есть эгоистория — и признать не ощущаемую нами зависимость от значимого другого. Дело не в интегрированности в различные общности, а в единстве душ, органичной параксиальности. Бесконечный, нескончаемый самодialog, солилоквия, невозможная ничтожность индивидуального бытия ради эгосуществования ввергают в ничто, определяемое как самоизолированное, коллапсированное «бытие для себя». Неувечное «Я» имеет место постольку, поскольку соотносится с «МЫ», «ОНИ», «ТЫ». Alter Ego не двойник «Я», но равномогущее ему, незаместимое, обязательное для него равнодостоинное эгоначало. Книга, в которой нет ее антикниги, несовершенна (Борхес), «Я», безучастное к «МЫ», «ОНИ», «ТЫ», — in actu предмет терапии.

Вера. Представляет эмоционально-волевую форму освоения действительности. Принцип веры не явен для всех (универсально), но явен для каждого (персонально). Веруя, «Я» апеллирует к трансцендентной инстанции, надеясь на ее вмешательство в судьбу в плане упрочения положения самости как источника каузальности, индуктора цепей причинения. Психологически вера выступает формой эмоционально-волевой мобилизации в обход односторонних логических и чувственных индикаций. Есть вещи ума (*cosa mentale*), есть вещи чувства (*cosa sensus*), вера как пограничный феномен их связывает, объединяет. Жизнь по логике не позволяет выбраться из теснин горизонта школяра Беликова. Жизнь по чувству в «сумерках цивилизации» (Маритен) атрофирует способность самосознавать себя центром творения по высшему промыслу. В отличие от логики вера не объясняет мир, в отличие от

397

эмоций она не отображает его с позиций непосредственно-переживательной пристрастности. Вера предполагает принятие обстоятельств в ракурсе решительной убежденности в их справедливости, адекватности, совершенности.

Вера — результирующая субъективного опыта, полнота, глубина, оснастка которого позволяет градуировать ее по интенсивности, решительности заявления, отстаивания, проведения неких значимостей. Иррациональная вера, редуцируя познание, понимание, фундирует их возможность: «Верую, чтобы понимать» (Ансельм); «Познаю то, во что верю» (Абеляр). Рациональная вера всецело определяется дискурсивными данными: «Разумей, чтобы мог верить, верь, чтобы разуметь» (Августин). Серьезный изъян извлеченной из одной логики веры — парализация воли, и как следствие, неспособность чувственной концентрации, раскол в человеке, внутреннее его раздвоение со столь характерными симптомами, как шаткость, непрочность принципов, обилие разноречий. Чувственная вера, будоража умы, зовет к действию. В «пламенной безопорности» таится великий соблазн обмирщения объективно не подготовленных мечтаний, в полной мере отличающий свойства русских. «Русский народ — великий, но

грешный народ, — отмечает Бердяев, — полный слабостей и соблазнов. И ожидание социального чуда есть одна из слабостей русского народа, один из самых больших его соблазнов».²³² Сверхчувственная вера успокаивает душу, приближает спасение. Она — от невозможности каузальной атрибуции, безнадежности: «Верую, ибо абсурдно».

Вера не изменяет мир, но направляет изменяющую его энергию. Возрождение, Реформация, Просвещение ограничили иррациональную и сверхчувственную веру, одновременно расширили полномочия веры рациональной и чувственной. O tempo, o tempo. Социально-политической альтернативой мессии вдруг стала бестия. С этого тра-

²³² Бердяев Н. А. *Философия неравенства*. Париж, 1970. С. 27.

398

гического мгновения начался отсчет новой плачевной светской религии — бестианства.

Надежда. Отправляясь от того, что «крайняя безнадежность в том, что остается надежда» (Кьеркегор), надежду можно понять как малообеспеченное притязание на обладание. Надежда не уходит, как не уходит несогласие с несправедливым порядком вещей, сродни положению убитой горем матери, которая, сопровождая гроб единственного ребенка, питает чувство, что он восстанет.

Надежда — хороший завтрак, но плохой ужин (Бэкон). Сбившемуся с курса, оборвавшему якорную цепь остается ожидать потребного состояния, эмоционально предвкушая его достижение. Надежда — духовная доминанта в смысле субъективной позы преднастройки сенситивной и моторной сферы, тяготения к цели, преднамеренного переживания желания, персонально мобилизующий ресурс, ассюрирующий, мотивирующий, регулирующий, целеориентирующий поведение. Подобно вере, надежда не имеет статуса очерченного бытия в локусе. Характеризуя поразительную способность жить отрешенными интересами, она — полупризрачный, едва уловимый момент, увеличенный до размеров вселенского события, неохваченная граница между «рано» и «поздно», «еще» и «уже».

Любовь. Говоря сухим слогом философских изъяснений, представляет многомерный собирательный феномен, охватывающий соподчиненные группы аттракции в межличностной коммуникации и интеракции. Проявляется как устойчивая установка на значимого другого, дифференцируемая по интенсивности, полноте, напряженности чувственных притязаний на предмет вождления. Имеет градации:

агапэ — горячее жертвенное чувство от естественной близости, привязанности, сострадания: подобно г-же Севинье, любящая мать, переживая, говорит дочери: «У меня болит твоя грудь». Любить — значит быть счастливым счастьем другого;

филия — пристрастное желание, симпатия. По преданию, при рождении Венеры бог изобилия, опьяненный

399

нектаром, соединился с богиней бедности, от их связи возникла любовь. Аналогично матери она бедна, аналогично отцу стремится к прекрасному. То, чего ради мы любим, гораздо больше того, что мы любим. Неверно, будто для мужчины любовь — радость жизни,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

тогда как для женщины она — сама жизнь. Дело не в половых, а в личностных глубинах индивида. Любовь, как прочие страсти души, не обуславливаемые актами воли, произвольна, чувственно выражает изначально укорененную в каждом из нас неизбежную, неумную тягу к идеальному;

эрос — влечение, привязанность, страсть. В односторонне-телесном своем измерении любовь — чистая техника, игра — нелепость. Нелепость в превращении «любви» в «копуляцию», где выхолощен духовный базис интима, вмещающий переживать ближнего как свою не физическую (плотскую), но метафизическую возможность. Любовь не сравнима и не сравнима (это именно тот случай, который кладет предел расхожему: все познается в сравнении), она начинается не с куском тела (соответствующие акты соматической любви вплоть до некрофилии описаны Георгием Ивановым), а с многомерной личностью. Обособление духовности ли, телесности ли в любви влечет вырождение в формах то нежизнеспособного платонизма, то бездуховного сексуализма;

сторгэ — любовь-нежность в семейном братстве, походящая на благоговение творца, всецело верящего в предмет своего творения. «Любовь, — напоминает В.Соловьев, — есть самоотрицание существа, утверждение им другого. И между тем этим самоотрицанием осуществляется его высшее самоутверждение»;

прагма — корыстная любовь по расчету. Здесь мы сталкиваемся не столько с чувством, сколько с имитацией чувства. Чувство как естественный спонтанный порыв намеренно вызвать невозможно; чувство возможно подделать. Раннее или позднее изобличение подделки несет расплату, оборачивается драмой обеих сторон (фабула «Евгении Гранде»);

людус — гедонистическое кокетство, ветреный флирт, не скованный обязательствами. Не стимулированная глу-

400
биной природы, основательностью души чувственная самоинициация самости и трагична, и разочаровательна (фабула «Евгения Онегина»);

мания — иррационально-одержимое, граничащее с болезненным чувственное пристрастие, предполагающее растворение самости в объекте влечения.

Уподобительно вере и надежде любовь — ценность нетленная; вне любви человек лишь примитивно-сенсильное животное.

Тревога. Разновидность диффузного, непосредственно и прямо не мотивированного страха, проявляемого как смутное, неотчетливое, но стойкое чувство персональной опасности. Тревога — следствие вовлечения, встраивающегося в надличностные условия, которые в понятиях самости могут толковаться как неблагоприятные, угрожающие. Ситуативная тревога вытекает из квалификаций «Я» экзистенциальных локалов. Надситуативная тревога обуславливается свойствами психики.

Мир таков, каков человек. «Весь мир в наше время занят тем, что укрепляет власть мифа». ²³³ Последнее влечет превалирование минорных тонов жизни, детерминируя усугубляющую экзистенциальную тревогу атмосферу перевеса «закатов», «сумерек», «концов» культуры над «началами» и «возрождениями».

Обладание. Джемс настаивал на доминативном понятии личности с центрированным в нем признаком собственности — безраздельным режимом владения, распоряжения недвижимостью, имуществом, близкими. Аналогично поступал Фромм, говоря: «В конечном счете утверждение «Я (субъект) обладаю О (объектом)» — это определение «Я» через мое обладание «О». Субъект — это не «Я как таковой», а «Я как то, чем Я обладаю». Моя собственность создает меня и мою индивидуальность. У утверждения «Я есть Я» есть подтекст. «Я есть Я, поскольку Я обладаю X, где X обозначает все естественные объекты

²³³ *Enrich W. Protest und Verheissung. Frankfurt a/M., 1960. S. 68.*

401

и живые существа, с которыми я соотношу себя через мое право ими управлять и делать их своей постоянной принадлежностью».²³⁴

Обладание — не экзистенциальный, а субстанциальный модус личности, платформа жесткая, но реалистичная. В концептуальных истоках ее ницшеанское «человек есть то, что он ест».

Идентичность человека конгруэнтна идентичности владельца, сущность личности конгруэнтна ничтожной прюдоновской сущности — таково свидетельство общеисторического масштаба, сугубо утрированное и усиленное современностью.

Некогда Ницше замечал: лишь горизонт, перестроенный на основе мифа, может привести целое культурное движение к завершению. Подобным перестраивающим горизонт мифом стал миф собственности, заводящий общечеловеческое культурное движение в тупик потребительства. На фоне тотальной алчной тяги к наживе разворачивается всеохватная спекуляция на понижение, выражаемая тенденцией подмены рационализма консьюмеризмом. Названная тенденция приобретает устойчивые черты закона.

Натуру человека классическая культура выражала в терминах рациональных: в противоположность животному человек — носитель разумно-сознательного, целесообразного. Безраздельную и, казалось, нескончаемую идейную монополию классики подорвал Шопенгауэр, усмотревший в человеке манифестацию волевой иррациональной подпочвы мира. Линию Шопенгауэра подхватил и углубил Ницше, разглядевший в волюнтаризме момент имморального произвола. Затем Шпенглер и далее Фромм обозначили пределы питаемого обществом аморального волюнтаризма: это — синдром Мидаса с тлетворной метаморфозой «культуры» в «цивилизацию», «быть» в «иметь».

В результате изнанка оказалась лицом, как в сети лабиринтов М. Эшера. Смыслом жизни стала не жизнь, а от-

²³⁴ *Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990. С. 83.*

402

чуждающее стяжание благ жизни. У нас уже нет бытия, у нас есть «подручное», «прирученное» существование, в терминологии Хайдеггера — «vor-handen-sein, когда субъект такого существования сидит дома перед телевизором, пьет кофе с коньяком, а у него между тем вся Вселенная на посылках, как золотая рыбка».

Векторизирующая цепочка «потребность — полезность — желание — комфорт — прихоть» точно организует развитие человечества, для него, однако, небезопасного. Нарушив внутривидовой баланс,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

человечество стало видопотребителем.

В преддверии непоправимого оскудения природной и духовной среды обитания следует представлять, что релевантными индикаторами прогресса не могут быть одномерные потребительские индикаторы. Худосочная символика потребления слишком зыбка. Она, точно призрак отца Гамлета, рассеивающийся с криком петуха, эфемерна, сдает позиции набирающей силы биоцентричной живневосстановительной ориентации существования.

Долг. Совокупность обязательств, принимаемых личностью в кругу ее социальных и гуманитарных ролей. Исток внешнего долга — правила общежития. Корень внутреннего долга — совесть. При любом раскладе долг относителен и соотносителен, конституируется контекстуально. Абсолютный долг — фикция — необъясним ни исторически, ни психологически, не находит никаких оправданий ни в терминах науки, ни в терминах культуры.

Все упирается в основоложения. Легко проповедовать долг, но крайне трудно устанавливать его принципы. При ближайшем рассмотрении универсальных правил, вменяющих качество желаний, побуждений, поступков всем, во все времена, нет и никогда не было. Категорический императив с его всеобщей, необходимой надысторической надситуативностью коррелятивен существу абстрактному — нежизненно-ультрарациональному.

В чем основание долга? В сознании? Но ищущие его там вслед за Сократом так ничего и не нашли. В заветах богов, проповедях пастырей, наставлениях святых текстов?

403

Но боги у людей — разные, пастыри, церкви конфликтуют (конфессиональные распри, религиозные войны), сакральные книги толкуются. В совести? Но как активистская платформа она призрачна — блокируется, корректируется самоаналитикой. Жизненными абсолюциями? Но есть ли они? Их вынесение опирается на квалифицирующую отсылку к ценностям. А она исторична, этнична. В одних популяциях жизнь — самоцель. В других — жизнь любой ценой — подрыв норм жизни. Так умерщвляют немощных, болезненных, хилых, сталкивая устои типа «жертва» и «польза», вменяют не сдаваться в плен, накладывая на себя руки...

Вопросы жизни, смерти, выбора, свободы, следовательно, в обход индивида упираются в отчужденные институты, которые как таковые не безусловны. Киник Кратес, для которого патриотизм — предрассудок, был антиэтатистом-космополитом. Стоик Зенон, эмансипировавший сознание от правления, упирал на обязательства не к закону, а к самому себе... Чтобы ненависть не оказывалась мерилем любви, а жажда зла — генератором добра, надлежит дискредитировать рационалистическую схему универсального долгообразования, выводя ее за эвристическую раму. Дело не в универсальности, а в достоинстве сознания. Высокая нравственность, долженствование обеспечены не разумно, а гуманитарно-соответственной мотивацией интегрируемых в человечество существ; субъект долга — обоюдные веления души.

Время. Аксиологическое поле, наделяющее длительности

атрибутикой персонально-значимого порядка, размерности. Обобщая модель Розенштока-Хюсси, допустимо выделять градации индивидуальной интервализации и организации тока жизни: внешнее — объектив; внутреннее — субъектов; прошлое — траектив; настоящее — моментатив; актуальное — ситуатив; будущее — проектов; предельное — биоградив.

Ментальное запечатление событийных рядов дискретизировано, удовлетворяет правилу ценностных рассечений-дифференцировок континуального существования.

404

Локальные разномасштабные индивидуальные системы отсчета вводятся через инкорпорацию в хронологические промежутки вариативных мотивов, целеориентаций, экзистенциалов, душевных квантов. Переживательные отрезки ввиду этого двухслойны, выступая комбинацией реальных длительностей с более или менее рефлексивно запечатленными в них субъективными отображениями-наложениями.

Сказанное навеивает вывод о дроблении экзистенциального времени на локалы — бывания, станции. В кругу принципиальных свойств станций акцентируем.

Первое: опосредованность — нет полноценных людей без прошлого. Даже новорожденные имеют онтогенетический опыт знакомства с миром в виде экспериментально доказанной реакции на вокало родителей, формирующейся предрасположенности к родному языку. Точно говорил Трифонов: «история присутствует в каждом сегодняшнем дне, в каждой человеческой судьбе. Она залегает широкими, невидимыми, а иногда и довольно отчетливо видимыми пластами во всем том, что формирует современность... Прошлое присутствует как в настоящем, так и в будущем».

Второе: однократность. Трифонов ввел в культуруоборот идею дочерпывания. Оно, быть может, хорошо как способ художественного освоения мира: кончена вещь, но над ней думаешь, разворачиваешь, разрабатываешь тему, но не экзистенциального. В экзистенции (и политике), где действует правило быстрого реагирования, такого приема нет. К дочерпыванию прибегают либо сверхнаивные люди, типа изображенного Достоевским подростка, полагающие, что утраченное где-нибудь, как-нибудь наверстается, у них много всякого впереди (кабы знать: впереди — что и сколько?); либо эпигоны; либо историки.

На деле полнота жизненного мгновения не восстановима; попытки реставрировать ее безнадежно разочарующи. Нельзя возвращаться в места, где был счастлив. Просто потому, что туда нельзя возвратиться. Безысходность Фауста не в том, что он покусился на остановку мгнове-

405

ния, а в том, что он не отыскивал мгновения, достойного остановки.

Пространство. У Шестова есть мысль: человек не может постигнуть действительность вне пространства и времени.²³⁵ Мысль эта держится допущением представленности бытия в локусах. Пространство как порядок сосуществования есть множество корреляций, структурирующих интервалы с позиций отношений

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

типа окрестности, примыкания и т.д. Благодаря этому реализация самости идет в границах точно фиксированных участков. Жизнь предстает как панорама активности «вместе» (взаимообработка «Я», «ТЫ») «в-месте»; не существует нелокативных форм субъективного опыта. Нет ноуменальной любви: любовь обманчива, если начинается не с реальной женщиной, а с куклой в мозгу (Пруст). Отсюда стремление остановить мгновение, схватить миг, не покидая значимых локусов.

Всякому локусу изоморфна добродетельная или порочная поведенческая функция, — об этом учит аретология, отвергающая во взаимоотношениях локусов и функций наличие пустот. Тот же Мандевиль таким способом оправдывал полезность пороков: в отсутствие высокого должно быть низкое, но не вакуум. Тем не менее, пустоты есть. Они образуются вследствие принципа развертывания малого при усилении флуктуаций. Согласно теории режимов с обострениями в окрестности момента обострения сложные системы неустойчивы относительно малых флуктуаций. Здесь повышается вероятность их нестандартного поведения, вплоть до самораспада.

И в социальности, и в экзистенциальности есть функции, не имеющие локусов: многообразные флуктуации разрыва, выпадения, борозды, межи, переломы, проявления духа отступничества.

В социальности они сгущаются в функциях шута, пророка, гения, освобожденных от конвенансов и имеющих неоспоримое право на слово и действие.

²³⁵ См.: Шестов Л. *Собр.Соч. Т. VI. Спб., 1911. С. 67.*

406

В экзистенциальности они проявляются в функциях самости и состояниях преодоления *taedium vitae*. Это:

— парадиз творчества, одухотворения, плодоношения:

Закончив начинать. Не надо завершений.

И мой бесплодный стих таит, наверное, плод.

Жизнь — это дар письма и вечных превращений,

Я Жив, пока веду себя на эшафот;

— самоисчерпание:

Я пережил свои желанья,

Я разлюбил свои мечты,

Остались лишь одни страданья -

Плоды сердечной пустоты;

— порыв, претворенный в масках Жуира (отчаяние чувственности — Дон Жуан); Книжного Червя (отчаяние интеллекта — Фауст); Авантюриста, искателя приключений (отчаяние блуждания — Агасфер);

— просветление: есть «мгновения безмолвной глубины, когда мировой порядок открывается ... как полнота Настоящего».²³⁶ В индийской культуре вводится специальный термин «виджняна», обозначающий сверхличностное духовное просветление — переживание единства с миром;

— обладание: от Будды идет притча. Человек пресекал поле, на котором жил тигр. Тигр погнался за ним. Подбежав к обрыву, человек стал карабкаться по склону, уцепился за корень дикой лозы и повис на нем. Тигр фыркал на него сверху. Дрожа, человек смотрел вниз, где другой тигр поджидал его, чтобы съесть. Только лоза удерживала его. Мышь стала подгрызать лозу. Не было

²³⁶ Бубер М. Я и Ты. С. 22.

407

никакой надежды. Человек увидел возле себя ароматную землянику. Вцепившись одной рукой в лозу, другой он стал рвать землянику. Какая она была вкусная!

— мучение: неверно, будто к садо-мазохизму более склонны немцы и славяне. Имеется особое наслаждение в мучении и страдании. Взять Сада: «Он, говорят, наслаждался тем, что мучил других. Но ведь, мучая другого, знал же он, что тот страдает? Не только знал, но и очень даже чувствовал, то есть со-страдал. Сострадав же другому, человек, как это из самого слова видно, страдает его страданием... Таким образом, маркиз наслаждался тем, что сам себя мучил...»²³⁷

Счастье. Большая степень удовлетворенности бытия на основе естественного приятия реалий, полноты самореализации. Богатая архитектура данного состояния укладывается в лапидарный формат «пребывать вне времени», «быть сопричастным вечности». Пытаясь превзойти пределы человеческих возможностей в борьбе с несправедливой злобой ближних, неумностью страстей, неотвратимостью судьбы, позитивное исполнение надежд одни, уподобливаясь Фаусту, связывают с разумом, другие, уподобливаясь героям Сада, — с чувством.

Масштабом постижения природы того, что всегда прекрасней, чем все, что можно для себя помыслить, служат контрастные модусы «бытия для себя» и «бытия для другого». Первый, олицетворяя «уникальное», воплощает эгоизм, индивидуализм, утилитаризм. Второй, выражая «универсальное», передает альтруизм, коллективизм, агапизм. Взятые абстрактно — в своей непосредственной последовательной и полной объективации — оба модуса химеричны. Таковы, скажем, данные «в идее» гедонизм и патернализм, себялюбие и самопожертвование. Вместе с тем, учи-

²³⁷ Карсавин Л. П. «РФС». М., 1992. С. 272.

408

тая, что мышление обобщениями благоприятствует жизни деталями, — оценим лишенные реалистичности умонастроения, способствующие развенчанию иллюзий души, которая легко поддается соблазнам и практически не противостоит искушениям.

Итак, маневренность рефлексии в толковании «счастья» поглощается разработкой образов «бытия для себя» и «бытия для другого». Идеологом первого был Ницше, второго — Достоевский.

Субъект «счастья», носитель «новой морали» у Ницше — «сверхчеловек», принадлежащий к людям, которые «проявляют себя по отношению друг к другу «снисходительными, сдержанными, нежными, гордыми... дружелюбными», по отношению же к внешнему миру «они немногим лучше необузданных хищных зверей»²³⁸.

Кредо Достоевского: счастье — в счастье других. «Счастье личности есть вольное и желательное стремление ее, лишь бы другим было лучше»²³⁹.

Не будем оспаривать всесторонне оспоренную ницшеанскую платформу. Сойдемся на том, что она, быть может, имеет смысл, только не гуманитарный. Присмотримся внимательно к линии Достоевского, густой напор положительных реакций на которую,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

однако, крайне сомнителен. Достойным обсуждения сюжетом выступает сама пресуппозиция: счастье не в самореализации, а в обеспечении его другим посредством самоотречения. Содержательной рамой оценки служит квалификация Достоевским выбора пушкинской Татьяны.

Какое может быть счастье, вопрошает Достоевский, если оно основано на несчастье? Представьте: «Вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей... И вот, представьте... что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо, мало того — пусть даже не

²³⁸ Nietzsche F. *Werke in drei Bänden. München. Bd. II. S. 785.*

²³⁹ Достоевский Ф. М. *Полн. Собр. Соч. в 30 т. Д., 1974. Т. 11. С. 193.*

409

столь достойное, смешное, даже на иной взгляд, существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честного старика, мужа молодой жены, в любовь которой он верит слепо, хотя сердца ее не знает вовсе, уважает ее, гордится ею, счастлив ею и покоен. И вот только его надо опозорить, обесчестить и замучить, и на слезах этого обесчещенного старика возвести ваше здание. Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания... Вот вопрос».²⁴⁰

Вопрос для доктринальных редакций головоломный, но для обыденных постановок снимаемый просто, — в стихии жизненного самотека никто не ест из плевательницы.

Достоевский (кстати, женатый не единожды) оправдывает свою конструкцию посредством изощренной игры ума. Чистая женская душа, в его представлении, решает вот как: «Пусть, пусть я одна лишусь счастья, пусть мое несчастье безмерно сильнее, чем несчастье этого старика, пусть, наконец, никто и никогда, и этот старик тоже, не узнают моей жертвы и не оценят ее, но не хочу быть счастливой, загубив другого».²⁴¹

Столкновение догм с реальностью влечет посрамление догм. Никто не может в реальности единолично устроить счастье другого. Счастье — отношение взаимообразное, — прямое благо: сочетание двух душ.

Любящая Онегина — «Я вас люблю (к чему лукавить)», — и отвергающая его Татьяна несчастна. Глубоко. Вызывающе. К чему же гиперболизировать ее выбор?

Двери счастья открываются двусторонне. Как и когда — решается контекстуально.

Свобода. О несуществующем и неосуществимом легко писать, трудно проверить. Свобода — сюжет именно таковой.

Извечна проблема: хлеб и свобода. При заботе о хлебе насущном свободы нет. Нет по двоякой причине. Во-первых, должен быть театр действий вне поглощающего поддержания основ жизни. Во-вторых, должно быть простран-

²⁴⁰ Достоевский Ф. М. *Собр. Соч. в 10 т. М., 1958. Т. 10. С. 450.*

²⁴¹ Там же.

410

ство заботы касательно самоосуществления. Раб о себе не заботится, его опекают другие («раба» здесь следует толковать широко: от смердов, зэков до верноподданных государства, солдат партии, лизоблюдов «лично товарища...»). Рабство — состояние беззаботности, тогда как свобода — забота.²⁴²

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Нет, следовательно, свободы в мире феноменальном, где человек подневолен, зависим, где он связан условиями, запретами, скован долгом, обязательствами, сжат решениями. Как существо натуралистическое человек подчинен законам природы. Как существо гражданское он подчинен законам социума. Свободы, т.е. не скованных внешностью самопроявлений, нет ни в органическом, ни в надорганическом мире. «Заразительное унынье» (Шелли) теснит задетерминированного существования превозмогается в творчестве. Свобода, или отсутствие оков, границ, наличие беспредельной, произвольной инициативы, и есть творчество. Творчество духовное. «Мы требуем для разума, как и для способности воображения, — отмечал Шеллинг, — чтобы ничто в универсуме не было подавлено, жестко ограничено и подчинено чему-то. Мы требуем для каждой вещи особенной и свободной жизни... рассудок подчиняет вещи друг другу, в разуме же и в воображении все свободно и движется в однородном эфире, не стесняя и не задевая друг друга».

Лишь разум и воображение реализуют чисто самоосновное движение по законам творчества — законам произвольного конструирования формостроительства. Творец созидает правила, образцы, нормы, уподобляется богам, живущим без установлений и их задающим.

Плоть рождает плоть по необходимости; дух рождает дух по свободе. По собственному великодушию, величию. Вывода за грань допустимого в само-начальное, восторженно-неподражательное. Такова в идеале поэтическая вольность, о которой еще Третьяковский высказывал: «По сему, что поэт есть творитель, еще не наследует, что он

²⁴² См.: Гачев Г. Русская Дума. М., 1991. С. 232.

411

лживец, ибо поэтическое вымышление бывает по разуму, так как вещь могла и долженствовала быть».

Говоря о том, что есть всего три книги: предание, сердце, небо, и, сотворяя их всякий раз заново, поэт освобождает от «навязчивых образов и навязанных образцов» (Цветаева), берется играть промыслительные, апостольские роли.

Соперничество с судьбой, провидением, роком — интенция, обеспечиваемая стремлением измерить, понять, обрести бездну падения и возвышения. Через драму воли (Прометей), мысли (Фауст), чувства (от Ромео до Отелло) достичь заповедного:

*Все, все, что гибелью грозит,
Аля сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья -
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто среди волненья
Их обрести и ведать мог.*

Беда в том, что перебор абсолютов не довольствуется ментальной комбинаторикой. Покушаясь на прерогативы творца, человек из мысли тщится выйти в круг мира, предпринимает скачки в трансцендентное. От экзистенциального нисхождения («чем ночь темней — тем звезды ярче») через покаяние к восхождению, святости — действительный путь алчущих свободы.

Миропорядок ничего не оправдывает, так как не среда создает человека, а человек среду, все (и себя) оправдывает творец. Добро и **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

зло не вовне человека, он сам искомое их средоточие. Наделенный свободной волей человек самостийен, принимая первоисточные абсолюты, не по обычаю, закону, но по призванию вершит суд правый и неправый.

Процедура оправдания в предельной своей редакции в отношении человека осознается как процедура антроподицеи: нравственной, вселенской оплаты человечеством собственного дерзания, мироустроительства, космотворчества.

412

В теодицее синедрион жизни — Бог, что в плоскости экзистенциальной (недеонтологической) громоздит проблемы. Если Бог допускает зло, он не всеблаг. Если он не воспрепятствует злу, он не всемогущ. Если он трансцендентен злу, он не вездесущ. Для апологии гармонии мира ввиду страдания Аверроэс, Спиноза, а за ними Франк отработывали версию перманентно незавершаемого творения.

Контрапункт темы в том, что если Бог требует жертв, он не Бог. В таком случае прерогатива перманентного творения мира переходит к человеку, отягощающемуся ответственностью за реальные действия.

Уподобление человека Богу в формотворчестве, отождествление личной и мировой судьбы обязывают представителя Неме рядиться в тогу третейского судьи в вопросе ценностных оснований действительности. В пограничной постановке данный вопрос обретает обостренную форму отношения «первой» и «последней» философии.

Разница между ними в том, что «первая» философия рефлектирует мир, тогда как «последняя» философия исходит из необходимости обмирщения актов рефлексии. «Первая» философия реализует умозрительно-теоретическое, «последняя» философия — преобразовательное-практическое дело.

В обсуждаемом варианте «последней» философии мы сталкиваемся с двумя сложностями.

Первая: неприятная четкость желательных состояний, выражающая общую убогость. Говоря: «Царствие мое не от мира сего», свой проект Христос оставляет недоуточненным. Отдавая план устройства на откуп полета высокой фантазии, он поступает и безошибочно, и дальновидно. Политические же конструкторы утопии атрофируют рычаги фантазии — воображение и отчуждение, — в опоре на авторитаризм и патернализм используют лишь подручные инструменты творчества. «Последняя победа свободы будет прозаичной», — указывает Г.Кеплер. Так и есть. Утопии как программы действительности не вдохновительны, крайне скудны. «Откуда такая бедность человеческого воображения, казалось бы, освобожденного от пут реаль-

413

ной действительности?»²⁴³ — удивляется Мэмфорд. От рационализирующего упорядочения, представляющего не более, чем куцую реакцию на хаос текущей жизни.

Вторая: слепота определений. Вебер дифференцирует идеальнотипические тенденции и единичные констелляции. В обоих вариантах эвристический плацдарм теоретизирования нашего случая не представителен. В одном он покрывается дилеммой

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

«предустановленная гармония (Лейбниц) — предустановленная дисгармония (Кафка), целесообразная разумность (Просвещение) — целесообразная неразумность (модерн) мира». В другом он сводится к дихотомии «начало» — «конец», воплощаясь в программы то архэ, то эсхатологии.

Можно видеть в начинании божеское, конструктивное и печься о деле — самоутверждении. Можно же полагать, что, поскольку нельзя тягаться с Богом в начале, остается соперничать с ним в конце: деструктивно ограничиваться, ставить предел, переступать. Во всем. Разом. Таков, к примеру, суицид как платформа: не мы себя создаем, но самочинно решаем. Хоть здесь мы — Боги.

Отслеживание перипетий, потенциалов обмирщения созидательного и разрушительного в человеческой свободе навевает вывод: человек свободен лишь в духе; удел человека в мире не быть, а становиться свободным.

Культура. Предел свободы человека в мире — культура, позволяющая устанавливать и оплачивать цену прогресса согласно фундаментальным понятиям человеческого самостояния. Кажется ясно. Но проступают проблемы.

Капитальная из них — реперы. Один, как Спиноза, связь с Богом находит в уме (оттого Спинозовскому Богу нельзя молиться), другой, как Розанов, ту же связь находит в теле: «У меня никакого нет стеснения в литературе, потому что литература есть просто мои штаны». Но если всякое высокое при желании подменяется низким (впрочем, ввиду отсутствия исходной и универсальной системы отчета,

²⁴³ Mumford L. *The City and the Machine // Daedalus. Spring. 1965. P. 278.*

414

квалифицирующие суждения обесмысливаются), вопрос сдерживающих механизмов, демпферов свободы переходит в разряд неразрешимых.

С учетом позиционности деятельности Соловьев ставил на новую веру, Достоевский видел панацею в страдании и очищении, Толстой — в самосовершенствовании. С позиций некоей архимедовой точки опоры в вопросах как катарсиса, так и свободы указанное — паллиативно. Оригинальное решение предлагал Федоров, уповая на абсолютно бескорыстный (если, конечно, отбросить тщеславие) акт — превращение объектов в субъекты, воскрешение мертвых. Нестандартный ход этот вызвал полное восхищение и Соловьева, и Достоевского, и Толстого. Он возбудил бы в нас аналогичные чувства, кабы... Дело даже не в том, что он (пока?) неосуществим. Дело в такой же его паллиативности.

Человек могуч, дерзновенен, но пасует перед смертью, обнажающей предельность самоутверждения, неотвратимую рубежность сущего. Изрекая: «Последний же враг истребится — смерть!» — Евангелие взыскует чуда. Преодоление смерти не поту-, а поюсторонними способами — такова постановка Федорова — расширяет горизонты свободы: смерть преодолевается в творчестве — самостийном созидании (отсюда — нет жизни при несвободе с программным императивом «свобода или смерть?»).

Итак, естественное — природный дар рождения — обретает вид искусственного — трудового творения. При логическом

додумывании в проекте предполагаемого бытия по высшим целям усиливается промышленное наполнение. Воскрешение имитаторское, иллюзорное обыгрывается религией и искусством. Здесь же дело переводится на технологическую основу. Но, во-первых, технология не располагает инструментарием реинкарнации, во-вторых, как ни кощунственно это звучит, она не отвечает, зачем это нужно.

Экологическое оснащение земного шара гарантирует безбедное существование 0,5 млрд. человек, население же Земли вплотную приблизилось к 6 миллиардной отметке.

415

При оживлении живших ранее мгновенно возникнет планетарный ступор. Кроме того, давнишняя коллизия жизни и истории уже решена в пользу жизни. Жизнь однократна, история вечна. История исправляется сама, живущего исправляет могила.

На этом основании жизнь абсолютна, история относительна. С точки зрения ценностных фундаментов жизни смысл ей единственно и всесторонне придает скоротечность. Нельзя же перекраивать, пересоздавать человека по априорному трафарету.

Мы не призываем к алогизму: свобода суть свобода от жизни. Мы за полнокровную свободу полноценной жизни. Все не могут быть богами и не захотят стать животными.

Разум вызывает кризис разума. Восстановление значимости последних ценностных опор происходит не в технологии, науке, а в культуре, которая тематизирует не частные задачи, а базовые установления. В первую голову проблемы началов и концов, предпосылок и воплощений, свободы и воли. Применительно к интересующей нас проблеме свободы «Я» обозначаются программы: а) приспособление, б) бегство, в) порабощение мира, которые Вебер, сближая (а) с китайской, (б) с индийской, (в) с европейской культурами, интерпретирует в терминах соответствующих конфессий (опуская магометанство), что по трезвом размышлении являет натяжку.

Какую программу и в какой связи избрать, — решает личность. Самостоятельно. Если подходить к сюжету не в культурных отражениях, а по существу, он поглощается альтернативой «Бог — человек». Либо, как дитя, принять царствие Божие и через веру, смело войти в него,²⁴⁴ либо «черт побори все» — и свобода самости без логарифмов. Квиетизм — активизм; созерцание-дерзание, привязанность, сосредоточение — саморазвертывание; пропитанность мира всевышним, который стесняет, — раскрепощенность персонального подвига («свобода осуществляет-

²⁴⁴ См.: Марк 10, 15.

416

ся и закрепляется именно в подвиге» — Исаак Сирин), доверие зову господу чувствовать и находить, вслед за ним — рьяность поиска в потемках. Первый путь — наложение на себя епитимьи. Второй путь — бунт против Бога, предупреждающего: «Погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну».

В жестоких схватках с собой и соратниками избирающему второй путь не уклониться от проклятой карамазовской темы: мировая гармония — что с ней делать? Важен ведь не мир Божий сам по себе, а тираноборческое самопреодоление на пути к Божьему

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

миру. Здесь в рамках битвы Бога и дьявола в собственном сердце при нащупывании удовлетворительного решения куда как важно чтить абсолюты — свободною душою закон боготворить.

Традиция закрепляет. Свобода плодит. Культура, приобщая, умножает. В этом — закон триединства творчества, позволяющий осознать, каких сил мы носители. Культура уничтожает в человеке зверя, наделяет его и душевностью, и духовностью, не позволяет переходить грань, оказываться по ту сторону добропорядочности. Укрощая страстное сердце и бесстрастную мысль, она удерживает от того, чтобы переступить, впасть в варварство. Обретение свободы предполагает обретение культуры в противостоянии деградации, деструкции, смерти.

Смерть и бессмертие. Различала Цветаева: палач тот, кто дарует смерть, а не лишает жизни. Не все ли равно? Итог-то один. Нет, не один. Имеет место неравнозначное движение к ущемлению или неущемлению физического или метафизического состояния. В одном случае жизнь прекращается как натуралистическое явление, в другом случае жизнь продолжается как явление историко-культурное. Дело в памяти.

Умереть — згинуть — удел незавидный, связан с забвением. Предать забвению — значит, отмести человека, сцепленные с ним экзистенциальные шлейфы. Забывая людей, мы прямо тем самым удостоверяем для себя их ничтожность. Мера значимости прожитой каждым жизни — основательность людской памяти.

417

Ушедший от нас более не одаривает радостью своего присутствия. Может, он попадет в рай, но это его не вдохновляет. Главное — он потерян. Безвозвратно. В чем трагедия.

Физическое бессмертие недостижимо. Человеческая самость смертна, реализуется в модусе «бытия-к-смерти». В последнем — криптофактура существования: живя, умирать, умирая, жить. Нерв глубокой экзистенции — избыточность бытия относительно срока личной жизни. Точно говорит Франкл: «Достаточно представить, что скульптору отпущено ограниченное время на то, чтобы закончить свое произведение, — более того, ему даже не сообщается конкретный срок окончания работы. Так что он не может предположить, когда ему будет велено прекратить работу и не прозвучит ли это требование в самую ближайшую минуту. Таким образом, он просто обязан каждый раз максимально использовать отведенное ему время — иначе его работа рискует оказаться фатально прерванной. Однако, даже если время истекает до того, как работа завершена, это ни в коей мере не обесценивает ее. Фрагментарность жизни... не умаляет ее смысла. Из длительности сроков жизни мы никогда не сможем вывести меру ее осмысленности».²⁴⁵

Осмысленность, глубина жизни в солидности починов, подхватываемых детьми, учениками, соратниками — благодарными последователями, потомками. Отпущено мало всем, сознание, чего формирует экзистенциальные магистрали:

— апатичное существование: наивный цинизм простодушной идеологии толстовского казака дяди Ерошки, по которому едино: «Сдохнешь — трава вырастет, вот и все»;

— атакующее существование: «С неба — высших звезд, на земле — всех наслаждений». Идеология «не упустить свое» в условиях временного прессинга, жизненного цейтнота. Типично фаустов-

²⁴⁵ Франкл В. *Человек в поисках смысла*. М., 1990. С. 193.

418

ская тропа, которой следуют все заложники мирского, вступающие по тем или иным мотивам в сговор с дьяволом (И.Карамазов, Леверкюн); — автотипическое существование: человек — единство индивида и личности. Индивид биологичен, личность социокультурна. Индивид конечен. Личность бесконечна. Индивид оставляет след в виде, личность — в наследии. Индивидуальное и личностное связаны в «общественном человеке» (Робине) через его причастность к завоеваниям рода.

Мудрый, достойный умирает наравне с глупым и недостойным. Но об одном забывают, о другом помнят.

Память — всеобщая признательность — делает тленное непреходящим, бренное вечным. Она заставляет, обязывает самоотверженно, достойно творить и жить.

419

VIII. АКСИОЛОГИЯ

Аксиология — философская доктрина ценностей (императивы, идеалы, эталоны, регулятивы, принципы, нормы), природы, характера, способов, состава регламентирования смысло-жизненных позиций, ориентации, мотиваций человеческой деятельности.

Ум слишком скептичен, чтобы довериться мечте. В границах исканий он доверяется метафоре, соединяющей глубокомысленность и легкость, совершенство идеи и красоту слова. В свете сказанного справедливо обращение к непреходящим метафорам Кафки, без стилевых излишеств размышляющего над извечной коллизией бунтаря и законопослушника, представителя партии идеи и партии власти. Очищенные от напластований обобщенные образы представлены сторонами: Замок — власть; Деревня — толпа. Одному и другому оппонирует Землемер — не всеведущий, но искушенный мыслитель. Измеряющий глубины мира, обостряющий жизнезначимые вопросы он одинаково неудобен как толпе, так и власти. От имени обоих выступает староста, заявляя: «... нам землемер не нужен. Для землемера у нас нет никакой, даже самой мелкой работы. Границы наших маленьких хозяйств установлены, все аккуратно размежевано».

Однако вопреки очевидному оттаявшая душа — мыслитель — стремится перемежевывать. Поиск вечного масштаба и масштаба вечного обязывает начинать все сначала на, казалось бы, установленном. Не случайно рукопись «Замка» обрывается. Труд мыслителя не может быть завершен. Мыслитель, не нужный ни толпе, ни власти, нужен культуре. Для вставления деятельности и созидания в твердые рамки вечности.

С ответственностью боговдохновенного служителя он вновь и вновь берется за устранение вещей, раздражающих ум и достоинство. Не взирая на яростное, глухое сопротивление толпы, власти. Землемер может уйти из де-

420

ревни, но не уходит. Ибо деревня — мир, который нужно преодолеть, преобразить. Развенчанием мнимых святых, разоблачением ложных идолов.

В пьесе жизни для Землемера уготована не завидная, но достойная роль — роль путеводителя — созидателя, создателя ценностей.

Достоинства человека — высота бога, этапы пробивания к которому отмечены печатью неизбежности:

- конфликт, противостояние мира и человека;
- борьба за идеал;
- обмирщение потребного;
- возобновление цикла.

Воплощение идеала требует труда, идущего на утверждение ересей и ниспровержение заблуждений.

Мы отрываемся от своих корней, пускаем новые. Правильно ли? Оценка того, становимся ли мы лучше, прорываясь к новому, может быть дана только с позиций будущего. Во всяком случае мы никогда не были поклонниками предвзятой идеи общей вирулентности прогресса человечества, выраженной Гесиодом:

В прежнее время людей племена на земле обитали, Горестей тяжких

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

*не зная, не зная ни трудной работы, Ни вредоносных болезней, погибель несущих для смертных.*²⁴⁶

и Горацием:

*Чего не портит пагубный бег времен?
Ведь хуже дедов наши родители,
Мы хуже их, а наши будут
Дети и внуки еще порочней.*²⁸⁷

За что мы ратуем, суть мысль: единственно человеческий истинный мир есть мир ценностный, кристаллизуемый на стыке — в зазоре, расщеплении бытия на реальное и желаемое-

²⁴⁶ Гесиод. Труды и дни. 90-92.

²⁴⁷ Гораций. Оды. 111.6, 46-49.

421

мое, сущее и должное, наличное и потребное. Первые члены дихотомий соотносятся с актуальным, вторые — с потенциальным существованием. Как чаемое достигается?

Человека порой понимают как желающую, думающую организацию. В контексте обсуждаемого предмета будем его понимать как организацию мечтающую.

*Невозможное было возможно,
Но возможное — было мечтой.*

Как мечта воплощается? В состоянии полной продуктивности Я и не-Я не различимы. Отсюда две возможности.

Первая: конструирование «дикого» бытия по одной свободной воле своей. Данный вариант, предполагающий разрушение всех систем, муссируемый контркультурой, воспет философией шизоанализа Делеза — Гваттари. С одной стороны, шизоаналитическая ситуация вполне свободна:

*Свободно летящая птица
Никому, ничему не верна.*

С другой стороны, пребывать в ней весьма трудно. Вероятно, по этой причине обстановка вседозволенности (чистая анархия, сугубая самостийность) совпадает с универсумом волонтарной иллюзии шизоида. Нет нужды говорить о ее вырожденности.

Вторая: созидание нормального человеческого бытия, где расширение онтологии, пробивание к иным типам реальности отвечает известному порядку вещей — системам правил, кодификациям. Миротворчество человека протекает не как освобождение от законов мира, а как их преобразовательное улучшение. В качестве высшей сферы мироздания человеку

*Дано бесстрастной мерой
Измерить все...*

422

Бесстрастной мерой измерить. Сия ответственная процедура осуществляется в опоре на критерии значимого, предпочтительного, которые образуют пространство ценностей (идеалов) — внутренних высоких целей, — того, ради чего все предпринимается. Почему человеческие предприятия должны быть сопряжены с ценностями? Потому что, будучи несамодостаточными, они представляют объект достигаемого. Достигаемое же — стихия практики — операционально, инструментально — покоится на качестве воплощенных технологий. Последние, отмечалось, могут быть любимы.

Как сделать инновации совершенными? Цивильно выхолощенным волонтаризму, механицизму, прагматизму

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

способна противостоять гуманитарно выдержанная созидательная программа. Демонов воли, дерзания, прорывов в не-время исключительно и первостепенно сдерживают комплексы ценностного сознания, преодолевающие самочинность сбалансированием деятельности с высокими целями. «Земля, в виду небес, мертва» (Тютчев), — высокочувствительные сложные человеческие системы требуют адекватного, именно: жизнью выношенного к себе отношения.

Повторимся: созидание бытия связано с творчеством — вдохновенным некаузальным взрывом. Без творчества мира нет самое мира. Но творчество, плодя отторгающие реакции, означает перекрытие регуляций, кодексов, конституций. Цивилизация рождена творчеством, но творчество, не ориентированное на жизнь, разрушает цивилизацию. Обостряется проблема ценностной санации творчества. В общем, поддержание цивильности, непадение в дикость при возможном росте дезорганизации обеспечивается введением духоподъемных идеалов, корректирующих творчество в соответствии с требованиями жизни, ориентациями на высокое: внутренние мотивы, проекты деятельности исходно должны отличаться совершенством.

Опиумом для народа в неоговоренных обстоятельствах может быть все. Ориентация на совершенное (благое, 423

прекрасное, спасительное), оговаривая обстоятельства, предохраняя от встречи частного спроса и предложения в приватной сфере, рождающего произвол, становится самодостаточно-непрагматичной, самоцельной. «Всякая общественная деятельность, — утверждает К.Чуковский, — полезнее, если... совершается при личном ощущении ее бесполезности... Мы должны признать все эти комплексы идей: искусство для искусства, патриотизм для патриотизма, любовь для любви, наука для науки — необходимыми иллюзиями культуры, разрушать которые не то что не должно, а прямо-таки невозможно».²⁴⁸ Самоценное совершенное, принятое как абсолютная форма («непосредственная достоверность себя самого» — Гегель), единый и единственный идеальный мотив, побуждение, стимул созидательной деятельности, есть ценность. Сопричастие ей заставляет испытывать внутри себя «чувство такой свежести, чистоты... ясности, как будто чья-то невидимая рука нежно и заботливо» стирает с души давно «накопившуюся на ней копоть ненависти, зависти, раздражительного самолюбия, пресыщения... скуки».²⁴⁹

Чутье к добру, тяготение к совершенству — идеальные жизненные устои отличают высокодуховное существование. Бытие дробится на модусы:

- фактическая наличность (натурализм);
- абстрактная свобода — свобода вакхической шалости, дионисийского разгула (волюнтаризм);
- цивильно регулируемая свобода — свобода гуманитарного зодчества, осмотрительного созидания (аксиологизм).

Растительное бытие, — изматывающий труд, гомерическая драка, — не арена действия ценностного сознания. Высокая

добродетель в ее торжестве над пороком прояв-

²⁴⁸ Гангнус А. *На руинах позитивной эстетики // Новый мир. 1988. № 9. С. 157.*

²⁴⁹ Куприн А. И. *Собр. соч. в 5 томах. М., 1982. Т. 2. С. 12.*

424

ляется через духовность, к которой ни натурализм, ни волюнтаризм как элементы «пакостного прозаизма», «пошлости, паучьего затишья» (Блок) материальной реальности не причастны. Материальная реальность, говоря строго, высоту духовной стати, причастности идеальному не предполагает. Этот важный для рассуждений пункт иллюстрируется сущностной асимметрией материального и духовного типов деятельности.

По объему: материальные блага ограничены, частичны; духовные — безграничны, всеобщы.

По потреблению: материальные источники истощаются; духовные — прирастают.

По реализации: материальное производство обезличено; духовное — персонифицировано.

По признанию: материальная деятельность рассчитана на непосредственное признание, исключает работу вхолостую; духовная деятельность не рассчитана на непосредственное признание, жестко не нацелена на конечный эффект (самодостаточная игра сил: не для победы, а ради участия).

По результату: в материальном производстве важна репродуктивность, результативность (нет производства ради производства); в духовном производстве — продуктивность (производство самоцельно).

По агенту действия: в материальном производстве значим обладатель; в духовном — созидатель.

По количеству: материальные блага копятя (тезаврация); духовные — не копятя, воплощаются в уровне культуры.

По качеству: материальные блага отчуждаются от потребления; духовные — от производства; в материальной сфере навязывается труд, изымается результат; в духовной сфере навязывается результат, изымается способность к труду.²⁵⁰

До сих пор мы толковали ценности с позиций победительной, неуязвимой силы бытия, предохраняющей

²⁵⁰ Также см.: *Человек. Границы философской рефлексии. М., 1996. С. 57-63.*

425

от горьких взаимопониманий, когда все рвется, ломается, выходит из колеи, «идет наразвалку... люди не знают, что будет завтра, всего ждут и все возможно».²⁵¹ Избегать статистики мнимых чисел — мрака не оплодотворенного мыслью сознания, бесстыдной терпеливости «рабочего скота», затравленного, забитого, духовно ограбленного органического жизнеспособия позволяет лишь звездный час и звездный случай приобщения к ценностным абсолютам. Этим несущим идеалии «культурным иллюзиям», не имеющим эквивалентов в адекватных предметности созерцаниях. Между тем отдельные ценности не одинаково значимы. Подчеркивание этого обязывает выявить в ценностях партикулярные измерения (историчность, этничность и т.д.), однако, мобилизующие деятельность не по собственному

побуждению (волюнтаризм), а по аккумулированным и апробированным в групповом опыте (и, следовательно, также высоким) целям.

Каждая культура отличается от другой аутентичным набором ценностей, обуславливающих специфику поведения ее представителей. Увязывание ценностей, гуманитарных значимостей с типами коммуникаций, обменом деятельностью в присущих народам основных культурах мира произведено в нижеследующей таблице, заимствованной у К. Ситарамы и Г. Когделла.²⁵²

8.1 Аксиология как наука

8.1.1 Понятие аксиологии

Хотя соответствующий термин (от греч. αξια — ценность), номинирующий философскую доктрину ценностей, введен П. Лапи лишь в 1902 г. (он заменил им используемый И. Крейбигом термин тимология — от греч.

²⁵¹ Литературное наследство. Т. 72. С. 139.

²⁵² См.: Ситарам К., Когделл Г. Основы межкультурной коммуникации // Человек. 1992. № 4.

426

Схема классификации ценностей

Условные обозначения: З — западные культуры;

В — восточные культуры; Ч — черные культуры Америки;

А — африканские культуры;

М — мусульманские культуры.

Ценности:	Первичные:	Вторичные:	Третьи:	Несущественные:
Индивидуальность	З	Ч	В	М
Материнство	ЧВ	МЗ	—	—
Иерархия	ЗВ МА	Ч	—	—
Мужественность	ЧМ ВЗА	—	—	—
Мощь	ВА	МЧ	З	—
Мир	В	Ч	ЗА	М
Деньги	ЗАЧ	М	В	—
Скромность	В	ЧАМ	—	З
Пунктуальность	З	Ч	МВ	А
Спасение	З	М	—	В4М
Карма	В	—	-	МЗЧ А
Первенство	З	4	—	ВАМ
Агрессивность	ЗЧ	М	АВ	—
Коллективная ответственность	ВА М	4	-	З
Уважение к старшим	ВА М	Ч	—	З
Уважение к молодежи	З	МАЧ	—	

		В		
Гостеприимство	ВА	Ч	—	З
Наследуемое имущество	В	—	МАЧ В	—
Сохранение среды	В	ЧА	З	М
Цвет кожи	ВЗЧ	М	—	А
Святость пахотной земли	В	А	—	ЧМЗ
Равенство женщин	З	В4	А	М
Человеческое достоинство	ЗЧ	ВАМ	—	—
Эффективность	З	Ч	ВМ	—
Патриотизм	ЧМ АВ	З	—	—
Религия	ЗЧ МАВ	—	—	—
Авторитаризм	ВМ А	ЗЧ	—	—
Образование	ЗЧ	ВАМ	—	—
Непосредственность	З	ЧВМ А	—	—

427

— тѣѣ цена), принципиальное понимание непреходящего статуса ценностей в философских тематизациях действительности существовало исстари. Именно этим объясняется традиционное толкование философии как «заглавной науки о том, что всего ценнее» (Аристотель). «Всего ценнее» же — достойное утверждение в мире, влекущее достойное существование. В опоре на что? На непреходящие значимости, подчиняющие усилия понятиям совершенного.

Человек не только и не столько существо разумное; он — существо ценностное, идеологичное. Разумность — капитальная, но не исчерпывающая, не самодовлеющая характеристика. Разум сам по себе нейтрален, техничен относительно экзистенциальной тематики. По идентичной разумной схеме можно строить ядерный котел и бомбу, демократию и деспотию. В «минуты роковые» разум пасует, требуя оснастки, остратки, окормления (вне которого он, говоря языком Бѣме, «творит одни собственные дела и им учит, и управляет наружным миром по себе, без Духа и Воли Божьей...»). Дух, Воля Божья, — отыскивая светский эквивалент метафоре, — сообщаются кристаллизуемыми в опыте вершения жизни, пролонгации истории генеральными ценностными началами, ориентирующими не только на «достижительно-эффективное», но и на «гуманитарно-желательное».

Так складывается антиципирующий пояс, позволяющий избегать провалов в «ситуацию ноль», скачков в «душашую тьму обезумевшего мира» (Горький).

Какова роль «великих далей» в человекоутверждении, выяснится позже, в этом месте же подчеркнем сугубую важность аксиологии как свода специальных знаний о гуманитарно выверенном освоении действительности.

8.1.2 Предмет аксиологии

АКСИОЛОГИЯ — нормативная, рефлексивная дисциплина. В отличие от иных наук, изучающих способы конкретного нормирования поведения (юриспруденция, история, педагогика), она концентрируется на вопросах фундаментального свойства: стихия человеческого общения и прин-

428

ципы его регуляризации, регламентации, регуляции — составляют нерв аксиологического рассмотрения.

Предмет аксиологии — деонтологическая среда и механизмы ее обязывающего влияния, действенные отображения сферы должного на сферу сущего.

Уточняя назначение аксиологии с позиций непосредственной роли ценностей в мироопределении, возможно выделить две сущностные платформы. Условно:

— платформа Протагора: подчинение ценностей человеку («человек есть мера всех вещей: для реальных — их реальности, для нереальных — их нереальности»);

— платформа Платона: подчинение человека ценностям (к примеру, «нельзя ценить человека больше, чем истину»)²⁵³

Линия «идеал выше человека» представляется неадекватной как эпистемологически, так и фактически, как генетически, так и функционально.

В онтологической плоскости она влечет гипостазирование ценностей (риккертовское: ценности образуют «совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта»)²⁵⁴.

В праксиологической плоскости она влечет насилие: сочленение должного с сущим через террор, разрушение «практического гуманизма». Как точно отмечал С. Франк, «подлинная и глубочайшая предпосылка деспотизма лежит в идее непогрешимости, в своеобразном, по существу мистическом, сознании обладания абсолютной истиной».²⁵⁵

Последовательное продумывание данных моментов дает понимание: абсолютизм, морализм в толковании ценностей не терпим; состоятельное отношение к ценностям

²⁵³ Платон. Соч. в 3 т. М., 1970. Т. 3. Ч. I. С. 287.

²⁵⁴ Риккерт Г. О понятии философии // Логос. 1910. Кн. 1. С. 33.

²⁵⁵ Франк С. Л. Философия и жизнь. СПб., 1910. С. 146.

429

обусловливается их подчинением человечности. Исток ценностей — не разум, а жизнь и ее потребности.

8.1.3 Статус аксиологии

Сумма философских знаний, сложившихся в веках, отличается цельностью, синтетичностью. Она детерминирована единой рефлексивной задачей — доктринацией субъект-объектных связей. На этом фоне кажутся неправомерными планы субординировать фрагменты философской теории посредством фундаментализации аксиологии. Последнее просматривается у Виндельбанда, трактующего назначение философии быть системой «о необходимых и общезначимых определениях ценностей».²⁵⁶

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Назначение философии, конечно, перекрывает очерчиваемые баденцем рамки. Оттого виндельбандовское кредо в столь прямолинейной форме лишено смысла. Вместе с тем, отвергая организационную, институциональную фундаментализацию, мы поддерживаем фундаментализацию идейную: аксиология выступает эвристическим стержнем философии. Хорошо об этом — у Риккерта: высшие ценности есть «последний базис познания»; Гуссерля: всякий акт сознания исходит из «глухой скрытой атмосферы основополагающих ценностей»; Эйнштейна: от человеческих ценностей зависит и наша внутренняя устойчивость, и само наше существование; ценности в наших поступках придают «красоту и достоинство нашей жизни».

Композиционно философия строится как масштабная фокусировка на той или иной сорт ценностей (См.: 1.2).

8.1.4 Метод аксиологии

Ошибался Хайдеггер, полагая, будто, соотнося ценности со значимостями, основоположениями, принципами, аксиология вращается в логических кругах. На деле аксиологии достается удел философии — изучать

²⁵⁶ Виндельбанд В. *Избранное. М., 1995. С. 39.*

430

исходные предпосылки, анализировать отношения предельного с однопорядковым, себе подобным. По этой причине соответственный метод аксиологии — рациональная реконструкция, интенсивная теоретизация, рефлексия.

8.2 Социальное регулирование

8.2.1 Общение

Природотворяющая сила человеческого — обмен деятельностью, межиндивидуальное взаимодействие, коммуникация, интеракция, позволяющие определять человека как существо общественное, общительное, общающееся.

Между тем общение не «делится на разум без остатка» (Гете). Камень преткновения взаимодействия — воцарение неопределенности, неустойчивости, нестационарности. В стихии обмена деятельностью высока вероятность столкновения интересов, воля, свобод, чреватые неорганизованной массой произвольных взглядов, действий. Возникают ситуации негарантированные, в которых «побуждения пересиливают все прочее» (Сеченов). Дело можно понять яснее и резче, если сказать: где спонтанные возмущения способны влечь непредопределяемые (трансцендентные) исходы, там мы сталкиваемся со случаем некорректных задач, нарушающих условия постановки задач корректных. Напомним, задача считается корректно поставленной, если удовлетворяет требованиям наличия, однозначности, устойчивости решений. Несоблюдение хотя бы одного из требований трансформирует корректные задачи в некорректные, т.е. неимеющие даже приближенных решений.

Шок от обнаружения последних был столь велик, что Адамар ввел соответствующий запрет на их пребывание в науке, —

действительно, какой смысл может иметь решение, если сколь угодно малое варьирование переменных влечет сколь угодно большие его (решения) изменения?

431

Иначе говоря, наука требует от своих объектов устойчивости к возмущениям и, следовательно, онтологической упорядоченности, интерпретируемости. В противном случае исчезает предмет изучения.

Намного серьезнее, острее положение в социуме, передающем проявление Homo credens по законам световой волны. Купирование произвольных натяжек, деструкций, выбросов самости, вызванных к действию автономно, производится предписаниями к сообществу и его составляющим, ставящим противовес безобразию человека в самих его побуждениях.

8.2.2 Регуляризация

Невероятное разнообразие жизненных сред, контекстов общения, — можно ли надеяться ввести их регламентацию? Мечников допускал «космическое чувство» в человеке в виде любви к ближнему и миру. На этой почве вырастал ортобиоз — учение о рациональном образе человеческой жизни.

Допущение «врожденной человечности» (Олдридж), тяги к возвышенному в качестве «законного стремления человеческой природы» (П. Романов) не ново. «Спокойствие порядка» (Августин) в виде высшего «содействия согласованной жизни» вводили поборники законоустанавливающих рассматриваний, опосредующие универсум логосом. Таковы стоики (согласно логосу устроен мир); христиане (согласно логосу создан мир), сводящие план и акт творения к разумной схеме. Аналогичный ход в конструировании образа действительности проигрывал Конт, убеждающий: всякое явление есть просто следствие порядка, который вытекает из естественных законов.

Если устремить внимание в этом направлении, придется признать — перед нами тенденция нарочитая, решительно выводящая за пределы трезвого понимания.

«Прекрасно лишь то, чего нет на свете», — говаривал персонаж Руссо. Аксиома вечного разумного масштаба жизни страдает пропуском существенного: «разумное» не

432

покрывает «человеческого». Сущее не крепится на разумном плане; базисом жизнедействия выступает свободное самовыражение, в рамках которого человек «за все платит сам» (Сартр).

Жизнь не делает нас совершенными, — она делает нас нормосообразными, встраивая в качестве частей в глубокий и мощный строй социально выверенного. Укрощение угроз вследствие свободы самовыражения, безнормального произвола осуществлялось ab origine вставлением деятельности и созидания в твердые рамки предопределения. Роль регулирующего начала с переступанием границ передаваемого рационально играли смирительные колодки судьбы, рока, фатума, промысла, вводящие момент неизбежности, неотвратимости, необходимости.

Летописи рода человеческого сохранили имена богинь, дающих жребии, создающих вторую, третью перспективу провидения. В их числе мойры — Клото (прядущая жизненную нить), Лахесис (определяющая участь), Антропос (прерывающая жизнь), совокупно конкурирующие с Тихой; промойя — наделяющая заданием.

В переводе на язык мыслей указанное в темной сути транслирует из древности идею закона: предусмотрение — то, что упорядочивает человеческое движение.

Человек задуман по образу и подобию божью, а сотворен только по образу. Подобие достигается в самотворчестве по неким правилам.

Сфера человеческого в истории — сфера регуляризованного. В кругу общения мы взаимозависимы. Основание действий — наш выбор, без которого мы — элемент природы, но выбор подготовленный, экспектационный. Эффект социальности — эффект вовлечения, участия, сопричастия. В противоположность Номо ferus Номо sapiens в сообществе себе подобных руководится максимой «для людей с людьми». Сие означает согласование поведения с системой ожиданий по поводу правил исполнения частичных ролей. «Есть много вещей, не обязательно запрещенных, которые человек вряд ли решится делать в присутствии другого человеческого существа», — подчерки-

433

вает Шибутани.²⁵⁷ Обмен деятельностью крепится не на произвольных, а на вмененных фигурах, исключаяющих самочиние, санкционированных порядком интеракции. Невстроенность в таковой равносильна бездомью человека, пребывающего в асоциальной форме — вне общества и его установлений. Римляне ставили на изгоев клеймо «*save ragem*», обрекая на отлучение, отчуждение. Схожим клеймом отмечены отвергаемые обществом социальные типажи «девианта», «делинквента», «деликта» (три «д»), патологично не способные на сколько-нибудь прочные, глубокие отношения, требующие хоть ничтожной доли души.

8.2.3 Три «g»

То, что обособливает человека из бытия, есть свобода. Свобода выбора. Последний, однако, не произвольная игра сил в духе «своей глупой воли». Свободу выбора в социуме выгодно отличает опосредованность полем правил, некоей инструктивной канвой «что и как делать», ориентирующей на поведенческое преодоление низин жизни, исключаяющей абсурдистско-парадоксалистские веления, самоосуществления, импровизации наподобие нелепого кредо: «Какое мне дело до законов природы и арифметики (читай: законов общества — *В. И.*), когда мне эти законы и дважды два четыре не нравятся».²⁵⁸

Как показал М. Шериф, даже на восприятие реальности (стадия чувственности) воздействует позиция окружающих.²⁵⁹ Словом, казалось бы, вполне суверенный потенциал субъективности складывается через внешние оценки, квалификации, влияния.

Субъективный опыт — не сознание, а история, — говорит Дьюи. Разумеется повторное переживание и воспроизведение

индивидуальностью прочных и гиб-

²⁵⁷ Шибутани Т. *Социальная психология*. Ростов, 1999. С. 25.

²⁵⁸ Достоевский Ф. М. *Собр. соч. М., 1975. Т. 5. С. 105.*

²⁵⁹ См.: Sherif M. *A Study of Some Social Factors in Perception // Archives of Psychology. XXVII. 1935. № 187.*

434

ких уз социальности, кристаллизованных регламентами права (юридизм), морали (этизм), традиции (традиционализм). И одно, и другое, и третье — ресурсы одного сущностного уровня, позволяющие стратегией не прямых действий, точно ключу, открывать плотно запертые двери.

Жизнь — высокая ценность. Но многократно выше жизнь патентованно достойная. Формы обеспечения достойной жизни — опробованные практикой порядки деятельности и созидания. Бес импульсивных решений, насильственных вмешательств, деструктивных маний приручается терпимостью, согласием, примирением, вытекающим из высокой резонансности инициатив социальным нарядам.

Право — формально-официальное, кодифицированное, институциональное выражение порядка (система общеобязательных долженствований) — нормы, меры, через «свободу», «равенство», «справедливость» фиксирующие правоначала (правомочность, правоспособность, правосубъектность) с обеспечивающими их сдержками, противовесами, способами контроля, санкциями.

Мораль — неформально-официальное, кодифицированное неинституциональное выражение порядка (система адресных вменений, через «совесть», «достоинство», «честь» вводящая гуманитарно прочувствованные оценки, устанавливающая внутренний распорядок души) — принципы, предписания, заповеди, максимы, непосредственно-практические повеления «что должно», формирующие способы самоконтроля, диспозиции «субъективной единичности» (Гегель) к благочинным, добродетельным самополаганиям.

Традиция — неформально-официальное, некодифицированное, неинституциональное выражение порядка (система стереотипных мироориентаций, устойчивых деятельностных реакций) — обычаи, заветы, обряды, ритуалы, предания, назидания, через «классические образцы», «символы веры», «кредо» поддерживающие, передающие, воспроизводящие элементы наследия, дабы выработать иден-

435

тичность, задать преемственность, нащупать времен связующую нить, т.е. воплотить целесообразное культуротворчество.

Культура, вопреки Фрейдю, есть не постановка, а снятие элементарных запретов. Снятие благодаря насаждению орудий, опор гуманитарной формации — устоев, регламентов регуляризации. Право, мораль, традиция оконтуривают рамки социальных взаимодействий двусоставно: в измерении официальной признанности, общеобязательности, эффективной позитивности и в измерении санкционированной Я-мотивации. В результате проявления человеческого в человеке — акты выбора — поддаются рассмотрению и со стороны реализации свободы, и со стороны меры подлинности человека.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Как видно, регуляризованность общения есть последний базис человечности в редакции: правоспособность, совесть, нравственность, персональная добропорядочность, — выступают окончательными основоположениями гуманитарного. Деформация их чревата развалом гуманитарной формации, обмельчанием человека. Прекрасно об этом — у Гоголя: «Все теперь расплылось и расшнуровалось. Дрянь и тряпка стал всяк человек; обратил себя в подлое подножие всего и в раба самых пустейших и мелких обстоятельств, и нет теперь нигде свободы в истинном ее смысле».

«Рефлекс свободы» (Павлов) в цивилизованной оранжировке значит противодействие агрессивному принуждению, но не благочинному побуждению. Императив «автономия человеческого духа» (Маркс) допускает лишь такое прочтение «Ты должен, следовательно, можешь».

Регуляризация не возвращает пострадавшему утраченное, она предупреждает бессмысленный и беспощадный бунт, делает нормосообразным общение, координирует взаимодействие независимо мотивированных участников. Границы регуляризации — порог, за которым — ненависть, отрицание, отрешение, разрыв, распад, разложение, интервенция. Его переходят представители трех «д» — деви-

436

анты, делинквенты, деликты — носители brutального, выморочного, вырожденного, асоциального.

Три «д» — профаническая, хаотическая патология на базе выхода из порядка, изъятия из регламентов. Соответствующие разрушения субъекта прав и обязанностей возникают

— в случае девианта — по причине соматических деформаций (подрыв юрицизма, этизма, традиционализма). Скажем, в Австралии человека с лишним набором хромосом не судят, — считается: действия дефекта не подводимы под какую-либо канонику;

— в случае делинквента — по причине поведенческих деформаций (подрыв этизма, традиционализма). Крайним выражением аффективного самоутверждения является афронт — нарочитое игнорирование, нарушение этикета;

— в случае деликта — по причине правовых деформаций (подрыв юрицизма). Варианты проступков, преступлений — виновных противоправных деяний, совершенных вменяемыми.

Единственным способом, каким человечество может пролонгировать гуманитарное состояние в степени, отвечающей «особенной действительности и специфическому содержанию» (Гегель), приличествующим высшей сфере мироздания, есть регуляризация, намечающая горизонт дозволенного. Он представляет собой форму узаконения свободных самовыражений. За его пределами — неопределенность, отсутствие гарантийности, повышенная вероятность провала в деструкцию.

Сверхзадача горизонта, — связывая обмен деятельностью, задавая поведенческую качественность коммуникации, нормировать, вводить норму.

Базовое понятие теории ценностей — норма. Как директивная инстанция она устанавливает меры, руководящие начала, правила,

порядки, распространяющиеся на все измерения человека как био-социо-природной организации.

437

Измерение «био». Первейшее условие нормосообразного — исключение уродливой ненормальности. Сказано в книге от Матфея: «Не все вмещают слово... но кому дано».²⁶⁰ Причисление к роду Ното идет «по способности» обладать разумом, отправлять воление. По наличию данных потенций проводится идентификация: «Люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Правоспособность вытекает из обстоятельства «быть человеком», пребывать нормальным «по рождению».

Измерение «социо». Фундаментальное условие нормосообразного — приобщенность к социальному этосу (совокупность правил общежития, набор согласованных норм, институционально защищаемые установления). Причастность к социальности обусловлена принадлежностью к статусам — регламенты дееспособности (удовлетворение условиям «зрелости» — цензы); членства: касты (Индия), кланы (Китай), племена (арабский мир), сословия (средневековая Европа) и т. д.; коммуникации: символизм общения, — скажем, руку мужчины жмут, руку женщины целуют, руку церковного иерарха (мужчины) целуют — по его касательству к чину и т. д.

Измерение «культура». Капитальное условие нормосообразного — чувствительность к традициям, заветам, тонким духовным влияниям. Принципы объединения людей — исходные идентификации:

— стереотипы: формы устойчивой целостности миродействия от привычек, обычаев, данных в предании (фольклорно-эпические выражения, свидетельства), до обязывающих смысловых дифференцировок «МЫ» — «ОНИ», вводящих картину дробной действительности (вплоть до эндогамии);

— архетипы: формы устойчивой целостности мироотношения, миропонимания, членящие единое человечество по поколенческим, культурным, расовым, половым, ареальным признакам. От-

²⁶⁰ Мф. 19, 12.

438

сюда разломы в понимании, кооперации: дилеммы «отцы — дети», «старое — новое», «мужчины — женщины»; трилеммы «белые — желтые — черные», «Запад — Россия — Восток» и т. д.

Нерв социальности — интеракция, складывающаяся на базе норм, нормирования обмена деятельностью во всех отмеченных регистрах. Каковы нормы, таково межсубъективное взаимодействие, таково межсубъективное взаимодействие, таково общество.

При судействе (общественный строй, описанный в кн. Судей) власть отправлялась по авторитету; при монархии — с изменением регламента интеракции — по принуждению.

На Западе, утрирующем «право», «гражданство» преобладает достижительность в самоутверждении. В России, акцентирующей «духовность», «моральность» есть склонность к исканиям (вплоть до самоотречения с обретением самоуважения). Откуда — отсутствие самоинициации в напряженном достижении статусов (за статусы в России не борются всеми правдами и неправдами, на

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

статусы в России приглашают — прецедент С.Радонежского).

Таким образом, ценностный нигилизм (казус трех «д») не терпим; регламентация обмена деятельностью как матрица ценностного санкционирования поведения

— производя смыслы, значимости в общении;

— проводя отнесение к общеобязательности;

— осуществляя передачу опыта;

— намечая способы обретения статусов; превращает знаки в события, определяет непреходящую роль регулятивов.

8.3 Ценностное сознание

8.3.1 Генезис регулятивов

Возможные интеракции предков людей в сообществах древнейших гоминид, скорее всего, управлялись двумя типами отношений: отношением естественного эгоизма,

439

обеспечивающим выживание индивида — инстинкт самосохранения, и отношением естественного альтруизма, обеспечивающим выживание вида (группы, популяции), — инстинкт сохранения рода. Данный в известном смысле принципиальный для нас тезис не оставляет места расхожим, однако неадекватным теориям зоологического индивидуализма, трактующим социальные инстинкты, а затем и общезначимые ценности как изобретения в пользу слабых — своеобразную узду, фактор сдерживания дикарского в человеке. Такой подход, сомнительный сам по себе, не имеет надлежащего антропогенетического оправдания. Во-первых, прирожденный эгоизм препятствует социализации, главным образом таких ее составляющих, как кооперация, межиндивидная коммуникация и интеракция, оставляя перспективы *Homo sapiens* призрачными. Во-вторых, этот взгляд не подкрепляется фактологически. Многочисленные этологические данные, весьма уместные для уяснения происхождения ранних форм коллективности, демонстрируют варибельность группового поведения антропоидов (аналогия от которых перебрасывается на социальные формы древнейших гоминид), наличие мирных связей в иерархии взаимоотношений особей в стаде.²⁶¹

По свидетельствам Дж. Шаллера и И. Эмлена, а также Дж. Лавик-Гудолл, изучавших стадные отношения морфологически наиболее близких к человеку горилл и шимпанзе, естественная иерархичность, доминирование в группах не провоцируют войну всех против всех; связи в группах упорядочены, во всяком случае предполагают максимальное исключение открытых столкновений, каждый знает свое место, слабый уступает сильному и т.д. Стлаженность системы доминирования предопределяет оптимальность межиндивидных взаимодействий на основе мирных внутростадных отношений, демпфирования, конфликтов (причем, казалось бы, в бескомпромиссных ситуациях, таких, как борьба за самку).

²⁶¹ *Biosocial anthropology. L., 1975; Socioecology and psychology of Primates P., 1975.*

440

Следовательно, происхождение социальности, а вместе и наряду с ней ценностной регуляризации жизни нельзя выводить из подавления природной агрессивности, зоологизма человека. Такая линия, противореча прямым наблюдениям, не соответствует фактам, не отличается логическим совершенством, в концептуальном отношении не продвигает в понимании становления ни общества, ни ценностей.

Однако одно дело экзогенные факторы обусловливания, упорядочения деятельности, а другое — эндогенные. Как в действительности увязать реализацию столь разнородных характеристик — высоко адаптивных социальных и низко-, а то и антиадаптивных персональных ценностно-гуманитарных систем регуляции? Решение вопроса пролегал в границах фиксации водораздела животного, дочеловеческого и подлинно человеческого. Для развертывания мысли сошлемся на Дарвина.

Многоразличные чувства и впечатления, ощущения и способности, считает он, такие, как любовь, память, внимание, любопытство, подражание, рассудок и т.д., которыми гордится человек, могут быть найдены в зачатке или в хорошо развитом состоянии у низших животных, а вот ценностно-гуманитарных (морально-нравственных) задатков, чувства совести, которое резюмируется в коротком и полном высокого значения слове «должен», у животных нет.²⁶²

Каково происхождение этого специфически человеческого, не навеваемого обстоятельствами органического бытия чувства? Где его корни? Почему лишь человек вследствие какого-то душевного процесса, в силу каких-то соображений, называемых ценностно-гуманитарными, пренебрегает радостями, прелестями, удовольствиями жизни? Отчего он часто переносит всякие лишения, лишь бы остаться верным «высшим принципам»? В отсутствие близлежащих ответов на заданные и однопорядковые им вопросы в теории прорабатывался вариант преформизма.

²⁶² Дарвин Ч. *Происхождение человека и половой отбор*. М., 1907. Гл.

IV.

441

Странно, но граничащая с беспомощностью интеллектуальная растерянность всех размышлявших над проблемой была столь велика, что дальше идеи врожденного в объяснении ценностно-гуманитарных качеств человека не шли. Не шли даже эволюционисты. Даже такие, как Дарвин.

Поставленная проблема не снята и по сей день. Между тем претендующая на ее экспликацию линия преформизма дискредитирована в настоящий момент однозначно. Ценностное сознание как душевное качество по природе своей благоприобретенно и комплексно, инспирируется, с одной стороны, конденсацией в культуре гуманитарного потенциала, а, с другой стороны, упрочением усиливаемым естественным отбором альтруистического добронравия. Вопрос о доле участия наследственности и среды в этом процессе, конечно, должен обсуждаться в количественной плоскости, входя в компетенцию точных наук. Особого суждения на сей счет гуманитарий иметь не может. Что же важно здесь подчеркнуть, так это солидность

эволюционно-генетического взгляда на формирование ценностного сознания: диктуемые адаптацией требования рациональной организации жизни порождают некий внутренний регулятивный этос, который, привлекая мысль Добжанского, при некоторых условиях способен действовать вопреки интересам отдельных индивидов, но зато помогает группе, к которой эти индивиды принадлежат. Так возникает понимание естественно-исторической обоснованности, детерминированности ценностного сознания на уровне вида (коллектива). Понимание же становления его на уровне индивида (личности) может быть достигнуто за рамками антропогенетических рассмотрений — в границах собственно гуманитарного анализа.

8.3.2 Этос

Отправляясь от этимологии, будем толковать этос как поле руководящих начал, правил, образцов, эталонов регуляции и инспирации групповой жизни на основе силовых механизмов и волевых (принудительных, побудительных) решений, которые вытекают из чьих-либо интере-

сов, проводят, отстаивают их, отвечают им. Определенность их задается диспозициями, санкциями, условиями действия.

Диспозиции. Представляют множество предписаний, инструкций, рекомендаций, императивов, запретов, вменяющих способ деятельности. Через систему инициаций «что делать» и «чего не делать» они формируют программы типов самоутверждения, считающихся оптимальными, эффективными, удовлетворительными, целесообразными; влияют на свободный выбор, самостоятельные спонтанные решения; подготавливают личность к опробованному историей коллективному опыту; осуществляют назидательные, просветительские, духоподъемные функции, подтягивая несuverенного человека до суверенного человечества; делают полезное для вида ценным (не всегда обязательным) для индивида; ставят в зависимость партикулярные влечения, стремления, страсти, наклонности от установившихся общечеловеческих модусов их проявлений; мобилизуют культурно-человеческое в человеке.

Санкции. Выполняя в известном смысле репрессивную функцию, обеспечивают осуществимость диспозиций; гарантируют деятельность от неспецифических нежелательных эффектов; способствуют оптимальному режиму самоутверждения, непрерывности, сбалансированности группового опыта. Исходными формулами санкций как регуляторов поведения являются предписания той ценностной формации, которая возникла на ранних ступенях Социогенеза вследствие обобщения примитивных схем архаичного общежития и которая конституировала легальность взаимоотношений индивидов.

Гуманитарные ценности — институт добровольный, в случае проводящих их санкций правильно вести речь не о принуждении, а о побуждении, самопобуждении, самовменении. Так как последние мотивированы культурогенетически, гуманитарных санкций вне культуры нет: они культуроцентричны. Существо санкций

передается, следовательно, таким тезисом: они обязывают каждого подходить к себе в некотором роде с надысторическими,

443

сверхличностными мерками; поскольку лишь все человечество в своей совокупности представляет истинного человека, специфически человеческая способность — гуманитарность — определяется нашей причастностью к человечеству. Проблему степени данной причастности, разумеется, каждый решает самостоятельно.

Условия действия. Фиксируют особенности обстоятельств реализации гуманитарных ценностей, цивилизных, правовых, морально-этических норм, разговор о которых правомерно вести с позиций некоей клаузулы.

Во-первых, ценностное сознание как элемент духовности принадлежит психическому, которое должно удовлетворять норме; не существует надлежащей психической, духовной, а с ней и ценностно-гуманитарной среды в состоянии патологии. Во-вторых, неизменным слагаемым ценностного сознания выступает личностная (социальная, гражданская, интеллектуальная) свобода. Гуманитарная ситуация складывается при наличии свободы действий субъекта, его автономного выбора. Там, где этого нет, где обстоятельства выше, личность не фигурирует как побуждающее, порождающее основание *causa sui*, — гуманитарная ситуация разрушается. Именно невозможность ссылки на диктат случая, слепую игру высших сил обязывает согласовать деятельность с ценностными установками, принимать в расчет соображения гуманитарности. В-третьих, в кругу предпосылок развертывания ценностного сознания уместно упомянуть присутствие самодостаточных и результативных нравственных идеалов. Ценностное сознание идеологично. Оно конституируется: а) определенным культурным цензом личности, приобщенной к гуманитарному кодексу человечества; б) убедительной внутренней мотивацией человека наследовать нравственные устои и следовать им. Как видно, чтобы оправдать высокое звание *homo impetrativus*, субъекту мало быть нормальным, ему надлежит быть гуманитарным.

Изложенное позволяет специфицировать природу интегрированных в ценностное сознание гуманитарных норм. Им присущи:

444

— универсальность: гуманитарность (в идеале) проявляется как общечеловеческий, планетарный, вселенский феномен с атрофией групповых, классовых, кружковых привязанностей. Она общезначима и не в деталях, малозначащих, побочных своих проявлениях, но по существу. Есть нечто, что всегда задевает всех и каждого. И это суть — стремление оправдать звание человека. Человеку нужны гарантии от возможных *faus pas*, ибо для поддержания общежития самоутверждение его не должно быть самочинным. Гуманитарность как высококультурная канва самоутверждения и дает такого рода гарантии. Умение жить по совести, а не по страсти, заложено не в аскезе, а в следовании нормам, которые канализируют страсти, назначают минуту их пристойного удовлетворения.

Сказанное становится во много крат актуальнее применительно к человечеству. Если у действующего свободно отдельного человека выбор есть всегда, то этого нельзя утверждать относительно человечества. Отсюда, в глобальном контексте в отношении гуманитарности к требованию универсальности добавляется требование аподиктичности. Потенциально гораздо более опасные самоутверждения в социальном масштабе должны быть гуманитарными изначально. Лишь в этом — условия, надлежащие ручательства выживания;

— фундаментальность: гуманитарность не одна из ипостасей общественного сознания наряду с другими, а отправная его ипостась. Она — средоточие нравственных абсолютов, ценностный базис, над которым надстраивается остальное — политика, наука, религия, и т.д. Субординация различных отсеков культуры однозначна: гуманитарность приоритетна, из нее все вытекает, к ней все возвращается;

— абсолютность: гуманитарные ценности самодостаточны, не подчинены ничему — ни политике,

445

ни религии, ни науке. Жертвовать ими нельзя, тогда как во имя них можно жертвовать, чем угодно (кроме них самих);

— автономность: гуманитарные ценности нельзя превращать в политику, политику же нельзя отрывать от гуманитарных ценностей. Политика, как справедливо полагал Аристотель, в идеале — ветвь этики; забвение этого чревато деформациями гуманитарного миропорядка (умеренные формы — случай Бисмарка; крайние формы — случаи авторитарно-диктаторских режимов — Гитлер, Сталин и др.). Идея автономии гуманитарных ценностей — центральная для их обоснования. То, что не возникает из гуманитарности, — негуманитарно; гуманитарность не требует для обоснования негуманитарных факторов;

— «апостериорная априорность»: алогизм предлагаемого сочетания кажущийся. Гуманитарный кодекс, естественно, возникает из обобщения опыта вершения жизни. Не стремясь к метафорам, не будет преувеличением утверждать, что он буквально выстрадан человечеством за время хождения по мукам, выписан слезами, потом, кровью. Содержательную основу его (потенциала) формирования составляет борьба с искушением — поиск оптимальных программ, возможностей его (искушения) преодоления. Навеянное гордыней, самовозвеличением, самовознесением искушение есть необоснованное притязание на владение. Ценностный стержень искушения — неземная воля к власти, силе, господству над природными и социальными обстоятельствами. Говоря об этом, остановимся лишь на столь принципиальных аспектах искушения, к которым сводятся остальные, как:

а) искушение чревоугодием — извечная забота о хлебе насущном оборачивается безудержной гонкой за обретением материальных благ: превращение

446

«камней в хлебы» распаляет аппетит. Хотя в просторечии упоминают хлеб, вожделение вызывает масло, его-то все и возводят в формулы. Консюмеризм примитивизирует, опустошает,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

выводит за границу полноценной жизни, которая нуждается в духовности, метафизичности и которая располагается за пределами плоской тяги к набитому брюху и прочей чувственной суете («не хлебом единым...»);

б) искушение преобразующим деянием — покорение мира, владычество над природой. Рассмотрение предметно-практической активности как главного предназначения человека, способного познать законы естественной среды обитания, подчинить их себе, поставить на службу, подводит род людской к краю гибели. Не предсказуемый в своей узколобости технократизм представляет рукотворную угрозу существования антропной цивилизации. И наши дни — прекрасное тому свидетельство;

в) искушение велением — путь диктата, тирании, закабаления человека человеком. Нарушение самоценности личности, подрыв прав гражданина означают утрату цивилизности. Властолюбцы, идолопоклонники — преступившие заповедь «Не сотвори себе кумира!» — не имеющие и не понимающие своего достоинства, конченные люди — или в прахе валяющиеся рабы, или необузданные деспоты (Герцен);

г) искушение похотью — превращенное в самоцель плотоугодное соблазнительство оборачивается машинерией. Любить, не влюбляясь, невозможно. Бездуховному же бонвиванскому чувству не требуется сочеловек. Достаточно куклы, игрушки, заводного болвана (естественный финал всякого Казановы).

Искушение ведет к пропасти, не провалиться в которую позволяет следование гуманитарным абсолютам, извлечен-

447

ным из многотрудных поисков «богоугодной» жизни и выживания. Гуманитарные абсолюты, таким образом, опытные, эмпиричны по генеалогии, однако для отдельно взятой локальной ситуации они надопытны, сверхэмпиричны. Это надо интерпретировать в том смысле, что в своей объективной всеобщности, необходимости они не нуждаются в каких-либо дополнительных испытаниях; желание пуститься в последние оборачивается для охотников хождением по многим кругам ада, некогда уже пройденным (и с невосполнимыми потерями) человечеством;

— надысторичность: гуманитарность — высшая ценность бытия, фиксирующая благородство в устремлениях, существенное и смысложизненное. Последнее не отождествимо с суетным, к чему относится повседневное преходяще-временное — непосредственные политические, экономические и т.п. деятельностные измерения, ориентиры. На этом фоне понятна бессмысленность и бессодержательность утверждений, лозунгов, суждений, имеющих форму: «гуманитарно все, что служит X», где X — исторически повседневное. Подставляя частные значения вместо переменной в такое выражение, можно получать предложения: «гуманитарно ценно все, что служит коммунизму»; «...рынку»; «...товарно-денежным отношениям» и т. д. Даже малый запас интуиции наводит на понимание сомнительности таких шагов. Никакая историческая частность, по статуту, не способна

возвыситься до уровня гуманитарно значимых ценностей, отношений. Отсюда — необходимость принятия того, что человеку обязателен контакт с миром надвременного, абсолютного, который (контакт) обеспечивается гуманитарностью (нравственностью): «В строгом смысле слова она начинается лишь там, где возникает неудовлетворенность настоящим, т.е. временным и преходящим, как бы благополучно оно ни было, где сознание обнаруживает неустрашимый взор

448

между временным и абсолютным... Между идеалом и действительностью»,²⁶³ — автоматичность: гуманитарность — не в принудительности, а в естественной побудительности поведения человека, который действует именно так, а не иначе. «Быть человеком в человеческом обществе, — констатирует Герцен, — вовсе не тяжкая обязанность, а простое развитие внутренней потребности: никто не говорит, что на пчеле лежит священный долг делать мед; она его делает потому, что она пчела. Человек, дошедший до сознания своего достоинства, поступает человечески потому, что ему так поступать естественнее, легче, свойственнее, приятнее, разумнее; я его не похвалю даже за это — он делает свое дело, он не может иначе поступать, так, как роза не может иначе пахнуть». ²⁶⁴ Гуманитарность — не привычка, а убеждение, образ жизни и действия.

8.3.3 Обоснование норм

Ввести гуманитарные нормы оперативным или спекулятивным путем относительно просто. Гораздо сложнее решить, как они действуют, т.е. влияют на личность в ее реально жизненном существовании. Размышления над этим выводят на проблему обоснования гуманитарных норм, заключающуюся в моделировании взаимообуславливания традиционных оппозиций: бытия и быта, вечности и повседневности, удаленного и близкого, великого и мелкого. Обосновать гуманитарные нормы, следовательно, — значит, раскрыть тайну их действенности: в силу каких обстоятельств, почему они оказываются соединенными с предметной человеческой деятельностью.

²⁶³ *Перестройка и нравственность // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 7.*

²⁶⁴ *Герцен А. И. Собр. Соч. Т. 2. М., 1975. С. 57.*

449

Пробегая частности и концентрируясь на главном, начнем с констатации разрыва абстрактной и конкретной ипостасей ценностно-гуманитарного. Первая охватывается миром должного, вторая — миром сущего; между одним и другим нет *harmonia prestabilitada*. Последнее фиксируется многочисленными практическими убеждениями, сентенциями типа: «пока святые молятся, грешники правят миром»; «жить и быть неправедным — одно и то же» и т.д. Словом, даже если на Юпитере есть пятна, — что требовать от эмпирического, единичного человека?!

Философские, рефлексивные системы ценностных абсолютов в их нормативной части и призваны дать механизм обратного возвращения гуманитарности с поднебесья общественного сознания

на землю, в практику человеческого существования. Какими теоретическими схемами развертывания наличного (далеко не нравственного, ибо и Христос именуется людей «родом неверным и развратным») человека в родовое существо, приобщенное к совершенному и желанному состоянию, где добро синтезировано с благом и счастьем, располагает наука? Анализ ретроспективы демонстрирует, что возможности увязывания гуманитарных обязанностей человека с его практическим благоразумием, автофилией, тенденцией к соблюдению интересов отрабатывались в кильватере следующих подходов.

Рационализм. Уходящее корнями в античность рационалистическое обоснование гуманитарных норм руководствуется весьма незамысловатыми диспозициями. Зло в человеческом бытии — от неведения, так как если знать, что есть добро, никаких препятствий тому, чтобы его не делать нет. Отсюда следует, что обретение гуманитарности есть задача просветительская, — знание того, что можно, а что нельзя становится источником подлинной моральности.

На безмятежном пути проведения этих взглядов неожиданно возникают, однако, два осложняющих обстоятельства. Первое связано со своеобразной онтологической равнозначностью добра и зла: миром одинаково пра-

450

вят как силы божеские, так и дьявольские. (Утверждается, правда, что бог правит миром, а сатана балом, — справедливость чего, скорее всего, мы оценить не в состоянии.) Казалось бы, бог не упразднил сатану, чтобы даровать человеку возможность внутреннего выбора: лишенный последнего человек утрачивает черты субъекта, превращаясь в автоматичнейший, задетерминированный объект. Итак, чтобы быть субъектом, т.е. носителем цели, воли, действия, интереса, человеку требуется осуществлять свой свободный выбор. Но ниоткуда не вытекает, что приоритет в выборе — на стороне гуманитарных идеалов, добра. «Нет таких преступлений, которые я бы не совершил», — признавался Толстой, вслед за которым соответствующие признания на свой счет мог бы, вероятно, сделать каждый.

Второе связано с невозможностью рассчитать результаты рационально спланированной деятельности, которая в каких-то своих частях или даже в целом может оказаться нерациональной. В свое время, полемизируя с кантовским ригористическим истолкованием природы гуманитарных норм, проводивший рационалистическую точку зрения Мечников как на естественную основу этизма указывал не на долг, а на знание. Будучи фундированы знанием того, к чему они могут повести, поступки, деяния подвергаются необходимой селекции и коррекции. Как видно, Мечников опирается и воспроизводит идеи своих античных предшественников, в первую очередь Сократа. Недостаток обсуждаемой платформы — принятие чрезмерно сильных посылок, допущений, в том числе принципа всеведения, согласно которому последствия деятельности можно вычислить, предвидеть, предугадать. Все известно доопределено для бога. Человек же не бог; занимаясь поиском истины, самоутверждаясь, он блуждает в

потемках, действует импульсивно, наугад, по наитию. Отсутствие универсального канона рациональной истины в этическом отношении означает исходную амбивалентность поступков, самоутверждений, — стремясь к высокому, можно совершать низкое; благими намерениями можно мостить дорогу в ад. По аналогии с квантовомеханичес-

451
ким принципом, следовательно, сказанное позволяет говорить о принципе этической неопределенности, имеющем в полном смысле слова фундаментальное значение.

Не углубляясь в историю вопроса, подытожим, — снять данные затруднения рационалистической традиции оказалось не под силу. Никакое знание — каким представительным, глубоким, всеохватывающим оно ни было — не способно быть источником моральной добропорядочности, если человек лишен предпосылочных понятий добра и зла. Последнее понимал уже Сократ, пытавшийся найти в сознании предваряющее знание, основание справедливости и доброты. Подобное основание усматривалось им в «софросине» (благочестивом благоразумии), делающей нас высокоэтичными. Не оспаривая возможность такого концептуального хода, укажем на его гносеологическую несовершенство. С позиций последовательно и полно проведенных рационалистических стандартов доказательности он не выдерживает критики. Ибо полагать относительно чего-то, что оно имеет место просто в силу своей изначальной присущности чему-то, означает подрывать требования закона достаточного основания, рассматриваемого рационалистами как *conditio sine qua* поп всякого доказательства.

Ригоризм. Настаивая на непреклонном соблюдении моральных правил, предъявляет жесточайшие требования к поведению, которое согласуется с долгом; следование долгу объявляется высшим критерием нравственности. В такой линии есть резон.

Моральное сознание, автономное от легальной сферы и выступающее атрибутом не гражданина, а личности, по сути не ориентировано ни на государственные, ни на социальные институции; оно самодостаточно, самозамкнуто, самоидентично, обращено на себя. Функционируя не по принуждению, а по побуждению, в самом себе находя удовлетворение, оно подчиняется внутренней необходимости, каковой является долг. Сильной стороной здесь оказывается понятие самосовершенствующейся личности, стремящейся через долг (средство) достичь высот чело-

452
вечности (цель). Однако этим достоинства ригоризма, пожалуй, и исчерпываются. Ригоризм испытывает сложности в части:

а) уточнения определенности долженствования: абстрактное долженствование — формально, в соприкосновении с экзистенциально полноценной личностью оно не способно прояснить, чем обоснован пуританизм как жизненная программа. Даже, казалось бы, все предусмотревший Кант в ставке на долженствование не в силах снять вопрос, долг — откуда, зачем, почему? Проведение ригоризма у него крепится на допущении весьма «неформального» — своекорыстного фактора, каким является надежда на расположение бога, гарантирующего

бессмертие. Формулировка «чистых», «несодержательных» оснований долженствования (на что претендует ригоризм), — как представляется, — задача неразрешимая;

б) увязывание свободы с долгом. Свобода — понятие не негативное; она — свобода «для», «к», а не «от». Долг же по своему статусу существенно ограничивает проявление свободы: обязывая согласовывать действия с императивами, он оставляет открытой проблему творения потенциального (рискованного) бытия;

в) моделирования завершения императивного мира должного (модальность *de dicto*) в мире сущем (модальность *de re*). На примере Сенеки, поучавшего, как жить, но не следовавшего в собственной жизни своим заветам, ясно, что здесь проблема. Жизнь дает немало примеров зависимости между долгом и моралью отнюдь не прямой, а подчас обратной.

Во-первых, долг способен не только не предотвращать, но санкционировать и стимулировать преступления (опыт войн, заливших кровью историю человечества). Во-вторых, отрешенный, сухой долг не в силах тягаться с пол-

453

нокровным здоровым чувством. Влечения, аффекты берут свое, требуя разрешения, — ситуация презревшего долг отца Сергия.

Утилитаризм. Связывает гуманитарность (моральность, добропорядочность) с характерным устремлением индивида к собственной выгоде, удовольствию, счастью. «Не надейтесь, — утверждал Бентам, один из основоположников утилитаризма, — что кто-нибудь двинет для другого хоть... пальцем, если не получит от этого никакой выгоды, никакого удовольствия».

Перед нами вариант этического аболиционизма, возникающий вследствие перевертывания реальности с ног на голову. Как отмечалось, диахронический срез вопросов гуманитарности подтверждает наличие в ней элемента утилитарности. Однако речь здесь идет об общеродовой зависимости: адаптационный процесс легализует вектор трансляции полезных форм от общего к частному, — полезное для вида, — обязательно для индивида. На чем и основано групповое выживание. Иного социально значимого вектора трансляции полезности не существует. По этой причине центрировать в качестве критерия гуманитарности признак максимального достижения личной выгоды означает вольно или неосознанно принимать эгоизм. Но эгоизм, каким бы «здоровым» он ни был, — неадекватная база конституирования гуманитарности.

Утилитаризм болен двумя неизлечимыми болезнями. Первая — неспособность ввести понятие пользы самой по себе посредством расчета выгод и потерь, приобретений и убытков. Действительно, какой арифметикой вычислить ту грань, разделяющую ослепленных погоней за выгодой скупцов, стяжателей, скопидомов и живущих разумной достаточностью моральных людей? Вторая болезнь утилитаризма — релятивизм. Наделяя выгоду титулом высшей ценности, превращая в эфемерность моральобразующие отношения (долженствование, совесть и др.), утилитаризм разваливает гуманитарную ситуацию. Если обязательства выполняются в погоне за выгодой, ни на кого нельзя положиться. Фундаментальный гарант цивилизо-

454

ванной коммуникации — совесть как лично «невыгодная», но человекоуважающая инстанция, атрофируется. Ведь если наш век короток, и надо успеть, счастье обретается любой ценой, то незачем церемониться в средствах. Учитывая решительность, непреклонность воли каждого охранять свой интерес, проживание в организованном на подобных началах социуме оказывается труднопредставимым.

Гуманитарные отношения на прагматический язык не переводятся. Нравственность и этичность, справедливость и благочестивость полезны при их бесполезности (Платон), в чем и обнаруживается их гуманитарность.

Эвдемонизм. Расценивая его не как разновидность гедонизма (натурализма), возможно трактовать его как заслуживающую внимания доктрину, которая выводит гуманитарность (мораль, добродетель) из опыта обретения счастья (блаженства) через самоограничение, упражнение, достижение внутренней свободы, независимости от дешевых соблазнов, давления страстей. Оценивающие суждения существа данной программы во многом созвучны аргументам, предъявленным ригоризму и утилитаризму.

1. Добродетель и блаженство трудносовместимы. Если удовольствие — единственная ценность жизни, которая, являясь объектом желания всех, оказывается мерилем расстояния, на каком каждый во всякий момент времени находится от цели, то как избежать войны всех против всех вследствие безудержных (эгоистических) тенденций достичь цели — приобщиться к счастью, удовольствию, наслаждению. Вместе с тем быть добродетельным означает уметь жертвовать удовольствием, которое зачастую недобродетельно, на стороне порока. Но жертвовать — во имя чего? Каждый свое счастье понимает по-своему, идя, как говорит Эпикур, туда, куда влечет его наслаждение. И если я сам — высший суд своему счастью, то может ли кто-либо доказать мне, что на пути к счастью я ошибся. Собственно, как это сделать?

455

2. «Счастье» — весьма неопределенный стандарт жизнепонимания. Во-первых, счастье одного нередко строится на несчастье другого. А на вопрос «кто виноват?» в силу многозначности жизненной правды удовлетворительного ответа добиться не удастся. Реставрируя интригу «Кто виноват?», задумаемся: виноват ли Бельтов, что полюбил; Крупов, что стоял у истоков несчастной любви; Круциферская, что дала волю чистому чувству, виноваты ли все они, вместе взятые?... Ни один из допустимых ответов на заданные вопросы не может рассматриваться как исчерпывающий, окончательный. И это — ввиду альтернативности, поливариантности этической ситуации, где нет одной объективной истины (есть ли такая вообще?), а есть веер субъективных истин. Во-вторых, затруднительно уточнить денотат «счастья»: есть ли оно завершенное состояние (опять-таки — есть ли такое?), или никогда не завершаемый процесс его (состояния) обретения (Милль, Достоевский). В-третьих, персональное счастье основано на любви, а любовь как чувство — переменчиво. Лишь любовь к себе, настаивает О.Уайльд, есть

«единственный роман, длящийся пожизненно». Значит, и в данном случае требуется изыскивать противоядие эгоизму.

3. Восхождение к счастью не синхронизировано с восхождением к нравственности. Очень точно высказался на этот счет гётевский Вертер, подчеркивая, что лучшие человеческие чувства любовь и верность приводят к насилию и убийству. К своему счастью каждый идет своей дорогой зачастую без оглядок на «выдумки» моралистов.

Теизм. Для исправления от несовершенства неправедному, греховному человеку надлежит расстаться с претензией на самодостаточность и воспоследовать закону божию, откуда почерпнуть наставление к благочестивой, благонамеренной жизни. Argumentum primatum теистам

456

заключается в том, что религия как пласт духовности не может играть роль остова добродетели по причине своей гетерогенности, внутренней расслоенности — достаточно острая конфронтация разнородных конфессий, символов веры, наличия диссентеров, верных и неверных и т.п. С течением времени все крепнет убеждение, что заблуждался апостол, говоривший: «Христос разорит преграду разобщения и вражды». Он оказался неправ не только в отношении людей, но и церкви. Бог в клерикальной оболочке — неадекватная основа конституирования гуманитарных связей.

Сказанное относится к трудностям через призму внешней критики позиции. Представление о трудностях под углом зрения внутренней критики позиции возникает из богатейшей проблематики теодицеи. Почему праведный всемогущий творец не исключил предпосылки греха и зла из творения? В порядке ответа на вопрос возникали многочисленные ad hoc конструкции.

1) Бог наделяет человека свободой, но не задает правил ее использования; зло, следовательно, — в самостийности, инициативности человечества;

2) зло — одно из несовершенств сотворенного, функционирующего в автономном режиме по своим законам;

3) Бог — исток разума, разум — исток души, поэтому возможности для души вторичны, непосредственно Богом не детерминированы;

4) человек — существо дуальное, способное и на добро, и на зло;

5) зло есть в Боге (имманентный подход), но не потому что он Бог, а потому что в нем некая темная основа бытия — «природа в Боге»;

6) если бы Бог знал, что творение повлечет зло, он воздержался бы и от творения добра, а это было бы жертвой неоправданной.

Порок локален: он входит в добродетель, точно яд в лекарство.

457

Характерный изъян всех этих «рациональных» моделей — искусственность, многократно усиливающаяся тривиальной апелляцией к здравому смыслу: во всеовершенство творца должно быть предзаложено всезнание. Бог, сотворивший мир, принимает на себя за него полную ответственность. Благословлять и убийцу, и жертву нельзя; нельзя быть «над схваткой».

Сциентизм. Этот термин объединяет множество декларативных программ «строгости» обоснования гуманитарности с опорой на **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

термины и стандарты точных наук. Таковы геометрия (Гоббс, Спиноза), физика (Гельвеций), физиология (Гольбах), география (Монтескье) нравов. Необходимости пространной оценки обозначенной линии нет. Во-первых, понятие «строгости» как эпистемологическое кредо релятивно; оно не имеет экспликации вне явно фиксированных систем отсчета. Во-вторых, обобщая и перефразируя Вольтера, правомерно утверждать: естествознание и математика оставляют гуманитарность такой же, какой ее находят.

Гуманизм. С этих позиций гуманитарность — культурная матрица деяний, фундаментальная ценностная константа человеческого общежития, которая обусловлена логикой объективного вершения жизни. Гуманитарность (добродетельность, моральность) начинается с запрета, традиции и венчается долгом, соответственным уровню самостоянья высококультурных соvestливых существ.

Естественный отбор, разумеется, не создает этику, он закрепляет диспозиции к альтруистическим типам поведения в коллективе. Укореняясь, эти диспозиции дают простор человеколюбивым, добронравным ориентациям. Не будет преувеличением утверждать, что эволюция идет под знаком прогрессивного нарастания специфически гуманитарных форм межиндивидной регуляции, набирающих силу в череде переходов от табуации к этикету, развитой системе права, этики, морали; принуждения, навязываемого извне кодекса к побуждению, самозаконности самоутверждения; от гетерономии к автономии; от властно-законодательных определений к благоразумно-благо-

458

честивой свободе. Этика, таким образом, кристаллизуется из тенденции к видосохранению (антропогенетический фактор) человечества в целом. Мораль кристаллизуется из тенденции к индивидосохранению (культурологический фактор) отдельных представителей человечества как членов общества, существ гуманитарных. Выскажемся пространнее.

В отличие от этических связей, по-видимому, имеющих генетические корни, моральные связи полностью благоприобретенны; они — суть чистый продукт воспитания. Человек морален тогда, когда, действуя самостоятельно, руководствуется некогда усвоенными им нормами. У гуманитарного, воспитанного существа нет примитивно свободной, самочинной воли: она сообразуется с общечеловеческими устоями и велениями, отмечая степень его культурной, гуманитарной зрелости. Отсюда деяния захваченного гуманизацией субъекта не могут не быть моральными и наоборот. В этом — секрет законосообразности связи индивидуального и социального, частного и общего, морали и нравов.

Конечные, частные индивиды мыслят и хотят различно, но, будучи гуманитарными, действуют одинаково.

Скажем, проблему своего счастья они ставят по-особому, однако средства для ее решения подбирают цивилизные. В принципе они могут и не достичь счастья, однако высокий баланс цели и средств позволяет им в любом случае сохранять самодостоинство, надлежащую чистоту жизни, цельность сознания. Как видно,

моральность выступает оптимумом самоосуществления, исходя из гуманитарно санкционированных образцов, самых совершенных целей (Аристотель).

Программа гуманитарного генезиса (гуманогенез) ценностных абсолютов представляется наиболее адекватной. Ценностное сознание не фундируется ни рациональностью — ввиду ее ситуативности, нейтральности разума к широко понятому этизму; ни абстрактным долженствованием — ввиду его бессодержательности, неопределенности; ценностное сознание фундируется гуманитарностью.

459

Почитание ценностей каждым из нас — от органической встроенности в структуру гуманитарных отношений, к которым мы приобщаемся через каналы воспитания. Воспитание — решает нашу судьбу, закладывая вектор самовозвышения, нацеливая на единство сознания личности посредством самоуважения. Сказанное позволяет отнестись с пониманием к тому учителю физкультуры, который повесил свой портрет рядом с изображением Христа — он был убежден, что сделал для человечества не меньше, чем великий предшественник-первосвященник.

8.4 Мир ценностей

8.4.1 Ценности познания

[См.: 4.2.4](#)

8.4.2 Ценности политики

История — продукт творчества масс лишь в каком-то смысле. В не менее явном и ясном смысле она — продукт деятельности имеющих физиономию лиц. История делается политикой, меняющей содержание и форму в зависимости от доминирования в конкретных локалах определенных экзистенциально-политических типов. Демонстративна цепочка с несущей структурой «социализм» — в социально-исторических нишах «народный социализм» (Италия), «национальный социализм» (Германия), «научный социализм» (Россия). Во всех вариациях «социализм» в некотором сущностном толковании эфемерен. Отсюда, между прочим, вытекает:

— плохих эндемических идеалов, поставляемых политикой народу, не бывает;

— народ не понимает поставляемых ему политических идеалов, руководствуется в самотеке жизни не идеальной (от слова «идеал»), а обыденно-практической докисической логикой;

— политические идеалы фундированы личностно-заявляющими, обмирщающими их политически-

460

ми типами (один является авторитетом, его приговоры выражают национальное самосознание, другой — никогда, ни в какой связи на подобную роль претендовать не способен).

Понимание неоднозначности переплетения отчужденного и индивидуального в политической практике стимулирует

погружение в проблему природы поставляющих процессов в политике — на что может, а на что не может претендовать политика как род социальных занятий.

При императивном подходе к политике, казалось бы, очевидно: просвещенный властитель, постигший премудрости мира, наторевший в книгах, приобщенный к высотам духа, спрягает сущее с должным, возможное с действительным, верховодит массами, направляет их на путь к чаемой, заветной доле. Императивный подход к политике, однако, предрассудок небезобидный, оказывается обращением политики в угрозу человечности. Интерпретаторам свободного склада надо идти в науку (в том числе политическую науку — politics), но не в практическую политику (policy).

Долг, повеление, настоящие ограничивают естественность, рассогласуют политический курс с током жизни. Не бывает плохих доктрин. Бывают плохие их воплощения. «Ничто не приносит миру столько вражды, и самой ожесточенной, сколько идея единства» (Бердяев); человек — звучит гордо, а выглядит отвратительно. Почему? Потому что доктрина — духовный комплекс, вырабатываемый рефлексивным потенциалом анализа. Воплощение же — практицистский комплекс, вырабатываемый активистским потенциалом вербовки.

Энергодвигательной силой политики как доктрины служит мощь мысли. Энергодвигательной силой политики как технологии служит мощь лица.

Гносеология бьется над абстрактной синхронизацией бытия и мышления, рядов идей и вещей, политология — над конкретной синхронизацией доктрины и жизни, проекта и его реификации.

461

Как добиться того, чтобы коллатерали персональной самоактуализации отвечали магистралям (заведомо вдохновительным) политических деклараций? Это вопрос вопросов.

В идеальном случае регулируемые ценностями порядки персональной и политической актуализации совпадают на уровне высокого. Есть инварианты в разрядах как личностного (константы недеформированной индивидуальности — самоуважение, долг, честь, достоинство, совесть, поддержание значимого чувства «Я»), так и общественного (универсалии типа фундаментальных социальных констант — ФСК) устройства, синхронизирующие обмирщение высокоадаптивных частных и общих аксиологических начал. Столь отрешенная трактовка, допускающая совпадение индивидуально-эгоистического и политически-типического на уровне императивном, однако, не вдохновляюща.

Императивный залог сам по себе и не адресен, и не дееспособен. Императивы проверяются в жизни многотрудной практикой испытаний, длительной всесторонней взаимообработкой огнем и мечом.

Можно требовать благочинности: удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели недостойному войти в царствие божье. В действительности в Отечестве нашем — «ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек» (Победоносцев). Можно требовать благоговения, святости: «Кажется, Франклин снимал

шляпу, произнося имя Бога». У нас же — «Бог, вера, Отечество, русские, русское — все это везде, кстати и некстати, в важном и безделицах, пишут, поют, напевают и, так сказать... без всякого стыда».²⁶⁵ Будущая Россия — Россия «честных людей» (Достоевский). В настоящем же: что делает Россия? Ворует (Карамзин).

Справедлив, хорош, красив императив. Только как его опредметить? Долг определяет естественность. Знание вселяет скорбь. Наказание не спасает. Счастье покоится не на красоте, а на отсутствии страдания...

²⁶⁵ Батюшков К. Н. *Нечто о поэте и поэзии*. М., 1985. С. 179.

462

В чем же заветное совпадение личностных и политических воплощений? Оно не в императивах, а в позитивной естественности реально-реалистического существования. Когеренция политики и жизни — в превознесении жизни. Процедуру фронтальной реабилитации жизненного мира применительно к духовности, ориентированной на науку, провел Гуссерль. Нечто подобное по соответствующей реабилитации жизни следует сделать и в отношении доктринерствующей политики.

Резонерствующий рационализм обезглавил культуру. Выход из плена принуждающего сциентизма Гуссерль связывал с возвращением к допредикативному опыту, оправданием доксы, представляющей «царство изначальных очевидностей, не достигших еще точности и математизированно-физической идеализации».²⁶⁶ Выход из плена одурманивающего политического сциентизма следует связать с обретением твердой почвы бытия обыденного, в котором коренится здравосмысленность всякого значимого начинания. Экзальтированное доверие иницирующему политическому разуму необходимо сменить его всесторонней критикой. Критикой обыденной жизни, которая есть главный Аргус политики, этой «капризной дамы с претензиями» (Плеханов).

Политический разум не способен охватывать происходящего. И дело не в специфичности политического разума, а в природе разума как такового. Разум обнаруживает неомощность при соприкосновении с жизнью. Глубоко прав Бозций, говоривший:

Страстно хотите, чтоб разум

К свету нас вывел, но будет

Мраком погублен, кто взглянет

В бездны его, и утратит

Высшее счастье навеки.

²⁶⁶ Husserl E. *Erfahrung und Urteil. Untersuchungen zur Genealogie der Logik*. Praga, 1936. S. 44.

463

Политика не объясняет, а изменяет мир. В этом инферальность. Инферальность преобразующей гордыни на априорный (доктринальный) манер насиловать, принуждать достигать прокламированного. Благо просточеловека для политики — пустой звук. Она комбинирует громадьем планов, программными идеалиями, выхолощенными в смысле личностном. Подобно набирающей силу в сфере духа утрате камерности, персоналистичности — на выступлении «Beatles» в 1964 г. в США смогли побывать 73 млн. человек, тогда как на первом концерте Чайковского в 1891 г. в тех же США — 2 тыс.²⁶⁷ —

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

соответствующая обезличивающая механизация в виде «удаления от конкретного человека» отмечает и политику. Захваченная логикой машинообразной кулуарно-партийной корпоративной самоцельности политика приобретает черты «человеческой зоологии», рьяной на поиск в полной темноте. В угоду конъюнктуре прибегая к скороспелой импровизации, политика охотно жертвует жизнью живущей по заветам предков личности. Вдумаемся в ленинское признание: «Мы предполагали без достаточного расчета непосредственными велениями пролетарского государства получить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкобуржуазной стране».²⁶⁸ Без расчета в мелкобуржуазной стране велениями государства предполагали получить коммунизм. Чудная и чудовищная афера! Избирать путь радикализма, лишая целый народ исторического прошлого, культурных традиций... Что же вышло? Погибельное отпадение от России. Затратное политическое прожектирование противостоит чувству жизни, причем, последнее всегда — жертвенная сторона — в противостоянии авантюрным кампаниям («новый человек», «новый порядок») всегда отступает. Политике нужны великие потрясения, народу нужна добротная будничная жизнь. Из высших идеалов, партийно понятого «прогрессизма» политика зло-

²⁶⁷ Davies T. *The Beatles. L., 1968. P. 207.*

²⁶⁸ Ленин В. И. *Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.*

464

веще поступается опорами жизни. Ленин требовал превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Сталин предлагал искать главного врага в собственной стране. Трое неуполномоченных узколобых инициировали Беловежье. И одно, и другое, и третье для народа — варварство. Жертвовать государством, обществом, судьбой миллионов — дикость. И главное во имя чего? Во имя болезненного тщеславия, личной амбициозности, партийной свары, маниакальной неукротимости в стремлении к власти.

Политика не как философия, она не ограничивается фразеологией (совмещение «объяснения» и «изменения» в философии, отличающее марксизм, означало на долгие годы тлетворную подмену науки политикой). Ее обмирщаемая подпольность искажает, извращает жизнь. В этом — опасность. Политика не ведает, что порождает. Отрыв ее от здравомысленных жизненных ценностей, реалий плодит химеры — химеры большевизма, культа личности, хаоса псевдореформаторской перестройки.

На уровне императивном политика должна (!) сопрягаться с понятием личности, ее самоопределением, нравственностью. На деле не так. Для светлейших умов человечества оказывалось непосильным соединить в общественном устройстве личную свободу, экономическую эффективность, социальную справедливость. Это не удалось претворить ни одному правителю, ни одному государству. И поныне «гражданский мир», «гуманизм», «качество жизни» оказываются несращенными. Сходное в другой плоскости просматривается в отношении иной капитальной троицы

— «свобода», «личность», «творчество». Ни одна из воплощенных в истории социальных организаций не ведала искомой полноты самоактуализации. Возникает вопрос: как жить?

Наш ответ на него таков: отказываясь от доктринального социотворчества, политики принципов, следует жить мирскими интересами, обозримыми, трезвыми значимостями. Подобный разворот, предполагая реабилитацию жизненного мира относительно политики, предает забве-

465

нию безответственное реформаторство, тираноборство, корпоративный эгоизм, «авангардизм». Требуется жить ответственно, не дразня, а укрощая демонов партийного «прогрессизма», упирая на экзистенциальную, национальную, цивилизационную идентичность.

Революционер — временщик — мыслит и действует конъюнктурно. Лицо из народа — патриархал, пространственник — руководствуется устоями. Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам ценна абсолютно в обход партийно-политических кодификаций. «Отчизна», «народ», «человек» нетленны, самодостаточны, достойны любви за то, что они есть, а не в силу причастности к «передовому».

Итак, жизнь, действенный интерес — программа подчинения им политики стягивается в следующие пункты. 1. Аналогично гуссерлевской дихотомии «беспочвенно висящей в воздухе науки — зримых укорененностей жизненного мира» противопоставим политике *policy* политику *politics*. Политическая доктрина (*politics*) — фундаментальная дисциплина с традиционными функциями науки — призвана описывать, объяснять, предсказывать, т. е. моделировать, но не трансформировать реальность. Политическая техника (*policy*) — конкретные политические курсы, линии, исходя из концептуальных схем (политическая хроногеометрия, геополитика), коррелируются с доксихическими интуициями. Придаваемый политике смысл «впереди бытия» (Франкл) коренится в царстве обыденности, где вершатся наиболее ценные, стоящие «медленные труды» по воспроизводству жизни, пролонгированию существования. Без привнесения из повседневности ценностей политика не является совместным типом проведения гуманитарных целей, процессом «культурной субъективности» (Гегель), формой решения и перерешения судеб мира в сознании локальной и глобальной ответственности.

466

2. Политическая технология (*policy*) — инструмент устроения жизни — массовой, практически-обыденной, повседневной. Она не может строиться на отрицательной относительно народа идее. Это нелепость — «навязывать народу учреждения, к которым он не пришел в своем собственном развитии».²⁶⁹ Иначе — насилующая тирания, автократия.

Взрывное воздействие на реальность недопустимо в политике. Разогнали Учредительное собрание — получили гражданскую войну (Добровольческая армия, костяком которой были выражающие интересы крестьянства эсеры, сражалась за легально избранную Учредилку); распустили Верховный Совет — получили гражданский кризис 1993 г.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Политика — средство мира, а не войны, она не должна деформировать жизнь просветлениями — объективацией умозрительных отрешенных проектов. Питаемые здравым смыслом обозримые ламинарные улучшения — постепеновщина, мелиоризм, эволюционизм — подлинные рычаги народоправной политики.

3. Жизненный мир — альфа и омега политики. Общественными реализациями политики выступают два модуса — насилие и влияние. Первый случай — оторванность или отторгнутость от народной жизни, второй — корреспондированность с ней. Нужна только та политика, какую приветствует народ, нужно только то правительство, какое отвечает чаяниям граждан. Политика, как настойчиво подчеркивается нами, функционирует не как институт генерации жизненных схем, а как институт выработки баланса сил — уравновешивания реформаторства и народной воли.

«Когда пытаются осуществлять путь в отрыве от народа, это уже не путь», — назидает Конфуций. Суть сбалансированной политики — раскрытие многосторонних эле-

²⁶⁹ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 383.

467

ментов политического быта, выяснение смысла существующего и возможности улучшений вместе со способами, «какими эти улучшения могут быть осуществлены без нарушения правильного течения общественной жизни».²⁷⁰

Политика — не молитва во времени, а время в молитве, намечает вектор от «освобождения к освобождению» в обретении полноты жизни.

4. Жизнь — материнское лоно, а не экспериментальная материя политики. Политика обслуживает жизнь, а не жизнь — политику. После себя потоп оставляют преступники, живущие в параноидальном мире собственной непогрешимости, иллюзионисты, толкующие политику как «искусство невозможного». Таковы в нашем столетии Сталин, Гитлер, Мао, Ходжи, Ким Ир Сен, Хомейни, Хуссейн, исповедующие кредо «Спасибо мне, что я у вас есть» и откровенно и брутально возводящие в идеал варварское и бесчеловечное.²⁷¹ Нарциссическая терапия переделывания мира под себя поставляет лишь антропофагию — адскую машину массового уничтожения, технику истребления населения, наследия, истории.

5. Доктринальный логически образованный мир — универсум рационалистических ухищрений, совпадает с искусственной, опосредованной, условной, идеально-типической реальностью. Жизненный мир — естественно данный — универсум непосредственных зримостей, — совпадает с действительностью безусловной, изначально конкретной. Наука — и политическая в том числе — деформирует; ее принуждающая сила уничтожает вещи. Используя лексику И.Гарина, скажем: нет такой дьявольской попытки ре-

²⁷⁰ Чичерин Б. *Курс государственной науки*. Ч. III. *Политика*. М., 1898. С. 6.

²⁷¹ Peltold J. *Die Demagogie des Hitlerfaschismus*. Fr.a. M., 1983. S. 13.

468

альности, которой бы не доставало в убийственном политическом пандемониуме болезней: взрывы обычных и атомных бомб,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

насаждение образа жизни, концентрации, вакуумы власти, психостенические синдромы дереализации, иллюзии всемогущества, вседозволенность, магическое упрямство правителей, откровенный оккультизм, мистические предрассудки, фанатичная вера в осуществление сверхвозможного, — жестокий круговорот, уподобляющий политику пляске святого Витта.

Сошлемся лишь на два показательных эпизода истории XX в. Первый — оккультно-мистическое безумие национал-социализма, точно схваченное Г.Раушнингом: «Каждый немец стоит одной ногой в Атлантиде, где он ищет лучшую родину и лучшее наследие. Эта двойная природа немцев, эта способность к раздвоению, позволяющая им одновременно жить в реальном мире и проецировать себя в воображаемый мир, в особенности выразилась в Гитлере и дает ключ к пониманию его магического социализма».

Второй — прямо-таки патологическая страсть российских архонтов в борьбе за власть предавать интересы народа, жертвовать территориями. Иные толпятся в высоких приемных в ожидании смены политических вывесок. Такова Япония, сразу после августовского путча вышедшая с предложением, «чтобы президент Ельцин незамедлительно выступил с заявлением, что советский режим виновен во многих преступлениях и демократическая Россия отрывается от них и готова в отношениях с Японией руководствоваться Симодским трактатом 1855 г. в той его части, которая касается Курильских островов».²⁷²

Только в России территориальный вопрос увязывают с вопросом политическим (цвета флага на башне). Не сюрреалистично ли?

²⁷² Кобзев В. В. Южнокурильская проблема вчера и сегодня // Кентавр. 1995. № 3. С. 32.

469

6. Политическая жизнь недоопределена и недоопределима. Уточняя Вебера, можно сказать: мы являемся людьми постольку, поскольку одарены способностью и волей занимать индивидуальное отношение к миру и придавать ему личностный смысл. Человеку чужды калькулирующие — технологичные тенденции политики превращать людей в *tabula rasa*, на которой в согласии с тщаниями какой-нибудь «белокурой бестии» вознамериваются писать «самые красивые иероглифы» (Мао).

Колоссальный порок политики — в заведомой и незаведомой дегуманизации, переводящей человека в суррогат, эрзац, идола, схему, которая, даже будучи наполнена кровью, в точном смысле слова человеком, т.е. носителем идеально-ценностного, духовно-содержательного, не является.

Политика, эта мегамашина создания предметов человеческой среды, выражаясь по-гегелевски, — источник огромного бесконечного богатства: мира воззрений, знаний, внешних благ, прав, поступков, одновременно и индуктор деперсонализирующей унификации, идентифицирующего насилия. Политика атрофирует сокровенное — что-то такое, что только сам человек может открыть в свободном акте самоизъявления и слова (Бахтин). По этой причине вслед за Нэсбитом правильно утверждать: чем более наши образы жизни становятся схожими, тем более прочно мы будем держаться за такие ценности, как человеческие убеждения о типах жизненного поведения и предпочтительных гуманитарных целях.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

7. Дабы не быть превратным, политический праксис заявляет о себе достаточно адекватно, когда согласуется с очевидностями жизненного мира. Говорят о реформах, инновациях — прекрасно. Но не с тем, с кем надо. О благе народа надо говорить с народом, беря в расчет не доктринальные, а жизненные обстоятельства. Оценку возможного осуществляет фундаментальная наука. Политика занята оценкой

470

реального. Вслед за аббатом Галиани в политике нельзя представляться советником по коммерции в стране, где нет коммерции.

Мыслить и чувствовать так, чтобы заставлять чувствовать других, — кредо суггестора. Мыслить и чувствовать так, как мыслят и чувствуют другие, — кредо политика. Пытаться создать универсум «подлинной жизни» как нечто, располагающееся за пределами универсума жизни реальной, политически бессмысленно. Политика — не знание о мире, а знание об устройстве мира. Знание реалистичное, опирающееся на народную волю.

Кризис политики отображает изменение равнодействующей, не может вызывать кризис жизни. В политику должен проникнуть дух радикализма жизненной ответственности: вместо беспочвенных притязаний на «конечную истину», «первоисточное», ее честолюбие должно ограничиться легальным оформлением баланса интересов, чуткой реакцией на запросы существования.

Кантовское деление антропологии на физиологию и прагматику — то, «что делает из человека природа», и то, «что он как свободно действующее существо делает или может и должен делать из себя сам»,²⁷³ силу утрачивает. Утрачивают силу и допускаемые классиками антропологии прежние фундирования частичных признаков человека. Существо последнего связывали:

Шелер — с широко толкуемой духовностью, способностью к созерцанию;

Плеснер — с эксцентричными реакциями на среду, самоизменениями;

Гелен — с культуротворчеством;

Ротхаккер — с цивилизованным стилем жизни.

Каждый из них по-своему прав. И каждый — заблуждается. В нашей ситуации, когда, используя мысль Гердера, человек в полной мере оказывается вольноотпущен-

²⁷³ Кант И. Соч. Т. 6. М., 1966. С. 351.

471

ником природы, частная правота корифеев прошлого перестает быть осязаемой.

Через свою деятельность человек, утрачивая частичность, проявляет себя универсально. Он становится существом, самим себя создающим, интерпретирующим, на себя указующим. Не природа, не антропологические детали, а человек как целое реализуется фактором *prima*. Лишь болезнь да пороки времени от времени напоминают о его связи с природой, корнями естественными. Оттого натурализм, частичный функционализм вытесняются антропологическим универсализмом. В антропологии, таким образом, не проходит охранительная установка Антиоха

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

«следовать древним!»

Следовать некому. Представители классики оказывались недолговечными и редкими свидетелями проникания культуры в природу и историю. На современной глобальной неклассической и неонеклассической фазе цивилизации культура срастается с природой, с историей. В основе этого — активистское человеческое своеволие.

Настоящее перекрыло дистанцию человека относительно мира. Человек полностью открыт бытию, бытие — человеку. Настала пора нового нелокального планетарно-космического понимания человека (приоритет такой постановки в антропологических терминах принадлежит Плеснеру), где человек выступает всеобъемлющей миротворящей силой. Слои бытия, и дальше — больше, кристаллизуются как культуротворческие. Нестандартная, нетрадиционная онтология требует обновленной рефлексивной доктрины в виде всеобщей теории человеческого действия как теории очеловечения мира.

Человек — центр универсума, ядро философии. Истинный поворот в метасознании должен быть антропологическим поворотом. Не объективизм как концептуализация натурно-вещных форм, а антропологизм как концептуализация продуктивных актов творения. Нервом подобной теории является вопрос о перспективах родовой адаптации, выживания в новых условиях. Поскольку предустановленной гармонии между логикой созидательной де-

472
ятельности и логикой бытия самого по себе нет, возникает задача выработки гарантий потенциального культуротворческого вершения жизни.

Потребительское общество себя изживает, уступает место инновационному продуктивному обществу, которое, по сути, работает в режиме незапрограммированности, рисковости. Учет этого взрывает оплоты классической рациональности, различающей функциональную и субстанциальную ее модификации. Первая — источник «разумного, доброго, вечного» связывает с усилиями «просвещенного авангарда», принимающего решения наверху. Вторая — целесообразно-разумное выводит непосредственно из человеческой природы. Оба подхода ущербны, что демонстрирует обобщение данных как жанра исповеди (этот жанр воплощает идущую от Августина и Руссо секуляризованную идею судного дня в публичном самоисполнении) — политических мемуаров, так и многочисленных свидетельств проявления нерационального своеволия, девиантного поведения, о чем речь шла выше.

Человек — хозяин судьбы. Но если строительством ее он занят без кодексов и «логарифмов», охраны свобод подобных себе, общежитие идет вразнос, обретая черты всепорочности. Возникает капитальная проблема сдерживания индивидуального и социального бунтарства: если творчество есть реакция на ограничение прав и обстоятельств, обостряется вопрос оптимального регламента сосуществования. На персональном уровне это — противоядие индивидуализму и эгоизму, пустопорожней демагогии, скандальной тенденции выделиться, общему человеческому несовершенству, сказывающемуся в

ненависти, неприязни, отсутствии способности говорить друг другу «Ты». На групповом уровне это — противоядие деспотии. «Нужно, чтобы в каждой стране был свой собственный демон», — провоцировал Лютер. Отчего же? «Пока государство исторически необходимо, сохраняется необходимость править людьми, каким бы ни был правящий класс, — всегда будет стоять проблема вождя, проблема вождя. Есть социалисты, считающие себя марксистами и революцио-

473

нерами, а значит, признающие необходимость диктатуры пролетариата, но при этом отрицающие диктатуру вождя, отрицающие индивидуализацию, персонификацию власти... Они хотят диктатуры, но отрицают единственно исторически возможную ее форму. Все это разоблачает не только этих мыслителей, но и всю политическую линию, которой они следуют»,²⁷⁴ — резонно замечает А. Грамши.

Человеческая демонология в неумаленном объеме — волонтаристский тип организации, всемерно дискредитированный прошлым. В качестве морали из истории вытекает императив личной и общественной годности, завязанной на долг, честь, совесть, совершенство, воплощение фундаментальных индивидуальных и социальных констант. «Постарайся исполнить свой долг, и ты сразу же поймешь, на что ты годен», — советовал Гёте. Поэтами рождаются, людьми становятся. Быть человеком, отцом, гражданином, оставлять после себя осязаемое наследство и наследие, — нет призвания важнее. И это призвание достойного человека.

Между сном и сном живет ребенок. Человек живет злобой дня — утверждением, заботой. Он не ведает беспечного бытия (заблуждался Рильке, допуская, что «беспечное бытие — пение». Пение в модусе «отпевание» опровергает сей взгляд на вещи), свою жизнь он полагает реальной актуализацией себя в жизни. Непоправимо ошибался Степун, считая, что каждодневная жизнь — не жизнь вовсе: «Она — стремление к жизни, ожидание жизни... вечно возобновляемая, но и вечно неудачная попытка перестать топтаться у подножия жизни и подняться на вершину ее».²⁷⁵

Подлинной жизни вне реальной жизни нигде нет. Подлинная вершина жизни — полноценный позитивный процесс существования. Высшие, а потому отрешенные идеи, идеалы (жизни, ее модусов) жизнь опровергает, она их предает всегда, неизбежно.²⁷⁶ Великое в жизни свершает-

²⁷⁴ *Ordine Nuovo I. M.*, 1924.

²⁷⁵ Степун Ф. *Трагедия и современность // Шиповник. 1922. № 1. С. 83.*

²⁷⁶ Там же.

474

ся в тиши; кульминацией жизни является не героическое, а обыденное.

Неупущение возможности обретения «Я» достигается не в пограничных прозрениях (хайдеггеровская «смерть»), а в полноте всебытия жизненного. Откровения, полные глубокого смысла, — правила, устои, фигуры мирского «Я» — «Ты» взаимодействия. Та же любовь нацелена на личность как воплощение ценности, но не на обезличенную ценность как выражение стоящей за ней идеи.

Жизнь человека в мире раздваивается: он погружен в обыденное и историческое измерения. В обыденности важно устоявшееся, седиментированное наследие, что от предкового опыта, на который индивид посягать не волен. Несоответствие частной практики общей, фиксированной в вере традиции «свидетельствовало для древних лишь о нарушении каких-то магически важных условий совершения определенного действия, а не ошибочности веры. Убеждал только коллективный опыт всего общества, а он считался воплощенным в традициях предков. Древний человек... обращен лицом к прошлому». ²⁷⁷ Аналогично просто-человек в обыденности, проявляя здравомысленное пуританство, не порывает с традицией, давящей на него тяжелейшим грузом давности.

В историческом измерении ценится новое, инновационное. Разрушая текстуру обыденности с ее преемственными единствами, консервативно-умеренными канонами «Все значимое — не ново, все новое — незначимо» (К.Пигров), историческое вводит иные способы обработки переживаний, субъективного опыта. Причастный к историческому — небожитель, видящий звезды над головой и спотыкающийся на земле бренной.

Обыденное — профанное и историческое — сакральное несоизмеримы. Сиюминутное и вечное несопрягаемы. Но чем более гений удален от обыденности, тем мас-

²⁷⁷ *История Древнего Востока. Ч. 1. М., 1983. С. 147.*

475

штабней его трагедия. Это справедливо для всех случаев первопреходства, в первую очередь политического.

Подрыв баланса обыденного и исторического, профанного и сакрального, народного и героического развязывает противоречащий ФСК свинцовый опыт гражданского мифотворчества. Драма Гамлета — в дуализме знания и бездействия. Драма жизни — в монизме псевдознания и административного восторга по неумемному действию.

Сознание управляет бытием. Однако будучи не подкреплено высоким духом понимания жизни, сознание в угоду «рациональному» схемотворчеству, возводя хрустальный дворец, роет котлован. Образ зари Нового Дня повергает на дно социальной Ночи. Возникает несообразное: начинают действовать жернова войны, откуда-то из подспудья темной лавой вытекает племенной национализм, чистый воздух гражданского мира отравляется угарным газом социально-классовой розни. Приходит кто-то и говорит: «Это вы... не можете, а мы... все можем». Жизнь переходит в стадию тлетворного скотопригоньевска. Последний благородный становится парией.

Разные признаки подчеркивают, что прожектерство, «научное управление обществом», сознательный контроль событий, подчинение жизни пути «прогресса» плодят химеры. Это утопический затратный пережиток — всесторонняя рациональная экспертиза жизни. Жизнь во многом нерациональна: время накладывает грим на лица героев, осуществляют колебания 180-градусного размаха принятые оценки, респектабельное оборачивается сомнительным, сомнительное — респектабельным, дорогое на проверку предстает дешевым, уцененным хламом, пачкой

просроченных векселей. Мужество в истории не было бы мужеством, если бы базировалось на точном предвидении. Гуманисты типа Будды, Сократа, Христа, отвергая насилие, пользуются языком судей (наблюдение Б. Маркова)...

В жизни много непонятого, но не потому, что ум слаб, а потому, что это не предмет ума. В вопросах жизненно-человеческих феноменов нет места линейным рациональ-

476

ным классификациям, — человеческая жизнь постигается человеческой жизнью.

Жизнь — игра с неявным, непредсказуемым исходом. Преодолеть, превзойти этот сущностный структурный момент жизни тщились многие — сионские мудрецы и кремлевские мечтатели, возомнившие о себе лишнее духовные жрецы, по недомыслию оракулы и мистагоги, авантюрные устроители, укротители, лихие перестройщики мира. Имя им — легион коновалов истории, расширявших пределы трагедии от вмешательства обстоятельств и рока до вмешательства горемык по прихоти.

Систематическим невыверенным кавалерийским набегам на жизнь должен быть положен конец. Технократические, сциентические хилязмы, социотехнические манипулирования в их неспецифической жизнеустроительной функции суть элемент архаичного идеистического сознания. От имени *ratio* в жизни до сих пор плодили варварство. От лица прогрессистского всеведения упрочали разрушительные предрассудки.

В настоящем выявлен свод общих мест большой конструктивной силы. В их числе: непредсказуемость в развитии науки, социальных ситуаций, человеческих действий, вариативность интересов, импульсивность чувств. Из чего следует принципиальная стохастичность, незарегулированность жизни, ее игровой статус.

Коль скоро это так, возникает радикальнейший вопрос предпосылок такого предмета, как существующая для нас жизненная история, которая в свою очередь может быть также объектом рефлексивного исследования.

Истина, соединяющая всех по эту сторону расхождений, соткана из позитивных усилий, превозмогая пустоты, сочленяя куски рвущегося сознания, продолжать жизнь во имя жизни — неделимого настоящего, изобильности, щедрости, очаровательности «мгновения». Слепота любви полна света, в коем — радужные лучи жизни. Но кривое зеркало отражает вторым преломлением, — естественный свет жизни искажается рационализирующей процедурой, навязывающей прокрустовы схемы, программы, штампы.

477

Защита от них одна — отлучение. Отлучение мессалин и бланкистов, белокурых бестий и отцов народов, в устроительном рвении не по разумению громоздящих несообразия на несообразия и обнаруживающих столь приметное качество, как векторная инаковость относительно ритмики органического существования.

Последнее, лишенное глобальных амбиций, рассчитано на весьма узкую горизонтность с точной фокусировкой на, казалось бы, рутинные, но крайне обязывающие «эпифеномены», — борьба

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

за выживание, забота о родных и близких. Индивидуальное и общинное (органически-естественное) благо — и лишь оно — придает телеологическую равномерность, темпоральную связность жизнедействий просточеловека, позволяет усматривать в фактах жизни не «кампании», а «события». Повседневность, превращая «норму» в персонально значимую «задачу», делает из жизни жизнь. Потому жизнь — не подарок, которым надо наслаждаться. Жизнь — задание, долг, требующий исполнения (Шопенгауэр).

Первая часть вопроса о предпосылках жизни, следовательно, получает ответ: предпосылкой жизни является жизнь. Жизнь предназначена для себя самой, сопротивляется спускаемым свыше директивным планам. От личности до народа всяк кузнец своего счастья самостоятельно. Судьба жизни — в собственных руках.

Вторая часть вопроса о потенциях рефлексии жизни связывается нами с перспективами антропологического проекта.

Доктрина относительно жизни выполняет не рецептурные, перстугазующие функции: ее задача моделировать сценарии возможных линий с отслеживанием их перспектив и потенциалов. Никаких призывов к раю, укрощению стихий, достижению идеалов в виде коллективистских или индивидуалистских конструкций. Никакого освобождения от социальной инерции, перехода на форс-мажор, сверхпреодоление рутины, избличения обыденности, восстания против традиции. Теоретик движется в логических диспозициях, откуда же ему знать жизнь?!

478

Аналогичную коррекцию надлежит провести в отношении политического лидерства. Лидер, герой, вождь — не всезнающий пророк, не мессия. Некритичная, убогая вера в не свойственное ему могущество должна смениться правовым подходом, граждански ответственным, светским взаимодействием с жизнью. Политику нельзя превращать в орудие борьбы с действительностью (лесковские «соборяне»). Побудительные воздействия на подобно тебе живущих должны согласовываться с пониманием контрактного характера цивилизации.

Связь доктрины с миром конституируют не прожекты, а ориентация на ФСК, гуманитарные абсолюты. Гражданский мир, достоинство человека, благоденствие социума — таковы высшие ценности антропологически выверенной политики. Неупущение возможности обретения «Я» совпадает с периодами максимального накопления социальной свободы, с заинтересованным сосуществованием человека с человеком в рамках открытого общества.

Порок существующей политики — комбинирование целым — народными, страновыми, геостратегическими универсалиями, низлагающими индивида. Существующая политика — бюрократическая машина, нацеленная на порождение внешних форм. Как и бездушная технически индустрия, она — производство: производство вещи, общественной организации, культурных устоев. Политика утратила подчиненные, обслуживающие функции, приобрела черты предприятия самодовлеющего.

Необходимая долгожданная поправка связана с концентрацией на человеке, так как конечный вопрос политики — перспективы

человека с его нетленными ценностями, арсенал мысли и действия практических политиков — должен подтягиваться до уровня антропологического. Нет ценности выше свободного, достойно живущего человека. Везде, всегда, во всем, намечая и проводя политический курс, надо быть со стороны воли — против насилия, со стороны просвещения — против суеверной дичи, со стороны права — против изуверства, со сто-

479

роны развивающихся народов — против отстающих правительств.²⁷⁸

Мир бытия и мир ценностей в нашу многозначительную эпоху сливаются, и достоин сожаления тот, кто, выражаясь фигурально, «оставляет произнесенным основное слово» (Бубер).

Для науки важно аподиктически-универсальное, типически-родовое. Для антропологии важно гуманитарно значимое, которое и репрезентирует здесь «универсальное». Проникание в значимое, олицетворяемые им ценности выступает преодолением партикулярно-уникального, влечет достижение интерсубъективного, антропологически всеобщего.

Сказанное навеивает: реальный субъект — лицей, актант историко-политического творчества входит в рефлексию через интродукцию и реконструкцию стоящих за ним значимостей (ценностей). Поскольку последние в субъективном плане не трансцендентны (концептуальный просчет баденцев), способность теоретизации личностного — в отслеживании воплощаемых в индивидуальной деятельности ценностных шлейфов. Тайна личности разоблачается проникновением в тайну исповедуемых ею ценностей. (Ясно, почему Проспер Мериме охотно отдавал Фукидида за подлинные мемуары Аспазии или какого-нибудь периклова раба. В первом — препарированный лоск академизма, тогда как во втором — подлинный блеск и нищета мирозерцания просточеловека, живущего достижениями и упущениями своего времени.)

Нечто родственное — для антропологически ориентированной политики. Суть — в деятельности не по поручению, а по причастию. Бонитировка человекоразмерной политики идет по идентификации аксиологического фактора: разные ценности (интересы) — разные курсы, линии. Отсюда для внешней политики, отвергая линериализацию, унификацию развития, обоснованно обострять идею

²⁷⁸ См.: Герцен А. И. Соч. М., 1975. Т. 8. С. 21.

480

почвы — высших национальных интересов. Для внутренней политики, избегая каталектики, надлежит культивировать граждански ответственного субъекта, прежде — гражданина, а потом гражданственность. (У нас же, как сетовал Столыпин, «обыкновенно проповедуют наоборот».) Когда личность станет пределом политических поползновений, посягательств, тогда каждый отправляющий политику исполненный достоинства субъект может применить к себе обязывающую римскую формулу: *Feci quod potui, faciant meliora potentes.*

8.4.3 Ценности цивилизации

Потенциал цивилизации — потенциал целесообразно-разумного, продуктивного есть высшее достояние-достижение человечества. Варварство истребляет. Цивилизация созидает. Способность созидать выше способности истреблять, — и в этом конечное основание преимущества одного перед другим.

Цивилизация как созидание, творение, потенциальное обусловливание посредством предсказуемых улучшений, планируемой позитивной динамики, однако, рычаг небезобидный. Выдвинем формулу, которая, может быть, на поверхности многим покажется странной, но по осмыслению справедливой: цивилизация есть теизация. Существуют мгновения, замечает Камю, когда любой человек чувствует себя равным Богу. Богоравность приходит, когда, словно при вспышке молнии, становится осязаемым поразительное величие человеческого ума.²⁷⁹ Уподобленность Богу возникает в достижении свободы. Подлинная же и полная свобода обретается в способности выступать единственной причиной вещей. Последняя реализуется в умственном творчестве.

Достижение заветной творческой стадии «всестороннего причинения» аппетит распаляет. Оно — форпост атаки реальности. Из умственной сферы где отпадает все, что томит, стесняет душу, окрыленной верою в будущ-

²⁷⁹ См.: Камю А. *Бунтующий человек*. М., 1990. С. 92.

481

ность идей au nom du salut public производится скачок в действительность. Воистину нет границ неумной гордыне: если Бог есть, как вынести мысль о невозможности быть им не только в разуме?! С легкомысленным задором чистоту мысли возвышают над чистотой жизни; дается начало безоглядному социальному устройству.

Немощные выходки разума против реальности заведомо обречены на провал. Своей умозрительно-плановой, целесообразно-дидактичной отрешенностью. Достолюбезный псаломщик несбыточно-призрачно-обманчивого в истории — разум. Не сон разума рождает чудовищ. Рождает и умножает их непосредственно разум.

Но если носитель знамени социальной патологии разум, как, сочетая «цивилизацию» и «историю», вершить цивилизованную историю, гуманитарно выверенную, богоугодную жизнь?

Сочетать разумно-цивилизованное и гуманитарно оправданное в реальном социотворчестве — редкий дар исторического величия, которое, как выяснил Г. Федотов, имеет два смысла. Количественный: властитель — типа Аттилы, Чингисхана, Тамерлана, Ивана IV, Петра I, Сталина — в глазах «лишенной совести Клио» (Федотов) велик грандиозностью вызванных его починами затрат, жертв. Плоды усилий властителя-висельника и бандиста-рецидивиста разнятся числом пострадавших. Но не только. Они разнятся мотивацией, целеориентацией, целестимуляцией, идеологией «во имя чего все». Побуждения бандита поглощены шкурным, побуждения властителя — державным (в отсутствии подобных различий предводитель отечества — банальный бандит). Оттого количественный смысл

дополняется качественным, акцентирующим существо идеалов. Если жертвы идут на обслуживание не эгоистического, а социального, не на чистое разрушение, а созидание, имеют «отношение к ценности» государства, учреждения, нации, «величие» получает «видимость положительного значения».²⁸⁰

²⁸⁰ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 20.

482

Выходит, высокая цель (идеал) деятельности оправдывает жертвы, — история ценит не затраты, а результаты? При ближайшем рассмотрении довод не является тем грузом, который перевешивает чашу трезвомысленного отношения к жизнелюбивой истории. Не случайно Федотов апеллирует к слабой выразительной модальности, употребляя «видимость положительного значения». «Видимость» — потому, что и «результативность» не предельный и окончательный шиболет «величия».

«Последние» основания исторического суда лежат над историей: не меряются мерой деятельности успеха. Суть не в прагматизме, а в гуманизме — человекообразности, человекопричастности, вне и помимо которых — сомнения в величественности содеянного. Тем же Иваном ГУ, Петром I, Сталиным...

История не природна и не божественна. Она человеческа. В ней действуют законы неоднозначного выбора, проявления субъективного. Ток истории не предопределен, не олицетворяет прогрессивного воплощения какого-то идеала (консервативного, либерального, национального). Люди самочинно созидают историю, создавая возможности продолжения или прекращения жизни. Возможности неравнодостоинные.

Проводимая нами линия состоит в подчеркивании предпочтительности жизнелюбивых возможностей. Скажем: французская революция, выступив с идеалами свободы, равенства, братства, оплатила их ценой непомерной. Стоило ли? Концептуально вопрос бессмыслен. Будучи невосприимчивым к человекообразной тематике, разум одинаково успешно аргументирует прямо противоположные позиции. Между тем вопрос осмыслен экзистенциально. В случае отношения к истории как предприятию гуманитарному в расчет надлежит брать ценности жизнеутвердительные. С этого угла зрения человеческая социальность не создается гильотиной.

Неоднозначность деяний в истории предопределяет неоднозначность их оценок, — при структурной, функциональной аберрации идеалов имеет место дисперсия ква-

483

лификаций. Буржуазные ценности февраля — марта в России общественно перспективнее социалистических идеалов октября. Но это задним числом. В исторической — всегда конкретной борьбе людей и условий — частенько побеждает нелучший, неперспективный путь. Побеждает потому, что варианты развития не задаются — они создаются, прямо порождаются интригой.

Для Троцкого Сталин не вождь, а мародер, узурпатор. Никакой необходимости действовать, как Сталин, с точки зрения Троцкого, нет. А по сути дела? То же раскулачивание, форсирование коллективизации, осоциалистичивание села, — оправданы ли они в борьбе с многоукладным хозяйствованием? Проблему не удастся

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

оценить однозначно. Одна правда — в плоскости принятия непосредственных решений. Другая правда — в плоскости очищенной от давления злобы дня опосредованной рефлексии.

Таким образом, есть креативная конъюнктура и есть действующий в отношении нее суд разума, суд времени, — высший исторический суд. Последний упрочает убеждение неадекватности высокой восприимчивости деятельности к стихии зла: в конечном счете, в тенденции, в итоге, в принципе история благословляет технологии *in bonam partem*. Все прочее — суетливая утилитарность, имеющая, быть может, легкий, но всегда непрочный успех.

Нельзя быть более мудрым, чем твое поколение. Тем более поколения последующие. Тактически (оперативно) позволительно принять режим, замешанный на преступлении. Стратегически осуществить сие непозволительно. Значительная правда в утверждении, что концентрация ненависти к ближним, гимнастика предательства, пристрастная игра на человеческих пороках создают жизненную и ценностную базу гуманитарного реванша. Всякое «великое» в количественном смысле, отмеченное чертами затратной борьбы, тираничности, деспотизма социальное обихожение получает в веках обязательное и всестороннее развенчание.

484

Политические вывихи исправляются в истории цивилизованной гуманитарностью, в основе которой «народов вольность и покой». Или в социологической транскрипции «свобода» и «закон», ориентирующие на мир, благополучие, созидание. Желанному сочетанию данных форм требуется наличие силы, мотивирующей поступки, мобилизующей волю как власти, так и народа.

Правонеорганизованный, игнорирующий интересы целого народ обречен. Беспощадно, зло, ненужно насилующая власть обречена также. Стихия, анархия, произвол, бросая вызов реальности, посрамляется жизнью.

Свобода — особое состояние власти и народа, обретающих призвание, самореализующихся через высокую цивилизованность существования. Разгласите право на бесчестие — побегут за вами (Достоевский). Побегут. Но кто и как? В случае народа — толпа. В случае власти — самовластье. И один, и другой вариант цивилизованность, сцепленные с нею свободу, закон исключают. Применительно к народу безбрежная, безотчетная вольность в качестве вырожденного финала имеет репрессивное усмирение.

К чему стадам дары свободы?

Их должно резать или стричь!

Применительно к власти, с некоторых пор поражающей избытком собственного совершенства, упоение в присвоении лавров венцов удостоенных в качестве вырожденного финала имеет произвол.

Где благо, там уже на троне

Иль самовластье, иль тиран.

Отвратить жалко бесстыдное в жизни позволяет органическая тяга «ко всякой законченности формы» (Федотов) свободы и закона, превозмогающих нецивилизованную стихию.

Счастливое сочетание одного и другого как не внешних стяжек, а внутренней звукописи бытия обозначил исав-

485

ший идеальное в жизни Фауст. Обозначил в модели. За переживаемое торжество когда-то еще воплотимого, но уже найденного достойного останова мгновения его и разит нечистая сила. В чем идеал? В вещах вполне простых, однако великих (в качественном смысле), связанных с самопроизвольным (не самочинным) вершением малых, медленных трудов.

Идеалисты — соль земли. Революции рождаются в мозгу монахов. Но и поэтов. В откровенных, чистых, ясных строках, единящих глубину и легкость, изящество мысли, выражено заветное:

*Так именно, ежедневно, ежегодно
Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пусть живут муж, старец и дитя.
Народ свободный на земле свободной.*

Свободолюбивый строй человеколюбивого общества опровергает наполеоновское «прогресс выше гуманизма». В цивилизованном состоянии прогресс возможен лишь через гуманизм.

Эксперименты, поставленные историей, — предатели, изменники, несчастные, жертвы. Но даже они бросают вызов авторитету Ницше, полагающему: «К измельчению человека и к приданию ему большей гибкости в подчинении всякому правлению стремятся, видя в этом прогресс».²⁸¹

Верно, кривые ножи и рожи довольно часто правят миром. Но они никоим образом не исчерпывают его «значения». Люди выбирают разные пути в мире. Используя мысль М.Булгакова, можно сказать так: одни, спотыкаясь, карабкаются по дороге тщеславия, другие ползут по тропе унижительной лести, иные пробиваются по колее лицемерия и обмана. Советники зла, начальники неправды, колющие неблагородством своего облика, быстрыми шагами идут они навстречу гибели. Побеждают, находят

²⁸¹ Ницше Ф. Полн. Собр. соч. М., 1910. Т. IX. С. 80.

486

убежище, а не странствие, получают признание идущие по крутой дороге рыцарства, презирающие земные блага, но не честь.

Нельзя быть заложником шкурных идей, нужно быть заложником высоких ценностей.

Ценность как «шаблон организованных предрасположений к действию» (Шибутани) проистекает из человекоподъемных целей. Тайна происхождения ценностных «надмирных» форм в их опосредованности эмпирическими земными целями. Цели — сущности верифицируемые; претворяясь практически, гарантируя достижение оптимального, желательного, они приобретают статус общезначимых символов, потенциально корректирующих опыт вне локальных обстоятельств «здесь — теперь». Перекрытие непосредственных, сиюминутных добропорядочных действий в генерализации их целевой оснастки, превращающейся в схему обозначения типологичной деятельности. «Схема обозначения» и есть содержательный контур ценностной категории, вмещающей принятие ролей, обеспечивающей налаживание самоконтроля, иницирующей преследование интересов с разумной уверенностью в себе и в конечном итоге влекущей гарантийный лад межсубъективной коммуникации с высокой согласованностью

стимулов и взаимных реакций.

«Пройдет еще много лет, разыграется не одна война, стряется не одна революция, — утверждает Дали, — прежде чем люди наконец поймут, что иерархию не выстроить без строгой выучки. Что без жесткой матрицы не отлить форму, — такова высшая, причем крайне реакционная истина». Истина, что социальный мир крепится на значении добропорядочности коммуникации и фундирующих ее символических ценностно-целевых ареалов.

Над творимыми жизнью ценностями нет судей. Не являются ими обладающие сугубой способностью порождать идеалы рычаги революции и искусства. Последние — данники нигилизма: отрицая позитивно практическое, «ищут выход из тупика в терроре».²⁸² В чистом виде фана-

²⁸² Камю А. Указ. Соч. С. 332.

487

тик идеала — носитель нигилистической всеобщности — ужасен. Таков, скажем, гроссмановский Абарчук, беспрестанно боровшийся за идеал, все отрицающий. Его душевная сила, его вера были в праве суда: «он усомнился в жене и расстался с ней. Он не поверил, что она воспитывает сына непоколебимым борцом, и он отказал сыну в своем имени. Он клеймил тех, кто колебался, презирал нытиков и проявляющих слабость маловеров. Он предавал суду нтээрровцев, тосковавших в Кузбассе по московским семьям. Он засудил сорок социально нечестных рабочих, подавшихся со стройки в деревни. Он отрекся от мещанина-отца. Сладко быть непоколебимым. Совершая суд, он утверждал свою внутреннюю силу, свой идеал, свою чистоту».²⁸³

Утверждая без всех и вне всех. А в итоге? Пустота. Круги по воде. Молчание вечного.

Все горе и зло, «царящие на земле, все потоки пролитой крови, все бедствия, унижения, страдания, — уточняет Франк, — по меньшей мере на 99% суть результаты воли к осуществлению добра, фанатичной веры в какие-либо священные принципы, которые надлежит немедленно насадить на земле, и воли к беспощадному истреблению зла; тогда же как едва ли и одна сотая доля зла и бедствий обусловлена действием откровенно злой. Непосредственно преступной и своекорыстной воли».²⁸⁴

Горе от стремления к добру?.. Отчего это? Прибегая к соображению Ницше, — от идеального фанатизма, упивающегося отрицанием. Идеальный фанатизм (в избытке произрастающий на почве России) страшен своим отрицанием: зная отрицаемое так же хорошо, как самого себя, по той простой причине, что он вышел оттуда, там его дом, втайне он постоянно боится вернуться туда, хочет сделать возвращение туда невозможным для себя именно способом отрицания.²⁸⁵

²⁸³ Гроссман В. Жизнь и судьба. Челябинск, 1990. С. 158—159.

²⁸⁴ Франк С. Л. Соч. М., 1990. С. 128.

²⁸⁵ Ницше Ф. Указ. Соч. Т. 3. С. 150.

488

Всеотрицающий идеальный фанатизм — опасная, подкапывающаяся под жизнь сила.

Может ли хорошая доктрина и честный дисциплинарный энтузиазм «организовать человечество»? Никогда. «Организовать» человечество нельзя; «организовать» можно человека. Правда, **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

лучше, если делать это будет он сам.

Выделим мысль Дао Дэ Цзина, говорящего: посредством нормального упорядочивают государство; посредством аномального применяют оружие; посредством отсутствия дел — ситуаций овладевают Поднебесной.

Коллективная жизнь регулируется правом. Индивидуальная жизнь — моралью. Универсализация морали залог принуждения. Универсализация права залог свободы. Каков мир, способный утолить жажду достоинства, свободы, полноты морального существования, неискоренимую в каждом человеческом сердце?²⁸⁶

В вечности пребывают боги; в суетном — презренные; в свету — пророки, поводыри, герои; в покое — обретшие.

Каждому — по его вере и по его доле. Каков же идеальный удел в совокупных плодах победы?

Социальное моделирование обозначает два сценария идеального человеческого самообретения.

Один — ситуация полноты бытия (в отсутствии суеты сует), где днем можно гулять со своею подругой под начинающими зацветать вишнями; вечером — слушать музыку Шуберта; где всегда приятно писать при свечах, слушать беззвучие, наслаждаться тем, чего не дано в жизни — тишиной, покоем, умиротворением; где приходят те, кого ждешь, любишь, кем интересуешься, кто не тревожит; где засыпаешь с улыбкой на губах, где рождается чудо, царит достаток.²⁸⁷ Исчерпывающее самообретение утопично, как утопична жизнь, представляющая нескончаемый «день радости и счастья» (Бунин).

²⁸⁶ См.: Камю А. Указ. Соч. С. 335.

²⁸⁷ См.: Булгаков М. Мастер и Маргарита. Минск, 1988. С. 655-656.

489

Другой — ситуация активного самоутверждения: преодоления суда и гнета внутренним ростом, социально значимым творчеством. Возврат процветания подламывает революцию, создает почву для победы реакции — прокламируют в Коммунистическом манифесте Маркс и Энгельс. Рычаг преобразования мира — социальный кризис? С позиций перспектив выживания установка «чем хуже, тем лучше» — дикая. Моральная темнота, помноженная на социальную агрессию, всегда разрушала чувство исторического присутствия, плодила репрессивные фантомы. В качестве масштабных противодействий последним разворачивались мощнейшие общечеловеческие движения: сексуальная революция, авангард, постмодерн, которые правильно понимать как фундаментальные восстания против принуждения. Принуждения созидать культуру по тиражируемым канонам.

От чистого разума — к жизни; от принуждения — к свободе; от массы — к творческому лицу, — именно такова природа фазовых переходов, готовящих становящуюся цивилизацию. Цивилизацию, делающую сутью своих забот не формальные принципы и влекущие вырождение устои, а ту живую добродетель, что является непреходящей основой богоподобного человека.

8.4.4 Ценности PR

Сверхзадача PR как средства коммуникативного — налаживание

контактов организаций с общественностью, создание атмосферы доверия, достижение взаимопонимания на базе информирования людей о природе наличных обстоятельств, сущности происходящего. В триаде «цель — средство — результат» PR занимает срединное положение: выступая технологией заявления, проведения интересов, они связывают субъекта-актора с субъектом-акцептором с позиций оптимизации каналов общения, предотвращения конфликтов, выработки консенсуса.

Единоречивые суждения специалистов PR нацелены на, казалось бы, адекватное освещение текущих процессов во всем многообразии событий, взятых как целое в их внут-

реннем единстве. Здравый смысл, практический опыт, однако, заставляют сомневаться в справедливости сказанного. Самый страшный черт — молящийся богу; тонкая, смутная тревога наполняет предчувствием: исходная точка зрения на PR сомнительна, — мир приговаривает нас к позиции на сей счет вполне критической. Тревожность проблематизации исходного соразмерна ее реальным причинам: сплошь да рядом, прибегая к эвфемизмам, вместо «потоп» нам говорят «прибой».

Мы видим то, что знаем. Поставляя же знание того, чего нет, PR внушают обратное. Скажем: анонсируется выполнение высоких директив по северному завозу, готовности служб ЖКХ к отопительному сезону, целевому расходованию средств в восстановлении пострадавших от стихии районов... при фактическом срыве мероприятий.

Из рычага содействия формированию взаимоуважения, социальной ответственности, гармонизации обмена деятельностью PR превращаются в прямо противоположное: ничтожное и ненужное — некритическое лоббирование, эгоистическое промоутерство, тривиальное втирание очков, облапошивание, своекорыстную раскрутку, сомнительную промульгацию, саморекламу, направление порыва в нужное русло, тиражирование адептов.

Итак, понятия меняют смысл в зависимости от субъективного горизонта. Воспользуемся этим замечанием, дабы рассмотреть общий вопрос причин возможности ортогональной инфернальности PR деятельности в любой перспективе. Уяснению существа дела, коим выступает преодоление издержек публичности, способствует реконструкция неоговоренных презумпций, пробивание к первоисточному.

Опорные точки многофигурной PR композиции при ее идейной схематизации образуют

— общественность;

— интересы организаций. Присмотримся к ним пристальнее. «Общественность» имеет редакции: «человек-профессионал» и «человек массы». Миропредставление первого —

491

специалиста в своем деле — устойчиво, неколебимо, влияниям PR не подвластно. Миропредставление второго — дилетанта, — напротив, изменчиво, колебимо; оказывается вожделем appetitов PR. С макросоциологической точки зрения масса — диффузное множество, человеческий конгломерат, лишенный

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

социально органических признаков. Специфические черты «массы» — атрофия личностного, отсутствие индивидуального, несамостоятельность мысли, воли, действия, свернутость рефлексивного потенциала, низость морали, неимение собственного «жизненного проекта», серость, внушаемость, повседневность, некритичность, духовная зависимость, нивелированность, унифицированность. Бытие массы — некорпоративная, неустойчивая форма социального бытия атомизированных, безликих, не адаптированных к высокой культуре индивидов. Человек массы лишен четкой социальной идентификации, а потому определяем через систему отрицательных свойств; относительно доминирующих (референтных) групп он — маргинал; относительно групп происхождения он — отступник.

В массы (стаи) сбиваются социальные изгои, всегда и во все времена являющиеся предметом манипулирования, подведения под конъюнктурные авторитарно-патерналистские ценности.

В ламинарные фазы массы пассивны, в турбулентные фазы общественной жизни они неуравновешенны, агрессивны. Степень активности масс обусловлена мерой поддержки или сопротивления людям, «наделенным личностной жизнью и инициативой».²⁸⁸ В современном мире с его массовой культурой, массовым сознанием, изошренными технологиями «промывки мозгов», общественного рекрутирования, творения кумиров, производства адептов бесконечно возросла способность человека «быть дрессируемым» (Ницше). Культивация стадных, даже весьма интеллигентных, похожих на человека животных, придающая им большую гибкость в подчинении всякому управ-

²⁸⁸ Ортега-и-Гассет Х. *Что такое философия?* М., 1991. С. 4.

492

лению, повлекла всемерное измельчение человека. Понимание этого дает исчерпывающий ответ на крайне острый вопрос: почему наша культура стала «именно такой, какой сегодня является, культурой, исполненной послушания, рациональных форм господства, полезности и расчета?» (Фуко), — наша культура стала такой вследствие тотального восстания масс; масса стала присутствующим повсеместно способом быть человеком.

Масса максимизирует обывательно-мещанское, заурядно-типовое, стандартизированно-низкое, противостоит и противопоставляется всему исключительному, оригинальному, идеальному, воплощенному в началах Истины, Добра, Красоты, Пользы. В массе нет одухотворенного, морально сосредоточенного, концентрированного на возвышенном. Отменяя миг бесконечной совершенности творческого, масса собирается, дабы явить ничтожество жизнерасстраивающего, анонимного, абсурдного, хаотического. Момент вхождения в массу означает расчеловечение человека.

Разлад с собой, миром, сопровождаемый потерей веры, надежды, утратой развитого вкуса, венчается обретением зависимости, притуплением базовых гуманитарных потребностей в достойном общении, самоуважении, самовозвышении.

С количественной точки зрения масса — агрегат неразличимых индивидов — представляет не социальную, не расовую, не

национальную, не профессиональную, не поколенческую, а психологическо-поведенческую общность, формирующуюся случайно. Она есть спонтанно образующееся скопление людей, проявляющее относительное единство действий вследствие высокой внушаемости, умножающей энергию малорациональных, неподконтрольных солидарных усилий. С качественной точки зрения масса — инструмент деиндивидуализации индивида посредством безмерного сужения горизонта персональности, сообщения склонности стихийно подражать, безотчетно подчиняться внешним силам.

493

Именно подобные силы олицетворяют PR, препятствующие выходу из массы, который протекает как мучительное преодоление немой пассивности в отношении давления тех прочных, устойчивых влияний целого, где ночь властвует безраздельно.

«Интересы организаций». Оседлав «восстание масс», PR специализируются на целерациональном создании благоприятных субъектам-актерам имиджей. Зачастую сугубо и вопреки характеру ситуации, действительной результирующей сил, положительным нуждам субъектов-акцепторов. Что это такое? Говоря односложно: макиавеллизм.

Макиавеллизм как социальный феномен более сложен, чем обычно представляется. Здесь не узколобая пропаганда насилия, аморализма, а некий пуризм в отношении практически-духовных форм деятельности. Для уточнения мысли напомним: автор «Государя» настоятельно рекомендует — при совершении выгодных, но неблагоприятных поступков правитель должен мимикрировать, — всячески скрывая аморальное, изображать воплощение добродетельного: государю «нет необходимости обладать ... добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающими ими... Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстанет как само милосердие, верность, прямодушие, человечность... благочестие», особенно последнее.²⁸⁹

Следовательно, симуляция. Нацеленная не на отрицание нравственности, а на утверждение автономии политики: она первостепенна, определяющая, не подчинена ничему; все иное (мораль, религия, право), напротив, ее обслуживает. Перед нами идеология «чистой» политики — последовательно, полно, прямолинейно проведенный политизм.

В линии на эмансипацию и далее узурпацию одной формой практически-духовного опыта иных чего-то исключительного не обнаруживается. Соответствующий ход при-

²⁸⁹ Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 352.

494

нительно к экономике (производство ради производства) влечет экономизм; искусству (искусство ради искусства) — эстетизм; науке (знание ради знания) — сциентизм и т.д. Открытие Макиавелли заключается в фиксации тенденции освобождения политики от контроля со стороны прочих проявлений человечности (практической гуманности). Таким образом, обладать «добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающими ими — полезно». В подобном двурушничестве и заключается расхоже толкуемый макиавеллизм.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Не причастны ли к нему ориентированные на то же самое технологии PR, милостиво, искренне, благочестиво проводящие непотребное?

Предел беспринципности. Все дело в нем!

Порок наличных PR — универсализация частного, выставление партикулярного, локального всеобщим, глобальным. Апелляция к «человеку массы» и «корпоративному интересу» бич института PR, дающему начало игровым формам жизни, обслуживающему совокупный эффект неподлинного.

Демпфирование пороков состоит в:

— плоскость «общественность» — адресация к статусным общностям: публике, социальным кругам, нейтрализующим специфические атрибуты массы (толпы) — такие, как неистовость, стихийность, подсознательность, экспрессивность, спонтанность, конформность и акцентуирующим эмоциональную уравновешенность, кооперативность, причастность;

— плоскость «интересы организаций» — запрет, ограничение, связывание активно эксплуатируемых пропагандой, рекламой суггестивных методов влияния на аудиторию с навязыванием жизненных стандартов, стереотипов, правил, заданием всевозможных «мозговых клише», включением эмоциональных апелляций, разрывов в достоверности, психопрограммиро-

495
вания, манипулятивного воздействия, создания имиджей. Всему этому, разумеется, служат: надлежащая, оправданная экспертиза, цензура, комиссии по этике, антимонопольное законодательство, механизмы правовой, гуманитарной защиты.

8.4.5 Ценности церкви

Церковь в наш век играет роль не столько посредника между человеком и Богом, влияя на характер веры, сколько претендует на нормативный анализ реальности, дает пастве учительное общесоциальное наставление. Непредвзятая оценка реалий позволяет признать: будучи необновленной конфессией православие (как, впрочем, ислам) слишком традиционно, дабы располагать адекватной идейной основой общественного прогресса. Характерно, что социальная модернизация неизбежно определяется отходом от традиции.

В православии робкие попытки адаптации веры к новым условиям существования в относительно недавнее время успехом не увенчались. Опыты главы обновленцев Введенского, ратовавшего за «живую церковь», не привились. После развенчания Тихона православие молчаливо сотрудничало с властью на оппортунистических началах, не выступая ни народным заступником, ни народным руководителем.

Почему так? Потому что не озабочивалось выработкой всеохватной концепции общественного служения церкви на благо живущего в мире человека. Не являются прорывом принятые августовским 2000 г. Архиерейским Собором Основы социальной концепции РПЦ.

Суть в том, что:

1) РПЦ не имеет доктрины ответственности верующего перед

обществом, не имеет модели мирской этики;

2) по статусу социальное учение церкви должно быть универсально деонтологическим, что вов-
496

се не так, учитывая, что церковно-православные истины рассчитаны не на всю полноту общества, не на граждан, а на ортодоксальных восточных христиан.

Отсюда, как представляется, вклад благочестия должен состоять в обозначении перспектив, характеристике постсовременности, грядущего. РПЦ не успела дать ответ на вызов модерна в начале XX в. (как сделали католики Окружным Посланием Льва XIII «Рерум Новарум»), на вызов постмодерна в начале XXI в. (как сделали католики энцикликой Иоанна Павла II «Центесимус Аннус»), демонстрируя, что она «не от мира сего». Между тем, дабы стать, как того требует Евангелие, одновременно «солью земли», «светом мира», церкви нужен план плодотворной общественной реконструкции на пути активизации спасительной миссии, попечения о человеке. Поворот к человеку зиждется и на соработничестве, и печаловании, но и на доктринации судьбоносных тем благополучия общества, достоинства его членов.

Разумеется, гуманитарное обновление церкви — задача объемная, не скоро решаемая, о чем свидетельствует дефицит компромиссов в подготовке Собора по обозначению общеправославной трактовки фундаментальных проблем современности. В отсутствии учительского наставления, адаптирующего к текущему времени все богатство православных идей, уместно выявить отягощения, препятствующие применению православного вероучения в работе и в миру.

1. Провалы в антропологии: трансцендентность ценностей, отсутствие тематизации сюжетов свободы, достоинства индивида; неотмирная природа идеалов — святость как религиозный идеал не есть идеал социальный; неразвитость мирской этики, подмененной этикой монашеской.

2. Коммерциализация церкви, сребролюбие клира, молящегося и Господу, и Маммоне. По данным А.С.-
497

Куликова, церковь утаила от казны 400 млн дол. За беспошлинный ввоз «церковного вина» (коньяк, водка, питьевой спирт и т.д.).²⁹⁰ Алчность иных представителей духовенства осуждает Алексей II, отмечающий «...у пастырей возникает опасность остаться одинокими среди великолепных стен и оград».²⁹¹

3. Правонезащищенность верующих перед лицом возможного произвола церковников: церковные институты закрыты для общественности; интересы прихожан, взаимодействующих с духовенством, никак не регистрируются статьями права. Беззащитность паствы как миросостояния в особенности обнажилась в свете разоблачения порочной педофилии в монашеской среде. «Преодоление греховных влечений человека становится ... одной из самых важных задач духовного воспитания»,²⁹² — назидает Алексей II. Тем более его назидание в свете сказанного, актуально в отношении клира.

4. Политическая ангажированность. Вовлечение
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

священнослужителей в политику не допускается 81 Апостольским правилом, запрещающим клирикам исполнять административные полномочия, участвовать в представительных органах власти. Церковь, утверждает апостол Павел, пребывает для всех всем, тем самым спасает по крайней мере некоторых.²⁹³ Мирская забота «выбирать плевелы на пшеничном поле»,²⁹⁴ — не дело церковников, — всяк предстает. Не дело церковников, — всяк предстает пред судом Божиим самостоятельно. Церковь обязана подчеркивать непредпочтительность для нее како-

²⁹⁰ Митрохин Н. Л., Эдельштейн Г. Ю. *Экономическая деятельность РПЦ и ее теневая составляющая*. М., 2000.

²⁹¹ *Журнал Московской Патриархии*. 2001. № 1. С. 29.

²⁹² Там же.

²⁹³ Кор. 9.22.

²⁹⁴ Мф 13: 24-30.

498

го-то определенного государственного строя, какой-то явной политической доктрины. И лишь по этой причине проявлять осмотрительность. Лучший тип взаимодействия церкви с государством — линия отстраненной солидарности, исключающая столь неосмотрительные мероприятия, как, скажем, теизации армии, образования, средств массовой коммуникации, придание церковным праздникам статуса государственных.

5. Конъюнктура. Выражение нужд всей полноты церкви не может черпать опору в акциях суетных. В первую очередь это затрагивает взаимодействие РПЦ и РПЦЗ. Расколы внутри вселенского православия печальны, но едва ли преодолимы посредством шагов непродуманных, в частности, (а) причисления к лику святых новомучеников XX столетия — членов царской семьи; (б) ужесточения позиции в отношении экуменизма. Предпринятые под давлением РПЦЗ шаги эти нестесненному исполнению своей миссии православию вдохновения не добавили, — Солнце не засветило ярче, огонь не согрел.

6. Требуется оценки и переоценки критически принимаемый официальным православием опыт старчества, представляющий альтернативное движение в традиционализме. Перефразируя апостола Павла, правильно утвердить: если и можешь сделаться свободным, — не отрицай, но лучше воспользуйся.

Закон непредвидимых результатов преднамеренных действий, как кажется, будет скомпенсирован, разработай православие объемную картину существенного «нового» в нашем времени. Это сугубо поднимет внутренний авторитет церкви, избавит ее от неорганических инициатив, как идея декабрьского 2002 г. Собора открыть в торговых домах молельни, позволит в чем-то преодолеть кризис духовности, осознать интересы, все чаще выражаемые тер-

499
мином «национальный», разработать платформу бытия России как субъекта мировой истории, имеющего самоидентификацию.

8.4.6 Ценности образования

Текущее столетие как перспективную эпоху жизнеутверждения человечества квалифицируют различно: «век скоростей», «век интеграции», «век информации». С наименьшей справедливостью его можно квалифицировать «веком образования». Образование в **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

данном случае следует толковать объемно — как многомерный порождающий ресурс стратегического порядка гражданской, нравственной, познавательной направленности.

Сверхзадача образования — культивация на стадии предтрудовой социализации ответственной личности, предуготовленной к продуктивной встройке в деятельность социума. Основное в образовательном процессе — добиться соответствия человеческого материала качеству решаемых обществом проблем. Искомое направление, существо снятия последних в современности обусловлено упрочением императивов постиндустриализма, востребующего определенного участника жизневоспроизводства.

Мы однозначно сближаем суждение о характере общества с суждением о характере членства в нем, — постиндустриальная социальность требует специфического человека. Используя троп Камю, можно сказать: поддерживаемый постиндустриализмом огонь существования столь силен, что обжигает сердца окружающих.

Смысл постиндустриальности, формируясь номотетически, предъявляет экспектации: гуманитарность, интегрированность, инновационность.

Гуманитарность: высшая ценность социального порядка — человеческое развитие, исчисляемое показателями — продолжительность жизни, грамотность (с учетом среднего количества лет обучения), паритет покупательной способности.

Интегрированность: исключение изодромного, завязанного на резкое и активное заявление несбалансированных

500

частных интересов, развития. Масштабность, многофакторность при сопряжении с эгоистичностью вовлечения и участия оказываются недопустимо опасными индукторами деструкции.

Инновационность: индустриальное общество поглощено переработкой вещества природы с целью наращивания выпуска отчуждаемых от лица продуктов материального производства. Постиндустриальное общество зиждется на наращивании выпуска неотчуждаемых от лица продуктов духовного производства; генерация не вещиности, а знания, культуры здесь фиксипункт жизнеобеспечения. Основной капитал, ведущая ценность этого своеобразного постматериализма — внутренний личностный рост, человеческие качества, самовозвышение индивидуальности на базе творчества.

Исходя из сказанного, рельефно демонстрирующего, что постиндустриальное общество

— не строится мобилизационными методами;

— крепится на квалификации, невоспроизводимых креативных ресурсах;

— в качестве стратегии прогресса принимает инновационное развитие, вслед за Г. Уэллсом мы обязаны признать: наше образование есть наше правительство.

Как видно, социальные трансформации, вызванные становлением постиндустриализма, затрагивают природу человека: водоразделом предыдущей и последующей стадий социальности

является гуманитарная (не хозяйственная!) динамика, становящаяся содержанием вдохновляющего периода, именуемого веком саморазвития, образования. («Саморазвитие», «образование» — параметры одного сущностного уровня.)

Наметились ли признаки эволюции России в многозначительную постиндустриальную сторону? С горечью констатируем: отнюдь; сделанный отечественной политической элитой выбор не оказывается лучшим выбором, не являет образца идеальной страновой линии. Обновитель-

501

ная роль постиндустриализма у нас никак не видна, о чем повествуют данные:

— уровень квалификации российских кадров зашкаливает на пятый десяток государств мира;

— на такой же отметке индекс технологий (обобщенная оценка научно-технического потенциала страны);

— степень изобретательной активности составляет 1/10 от показателя конца 80-х годов;

— финансирование науки в 90-х годах сократилось более чем в 10 раз, составляя 0,3% от ВВП;

— лишённые социальной поддержки ввергнуты в кризис организации общекультурного назначения (музеи, театры, библиотеки);

— 12% детей и подростков не посещает школы;

— в семье культивируется насилие: около 2 млн. детей до 14 лет в быту получают травмы; до 10% их гибнет; 50 тыс. из них покидают дом; 25 тыс. находятся в розыске; 2 тыс. имеют устойчивые тенденции суицида; растёт число беспризорных, достигая 2 млн.

Обвал образования повлек системную социальную деградацию, охватывая вопросы генерации и рецепции технологий, производительности труда, качества жизни.

Лишь несколько впечатляющих показателей:

— основная часть доходов от российского экспорта идет на закупку продуктов легкой и пищевой промышленности, а также элитных товаров;

— возрастает роль спекулятивного капитала (доля валютного рынка, рынков ценных бумаг составляет 2/3 всех ресурсов притом, что доля реального сектора составляет примерно 10%);

— Россия втянута в обмен с Западом в основном сырьем и полуфабрикатами на готовую продукцию; ее доля в мировом экспорте составляет примерно 1,2%;

— производительность труда в РФ составляет $\frac{1}{4}$ американской;

502

— энергопотребление у нас в 3 раза превышает западные параметры;

— на фоне индивидуализации труда в промышленно развитых странах в России — сомнительная концентрация рабочей силы с эскалацией архаичных пролетарских сообществ.

Однако отечественная реальность не обгоняет прогнозы, даже самые невзыскательные.

«Трагедия человека, вооруженного машиной и сердцем ... должна разрешиться в нашей стране путем социализма,» — наивно полагал Платонов. Что случилось с воздвиганием «вавилонской башни

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

социализма» (Луначарский), известно. Отсеянное народным опытом не восстановимо. К плоским, зловеще протенциозным фигурам истории возврата нет. Бытие человека шире, объемней, нежели его бытие в качестве носителя классовых связей. Отношение к миру не исчерпывается социальным отношением.

«В истории мира есть события таинственные, но нет бессмысленных», — утверждал Соловьев. В контексте наших рассуждений мы вынуждены констатировать: есть, и это восприятие властями образования. Пора понять: образование — стержневой фактор новой, построенной на высоких технологиях цивилизации, утрирующей получение добавленной стоимости. Между тем новую цивилизацию и ее основу high-tech (электрохимия, био-, инфо-, нано-, кристаллотехнологии, микромеханика и т. д.) невозможно построить без прорыва в сфере духа. Нельзя прийти к high-tech без создания high-hume.

Выстраивается макросоциологическая иерархия мира:

— регионы первого эшелона (индустрия первого поколения) — цивилизационные парии — сырьевые страны с дешевой рабочей силой, обслуживающей сельскохозяйственное и выведенное (вредное) производство;

— регионы второго эшелона (индустрия второго поколения) — цивилизационные аутсайдеры —

503

страны малотоннажной химии, габаритного машиностроения, устаревших информационных технологий, население которых функционирует как исполнитель достаточно высокого профессионального уровня;

— регионы третьего эшелона (индустрия третьего поколения) — цивилизационный авангард, задающий технологические, информационные, экзистенциальные стандарты.

Совершенно ясно — вхождение в когорту держав третьего эшелона реализуется на несобственности. В том смысле, что фундирующие авангардность знание, культуру нельзя купить. Ими можно овладеть через образовательное самовозвышение.

У нас же не без усилий заемных умов — обмирщение псевдодостижительной стратегии «снижения тона» с планированием в качестве получения «продукта выхода» иссохших смоковниц, плодов не приносящих. Вдумаемся в предписания для России экспертов Всемирного банка: новые образовательные институциональные механизмы призваны привить стандартные качества, к каким можно отнести «способность читать карты, говорить на иностранном языке, заполнять налоговую декларацию; этот список может также включать способность воспринимать русское искусство и литературу». Ни больше, ни меньше.

Условность человеческой сущности очевидна, однако зачем же ее утрачивать.

Во всех точках зрения правильно не упустить принципиальный смысл происходящих изменений, заключающийся в упрочении постиндустриализма.

Обособливается три стадии социальности:

— доиндустриальность — присвоение богатств природы с элементарными производительными (живой труд) и гражданскими

(политарная, потестарная власть) технологиями;

— индустриальность — производство материальных благ промышленным способом на базе

504

жестких вертикалей власти (от абсолютизма, деспотизма до авторитаризма, тоталитаризма, дирижизма); — постиндустриальность — производство информации при посредничестве горизонтальной властной корпорации.

Признак нашей поколенческой ситуации — трансформация материального производства в духовное; частичного существа — в универсальное; мира отчужденного бытия — в мир культуры. Фикс-пунктом становятся безотходные, безлюдные, трудосберегающие технологии, передающие, перерабатывающие не сырье, а знания. Форматным агентом производительного сектора оказываются «слуги общества», каковыми Смит именовал работников-носителей уникального мастерства — художников, музыкантов, артистов, ученых, или в социологической редакции, — интеллигентов.

Промышленный, сельский пролетариат более не может быть ни непосредственной, ни решающей производительной силой общества. Свое гордое амплуа путеводителей человечества по дорогам истории он передает субъектам «необщественной собственности» — творческой элите, получающей известное значение лишь благодаря своим личным качествам.

Мобильность, динамизм, интеллект, порыв образовательного духа — реперы современной поколенческой идеологии, взыскующей квалификации. Нужны не конформные «кадры», но самодостаточные специалисты, обладающие полной свободой реализации своей просвещенной личности, которая является кардинальным условием успешной работы.

8.4.7 Ценности социального действия

Основной задачей философии с самого ее возникновения, как известно, является поиск надежного основания для упорядочения нашей жизни, на котором бы покои-

505

лось как знание, так и деятельность.²⁹⁵ Честолюбивая задача взрастить древа познания и влияния на некоей выверенной почве дала старт культивации, — всепоглощительные проекты «базиса несомненности» заполнили рефлексию. В философии науки развилась апология «естественного света» души (сенсуализм, рационализм, интуитивизм). В философии политики развилась апология «естественного света» власти (от идеологов абсолютизма до идеологов коммунизма).

Обжигающее аналитическое резюме данного всего обросшего словами опыта — разочарование. Фундаменталистская идея точности, строгости, достоверности, очевидности в познании и добротворения в обществе провалилась. Требования всестороннего доказательства для знания и совершенства для социума оказались невыполнимыми. «Мы как бы носимся на обширной поверхности вод, — безуспешно итожил Паскаль, — не зная пути... Только что думаем укрепиться на одном основании, оно колеблется и покидает нас; хотим ухватиться за него, а оно, не поддаваясь нашим усилиям,

ускользает из наших рук, обращается в вечное перед нами бегство... Таково наше естественное положение, как оно ни противно нам: мы хотим желанием найти твердую почву, последнее незыблемое основание, чтобы воздвигнуть на нем башню... Но все здание наше рухнет, и земля разверзается под нами до самых недр своих».²⁹⁶

Дискурс ограничил порыв, оконтурив собственные претензии предписаниями Геделя, Тарского, Левенгейма, Сколема (математика), Эйнштейна, Гейзенберга, Бора (естествознания). На этом идейном фоне утвердилась развенчивающая абсолюты, занижающая познавательную сдержанную позицию платформа пробабилизма.

²⁹⁵ Также см.: Dingler H. *Grundriß der methodischen Philosophie. Füssen, 1949. S. 7.*

²⁹⁶ Паскаль Б. *Мысли // Лабрюйер Ж. Характеры. М., 1974. С. 68.*

506

Исходно же крепящийся на санирующих инициативах праксис не в состоянии априори лимитировать полномочия, — никаких препятствий благородной оптимизации социального устройства единственно нет; все имеет пределы, кроме склонности к улучшению.

Между тем искомым воплощения чаемого (демократия, вовлечение, участие, реализация) не достигается. В чем причина? Почему создаваемое нами незаверσιμο? Как объяснить, что есть равенство без свободы; что алчность пребывает единственным мотивом действия; что растет праздность; что... Что мешает создать социум, отвечающей идеалу?

Оказывается: мешает человек, при полномочиях субъективный фактор, по обстоятельствам лишаящий миротворчество надлежащих гарантий.

Мощь духа терпит крах, облачаясь в формы повседневных дерзаний. Интрига претворения сместила акцент, переместив центр тяжести с проблематики фундаментального основания на проблематику фундаментального действия.

Доктрину методического действия в философии науки отработывал интуиционизм, в философии политики дисижнионизм.

Меньше действуешь — больше выдумываешь. Привнесение элемента реализма в знание и общество связывается с пафосом конструктивности. Если знать структуру действия — технологию задания объекта, его обмирщения, — можно получать выверенный предсказуемый результат. И в случае дискурса, и в случае праксиса возможно досконально знать творение (ряды идеальных (натуральные числа) и социальных (институты) структур), иметь ручательства состоятельности.

Дух конструктивности, отнюдь не будучи изощрением ума, однако, навеивает романтическую картину мира. Во-первых, творец далеко не всегда исчерпывающе знает творение (можно ввести понятие числа, но не ведать «исконной» его природы). Во-вторых, перевод рассмотрения из плоскости «сущность» в плоскость «устройство сущности»

507

не снимает проблемы. Поддерживаясь сильными допущениями регуляризованности, нормосообразности онтологии (реалий), он ничего не говорит ни о характере, ни об условиях их (допущений)

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

соблюдения. Отчего вдруг исключается возможность возведения безрассудства в ранг государственной философии (позволяющей, к примеру, в колхозе им. Кутузова ставить памятник Наполеону), отчего принимается рокайльная схема: добродетель полномочна, жестокость не ужасна?

Конструктивный подход автоматически не исключает лекомысленность, беспорядочность, опрометчивость, — понимание этого определяет новый виток исчерпания «субстанции» «технологией».

Лишенные естественности конструктивистские умпостроения пытались отредактировать теоретики «рационального действия».

Онтология конструктивного социума задается условием упорядоченности жизнетока — поддержание прагматического порядка на базе торжества закона. Тезис о порядке как консервативной стратегии нормативной самоорганизации — исполненный прелести доктринальный ход, сообщающий деятельности качества целесообразности, прозрачности, однако прелести весьма хрупкой. Представление жизни как организованной «по принципам» диссонирует с реальной жизнью, развертывающейся «по прецедентам». Имеет смысл вести речь, следовательно, о двух рядах: 1) организованной по универсальным нормам доктринальной жизни; 2) подчиненной уникальным интересам реальной жизни. Оба ряда, конечно, не совпадают.

Состыковку «организации» и «процесса» налаживают адепты «рационального действия». Смысл их предложения сводится к синхронизации ориентиров социального действия.

Причина неорганичности (конфликтности) общества — несопряженность ценностных опосредований, дискордантность пресуппозиций, вероубеждений как результат приобщенности к различным ареалам значимостей. Навести

508

мосты между несовместимыми экзистенциальными кредо позволяет «рациональность», манифестируемая в формальном модусе аппаратом доказательства, началом достаточного основания; в материальном модусе — понятием благополучия, вытекающем из ориентированного социального действия с точки зрения определенных ... ценностных постулатов».²⁹⁷

Итак, всеобщее благоденствие кредитруется рациональным, т.е. рассчитанным, скалькулированным, сбалансированным по интересам действием. За безмятежной поверхностью картины, однако, проступает тревожная суть. Довольно от явления перейти к структурным контекстам, озаботившись: как, чем рациональность субъективно свободного действия конституируется. Мрачная ирония состоит в ответе — она конституируется инструментально-бюрократически.

Жизненное — обусловливаемо ли чиновно-административным? Скрытая и жесткая детерминация одного другим выхолащивает жизненное; люди, подмятые институтами, расчеловечны.

Восстановить «рациональность» в терминах жизненных пробует понимающая социология, комбинирующая более консистентной (сопоставительно с веберовской) моделью «знающей онтологии».

Мир не имеет в отношении нас намерений. Мы сами

конструируем их для себя внедрением ценностей, целей, идеалов. Насущная задача быть в ценностно диверсифицированном мире просто не решается. Если не принимать «прозрение приходит до понимания», возникает проблема осмысленной коммуникации, продуктивного обмена деятельностью.

Презумпция «действие происходит через овеществление общих ценностей» (Парсонс) распространяется на узкий круг тривиально стандартных ситуаций; она не захватывает в свой бредень ситуации оригинальные, когда, ска-

²⁹⁷ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. H. 1. Tübingen, 1956. S. 60.

509

жем, между «взял» и «отдал» вклинивается «преобразил». И все же с позиций феноменологии (понимающей социологии) в плюрализме ценностей *per impossible* выделяется некое твердое ядро, и это суть канонизирующие поведенческие фигуры императивы первоисточной экзистенциальной стихии, само собой разумеющейся действительности — сферы *Lebenswelt*.

Опыт разнообразен, всякий руководствуется в утверждении специфической системой релевантностей в зависимости от богатства опыта. Никакой резонансности социальных действий тут нет. Она возникает в магистрали того, что каждый шаг утверждения в мире основывается на запасе раннего опыта, который включается в определенное единство в форме нашего запаса, служащего каждому из нас в качестве направляющей схемы наших собственных поведенческих актов. Все наши опыты в жизненном мире связаны с этой схемой, так что предметы и события в нем встречаются нам с самого начала в своей типичности.²⁹⁸

Значит, типизация — предпосылка сходимости наших истолкований, действий, реакций в жизненном мире. Романтическое «крушение сердца», своенравие выйти из ряда вон отступает перед архетипами *Lebenswelt*, задающими стратегическую инициативу. Конгениальность, причастность единым корням порождают сорт лишенной географических пределов гуманитарной общности, передаваемой основным тезисом взаимных перспектив: «я» подчиняюсь тому, что другие видят мир в принципе так же, как «я».

Тезис обслуживают идеализации

а) обмениваемости точек зрения;

б) конгруэнтности систем релевантности. Назначение первой — гомология взглядов: «я» ставит

на свое место другого и убеждается в одинаковом отношении к лицу. Назначение второй — гомология ценностей:

²⁹⁸ См.: Schutz A., Lukan T. *Strukturen der Lebenswelt*. Bd. I. Neuwied, 1975. S. 26.

510

«я» предполагает — различия в подходах к миру иррелевантны; наши оценки тождественны; мы судим о вещах по сходным критериям; мы допускаем, что другие действуют так же, как мы это знаем.

Жизненный мир структурирован. Мы знаем как. И потому, утверждаясь, взаимодействуем, рассчитывая на взаимность. Это «рассчитывание» представляет не веберовский казенный расчет, но общую веру, что ни мир (идеализация последовательности «и так далее»), ни «я» (идеологизация повторяемости «я могу снова и

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

снова)), ни мне подобные (идеализация типичности «я», вытекающая из основного тезиса взаимных перспектив) не изменяет свойства.

Все минется, одна правда останется. Правда же состоит в признании неадекватности фундаментальных феноменологических идеализаций константности. Изменяющийся мир, несамотождественный человек (человек «линяет» (Сартр) в ходе жизни), неодинаковые люди — существуют разное, действуют не сопряженно, в исполнении жизненных проектов руководятся не «типичными» ценностями.

Обязательное и поддержанное силой высказанных идей итоговое убеждение заключается в необходимости преодоления естественнонаучного варианта социальной теории. Отрицание самодостаточности гуманитарного ресурса в тематизации человеческих реалий принадлежит прошлому. Никто всерьез не воспринимает органицистские, механицистские, редукционистские модели, связывающие причины поступков с кровообращением и теми обстоятельствами, которые его «усиливают, приостанавливают, ослабляют или ускоряют».²⁹⁹

Бихевиоризм, рефлексология уступили место аксиологически ориентированной системе, доктринально выражающей ценностную природу человека.

²⁹⁹ Ламетри Ж. О. Соч. М., 1976. С. 290.

511

Человек существо символическое — ценностно выраженное, идеалонесущее. Последнее как родовая сущность проявляется в организации деятельности. Сфера желания (практический разум) озадачивает, сфера познания (чистый разум) производит расчет. Совершенно ясно, что удовлетворить потребность нужно инстинктивно, рефлекторно (в обход «логарифмов»). В принципе, такое не раритет в многострадальной истории, именуемой в подобном случае нечеловеческой.

Человеческая история становится с постановок «допустимо ли», «какой ценой», иницирующих введение оценок, стимулирующих отнесение к ценностям. Поскольку цели и ценности людей различны, описываются сеткой координат с осями «нельзя делать» и «нельзя не делать», постольку есть намерение подчинить их неким абсолютным предпосылкам, находящим оправдание в логическом подходе к решению поисковых задач.

«У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего — иная, чем у неимущего, у мыслящего — иная, чем у того, что не способен мыслить»,³⁰⁰ — отмечал Энгельс. Стремление преодолеть эмпирическое безбрежье, не погрязнуть в частности влечет обращение к абсолютам.

Религий множество, — Кант полагал возможным замкнуть их на мораль. Отсюда схема «категорического императива».

Обществ множество, — Вебер полагал возможным замкнуть их на управление. Отсюда схема «рационального действия».

Цивилизаций множество, — Сорокин полагал возможным замкнуть их на этос. Отсюда схема «интегральной цивилизации».

Миров множество, — Шюц полагал возможным замкнуть их на Lebenswelt. Отсюда схема «сопряженности взаимных перспектив».

Концептуально стратегия абсолютов оправдана: доктринально она позволяет соблюдать теоретико-методоло-

³⁰⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 140.

512

гический монизм; приводить многообразие к единству; фиксируя инварианты, развертывать сущностные тематизации. Эмпирически стратегия абсолютов не оправдана: не имея операциональных эквивалентов, они не получают верификации.

Парадокс — абсолюты теоретически приемлемы, эмпирически не приемлемы — снимается введением эмпирически достоверяемых абсолютов. (См.: 9.2)

8.5 Ценности Жизни

8.5.1 Созидание Жизненной реальности

Прошлое интерпретируют, будущее созидают. Предмет сознательного выбора, конструктивных решений — грядущее. Мир человека — дело его рук. Это вселяет оптимизм, заряжает энергией. Энергией творческого порыва, самодеятельности. Вдохновленным верой в собственное могущество людям не остается ничего другого, как идти вперед. Правда, как и куда — не ясно.

XX век начался прозрением «умер бог, остался человек». XX век кончился прозрением «остался бог, умер человек». Человек согнулся под бременем обретенной власти, самоисчерпался, истощился. Не вынес собственной слабости. Поиски разрушили надежды. Две Мировые войны, несчетные конфликты, распри, раздоры, споры подвели к неизбежному: божеский ум не заменим человеческим разумом. «Чем полнее господство разума, — говорит Поульсен, — тем ближе мы к тотальной дегуманизации существования». Устроитель мира — не разум. Итог: перед лицом невиданной ответственности — паралич воли, — слишком много тлетворного сделано, слишком безотраден исход. Действительность создается с благословения высокого, а в качестве воплощений мирообразов — жалкие недолжные состояния. Чем объяснять люфт между правдой идеалов, ценностей и неправдой, ничтожностью осуществлений?

513

8.5.2 Жизнь и разум

«Наука не учит ни о ценностях, ни о целях», — свобода от последних, составляющая пафос стандартной социальной теории (СТ), формирует влиятельную интенцию на толкование феноменов социосферы как чисто «природных явлений». Оформление теоретической социологии, в духе соответственных директив, рассуждает Л.Гумплович, оплачивается ясной ценой — выдворением из рассмотрения индивида. В фокусе внимания СТ — не напряжение участков мировых линий человека, а динамика групп, удовлетворяющая законам натурального мира.³⁰¹ Аналогична позиция Дюркгейма, всей объективистской школы, поднимающей на щит «типы», «факторы», «коллективы» и гиперболизирующей редукционистские методики фиксации материала.

Апелляция к «натурализму», «объективизму» навеяна тенденцией использовать в рассуждениях приемы точных наук, дабы строить, получать каноническую теорию. Однако: теорию чего? Общества без жизнедействующей личности? Полноценной модели (онтологии) подобного общества (истории, цивилизации, государства) задать невозможно. Естественный предел редукционизму (в лице натурализма, объективизма) полагает двойственное движение: от параметров предметной среды, сопротивляющейся деперсонализации, и от способов рефлексии Я-содержащей, субъектнесущей реальности. Каждый умирает в одиночку. Оттого социология смерти невозможна (есть хронология смерти). Жить в одиночку нельзя. Оттого социология жизни возможна. Вопрос в том, как ее разворачивать в качестве теоретичной и одновременно смысложизненной. Стандартная СТ достижением такого единства не озабочивается. Выбор делается в пользу «теории» с конструированием чего-то действительности чуждого, к ней не причастного. В принципе: стоит ли страшиться фиктивных конструк-

³⁰¹ Gumpłowicz L. *Das Wesen der Soziologik// Ausgewarhete Werke. V. 4. Innsbruck 1928. S. 191-192.*

514

ций? Фиктивность — общее и непреодолимое место теории. Та же механика изучает не реальные события-вещи, а поведение искусственного объекта — материальной точки.

Допустима ли аналогия для искомой социологии? Однозначно нет: социальная среда личностна, персоналистична и как таковая должна находить адекватное рефлексивное воплощение. Если социальная жизнь складывается из «самости», «жизни» и «жизни самости», то данные слагаемые не подлежат устранению из теории.

Возвращаясь к сказанному, понимаешь, как ошибался Гумплович, утверждая, будто, скажем, образование государства — «природный процесс», результат животной борьбы за выживание.³⁰² Подобная этаогенетика, конечно, возможна, но что в ней глубокого? Метафизика социальности должна отвечать глубине осмысливаемой в ее горизонтах предметности.

Дьявол скрывается в мелочах. «Нога познающего неохотно вступает в воду познания не тогда, когда та грязна, но тогда, когда она мелка», — точно высказывает Ницше. Мелководье стандартной СТ проявляется в задании узкой фундаментальной схемы, вводящей как гипотезы существования, онтологические допущения, так и «пункты сосредоточения» мысли, системы отсчета интерпретативной

деятельности.

Одномерность онтологии сказывается в элементаризации социальной реальности. Из множества факторов, участвующих во взаимодействии, выпячивается на поверхности лежащая группа причин, которая наделяется исключительностью. К примеру, истоки олигархии выводятся из количественной определенности социального вещества: когда численность организации превышает фиксированный уровень (возрастает с 1000 до 10000 единиц), начинает действовать «железный закон» концентрации власти Михельса. Теоретикам невдомек, что в том же ко-

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

³⁰² Gumplowicz L. *Rasse und Staat*. Wien, 1875.

515

личественном интервале способна материализоваться не олигархия, а демократия, отменяющая близлежащую идею «давление власти на землю — камертон истории». Нечто сходное уместно адресовать марксовой мысли изоморфности способов производства и народонаселения: каждому «исторически особенному способу производства... свойственны... особые законы народонаселения».³⁰³ Откуда вытекает: относительное перенаселение при капитализме обусловливается спецификой капиталистического накопления — пролетариат, «производя накопления капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением. Это — свойственный капиталистическому способу производства закон народонаселения».³⁰⁴ Тогда как при социализме, где якобы полная, оптимальная занятость, получаемая в качестве следствия рационального ведения хозяйства, достигается благоприятная динамика численности населения. Нет и еще раз нет. Законы народонаселения не изоморфны характеру производства. Хорошо известно, что в слаборазвитых странах рождаемость выше, так же, как выше детская смертность (в бывших социалистических странах оба показателя были выше, чем в странах капитализма). Кроме того, имеются демографически разреженные ареалы (Россия), а есть перенаселенные области (Фергана), государства (Китай, Индия), регионы (Европа).

Одноколейность интерпретативного процесса просматривается в презумпции «рациональности» организации мира. Как уточняет Фома, «человеческий закон имеет характер истинного закона в той мере, в какой он соответствует разуму: при подобном подходе он с очевидностью выводится из вечных законов». Идея разумности устройства оправдана по части общего противопоставления общества природе: в первом в отличие от второго действует не стихия, а порядок, закон, регулярность.

³⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 646.

³⁰⁴ Там же. С. 645-646.

516

*Владыки! Вам венец и трон
Дает Закон — а не природа.*

Отсюда соблазн прямой импликации применительно к нашей отечественной ситуации. Помните:

*Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.*

Введи порядок, регуляризуй, все и устроится, образумится. Так ли?

Допущение рациональности мироздания встречает три возражения.

Общее — отрицание разумности исторического универсума. Выразил его Гуссерль: «поскольку вера в абсолютный разум, придающий смысл миру, рухнула, постольку рухнула и вера в смысл истории, в смысл человечества».³⁰⁵

Особенное — отрицание разумности российского исторического космоса. Сформулировал его Белинский: ... «все русское может
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

поддерживаться только дикими и невежественными формами азиатского быта».³⁰⁶

Единичное — отрицание разумности социальности через противопоставление логизма эстетизму истории. Провел его Герцен: «я не верю, чтоб судьбы мира оставались надолго в руках немцев и Гогенцоллернов. Это... противно исторической эстетике»;³⁰⁷ а также: «горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту».³⁰⁸

³⁰⁵ Гуссерль. Э. *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Вопр. философии. 1992. № 7. С. 142.*

³⁰⁶ Белинский В. Г. *Собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 386.*

³⁰⁷ Герцен А. И. *Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 11. С. 482.*

³⁰⁸ Там же. Т. 20. С. 592.

517

Итак, «жизнь имеет свою эмбриогению, не совпадающую с диалектикой чистого разума».³⁰⁹ Saltus mentis от «жизни» к «рациональной жизни» несостоятелен. Предпосылка «разумно организованной истории» проходит по такому уровню абстракции, который исключает эмпирическую критику.

Означает ли сказанное, что есть «жизнь» и отрешенная от нее «рациональная организация» жизни? Недвусмысленно и определенно мы готовы признать: означает. Если исключить полуполюгендарные прецеденты вечевого непосредственно демократического процесса, выражающего ценности живущих людей и достигаемого на узком плацдарме полиса, несомненно, нигде не найдешь примеров жизнеориентированной политики. Имманентной страховки от генерации жизненных аномалий политика (государственная, институциональная, социальная, словом — публичная сфера) не имеет. Тот же Аденауэр победил на выборах под лозунгом «Достаточно экспериментов!»

От одного общественного урочища к другому мы идем не выверенно, конвульсивно. Связность разума и сущего (мира) — капитальнейшая тема, упаковывающаяся в вопрос: в чем скрытая телеология социального (публичного) состояния? Человек разумен. Так. Но строит жизнь не по ratio. Несовпадение одного (жизни) и другого (ratio) давно и откровенно выявлено в понимании. Сошлемся лишь на Канта: «Проблема создания государства разрешима, как бы шокирующе это ни звучало, даже для дьяволов, если только они обладают рассудком»;³¹⁰ и Менделеева: «Боюсь больше всего преобладания между членами Государственной думы теоретиков, будут ли они из либералов или из консерваторов, и боюсь потому, что, любя свои созревшие мысли более всего окружающего, они должны предпочесть идейное жизненному, а в законах... (да и не в них одних. — В. И.) это вредно и допустимо лишь в малой дозе».³¹¹

³⁰⁹ Герцен А. И. *Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 6. С. 29.*

³¹⁰ Кант И. *Соч. Т. 6. М., 1965. С. 285.*

³¹¹ Менделеев Д. И. *Заветные мысли. Спб., 1903-1904. С. 64.*

518

Зазор между жизнью и ratio. Имея рассудок, возможно создать государство, но как добиться, чтобы не было государства дьяволов. Имея мужей ученых, возможно наводнить ими институты, но как добиться их (институтов) жизнеспособной, а не отрешенной деятельности. Гарантии. Проблема в них.

Для уяснения путей самоопределения деятельности в мире по созиданию приемлемых фигур жизни очертим круг полномочий ratio в обеспечении *salus populis*. Оперативный простор применения ratio составляет трехмерное пространство с осями: постановка задачи (1 измерение) — разработка решения (2 измерение) — преобразование реальности (3 измерение). Присмотримся к ним более пристально.

1 измерение: поскольку восприятие действительности окутано облаком нерациональных пресуппозиций — нерелегируемых предположений, предвзятостей, вероятных интенций, идеальности-хилиастических схем, полноценное проявление ratio здесь невозможно.

2 измерение: ratio поведенчески двойствен, он — субстанционален и функционален. Получив задание, он постигает сущность и формулирует технологию воздействия на познанную природу вещей.

3 измерение: внедрение технологии сообразно расстановке сил, влиянию событий, игре случайностей, балансу условий.

1 измерение внерационально по генезису, 3 измерение нерационально по конъюнктурному статусу. До-действие и собственно действие с реверансами в область пред-действия и после-действия — за пределами ratio: по крупному счету они вне компетенции теории, научной мысли. Стихия ratio — не цель (1 измерение) и не ценность (3 измерение), а промежуток, связывающий цель с ценностью через субстанциальную технологию, фундированный проект деятельности. Цели и ценности (1 и 3 точки) — выбор демона, не без некоторого сарказма акцентировал Вебер. Язва в том, что, подобно двум мертвым крайним точкам в движении маятника, не

519

описываемым аппаратом механики (неинтересным ей как теории), в предельном выражении цель и ценность — такие же мертвые для теории точки. В триаде «цель — средство — ценность (результат)» наука поглощена опосредованием — средством. «Начала» и «концы» не подвластны науке. Она занята «серединой». (Хороша традиция с современной космогонией, в качестве отправной точки космической эволюции допускающей экзотическую «сингулярность», далее — отработанный аппарат модели Большого взрыва с разбеганием галактик (эффект Доплера), наконец, — фактический отказ от тематизации «конечного пункта» расширения.)

Некритическое раздвижение сферы полномочий ratio с приданием ему статуса главного агента устройства посторонних для него областей повлекли крайне опасную практику расколдования мира, жизни сугубо рациональными рычагами науки, техники, бюрократии. Метафизической апологией универсальности ratio как инструмента творения жизни выступил гегелевский панлогизм, объявивший государство (монополиста на институциональную побудительную и принудительную инициативу в социуме) концентратом разумного. С этого момента социальное устройство замысливалось и протекало как разумно-государственное устройство. Разумное, ибо шло по накатанной колее субстанциально-

функциональных проектов. Государственное, ибо шло по этатистским методикам активного государственного участия. Возвеличение *ratio* неожиданно обернулось превращенной практикой социального насилия от имени *ratio*.

Без всяких нарочитых мазков и предвзятых красок — разум и насилие оказываются на одной доске, бок о бок; они принадлежат друг другу. Основания для столь вызывающей мысли поставляют сокрушительные свидетельства самой жизни. Взять Руссо с его идеей допустимости принуждения к свободе от имени постигнутости условий ее воплощения. Посылки *Summum bonum* отчуждаются от человека. Носителем их становится не он сам, не бог, а приходящий некто. Задается новая сцени-

520

ческая постановка для драмы жизни с непривычным декором — к рампе выдвигается полномочный герой, от имени «научно-обоснованного» всеведения насильно тянущий куда-то в «светлое грядущее». Немудрено, что из гуманиста Руссо произрастает Сен-Жюст, мародер и висельник по поручению чаемого, желанного, идеального будущего.

Позиция «извне» относительно жизни кощунственна, насильна, питает всегда затратную программу «мирового скотопригоньевска» с жестким распределением ролей массы, толпы, стада и поводырей, бестий, вперед смотрящего, всезнающего, просвещенного авангарда. Проект репрессивного облагодетельствования человечества не фантазмагория, это — трагедия нашего времени, трагедия жизни, в которую вносят мечту, как «весь мир содрогнется, сбросит с себя ветхую оболочку и явится в новой, чудной красоте». А итог? Итог — хор давящего кошмара, тот же символ — знамя, только смоченное собственной кровью.

Нельзя от высоты идеала «есть друг друга и не конфузиться». Нельзя в погоне за совершенным утрачивать «тонкое, великолепное чутье — к боли вообще». Требования идеала духоподъемны, и характер их исполнения не может быть жалким. Встречу с желанным не может сопровождать чувство «только-то!»

Идеал самоценен постановкой. Он располагается в плоскости не идеологии прямого действия, а идеологии будирования. «В то, что есть, не нужно верить, но то, во что верят, должно быть», — говорит Гегель. Что значит «должно»? Как именно? Наш ответ — не через действие, а его инициацию.

Как действовать от имени идеала — неведомо. Сверхзадача — ставить и ставить вопрос, побуждать. Нужно адресоваться к нему каждый день, каждый час, каждое мгновение. Нужно, чтобы он не давал покоя. Тогда мечта сбудется, намеченное достигнется. Иначе — не живопись, а «фабрикация украшений», не труд любви и правды, а практика исторических коновалов.

521

Непонимание регулятивной природы идеала, некритическая его онтологизация породили чудовищную культуру горячего социального трансформизма. Один и тот же удар по одному и тому же ранимому месту — удар по естественному самотеку народной жизни, — вот что дала культура неумного (идеалом инспирированного) преобразовательства. Для иллюстрации довода произвольно, почти наугад возьмем несколько случаев

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

отечественной истории.

1921 год. Оболваненная большевистской пропагандой Красная Армия (КА) начала революционно-завоевательный поход против Европы. Под лозунгами «Даешь Варшаву! Даешь Берлин!», «Германский молот и русский серп победят весь мир» пошел натиск на старое, прошлое. Под польской столицей, однако, КА разгромлена. 18 марта между Россией, Украиной, Польшей подписан Рижский мирный договор, по которому Россия уступала Польше Западную Украину, Западную Белоруссию, выплачивала контрибуцию в 30 млн. золотых рублей.

1921 год. Признание Ленина: «Мы думали, что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение. Если мы эту задачу пробовали решить прямым... любовой атакой, то потерпели неудачу».³¹²

1931 год. Директива Сталина: «Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма. Для этого есть у нас все «объективные» возможности... Пора нам научиться использовать эти возможности. Пора покончить с гнилой установкой невмешательства в производство. Пора усвоить другую, новую, соответствующую нынешнему периоду установку: вмешиваться во все».³¹³

Каков принцип сущностных революционных вмешательств в жизнь?

³¹² Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 165.

³¹³ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 41.

522

Французская революция «обогастила» социальную технику гильотиной и тройками ОСО, успешно перенятыми большевиками. Ленин теоретически подводил под социалистическое строительство базу диктатуры — ничем не ограниченной, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненной, непосредственно на насилии опирающейся власти.³¹⁴ В концепционных штудиях, правда, имелся разброс: то диктатуру осуществляет партия, руководимая дальноруким ЦК из 19 человек,³¹⁵ то волю класса-гегемона проводит диктатор, который «иногда один более сделает и часто более необходим».³¹⁶ Предел неопределенности положил Сталин, подведший фундамент диктатуры лица под строительство социализма на практике. Получилось, как у Платонова: грамм наслаждения на одном конце уравновешивался тонной могильной земли на другом.

«Золотое правило» революционного устройства жизни — террор, репрессии, высокий потенциал насилия.

«Буржуазия убивает отдельных революционеров, — наставлял Зиновьев, — мы уничтожим целые классы». 9 августа 1918 г. вышел декрет Совнаркома с указанием: «Всех подозрительных в концлагеря». 30 августа того же года начался массовый расстрел заложников. В рекомендациях Минюсту Курскому глава правительства проводит мысль «открыто выставить принципиальное и политически правдивое... положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость... Суд должен не устранить террор... а обосновать и узаконить его

принципиально, ясно, без фальши и без прикрас».³¹⁷

Насильственное устройство не может не прибегать к карательным действиям госмашины, — какова связь вывода с задачами аксиологии, функциями *ratio*, метафизикой истории, назначением государства? Связь одного

³¹⁴ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 383.

³¹⁵ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 30.

³¹⁶ Там же. Т. 40. С. 272.

³¹⁷ Там же. Т. 45. С. 190.

523

с другим самая непосредственная, прямая: деятельность обслуживающих жизнь инстанций не может идти под девизом «жизнь в том, что она исчезает». В этом суть. Острый вопрос — как этого добиться? На уровне абстрактных решений есть ответ в виде императива: искомое социальное состояние (демократия, свобода, парламентаризм, конституционность, права человека и т.п.) реализуется там, где за ним «решительная воля нации не дать править собой как стадом баранов».³¹⁸ Следовательно, счастье народа в руках его. Между тем ввиду нередкости раскола государства и народа, окрашивающего цвет жизни последнего в тона трагической обреченности, всплывает поставленная выше проблема гарантий: народу, дабы заявлять волю, нужно создать для того соответствующие (легитимные, институционные, процессуальные и т. д.) условия. Народ говорит тогда, когда его слышат и слушают.

Признание люфта в соприкосновении государственной и народной воли наводит на необходимость фронтальной рефлексии — что вообще делают и призваны делать государство и народ в ткани материи позитивной жизни.

В жизни нужно поддерживать жизнь, а не реализацию схемы (обмирщение программы, реформы). «Наши души развратились по мере того, как шли к совершенству... науки и искусства»,³¹⁹ — констатировал Руссо. Развратились. Почему? Потому что за инструментальностью одного и другого утратилась, исчезла жизнь. Предметом упований стало безоглядное «улучшение» исходного, изменение по научным, но не утвержденным жизнью методам.

Прозорливый выбор никогда не был так необходим, как сегодня. Выбор не в смысле ставки на отдельный компонент диады «наука — жизнь», а в смысле сомнения относительно состоятельности опекунской позиции науки по поводу жизни. Мир артефактов и артефактов пере-

³¹⁸ Вебер М. О буржуазной демократии в России // Социс. 1992. № 3. С. 131.

³¹⁹ Руссо Ж. Ж. Трактаты. М., 1969. С. 14.

524

родил человека. Человек умеет сейчас лишь заводить машины. А там они идут дальше сами — «идут, идут и давят человека».³²⁰

Дерево приносит плоды, когда не болеет. Жизнь счастлива, когда не искажена *ratio*. «Только правильное разумение жизни, — отмечает Л.Толстой, — дает должное значение и направление науке... Не то, что мы называем наукой, определит жизнь, а наше понятие о жизни определит то, что следует признать наукой. И потому для того, чтобы наука была наукой, должен быть прежде

решен вопрос о том, что есть наука и что не есть наука, а для этого должно быть уяснено понятие о жизни».³²¹

Жизнь не духовное подполье, не беззаконничество, не бунтарство. Жизнь есть воспроизводство самой жизни (вследствие ее самоценности и самоцельности) в медленных и наиболее добротных компактных и миниатюрных трудах по содержанию дома, поддержанию потомства, выживанию. Жизнь есть самотек существования в повседневной самоочевидной рутинности малой социальности. Вторгаться туда нельзя. Всяк живет, как может, по своему разумению приоритетов. И имеет на то права, данные ему природой (раз он живет) и цивилизацией (раз он живет в специфичном социально-историческом, политико-государственном локале). Мудрость государства, институтов — не мешать, не нарушая естественного тока «медленной», «малой» жизни, сдерживать скоропалительную инициативу. (Вспомним запоздалое прозрение «Не смей командовать!», оказавшееся не востребовавшимся.) Говоря грубо, любая внешняя (государственная) инициатива для *просточеловека* не только не понятна, но и вредна — связана с покусительством на размеренный, налаженный, подкупающий привычностью стиль жизни. Любой реформатор в глазах лица из народа — прожектер, добивающийся то невозможного, то своекорыстного. Как у А. К. Толстого:

³²⁰ Шкловский В. *Избранные сочинения. Т. 1. С. 187.*

³²¹ Толстой Л. Н. *О жизни. Мысли о новом жизнепонимании. М., 1911. С.*

14.

525

*... России предстоит,
Соединив прошедшее с грядущим,
Создать, коль смею выразиться, вид,
Который называется присущим
Всем временам...*

Таким образом, первый случай — волюнтаристские посягательства на жизнь (малую социальность), плодящие зло. Модель самодержавной (кратократической) верховной власти трагична. Тяготеющий к ней Борис признается у Толстого:

*От зла лишь зло родится — все едино: Себе ль мы, им служить хотим
иль царству — Оно ни нам, ни царству впрок нейдет!*

Самовластная кара — распаденья общего (малой и большой социальности) исход. Трагическая вина Иоанна, по Толстому, — «попрание им всех человеческих прав в пользу государственной власти» (малая социальность приносится в жертву большой).³²² Конфронтация двух типов социальности, как отмечалось, в державной плоскости дает неустойчивую фигуру. Трагическая вина Федора — «исполнение власти при совершенном нравственном бессилии».³²³ Вариант, когда оснастка представителя малой социальности не достигает до понятия репрезентанта социальности большой. «Умирай вовремя», — советует Ницше. В государстве (большая социальность) страшен не демон, а серость, убожество. Облачаясь в тогу носителя ответственности, верховной власти, представитель малой социальности берет на себя функции выразителя социальности большой (роль государственного мужа). Это под силу далеко не всякому. Об И.П.Шуйском Толстой говорит: «Такие люди могут приобрести восторженную лю-

³²² Толстой А. К. *Собр. соч. Т. 3. М., 1980. С. 480.*

³²³ Там же.

526

бовь своих сограждан, но они не созданы осуществлять перевороты в истории. На это нужны не Шуйские, а Годуновы». ³²⁴ Борис Годунов личность сильная, достойная выступать от имени большой социальности, но не настолько, чтобы отрешиться от непродуманных интервенций в историю (соблазн перестройки мира по своему «разумному» плану). Побеждает не «бремя долга, но радость игры» (Савинков). И это печально. Второй случай — предсказуемость поведения властной организации на базе отказа от «научно-обоснованных» интервенций в историю, жизнь при соответствии личностных качеств представителя малой социальности требованиям к ставленнику социальности большой. Это — раритет власти, носитель которой, избегая вопрошаний: «Я царь или не царь?», подводит действия под цензуру жизненной культуры. Жизнь, регулируясь автономными целями и ценностями, при всех починах становится лучше. Данный редкий случай достигает синхронизации малой и большой социальности, обмирщаемой активности лица и совокупного результата истории. Здесь:

*Деяния и помыслы людей
Совсем не бег слепой морского вала
Мир внутренний — и мыслей, и страстей
Глубокое извечное начало.
Как дерева необходимый плод,
Они не будут случаю поделастны.
Чье я узнал зерно, знаком мне тот,
Его стремленья и дела мне ясны.
(Шиллер)*

Не о жалкой апатичной венценосности, не о кротком постничестве на троне, а о выверенном творении жизни по ее внутренним целям и ценностям, подводимым под описываемый случай, должна учить аксиология, историософия, метафизика государственности.

³²⁴ Толстой А. К. Собр. соч. Т. 3. М., 1980. С. 480.

527

8.6 Ценностный акт

8.6.1 Чистый и практический разум

Практический разум (желание, воление, побуждение) в отличие от чистого «имеет дело не с предметами с целью их познания, а со своей собственной способностью осуществлять эти предметы». ³²⁵ Со способностью какой именно? Со способностью полагать бытие, развертывать формообразование сообразно целям, проявлениям свободы. В морфогенетических актах, подчеркивалось, мы уподобляемся богам, выражая потенциал креативности. Помните:

*Так господь
Избраннику передает свое
Старинное и благодатное право
Творить миры и в созданную плоть
Вдыхать мгновенно дух неповторимый.*

Продуктивное самодействие, творчество — шиболет человека — в гуманитарном отношении, однако, не определено, не выверено. Выход за границы наличного (создание возможностей, воплощение
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

их) со многих сторон амбивалентен: взрываются стандарты, перекрываются порядки, перекраиваются установления; возникает возмущение, и в познании, и в общении, и в деятельности выказывающее себя как турбуленция. Главное — утрачивается общественная устойчивость и независимость «от простого случая или произвола» (Маркс).

В науке заявление новации (парадигматическая теория) влечет оппозицию (борьба с гелиоцентризмом, эволюционизмом, релятивизмом); в политике заявление новации (программа социального устройства) влечет фронду (борьба с социализмом, либерализмом, демократизмом). Дело не в косности мысли (технические сложности восприятия нововведений того же Галуа, Гамильтона

³²⁵ Кант И. Соч. Т. 4 (1). М., 1965. С. 418.

528

и т. д.), опыта (враждебность прогрессу, охранительность повадок — консерватизм), а в элементарной утрате гарантий.

Морфогенетические (вызывающие ревизию, эрозию) акты дают серьезный разлад лица и мира. Поле боя — в нас. Что противостоит самоуверенной заносчивости, титанизму Номо hereticus, в трансформационных порывах дезорганизирующему законы, опоры культуры?

Абстрактно «права на бытие» в техноморфизме может иметь все. Конкретно же — гуманитарно легализуемое. Как добиться торжества логики гуманизма над логикой экспансионизма? Построением особой логики.

Аристотель развивал логику доказательства; Бэкон, Декарт, систематики Пор-Рояля — логику открытия; доктринеры Просвещения — логику преобразующего насилия. Нужна же логика поддержания, сохранения жизни, логика санирующего человеколюбия.

8.6.2 Полагание бытия

Человек как существо самоутверждающееся вопрошает не о том, что есть, а о том, что может быть.³²⁶ По этой причине способом полагания бытия выступает преследование целей. Будучи «пограничным понятием» (Наторп), цель

- концентрирует образы потребного, чаемого, вожделенного;
- играет роль регулятивного принципа;
- выражает требования безусловного;
- сообщает значимое априори содержанию деятельности.

Расцвеченная цветами целей человеческая реальность не бесцельна; применительно к ней неправомерно спрягать фигуру «бесцельная онтология». Человекоразмерность сущего достигается инкорпорацией целей, заимствуемых

³²⁶ См.: Schelling F. *Samtliche Werke. Bd. 2. Abt. III. B.*, 1856. S. 89.

529

не из телеологии (Лейбниц), а из жизни. Предельной питательной средой целей, смыслов, значимостей для человека выступает жизнь — мир *Lebenswelt*.

Последнее существенно редактирует техноморфную продуктивность. Динамика ее достаточно сложна.

Первая фаза — отягощение целью.

Вторая фаза — воображение как особый вид интеллектуального осуществления реальности.

Третья фаза — координация схемы чаемого с наличными возможностями.

Четвертая цель — обмирщение цели.

Круг замыкается. Цель инспирируется тщанием усовершенствовать жизнь и возвращается в жизнь в инспирации пребывать в совершенном. Интерпретация движения в данном кругу как изначально положительного, гарантийного, конечно, беспочвенна. Человек — дикообраз, подчеркивает Шопенгауэр, колет, кто ближе и чем ближе — сильнее. Цель может быть любой. Потому воплощение цели (мечты) требует не только труда, но и ощущений вечного масштаба. Вникнем в суть непреходящего: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними».³²⁷ О чем речь? О «бесконечных ценностях», золотых правилах, реперах культуры (фиксируемых и в фольклорно-эпической, и в притчевой форме: «бог долго ждет, но больно бьет»; «людям сила бесполезна, если богу не по нраву»; «Безумец служит счастью. Как вода // Оно уйдет — неведомо куда. // Лишь в правде и добре ищи отраду // И в мире вечном обретешь награду»), внутренних высоких побуждениях, имеющих целесообразную природу.

8.6.3 Ценность и цель

Генетически ценности отвлечены от целей. Операционально постановка, преследование целей осуществляется по ценностям. В силу своеобразного оборачивания складывается чувствительная органическая система «универ-

³²⁷ Мф. 7, 12.

530

сальных начал, объединяющих мысль и жизнь человечества» (В.Соловьев). Цели в блоке с ценностями организуют поведение, сообщая ему генеральные интенции, «связывая» свободу, предопределяя движение на достижительность с позиций идеалологичности.

Действия лиц не механистичны, они аксиологичны. Филантропия декабристов провалила революцию сверху. Мизантропия большевиков исказила революцию снизу.

История есть созидание того, чего нет в природе. Как оно протекает? По впитанным личностью, отстаиваемым ею идеалам. Всякая частная правда, замечает Голсуорси, «плоска, как блин». Но она вынуждает некую бытийственную конструкцию.

Риккерт, Виндельбанд, Шелер, Гартман разрывали мир и идеал, помещая ценности в надвременное трансцендентное царство. На деле ценности совмещены с действительностью за счет встроенности в деятельность.

Бытие и мышление не тождественны. Должное и сущее не совпадают. Преодоление разобщенности одного и другого происходит в реальном преображении мира в актах позитивного жизнотворчества.

Ценности (идеалы) вторгаются не извне. Через мотивацию,

стимуляцию, инициацию поведения, генерацию превентивных образов, антиципирующих схем — изнутри — они регулируют созидание сущего.

Дайте мне ценности, и я сотворю мир. Сотворю, объективируя понятие, идеальное.

Ценностная экипировка актантов опыта оранжирует природное и гражданское зодчество. Тот же коммунизм — в зависимости от характера его воплощающих — принимает разные формы: от полной свободы до полного рабства.

Поскольку созидание, продуктивная деятельность есть работа, заставляющая жить то, чего нет, постольку встает аналитическая задача самокритики наставляющих опыт ценностей. Суть в том, что для опыта как такового нет ничего невозможного.

Крик вырывается скорее, чем его издают. «Я» является *causa efficiens* бытия, неся в себе повышенную опасность

531

неоднозначности обмирщаемых ценностей (идеалов). Дали идентифицировал жизнь с «умывальниками», Састре — с «великими темами». Если идеи правят миром, возникает проблема качества идей: ложные идеи имеют то неудобство, что долго изживаются.

Опыт выстраивает существование по ценностям (идеалам), конкретным отображательным формам. Но часто в руках того, «кто дерзает, кто хочет, кто ищет», средство превращается в цель. Как тут не вспомнить, скажем, «мировую революцию», по поводу которой Ленин уточнял: «Никакого острова утопии здесь нет. Дело идет о создании социалистического государства... Дело не в России, на нее ... мне наплевать — это только этап, через который мы проходим к Мировой революции».³²⁸

Итак, наплевать на реальное во имя мнимого... Искаженные отражения персональных душ, непрочность, иллюзорность даже высочайших субъективных порывов, обостряя сюжет «в чьих руках молния», обязывают прибегать к ресурсу аксиометрии — введению оценок ценностей в зависимости от практических предпочтений.

8.6.4. Ценность и оценка

Назначение ценности — вводить регламенты конструирования бытия. Назначение оценок как «коренного факта» (Виндельбанд) удостоверяет качество ценностей. В среде специалистов нет единства по вопросу статуса оценочных суждений, являются ли они дескриптивными или нормативными. Сюжет тонкий. Не входя в логические нюансы и представляя всю полноту изъяснений о действительности в пределах триады: аскрипция (приписывание) — дескрипция (описывание) — прескрипция (предписывание), примем, что оценочные (квалифицирующие) суждения включают все указанные моменты. Суждения «как нужно», «как должно» *quantum salis* не могут не опираться на базальные схемы «как есть». По этой причине

³²⁸ *Цит. по: Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть. Париж, 1984. С. 246.*

532

противопоставление прескрипции дескрипции (как правило, с

игнорированием аскрипции) неправомерно.

Главные функции аксиометрии — конституировать отношение предпочтения, вводить ранги удовлетворительности посредством развертывания преференциальных шкал, налаживающих ориентационно-поисковые акты, акты «принятия — отвержения» (Н.Гартман).

Базовыми качественными показателями преференциальных шкал являются ценности, роль которых играют деонтологические предложения. При этом любой предрассудок, выступая не более, чем полуправдой, может стать принципом. Скажем: социал-демократия Германии противостояла войне, но в 1914 г., выказав патриотизм, отказалась от превращения войны империалистической в гражданскую, активизировала борьбу за победу отечества. Как констатировала Р.Люксембург, «организационная мощь и хорошо известная дисциплина социал-демократии привели к блестящему результату. Было достаточно приказа кучки парламентариев, чтобы в течение двадцати четырех часов ... масса из четырех миллионов человек повернула назад и позволила впрячь себя в тележку империализма, разрушение которого еще вчера было смыслом ее существования».

Базовыми количественными показателями преференциальных шкал являются величины, учитывающие множества людей, совершающих свободные и принудительные действия.

Формулировку, интерпретацию закона свободных действий людей дает А.А. Давыдов.³²⁹ Им начатый проникновенный разговор о параметраже человеческой материи ограничим такими фиксациями.

Закон свободных действий выражается равенством

$$FA = N * P/N * W/P,$$

где FA — множество людей, совершивших свободное действие;

N — размер генеральной совокупности; P —

³²⁹ См.: Давыдов А. А. *Системный подход в социологии. Законы социальных систем*. М., 2004.

533

множество людей, потенциально совершающих свободные действия $0 \leq P/N \leq 1$; W — множество людей, склонных совершать свободное действие, среди P, $0 \leq W/P \leq 1$ ³³⁰.

Из (1) получается равенство (2), демонстрирующее суммарную ограниченность возможностей и склонностей в свободных действиях людей (показатель C)

$$C = (1 - P/N) + (1 - W/P) = \text{const при } FA = \text{const}.$$

На основе (1) и (2) приходим к третьему равенству

$$A = FA + CA,$$

где A — множество действующих людей; FA — множество свободно действующих, CA — множество вынужденно действующих людей.³³¹

При наложении соответствующих рассчитываемых по данным формулам величин на показатели структурной гармонии и дисгармонии социальных систем, фундируемых числовой пропорциональностью общественных связей, возникает крайне испирирующая модель социально-исторических оптимумов (универсатий). В который раз убеждаешься, что ценности (в регуляризации обмена деятельностью) становятся действенными

регулятивами весьма продолжительных, ответственных периодов человеческого самоутверждения.

8.6.5 Ценность и идеал

Столкновение «высоких требований с реальной немощью» (В.Соловьев) преодолевается объективацией ценностей, обмирщением идеалов. Идеалы — высшие ценности, «конечные смыслы» бытия, «категории, расширенные до безусловного» (Кант) — есть мерило того, что «в своем роде совершенно».³³² Идеалы не дают, а требуют. Не от жизни, не от бытия, не от сущего — от человека.

³³⁰ Там же. Стр. 109.

³³¹ Там же. С. 111-114.

³³² Кант И. Соч. Т. 3. С. 502.

534

Имя сверхчувственное наполнение, концентрируя человекозначимые отношения, идеалы удовлетворяют не «природе разума», но «природе человека» как носителя ценностного. В подобном своем качестве они «вливают».

Традиционный и мнимо острый вопрос: как идеальная реальность воздействует на бытие, как должное влияет на сущее, получает лишь один приемлемый ответ: 1) через целеполагание деятельности; 2) через внутреннее возвышение, экзистенциальный рост.

Главное при этом — не превращать умеренность в крайность, предотвращать этатизацию ценностей. Разительный контраст по обозначенному являют обстоятельства Запада и России. На Западе вопросы ценностей вследствие атомарности сосредоточены в частной сфере, в России вследствие синкретичности — во властно-государственной. Развитие социальности здесь подчинено правилу монополизации властью ценностных аспектов жизни. Апофеозом такой монополизации стал тоталитаризм, всецело определявший углы, градиенты аксиологических дрейфов. На Западе приватизация ценностных отношений влекла, с одной стороны, универсализацию единой и единственной ценности в лице национального интереса, а, с другой, — стимулировала политико-социальную консенсуальность (ввиду легитимности гражданского плюрализма). В России этакратизация ценностных отношений умножала раскол, усиливала расслоение на адептов и «внутренних врагов», увеличивала напряженность, репрессивность, исключала преемственность.

Новая ценность — новый курс. Не продолжение старого на основе улучшения, а тщание нововведений на базе разрушения. С неперемной ликвидацией апологов прошлого.

Владимир дал Руси ценности. Петр начал их изничтоживать. Ударил по церкви (обмирщение, отмена патриаршего духоводительства, замена предстоятеля национальной веры светским лицом — оберпрокурором Синода, индульгенция на нарушение тайны исповеди в случае подрыва интересов государства (характерная деталь — на Западе нарушение этого таинства — трагедия для представи-

535

теля культа (фабула «Овода»), тогда как в России — моральный

долг)), старомосковской старине, домостроевской святой Руси (подавление стрельцкого бунта — кульминация и финал борьбы с традицией), принялся за европеизацию, перенес столицу (географический раскол державы). Взяли власть большевики — огнем и мечом стали внедрять антизападничество, что потребовало новой духовной апологии, а значит, интеллигенции. Отечественная интеллигенция в массе была уничтожена (вырезана, выслана). В цивилизационной пустыне развернулось возведение рукотворного памятника новым порядкам.

Столь неорганический стиль реформирования — от идеократичности. Он будет воспроизводиться до тех пор, пока страна, государство, народ пребывают в заложниках у носителей очередных, а то и внеочередных ценностей. Социальные ценности и частная жизнь должны быть правовым способом надежно разведены, разграничены. Тогда Россия приобретет гарантии от коловращения по тлетворному циклу, имеющему фазы: самоневерие — самоиспытание — самоистязание. Мы более не в силах начинать сначала, как Ромул, на пустом месте; оглаживаясь назад, понимать, что сделано нечто не то, и посему, точно китайский болванчик, падать в обморок.

Всё знают только все. Развенчание дефектной практики выступления от абсолютных истин обязывает принять: начальная ступень истины — справедливость, высшая же — милосердие, и руководствоваться этим в социальных починах.

8.6.6 Деонтология: «есть» и «должен»

Хорошо известен выражающий автономию морали принцип Юма («гильотина» Юма), запрещающий переход от «есть» к «должен»: «Я заметил, — повествует Юм, — что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным способом, устанавливает существование бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в пред-

536

ложениях, а именно есть или не есть, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки должно и не должно. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это должно или не должно выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо следует принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него... Я уверен, что этот незначительный акт внимания опроверг бы все обычные этические системы и показал бы нам, что различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами и не познается разумом».³³³

Принцип Юма, в современной редакции являющийся принципом запрета, отрицает возможность логического моста от фактов к императивам, от прецедентов к принципам, от дескрипции к

прескрипции. Он жестко разделяет индикативное и императивное наклонение, утверждая, что с помощью логического вывода из индикативных предложений обоснованно вытекают лишь индикативные, но не императивные предложения. Поскольку строгого доказательства невозможности логического перехода от «есть»-утверждений к «должен»-утверждениям не существует, равно как не существует доказательства обратного, перед нами типичный случай независимого тезиса, который не может быть ни доказан, ни опровергнут в наличной системе знания. Уточним — какой? Именно — формально-логической. Прямой, непосредственной дедукции императивов из индикативов нет.

Тем не менее императивы откуда-то берутся, как-то вводятся. Откуда? Как? Вернемся к положениям юмовского «Трактата». Проблему генеалогии императивов проясняет сам Юм, высказывая убеждение: «различие порока

³³³ Юм. Д. Соч. в двух томах. Т. 1. М., 1966. С. 618.

537

и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами и не познается разумом». О чем, собственно, речь? О том, что:

1. Деонтологические отношения не конституируются дедуктивно-логически.

2. Деонтологические отношения не конституируются в границах одного лишь разума.

Иными словами, от рационально-логических удостоверений и связей надлежит перейти к смысловым. В этой плоскости никакого запрета, устанавливаемого принципом Юма, не обнаруживается.

В духовной сфере (знание) в специальной теории относительности постулируется $c = \text{const}$. Это уникальный случай, когда эмпирическое свидетельство возводится в ранг закона (эвристическая схема СТО как фундаментальной теории закладывает базисную доктринацию явлений в современном естествознании).

В практически-духовной сфере (юриспруденция) есть прецедентная система права, систематизирующая казусы и придающая им характер норм.

Дилеммы «прецедент — принцип», «индикатив — императив», «аргумент — функция» снимаются в жизни путем свободного выбора за счет а) жертвования персональными реализациями, гиперболизацией статусов; б) трансформации статусов, гиперболизации персональных реализаций. Первый случай — перипетии Вашингтона, Александра III, Сталина, поступавшихся личностным для социального (Вашингтон любил Салли, но подвизался на ниве державостроения, Александр III не женился на любимой Мещерской, Сталин пренебрег судьбой сына). Второй случай — эпизод Эдуарда VI, во имя боготворимой им Уоллес сошедшего с публичной стези в партикулярную тень.

Служить интересам целого — значит убивать в себе человека. Решаться на что-то в движении в створе обозначенных дилемм возможно контекстуально, производя судьбоносный выбор. Памятуя, однако, что как бы там ни было, но — «чем жизнь сознательней, тем она несчастней» (Гартман). На склоне лет тот же

Вашингтон готов был обме-

538

нять достигнутое на мгновение жгучей, но, увы, не состоявшейся любви к своей Салли.

8.6.7 Деонтология: «должен» и «способен»

Наряду с принципом Юма деонтология комбинирует принципом Монтеня, увязывающего «должен» со «способен»: «мы не можем отвечать за то, что сверх наших сил и возможностей».³³⁴ Оптовая деонтология невозможна. Отношения долженствования лежат в границах возможностей человека; обязывающие нормы не могут требовать невозможного. Откуда вытекает:

1. есть правила долга, устанавливаемые в пределах стандартных способностей (к примеру, нельзя требовать создания шедевров);

2. есть правила идеала, формулируемые как интенции на развитие способностей (свобода самоопределения в границах побуждения).

8.6.8 Структура ценностного акта

Символическое — предпосылка человеческого. Одно пропитывает другое через генеральные целеполагающие интенции, вводящие образцы — не формальные образы, но содержания, «открытые для вещей, отношений и личностей, которые к ним стремятся».³³⁵

Устремленность деятельности опосредуется двояко:

1. Отнесением к целям — шлейфы теленций.

2. Отнесением к ценностям — шлейфы префенций.

Блок (1) со (2) мостит путь созидания. Мы антиципируем свойства потребного бытия, расценивая его через призму чаемому. Мы целесообразно действует согласно чаемому, дабы добиться его воплощения.

Теленций обеспечивают присутствие в деятельности момента достижительности. Префенций обеспечивают там присутствие момента предпочтительности.

³³⁴ Монтень М. *Опыты*. Т. 1. М.-Л., 1958. С. 38.

³³⁵ Hartman N. *Ethik*. В., 1926. S. 109.

539

IX. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

В качестве рефлексивной дисциплины ранга метанауки сверхзадачи философии истории покрываются

— аналитикой истории как объектной теории — доктринация порождающих процедур, способов тематизации предметной сферы;

— аналитикой истории как позитивного процесса, — доктринацией совокупного общечеловеческого опыта жизнепроизводства, технологий пролонгации существования.

В первом случае уточняются предоснования исторического знания как мыслительного освоения прошлого — субъективная история, корпус представлений. Во втором случае уточняются предоснования исторической реальности как ассоциации событий, актов, фактов (свершившегося) — объективная история, корпус явлений. Разумеется, одно поисковое дело завязано на выполнение другого: экспликация предпосылок знания опирается на экспликацию фундирующих его отношений реальности; и обратно — экспликация предпосылок реальности опирается на экспликацию способов данности ее в знании.

Демонстрация нехитрого аргумента влечет обращение к первоисточному. Возможность истории как науки получает исходную проблематизацию ввиду несопряженности свойственного ей контекста исследования общепринятым стандартам познавательной деятельности. В традиционной, идущей от античности трактовке знание научно в той мере, в какой содержит непреходящее. На этом основании вводятся атрибуты универсальности, номологичности, инвариантности, передающие онтологически существенное, капитальное. Ни к чему подобному, однако, не причастна история, материя которой уникальна, спонтанна, спорадична, волюнтарна. Эрозия эталонов науки в истории дает простор дихотомиям: наука комбинирует за-

540

конами, история — свидетельствами, наука учит регулярному, история однократному.³³⁶

Восстановление гносеологического реноме истории производилось допущением неких «общих начал», сообщающих явлениям надлежащий «характер и окраску от целого» (Хомяков). Обоснование истории как полноценной науки проводилось, таким образом, через принятие гипотез существования, внедряющих в исторический процесс онтологическую основательность. Так развилась, к слову сказать, модель провидения, эксплуатирующая идею универсальной общесоциальной судьбы как закономерного явления для единого согласно действующего человечества.

Античная греческая космография центрировала лишь природное единородство людей. Со времени Рима складывается относительно унитарная историография, утрирующая:

— политическое единство народов под патронажем римской империи (отсюда — европоцентризм со стереотипом превосходства Европы, задающей единство мира на базе европейских ценностей);

— духовное единство народов под патронажем христианства, использующего сквозные понятия начала (сотворение), цели (искупление, спасение через преодоление грехопадения),

завершения (судный день, наступление миллениума) исторического прогресса.

Евсевий дает библейский вариант социально-политической консолидированности народов Средиземноморья и переднего Востока. Его дополняет Блаженный Иероним, привязывавший консолидацию к державному бытию Ассиро-Вавилонской, Мидо-Персидской, Греко-Македонской, Римской монархии вплоть до Страшного суда. Кардинальное обобщение провел Августин, введший своеобразную финализацию исторического развития, нацелен-

³³⁶ См.: Виндельбанд В. *Прелюдии*. СПб., 1904. С. 320.

541

ную на воплощение царства Божьего на земле после «конца света».

Оформляется, следовательно, более или менее теориейно-логически отработанная схема провиденциализма, впоследствии отстаиваемая Боссюэ, Вико, Боденом, Гердером, Гегелем, Чаадаевым, Данилевским и др.

Сказанное не самоцель, а предлог для уяснения: ничто не искажает так настоящего понимания истории, как упорядочивающее понятие, будто события возникают в виде «неминуемого результата высших законов разумной необходимости».³³⁷ Итак, радикально упорядочивающее понятие порочно. Но без него нельзя. Как настаивает Кроче, — «возможность философии истории предполагает возможность превращения течения истории в понятие»,³³⁸ или в нашей редакции — приведение многообразного в единство посредством предположения подспудно сущностного, отвечающего в свою очередь стандартам науки.

Преодоление затруднений с позиций изложенного, что, очевидно, коренится в скрупулезной оценке инструментов поиска с критикой оправдывающих его онтологических гипотез существования. Именно на этом пути история-знание становится адекватным отображением истории-реальности.

Философия истории — сфера философского знания, нацеленная на обнаружение в совокупном общечеловеческом опыте жизнеспособности неких сквозных зависимостей, схем, структур, освещающих ключевые вопросы хода, смысла, цели, назначения, судьбы, характера традиционных единиц исторического процесса, начиная с народа (государство, нация) и кончая родом *Homo sapiens* в целом (тотальность цивилизации).

«История» — концепт сложного свойства, происходящий от греческого *ιστορια* (свидетельство, рассказ о про-

³³⁷ Киреевский И. В. *Полн. собр. соч. Т. 1. С. 244.*

³³⁸ Кроче Б. *Исторический материализм и марксистская экономия*. СПб., 1902. С. 14.

542

шедшем), в практике словоупотребления передает следующие смыслы: 1) повествование; 2) происшествие; 3) процесс развития; 4) социальная жизнь; 5) прошлое; 6) изучение прошлого. Данные символы-измерения «истории» выражают двойственную ее природу: история есть а) прошлое в виде ассоциированных фактов, событий, свершившегося — объективная история, корпус явлений

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

(смыслы 2—5); б) мыслительное освоение прошлого — субъективная история, корпус представлений (смыслы 1,6).

По-нашему, дихотомия (а) и (б) — образец невыверенной риторики: факты истории и факты историков как образования не различимы; идеально они представляют мир, данный в единой оптике. Попробуем разобраться.

Казалось бы, прямая задача историка — установление «чистых» фактов, раскрытие существа вещей как они есть «на самом деле». Именно в этом ключе «науку рассуждений» противопоставляли «науке наблюдений» «большой окуляр» Ранке и фактограф Фюстель де Куланж, редуцировавшие историческое исследование к плоскому документофиксаторству. Обещание полноценной истории достигалось изучением исключительно и непосредственно текстов в самых мельчайших подробностях, верой лишь тому, что они показывают, решительным удалением из рассмотрения современных идей, заносимых «ложною методою»,³³⁹ отказом от «обобщений», избеганием «общих взглядов», неприятием «рамок».³⁴⁰

При всем этом, однако, возникает вопрос: как желаемого добиться, соблюсти «независимость историка» (Фенелон), радикально отсечь от «незаинтересованного» свидетельствования связанную с характером поиска предпосылочную (принадлежность эпохе, стране, семье, школе) тенденцию? Обратимся к мнению авторитетов.

Статус удостоверяющих историческую фактуру «очевидцев» проблематизирует В.Битнер, утверждая: «Писать ис-

³³⁹ Ф. де Куланж. *История общественного строя древней Франции*. Т. 3. Спб., 1907. С. XVI.

³⁴⁰ См.: *Revue internationale de l'enseignement*. Т. IX. P. 411.

543

торию переживаемого времени уже потому нельзя, что рискуешь многого не знать, еще больше знать неточно или иметь превратное о нем понятие... можем ли мы, современники потрясающих событий... отнестись к фактам, известным лишь из газет да от немногих... участников, — отнестись объективно, как того требует историческая истина»³⁴¹. (Между делом озаботимся: много ли мы, «очевидцы», знаем, к примеру, о смерти Сталина, процессах космополитов, трагичном бунте в Новочеркасске, печальных московских событиях октября 1993 г.?)

В унисон ему — А. Франс: «Писать историю — дело чрезвычайно трудное. Никогда не знаешь наверняка, как все происходило, и чем больше документов, тем больше затруднений для историка».³⁴²

Аналогично — Ф.Энгельс: «Ясной картины экономической (и любой — *В. И.*) истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями, ее можно получить лишь задним числом, после того, как собран и проверен материал»,³⁴³ и Лукиан: «Единственное дело историка — рассказать все так, как оно было. А этого он не может сделать, если боится Артоксеркса (или кого-то еще — *В. И.*), будучи его врагом, или надеется получить в награду за похвалы, содержащиеся в его книге, пурпурный кафтан (или что-то еще — *В. И.*)».³⁴⁴

Леви-Стросс (в отличие от Риккерта) прямо указывает, что **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

оценка входит в задачу историка: «История никогда не является просто историей чего-то, но всегда историей для чего-то».³⁴⁵

Наконец, Гегель определенно, даже категорично настаивает на «партийности» исторической деятельности, сопоставляя ее с деятельностью судебной: «По отноше-

³⁴¹ Цит. по Сеньбос Ш., Уоллес М. *История России в XIX-XX столетии*. Спб., 1906. С. 3.

³⁴² Франс А. Соч. Т. 6. М., 1959. С. 7.

³⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 529-530.

³⁴⁴ Лукиан. *Избранное*. М., 1962. С. 418.

³⁴⁵ Levi-Strauss K. *La pensée sauvage*. P., 1962. P. 340-341.

544

нию к судье предполагается... что свою служебную обязанность он исполнял нелепо и плохо, если бы он не имел интереса, и притом даже исключительного интереса к праву, если бы это право он не ставил себе целью, и притом единственной целью, и если бы он стал воздерживаться от вынесения приговора. Это требование к судье можно назвать партийным отношением к праву, и эту партийность обыкновенно очень хорошо умеют отличать от партийности субъективной... В беспартийности, требуемой от историка, упомянутое различие стирается в пошлой, самодовольной болтовне, и оба рода интереса отвергаются, когда желают, чтоб историк не привносил от себя никакой определенной цели и воззрения, сообразно которым он выделял бы, устанавливал и обсуждал события, но чтобы он рассказывал о них как раз в той случайной форме, в какой он их находит, в их безотносительной и никакой мыслью не проникнутой частности».³⁴⁶

Что в итоге? Обескураживающие суждения Ш. Сеньбоса: «Исторического характера, присущего фактам, не существует, есть только исторический способ, которым мы познаем их. История не наука: она только особый процесс познания»;³⁴⁷ и П. Валери: «Дайте мне перо и бумагу — и я сочиню вам учебник истории».³⁴⁸

И радикализм Сеньбоса, и волюнтаризм Валери, разумеется, — сгущение красок. История не есть компендий документально обоснованных призраков, предвзятых ангажированных конструкций.

Вместе с тем нельзя не признать: по страстной, беспорядочной энергетике, бодрости чувственных валентностей история похожа на «величайшую поэтессу» (Энгельс).

«Поэтически-театральное» закулисье истории сказывается в ряде моментов.

³⁴⁶ Гегель Г. В. Ф. Соч. Г. III. М., 1956. С. 330-331.

³⁴⁷ Сеньбос Ш. *Исторический метод в применении к социальным наукам*. М., 1902. С. 5.

³⁴⁸ Валери П. *Об искусстве*. М., 1976. С. 190.

545

Гносеологическое измерение

1. Как познающий субъект историк не в состоянии выступить в тоге беспристрастного, незаинтересованного наблюдателя. Сомнительны директивы Фюстель де Куланжа, требующего от историка «независимости от самого себя, свободы по отношению к собственным мнениям, отречения от настоящего ... полного

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

забвения тех вопросов, которыми занимаются вокруг него»; восприятия фактуры такой, какой она казалась современникам, а не позднейшим аналитикам.³⁴⁹ Риторический вопрос: как, собственно, этого достигнуть, — разумеется безответен. Историк, несомненно, имеет очень определенные убеждения в глубине души, которыми во время профессиональных занятий не жертвует. Как подчеркивает Б. Кроче, мотивированный отбор фактов обуславливается практическими соображениями приятия или неприятия чего-либо, — «из этого возникает объективное качество, приписываемое вещам, вследствие чего говорят о «фактах, имеющих значение» и «фактах, значения для истории не имеющих».³⁵⁰

2. Как познающий субъект историк не может избежать квалифицирующих суждений, оценочных актов. «По сравнению с другими учеными, — отмечают Ланглуа и Сеньобос, — историк находится в очень трудном положении, ему не только не приходится никогда, как химику, наблюдать непосредственно факты, но и документы, которыми он вынужден пользоваться, очень редко передают точные наблюдения. Историк не располагает научно установленными протоколами наблюдений, заменяющими в позитивных науках непосредственные наблюдения. Он постоянно находится в таком по-

³⁴⁹ См.: Гиро П. *Фюстель де Куланж. М., 1898. С. 131, 137.*

³⁵⁰ Croce B. *Zur Theorie und Geschichte der Historiographie. Tubingen, 1915. S. 97-98.*

546

ложении, в каком был бы химик, если бы знал об известном роде опытов только по пересказам своего лабораторного служителя. Он должен извлекать пользу из очень смутных свидетельств, какими не удовольствовался бы ни один другой ученый».³⁵¹ Немцы, к примеру, «повсюду, даже в науку вносят с собой воинственный дух. Они вступают в документ, как в завоеванную страну, и тотчас же превращают его в имперскую землю».³⁵² 3. Много раз говорилось, и нет нужды повторять, что факты как компоненты знания не могут быть «чистыми», неконцептуализированными. Комбинирование фактами протекает как упорядочение их в некое целое посредством трактовки в терминах познавательных значимостей. Последнее реализуется в актах миропонимания, которого из документов не дедуцировать. Прибегнем к традукции.

Сумма внутренних углов треугольника равна 180° . Но это по «понятию». Вскрывая операциональное его наполнение, возможно проводить измерения. Очевидно, возникает разброс значений в интервале $-Δε < 180^\circ < +Δε$. Как к нему (разбросу) относиться? Однозначно ответить невозможно. Сторонники евклидовой геометрии опытными отклонениями от «понятия» пренебрегут, толкуя их в качестве погрешностей деятельности на эмпирическом уровне. Сторонники неевклидовой геометрии отклонения радикализуют. Представители параболической геометрии акцентируют разброс в положительную сторону; представители гиперболической геометрии — в отрицательную. Кто прав? Каждый по-своему.

Как ни странно, позиция оправдана принятием теории, обслуживаемой эмпирическими показаниями. В элементарной геометрии, как иных точных науках, подобное

³⁵¹ Ланглау Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. Спб., 1899. С. 52

³⁵² Гиро П. Цит. Соч. С. 133.

547

никого не шокирует, — почему это должно шокировать кого-то в истории? Релятивность значения суммы внутренних углов треугольника определяется природой поверхностей, способом их освоения, принятыми системами отчета. Понимание этого в качестве общего места методологически основательной исследовательской культуры не подрывает статуса геометрии как науки. Почему же в соответствующих случаях создается прецедент для подрыва высокого реноме научной истории?

Проблема: как установить факты в отсутствии действующих лиц (актантов, фигурантов), конкретных обстоятельств, факты вызывающих, — просто не снимается. Определенный план ее снятия — анализ причин, события породивших. Анализ задним числом следов, отпечатков, контуров, сцепленных с фактами (действиями). Характер профессиональной исторической деятельности, следовательно, — реставрация, реконструкция, — сродни деятельности палеонтологической. Между тем тут нужно думать: выдвигать, отбрасывать, перебирать гипотезы, толковать, перетолковывать, размышлять. Остракизм в отношении мысли в ходе освоения фактуры неуместен. Кто сказал, что восприятие данных прозрачно? Галилей видел пятна на Солнце, перипатетики — нет. Не потому, что «плохо видели», а потому что отказывались видеть. Факт представлен в теории и через теорию. Иного в науке не дано. Как указывает Б. Кроче: «Пусть не доверяют тем историкам, которые заявляют о своем желании руководствоваться только фактами, не внося в них ничего своего. Самое большое, это результат их наивности и самообмана».³⁵³

Онтологическое измерение

1. Гипертрофия случайного: история — стохастический процесс, динамика которого во времени не выявима. Случайное действительно как важная краска входит в палитру исторического. Для подкреп-

³⁵³ Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как всеобщая лингвистика. М., 1920. Ч. 1. С. 152-153.

548

ления мысли сошлемся на мнения столь несхожих, но равно глубоких, исследователей, как Маркс: «История носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли»,³⁵⁴ и Ренан: «Несомненно, в истории нужно признать значительное участие силы, каприза и даже того, что можно назвать случаем».³⁵⁵ Последовательная доктринация «случайного» сбивается на эфемерности типа «непостижимого», питаемые постулатами «уникальности» исторических актов (фактов), «непричинных» стимулов человеческих деяний и т.п.

Показательна в этом отношении линия

— Ясперса: «Если мы постигаем в истории общие законы... то собственно история остается вне нашего познания. Ибо история всегда неповторима».³⁵⁶

— Ксенополя: «Фактами историческими являются только факты
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

индивидуальные... факты повторяющиеся — универсальны, историческими не являются».³⁵⁷

— Поппера: «История отличается своим интересом скорее к... единичным... событиям, чем к законам или обобщениям».³⁵⁸

Не вызывает удивления, что безнадежно зависшие на волнах бытия уникамы, думающие о непонятном своем и действующие сообразно оному, концептуализируются вполне поэтическими приемами вживания, сопереживания, трансформирующими историю в художественное творчество, интуитивно = символическое конструирование внеобъектных реалий (Дильтей, Шпенглер, Кроче).

³⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 175.

³⁵⁵ Ренан П. Будущее науки. Киев, 1902. Т. 1. С. 29.

³⁵⁶ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М., 1978. Вып. 2. С. 146.

³⁵⁷ Xenopol A.D. Theorie de L'histoire. P., 1918. P. 93.

³⁵⁸ Popper K. The Poverty of Historicism. L., 1957. P. 143.

549

2. Гипертрофия закономерного: история — ортоидный процесс, линейная динамика которого запрограммирована волей Провидения, рока (Вико, Гегель, Данилевский). Пестрая череда исторических мигнов — не сумбурно-хаотическое нагромождение. Каждое явление — ячейка сети предопределенно существующего. Проявление скрытых мировых сил, подчиняющих ток истории «генеральному плану» (реализация по обстоятельствам то «свободы», то «разума», то «блаженства», то «счастья» и т.д.), сказывается в «опосредующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощить себя в этом взаимодействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель».³⁵⁹ По аргументативной культуре, атмосфере дискурса это откровенно отсылает к поэзии, по поводу которой для подобных случаев правильно высказывал О.Тьер: «все, что пытались делать в этом направлении, было жалко и лживо».³⁶⁰

Антропологическое измерение

1. Роль деликатностей типа внутренней жизни индивида, которая, считал Кьеркегор, принадлежит ему, представляя terra incognita для истории: никакая история, настаивал он, «не должна касаться этой области, составляющей на радость или на горе его вечную и неотъемлемую собственность».³⁶¹ Включенность экзистенциальной материи в плоть исторического переполняет последнюю множеством щекотливых мелодий, звучащих далеко не отсутствующе, не отвлеченно. Чем, скажем, объяснять нере-

³⁵⁹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 1. М., 1929. С. 318.

³⁶⁰ Тьер О. История происхождения и успехов третьего сословия. М., 1899. С. 42.

³⁶¹ Кьеркегор С. Наслаждение и долг. М., 1894. С. 245.

550

шительность, непоследовательность декабристов. Классовой ограниченностью? Духом покорности? Пристрастием к самоотречению? Взятым всем вместе? Быть может, так. Однако в не меньшей мере причастностью гуманизму, стойким неприятием

кровавого опыта Великой Французской революции. «Ужасные происшествия, бывшие во Франции во время революции, — признавался Пестель, — заставили меня искать средство к избежанию подобных». ³⁶² Если бы не персональные «блики», «призраки» гуманизма, социально-политические пути, перспективы дворянской революции в России оказывались бы иными. 2. Роль «частных» фактов, которые, как полагал П.Лавров, священны и не подлежат огласке. Соображение Лаврова парируется аргументом Энгельса: если принимать это правило безусловно, придется вообще запретить писать историю. Действительно, если когда-либо «невинную Изабеллу выдают замуж за человека, который ... не терпит женщин... если она, пренебрегаемая, берет мужчин где попало, — все это совершенно частное дело. Но если упомянутая... Изабелла — королева Испании, а один из молодых людей, которых она держит при себе ... офицер по имени Серрано, возводится в фельдмаршалы и в премьер-министры, потом... низвергается другим фаворитом, а затем изгоняет из страны свою неверную подружку и... сам становится диктатором Испании, если бы кто-нибудь вздумал писать... сознательно умалчивая... об этом эпизоде, он фальсифицировал бы историю». ³⁶³ Справедливо. Вопрос тем не менее в том, как, соблюдая верность происходившему, не выродить историю в психологию. Как, повествуя о страсти, исключить

³⁶² *Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 2. С. 168.*

³⁶³ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 520-521.*

551

дождевого разлета мысли, добиться не звучания, а значения объяснения? 3. Роль инициации. Кто подлинный лицедей (актант, фигурант) истории — человек в прошлом утверждающий или в настоящем влияющий? Аутентичный Сократ, исторический Сократ, — размышляет А. Башар, — «тот, кто воздействует на историю мысли, воздействует на нашу человеческую историю всякий раз, когда мы к нему приближаемся... Сократ исторический и Сократ легендарный — одно и то же существо, существо живое, поскольку оно действует». ³⁶⁴ Сократ исторический и Сократ легендарный — одно и то же? Успокоительная идентификация двух лиц представляет именно тот случай, когда, используя оборот Фюстеля де Куланжа, поэзия (философия) выделяется сама, почти помимо воли историка. Если к тому же ее (поэзию, философию) рассматривать как сведение счетов в самом собой в одиночестве.

Преодоление «поэтического» в истории ввиду угроз субъективизма (гносеологическое измерение); окказионализма и фатализма (онтологическое измерение); релятивизма (антропологическое измерение) производилось подведением под рассуждения имперсонального — то статистики (Кетле, Бокль, Бурдо, Оден, Гальтон, Кандолей, Ломброзо); то демографии (Летурно); то землеобразования (Лайель); то географической среды (Геродот, Фукидид, Боден, Монтескье, Гердер, Ратцель).

По-нашему, суть дела не в подведении под фактуру фундирующих оснований, а в прояснении способов ее изучения. Базис доказательности истории — принципы, приемы, воплощающие «голос совести» (Буркхардт) реалистично, критично настроенного историка.

История — не хранитель веры и благочестия; скорее, она — духовное трезвение, бодрствование.

³⁶⁴ Башар А. *Греческая цивилизация. М., 1959. Т. 2. С. 278.*

552

Каждый раз история пишется заново. Но не вследствие ненаучности, а вследствие требующего обновления аналитических звеньев богатства материала, вследствие непрерывного, обильного научного творчества, вследствие изменения, обязывающего расти вместе с задачей.

Брожение возможностей, открытость эпохам — от трансформации «значимости» фрагментов прошлого, кропотливой рефлексией которых озабочены палеография, эпиграфика, сфрагистика, геральдика, нумизматика, дипломатика, генеалогия, хронология, археология, источниковедение, а) вскрывающие специфические и типологические движения в социально-политической среде, мир-системные и страновые контакты и связи; б) заставляющие отречься от догм, прощаться с иллюзиями; в) приговаривающие нас к смыслам подлинности, правдивости, достоверности.

9.1 Человеческий смысл истории

Итак, как творится история? Капитальный вопрос дополним уточняющими. Непосредственно? Самовольно? Прямо? Лобовые положительные ответы не снимают проблем, ибо ввиду своей нерелективности не могут быть вдохновительными. Продумывание характера нашего вершения истории наводит на наполняющий душу сомнениями, разъедающий благополучие безмятежного состояния мысли вывод о неавтоматичности актов жизнеисторического творчества. Очевидно, суть в том, что объем конкретного рутинного жизнетока истории не исчерпывает, не покрывает. Четко фиксируемый разрыв между персональными историями и имперсональной историей, снимающей частности лиц универсальностью процесса, влечет понимание: история — нечто большее позитивного самотека эмпирически данной жизни. Одно дело явные перипетии лиц, иное дело — их скрытые функции в жизнеисторическом творчестве. Драматургия истории, превосходя вопросы судьбы отдельных, пускай, выдающихся персонажей, актуализирует вопросы судеб человечества, государств, наций.

553

В каком смысле перспективы человечества — в руках людей; перспективы государств — в руках правительств; перспективы наций — в руках народов? Люди не живут интересами человечества; правительства пренебрегают интересами государств; народы отчуждены от интересов наций. Что в итоге? Отсутствие моста от эгоистичного (едва не шкурного), обозримого, вычислимого дела разноплановых исторических лиц к жизнерализующемуся делу истории в целом.

Подытожим. Происходящее в истории «значимо». Между тем в сцепленных с разномастными лицедеями локальными жизнеточками бытия «значения» (некоей избыточной относительно тщеты и нищеты обстоятельств «метафизики») не найти. В известной мере оно надситуативно, сверхэмпирично. Отсюда практикуемое некоторыми

допущение расширяющего онтологию истории транспозитивного ее измерения (типа «хитрости» мирового разума), существо которого, однако, в рациональном дискурсе не выразимо.

Возникает сложность, связанная с выработкой адекватных представлений как исторической онтологии, так и способов ее концептуального воссоздания. Оппозиции «историй — истории», «перипетий — судьбы», «эгоистического — функционального», «личностного — державного» и т. п. навевают идею многослойности онтологии истории, а именно: за рядовой бессмыслицей, хаосом наличного самотека жизни, за механизмом собственных забот, случайностью черт персонального бывания располагается нечто сущностное.

Каково оно, это — «нечто» и как его выразить языком теории?

Обращаем внимание буквально на головоломный характер подлежащей разрешению задачи: под рациональный дискурс требуется подвести сущность едва уловимую, в терминах *ratio* едва воплотимую. В поэтических, теологических контекстах в избытке модели, подобно «музыки бытия» (Блок), «телеологического тепла» (Мандельштам), «царства божия», «рока», «фатума», «провидения» и т. д., — на решение данной задачи нацеленные.

554

Но приближает ли к решению метафорическое движение в вечном, задающее соответствующее сопричастие осваемому предмету посредством тропного слога, чувственного наития? Вопрос, скорее всего, риторический. Сказанное обостряет постановку: возможно ли эксплицировать ресурсами *ratio* идею многосоставности исторической (социально-державной) реальности, лишенной явленческих форм и поднятой до высот судьбических? На наш взгляд, в этом нет ничего невозможного.

Высказывает Катаев: «Мир в моем окне открывается, как ребус. Я вижу множество фигур. Люди, лошади, плетенки, провода, машины, пар, буквы, облака, вагоны, вода... Но я не понимаю их взаимной связи. А эта взаимная связь есть... Это совершенно несомненно. Я это знаю, я в это верю, но я ничего не вижу. И это мучительно. Верить и не видеть! Я ломаю себе голову, но не могу прочесть ребуса». Мир, жизнь, историческая реальность — ребус. В чем его разгадка?

Во-первых, в разведении персонального и социального, которые в вершении исторического не совпадают. Модель мирового разума сепарирует случайное (действие по хитрости) и необходимое (действие по высшим целям). В обход мистификаций аналогична схема рассуждений и при рациональном подходе к проблеме. Мысль отслаивает персональное (явленческое — истории, перипетии) и социальное (сущностное — история, судьба). Иван TV, Петр I, Сталин жертвуют сыновьями. С позиций здравосмысленных рассмотрений это — дикость: отвержение отцом сына — проявление патологии. На уровне жизнеотношения просточеловека иного не дано: родитель, отворачивающийся от ребенка, прерывая времен связующую нить, подрывает натурально-эволюционные контуры жизни. В державной плоскости расставляются иные акценты. Масштаб целей, смыслов, помыслов, умыслов здесь конституируется не здравым смыслом, а размахом,

размером, величием, грандиозностью общезначимых практических задач. Последнее, сообщая деятельности пафос

555

«священного безумия», поднимает ее над укорененной в здравомысленность «тоскливой пошлостью» (Блок) рядовых дней. Требуя исключительного, история не терпит убогого, серого, бездарного. В анналах остается выдающийся, хоть и грешник, и никогда — бездарный, хоть и праведник. Устроение «никак» в истории не проходит, в чем сказывается совокупная несостоятельность таких фигурантов прошлого, как нелепый последний российский царь, нелепый же первый всесоюзный президент и т.п. Ходульность первых лиц, их поглощенность фамильным («семья» в случае Николая II, «эгобеллетристика» в случае Горбачева) всемерно обесмыслила, обесценила их державные проявления. Каждому — по его делу. Отчего осуждаем, казалось бы, осмотнительный, основательный римский прокуратор Понтий Пилат? Не просто оттого, что «умывал руки», санкционируя казнь невиновного. В гораздо большей степени — оттого, что жил и действовал не по должному, не оправдывал «назначения».³⁶⁵

Взять интригу «Самозванец — Марина» из «Бориса Годунова». Она всецело поглощается тонирующей дихотомией «персональное (частное искреннее чувство) — державное (государственная сверличностная стезя)».

Истории нужен пророк дела, а не славы. Ввиду соответственных признаний:

*Твоя любовь... что без нее мне Жизнь,
И славы блеск, и русская держава?
В глухой степи, в землянке бедной — ты,
Ты заменишь мне царскую корону,
Твоя любовь...³⁶⁶*

Марина наставляет самозванца:

*Стыдись; не забывай
Высокого, святого назначения:
Тебе твой сан дорожке должен быть
Всех радостей, всех обольщений жизни,
Его ни с чем не можешь ты равнять.*

³⁶⁵ Также см.: Сарнов Б. Н. Каждому — по его вере. М., 1997.

³⁶⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 3. С. 266.

556

*Не юноше кипящему, безумно
Плененному моею красотой,
Знай: отдаю торжественно я руку
Наследнику московского престола,
Царевичу, спасенному судьбой!³⁶⁷*

Печально не видеть в любви любви. Самозванец пытается парировать аргумент, если можно так выразиться, апелляцией к «врожденной человечности»:

*Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что сан, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Как больно тем ты сердце мне язвись -
Как! ежели... о страшное сомненье! -
Скажи: когда б не царское рождение
Назначила слепая мне судьба,
Когда б я был не Иоаннов сын,
Не сей давно забытый миром отрок:
Тогда б... тогда б любила ль ты меня?..³⁶⁸*

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

И неожиданно сталкивается с высокомерным уклонением от просточеловеческой чувственности, противопоставлением лица — функции, приватной — державной линии. На открытое

Ты мне была единственной святыней

Он получает отрезвляющее:

Чем хвалится безумец!

Кто требовал признанья твоего?

Откровения в политике избыточны. Делать «историю» означает во многом ограничивать в себе «лицо». Не мог ведь Александр III жениться на Мещерской.

Средство от любви — еще большая любовь, поддерживающая высокий градус романтики. Сила и благородство удостоверяют счастье. Воля и твердость удостоверяют ус-

³⁶⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 3. С. 266.

³⁶⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 3. С.266-267.

557

пех. Вашингтон пожертвовал чувством к Салли во имя служения Америке. Утрата в жизни предопределила обретение в истории.

Приободрения в духе Франциска I «потеряно все, кроме чести» в исторических делах не проходят. Из осознания «функции» здесь поднимается ввысь в полной убежденности и осознание «лица». Самозванец прозревает:

Царевич я. Довольно, стыдно мне

Пред гордою полячкой унижаться.

Прощай навек. Игра войны кровавой,

Судьбы моей обширные заботы

*Тоску любви, надеюсь, заглушат.*³⁶⁹

Кичливость самости, мелкотравчатость перепевов лица развенчаны, вытеснены с авансены. (Этого не удалось «герою толпы» Керенскому, считавшему себя «лучшим оратором (симптоматично! — В. II) XX века»). Самозванец инициируется требуемым:

...Ни король, ни папа, ни вельможи -

Не думают о правде слов моих.

Димитрий я, иль нет — что им за дело?

Но я предлог раздоров и войны.

*Им это лишь и нужно...*³⁷⁰

Не персона — «предлог», не лицо — функция. Не обилие деклараций собственной исключительности, не изливание чувств, не безвольный мир отрешенных созерцаний. Выполнение назначения — вот, что требуется.

«Назначение» лица — не явленческая перипетия, а судьбическая функция, принадлежащая сфере державного. За что укоряет Сталин Ивана IV? За нерешительность в расправе над боярскими родами в достижении властного абсолютизма: надлежало, дескать, не раскаиваться, не замаливать грехи, а последовательно ликвидировать политических противников. Что же — один преступник упрекает

³⁶⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 3. С. 269.

³⁷⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 3. С. 270.

558

другого в недостатке квалификации? Отнюдь. Дело в разности фамильной (персональной) и державной (социальной) логики. В соответствии с императивами жизнеспроизводства существования первая диктует «не убий». В согласии с

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

требованиями укрепления государственной стати вторая инициирует репрессии, обязывает реализовывать мероприятия карательные. Циньский царь Ин Чжен объединил Китай периода Чжаньго — эпохи борьбы семи царств (Цинь, Чу, Ци, Чжао, Янь, Вэй, Хань) — железной рукой, мерами беспощадно-принудительными, казня в день до 400000 человек.

Вместе с тем никакой необходимости, чтобы «будущее разыгрывало нами придуманную программу» (Герцен), разумеется, нет. Наша мысль, состоящая в подчеркивании расхождения фамильной и державной логики, вовсе не означает апологии мародерства. История легализует величие, а не скудость. По этой причине столь убогим, тривиальным лицам, как Николай II, Керенский, Горбачев, в ней нет места. «Удушливая пустота и немота» — атмосфера историй, а никак не истории.

В пошлой лени усыпляющий

Пошлых Жизни мудрецов,

Будь он проклят, растлевающий

Пошлый опыт — ум глупцов.

«Томительно желанная действительность» творится в руководствовании «значимостями», смыслами высокими, породниться с которыми позволяют не до лоска стертые штампы насилия (мечтания урода Блюма о временах, где «мать не осмелится погладить своих детей, а желающий улыбнуться предварительно напишет завещание»), не стремления, чтоб «все огни погасли», не реабилитация социальных иуд, не простор осатанелого мизантропизма, но счастье ощущать себя человеком. Дабы не сложилось впечатление, будто, по-нашему, в истории остаются одни висельники, укажем на сугубую порочность жестких воплотительных технологий, неизменно обнаруживающих свою непрочность. Первый император объединенной ки-

559

тайской империи Цинь (221 г. до н. э.), принявший помпезный титул Ши Хуанди, практически стал и ее последним императором. Затратность социотворчества, перенапряжение экономики, массовый террор вызвали полное истощение населения, стимулировали фронтальный протест, выразившийся в бескомпромиссном восстании. Преемник Цинь Ши Хуанди Эр Ши Хуанди свергнут в 207 г. до н. э.; скрепляющая империю насилием династия Цинь заменена династией Хань. Если весь народ топнет, будет землетрясение, — гласит восточная поговорка. Причастность к великому важно совмещать с уважением к народу.

Посему, во-вторых, разведение персонального и социального в разгадке ребуса истории дополняется разведением высокого и низкого. Библия повествует: сказал царь — «это ли не величественный Вавилон, который построил я ... силою моего могущества, во славу моего величия». Олицетворение деспотического самовластия — Навуходоносор — утратил человеческий облик, завершил жизненный путь в стаде животных. Материальное воплощение величия — самочинная власть — порочна. Но какова непорочная власть? Что противостоит демону власти в творении истории? По Данилевскому, мощь рока. На коротком отрезке изложения автор «России и Европы», ретардируя поиск, дважды уточняет: «В том, что мировые решения судеб

человечества почти совершенно изъяты от влияния узкой и мелкой политической мудрости деятелей, современных каждому историческому перевороту, должно ... видеть один из самых благодетельных законов, управляющих историческим движением»; «Если человек, употребляя данную ему долю свободы не соответственно с общим, непонятным ему историческим планом событий, начертанным рукою промысла, может замедлить его выполнение и временно исказить его линии, план этот все-таки совершится, хотя и иными, более окольными путями».

Ток истории независим от усилий лиц действующих? Сомнительно. Тот же Керенский, в период с февраля по

560

октябрь выступавший с требованием соблюдения «строгой законности», последуй он установкам какого-нибудь Стучки, утверждавшего, что путь революции состоит в «захватном праве», — и многое свершилось бы иначе. В истории важен поступок, от имени «смысла», «значения» совершаемый. Отсутствие поступка — отсутствие цели, бессмысленность деятельности — подписывает приговор социальным лицедеям, несостоятельным, призрачным фигурантам истории. Однако есть поступки и поступки. Ввиду избытка проектов, служащих лжи, плодящих imitator Dei, не всякий поступок подлежит оправданию.

Поэт творит в вечном, а не в «теперешнем времени», — не уставал напоминать Толстой. Выходя из вечности, поэт деквалифицируется, перестает быть служителем муз, самое поэтом. Соответствующую трагедию дефицита питательной почвы вечного пережили Блок, потерявший ощущение «музыки мира»; Есенин, не могущий стремиться «в вечную сгнившую даль»; Мандельштам (как и Пушкин), утративший способность «дышать» («нельзя дышать, и твердь кишит червями, и ни одна звезда не говорит»).

Дефицит вечности для поэта означает внутренний кризис. Почему? Потому что вечность поэта — его собственный идеал, через призму которого поэт и создает себе вечность. В свете сказанного понятна «эволюционная обреченность» булгаковского Берлиоза — духовного нигилиста, не способного к творческой, а потому лишаемого и натуральной жизни.³⁷¹

С поэтом — более или менее ясно. А как с политиком? В каком времени, как движется, утверждается вершитель истории? На данный вопрос, надо признать, односложно-однозначного ответа не существует. Правильно фиксировать две стратегии социотворчества, связанные с преимущественной ориентацией на «жизнь» и на «идеал жизни». С позиций гуманистики первая стратегия охранительно-конструктивна, тогда как вторая — разрушительно-дес-

³⁷¹ Подр. см.: Б. М. Сарнов. Цит. соч.

561

труктивна. Одна, нацеливая на освоение реальных, утверждает настоящее, культивирует бытие сущее; другая, направляя на освоение идеальных, отрицает настоящее, культивирует бытие вымышленное. Допустимо ли, сближая политику с поэзией, вершить историю по образу и подобию «вечного» — идеально-потребного, чаемого? Цель исторического процесса, наставляет Герцен, — «каждый данный момент»; цель истории — «мы с вами, Ильин В. В. *Философия*: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

плюс настоящее всего существующего». Так допустимо ли хрупкое «теперешнее» класть на алтарь отрешенного «вечного»?

Сказанного довольно для извлечения эффекта из проводимых дистинкций. Некогда Колмогоров обосновывал необходимость двух курсов математики: строгого, нереалистичного, выполненного в языке интуиционизма, и нестрогого, реалистичного, выполненного в традиционном теоретико-множественном языке работающих математиков. В одном воплощается идеал, в другом — опыт. Возвращаясь к нашим баранам, логично констатировать, что на мельницу адекватного вершения истории льет воду ориентация на «жизнь», а не на «идеал жизни».

Стратегия «жизнь» своим идейным подспудем имеет экзистенциально выверенную философию «моментализма», в качестве непреходящего, самоценного поднимающего на щит полноту, глубину, ненарушимость переживаемого мгновения. Моменталистский мир со стержнем «каждое поколение, каждый человек — цель сами для себя» (Герцен) — позитивен, ввиду чего крайне инертен, коснен. Стратегия «идеал жизни» не укоренена в жизнь, покидая реальность, преодолевает ее романтической экстраполяцией, мечтой. Напомним, что в поэтическом — вымышленном, мифическом — мире лица, ввиду своей бессмысленности, духовной тривиальности из идеальности выпадающие, попросту удаляются с авансцены. Таков, к слову сказать, несчастный Берлиоз, подлежащий беспощадной элиминации. (Заметьте: детоубийце Фриде даруют прощение, Берлиозу же — нет.) Отталкивающая нелицеприятность конкретных моментов устраняется в мысли простым вытеснением. В жизни также есть место подобному вытесне-

562

нию в случае, когда, говоря слогом Пастернака, «ампир царствований» оборачивается «вампиrom революций». Превращение падких на перекройку действительности по идеалу неумных властителей в отвратительных бандерлогов — хорошо известный эмпирический факт — обостряет проблему статуса идеала в жизни.

Откуда тенденция навязать мечту, заставить жить по идеалу? Скорее всего, имея корни антропогенетические (эффект подражания), она связана со стремлением выработать в ином желательное. Не в себе (что мучительно трудно)³⁷², а в подобном себе воплотить совершенное — исправить природу в сознательном ее творчестве. Исправить природу посредством подгонки реалий под идеал безболезненно — такое доступно искусству. Что такое искусство? — вопрошает Кинэ: «Задумайтесь над содержанием этого слова. Среди всех обитателей Земли я встречаю одного человека, который сам создает скульптурные образы существ, поражающих его взор... Странное дело, эти образы не простая репродукция существующих форм. Он добавляет, он отнимает, он исправляет то, что есть. Как! Разве природа не кажется ему завершенной? Разве он задумал нечто высшее? Радость, безумие, гений, какое имя дам я этому побуждению? Переделывать самые законченные создания! Не хочет ли он продолжить труд природы? Да, это именно то, чего он хочет... Человек в нетерпении войти в

будущее. Он заранее овладевает им в искусстве».

В искусстве. А в жизни? Перекройка природы в искусстве уместна, респектабельна, ибо не насильна. Перекройка природы в жизни преступна, множит экологические, экономические, социальные катастрофы. Прометеева устроительная гордыня несостоятельна в двух отношениях. В отношении вседозволенности: человек не бог. И в отношении рациональности: жизнь — явление, к рациональному не сводимое. Задача искусства — конструировать ре-

³⁷² Также см.: *Общественное сознание и его формы. М., 1986. С. 203-240.*

563

альность по идеалу. Если такую задачу вменить политике, возникает производство умышленных, нарочитых форм, не сопряженных с реальностью в принципе. От богатства привнесенного в реальность содержания значительность искусства возрастает, политики — убывает. Креативизм в искусстве равноценен проявлению существа творческого как универсально-целостного, свободного. Креативизм в политике равноценен проявлению односторонности, зависимости существа некомпетентного, в жизни не сведущего. Игра сил в своей собственной власти без рифмовки с событиями допустима в образной, понятийной сфере, но не в сфере жизненно-практической. События не сковывают искусства (свобода здесь реализуется непосредственно как способность самочинно давать начало событиям) и сковывают политику, решающую, как от идеи (идеалов) переходить к событиям.

Искусство не требует почитать свои творения за действительность: элемент условности, иллюзорности в них предзакладывается. В политике все творения действительности реальны; имеющаяся условность подлежит экспертизе фронтальной. «Тоска по идеалу» в искусстве удовлетворяется прямо — актами творчества; в политике косвенно — через логику жизни.

Искусство использует возможности, политика — действительности. Свободе, игре, фантазии искусства противостоит в политике сбалансированность, обстоятельность, осмотрительность.

Сопоставительные ряды оттеняют особенности творческих процедур в поэтической и политической сферах. Высшая смелость человека — смелость дерзания под водительством ума творческого. Но как разнится созидание в рассматриваемых случаях. В искусстве — изобретение, в политике — приобретение. Мир искусства — мир образов, мир политики — вещный, материальный мир. Средство искусства — исповедь, самообнажение, средство политики — сдержанность. Почва искусства — личный опыт, претендующий на обобщение. Почва политики — коллективный опыт, ставший уделом лица. Искусство — царство

564

«прекрасной видимости» (Шиллер). Политика — царство «неприглядной реальности». Механизм искусства — побудительность мечты. Механизм политики — цензура побудительного порыва.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Что подразумевал Блок, наделяя художника знанием жизни? Скорее всего, сам дух творчества, высвечивающий полноту бытия в муках искания. Поэт знает высшую реальность по полету души, наитию. Такого рода знание ценно, однако не эффективно для вершения истории, фактического творения жизни. Парадиз творчества, вдохновение обуславливает прорыв к высокому, но этот прорыв возможно реализовать через жизнь — всесторонностью, глубиной постижения тока жизни. В этом случае поэтические модели «начала» и «концов» заменяются политическими моделями «ада» и «рая». Ад и рай — оппозиции, в границах которых свершается жизнь. Суть в том, что, преследуя частные цели, субъект истории формирует общие смыслы того, как, избегая ада, попасть в рай. В переносном и очень даже прямом значении слова. От великого до смешного — один шаг. Как же не оступиться? Чем выверять деятельность? Не поэтическим, а кристаллизуемым жизнью политическим идеалом. Логика устройства жизни, отменяя запах «гари, железа и крови» (Блок), самолично отлагает инвариантное, которое в качестве должного в дальнейшем детерминирует сущее. Социальные явления двойственны — натуральны и ценностны. Доказавшие мирскую натуральную состоятельность ценности в последующем приобретают статус императивов. В императиве важна гарантийность, жизнеутвержденность. Исторический процесс только потому прогресс, что подчинен гуманитарно оправданному императивному, обеспечивающему жизнь при общедоступности удобств жизни.

Весомость лица в социальной среде или, напротив, «промежуточность человека» определяется его способностью согласовывать конкретный жизненный курс с универсальными гуманитарными параметрами жизни — экзистенциальными абсолютами. Многие на этом пути не выдержи-

565
вают высот ответственности: впадают в анемию, волюнтаризм, честолюбие. Окончательный вердикт о влечении известного имени в венок истории выносит коллективный разум, исходя из основательной проработки существа деятельности в триаде «цель — средство — результат». Естественно, возможны разные исходы, детали которых нет смысла перебирать. Однако важно представлять максимальную нежелательность нерезультативного исхода. Цель в истории оправдывает не средство, а результат. В качестве итоговой формулы, таким образом, недопустимо получать формулу капитана Лебядкина «стакан, полный мухоедства», — удел организующих тараканьи бега, а не жизнь народную, историческую. Таких, как не различимый с управдомом царь, история не сохраняет. Несомненно, но этой причине совокупность знаков «Николай II», «Керенский», «Горбачев», выводимых нередко не с прописной буквы, встречается взрывной волной насмешки. Протестующе-грустной. Грустной — оттого, что из реальной истории тех, что стоят за ними, — не устранить. Протестующей — оттого, что сделать это необходимо. Как? Народной волей, умудренной очередным страдальческим опытом. Надо полагать, окончательным.

*Прошли те времена, как верила Россия,
Что головы царей не могут быть пустые,
И будто создала благая дань творца*

*Народа тысячи — для одного глупца;
У нас свободный ум, у нас другие нравы:
Поэзия не льстит правительству без славы;
Аля нас закон царя — не есть закон судьбы,
Прошли те времена — и мы уж не рабы!*

9.2 Морфология истории

«История — самый опасный из всех продуктов, вырабатываемых в химической лаборатории нашего ума. Она побуждает к мечтаньям, она опьяняет народы, она порождает у них ложные воспоминания, преувеличивает их рефлексy, растрavляет старые их раны, лишает их покоя

566

и ввергает их в мании величия или преследования», — указывает Валери. Опасности истории таятся в нашем незнании, непонимании пружин ее тока.

Исторический закон есть начало, управляющее сменой исторических явлений,³⁷³ — отмечает Ключевский. Есть ли такие начала? Откуда их выводить? С чем связывать? Если принять, будто история творится лицом (она — плод персональных утверждений индивидов), истории придется сообщить психологического толкование. (Психология — фундаментальное основание истории — линия Тэна.) Если принять, будто существуют исторические явления, не объяснимые исключительно и преимущественно процессами, замыкаемыми на отдельные лица, истории придется сообщить сверхличностное — социологическое, физиологическое (демографическое), физико-географическое толкование. Можно настаивать на комплексности исторических законов, являющихся сложением множества сил-факторов.

Сложность предметной сферы предопределила неоднозначность тематизаций ее в прошлом: наследие поставляет варианты от объективизма (географизм, космизм, техницизм) — Гиппократ, Монтескье, Ратцель, Леруа-Гуран; через субъективизм (история — процесс личностей, перипетий героев) — Верморель, Лампрехт, Михайловский; до синтетизма (история — сочетание действий человека и влияний среды) — Ключевский.

Между тем правомерно обострить праксиологическое измерение истории. История как продукт гуманитарного зодчества есть мощный разветвленный континуум артеактов и артефактов. Покрывается ли она им полностью? Историческое бытие как «дело рук человека» самоконституируемо. Что заставляет человека в рукотворении исторической реальности выходить за пределы себя, осуществлять броски вперед, развиваться? Положивший начало философии истории Августин, прорабатывая проблему, выдвинул христианскую объяснительную платформу: ис-

³⁷³ См.: Ключевский В. О. Соч. в 9-ти т. Т. 6. М., 1989. С. 81.

567

тория есть богочеловеческий процесс, устремленный к метаисторической цели, — воплощению в земном небесного града. В кильватере этих представлений шел Вико, в качестве направляющей силы исторического творчества введший Провидение. Сходным образом поступали Гегель, Данилевский.

Провиденциализм, телеологизм, фатализм как объяснительные

схемы теории в том смысле, с каким мы привыкли связывать существо выработки в теории объяснительных схем, адекватными не являются. Листья воспоминаний скорбно шуршат во мраке (Лонгфелло), — пусть там и шуршат. Никакого обнадеживающего содержания из их шуршания в темноте — даже при помощи лупы — не извлечь. То, что настоятельно требует забвения, да будет предано забвению. Понимание чего, однако, актуализирует исходную проблему подлинных лицедеев исторического процесса.

В такой плоскости рефлексию исторической материи проводили — Макиавелли, изучавший не этические, а державные функции правления, и выявлявший их морфогенетические предпосылки и последствия;

— Вико, задумавший особую науку о производимых нами реалиях, правилах творения людьми гражданского мира (где мы, по его понятиям, — полные хозяева и господа).

Полученные ими ценные, но не исчерпывающие результаты (могут ли таковые здесь быть вообще?) однако, не устраняют неясности, в каком смысле, в каком отношении мы подлинные, полноценные авторы истории как единого, внутренне обусловленного морфогенетического поля.

9.2.1 Пласты истории

«История в том виде, как она существует теперь, едва ли даже заслуживает названия науки; в ней чрезвычайно много описательного и художественного элемента, но собственно научного, — законов исторических, — в ней до сих пор нет.

568

Много говорят об исторических законах, о развитии, необходимом движении, современных потребностях, но все это слишком отвлеченно, и всякий историк стал бы в тупик, если бы от него потребовали, чтобы он сформулировал хотя бы один исторический закон»,³⁷⁴ — сетовал Б. Н. Чичерин. Камень преткновения истории — убеждаешься в этом очередной раз — морфогенетические законы.

Ситуация в истории — надорганической эволюционистике — без всякого рода натяжек и передержек может быть уподоблена ситуации в биологии — органической эволюционистике, — где, по авторитетному свидетельству Б. Л. Астаурова, — «мы бродим пока в совершенных потемках среди невообразимого множества узанных фактов, частных закономерностей и построенных для них дробных объяснений, не обладая здесь светочем какой-либо достаточно общей теории и все еще взирая на развитие цыпленка в яйце как на подлинное чудо».³⁷⁵ Напомним: в области биологии развития в качестве концептуальных платформ фигурируют позиции

— мутационизм: эволюция — результат достаточно механического просеивания генетически случайных изменений (мутаций), ведущих к видообразованию (Коржинский, Де Фриз);

— эволюционизм: развитие живой природы — результат а) превращения одних органических форм в другие (трансформизм — Бюффон, Сент-Илер); б) целесообразных изменений организмов под влиянием внешней среды с наследованием приобретенных

признаков (ламаркизм, механо-, орто-, психолamarкизм); в) случайного возникновения новых форм (изменчивость), последующего их закрепления (наследственность), устранения неконкурентоспособных особей (естественный отбор) (дарвинизм — Дарвин, Уоллес).

³⁷⁴ Дневник Б. Н. Чичерина // РГБ. Ф.334. карт. 17. ед.хр.5. Л. Зоб.

³⁷⁵ Астауров Б. Л. Проблемы общей биологии и генетики. М., 1979. С. 229.

569

Современная версия эволюционизма — синтетическая теория эволюции, представляющая сплав дарвинизма и популяционной генетики, — интерпретирует целесообразные изменения живого в терминах модели наследуемых случайных изменений, корректируемых творческим влиянием естественного отбора;

— автогенез: эволюция — следствие внутренних, не зависящих от влияний окружающей среды нематериальных факторов (витализм — проявлений энтелехии — Дриш; аристокенез — проявлений скрытых творческих стимулов);

— номогенез: эволюция — результат действия скрытых фундаментальных законов, которые постулируются, но не формулируются (Берг, Любищев).

Используя потенциал уподобления, отметим: с мутационизмом сближается психологизм, анархизм; с трансформизмом — космизм; с лamarкизмом — техницизм; с дарвинизмом — марксизм; с номогенезом — толстовство; с витализмом — органицизм, холизм, эмерджентизм. Не входя в разбор принадлежащих истории взглядов и эксплуатируя их положительные возможности суммарно и по существу, сформулируем некие базовые презумпции адекватного взгляда на предметную сферу.

1. Историческое развитие, социальный морфогенез не есть прямая (простая, плоская) реализация исходного экстенсивного разнообразия; социально-исторические структурные перевоплощения зиждутся на переводе интенсивного разнообразия в экстенсивное.

2. В истории, социоморфогенезе реализуются не механические, а системные, органические, целевые типы причинения.

3. Локомотивом реализации исторического морфогенеза является самоорганизация (регуляция целостности, наращивание адаптивности, рост оптимальности и т.п.).

570

Что обуславливает исторический морфогенез?

Нерв вопроса — проблема, что конкретно принимать за побуждающие основания исторических изменений. Пробегая промежуточные, сосредоточимся на оценке крайних позиций.

По аналогии с мутационизмом, усматривающим пружину биологической эволюции в случайных изменениях генофонда, пружину исторической эволюции можно усматривать в свободных личностных поступках, влекущих изменения социофонда. Такую позицию трудно проводить концептуально ввиду неномологичности. Если материал исторического формотворчества свободно, случайно осуществляемые поведенческие акты, — в истории нет законов. Онтологический номинализм исключает доктринальный номологизм. Именно за это данную позицию

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

критикует Толстой, настаивая: «... необходимо отказаться от сознаваемой свободы и признать не ощущаемую нами зависимость».³⁷⁶

По аналогии с номогенезом, усматривающим пружину биологической эволюции в фундаментальных динамических законах, пружину исторической эволюции можно усматривать в скрытых универсальных зависимостях. Так и поступает Толстой, утверждая: «... если история имеет предметом изучения движения народов и человечества, а не описание эпизодов из жизни людей, то она должна, отстранив понятие причин (локальных — авт.), отыскивать законы, общие всем равным и неразрывно связанным между собою бесконечно малым элементам свободы».³⁷⁷ Такую позицию трудно проводить концептуально ввиду мистичности. Если материя исторического формотворчества скрытые (неидентифицируемые) фундаментальные законы, — в истории нет случая. Онтологический реализм индуцирует доктринальный мистицизм: история оказывается неизвестно как и чем престабилизированной.

³⁷⁶ Толстой Л. Н. *Собр. Соч. в 12-ти т. М., 1958. Т. 7. С. 355.*

³⁷⁷ Там же. С. 354.

571

Таковы крайности; естественно, они не проходят.

В качестве промежуточной кристаллизовалась теория роли народа (толпы, массы) и личности (героя, гения) в истории. Суть ее в лапидарном изложении сводится к допущению свободных субъективных волей на фоне латентных объективных тенденций. Дифференцируется статус субъективных волей. Народ (масса, толпа) — носитель ординарной, личность (гений, герой) — неординарной воли. Народ обладает инерционной, личность — творческой силой. Народ вписывается, личность улавливает тенденции. Такую позицию (отстаиваемую и марксизмом) трудно проводить концептуально ввиду нерелефлексивности того, что значит улавливать тенденции? Как их идентифицировать? Кто, в силу чего обладает сим драгоценным даром? Скажем: была ли объективная тенденция в России с октября 1917 г. в мелкотоварной стране внедрять прямой продуктообмен, разгонять всенародно избранное Учредительное собрание, искоренять частную собственность? Кто и как все это уловил? Большевики? Или: была ли объективная тенденция в России с августа 1991 г. в центрально-административной стране внедрять дикий капитализм, после всенародного весеннего референдума разваливать СССР, проводить олигархическую приватизацию, искоренять государственную собственность? Кто и как в очередной раз все это уловил? Чикагские мальчики?

Проникновенный разговор о пружинах исторического морфогенеза правильно возобновить (обогатившись высказанным) с представления многослойности исторической онтологии, в которой должны быть заложены пласты, связанные с

- влиянием общих и необходимых причин;
- влиянием частных причин и свободных поступков;
- отношением всего этого к организации человека.³⁷⁸

³⁷⁸ См.: Тюрго А. *Избр. Филос. произв. М., 1937. С. 78.*

572

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Принятие этого — ариаднова нить для предстоящего поиска.

Неадекватные субъективистские (волютаризм) и объективистские (фатализм) доктрины истории сподвигают на нахождение новых экспликативных эвристических схем. По обозначенным выше основаниям, это — схемы разноуровневых (разнопричинных) структурных законов исторической динамичной организации. Архитектоника их

такова:

— структурные зависимости дальнего порядка (мега-тенденции) — вскрываются социальной фенологией, фундаментальной ритмодинамикой (циклика, ритмика социально-исторических структур; генерация, реставрация, элиминация социально-исторических обстоятельств);

— структурные зависимости среднего уровня (макротенденции) — вскрываются модульными теориями социума (типы державных движений, почвенные влияния);

— структурные зависимости локального уровня (микротенденции) — вскрываются антропологическими описаниями (деяния лиц, масштаб персональных целей).

Предложенный эскиз порождающих причин исторической организации стимулирует продвижение в понимании оснований, природы, правил творения истории, вершения жизни, обмена деятельностью в социуме. Во всяком случае — с порога — он отвергает некритические физикалистские (квиелистские) трактовки нашей исторической жизни, согласно которым последняя — «линия, которую мы должны по повелению природы описать на поверхности земного шара, не имея возможности удалиться от нее ни на один момент».³⁷⁹ Гольбаховская картина пуста, безжизненна; уважая себя, свою жизненную организацию,

³⁷⁹ Гольбах П. Избр. Произв. М., 1963. Т. 1. С. 208-209.

573

нельзя встать на точку зрения, будто все в человеческой истории заведомым образом подтасовано.

9.2.2 Волны жизни

Камень преткновения философии истории, отмечалось выше, — морфогенетические начала: с чем связывать, на что замыкать формотворческие продуктивные, порождающие инициативы. Рефлектирующая мысль канализирует поиск в створ альтернативы — морфогенез обусловлен: свободой воли агентов исторических действий; некими законами в диапазоне от натурализма до фидеизма (телеологизма). Не прибегая к синопсису, — не озабочиваясь оценочным перебором архаичных взглядов, в качестве заслуживающего внимания, не утратившего концептуальной основательности из обоих подходов выделим:

— история как гуманитарное явление связана с деятельностью лиц и на нее завязана: без частных личностных поступков нет общих исторических действий;

— история как закономерное системное явление номологична, связана с проявлением объективных зависимостей (от моральных, культурных до физических).

Начало человечности лишает историю мистического порядка,

начало номологичности лишает историю беллетристического порядка. Поскольку гипертрофия как одного, так и другого делает из истории компендий анекдотов, а не науку, дело заключается в том, чтобы провести оба начала адекватно. Как это сделать?

Жизневоспроизводство, жизнеподдержание осуществляется в общественной среде посредством целесообразных поведенческих актов (поступков). Учитывая их количественную (численность) и качественную (мотивированность) дифференцированность, теория отработывала естественный ход, привлекающий для концептуализации поведенческого разнообразия идеи статистики. Межсубъективный обмен деятельностью — социальная интерак-

574
ция, — интерпретируясь в терминах броунова движения, рассматривалась как результирующая беспорядочных (ввиду массовости) соударений субъективных волей. Модель статистических флуктуаций молчаливо предполагала (1) случайность социально-исторических событий: они — резюме многообразных разнонаправленных, разномотивированных элементарных субъективных проявлений в системе из большого числа элементов; (2) непреднамеренность, незапрограммированность отдельно рассчитанных, но в массе своей спонтанно возникающих (в качестве статистического подытожения) эффектов.

Соответствующие доводы поставляются представителями разных философских и социально-политических ориентаций. В отношении (1) сошлемся на Кропоткина, утверждавшего: «Скорость человеческой эволюции в данном направлении вполне зависит от интеграла единичных волей... найти этот интеграл или хотя бы только оценить его количественно можно ... живя среди людей и следя за самыми простыми, обыденными, мелкими проявлениями человеческой воли».³⁸⁰

В отношении (2) — на Гегеля: учитывая массу людей, их противодействие, получаются иные результаты, «чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают».³⁸¹

Между тем, если происходящее в истории спонтанейно, порождено необозримым сложением необозримых сил (статистическая равнодействующая соударений множества частных волей), происходящее в истории самопроизвольно, спорадично, незаконосообразно. Обостряется проблема номологичности исторического тока.

В качестве рефлектирующей реакции на нее — платформа Канта, исключаящего из философии истории «свободу воли» в амплуа объяснительного принципа и настаив-

³⁸⁰ Кропоткин П. А. *Записки революционера*. М., 1990. С. 248

³⁸¹ Гегель Г. В. Ф. *Соч.* Т. 8. С. 27.

575

вающего на истолковании поступков (социально-исторических акций) через призму «общих законов природы».³⁸²

И платформа Шеллинга, который, осмысливая потенциал социальной статистики и констатируя на его базе, что «человек лишь потому входит в историю, что ничто из его будущих поступков не может быть учтено на основании... теории. В силу

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

этого в истории властвует произвол»,³⁸³ прямо отвергает его, высказываясь в пользу фатализма: в истории доминирует «слепая необходимость», перед которой персональные цели, замыслы исчезающе малы.

Каков итог? Допущение свободы воли (волютаризм) в истории подрывает номологичность исторического тока. Допущение номологичности исторического тока подрывает реалистичность истории, откуда не выдворить свободу воли положительных агентов действий — импульсивных реакций, поступков вершащих историю, занимающихся творением жизни лиц. Разобшение волютаризма с номологизмом, следовательно, дает то, что дает: псевдоисторическую доктрину, стилизацию под полноценную историю.

Где тот заветный ключ, который позволяет сопрягать свободную и необходимую причинность, волю и закон, суетно-легковесное и непреходяще-значимое.

Проблема, как люди способны реализовать в частных целях субстанциальное, «являющееся волей мирового духа» (Гегель), паки и паки сложна. Вариантами ее решения выступали рассмотренные выше базовые модели героев и толпы и Провидения, которым было отказано в эвристическом кредите. В пользу предпочтительного чего? В пользу модели природно-надличностных законов, имеющих воплощение в свободно-личностной деятельности.

Человек есть цель для себя. Реализация собственной целезначимости предполагает достижение гармоничного бытия, обеспеченного конкордией природы (связанная причинность) и воли (свободная причинность). Высокая

³⁸² См.: Кант И. Соч. Т. 6. С. 7.

³⁸³ Шеллинг Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма. Л., 1936. С. 338.
576

резонансность одного другому предельным своим выражением имеет целесообразность: мы творим мир (вторую социально-историческую природу) по свободной воле, но на базе целесообразных начал, вводящих большую степень соответствия намеченных целей условиям их воплощения.

Нерв целесообразного — созидание потенциального бытия по реалистичным правомерным целям, удовлетворяющим природным законам. Поскольку история есть созидание, творения того, чего нет в природе, носитель способности изменять мир по своим целям (лицедей в истории) в своем миротворении свободен. Поскольку реализация свободы лицедея истории целесообразна, созидание сверхприродного целерационально, правомерно, законосообразно. В этом суть. Причем суть эта выражена применительно к идеальным случаям, большим интервалам истории, тенденциям. Применительно к реальным событиям, малым историческим интервалам, локусам требуется коррекция. Действительно. Как объяснять механизмы поддержания динамических равновесных состояний в социуме в масштабах (условно говоря) микроэволюционных, — ведь ясно, что справедливой для макроэволюционных рассмотрений идеей целесообразности тут не обойтись.

Оживление, понятийное обновление аппарата социальной
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

философии (и методологии истории), на наш взгляд, связано с применением модели волн жизни, использующей представления объективной циклики и ритмики социально-исторических форм.

Волны — энергетические или стилистические возмущения жизнеспособных контуров — распространяются в социально-исторической среде с конечной скоростью, инициируя (реставрируя) определенные виды межсубъективной коммуникации и интеракции. Социально-исторические волны проявляют себя как фазовые возмущения, или изменения состояний, колебаний, обладающие некоей степенью повторяемости. Последняя и образует естественную циклику и ритмику (последовательность, частота, скорость протекания, временная органи-

577

зация, чередование, кругооборот стартовых и финишных черт) социума и истории.

Доктринацию социально-исторических циклов и ритмов в терминах сущностных описаний, как подчеркивалось, проводит социальная фенология, фундаментальная ритмодинамика (учение о ритмах и циклах). Доктринацию социально-исторических периодических колебаний (реставрация, элиминация) в терминах феноменологических описаний проводит модульная теория социума (учение о пропорциях и фазах). Доктринацию социально-исторических циклов и ритмов в терминах гуманитарных описаний проводит историческая, социальная, культурная антропология (учение о поступках и лицах). Обратимся к ним.

9.2.3 Циклы и ритмы

Что такое необходимость в истории? Можно смело утверждать, что ни одна из известных философий истории убедительного ответа на вопрос не дала. Мысль ограничилась блужданием в створе дилеммы: необходимое в истории — план либо «природы», либо «мирового духа» (Провидения). Несомненное достоинство такой линии — спокойная отрешенность, которая, однако, ввиду расчеловечения исторического жизнетока, подмены истории то географией, то религией, удовлетворения не поставляет. Не лучшим образом обстоит дело и с вопросом теоретического выражения исторической необходимости. Обладающая многими преимуществами сопоставительно с идейными предтечами доктрина общественно-экономических формаций на сегодня эвристически выдохлась. Без претензий на полноту, системность в качестве маркеров ее неадекватности выделим следующее. Оказалось: — неверно, будто буржуазия не способна к господству, потому что она не может обеспечить своему рабу даже рабское существование, потому что она вынуждена довести его до такого состояния, в котором она должна кормить его, вместо того, чтобы существовать на его счет;³⁸⁴

³⁸⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. Соч. Т. 4. С. 435.*

578

— неверно, будто противоречия — локомотив положительного, продуктивного развития;

— неверно, будто пролетариат — передовой класс, представляющий интересы всех общественных страт, — спасает

человечество революционным броском из негуманистичной предыстории в гуманистичную историю;

— неверно, будто революция — адекватный рычаг социального устройства (ломаая воспроизводительные контуры, революция ввергает жизнь в пучитну затратной дезорганизации, хаоса);

— неверно, будто Россия — слабое звено (были и слабее) в системе империализма, предуготовленное к свершению социалистической революции;

— неверно, будто империализм — сверхкризисная фаза монополистического капитализма, канун пролетарской революции.

Неверно и многое, многое другое.

Наш положительный взгляд на природу вещей через призму модели длинных волн — социальных циклов и ритмов — сводится к тезису: онтологический базис истории двусоставен, — в качестве исходного всегда это — человеческие цели, мотивы, интересы, ценности, которые накладываются на объективные (подверженные циклическим зависимостям, имеющие собственную ритмику) условия жизнедействия. Исторические события в силу этого — многопричинны — порождены и лицами (лицедеями), и вследствие вписанности лиц в более глубокие каузальные связи (циклика, ритмика) — объективными зависимостями.

Выразимся пространнее. Чем объяснить череду революций в Европе и Азии во второй трети — середине XIX в. Теория общественно-экономических формаций в качестве движущих причин приводит социальные противоречия — разбаланс производительных сил и производственных отношений. Естественно, следование доктрине озна-

579

чает наследование языка доктрины. Между тем возможны иные подходы с применением альтернативных лексических фигур. Один из них — язык естественной циклики и ритмики исторических форм.

«Истинное по природе своей пробивает дорогу, когда пришло его время»; «оно появляется лишь тогда, когда это время пришло»,³⁸⁵ — отмечает Гегель. Что это за время? Его обозначает не Провидение, а объективно (циклично и ритмично) проявляющиеся рамы событий, иницирующие специфические процессы (обстояния).

Сущий кладезь таковых — материал мировой истории второй трети — середины XIX столетия, — черпай не вычерпашь.

В авангарде европейской революции оказалась Франция, гражданское возмущение которой вне и помимо теории общественно-экономических формаций правомерно связывать с циклическим и структурным промышленным кризисом 1826 г. и воспроизводительной депрессией 1829— 1830 гг. (ср. с мировым экономическим кризисом 1928— 1938 гг., свидетельствующим о наличии 100-летней турбулентной дестабилизационной волны), усиленной неурожаем.

Далее — по нашей схеме. Сбои в жизнеобеспечении обусловили обострение социального (народного) вопроса. Правящая элита в лице короля Карла X, не сподвигшись на либерально-демократическую реформу, скомпрометировала себя не только в

глазах народа, но и влиятельных конституционных монархистов. Социальный вопрос был трансформирован в вопрос политический. Развернулась ожесточенная династическая борьба за замещение Бурбонов Орлеанами.

В упорчение растрченных активов 25 июля 1830 г. Карл X подписывает указы (ордонансы Полиньяка) ультрароялистского духа. Расцененная в качестве неуклюжей потуги реакционного государственного переворота акция спровоцировала выступление народа. Протест ад-

³⁸⁵ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 4. С. 39.

580

ресовывался уже анахроничной монархии, поддерживаемой дворянским и клерикальным охвостьем. Карл X, отрекшись от престола, бежал в Англию. 31 июля королем провозглашен герцог Орлеанский Луи-Филипп.

С инновационной точки зрения июльская революция во Франции завершилась полным крахом. Ни экономический (социальный), ни политический вопросы принципиально (не считая смены властного декора) решены не были. Если бы Карл X дальновидно санкционировал буржуазную монархию сверху, никакой революции не случилось бы.

Лишь мифологическая эпоха однократно — исключает наведения, воспроизведения. Гражданская эпоха мировой истории пронизана индуцирующими эффектами. Революционные события во Франции выступили в роли мощнейшей возбуждающей силы. Падающее оттуда социально-политическое излучение вздыбило Европу: по континенту пошли когерентные протестные волны. Облик турбулентного взаимосвязанного цивилизно-европейского целого может быть передан незатейливым методом хроники.

Англия: парламентская реформа 1832 г.; возникновение чартизма; стачечное манчестерское движение (1842 г.); (восстание 1837—1838 гг. в Канаде).

Германия: революционные выступления (завершившиеся реформами) 30-х годов в Саксонии, Брауншвейге, Ганновере, Баварии, Гессене, Рейнской области, Франкфурте-на-Майне; 1844 г. — восстание силезских ткачей.

Австрийская империя: освободительная борьба в Венгрии (конец 40-х годов; июнь 1844 г. — выступление рабочих в Праге; славянское движение за возрождение и освобождение (чехи, словаки, хорваты); 1846 г. — восстание в западной Галиции; февраль 1846 г. — мятеж в Кракове.

Бельгия: 1830 г. — антиголландское национально-освободительное восстание.

Италия: 1830 г. — Рисорджименто — выступления против австрийского гнета, политической раздробленности, феодального абсолютизма; объединительные общественные движения 1844-1847 гг.

581

Испания: карлистская война 1833—1839 гг., лето 1834 г. — антиклерикальное конституционное движение; революции 40—50-х годов.

Польша: восстание 1830—1831 гг. за обретение национальной независимости; 1846 г. — краковское выступление.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Швейцария: 1832 г. — обострение борьбы за буржуазно-демократические преобразования, ограничение прав, привилегий духовенства; пике сейма с Зондербундом; гражданская война 1847 г.

Под влиянием французских событий пошли, следовательно, революционные брожения, выступления, войны за политические, социальные, гражданские требования. В нашей лексике это — борьба за жизненные гарантии.

Мы целенаправленно вновь и вновь обращаемся к глубокому сюжету жизневоспроизводственных инвариантов, экзистенциальных абсолютов, которые были названы фундаментальными социальными константами (ФСК). К ним относятся находимые спорадично, путем проб и ошибок жизнеустроительные оптимумы, выражающие стиль, строй, порядок максимально отлаженного (сопоставительно с идеалами) существования. Во всех регистрах, измерениях жизнепорождающих процедур, актов находятся благоприятные, желательные варианты из числа возможных. Историю можно уподобить весьма и весьма диспергированному по географическим, культурным, хозяйственным, политическим, гражданским, традиционным, конфессиональным и т. д. признакам образованию, где при внимательной оценке самой логики отлаживания жизневоспроизводственных действий выделяются точки разрежения (тупиковые ветви развития) и точки плотности. Точки плотности — сгустки наибольших и наилучших приближений к неким экстремальным идеальным состояниям (понятия чаемой, потребной, желанной жизни).

В регистре материального воспроизводства — максимальная мотивированность, стимулированность продуктивной деятельности.

В регистре духовного воспроизводства это — максимальная самореализуемость.

582

В регистре политико-гражданского воспроизводства — максимальное участие, вовлечение, волеизъявление.

В регистре экзистенциального воспроизводства — максимальная самоудовлетворенность, полнота, глубина существования.

В целом это — оптимальная стратегия бытия, связанная с воплощением принципа минимакса, предписывающего участникам исторического процесса (игрокам жизни) стремиться к максимально достижительным, гарантийным, успешным (выигрышным) линиям поведения.

В аналогии можно пойти дальше, уподобляя историю матричной (антагонистической) игре, в которой игроки (участники) имеют конечное число стратегий. Так как разные игроки имеют разное число стратегий: допустим, игрок 1 — m стратегий; игрок 2 — n стратегий и т.д., матричная игра задается $(m \times n)$ — матрицей, где $H = (h_{ij})$, где h_{ij} — выигрыш 1 игрока, если он следует стратегии i , $i = 1 \dots m$; а игрок 2 — стратегии j , $j = 1 \dots n$.

С позиций принципа минимакса, игрок 1 (в идеале) избирает такую стратегию i_0 , где достигается $v_1 = \max_i \min_l h_{il}$;

игрок 2 избирает стратегию j_0 , где $v_2 = \max_l \min_i h_{il}$.

Если $v_i = v_2$, пара (i_0, j_0) составляет седловую точку матрицы H с выполнением неравенства $h_{ij_0} \leq h_{i_0j_0} \leq h_{j_0j}$ $i = 1 \dots m; j = 1 \dots n$. Число $h_{i_0j_0}$ оказывается значением игры, стратегия i_0, j_0 является оптимальной (оптимальная чистая стратегия игроков 1 и 2). Разумеется, в истории оптимальная чистая стратегия игроков (участников) — редкость. В истории мужество не было бы мужеством, если бы основывалось на точных, предвидимых, чистых стратегиях. Локально оптимальные стратегии попадают в класс смешанных стратегий. Глобально же (на длительных интервалах) оптимальные стратегии находятся в классе чистых стратегий. Последние и передаются ФСК — не постоянными величинами (как в физике), а функциональными показателями, выражающими характеристики эмпирических распределений.

583

От социума к социуму признаки их внутренней организованности варьируют; каждому варианту (значению некоторого показателя $x_1, \dots, x_n$) в принципе можно поставить в соответствие одну и ту же вероятность $P_i = 1/n, i = 1 \dots n$. При достаточно большом количестве испытаний (и наблюдений за ними), однако, обособливаются экстремумы, фиксирующие *min* и *max* социальной кредитоспособности. Когда на социальное действие (от планирования до маневрирования) проецируются параметры желательности — максимальная выгода при минимальных издержках, — на авансцену выдвигаются ФСК в виде представлений разумности, целесообразности, справедливости, достоинства, адекватности, сбалансированности целей, средств, результатов при недопустимости, невозможности вхождения в некоторые состояния и превосходения некоторых величин (решение задачи с неприемлемым уровнем потерь). ФСК, следовательно, это — показатели многокритериальной оптимизации, получаемые не формально, а эмпирически, — посредством статистического резюмирования исторических опытов социального устройства (социальных распределений).

Возможность обустривать общество лишь по видимости представляет собой задачу с произвольным решением. Изначально она (возможность) лимитируется условиями: 1) фазовые, временные, ресурсные ограничения — человеческий, социальный, геополитический, физический, властный потенциал; 2) инициативные ограничения — недопустимость саморазрушения, самоуничтожения.

Откуда следует, что социальное устройство крепится на специфической манипуляции всеми видами инициатив и ресурсов, подчиненной достижению желательных состояний с позиций определенных критериев качества. Содержательно ФСК и активизируют подобные критерии, обостряя регулятивную коррекцию деятельности, обособливая из множества допустимых динамических форм (цели, средства, результаты — намерения, механизмы, действия) магистрали (множество актов, манипуляций, лежащих на оптимальной эффективной приоритетной — стационарной — траектории социодинамики).

584

ФСК имеют эмпирическую и критическую сущность; орудием их выделения служит аналитическое обобщение социально-
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

исторического опыта. Действования в истории сравнимы с действиями в рамках коалиционных и бескоалиционных игр в условиях неполной, меняющейся информации. Процесс игры (исторического действия) заключается в осмысленном переходе от исходного состояния к последующему через выбор игроками (лицедеями) поведенческих стратегий (по правилам или без правил). Акты выбора соответствуют стратегиям игроков в играх с неполной информацией, когда ни одному из участников игры при очередном ходе досконально неизвестна позиция дерева игры, в которой он находится. Принятие решения (выбор стратегии) в условиях неопределенности производится в опоре на отслеживание расстановки сил, изучение конъюнктуры, учет ресурсов и т.д. Однако оптимизационную направленность актов выбора (принятие решений) осуществляет содержание ФСК, ориентирующее на разумное, целесообразное, предсказуемое поведение персонажей истории, участвующих, как правило, в антагонистичных, затратных, конфликтных играх.

Жизнь исключает призраки (в магистральных). Она требует гарантийных, человеколюбивых регламентов своего обустройства. В качестве борьбы за такого рода регламенты — циклические, фазовые процессы, нацеленные на оптимизацию обмена деятельностью в соответствующих регистрах жизнеобеспечения согласно требованиям ФСК.

Causa efficiens данной борьбы — обстоятельственная циклика и ритмика, соответствующая фазам таких периодических явлений, как звездная, планетная, кометно-метеорная активность, колебания био-, гидро-, лито-, магнитосферы.³⁸⁶ Говоря строго, если есть магнитобиология, то должна быть и магнитосоциология, без каких-либо тривиализаций и вульгаризаций исследующая влияние магнитного поля на социальные организмы. Наличие магнитных бурь — сильных возмущений магнитного поля Земли, длящихся порой про-

³⁸⁶ Подр. см.: Ильин В. В. *Политология. М., 2000. С. 108-116.*

585

должительное время, определяет и наличие вызванных ими социальных аномалий, проявляющихся в социальных пертурбациях, вспышках девиаций. Совершенно ясно, что корреляции подобного типа — нединамические, что они не могут напрямую выступать сюжетным источником социальных катаклизмов. И тем не менее могут.

Они накладывают на все, что ни выходит из мастерской природы, печать зависимости. Зависимости живого, социального от натуралистического. Скажем: есть циклы, ритмы засух, наводнений, недородов, неурожаев, ураганов, эпидемий, пандемий, эпизоотий, панзоотий, — конечно, они влияют на социальный обмен деятельностью. Если чередка натуралистических неблагоприятных воздействий на социосферу достаточно продолжительна, сильна, в статистике социосфера входит в разбалансированную турбулентную фазу с непредсказуемым, негарантированным исходом для собственного существования. Может начаться всякое — переселение народов, исчезновение стран, депопуляция и т.п. В некоторых местах пойдет гражданская активизация масс, в

частности, завершающаяся революцией. Знание критических периодов, точек, последовательностей естественных циклов и ритмов давало бы превосходное средство целесообразного воздействия на реальность с позиций ее оптимизации, недопущения вхождения в опасные экстремумы. Если знать циклы, ритмы... «Если» — едва не самое короткое и безнадежное слово. Трудно признавать, однако же верно: поскольку особой дисциплины, изучающей периодические явления в развития социума — социальной фенологии, фундаментальной ритмодинамики — (пока!) нет, постольку мы лишены возможности упреждающей санации ситуации.

Отсюда в качестве консеквента — безрадостное упование на власть. Дальновидна власть — регулирует турбулентцию (инспирируемую неблагоприятной циклической и ритмической) санирующей реформой. Недальновидна власть — не способна на нетривиальные инновационные действия — отчаявшиеся массы (подогреваемые политической оппозицией) переведут социальный кризис в политический, раз-

586

вернут революцию. Последняя, не решая жизнеустроительных проблем, воспроизведет необходимость их решения в условиях новой власти.

Мораль извлекается сама собой: т.к. социальная интеракция подвержена влиянию циклических и ритмических процессов, ее оптимизация, регуляция покоится на опережающей (относительно циклов и ритмов) реформационной (исключающей революцию) санации.

Использованный материал европейской истории свидетельствует о вызревании необходимости социально-политических реформ, предусматривающих повышение уровня жизни (гарантированная зарплата, ограничение произвола работодателей, снижение эксплуатации, — все эти требования, можно сказать, надформационны — характеризуют борьбу непосредственных субъектов труда в пределах и рабства, и феодализма, и капитализма, и социализма); обретение национального суверенитета; расширение гражданского участия; секуляризацию. Буквально во всех регистрах жизнеподдержания наметились сбои. Они демпфировались:

Англия: материальное воспроизводство — с 1842 г. ослабление кризиса, улучшение хозяйственной конъюнктуры, активная колонизация (демографический сброс) сводят на нет протестные движения; гуманитарное (политическое, духовное, экзистенциальное) воспроизводство — парламентская реформа 1832 г. (расширение представительства).

Германия: материальное воспроизводство — ликвидация системы внутренних таможен, налаживание общегерманского внутреннего рынка; гуманитарное воспроизводство — провал, вызванный реакционной политикой Фридриха Вильгельма IV, его безучастностью к реформационной программе ландтагов (требования конституции, ликвидации сословных привилегий); кризис власти 1844 г. — покушение на монарха.

Австрия: реформационный провал, обусловленный общей консервацией устоев многонациональной империи, отстаивающей

целостность в национально-освободитель-

587

ной борьбе (дезагрегация государства) сдерживанием преобразований.

Бельгия: обретение самостоятельности от Голландии с решением проблем экономического (таможенные пошлины, налоги, протекционизм) и гуманитарного (католическая национальная церковь, политические институты) развития.

Италия: в целом реформационный провал ввиду национальной зависимости (австрийская оккупация), архаичной феодальной раздробленности: элементы реформ — инновации Пия IX, Леопольда II, Карла-Альберта (железнодорожное строительство, организация государственного, муниципального совета, национальной гвардии, ослабление цензуры, амнистия политзаключенных).

Испания: непроникающие реформы Мендисабала (отмена системы майората, сеньориальных прав, роспуск монашеских орденов, закрытие монастырей, конфискация церковных земель).

Польша: реформационный провал ввиду государственной несuverенности.

Швейцария: принятие конституции 1848 г. (С унификацией денежной системы, системы мер и весов, централизацией почты, таможни.)

Проведение реформ, как в Англии, Бельгии, Швейцарии, создает предпосылки безболезненного ламинарного эволюционного развития. Затруднение реформ, как в Германии, Австрии, Италии, Испании, Польше, осложняет перспективы странового прогресса.

Самовластие не терпит сопротивления, но вынуждает его. Прерванные, несостоявшиеся реформы дали народу и власти повод вновь стать лицом друг к другу. Наступил 1848г. — год вступления Европы в бурную полосу революций. Соло в континентальной партии кровавой гражданской борьбы в очередной раз исполнила Франция, более других стран (наряду с Ирландией, Германией, Австрией) пострадавшая от неурожая 1845-1846 гг., переживавшая последствия торгово-промышленного и финансового кризиса.

588

С 1847 г. на фоне резкого падения качества жизни усилились народные волнения (Франция, Англия, Ирландия, Германия). Летом 1847 г. в Париже развернулась «банкетная кампания» — либеральная критика власти, ратующая за реформы во избежание революции. Тщетно. Зимой 1848 г. власти запретили очередной банкет. 22 февраля под лозунгом «Да здравствует реформа!» в столице прошла демонстрация. Правительственные войска рассеяли народ, но борьба на следующий день с еще большим ожесточением и упорством возобновилась. Отставка кабинета не спасла положения. 24 февраля Париж оказался в руках восставших. Луи-Филипп отрекся от престола, бежал в Англию, куда за ним воспоследовал бывший премьер Гизо. 25 февраля во Франции официально провозглашена республика. В декабре 1852 г. ее фактически дезавуировал объявивший себя императором Луи Бонапарт — Наполеон III (ср. с показательной узурпацией власти вследствие необходимости поддержания послереволюционного порядка Наполеоном I. По пятам революции грядет реакция).

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

С позиций модели ФСК революции во Франции и Европе озабочены демонтажем феодально-абсолютистских пережитков и анахронизмов, осложняющих налаживание оптимальной живневоспроизводственной деятельности во всех регистрах социальной интеракции. Конкретно речь идет о ликвидации

— феодально зависимого крестьянства: личная зависимость (крепость) — Восточная Европа и держание на феодальном праве — Западная Европа;

— сосредоточение политико-государственных полномочий у привилегированных сословий;

— политической, хозяйственной раздробленности (Швейцария, Италия, Германия);

— иноземного господства (балканские, славянские народы, Бельгия).

Кое в чем в устранении политического и экономического господства дворянства в ряде стран Европы преуспе-

589

ли, кое в чем нет. И именно это определило стремительное шествие революции по континенту.

Германия (1848 г.): требования демократических перемен (отмена феодальных повинностей, свобода печати, введение суда присяжных, оптимизация налогов, созыв парламента, обеспечение всеобщего избирательного права, формирование либерального правительства), натолкнувшись на противодействие властей, переросли в стычки, беспорядки, восстания. Итог: политическое объединение Германии, март 1849 г. — принятие общегерманской имперской конституции, провозглашение демократических свобод.

Австрия (1848 г.): требования конституции, демократизации избирательной системы, не найдя понимания в верхах, сподвигли народ на выступления (майские, октябрьские события в Вене, антигабсбургские, антикрепостнические весенне-летние восстания в Венгрии, Воеводине, Трансильвании, Чехии, Моравии, Силезии, Польше, Закарпатской Украине). Итог: консервативная реакция, подавление восстаний на периферии империи, март 1849 г. — роспуск рейхстага, октябрь 1849 г. — массовые казни в Венгрии.

Италия (1848 г.): январские антифеодальные выступления в Палермо с требованиями конституции, антиавстрийские освободительные движения в Венеции, Ломбардии, Сардинии. Итог: национализация собственности монашеских орденов, снижение ввозных таможенных сборов, упразднение системы майората. В целом же задачи революции не решены — не достигнут суверенитет, не устранены феодально-абсолютистские порядки, архаичные пережитки; лишь Сардиния отстояла Конституцию (которую также принимали в Неаполе, Тоскане, Папской области).

Дунайские княжества (1848 г.): борьба за национальное освобождение, ликвидацию феодальных привилегий, отмену внутренних таможенных пошлин, проведение демократических преобразований. Итог: кризис власти в Молдавии, Валахии, разгром революционных движений благодаря интервенции России (Молдавия, Валахия) и Турции (Валахия).

590

Подытоживая эту часть изложения, уточним: в магистральном движении по ликвидации феодально-абсолютистских институтов

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

(монархический авторитаризм, помещичья земельная собственность, средневековая сословно-цеховая корпоративная система) и оптимизации жизневоспроизводства в базовых регистрах социального обмена деятельностью (свобода предпринимательства, торговли, расширение политических прав, полномочий, оформление конституционализма, парламентаризма) в большей мере преуспела Западная Европа (Англия, Франция, Швейцария, Бельгия). В Центральной и Восточной Европе (Германия, Австрия, Польша, Россия) борьба за демократические преобразования — ввиду нерешенности актуальных социальных, политических, экономических, гражданских вопросов — обострялась. Для Германии осталась проблема преодоления политической раздробленности, достижения национально-государственного единства. Для Италии — проблема обретения национальной независимости. Для Австрии — проблема целостности империи (национально-освободительные движения покоренных народов). Для Польши — проблема государственного суверенитета. Для России — комплекс проблем, решаемых в Европе, но в ней даже не поставленных. Когда в Европе в черед революций XVII—XIX вв. двигались в сторону ликвидации дворянской монополии в гражданской жизни, в России привилегированное положение дворянско-помещичьего строя закреплялось (Жалованная грамота 1785 г.). Вынужденная реформа 1861 г. подорвала экономические, но не политические позиции дворянства. Окончательная ликвидация его как гражданской силы в России производится в феврале — октябре 1917 г. со значительным временным отрывом от Европы.

Хуже, чем в России, дела обстояли лишь на Востоке.

Иран: пережитки феодализма, деспотизм шахской власти, проникновение иностранного (русского, английского) капитала ставили население на грань голодной смерти. Промышленно-торговый кризис усиливали стихийные бедствия (засухи, эпидемии, неурожай). В 1844 г. возник-

591

ло утопическое религиозное и социально-политическое движение бабидов, ратующее за демократические («справедливые») общественные идеалы. Итог: оно было нещадно подавлено в 1850—1852 гг., правительственная программа реформ Мирзы Таги-хана (реорганизация армии, государственного управления, финансов, упорядочение налоговой системы, ограничение привилегий духовенства, ликвидация феодальной раздробленности, сепаратизма) потерпела фиаско.

Индия: борьба с колониальным английским господством, консервировавшим пережитки феодализма, препятствовавшим национальному развитию, вылившаяся в ряд мощных выступлений санталов и сипаев (1855—1859) в Бенгалии, северо-западных провинциях, Ауде, Канпуре, Аллахабаде, ряде мест Центральной Индии, юге Бомбейской провинции, окончилась полным поражением восставших. Итог: незначительные послабления крестьянству и национальным феодалам (ликвидация Ост-Индской кампании, ноябрьский 1858 г. манифест о признании прав феодальных собственников, закон о постоянной аренде земли)

произведены на фоне полного и окончательного превращения Индии в подчиненную генерал-губернатору английскую колонию.

Китай: тайпинское антифеодалное, освободительное восстание 1851 — 1869 гг. за учреждение на Земле Небесного государства великого благоденствия. Принятые тайпинами реформирующие законы о земле, налогообложении, контрибуциях, демократических преобразованиях общественной жизни (уравнение женщин в гражданских правах с мужчинами) свидетельствуют о попытках устройства социальности по линии воплощения соответствующих ФСК. Итог: международная интервенция в Китай, вторая опиумная война 1856-1860 гг., колонизация срединного царства.

Корея: социально-политический кризис, обусловленный упадком системы натурального хозяйствования, спровоцировал стихийные массовые выступления 1862 г., антифеодалный пафос которых нашел концептуальное ото-

592

бражение в замечательном идейном движении сирхак. Половинчатые реформы, предполагающие укрепление центральной власти, ослабление местного сепаратизма, демократизацию управления, гражданской жизни, пытался проводить Ли ХА Ын. Итог: иностранная агрессия, рост народного недовольства, череда крестьянских восстаний 1869—1871 гг., колонизация Кореи, массовый исход населения из государства.

Япония: феодальная раздробленность, производительная, управленческая неконсолидированность фрагментов страны, череда неурожаев, изоляция от внешнего мира, мелочная регламентация народнохозяйственной деятельности, рост зависимости (торговой, финансовой) от иностранного влияния обострили противоречия как между властью и народом, так и внутри власти (рост дворянско-буржуазной оппозиции). Ощущалась необходимость скорейших реформ. Таковыми явились преобразовательные акции сверху 1867—1868 гг., устранявшие двоевластие (ликвидация сегуната), укреплявшие единоличную императорскую власть, намечавшие перспективы изменения в организации производства и торговли (законы о свободе внутренней и внешней торговли, уничтожении средневековых гильдий, купле-продаже земли). Итог: незавершенный характер верхушечной реформации не позволил добиться желаемого: пережитки средневековой интеракции в обществе сохранились, избавления от иностранного влияния не достигнуто.

Следующая волна гражданской борьбы во второй половине XIX в. идет под знаком оформления национально независимых, национально единых государств: оживляются освободительные движения в Польше, на Балканах, Италии, Австрии. Итог: 1863 г. Польское восстание, венчавшееся в устроительной плоскости аграрной реформой 1864 г.; 1858 г. — объединение Молдавии, Валахии в Румынское государство (деформация Османской империи), аграрная реформа 1864г.; рост национально-освободительных движений в Болгарии, Сербии, Греции (дезагрегация Османской империи); 1861—1870 гг. — образование итальянско-

593

го единого национального государства; войны Пруссии с
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Данией, Австрией, Францией, окончательное объединение Германии в 1871 г. — году увенчания Вильгельма I короной германского императора; кризис Австрийской империи, активизация повстанческих движений в Венгрии, Чехии, Хорватии, Словении.

В шедшей в авангарде Европейской революции XIX в. Франции усиливается борьба за восстановление, обретение отмененных, урезанных Луи Бонапартом политических, гражданских прав и свобод. С началом в 1866 г. экономического спада, ростом общедемократического выступления, внешними и внутренними провалами правительственной линии наметился тотальный кризис Второй империи, завершившийся Парижскими восстаниями, провозглашением республики (сентябрь 1870 г.), Парижской Коммуной.

И так до достижения оптимумов, вхождения в цивилизационные магистрали. (Нерешенные в ряде стран национально-государственные задачи продолжали решаться позже — вплоть до относительной материализации ФСК. В войнах, народных движениях, в результате протестных процессов 1877-1878 гг., 1912-1913 гг. в качестве суверенных субъектов социально-исторической жизни, скажем, оформились Сербия, Болгария, изменили территориальный статус Греция, Румыния, возникла Албания. В 1905 г. от Швеции отделилась Норвегия и т. д.).

Подпочву упомянутых турбулентных событий во многом составили циклические кризисные явления разной природы 1825, 1847, 1857, 1866, 1873, 1882-1886, 1890, 1900 гг., вызывавшие ухудшение условий жизнеобеспечения населения и обуславливавшие необходимость оперативных реакций властей. Наличие таковых влекло реформы. Отсутствие таковых — революции. В большинстве стран Западной Европы (исключения — Франция, Испания) утвердился первый, в большинстве стран Центральной, Восточной Европы, Ближнего, дальнего Востока — второй путь.

В обоих случаях независимо от конкретных нейтрализаций социальных коллизий речь шла о демократизации

594

общественного, государственного строя, расширении политических прав, свобод, обновления регламента вовлечения, участия, решении социальных проблем (сокращение рабочего дня, упразднение безработицы, нищеты), введении патронажных, протекционистских программ и т. д. Но в одном случае проблемы решались через социальное партнерство, в другом — через социальную конфронтацию. Один стал эволюционной, кумулятивной, континуальной, другой революционной, антикумулятивной, дискретной линией развития.

Локомотивом первой явилось укрепление национальной самоидентичности посредством санации общественных связей, предоставления, расширения жизненных гарантий (прогресс образования, подъем культуры, социального обеспечения, медицинского обслуживания). Локомотивом второй явилось разрушение национальной самоидентичности посредством деформации общественных связей (политический порыв «вкусить

уничтоженья»), подрыва системы жизнеобеспечения во всех регистрах (для смены власти).

Нет нужды говорить о преимущественности первой формы развития по вектору прогрессивного воплощения ФСК. Следует сетовать на обстоятельства, препятствовавшие возможности не обретшим национального суверенитета странам по ней следовать. Отсюда — досадное цивилизационное отставание Ирана, Кореи, Китая, Италии, Венгрии, Польши, находящихся под игом Османской и Австрийской империи балканских и славянских народов.

9.2.4 Пропорции и фазы

Доктринация социально-исторических периодических колебаний зиждется на установлении когерентности натуральных и социальных циклов. При этом когерентность в качестве количественно детализируемого параметра качественно обнаруживает себя как возможность, а не предопределенность. Имеются некие зависимости (в виде колебательных реставрируемых изменений), в статистике регулирующие поведение сложных социальных систем. К последним относятся периодические процессы разной природы,

595

степени сложности, глубины, интенсивности. В экономике существуют кондратьевские К-циклы (длина волны около 50 лет). В архитектуре существуют циклы чередования классики и барокко (с аналогичной длиной волны). В музыке существуют композиционные циклы (той же длины волны). Просматриваются политические, социальные циклы смены либерализма консерватизмом, патронажа свободной конкуренцией, этатизации приватизацией и т.д. Будучи периодическими колебаниями поверх и помимо этнических, формационных и др. особенностей, они выражают капитальные зависимости в соотношениях родов и видов, частей и целого внутри и между собой.

Возникает проблема уяснения причин данных зависимостей в соотношениях: почему длительность, численность хорошо известных периодических социальных явлений количественно определена? Положительные представления на сей счет резюмируются трояко — как: 1) «согласованность структурной и функциональной организации социума»; 2) «числовая пропорциональность общественного универсума»; 3) «фазовые переходы».

1) Согласованность структурной и функциональной организации социума обусловлена интенцией к оптимумам в налаживании, обихожении интеракции. Примерами факторов, благоприятствующих адаптации межсубъективного обмена деятельности, повышающих его кредитоспособность до степени жизнеспособности, выступают «железный закон» заработной платы (Тюрго, Рикардо, Мальтус, Лассаль), «железный закон олигархических тенденций» (Михельс), «золотое правило», многочисленный притчевый материал — императивы, заповеди, заветы, традиции.

2) Социально-человеческая реальность самоконституируема.

Продукты исторического творчества получаются в борьбе с собою, но и в согласии с некими количественными закономерностями строения, функционирования, развития социума. Самая зрелая, зоркая, дерзкая мысль, живая мечта, яркий посту-

596

пок укладываются в сухощавую, как чеховская англичанка, квантитативную колею пропорциональности, численности, длительности. Почему в разных социальных хронотопах, общественных пространственно-временных локалах имеют место именно такие количественные соотношения групп, процессов, тенденций? Доля выборщиков составляет около 60%. На один факт женского приходится три факта мужского суицида. Фаза перестройки в жизненных циклах социальных систем составляет 1/3 длительности цикла.³⁸⁷ Эмпирические свидетельства легко множатся. С чем связывать данную периодику? Со структурной гармонией и дисгармонией социальных систем, фундируемой количественной, числовой пропорциональностью общественных связей.

Причины численности групп, длительности процессов коренятся в законах существования сложноорганизованных систем, удовлетворяющих принципам гомеостаза. Упорядоченность, сбалансированность, целесообразность оказываются производными константных приспособительных реакций (типы поведения, самоутверждения, лицедейства), подчиненных а) устранению, максимальному ограничению дестабилизирующих (нарушающих относительную динамическую равновесность, оптимальность) турбулентных влияний; б) обеспечению поддержания некоторых величин в адаптивно допустимых пределах.

Отношения меры (числовой пропорциональности) общественных связей интерпретируются в терминах теории самоорганизации: при придании известным пропорциям функционального истолкования возникают количественно детализируемые представления уровней равновесности, упорядоченности, сохранения, изменения, сводимые в таблицу.³⁸⁸

³⁸⁷ Подр. см.: Давыдов А. А. *Модульная теория социума // Проблемы теоретической социологии. Спб., 1996.*

³⁸⁸ Там же.

597

Пропорция		Функция
1,000	—	равновесие
1,237	—	развитие новых элементов
1,618	—	развитие новых свойств
2,236	—	развитие новых отношений
2,237	—	баланс сохранения и развития
4,236		сохранение сложившихся отношений
8,434	--	сохранение сложившихся свойств

16,857	—	сохранение сложившихся элементов коллапс
99,000	"	

Система изоморфизмов пропорций и функций проясняет причины количественной определенности соотношений представительности групп и длительности процессов в социуме: эти показатели суть дериваты собственной функциональной роли. К примеру, доли удовлетворенных и неудовлетворенных жизнью, участвующих и не участвующих в голосованиях составляют соответственно 62% и 38%. Данная пропорция, выражаясь числом 1,618, выполняет конкретную функцию развития новых системных свойств.³⁸⁹

Аналогично — касательно:

— временных рядов — соотношение длительности большего и следующего за ним меньшего цикла составляет приблизительно 1,237, передаваясь функцией развития новых элементов;

— фазовых длительностей — в жизненных циклах различных социальных изменений фазы подъема, стабилизации, упадка составляют примерно

³⁸⁹ *Подр. см.: Давыдов А. А. Модульная теория социума // Проблемы теоретической социологии. Спб., 1996. 598*

27%, 41%, 32%, что также передается выше обозначенной функцией.³⁹⁰ Качественная оценка существа связей пропорций с функциями подводит к такому выводу. Базовый для функции развития интервал охватывает значения в диапазоне от 1,237 до 2,236, среднее геометрическое которых равно 1,618; оно отвечает золотому сечению, являющемуся основой гармонически композиционных построений. В терминах развиваемой нами модели ФСК ситуация интерпретируется как тенденция достижения оптимумов.

3) Фазовые переходы. Статистические системы взаимоисключают изменчивость (развитие) и устойчивость (сохранение). Динамические системы их взаимопредполагают. Являясь динамическими системами, социальные системы обладают свойствами: упорядоченности, открытости, целостности, неравновесности, нелинейности, самоорганизованности, сложности. Последние аранжируют трансформацию стационарных состояний через структурные фазовые превращения.

Основная характеристика фазовых превращений в случае социальных систем — нарушающая сбалансированность жизнепроизводительной деятельности внешняя или внутренняя турбулентность — точка фазового перехода. Здесь в утрате гарантийности существования обостряются общественные противоречия, усиливается конфронтация элементов и целого (центробежные реакции, пикировки периферии и ядра), подрывается стабильность, предсказуемость поведения, растет восприимчивость к деструктивным асинергийным влияниям.

Согласно принятой классификации различаются два типа фазовых переходов. Применительно к социальной реальности ими будут

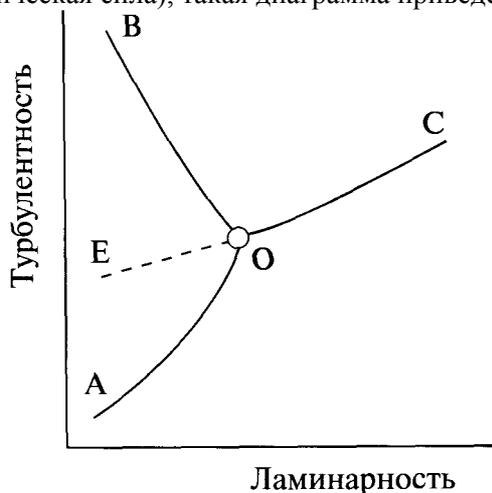
³⁹⁰ *Подр. см.: Давыдов А. А. Модульная теория социума // Проблемы Ильян В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).*

теоретической социологии. Спб., 1996.
599

— фазовые переходы первого рода — социальные мутации: в точке фазового перехода наблюдается выделение гражданской энергии и насильственное, фронтальное катастрофическое изменение форм существования. Фазовые переходы первого рода идут под флагом революций;

— фазовые переходы второго рода — социальные трансформации: в точке перехода регистрируются ненасильственные полиморфные превращения за счет ламинарных санирующих акций. К фазовым переходам второго рода относятся реформации.

Состояние фазового равновесия характеризуется балансом сил в обществе. Его удобно изображать с помощью диаграмм. Для элементарной однокомпонентной системы, зависимой от одного фактора (политическая сила), такая диаграмма приведена ниже.

Тройная точка О на диаграмме соответствует равновесию трех фаз — гарантийное, предкризисное, кризисное развитие. Ниже линий ОА и ОС — при благоприятных

вождей, оппозиции, правительства. Нахождение внутри них или выход за пределы них производится контекстуально. Если фазовые переходы первого рода связаны с изменением состояния, то фазовые переходы второго рода — с изменением порядка. При идеальном порядке отношения народа и политической элиты (власти и оппозиции) сбалансированы. С нарастанием сложностей увеличивается вероятность социального разбаланса. До тех пор, пока эта вероятность остается возможностью, обострений (коллизии, пикировки, кризисы) не возникает. При эскалации конфликтности, приближении к критической точке фазового перехода складывается остро конфронтационная разупорядоченная фаза. Целесообразно вывести показатель порядка, связывающий показатели вероятности W_1 остаться в наличном и W_2 выйти из наличного состояния:

$$W_1=1; W_2=0; \eta = 1.$$

В полностью упорядоченном (ламинарном) состоянии $W_1=1$; $W_2=0$; $\eta=1$. В полностью разупорядоченном (турбулентном) состоянии $W_1=W_2=1/2$ (возможности одинаковы); $\eta = 0$.

В критической ситуации социальные системы особенно

восприимчивы к разбалансирующим воздействиям (флуктуациям). Отсюда — требование к политическим элитам упреждать полное разупорядочение с недопущением принятия нулевого значения. Последнее подвластно антиципирующим реформам.

9.2.5 Поступки и лица

История — дело рук человеческих — процесс самосозидаемый. Понимание этого кристаллизовалось не сразу; ему предшествовала солидная поисковая преамбула, оттеняющая, как, в сущности, мало мы знаем об истории. Многообразные модели пружин исторического процесса суммируются руслами:

— телеологизм, провиденциализм, эсхатологизм, финализм (от Августина до Фукуямы), мис-
602

тифицируя ток истории в субъективистском ключе; — географизм, натурализм, техницизм (от Страбона до Серван-Шрайбера), мистифицируя ток истории в объективистском ключе, примитивизируют реалии, рисуют картину, уводящую в сторону. В сторону фатализма. Ледяное бесстрашие размышлявших об истории сказывалось в умалении мироправительной роли человека. Свобода воли, спонтанные человеческие действия на базе заявления самости как неписываемые в цепи внешнего (от теистического до натуралистического) причинения исключались из рассмотрения, лишались значимости.

Чтобы быть свободным, показательно рассуждал тот же Гольбах, человек «должен стать сильнее целого»,³⁹¹ поскольку же это невозможно, он вписан в динамически детерминированные связи. Между тем то, относительно чего выводит универсальное квалифицирующее суждение Гольбах (и Ламетри, и Пристли, и многочисленные их единомышленники), характеризует органическую, физиологическую, но не общественно-историческую подоплеку жизни.

Человеческое поведение — не одна лишь «игра марионеток» (Кант). Желая доказать отсутствие исторической свободы, на деле Гольбах обоснует ее наличие. В своих позитивных деятельностных жизненных актах, заявляя свободу воли, обязанность, долженствование, самость, человек преодолевает природные пределы, выходит за положенные бытием рамки. Оказываться поверх природного бытия, его последовательно задетерминированных трофических цепочек — призвание социально-исторического лица.

Упоминание о случайном, свободном, спонтанном, долженствовательном через волеизъявительное как общем

³⁹¹ Гольбах П. Избр. произв. М., 1963. Т. 1. С. 209.

603

месте социально-исторического требует хотя бы краткой обрисовки последнего. Исходный тезис состоит в утверждении: помимо общих (циклических) законов физического, социального, морального порядка, управляющих миром, логично допустить управляющие миром частные и даже исключительные, эпизодические зависимости.

География побуждает (через условия), государство вынуждает

(через законы), религия (традиция) убеждает (через заповеди), оконтуривая каузальный комплекс; личность же возбуждает, оконтуривая казуальный комплекс. Комбинация одного и другого — и только она — образует полные причины социально-исторических явлений.

Иван IV убивает сына. Алексей Михайлович рвет с Никоном (поражение Никона как личности и политика означало утверждение в России примата скипетра над посохом, короны над клобуком). Петр I казнит наследника. Петр III свергнут по санкции Екатерины II и убит. Павел I задушен. Александр I сохранил государственность побежденной французами Пруссии (Тильзитский мир), что в отношении Германии впоследствии реализовал Сталин (Крымская конференция). Оказала ли влияние на ток истории череда данных перипетий и коллизий? А чиновная статья рутинной персоны князя Львова, возглавившего в марте 1917 г. сразу после ухода с политической сцены последнего российского царя Временное правительство? А пикировка Керенского и Корнилова относительно диктаторских полномочий, властных прерогатив (провал планов создания Совета Народной Обороны под председательством коллективного диктатора)? А двуличие Ельцина, на выборах председателя Верховного Совета РСФСР (май 1990 г.) заявившего: «Я никогда не выступал за отделение России, я за суверенитет Союза, за равноправие всех республик, за их самостоятельность, за то, чтобы республики были сильными и этим крепили наш Союз. Только на этой позиции и стою», и действовавшего вразрез с собственным кредо? А Беловежский сговор вопреки воли народа? Они трансформировали ток истории?

История однократна, одновозможна. Трудно моделировать, как пошло бы развитие, реализуй Россия потен-

604

циал февральско-мартовской революции 1917 г.: какие ответы она бы нашла на вызовы Европы, мира, эпохи? Была ли необходимость большевистских, а не, скажем, столыпинских преобразований? Как развивалась бы обстановка, не выйди Россия из первой мировой войны? Вопросы не праздные, ввиду своей неverifiedируемости, хотя и умозрительные, но всецело отрезвляющие. Субъективный элемент в традиционной объективистской (фаталистической) оптике воспринимается как побочное возмущение (от пресловутых телеологических, панлогистских «целей», «планов» до пресловутых же марксистско-ленинских «тенденций»). Но на каком основании? Почему в объяснительном арсенале засилье каузальных на фоне дискредитации казуальных начал?

В силу чего изгоняются факторы, влекущие эпизоды? Сараевское убийство — эпизод. Однако решающий. Вдумаемся: без акции Гаврилы Принципа была бы развязана первая мировая война? Быть может, была. Только в какой форме? Смерть Франца-Фердинанда от руки сербского гимназиста оказалась удобным непосредственным поводом эскалации конфликта (Австрийский ультиматум Сербии 23 июля 1914 г.). Ну, а если бы повода не было?

Движение в вопросе увлекает в область безбрежного, обязывая в толковании исторического не устраниваться от рефлексии эпизодов,

оценки обстоятельств типа: пошла бы история иначе, если бы нос Клеопатры был короче. Кстати, нос Клеопатры...

Будучи монархом с неограниченными полномочиями, Юлий Цезарь мог позволить себе связь с любой женщиной (ср. с чуть не лишенным власти Клинтоном). Подобного уже не мог позволить себе член триумvirата Антоний, связь с Клеопатрой которого представлялась антипатриотичной (поддержка высшим иерархом главы борющейся с империей мятежной провинции, — потворство окраинному автономизму, благоволение сецессии, дезагрегация государства). В жизненном плане близость с Антонием позволяла Клеопатре как политической фигуре и как женщине (в немалой степени благодаря миловидности, обусловленной в некото-

605

ром роде и длиной носа) решать многие державные и экзистенциальные проблемы. Поражение Антония в гражданской войне, ликвидация триумvirата, восшествие на престол Октавиана актуализировали вопрос будущности Клеопатры, решить который (в очередной раз) она намеревалась по-женски: соблазнением (опять же не без роли длины носа) Августа. Не вышло вследствие того, что Октавиан как мужчина (а не государственный деятель) имел свои пикантные экзистенциальные пристрастия, предпочтения. Негоциация Октавиана с желавшей его Клеопатрой не состоялась оттого, что в женщине (естественно не в государственном деятеле) Октавиан превыше всего ставил девственность (о чем знала супруга Октавиана, поставившая ему физиологических девушек). Поскольку, жившая бурной половой жизнью Клеопатра на роль девственницы претендовать не могла, в качестве «экзистенциального материала» какого-то интереса у Октавиана она не вызывала. Собственно, этим был предreshен печальный финал Клеопатры как царицы.

Донельзя наглядная постанoвка: что если бы отношение к лучшей половине человечества у Октавиана было иным; что если бы Клеопатра была девственницей, — превращает анекдотическую деталь вроде длины носа (и, разумеется, прочего) в первостепенный фактор: исторические судьбы, перспективы, возможности первых римских, египетских лиц, стоящих за ними народов, не формируясь фаталистически, могли иметь совершенно иную инкарнацию.

Описание реальной изменчивости производилось по канонической механической модели: аппарат динамики с фиксацией начальных условий для установленного момента времени — вот все, что требуется для исчерпывающего воссоздания поведения развивающейся системы, столь ограниченный подход, однако, не дает глубокой концептуализации развития; мир традиции, классики, Просвещения — тавтологический, атемпоральный — чужд внутренней созидательности.

Действия лиц не механистичны; они ценностны, идеологичны. (Дорогого стоят, к примеру, откровения «гуманиста» Луначарского, идейно питавшие борьбу с соб-

606

ственным народом. «Долой любовь к ближнему! То, что нам нужно, — это ненависть. Мы должны уметь ненавидеть; только тогда мы можем победить вселенную».)³⁹²

История есть созидание того, чего нет в природе. Как оно
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

протекает? По впитанным личностью, отстаиваемым ею идеалам, целям, ценностям. Всякая частная правда, замечает Голсуорси, «плоска, как блин». Но она вынуждает некую бытийственную конструкцию. Ценностная экипировка лицедеев истории оранжирует социально-историческое зодчество: тот же коммунизм — в зависимости от характера его воплощающих — принимает разные формы: от полной свободы до полного рабства.

Искаженные отражения персональных душ, непрочность, иллюзорность даже высочайших субъективных порывов, обостряя сюжет «в чьих руках молния», заставляют пополнить теорию исторической причинности причинной теорией идеалонесущей личности.

Причинность, очевидно, асимметричное отношение. Если выразить зависимость причины и следствия символом П, можно различать два случая $P(C_1C_2)$ и $P(C_2C_1)$. Эмпирически устанавливается, какой из случаев объективировался. Используя методику Рейхенбаха, сформулируем: если событие C_1 — причина C_2 , то небольшое изменение (маркировка) в C_1 повлечет соответствующее изменение в C_2 , а не наоборот. Обозначая незначительное отклонение C^* получаем комбинации

$C_1C_2; C^*_1C^*_2; C^*_1C_2,$

но не комбинацию

$C^*_1C^*_2$ ³⁹³

³⁹² Цит. по: Жевахов Н. Д. *Воспоминания. Т. II. «Новый сад», 1928. С. 252.*

³⁹³ Рейхенбах Г. *Философия пространства и времени. М., 1985. С. 157.*

607

Различие C и C^* обусловлено наличием специальной метки, выражающей входение в состав C^* комбинации $(C_1 c)$, где c — некое дополнительное событие-метка.

Народные движения, утверждалось выше, инспирируются циклическими объективными явлениями (торгово-промышленные, финансовые кризисы, природные катаклизмы, экономические дисфункции и т.д.), на которые накладываются человеческие факторы действия. Связь одного с другим, оказываясь не единственной, не обязательной, представляется все-таки существенной. Каузальный порядок истории зависит от казуальных влияний персонажей и лиц — их поступков, интенций, комплексов, — конкретно: потребностей в иллюзиях, предрасположенностей к утопиям, обывательской законопослушности, агрессивной механистичности, легковерия, максимализма, революционной романтики, террористических искушений, инфантильного вампиризма, легкой и жесткой детской безответственности, почти вызывающей прямоты, стоического выполнения долга, задора самоутверждения, предпочтения идейного жизненному, покладистой репродуктивности, пароксизма самоутверждения, симпатии социальному насилию, мании величия, ветреного волокитства, необузданности индивидуализма, демонизма фальши и т.д.

В пределах очерченного смыслового поля — самовлюбленность Керенского, мстительность Ленина, подозрительность Сталина, бескультурность Хрущева, консервативность Брежнева, дряблость Горбачева, импульсивность Ельцина. Все это факторы,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

переносящие метку и не позволяющие нам говорить об универсальном объективном причинном порядке, минуя уникальные субъективные точки «здесь — теперь».

В отношении цепей причинения история отмечает уничтожительные квалификации априори. Любая провоцирующая частность может оказаться решающей. Сараевское убийство. История знает массу убийств, но в качестве существенного удерживает акцию Гаврилы Принципа. Нос (и не только он) Клеопатры. Длина выдающихся частей лица вполне заурядна; история сохраняет конкретную де-

608

таль конкретного фигуранта событий, сыгравшую с заинтересованными персонажами жизненного процесса злую шутку.

Достойная обобщения частность должна войти в полное определение причины и, следовательно, обрести подобающее ей место в общей концепции истории. Из сказанного вытекает: исторический морфогенез слагается из комбинации объективных циклических, фазовых и субъективных судьбических факторов. Исчерпывает ли данная комбинация его (морфогенеза) природу? Отнюдь. Результат деятельности, демонстрирует Гегель, не совпадая с мотивами деятельности, осуществляет еще нечто более далекое, что хотя и заключено внутренне в субъективный интерес (локальное действие), но его перекрывает.³⁹⁴ Каков же статус его — этого сверхдеятельностного нечто, выходящего за обозримые пределы явленческого?

9.3 Созидание исторической реальности

Прошлое интерпретируют, будущее созидают. Предмет сознательного выбора, конструктивных решений — грядущее. Мир человека — дело его рук. Это вселяет оптимизм, заряжает энергией. Энергией творческого порыва, самодеятельности. Вдохновленным верой в собственное могущество людям не остается ничего другого, как идти вперед. Правда, как и куда — не ясно.

XX век начался прозрением «умер бог, остался человек». XX век кончился прозрением «остался бог, умер человек». Человек согнулся под бременем обретенной власти, самоисчерпался, истощился. Не вынес собственной слабости. Поиски разрушили надежды. Две Мировые войны, несчетные конфликты, распри, раздоры, споры подвели к неизбежному: божеский ум не заменим человеческим разумом. «Чем полнее господство разума, — говорит Поульсен, — тем ближе мы к тотальной дегумани-

³⁹⁴ См.: Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 8. С. 27.

609

зации существования». Устроитель мира — не разум. Итог: перед лицом невиданной ответственности — паралич воли, — слишком много тлетворного сделано, слишком безотраден исход. Действительность созидается с благословения высокого, а в качестве воплощений мирообразов — жалкие недолжные состояния. Чем объяснять люфт между правдой идеалов, ценностей и неправдой, ничтожностью осуществлений?

Объяснять сие можно несовпадением двух времен: малого

(локального) и большого (вечности). Суть в том, что в разные времена положительно верно разное. На это, уясняя статус антиномического сознания, пожалуй, впервые обращал внимание Августин. Настоящая внутренняя правда, подчеркивал он, «всегда во всяком месте и во всякое время одна и та же», но время, которым «она управляет, протекает разное: это ведь время».³⁹⁵ Люди, по обстоятельствам, могут быть и толпой, и народом. Откуда следует: одно и то же в разных темпоральных контекстах проявляется различно; одно и то же применительно к ним квалифицируется противоположно.

В творимой истории мы причастны малому времени (уровень локальных интересов); общий же смысл творимого обнажается задним числом — при вписании его в большое время (уровень глобальных значений). Люфт между императивами малого и большого времени обуславливает зазор между правдой жизни и идеала.

С одной стороны, важно не дорожить «любовию народной» — не допускать растворения полета мысли и души в бранных занятиях черни. С другой стороны, важно признавать укоризненную участливость жизни — жизнь в виде мудрых законов жизни выше творчества.

Избранных творцов мало. Жизнь единит, покрывает, уравнивает всех своими неотменяемыми порядками. В противном случае — не мог

И мир существовать: никто б не стал

³⁹⁵ Августин. *Исповедь*. М., 1989. С. 3556.

610

Заботиться о нуждах низкой Жизни;

Все предались бы вольному искусству.

«Шти с приварком» — не вредность, но за малую кражу «можно попасть под суд». Попытка заключить жизнь в оболочку понятий (идеалов) приводит к альтернативе: либо жизнь обречена, либо оболочка тлетворна.

Так как придать миру форму? Наш ответ: глубокомыслием, а не использованием мира как материала.

9.3.1 Конструирование мира

Конструирование мира есть идейное конструирование возможных миров, не предполагающее преобразование наличного мира. Если допустить, что жизнь человеческая может управляться идеей, то уничтожится возможность жизни.³⁹⁶ Господство разумных идей абсолютно в стремлении к власти, означает «расщепление души», «приблизительность» ее существования (Поульсен). Разум, следовательно, угрожает «приблизительностью» существования, сказывающейся двояко: мироправительная роль разумных идей (идеалов) применительно к душе — освобождает человека от угрызений совести (что, кстати, акцентировал Ламетри); применительно к миру — развязывает практику социальной механизации.

Триумф разума сопряжен с вынужденной капитуляцией жизни. Понимание этого, сообщая поборникам разума сознание собственного величия, влекло неоправданно завышенные самооценки. Кант полагал, будто произвел «коперниканский

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

переворот»; Фихте сопоставлял сделанное им в мысли со сделанным французскими комиссарами в жизни; Гегель заключал, что его абсолютный идеализм дал человечеству «абсолютную истину». В чем дело?

В том, что революция в духе является прологом революции в мире. Французский исторический отклик на про-

³⁹⁶ См.: Толстой Л. Н. Собр. соч. в 12 т. М., 1958. Т. 7. С. 250.

611

свещенческий переворот — Великая Французская революция 1789 г. Германский социальный отклик на собственный идейный прорыв — революции 1830 г. (Саксония, Брауншвейг, Гессен, Бавария); 1833 г. (Франкфурт-на-Майне), 1844 г. (Силезия); 1848 г.; 1849 г. (майское восстание).

Чистый разум, таким образом, наставляет практический разум. Будируя волевое начало — способность «создавать предметы, соответствующие представлениям» (Кант), — он направляет намерения, действия на созидание реалий по идеалам.

Идеал в роли индуктора социотворчества, насколько добропорядочен? В подмене истины утопией, знания идеологией, жизни сюрсом опасность есть. Настолько, что перед лицом специализированной индустрии производства мифов ставится задача мыслить согласно жизни, а не устраивать жизнь согласно мысли.

Волонтарная техника социотворчества от субъективных мифов как жизненная стратегия нетерпима. В искусстве «Я» может быть причиной вещей. В политике «Ячество» в роли устроительной стихии недопустимо. Так как конструировать мир, исключая призраки, не уводя раздумья к дальним горизонтам, избегая коловращения в порочной фигуре: творческий взлет — выросшая на пустом месте фантазия — душевная расхристанность — волевой импульс — насилие? С хорошо предсказуемым итогом:

Солнце, сожги настоящее

Во имя грядущего.

Попробуем разобраться.

Кариатиды, венчающие своды арки, именуемой «культура», — наука и искусство. Каково взаимоотношение между ними? Представляя различные типы духовного освоения действительности, ориентированные на специфические ценности, нормы, эталоны, императивы, в каком-то смысле они противостоят друг другу. Противостояние определяется целью, средством, результатом «произвол-

612

ства идей» в одном и другом случае. Так, очевидны диады: истина — идеал, познание — творение, знание — произведение.

Категориально-логичная, аналитичная наука нацелена на постижение объективного порядка вещей, как он существует независимо от человека. Представленчески-образное, синтетичное искусство предназначено для воплощения эстетических сущностей согласно законам художественного. Ему присуща неустранимость индивидуального начала, что сказывается в восприятии, оценке продуктов творчества в соответствии с благоприобретенным персональным опытом; многозначность — произведения искусства свободны от точности, строгости, — смысл, значимость

порождаются здесь в неменьшей мере звучанием, чем рассудочно заданным значением входящих в произведение семантических единиц, не столько их связью, сколько их соположением; полиномность прогресса — вопрос, являются ли последующие фазы в развитии искусства прогрессивными сравнительно с предшествующими, во многом лишен смысла, — имеет место непреходящность, самоценность результатов, отсутствие снятия прошлых этапов в настоящем, прошлое предшествующее и последующее общаются как бы на равных, обретая вес в зависимости от близости их субъекту (консонанс или диссонанс, открытость или закрытость по отношению к художественному материалу) и т. д.

Тем не менее, при всех различиях наука и искусство — не закрытые для диалога явления; их взаимопроникновение реализуется непосредственно в творческом процессе ученого и художника, природу деятельности которых характеризует много общего. Главное — в наличии изобретательности, конструктивности.

Там, где требуется ум, нужна и фантазия; лишенное ассоциативности познание утрачивает эвристичность, вырождается в схоластику. Там, где нужна фантазия, требуется и ум; развитие способностей, навыков к художественной деятельности возможно в ходе целенаправленной подготовки, обеспечивающей профессионализм мастерства.

613

Общность науки и искусства — это, следовательно, общность творческого производительного труда, в котором сочетаются знание и ассоциация и который ведет к раскрытию и проявлению человеческих продуктивных возможностей на уровне духовного.

Дух — реален, «как ваше тело, только бесконечно сильнее его» (Н. Гумилев). Сила духа во вдохновении, возбуждении, побуждении преодолевать злободневное, сиюминутное, случайное. Носитель высоко духовного «под одеждою временного имеет в виду только вечные свойства»; и тем всегда глубже и прочнее действие духовного, «чем независимее оно от временных и, следовательно, скоро преходящих интересов».³⁹⁷ Являясь олицетворением высокодуховного, наука и искусство по своему гражданскому пафосу между собой не расходятся. В конце концов, человека над животным поднимает «не палка, а музыка: неотразимость безоружной истины, притягательность ее примера» (М. Булгаков).

Не расходятся они между собой и по своему происхождению и ассоциативности. Как наука, так и искусство выстраивают «чистый» мир, неважно какой — понятийный ли, образный — главное — символический. Ведомые чутьем, внутренним голосом, наитием и художник, и ученый создают условно значимые, «фиктивные» типы реальностей, не являющиеся прямыми коррелятами *status rerum*. Размышление, воображение, выступая в роли креативной стихии, оказываются по обстоятельствам то упорядочивающей, то творческой силой.

Первый случай — систематизация, типизация обстоятельств, выстраивание образов, понятий в ракурсе презумпции «соответствия действительности». Истинность, глубина,

реалистичность, правдивость в воссоздании сущего задается развернутой сеткой критериев, предписаний, обязательств. В науке это — требования «корреспонденции». В искусстве — требования «художественности». Даже у сюрреалистов пробиваются некие сдерживающие вопло-

³⁹⁷ Боткин В. П. Соч. Т. П. Спб., 1891. С. 367.

614

тительные вето, отчего, скажем, испытывал дискомфорт Дали, изображавший Ленина с лирическим аппендиксом и ягодицей трехметровой длины, подпираемой костылем.

Второй случай — инициация, инспирация обстоятельств, выстраивание действительности сообразно образам, понятиям в ракурсе презумпции «соответствия идеалу». Перекрытие отстраненности понятий, образов от действительности плодит а) недоразумения отождествления героев с прототипами (исполнители ролей ментов — менты, принятые «как свои» в профессиональной среде), б) трагедии революционного техноморфизма.

Caritas et pax несет науке, искусству первый случай. Второй — подтягивание сущего под должное, регламентирующее, манипулирующее, нивелирующее влияние — представляет схему, внутренняя несостоятельность которой обрекает на неудачу весь человеческий креативный проект. И наука, и искусство изъясняются языком символического. «Вы говорите мне о невидимой планетарной системе, где электроны вращаются вокруг ядра, — замечает Камю. — Тем самым вы объясняете... мир с помощью образа. Я вынужден констатировать, что вы заговорили на языке поэзии». Практически о том же — у Поульсена: «научная мысль полагала себя чистой, не имеющей предпосылок и, когда обнаружила их, стала метафизической. Это открылось в спекулятивных системах, таких, как теория относительности и теория атомного ядра. Сомнение в абсолютной пригодности метода, подобно песчинке, проникает в науку, которая облекает сомнение в метафизические теории, чтобы ничто не мешало ее развитию. Если рассматривать проблему психологически, то научная метафизика служит аналогом символизма в поэзии».

Наука, искусство удаляются от реалий: искусство в сферу перцептуальных, наука в сферу концептуальных конструкций. Искусство берет мир как невозможный случай — у пропасти, у последней черты — пред ликом бездны, судьбы, господ — и получает героя. Наука берет мир как возможный, предельный случай — фикцию — и

615

получает теорию. Коллизия искусства: должное не сбывается; сбывающееся — не должно. Коллизия науки; действительное не теорийно; теорийное — не действительно. Глобально коллизии не снимаются; локально они снимаются введением мер и отношений условности, влекущих сознание, что изображение не документальный коллаж; моделирование не непосредственная коагуляция данных. (Позитивистская интенция на сближение науки, искусства с миром через гиперболизацию «факта» и в художественном, и в понятийном опыте парируется однотипной негативной grimасой «романа фактов».)

Наука, искусство движутся в образах, говорят на модельном
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

(символическом) языке, выводят героев, но не обязывают их действовать. Исправление мира даже в нравственном смысле не их задача. Свою благородную гуманитарную миссию они выполняют посредством очищающего воздействия на массы авторитетом достигнутого, плодами творчества, высоким примером, позицией. Но не прямой интервенцией в жизнь. На сей счет — шутки в сторону. Возьмем в союзники

— Гете: «Вполне возможно, что произведение искусства имеет нравственные последствия, но требовать от художника, чтобы он ставил перед собой какие-то нравственные цели и задачи, — это значит портить его работу»;

— Т.Манна: «... художник «исправляет» мир не с помощью уроков морали, а совсем по-иному — тем, что закрепляет в слове, в образе, в мысли свою жизнь, а через нее и жизнь вообще, осмысляет ее, придает ей форму и помогает духу... постигнуть сущность явлений»;

— Бехера: «Художника оценивают... по тому, насколько последовательно он как создатель человеческих образов оказывает сопротивление античеловеческим, варварским тенденциям своего времени»;

— Эйнштейна: «Моральные качества выдающейся личности имеют, возможно, большее значение для... всего хода истории, чем чисто интеллектуальные достижения».

Наука, искусство не погрязают в производстве «милых безделушек» — пустопорожних символических форм; про-

616

дукты их усилий солидны, возвышенны. Однако не прагматичны. Сила культуры — сила духа: воспевая достоинство человека, она не вправе возбуждать социальные дразги. Назначение художника, ученого — дать «определение действительности», но в качестве понятийной, образной модели, концептуальной проработки, идеальной конструкции. Не вызывает уважения тенденция к отсутствию тенденции. Тенденция в творчестве быть должна. В пропаганде своих идеалов следует идти так далеко, как позволяет талант, создавая «литературу руин» (Белль), издавая памфлеты, пускаясь в публицистику, обнародуя презрение к тупой, нечистой власти («Я обвиняю» — Золя; «Не могу молчать» — Толстой), проявляя отважную гуманность, жертвуя выгодой ради правды, но не переходя на позицию союза мечты и действия, не слагая науку оставлять после себя пустыню.

Наука, искусство символически закрепляют стратегии развития. Какую же из стратегий избрать, как, в какой связи, — не их дело.

Сверхсимволическое значение научного, художественного творчества удостоверяется гражданским образом, актами экзистенциального выбора, манифестирующими практическое отношение к символическому конструированию мира.

9.3.2 Стихия самости

Идеал — должное, закрепляющее отстраненную от сущего систему обстоятельств, получает в науке, искусстве символическое (образное, понятийное) воплощение. Какова реакция на идеал? Соловьев декларировал ее всеобщий, необходимый, обязательный

характер. Он писал: носитель высшей истины, приобщенный к совершенному, «может делать добро помимо и вопреки всяких корыстных соображений, ради самой идеи добра, из одного уважения к долгу или нравственному закону».³⁹⁸ Прав ли он? Вряд ли.

³⁹⁸ Соловьев В. С. Соч. в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 114.

617

Его декларация корреспондирует стилю жизни избранных, понятному малой группе попутчиков. Таковым, к слову, был оклеветанный дьяволом праведник Иов, испытавший великие муки, но не оставивший веры. Общезначим ли казус Иова? Едва ли.

Идеалы не доказуемы; формы практического духа не получают оправдания в границах науки. Истины, ценности утверждаются в острой борьбе, зачастую с применением силы. Для их публичного вменения организуются общества, учреждаются партии. Гамильтон создал ассоциацию в поддержку кватернионов; якобинцы, кордельеры основали клубы друзей конституции, прав человека и гражданина; имеются партии революции и контрреволюции, реформ и контрреформ.

Идеалы частичны. «Если моя вера ведет меня к росту, жизненному творчеству, то кому и зачем нужны доказательства моей веры?» — вопрошает Унамуно, проблематизируя всеобщность всякой ценности, любой истины. Идеал в экзистенции — все то, что так или иначе заставляет самоутверждаться, действовать, преодолевать. Универсализация идеалов, снижая значимость индивидов, делает из них послушные инструменты чьих-то проектов, обнажает темный корень бытия принудительного.

Счастье мое не в тебе, а во мне самом. Представление этого ограничивает далеко идущие претензии на игрище промыслительных, пастырских ролей в обновлении, спасении, путеводительстве.

Акты ценностного выбора обнажают меру подлинности, вовлеченности, отстраненности человека.

Абстрагируясь от роли центрального тела, кинематика допускает принятие за систему отсчета любого космического объекта. Подобно Гиппарху, Птолемею, за систему отсчета можно принять Землю и получить геоцентризм. Подобно Аристарху Самосскому, Копернику, за систему отсчета можно принять Солнце и получить гелиоцентризм. Подобно Гераклиду Понтийскому, Тихо Браге, за систему отсчета можно принять Солнце (центр планетной системы) и Землю (центр солнечной систе-

618

мы) и получить кентаврический гео-гелиоцентризм. Подчеркиваем, кинематически названные модельные описания равноправны, эквивалентны. Как к ним подходить экзистенциально?

Идеолог Бруно во имя символа приносит на алтарь жизнь; в упрочении модели он видит высшую ценность, цель собственного существования. Ученый Галилей во имя жизни от символа отступается. Планетарная модель для него не экзистенциальная ценность, а конструкт (понятийная условность, фикция), состоятельность которого удостоверяется не жертвой, но обоснованием. В границах экзистенциального кредо мы

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

сталкиваемся с наличием или отсутствием свободы выбора. Так — в отношении лиц. А народов?

Как уже утверждалось, историю в некоем генеральном смысле вершит народ. Исторический оперативный выбор за народ делает политическая элита. Так как элита а) складывается стихийно (непредсказуемо); б) действует импульсивно, подчас безответственно, эгоистически, шкурно, буквально прикидывая на ладонях вес решений, слов,

— исторический выбор за народ зачастую производится вопреки воле народа (весенний общенародный референдум 1991 г. о судьбах СССР и летний беловежский сговор);

— народу время от времени адресуются разные, порой диаметрально противоположные программные идеалы.

Одно дело контрадикция идеалов (самых резко очерченных, как, скажем, у Кортасара: набор симпатий — Минотавр, детство, фантазия, бунт, стихия, поэзия, революция; набор антипатий — Тезей, стабильность, рассудок, система, благополучие, наука, тоталитаризм) в кругу сознания лица, делающая его более ярким, оригинальным. Другое дело скандальная обстановка смены «эпохальных предрассудков», сравнивая с ситуацией элеатских апорий, для народа.

619

Перевороты вверх — потрясения вниз, влекущие неожиданное, непредвиденное, — данная картина донельзя правдиво рисует отечественный изодромный тип социального движения, характеризуемый заходом в крайние, предельные, взаимоисключающие состояния — точки. Такова, к примеру, пульсация начал общинного — фермерского (цензового) в национальной истории.

Указ 1803 г. о свободных (вольных) хлебопашцах, Манифест 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права, — Указы 1881, 1886 гг. о переводе временнообязанных и государственных крестьян на выкупные платежи, законы 1893 г. об усилении общинных начал. Консервация общины при Александре III — реформы Столыпина по укреплению цензового элемента при Николае II. Прерванное Первой мировой и гражданской войной развитие фермерства — политика военного коммунизма (нетоварный прямой продуктообмен). Военный коммунизм — его хозяйственный антипод НЭП. Собственнический, товарный НЭП — коллективизация. Огосударствление собственности при коллективизации — разгосударствление собственности при фермеризации (реформы с 1991 г.).

«Моя свобода творчества в том, чтобы не... становиться рабом той или иной системы версификации» (читай идеала), — говорит Арагон. Чему же следовать? Природе? Но «никогда еще не бывало, чтобы природа дала нечто сверхположенного», — констатирует Г. Манн. Если не природе, то — чему?

Castia omnia casta. Усвоенный властью просвещенческий ответ — разумному духу! Поднимая бунт против природы — ее медлительности, суровости, властно уполномоченный разумный дух стремительно, мгновенно дарует «небеса». Через доктринерство, резонерство, прожектерство вначале в

символически мысленном. Затем через фабрикацию, узурпацию, институционализацию, выстраивание существования по конкретным формам отражения — идеалам — в природно-реальном.

Предпочтение идейного жизненному вполне понятно. Оно — от потуги разумно духовной власти с минимумом

620

издержек добиться максимума желательного: посредством комплексов Прометей, Зевса, Пигмалиона достичь состояния регулярного, сиречь выверенного, подконтрольного, планомерно организованного, схематичного существования.

Пускай добродетельная, но глупость, оборачивается преступлением, — торжество чистых идей при их внесении в жизнь отмечено печатью деструктивной, бесчеловечной, расчетливой, аморальной практики.

Вызов самим звездам бросали футуристы, вклад которых в культуру, отдавая должное развитию технических приемов, однако, более чем скромнен. Честолюбивые замыслы по «передвижению границ реальности» вынашивали сюрреалисты, но не смогли этого сделать даже в литературе. Структурализм выродил изящную словесность в неизящный «текст», формальную комбинаторику фигур выразительных.

Правда — тяжесть XX века. Будем искренни, признаем очевидное: освободиться от бремени логики, преобразовывать мир «как угодно» допустимо в духовных, но не практических сферах. Реальное — мрачнее воображаемого.

Художник укореняет идеал высотой. Ученый — глубиной. Властитель обязан утверждать идеал легитимностью. Иначе — универсализация бонтемпеллевского «законы писаны не для нас» с одиозной абсурдизацией мира, приправляемой бюрократически-волюнтарным насилием.

Нет богов, есть сверхчеловеки — всезнающие, непогрешимые, перстугающие, — символические грезы которых хотят быть не свидетелями, а демиургами, героями своего времени. Между тем идеи сражаются не идейно. Кроме того, есть отличие не умеренных в модерновой запальчивости манифестов духовных авангардистов от преобразовательных программ политических авантюристов. Одно дело образный эпатаж, другое дело обязывающие жизненные эскерциции.

Можно ли подгонять универсум под образ? Можно ли на весах фантазии уравновешивать войну?

621

Что конкретно противопоставлять уступкам двусмысленности, хаосу варварства и бедствий? Что предпринимать для очищения купели политики от зловония?

В этическом смысле ступени истинного, экзистенциально выверенного олицетворяют справедливость и милосердие, — что обеспечивает их практически-духовно?

Мораль. Бытие и благо обратимы, — замечали схоласты. В каком случае? В случае воплощения в мироустроительной инициативе «благородной простоты и спокойного величия» (Винкельман), адекватных высокой морали. Для прагматика, однако, мораль есть «только теория».³⁹⁹

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Искомого симбиоза власти с моралью пытался достичь Гольбах, выдвигая идеал моральной политики. Им воодушевился Кант, выведший адвокатов безнравственного за черту политического: истинная политика, — настаивал он, — «не может сделать шага, заранее не отдав должного морали».

Платформа «чистой» морали, центрирующая гуманитарные хилиазмы, безотносительно к степени избыточности, — отчасти условность, отчасти выдумка. Моральность в стихии позитивной жизни перекрывается, заслоняется потребностью, страстью, выгодой, пользой; она здесь — пускай назойливый, но периферический, фоновый фактор, которым жертвует расчетливое сознание.

«Собственное совершенство и чужое счастье» — не основоположения существования; скорее, наоборот: «собственное счастье и чужое совершенство». В жизни силен эгоизм, прагматизм, эвдемонизм. Человек есть цель для себя, а не для других, часто уподобляемых средству. В действительности люди утверждают не по всеобщим установлениям — императивам, — а по максимам — частным субъективным принципам воления. Склонение к поступкам зачастую детерминировано не нравственностью, а давлением обстоятельств, неотвратимостью кары. По этой

³⁹⁹ Кант И. Соч. Т. 6. С. 302.

622

причине мораль как остов благонамеренных политических действий призрачна.

Добрая воля. «... Искусство, родившись от жизни, снова идет к ней, но не как грошовый поденщик, не как сварливый брюзга, а как равный к равному»,⁴⁰⁰ — констатирует Гумилев.

Аналогично и даже более претенциозно, идя от идеала к жизни, поступает политика, обостряя проблему полномочий, прерогатив, подчиняющих жизнь идеалу.

Враз очистить бытие от скверны и провести людей за руку к чаемому — опасная утопия, с которой в России от Достоевского до Плеханова боролись многие, ставившие под сомнение добропорядочность усилий «регулярных» социотехников (общественных коновалов), в качестве ассоциированных типов наделенных чертами романтиков, титанов, бунтарей одновременно. Сочетание свободы, неумной энергии дерзать, идейной просветленности (комплексы Прометея, Зевса, Пигмалиона) представляет гремучую смесь, взрывающуюся при выходе на открытый политический (властный) фарватер «новых», «рациональных» людей, «высших» существ, знающих все досконально. Все... кроме жизни.

У социоконструкторов — «регулярных» устроителей существования, — по меткому наблюдению А.Белого, — небезопасный изъян: кричит особенность зрения; — «один глаз дальнорук, другой близорук, один отдаляет, другой приближает, один телескоп, другой микроскоп». Деформации зрения (сквозь призму символических форм — идеалов) — искажения реалий: многообразные гиперболы, трансформации пропорций, отношений, связей, уродование масштабов, объемов, контуров. С последующим дохождением до последней черты в поисках правды.

Демонизм всезнания и вседозволенности преобразования составляет специфический фон вырождения живых идей в догмы, революционности в терроризм, обихожения в на-

⁴⁰⁰ Гумилев Н. Жизнь стиха // Аполлон. 1910. № 7. С. 13.

623

силе. Становясь подпольными тварями, новоиспеченные лжепророки и инквизиторы — кроты истории — принимаются за вершение тлетворного дела всеобщего порабощения, угнетения.

Кому дано право распоряжаться судьбой человека, державы, нации и как именно? Книжным, просвещенным, рациональным, «регулярным», «новым», а на деле «подпольным» людям, которые сами никем и ничем не могут сделаться: ни злыми, ни добрыми, ни подлецами, ни честными, ни героями, ни насекомыми,⁴⁰¹ этим стилизаторам, усвоителям трафаретов, становящимся постоянным источником горести? Высокопарным, самонадеянным ложно классическим фигурантам истории типа Николая II, Керенского, большевиков, перестройщиков, «чикагских мальчиков»?

Булгаковский Иешуа проблематизирует мнимое самодовольное могущество прокуратора, предлагая согласиться, что «перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил». Решивший судьбу мессии наперекор и вопреки Пилат тем не менее демонстрирует: идущая в ущерб жизни «политическая целесообразность», ведущая к пропасти «властная правда» побеждает, лишней раз подтверждая несопряженность линий рационального и экзистенциального мира.

Если не всем им вместе взятым, тогда — кому? Возможный ответ — обладателям доброй воли.

Определяемая моральным законом, выражающая внутреннее величие человека добрая воля означает способность поступать согласно нравственному идеалу, профессиональному долгу. Сколько в политической истории лиц, деятельность которых удовлетворяет основоположениям гуманитарно высокого? Махатма Ганди, Улоф Пальме, Мартин Лютер Кинг... Пересчитать — хватит пальцев.

⁴⁰¹ Достоевский Ф. М. Полн. Собр. соч. В 10 т. М., 1985. Т. 5. С. 100.

624

Пока стержнем существования является интерес, прагматическая позиция, личная склонность, предпочтение, до доброй воли как высшего регулятива политики далеко. На фоне засилья корыстных поведенческих фигур благоволения, благодеяния, благотворения, добродетель в обхождении, приятность в обществе — редкость. По всем этим причинам искомого синтеза вдохновения с совестью на пути «доброй воли» не достигается.

Целерациональное профессиональное действие. Насквозь рациональное должностное фактическое действие в реальности, свойственное просвещенной бюрократии. Такие понятия, как «чиновничество», «бюрократия», «администрация», используя мысль Вебера, «обозначают для социологии, вообще говоря, категории определенного рода совместных действий людей, и задача социологии состоит ... в том, чтобы свести их к «понятным» действиям, то есть без исключения к действиям отдельных участников».⁴⁰²

Сравнительное изучение с соответствующей детализацией,
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

персонификацией, индивидуализацией мотивации действий чиновничества представляло бы интересную задачу эмпирической социологии. С позиций принятых нами более широких установок, систем отчета, замыкающихся не на частный, а на совокупный опыт (в первую очередь богатую российскую традицию), правомерно высказаться о значимости неких поведенческих определений не в отношении отдельных лиц, а в отношении общественных институтов. Допустимо, следовательно, обозреть «чиновничество», «бюрократию», «администрацию» суммарно и по существу и в качестве концептов, явлений наделять их правами гражданства.

Касание к миру реалистического (в методологическом смысле) позволяет учесть в модели целерационального профессионального действия идеальный случай. Действует ли управленческий штаб, реализуя легальное господство, формально рационально? Вебер полагал — да: бю-

⁴⁰² *Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951. S. 415.*

625

рократия технически выступает чистым типом компетентного легального господства. Он писал: «совокупность штаба управления... состоит из отдельных чиновников, которые: 1) лично свободны и подчиняются только деловому служебному долгу; 2) имеют устойчивую служебную иерархию; 3) имеют твердо определенную служебную компетенцию; 4) работают в силу контракта... принципиально на основе свободного выбора; 5) в соответствии со специальной квалификацией; 6) вознаграждаются постоянными денежными окладами; 7) рассматривают свою службу как единственную или главную профессию; 8) предвидят свою карьеру; «повышение» или в соответствии со старшинством по службе, или в соответствии со способностями, независимо от суждения начальника; 9) работают в полном «отрыве от средств управления и без присвоения служебных мест; 10) подлежат строгой единой служебной дисциплине и контролю».⁴⁰³

Представляется, что модель машинерии управления, бюрократической механизации и реалистична (в методологическом смысле), и утопична. Еще Гегель квалифицировал как крайний наив наделять чиновников привычкой «к всеобщим интересам, взглядам и делам».⁴⁰⁴

Идеалы разума, сердца, добродетели в чиновной среде, как правило, проявляются в виде «пустого чванства» (Гегель). Невзирая на «интересы дела», функционеры сообразуются с хорошо осознаваемыми «шкурными интересами».

Общечеловеческие ценности. Сам созидающий свою мечту, выступающий с умопостигаемой схемой истории Соловьев декларировал: «Благочестие, справедливость и милосердие, чуждые всякой зависти и всякому соперничеству, должны образовать устойчивую и нерасторжимую связь между тремя основными действующими силами социального и исторического человечества, между представителями его прошлого единства, его настоящей множественнос-

⁴⁰³ *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. B. 2. Köln-Berlin, 1964. S. 162-163.*

⁴⁰⁴ *Гегель Г. В. Ф. Цит. Соч. Т. 7. С. 319.*

626

ти и его будущей целостности»; и далее: «Истинная будущность человечества, над которой... надлежит потрудиться, есть вселенское братство, исходящее от вселенского отчества через непрестанное и социальное сыновство».⁴⁰⁵ Мир стал больше человека, но не стал общечеловеческим. Фаза экзальтации гуманитарного космополитизма пройдена. Очарование предрассудков наднациональной идентичности изжито. К воссоединению народов на нравственной (не христианско-теократической, как полагал Соловьев) основе вызывают ценности выживания, звучание призывно, высоконравственно императивы коэволюции человека и природы, достижения эквизимодействия, экоммуникации, ограничения национального партикуляризма, эгоизма, автономизма. Дефицит человечности, действительно, нетерпим в человеческом обществе, (к которому в настоящем мы продвинулись ближе, чем во времена Соловьева), однако материализации традиций добродушия, милосердия, сострадания, ответственности перед будущим не просматривается. Препятствуют тому

— расчлененность человечества по национально-государственному признаку: историческая общность, лишенная державно-географических пределов, — фикция. Формой объединения людей, сознающих себя наследниками, т.е. имеющими историческое восприятие, несущими семена, переданные предками, является национальное государство — нация, — утрирующая частный национальный интерес существования (заблуждался Соловьев, полагая, будто, «церковь... осудит доктрину, утверждающую, что нет ничего выше национальных интересов, это новое язычество, творящее себе из нации верховное божество...»⁴⁰⁶ Ничего подобного себе патриотично настроенная церковь не позволяет);

— дискордантность лиц, счастьем которых, как говаривал Гоголь, мешает то природа, то рядом сто-

⁴⁰⁵ Соловьев В. С. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1989. С. 240.

⁴⁰⁶ Там же. С. 241.

627

ящий человек (глубоко симптоматична в данной связи мощная сюжетная линия, выдающая душевную болезнь за проявление нравственного здоровья. Про это — «Доктор Крупов», «Палата № 6», «Мастер и Маргарита». Ну, и так далее).

Самоотверженность. «Изменить жизнь» — далеко идущая формула Рембо, за которую хватались сюрреалисты, видевшие пользу от трудов, миром отвергаемых. Разбитые мечты, одиночество — амуниция генераторов идеалов, обычно видящих их воплощение, минуя технологическую оснастку. Не таковы подвижники, страдальцы, боговдохновенные пророки, по призванию и убеждению утверждающие верховную правду трудами мученическими, страстотерпческими, героическими.

Восхищение и тоска, страсть сбывающейся мечты, жажда преображения — в жертвенном житетворении форм, связанных с преисподней исканиях объяснений, касаниях к сферам таинственного. Невыразимая склонность пылать «упойтельной жизнью огня» (Н.Гумилев), искать отважно испытаний пробуждает чувство восхождения на великие высота к предчувствуемо —

прозреваемому.

Свидетельства духа — не привилегия школы. До конца претерпевшие не только спасаются, но и спасают. В основе дедикации — чистой, честной обители благородства — духоподъемные, обнажающие меру подлинности человека акты выбора, превращающие случайное в себе в язык общего, стимулирующие становление смыслов, символов.

Какая сила удержит кровь пробитого сердца. Спокойно, высоко умны, назидательны сплывающие в неприятии несправедливости, не безупречные в своей правоте, но бесконечно дорогие Дон-Кихоты.

Все имеет предел, самоотверженность не имеет предела, ведя за собой массы, которые «всегда следует за тем, кто, не обращая внимание ни на насмешки большинства, ни на преследования, твердо идет вперед, не опуская глаз с цели, которая видна, быть может, ему одному. Дон-Кихоты идут, падают, снова поднимаются и в конце концов

628

достигают».⁴⁰⁷ Достигают, уча толерантности, не пытаясь утвердить свою исключительность.

Влияние Дон-Кихотов на двигающих историю лиц и глубоко и прочно. Однако, отмечая это, следует признать: они ставят свою многозначительную мечту на позднейшие скорее душевные, нежели политические обретения. Естественно, одно с другим связано, но не прямо. Вероятно, по этой причине роман Сервантеса адресован «неиспорченным», олицетворением коих, по его мысли, являются дети и мудрецы.

Право. В идеале норма, закон, императив, установление имеет статус природной зависимости. Семантическая эволюция здесь не выходит за пределы поведенческой традиции. Так, в средневековье, если замечали петуха, несущего яйца, его через суд приговаривали к казни посредством сожжения. Неестественное, необщезначимое, неправоное лишалось натурального существования, подобно чему лишалось социального существования преступное.

Подчеркиваем: закон природы и норма права пребывала в балансе, что практике социального общения позволяло формироваться немотетически. Вместе с тем, как во всяком глубоком вопросе, тут есть вариации и реализации. Следует с большой осторожностью относиться к движениям от идеальных состояний к реальным: зависимость поведения от норм права не узуальна. Во-первых, в обществе зачастую верховенствуют не законы, а призванные соблюдать их (или свои интересы) люди. Во-вторых, исполнение права обусловлено не кодексами, а правосознанием, дефицит которого во все времена очевиден. В-третьих, отсутствует ясная иерархия приоритетов прав и свобод в контексте велений, правоустановлений, управомочиваний, запрещений в системе «индивид — группа — общество». Что считать первостепенным из прав — права человека, этноса, нации (государства)? Располагаясь в коллизионной плос-

⁴⁰⁷ Крпоткин П. А. Цит. Соч. С. 389.

629

кости, вопрос, как минимум, не имеет общего решения, нагоняя шквал громких скандалов.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Бесмысленно по-профессорски возмущаться безгарантийной статью обозренных практически-духовных комплексов, не уберегающих от удушья застенка в контуре «идеал — политика — насилие». Претерпевающий до конца, быть может, спасается, но как избежать «пре-терпения»? Достаточно ли святости, долга, добродетели, совести, достоинства для придания бытию «архитектонической стройности» (Федотов), непревращения истории в «растрепанную импровизацию» (Герцен)? Скорее всего, нет.

И герои могут быть смотрящими внутрь себя, «зажмурившимися». И мессий может не хватать для указания путей к спасению. (К чему тогда адепты, апостолы, гении?)

Множество разумных существ лишено доброй воли как основания поступать по моральному закону, общечеловеческому долгу («долг», кстати, специфицируется в привязке к эмпирическим обстоятельствам типа «долг перед...», «присяга на...», разваливая понятие «универсального долга»), обнаруживая не автономный, а гетерономный строй данных установлений, зависимость их от внешних, «легальных» обусловливающих.

Ближе к долгу — ближе к святости. Величаво спокойная жизнь по самоопределяемой нравственной воле — вещь диковинная, причудливая, странная. С одной стороны, жизнь может быть оправдана, если в ней есть место чуду. С другой стороны, жизнь исключает возможность чудес. Великомученики, жертвенники, страстотерпцы — не лицедеи истории; морально-политические герои трагедийны.

Внутренне, нормосообразно человек не приобщен к некоему «верному» образу действия; ему не дано знать его «должное». На пути высоких чувств, нравственной необходимости поступать так, а не иначе, оказывается вдруг нечто призрачное; какой-нибудь «комод» (Зоценко), «научно-обоснованная» вседозволенность, политическая целесообразность «нашими мириться головами», говорить «одну правду», а не «всю правду».

630

Права, возможности, горизонты, личная ответственность человека — последнее, с чем считается власть. По этой причине исторического освобождения человечества в форме многозначительного перемещения из «царства законов» в «царство нравов», как предвещал Руссо, не последовало.

Однако достоинства человека определяются глубиной его души. Чему доверяет ни во что не верующий? Вечная тяга к «идеальному», вечное желание высшего, совершенного с новой силой обостряют вопрос: как творить историю, какими принципами в том руководствоваться?

В положении «перед лицом судьбы» высшей и последней целью человеческого разума в согласии с просвещенческими традициями заставляя жить то, что не существует, объявляется инкарнация идеала.

9.3.3 Инкарнация идеала

Рафинированные просвещенческие изыски регламента подчинения жизни разуму, фундирующие *summa humanistica* нового

типа, подверглись фронтальной рефлексии в немецкой философской классике, озаботившейся выявлением содержания, границ, возможностей разума в деле руководства жизни. В качестве не предреченного резюме грандиозных интеллектуальных штудий были повторены избитые, стертые просвещенческие слова о конгруэнтности универсума истории универсуму разума (Кант, Фихте, Гегель). Известное исключение составил Шеллинг, квалифицировавший немецкий философский рационализм «негативным» и дополнивший его доктриной иррациональной воли как творящей стихии сущего. Однако успеха его ход, вырождавший философию в теософию и мистику, в интеллектуальной среде не имел. Вершиной спекулятивной категориально-логической археологии действительности оказывалось гегельянство, рациональный порядок мира конституирующее панлогистским кредо: «Все действительное разумно; все разумное действительно».

Эта итожащая эволюцию нововременной просвещенческой метафизики формула, узаконивающая схему раци-

631

ональной необходимости сущего, предстала предметом всесторонней критики. Оппонентов и справа, и слева не устраивали отрешенность, догматичность, созерцательность, «чистота» рефлексии мира, ее безразличность, невосприимчивость к «фактам» жизни. Отход и отказ от спекулятивности выразились в смене ориентации творческого процесса: абстрактно-логическое категориальное конструирование действительности вытеснилось приземленным ее проектированием. Радикальную субституцию метода спекулятивных абсолютов почти одновременно провели Фейербах, Кьеркегор, Маркс, за личиной «принципиальных» сущностей соответственно обнаружившие чувственную, жизненную, предметно-практическую, т.е. вполне мирскую основу существования.

Немецкое классическое философское продумывание Просвещения, подводившее к бесхитрому выводу: идеал, мечта, находя воплощение в себе, претворяются в реальность посредством прогрессивного животворящего развития духа, — оставляли непроясненным: как именно? Киммерийски беспросветной по этой причине выглядела платформа, по которой практический разум действует в согласии с собой по им же учрежденным законам (Кант), самоопределениям (Фихте), причастностям к мировому духу (Гегель). Понимать, воспринимать, постигать жизнь, людей издали, как герои Стриндберга, не вдохновляло уже Шеллинга, ощутившего недостаточность немецкого классического философского подхода, но его не преодолевшего. Просвещенческий рационализм не снимается рефлексивным трансцендентализмом, — именно эту мораль из эпопеи предшественников вынесли их критические последователи, наметившие направления ревизии просветительно-трансценденталистской философии символических форм под знаменем антропологизма, экзистенциализма, социального активизма.

Перекрытие жизнеотрешенности просвещенческой рационалистической философской классики намечалось —

фейербахианством — посредством фигур индивидуальной жизни в чувственном опыте;

632

— экзистенциализмом — посредством комплексов персонального опыта трансцендирования в пограничных ситуациях;
— марксизмом — посредством преобразовательных усилий коллективного опыта в социально-революционных трансформациях.

Состоялось ли «перекрытие»? Смотря на вещи настолько беспристрастно, насколько позволяет временная дистанция, скажем: не состоялось. Не состоялось оттого, что способами организации, упорядочения мира оказывались идеалы. Правда, в противовес Просвещению формулировались они в терминах не рациональных, а чувственных (антропологизм), судьбических (экзистенциализм), революционно-поведенческих (марксизм), однако же, как и в Просвещении, — доктринальных — от мира и жизни оторванных, нарочитых (последнее справедливо и для марксизма, выказавшего как теоретическую, так и практическую утопичность).

Искусство заявляет идеал высотой, глубиной. Наука — истинностью, обоснованностью. Инициация поведения в искусстве, науке, — гуманитарное зодчество, самовозвышение. Политика заявляет идеал популизмом, насилием. Пафос политического идеала — поведенческие реакции.

Рефлектируя чистый и практический разум (духовные и практически-духовные формы), философия от Аристотеля до Просвещения исключительно строилась как «первая философия» — символическая доктринация идеалов. Просвещение оборвало традицию, перешло на платформу «последней философии» — философии обмирщения идеалов. Осмыслить существо подобного перехода пыталась немецкая философская классика, восстановившая традиционную схему примата «первой философии»: мир, жизнь являются ее воплощениями (воплощениями практического разума в форме свободы). Отсутствие технологии культивации потребного бытия в наличном, однако, подорвало значимость этой линии. Последующее критическое преодоление немецкой клас-

633

сической точки зрения на фоне неизбежной для такого явления палеоскопии реставрировало просвещенческую методологию идеальной терапии существования. Углубив жанровые тяготения, реставрация новыми гранями высветила просвещенческий символизм, который, не рассматриваясь более в качестве особого вида интеллектуального (идеального) осуществления, превратился в штюмерство, стал альфой и омегой политического практицизма, опорой «бури и натиска» в некоем *sensu cosmico*.

Человек — деятель в мире, — такое в рефлексивистской парадигме спрягается с индивидом-садовником эго-генеза, устройтеlem персональной судьбы. Именно в подобной плоскости об искусстве возделывания размышляют:

— Шекспир: «Каждый из нас сад, а садовник в нем воля. Расти в нас крапиве, салату, иссопу, тмину, чему-нибудь одному или многому, заглухнуть ли без ухода или пышно разрастись — всему этому мы сами господа»;

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

— Достоевский: «Жизнь есть целое искусство... жить значит сделать художественное произведение на самого себя»;

— С. Булгаков, высказывающийся о святых подвижниках, кто «самую жизнь свою делает художественным произведением».

Человек — делатель мира, — такое в активистской парадигме спрягается индивидом — садовником космо- и Социогенеза, организатором коллективной судьбы. В подобной плоскости об артистизме как руководящем жизнеобеспечении размышляют создатели энигматических идеалов существования

— Н. Федоров: «Наша жизнь есть акт эстетического творчества»;

— Ф. Сологуб, Вяч. Иванов, Евреинов: идея театрализации мира;

— Скрябин: идея игрового мироотношения;

634

— Гастев: идея перспективного достижения сверхколлективизма, превращающего человечество в невиданный социальный автомат;

— Троцкий: идея революционно-бытового порядка борьбы за организацию нового контингентированного (ср. с бабувизмом) общества.

Человек — деятель, человек — делатель. Какая пропасть между ними! Первый трансформирует себя. Второй деформирует действительность. Первый связан диспозициями, согласованием идеалов с жизнью. Второй связан санкциями, согласованием жизни с идеалами. Один нацелен на самовозвышение, внутренний рост. Другой — на миссионерское внешнее воплощение.

«Природа и наши сознательные... умы действуют по одним и тем же законам», — полагает Джинс. Ничуть не бывало. Умы искажают, извращают, навязывают природе законы. Прекрасно отдавая себе в этом отчет Чаадаев заявляет приоритетность эстетической стороны миротворчества: «мысль разрушила бы нашу историю, кистью одной ее можно создать».⁴⁰⁸ Ему вторит Бакунин, выдавая индульгенцию на социально-историческую импровизацию: «Сравнивая народы, творящие собственную историю, с художниками, мы могли бы спросить: разве великие поэты ждали какого-нибудь открытия наукой законов поэтического творчества для создания своих шедевров».⁴⁰⁹ Метод полета мечты в искусстве навевает мотив исторической режиссуры: трактовку истории в качестве театрально-фарсового сочинительства.

Доктрина артистизма в истории вызывает самые решительные возражения. Озаботимся: чем руководствуется художник в создании шедевров? Чувством меры, гармонии, такта, пропорциональности, законами красоты, им-

⁴⁰⁸ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. Л., 1989. С. 268.

⁴⁰⁹ Бакунин М. А. Философия, социология, политика. М., 1989. С. 51

635

перативами высокого, глубокого, духоподъемного. Даже если последние в чем-то не соблюдены, при всех возможных издержках социальный эффект этого ввиду «отрешенного», недеятельного характера духовного производства мизерный.

Иная схема ситуации в случае истории, социума. Подрыв чувства меры, «пропорциональности», осмотрительности, склонность к импульсу, импровизации в действии чреваты насилием, истреблением, разрушением. От эстетического творчества тут **Ильин В. В. Философия**: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

можно прийти к боевому порядку трудовых армий и практике организации ревзаповедников.

Отчего так? От возможного разрыва эстетического с этическим, доктринального с экзистенциальным в конструировании мира. Подобный разрыв уже трудно терпим в сфере духовного опыта, где вводятся ограничения, запреты на свободу «создания шедевров» (отповедь проповеди недостойного); тем более нетерпим в сфере опыта социально-исторического.

Жизнеустроительное зодчество не совпадает с эстетическим творчеством. В рамках своего таланта художник безграничен, независим. Ему престало жить идеалами, претворять их. Гармония художественного идеала с миром есть, она представляет тайну. В рамках своих компетенций, полномочных функций политик ограничен, зависим. Ему не престало жить идеалами, претворять их. Гармонии политического идеала с миром нет, потуга добиться ее представляет бойню.

Жизнь благоговеет перед пророком в искусстве и жизнь переступает через пророка в политике. Актер в миру — мизантроп, провокатор.

Демонизм в социотворчестве, связанный с исключительным правом воплощать сконструированные смыслы, идеалы, разоблачает себя в создании миротрагических произведений под революционно нигилистическими аншлагами «рабство всех и свобода одного», «все дозволено». Соразмерность претензий и исполнения в политике — раритет.

636

Оттого экклесиология, софиология, имяславие, мистериология, ревелация, идеалология — не почва жизни, истории. Источник роковой ошибки считать, будто идеалы — стандарты, модули, меры, имеющие онтологическую силу.

История — не театр символов; политика — не деятельностный ресурс отношения к реальности как материалу, подлежащему идеальному преодолению. Событийная существенность не поддается ваянию, формотворчеству. Мир существует для людей, живущих не идеалом, но интересом.

Сказанное не обламывает острие вопроса: в чем отрада в отстаивании мечты, почему «не жалко жизни целых поколений ради одной искры пламенной идеи» (Г. Манн)?

Cadit quaestio при учете следующего.

1. Тираноборство, богоподобность: интенция на сверхпорядок, который, как отмечает Г. Брехт, «не относится к сфере практики и не может быть понят с ее точки зрения, но который... осознается». (Комплекс Прометея.)

2. Мессианиззм, миссионизм: интенция на безраздельное господство (сорт наиболее вожденной, чаемой власти⁴¹⁰) над умами, душами. (Комплекс Зевса.)

3. Разволшебствование мира: интенция на перескакивание действительности идеальным броском, перекрытие границ допустимого художественно-артистическим космотворчеством. (Комплекс Пигмалиона.)

Радость развертываемых разумом идеальных далей мобилизует творцов, одержимых дать полную наслаждений и почестей жизнь

зависимым от них креатурам. Исчерпывающе об этом — у Бальзака: «... я вернул вас к жизни, вы принадлежите мне, как творение принадлежит творцу, как тело душе!.. Вы будете блистать, покуда я... буду закладывать основание великолепного здания вашего счастья. Я люблю вас ради власти! Я буду наслаждаться вашими наслаждениями, запретными для меня. Я перевоплощусь в

⁴¹⁰ См.: *Философия власти. М., 1993.*

637

вас... Я хочу любить в вас свое творение, создать вас по образу и подобию своему, я буду любить вас, как отец любит сына. Мой мальчик, я буду радоваться твоим успехам, как своим собственным, и говорить: «Этот молодой красавец — я сам! Маркиз дю Рюампре создан мною: его величие — творение моих рук...»

Любить в ком-то свое творение — старая, как мир, привычка делать из человека всадника посредством лошади.

Там хорошо, где нас нет. Именно: в Беловодье — сказочном месте, где молочные реки окаймлены кисельными берегами. Как достигается Беловодье? Говоря односложно, приемом менипповой сатиры в духе *tour de force*. По захватывающе-жизнеподобной логике умирания. Старое плохо, новое завораживает. Тайная мысль — хуже, чем в настоящем, не будет. Пробуждение воли. Мобилизация духа — не эфирного призрака, витающего, где-то «в небесах, пока жизнь убого ковыляет по грешной земле» (Г. Манн), а творца новой жизни. Вселение в народ, у которого кровь закипает в жилах, как только разум доказывает, что порядок, власть должны быть ниспровергнуты. Благородное безрассудство, когда справедливость идет в ущерб жизни, правда ведет к пропасти. И гордая жертва ради духа, дабы другие могли дать лучше: пусть, едва закончив освободительную борьбу, народ попадет в новые цепи, пусть свобода отступит назад, пусть царство разума отсрочится с последним дыханием его защитников, — они продемонстрировали величие идеала, у которого есть свои воины.

Итак, разум — ничто без воинов; дух — сама жизнь; людям «недостает дара ваятеля, который мог бы придать жизни форму, согласно велениям духа» (Г. Манн). Однако же *facta loquuntur* об обратном.

— Есть предел легитимного проникновения внешней позиции в индивидуальную независимость, и это — экзистенция; девальвация индивида в коллективизации, этатизации в конце концов приходит к выводу, что «нельзя осуществить великие цели маленькими людьми, и совершенный механизм, которому все принесено в жертву, ни для чего больше не годится именно в силу отсутствия ви-

638

тального духа, подавленного для ускорения движений самого механизма» (Милль).

— В нормальные периоды общественного развития власть должна принадлежать не людям, а законам, иерархия которых отдает приоритет соблюдению прав человека, считающихся священными.

— Принципиальные эффекты, разнообразные контрастные направления социально устроительной деятельности не просчитываемы; природа рациональности такова, что разумные

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

цели могут вызывать неразумные результаты. «Чтоб взвесить и оценить участие и результаты... деятельности в развитии объективного порядка дел и вещей, — указывает Кавелин, — мало указать на ее непосредственные, ближайшие результаты: надо проследить их далее, до конца; только полная картина всего, что произошло вследствие такой или другой деятельности... дает возможность сделать правильный вывод, а такая картина редко бывает у нас перед глазами».⁴¹¹

— Рационально-революционная установка на «всеобщее благо» от Монтескье до Маркса и далее в корне своем фиктивна. Во-первых, освещенная разумным расчетом земля «сияет светом триумфального поражения» (Хоркхаймер, Адорно). Во-вторых, рационализация служит какой угодно цели — порочной или благой: она — инструмент социальных действий; устанавливая цели, нормы ей не дано, — цели, нормы устанавливаются другими. Ratio, следовательно, «уже не ищет объективных и универсальных истин, чтобы сориентироваться на них, а имеет дело с инструментами для уже данных целей... все решает «система», иначе говоря, — власть» (Хоркхаймер). В-третьих, реальность не покрывается «рациональной революционностью». Революционные броски вперед как технология обмирщения идеалов и затратны, и порочны: «революция — прогресс, — подчеркивает Мерло-Понти, — когда настоящее сравнивается с

⁴¹¹ Кавелин К. Д. *Задачи этики // Философские науки. 1990. № 11. С. 93.*

639
прошлым, но она разочаровывает, если сравнивать достигнутое с якобы предугаданным, а затем задушевым будущим». Последовательным, полномасштабным неприятием рационально-революционной просвещенческой методологии социального устройства оказываются столь глубокие протестные движения XX в., как революция потребления, сексуальная революция, авангард.

— Учение Руссо о суверенитете народа, углубленное Фихте принципиальным выводом «народ действительно и по праву есть высшая власть», — нейтрализуется нереалистичностью отправления власти большинством на практике. Как высказывал Платон и поддерживавший его в этом Кант, лучшими выразителями народной воли являются понимающие жизнь глубокие философы. Так возникла активно эксплуатируемая модель обремененных знанием исторических («объективных») тенденций вождей, лидеров, предводителей. В наши дни — перед лицом многотрудных судьбоносных испытаний — пользоваться данной моделью невозможно. Народ более не может позволять себе иметь столь великих людей. Как настаивает Г.Манн, «народ не может теперь допустить, чтобы они лишали его собственной воли, чтобы они развращали или заражали его». Стезя поводыря, путеводителя в отношении народа — мнимая, себя изжившая.

— Абсолютизация полномочий разума по заявлению идеалов искажает, извращает мир. Постулат разумности мироустройства, управляемого необходимыми законами, всеобщими идеалами, навевает иллюзию достижимости универсального блага (через практику стандартизирующего поставляющего производства), предопределяет складывание легальной тотальности. Между тем

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

жизненный опыт открыт не схематичным, а витальным началом. В стихии позитивного самотека рутинного существования скорее нам нужен не контроль, а участие, не единообразие, а разнообразие, не унификация, а понимание, не внушение, а доверие. Мы добиваемся не однозначности, а отзывчивости, теплоты, взаимности. В соответствии со своей собственной правдой мы отдаем предпочтение «однажды»,

640

нежели «всегда». Согласие в мире жизни не может поддерживаться репрессивной социоинженерией. По этой причине а) идеалы хороши, когда парят над вещами, их не затрагивая; б) политика в старом субстанциальном карательном смысле едва ли возможна, — мы нуждаемся в техническом инструментальном овладении жизненным пространством, прежде всего ясном, точном различении того, где возможна свобода и где она невозможна.

— Утопизм рационального идеала соседствует с фанатизмом его воплощения, вызывая недоумение: почему мечты, упования, чаяния требуют человеческих жертв; что означает воевать за разум; отчего за разум надо воевать? В плане выработки ответов на вопросы выделим две плоскости.

/1/. Полномочия, прерогативы носителей идеала. Искусство, наука проводят идеал образностью (демонстрация, экспозиция), политика — деятельностью (деспотия, диктатура). В науке, искусстве вводить идеалы, выступать от их имени дает право талант. В политике — подпольное — самозванство. Индугенций, санкций на двусмысленные карательные мероприятия по обмирщению идеалов политикам не выдает никто. Социотехническое, техноморфное чудотворство политика разворачивает спорадически — на свой страх и риск. Что видно из революционного подполья, кроме излишеств, претензий, притязаний? Ничего. Путь намечаемый оттуда, — кровавый, жертвенный (и, прямо скажем, — непрозрачный для самих системщиков разума — подпольщиков революции. Вспомним пародоксалиста Достоевского: я и сам «знаю, как дважды два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсем другое, которого я жажду, но которого никак не найду»⁴¹²).

/2/. Отношение жизни к идеалу. За разумно обоснованный, имплантируемый в жизнь идеал требуется воевать потому, что жизнь и ее устройство идут не по разуму, а по интересу. Интерес же вводится, заявляется эмпирически-экзистенциально и никогда доктринально-рационально.

⁴¹² Достоевский Ф. М. Цит. Соч. Т. 5. С. 121.

641

— Вечность духа, осиянность идеала, взыскуя мобилизации людей на воплощение мечты, требуют жертв. Это потому, что природа вещей, обеспечивая жизнь, не сообщает свободы, справедливости, достоинства, совершенства. Экзальтация в художественном, научном творчестве протекает как символонная борьба за чаемое. Экзальтация в политическом, социальном, историческом творчестве протекает как судьбоносная борьба за него. Вспомним декартовское: посредством усилий разума стать господами и владельцами природы. И если бы только ее. Архипелаг рационально-революционного сознания и инспирированного им

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

действия гораздо шире — включает и общество, и человека.

Недовольство жизнью у художника, ученого выражается в разработке идеала. Недовольство жизнью у политика, властителя выражается в социальной мелиорации. Не по высоте образа, глубине мысли, а произвольному захватному, кулачному праву.

Вопросы: чем мы должны быть, куда мы должны стремиться? — не доктринального, а экзистенциального выбора. Выбора нечаянного, идущего вразрез с рациональным методом. Однако нашего. Выбора, который за нас никто не волен делать.

Покушение на будничного, «воспроизводящего» человека — от экзальтированной политической героики, пытающейся превзойти творчеством случайность, к царству которой относится повседневно⁴¹³, воспарить над переменчивой, точно «форма облаков» (Дьюи) злобой дня, достичь устойчиво идеального.

Жизнетворчество не по малым, медленным трудам, а идеалам, соответствуя интересам разума, спекулятивным и практическим, забирает у человека мир, действительность, давая взамен «идею». «Идея — это старость души», — заявляют братья Гонкуры, подразумевая усталое отношение к действительности через призму символических обобщений, иносказаний, парабол образов, разъединяющих инстинкты и мысль, стихию и сознание трещиной взаимного отчуждения.

⁴¹³ См.: Гегель Г. В. Ф. *Сон. Т. 8. С. 32.*

642

Концентрированная ненависть к чувственно-позитивным реалиям воплощается в ненавистном типе разумного их погромщика. Homo sapiens примеряет тогу Homo credens: он додумался до небытия и жаждет его претворения. Хорошо если, желая жить, народ не спрашивает о том, как он живет. Ну, а если начнет спрашивать, увлечется «нелепым» стремлением соответствовать «требованиям дня», найдет своего демона, будет послушен ему в ткани нити своей жизни.⁴¹⁴ Что тогда? Тогда проявление совести воспринимается как моральное разложение. За всяким несогласным становится виден прицел наведенной винтовки. Настает реванш Пифона — злобой, грубой силы. Во имя духа, разума, идеала народ приносится в жертву.

Гуманитарная цена идеала... Эту проблему поднимал Достоевский. Если реализация идеи требует уничтожения одного человека, она не годна. Так почему годна идея, требующая уничтожения миллионов?

Уничтожать всё и вся можно требовать в манифестах художественных, (что в избытке присутствует в декларациях футуристов, дадаистов, ташистов, фовистов, ультра-истов, абстракционистов), но не политических. Пещерные порывы здесь принимают форму не отрешенных дум *lotas catens*, а чревобесия мечей социальных коновалов.

Между тем никому не дано право губить массу «невинных цветов» (Гегель). Непомерные амбиции, радикализм, максимализм, как-то терпимые в символическом опыте, должны быть надежно исключены из опыта социально-исторического. К человеческой гармонии, устойчивости гарантийного существования нельзя идти через насилие, прессинг, пытку, капитуляцию, жертвоприношение,

идолопоклонство, через рациональную пропись для эпигонов, подменяющую реалии.

— Уподобление богам питается небесспорной дихотомией «великие люди — ничтожные, миметические массы». Насколько оправдана дихотомия?

⁴¹⁴ См.: Вебер М. *Избр. Произв. М., 1990. С. 735.*

643

/1/. Самый великий человек, именно самый великий, — отмечает Г.Манн, — «велик лишь в те часы, когда он творит». Непосредственный плодоносный миг креативности сближает нас с богом. За пределами акта творчества великие люди — банальные обыватели. В подтверждение довода апеллируем к тому же Г.Манну: «Сколько мертвого времени в жизни великого человека, когда он чувствует себя опустошенным и маленьким! Сколько лжи и насилия над собой требуется для того, чтобы изо дня в день казаться таким, каким бываешь очень редко»; Валери: мы забываем об истоках, скрываем происхождение трудов — «Мы боимся, что они заурядны; мы даже опасаемся, что они окажутся естественными»;⁴¹⁵ Руссо: кто может сказать о себе — я лучше этого человека; Камю: «Нет судьбы, которую не превозмогло бы презрение».

/2/. Тип борьбы за высокое, совершенное, потребное, идеальное у просвещенца и простолюдина различный. Первый требует жертв. Второй — осмотрительности. Через убогую схоластику и жестокую теологию (как выясняется *post factum*) один навязывает одному ему ведомые ценности. Другой оберегает ценности привычные, извечные. Один берет в союзники технологическую рациональность — индустриализм, бюрократизм, популизм, бонапартизм. Другой — жизненную укорененность, логику традиционного выживания.

Оставляя сопоставления и переходя к выводам, спросим: кто из них более мудр, основателен? Нечто, что предшествует всем теоретическим ответам, состоит в императивах:

— человеку надо иметь жизнь, мир, действительность;

— человеку нужно жить, не жертвуя жизнью;

— нельзя жертвовать другим человеком: жертвовать можно только собой.

⁴¹⁵ Валери П. *Об искусстве. М., 1976. С. 32.*

644

Данные императивы разоблачают демагогов с рационально-революционной (консервативной или либеральной) фразеологией. Человеческое бытие не подлежит разрушению. Даже экстремисты в искусстве не теряют социальной весомости, человеческой полноценности. Пределом отрицания наличных реалий для Сартра, Ортеги выступает нетрансцендентность, для футуристов — скорость, динамизм, милитаризм, для каталонцев (авторов «антихудожественного Манифеста») — посттехническое состояние духа (кинематограф, бокс, стадионы), для Дали — бытовой комфорт (от унитаза до граммофона). Засасывающая «трясина» обыденности сказывается.

Взлет XX в. означает конец веры в вождей, как он обозначает конец веры в плодоносность, точно лоно девы непорочной, рациональных жизнеустроительных проектов. (Напомним: просвещенческая рациональная революция завершилась

гильотиной.)

Человечество мудреет. Утопии рациональной революции оно начинает предпочитать жизненный реализм текущей истории. Оно опрометчиво не бросается более практически-обыденными святынями — иметь сердце, иметь душу и только вследствие того быть человеком.

Булгаковский Мастер, не заслужив света, получил лишь покой. Почему? В чем его ошибка? В слабодушии. Отказе от борьбы за высокое — истину, чувство.

*Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил.*

«В жизни нет ничего такого, за что бы можно было отдать нечистому хотя бы малую часть своей души», — высказывает Чехов. Фаустовской сделки Мастер избежал. Однако не отверг помощь. Достиг потребного «при посредстве».

Как же дойти до света? Через борьбу? Ведь если нет, то — примирение с несообразием. Потворство свинству. Если да, то как обойти «фурию уничтожения» (Гегель), когда цель протеста становится днем гибели.

645

Как угнетенным заявлять волю? Говорит же Руссо о праве народа на восстание. Г. Манн о часе инициации, когда нельзя принять жизни, о неприглядности которой даже нет возможности безнаказанно размышлять.

Заявленный предмет трудно обсуждать в небольшой работе, не прибегая к предельно высокому уровню абстракции. Опасная утрата критериев жизненной состоятельности, по-нашему, заключается в превращении фактов истории в факты внечеловеческого суда при развитии программ существования из чуждого идеального ядра.

Жизнь не рассчитана на вознесения и сошествия, молниезарные картины, вдохновенные импровизации. Ей противопоказан резкий, суровый тон Златоуста. Но это и демонстрирует, что социально-политическое устройство не может двигаться внепрагматическими идеальными принципами. К политике вообще пора начать относиться не как к сакральному, а как к техническому ресурсу, нацеленному на достижение баланса интересов.

Мечта Руссо о рационально устроенной жизни в национальном государстве — плод сомнительной, едва не больной фантазии. Заслуга Руссо в анонсе понятия потребного. И только. К самому же потребному в жизни лично он, развивавший теорию педагогики, но отдавший собственного ребенка в приют, враждовавший с привилегиями, но их добывавшийся, никакого отношения не имел. Тем более не имели к нему никакого отношения вышедшие из Руссо и просвещенческого гуманизма штурмующие поколения французских комиссаров и коммунаров и далее — марксистов-большевиков, «реформаторов-демократов», развязывавших массовый террор, практиковавших уничтожение собственного народа.

Облака надежд и почва жизни. Сближение их в устройении носит волевой и метафизический характер. В результате — ситуация свечи, подоженной с обеих концов; пророк оказывается в той же яме, что и бредущий за ним историк.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Заветный выход — в отказе от склонения символических просвещенческих формул. Содержание историческо-
646

го процесса — не утверждение разума, а «самотворчество человека в мире» (С.Булгаков). В духе апологии человека в мире и следует развивать философию истории. Ее следует развивать таким образом, как философию жизни. Вникнем в суждения

— Толстого: «Если допускать, что жизнь человеческая может управляться разумом, то уничтожится возможность жизни»;⁴¹⁶

— Вебера: «...возрастающая интеллектуализация и рационализация не означает роста знаний о жизненных условиях, в каких приходится существовать»;⁴¹⁷

— Гуссерля: «В нашей жизненной нужде... науке нечего нам сказать. Она... принципиально исключает те вопросы, которые являются жгучими для обесцененных людей в наше бездушное время судьбоносных переворотов: вопросы о смысле или бессмысленности всего нашего человеческого бытия... Только они касаются людей как свободно себя определяющих в своих отношениях к человеческому и внечеловеческому миру, как свободных в своих возможностях... формировать себя и свой окружающий мир».⁴¹⁸

О чем речь? О крахе сциентизма как замещающей жизнь духовной формы современного общества, который никогда и не был «подлинной культурой, а являлся ее чудовищной деформацией».⁴¹⁹

Кризис рациональной науки не в научности, а в гиперболизации значения науки для жизни. Со времен Коперника, Галилея, Декарта утвердилась монополия физикалистского, объективистского взгляда на природу вещей как соподчиненного действительности мира формул. Усиленный обильной риторикой Просвещения взгляд этот обрел

⁴¹⁶ Толстой Л. Н. Цит. Соч. Т. 7. С. 250.

⁴¹⁷ Вебер М. Цит. Соч. С. 713.

⁴¹⁸ Husserl E. *Husserliana* 1950-19... Bd. I. S. 4-5.

⁴¹⁹ Mondin B. *Una nuova cultura per und nuova societa. Milano, 1980. P. 197.*

647

плоть мощнейшей, влиятельнейшей институционально-бюрократической, социотехнической парадигмы production of order. Преобразования через манипуляцию, технологическую фабрикацию стали нормой социальной практики вплоть до выведения абсолютно конформного «нового человека» — идеального элемента идеально организованного общества.

От фиктивных жизневыхолощенных конструкторов к идеальному «организованному» обществу, — таков закономерный путь от символического универсума ученых к «рациональному» универсуму политиков. В силу чего? В силу незнания, непонимания, игнорирования подчиненности науки, политики жизни.

9.3.4 Фундаментальность жизни

Универсальное самоосмысление, задуманное Гуссерлем как феноменологическая критика потерявшей мир позитивной науки с соответственным приданием ей жизнесмысловой направленности,

на наш взгляд, верно по замыслу, но не по разработке. Быть может, по этой причине у Гуссерля есть исследователи, но нет последователей (в данном вопросе).

В чем упрекает Гуссерль современную науку?

— в остаточности — нечувствительности к ценностно-этической проблематике;

— в частичности — утрате целостного взгляда на универсум;

— в физикалистичности — выработке искусственного, формульного, схематичного взгляда на природу;

— в потере наглядности — дискредитация чувственного опыта, перцептивных воплощений в выстраивании «чистым» мышлением «чистой» теории;

— в дидактичности — объективировании визуального мира, выхолащивании индивидуально-конкретного; подмене предмета методом, расчетной техникой.

648

Мы не хотели бы вступать в область, которая расценивается нами как слишком тонкий лед, однако скажем прямо: упреки — странные. *In sensu stricto* традиционная современная классическая и сменяющая ее, унаследующая от своей предшественницы дух условности неклассическая наука в воссоздании вещных реалий языком теории действовать иначе не могут. С Коперника, Галилея, Декарта — развертывания новоевропейской интеллектуальной революции — наука как знание искореняет:

— наглядность;

— вытесняет докатегориальное, непредикативное;

— лишается полномочий на тематизацию экзистенциальных вопросов (цели, ценности, идеалы).

Наука складывается как колоссальная ноогенная машина, ориентированная на получение знания о безличных, слепых, репродуктивных, самоопределяющихся бытийных автоматизмах, возникающих между механически (натуралистически, каузально) взаимодействующими объектами.⁴²⁰ Принципиальный способ их (подобных объектов) изучения (постижения) — генерализация, математизация, идеализация, критика чувственности, рациональная индукция, гипотетико-дедуктивная репрезентация, позволяющая добраться до сверхчувственного (преодолеть визуальность), выражаемого в пустотной механике через набор конструктов, умозрительных фикций.

Все это, повторяем, общее место научного сознания, не рассчитанного на освоение проблематики жизненного мира (смысл и бессмысленность всего человеческого). Что предлагает Гуссерль? Развернуть науку в сторону жизненного мира, понять человека как неотчуждаемую от него инстанцию, лишенную «геометрической идеальности». Вперед назад к чистой субъективности связанных с жизненным миром специфических чувственных качеств, —

⁴²⁰ Также см.: *Науковедение и история культуры*. Ростов, 1968. С. 78.

649

вычурная платформа, к которой (в особенности с учетом сказанного об аристотелевском наивном реализме) должно относиться с большим скепсисом. Говоря кратко, она (платформа) разрушает и мир, и науку. Науку, потому что в результате усилий Коперника, Галилея, Декарта знание отстранилось от мира, что

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

позволило ему стать систематическим, теориейным. Мир, потому что структуры, отношения бизнессферы не конституируются наукой. Программа Гуссерля, следовательно, призрачна, невыполнима.

Положительное суждение, опиравшееся на ряд симптоматических моментов, которое выдвигаем мы, заключается в двусоставной мысли:

— никакой поворот науки (тем более фундаментальной) к жизни не нужен и невозможен;

— нельзя устраивать жизнь по идущим от науки доктринальным рецептам.

Гуссерлевская критика науки, как представляется, требует редактур.

Наука есть эффективный, изощрённый органон выстраивания абстрактных, логически возможных типов реальностей, опосредованно связанных с объективной реальностью и берущих ее в «недуховном», «нечеловеческом» измерении, в отвлечении от судьбоносных «смысловых формаций». Испытывать идиосинкразию по этому поводу беспочвенно, недопустимо: наука не имеет дело с подлинной человечностью.

Науку следует критиковать не за «бесчеловечность», а за формальность, недалновидность, с какой она, угождая политике, позволяет устраивать мир по знанию, губительным для жизни «всесторонне обоснованным» предписаниям. Оказывается: объект критики — не удаленная от жизни положительная ткань знания (которая *ex definitio* не может быть жизнеориентированной); объект критики — попустительство, когда наука выдает индульгенции власти на якобы просвещенное (фундированное теорией) рациональное верховодительство — жизнью, миром, судьбой, человеком.

650

Под зримой оболочкой фетишизации науки просматривается глубинный архимотив «стать господами и владельцами», оправдывающий выстраивание тлетворной цепочки:

— рационализация — схематизация — институционализация — бюрократизация — политизация — фабрикация — манипуляция — механизация. С «новым» человеком — винтиком рационально устроенного реваповедника. Интеллектуальная рационализация в качестве конформного отображения на социум имеет гуманитарную механизацию. Разум обслуживает резню: он призван сказку сделать пылью. Подъем духа и изничтожение, — в этом, именно в этом гибельное и губительное противоречие просвещенческого ратоборства. Устранимо ли оно? По-нашему, — да. Но не поворотом науки к жизни, а апологией жизни.

Используя мысль Дюрренматта, скажем: картина мира в науке есть точное выражение того, как мало мы знаем о жизни. Комбинирующая «предельными случаями», «идеальными выражениями» наука с жизнью не сопряжена. Ее и не требуется сопрягать с жизнью. Главное — не допускать превращения формального и формульного универсализма знания в технологический универсализм политики. Требуется запрета доктринальный научно-теоретический способ расчета целей и ценностей жизни, ставящий инструментальные идеалы над

человеком, превращающий бытие в автоматизированное существование, безликую, бездушную организацию.

Вопрос Маркузе: возможна ли нерепрессивная цивилизация на пути фетишизации научно-технического (доктринального) *ratio* как средства устройства жизни, имеет предрешенный ответ: на таком пути нерепрессивная цивилизация невозможна. Перспективы нерепрессивной цивилизации пробиваются на ином пути — демаркации науки и жизни. Суть в плюрализации, диверсификации типов продуктивной деятельности, легализации жизненных смыслов за пределами знания на базе внеэрацио-

651

нальных потребностей, запросов созидательных активностей, субъектов жизни и их ассоциаций.

Содержательный абрис науки задан коперниканским переворотом, галилеевой парадигмой, картезианской революцией, вводящими аналитическую, дедуктивную, условную, систематичную культуру знания. Ее гиперболизация, сопровождаемая столь негативными политическими эффектами, как калькуляция, массивизация, стандартизация, расчеловечение, ответственна за ускорение волевыми рефлексиями хода истории, пропитанными интенциями обмирщать рационально (доктринально) выведенные идеалы. Отсюда — деспотический абсолютизм, индустрия жертвенности, дисциплинарный энтузиазм, волевые интервенции в повседневность «человека массы», этатизм. В качестве рефлексивной проекции — антициентистская убежденность, что все рациональное противожизненно (Унамуно); не разум, а воля созидает мир.

Отдавая должное критике деформации человеческого бытия вследствие фетишизации *ratio*, с радикальными выводами в ключе Унамуно мы позволим себе не согласиться. Человеческая жизнь строится и по воле, и по разуму, и по многим другим тонким началам. Дело не в этом, а в том, что в любом случае она не строится по доктринальному (чистому, научному) разуму. В жизни — иные правила, фигуры, стандарты, типы удостоверения значимого, к выражению которого приспособлена не стандартная нововременная, а нестандартная некоперниканская, негалилеева, некартезианская методология.

Некоперниканская парадигма. Центральное положение человека в мире — изначальная данность, подтверждений не требующая. Человек — средоточие Вселенной, персонально развертываемой в горизонте собственного жизненного проекта. Последний — сгусток земной полноты, не допускающий отлагательства реализации. Поскольку время в такой проекции — не вечность, а ускользание наличного «Я» (мы перестаем умирать, когда прекращаем жить), радикализуется статус значимых точек —

652

моментов существования (исключающих ситуацию, когда количество переходит в некачество).

Все мгновенно, все пройдет, Что пройдет, то будет мило.

Радость жизни, воспринимаемая как непринесимая в жертву полнота бытия, тематизируется антропоморфной философией моментализма (субъективная эпопея, центростремительный роман). Говоря языком режиссуры, сверхзадача существования здесь —

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

добиться мига, когда «слышна вся еще не написанная симфония» (Моцарт). Такое случается в пограничных обстоятельствах *carpe diem*.

*Живи беспечен, равнодушен!
До капли наслаждение пей!
Мновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!*

Негалилеев *подход*. Безусловный, качественный залог, устанавливающий позитивно конкретное отношение к жизненной реальности. Пафос платформы — в эвристике

— человек есть его опыт — то, что случилось и случилось с ним;

— мир есть животворная, воодушевляющая среда, разомкнут: ни один компендиум фактов относительно мира не полон, ни одно обобщение не окончательно, фальсификация открыта;

— принадлежность к родовой форме, типу — конец человека;

— база витальности — непредсказуемость, спонтанность, непреднамеренность;

— наука дает человечеству то, без чего нельзя осуществлять согласованное извлечение пользы в коллективном общежитии, — символ и закон; экзистенция в пределах элегического тире между началом и концом в преддверии вопросов жизни, смерти, любви, высвечивая единство дефи-

653

нитивного и аксиологического, сообщает человеку опору его частного существования — благоговение перед жизнью.

Маневренность сознания, непрестанная температура позиций, чудесное совмещение простейших слов-понятий с реалиями подводят к пониманию, — «вечные вопросы ходят по улице» (Ницше), придающему бытию дополнительную пикантность:

*Смерть и Время царят на земле, -
Ты владыками их не зови;
Все, кружась исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви*

Некартезианская платформа. Безрефлективный тип укорененного в бытийную почву интеллекта, некогитальная познавательная культура «искать, стеная», в обход логоцентризма, аналитизма, трансцендентализма подводящая к просветленной, собранной, неспорченно чистой истине.

Высшее бытие слагается в предчувствиях, где истина сама себя несет, — здесь ей не нужны никакие основания: «последняя истина, то, чего ищет философия, что для живых людей является самым важным, — приходит «вдруг». Она сама не знает принуждения и никого ни к чему не принуждает».⁴²¹

Истины жизненного мира, возникая, минуя шаговую мысль, трансцендентальные, висящие в воздухе штудии, словесные нагромождения, «в минуты роковые» осеняют. Такова резиньяция Николая II: «У меня более чем предчувствие, что я обречен на страшные испытания и что я не буду вознагражден за них на этом свете». И далее: «Сколько раз я применял к себе слова св. Иова, ибо ужасное, чего я ужасаюсь, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мне».

Картине, намеченной нами, быть может, не хватает широты, но ей нельзя отказать в справедливости. Гегелев-

⁴²¹ Шестов Л. Соч. в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 402.

654

ская оценка Просвещения как поверхностного, скучного, абстрактного понятия ни о чем шокирующая, однако верна. С одной поправкой: не «ни о чем», а «о разрушении сущего». В отношении Просвещения, по-нашему, ввиду этого правильна любая сколь угодно резкая негативная мысль, отрицательная оценка.

Вся новоевропейская история, начиная с Великой французской революции, идет под знаком просвещенческой интенции прямым преобразовательным-социальным действием обмирщать рационально выведенные идеалы. Гибель целых народов не расхолаживала тех, кто верил в возможность людей «стать господами и владетелями», мастерами и творцами, созидателями и учредителями нового мира, в практическом откровении уравниваться с всевышним, проявить, выказать божественную статью.

Окрыленные порывом призывной мечты Драйзер, Фейхтвангер воспевали опыт строительства чаемого в СССР, Кортасар — на Кубе. «Тоска по идеалу» (Белинский) заставляла изыскивать и находить монументальный стиль в ничтожных формах.

Надо дойти до глубинного истолкования Просвещения, чтобы постичь его амбивалентность.

Открывая страницу гражданско-политического бестиализма мировой истории, Просвещение стоит у истоков изощренно антигуманистической, рационально бесчеловечной социальности. Зиждущееся на идолатрии разума, выстраивающее жизнь по конкретным символическим формам отражения Просвещение глубоко порочно в части:

— схематизации человека: всесторонняя унификация лица по отредактированным когитальным, трансцендентальным формулам;

— инициации социального радикализма — затратная, жертвенная, кровопролитная, разрушительная методология действия;

— перевода лица, народа, нации на положение заложников волонтарных, дисциплинарных, чуждых миру решений;

655

— нацеливания на деструктивное преодоление наличных реалий, исходя из жесткой, нереалистичной деонтологии;

— преступно узкого толкования жизненно-исторической практики как аппликации разума;

— подмены социального устройства насильственно-террористическими, революционными интервенциями в жизнесферу.

Сказанного довольно для далеко идущих критических квалификаций.

В который раз акцентируем: желанна не любая жизнь, а жизнь гарантийная. Гарантийность. Весь вопрос в ней. Наполняя существование безответственными, слепыми, подчиненными, насильственными началами, возвеличивая инструментальные ценности господства над природой, людьми, укореняя подконтрольный production of order, Просвещение разрушает гарантийный строй жизни, преследуемый и сопровождаемый, точно Дюреров всадник назойливыми комплексами

— Прометей: отвращение к малой, обозримо-выверенной, операциональной политике (Вспомним: «Я наших планов люблю

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

громадье, размаха шаги саженьи»);

— Зевса: холодно-репрессивный нигилизм в отношении несогласных («Кто не с нами...»), перерождающийся в деспотическую социальную мелиорацию;

— Пигмалиона: подмена мира идеально-символической конструкцией, превращение средств в цели (реификация того же «обобществления»).

Народ принимал просвещенческую практику обмирщения чистых идей без соотнесения их с жизненными возможностями с громким протестом, то откровенно борясь с надутым перстугающим (властным, правительственным) ничтожеством, то выходя из государственного порядка. Тем не менее просвещенческие иллюзии относительно субстанциальной состоятельности рациональных видов доктринального осуществления сохранялись.

656

XX век жестокой практикой прямых объективаций идеалов подорвал их, разрушил сомнительные надежды на рационально рассчитанное мироустройство. Вобрав печальный опыт большевистского, нацистского, фундаменталистского холокоста, он обострил булгаковский вопрос: как дойти до света?

Наш однозначный и односложный ответ на него состоит в утверждении: санацией политика на базе введения экзистенциального императива — власть, управление должны быть ориентированы на соблюдение, поддержание жизненной гармонии, бережное, осмотнительное, сбалансированное отношение к перспективам обеспечения судьбы, выживания всех единиц социальности, начиная с индивида, популяции, этноса и кончая народом, нацией, цивилизацией в целом.

Руководствуясь сказанным, критика Просвещения проводится в терминах уважения к гуманитарному как таковому с позиций апологии гарантийной жизни, исключения затратных турбулентных технологий миростроения.

Сверхзадача — благополучие всех на основе благополучия каждого. Как она решается? Блокированием интенций развития на идеал, минуя обсчет достижительных влияний, воздействий. Порочная, скороспелая революция предотвращается продуманной выверенной реформой:

— отменяющей торжество чистых не сопряженных с жизнью идей;

— связывающей радикальность, масштабность, необозримость преобразований;

— вводящей мелиористские, эволюционистские, консенсуальные расчеты потребного.

Пришло время, наконец, понять: в политике утверждаются не идеалы, а интересы. Утверждаются не силой, а легитимной доброй народной волей. Возможность ее заявления, учета — в расширении социального регламента вовлечения и участия, предполагающем легализацию диверсифицированных собственнических и гражданских форм. Сомнительному production of order про-

657

тивопоставляется демассификация, дестандартизация, политический, владельческий плюрализм, гарантии его

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

обеспечения.

В России слишком высок уровень ценностных притязаний и слишком низок уровень гуманитарного их наполнения. По этой причине — своеобразный параллелизм состояний падкой на импульсивные импровизации модернизационной элиты и состояний замученного, затравленного инновациями «массового человека».

Народ кидал грязью не только в гонимых по этапу декабристов, но и в продолжателей их революционно-преобразовательного дела — народников, большевиков, либерал-реформаторов. Зловещую роль в России играло и продолжает играть господство уничтожающей содержание идеальной формы, не вскрывающей свойства, заложенные в материале, а рациональным броском перекрывающей их.

Как говаривал чеховский профессор Серебряков: «Надо, господа, дело делать». По произвольно смонтированным императивным потребностям объявляется судьбоносный *dies irae*: достаются полинявшие декорации насилия; непростительно, непоправимо для нападения на реалии используется всякий предлог — то недостаток коллективизма, то избыток централизованности; за отсутствием способности воздействовать на ум и сердце приводятся в изумление глаза и уши; стройка превращается в ломку; жизнь становится бурлящим кратером борьбы...

С любознательностью постороннего наблюдать за состоянием российской души в час эпохального перелома более не хватает ни сил, ни средств, ни совести. Что же нужно? Как утверждал в «Бывших людях» Горький, нужен очистительный ливень, смывающий всю грязь с нашей несчастной, измученной, печальной земли.

Выше обозначалась проблема: результат деятельности, не совпадая с мотивами действий, осуществляет еще нечто более далекое, что, хотя и заключается в непосредственно реализуемом, его превосходит. Размышления навевают образ двойного дна истории, утрируя статус сущ-

658

ностного трансдеятельностного нечто, перекрывающего обозримые пределы мелководья явленческих инициатив.

Ключ к снятию проблемы в представлении: в истории в стихии личностной деятельности преследуется локальный (эгоистический) интерес; общий же смысл происходящего устанавливается задним числом, реставрацией идеалов. Наша линия, следовательно, в различении потешного замысла и тайной сути, разъятия формы свершения и содержательного его смысла.

Прозрачные действия людей имеют непрозрачные значения, не совпадающие с перипетиями исторического самотека. История как бы расслаивается на историю событий и историю значений. Первое — фактофиксаторство, историография, хроника самоочевидной рутины естественного жизнетока. Вторая — понимающая история, идеалология, рефлексия целей, ценностей, отслаивающихся в надвременном. В хрониках остаются события, в Анналах — тенденции — сверличностные, имперсональные, трансубъективные, наддеятельностные составляющие хода вещей.

Цинь Шихуанди в фактологию вошел как мародер-висельник,

обскурант, гонитель образования, науки (по его указам казнено до полтысячи ученых, сожжена гуманитарная литература). В Анналы он вошел как создатель единой централизованной империи, обогатитель китайской социальности введением:

- единой колеи для повозок;
- единой монеты;
- общей письменности;
- общих мер весов, длин.

Последнее сплотило народ, преодолело раздробленность, повысило жизненную адаптивность населения, интенсифицировало коммуникационные потоки, создало почву для единства нации.

Величие Цинь Шихуанди не в первом, а во втором.

Онтология истории, как видно, складывается из фактического и надфактического, к которому относится не-

659

преходящее измерение деятельности — способы организации жизни на инновационных, эффективных началах.

Двойное невидимое нами дно истории — выходящее за эмпирическое время царство значений, аккумулирующее качество исторических дерзаний. Отсюда разброс оценок содеянного. В малом (эмпирическом, фактофиксирующем) времени Цинь Шихуанди, Иван IV, Петр I, Сталин — преступники. В большом (сверхэмпирическом, идеалологическом) времени они — исполненные величия персонажи. (Чего не скажешь о Николае II, Керенском, Горбачеве, — тщедушных, слабовольных, никчемных — тривиальных и в мысли, и в большом.)

Историю вершат без исключения все. Однако поскольку фигуры деятельности конкретных актантов неоднородны — есть лицедеи влияющие и не влияющие, наделенные прерогативами, полномочиями, компетенциями, санкциями и ненаделенные, — удельный вес специфических действий различается. «Человек массы» по преимуществу создает «события». Предводитель отечества, властитель — «значения». Главное, чтобы и одно и другое не оказывалось за определениями границ допустимого.

В отношении народа, творящего историю по обыденно-практическим целям, без сверхъестественного руководства, уместны деизидераты

— не превращаться во внушаемую толпу с всеохватными починами;

— не допускать относительно себя действий «по произволению»

;

— не попадая во власть к обстоятельствам, стараться быть выше их;

— быть нетерпимым к социальному злу, памятуя, что непотворение злу часто приводит к торжеству зла.

В отношении власти, творящей историю по честолюбивым целям, внеприродной идеальной детерминации, релеванты напоминания:

660

— из самой здоровой, истинной, рациональной теории можно вывести практически самые опасные, самые глупые следствия;

— человеческое существование не покрывается контуром любого сколь угодно широкого идеала;

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

— идеал есть способ целесообразного влияния на жизнь через призму не прямого действия, а стимулирующего понятия потребного;

— преобразующим починам противопоказаны неумеренность, радикальность как в замыслах, так и воплощениях;

— рукотворное не более ясно, понятно нам, нежели нерукотворное;

— универсализация морали в политике влечет деспотию;

— правитель — «слуга трех господ: государства, своего дела, людской молвы» (Бэкон), высоте требований которых должен соответствовать.

Взаимные обязательства народа (легитимность заявления интересов) и власти (готовность к своевременной народоориентированной реформе) позволяет добиться искомого консенсуального гармоничного сосуществования.

В историческом бытии нет уровня Провидения (Вико, Гегель, Чаадаев, Данилевский), есть жизнеустроительные акции, предусматривающие следование в кильватере идеалов. Последнее и делает историческое бытие непрозрачным, отмеченным печатью символичности. В трагедиях соблюдена двойная мотивация — от рока и личного выбора. По поводу рока предметно высказаться нельзя. По поводу личного выбора допустимо высказаться уверенно, твердо, прямо. На всей истории России лежит флер пророчества, предвестья «неслыханных перемен» (Блок): очередной правитель — очередное упование — «рациональный» расчет — революционный перевод утопии в реальность — крах — «всеобщая исповедь» (К. Аксаков). В такой замкнутой символической цепи и

661

стоит, ни город, и не колосится поле» (Цицерон). Используя мысль Дюрренматта, можно вывести: мир, в котором мы живем, оказался не столько в кризисе символического познания, сколько в кризисе осуществления своих символических познаний.

Одни поддельные цветы дождя боятся. Испрашивая у всевышнего дара премудрости для избавления от ни к чему не ведущей бессмысленной активности в устройении, мы требуем очистительного ливня, смывающего просвещенческую страницу гражданско-политического бестиализма, лишаящего мировую и отечественную историю ее темного, негуманитарного, символического второго дна. Дабы цвели живые цветы жизни.

9.4 Россия в мировом порядке

9.4.1 Природа явления

Мировой порядок (МП) — система международных соглашений, узаконивающая создающиеся после крупнейших политико-военных трансформаций (войны, государственные распады, объединения) балансы сил: конфигурация госграниц, структура дву- и многосторонних отношений, права владения, сферы влияния, зоны интересов, инструменты безопасности, правила поддержания мира, принципы взаимодействий. Крупнейшими системами МП являлись системы в пределах Утрехтского (1713) — Раштаттского (1714)

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

мира, положившего конец европейской войне за испанское наследство; Версальско-Вашингтонская система на базе соглашений в рамках Парижской мирной конференции (1919—1920) и Вашингтонской конференции (1921—1922), итожащих результаты I мировой войны; Ялтинско-Потсдамская система, сложившаяся на основе договоренностей союзных держав-победительниц во II мировой войне в ходе Крымской (Ялтинской 1945) и Берлинской (Потсдамской 1945) конференций.

Предвзято мнение, будто МП складывается 3—4 года, а длится 40—50 лет. Причины складывания МП — не пери-

662 одические, а катастрофические, катаклитические явления большого масштаба. Поскольку никакой ритмики общемировых социальных потрясений не существует, высказываемая позиция не фактологична.

В природе порядок возникает из хаоса. В обществе порядок возникает из порядка. Смысл, цель МП — задание прочной структуры предсказуемых, стабильных межгосударственных отношений посредством согласованных, всесторонних обоюдогогарантированных обязывающих действий по поддержанию status quo. В таком тонком, ответственном деле, как международная жизнь, осевым направлением блокирования опасностей выступают правила, сводящие до минимума непредусмотримое: импульсивные, импровизационные «нерегулярные» акты.

Предыдущие МП отличала устойчивость: мир был ясно и явно поделен на полосы ответственности, межгосударственные взаимодействия в рамках которых и между которыми характеризовались ожидаемостью, постоянством. Ситуация принципиально изменилась в настоящие дни. Кладущая предел всепроникающей биполярности самоликвидация ОВД дала толчок оформлению нового мирового порядка (НМП) с такими свойствами, как многополюсность, нестабильность, рост рисков.⁴²² Колоссальной значимости, ответственности проступила проблема нейтрализации неконтролируемых изменений мира, задающая раму нетрадиционной интерпретации глобальности. Ранее глобальность связывали с экстенсивным критерием широты охвата, представительности, вездесущности. Теперь ее связывают с остротой звучания тех или иных вопросов, — глобальными ныне считаются любые аспекты деятельности, серьезно деформирующие жизнеобеспечение.

Игра старая, правила новые. В результате разрушения Ялтинско-Потсдамской системы — передела мира, легализации измененных обязательств, договорных отношений, структуры взаимоотношений странового уровня —

⁴²² После падения Берлинской стены разразилось 82 конфликта, из которых 79 — гражданские войны.

663

оформился НМП эпохи постхолодной войны. Называя вещи своими именами, — это крупнейшее стратегическое поражение России новейшей истории, когда правопреемница СССР утратила статус державы — гаранта послевоенного порядка.

Раньше приоритеты задавались в терминах теории классовой борьбы, затем «нового мышления». И одно, и другое — достояние

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

прошлого. Классовая борьба затратна, не создавала, а разрушала ценности. Установки нового мышления выказали нежизнеспособность:

- не получилось одновременного роспуска военно-политических блоков;
- не реализовалась программа ликвидации ядерного оружия к 2000 г.;
- не активизировался процесс СБСЕ с организацией системы коллективной безопасности на континенте;
- не произошло обновления ООН.

Негативными сторонами произошедшего стали: усиление гегемонии атлантизма, утрата СССР, а затем и России собственных традиционных сфер влияния, провал проекта демилитаризованной базы могущества Восточного блока, его бесславный распад. Москва сдала центр Европы, разладила рынок вооружений, растеряла политические активы не только без каких-либо компенсаций, но и с отрицательной паушальной суммой. Таковы реалии. Все прочее, как говорил Верлен, — литература. В сложившейся обстановке важно уточнить базовые тенденции без учета намерений. С позиций развиваемой нами новой политической доктрины они таковы.

Внешняя плоскость. Системное истощение супердержав, изменение коалиционной дисциплины их адептов предопределяет:

- расчетливость в оценке, выборе союзников, в том числе, не безоглядное партнерство с Западом, а балансирование между центрами силы — ЕЭС, ОПЕК, новые индустриальные страны;

664

- вписание себя в качестве органической части в мировое сообщество по принципу «равный среди равных»;
- консолидация зависимых от России государств в пределах постсоветского пространства а) с форсажем наднационального (конфедеративного) объединения России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана; б) с активизацией торговых, инвестиционных, промышленных, исследовательских возможностей, продукцией услуг для иных стран — членов СНГ и стран Балтии.

Внутренняя плоскость. Укрепление суверенитета, восстановление факторов национального могущества, к которым относятся промышленно-экономический потенциал, уровень технологии, социальная, гражданская стабильность, адаптированность населения. НТР открыла эру не военной, а технологической конфронтации — соревнование управления, инновационной, разработческой культуры, рынков сбыта.

Отличительная черта НМП — экономико-технологический передел. Возможность найти свое место в нем — в здоровом протекционизме, поддержке собственных товаропроизводителей. (Лишь один пример. Себестоимость молока у нас составляет 330 руб., в США — 331 дол. за тонну (при годовых дотациях на фуражное зерно 8,8 млрд дол.). И мы не развиваем свое более экономичное производство, ввозя молоко?!)

Фатальная ошибка нашего политического руководства заключается в допущении образования системы коллективных отношений, враждебных России, против нее нацеленных.

Подразумевается экспансия НАТО на Восток, подготовленная фактической необусловленностью актов а) объединения Германии; б) роспуска ОВД. И одно, и другое следовало увязывать с прочными гарантиями нерасширения НАТО, неприсоединения к нему бывших соцстран. Как это часто бывает в национальной истории, борьба за личную власть затмила требования государственных

665

интересов, элементарного здравомыслия. Шкурное дело сделалось.

Объективным основанием неприменения оружия массового поражения служит критерий размера потерь, выражаемый показателем — треть населения, половина промышленного потенциала. После распада СССР в России осталась половина населения и четверть бывшего ВВП. Беловежская инициатива, таким образом, сопоставима с общенациональной насильственной катастрофой.

Россия — «секрет, завернутый в тайну, скрывающую в себе загадку» (Черчилль). Сколько раз пытались разбить Россию, сколько раз она сама себя разбивала. И возрождалась. «Россия наверняка возродится снова — и, может быть, очень скоро — как великая объединенная империя, намеренная укрепить целостность своих доминионов и вернуть все, что у нее было отобрано», — сказано Черчиллем по другому поводу, но имеет значение современное.

Возвращаясь к поднятой Шпенглером глубокой проблеме, попробуем разобраться: каков временной период взлетов и падений российской цивилизации и какое символическое обозначение он имеет.

В отсутствие четких фенологических моделей обращают на себя внимание хронологические изыскания Хлебникова, строившего поэтическую версию истории. Хлебников обнаружил качества человека незаурядного, начиненного разнообразными значительными знаниями. Между тем в области хронологии познания его, нередко обнимающие даже детали, не лишены серьезных пробелов. Данное обстоятельство на фоне предвзятого, принятого до осмысления вопроса со стороны сравнительной истории убеждения, будто годы между началами государств кратны 413, а моменты гибели государств исчисляются 1383 годами и т.д., является причиной, что Хлебников пришел к заключениям, которые трудно признать адекватными.

В работе «Российская государственность: истоки, традиции, перспективы» мы говорили о хронологической ритмике отечественной истории с периодом 192 года. За точки отсчета взяты форсмажорные инициативы Ивана

666

IV, Петра I, большевиков. В нашей работе «Реформы и контрреформы в России» речь шла о 100-летней пульсации интервенционистского цикла: 1610 г. — смутное время; 1709 г. — Северная война; 1812 г. — Отечественная война; 1905 г. — русско-японская война. И один, и другой цикл, как нетрудно видеть, сопряжен с кризисом государственности, впадением в безвластие, которое, используя мысль Гоббса, не есть форма правления.⁴²³

Тайный смысл, символическое обозначение взлетов и падений
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

российской цивилизации, следовательно, — власть и безвластие, наличие формы правления и ее отсутствие. Поскольку чередование этих форм — функция факторная, а не временная, постольку каких-то временных циклов государственно-исторической организации России не существует. Российская цивилизация удовлетворяет факторным циклам «власть — безвластие», простирающимся с любой периодичностью в зависимости от конъюнктуры.

Пришли большевики, сломали монархическую империю. Пришли демократы, сломали коммунистическую империю. Декорации меняются, суть постоянна. За какую бы политическую ширму правительства не прятались, России хорошо при сильной власти, строящей или восстанавливающей ее как империю. Доказательств этому нет. Есть факты, вводящие некую понятательную презумпцию. Так как с позиций методологии всякая презумпция такого рода умозрительна, избегая метафизики (не подчиняя историю историософии), ограничимся констатацией любопытных данных.

По-видимому, существует логика больших геополитических пространств (БП), подчиняющая взаимодействие держав своим императивам. В атрофии научной рефлексии существа дела сугубо предварительной проработкой сюжета занимаются сакральная география и геомантика, связывающие почву и кровь, пространство и дух,

⁴²³ См.: Гоббс Т. Соч. Т. 2. М., 1991. С. 144.

667

положение и убеждение, мир и систему мира и, представляя субъекта с органичной для него средой обитания в качестве единого целого, развивающие некую метафизику ландшафта. С позиций этих пока еще крайне нестрогих рассмотрений допускаются скрытые тенденции, время от времени открыто выходящие на поверхность и становящиеся вследствие этого предметом всеобщего обозрения.

Не устаивая внимания аниматистские отрешенные модели Земли, некогда предложенные Парацельсом и Диппелем, будем говорить о поддающейся верификации логике БП. Неведомо отчего, но существуют достаточно устойчивые географические контуры римской, русской, туранской панидей, то разрушаемые, то восстанавливаемые в истории.

Была Римская империя с коррелятивным ей евроафриканским ареалом. После падения Рима восстанавливается величие не «вечного города», а сцепленного с ним пространственного контура (эпопеи Карла Великого, Наполеона, Гитлера). Была Российская империя с соответственным евразийским ареалом. История многократных дезагрегаций пространственного контура России в понижательной державной фазе чередуется с историей многократных же агрегаций ее пространственного контура в повышательной державной фазе (эпопеи Петра I, Екатерины II, Александра II, Сталина). Был Арабский Халифат с согласованным азиатско-африканским ареалом. После распада Халифата в VII—IX вв. указанный ареал восстанавливался Османской империей в XV—XVII вв. в результате турецких завоеваний в Азии, Европе (Балканы), Африке (Северная часть).

Сказанное подводит к заключению о наличии правил: 1) своеобразных географических пульсаций панидей (покрываемых ими пространственных контуров), ритмические расширения и сжатия которых не периодичны, сопровождают процессы построения или разрушения на них (контурах) сверхдержав — империй;

668

2) своеобразных сопряженных отношений как между покрываемыми панидями пространственными контурами (а), так и внутри последних (б). Мысль уточняют суждения: а) непосредственное пространственное соприкосновение панидей в повышательной державной фазе конфликтогенно (войны, силовые пикировки); б) фрагменты пространства, изначально не входящие в географические контуры панидей, не подпадающие под их духовную юрисдикцию, но впоследствии с ними ассоциированные, неустойчивы, коллаборационистичны относительно аутентичных ядер.

(А) Предопределяет необходимость (при тяготении к стабильному МП) избегать пространственного соприкосновения панидей, разделять их буферными зонами. Современная редакция восстановления римской панидеи (теории, как отмечалось, еще предстоит высветить проступающую во времени устойчивую тягу — *plus fort que la mort* — к единению расчлененных, но прежде целостных пространственных контуров панидей) — перекрытие атлантизмом сферы стратегического предполя с расширением НАТО на Восток. Современная редакция восстановления туранской панидеи — попытка установить (события в Косово, Дагестане, Чечне, активизация крымских татар, экспорт ваххабизма) геополитическую дугу от Ядрана (через Крым, Кавказ) до Алтая и Синьцзяна (с заходом в Поволжье), фланкировать Россию враждебными сателлитами.

Опять-таки это не имеет концептуального, но имеет опытное обоснование: римская, туранская панидеи при попытке потеснить русскую панидею, выдворить ее из подведомственного ей пространственного ареала неизменно терпят поражение.

Задача в том, следовательно, чтобы, умерив экспансионизм, не доводить до взрывоопасного пространственного соприкосновения взаимодействия фундаментальных панидей. В связи с этим актуализируется геополитическая

669

тическая проблематика хинтерланда и лимитрофов. Но об этом позже.

(Б) Обусловливает необходимость сугубой, повышенной осторожности в отношении исходных ядер (почва и кровь — сочетания пространства, духа народа) к ассоциируемым с ними пространственно-народным областям. В некотором смысле об этом ранее не задумывались, но первоисточные географические контуры панидей с соответствующим этническим материалом становятся для них органичными; впоследствии присоединяемые к ним пространственные сферы с располагающимися на них этническими массами так или иначе исходным ядрам неорганичны. В составе Великобритании повышено деструктивны Шотландия, Северная Ирландия, Уэльс, — наименее романизированные участки

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

пространственного контура римской идеи. Аналогична ситуация с пребыванием в составе России Польши, Финляндии, стран Балтии.

Какова внутренняя связь панидей с географией, — интригующий предмет, достойный обстоятельного специального изучения.

«География — единственная константа международной политики», — обращал внимание Бисмарк. Мы уже имели случай указать на многочисленные данные, корректирующие данную в известном смысле классическую схему. Стержень нашей мысли составляет соображение, что теллурический период международной истории завершен. Мировое сообщество вступило в горизонт поставляющего существования, фабрикации. Последнее отменяет канонический императив «расширение — это все» (С. Родс), трансформируя его в требование «культивация — это все». Важна не реальность сама по себе, а освоенная, одействованная, окультуренная реальность. Богатство наций определяют не территории как таковые, но гуманизированные, адаптированные к жизнепорождающим процессам территории.

К. Болдуин вводит понятие «степень потери силы», выражающее величину, на которую совокупная сила госу-

670

дарства уменьшается по мере удаления от его территории.⁴²⁴ Государства, следовательно, крепки скоростью воздействия на ситуацию в любой произвольно взятой точке. Отсюда быстрота реагирования, отлаженность коммуникаций, влияние на расстояние становятся фактором силы. Не территории, а отстаивание интересов на территориях, способность вступать в реакции через территории оказываются индикаторами могущества. Оперативность, эффективность, динамичность, как никакие иные параметры, отличают продвинутость в развитии. В первую очередь империй.

Рост империй, замечает Такер,⁴²⁵ резонансен революциям в коммуникациях. Лошадь, парус, двигатель внутреннего сгорания, реактивный двигатель, последовательно сменяя друг друга, решали капитальнейшую для империй проблему экспансии (расширение). Наши дни, актуализируя роль коммуникативных единств, вносят принципиальные коррективы в традиционные обстояния. Прочность, конкурентоспособность имперских тел задается не частичными (водными, сухопутными) носителями экспансионизма, а совокупной мобильностью, адаптированностью (культивированностью). Эффективными границами империй с наших дней пребывают не контингента (армии), а мобильные коммуникации.

Понятие значимости транстерриториальных форм оперативного, мобильного контроля поверхности планеты оказывается полезной исходной платформой для понимания природы современного МП.

Двухосевая конструкция мира на базе классической конкуренции теллуру- и таллассократий себя изживает. Упрочается многоосевое устройство на базе мобильных коммуникативных единств, становящихся как системы сопряженных, гомогенных, реципрокных по живневоспроизводству пространств-регионов. Динамику современного МП определяет тенденция — от национальных к региональным корпорациям.

⁴²⁴ Boulding K. *Conflict and Defence*. N. Y., 1963.

⁴²⁵ Tucker Y. *History of Imperialism*. N.Y., 1920.

671

Указанная тенденция находит дополнительное солидное обоснование в языке глобалистики. Критерием глобализма в нашем прочтении, отмечалось выше, выступает острота проявления проблематики. Ослабление роли национального государства предопределяется необходимостью заявления, проведения корпоративных интересов по части снятия острейших проблем безопасности, обеспечения жизневоспроизводства в целом. Суверенитет, входя в противоречие с корпоративностью, отступает. Грядущая общечеловеческая революция будет революцией всемирного корпоративизма с ущемлением роли национального государства.

Практическое свидетельство сказанному — возникновение надгосударственных региональных образований — Европейской объединенной империи (Европейское единство); Американской объединенной империи (Американское единство) (Америка — трансатлантическая проекция европейских движений). Обозначается, следовательно, транснациональная цивилизационная корпорация под эгидой римской идеи. Сходное движение с другой стороны света отличает корпоративные процессы под эгидой туранской идеи — консолидированный аннексионизм Востока, претендующий (через экспорт ваххабизма, этнизацию анклавов — Косово, Крым, Кавказ) на установление (восстановление) своего имперского пространства.

Нетрудно видеть: наличный МП до мозга костей имперский, империалистичный. Только формой империи в отличие от канонической выступает не национальное государство, а регион; типом современного империализма является корпоративный регионализм.

В силу цивилизационного отставания России в понижательной фазе (какую она теперь проходит) региональный корпоративизм выражен в ее державной линии минимально. Стратегическая сверхзадача текущего момента для России — сохранить себя в качестве достойной единицы международных отношений. В ожидаемой же повышательной фазе произойдет реванш: упущенное наверста-

672

ется. Как, когда, какой ценой это случится, — неведомо, но что будет так — несомненно.

Итак, скрытую сущность наличного МП составляет региональный империализм на базе транснациональных корпоративных панидей. Взаимодействия последних через приданные им пространственные контуры обуславливают причинные, субстанциальные связи действительности — конфигурация союзничества — соперничества; динамика миротворчества, поддержание мира; мироустройство «постконфликтного» общества. Общая ситуация для сдавленной расширяющимися и укрепляющимися римской и туранской панидеями русской идеи неблагоприятна. Денонсация Союзного Договора (8 декабря 1991 г.) с последовавшим форсированным распадом СССР отбросила Россию с территорией 17 млн км и населением 150 млн человек к черте XVII в. Геополитические реалии для России обусловлены:

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

- потерей державного влияния в мире;
- утратой былого могущества на пространстве бывшего СССР (хартленд);
- вытеснением из важнейших участков европейского и азиатского материка;
- отчуждением от традиционных соседей;
- сужением выхода к стратегическим водным артериям (теплые моря);
- образованием (по западному, юго-западному, южному, юго-восточному периметру госграниц) очагов потенциальных и реальных конфликтов (этнические, конфессиональные, экономические противоречия);
- территориальными претензиями, которые в том или ином виде предъявляли или предъявляют Япония, Китай, Монголия, Эстония, Латвия, Норвегия, Финляндия;
- дестабилизирующей линией Запада (НАТО) и Востока (Япония, Китай, Пакистан, Турция), не заинтересованных в существовании мощной, конкурентоспособной, процветающей России;

673

- кризисом государственности — универсальной формы задания порядка в Евразии;
- утратой вынесенных за границы страны оборонительных рубежей;
- развалом системы коллективной безопасности на европейском континенте;
- ослаблением военного могущества (разрушение первого стратегического эшелона обороны, объединенной системы противовоздушной обороны, единой системы управления ВС, утрата РЛС, объектов ПВО, ПРО, мобилизационных арсеналов и т. д.).

Критическая ситуация России в мире усугубляется эскалацией национального кризиса, инициируемого влияниями извне и изнутри. Внешние влияния: мировой терроризм (Крым, Кавказ), идеологическое ангажирование, индоктринация этнических элит. Следствия: межэтническое противостояние, региональная автаркия, территориальный сепаратизм. Внутренние влияния: доктринальные просчеты, деформирующие госстроительство, — искажающее национальные интересы космополитичное «новое мышление»; государственная суверенизация входящих в Россию административных единиц (национально-территориальная автономия); коренизация в формировании местных политико-культурных элит; привилегии, преференции в отношении национально-территориальных субъектов федерации и т.д. Следствия: этнократия, этно-диктатура, рост центробежных тенденций, дезагрегация государства, усиление опасности сецессии.

Соблюдение и проведение национальных интересов требует нейтрализации и элиминации деструктивных воздействий и влияний. Дабы не сделаться ископаемым животным, Россия должна занять приличествующее ей место в МП. Определенный шанс создать стратегию реализации этого позволяет сознательное преодоление бытовавших в прошлом у нас предрассудков, догм,

предубеждений, провоцировавших сомнительные импровизации са-
674

моразвития. Используя слог Б.Чичерина, делу поможет прямое и трезвое смотрение на вещи, видение различных их сторон, избегание односторонних увлечений. Проявление мудрости и смелости в очерчивании перспектив обновления России — учет требований цивилизационных императивов исторически выработанных всеобщих форм организации жизни на пространствах Евразии. Действование по историческому уму, народной мысли обязывает принять в расчет:

1. Принципиально не прав В.Соловьев, утверждая, будто христианский мир представляет «одну активную часть исторического человечества, все более и более втягивающую в свою жизненную сферу все прочие народы Земли. Некоторое относительно твердое сопротивление этому европейскому влиянию оказывает пока один только Китай, который и составляет... единственную и действительную, хотя, разумеется, лишь временную противоположность... общечеловеческой христианской культуре».⁴²⁶ Суть в том, что а) христианство — не фактор интеграции человечества (универсализации христианства как подобного фактора сопротивляются не единственно и действительно только китайцы); б) цивилизационное тело России генетически сложилось в противовес западному христианству. В XIV в., когда Москва соперничала с Вильно за общерусское влияние, вероятность оформления национального центра в Литве была крайне высокой. Воспрепятствовала случайность: на польский престол избирается литовский князь Ягайло; в 1385 г. подписывается объединяющая Польшу и Литву Кревская уния; в конце XIV в. осуществляется переход велико-княжеского литовского дома в католичество. Невозможность объединения Руси под эгидой Литвы конституируется конфессионально. Москва,

⁴²⁶ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 542.

675

избавившись от стратегического западного соперника, усиливает ориентальный вектор своей активности. Ориентация на Восток с последующим державным поглощением монголо-татарской Орды предопределила конфессионально-союзнические отношения православной Руси с буддистами монголами и мусульманами татарами. Цивилизационно Россия перестала быть христианской. Она стала вселенской, «миром миров».

2. «Вся история России есть борьба между центростремительным, созидающим тяготением и центробежным, разлагающим; между жертвенной, дисциплинирующей государственностью и индивидуализирующимся, анархическим инстинктом»,⁴²⁷ — указывает И. Ильин. Рост свободы и возможность сохранить империю (которая только и поставляет возможность сохранить Россию) традиционно не совмещались в нашем национальном прошлом. Искомое решение находится в одном — утверждении собственно народной империи. Закон нашей возможной Конституции, отмечает Тютчев, «чем народнее самодержавие, тем самодержавнее народ».

3. «Прошло то время, когда идеализировали и мечтали о всякого рода правлениях, и умные люди, обольщенные формами, бывшими
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

у других народов, горячо проповедовали: одни — совершенную демократию, другие — монархию, третьи — аристократию, четвертые — смесь всего вместе, пятые — потребность двух борющихся сил в государстве... Наступило время, когда всякий более или менее чувствует, что правление не есть вещь, которая сочиняется в головах некоторых, что она образуется нечувствительно, сама собой, из духа и свойств самого народа, из местности — земли, — на которой живет народ, из истории самого народа», — под-

⁴²⁷ Ильин И. А. *Наши задачи*. М., 1992. Т. 1. С. 245.

676

черкивает Н. Гоголь. Почва, история российского народа — сильная государственность, ввиду отсутствия иных упорядочивающих форм обеспечивающая порядок, гармонию традиций, культур, конфессий в Евразии. Государство в России — фундаментальная инстанция, которую нельзя ослаблять. 4. Обновление России, в чем убеждает многострадальный опыт, — от «внутренних процессов в русском народе» (Бердяев), а не от сферы отвлеченной мысли. Чем народоотстраненнее реформа, тем она для страны пагубнее. Рельефные тому подтверждения — безнадежно запоздалые прозрения наших прожектерствующих устроителей Отечества — «не смей командовать». Вселенскость, цивилизационный универсализм, народная государственность суть факторы расширения границ процветания России, восстановления искомым ее мировых кондиций. Кондиций не планетарной гегемонии, а собственной совершенности, конкуренто- и кредитоспособности.

На одной стороне — нация-государство, на другой стороне — открытый регионализм. Какие из текущих тенденций НМП создадут основу нарождающейся реальности? Каким будет доминирующий фактор мировой политики? Перебирая модели вероятных грядущих конфигураций, мы отвергаем версии, связанные с центрированием соперничества наций-государств и конфликтности цивилизаций. Наиболее принципиальные напряжения глобальной политики, на наш взгляд, определяются двойкой тенденцией: а) взаимодействием панидей и сцепленных с ними географических контуров; б) взаимодействием рас, стимулируемым региональным влиянием. Разломы в отношениях единиц человечества пройдут не по конфессиям, не по цивилизациям, не по национальным государствам, а по духу в сцепке с почвой и кровью.

Вековая привычка воевать иницировалась вначале противоречиями между государствами, затем между наци-

677

ями-государствами. В настоящий момент национально-государственная конфликтность теснится регионально-корпоративной. Это не значит, что роль национального государства упраздняется. Отнюдь. Это значит лишь, что его роль изменяется. Национальное государство сохранит и даже усилит свою роль в вопросах суверенитета, отстаивания, предоставления, соблюдения гарантий культивации, эксплуатации территориальных, природных, ценностных богатств, завещанных народам их предками. По части ручательств, обязательств институт национального государства

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

неколебим. Но он утрачивает активы, отступает перед натиском региональной (экономика, коммуникация, культура без границ) и расовой (антропологическая, традиционная близость) корпорации.

Механизм цивилизации, как мы пытаемся убедить, в качестве остова жизнепроизводительной деятельности относительно космополитичен, иррадирован, толерантен, завязан на универсальные параметры систематизации и интеграции продуктивно-репродуктивных процессов поддержания существования, вершения истории, социотворчества (общность индустриальных, гражданских, экзистенциальных технологий).

Механизм региональной, расовой корпорации частичен, концентрирован, агрессивен, дезагрегирует согласованные цивилизационные поля привносимой идентификацией. Цивилизации утрачивают монолитность, поляризуются, расслаиваются неорганичными внешними (не связанными с базовыми жизнепорождающими структурами) воздействиями.

Блоковая, биполярная система прошлого мира с фиксированным балансом сил как военно-силовым (это не тавтология) понятием обеспечивала стабильность. Наличная ситуация многополюсного полицентричного мира, обесценив конфронтационную систему сдержек и противовесов (взаимоустрашение — паритет), породила уязвимый, неравновесный, неопределенностный, неустойчивый, турбулентный миропорядок, сделав его прозрач-

678

ным, ценностно проницаемым. В противовес четко очерченной зонной конфигурации сложилась конфигурация политического «шведского стола»: влияя, все подходят, берут. Вопрос, «кто» подходит и «что» берет, — не радикален. Радикальна сама возможность «подходить» и «брать». Открытость, прозрачность, проницаемость мира как следствие разблокированности означают в национально-государственной плоскости — разгосударствление, детерриторизацию, а в цивилизационной плоскости — мозаизацию мира.

Мозаицизм при наделении этого биологического конструкта социально-политическим смыслом характеризует присутствие в гомогенных цивилизационных тканях элементов с посторонней принадлежностью в качестве итога трансляции, инкорпорации чуждого жизнестроительного материала. Сопутствующие, ближайшие эффекты мозаицизма — цивилизационный гинандроморфизм и химеризм — неорганичное сочетание в жизнепроизводстве признаков разных цивилизационных структур.

Тойнби говорил о наднациональности социокультурных движений, сопутствующих складыванию цивилизаций. Мы говорим о наднациональности социокультурных движений, сопутствующих их (цивилизаций) распаду.

Иллюстрацией мысли выступают примечательные тенденции прогрессирующей агрессивности взаимодействия панидей; реванш колоний над метрополиями, Юга над Севером, Востока над Западом, третьего мира над первым и вторым миром.

Если превалирует первая тенденция — ослабленная Россия охватывается враждебными ассоциациями на базе римской и

туранской идеей — срabатывает вариант нетрадиционного геополитического партнерства с Азией против Европы и Турции. Данный вид блоковости сплачивает стратегическое пространство России, Китая, Индии, Ирана с его несметным земельным, коммуникационным капиталом, людскими, технологическими ресурсами. Консолидация Запада вокруг НАТО вызывает необходимость консолидации не-Запада вокруг иных центров планетарного

679

масштаба, какими являются названные великие государства Евразии и Азии.

Если превалирует вторая тенденция, срabатывает вариант расового блока Европы, Евразии и США против Азии, Африки и Латинской Америки; последние рассматриваются как великие проблемы будущего Старого, Нового Света и России.

Цивилизационные условия России, США и Европы различные, но угрозы у них сходные. Имеется в виду, в первую очередь, наступление аллохтонов на автохтонов. Процесс этот имеет двоякую выраженность: надвигание внутренних и внешних пришельцев.

Внутренние пришельцы. В России (странах СНГ) сельские аборигены идут на город, превращая урбанизацию в довольно формальное явление (дезурбанизованность районов проживания лимитчиков). В США, Европе мегаполисное цветное гетто идет на белую деревню, превращая фешенебельный частный пригород в слоаса тахита. В силу несимметричности цивилизационного развития России, США и Европы движения разнонаправленные, однако итог один: разрушение культуры, разложение жизни, впадение в хаос.

Внешние пришельцы. Скрытое просачивание, укоренение, закрепление вселенцев в лице этнических нелегалов, по причине своей причастности к иным системным связям разбалансирующих наличный порядок жизнепроизводства и жизневосстановления. По данным национального демографического института, к 2015 г. французы станут нацменьшинством, во Франции — на 100 рождающихся детей придется 56 потомков иностранцев. В Германии представительные турецкая и курдская общины потенциально способны дестабилизировать социум выяснением взаимоотношений. Национальные интересы США все более трудно согласуются с эгоистическими интересами эмигрантских, этнических диаспор. В России колоссальные территории отторгаются компактным заселением, концентрацией иммигрантов. При учете, что от Байкала до Тихого океана у нас проживает 8 млн, а со стороны Китая 320 млн чело-

680

век, угроза дальнейшего отторжения территорий путем нелегального их заселения куда как реальна. Категорическим императивом существования продвинутых белых стран перед угрозой захлестывания инородными пришельцами предстает требование расового единства; оставшись один на один с общим врагом — социальными маргиналами, этническими нелегалами, националистическими автономизирующимися меньшинствами, белые должны не дифференцировать, а консолидировать свои

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

цивилизационные знаки.

И один, и другой типы блоковости — ассоциация ради борьбы. Предпочтительнее иной вид блоковых отношений — ассоциация ради развития. По аналогии с геостратегическими интеграционными проектами типа проекта «Большой Китай» России надлежит выработать модель своей собственной перспективы. «У каждого народа, — говорит Ключевский, — своя судьба и свое назначение. Судьба народа складывается из совокупности внешних условий, среди которых ему приходится жить и действовать. Назначение народа выражается в том употреблении, какое народ делает из этих условий, какое он вырабатывает из них для своей жизни и деятельности».⁴²⁸ Судьба, назначение народа определяются условиями жизнедеятельности. Каковы они для России?

Кардинальная цель обновляющейся России — не требуя более проявления вечного терпения от народа, добиться ненасильственного процветания державы-нации. Так как привычные данности рухнули, — мы живем теперь в новом мире, — строительство процветающей жизни надо начинать заново с оглядкой на прошлый нелицеприятный опыт. Ближайшим средством воплощения поставленной цели является формирование органичных положительных условий жизнедеятельности, каковыми для России выступает структура Евразии в границах империи. Начать, следовательно, требуется с восстановления естественного географического контура русской идеи,

⁴²⁸ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. 2. С. 373.

681

с последовательного возвращения некогда принадлежавших России земель. Россия должна войти в свои прежние границы, обеспечивающие ей господство в хартленде. Случись такое, вероятность конфликтов на базе панидей резко снизится. Модель грядущих столкновений тогда примет ярко выраженную расово-демографическую окраску. На данном основании можно даже вполне справедливо утверждать, что будущий век — эра столкновений не цивилизаций, а глобальных тенденций: с одной стороны — локализма, этноцентризма, традиционализма; с другой стороны — универсализма, космополитизма, модернизма. Взаимодействие именно этих начал окажется нервом мирового соперничества.

Какая из возможностей победит, покажет грядущее. Максимально избегая необоснованных пророческих высказываний о будущем и одновременно подчеркивая для любых вариантов абсолютную уместность восстановления великого статуса России как евразийской империи для повышения футурологических активов, оценим оба исхода.

9.4.2 Столкновение панидей

Все будущее было. Все бывшее будет. Так — с Россией, растрачивающей и воссоздающей имеющееся. Две опасности угрожают миру — порядок и беспорядок, — напоминал Валери. В «порядке» Россия угрожает. В «беспорядке» угрожают России. Необщий путь отечественного развития коренится в случайном

чередовании «порядка» и «беспорядка» неперiodическими сменами инверсий с ретарде мобилизацией с форсированностью, — утраты обретенного обретением утраченного. С колоссальными издержками для народной жизни, державного существования.

Внутренняя раздвоенность между революцией и реакцией интонирует внешнюю раздвоенность между невероятным и невозможным. Некоторые страницы российской истории при их последующей оценке наполняют душу горьким сознанием, что наша жизнь — «повесть без фабулы и героя, сделанная из пустоты и стекла, из горячего лепета

682

одних отступлений» (Мандельштам). Некоторые же сменяющие их страницы наводят на ощущение причастности «вертикальному порыву в высоту» (Тейяр де Шарден).

Кто может вместить, да вместит.⁴²⁹ В противоположность и Западу и Востоку, вмещающим потребное, Россия вмещает все. Однако она одинока сразу на двух вершинах — развитости и отсталости.

Сказанное в полной мере отбрасывает отсветы, накладывает тени на тактику взаимодействия панидей в мировой истории. Начать с того, что основу контакта панидей образуют тонкие ценностные связи. Проводить идентификацию фигурантов исторического процесса в терминах панидей крайне сложно. Здесь должно принимать в расчет столь деликатную, выходящую за пределы строгого дискурса материю, как мировосприятие, чувство жизни, выражающую переживательное понимание бытия интуицию. Действование следует из постигнутого. Опыт свидетельствует: и римская, и туранская идеи традиционно враждебны русской идее. Романо-германский, англосаксонский (западный) мир извечно выказывал русскому миру «пренебрежение и недоброжелательство».⁴³⁰ Взять показательные эпизоды II мировой войны. Не кто иной, как западное сообщество в нарушение Версальского договора инициировало милитаристские, реваншистские приготовления Германии; не пришло на помощь захваченной Польше; вынашивало планы консолидированного (с использованием недобитых немецких армий) выступления против СССР. Сходно Турецкий мир противостоял России всегда и везде по полному кругу вопросов международных отношений, начиная с крымских и кончая чеченскими войнами.

Испытывать сложности, проигрывать, едва выживать в гонках, состязаниях с наступающими противниками России доводилось благодаря некумулятивности, импульсивности, несбалансированности собственного развития. Не-

⁴²⁹ Мтф. 19, 12.

⁴³⁰ Ключевский В. О. Цит. соч. Т. 4. С. 196.

683

органичные пульсации с мобилизацией в повышательных фазах и демобилизацией в понижательных фазах влекли порочные смены побед поражениями. Накапливаемый положительный потенциал нейтрализовывался отрицательными наслоениями. Всякий новый откат оказывался все более разрушительным. Всякий новый накат требовал все более крупных жертв. Перефразируя Аксакова, можно сказать: нам нечего учиться ни у Запада, ни у Востока, — в России

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

все есть. Все есть ввиду интенции впасть в крайности.

Достоинно удивления, что безоглядное вхождение в «мертвые» бифуркационные точки не разрушило самую онтологическую плоть России, — устойчивое стремление пить из черепа отца и вирулентно, и летально. Знакомому с отечественными реалиями, умышленно не игнорирующему нашей почвы искушенному наблюдателю вполне очевидно: протори и убытки «русской идеи» — от идейности. Российский политический мир доньше не стал техническим миром. Ротация власти, рекрутирование новых политических элит оборачиваются метафизическими конфликтами — сшибками ценностей стоящих за ними лиц. Их столкновения тем более губельны, чем теснее их связи. Достоинства, видения одних и других употребляются не на консолидацию достижений, а на взаимоуничтожение. Всевозрастающая наступательность захваченных идейной враждой сторон, исключая расхождение между склонностью и решимостью, предопределяет трагизм развязки.

Бич России — фаустовские сделки: чистоту ценности менять на чистоту жизни в наличии большой способности убивать при большой готовности умирать за притягательную совершенство идейного.

Homo politicus есть homo hostilis — враждующий вид, тип животных, изобретающий врагов. В сложных для России теперешних условиях противостояния врагам по всем сторонам горизонта необходимо использовать завязывающиеся возможности для новых державных стартов. Разумеется:

А. Уровень региональной оборонной стратегии: обеспечение

684

— стратегического ядерного сдерживания;

— стратегической обороны обычными вооружениями (принимая в расчет революцию в вооружениях, ядерного сдерживания хватит примерно на 15 лет, откуда следует задача планируемой модернизации обычных вооружений для поддержания обороны);

— передового присутствия;

— регулирования кризисных ситуаций.

Сверхзадача уровня региональной оборонной стратегии — нацеленное стратегическое сдерживание с недопущением потенциальных противников к непосредственным рубежам.

Б. Уровень локального геостратегического строительства:

— переход от блоковой системы к континентальной;

— недопущение силового плюрализма и одновременно вакуума силы в Евразии;

— исключение фланкирования России карантинным поясом недружественных стран;

— преодоление отставания в развитии с соперничающими пограничными странами — Японией (обошедшей по ВВП СССР), Китаем (в 1993 г. обошедшим по ВВП Россию; с 1979 по 1995 г. темпы роста народного хозяйства в среднем составили 9,5%; к 2010 г. китайцы планируют увеличить ВНП — относительно 2000 г. — в 2 раза);

— технологическое преодоление недоразвитости внутренних пограничных районов;

— создание стабильных приграничных систем безопасности, используя тактику гегемонии (страны СНГ), баланса сил (Китай), доминирования (Япония), коллективной безопасности (Скандинавия, балтийско-черноморская конфликтная зона).

Сверхзадача уровня локального геостратегического строительства — добиться такого положения России, при кото-

685

ром она была бы единоличным центром силы в Евразии; восстановить унитарность хартленда, распространив российский контроль на отторгнутые в результате распада СССР территории, отыграв их не силой, а игрой на противоречиях и интересах (возврат Крыма за счет списания украинских долгов); стратегией не прямых действий связать инициативу потенциальных соперников, создав подведомственное России пространство стабильного партнерства.

9.4.3 Надвигание аллохтонов

Перед лицом давления этнических нелегалов, националистов, сепаратистов, авантюристов, международных террористов, социальных маргиналов цивилизованно продвинутое белое страны — страдающая сторона. «В мировом бытии не дано никаких гарантий для торжества начал добра и разума»,⁴³¹ — заявляет Франк. Кратчайший путь поставить крепкие гарантии началам добра и разума в мировом бытии — обеспечить всеобщее мирное существование на базе равной ответственности, равного участия.

Пока же в ситуации договорного вакуума, атрофии доброй воли, засилья корысти, подозрения, недоброжелательства под покровом изоцированной политической риторики люди, народы, страны ненавидят и дегуманизируют друг друга.

«Грех не вменяется, когда нет закона», — назидает апостол Павел. Окончательный крах Ялты, Потсдама, денонсация соглашений периода разрядки стали живым воплощением безнравственных разногласий и вражды. Очень вероятно, что война вновь может стать инструментом национальной политики.

Организации создаются не их создателями, а врагами. В обстановке давления аллохтонов из развивающегося, недоразвитого, отсталого мира кажется мудрым требование белого блока; белые способны выжить, противопоставив угрозе извне расовую солидарность. К несчастью,

⁴³¹ Франк С. Л. *Свет во тьме. Париж, 1949. С. 38.*

686

покуда это естественное требование остается неосуществимым. Как и в недавние конфронтационные времена, белые пытаются решать проблемы через войну с белыми. Между тем в современности выигрыш обеспечивает не победа в войне, а избегание войн. Со всеми и во всяком случае с себе подобными. Перспектива выживания, таким образом, не превращает стремления совокупными силами предотвратить потенциальные невосполнимые потери в принцип взаимодействия. «Россия должна быть разложена на составные части. Нельзя потерпеть на Востоке такого колоссального государства», — настаивал Геббельс. В 1959 г. Конгресс США принял закон о порабощенных нациях (закон о расчленении России). В настоящий момент фактически развязана

фронтальная война за российское «имперское наследство».⁴³² Воистину ничто не ново под Луной, — в отношении России Запад демонстрирует завидно постоянное коварство.

Оптимальный ответ России — упрочение своих ценностей. В основе цивилизационного взаимодействия, как мы не устаем повторять, — генерация, трансляция, культивация ценностей. Выработка, закрепление, перенесение, упрочение, насаждение ценностей составляют движущую пружину истории. Сильный навязывает слабому ценности — миропонимания, мироотношения, миродействия. Ценности экспортируются в борьбе, экспансии. Необязательно религиозной, — культурной, информационной, вкусовой. Любой.

Историческое призвание, назначение России — быть фактором евразийского равновесия как системообразующего элемента глобального равновесия, межгосударственной, междивизиационной стабильности. Россия — держатель равновесия между Западом и Востоком в хартленде; условия ее жизнедеятельности — соблюдение своих исторически преемственных интересов в «сердцевинной земле». Судьба России, завещанная ей предками, — обес-

⁴³² Также см.: Нарочницкая Н. *Россия и Европа // Наш современник. 1993. № 12.*

687

печение ее непреходящей геополитической миссии в Евразии, целостность которой сейчас в результате преступного развала империи нарушена. Последнее не замедлило сказаться в массе конфликтов по всему периметру границ бывшего СССР. Всем стало плохо.

Хартленд — принадлежность России. Нужно не забывать об объективной логике больших геополитических пространств, выработавшей готовность к обязательствам на протяжении многих веков, в силу чего Россия — гарант междивизиационного равновесия в мировом масштабе. Когда она сильна, когда она не ареал для установления сфер влияния, — мир стабилен. Хочет мир стабильности, он должен хотеть стабильной, а значит сильной России, России — вне кошмара обойм и коалиций, посетившего Бисмарка.

Для активных действий восстановления своего величия, однако, Россия пока не готова. В наметившийся момент выхода из пика понижательной фазы странового развития оптимальной для отечества представляется политика многостороннего сдерживания. Политика, нацеленная на достижение евразийского равновесия. С учетом того, что территория империи есть зона исторической ответственности и непосредственной безопасности державы, тактика обеспечения национальных интересов, минуя борьбу за сферы влияния в мире и начиная со своих рубежей, выглядит такой.

Восточный театр. С уходом американского века центр мировой силы перемещается в АТР, соотношение могущества меняется в направлении от Европы, США к Азии, продвинутые государства которой укрепляются на высотах планетарной иерархии. Проявление мудрости и смелости видения со стороны России заключается в руководствовании сказанным. Россия должна выработать новую восточноазиатскую тихоокеанскую линию,

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

предполагающую наращивание своего присутствия в регионе. Согласно известной формуле «саньда — лянсяо» Россия следующим образом формулирует, заявляет свои дальневосточные интересы.

688

Япония. Прекращение состояния войны со страной восходящего Солнца должен зафиксировать пока еще не подписанный мирный договор, итожащий результаты II мировой, а не холодной войны. Уровень доверительности, добрососедства в отношениях между двумя странами повышается акцептацией того, что современная Япония не имеет континуитета относительно развязавшего и проигравшего войну агрессора. Итоги кровавой вселенской бойни на Востоке незыблемы. Правопреемство Германии и Японии в принципе ограничено Ялтинско-Потсдамскими договоренностями. Полная и безоговорочная капитуляция на языке международного права равнозначна: а) демонтажу поверженных стран как политических институций; б) утрате ими суверенитета; в) воссоздания их державной организации на условиях союзников с оговоренными прерогативами и полномочиями. Исходя из этого, энергию, направленную на проведение территориальных размежеваний, правильно канализировать в русло экономического, научно-технического, финансового сотрудничества, подразумевая кооперацию в крупномасштабных проектах типа проектов развития экономических, промышленных зон Японского, Охотского моря, Сахалина, Находки и т. д.

Китай. «Там лежит гигант. Пусть он спит. Когда он проснется, он сотрясет мир», — говорил о «срединном царстве» Наполеон. Китай давно проснулся, но от сотрясения мира его удерживает пока производительный успех, удивительно высокие темпы экономического развития. Основы живого воплощения любви и согласия здесь, однако, слабеют с каждым днем вследствие: а) нерациональной эксплуатации природной среды при малопродуктивном парцельном хозяйствовании; б) демографической сатурации с осложняющим обстановку 3% годичным приростом населения; в) колоссальной половой асимметрии в структуре населения; г) прогрессирующей деградации национального участка биосферы; д) возможной критической трансформации природных, климатических циклов и ритмов.

689

Стратегической предпосылкой долговременного союзничества России с Китаем является забота об обеспечении державной целостности: для обоих полиэтнических государств принципиально сохранение, поддержание территориального, политического единства. При действовании в духе взаимопомощи, оказания взаимоподдержки добрососедство, осеняемое благотворным «миром и развитием», скрепляется хозяйственным сотрудничеством в виде прямых капитальных вложений, расширения экспортно-импортных потоков, создания общего рынка приграничной торговли, обмена рабочей силой и т.п. При утрате элементов благого управления, подвергающего испытаниям способности, волю, потенциал мирного сосуществования, создающего угрозу миру, нарушения мира или влекущего акт агрессии, Россия, учитывая, что 60% территории китайской империи населено

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

неханьскими народами (около 90 млн человек), потворствует разыгрыванию сепаратистской карты (уйгуры, дунгане, тибетцы и др.), способствует сецессии и дезагрегации государства. Игра опасная, обоюдоострая, но при крайних исходах едва не вынужденная.

Потенциальная напряженность в двусторонних отношениях может быть связана углублением и расширением взаимовыгодных инициатив — таких, как организация зоны свободной торговли в северо-западной части Тихого океана, возможное ее объединение с аналогичной североамериканской зоной и т.д.

Корея. Россия препятствует возрождению «Великой Кореи», имеющей территориальные претензии к ней и Китаю. Относительно северной Кореи идеально: а) блокирование ее продвижения в реализации ядерных программ; б) стимулирование в направлении возврата долгов по субсидиям. Относительно Южной Кореи перспективно наладить переселенческую кампанию с развертыванием вдоль границы с Китаем районов развития двойного назначения (военно-хозяйственные пункты).

Монголия. Основное во взаимодействии с этой страной — сохранение ее в качестве самостоятельного и дру-

690

жественного нам субъекта мировой политики, нуждающегося в российской технической помощи.

Фиксация национальных интересов России на восточном направлении на сегодняшнем уровне знаний производится в терминах не «моста»: Россия не мост между Европой и Азией по причине а) наличия авангардных коммуникационных технологий, действующих вне и помимо территориальных посредников; б) государства Восточной Азии не только не уступают, но превосходят Россию по уровню, темпам своего развития, — она производится в терминах Pax Consortia — достижения мира на основе взаимосогласованных правил.

Юго-Восточный театр. Россия — неотъемлемая часть Востока и Азии; евразийство ее вынужденное — с XIII в. осуществляется инкорпорация в российское этническое и державное тело азиатского элемента. Программирование интересов России на юго-восточном направлении подчинено радикальной задаче: не допуская внутренних расколов среднеазиатских стран, возникновения в их пределах войн, соперничества за исторический и геополитический выбор, тактически — обеспечить зону собственного приоритетного влияния, стратегически — добиться восстановления средне-азиатского фрагмента хартленда, подключая к объединительному процессу (вслед за Белорусью) в ближайшее время Казахстан, Киргизию, Таджикистан и в обозримой перспективе Узбекистан и Туркмению.

Пустопорожняя псевдогуманитарная риторика об уходе из региона как порочная, подрывная, искажающая существо дела должна быть отброшена. Зададимся модельным вопросом: что ожидает среднеазиатский анклав по выводе российских войск из Таджикистана? Последствия вполне прозрачны, они легко просчитываемы. Незамедлительная оккупация территории республики талибами вызовет отток таджикских киргизов в

Кыргызстан; киргизских узбеков в Узбекистан. Усиление позиций Пакистана повлечет озабоченность Индии. По цепной реакции активизируется вмешательство в регион Китая, США. Все

691

озаботятся поисками того, что потеряла Россия. России, следовательно, для обеспечения южных рубежей не только нельзя уходить из Средней Азии, но требуется, всячески закрепляясь в регионе, наладить создание единого военно-стратегического пространства.

Чисто оперативно на текущем этапе не лишне сосредоточить внимание на значимой триаде, состоящей из частей:

— оформление антиваххабистского, антифундаменталистского, антитеррористического фронта;

— нейтрализация сепаратистских, автономистских тенденций, блокирование суверенизации этнических меньшинств (в особенности уйгур, дунган);

— развитие, расширение российских концессий для усиления хозяйственной, производительной кооперации.

Южный театр. Основная цель долгосрочной большой политики России на южном направлении — недопущение геополитического плюрализма на кавказских и закавказских рубежах. Россия слишком крупное и сильное государство, чтобы таким образом заявляемую ею линию можно было игнорировать. Великая держава Россия не является объектом чужой воли. Она самодостаточна и дееспособна, в состоянии формулировать, проводить, отстаивать свой национальный интерес.

Внутри России, «желая себе спокойствия и молясь за спокойствие окружающих» (Нитирэн), в кратчайшие сроки всеми ресурсами государства на Северном Кавказе восстанавливается конституционный порядок, мир, добрососедство. Не национализм, а державность, жизнестойкие государственные формы — главное для имперостроения в России. Программа соответственного подъема, обновления региона включает вполне ясные и простые шаги, предусматривающие:

— прекращение инициации этнической государственности в северокавказских субъектах федерации;

692

— усиление «космополитических» центральных властных вертикалей;

— совершенствование всего спектра федеральных отношений с акцентом территориально-политического и национально-культурного принципов;

— секуляризацию духовности (что не препятствует на первых порах установлению в поликонфессиональном и полиэтничном анклав идеинного союза с «исламизмом» против ваххабизма, фундаментализма, питающего инсurreкцию религиозного, социокультурного экстремизма, фанатизма);

— обеспечение военного присутствия без сковывающих фланговых ограничений; районы Краснодарского, Ставропольского краев, Адыгеи выводятся из-под статей о фиксированных контингентах (договоренности в рамках СБСЕ).

Вовне России, используя избирательные средства воздействия на актантов политического процесса в регионе, Россия добивается

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

искового геополитического возвышения.

Закавказье. Культурный опыт, историческое прошлое, уровень модернизации, взаимодополнительность интересов обязывают воспринимать друг друга (Россия и республики Закавказья) как неизменных партнеров. В перспективе включая в орбиту державного объединения единицы государственности региона, Россия в настоящем проводит в отношении последних курс «от воздействия к взаимодействию».

Основное, как и применительно к другим странам — членам СНГ, — в экономике: производительное сотрудничество, разделение труда, разработка совместных проектов, бизнес-планов, инвестиции; в политике: добрососедство, ненасильственное развязывание конфликтных узлов (армяно-азербайджанского, грузино-абхазского, грузино-осетинского и т. д.). Одновременно же, обозначая и отстаивая свои исключительные, высшие интере-

693

сы, Россия препятствует чрезмерному политико-экономическому сближению государств Закавказья с внероссийскими контрагентами (главным образом Турция, Иран). Объективная реальность такова, что турецкие и иранские влияния на государства Закавказья нацелены против российского присутствия и должны вызывать соответствующую нейтрализующую реакцию.

Контрфорс находится в а) активизации пятой колонны: для Грузии — Абхазия, Южная Осетия, Аджария; для Азербайджана — Нагорный Карабах; для Турции — курды; для Ирана — азербайджанцы, курды, арабы; б) свертывании торгово-промышленных поставок, введений санкций на: для Закавказья — сырье, энергоносители, оборудование, информация; для Турции — туризм, мелкооптовая торговля (связывание челноков); для Ирана — вооружение, комплектующие АЭС, подготовка кадров.

В любом случае Россия противится новомодным крупномасштабным планам транспортировки, прокачки углеводородов из Закавказья в третьи страны без ее участия.

Полевая точка России в регионе — Габалинская РЛС (Азербайджан), являющаяся компонентом системы ПРО. Кратчайший путь прекращения спекуляций, снятия давления в двусторонних азербайджано-российских отношениях — ее выкуп с переводом в собственность или долговременно арендуемую территорию.

Турция. Взаимодействие России с Турцией осложняется двумя факторами: а) историческим прошлым (крымские войны, враждебная инициация вассального Крымского ханства, II мировая война, Чечня); б) религиозным экстремизмом, фанатизмом, какой сообщили турки исламу.

Духовно-политическая организация Арабского халифата отличалась лояльностью, веротерпимостью. Агрессивность ислама утверждается с завоеваний турок-османов, когда при оккупации Балкан, Средиземноморья, севера Африки эксплуатировался лозунг «смерть неверным», оправдывавший уничтожение не столько иноверцев, сколько политических конкурентов. Под знаменем джихада выре-

694

зались арабы, персы, тюрки. С турок-османов ислам
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

политизировался, приобрел опасную, внутренне чуждую ему этноцентрическую, националистическую атрибутику. Через тюркизацию покоряемых народов оттоманизм ставил целью организацию единой исламской нации, — опасность этой затеи ощутили на себе многие, в том числе северокавказские народы.

Текущий этап российско-турецких отношений осложнен весьма недружественными турецкими акциями: нарушением договоренностей Конференции 1936 г. в Монтрё о черноморских проливах; оспариванием международно-правового статуса Эгейского моря, требованием пересмотра Лозаннской конвенции 1923 г. по Южным Спорадам (Додеканезские острова); моральной и материальной поддержкой сепаратизма (татарский, чеченский национализм).

Нейтрализации Турции в ее антироссийских усилиях служит активизация

— антитурецкой деятельности дискриминируемых нацменьшинств (курды, армяне, греки, черкесы и посегодня лишены права издавать газеты на родных языках);

— сотрудничества с Израилем, являющимся ближневосточным аналогом России в своей борьбе с Египтом, занимающим, как и Турция, неорганичное положение на двух материках и контролирующим вследствие этого стратегические водные артерии.

Иран. Через блок с Ираном можно

— добиться долгожданного незатратного выхода к южным морям;

— в пограничной, кризисной ситуации контролировать (через Ормузский пролив) экспорт энергоносителей на Запад и Восток (Китай, Япония).

В случае неблагоприятного развития событий ослабление деструктивных влияний Ирана производится:

695

— раскачиванием его державного тела посредством этнодезорганизации (инициация сепаратизма азербайджанцев, курдов, арабов);

— использованием арабских антиподов в лице Ирака, Саудовской Аравии.

Индия. Прекрасный, надежный стратегический, торговый партнер, открытый инвестиционным, технологическим, военным потокам. Его нужно разумно использовать в качестве реального противовеса при возможном оформлении туранской стратегической дуги от Ядрана до Алтая (модель Изетбеговича).

Юго-Западный театр. К конфликтной зоне на южном направлении, слагающейся из множества столкновений на Ближнем Востоке, Северном Кавказе, Закавказье, примыкает крымский и днепро-дунайский конфликтный узел. Источник конфликтности — внешние разрушительные влияния (Турция, США, Ватикан, Европа), направленные на ослабление позиций России в регионе. Примеры Турции, Украины в контексте политического мирообразования лишней раз убеждают: в государственных, международных делах метафизическое приволье избыточно. Здесь нужно, отрешаясь вовсе от высокой идейности, вставить на точку зрения здоровой прагматики, реализма.

Мир был бы иным, если бы Россия:

— вытеснила Турцию с европейского континента (в 1833 г. русский флот стоял на Босфоре, предлог — непрошенная помощь султану в подавлении мятежа Магомет-Али в Египте; в 70-е годы в результате Балканской войны русские полки были под стенами Стамбула, но его не брали. Причина — соблюдение мифологемы «Москва — третий Рим», нежелание передавать метафизическую эстафету народам византийского круга);

— не отнеслась к административной границе Украины (включая поднесенный ей к юбилейной дате Крым) с РФ как к геополитической.

696

В который раз Россия пребывает заложницей идейного, идеологического, метафизического угара ее правителей.

Между тем без Украины империя (супердержава) в России невосстановима. Учитывая исконную близость славянских народов, локомотивом интеграционной тенденции между Россией и Украиной должна быть не мощь государства, а:

— общность культуры, истории, вытесняющая конъюнктурные различия (в данной связи хороша аналогия с Китаем, посредством тонких культурно-исторических влияний проводящим объединение с собой Тайваня, Гонконга, Сингапура);

— чрезвычайные импульсы (типа событий в Югославии), обязывающие политическую волю к решительным консолидационным действиям.

На данном этапе для восстановления баланса сил в регионе (в особенности в черноморском бассейне) в счет списания долгов и последующих льготных энерго- и ресурсопоставок оптимально наращивать силовое присутствие договорным путем.

Относительно Молдавии процедура реинтеграции проводится на волне гуманитарного, социального, гражданского возрождения практически нищего, но трудолюбивого, талантливое народа.

Западный театр. Потомство — лишь оно обладает даром верховного правосудия. И потомство безусловно осудит бесславную и бездарную сдачу длительного вооруженного мира. С 1945 г. — установления зонного блокового миропорядка по 1992 г. — окончательного развала согласованной союзничества политической воли к решению державно-исторических задач мир не был бесконфликтным. За этот период произошло более полутора сотен крупных столкновений, в которых погибло около 20 млн человек. Однако худо-бедно, мир был контролируемым. Контролируемым самой биполярной организацией, с одной стороны, накладывающей ограничения на претензии су-

697

пердержав, с другой стороны, требующей их солидарной ответственности за происходящее. С односторонним опрометчивым демонтажем блоковой системы, благословленным бездарным политическим руководством СССР, а затем России, настал конец послевоенному гарантийному миру. Мир стал негарантийным военным. От локальной очаговой горячей конфликтности, единственно возможной в пределах биполярной структуры, мы движемся в направлении фронтальной глобальной конфликтности, конфликтности, в подспудье детерминированной столкновением

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

панидей — римской, туранской, русской.

Дополнительную остроту моменту придает симультанный характер взаимодействия данных идей, сопровождающийся опасными движениями тектонического типа: разнообразные по направлению, интенсивности трансформации актантов политики, вызывая восстановление не самого добропорядочного в исторической памяти, провоцируют деформации, разрывы противодействующих слоев, плодят разломы, сбросы, надвиги.

Исторический выбор в пользу союза с Ордой сделал Александр Невский, воспротивившийся союзу с Европой. Причина проста: лояльность и нелояльность Сарая и Рима в отношении веры. Первый гарантировал автономию церковной жизни, второй требовал унии. Дальновидность судьбоносного выбора Александра высветил случай Даниила Галицкого, искавшего поддержку у Запада и в итоге нашедшего там утрату веры, земли, власти. Отныне линия Даниила (блок с Западом) — олицетворение близорукого антинационального выбора. Линия Александра (блок с Востоком) — олицетворение дальновидного национального выбора — союзничество с Ордой позволило ликвидировать угрозу порабощения из Европы — обеспечила сохранение земли, власти, меры.

Сохранение, но не приращение. Широкомасштабные, честолюбивые коронные замыслы входили в системные, а значит, идейные противоречия с замыслами геополитических противников, не могли не обострять проблему веры. Вера меняет мир, — в вере стоит искать смысл назидатель-

698

ных преображений от личностных (трансформация Симона в Петра) до социальных (всеми правдами и неправдами обращение в веру). Жизненная борьба огнем и мечом идет за символы веры, святилища, ценностные основы всех вещей, идолы, объекты поклонения, почитания, обожания, паломничества. Собор Св. Софии, Собор Св. Петра, Кааба — оплоты миропонимания, мировосприятия, мироорганизации соответственно восточных, западных христиан, мусульман. Не во имя торжества общего, но во имя торжества частного идет мировая борьба. Борьба под знаменами разъединяющих вер. За свои пилоты, устои.

Запад, консолидированный римской идеей, склоняет к «истинной вере» православных, мусульман (от крестовых походов до навязывания либерально-рыночного миропорядка, применения силы. Аванпост Запада США с 1980 по 1995 г. применили силу против исламских стран 17 раз).

Исламский Восток, консолидированный туранской идеей, склоняет к «истинной вере» западных, восточных христиан, буддистов (джихад, газават, фатх, — завоевательные походы в Европу, Россию, Африку, Индию). Под туранской идеей — мощная демографическая подкладка: в 1980 г. мусульманское население составляло 18% мирового, в 2000 г. оно составляет уже 23%, а, по подсчетам, к 2025 г. составит 31%. Это — серьезная динамика.

Россия, отстаивая русскую идею, не вела и не ведет ценностных (религиозных) войн, но до сих пор как историко-геополитический феномен складывалась, утверждалась силовым образом.

Итак, конфликтное ядро мировой системы — агрессивное взаимодействие панидей, вошедших в фазу непосредственного (разрушение с распадом СССР подконтрольного России кордонного восточноевропейского пояса), усиливающего взаимоконфликтность соприкосновения. Устойчивый набор противовесов экспансии римской и туранской панидей в сторону русской идеи в стратегическом отношении — восстановление и укрепление имперской (супердержавной) организации России, обретение ею мощи мирового лидера. В тактическом отношении:

699

— вызову римской идеи следует ответ в виде: а) дезинтеграции восточноевропейской зоны западного влияния; вовлечения контрреформационного ареала (страны Восточной Европы — страны догоняющего, склонного к контрмодернистским формам реакции второго эшелона) в орбиту России; б) расщепления и противопоставления системных интересов базовых единиц западного общества — европеизма и атлантизма; в) налаживания блокового (расового) единства белых против цветных;

— вызову туранской идеи следует ответ в виде а) организации цивилизационного блока «авангард против арьергарда» — нейтрализация аллохтонов (социальных маргиналов, этнических нелегалов, террористов, авантюристов, экстремистов); б) активизации антимусульманских настроений в Индии, Китае; в) инициации расколов в мусульманском мире (тюрки — арабы; сунниты — шииты; централисты — автономисты и т.д.); г) оформления антиатлантических, антиглобалистских движений «за справедливый многополюсный мир равных возможностей»; д) игры на противоречиях «традиционный Восток — модернистский Запад». Либерально-рыночный европейский миропорядок взрывает традиционность, что на фоне обострения антиномии «локализм — глобализм» стимулирует рост межэтнической напряженности. Опробованная Востоком реакция на данную опасность — фундаментализм, возвышающий религиозно-государственные факторы над этническими. Приоритет скрепляющей социум идеологии — насколько он долгосрочен?

Когда эпоха не соответствует идеалу, она толкуется как критическая, переходящая, за которой последует торжество идеала.⁴³³ Торжество российского идеала на запад-

⁴³³ См.: Лавров П. Л. *Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1965. С. 45.*

700

ном направлении связано с серией рассчитанных проникающих ударов, предполагающих усиление наших позиций в регионе с одновременным ослаблением позиций конкурентов и врагов. Нерв вопроса — обеспечение:

— незатратного соприкосновения с Западом от Арктики до Передней Азии;

— осмысленного возвращения России в Восточную и Центральную Европу.

Поскольку это стратегия, с ней можно справиться, решая кардинальную внутреннюю задачу, — создание в современной России «совершенного могущества», непосредственным фактом своего существования воплощающим «могущество совершенного».

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Суть дела не в том, чтобы, воспользовавшись моментом во имя будущего, пойти по привычному, но шаткому пути «увлечения гневным». Вынужден повторить прошлое тот, кто его не помнит. Мы же отлично помним, что прошлое всесторонне дискредитировало науку: «гром победы раздавайся», ориентировало на позитивно-жизненную демонстрацию преимуществ, престиж системы. Системы имперской, но не хищной, поставленной на службу народу и призванной восстановить высмеянную, поруганную самооценку Государства Российского.

Сердечные убеждения — отдельно от умственных. Поверх всяческих коннотаций — «Империя» в России плодит не недоверие, не враждебность, не супердержавную спесь, — «Империя» в России кредитует способность к самообновлению, выступает мобилизующей народ силой.

Стремлениям «во имя национального блага» активно противостоят тревожные западноевропейские реалии — континентальное возвышение Германии, расширение НАТО, всплеск национализма, рост антироссийских настроений в кругу европейских государств, усиливающаяся идентификация с ЕС бывших социалистических стран, балтийских республик СССР.

Достоинный ответ состоит в развёртывании слаженных военно-политических инициатив, нацеленных на обеспе-

701

чение национальных интересов России в изменившихся условиях. В центре внимания — некомпенсированное расширение римской идеи через подключение восточноевропейских стран к НАТО. Ликвидация пространственного зазора между римской и русской идеями при их пикировке чревата опасностью большой континентальной войны. Так было в эксперименте Наполеона, Гитлера, так может быть (не хочется говорить — будет) и в нынешнем эксперименте НАТО.

Метафизическое назначение Восточной Европы как арьергарда Запада и авангарда Востока — быть разделяющей землей, землей зависимой, с более или менее точно заданным на ней отношением согласованности интересов. Геополитическая условность, державная несамодостаточность субъектов политического процесса данного региона уподобляет их статус статусу хинтерланда — примыкающей к геополитическим монолитам промежуточной территории, на которую так или иначе они покушаются. Хинтерланд не велик, провиденциально великим быть не может. Он — акцидентальная масса, производная, страдательная сторона, объект экспансии, аннексии, притязаний, домогательств. Призвание хинтерланда — быть узкой переходной зоной, разделяющей субстанциальные массы с самодостаточным режимом действия. Промежуточное положение хинтерланда, стиснутого гигантами (историко-географические массы мировых панидей), обуславливают его объективную динамику. Последняя всецело определяется фундаментальной геотектоникой панидей — их наступлениями и отступлениями в зависимости от мобилизованности самососредоточенности, активности.

В повышательной фазе мировых панидей хинтерланд дестабилизируется, десувверенизируется (оккупации,

территориальные разделы, включения в орбиты жизненно важных интересов, зоны договорной ответственности), в повышательной фазе мировых панидей хинтерланд стабилизируется, суверенизируется, однако, без особых исторических и геополитических приобретений. Сугубая

702

подчиненность внутренней ритмики хинтерланда внешним причинам:

— исключает возможность образования здесь кредитоспособных, мощных державных структур (нацеленный на перекрытие объективной логики больших геополитических пространств государственный симбиоз Польши и Литвы — лишнее тому доказательство);

— предопределяет общую вирулентность региональной обстановки: будучи одновременно и объектом и плацдармом экспансии, хинтерланд — земля конфликтогенная, исторически проявляется и как страдающая, и как причиняющая страдания сторона.

На данном этапе развития симптомом обострения ситуации вокруг хинтерланда является втягивание его в орбиту римской идеи. Расширение НАТО на Восток означает, к примеру, что с территории Польши в час «X» возможно из гаубиц с применением ядерных наполнений обстреливать Санкт-Петербург, а крылатыми ракетами воздушного базирования — Москву. На складывающийся диспаритет такого рода сильный ответ России (русской идеи) — локализация усилий НАТО как инструмента не мировой, а североатлантической политики. Никакого экспорта, процирования континентальной стабильности со стороны альянса. Козырями в дезавуировании непрошенной натовской благотворительности выступают для России:

— Куба, потенциально всегда склоняемая к возвращению российских ракет;

— Германия. Раньше Европа разыгрывала немецкую карту против России. Теперь Россия может разыграть немецкую карту против Европы.

Наше мнение, естественно, определяется личными убеждениями, состоящими в том, что противопоставление атлантизму Германии как региональной супердержавы на руку России. Взаимодействие России и Германии в

703

сложные для них времена влекло взаимные выгоды. Известная позиция России способствовала объединению Германии под началом Пруссии. Известная позиция Пруссии способствовала отмене статей Парижского мира, дисквалифицировавшего Россию как черноморскую державу. Страны Восточной Европы стремятся в НАТО, дабы заполучить гарантии от будущего неминуемого возвышения Германии. Если укрепившаяся Германия обостряет вопросы о Судетах, Силезии, Данцигском коридоре (такому повороту благоволит эрозия принципа нерушимости послевоенных границ) при некотором ослаблении (падение патронажных программ с ростом расового противостояния) США, Россия, подыгрывая Германии: а) выводит хинтерланд из-под юрисдикции римской идеи; б) вовлекает его в орбиту русской идеи (ср. с

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

предвоенным разделом Польши); в) возвращает утраченные с распадом СССР исконные свои земли.

Велика роль аналогии в рассуждениях. Тем не менее мы воздерживаемся от исторических параллелей, подводящих к использованию амбивалентных фигур «переиздание пакта Риббентропа — Молотова», «реставрация Карибского кризиса». Подчеркнем только нелегитимность ревизии послевоенного территориального порядка в Европе, государственные границы в контуре которой согласованы союзническими решениями эпохи II мировой войны и подтверждены Хельсинкским актом Совещания по безопасности и сотрудничеству на континенте, подписанным представителями 35 крупнейших мировых держав.

Северо-Западный театр. Подчеркивая обязательность положений Заключительного Хельсинкского акта, закрепляющего территориальную целостность европейских стран, а не субъектов их федераций, мы указываем на юридическую допустимость потенциальных отвечающих интересам России трансформаций. Всякое изменение границ, государственных статусов должно быть конституционным. Волюнтарный развал СССР кучкой недоумков в нарушение вердикта весеннего 1991 г. общенародного референдума никаких законных основ под собой не имел; более

704

того, он противоречил конституционно согласованному акту волеизъявления граждан. Все это создает правовую базу будущего реванша. Реванша не силового, а геополитического, предполагающего восстановление исторической справедливости.

Значительная неправда прибалтийских националистов, чей голос в националистической партии противников СССР был весом, состоит в абстрактности, а потому неадекватности рассмотрения.

Пункт 1. Аргументы о юридической несостоятельности решений Народных Сеймов Латвии, Литвы и Государственной Думы Эстонии (якобы не избранных демократически) 1940 г. о вхождении в СССР снимаются аргументами о юридической несостоятельности решений никем не избранных буржуазных правительств Ульманиса (Латвия), Пятса (Эстония), Слежявичюса (Литва), узурпировавших власть благодаря иностранной (Польша, Германия, Антанта) оккупации. Республики Прибалтики не имели конституционного преемственного статуса существования от выхода из России вследствие аннексии в послереволюционное время до вхождения в СССР в предвоенное время.

Пункт 2. Прибалтийские земли ассоциированы с Россией по Ништадскому миру 1821 г. в качестве итога победы в Северной войне. Царская казна «исправно и без вычета» уплатила за них короне Свейской 2 млн ефимков.

Пункт 3. Непосредственно в послереволюционный период боровшиеся за политическое господство большевики (нелегитимная государственная инстанция) в решении собственных эгоистических, шкурных задач беспардонно руководствовались порочным правилом «сдача территорий в обмен на укрепление власти». Как признавался Чичерин: «Мы отдали Эстонии чисто русский кусочек, мы отдали Финляндии Печенгу, где население этого упорно не хотело, мы не спрашивали Латгалию при передаче ее Латвии, мы

отдали чисто белорусские местности Польше. Это все связано с тем, что... верховным принципом является самосохранение Советской Республики как «цитиру-

705

ли революции». ⁴³⁴ Окончание политического эксперимента, надо думать, означает и окончание территориального, геополитического эксперимента.

Пункт 4. Вышедшие из состава СССР Прибалтийские республики не возвратили переданные им в качестве частей единой страны не принадлежащие им территории. Латвии, как отмечалось, передана Латгалия (часть Витебской губернии) (в обмен на обязательство оказать помощь в борьбе с Юденичем); Литва получила 6 белорусских районов. Как и в случае с Украиной, при представившейся первой необходимости земельный вопрос должен быть актуализирован и решен положительно.

Пункт 5. Несанкционированный народом развал великой державы повлек искусственное дробление российского суперэтноса, самым плачевным образом сказался на положении прибалтийских этнических русских, представителях иных этнических групп, идентифицирующих себя по русскоязычности.

Национальные элиты стран Балтии проводят в отношении российской диаспоры агрессивный курс нетерпимости. Просматриваются тревожные тенденции маргинализации инонационального населения, оно поражается в гуманитарных правах, выдавливается из культурных сфер народного хозяйства, властных структур, управленческих институтов.

Узколобая линия применения двойных стандартов для «своих» и «чужих» влечет дифференциацию статуса граждан. Закрываются русскоязычные воспитательные и учебные заведения всех уровней, резко сокращаются, свертываются программы, объемы преподавания русского языка, дезавуируется его значение как средства межнационального общения, искусственно блокируются соглашения о двойном гражданстве, форсируются переходы на государственные языки с переводом на них делопроизводства, средств массовой информации, периодических и иных изданий.

⁴³⁴ *Военно-исторический журнал. М., 1990. № 7. С. 28.*

706

Под катком истеричного националистического пресса пыльным пустоцветом расцветает бытовой шовинизм, насильственная миграционная политика.

Устойчивую антирусскую направленность приобретает последовательный курс на легитимацию возвышения титульных этносов буквально во всех отсеках социально-политической и народно-хозяйственной жизни в ущерб правам, свободам, гарантиям, обоснованным притязаниям инонациональных групп.

Но разделенный русский народ имеет право на воссоединение, толковать которое по обстоятельствам можно разнообразно. Не предвосхищая будущего, применительно к настоящему мы высказываемся за необходимость решительной линии в отношении государственной поддержки русской диаспоры. Решение проблем этнических русских, проживающих в Балтии, должно носить долгосрочный централизованный характер. Следует предусмотреть комплекс эффективных мер по:

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

- отстаиванию правового, гражданского статуса русского и русскоязычного населения;
- введению специальных правовых (помимо гражданства) статусов;
- субсидированию образовательных, культурных программ;
- реализации проектов моральной и материальной помощи;
- разработке механизма разнообразных санкций.

Наши соплеменники должны знать, что народ и власти России не оставят их без своей защиты, проявят дальновидность, надлежащую державную мудрость в отношении обеспечения их законных интересов.

Будирование сюжета прибалтийских земель актуально в свете традиционного геополитического курса России на получение гарантированного доступа к Атлантике. Обеспеченный выход к Мировому океану — важнейший компонент великодержавности. В текущий момент, к несчастью, некомпенсированно утраченный.

707

Готовясь к сосредоточению и постепенно отходя от диетического питания акридами с диким медом, Россия обязана:

Краткосрочная плоскость

- обозначить пределы возможностей для присутствия в Балтии иных держав;
- обеспечить свои законные интересы в регионе, включая военно-морское присутствие;
- не допустить размещения в Балтии вооруженных сил третьих стран;
- превратить Калининград в современный военно-морской (с игнорированием требований Балтийской ассамблеи 1994 г. о его демилитаризации) порт с развитой сухопутной инфраструктурой (с прекращением выплаты ренты прибалтийским государствам за транзит грузов);
- привлечь внимание общественности, официальных, заинтересованных лиц к положению этнических русских, русскоязычных в регионе, добиться всемерного обеспечения прав, свобод, гарантий человека и гражданина, пресечения всех форм дискриминации, выполнения статей Всеобщей Декларации прав человека (1948), Декларации о принципах международного права (1970), Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975).

Долгосрочная плоскость

- реституция территорий (через силовую, сырьевую, гуманитарную зависимость);
- поддержание, использование этнических русских, русскоязычных в качестве потенциальной пятой колонны для восстановления державного потенциала при политическом отрезвлении.

Лимитрофы. Продолжением темы взаимодействия панидей оказывается сюжет лимитрофов. Из богатого политико-государственного наследия история выносит четкое

708

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

указание на то, что линии фронтов совпадают вовсе не с линиями разломов между цивилизациями, они совпадают с линиями, образованными географическими контурами панидей, где непосредственно соприкасаются их геомассы. Области взаимодействия геомасс панидей и являются горячими точками планеты. Они сосредоточены в лимитрофах.

Отдавая должное остроумным конструкциям метафизического (Цимбурский), цивилизационного (Яковенко) существа лимитрофов, мы тем не менее будем его воссоздавать в терминах конструкции геополитической.

Лимитрофы — приграничные питающие зоны, характеризующиеся специфическим множеством признаков, — таких, как переходность, неустойчивость, рыхлость, податливость, шаткость в отношении разделяемых и подпитываемых ими панидейных ядер. Лимитрофы — пространства между панидеями, как правило, агрегирующие определения одной и другой и тяготеющие к ним в зависимости от обстоятельств. Применительно к русской панидее функцию лимитрофов выполняют на западных рубежах — Финляндия, Прибалтика, Польша, Галиция, Черная Русь; на юго-западных — Венгрия, Румыния, Бессарабия; на южных — Крым, Кавказ, Закавказье; на юго-восточных — Туркестан. Это — промежуточные, несамодостаточные ареалы, предстающие объектом тонких (культура) и сильных (армия) влияний.

Империи никогда не зарождаются в лимитрофах: разделяющая, прослоечная, буферная, амортизирующая земля не имеет ресурсов ни возвышения, ни расширения. Будучи не субъектом, а объектом политики, она лишь развязывает или связывает силы геополитического соперничества панидей.

В понижательной фазе развития лимитрофы удаляются от России; империи недостает средств удержать переходные земли. Взять дезагрегацию Государства Российского в смутный послереволюционный период. После февральской революции с весны 1917 г. и далее пошла суверенизация лимитрофов. Выделились: Эмират Ссе-

709

верного Кавказа; Алашская автономия; Литовское независимое государство; Кокандская автономия; Республика горцев Северного Кавказа; Белорусская рада; Украинская центральная рада; Молдавская народная республика; Юго-западная Кавказская демократическая республика; Доно-Кавказский Союз; Северо-Карельское государство и др.

В повышательной фазе развития империя подбирает лимитрофы: насильственное или ненасильственное соединение с Россией открывает державное кредитование аборигенов, сообщает гарантии выхода в мировую историю, спасает от уничтожения (воссоединительные эпопеи Украины, Казахстана, Кабарды, Грузии и т. д.).

Сказанное надолго утверждает суждения:

— лимитрофы — концентраты агрессии, средоточия опасности: литовские князья бежали в Москву за поддержкой (Явнут) и боролись с ней (Витовт); русские самозванцы опирались на польско-литовскую интервенцию (Лжедмитрий I, Лжедмитрий II) и

т. д.;

— лимитрофы — точки роста конфессиональных конфликтов (униаты) и т. д.;

— лимитрофы — геополитически амбивалентные зоны: страны Восточной Европы члены то ОВД, то НАТО; Прибалтика то с Германией против России, то с Россией против Германии;

— лимитрофы социокультурно антиномичны: стадияльные процессы здесь отстают, цивилизационные — подавляют друг друга.⁴³⁵

Откуда для России вытекает необходимость контролировать или инкорпорировать лимитрофы. Во всяком случае нынешнее беззаботно-отстраненное отношение к лимитрофам представляется не лучшим выбором, являет собой образец отнюдь не идеальной линии. Покинутое Россией место пока пусто, но есть все основания предсказы-

⁴³⁵ См.: *Российский цивилизационный космос*. С. 199.

710

вать недолговечность этой противоестественной ситуации. Конец временно противоестественного и исключительного в истории должна положить сама Россия, налаживая целенаправленный курс на а) недопущение образования в лимитрофах чуждых России центров, очагов влияния; б) прекращение функционирования лимитрофов как коммуникационных мостов (балтийская транспортная, польская мелкооптовая инфраструктура и т.д.); в) усиление интеграционной политики «связывания соседств» — сырьевая, культурная, этническая, а затем и политическая привязка.

9.5 Судьба России

Как возможно в принципе высказываться о чьей-либо судьбе? О судьбе гуманитарных структур (от лиц до цивилизаций) квалифицирующие высказывания осмыслены *post factum*. О судьбе реально действующих гуманитарных структур любые обобщающие высказывания оказываются легковесными, поспешными, преждевременными. По той простой причине, что целевые, целерациональные, целефункциональные гуманитарные структуры, пока они есть, себя до конца не реализовали, свое назначение не воплотили. Отсюда полное понимание «зачем», «в какой связи», «для чего» в отношении них достигнуто быть не может. Отсутствие *status rerum*, объективно, неизбежно выбивая почву из-под потенциальных характеристик, с должным правом не позволяет прийти к каким-то серьезным выводам.

Памятуя об обозначенных особенностях принципиально незавершенных, перманентно самореализующихся гуманитарных структур, применительно к России — структуре соответственно судьбически не завершенной — мы ограничимся обзорением неких важных предпосылочных комплексов, намечающих многозначительные перспективы, тенденции развития. Судьба России поэтому будет выставляться в свете обстоятельств не фактических, а модельных.

711

9.5.1 Ситуация в мире

Камертон нашего времени — безвременье, выражаемое понятием «кольцо концов». Мы пребываем в эпоху завершения духовных магистралей человечества. Естественным образом проступают финалы:

— новоевропейского Просвещения (рационализм, инструментализм, титанизм, социальный катастрофизм, субъект-объектный дуализм);

— позитивистского сциентизма (редукционизм, механицизм, физикализм, бихевиоризм, техницизм);

— авангарда (анархизм, субъективизм, индивидуализм, антитрадиционализм, абсурдизм, алогизм);

— коммунизма (коллективизм, советизм, тоталитаризм, этатизм);

— постмодерна (плюрализм, антисциентизм, антиактивизм, деконструктивизм, альтернативизм, виртуализм).

Вкладывая в искания все земные чаяния, в обстановке мировоззренческой пустоты человечество налаживает поиски новой духовной основы тотальности. Лишенные всеобщности, имеющие признаки поколенческих мироотношений, последние, пробегая нюансы, укладываются в альтернативу глобализм — антиглобализм.

Более зрелая, умудренная жизненным опытом с признаками респектабельности взглядов часть общества склоняется к варианту устойчивого развития на базе широко понятой абстиненции, контрацепции (движение глобалистов единит представителей властной, интеллектуальной, культурной элит). Более молодая, импульсивная часть общества склоняется к варианту стихийного развития через критику цивилизации, протест, бунт (движение антиглобалистов единит пестрый спектр социальных радикалов — от анархистов до зеленых, от террористов до маргиналов, от скинхэдов до хип-хоп-щиков, от ревнивцев топа до приверженцев андерграунда).

712

Ситуация конца века — традиционно переломная для России — сопровождается всплеском мистики, ростом эсхатологии, простором хилиазмов.

XVII век — подъем старообрядчества, церковного сектантства.

XVIII век — расцвет позднекатерининского мистицизма, павловского масонства.

XIX век — декаданс.

XX век — развенчание светских святых, крушение гражданских кумиров, ренессанс церкви.

Что может противостоять конъюнктурным химерам? По верной мысли Малларме, — четкий, трезвый анализ *jusqu'en l'origine*, обеспечивающий углубление самопонимания вплоть до всеобщей критики «всей жизни и всех целей жизни, всех созданных человеком культурных систем и достижений» вплоть до критики «самого человека и ценностей, которыми он сознательно или бессознательно руководствуется».⁴³⁶

Начальный пункт такого рода критики — дела объемного, перспективного — уточнение расстановки сил мировой динамики.

Пасьянс сил. Опираясь на обобщенное понятие векторного политического пространства, охарактеризуем природу наиболее значимых его элементов, влияющих на морфогенез современного мира. К числу наиболее серьезных мегатенденций, редактирующих цивилизационное развитие, отнесем такие, как:

— этническая конфликтность (Испания, Турция, Россия, Югославия, Китай, Руанда, Македония и др.);

— инспирация государств-этносов (Испания, Россия, Великобритания);

— расширение ядерного клуба (Израиль, Иран, Ирак, Индия, Пакистан, Северная Корея), распространение оружия массового поражения;

⁴³⁶ *Husserliana. Bd. 6. S. 329.*

713

— военные авантюры геополитических маргиналов (Ливия, Ирак, Северная Корея);

— усиление миграционных потоков по вектору Юг — Север с укоренением этнических нелегалов из развивающихся стран в развитых странах;

— рост правых движений в демократиях, являющихся объектами реванша колоний над метрополиями (Германия, США, Великобритания, Франция, Бельгия, Россия);

— рост внутренних противоречий, этнической конфликтности, бытового шовинизма в благополучных развитых многонациональных странах вследствие политико-социальной поляризации населения, неадаптированности иммигрантов, дифференцированности гражданских прав, свобод, возможностей, люмпенизации, маргинализации, аллохтонного гетто (США, Германия, Франция, Голландия, Бельгия, Италия);

— замедление темпов роста, переход к дефицитному обществу;

— усиление центрально-директивного планирования, контроля;

— возрастание роли национального государства, региональных форм кооперации;

— рост индивидуализма как механизма самообеспечения;

— рост локализма как гаранта выживания;

— сужение доступа к продовольствию, воде, снижение социального обеспечения; обострение вопросов мирового распределения благ;

— перенаселение и как следствие необходимость вынужденного демографического сброса (Эфиопия, Нигерия, Пакистан, Индия, Китай, Индонезия, Бангладеш, Иран, Вьетнам, Азербайджан, Узбекистан);

— отток богатого автохтонного населения из города в деревню (локальный рурализм);

714

— переход на суженный тип воспроизводства населения (отрицательная динамика брачности, прогресс неполной семьи);

— осложнение социализации внебрачного потомства;

— экспорт из «третьего мира» взрыва ненаправленной ненависти;

— трансляция отсталости с Юга через иммиграцию.

Не претендуя на всеохватность и суммируя то, что кажется принципиальным, отметим: точкой притяжения, к которой, как к

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

центру, стягивается все остальное, выступает феномен — XXI век будет веком пришельцев, обременяющих цивилизованный мир неустроенностью, бедностью, агрессивностью. То, как способна повлиять на продвинутую, относительно благополучную часть человечества (Север) комбинация этих моментов, определить наверное не удастся. Тем желательнее для Севера стремление к конструктивному использованию всех возможностей и наполнению сотрудничеством согласованного модуса вивенди.

Доверие, к несчастью, (пока) не возобладало над сомнениями, причиной чему — противоборство и амбиции держав, пренебрежение всеобъемлющим велением консолидации, ставящим под угрозу выверенный ответ Севера на вызов Юга.

Конфигурация Nord и позиция России. Международную систему после распада мирового порядка, конституированного Ялтинско-Потсдамскими договоренностями, вследствие некомпенсированной сдачи восточноевропейской зоны ответственности бездарным горбачевско-ельцинским руководством страны именуют униполярной. Разумея под этим практическую монополию западных демократий под эгидой США вершить судьбы цивилизации в глобальном масштабе.

Аргументы отрешенного порядка о мнимой некорректности выделения униполюля крепятся на вполне классических аналогиях необходимости полюсов в традиционн

715

контрадикторных структурах. Они естественно парируются переходом на неклассическую точку зрения. Если в физике позволительно допускать монополь, то почему, соответственно, не позволительно поступать в политике?

Униполярность характеризует баланс могущества, который при нынешней (будем надеяться, недолговечной) неконкурентоспособности России сместился на Запад; ни больше, ни меньше она отображает простой факт векторного движения политического вещества по линии: мультиполярность — биполярность — униполярность. Ничего предзаложенного и одновременно необычного в подобном движении нет. В настоящее время — время информационной экономики и ее экспансии — 7 продвинутых стран дают до 90% высокотехнологичного производства. Это — инструмент влияния, доминирования (разрыв в среднедушевой доле ВВП между жителями Севера и Юга составляет примерно 15,4 тыс. дол. Таким образом, наличествует и усиливается поляризация современного мира по качеству жизни).

Контролируя 50% кинорынка Франции, Италии, Дании, Голландии, 60% кинорынка ФРГ, 80% кинорынка Великобритании, Японии, имея 75% объема экспорта телепрограмм, США лидируют в производстве продуктов массовой культуры, духовных ценностей, навязывая народам свое мироотношение.

Дисбалансы культурных, информационных, технологических потоков, укрепляя позиции атлантистского режима при американском лидерстве, обрекают его на гегемонию в постиндустриальной по содержанию, униполярной по форме современности. Момент огорчительный, но неизбежный. Средства поддержания потенциала атлантистского униполюля:

- консервация глобального неравенства;
- упрочение Pax Americana;
- мобильная инвестиционная политика с расчетливой структурой рынка («азиатское экономическое чудо» — несамодостаточно, что высветил кризис 1997-1998 гг.);

716

— сдерживание страновой эволюции держав со стратегией форсированной модернизации.

Эфемерные и общие риторические фигуры о многополярности влияния в униполярности могущества не могут заслонить существа дела, смысловая изначальность которого состоит в вопросе рядов социального партера: все ли они заняты сателлитами США или в них находится достойное место равного среди равных для России. Будет ли Север консолидированным, интегративным или же фразы его будут соизмерять свою мощь в противостояниях друг другу? Пределы игры силовой политики обозначены явно. Север должен объединяться перед лицом давления южной периферии, угрожающей агрессивной конвекцией в виде:

- надвигания аллохтонов;
- иммиграционного реванша колоний над метрополиями;
- просачивания, оседания, укоренения этнических нелегалов.

Если желаемого вхождения в круг северного альянса не произойдет, коалиционное поведение России будет подчинено поискам партнеров в организации глобального сопротивления гегемонии Запада и США с восстановлением биполярности (усеченной). В первом случае (противостояние Западу), к которому Россия в силу далеко не лучшей своей державной формы попросту не готова, реставрируется модель национальной автаркии (с подыгрыванием геостратегическим соперникам Запада по широкому фронту от Ближнего до Дальнего Востока). Во втором случае (противостояние США) оформляется антиатлантический пакт с утроблением интересов Европы.

Перебор возможностей наводит на предпочтительность варианта консолидированного северного альянса (оперативное препятствие которому — расширение НАТО), срыв которого заменяется вариантом континентальной интеграции.

717

И то и другое во многом зависит от линии США — есть ли рычаг действенного на нее влияния? По-нашему, есть. При всей своей мощи на поверку, как ни странно, США представляют легко разбалансируемую систему, вводимую в состояние турбуленции блоком дезорганизующих причин.

Разумеется:

- финансовый кризис (отказ Европы, России, Китая от использования доллара как универсальной валютной единицы);
- расовое обострение вследствие падения патронажных программ;
- нерезонансность интересов нации и плотно сбитых этномафиозных групп;
- демографическая диспропорция белого и цветного населения с затруднением социальной утилизации цветных;
- маргинализация цветного гетто в мегаполисах с возникновением критической массы общественно не

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

адаптированных, ненужных людей.

В политике, как в физике, сложно поддерживать модель привилегированной системы отсчета; монополия в виде претензий доминировать, первенствовать затратна, ущербна, против нее всегда борются.

На континенте, стремясь достичь многополюсности, извечно боролись против посягательств на роль центра силы со стороны то Габсбургов, то Наполеона, то Фридриха II, то Вильгельма II, то Гитлера. В мире в антиглобалистском, антиимпериалистском порыве сплывались против домогательств то США, то СССР, то их обоих.

Отсюда — отвергая дрессировочные приемы внушения, трудно признать преимущества униполю, принять необходимость моноцентристской модели мира. Верно, США сейчас вне конкуренции в своем привилегированном амплуа глобального лидера, однако не факт, что оно пробуждает повсеместное воодушевление. Гегемония — реальность, с какой считаются до поры до времени, далее

718

же — уважение, сходя на нет, сменяется устойчивым отторжением.

Питающие униполь преимущества западного стиля жизни ставятся под сомнение столь вероятными катаклизмами, как:

— свертывание демократии (при вступлении в полосу дефицитного существования);

— дестабилизация внутригосударственного управления (восстание цветного гетто, поход бедняков города на богатеев деревни и т. д.);

— затухание темпов экономического развития;

— дефолт (следствие отказа от беспроцентного кредитования многими странами экономики США).

Все это сугубо подорвет западное влияние, вызовет идиосинкразию к вестернизации, а то и мятеж против союза североатлантических демократий как ядра всемирной федерации. Сказанное лишает оснований уделять много внимания модели униполярности. Временное не может быть вечным. Россию устраивает сбалансированная полицентричность с предсказуемым поведением региональных лидеров, прежде всего ЕЭС, Японии, Китая, США, новых индустриальных стран, Израиля, Ирана, Пакистана, Индии, то автономно, то консолидированно решающих основополагающие задачи развития при непременном сдерживании терроризма, фундаментализма, империализма (неоправданное силовое расширение геополитических зон ответственности).

Стезя России. Россия пока занимает место несоизмеримо ниже своей цивилизационной судьбы, призвания. Дабы не склонять в очередной раз народ к целям надуманным, следует ревизовать возможности — как, восстанавливая державное могущество, с меньшим количеством издержек, потрясений достичь потребного. Справляться с национальными проблемами историсофия предлагает, выдвигая дилемму: почва — европеизм. Согласование действий с альтернативными ценностями предопределяет спорадические качания отечественного модерниза-

719

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

онного маятника: от европеизации к почвенной реакции и обратно.

Будущее в подобных качаниях, истребляя прошлое, обуславливая духовное, гражданское, воспроизводственное разделение, реализуя затратно некумулятивный, инверсионный тип развития, наводит на безрадостное предчувствие упущения преобразовательных шансов. Чтобы не выпустить из рук главной нити исторических событий, вернемся к рефлексии инерционного оптимизма, индуцируемого то почвенничеством, то европеизмом.

Европеизм. Грядущее России — в Европе, подключении к ее ценностям, принципам жизни, организации. Что называть Европой? Конечно, не географический ареал, в отношении которого есть редакции. Европа:

— от Средиземноморья до Урала (Татищев, Данилевский, А. Гумбольдт);

— от Средиземноморья до балтийско-черноморской перемычки, где материк сужается (Савицкий);

— от Адриатики до Балтики по ломаной между Триестом и Данцигом (Штеттином) (Ламанский; модель романо-германского ядра Европы);

— от Атлантики до Тихого океана (адепты модели «общеевропейского дома»).

Превосходя вариации и выделяя сущностное, отметим: Европой в интересующем нас смысле называют цивилизационную общность, консолидированную технологиями жизнеподдержания и жизнепроизводства. После ее оформления в результате ассимиляции варваров (с XI в.) в нашествиях монголов, арабов, турок на нее оказывались деструктивные влияния, однако недостаточные для разрушения. Европу обеспечивало преддверие ядра Европы — с востока и юго-востока Россия, Венгрия, Чехия, Польша; с юго-запада Балканские страны; с запада Испания. Иноземные пришельцы, завоеватели оседали там.

Надежно прикрытая по всем сторонам горизонта народами околеевропейского пояса, западная цивилизация возымела уникальные исторические возможности прак-

720

тически беспрепятственного, не возмущаемого экзогенными влияниями саморазвития. Она и реализовала эти возможности, добившись завидных завоеваний в гражданском, материально-техническом, экзистенциальном строительстве.

Стремление «в Европу», выражая побуждение приобщиться к цивилизации, быть «как они», беспрепятственно пользоваться плодами прогресса, психологически вполне понятно — только реализуемо ли?

Один вопрос — можно ли поддерживать в России достигнутое Европой качество жизни? В сфере материальной — едва ли, учитывая географические, инфраструктурные, энергетические, технологические возможности. В сфере политической — проблематично также, принимая во внимание геостратегическую специфику существования России в зоне сильнейшей цивилизационной конвекции (пространство России — средостение векторов перемещения политического вещества с Запада на Восток

(колонизация) и с Востока на Запад (движение варваров), борьба за гегемонию в хартленде), вызывающей столь различные атрибуты гражданственности, как централизация, редистрибуция, милитаризация, администрирование, директивность.

Другой вопрос — хотят ли пускать нас в Европу европейцы. Исторически Россия — камень преткновения на пути континентального расширения Европы. Сдержав колониционный напор *Drang nach Osten*, развернув экспансивное движение Старого Света, Россия вынудила его создавать имперскую периферию на удаленных, впоследствии сданных рубежах Азии, Африки, Америки. Монолиты образуются в часы испытаний. Своя национальная память у отстающей независимости от европейской агрессии России. Свое духовное наследие у отчаявшейся сломить Россию Европы. Это разные и непримиримые архетипические комплексы. Вместе им не сойтись. На уровне вероятельного подспудья отношение России к Европе и *vice versa* — подозрительное, соперническое. Сильная Россия не нужна Европе. Проникновение вос-

721

точного колосса в цитадель континента — его «островное» ядро — всегда и всячески будет торпедироваться.

Третий вопрос — имплантация в цивилизационный корпус России достояния Европы: европеизация как трансляция в восточную континентальную периферию многообразных преимуществ, завоеваний «ядра». Хотя Россия и Европа никогда не представляли собой комбинацию социоисторическую, с позиций отстаиваемой нами концепции ФСК нет ничего порочного в модернизационном заимствовании восточным сообществом-контрагентом выработанных западным протагонистом перспективных жизнепроизводительных технологий. Модернизационное заимствование — не следствие цивилизационного диктата. Россия — не цивилизация-спутник европейской цивилизации-центра; она самодостаточная гражданская структура, адаптированная к своей географической, климатической, геостратегической нише. Модернизационное заимствование — естественное обогащение себя продуктами в известном смысле космополитического опыта производства универсальных цивилизационных трансформ, обуславливающих сущностную конвергенцию человечества в деле налаживания выживания посредством достижения оптимумов жизнеустройства.

Сказанное выявляет осмысленность третьего аспекта потенциальной европеизации при решении соответствующей проблемы применительно к России. Но именно против этого активно, беспелляционно выступает почвенничество, расценивающее европеизацию как инвазию.

Почвенничество. Концептуальный конек почвенников — двусоставная идея:

— отрицание значимости европейского опыта для России. Прямолинейно критическими декларациями соответствующего порядка буквально наводнены почвенные писания. Они, естественно, представляют текстологический и историософский

интерес, требуя содержательного, вдумчивого обсуждения. Жанр нашей работы не позволяет развернуть надлежащие экспликации. Посему огра-

722

начимся приведением генерализирующих суждений поздних почвенников Л. Карсавина: «Не в европеизации смысл нашего исторического существования и не европейский идеал... наше будущее. Если бы было так, мы были бы народом неисторическим, годным лишь на удобрение европейской почвы»;⁴³⁷ и Трубецкого: и монархическая, и капиталистическая, и социалистическая Россия влекут духовное порабощение европейской цивилизацией, уродование «естественной природы исторической России» — по этой причине следует «повести решительную борьбу против европейской цивилизации в ее целом»;⁴³⁸ — утверждение особой цивилизационной стати России, задаваемой общинностью, соборностью, софийностью, богоносностью. Воинствующему экономизму, индивидуализму, рационализму Запада почвенники противопоставляют самозаконность русского мироощущения во главе с православием. Отчетлива мысль на сей счет Флоровского: «Мы ощущаем, что правый путь к Великой России — через церковь... Мы ощущаем, как факт, что православие живет в русской действительности — это и есть единственная русская жизнь... церковь... становится освящающим средоточием русского духа».⁴³⁹

Русский цивилизационный путь — православно-христианский, утрирующий не право, а некую разновидность сотериологии: нравственного совершенствования, «обожения».

Допуская, что резоны, породившие платформу, основаны на оригинальной транскрипции отечественных культурных реалий, способствующей самопознанию, осмелимся

⁴³⁷ Карсавин Л. Л. *Восток, Запад и русская идея*. М., 1991. С. 105.

⁴³⁸ Трубецкой Н. С. *История. Культура. Язык*. М., 1991. С. 260.

⁴³⁹ Флоровский Г. В. *О патриотизме праведном и греховном // На путях*. Берлин, 1922. С. 292.

723

квалифицировать ее все же как недискурсивную, консервативно-рудиментарную утопию. Чего стоит, скажем, трактовка соборности в терминах принятия идей не через логическое обоснование, а через их распространенность в «церковной ограде»? Убеждение, будто с Запада, где «все эффект, все картинка» (К. Аксаков), божия культура уходит к Востоку (в Россию)? Увещевание, что «входить в истину» надлежит через спасение? И т. д. Дезидераты неотчетливые, если не сказать темные.

Критика западного «личного самолюбия»,⁴⁴⁰ собственничества, «мещанства» в чем-то оправдана и ясна метафизически, но не социально. Осмелимся утверждать, что многие беды России — от отсутствия данных качеств. Точно об этом — у Чичерина: пока крестьянин в крестьянской державе не привык «думать, что он сам должен устраивать свою судьбу... никаких путных экономических привычек у него не может образоваться. Крепким сельским сословием, способным служить источником обогащения для себя и для страны, может быть только сословие личных собственников или арендаторов-капиталистов, а никак не общинных владельцев».⁴⁴¹

Наше итоговое оценочное суждение таково. Почвенная утопия

особого цивилизационного пути России, питаемая противопоставлением материального духовному, корыстного нравственному, наживы жертвенности, необходимости свободе, лица коллективу, единичного общему, реального идеальному, исполненная мессианского пафоса «народа-богоносца», несущего просвещение миру (прежде всего Западу) через эманацию славянского братства, православного христианства, всечеловечности, всепонимания, всезамирения, всеединения, в политико-прагматическом отношении представляется великим недоразумением, стимулирующим возрождение России, как Обломова органайзер.

⁴⁴⁰ См.: письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу // *Русское обозрение*. 1894. Сентябрь. С. 29.

⁴⁴¹ Воспоминания Б. Н. Чичерина. *Земство и Московская Дума*. М, 1934. С. 61.

724

Строить реалистичный обновленческий курс надлежит в соответствии с перевесом иных побуждающих сил — исторических. Исторически Россия сформировалась в веках как империя — в согласии с логикой имперосозидания, ее и требуется возродить ныне. Ничего порочного, предосудительного в этой идее нет. Россия — органическая структура, откуда, как из песни, слов не выкинуть. Если в многострадальном прошлом нашего народа в жесточайшей конкуренции с державными оппонентами был выработан именно такой — действенный — регламент самообеспечения, то почему надо им жертвовать? Со спокойным достоинством и надлежит проводить линию имперского восстановления, освобождая при этом «империю» от неимманентных коннотаций «тюрьма народов», «аннексия», «рабство». Безапелляционно задиристый критицизм в отношении к национально бывшему неуместен — всем «пепел нам священный» не есть «одна немая пыль» (Вяземский). Издержки имперской организации очевидны, но очевидны и ее достоинства (США — империя, и как неплохо живут), трезвый учет которых позволяет настаивать: Россия состоялась в мировой истории исключительно благодаря подобной организации. Дело потому, как представляется, в соблюдении хладнокровия в оценках, равно как в последовательности достижения практической цели. Практическая же цель одна — занять престижное место в сообществе народов, сравнявшись с Европой или превзойдя ее «по обилию, наукам, силе и славе».⁴⁴²

Хорошей цели — хорошие средства, какие и олицетворяет «империя». Глупость записана в программе дискредитации «империи» для России. Империя есть высокотехнологичное гражданское состояние, обеспечивающее народу самодостаточное стабильное инновационное развитие. В нашем понимании «империя» связывается со «свободой», «культурой», «участием», «государственностью», «гарантиями». Что в этом плохого?

⁴⁴² Татищев В. Н. *Избр. произв.* М., 1979. С. 271.

725

Между названными началами нет дискордантности. По своему мироотношению принадлежавший к XVIII столетию — остаток стаи «славных екатерининских орлов» — Пушкин сближал

«империю» с «просвещением», «свободой». Верно, как подчеркивал Федотов, «люди, которые строили или поддерживали империю, гнали свободу, а люди, боровшиеся за свободу, разрушали империю».⁴⁴³ Так было. Однако ситуация печатью безысходности не отмечена. Выходившая из порядка, фрондирующая, безгосударственная интеллигенция в России инакомысляща, либеральна, тогда как государственная интеллигенция апологетична, консервативна. Противоречие есть, но оно не фаталистично. Дело выстраивается в перспективе прекращения фронды. Есть периоды и этапы, обязывающие жить интересами государства, нации, целого. Скажем прямо, необходимо понять: враг империи и свободы общий. И это суть анархия, стихия. Противостоявшая им в национальной истории «империя» подчас ущемляла недопонимавшую этого «свободу», в часы же ослаблений, утрат они единились, выдерживая во имя высшего заявляемую высоту блока. Сейчас именно такой момент, когда «свобода», «культура» должны дать народу новую государственную судьбу, не бросая в бездну, а превознося «империю».

С чем обязаны согласиться и примиренцы, и протестанты, так это с тем, что России надлежать стать великой на нашем веку. Все идеологии самоисчерпались, в чистом виде нет ни либерализма, ни консерватизма. Остался здоровый патриотизм как всего лишь любовь к своей Родине, основа консолидации желающей обрести бывшее могущество нации. Могущество под эгидой «империи».

Между тем сугубо этому неизменно противилась и противится Европа, всегда и всячески стремившаяся и стремящаяся ослабить Россию, реализовать исключи-

⁴⁴³ Федотов Г. П. *Судьба и грехи России. М., 1992. Т. 2. С. 142.*

726

тельные претензии на мировое господство. Лишь несколько показательных примеров, демонстрирующих завидную устойчивость западной аннексионистской интенции в отношении России: интервенции Смутного времени, наполеоновский поход, Первая мировая война, обращенная против России, гитлеровская агрессия. Не надо тешить себя иллюзиями, что, мол, данные захватнические движения не выражают консолидированно-аутентичной линии Старого Света. Для выстраивания реалистичной картины добавим к сказанному Крымскую войну, «дух Локарно», двусмысленную позицию по открытию второго фронта во Вторую мировую войну, «холодную войну», инспирацию расчленения СССР. Вполне достаточно.

Вменяемая политика Европы в отношении России — приручение, покорение, закабаление, — вызывавшая стабильную антизападную реакцию в виде форсирования имперостроения.

В силу перенаселенности, ресурсной, сырьевой недостаточности Запад не мог быть военно-политически замкнут на себя. Суть не в некоей изначальной унитарности Запада, отсутствии внутренних пикировок (война за Испанское наследство, Тридцатилетняя война, Семилетняя война; англо-голландское, англо-испанское, франко-прусское соперничество и т. д.), а в реальной мотивации преодолевать противоречия перед лицом дефицитности существования. Последняя, предопределяя единение западного

сообщества, нацеливает его на расширение исходного географического контура. Данные, вполне естественные обстояния интерпретировались нами в терминах объективной логики больших геополитических пространств (БГП), подчиняющей взаимодействие фрагментов человечества определенным императивам.

В повышательных фазах «Объединенная Европа» под флагом расширения связанного с римской идеей географического ареала идет на Россию. Просматривается 100-летний интервенционистский цикл данного движе-

727

ния: 1610 г. — Смутное время; 1709 г. — Северная война; 1812 г. — Отечественная война; 1917 г. — Первая мировая война, принявшая форму крупномасштабной консолидированной интервенции. Экспансивным походам Европы Россия неизменно противопоставляла укрепление империи.

В понижительных фазах бытия отечественного — в ситуации подрыва могущества центральной власти (Николай I, Николай II, большевики, сталинские репрессии конца 30-х годов) — Запад опять-таки налаживает экспансию. И снова Россия отстаивает суверенитет через императорство. Обращаем внимание на буквально вынужденные имперские ответы России на аннексионистские вызовы Европы: без империи нет России, натурально они принадлежат друг другу.

Мысль оттеняют следующие неформальные диспозиции. Подобно тому, как жизненные отношения в стандартных случаях рельефно передаются системой треугольных отношений, в системе данных геометрических фигур могут быть промоделированы связи геополитические.

Картина I: Запад (Европа) — Россия — Восток (Азия). Три вершины, воссоздающие весь набор нужных связей.

Как мы неоднократно подчеркивали в предыдущих работах серии,⁴⁴⁴ политическое пространство неоднородно и анизотропно, оно векторизовано. Колонизация идет с запада на восток, варвары движутся с востока на запад. Стягающая хартленд Россия выступает средостением этих векторных (выражающих структурные зависимости дальнего порядка) движений.

Уточненная картина с учетом сказанного такова:

⁴⁴⁴ См.: *Философия политики. М., 1994; Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997; Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000.*

728

Запад (Европа) — Россия — Восток (Азия),

где стрелки обозначают свободные векторы.

Надежно прикрыв свой пространственный контур, отстояв державный суверенитет, Россия преобразовала западный вектор колонизационной экспансии, развернув его вспять и предопределив колонизацию Нового Света. Вновь и вновь акцентируем: если бы не эта обескураживающая способность цивилизо менее развитой России успешно противостоять цивилизо более развитой Европе, что и составляет терзающую невыразимость «загадку» русской идеи, удовлетворенный континентальным расширением, решающий проблемы дефицитного существования Запад скорее всего не принялся бы за интенсивную нематериковую колонизацию.

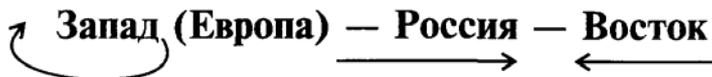
Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Исторические судьбы мира выглядели бы иначе. Это — одна сторона дела.

Другая заключается в преобразовании восточного вектора. Впитав, позитивно переработав монгольский властный порядок, умножив державную мощь, Россия смяла векторное движение азиатов; обеспечив западные рубежи, она реализовала собственное движение на восток. Несколько слов об этом. Со всех точек зрения оно вынуждено. В крестьянской стране в условиях критического земледелия объективировался экстенсивный тип хозяйствования с характерными способами землеобработки — трехпольем, подсекой, перелогом. Удовлетворение воспроизводительных нужд, потребностей человеческого, странового развития требовало увеличения обрабатываемого клина. Ход на перенаселенный, цивилизно превосходящий Россию Запад для решения этой задачи был заказан, оставался ход на Восток. Державные перспективы России всецело и определились этим ходом: двигаясь в демографически разреженную зону, практически не встречая сопротивления на своем пути, империя укрепилась в Зауралье, включив в орбиту влияния евразийский контур.

729

Артикулированные структурные тенденции отображаются графически:

Российский аннексионистский контрвектор сминает движение варварского политического вещества с востока на запад, обуславливая юго-восточную отечественную колонизацию.

Прекрасно то, что легко. Силовой, затратный процесс материкового расширения России выгодно отличался от сопоставимого с ним предпринятого Западом процесса колонизации Нового Света. Многое здесь примечательно. Главное же — не находится той злокозности мыслей и действий, которые отличали покорение аборигенных пространств европейцами.

В России никогда не практиковались охоты за скальпами, массового уничтожения коренных народов. Напротив, Отечество всесторонне кредитовало неконкурентоспособные периферийные этнические группы, предоставляя им шанс войти в историю под имперским российским патронажем. Если бы не свершившееся, этнографическая карта Евразии не была бы столь многоцветной.

Второй интригующий сюжет связан с треугольными связями, возникшими вследствие преобразования картины I в гомологичную картину II.

Картина II: I мир — II мир — III мир

Вершины треугольной фигуры второй картины модифицируют соответственные примордиальные формы.

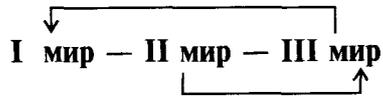
I мир — консолидированный капиталистический Запад, представляющий объединенную Европу в блоке с США (атлантистская система) со структурами ЕС, НАТО.

730

II мир — консолидированная социалистическая Южная и Центрально-Восточная Европа, предводительствуемая СССР, со структурами ОВД, СЭВ.

III мир — периферический отстойник цивилизации — развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки.

Векторные политические движения картины II подчинены логике: I мир выкачивает из III мира ресурсы; II мир, сбивая сырьевую накачку I мира, будирует в III мире революцию. Система данных импортно-экспортных потоков, в сущности, конституирует концентрическую конфигурацию гегемонии на базе биполярности. Или графически:

Свободный вектор из III в I мир олицетворяет прокачку природных богатств, тогда как свободный вектор из II в III мир выражает антиколониальные просоциалистические влияния.

Сущностная расшифровка картины II заключается в понимании: биполярный мировой порядок — плод многотрудного военного опыта, итог Ялтинско-Потсдамских договоренностей — обеспечивал стабильность, поднадзорность, подконтрольность. Разумеется, подобный порядок несправедлив, однако удобен: разбивая пространства на согласованные сферы влияния, зоны ответственности, он устанавливал регламент гарантийного международного сосуществования.

Проигрыш «холодной войны», бездарная, безответственная, некомпенсированная сдача преступным руководством СССР, а затем России, оплаченной кровью миллионов патронируемой территории, означали разрушение биполярности. В создавшейся ситуации России остается либо присоединиться к западному униполю

731

(центру), либо играть на противоречиях глобального развития, утрируя антиатлантические интересы стран III мира на периферии. Такой представляется стратегическая перспектива, в которой западники (либералы, модернисты) ратуют за первый, антизападники (консерваторы, антимодернисты) — за второй вариант развертывания событий.

Время внезапности — наш век. В доводах и тех и других нет чувства реальности. Последнее обременяет отрезвляющим: главное — уметь отказаться от заблуждений, быть опровергнутым. Богатство возможностей — значений, неподвластных шаблонным оценкам, — несет новый фигурный сюжет, видоизменяющий предыдущую картину.

Картина III: Север — Россия — Юг

Восстанавливает структурные параметры I и II картин (Север — технологически авангардные, цивилизованно продвинутые страны Запада; Россия — константная величина, к которой тяготеет отвалившаяся от СССР державно несамодостаточная периферия империи; Юг — ассоциированная азиатчина, синоним цивилизационной неустроенности, зависимости, отсталости) с серьезной поправкой: мир утратил стабильность, обрел мозаичность — он стал неустойчивым, турбулентным. Подобные свойства — результат, с одной стороны, эфемерности униполярной системы, фронтальный мятеж против которой с образованием новых силовых

противовесов в любое мгновение могут поднять Германия, Япония, Китай, Россия (с меньшей вероятностью — исламский мир, новые индустриальные страны); с другой стороны — присутствие зон Юга на Севере и Севера на Юге. Последний казус, скрывающий тот же феномен НИС, ввиду крайней условности анализироваться не будет. Первый же казус заслуживает самого пристального внимания. Провоцирующая турбулентность мозаичность сказывается в наличии в относительно гомогенных ареалах технологически авангардных западных стран чужеродного аллохтонного цветного

732

арьергарда. Здесь нам не избежать возвращения к последовательно осваиваемой нами темы реванша колоний над метрополиями. Суммирование соображений, доводов, аргументов подводит к следующему. На европейский Запад давят пришельцы с Магриба, Ближнего, Среднего Востока (Германия, Великобритания, Франция, Италия), Латинской Америки (Испания, Португалия, Голландия). На атлантистский Запад давят выходцы с Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, островов Тихого океана, Латинской Америки. Российский Запад прессингуют этнические нелегалы с Дальнего Востока, Центральной Азии, Закавказья. Белые ставятся в сложные условия нахождения рычагов выживания перед опасностью захлестывания цветной маргинальной волной.

Линия противостояния цивилизно продвинутых белых мегаполисов люмпенскому отсталому цветному гетто, по-нашему, всецело определит рубеж столкновения. Это будет не столкновение цивилизаций, а столкновение рас, белой автохтонной культуры и пришлого бескультурья цветных аллохтонов, взрывающих выкованный веками отлаженный строй жизневоспроизводительного деятельностного обмена.

Извечно Запад решал или пытался решать цивилизационные проблемы за счет России. Пакет проблем обозначенного порядка прежними способами не решить. История союзничества Европы (Запада) с Россией не написана. Не написана оттого, что и не могла быть написана — ее просто не было. Политика двойных стандартов, изоляции, подрыва, прямого предательства делала свое неприглядное дело. Однако же обстоятельства изменились.

Выгоды следуют за идеями, хотя им не предшествуют. Веление нашего времени — идея консолидации Севера против наступления Юга, придающая беспрецедентный импульс сотрудничеству Европы, США, России. «Дух Веймара» противопоказан. Скрепление регионов белой цивилизации осуществляется «боннскими ценностями» выживания, обязывающими идти в будущее монолитной союзной фалангой.

Геостратегическая сверхзадача момента — не восстановление многополярного баланса. Готовность к воспри-

733

ятию нешаблонных влияний, являющихся показателем культуры, дальновидности политиков, сказывается в ином: в нацеливании на реставрацию биполярности в редакции — объединенный развитый белый центр против отсталой цветной периферии. Пояс нестабильности для Запада оконтуривается не Россией; он общий для Запада и России, и это суть — юго-восточная окраина мира — рассадница экстремизма, радикализма, терроризма.

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Автоматическая очевидность сказанного влечет понимание: Апокалипсис свершается уже сейчас. Наркотики, фундаментализм, нелегальные мигранты, являясь порождениями Юга, пускают метастазы во все цивилизационные сферы, связывают жизнепроизводительную деятельность Севера. Они намечают конфликтную полосу глобального противоборства цивилизации с антицивилизацией.

Следствие истинной стратегии, инспирируемой интенсивным потоком тревожных фактов, — консолидация: обуздание беспокоящей реальности не в лихорадочной секторизации и регионализации белого мира (расширение НАТО), а в достижении фундаментального альянса его составляющих.

Эпоха соперничества Запада и России уходит, как вода в раковину, ее меняет эпоха выстрадавшего, вынужденного сотрудничества.

Россия — внешний антагонист Запада? Изложенное позволяет сугубо критически отозваться о модели квазиуниполярного Запада, втискивающей реалии в прокрустову систему: унитарное европейское ядро — в качестве внешнего антагониста покушающаяся на него, угрожающая ему Россия. Переобремененная умозрительностью схема тщится одеть голого короля, которого не существует.

Без насилия над действительностью данные укладываются в существенно иной формат дискурса:

1. Запечатывая европейский фронт по балтийско-черноморской горловине, Россия всякий раз принимала на себя и гасила экспансивные прорывы в Старый Свет из глубины Евразии.

734

2. Ни географически, ни политически мотивированных запросов континентального расширения России в Европу не было; затратность, бесперспективность движения в зону перенаселенного, дефицитного мира однозначно дискредитировали западный аннексионистский вектор.

3. В допетровский период Россия вообще не покидает балтийско-черноморских пределов, борясь с агрессорами, отстаивая суверенитет на собственной территории, — шведско-немецкая агрессия (XII—XIII вв.), борьба с Золотой Ордой (XIII—XIV вв.), Литвой (XIII—XVI вв.), Польшей (XIV—XVI вв.), Ливонией (XVI в.), Турцией (XVI—XVII вв.).

Петр I захватил в Прибалтике «лишь то, что было абсолютно необходимо для нормального развития... страны» (Маркс), в Европу не пошел, имея в виду, в общем, неудачные союзы с Польшей, Пруссией, Данией. Геостратегическим венцом европейской петровской кампании стал Ништадский мир, превративший заштатную, окраинную, едва известную Московию в мощнейшую континентальную империю.

4. Послепетровская стадия империи удовлетворяет императивам петровской политики, установленной навеки:

а) эксцентричный центр империи притягивает на континентальную приморскую периферию, которую надлежит покорить;

б) примыкающее к России европейское преддверие (разделяющие мировые панидеи лимитрофы) — зона

исключительных, высших национальных интересов;

в) слава, благоденствие России прирастают Евразией (юго-восточное расширение через государственную и поощряемую короной вольнонародную колонизацию).

Именно здесь сказывается дальнеперспективная логика БГП, окрашивающая в единые цвета державную ли-

735

нию мало похожих друг на друга предводителей отечества от Петра до Сталина.

(а) Россия уклоняется от любого участия в любых раскладах в определяющих судьбы Европы войнах за испанское, австрийское наследство. Победитель французов Александр I не ввел Россию в европейский порядок: не допустив расчленения Франции, готовя Акт Священного Союза, пытался объединить Европу метафизически — вынашивал проект нового мира на базе истин Священного писания вне толкований церкви. Победитель немцев Сталин также не ввел Россию в европейский порядок: не допустив расчленения Германии, оговорив имперскую зону влияния, он не разъединил Европу прагматически, но лишь поставил под жесткий контроль лимитрофы. (С исторической точки зрения лимитрофы — маргинальное предъевропейское пространство, выполняющее по обстановке функции то арьергарда — прикрытие континента от восточного экспансивного вектора, — то авангарда — плацдарм западного аннексионистского вектора — Европы.)

Итак, Россия никогда не выходила из Евразии, никогда не пыталась играть или даже обозначать некую дирижистскую роль в отношении Европы. Больше, на что она отваживалась, — учреждение оборонительных союзов. Таков, к слову, союз 1746 г. с Австрией, конвенция 1747 г. с Англией и т. д. По этой причине не проходит мотив внутреннего антагонизма Германии и России как якобы базовых конкурентов в борьбе за континентальное лидерство.

(б) Объект домогательства России — не дефицитный европейский мир, а его окраина — прибрежные, лимитрофные зоны. Доминирование в первых делает страну великой самодостаточной державой двойной принадлежности (теллуру- и талласократией). (Последнее понимали от Ярослава Мудрого до Сталина все полноценные предводители Отечества, стимулировавшие прибалтийское расширение России.) Доминирование во вторых обеспечивает стабильность развития. Маргинальное преддверие континента в лице лимитрофов прикрывает не только Европу от Евразии, но и Евразию от Европы. Это его стратеги-

736

ческое значение всецело определяет повышенное — до болезненного — внимание России к данному рубежу, полностью объясняя ее активность, скажем, в разделах и переделах Польши.

(в) Аутентичное же направление державного хода России — юго-восточное расширение со столь замечательными, непреходящими вехами, как доблестные казанские, астраханские, азовские, крымские, кавказские, сибирские, центрально-азиатские, дальневосточные экспедиции и походы, обусловившие геополитическое складывание России по евразийскому контуру.

9.5.2 Геостратегические ритмы России

Фундаментальные геостратегические ритмы России подчинены задаче не химеричного «похищения Европы», а теллурического юго-восточного расширения. Как выявлено К.Е.Рыбаком, территориальная динамика государства Российского отвечает неким циклическим зависимостям, сводимым в таблицу (См. Таб. 1):

Построив график (Рис.1) отношения суммарной территории России прошлых лет к территории, занимаемой страной в текущем году начиная с 1300 г. — начала собирания русских земель вокруг Москвы — до наших дней, замечаем: в державной динамике выделимы три полных цикла наращивания территории и один неполный (четвертый).

737

Таблица 1. Прирост территории России с 1300 по 1999 гг.

Год	Прирост Территории (кв. км)	Территория с нарастающим итогом (кв. км)	Отношение суммарной территории прошлых лет к территории, занимаемой Россией в текущем году	Событие
1300	162500			Территория России к 1300 г.
1340	162500	325000	2	Присоединение Коломны (1300), Переяславля (1302), Можайска (1303)
1389	137500	462500	1,423076923	Присоединение Галицкого, Владимирского, Стародубского, Костромского, Угличского кн-в, Дмиторва (к 1364), Юрьевского (к 1341), Белозерского кн-в (1362-89)
1425	197500	660000	1,427027027	Присоединение Муромского (1393), Ржевского (1389-1425) кн-в, Бежецкого верха, Волок-Ламского и Тарусы (1389-1425)
1462	325000	985000	1,492424242	Присоединение Суздальско-Нижегородского (к 1451) кн-ва, Тулы и Кубены (1425-62)
1489 94	1121250 1844236	2106250 2124917	2,138324873 1,008862671	Присоединения 1462-89 гг. Присоединение части Верховских кн-в и Вязьмы по договору 1494 г.
1503	184426	2309343	1,086792096	Присоединение Чернигово-Северских и др. земель по договору 1503 г., подтвержденному в 1508 г.
1510	77770	2387113	1,033676245	Окончательное присоединение Псковской земли (1510) и Рязанского кн-ва (1517-21)
1514	18665	2405778	1,007819068	Присоединение Смоленской земли (1514)
1535	2222	2408000	1,00092361	Присоединение Себежского р-на (1535)
1558	1293204	3701204	1,53704485	Завоевание Казанского и Астраханского ханств и др. земель в 1552-58 гг.
1619	2321048	6022252	1,627106207	Присоединение Западной Сибири в 1581-1600, 1601-1619 гг.
1689	8680000	14702252	2,441321286	Присоединения 1619-89 гг.

1725	544500	15246752	1,037035143	Присоединения 1689-1725 гг.
1752	241981	15488733	1,015870987	Присоединения второй четверти XVIII в. до 1752 г.
1772	80275	15569008	1,0051828	Присоединения по первому разделу Речи Посполитой (1772)
1783	97175	15666183	1,006241567	Присоединения по соглашению 1783 г.

738

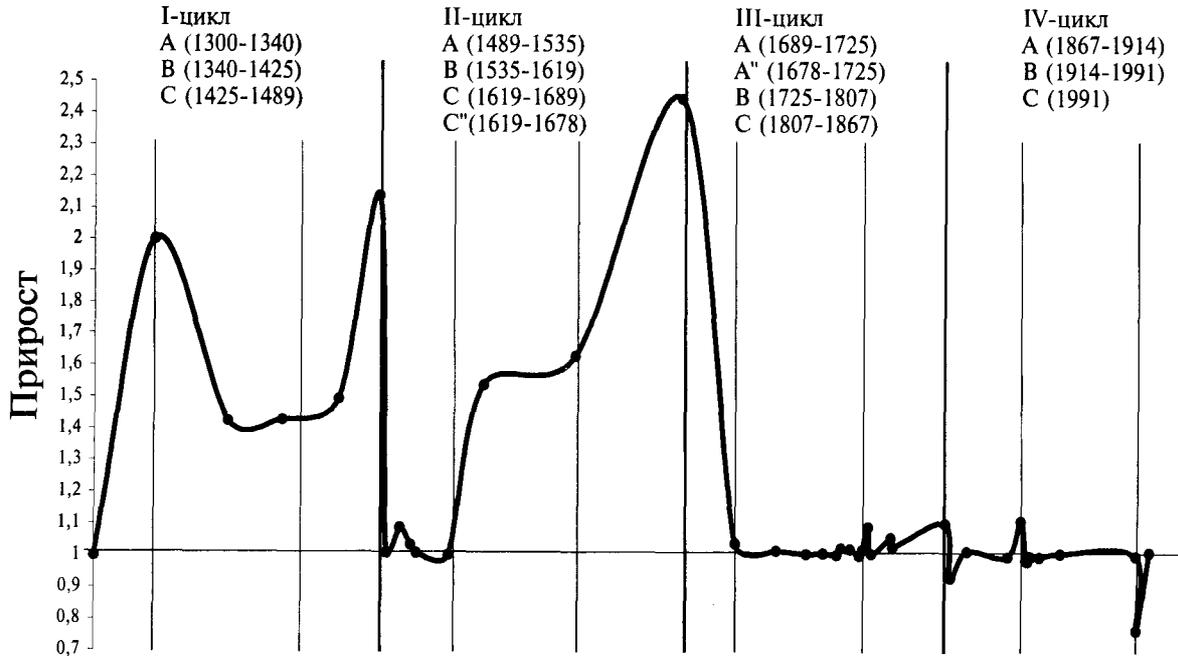
1792	25350	15691533	1,001618135	Присоединения по Ясскому договору (1792)
1795	359175	16050708	1,022889733	Присоединения по 2 и 3 разделу Речи Посполитой
1801	337000	16387708	1,020995959	Присоединение Финляндии
1807	8450	16396158	1,00051563	Присоединения по Тильзитскому соглашению (1807)
1809	299975	16696133	1,018295445	Присоединения по Фридрихсгамскому договору (1809)
1813	1500000	18196133	1,089841162	Присоединение Грузии, Дагестана и др.
1815	105625	18301758	1,005804805	Присоединения по Венскому трактату (1815)
1828	1030000	19331758	1,056278747	Присоединение Армении
1829	510562,5	19842320,5	1,026410557	Присоединения по Андрианопольскому договору (1829)
1864	2000000	21842320,5	1,100794663	Присоединения к 1864 г.
1867	-1519000	20323320,5	0,930456107	Продажа Россией Аляски
1878	286205	20609525,5	1,01408259	Приращения к 1878 г.
1905	-76400	20533125,5	0,996292976	Русско-японская война
1914	2212875	22746000,5	1,107770977	Состояние России на 1914 г.
1917	-337000	22409000,5	0,985184209	Выход из России Финляндии
1918	-412700	21996300,5	0,981583293	Выход из России Польши, Украины, части Белоруссии

739**740**

1919	-45100	21951200,5	0,997949655	Выход из России Эстонии
1920	-63700	21887500,5	0,997098109	Выход из России Латвии
1926	-65200	21822300,5	0,99721131	Выход из России Литвы
1940	174000	21996300,5	1,007973495	Включение в состав СССР Эстонии, Латвии и Литвы
1991	-5159000	16837300,5	0,76546056	«Развал» СССР
1999	207600	17044900,5	1,012329767	Союз России и Белоруссии

741

Годы Рис.1 Отношение суммарной территории России прошлых лет к текущей территории

742

Введем необходимые обозначения:

L — цикл пространственного прироста;

I, II, III, IV — номера циклов;

A, B, C — фазы;

A', C' — смещение границ циклов.

Выделим:

L(I) [A (1300-1340) B (1340-1425) C (1425-1489)]

L(II) [A (1489-1535) B (1535-1619) C (1619-1689)]

L(II)' [... C (1619-1689)]

L(III) [A (1678-1725) B (1725-1807) C (1807-1867)]

L(III)' [A' (1689-1725)]

L(IV) [A (1867-1914) B (1914-1991) C (1991-X)]⁴⁴⁵

Производя элементарные вычисления, определяем длительность циклов с фазами:

L(I)=18 [A= 40 B= 85 C=6 4]

L(II)=1 [A= 46 B= 84 C=5 9]

L(II)'=2 [A= 46 B= 84 C'=7 0]

L(III)= [A= 47 B= 82 C=6 0] при допущении ЦП)

L(III)'= [A'= 36 B= 82 C=6 0] при допущении ЦП)'

L(IV)= [A= 47 B= 77 C=X]

Помещаем данные в матрицы:

	40	85	64		40	85	6
							4
	46	84	59	M'	46	84	7
M ,							0
	47	82	60		36	82	6
							0
	47	77	X		47	77	X

Фаза А уместается в интервал 36 — 47; среднее значение — 44 (при L III) и 41 (при L III'). Фаза В занимает интервал 77—85; среднее — 82. Фаза С располагается в интервале 59 — 73; среднее — 61 (при L II) и 65 (при L II').

⁴⁴⁵ Где X — неизвестное.

743

Длительность циклов — примерно 190 лет.

Из графика 1 следует, что цикл имеет два экстремума: фазы А и С — точки наибольшего прироста территории, между которыми располагается плато с постоянным или нулевым приростом (фаза В). Нулевой прирост имеется в случае, когда с течением времени территория России пребывает в неизменных границах; на графике эти моменты отражены горизонтальной линией, проходящей через значение ординаты, равное единице.

Со временем величина прироста уменьшается; стране, имеющей большую, по сравнению с прошлым, площадь, труднее обеспечить аналогичную величину прироста.

Экспресс-анализ показывает, что фаза А характеризуется приобретением земель, в фазу В проходит их освоение, в фазу С дальнейшее расширение. Намечаются и негативные тенденции, связанные со «старением» социума.

Анализируя территориальную динамику, приходим к следующим выводам.

1. Пики экстремумов становятся все меньше, «всплески» территориального прироста затухают; объяснение в том, что Россия занимает значительную территорию.

2. Фаза В расширяется за счет поглощения длительностей фаз А и С.

3. Появляются «провалы» в фазе С, а затем и в последующей фазе — А. Симптомы опасные: деформируется централизация.⁴⁴⁶

Полное подтверждение высказанных ранее соображений о повышенном внимании России к прибрежной континентальной зоне, лимитрофам и юго-восточному направлению дает таблица войн, в которых участвовала страна с 1500 г. по настоящее время с указанием исхода

⁴⁴⁶ Подр. см.: Рыбак К. Е. Циклизм в истории России: Автореф. канд. дис. филос. наук. М., 2001.

744

боевых действий, их продолжительности, союзников. (См. табл.2)

Таблица 2. Войны с участием России

Годы	Война	Союзник и	Итоги войны	Вс его (лет)

1500-03	Война России с Великим кн-м Литовским			3
1514	Завоевание Смоленска войсками Василия III			1
1550	Первый поход русских на Казань			1
1551	Поход крымско-казанских войск на Москву			1
1552	Второй поход русских на Казань. Взятие Казани			1
1553	Поход русских в Литву			1
1554-57	Русско-шведская война			1
1558-83	Ливонская война (перемирие со Швецией с Польшей в Запольском Яме (1582), Плюсское перемирие со Швецией (1583))		В целом невыгодные для России договоры, но противники отказались от притязаний на Псков, Новгород и Смоленск	25
1571	Набег Давлет-Гирея на Москву			1

745

1590-93	Русско-шведская война (Тявзитский мир (1595))		К России отошли Ивангород, Копорье, Ниеншанц Орешек, Ям и Корела. Торговля России по Балтийскому морю была поставлена под контроль Швеции	3
1604	Начало похода Лжедмитрия I на Москву			1

1609 -15	Шведская интервенция (Столбовский мир (1617))		Возвращение России Новгорода, Старой Руссы, Порохова и др. городов, но Россия оказывалась отрезанной от Балтийского моря. Столбовский мирный договор утратил свою силу в результате Северной войны 1700-21гг.	6
1609 -11	Смоленская оборона (Деулинское перемирие (1618))		Россия уступила Речи Посполитой Смоленские (за исключением р. Вязьмы), Черниговские и Новгород-северские земли с 29 городами	2
Зима 1612-13	Попытка Сигизмунда овладеть Москвой			1
1617 -18	Повторная попытка Сигизмунда овладеть Москвой			1

746

1632 -34	Русско-польская война (Смоленская война, Поляновский мир (1634))		Подтвердил условия Деулинского перемирия, Владислав IV отказался от претензий на русский престол. По условиям капитуляции русская армия получила право беспрепятственно отойти из Смоленска	2
1654 -67	Русско-польская война (Андрусовский договор (1667) сроком на 13.5 лет)		Возвращение России Смоленского и Черниговского воеводств, признание Речью Посполитой воссоединения Левобережной Украины с Россией	13

1656-58	Русско-шведская война (Валиесарский договор (1658), Кардисский мирный договор (1661))		Сохранение за Россией территорий в Восточной Прибалтике, занятые русскими войсками до 21.05.1658 г. с городами Динабург, Юрьев и другие. Однако, с заключением Кардисского мирного договора Россия в замен на обязательство Швеции не помогать Польше в русско-польской войне отказалась от территориальных приобретений по Валиесарскому мирному договору, Восточная граница определялась Столвским мирным договором	2
---------	---	--	---	---

747

1676-81	Русско-турецкая война (Константинопольский мирный договор (1700))		Часть побережья Азовского моря вместе с Азовом, Таганрогом, Павловском и Миусом перешла к России, ликвидировались турецкие крепости в Преднепровье, отменялись ежегодные выплаты турецкому хану	14
1687, 1689	Крымские походы		Походы неудачно завершились и вынудили Россию пересмотреть организацию управления и обеспечения армии	2
1695-96	Азовские походы Петра I		Взятие Азова, Россия получает выход к Азовскому и Черному морям	1

170 0-21	Северная война (Ништадский мирный договор)		Признание Швецией за Россией Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, части Карелии, островов Эзель, Даго, Моон и др. Россия выплачивала Швеции за отходящие к ней земли компенсацию и возвращала Финляндию, но закрепляла за собой выход к Балтийскому морю	21
171 0-13	Русско- турецкая война (Константинопо льский «вечный мир»)		Подтверждение существовавшей русско-турецкой границы	3

748

1722 -23	Русско- персидская война		Присоединение Дагестана и Азербайджана к России (в 30-е годы XVIII в. эти территории были возвращены Ирану)	1
1735 -39	Русско- турецкая война (Белградский мирный договор (1739))	Россия в союзе в Австрией	Перекоп, Азов, Крым, Бахчисарай отошли к России, но последней запрещалось иметь флот на Азовском и Черном морях, договор потерял силу после заключения Кучук- Кайнаджирского мирного договора (1774)	4
1741 -43	Русско- шведская война (Абоский мирный договор (1743))		Подтверждение условий Ништадского мирного договора (1721), упрочение положения России на Балтийском море и Прибалтике	2

1756-62	Участие России в семилетней войне	Австрия, Франция, Россия, Испания, Саксония и Швеция против Пруссии, Великобритании и Португалии		6
1768-74	Русско-турецкая война (Кучук-Кайнаджирский мирный договор (1774))		Османская империя признавала независимость Крымского ханства, присоединение к России части	6

749

			побережья с крепостями Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн, а также Карабанды и ряда районов в междуречье Днепра и Буга. Черное и Азовское моря открыты для русского торгового флота	
1787-91	Русско-турецкая война (Ясский мирный договор (1791))		Подтверждение перехода к России Крыма и Кубани, Турция отказывалась от претензий на Грузию	4
1788-90	Русско-шведская война (Верельский мирный договор (1790))	Поддержка Швеции Англией, Голландией и Пруссией	Подтверждение положений Абоского мирного договора (1743), укрепление международного положения России	2
1792, 93	Оказание поддержки Екатериной II польским магнатам, создавшим Тарговицкую конфедерацию		Второй раздел Польши	2
1796	Русский поход в азербайджанские провинции Иран		Несмотря на успехи (взятие Дербента, Бау, Кубы) после вступления на престол Павла I, поход был прекращен, а войска отозваны	1

1804-13	Русско-иранская война (Гюлистанский мирный договор (1813))	Поддержка Ирана Англией и Францией	Признание Ираном присоединения к России Грузии, Дагестана, Имеретии, Гу-	9
---------	--	------------------------------------	--	---

750

			рии, Мегрелии, Абхазии, Дербентского, Бакинского и др. ханств. Россия получила исключительное право иметь военный флот на Каспийском море; купцы обеих стран — право свободной торговли	
1805	Русско-австро-французская война			1
1806-07	Русско-прусско-французская война (Тильзитский мир (1807))	Коалиция Англии, России, Пруссии, Саксонии и Швеции против Франции	Россия соглашалась на создание герцогства Варшавского, обязалась вывести свои войска из Дунайских княжеств. С началом Отечественной войны 1812 года договор потерял силу	1
1806-12	Русско-турецкая война (Бухарестский мирный договор (1812))	Поддержка Турции Наполеоном I	Бессарабия вместе с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия и Измаил отходила к России, но часть Молдавии и Валахия возвращались Турции, которая выходила из союза с Францией, что облегчило положение России в войне 1812 года	6
1808-09	Русско-шведская война (Фридрихсгамский мирный договор (1809))	Россия в союзе с Данией против Швеции и Англии	Финляндия (включая Атландские о-ва) отходила к России на правах Великого княжества, сохра-	1

751

			нившего свою Конституцию и сейм	
--	--	--	---------------------------------	--

181 2-14.	Отечественная война (1812) и заграничные походы Русской армии (1813-14)			2
181 7-64	Кавказская война	Поддержка Англией	Вхождение в состав России Чечни, горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа	47
182 6-28	Русско-иранская война (Туркманчайский мир (1828))	Поддержка Ирана Англией и Турцией	К России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства (на их территории образовалась Армянская область). Подтверждалось искл. право держать военный флот на Каспии	2
182 8-29	Русско-турецкая война (Андрианопольский мирный договор (1829))		Блокада русским флотом Босфора и Дарданелл	1
185 3-56	Крымская война (Парижский мирный трактат (1856))		Россия возвращала Турции Карс в обмен на Севастополь и другие города в Крыму, захваченные союзниками, уступала Молдавскому кн-ву устье Дуная и часть Южной Бессарабии, Черное море объявлялось нейтральным,	3
			Россия и Турция не могли там держать военный флот	

752

1877-78	Русско-турецкая война (Сан-Стефанский договор, пересмотрен Берлинским конгрессом (1878))		По Сан-Стефанскому мирному договору (1878) России отошли Южная Бессарабия, крепости Ардаган, Карс, Батум и Баязет. По Берлинскому трактату (1878) Россия уступала Баязет с Алакшерской долиной Турции. Константинопольский мирный договор закрепил эти условия	1
1904-05	Русско-японская война (Портсмутский мирный договор (1905))	Поддержка Японии Англией и США	Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступала ей Южный Сахалин и права на Ляодунский п-ов с Порт-Артуром и Дальним, Южно-Маньчжурскую ж/д. Стороны обязались одновременно эвакуировать войска из Маньчжурии (пр-во СССР подтвердило этот договор в 1925 г.)	1
1914-18	Первая мировая война		От России по Брестскому миру (1918) отторгались Украина, Польша, Прибалтика, часть Белоруссии и Закавказья. Аннулирован Советским прав-вом	4

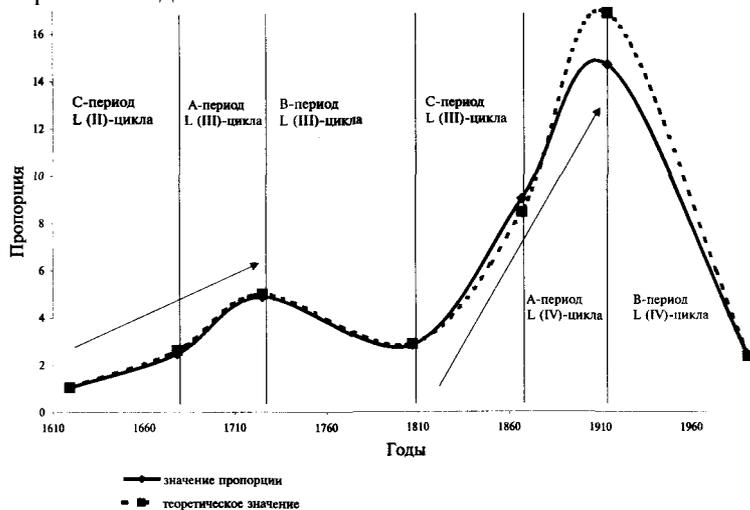
753

			31.11.1918 после победы Ноябрьской революции в Германии	
1918-20	Гражданская война			2
1939	Русско-финская война			1
1941-45	Вторая мировая война			4
Авг. 1968	Ввод войск в Чехословакию			-
1979-89	Война в Афганистане			10

199 4-96- н/в	Война в Чечне			6
---------------------	---------------	--	--	---

754

Используя полученные данные по функциям, построим диаграмму (Рис.2), отражающую изменение функций системы «военное — мирное время» на отрезках периодов циклов территориальной динамики. На оси ординат отмечаются значения пропорции, а по оси абсцисс — окончание каждого периода в циклах II, III, IV. График: зависимость пропорций от периодов территориальной динамики.

Как видно из графика, между завершающей и последующей фазой следующего цикла территориальной динамики наблюдается увеличение пропорции, что трактуется как стремление системы к стабилизации, консервации; в фазы В циклов территориальной динамики наблюдается превалирование функции развития новых элементов, означающее увеличение тенденции к активному имперостроению.

Оценка динамики военных конфликтов с участием России подводит к выводу: с течением времени Россия за столетие проводит в противоборстве с Востоком боль-

755

ше времени, чем с Западом. В XVI в. Россия воевала с Западом 36 лет, с Востоком — 4 года; в XVII в. — 23 и 17 лет; в XVIII в. — 33 года и 19 лет соответственно. XIX в. окончательно смещает милитаристский вектор в сторону Востока; цифровое соотношение «горячей» конфронтации выражается показателями: 57 лет (Восток) и 5 лет (Запад). В XX в. соотношение имеет вид: 12 лет (Европа) — 17 лет (Азия). Пропорция между частями модуля военных конфликтов для XX в. составила 1,417, что, согласно интерпретации А.А.Давыдова, удовлетворяет границе функций развития новых элементов и новых свойств. Под развитием новых элементов в данном случае правильно понимать увеличение длительности военных конфликтов за столетие между Россией и Востоком, вызванных вынужденной борьбой за жизненно важные пространства. (Функция развития новых свойств закрепляет сложившиеся отношения между длительностями войн, акцентирует приращение новых качеств страновой системы, обусловленных

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

прогрессом имперостроения.)

Анализ данных также позволяет заключить: войны с участием России по вектору Запад, как правило, носят оборонительный, освободительный характер (исключение — отстаивание, заявление национальных интересов в Балтийско-Черноморской конфликтной зоне и связанных с ней лимитрофах); по вектору Восток — ярко выраженный наступательный, захватнический характер. Четко очерченное направление агрессии устремлено в сторону меньшей «экономически плотной» территории. (Экономическая плотность территории есть произведение величины плотности населения на данной территории на величину получаемого здесь среднедушевого дохода. Соответствующий показатель Запада много выше, отчего аннексионистский ход туда заказан, подлежащей освоению. Другой вопрос, что страновое юго-восточное расширение России питало экстенсивную, затратную, ныне окончательно исчерпавшую себя платформу развития.)

756

9.5.3 Логика выживания

Дилемму «Воля — Провидение» осмысливал Августин, снимавший ее идеей самоопределения в границах веры. Вера, однако, выказывая свою истинную суть не в качестве второго измерения мышления, но мистики, на эту роль не подходит. В общесоциальном деле неправильно подменять поиск упованием.

Философская стезя Августина — сведение счетов с самим собой в одиночестве, всестороннее выставление себя обнаженным — стезя самооправдания, корыстолюбия, честолюбия, славы. Персональной. Она отдалена от нас перевалами времени. Действительность стала опасной. Связанные коллективной судьбой мы поставлены в сложную ситуацию цивилизационного выживания. В противовес пассионалиям, нуждавшимся в небесном, чтобы быть услышанными, мы нуждаемся в земном, актуализирующем звучание острых, глубоких, масштабных философских постановок, озабоченных нахождением не отрешенных, а практических ответов на вопросы условий внутреннего связанного процесса популяционного выживания.

Непредвзятый и безбоязненный взгляд в будущее — камертон изысканий, отменяющий как эгоизм, так и вторичность, заимствование. Главное — отделить творческие силы от нетворческих, дистанцироваться не только от утробной духовной культуры, но и от культуры неинновационной. Нельзя, ввиду сказанного, уподобляться ни Августину, ни Левию Матвею (и, разумеется, Ивану Бездомному), дающим и индивидуалистический, и ученический, вторичный образец риторики.

Как добиться торжества логики удовлетворения над логикой подавления с ориентацией на логику выживания? Существование в преддверии глобального коллапса диктует две стратегии выживания:

- контингентирование в большой социальности;
- самоорганизация через самодисциплину в малой социальности.

По-нашему, дальнейшее развитие воплотит обе возможности.

757

Недостатки программируемого общества с центрально-административным управлением хорошо известны. Это — невосприимчивость к изменениям хозяйственной конъюнктуры, нечувствительность к запросам потребителей, коррупция, бюрократизм, монополия на фонды, кредиты, рынки.

Вместе с тем за покровом директивных связей — рациональное зерно, обнаруживаемое в переходе к дефицитному миру: в условиях тотальной нехватки ресурсов жизнь не может не быть все более контролируемой, часть должна жить по законам целого. Но и целое должно питаться внутренним самостоянием части. То, что ищет совершенный, — находится в нем; то, что ищет несовершенный, — в другом. Оседлать потенциал поиска совершенного — значит обеспечить продуктивную самоорганизацию партикулярных локалов, поддерживаемых централизованно.

Человеческая свобода не абсолютна, реализуется в неких контурах. Тот же грех Адама — не в съедении яблока, а в неповиновении Богу, перекрытии установлений, выходе за черту дозволенного. Не помышляя проявлять глубокомыслие, предлагая кьеркегоровский вопрос: что было бы, если б Адам не согрешил? — акцентируем: не волюнтаризм, а выдержанность, сдержанность, склонность к порядку, т.е. свобода самоорганизации через самодисциплину, — именно тот регламент, который выдержит всевозрастающие нагрузки и перегрузки бытия в модусе дефицитности.

Яйцо Колумба. Главный итог XX в., обогатившего опыт всемирной истории двумя мировыми войнами, множеством революций, локальных конфликтов, крушением колониализма, закабалением и освобождением народов, — безотраден: человечество оказалось переобремененным проблемами, решение которых неочевидно. Основное, как представляется, связано с кризисом базовых ценностей инструментальной цивилизации, доведшей до логического конца неолитические принципы хищнического, безоглядного, расточительного пользования и потребления и начер-

758

тавшей на своих знаменах «господство над людьми и природой». Итог: *imago mundi nova* — *imago nulla*.

На изготовление полезного конечного продукта затрачивается от I до 1,5% используемых ресурсов; 98,5-99% их выбрасывается в биосферу в виде отходов. При таком КПД производства, учитывая его масштабы, динамику, естественная среда обитания человека деградирует стремительно.

Сокращается площадь лесов, увеличивается запустынивание, снижается количество видов растений, животных, пресноводных, морских рыб. Происходящее находит объяснение в свете строгого неравенства Клаузиуса — Бриллюэна, фиксирующего: производство информации и энергии сопровождается ростом энтропии, которое не может быть скомпенсировано использованием идентичных источников энергии и информации. Следовательно, разупорядоченность нарастает, усиливая кризис цивилизационных основ развитием столь драматических патогенных процессов, как накопление дискомфорта, стресса, идущих рука об руку с ними

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

суицида, депрессии, вырождения.

«Холодная война», конфронтация, перестройка, нескончаемая череда изматывающих импульсивных реформ, спад производства, падение уровня жизни, массовая деликтность поведения, маргинализация граждан (в одной Москве к 1995 г. насчитывалось около 300 тысяч бездомных, бродяг, нищих) привели в России к росту смертности, снижению рождаемости. Из-за всего сказанного теперь ежегодно мы теряем 700 тысяч человек. Это колоссально высокие темпы депопуляции. По некоторым данным, прямые потери национального богатства страны за девяностые годы составили 1 трл. 750 млрд дол., что в 4 раза превышает ущерб от Великой Отечественной войны.

Россия бездарно сдала послевоенный порядок, опрометчиво проиграла «горячий мир», недальновидно растратила страновые активы, об опасности чего совсем недавно предостерегал Г.П. Федотов: «Страшнее всего проиграть мир после всех нечеловеческих усилий и жертв. Проиграть мир после победы значит очутиться опять лицом к

759

лицу с хаосом».⁴⁴⁷ Так и случилось. Мир проигран. В России хаос. Что же, сбывается проклятие: «Се, оставляется вам — дом ваш пуст»?

Ситуация сложна, но не отмечена печатью безысходности. Петух не делает утра, но он будит. Сложности поставляют предмет, требующий раздумий. Раздумий в направлении извлечения выгод из своего незавидного положения.

Первая буржуазная революция произошла в Нидерландах, когда там проживало 3 млн. Первая индустриальная революция произошла в Англии, когда там проживало 5 млн. Хотя явных зависимостей между величиной территории, численностью населения и темпами социально-политического, гражданского, промышленного, научно-технического развития (пока) неизвестно, заманчиво предположить их наличие. Соответствующее положительное допущение наводит на схему: депопуляция — дефицит рабочей силы — производительный сбой — необходимость модернизации через форсированную политику инноваций.

Крайняя перспективность схемы вызывает немедленный эмоциональный отклик: главное — не упустить момент, не проспять востребованность вынужденной модернизации.

Памятуя, что применительно к России справедливо: чем больше в ней перемен, тем больше все остается по-старому, правильно предостеречь: основное — не поддаться соблазну выжить традиционным и легким способом — за счет экстенсива. Достаточно вспомнить хрущевское освоение целинных и залежных земель, брежневское наращивание экспорта углеводов. Необходимо понять: несмотря на неосвоенные пространства, ресурсы, линия экстенсивного развития себя исчерпала. Современный ответ России на вызовы времени — линия продуктивного интенсива в опоре на:

— новые рывки в технологиях (ударно-активаторных, плазменных, магнетронных, торсионных, компьютерных, био-,

нано-);

⁴⁴⁷ Федотов Г. П. *Судьба и грехи России. М., 1992. Т. 2. С. 233.*

760

— форсированный прогресс агропромышленного сектора, подстегиваемого мясо-молочным кризисом в Европе;

— налаживание долгосрочных трансконтинентальных коммуникационных сетей, артерий (транспортных, торговых, информационных) между Западом и Востоком.

Говоря короче, стратегически Россия должна извлечь выгоду из своего плачевного состояния. Сказанное оттеняет аналогия из истории европейской жизни эпохи Средневековья: похолодание в XIII в., ухудшение состояния почв в зонах традиционного пашенного земледелия, чумной мор XIV в., унесший до 1/3 населения, обостривший проблему живого труда, несчетные кровопролитные войны, стихийные бедствия привели к тому, что в Старом Свете наблюдались деградация культурных земель, запустение пашен, нехватка рабочих рук, падение урожая, повышение цен на продукты питания, сырье.⁴⁴⁸ Чем ответила континентальная цивилизация на кризис XIV—XV столетий? — Вариантом системной, хозяйственной перестройки: развитием наиболее товарных сфер сельского хозяйства, новой организацией землепользования, более интенсивным использованием природных ресурсов, особенно промышленного значения.⁴⁴⁹

Европа вышла из упадка через производительную трансформацию, производственную революцию, добившись жизненного подъема с середины XV в., — почему такой путь не может избрать Россия?

Уловить мерцание световых бликов посреди спустившегося тумана — великое искусство предвидящей науки, обходящей политики, вырабатывающих грандиозную повестку дня для обновляемой России.

Повестка дня для обновляемой России. Императивы концентрирующегося на подлинной реальности выигрышно-

⁴⁴⁸ См.: *История средних веков. Т. 1. М., 1990. С. 412.*

⁴⁴⁹ Там же.

761

го реализма сводятся к подчинению ценностей обновления фактам жизни.

Овидиевы превращения. Бич России — мирная жизнь, наступление которой отмечает национальное угасание. Мы лишены выверенных технологий существования в мире. Война, борьба, сверхнапряжение, форсмажор — привычное дело. В размеренном, повседневном пребывании, когда на первый план выходят просточеловеческие ценности малых, медленных трудов по поддержанию самости, когда актуализируются здоровые механизмы воспроизводственной деятельности, исключаящие героику, жертвенность и предполагающие гарантийность, — мы теряемся. То ли нетрадиционное непривычно, то ли призрачно счастье в скучной жизни. Сказать трудно. Только удивленное обнаружение избыточности чрезвычайщины, взыскующей в очередной раз отпылать «упойительной жизнью огня», сопровождается появлением глумливого ощущения самоутраты.

Продумывание природы нашего национального характера

должно сделать нас гораздо более внимательными к вопросам мирной повседневной жизни. У нас абсолютно разлажены антиавральные (исключающие порывы, броски, рывки, надрывы) технологии постепенности, кумулятивности. И это бросает тень на все наши предприятия, почины. Российский неустрой, как представляется, — от двух вещей. Во-первых, от неиспользования эффектов самоорганизации в «малом», каждодневном мире, где люди наиболее свободны, деятельны. Во-вторых, от разлаженности мирной жизни. По этой причине — столь знаменательно-безотрадная тенденция к коллапсу с характерной выработкой культовых текстов, присяганиям на верность утопиям, со стылой исчерпанностью в глазах, устойчивым, не отпускающим, щемящим чувством отчаяния.

Покуда будет так, не устанет гореть Россия на костре истории.

Геостратегия. Преодоление затянувшейся стадии рецессии видится в извлечении выгод из геостратегической

762

монополии России, разыгрывании козырей держателя хартленда.

В отношении отсталых, несамодостаточных стран СНГ со всех точек зрения обоснованно выработать разновидность доктрины Монро: исключительное право на контроль бывших фрагментов империи посредством поддержания там выгодного регионального порядка является прерогативой России, стремящейся реинтегрировать союзное пространство под своим патронажем.

В отношении восточных метрополий — Японии, Китая, — руководствуясь принципами добрососедства, сотрудничества, невмешательства во внутренние дела, следует по обстоятельствам:

— стремиться к блоку против гегемонии атлантизма (Шанхайская Организация Сотрудничества), расширяя инициативную базу;

— демпфировать накат желтой волны, налаживая расовый блок белых (укрепление оси: «Объединенная Европа» — США — Россия), дестабилизируя внутреннюю обстановку (инспирация этнической конфликтности), обеспечивая рубежи, в том числе посредством развертывания торговли гражданством, сдачи в долгосрочную аренду приграничных земель, строительства военно-хозяйственных поселений (клерухий) с закреплением старообрядческих, казацких, корейских, европейских общин.

В отношении удаленных от центра приграничных регионов, тяготеющих к восточным соседям, правильно проводить особую линию социально-экономического подъема, ориентированную на наращивание народно-хозяйственного потенциала, воплощения национальных интересов в АТР. Каркас стратегии регионального прорыва здесь составляют:

— увеличение реальных полномочий органов госвласти;

— программы саморазвития;

763

— поддерживающие программы федерального уровня.⁴⁵⁰

Имперостроение. Восстановление России с учетом социально-исторических исконных регламентов ее оформления есть восстановление империи. Восстановление оригинальным образом — в опоре на науку, культуру, индустрию, державность. В основе — технологический рывок через развитие коммуникационной

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

инфраструктуры.

Шиболет нашего времени — усиление коммуникации, интенсификация обменных потоков начиная от теле-, компьютерных контактов и кончая релаксацией. Налаживание технического взаимодействия внутри человечества — второе после эпохи колониционных завоеваний массовое открытие мира. Характерное следствие этого — двоякая тенденция: с одной стороны, космополитизация — универсализация образа жизни, унификация консьюмерации, адаптации, релаксации (воспроизводительные практики); с другой стороны, национализация — протестная реакция по поводу указанных выше процессов в виде утрирования своеобразных языковых, культурных, конфессиональных, традиционных черт, противодействующих глобалистским влияниям.

Противоборство «глобализм — национализм» во многом определяет содержание современной неоднозначной и непрозрачной эпохи.

Первейшая задача России здесь: во-первых, разрушая «иллюзии национального самообольщения» (Леонтьев), отстаивать самость. Не в терминах почвенного мессионизма и миссионизма, утопий «святости» общинного гражданского православного мира,⁴⁵¹ но в терминах здоровой любви к отечеству, выверенной патриотики; во-вторых, реализовать поворот от мобилизационного к инновационному обществу, от догоняющего к опережающему развитию за счет форсированного

⁴⁵⁰ Подр. см.: *Вопросы прогнозирования. 1996. № 5. С. 4–9.*

⁴⁵¹ В этой связи см.: *Хомяков А. С. ПСС. М., 1900. Т. 1. С. 382; Т. 3 С. 462; Аксаков К. С. ПСС. М., 1875. Т. 1. С. 29.*

764

— строительства трансконтинентальных коммуникационных линий (железнодорожных, шоссеиных, оптико-волоконных);

— освоения Северо-Востока (план Бадмаева);

— включения регионов в мировую торговлю, международное разделение труда;

— налаживания хозяйственного сотрудничества в экономических зонах АТР;

— развития туризма.

Постэкономическое общество не строится принудительными методами. Основные ценности постиндустриализма — знания, информация, интеллект, культура. Именно эти ценности исконно признаны в высокодуховной российской интеллигентной среде. Их-то и берет в союзники «империя», выводя Отечество на новый виток продуктивного развития.

Консолидация. В основе теории национально-культурных, цивилизационно-исторических типов — допущения

— структурной нетождественности культурных ареалов, символических архетипических форм;

— континуальности, целостности, автономности самобытных культурных образований.

Гипертрофия собственных оснований культурных форм влечет далеко идущие выводы о противостоянии получающих примордиальную идентификацию цивилизаций. Рисуеться картина внутренне несопряженных отсеков человечества, изображающая

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

реалии в красочно искаженном виде. В несопряженности, впрочем, уже сомневался в принципе разделявший модель автаркии цивилизаций Самарин, утверждавший: «В деле цивилизации главное, существенное есть общее и обязательное; общему подчиняется частное как второстепенное и необязательное».⁴⁵²

В нашей интерпретации (См.: 5.2.2) цивилизация, олицетворяя воспроизводство способов воспроизводства жиз-

⁴⁵² Самарин Ю. Ф. Соч. М., 1877. Т. 1. С. 282.

765

ни, обеспечение выживания, вбирает общечеловеческие продуктивные технологии самоподдерживающего деятельностного обмена. С данных позиций ресурс цивилизации общезначим — антитрадиционен, сверхэтничен — космополитичен.

В пределах этого смыслового и бытийного поля, однако, проступает проблема: сбой технологий обеспечения существования влечет ценностный кризис, подрывает цельность, единство, сплоченность популяции. Возникает синдром атомизации: целое распадается на замкнутые части, активизируются локальные программы выживания, прогрессирует сепаратизм, автономизм. Печальное свидетельство сказанному — конфессиональные (ваххабиты), этнические (Чечня), расовые (цветное гетто в белых мегаполисах) анклав, противопоставляющие цивилизирующему регламенту (индустриальное, экзогамное, информационное, открытое общество) традиционное, замкнутое, эндогамное общежитие.

Движение к согласованию, концентрации торпедруется движением к рассогласованию, иррадиации: обозначенные анклав не консолидируемы, не живут совместной, солидарной жизнью.

Схема анклавной локальной самоидентичности агрессивна, конфликтна и потому безнадежна. Ей действенно оппонирует схема универсальной идентификации, рассчитанная на трансляцию мирового опыта, встраивание обособленных единиц человечества во внутренне связанный процесс планетарного развития. Имеются в виду непреходящие технологии поддержания существования на базе индустриальной, урбанистической, культурной, информационной, сексуальной революций, иницирующие общезначимые механизмы социальной интеракции.

Характер прогресса. Остроумно соображение о саморегуляции больших систем, согласно которому и глобальные проблемы в итоге будут решаться природой, а не человеком. Исходя из того, что в знании ничего не пропадает, все обслуживает теорию, в том числе будущую, отнесем к нему (соображению) с вниманием, сообщив ему

766

осторожную редакцию: скорее всего существует автономный, регулирующий поведение больших систем колебательный процесс. Задача науки, политики выделить циклический (инерционный) компонент саморегулирования и использовать его к вящей управленческой деятельности пользе. Поскольку задача двоякая, она разбивается на части. Первая — обнаружение колебательной циклики. Алгоритма соответствующей процедуры, учитывая ситуативность, контекстуальность деятельности, нет. Ариадновой нитью здесь служит идея вычленяемых эмпирически с

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

колоссальными экзистенциальными издержками бытийственных универсалий, устройтельных оптимумов — фундаментальных социальных констант. Вторая — налаживание продуктивных технологий коррекции отклонений состояний социальных систем от оптимальных значений.

Главенствующую роль в этом налаживании играют продуманные реформы, ставящие на ламинарность, мелиоризм, эволюционизм и всячески тем самым избегающие широкомасштабных необозримых непросчитываемых турбуленций (инициатив, вывихов). Отступающие от центра экстремизм, максимализм, радикализм, порывая с социальной устойчивостью, ломают гарантийный строй жизни.

Учитывающая интересы лишь делающих революцию, революция наступает на интересы ее не делающих. Одни из революции выходят обновленными, другие умудренными, третьи ущемленными, четвертые поверженными, пятые испеленными. Революционное развенчание «человека ветхого», насильственный разрыв существования на «до» и «после» сопровождаются движением к концентрации, всепроникающему разрушению и контролю.

Однако же смысл социальных инноваций — не отказ от мира, а интерес к миру. Способность ждать счастья и есть счастье.

Констатация последнего позволяет итожить: сверхцель реформации — исключение регуляции изодромного типа с симптоматикой:

— достижением предельно-противоположных состояний, заходом в крайности;

767

— наличием катастрофических (волонтарно провоцируемых) фазовых переходов.

Стабильность нестабильности представляет грустное достижение России, где борются с собой самими, вступая в трагические разноречия с реальностью.

При полном реализме надобно отказаться от поиска людоедских исторических контекстов и, найдя в себе человеческое, сделать политику не революционным инструментом воплощения вымыслов, а эволюционным механизмом прагматического согласования интересов.

Административно-территориальное деление (АТД). Оптимизация АТД связывается с губернской унификацией, учитывающей этнический фактор, но его не гиперболизирующей. Именно такова державная практика иных относительно благополучных многонациональных стран. Для сравнения: в США — 50 штатов, в Австралии 6 штатов и территорий, в Канаде 10 провинций и территорий, в Индии 25 штатов и территорий, в ФРГ 16 земель и городов. В России же 89 субъектов федерального значения — 21 республика, 6 краев, 49 областей, 1 автономная область, 10 автономных округов, 2 федеральных города. Обращает внимание неравноценность субъектов федерации. Разница в уровне экономического развития некоторых регионов достигает от 6 до 20 раз. Размеры территории республики Саха в 400 раз превышают размеры территории республики Адыгея.

Территориальное, региональное неравенство субъектов нашей асимметрической федерации, плодя противоречия, в итоге приводит к гражданскому неравенству людей. Выполненное по этническому принципу нынешнее АД несомненно и несправедливо. В России проживает примерно 80% великороссов. По всем международным правовым нормам, гражданским параметрам страна — мононациональная. Тем не менее в основе теперешнего АД — порочная титульность, коренизация, которая и не всегда выдерживается. Скажем, вайнахов разделили на субэтнические группы, обособили субъекты государственности. Однако ничего подобного не предприняли в отношении

768

полиэтнических составляющих федерации — Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Дагестана.

Наличное АД по этническому принципу должно быть заменено на АД по принципу земельно-хозяйственному. Целесообразно ввести сопоставимые по численности населения, размерам территории — земли, уравнивая их производительный, финансовый, гражданский, культурный, политический статусы.

Выполненные Б. Лагутенко подсчеты показывают: пространство России разбивается на 35 федеральных земель — Калининград, Приозерье, Северо-Запад, Европейский Север, Вологда, Центр 1, 2, 3, Запад, Черноземье, Верхняя Волга, Средняя Волга 1, 2, 3, Нижняя Волга, Нижний Дон, Западный Кавказ, Средний Кавказ, Восточный Кавказ, Южное Предуралье, Центральное Предуралье, Южный Урал, Средний Урал, Юго-Западная Сибирь, Средняя Сибирь 1, 2, Юго-Восточная Сибирь, Западный Байкал, Восточный Байкал, Амур, Приморье, Сахалин, Камчатка — примерно по 5 млн. человек с территорией 400 тыс. кв. км, что составляет 44% площади страны и 96% численности населения. Оставшиеся 56% площади с 4% населения разделяются на 5 федеральных территорий — Северо-Европейская, Западно-Сибирская, Восточно-Сибирская, Восточная, Северо-Восточная с развитым институтом национально-культурной автономии.

Административные центры совмещаются с географическими, позволяя экономить на содержании постсоветской бюрократии.

Намечаемая оптимизация АД, означающая отход от национально-территориальной автономии (чреватой сецессией, дезагрегацией государства), во внешней плоскости укрепляет державность, во внутренней плоскости поставляет надежный заслон местечковому национализму, сепаратизму, автономизму.

Знамение времени. «...Народы, точно так же, как и отдельные личности, — отмечал Чаадаев, — не могут ни на шаг продвинуться по пути прогресса или предназначенного им развития без глубокого чувства своей индивиду-

769

альности, без сознания того, что они такое; более того, лишённые этого чувства и этого сознания, они не могли бы и существовать».⁴⁵³ Задача выработки подобного сорта сознания всецело мобилизует усилия человечества.

Самонахождение и раздумье поглощают обстояние дел, не имеющее параллелей в истории: по меткому выражению А. Бомбара, есть сверхпроизводящая Европа и сверхпотребляющая

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Америка, а наряду с ними — 2/3 остального человечества.

От недоедания страдают около полумиллиарда, от голода ежегодно погибают 30—40 миллионов. Идет стремительная поляризация иерархически организованного социального пространства с концентрацией групповой причастности к собственности, власти, доходам, социальному статусу на Севере, в белой деревне, у автохтонов и отсталости, нищеты, маргинальности на Юге, в цветном городском гетто, у аллохтонов.

Трещина мира проходит не через «сердце поэта» (Гейне), а через расовые отсеки человечества, повышая вероятность столкновений, войн. Конфликтность — к несчастью, скорее всего она определит жуткую сущность окружающего.

Вообще говоря, конфликтность не есть благоприобретение современности. Войны столь же стары, как и история. С 3600 г. до н. э. по 70-е годы XX в., по некоторым подсчетам, на планете лишь около 300 лет не было войн. В период 1480-1964 гг. велось 284 войны, в которых погибли 3,5 миллиарда. Динамика агрессивности с течением времени нарастала. Статистика безотраднa. В одной Европе в результате войн в XVII в. погибли 3 миллиона, в XVIII в. — 5 миллионов, в XIX в. — 6 миллионов, в XX в. — 10 миллионов в Первую мировую и 50 миллионов во Вторую мировую войны. А бесчисленные локальные противостояния, противоборства, столкновения, сшибки? После 1945 г. в различных частях света более 100 раз вспыхивали военные

⁴⁵³ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. Л., 1989. С. 495.

770

конфликты. Самоуничтожение не остановлено. Оно продолжается. Не видно ему предела.

Человечество ждет потрясения, если оно не обуздает почти физически ощутимую мерзость агрессии.

Знамение времени в створе сказанного — культивация взаимопонимания людей разных духовных ориентаций, поиск компромиссов в социально-политической жизни, устранение насилия как способа решения проблем. В соответствии с пафосом императива «Действовать локально, мыслить глобально» следует развивать некую фундаментальную философию мира, нацеливающую на:

— поддержание военно-стратегического паритета, который является гарантом безопасности народов;

— последовательное снижение уровня ядерного противостояния, исключение предпосылок развязывания ограниченных войн, локальных военных конфликтов;

— создание эффективной системы коллективной безопасности на основе взаимного (вплоть до полного) запрещения испытаний, накоплений, развертывания ядерных (в перспективе всех) типов вооружений;

— принятие новой логики политического мышления: борьба за учреждение справедливого экономического, информационного порядка, отказ от политики устрашения, путь разрядки, которая не имеет дилеммы, комплексный подход к решению глобальных проблем;

— признание в «мире» высшей морально-политической

ценности человечества. Стратегия выживания универсальна. Ввиду отсутствия преимущества у какой-либо стороны в оружии поля боя, неотвратимости, гибельности возмездия: в ядерной войне нет и не может быть победителя;

— конструктивный характер политики: для утверждения новых форм и норм общежития необходимы твердая воля, настойчивость, обоюдный запас доверия, благожелательность, готовность

771

поддерживать любые точки соприкосновения, взаимоуступчивость;

— уважение суверенного права народов на самоопределение, защиту собственных завоеваний, что исключает из политического арсенала национализм, шантаж, агрессивность, гегемонизм, экспансионизм, прочие архаичные имперские приемы;

— кооперацию промышленной, исследовательской, культурной и др. видов гуманитарной деятельности. Усиливающаяся интеграция мирового хозяйства приводит к формированию некоего интернационального потенциала, в связи с чем должны отрабатываться универсальные принципы его (потенциала) потребления и наращивания — например, общечеловеческие подходы к решению глобальных проблем.

Реальность теперь следует брать шире — в совокупности дальних перемен, через призму кальвинистского духа персональной ответственности, через призму признания равнодостоинства людей перед ликом Вечности.

Человечеству предстоит долгий, тернистый путь к этому - отказу от игр силовой политики, достижению блага, берущему «верх над тем, что ему противоположно» (Платон), утверждению мира как естественного состояния жизни.

Крик о помощи не может быть громче крика одного человека, — акцентирует Витгенштейн. Именно об этом нужно помнить в наше время, когда мы стали товарищами по общей судьбе.

772

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1. Боги сброшены с пьедесталов, развенчаны. Святынь более нет. Остался выбор. Однако человек не свободен и в выборе, как Адам и Ева в раю. Мир потенциалов сузился, истощился. Движимые гордыней, своеволием, своекорыстием люди, дабы выйти из юдоли порока и зла, должны распрощаться с самоидентификацией.

2. Плача по Солнцу, не замечают звезд. Угрозы чрезмерных амбиций не исчезли. То, что настоятельно требует покаяния, состоит в отказе от заносчивости в социальных преобразованиях.

«Человеку надо есть хотя бы для того, чтобы у него было время для раскаяния» — указывает Вийон. Такого времени у человека уже нет. Вопросом, по отношению к которому все прочие вопросы являются следствием, оказывается вопрос: возможно ли далее потворствовать общественному насилию, переходя от принуждения природы к социальному рабству?

3. Краеугольный камень безумцев — спотыкаться от усердия воплощать идеалы. Возвышенное возбуждает восторг, поднимает чувства, одухотворяет, наполняет обещанием жизнь и... ввергает в тенета мутной политики.

Деятельность от идеалов вызывает неожиданные, нежелательные результаты — все итоги революций не соответствуют высотам заявленных целей. Люфт между идеалами, целями и инкарнациями, объективациями, люфт между теорией и историей, доктриной и бытием — устраним ли? Чтобы увидеть ангелов, надо, подобно Дали, со всей силой, до боли, надавливать на глазницы, вызывая ощущение фосфенов. На что может претендовать идеал (регулятивная сфера)? На инициирование. Но стратегией не принуждения, а ассюирования воли, поведения, действия.

773

4. Вымысел жизнезначим. Как брожение возможностей, открытость влияниям. «Если бы все мои грезы воплотились в действительность, — отмечает Руссо, — я бы не был удовлетворен; я продолжал бы грезить, воображать, желать. В себе нахожу я необъяснимую бездну, которую не заполнит ничто; томление сердца по иному типу полноты, который я не мог постичь, но к которому я, тем не менее, чувствовал привязанность».

«Томление сердца по иному типу полноты» располагается в плоскости внутренней — никак не внешней; никакой идеал вовсе не «должен» обнаруживаться в действительности.

5. Мир создается от лица идеала. Однако не по расчету. В «минуты роковые» расчеты, рациональные схемы пасуют. Я считаю, признается Гегель, что мировой дух командует времени вперед: «Этой команде противятся, но целое движется, неодолимо и неприметно для глаз, как бронированная и сомкнутая фаланга, как движется солнце, все преодолевая и сметая на своем пути».⁴⁵⁴

Доктринальный фатализм, провиденциализм, дирижизм, конечно же, передержка. В позитивном историческом жизнеточе всегда преследуются частные интересы, общий смысл которых высвечивается задним числом. С этих позиций, хотя подчас и бушует стихия тьмы, ночь не беспредельна: в устройении жизни отлагается инвариантное, абсорбируется общезначимое — оно-то в

дальнейшем играет роль «должного», «идеального», регулирующего продуктивную деятельность.

6. Достоинство человека в свободе, являющейся залогом того, что, как утверждает в письмах Гегеля к Шеллингу бернского периода, «исчезает ореол,

⁴⁵⁴ *Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 357.*

окружающий головы земных угнетателей и богов». Философы доказывают это достоинство, народы же покуда не научились его ощущать. Когда же случится обратное, они уже «не станут требовать свое растоптанное в грязи право, а просто возьмут его обратно, присвоят его».

Давление ценностей демократии, свободы разрушило политическую организацию Восточной Европы, вызвало коллапс социалистической системы. Что означает «ценностное давление»? Как ценности подрывают общественные устои? Опосредованно. Через целеориентацию, мотивацию, разложение лояльности лиц, взявших и присвоивших себе право свободы. 7. Суть кризисности нашей эпохи в том, что мы лишены адекватной философии выбора. Идеология Просвещения знала, как выбирать: панацею от всех зол и бед она видела в разумном расчете, ratio. «Никакой цинизм не может превзойти жизни», — указывает Чехов. Когда выяснилось, что разумный расчет жизни — исток заблуждений, химер, цинизма, гримас, ничтожества дел человеческих, идеология Просвещения потерпела крах. Скажем больше: потерпел крах опыт душевной темноты, помноженной на социальную агрессию. С одной стороны, он высветил слабость оснований, на которых стоит общество, с другой стороны, он способствовал формированию отрядной бдительности, озаряющей оптимистическим пониманием: отчаяние в будущем необоснованно, если дело жизни берет в свои руки сама жизнь.

В. В. ИЛЬИН

ФИЛОСОФИЯ

Том 2

**Социальная философия Философская антропология
Аксиология Философия истории**

Ответственный редактор *Оксана Кох-Коханенко*

Технический редактор *Геннадий Крамской*

Художественный редактор *Анастасия Вьюнова*

Компьютерная верстка *Светланы Мещеряковой*

Корректор *Валентина Боровцева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.08.2005 г.

Формат 84x108/32. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,16.

Тираж 5000 экз. Заказ № 804.

Издательство «Феникс», 344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80.

Тел.: (861) 257-04-14, тел./факс (8632) 61-89-50, e-mail: academpres@tsrv.ru

Отпечатано

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»,

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ТОРГОВЫЙ ДОМ «ФЕНИКС»

Для крупнооптовых покупателей

344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80

Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. — Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

Тел.: (863) 261-89-53, 261-89-54, 261-89-55, 261-89-56, 261-89-57;
факс 261-89-58; e-mail: torg@phoenixrostov.ru

Представительства в г. Москве

г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 25/2, 3-й подъезд
Район метро «Войковское»

Директор — Моисеенко Сергей Николаевич

Тел.: (095) 156-05-68, 450-08-35; e-mail: fenix-m@ultranet.ru

г. Москва, Шоссе Фрезер, д. 17. Метро «Авиамоторная»

Директор — Мячин Виталий Васильевич

Тел.: (095) 107-44-98, (901) 711-79-81, (095) 517-32-95;

e-mail: mosfen@bk.ru

Издательский Торговый Дом «КноРус»

г. Москва, ул. Б. Переяславская, 46. Метро «Рижская», «Проспект

Мира» Тел.: (095) 280-02-07, 280-72-54, 280-91-06; e-mail: phoenix@knorus.ru

Представительство в г. Санкт-Петербурге

г. Санкт-Петербург, ул. Кронштадтская, 11

Директор — Нарзиева Анжела Рустамовна

Тел. (812) 183-24-56; e-mail: anjeln@yandex.ru

Представительство в г. Владивостоке

г. Владивосток, ул. Фадеева, 45 «А»

Директор — Калинин Олег Викторович

Тел. (4232) 23-73-18; e-mail: oleg38@mail.primorve.ru

Представительство в г. Новосибирске ООО «ТОП-Книга»

г. Новосибирск, ул. Арбузова, 1/1

Директор — Вяльцева Ирина

Тел. (3832) 36-10-28, доб. 165; e-mail: phoenix@top-kniga.ru

Представительство в Украине ООО «Кредо»

г. Донецк, пр. Вагута, 2 (офис 401) Тел.: +38 (062) 345-63-08, 339-60-85; e-mail: moiseenko@skif.net

Сайт издательства «Феникс» — <http://www.phoenixrostov.ru>

По вопросам издания книг: Тел. (863) 26-18-950, e-mail: office@phoenixrostov.ru

Редакционно-издательский отдел Руководитель отдела - Глебов Евгений Иванович Тел. (861) 257-04-14; e-mail: info@academpres.ru

Сайт отдела: www.academpres.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Сканирование и форматирование: Янко Слава (Библиотека

Fort/Da) || slavaaa@yandex.ru || yanko_slava@yahoo.com ||

<http://yanko.lib.ru> || Исq# 75088656 || Библиотека:

<http://yanko.lib.ru/gum.html> || Номера страниц - вверху

update 23.12.06
